

И придет любовь
Как благословенный барокко

Обрученные
судьбой

Начало XVII века. Время крови, разногласий и войн на Руси. Время Великой Смуты. Именно в это время судьба сводит литовского шляхтича Владислава Заславского и Ксению, дочь московского боярина Калитина. Они не должны были встретиться, они слишком разные по вере и обычаям. Они должны быть врагами, ибо их народы схлестнулись меж собой в жестокой и кровавой войне. Они должны ненавидеть друг друга, ибо его сестра была угнана и убита русским боярином, а один из ее братьев погиб при битве под Кромами от руки польского наемника. Но у судьбы свои правила и свои планы. Для каждого на этой земле. Судьба решила, что они должны встретиться. Судьба решила соединить их. Наперекор всем событиям, наперекор остальным людям, наперекор их собственной воле... И придет любовь. Как благословенный дар... Вот только каким будет это дар судьбы для них — на счастье или на горе? И каково это, когда сама судьба обручила тебя, навеки соединяя твою руку с тем, кого ты любить не должен?

Марина Струк
Обрученные судьбой

Из небольшого сруба под соломенной крышей, едва не стукнувшись лбом об низкую притолоку двери, в темноту двора усадьбы боярина Северского вышел невысокий крепкий мужчина, потирая левое плечо через толстую холстину рубахи. Сторожевой — худой парнишка с растрепанными вихрами непослушных русских волос, стоявший на дозоре на стене у самых ворот усадьбы — тут же встрепенулся, распрямил спину, каким-то шестым чувством распознав движение в неясном свете месяца, что тускло разливал свои лучи из-за темных облаков.

Он сразу же узнал вышедшего по этому движению — у Владомира, правой руки боярина Северского, постоянно в холодные ночи, как эта, ныло плечо, напоминая тому о старой ране, полученной в одной из приграничных стычек с поляками. Потому-то и не встревожился, когда Владомир поднялся на пост у ворот вотчины — это было обычным делом у сотника проверять сторожевых, когда тот встал за его спиной и стал глядеть куда-то вдаль, на широкий простор поля за высоким частоколом ограды, на деревеньку, темнеющую вдали, на серебряное мерцание речушки в свете полумесяца.

Это было его ошибкой. Едва сторожевой расслабился и снова оперся на рукоять бердыща, чтобы хоть как-то ослабить напряжение в ногах от долгого стояния на одном месте, как что-то больно кольнуло в спину чуть ниже лопатки, и тут же навалилась дикая слабость. Владомир быстро подхватил падающее тело и аккуратно положил его у ног, стараясь не шуметь, с горечью отметив, что парнишка снова не внял его наставлениям и не надел на поддоспешник кольчугу. Затем так же споро повернулся к спящему тут же, на мешке с соломой напарнику сторожевого в эту ночь и перерезал ему горло.

Затем спустился по лестнице со стены, быстро, стараясь действовать бесшумно, перебежал через двор и запер в срубе толстым засовом мирно спавшую в этот ночной час боярскую чадь {1}. Оставались только домашняя челядь да воины, что были подле боярина в эту ночь. Женский же терем был пуст, отметил Владомир, накидывая кольчугу, что до этого припрятал за большой кадкой с водой, стоявшей неподалеку от сруба. Затем он тихо пробежал в самый глухой конец вотчины, туда, где располагался скотный двор, подальше от основных построек боярского двора. Именно там, в тыне были расшатаны Владомиром бревна, чтобы нынче ночью их можно было без особого труда и шума удалить из частокола, образовав ход в боярский двор для незваных гостей.

— Прости мне грех мой, Боже! Не могу совладать с огнем в душе моей! — прошептал Владомир, тронув иконку, что висела поверх кольчуги. И он ничуть не кривил душой ныне — именно слепящая жажда мести, желание крови боярина Северского и толкнули его на этот шаг. Именно они придали ему ныне сил, когда он, ухнув филином, и получив ответ с той стороны тына, принялся за бревна.

С той стороны частокола Владомиру уже помогали крепкие руки, и постепенно в ограде образовался узкий ход, но достаточно широкий для того, чтобы один за другим на двор стали проникать черные тени. Даже оружие и легкие кольчуги и наручники не бряцали в этой напряженной тишине, что установилась сейчас в усадьбе. Лица скрывались от постороннего взора под шлемами с узкими щелями для глаз. Казалось, будто это и не люди вовсе проходят сквозь этот лаз, а темные блазени {2}, подумалось Владомиру, и он вдруг испугался тому, что творил ныне ночью, тому, что вот-вот свершится под этим темным небом. Он

заколебался на миг, не обмануть ли визитеров, не открыть ли тайком чадь да крикнуть криком о пришельцах, но в этот миг крепкая рука со стальным наручником легла на запястье его руки, сжимающей иконку.

— Веди, рус, — тихо и требовательно произнес голос, и Владимир даже вздрогнул, будто и вправду призрак явился перед ним. Не с этим высоким мужчиной в кирасе со шляхетским гербом на груди имел сговор Владимир, с другим, его наставником, дядькой, пожилым воином с седыми висящими по польскому обычаю усами. Он заглянул в темные глаза стоявшего перед ним воина. Последний раз он видел этого ляшского рыцаря в застенке вотчины, едва держащегося на ногах, слабого, как кутенка. Ныне же тот твердо стоял на ногах, доставая из-за пояса длинный меч. Сильный, высокий воин, движимый огнем мести, жаждущий смерти своего врага. Этой ночью и этот воин, и сам Владимир нежданно стали своего рода братьями по оружию, неожиданными союзниками. Мечь породнила их, врагов в обычной жизни. Не раз им приходилось скрещивать мечи, не раз смотрели они вот так же, как ныне в глаза друг друга, но поверх скрещенных лезвий.

— Коли что худое задумал, то лучше сразу Богу своему поповскому молись, — внезапно раздалось позади. Владимир даже головы не повернул, знал, кто это говорит — усатый дядька шляхтича обошел его со спины и ныне стоял чуть поодаль от него.

— Нет обмана, — глухо ответил русский сотник, мысленно прося прощения у Господа за невольную ложь. — Одного желаем.

Темные глаза рыцаря буквально впились в лицо Владимира, высматривая что-то в его чертах в неровном свете месяца. Тот взгляда не отвел, изо всех сил пытаясь не выдать своего волнения.

Нет, никто не ждал, притаившись в темном углу боярского двора, чтобы ударить внезапно со спины проникшим в усадьбу. Но одно Владимир все же утаил от польского рыцаря — нынче ночью тот получит не все, что так страстно желал, и сотник планировал быть как можно дальше от него, когда тот поймет это.

Наконец рыцарь отвел взгляд и махнул своим людям, давая сигнал атаки. Польские воины бесшумно темными тенями заскользили по усадьбе по направлению к основным постройкам. Барские хоромы да сруб чади — основные цели — были достигнуты довольно скоро. Один из поляков зажег от кремня факел и быстрым четким движением послал его на соломенную крышу сруба. Владимир отвернулся, не желая смотреть, как будут гибнуть его товарищи по оружию, его люди, с которыми он рубился не в одной сече. Люди, которые некоторое время назад предали его. Как и его боярин, за которого он когда-то отдал бы свою жизнь без раздумий и который так жестоко поступил с ним, будто со смердом последним.

Тем временем ночь уже не была так тиха и благостна, как недавно. Заполыхала ярким огнем крыша сруба, закричали, забились внутри дружинники боярские. Пробудились от сна и в хорах — на двор выбегали сторожевые, что были внутри, в боярских покоях, чтобы тут же скрестить мечи с неожиданными врагами, что проникли в усадьбу. Владимир отступил в тень крыльца хором, выжидая появления того, кого он так страстно ныне ненавидел. Кроме этого, он не желал обогреть свой меч кровью тех, кто ныне был во дворе — русской крови он не мог пролить по зову сердца и совести, а ненавистной ему ляшской пока не мог. Не сегодня. Сегодня ляхи ему союзники.

Уже горело правое крыло боярских хором, когда на крыльце показался, что-то крича своим людям, ожесточенно сражающимся с поляками и не пускающим их в хоромы, куда те так отчаянно прорывались, сам боярин Северский. Владимир отчетливо видел из своего

укрытия его скуластое лицо, его небольшую, слегка острую бородку, его длинные светлые волосы, что развевались вокруг его головы при каждом взмахе мечом.

Северского заметил не только сотник. Польский рыцарь, увернувшись от удара, который чуть было не раскроил ему правое плечо, ударил рукоятью меча своего соперника, вышибая из того дух, и метнулся к крыльцу, на котором сражался боярин со своими людьми. Дверь сруба, где бились в огне дружинники, наконец-то рухнула под ударами изнутри, но поляк даже не обернулся на этот шум, на эту угрозу, что представляли пусть обожженные, но готовые биться с врагом воины. Он быстрым движением вдруг скинул с головы шлем, открывая свое лицо.

— Северский! — громко крикнул рыцарь, стараясь перекричать шум боя, рев огня и лязг мечей. И странно, но боярин услышал его, повернул голову в его сторону. Владомир увидел, как удивленно расширились глаза Северского. Что, не ожидал увидеть ляха живым, паскуда? Но вот он лях, жив-живехонек, пробирается к тебе через ряды сражающихся воинов, чтобы своей рукой пустить твою кровь! Нет, взмолился Владомир, когда лях вдруг помедлил, будто решая, куда ему идти в этот миг — к женскому терему, где занялся нижний этаж, или к своему врагу, что неотрывно наблюдал за ним со своего возвышения на крыльце. Нет, не теряй времени, лях! Женский терем пуст, спасти от огня там некого, а Северский вот он, как ладони у тебя!

И рыцарь будто услышал его, одним кивком головы послав в терем своего усатого дядьку, бросился с криком к Северскому, яростно прорубая себе путь сквозь боярских телохранителей. Владомир с замиранием сердца встретил первое скрещение мечей ляха и своего боярина. Скоро, совсем скоро падет от руки ляхской последний защитник Северской вотчины, и ему придется покинуть место наблюдения, как он и планировал с самого начала. Владомир доподлинно знал, что лях, который сейчас наносит сильные удары едва уворачивающемуся от них Северскому, не простит ему предательство боярина. Неизвестно, что ждет его, и когда лях узнает о том, что Владомир умолчал о многом, скрыл от ляха судьбу той, за которой того привело сердце. Потому сотник в последний раз взглянул на своего бывшего боярина и стал немного отступать прочь от хором. Он скроется через лаз, который сегодня сделали в тыне, сядет в лодку и уплывет вверх по течению, вглубь земли русской, подальше от границы с Речью Посполитой и от этой вотчины. Ныне на Руси Смута Великая, ему легко будет найти себе новую дружину, нового боярина. А быть может, он даже найдет покой в одной из обители, которыми так славна земля русская, будет грехи свои замаливать, вольные и невольные. Ведь вон как на сердце тяжело от того, что свершилось ныне!

Владомир в последний раз посмотрел в сторону сражающихся и с удовлетворением увидел, как лях одним неуловимым глазу движением выбил меч из руки раненого к тому времени в левое предплечье Северского. Свершилось, Господи, мрачно усмехнулся он. Он уже знал, что лях не успокоится, пока не заставит своего врага испытать те же муки, что когда-то рыцарь испытал в застенках холодной в этой усадьбе. Владомир заметил, как пересекает двор дядька шляхтича, озабоченно покусывая ус, и понял, что ныне самое время для него уходить из вотчины боярина Северского, где ныне даже речь русская слышна не была — полегли защитники русской усадьбы все как один. Только бабы выли и причитали, сбившись в кучу, недалеко от хором, с ужасом глядя на ляхов, вытирающих кровь с мечей о траву.

— Ее нет в тереме, Владислав, — едва слышно сказал усатый дядька шляхтичу, что тут

же словно окаменел, услышав эти слова.

— Обыскать усадьбу! — отрывисто бросил шляхтич своим людям, и те быстро разбежались в разные стороны. Некоторые, зная ту, что искали в лицо, стали искать ее среди плачущих женщин, заставив тех закричать от страха пуще прежнего. — Где сотник боярский? Сбежал? Пся крев! Дьявол! Я же сказал, смотреть за ним, Ежи! Спросите баб на подворье! Идите в деревню! Найти ее!

Он толкнул в плечо стоявшего подле него одного из пахоликов {3}, и тот, взяв в подмогу нескольких людей, открыл ворота и скрылся из глаз, направившись в деревню, что стояла неподалеку от боярской усадьбы. Владислав отвернулся от ворот и резким размашистым шагом направился к лежащему на бревенчатом настиле у ступенек крыльца Северскому. Тот был без сознания, и шляхтич не без удовольствия ткнул носком сапога в рану на плече того, откуда сочилась кровь. Боярин дернулся, замычал, с трудом, но все же открыл глаза и уставился с лютой ненавистью на склонившегося над ним Владислава.

— Ляшская собака! Я должен был сам перерезать тебе глотку! — свистящим шепотом проговорил русский. Владислав лишь усмехнулся.

— Ты упустил такую возможность, — он на мгновение прикрыл веки, стараясь обуздать демонов в душе, что ныне так и призывали его стереть эту усадьбу с землей, а самого хозяина прирезать, как свинью, прямо тут же у крыльца. Когда он снова посмотрел на Северского, тот поразился тому ледяному спокойствию, которое легко читалось ныне на красивом лице ляха, перепачканном кровью и гарью от пожара.

— Где она? — тихо спросил шляхтич Северского. Тот понял, что даже сейчас, стоя на краю могильной ямы, может держать душу поляка в своих руках, и злорадно улыбнулся в ответ.

— Ищи, лях. Может, сдастся, и отыщешь. Я же тебе в том не помощник.

Владислав размахнулся и изо всей силы ударил Северского по ухмыляющемуся лицу рукоятью меча, выбивая тому зубы и, судя по хрусту, ломая нос. Тот лишь сплюнул в траву кровь и осколки зубов и снова улыбнулся шляхтичу. Злорадно, довольствуясь его волнением и тревогой.

— В камору {4}его! — приказал поляк, и его люди подхватили боярина под руки и потащили его в то место, где еще некоторое время назад Северский пытал и мучил их самолично. Они с большим удовольствием помогут русскому почувствовать всю ту боль, что некогда довелось чувствовать им в этом темном подвале под левым крылом боярских хором усадьбы.

Северский не имел никаких иллюзий, что ждет его, когда этот серый от речного тумана летний рассвет превратится в солнечный погожий день. Быть может, к полудню он уже будет мертв, как мертвы ныне его люди, чьи тела лежали в доме и во дворе. Но прежде, чем уйти он сполна насладится муками неизвестности и тревоги, что будут мучить эту польскую гниду, которой помогал сам черт, раз столько раз этот лях выбирался с того света.

Он не знал, сколько времени провел в этом погребе. Боль вытеснила все мысли из головы, оставив только пустоту да томящее чувство ожидания слепящей разум невыносимой боли, когда лях с гладко выбритой головой, что мучил его, уставал резать кожу, ломать кости, жечь каленым железом. Он старался изо всех сил держаться и не показать своей слабости своему врагу, но уже довольно скоро не смог сдержать себя и начал кричать во весь голос. Северский призывал все муки ада на голову того, кто сидел прямо напротив него, чуть поодаль, ловя каждый стон боли, срывающийся с губ русского — невозмутимый,

хладнокровный. Даже бровью не повел, когда Северский называл его и весь его шляхетский род последними словами, и пальцем не шевельнул, чтобы наказать пытаемого за оскорбления. Только одну фразу повторял: «Где она?» Только ее.

Наконец боярин понял, что более нет сил в нем терпеть творимые с его телом пытки, но и говорить то, что так яростно требовал от него лях, он не желал. Хотя быть может, это настолько разозлит ляха, что он наконец-то выйдет из себя и перережет глотку Северскому, прекратит его мучения помимо своей воли.

— Я скажу тебе, ляшская гнида, — прошептал Северский, еле разомкнув слипшиеся от крови губы. Он уже не чувствовал рук, на которых висел ныне прямо под самым потолком холодной. Значит, сломаны обе. Он видел такое не раз, но никогда не думал, что придется испытать на себе, то, что некогда сам творил над другими.

Владислав быстро поднялся с лавки, на которой сидел все время экзекуции, и подался к боярину, что уже ничем не напоминал того воина, кем когда-то был. Один-единственный глаз, оставшийся после пыток (другой выжгли каленым железом, заставив Северского потерять сознание надолго) уставился на поляка с лютой ненавистью, которую ничто не могло погасить в сердце русского.

— Ты знал, лях, что она была тяжела? — изо всех сил стараясь придать своему голосу издевательские нотки и подавить стон боли, что рвался изнутри, прошептал Северский. Шляхтич отшатнулся на миг, и боярин улыбнулся, легко распознав боль в этих темных глаз напротив его лица. — Да, тяжела была она. Ждала, что ты придешь за ней. Боролась со мной, как дикая кошка, за этого пащенка. Но за мной сила и правда, лях. Я лично выдавил этого ублюдка из ее утробы.

Северский знал, на что шел, открывая поляку страшную правду. Он ждал с нетерпением того, что должно было последовать за этими словами, и не был разочарован. Шляхтич с каким-то страшным полурыком-полустоном подтянул к себе за остатки рубахи Северского и сомкнул пальцы на его шее, сдавливая с силой кадык.

— Где она? — взревел он, и Северский усмехнулся, забыв на миг о боли, что тут же возникла в сломанных руках, наслаждаясь болью своего противника.

— Там, откуда никто не возвращается! Именно там!

Северский ждал, что лях поддастся той ярости, что заплескалась в глазах, что наконец-то сомкнет руки на его шее и позволит ему уйти без особой боли из этого мира. Но лях вдруг опустил руки, снова возвращая на лицо то хладнокровие, что так тщательно лелеял последние месяцы, ничем не показывая боярину той муки, что терзала его душу ныне.

— Колесовать его, — коротко произнес Владислав, отступая от своего пленника подальше, чтобы не поддаться тому крику, которым кричало его сердце: «Убей его! Убей его немедленно!» Нет, быстрой смерти он русскому не подарит! — Повесьте его живым после на воротах усадьбы, и все тут сожгите. Все! Дотла, чтоб и следа не осталось! А быдлу скажите, чтоб не смели снимать его с ворот. Сам лично пушу кишки за это!

Северский поник головой, понимая, что проиграл в этой партии, что вели меж собой противники долгие месяцы и даже годы, с ужасом представляя, что ждет его. Шляхтич же развернулся и поднялся из холодной во двор, прикрывая глаза рукой от яркого солнечного света, который ударил в глаза. А потом резко повернулся и направился в женский терем, перепрыгивая сразу через несколько ступенек. Несколько светлиц с богато отделанными изразцами печами, с разноцветными слюдяными оконцами, с ярко-красочными коврами на полу и на стенах. Богатство и роскошь убранства так и бросались в глаза вошедшему, но он

не впечатлился ими, зная, сколько слез было пролито здесь, в этих просторных и светлых комнатах.

Владислав в который раз оглядел комнаты, будто она могла где-то находиться тут, незаметная его глазу. А может, так и было. Может, Северский и вправду убил ее, имея на это полное право по закону, и теперь тут бродит ее душа, ведь она так отчаянно ждала, что он придет за ней.

Сердце так больно сжалось, что стало трудно дышать, к горлу подступил твердый комок, который он, как ни старался, не смог проглотить. Пришлось прислониться лбом к косяку двери, в которой стоял, борясь с неожиданно нахлынувшей на члены слабостью. Стал часто и тяжело дышать. Нет, он не будет плакать. Разве слезы — не бабский удел? Разве достойно мужа ронять их? Но предательская влага уже наполняла глаза, угрожая политься по щекам, и Владислав смежил плотно веки.

Теперь перед глазами вдруг встала она. Ее лицо. Ее глаза, ярко-голубые, как небо в солнечный день. Ее волосы цвета светлого меда. Ямочки на ее щеках, когда ее губы раздвигались в задорную улыбку.

Владислав запустил руку за кирасу, что надел перед нападением на усадьбу Северского, и, отогнув ворот кафтана под ней, достал полоску шелка, искусно расшитую жемчугом. Ее налобник. Ему иногда казалось, что от этого куска материи по-прежнему исходит цветочный аромат ее волос, хотя, разумеется, это было невозможно. Ведь столько времени прошло с тех пор, когда ее волос касалась эта приятная на ощупь ткань.

На его плечо опустилась широкая грубая ладонь, но Владислав даже ухом не повел. Он разобрал шаги Ежи, своего дядьки, едва тот только ступил на ступени терема — так грохали гвозди его сапог по дереву, громко скрипела лестница под его весом. Но, несмотря на то, что Ежи выглядел крупным увальнем, этаким типичным шляхтичем, ценящим хороший стол и горячительные напитки и частенько злоупотребляющим и тем, и другим, воином он был опасным для противника. В бою многие судили по внешнему виду, и быстро принимали смерть от меча этого на вид неповоротливого поляка.

— Мы ждем твоего знака, Владек, чтобы начать, — тихо сказал Ежи, прекрасно понимая, какие чувства ныне бушуют в душе его воспитанника. — Скоро будет полдень, слишком жарко для похода в эту пору. Надо торопиться.

Уже после, когда над некогда богатой усадьбой боярина Северского вовсю полыхал огонь, пожирая многочисленные постройки и нажитое добро русского (Владислав не позволил свои людям даже копейки взять из сундуков боярина), Ежи повернулся к напряженно всматривающемуся в полыхающий огонь рыцарю.

— Что мы будем нынче делать? Куда пойдем? Обратно в Белоброды?

Владислав лишь покачал головой в ответ на вопрос своего дядьки. Возвращаться домой он не желал. Не сейчас, когда в груди бушевал огонь ярости и возмущения бесчинству сделанным русским, уничтожая все хорошее, что только смогла привить шляхтичу мать-протестантка, стремясь воспитать его столь отличным от своих пасынков, алчных, жадных, бездушных, обожающих войну и многочисленные шляхетские попойки.

— На Москву пойдем, к Зборовскому {6}, — коротко ответил Владислав, по-прежнему не отрывая глаз от огня, полыхающего над деревянными постройками и воротами. Уже давно обвалился женский терем и второй этаж боярских хором. Уже давно обвалились сколоченные балки, на которых поляки повесили изувеченное тело того, кто только недавно был Матвеем Северским, хороня его в куче пепла, в которую превратится скоро его родовая

вотчина. — Деревня ваша. Быдло тоже. Что хотите, то и делайте с ними. Но я хочу, чтобы и деревню сравнили с землей. Чтобы никто и никогда не узнал, что тут когда-то была вотчина.

— И церковь палить? — спросил Ежи едва слышно. Владислав даже головы не повернул в его сторону, лишь крепче сжал поводья, что костяшки пальцев побелели.

— И церковь. Ее Бог так слаб, что защитить ее не смог. Так что он сможет сделать мне за поругание своего дома? Все! Все уничтожьте, спалите дотла! Все!

Владислав дернул поводья и пустил коня к самому огню, едва удерживая того на месте, столь близком к пламени. Он размахнулся и кинул в огненные языки полоску шелка, что сжимал в ладони, чувствуя легкую боль от маленьких жемчужных камешков. Огонь тут же принялся за новую жертву, мигом уничтожив небесно-голубой шелк.

Небесно-голубой. Как ее глаза.

Мать была права, когда наставляла его: «Никого и никогда не пускай в свое сердце. Коли сумеешь сделать это, никто и никогда не разобьет его тебе!» А отец не ошибался, когда говорил, что русские не имеют совести и души, что вера их неистинна, а сами они лживы и подлы, как гиены. Он забыл об этих истинах, что слышал с самого детства, и вот каков результат.

Позади Владислава раздались дикие крики ужаса и боли, вытаскиваемых из своих укрытий и схрон крестьян, что надеялись спастись там от острых мечей поляков, громкое гиканье налетевшей на деревню польской хоругви {7}, будто спущенной с цепи, но он не повернулся взглянуть на творимое его войском действо.

— Милости! Милости! — кричали за его спиной женщины, но Владислав остался глух к их мольбам. В его сердце нет более милосердия ни к кому, даже к невинному младенцу. Ведь то дитя, что она носила перед тем, как уйти в мир иной, погибло вместе с ней. Значит, нет милосердия на этой земле, и он не будет вспоминать о нем.

Он утопит Московию в крови за ее смерть. Только кровь будет способна погасить то пламя ярости, что разгорается в его груди все больше и больше. Много, много крови. Ибо не осталось милосердия и сострадания в его душе. Только ярость. Страшная, пожирающая изнутри ярость, требующая отмщения!

1. Дружина (старорусск.)

2. привидение, призрак, галлюцинация. Блазень (от "блазить, блазнить, блазниться" — чудиться, мерещиться) — видение, привидение, которое по форме появления и проявления ближе всего к покойникам, домовому

3. обедневший шляхтич, чье вооружение и конь принадлежат богатому шляхтичу, в чьей родовой хоругви он состоит

4. Застенок, холодная (польск.)

5. Имеется в виду крестьяне

6. Александр Зборовский (? — 1621) служил Лжедмитрию, потом Тушинскому самозванцу. В 1610 он собрал остатки тушинского войска, привёл их к гетману Жолкевскому и способствовал поражению русских при Царёво-Займище и Клушине

7. Тут: польское войско

начало лета, год 1609

Московия,

Ксения в который раз отодвинула в сторону занавесь, чтобы пустить хоть немного свежего воздуха в душный возок. Он был обит бархатом, искусно расшитым золотистой нитью — аксамитом. Конечно, возок ослеплял богатством и красотой убранства, но из-за этой плотной ткани внутри в солнечный день, как этот, было совершенно невозможно сидеть долгое время — воздух становился спертым и жарким, а от бархата то и дело при каждом броске возка на бревнах гати {1} поднималась дорожная пыль, вьевшаяся в ткань за долгое время путешествия.

Возок опять тряхануло, и Марфута, сидевшая напротив Ксении, в очередной раз вздохнула:

— Ох ты, Господи, когда ж доберемся-то? Уж упрела вся, и кости все растряслись.

— Ничего, скоро солнце к краю пойдет. Жара и убудет, — утешила ее Ксения, слегка выглядывая из оконца возка на ратников, что сопровождали их в пути.

Их было более десятка: четыре воина из личной вотчины мужа Ксении, которых удалось с превеликим трудом уговорить их на эту авантюру, и десяток ратников из личной сотни Михаила, ее брата-погодки.

В это время было довольно опасно путешествовать без охраны. Сотни и тысячи польских наместников-авантюристов, казаков, а то и таких же русских, как сама Ксения, буквально наводнили Московию, нападая на деревни, поместья, крепости и города. Многие из них не причисляли себя ни к каким ратям и ставили целью не возведение на трон московский очередного претендента, а лишь наживу, обогащение через грабеж и насилие. Богатый возок Ксении мог привлечь к себе неудобное внимание лихих людей, оттого так и кричал на нее Михаил, едва она предстала перед его глазами в шатре на войсковом стойбище.

— Ты совсем ума лишилась, Никитична! Какого рожна поехала сюда, по дорогам полных лихих людей да злыдней папских? Живота не жалеешь своего? Род запозорить хочешь — на стойбище войсковое явилась? — горячился ее молодой брат. А она только смотрела на него и дивилась, какие перемены произошли с ним за то время, что они были в разлуке. Он раздался в плечах, голос стал намного ниже, а на лице уже наметились, хоть и редковатые, но усы и борода.

Сотник московского войска. Ее брат единоутробный Михаил Никитич Калитин. Ее погодок, слепо ею обожаемый. Они были близки с самого рождения на удивление мамкам и злость отца, что в семье растет бабский прихвостень. Он всегда был за нее горой во всех передрыгах, куда ее не раз заводил упрямый нрав, нередко разделяя с ней наказание, которого вовсе не заслуживал. Вот и ныне Ксения могла надеяться только на него, ставшего ей незнакомцем за последние несколько лет.

Она упала тогда ему в ноги, ухватилась за край тягиля {2}, уткнулась лбом кожаные пыльные сапоги. И завывала-заревела во весь голос, перепугав его до полусмерти своим плачем, будто по покойнику голосила. А в прочем, почему будто? Коли так дальше пойдет, будут оплакивать покойника. Вернее, покойницу. По ней, Ксении Никитичне, дочери одного из самых богатых в Москве и Руси бояр Никиты Калитина, некогда первой красе града

столичного, голосить будут, если Михаил не поможет ей.

Ксения понимала, что просит брата о невозможном — вступить перед супругом венчанным за нее, сестру свою. Не запрещено, конечно, это было, но и не приветствовалось на Руси вмешиваться в жизнь дочери и сестры, коли отдали за мужа, в другой род. Она и сама молчала бы, если бы не задуманное ее мужем. Она бы стерпела многое, даже смертный бой, но такого унижения для себя и своего рода стерпеть не смогла.

А когда весточку получила, что недалече войско московское, где брат сотником служит с этой години, то сразу решила — сам Бог велел ей просить о помощи семью свою. Потому и убежала поутру ранехонько из усадьбы супруга, пока тот в волость ездил, чтобы вести последние узнать: где ныне ляхи ходят и когда под воротами вотчины родной ждать их, окаянных. Кроме того, следовало узнать, кто ныне в силе в Москве и на Руси. Оттого-то и зависело, под каким стягом выступить боярину этим летом в поход.

Михаил вначале молчал. Только ус крутил в задумчивости и смотрел на нее, лежащую у его ног, исподлобья. Ксения не могла глаз на него поднять, сама не своя от стыда. Она понимала, что ни отцу, ни другим братьям не смогла бы открыть то, что узнала. Только дружба и тесная привязанность, что когда-то связывали ее Михаилом, смогли толкнуть ее на этот поступок: уехать из дома мужа, просить заступиться за нее. Слыхано ли? Что сделает брат? Пойдет ли против домостроевских правил? Заберет ли ее обратно в семью? Или вернет мужу, как собственность, которой она стала, приняв его имя несколько лет назад?

— Я не могу оставить тебя подле себя, — наконец сказал Михаил, и сердце Ксении упало куда-то вниз. Значит, только одно ей остается — в речку с головой, ибо она не сможет безропотно принять свою недолю. — На Ярославль идем, в подмогу. Сеча будет там. Нет бабам места в военном обозе, да и негоже тебе, боярской дщери, при войске быть. Отправить тебя в Москву к отцу не могу, не волен я такие вопросы решать. Но и забыть слова твои не могу. Люди мои с тобой поедут. Коли истину поведала, помощь у них ищи, они не оставят в беде. Позора твоего не допущу!

Не солгал Михаил. Следующим же утром, еще до рассвета, чтобы ничьи посторонние глаза не заметили, что в лагерь приезжала боярыня, тронулся в обратный путь возок Ксении в сопровождении его личных ратников во главе с давним знакомым Ксении, соратником по детским забавам, Федором Истоминым.

Она растерялась, когда увидела, кто будет сопровождать ее до вотчины супруга, даже из рук край сороки {3}выпустила, едва не открыв лицо. Не ожидала никак увидеть Федорка, как они звали его с Михаилом, здесь, в пятидесятниках у брата.

— Ему доверяю, как самому себе, — кивнул в сторону ратников и командира маленького отряда Ксении Михаил. — И ты ему верь. Как ранее верила. Ты же знаешь, он на все пойдет ради тебя, Ксения. Не дури только, прошу тебя.

— Будь покоен, брате. Мой разум уже владеет над нравом. Не то, что ранее, — улыбнулась Ксения дрожащими губами. — Эх, коли было бы так тогда!

Михаил вдруг притянул сестру к себе и крепко обнял, видя, как та растерянна, испугана. Второй раз он видел сестру такой, и второй раз осознавал, что абсолютно беспомощен изменить что-либо в ее судьбе. Как тогда, несколько лет назад... Попался бы ему тогда эта паскуда, что привела к этому, он бы с удовольствием перерезал бы тому глотку, наслаждаясь от души его муками! Но что они стоят по сравнению с тем, что приходится ныне переживать его сестре из-за того, что поддалась когда-то чужим обманным словам!

— Зачем ты тогда открыла хладную? — грустно прошептал Михаил, но Ксения

услышала его, напряглась. — Не пойдешь ты на поводу этих сладких речей, была бы нынче в Москве подле нас. Супруг был бы иной, не этот бражник и блудник. Зачем, Ксения?

Но сестра ничего не ответила ему. Отстранилась с печальной улыбкой на устах, расцеловала его троекратно по русскому обычаю на прощание, а после к руке приложилась, обжигая тыльную сторону его ладони своими слезами. После Михаил снова крепко прижал к себе и помог забраться в возок, долго смотрел вслед уезжающим, Ксения чувствовала это сердцем.

Они прощались с такой тоской в глазах и душах, будто навсегда, вдруг подумалось Ксении. Будто чуяли, что разлука-лиходейка снова бродит рядом. Или еще хуже — смерть в черном плаще с седыми космами подле лица. «Спаси и сохрани раба твоего Михаила, Господе» — быстро перекрестилась Ксения, вспомнив о том, что брат уже, видимо, достиг Ярославля, куда вел войско воевода на помощь осажденному поляками городу.

Она снова отогнула занавесь и выглянула на дорогу. Подъезжали к небольшой речушке, густо усеянной зарослями кустарников по этому берегу, где двигался их маленький отряд. Суглинка, определила Ксения. Значит, до вотчины осталось еще около полудня пути. Значит, скоро она встретит своего супруга. Его гнев и его кнут...

Ксения передернула плечами. Нет, она не будет думать об этом. Уж лучше вдохнуть полной грудью свежего ветерка, что вдруг налетел с речушки, отодвинув от тела немного ворот рубахи. Эх, как бы она хотела в этот жаркий солнечный денек с разбегу плюхнуться в прохладную, пусть и слегка мутную водицу, как ранее, в детстве! Как же они любили ходить под присмотром мамок на речку в вотчине батюшки! Как задорно плескались и бегали в воде, поднимая ногами ил со дна!

Ксения вспомнила, как любил Федорок находить лягушек и запускать под громкий хохот братьев девочки этих мелких скользких тварей за шиворот ее рубахи. А потом она все же сумела достойно отомстить за свое унижение — нашла двух больших толстых жаб и посадила их прямо в лапти отрока, сброшенные на берегу, под улыбки мамок, готовых прикрыть очередную шалость своей маленькой подопечной. Конечно же, ему потом пришлось проходить почти все лето босым, даже в дождливую погоду жовтеня {4}, и Ксения не раз пожалела его, но все же при этом ее не покидало греховное чувство удовлетворения своей маленькой мстостью.

— Боярыня, — внезапно раздалось у возка, и Ксения вздрогнула от неожиданности. Она слегка отодвинула занавесь, оставляя себе лишь маленькую щелочку, чтобы увидеть говорившего. Федор, словно почуяв, что она мыслями вернулась в те времена, когда они еще могли свободно общаться друг с другом, приблизился к возку и ехал чуть поодаль от оконца ее повозки. Это был уже далеко не тот мальчик, которым она запомнила его в ту осень, когда она была переведена из детской свободы в девичий терем. Это был статный мужчина с широкими русыми усами. Только россыпь веснушек на его лице напоминала Ксении того отрока, что когда осмелился коснуться ее, как девушки, а не как ребенка.

— Возьми, боярыня, — он, краснея, как девица, вдруг протянул ей на ладони ярко-красную горку сладких ягод, что набрал для нее по дороге, скрываясь от любопытных глаз своих ратников. Ксения растерялась сперва, а потом кивнула Марфуте, возьми, мол. Та протянула ладони в оконце, сложив их лодочкой, и Федор пересыпал в горсть ароматных ягод. При этом он старался не смотреть на Ксению, что с явной смешинкой в глазах посматривала сквозь щелочку со своей стороны на воина. Казалось, он был явно рад отъехать от возка, когда передал девке Ксении свой дар.

— Ох, вскружила ты ему голову! Зачем дразнишь? Ведь как в омут с головой ринется за тебя в любую яму! — укоризненно покачала головой Марфута, подставляя ладони Ксении, чтобы та могла брать ягоды и полакомиться их сладостью. Та тоже выросла при боярских детях в вотчине Калитиных и знала многое, что происходило в их семье. В том числе и историю о детской влюбленности холопа в боярскую дочь, за что тот был бит розгами и чуть не был изгнан со двора.

— Нужен мне по возвращении свой человек, — честно ответила Ксения, подавляя укол совести, что почувствовала при словах Марфуты. — Очень нужен. Сама ведаешь, каково мне.

— Ведаю, ох, ведаю, — покачала головой та. Да уж, не повезло барышне ее стать супругой этого клятого боярина! И как только Никита Василич отдал дочь свою единственную за него? Ведь берег аж до шестнадцати годков под сенью своих хором, не давал никому согласия отдать девку замуж. Видано ли это? Все суженного для нее ждал, хотел по желанию ее выдать, по ее воле. Единственная дочь, поздний ребенок, как и последний сынок его, Михаил Никитич.

Эх, видать и вправду, говорят — у Бога свое разумение. Не отдал Ксению боярин Калитин по своей воле, пришлось по неволе выдавать в чужую сторону. Не поверни несколько лет назад Ксения с Марфутой и мамками на ярмарку, не подними тогда боярышня глаз, что не велено было, не сошлось бы все так, как ныне. Но ведь тогда и сама Марфута не встретила своего любушку, и Василька бы не было на свете белом...

Ксения заметила, как Марфута, отряхнув остатки ягод с рук и вытерев ладони о юбку сарафана, в очередной раз дотронулась до груди, проверяя, все ли в порядке с сарафаном и поневой {5}, не мокры ли.

— Я уже жалею, что взяла тебя с собой, — вдруг честно призналась она своей девке, которую уже давно считала скорее подругой, чем прислужницей. — Что скажет твой муж на то, что ты уехала со мной? А Василек без тебя как же?

— Ну, за Василька будь покойна, — ответила ей Марфута. — Уж третья година пошла на этот соковик {6}. Пора бы уже от груди-то отвыкнуть. А то все сосцы сгрыз-то... — она запнулась, вспомнив, с кем именно говорит, покраснела. Марфа знала вот уже несколько дней, что тяжела во второй раз. А вот Ксения хоть и замужем уже несколько лет, но по-прежнему пуста ходила, будто проклял кто. Это было одной из причин, почему в усадьбе не было лада между хозяином и его женой. Марфа поспешила увести разговор на другую тему, потому как знала, насколько тяжело Ксении ныне.

— И тем паче, свекровка моя за ним походит, покуда я в отлучке. Ты же знаешь, какая у меня свекровка. Матушка моя вторая, истину говорю. Удача мне с ней! Ну, а что касается муженька моего, то и тут я не особо боюсь. Побить — побьет, вестимо, без этого никак. Но он ведь не так...

Она снова запнулась, заметив, как побледнела Ксения, побелела лицом, несмотря на духоту, стоявшую в возке, и сама вдруг ощутила дикий страх, предчувствуя, как встретит боярин свою непокорную супругу. Она-то, как никто другой, ведала, что творит этот зверь с Ксенией, знала каждую отметину — и на теле, и в душе своей боярыни. Они все проходили со временем (только небольшой шрамик остался около виска, едва заметный), оставляя следы лишь в памяти, но вскоре новые возникали на их месте, и тогда Марфута тихо плакала ночью, в очередной раз вернувшись из светлицы своей хозяйки.

Ксения же постаралась отогнать от себя мысли о будущем, снова выглянула в оконце в щелку, стала наблюдать за переправой. Чтобы пораньше достигнуть усадьбы мужа Ксении,

было решено не ехать несколько десятков верст до моста, а перейти реку здесь, в самом узком ее месте, по словам воинов вотчины, хорошо знавших эти места.

Ратники уже рубили кустарники, дабы выложить дно речушки густыми ветками, сделать небольшой брод, чтобы было можно перевезти возок, не пустив мутную воду выше больших колес, не замочить ног сидевших в нем женщин. Повозку остановили подле речушки, причем, по велению Федора поставили таким образом, чтобы та находилась не под палящим солнцем, а пусть и в небольшой, но в тени.

Будь Ксения еще девицей Калитиной, она бы вышла ныне из возка, чтобы размять затекшие за долгое время путешествия ноги, прогулялась бы по небольшому лужку по другую сторону дороги, собрала бы полевые цветы, а быть может, даже осмелилась бы удалиться подальше от воинов, занятых подготовкой переправы, скинуть поршни {7} из мягкой кожи и опустить ступни в холодную воду. Ах, как было бы благостно! Как было бы хорошо еще снять с головы кiku, что ныне так давила тяжестью своих украшений на голову, оставшись в одном повойнике {8}! Она по-хорошему завидовала Марфуте, которая была избавлена по своему положению от необходимости носить кiku, а была сейчас только в убрусе {9} из легкого льна.

Но Ксения была уже мужней женой. Она знала, что лучше не давать своему супругу лишнего повода для очередной претензии. Ведь тот определенно будет спрашивать своих людей, как вела себя боярыня в этой поездке, куда и насколько удалялась от возка, не одна ли случайно, визнавая самую малейшую деталь, чтобы поставить в вину своей супруге.

Потому она осталась в возке, лишь позволила себе снять поршни с запотевших ног, поджать под себя ноги на сидении. Марфута протянула ей кусок холстины, край которого намочила в воде, уже спустившись к реке и вернувшись обратно к возку, и Ксения с наслаждением протерла лицо, шею и часть груди, засунув мокрую холстину глубже за ворот поневы.

— Никогда не думала, что скажу это, но порой я хочу, чтобы мы поскорее вернулись в усадьбу, — проговорила Ксения, оправляя поневу. — В тереме так хладно ныне должно быть...

Марфута лишь вздохнула, выбираясь из возка и направляясь снова к речке, чтобы оправиться самой. Да уж, она бы тоже ныне с большим удовольствием оказалась в светлице женского терема, когда над головой нет лучей палящего солнца, а под рукой есть прохладный квас, прямо из ледника, аж чтобы зубы сводило от холода. Она с самого начала знала, что эта поездка ничего не принесет Ксении путного. Наоборот, только раззадорит боярыня, разозлит еще пуще. Неизвестно еще, каким будет его гнев, ведь его жена уехала без его ведома и позволения, да еще на такой длительный срок — Ксения отсутствовала более месяца. Такое непозволительно для жены любого мужчины, будь то простой смерд или знатный боярин. За такой проступок непременно будет наказание.

Хотя, задумалась женщина, протирая холстиной грудь, мокрую от пота и молозива, уже еле сочившегося из сосков, быть может, боярин и испугается гнева сотника Калитина, ведь она знала, как любит сестру Михаил. Да еще и неизвестно, как бы поступил сам боярин Калитин, доведись ему узнать о том, что происходит в стенах усадьбы мужа Ксении, и как страдает его дочь от своего беспутного и гневливого супруга.

— Ох, Господи, велики грехи наши, рабов твоих, — прошептала Марфа и скоро перекрестилась. Вдруг где-то поодаль хрустнула ветка, и женщина выпрямилась, прижимая к груди ворот поневы. Она напрягла слух, тщательно вслушиваясь в звуки, что доносились до

нее через заросли кустарника, но кроме перекрикиваний ратников, приказов Федора, ржания лошадей да стука мечей об толстые ветви ничего не разобрала. Может, подглядывает кто за ней через густую листву, затаившись будто зверь лесной? Ишь, Ирод каков!

Женщина быстро зашнуровала поневу и, едва сдерживая гневные ругательства, направилась прочь из тени обратно на дорогу. Она огляделась по сторонам, надеясь вычислить своего обидчика. Ежели это был Федоров ратник, то так и быть, промолчит она, но коли это из вотчины воин, то худо ему придется от кулаков мужа Марфы, сотника боярского. Но нет, все были тут, у дороги, все мужчины были при деле.

— Шустрый подлец! — женщине ничего не оставалось, как вернуться к возку да забраться внутрь, где изнывала от духоты Ксения.

— Ну, что там, Марфута? — обратилась она с надеждой к женщине. — Скоро ли двинемся в путь? Мочи нет сидеть на такой жаре в возке.

— Ой, твоя правда, боярыня. Жара-то нонче какова! Кабы хлеба не посохли-то, — откликнулась Марфута. — Ну, не дай Бог!

— Не приведи Господь, — повторила Ксения, и обе женщины в испуге перекрестились. В памяти обеих еще было живо воспоминание о том голоде, что был на Руси менее десятка лет назад. И хоть они были девочками в то страшное время, но забыть то, что творилось на земле русской, не смогли. В первый год лето было сырым. Дожди лили, не переставая, а к жнивению {10}вдруг ударили морозы. Все растения замерзли на корню. Старых запасов хлеба едва хватило на скудное питание да на новый посев, но семена не взошли, залитые сильными дождями. Сотни голодающих устремились в города. Люди умирали целыми семьями, несмотря на царские меры. Около трети страны погибло в эти страшные годы.

Калитины все это время провели в родной вотчине, почти на осадном положении, ведь на третий год неурожая люди буквально обезумели, лишившись всего человеческого, что только есть в создании Божьем по образу и подобию своему. Ксения слышала, как шепталась челядь тогда, будто в Москве трупы лежат чуть ли не на улицах, будто люди дошли до того, что охотятся на человека, словно на зверя, чтобы потом съесть его.

Спустя некоторое время импровизированный брод был готов, и маленький отряд двинулся через речушку. Сначала переправились некоторые ратники из сотни брата Ксении, затем двинули возок. Марфута сидела, вцепившись в сидение обеими руками так, что пальцы аж побелели от напряжения. Она с детства боялась воды, едва не сгинув в омуте, когда плавала с деревенскими детишками в пруду вотчины Калитиных. Потому-то что-то глубже самой мелкой лужи вызывало у нее дикий страх, заставляя ее забыть обо всем на свете.

Ксения тоже опасалась за переправу, ведь это было довольно непредсказуемым делом. Там, где прошла лошадь, могло застрять колесо, увязнув в ветвях или в песке, а течение речушки могло и снести с места, перевернуть возок вместе с пассажирами. Она схватилась одной рукой за образец, что висел у нее на шее, прямо через ткань поневы, а другой отодвинула занавесь, чтобы наблюдать за переправой и быть готовой к опасности, если таковая возникнет. Ее глаза тут же встретились с глазами Федора. Он был тут, подле ее возка, сразу же за оконцем. При желании она могла бы протянуть руку и коснуться его. Увидев его рядом, Ксения немного успокоилась. Что бы ни произошло, Федор не даст ей умереть...

На мгновение она вдруг вспомнила, куда ее везут ныне. Она старательно отгоняла от себя эти мысли все время поездки, но именно сейчас они снова вторглись в ее разум, наполняя ее душу безумным страхом за себя.

Он убьет ее! Он непременно убьет ее ныне, когда она так опозорила его, обратившись к семье за помощью. И никто, ни единая душа, не узнает, что с ней стало, как долгое время скрывали правду о его первой жене.

— Помоги мне, святая Ксения! — вдруг взмолилась она, обращаясь к той, именем которой ее нарекли при крещении в лоно Святой церкви. — Помоги мне!

Ксения сама не знала, о чем именно молит ныне святую. О благополучной переправе через эту речушку? Или ее желания были глубже — быть может, она молила о семейном ладе, к которому она стремилась всей душой? Или о том, чтобы супруг ее более не мучил ее ревностью, гневливостью, блудливостью и бражничеством? А может, ей вдруг захотелось, чтобы на нее смотрели вот так, с нежностью и участием в глазах, как только влюбленный может смотреть на свою ладу, и чтобы она сама желала так на него смотреть. Или о дитяти, которого ей не давал Господь? Молила ли она о чаде, которого так страстно жаждала, ведь материнское начало уже давно пробудилось в ней, едва она увидела Марфуту с новорожденным Васильком у груди?

Ксения вдруг услышала какой-то свистящий звук и испуганно взглянула на своего спутника, так внезапно вырванная из своих мыслей. Тот по-прежнему смотрел на нее, только вот его глаза более не светились той нежностью, что она заметила всего пару мгновений назад. Федор вдруг завалился всем телом вперед на лошадь, и Ксения, удивленная донельзя его движением, заметила болт самострела {11}, что торчал из его спины. Только когда Федор упал в воду, взбаламутив ее, лишив прозрачности, а где-то грохнул выстрел из пищали, Ксения отпрянула назад, завизжав во весь голос. Она прижалась спиной к бархату возка, будто стремясь слиться с тканью, едва успев ухватиться за занавесь, чтобы не упасть при резком движении возка. Будто возница сошел с ума и решил одним махом перепрыгнуть речушку. Марфута же, явно не понимая, что происходит, еще крепче вцепилась в сидение, но на этот раз громко забормотала под нос молитву.

Вокруг женщин, сидящих в возке и вцепившихся в него, будто утопленники в бревно, казалось, весь мир сошел с ума. Бешено ржали кони, слышалась громкая ругань, стоны, крики и лязг железа, пару раз снова гроыхнули пищали, скорее для дополнительного устрашения противника, чем для боя. Ксения боялась отодвинуть занавесь в сторону, чтобы увидеть, кто напал на них — разбойники ли или паны ляшские, и на чьей стороне в этот момент доля. Возок трясло с бешеной силой, но шума воды слышно не было, из чего Ксения заключила, что тот уже выехал на берег. Затем возок вдруг замер на месте, дернувшись сперва резко вперед, а затем так же неожиданно назад, заставив при этом женщин не удержаться на своих местах и упасть на пол.

— Ох ты, Господе, что ж творится-то, боярынька? — прошептала Марфута, крепко прижимая к себе Ксению, не давая той даже головы поднять — не дай Бог что!

А Ксения уже и сама была не рада, что ей когда-то пришла в голову эта шальная мысль — просить заступничества у брата. Прав был ее супруг — недостойна она звания жены боярской, нет в ней ни разума, ни стыда женского. Велено было Сильвестром {12} усмирить свое начало перед мужским, усмирить свой нрав и гордыню. Принять волю супруга, каковой бы та ни была — во вред ли или во благо, ибо все, что не творит муж с женой, все так, как суждено, и переменам не подлежит. Она же пошла против этого, а значит, против воли Господа. Вот и кара ей за послушание ее.

Ах, Федорок, Федорок... Ксения молча глотала слезы, вспоминая ту горсть лесной ягоды, что принес ей недавно краснеющий ратник. Прости меня за насмешку мою...

— Что-то стихло все, боярыня, — толкнула ее Марфута, приподнимаясь. — Поглядим что ль?

Но Ксения уже слышала легкий певучий говор, разбирала некоторые слова через громкий мужской смех.

— Ляхи, Марфута! — сжала она ладонь своей прислужницы в испуге. Та застыла, напряженно глядя на свою боярыню, с ужасом вслушиваясь в шаги по одну сторону возка. Кто-то явно желал взглянуть на пассажиров этой богато украшенной повозки, узнать, что за приз попался в руки.

Дверца распахнулась. В темноту возка тут же хлынул яркий солнечный свет, ослепляя женщин, не позволяя разглядеть того, кто с любопытством уставился на них. Было ясно, что это поляк, судя по одежде да краешкам усов, что свисали вниз, ниже линии подбородка.

Ксения вдруг пришло в голову, что она не кто иная, как дочь и жена боярская, а не холопка какая, негоже ей в неподобающей позе лежать на полу возка. Она резко выпрямилась, стараясь выглядеть величаво. Жемчужные подвески ее кики при этом глухо звякнули, стукнувшись друг о друга, и поляк, уж было отвернувшись от возка, снова неосознанно повернул голову обратно на этот звук, встретился с Ксенией взглядами.

Некоторое время они смотрели друг на друга, не силах отвести глаз. Ксения при этом чувствовала, как внутри нее нарастает волна волнения и какого-то странного смятения, заставляя ее сердце биться все быстрее и быстрее с каждым мигом.

Не от страха. В предвкушении того, что снова перевернет ее жизнь, как это случилось некогда. Только в отличие от того времени, она уже не та юная девочка, что когда так неосторожно обманулась. Теперь все будет по-другому. Теперь ее сердце закрыто. Оно должно быть закрыто!

— Чтоб меня черти взяли! — громко произнес лях, и Ксения еще выше вдернула подборок, стараясь унять дрожь в пальцах.

Она поняла, что он узнал ее. Как и она узнала это лицо с глубокими морщинами на лбу и в уголках рта, с длинными седыми усами и двумя короткими шрамами над левой бровью, идущими ей в параллель.

— Чтоб меня черти взяли! — повторил лях, усмехаясь, и крикнул куда-то в сторону, не отводя своих глаз от лица Ксении. — Владислав!

1. Настил бревенчатый на дороге
2. Стеганный кафтан дворянской конницы с высоким воротником и рукавами по локоть, с металлическими прокладками для защиты.
3. Часть головного убора, вытканное длинное полотно которое крепилось на кичке и спускалось ниже на спину и плечи (здесь) или отдельный головной убор из полотна
4. Еще — рутень, листопад — пора золотой осени и сброса листвы деревьев, увядание природы
5. Сорочка, одеваемая под сарафан простыми женщинами и девушками
6. Один из весенних месяцев, ближе к апрелю
7. Вид женской обуви в Московской Руси
8. Кика — украшенный головной убор замужней боярыни; повойник — подобие шерстяной шапочки, напоминавшей чепец, стянутый на затылке верёвочками или закреплённый на голове шерстяной лентой
9. полотенце, которым женщины полностью покрывали голову, а иногда шею и плечи.

Поверх, на голове, для закрепления надевалась повязка или лента

10. Ближе к середине августа

11. арбалет

12. Автор «Домостроя»

Ксения сжала судорожно руки, стремясь погасить в себе крик, что так и рвался из груди. Хотелось ударить со всей силы в стенку возка, так сильно, чтоб разбить костяшки пальцев в кровь. Ведь она едва сдерживала в себе ту злость, что захлестнула ее, когда поляк снова позвал своего командира по имени, призывая того подойти скорее к возку и взглянуть на захваченных в плен.

Злость на себя. За то волнение, что кровь гонит по жилам и заставляет дрожать ладони, за то желание, что захватило ее с головой. Желание снова увидеть его. Но не так, как видела его изредка, в снах своих и грезах, а наяву, да еще так близко к себе. Посмотреть, изменился ли он за прошедшие годы. Взглянуть в его глаза, когда он поймет, кто перед ним. Будет ли в них сожаление о том, что он сделал тогда? Или он вообще забыл, кто Ксения такая и ту роль, что она сыграла в его жизни?

— Тихо, — твердо шепнула Ксения всхлипывающей подле нее Марфуте, будоражащей ее напряженные донельзя нервы своим плачем. — Не причитай ранее срока.

Та посмотрела на нее, как на безумную. Как можно не бояться ляхов, в руках которых они, совершенно беспомощные ныне? Да, они не так бесчинствуют по отношению к пленникам, как русские, переметнувшиеся к Вору {1}, или казаки, что пришли с южных земель. Но разве не слышала боярыня, что те творят с несчастными пленницами? Быть может, они и не тронут Ксению, но вот ей самой придется нелегко. За ней нет боярской калиты {2} и знатного рода. Разве сможет Ксения спасти свою девку от той участи, что ждет ее, когда их вытащат из возка сильные мужские руки?

Тем временем к повозке приблизился тот, кого так настойчиво звал усатый поляк. Ксения различила твердые шаги и даже дыхание затаила в ожидании встречи, которой она даже не чаяла. Уже не чаяла.

Он почти не изменился, невольно отметила Ксения, едва в ее поле зрения появился молодой шляхтич. Та же стать, тот же широкий разворот плеч. Те же знакомые черты лица и слегка прищуренные глаза. Легкий ветерок трепал черные, как смоль, волосы, которые теперь были длиннее, чем она помнила, спускались намного ниже, чем было принято у поляков, почти до самого подбородка.

Разве что не было ранее пары глубоких морщин, что пересекали ныне лоб, будто их обладатель постоянно тревожится о чем-то, и не было наметившейся темной щетиной линии усов над изгибом губ. И небольшого светлого на фоне загоревшей кожи шрамика на подбородке, аккурат посередине, под нижней губой, где у некоторых бывает «ямочка».

Он не мог не вспоминать о ней, когда всякий раз видел свое отражение, подумала с неким удовлетворением Ксения. Даже если забыл ее имя, он должен был вспоминать ее. Ведь этот шрам — дело ее рук, судя по всему.

Шляхтич закончил протирать саблю от крови, в которую та окрасилась в ходе этой короткой схватки, и спрятал ее в ножны. Он старательно делал вид, будто вовсе не заинтересован в той, кто сидела в этой повозке, будто не расставлял ловушку ее маленькому отряду в течение последних дней. Даже не взглянув в сторону Ксении, словно давая ей передышку, он повернулся к усатому поляку, что теперь наблюдал за происходящим внимательно, заложив большие пальцы рук за широкий пояс.

— Спешись меня представить птичке в нашем силке, Ежи? — издевательски спросил

шляхтич. Ксения не совсем поняла, что он сказал, уловив только несколько знакомых слов, но интонацию разгадала — насмешливую, злую, и едва сдержалась, чтобы не выпрыгнуть из возка и не ударить этого самодовольного мужчину. Совсем как тогда, когда оставила ему на память шрам.

Он и только он виноват, что судьба Ксении сложилась так несчастливо, виноват в ее недоле и в ее горьких слезах. И видеть эту горделивую улыбку, его самодовольство ныне для нее было пыткой. Сколько раз она желала ему медленной и мучительной смерти? Сколько раз представляла, как он истекает кровью и навсегда закрывает глаза, уходя в мир иной?

Ровно столько же, сколько молила Господа после, стоя перед образами в светлице, чтобы он уберег раба своего Владислава от пули или стрелы шальной, от железа меча или сабли.

— Взгляни сам на свой улов, Владек, — коротко ответил Ежи, хитро щуря глаза. Он немного подвинулся, открывая взгляду шляхтича женщин, что сидели в возке и смотрели на подошедшего: одна — со страхом и любопытством, вторая — с прикрытой ненавистью в глазах. Владиславу пришлось перевести глаза со своего дядьки на пленниц.

Ксения плохо видела его лицо ныне — шляхтич шагнул при этом поближе к возку и ступил в тень, отбрасываемую тем. Но зато она заметила, как напряглись его плечи, как взметнулась ладонь к лицу и коснулась шрама. Быстро, мимолетно, но она успела увидеть этот жест. Увидела и обрадовалась — значит, помнит. Помнит, ляшский пес!

Но последующее за этим заставило ее усомниться в собственной уверенности.

Шляхтич вдруг быстро подошел к возку и протянул руку ладонью вверх, предлагая ей свою помощь, чтобы выбраться из повозки на свет Божий.

— Прошу панну принять мою руку и извинения за столь... ммм... за подобное неудобство в ее пути, за те некоторые изменения в нем, что панне придется потерпеть, — его русский звучал мягко и певуче, и Ксения будто вернулась назад на несколько лет, когда впервые слышала его голос. — Ничего не могу поделать, но вынужден настоятельно просить панну разделить со мной и моей хоругвью последующие дни, — он взглянул на плачущую в уголке возка Марфуту и поспешил добавить. — Панне и ее служанке не стоит бояться моих ратников.

— А самого пана? — спросила Ксения резко. Она сама кляла себя последними словами, но внезапно в ней снова проснулась та дерзкая девушка, которой она когда-то была. И причину, по которой это произошло — его присутствие подле нее да еще так близко. Казалось, склонись польский рыцарь еще ближе к ней, и она сможет уловить запах, исходящий от него — запах крови, пота, недавней схватки и опасности.

И эти глаза... Эти колдовские темные глаза!

Владислав перевел на нее взгляд с Марфуты, что даже забыла о причитаниях, услышав голос своей хозяйки, и уставилась на нее, едва ли не открыв рот от удивления. Он не опустил руку, которую предлагал этой гордой русской, что смотрела на него со злобой в глазах, даже бровью не повел, расслышав ее недовольство и только! Другая бы сидела тихо в уголке возка, как ее служанка, и молилась бы своему поповскому Богу, чтобы тот помог ей избежать насилия и позора, будучи в плену, а эта стоит перед ним, будто королева, и смотрит свысока.

— Если панна будет вести себя благоразумно, то ее не ждет ничего худого, — медленно проговорил Владислав и протянул руку ей еще ближе, настойчиво предлагая свою помощь, вынуждая ее выйти из возка.

Ксения поняла его желание, но выполнила его не целиком. Она подобрала подол

сарафана и, проигнорировав руку поляка, спрыгнула из возка. При этом она забыла о том, сколь долго сидела и не давала своим ногам возможности размяться — с самого утра почти. Потому-то она вдруг пошатнулась, не в силах удержаться прямо на ослабевших ногах. Владислав тут же подхватил ее за талию, не давая упасть на землю, прижал к своему телу, обжигая ее стан даже через несколько одежд прикосновением своих пальцев.

Ксения сначала растерялась от того, что произошло, подняла на него глаза, ошеломленная тем, что тело по-прежнему предает ее, как только его касается этот лях. Столько времени прошло, а ее сердце вновь пустилось вскачь от невинного касания пальцев, от вида этих глаз! Такие темные очи, будто омут, в который она кинулась тогда с головой, забывая о последствиях своего поступка, очарованная им, опьяненная его словами...

Она отшатнулась от него резко, сбрасывая руку польского рыцаря со своей талии, больно ударилась спиной о возок, но даже в лице постаралась не перемениться, чтобы не показать этому ляху своего стыда и боли от удара.

— Как жаль, что радный пан не сказал этих слов несколько лет назад! — едко процедила Ксения, стараясь хоть как-то заставить ее узнать, коли он до сих пор не понял, кто перед ним. Но Владислав по-прежнему смотрел на нее лишь с вежливой отстраненностью на лице, ни тени узнавания не промелькнуло в его глазах при этих словах. Хотя и не любопытствовал, что она имеет в виду, не ошиблась ли, не спутала его с кем-либо.

— Назовите свое имя, панна. Не хочу ошибиться, что последние дни шел по следу совсем не той дичи, — приказал поляк, отворачиваясь от нее и оглядывая местечко недавней сечи вокруг них, наблюдая, как бродят и обыскивают убитых его воины, забирая себе оружие и те редкие ценности, что могли быть у противника. — Имя, панна!

— Пан испытывает Божью милость, ведь ныне он находится у границ вотчины моего мужа. Такой отряд, как этот, не мог быть не замечен в волости, а коли так...

— По коням! — крикнул вдруг рыцарь на польском, перебивая ее речь, заставляя своих ратников тут же бросить свои занятия и броситься к лошадям. — Ежи, помоги нашей панне занять место в повозке. Думаю, от твоей помощи она не откажется. Я ей не по нраву вовсе. Но это временно.

Ксения заметила, как засуетились польские воины, как стали занимать места в седлах. Прежде чем она успела определить, что именно сказал Владислав поляку, по-прежнему стоявшему подле нее, шляхтич развернулся резко и пошел прочь от возка, навстречу бегущему к нему одному из людей его почета {3}, что вел на поводу каурого коня под богато украшенным седлом.

— Садитесь в возок, панна. Едем, — тронул ее за локоть Ежи. Ксения повернулась к нему, смерила его презрительным взглядом с ног до головы, но его словам подчинилась, приняла его руку и заняла свое место в повозке беспрекословно. Марфута к тому времени уже успокоилась, затихла.

— Куда нас? — встрепелась она, когда спустя некоторое время возок дрогнул и тронулся с места.

— На разворот повели возок. Знать, на Москву пойдем. Видать, на кормление ляхи выехали из своего стана, и мы тут им в руки свалились, — Ксения повела плечами раздраженно. — Зря я про мужа сказала. Хотела припугнуть, а вон оно как вышло. Что ж, все едино — коли будут выкуп просить, то буду к отцу посылать, не к мужу, Марфута. А с тобой после решим, как тебя вернуть в семью твою. И все-таки зря про мужа сказала, — покачала

она головой, досадуя на саму себя. — А вдруг лях решит, что тот больше ему посулит?

Она даже сама не осознавала, насколько близки были к правде ее слова, и что судьба ее могла пойти совсем по иному пути, промолчи она тогда о своем супруге, боярине местной волости.

Отряд ехал почти до самых сумерек и остановился на ночлег лишь, когда стало плохо видно дорогу под копытами коней. Стали разбивать лагерь, устраиваться на ночлег. Несмотря на то, что люди, которых Владислав оставил замести следы, вернулись вполне довольные проделанной работой, все же был постоянно начеку, расставив двойные посты на ночь — стояли почти на середине недавно скошенного луга, и не заметить пусть даже приглушенный свет костра в темноте ночи было бы трудно. Но в свою очередь и сами поляки могли сразу же заметить передвижение на этом открытом месте еще за версту. Да и в лесу ныне, когда развелось столько диких зверей в последние годы, что привыкли питаться мясом человеческим в это смутное время, оставаться на ночь было опасно.

Ксения наблюдала за приготовлениями к ночевке скрытно, через узкую щель в занавеси. Ни она, ни Марфута так и не решились выйти из возка, не понимая, как им следует поступить ныне. К ним никто не подходил за время, что встали на ночлег, не обращал внимания на их повозку, но Ксения видела, что чуть поодаль от нее был поставлен сторожевой, а значит, они все же были под контролем. Быть может, ей следует самой сказать этому хмурому ляху, что сторожил их, о том, что женщины хотят выйти, чтобы оправиться?

Она едва успела отшатнуться от оконца, когда дверца возка распахнулась, и внутрь просунулась голова Ежи, который так и силился разглядеть пленниц в темноте повозки.

— Выходите, панна, в раже потребно {4}, - проговорил он и отступил немного в сторону, помогая Ксении и ее служанке ступить на землю. — За воз идите, нигде боле. Посторожу.

Сгорая от стыда и то и дело оглядываясь по сторонам, Ксении и Марфе пришлось оправиться тут же, у возка, так как Ежи прав был — спрятаться от посторонних глаз более нигде другого места не было.

— Где ночуете обычно? — спросил он по-польски у женщин, когда те, краснея, появились из-за повозки. Ксения с трудом, но поняла его вопрос и показала в темноту возка. Тот кивнул и спросил, голодны ли они, есть ли у них свои припасы. Ксения есть не хотела — из-за тревоги за свою судьбу и волнения от встречи с тем, с кем уже и не чаяла увидеться, ей кусок в горло точно не полезет, но вопрос перевела Марфуте.

— Есть у нас немного, — ответила коротко та и добавила, когда Ежи, указав им на возок, мол, обратно лезьте, отошел прочь, к костру, у которого собирались остальные ратники. — Не надо нам твоей еды отнятой! Хлеба слезами русскими политого!

Она посмотрела в темное небо, на котором стали одна за другой появляться маленькие тусклые звезды, стала читать вполголоса молитву, готовясь ко сну, обращаясь к этим точкам небесным за неимением лика Святого. Ксения последовала ее примеру, но в этот вечер сосредоточиться на словах, повторяемых за Марфутой, ей не удалось. Кланяясь в молитве, она то и дело косилась в сторону костра, где среди своих воинов появился шляхтич. Он уже был без кирасы и стальных наручников, только в жупане {5}, подпоясанном широким искусно расшитым золотой нитью, так и блестевшей в свете костра. Волосы были уложены назад, хорошо открывая виду высокий лоб шляхтича и его темные глаза.

— Зачем ты снова свел меня с этим ляхом, Господи? Неужто, мало мне недоли на моем

веку? — не смогла сдержаться Ксения и прошептала в конце молитвы, а потом вдруг осадила себя — ей ли волю Господа судить?

Женщины забрались после молитвы в возок и принялись за скромный ужин — хлеб да вяленое мясо, радуясь тому, что ныне они были предоставлены сами себе, и никто не беспокоит их, никто не посягает на их расположение. Будто и не в полоне они вовсе, а просто в попутчиках едут с этими ляхами. Хотя, это была только их первая ночь среди этих людей, и неизвестно было, какие планы на их счет существуют в ляхских головах.

Вернее, в одной голове, подумала Ксения, жуя уже черствый хлеб и наблюдая через распахнутую дверцу возка, как смеются ляхи, что развалились ныне на траве подле костра, слушая одного из своих товарищей, который что-то увлеченно им рассказывал. Владислав же стоял чуть поодаль, скрестив руки на груди и склонившись одним ухом к Ежи, что явно был недоволен чем-то, хмуря свои густые седые брови и крутя длинный ус.

— Ты его узнала? — повернулась Ксения к Марфуте, складывающей остатки их провизии в небольшой короб. Та подняла голову, недоумевая, и она поспешила пояснить. — Главу ляхского отряда. Узнала его?

— Не ведаю, о чем ты речь ведешь, — Марфа убрала последний кусок хлеба, аккуратно завернув его в тряпицу, закрыла в короб. — Разве есть у нас знакомцы в ляхском роде?

Ксения ничего не ответила ей, просто указала рукой на шляхтича, хорошо освещенного ныне ярким светом костра, и Марфута принялась рассматривать ляха.

— Красив, ничего не скажешь, — пробормотала она по нос, дивясь богатству вышивки и пуговиц жупана. Этот, видать много пограбил в земле русской, коли такой кафтан носит! А коли не наградил, а нажил сам, то чего тогда разбойничает на Руси? А потом шляхтич взглянул в сторону возка, повернув лицо в их сторону, и Марфа вдруг окаменела. Смутное ощущение, что она где-то видела этого ляха, переросло уверенность, а за ней пришел страх. Страх за Ксению, за ее будущее.

Нет, не жестокой расправы или насилия боялась Марфута. Тело поболит и перестанет, затянутся раны, будто не было их вовсе. А вот душу так просто не исцелить. Вон как глаза у Ксении уже горят, когда она смотрит на этого ляха! Как тогда, ранее в Москве. Будто забыла, сколько плакала, сколько сохла с тоски и горя...

— Узнала? — тихо спросила Ксения, наблюдая, как Марфута вдруг отшатнулась вглубь возка, принялась креститься, приговаривая что-то себе под нос. — И я его узнала. Сразу же, как дядьку его увидела, как имя услышала. И дядька меня узнал, потому-то и позвал его тогда. А лях не распознал нас, не вспомнил...

Марфута расслышала в ее голосе горечь обиды и насторожилась. Эх, видно, ничему ее боярыньку-то жизнь не вразумила! Столько била, а разума так и не прибавила!

— Ой, Ксения, молиться нам надо неустанно об избавлении от этого полона. Ибо на беду горькую ниспослал нам его Господь, не иначе. Ты забыла, боярыня, но я-то помню, какой счет есть у ляха к твоему супругнику. Я тогда все слышала, каждое слово из той хвальной речи. Каждое! Есть, что требовать ляху. И не приведи Господь, он решит избрать тебя для своей мести твоему боярину. А вестимо, так и задумал лях. У нас ничего не отняли, не обыскали возок. А ведь на тебе сколько жемчуга да наряд богатый! Будь настороже, боярынька, вот тебе мой совет! Забудь, что когда-то была расположена к нему, помни только о том, что он сотворил. Ирод окаянный, к какой доле тебя привел! Не будь его, кто знает, как жизнь-то сложилась бы!

Марфута еще долго что-то говорила своей боярыне, убеждая ту не смотреть даже в

сторону костра, подле которого расположились ляхи на ночлег, но Ксения уже не слушала ее. Она то и дело возвращалась глазами к этому высокому мужчине в жупане цвета спелой вишни, что уже присел на траву и слушал беседы ратников, прикладываясь изредка к кувшину с узким горлышком. Будто сама себе хотела убедить, что это не сон очередной, что это действительно явь, и именно Владислав сидит в отдалении на траве.

Марфа смирилась с тем, что боярыня и в этот раз не следовала ее словам, замолчала, вернувшись мысленно домой, в свою родную избу. Это небольшое (сени, клеть да небольшая светлица), но зато отдельное жилье в усадьбе только подчеркивало положение ее мужа при боярине. Василек мой, Василек... Мои маленькие ладошки, мои острые глазенки! Когда же доведется мне увидеть тебя, мой мальчик сызнова? Ты ныне сладко спишь в своей колыбели и даже не ведаешь, какой долгой будет разлука с твоей матушкой...

Скоро подошел к возку Ежи, молча и не глядя на женщин, затворил дверцу, задернул плотно занавеси оконца, чтобы оградить их сон от посторонних глаз. Марфута тяжело вздохнула и принялась развязывать куклу Ксении, развязала после широкое и тяжелое ожерелье той, достала опашень {6}, что Ксения надевала в летнюю прохладу. В тесном возке проделывать все это было довольно неудобно, но за эти дни, проведенные в дороге, Марфута уже наловчилась помогать боярыне своей с туалетом, потому все действие заняло немного времени. Спрятав богатые уборы боярыни под сиденье, Марфута принялась сама готовиться ко сну: накинула подбитую мехом епанчу {7} на плечи, поправила убрус, чтобы не дай Бог, не сполз с головы ночью во время сна.

— Ну, с Богом да почивать ложись, боярыня! Доброго сна тебе, — прошептала она, перекрестившись, а после поправила на Ксении шерстяную шаль, чтобы прохлада летней ночи не пробирала ту до самых костей, и откинулась на сидении, стараясь занять как можно меньше места в возке.

— Доброго сна и тебе, Марфута, — прошептала Ксения в ответ. Вскоре ее служанка уже тихо посапывала, чуть приоткрыв рот. Самой же Ксении не спалось. Мешали шумные голоса поляков у костра, собственное волнение, переживания за нынешний день. Она пыталась прикрыть глаза, но тут же перед ее глазами вдруг возник Федорок, стекленеющий глазами, заваливающийся на лошадь со стрелой самострела в спине.

— Упокой Господь душу раба твоего Федора, — перекрестилась Ксения. А потом вдруг тихо заплакала, закрывая рот ладонью, чтобы ни звука не вырвалось из ее губ. За что же, за что же ей все это? Не поедь с ней Федорок, кто знает, какая доля ждала бы его. Да и сама не сидела бы здесь, в духоте возка и не роняла бы слезы. Только ее вина в том, что они с Марфутой в ляшском полоне, а их защитники погибли. Только ее...

Кто ведает, что за мысли бродят в голове Владислава ныне? Ведь она только ныне поняла, зачем он так настойчиво выпытывал ее имя, по какой причине выслеживал ее отряд несколько дней, по его словам.

Что за участь ей уготована? Будет ли она такой же, что когда-то приняла неизвестная ей польская девица? Сможет ли Владислав во имя мести причинить ей такой же вред, ту же боль, которую когда-то испытала его сестра несколько лет назад? Сможет ли рука, что некогда ласкала ее, нанести роковой удар, отнимая ее жизнь? Права Марфута, на свое горе повстречала ныне Ксения этого ляха, на бесчестье свое, а быть может, даже на смерть. И это для того-то она когда-то спасла жизнь этого шляхтича? Для того чтобы он стал ее, Ксениной, погибелью?

Наревевшись так, что вскоре на смену слезам пришла головная боль да усталость

навалилась и безразличие ко всему, Ксения вскоре затихла, провалилась незаметно для себя в глубокий сон без сновидений. Она не знала, сколько по времени он длился, но когда она разомкнула тяжелые веки, за окном было так же темно, как и когда она готовилась к ночевке. Сквозь щель меж бархатными занавесями ей было видно, что от костра остались только тлеющие угли, изредка вспыхивающие ярко-красными всполохами. Ляхи, что не стояли в карауле, спали вокруг него вповалку, положив себе под голову седла или свернутые верхние одежды. Только и слышно было тихое ржание лошадей, редкий храп спящих да перекрикнулись пару раз сторожевые на посту.

Ксения хотела отдернуть занавесь, чтобы оглядеться получше, пока все ляхи спят беспробудным сном (никогда она не признается себе, что хочет посмотреть, где спит Владислав!), как что-то, какое-то внутреннее чутье остановило ее порыв. Она так и замерла с протянутой к бархату рукой, затаив дыхание. Ибо вдруг ей загородила картину, что она могла наблюдать в узкую щель, чья-то черная фигура, незаметно в темноте ночи подкрадываясь к самому возку.

Ксения сердцем узнала, кто это, еще прежде, чем в очередном всполохе угасающего огня блеснула золотая вышивка на широком поясе. Вмиг задрожали руки, перехватило дыхание.

Фигура медленно, стараясь ступать как можно бесшумно по траве, подошла еще ближе. Теперь Ксения при желании могла протянуть руку между занавесей и коснуться человека, стоявшего у возка, сжимающего с силой рукоять сабли, висевшей в ножнах на поясе. Но она затаилась, как мышь, задерживая дыхание, что так и рвало грудь.

Кончики пальцев стало слегка колоть, настолько сильным было ее желание коснуться в этот миг того, кто у самого оконца. Ощутить снова мягкость его черных, как смоль, волос, железо мускулов под бархатом жупана. От воспоминаний, что вмиг захлестнули Ксению безумным вихрем, голова пошла кругом.

— Ксеня, — тихо прошелестело за бархатом, и Ксения прикусила губу, удерживая крик, что едва не сорвался с них. — Моя дрога {8}...

Тихий, едва слышный шепот, но Ксения услышала его, закрыла глаза, стараясь удержать слезы, что навернулись в тот же миг. Но не сумела — с длинных ресниц сорвалась вниз и побежала маленьким ручейком слеза, будто падающая звездочка сорвалась с небес.

Всего несколько слов. Тихий ласкающий шепот. Как тогда, несколько лет назад. И снова ее сердце бьется, будто бешеное, и вновь голова идет кругом от сладости, что разливается внутри.

Ничто не забыто ею. Все сохранила она в памяти своей, будто в ларце, бережно лелея те редкие воспоминания, что только и остались ей. Это были ее сокровища, которыми она изредка любовалась, когда на сердце было совсем тоскливо. Ее драгоценности, власть которых над собой она так часто проклинала. Кляла, но не забыла. Ни одно слово, ни одно касание, легкое и ласковое. Ни тот поцелуй, сладкий и горький одновременно. Сладость от любви, что вскружила той далекой ныне весной голову Ксении; горечь от предательства, что последовало после него.

Она стиснула руки изо всех сил, борясь с собой, чтобы не раздвинуть занавеси, не протянуть к нему ладони, не шепнуть радостно: «Я здесь, я твоя, лада моя!» Ногти впились до крови в нежную кожу ладоней, слезы катились и катились по лицу.

За бархатом занавесок зашелестела трава, приминаемая сапогом, лязгнули перстни о рукоять сабли, придерживаемой властной рукой, чтобы не мешала тихо отойти, не

потревожив сна женщин в возке. Сразу же стало светлее в возке, ведь более никто не загораживал оконца, неясного света от тлеющего костра.

Ксения перевела дыхание и с трудом разжала ладони, чувствуя, как в груди разливается боль, такая острая, что и дыхание с трудом перевести. Как вынести эту муку — быть снова подле него, видеть его так близко и не сметь даже глаз поднять лишний раз? Как усмирить собственное сердце, когда оно так и рвется к нему? Ведь она должна ненавидеть его всей душой, как ляха, разоряющего ее родную землю, как собственного захватчика, как человека, так жестоко предавшего ее, наконец. Она должна, но сможет ли? Господи, где взять сил подавить в себе то чувство, что до сих пор, спустя годы и ее недолю, все еще живо в груди, где взять сил остаться равнодушной, когда его голос снова произнесет те слова, что когда-то задурманили ее разум и сломали ее жизнь?

«Ксения... Моя дрога... Мое сердце... Моя кохана {9}...»

1. Имеется в виду к «Тушинскому вору», Лжедмитрию II

2. Кошель

3. Тут: свита, сопровождение

4. если надо (польск.)

5. старинный шляхетский костюм

6. старинная мужская и женская верхняя летняя одежда

7. короткая, безрукавная шубейка или одежда из сукна, набитая ватой

8. Милая моя

9. Моя любимая

Весна, год 1606

Москва

— Ну, что там? Не едут ли еще? — Ксения в очередной раз легонько подтолкнула Марфутку, чтобы та поскорее ответила, надо ли и ей карабкаться по лестнице наверх, к единственному небольшому оконцу хором ее отца, боярина Калитина, выходявшему на эту шумную улицу. Пользуясь тем, что в самом доме почти никого не осталось (даже челядь ушла смотреть, как невеста чудом спасенного царского сына Дмитрия Ивановича, польская то ли княжна, то ли графья, въедет в столичный град) девушки пришли сюда, в эту кладовую, чтобы хоть краешком глаза увидеть кортеж царской невесты.

— Нет пока, — откликнулась Марфута, с трудом балансируя на лестнице. — Ну, что ты, Ксения, не дождалась батюшку своего, а вечно куда-то лезешь сама? Пришел бы Михаил и поведал бы тебе, что творилось-то ныне. А так,ждемся — переломаем себе шеи тут из-за твоего любопытства, и найдут нас только через несколько дней, ведь сюда заглянут ныне только, когда запасы приедут из вотчины батюшки твоего.

— Не ворчи, Марфутка, — дернула Ксения прислужницу свою за подол сарафана. — Будто мамка Ефимия ворчишь. Словно тебе не четырнадцать годков, а все сорок! Ну что там?

— Ой, кажись, едут, боярышня! Едут, вестимо! Слышишь, как народ загудел?

Ксения тут же подобрала сарафан, совсем уж по не приличию задрав его, обнажая колени, и скинув с ног поршни, быстро забралась по лестнице вверх, заняла место подле Марфуты.

И верно, люди, толпившиеся на улице, по которой должна была проехать царская невеста прежде чем повернуть к Вознесенскому монастырю, где ей предстояло жить до венчания, вдруг зашумели, засуетились, напирая на бердыши ратников, сдерживающих толпу. В этот день поглядеть на полячку, которой предстояло сесть на русском престоле в качестве царицы, вышли и стрельцы, и дворяне, и служилые люди с купцами, и бояре.

Сначала только говор людской долетал до ушей девушек, а затем вдруг послышались звуки музыки — едва различимые сперва и громкие после, когда кортеж царской невесты приблизился к хоромам боярина Калитина. Первыми шли музыканты, которых полячка привезла с собой, и девушки поразились некоторым инструментам, на которых те играли и которые они видели впервые в жизни. Затем проследовали по улице отряды польской пехоты, следом на обзор девушек выехали гусары, о которых Ксения слышала от одного из старших братьев.

Ксения с любопытством оглядывала блестящие на солнце кирасы, шкуры невиданных ею ранее зверей на плечах ратников и, конечно, белоснежные крылья, что крепились у седел. Они настолько поразили ее, что она даже забыла, как дышать, рассматривая рыцарей, проезжающих под ее оконцем.

Поляки в свою очередь тоже с интересом рассматривали толпу, что кричала что-то, размахивала руками и напирала на бердыши, что с трудом удерживали русские ратники. Один из рыцарей поднял голову и вдруг взглянул вверх, прямо на оконце, откуда за кортежем наблюдали девушки, заставив Марфуту взвизгнуть от неожиданности. Разумеется, он не мог видеть их с нынешнего места среди своих товарищей, не заметил едва дышащую от

волнения Ксению. Но зато та видела его, успела разглядеть мужское лицо. Правда, нос был скрыт наносником шлема, но Ксения решила, что он тоже должен быть хорош, как и остальные черты лица ляхского рыцаря, что она увидела прежде, чем лях опустил голову.

Этот рыцарь в сверкающей на солнце кирасе настолько порастил воображение шестнадцатилетней девушки, что она оставшуюся часть кортежа царской невесты просмотрела не особо внимательно, поражаясь диковинным платьям что мужчин, что женщин в свите полячки. Сама же невеста на Ксению не произвела особого впечатления: затянутая в неприлично облегающее и открытое платье, с широким (должно быть неудобным) воротником и высокой прической, волосы в которой едва прикрывал головной убор, она показалась Ксении чересчур маленькой и остроносой. Она почему-то ожидала увидеть красавицу из сказок, что рассказывала ей мамка Ефимия — русоволосую, с длинными косами, в богатом убранстве. Полячка же совершенно не вписывалась в тот образ, что Ксения сама себе придумала.

— Ой, ты видела, боярышня? — после, уже в светлице, никак не могла успокоиться взбудораженная Марфута, которая недавно сама так страстно отговаривала Ксению лезть под самый потолок кладовой клетки. — Какие кони чудные были у царевой невесты? А платье-то видала ее? Совсем чудное. А голова непокрыта совсем! Хотя она же пока невеста, не жена же.

— Совсем утомила меня ты своей трескотней, Марфута! — наконец не выдержала болтовни служанки боярышня. Та удивленно взглянула на Ксению — задумчивость, в которую так неожиданно впала ее маленькая хозяйка, той была совсем не свойственна. — Трещишь, как сорока. Голова кругом от тебя!

Ксения вдруг захотела остаться одна, помечтать-погрезить о том рыцаре, который взглянул на нее. Ну, хорошо, не взглянул, просто вверх посмотрел, на дома... Прогнала прочь Марфуту из своей светлицы, села у распахнутых створок окна, что от греха подальше в сад выходило, принялась косу свою то сплестать, то расплестать.

Ах, какой он пригожий да статный! Выше даже ее брата единоутробного Василя, а ведь тот славен в семье Калитиных своим ростом! Ксения вспоминала пригожего шляхтича и коротко вздыхала, чувствуя, как кружит голову дивный аромат цветущего майского сада. Только об одном ей думалось в тот день — увидеть бы того ляхского рыцаря хоть раз еще!

Домашние обратили внимание на необычно тихую Ксению, от которой не отбиться было бы ранее от всех подробностей по прибытию царской невесты. Ведь Калитины были подле монастыря, в деталях видели молодую полячку и ее окружение. Старый боярин Никита Василич Калитин качал головой недовольно, рассказывая, как та приказала у самых ворот монастыря своим музыкантам играть польскую песню, а ляхи тут же подхватили ее и запели во все глотки.

— Негоже им свои ляхские песни в русском монастыре горланить, — говорил он за вечерней трапезой, с наслаждением запуская пальцы в блюдо с тонко нарезанной квашенной капустой. — Да еще так вести себя, будто ляхи тут хозяева, а не мы, москвитяне! Еще ж и к обедне не пробили, а многие из них под хмелем ходили, это ж видано? Ох, чую, отольется нам еще эта свадебка!

Средний брат Ксении, Василий Никитич, состоявший одним из воевод полка правой руки войска Московского, качал головой, соглашаясь с отцом, а вот младшенький, Михаил, только крутился на скамье возбужденно, пересказывая Ксении, сидевшей подле, какие празднества состоятся в Москве по случаю свадьбы царя Дмитрия и невесты его польской.

— Геть! — осадил его отец, когда тот, взмахнув рукой, едва не выбил из рук стольного слуги блюдо с отварной рыбой. — Ишь, засуетился! Твое бы рвение да на дело!

— Да и я бы не прочь сам, — откликнулся недовольно Михаил, памятуя о том, как просился в войско брата, хотя бы простым ратником, бить под Тулой тогда еще самозванца, а ныне помазанника на трон царский, но боярин Калитин не дал тогда своего позволения. Не зарубцевалась еще рана от потери старшего сына, Юрия, под Кромами, где воевода пал достойной воина русского смертью.

— Не пустил меня, батюшка, к брату главу мою славою покрыть, — буркнул тихо Михаил, выковыривая пальцами кости из рыбной тушки судака, поданного к трапезе. — И как теперь? Когда еще рать из Москвы выйдет?

— Ох, ты дурня! — воскликнул Калитин, подавая знак среднему сыну отвесить нахальнику подзатыльник, что тот тут же и сделал. — Не дай Бог еще сечей нам! Пусть хоть эта година в покое и мире пройдет. Ныне неясно совсем, куда Дмитрия, царя нашего, дай Бог ему здравия крепкого, понесет, в какую сторону. В шведскую ли, аль в турецкую.

В конце трапезы боярин Калитин пригладил свою широкую бороду, стряхивая хлебные крошки, а потом вдруг обратился к дочери, сидевшей, как мышка, подле младшего брата на скамье и почти ничего не вкусившей со стола, как заметил Никита Василич.

— Ты что это, моя краса? Не заболела, часом? — та вздрогнула и взглянула на отца, бледная и растерянная. Калитин тут же заподозрил худое, а он всегда доверял своей интуиции, которая до сих пор не подводила его, позволяя оставаться в Москве на хорошем счету и при царе Иване, и при Борисе, и при новом царе Дмитрии. — Ты сотворила опять проказу, Ксения? Не отводи очей в сторону, коль отец с тобой речь ведет, не отводи. Али обиду держишь, что не позволили на кортеж из ворот поглядеть? Но ты же знаешь, не пристало боярской дочери гляделки пялить на непотребство это. Я чуял, что так и будет, оттого и запретил тебе. Что, Ксения? Не томи! — но дочь его только головой покачала, мол, нет вины за мной, батюшка, и боярин загнал свои предчувствия в самый дальний уголок своей души. А быть может, то и не предчувствия вовсе, а просто недовольство перед предстоящим визитом родича с пограничных земель?

— Ты вот что, Ксения, к трапезе более не сходи. Отныне в светлице своей вкушать будешь. Нет, не смотри на меня так. Это не кара тебе проступки, не дай Боже! Гость у нас будет столоваться с завтрава. Родич по линии бабки вашей, дети, Акулины Прокофьевны, упокой Господи ее душу, — перекрестился Калитин, а вслед ним и дети его, что притихли и слушали речь отца.

— Часом, не с пограничных земель, что с литвинскими землями уسوبину ведет? — спросил Василь Никитич, хмурясь. — Вот уж дал Господь родственничка!

— Цыц! Родичей не выбирают, а коли и дали, то надобно уважить, — отозвался Никита Василич. Он подал знак родным, что те могут покинуть трапезную, и младшие дети тотчас вышли из-за стола, попрощались с батюшкой, пожелав тому покойного сна, удалились в свои половины.

— Будь я хозяином дома, где он ночлега просил, все едино — отказал бы! — горячился Василь Никитич. — Вора под кровом привечать — быть обворованному, помани мое слово.

— Я тебе ужо уши-то оборву, супротив отца речи вести! И не взгляну, что во главе полка ходишь да борода густая, — погрозился Калитин, и его сын тут же опустил глаза долу, потому как знал, что отец в гневе не посмотрит на возраст и отходит поясом узорчатым али сапогом. — Тосокровище, что он сторожит, аки волк добычу, я ему не отдам. Разговор об

том был и закончен на века! А вот на постой пустить долг наш священный. Ибо родич родича должен держаться. Особенно в такую тяжкую годину.

— Да вот только такой родич сам же нож в спину и вонзит, коли будет возможность, — не смог сдержаться Василь Никитич, и боярин вдруг подскочил на месте, ударил кулаком об стол с размаху.

— Ах, ты собака нечтивая! Совсем от рук отбились! Отца ни во что не ставите! Один прекословит, другой! Я ж вас...! — накричавшись, боярин отошел к концу, стал гладить бороду, обдумывая слова сына и собственные мысли на счет родича. А потом повернулся к сыну и сказал. — Готовься, Василько, к отъезду. Пусть Агафья твоя скорб собирает. Чую, скоро Москва опять загудит, уезжать надо. В родную вотчину поедem всем семейством, оттуда глядеть будем на то, как дело тут у царя пойдет. Первыми Ксеню и Агафью твою с детьми отправим. Да и Наталке, невестушке моей, не так тоскливо будет в деревне одной. Уж сколько времени, горемычная, одна там! С того дня, как...

Он хотел сказать: «... как привезли весть о гибели Юрия», но не смог, будто до сих пор отрицал гибель старшего сына. Проклятые ляхи! Сгубили его первенца! Столько месяцев прошло, а рана так и не затянулась на сердце боярина, все кровоточила. Кто знает — быть может, уступи тогда он такой неожиданной просьбе старшего сына пойти служить Господу нашему, и жив остался бы. Но нет, тряхнул седой головой боярин, негоже боярскому сыну в полах ходить. Негоже!

— Вот и зайцев двоих уьем — и сами спасемся от напастей, и Ксеню с глаз уберем чужих, в вотчину отправим.

Но назавтра Василь прислал в дом отца весть, что царь Димитрий назначил на середину месяца военные игры, и потому воевода никак уехать из войска не может. Боярин покачал головой, но отъезд отложил — отпускать женщин в самостоятельный путь было боязно по нынешним временам, а Михаила он пока не желал отправлять на такое серьезное дело одного. Сам же уехать не мог — не отпускали дела Думские, да будь они кляты. Пришлось в очередной раз призвать к себе дочь и напомнить, чтоб из терема и носа не показывала, а в церковь ходила через «черную» калитку.

— Будь радой моей, послушницей будь, прелестница ты моя, — гладил волосы дочери боярин, крепко прижимая ее к себе. Он знал, что только его самолюбие виновато в том, что дочь в ее годы еще не замужем и даже не сговорена, но не мог найти в себе сил расстаться с нею, отдать ее в другой род. Вот когда он найдет того зятя, что пылинки будет сдувать с его сокровища да на руках ее носить, тогда и вручит ему руку солнышка своего, не раньше!

А Ксения сама и рада была, что пока не обещана никому, да не жена она ничья. Разве могла бы она тогда так часто думать о том ляхе, что ехал в кортеже царской невесты? Разве не грех бы тогда был? Но она никому не поведала о той грусти, что поселилась змеей жалящей у нее в груди, умолчала, скрыла от отца, которому всегда все рассказывала по обязанности, от Михаила, от которого у нее никогда не было тайн.

— Господи, — молилась Ксения в тот день, кладя вместе со всеми поклоны на службе в церкви. — Помоги мне избавиться от тоски моей, от греховных грез моих. Грешна я. Чую, не ты послал мне нынче сны сладкие, ой, не ты! Господи, помоги мне! Очисти разум мой от дум грешных, ибо не желаю я их, не желаю...

Ей действительно приходили ночью сны. В этих снах она просто стояла и смотрела на ляха, что представлялся ей таким, каким она видела его в тот день. В сверкающем панцире, в шишаке {1}, скрывающем за наносником часть его лица, в шкуре невиданного пятнистого

зверя на широких плечах. Они стояли друг против друга в этих снах, касаясь друг друга только взглядами, будто не в силах оторвать глаз друг от друга. Просто стояли.

Но отчего тогда ее во сне охватывала такая сладкая истома, такое блаженство разливалось в груди? Отчего так билось ее сердце, когда она просыпалась? Отчего она смотрит ныне на святые лики, а видит только его лицо пред собой? От осознания собственной порочности у Ксении закружилась голова, испуг сковал члены. Ох, свят, свят! Спаси меня, Господи, от беса, что крутит мою душу!

Ранее выходя из церкви после службы, Ксения всегда ощущала некую радость, переполнявшую ее душу, будто она прикоснулась к той святости, которой был наполнен каменный храм. Но ныне она не рада была даже солнечным лучам, выглянувшим из-за серых туч, что царили над Москвой до обедни. Какое-то странное чувство щемило грудь, заставило нахмурить лоб, пройти без ласкового слова мимо нищих, что сидели на ступенях, просто бросила деньгу в подставленные ладони. А ведь ранее она не только подавала им медняки, но и каждому улыбалась, слово ласковое находила. За это и привечали ее блаженные и сирые. Видать, и вправду от лукавого ей эта маята, раз так поменялся нрав!

Забуду, решила Ксения. Забуду, а тятеньке скажу, что хочу уже дома своего, женой хочу стать, а не в девках ходить. Срамota уже! Столько лет, а все еще не сговорена даже!

— Очи долу! — вдруг резко и громко сказала Ефимия, старшая мамка женского терема, шедшая подле Ксении и Марфуты, впереди их небольшой компании из боярышни, ее прислужницы и нескольких мамок. Это означало, что боярышне следовало опустить глаза и пройти за ней, глядя только себе под ноги, никуда более. Вначале Ксения так и поступила, опуская глаза вниз, на подол сарафана и пыль дорожную под ногами. Но тут как на грех раздался чей-то смех, а после мягкая певучая речь, и девушка от неожиданности едва не упала, оступившись на небольшом камне, что лежал на дороге.

Ляхи! Именно они были где-то справа от женщин, именно их говор послышался Ксении.

Не смотреть, не смотреть, не смотреть, повторяла мысленно Ксения, стараясь сосредоточиться на дороге у себя под ногами. Но сердце ее вдруг забилося сильнее, чем прежде, будто уговаривая ее, убеждая: «Смотри! Смотри! Смотри!». И она уступила этому настойчивому ритму, своей глупой надежде (а вдруг она снова увидит своего пригожего ляха, что приходил к ней снах?), своему неумемному любопытству, подняла голову, повернулась на звук польской речи.

Ксению тут же нагнала мамка Ефимия, заметившая маневр боярышни, пребольно стукнула ее по затылку, не рассчитав видимо от испуга силу удара, прошипев прямо в ухо:

— Очи долу, боярышня! Долу!

Ксения тут же опустила глаза вниз, сама того не желая краснея, как маков цвет. И от своего позора на глазах у многих, кто был ныне на церковной площади, и от того, что увидела в глазах молодого шляхтича, который стоял в кругу своих товарищей неподалеку.

Это был именно он, тот самый рыцарь, которого она заприметила из оконца несколько дней назад. Он стоял среди остальных молодых поляков, что с любопытством и насмешками рассматривали москвитян, пересекающих церковную площадь именно в этом месте, ведь сразу же углом стояла городская ярмарка. На этот раз рыцарь был без лат, а в красном кунтуше с длинными узкими рукавами и шафранового цвета жупане, на голове была шапка, украшенная длинным разноцветным пером какой-то диковинной птицы.

Стой лях чуть подалече или спиной к проходившим женщинам, Ксения ни за что не распознала бы его за этот короткий миг. Но он стоял всего в нескольких саженях от их пути

и как раз обернулся на них. Девушка потом вспоминала раз за разом этот момент и каждую деталь из него: темные глаза, так и обжегшие ее огнем, тонкий нос, гладко выбритый подбородок, разлет черных, как смоль, бровей, яркие краски богатого костюма ляха. И даже свистящий, полный гнева и угроз голос мамки Ефимии, сулящий все мыслимые кары своенравной девице, утративший всякий стыд, не испортил Ксении благостного настроения. Она выслушала все нотации, что заслужила, молча, опустив глаза в пол, покаялась в своем ослушании и пообещалась никогда более не творить подобного бесстыдства.

Но едва за старшей мамкой закрылась дверь, скинула личину благонравной девицы и бросилась тормошить Марфуту:

— Глядела на ляхов у церкви? Расскажи же!

— О котором тебе? — игриво улыбнулась та, и Ксения отшатнулась от нее, изумленная:

— Ты их всех успела разглядеть? Неужто? Ну, Марфута! Ну и проказа! Расскажи о том кто в алом кафтане был, о нем знать хочу.

— Ой, не с добра вы взглядами с ляхом зацепились! — покачала головой Марфа, вмиг становясь серьезной. — Не с добра! Да и глаз у него какой-то... темный глаз-то! Негоже думать о нем. Тем паче, о чужеземце языческом.

— Я сама решу, как поступать мне и о ком думать, — отрезала Ксения, выпрямляя спину, становясь истинной дочерью своего отца. — Не твое дело совет мне давать! Лучше скажи, что прошу, и буде!

Второй раз Ксения увидела ляха через пару дней, когда уговорила гневающегося на ее поведение отца сменить гнев на милость и отпустить ее в церковь на службу. Поляк стоял у самых ступенек храма, вглядываясь в лица прихожанок. Он заметил Ксению и узнал, так и не отводил глаз, пока от церкви удалялись после службы, рассказала позднее на радость той Марфута. Ведь за самой Ксенией смотрела во все глаза Ефимия, не позволяя даже лишний раз глаз поднять.

С той службы поляк стал часто появляться у церкви, скрываясь по возможности от цепких глаз мамки Ксении, не давая той ни малейшего повода для подозрений. Сердце девушки билось, как безумное, едва та слышала шепот своей верной пособницы Марфы: «Тут он», а сама она едва сдерживала себя, чтобы не взглянуть на него даже мельком, не так открыто, как позволяла себе в ночных грезах. Как же это было тягостно — чувствовать на себе его горячий взгляд, но не сметь посмотреть на него!

— Как ты думаешь, любя ли я ему? — спрашивала Ксения Марфуту всякий раз, как возвращалась из церкви и разглядывала свое лицо в тусклое зеркало на длинной ручке.

Приближалось лето, солнышко пригревало все сильнее, и на ее лице снова стали появляться почти невидимые чужому глазу небольшие светлые точки. Ксения находила их на щеках и на носу, приходила от этого в отчаянье — рядом с ляхом столько красавиц роскошных, разве способна она увлечь его своим видом? Она смотрела и смотрела в зеркало, стараясь убедить себя, что цвет ее голубых глаз не тускл, а следы солнца на лице не так заметны. Что слегка курносый нос вовсе не уродует ее, а лицо не так кругло, как ей кажется. Достаточно она хороша, чтобы прельстить того пригожего ляха?

Потом вдруг отбрасывала зеркало прочь от себя, кидалась на перины постели и плакать начинала в голос, пугая мамок своим горьким плачем. Те суетились вокруг боярышни, предлагали ей то попить, то потрапезничать, дули в волосы и на лицо, стараясь успокоить. После, так же внезапно, как началась, истерика Ксении прекращалась, и она снова становилась весела и покойна, убегала в сад играть с Михаилом в горелки или принималась

за шитье жемчугом или вышивку.

— Тут не обошлось без молодца! — твердо сказала тогда Ефимия боярину Калитину на его вопрос о перепадах настроения дочери. — Чую, молодец тому виной, не иначе!

Тот недоумевал — кто и где мог похитить сердце его Ксении? В церкви что ли? Но ведь Ефимия говорит, что никто не глядит на боярышню в церкви, никто не спешит той подать свечу перед службой, не ловит ее взгляда. Неужто гость их, что столуется и ночует на боярском дворе уже несколько дней? Да нет, быть того не может! Да и где им встретиться-то, когда тот так и рыскает по Москве целыми днями, оправдываясь делами вотчины. К Шуйскому, изменнику, что ль он примкнул? Во всю по Москве ходили слухи о скором свержении бывшего Самозванца, и боярин очень хотел бы оказаться в этот день подальше от стольного града.

Потому-то после вечерней трапезы он поднялся в женский терем (где с неудовольствием застал и младшего сына) и объявил, что через день Калитины уезжают в вотчину родную. Это известие вызвало такую бурю слез ночью у его дочери по словам одной из мамок, что Никита Василич пришел в явное недоумение. Но решения своего все же не изменил, и Ксения поняла, что у нее остался всего один день в Москве, с тяжелым сердцем отправилась к заутрене.

На службе поляка не было. Марфута все глаза проглядела, но в толпе, что на удивление, была ныне столь многочисленна на площади перед церковью, знакомого лица так и не увидела. Потому Ксения воротилась домой вся в слезах, что начали течь по лицу еще задолго до заветной калитки. Она проплакала почти все утро, прогнав прочь всех и мамок, и Марфуту, но к обеду вдруг поднялась в постели и приказала собираться к службе.

Мамки во главе с Ефимией ответили ей категорическим отказом — как только они вернулись на двор, хлынул долгий дождь плотной серой стеной. Ныне по улицам Москвы было не пройти боярышне в ее сарафанах с длинным подолом да в летниках с такими долгими рукавами, что Ксении приходилось часто их подбирать, чтобы идти без помех. Но боярышню не волновали ни грязь, ни лужи в выбоинах, она упрямо настаивала на своем решении.

Пробудился боярин Калитин, что недавно удалился к себе на дневной сон, согласно общепринятому правилу, гневался, самолично явился в терем узнать о причинах крика. Выслушав дочь, он неожиданно для всех встал на ее сторону и приказал собираться к службе («Почтенно твое рвение, моя радость»), шепнув наскоро мамке Ефимии на ухо: «Проследить в оба глаза, кого так увидеть хочет!»

Сразу перед службой, когда Ксения только ступила в притвор, Марфута сумела протиснуться к ней поближе сквозь ряд прихожан и шепнуть на ухо: «Нет его, боярышня». И девушка едва сдержала слезы на литургии, не смогла удержаться и не думать о том, почему лях не приходит более к церкви. Неужто более непригожа она для него? Или думает, что она равнодушна к нему? Неужто не ведает, что русские девушки не такие, как его соотечественницы, не имеют права даже глазами показать своего чувства, что так и пылает в груди?

Приступили к чтению молитвы Господней {2}. Литургия подошла к апогею, Ксения же так и не сумела отбросить думы о мирских заботах своих, о том, что так тревожило ее. Мамки перешептывались, выходя из церкви, видя дурное настроение своей питомицы, Ефимия же хмурилась недовольно, шлепнула Марфуту от души по спине, чтоб не стояла, как вкопанная на ступенях и не глазела по сторонам, мешая пройти остальным прихожанам.

Благости ей не прибавила и обратная дорога на двор Калитиных: пока они стояли литургию, доски, что чья-то добрая душа положила через улицу, чтобы пешие могли посуху перейти грязь, оставшуюся после дождя, были вдавлены колесами тяжелых возков и телег прямо в коричневую жижу. Перейти на другую сторону, где была полоска уже просохшей земли, что шла прямо до дома, ныне не представлялось возможным.

Ефимия огляделась, чтобы крикнуть людей, бедноту, что в такие дни всегда крутилась у таких луж, желая заработать копейку, переноса через лужи и грязь. Мимо нее вдруг мелькнула какая-то фигура, и прежде чем она успела подумать о чем-либо, подхватила на руки боярышню и пошла прочь от мамок и прислужниц, ступая сафьяновыми сапогами прямо по жиже.

Ксения же ахнула, когда сильные руки обхватили ее и подняли вверх, но взглянув несмело из-под ресниц на того, кто осмелился на этот поступок, сдержала крик, рвущийся с губ, чувствуя, как медленно разливается по всему телу легкая дрожь волнения. Это был тот самый шляхтич, которого она ждала весь день напролет, и она не смогла скрыть ту радость, что охватила ее при виде него, так и заплескалась в глазах. Ксения ощущала силу его крепких рук, чувствовала биение его сердца под ладонью, которую она положила ему на грудь, не в силах удержаться, чтобы не коснуться его тела.

Ах, коли бы улица была так широка, как Москва-река! Коли этот миг длился бы целую вечность! Но вот уже под ногами у шляхтича сухая земля, и он опускает боярышню с рук. Ксения подняла на него глаза, чтобы поблагодарить его, но так и не сумела произнести ни слова, смущенно краснея под его взглядом. Она впервые была так близко к мужчине — расстояние меж ними было не более двух четвертей {3}, и она ясно видела каждую черточку его лица, вглядывалась, стараясь унести в своей памяти.

Шляхтич вдруг поднял руку и легко коснулся щеки Ксении, провел кончиками пальцев по нежной коже, заставляя ее голову идти кругом. Это бесчинство заставило Ефимию, до сего момента стоявшую словно оглушенную поступком поляка, глухо вскрикнуть и кинуться к своей боярышне, прямо через лужу, по жидкой грязи, разделяющей их. За ней шумом бросились, пачкая подола, остальные мамки на другую сторону улицы, чтобы побыстрее разъединить, разлучить боярышню с паскудником, увести ту на двор поскорее с глаз.

— Убери руки свои поганые! — прошипела Ефимия, толкая поляка плечом. Она резко схватила девушку за руку, причиняя той боль своей железной хваткой, потащила ее за собой чуть ли не волоком. Другие женщины обходили его, кидая на него кто испуганные, а кто и возмущенные взгляды. Только Марфута, огибая мужчину, спеша за своей боярышней, неловко улыбнулась ему.

— Не стоит благодарностей, глубокоуважаемые панны! — крикнул им вслед шляхтич, сорвав шапку с головы и отвешивая поклон. — Пан Заславский всегда рад прийти на помощь дамам!

— Ляшская собака! — процедила Ефимия, расслышав за спиной издевательский смех поляков, наблюдающих эту картину со стороны. — Чтоб вам провалиться всем, паскудам эдаким!

Ксения же не обратила внимания ни на тон, которым обратился к ним Заславский, ни на смех и крики на польском, что еще долго доносились им вслед. Она была вся под впечатлением того нежного касания к своей щеке. Она вспоминала, как вдруг что-то легко зашевелилось при нем в животе, будто сотни маленьких бабочек забились внутри, как екнуло сердце в груди сладко.

Значит, это и есть любовь, решила Ксения. А разве любовь не стоит того скандала, что закатила ярко-красная от гнева Ефимия, угрожая открыть позор Ксении отцу, когда тот вернется со двора среднего сына, куда уехал обсудить предстоящую поездку? Разве не стоит боли от розог, что непременно всыплет батюшка, когда узнает о том, как дочь его смотрела на ляха?

Теперь-то точно поляк пришлет сватов к ним на двор, раз посмел так открыто выразить к ней свои чувства, думала Ксения, ворочаясь на толстой пуховой перине, когда за полуоткрытым оконцем ее спальни зажглись первые звезды. Громко храпела на своем матрасе в углу Ефимия, спала, приоткрыв рот, Марфута подле кровати боярышни. А вот Ксения еще долго не могла сомкнуть глаз, мечтая о завтрашнем дне, когда на двор Калитиных ступит нога ее любимого. Ведь разве не соединились перед алтарем царь Димитрий и царица Марина? Значит, и она сможет стать женой ляхского рыцаря...

В сон Ксения провалилась только под утро, когда небо стало сереть, а звезды, подмигивающие девушке через створку окна, начали пропадать с небосклона одна за другой.

Всего через пару минут ударят в набат на колокольне церкви на Ильинке, подавая сигнал заговорщикам во главе с боярами Шуйскими идти к Кремлю и бить царя самозваного, жену его и всех ляхских приспешников, что только и есть в стольном граде.

1. Шлем польского гусара
2. Молитва «Отче наш»
3. старорусская мера длины в XVI–XVII вв., равная расстоянию между раздвинутыми большим и указательным пальцами

Громкий тревожный перезвон, разносящийся над рассветной Москвой, перебудил всех в доме Калитиных, как и остальных москвитян. Никита Василич, даже не накинув на себя опашень, как был — в сорочке нательной да сафьяновой тафье {1}, бросился во двор, где уже суетились перепуганные слуги. Криком прекратив панику и истерики, боярин послал двух прислужников своих узнать, что творится в Москве, пожар али где или что, других отправил в дом сына, что стоял через две улицы от двора Калитиных. Затем поднялся к себе в половины, где расторопный слуга облачил его в одежды, полагающиеся его положению, справедливо рассудив, что негоже почивать ложиться в этот час. Да и судя по звукам, что изредка доносил со стороны Кремля легкий ветерок, причиной такого гама был вовсе не пожар, а кое-что похуже.

Стукнули в дверь, стоявшая за порогом, мамка просила изволения боярышне увидеть отца. Тот позволил, зная, что их гость снова не под кровом хором (это только укрепляло Калитина в своих подозрениях, что тот неспроста явился в Москву). Ксения прибежала неприбранная в одном летнике, накинута поверху поневы, и Калитин недовольно сдвинул брови: «Что за срам!» Но продолжить не успел — вернулись посланные за вестями гонцы, и Ксения быстро юркнула за высокую спинку расписного стула отца.

— Ох, боярин-батюшка! — сняли с голов гонцы шапки, кланяясь хозяину. — Ныне опять в стольном граде переполох да смута. Ляхи, говорят, царя нашего, батюшку, бьют! Народ на подмогу пошел к Кремлю. Повсюду псов ляшских режут! Кровушка так и течет во всех дворах, где ляхи постоем стояли.

Ксения не смогла сдержаться при этих словах — в глазах ее вдруг помутнело от картины, представшей перед очами, и она, глухо и надрывно вскрикнув, упала на пол прямо за стулом отца. Тот, быстро отпустив слуг, бросился к ней:

— Ксения! Что ты, Ксения?

Она лишь смотрела на него, заливалась слезами и только повторяла:

— Как же так, тятенька? Как же так?

Кликнули мамок да слуг, перенесли боярышню в женский терем, потому как та даже на ногах стоять не могла. Казалось, она даже никого не узнавала, только тихо слезы роняла, зажимая зубами уголок подушки. Видя подобное расстройство дочери, Калитин сам едва не плакал от огорчения, испугавшись за ее состояние.

Он разрывался на части в этот миг. Прибежавший на двор отца Василь Никитич рассказал, что царя Димитрия и его приспешников убили в Кремле, и надобно было идти со двора, чтобы узнать, что и как нынче будет после гибели царевой. Но тут, в тереме, было худо его кровиночке родненькой, и Калитин не мог оставить ее, ведь она так цеплялась в его руку, роняя слезы в подушку.

— Ступай, боярин, по делам своим, — шепнула ему мамка Ефимия, кутаясь в платок. — Не страшна эта хворь, как видится. Сейчас макового настоя дадим боярышне, она и затихнет. Ступай с легким сердцем! — а потом, когда Калитин, с трудом выпустив из руки ладонь дочери, двинулся к двери, тихо добавила. — Девку отдавать пора. Супружника надо ей уже, боярин. И хвори такие минуют, помяни мое слово.

Девушку напоили настоем, уложили на перины, предварительно плотно затворив все оконца в тереме, чтобы ни один звук не долетал в светлицу с улиц Москвы. Под действием

дурмана Ксения провалилась в глубокий сон без сновидений и с трудом открыла тяжелые веки только, когда солнышко за оконцем склонилось по небосводу вниз, уже готовясь сойти на ночной покой.

— Ой, боярышня! — кинулась к ней Марфута, приставленная следить за сном девушки. Остальные женщины ушли в людскую слушать рассказы о нынешнем дне, что принесли с собой ратники боярина Калитина. Сам же боярин ушел почивать, утомленный донельзя событиями минувшего дня.

А событий было немало. Был убит теперь уже снова названный «Самозванцем» царь Димитрий и его преданный Басманов. Их обнаженные трупы протащили почти через весь город и оставили на всеобщее обозрение на Лобном месте, украсив на потеху народа дудкой и маской, что нашли в царском дворце, где на нынешний вечер был запланирован карнавал для услады царицы. Сама царица сумела спастись и ныне была в безопасности от людского гнева. Как и остальные поляки, что сумели продержаться несколько часов — до полудня, когда заговорщики, не желая идти на ссору с польским королем, сумели обуздать толпу и прекратить резню.

Уже под вечер посол Речи Посполитой принялся искать самых именитых своих соотечественников, что не сумели вовремя укрыться за дверями его дома от этой напасти. Некоторых нашли убитыми, некоторых так и не смогли найти. В том числе и сына магната Заславского, что привел когда-то свою родовую хоругвь на подмогу Юрию Мнишеку и гетману Зборовскому в этой русской аванюре.

— Боярышня! Боярышня! — принялась трясти девушку Марфута. Та открыла глаза и огляделась, а потом вспомнила, отчего оказалась в постели на весь день и снова упала на подушки вся в слезах. Марфута всплеснула руками, а потом склонилась над своей хозяйкой, горячо зашептала той прямо в ухо. — Жив он! Лях тот, жив, вот тебе крест, Ксения, жив!

Та резко села в постели, схватила служанку за плечи, больно вцепившись пальцами в кожу, даже через ткань поневы. Глаза Ксении горели огнем, и Марфа вдруг пожалела о том, что поведала боярышне про ляха, да куда отступать-то ныне?

— Точно ли? Откуда знаешь?

— Да у нас он в хладной сидит! Он и еще несколько ляхов. Привезли его утром, спеленатого, аки младенчика, заперли на засов, — захлебываясь от волнения словами, рассказывала Марфута. У нее до сих пор перед глазами стояла эта картина: ляхи, связанные, как куры на ощип, все окровавленные, в рваных одеждах и этот боярин, что гостит на дворе Калитиных, — довольно улыбающийся, как кот, дорвавшийся до сливок. А глаза-то его... страшные, бесовские глаза...

Ксения тем временем соскочила с перины, бросилась к образам в углу, освещенным тусклым светом лампадки, принялась благодарить святых за то, что спасли жизнь того, о ком она недавно так горько плакала. Потом вдруг повернулась к Марфуте, схватила за руку, принуждая говорить.

— Что? Как он попал сюда? Батюшка привез его или Василь? Отчего он тут?

— Ах, боярышня, кабы я знала! — поспешила заверить ее служанка. — Но привез ляхов не Никита Василич и не Василь Никитич. Ляхов привез на двор гость наш, что у нас на дворе уже несколько дней живет, помните, батюшка говорил вам про него? Родич вашей семьи. Откуда-то с земли приграничной он приехал. Я тогда как раз во дворе была, думала поглядеть через щель в воротах, что на улице-то творится. То шумели-шумели, а то вдруг стихло все разом. Будто и не было ничего, — Ксения знала, как любит поговорить Марфута,

и потому подала той знак побыстрее переходить к сути дела. Та заметила это и быстро проговорила. — И тут как раз он с ратниками своими зашел, пленников завел, родич ваш. Терентьич, ключник наш, сразу же к нему кинулся, мол, что за люди, откуда и зачем на двор тот привел. А тот говорит, пленники, мол, мои, людям своим скажи, чтоб не болтали лишнего насчет них. А с боярином сам, сказал, речь будет вести. Вот и будут, верно, за трапезой вечерней разговор насчет ляхов иметь, — Марфута посмотрела на окно, за которым уже начинали сгущаться сумерки, словно говоря, вот уже скоро будут долю ляхов обсуждать, а потом продолжила рассказ. — Батюшка ваш шибко недовольный был, что ляхи на его подворье. Ругался, сказал, все родичу поведает, что думает. А недавно на двор еще ляхи приходили, другие, спрашивали, правда, мол, что к нам кого-то в крови завозили да связанных. Ищут, видать, их. Но боярин ответ держал, что то раненые были слуги наши, что пострадали ныне в толпе. Скрыл он ляхов-то, боярышня. Родича же пленники, не его...

— Это точно он? — вдруг встревожилась Ксения. — Ты говоришь, в крови были. Может, ошиблась ты? Обозналась?

Марфа задумалась на миг, а потом головой качнула:

— До этого я вполне была уверена, что он, лях тот, что к церкви приходил. И на руках нес вчерась... Но ныне же... Бездушный он был. Видать, сильно по голове ударили. Да и быстро их заперли, особо глядеть времени не было совсем, — она замаялась, а потом сказала. — Как за трапезу сядут, пойду и погляжу. Ныне за сторожевого Никодим стоит. Он позволит мне глянуть.

Сказала и тут же пожалела о своих словах, что так неосторожно слетели с губ. Потому как боярышня вдруг резко выпрямила спину и проговорила твердо:

— С тобой пойду! — и, заметив, как замахала руками Марфа, повторила резко. — Пойду! На дворе темнеет уже, в хладной еще темнее. Ты обознаться можешь, я же сердцем узнаю!

Ксения пропустила мимо ушей все доводы, что пыталась донести до нее Марфута, описания наказаний, что ждет их неминуемо, коли застанут у хладной боярышню. Та была непреклонна — что ей ныне наказания, когда так доля складывается. Думала, придет на двор Калитиных лях, как суженный ее, а пришел пленником да еще, не приведи Господь, при смерти!

В конце концов, Марфа смирилась, зная, что ежели хозяйка ее решила, то ни за что не переменится, принялась помогать той. Девушки решили, что Ксении лучше одеться попростому: только понева да сарафан, никаких долорукавок или летников, никаких ожерелий. Так было намного легче в темноте сойти за прислужницу по наряду — богатство же вышивки не будет заметно. Ксения все же не смогла устоять, попросила Марфу повязать не простую ленту на голову, а украшенный жемчугом да нитью-серебрянкой налобник — боярышня же она все-таки! Пусть видит, что не простая девка!

Перед тем, как выскользнуть из терема женского, Марфута убедилась, что все домашние в людской. Даже мамки, полагая, что Ксения будет спать до утра, удалились туда, чтобы послушать вести о том, как ныне свергали царя самозванного, охая и ахая. По хоромам суетились лишь ключник да стольные слуги, что готовили большую светлицу к трапезе.

Едва дыша, спустились заговорщицы на задний двор: одна, грустно вздыхая при мысли о том, как будет болеть спина после того наказания, что непременно получит после нынешнего вечера, другая — движимая лишь надеждой убедиться, что тот, кто владел ныне ее разумом и сердцем, все же смог избежать ужасов этого утра. Марфута попросила

боярышню дожидаться в укрытии крыльца, а потом убежала к хладной, что темнела в глубине двора рядом с остальными хозяйственными постройками двора Калитиных. Обычно она пустовала, ежели не было провинившихся слуг, а ныне дверь была закрыта на толстый засов, а недалече сидел сторожевой, к которому и направилась Марфа, крутя свою толстую косу в руках. Значит, не ошиблась служанка ее, значит, внутри, и правда, пленники сидят.

Ксения со своего места видела, как Марфа уговаривает ратника, глядя своей ладошкой по его широкому плечу, и тот только качает головой. Но потом он пожал плечами и отошел в сторону, а Марфута принялась махать ладошкой своей боярышне. Ксения огляделась и, убедившись, что двор пуст, а в оконцах на этой стороне дома нет огня, пошла быстрым шагом по направлению к двери к хладной, ухватила за толстые прутья дверного оконца, вглядываясь в темноту, что была за ним. И как она могла подумать, что сможет увидеть его, коли свою руку, просунь она за решетку, не было бы видно Ксении?

Но тут из темноты вдруг к оконцу метнулось что-то белое, едва не заставив Ксению испуганно вскрикнуть. Чьи-то пальцы — большие, тяжелые — легли на тонкие пальчики девушки поверх железа решетки. Лицо (а именно оно и было тем белым пятном) приблизилось к оконцу, и Ксения замерла, распознав знакомые черты, что так часто видела во сне. Она бы узнала его даже в полной темноте, ведь только его глаза могли заставить ее сердце пуститься в бешеную пляску под тонкой тканью поневы.

— Кто ты? — спросил лях сурово. — Что нужно тебе?

— Это я, Ксения, — девушка так растерялась, что назвала свое неполное имя, а потом подумала, зачем имя-то назвала, он же его и не слышал никогда. Лях ослабил нажим на ее пальцы, услышав нежный девичий голос. А потом вдруг вгляделся в черты ее лица и улыбнулся:

— Ксения, — прошептал он, и Ксения почувствовала, как вмиг стало тепло в груди от этого мягкого шепота. — Ксения.

Лях взял ее руку и потянул ее ладонь сквозь прутья решетки, заставив коснуться своего лица, провел ее пальцами по своему лбу, носу, губам. Ксения даже забыла дышать, потрясенная прикосновением к его коже. Никогда еще она не касалась мужчины (братья и тятенька были не в счет, то ж свое, родное), никогда еще не испытывала этих эмоций, что так и рвали ее душу ныне.

— Владислав, — прошептал поляк, а потом прижал кончики ее пальцев к своим губам, нежно целуя каждый. — Владек... Имя мое — Владислав.

— Ох ты, Матка Боска! Одной ногой в могиле стоим, а он все туда же, по юбкам! — раздалось глухое ворчание из темноты хладной, и Ксения испуганно отшатнулась. Она разобрала в польской речи только два слова «нога» и «гроб» {2}, но поняла по-своему слова, донесшиеся до ее уха, вдруг осознала, в какой опасности находится лях, что стоял по ту сторону толстой дубовой двери.

— Молчи, Ежи! — ответил ему Владислав, внимательно вглядываясь в лицо девушки — не поймет ли та из польской речи, о чем они толкуют, по-прежнему ласково глядя ее пальцы, удерживая за руку, чтобы не упорхнула птичка ранее времени. — Ты же знаешь поговорку — что хозяин соберет мешком, баба вынесет горшком. Надо не упускать то, что само в руки идет, — и, уже по-русски, к Ксении, когда словно почуяв неладное, та стала потихоньку свои пальцы из его ладони высвобождать. — Тихо, тихо, моя дрога...

Та снова замерла, заслышав в голосе поляка нежность, которая так туманила ныне ее разум.

— Не думал я, что мы вот так с тобой свидимся, мое сердце, — ласково проговорил Владислав, и Ксения вспыхнула от радости, что загорелась в сердце. Значит, не ошиблась она — поляк действительно хотел ее увидеть, а как еще можно было свидеться после той вольности, что лях позволил ныне днем, коли не на сватовстве? — Чья ты, моя дрога? Кто твой отец? Зачем нас в полоне держит? — стал выпрашивать Владислав, легко поглаживая ее ладонь.

— Идти мне надобно, — вдруг испугалась Ксения, видя краем глаза, как Марфута вдруг стала делать знаки руками, явно встревожившись от чего-то. И быстро добавила, желая обелить своего отца в глазах любимого. — Не батюшка мой вас в полон взял. Пленники вы родича моего, боярина Северского, что за неимением своего двора в Москве у нас остановился постоем.

Явно удивленный этим ответом, Владислав на мгновение разжал пальцы, и Ксения тут же вырвала свою ладонь из его руки, освободилась от его хватки. Миг помедлив у оконца решетчатого, все же побежала быстро к крыльцу, на котором уже стояла Марфута, подавая знаки своей боярышне поторопиться. Она не видела, с какой силой вдруг сжал решетку Владислав, как заиграли желваки на его лице, не слышала голос из темноты, что тут же произнес, едва было названо имя боярина:

— От попали, как свинья на бойню! Думал, Владек, что отцу свою доблесть докажешь, коли в поход на Московию пойдешь. А теперь вон оно как вышло! Не злотые будут требовать от отца за тебя, иное совсем. Да уж доказал так доказал! Весьма доволен будет пан Заславский!

— Молчи, Ежи! — прошипел Владислав, с силой сжимая железные прутья. Имя ненавистного ему русского, чей род столько неприятностей принес его семье из-за небольшого куска земли на приграничье, горело в голове поляка ярким огнем. Владислав и в этот поход пошел, надеясь выслугой добиться у нового царя Московии права на земли Северского, что граничили с землями магната Заславского, устранить навсегда этого русского.

Пусть оставит эти земли да в свою вотчину в тверские земли уходит! Задояны исконно принадлежали роду Крышеницких, из которого родом мать его была, принеся эти земли с широкими лугами да плодородными полями в качестве приданного во владение Заславским. И уже не имеет ровным счетом никакого значения, что прапрабабка той была русской, и некогда те земли, что так же через приданое вошли в Литву, были московскими, и принадлежали московскому роду. Как бы ни пытался этот русский вернуть их, никогда Задояны не будут его, ибо у Заславских все права на эти земли!

Ксения же тем временем еле успела ускользнуть в женский терем мимо брата среднего и его телохранителей, что направлялись взглянуть на ляхов, попавших в полон этим утром. Марфуту дрожь била от волнения, ведь они едва-едва не столкнулись с теми на заднем дворе, только сам Бог отвел боярышню от этой встречи.

— Слава тебе, Господи! — перекрестилась она на образа, едва ступив в половину боярышни, плотно затворив за собой дверь. — И мамок нет в полове твоей, и от брательника ушли. Прикажешь ко сну готовиться, боярышня?

Но та лишь покачала головой в ответ. В ее голове только и крутилось ныне это свидание у решетчатого оконца, слова, сказанные поляком. Она до сих пор ощущала его кожу под своими пальцами, чувствовала прикосновение его губ к своей руке. Будто огнем ожег, подумалось Ксении, а потом она нахмурилась, только ныне вспоминая, как темнела на лбу у

ляха запекшаяся кровь, и страшное слово, сказанное из темноты. Гроб! От этого кровь мигом стыла в жилах, сбивало дыхание в груди. Захотелось плакать, но Ксения не позволила себе этой слабости.

— Ступай к трапезной, послушай, что за речи о невольниках будут вестись, — приказала она Марфуте. — И не смотри на меня так! Я-то как никто знаю, что не в первой тебе идти туда. Кто приносил мне вести о сватовствах? Ступай!

Марфута ушла, недовольная своим поручением. Она-то надеялась, что Ксения наконец-то уляжется в постель на сон ночной, и они смогут без мамок, что видно, ныне в людской будут еще долго обсуждать нынешние московские события, пошептаться о своем, сердечном. Но нет же, снова Ксении что-то в голову взбрело, а она, Марфута, иди и исполняй! Ох, тяжела она, доля холопская!

Ксения же опустилась на колени перед образами, пытаясь в молитвах поблагодарить Матерь Божию, что ее суженного привела к ней, упросить ее заступиться за него перед Сыном своим Небесным, но слова не шли на ум, она то и дело сбивалась, отвлекалась на сторонние мысли. Как уговорить отца, чтобы отпустил невольников? Как умолить его отдать ее в ляхский род супружницей этого шляхтича? Ведь отец и слышать ничего не желает о поляках, даже иногда плюет им в след, проклиная за смерть старшего сына. Разве сможет он усмирить свою боль, свою гордыню и внять словам любимой дочери?

А потом перед глазами Ксении снова всплыло красивое лицо ляха, и она замерла, вдруг представив, как снова проводит по его коже пальцами, но уже тут, в светлице своей, где они останутся одни, без челяди, как муж и жена. Что будет далее, она не знала, но само предвкушение того, что настанет день, и она сможет смело трогать его лицо и плечи, наполняло ее душу восторгом.

Вернется Марфута, еще пойду к хладной, решила девушка, распахивая оконце в сад, наполненный дивным ароматом цветов. Только надо будет кваса взять и хлеба, ведь с утра, вестимо, без еды сидят. А может, Марфа и еще что сумеет раздобыть в кухне у Милорады, кухарки боярской. Та ей теткой приходится, должна помочь по-родственному.

Стукнула дверь светелки, и Ксения тут же обернулась на звук, моля мысленно, чтобы это были не мамки, особенно Ефимия, что коршуном смотрела за своей питомицей. Но нет, то Марфута вернулась, вся раскрасневшаяся от быстрой ходьбы да опаски, что заметят ее, подслушивающей беседы хозяйские.

— Ой, страсти-то какие, боярышня! — с порога вскрикнула та, метнулась к образам, где бухнулась на колени и принялась часто креститься, только и бубня себе под нос. — Убереги мя, Господи, от подобной участи! Спаси и сохрани мя, рабу твою Марфу!

Ксения похолодела от вида перепуганной прислужницы своей, но вмиг опомнилась, подбежала к той, принялась трясти за плечи.

— Что? Что за страсти? Что услыхала? — но Марфута не отвечала, только смотрела на боярышню испуганно, и той пришлось вlepить своей девке оплеуху, чтобы та не заставляла томиться от тревоги хозяйку. Та тут же заскулила обиженно, но заметив, как Ксения снова поднимает руку, все же заговорила:

— Батюшка ваш в гневe сильно, что ляхи на подворье его. Шибко кричали они ныне в трапезной, с родичем споря. Мне даже прислушиваться не пришлось! Никита Василич требовал отпустить ляхов или убрать со двора, на худой конец. А родич ваш отнекивался, не могу, говорит, отпустить, счет у меня есть неоплаченный, — Марфа на миг умолкла, вспомнив, каким страшным огнем горели глаза гостя боярского, прямо оторопь брала от их

вида. И как только Никита Василич не испугался этого огня? Марфа вспомнила, как хладен был голос хозяина (он стоял к ней спиной, и она не могла разглядеть оттого его лица), как отрывиста и резка была речь.

— Нет места на моем дворе ляхам! Отпусти их, коли не хочешь трудностей! Шуйский не желает войны с Речью Посполитой, на все пойдет, чтобы умаслить послов, а им этот лях нужен, сын магнатский.

— Не могу отпустить! И не отпущу! — отрезал Северский, блеснув глазами. — Я за ним давно охоту вел, а тут такая удача, резня эта. Нужен он мне. Сам знаешь, Никита Василич, какой счет у меня к этому роду ляшскому. А голова этого ляха будет мне только подспорьем в нем!

— Раз баба не смогла подспорьем стать, то за этим пришел? — прозвучал вопрос в тишине трапезной, и гость Калитиных замер, ошеломленный.

— Откуда знаешь? Уже и в Москве известно?

— Что Москве известно — не ведаю. А я про разбойничьи выходки твои знаю! Нашлись люди, что поведали мне о деле том, когда ты в прошлый раз со сватовством приехал, — ответил ему Калитин. — С бабой, вестимо, воюешь? Вот уж достойный боярина воин!

— Да что ты ведаешь? Сидишь в Москве и в ус не дуешь! А мне свои земли приходится отстаивать! Кровью, слышишь, отстаивать! — вспылil Северский, ударяя кулаком по своей ладони, пытаясь сдерживать гнев, раздирающий душу. — Мои это земли. Мои! Исконно русскими они всегда были! Думал, заложника возьму, чтобы Заславский наконец-то на переговоры пошел, а не только огнем мне отвечал. Кто же знал, что эта ляшская баба с такой дурью в голове, что супротив меня пошла? Не смотри на меня, хмурия брови, Никита Василич, нет моей вины в смерти ее. Думал, припугну только, а руки сильные. Не рассчитал я, клянусь... — он хотел было перекреститься, но Калитин поймал его руку, не дал совершить креста Святого.

— Не богохульствуй, Матвей! Я-то ведаю, сколько у тебя эта баба была в полоне, и ведаю, как ты падок на брагу да прелести бабские. И в очах твоих ответ читаю открыто. Не богохульствуй под кровом моим! — Калитин отпустил руку Северского, отшвырнул даже, будто змею держал, а не мужскую руку, а потом сказал твердо. — Споры с ляхами — твои споры. Слишком уж дальше у нас родство, чтоб я ответ за твои деяния держал. А близким ему никогда не быть! И более сватов не присылай ко мне, я тебе ответ свой дал. Уезжай с завтрава да ляхов своих заведи со двора моего! Можешь, ежели хочешь, хоть удавить их, но чтоб хладная моя была пуста к завтрашнему полудню!

Марфа едва успела спрятаться в тени под лестницей, когда боярин Калитин, с шумом распахнув дверь, вышел из трапезной и удалился на свою половину. Вскоре куда-то ушел и Северский, кликая к себе из сеней людей своих, покидая двор Калитиных. Только случай уберег тогда Марфуту от расправы, ведь она видела, какая ненависть и какой гнев плещется в глазах гостя боярского, а за холопа наказание малое...

Вот и тряслась она до сих пор, не могла отойти от того, что мимо нее пронесло. Долго не могла успокоиться, и Ксении даже пришлось самой разжать ее пальцы, чтобы втиснуть в них небольшой кувшинчик.

— Что это, боярышня? — испуганно спросила Марфа, поднимая большие от страха глаза на хозяйку свою.

— Настой маковый, что мамки меня поили с утра. По рассеянности тут оставили, на благо мне. Пойдешь к сторожевому ныне и дашь ему кваса глотнуть. Ночи душные стоят,

вдруг его жажда измучила. А в квас прежде настоя нальешь. Чтоб заснул он и проспал беспробудно до рассвета!

— Что ты задумала, Ксения? — растерянно прошептала Марфа, глядя на упрямое выражение лица боярышни, на вздернутый подбородок, на горевшие огнем глаза.

— Я не отдам его на погибель Северскому! — твердо сказала Ксения и подтолкнула служанку к двери. — Ступай же! Или прикажу завтра до полусмерти запороть, коли увезут ляхов прочь!

Ксения позже и сама будет недоумевать, как вдруг ей в голову пришла эта мысль — любой ценой оградить Владислава от той участи, что уготовил тому Северский. То, что этот человек без сердца и души, что хорошего ждать от того нечего, сама Ксения давно подозревала по тем обрывкам разговоров, что вели мамки в день, когда первый раз приехали сваты этого боярина на двор Калитиных. Они думали, что Ксения спит и сон десятый видит, а боярышня-то все слышала, каждое слово из тех речей.

Вернулась Марфута с сообщением, что сделала все, как велела Ксения, и что им следовало бы поторапливаться — мамка Ефимия уже несколько раз порывалась в светлицу идти, боярышню проверить.

— Не удастся нам ляхов освободить, — прошептала она Ксении, когда они мелкими шажками крались по темному двору к хладной. — Засов больно тяжел, не справится нам с ним. Да и что будет завтра с нами, когда проведуют, что это мы ляхов освободили?

— Ничего не будет, Марфута, — отрезала Ксения. — Не будет нас тут завтра. С ляхами уйдем, женой его уйду...

Марфа взглянула на нее удивленно, но ничего не сказала — кто знает, о чем тогда шептались ее боярышня с этим пригожим ляхом.

И верно, толстый засов даже не дрогнул, когда на него девушки навалились вдвоем, пытаясь сдвинуть из пазов. Услышав их шепот и громкое дыхание, из темноты хладной снова появились лица поляков в окошке двери, поглядеть, что творится у их темницы.

— Моя драга, — высунул руку из решетчатого оконца Владислав. Ксения тут же ухватилась за нее, перелетая свои маленькие пальчики с его, чувствуя, как крепнет в ней уверенность, что она поступает ныне верно, идя на поводу своего сердца. — Моя кохана, что ты делаешь?

Но Ксения ничего не ответила, отстранилась, нашла, пошарив по земле ладонями, большой камень, которым часто засов забивали в пазы. Именно этим камнем она надеялась помочь выбить немного его из первого железного кольца. Глухой стук, что раздался, едва она стукнула камнем по дереву засова, заставил ее сердце упасть куда-то вниз, отозвался внутри легкой дрожью. Но дела своего она не оставила — еще удар, еще один, и засов вдруг поддался, двинулся с места. Теперь девушки могли вытащить его из пазов.

— Воистину говорят, когда любовь шепчет, разум молчит, — тихо проговорил Ежи, стоявший за плечом у Владислава, наблюдая, как русская девица семимильными шагами идет напрямую к своей гибели. — И не жалко тебе девочку?

Но Владислав ничего не ответил, метнулся вперед, когда услышал глухой звук, с которым засов покинул первый паз, надавил плечом на дверь, приказывая своим товарищам помочь ему. Те навалились и отодвинули дубовую дверь, открывая небольшую щель, в которую уже могли протиснуться без труда на свободу.

Ксения, заметив это, выпрямилась, переводя сбившееся дыхание от усилий, которые ей пришлось приложить. Она и ахнуть не успела, как ее вдруг обхватили сильные мужские

руки, втянули в темноту холодной и прижали к крепкому мужскому телу. Ксения подняла голову, чтобы спросить, что делать они ныне будут, куда побегут со двора Калитиных, как ее губ коснулись губы Владислава, гася вскрик удивления, что едва не вырвался у девушки. И она уступила этому властному напору, отдаваясь полностью на его волю, подчиняясь ему. От этих губ, от этих движений языка у нее вдруг голова пошла кругом, будто хмеля напилась, вмиг все происходящее отступило куда-то вдаль, даже звуки словно стихли. Она прижалась к нему теснее, желая еще больше раствориться в нем, наслаждаясь теми неведанными ей ранее ощущениями, что захлестнули ее тело.

Внезапно Владислав отстранился от нее, заводя одной рукой ее запястья назад за ее спину, а другой стягивая с ее головы налобник, что развязал во время поцелуя. Ксения сначала не поняла, что он делает, но затем ее взгляд упал за его спину, и она с трудом, но разглядела, как вяжут руки Марфуте чьим-то поясом, затыкают кляпом ей рот.

— Что ты делаешь? — испуганно спросила она Владислава, но тот уже пытался завязать ей кисти рук полоской шелковой ткани.

Налобник не был достаточно длинен для того, а шелк, расшитый мелким жемчугом так и норовил выскользнуть из пальцев. Это позволило Ксении вывернуть одну руку из крепкой хватки Владислава. Только сейчас она вдруг осознала, что по-прежнему сжимает тяжелый камень. Поцелуй затмил ей разум, вот она сразу его не кинула, а ныне это было ее единственное оружие против ляхов, что уже бросили наземь ее прислужницу, ушли во двор. Ксения размахнулась и со всей силы ударила своего противника камнем, целясь по голове. Владислав инстинктивно отшатнулся назад, и тяжелый камень попал ему по подбородку, чуть ниже губы, рассекая кожу. Ксения не смогла удержать свое оружие — камень тянуло по инерции вниз, и она выпустила его из пальцев, роняя его на земляной пол холодной с глухим стуком.

Владислав лишь выругался, но руки ее не отпустил, а после быстро поймал и другую.

— Как дикая кошка, верно? — усмехнулся рядом Ежи, наблюдающий за их схваткой, и подал пояс, что снял со сторожевого, которому ляхи уже перерезали горло, не распознав в темноте, что тот одурманен. Владислав ничего не ответил, сунул быстро мешающий ему налобник за ворот рубахи и одним движением связал кисти рук Ксении, Ежи же тем временем завязал ей рот, чтобы та вдруг не закричала и не позвала на подмогу кого-нибудь. Та уже не сопротивлялась, ошеломленная таким неожиданным предательством от того, за кого бы отдала свою душу и жизнь, не раздумывая.

Лишь когда Владислав последним уходил из холодной, стирая краем своей рубахи кровь, капающую с подбородка, глухо застонала через кляп. Он задержался на миг, обернулся на нее, но ничего не сказал. Только стоял и смотрел. Ксения жалела, что ныне темно, и ей не видно выражение его лица. Быть может, он передумал? Быть может, возьмет ее с собой? Нет — через мгновение лях повернулся и растворился в темноте двора, уходя из ее жизни навсегда, а Ксения упала на бок, будто силы вмиг оставили ее, и завывала от той боли, что вмиг ударила в сердце, разрывала душу на части. Она выла и выла, роняя горькие слезы, что градом катились по ее лицу, прямо на земляной пол холодной.

Ксения не знала, сколько времени прошло прежде, чем их с Марфутой нашли. Слезы уже успели высохнуть, она притихла, но боль осталась внутри, не ушла вместе со слезами, свернулась змеей у самого сердца. Ксения знала, что пройдет много времени, как ей удастся избавиться от нее и от той горечи, что отравила ей душу ныне. И она ничуть не испугалась, когда в хладную на рассвете ступили боярин Калитин и его родич, что так и сверкал от гнева

глазами да криком кричал на хозяина. Заметив Ксению на полу холодной, он только едко усмехнулся:

— Для кого берег свой камень лазуревый, Никита Василич? Для ляха? Ну, что ж, он порадовался, вестимо, твоему дару. Будешь ныне со своим сокровищем в вотчине прятаться от глаз людских, от насмешек. Опозорила твоя Ксения род твой, осрамила! Да и мне ущерба принесла! Чем ущерб мне возместишь? Как репутацию свою будешь обелять? — он вдруг убрал со своего лица насмешку, снял шапку с головы, поклонился в пояс стоявшему подле него хмурому и подавленному Калитину. — Отдавай мне, родич, в супружницы дочь твою, Ксению Никитичну. И мне выгода, и тебе недурно. Позор твой скрою.

Ксения в ужасе посмотрела на отца, отчаянно ловя его взгляд, чтобы глазами сказать, что не надо ей такой участи. Уж лучше в монастырь, лучше инокиней! Рот-то по-прежнему у нее был завязан — Калитин, настолько ошарашенный увиденной картиной, даже не притронулся к дочери. А может, и в наказание оставил ту сидеть связанной на земляном полу. В грязном сарафане, растрепавшимися косами, без налобника, что полагался девице из приличного рода.

— С завтрава огласим, а через две седмицы под венец поведешь, — по-прежнему не глядя на дочь, что глухо застонала при этих словах, произнес боярин Калитин. Он скрепил свое слово рукопожатием и, даже не повернувшись, не посмотрев на дочь, вышел вон из холодной.

Никита Василич сдержал свое слово. Через две седмицы, в начале червня по старославянскому календарю, его дочь была обвенчана с боярином Северским, Матвеем Юрьевичем.

Хорош был собой жених — светловолосый, с аккуратно постриженной бородой, широкоплечий, в алом кафтане с золотыми петлицами. Такой же золотой пояс, плод рукоделия невесты, подчеркивал его стать. Но невеста...

Невеста была изумительно красива в расшитых золотой нитью парчовых сарафане и душегрее, богато украшенном кокошнике да в ожерелье золотом — широком и тяжелом. Богат, богат Никита Василич, шептались гости на свадебном пиру, кивая на роскошь убранства его дочери да угощения, от которых ломился стол.

И только мамки вздыхали горько, украдкой оглядывая бледную невесту, что сидела за столом, не поднимая своих голубых глаз. Ни слезинки ни проронила их касатка за эти дни, не была вытие, согласно традиции, не причитала. Только смотрела куда-то вдаль, будто оглашенная, бледная и исхудавшая. Ох, знать тогда наплачется в браке своем, ведь неспроста на Руси поверье ходит — чем больше слез прольешь во время свадебных дней, тем меньше ждет их после.

Лишь одна слезинка скользнула по щеке Ксении. Когда мамки сняли с нее кокошник невесты, укрывшись за небольшой ширмой, расплели ей косу ее девичью, чтобы после сплести две новые, скрутить их, спрятать под повойником да кикой золотом украшенной под стать сарафану и душегрее невесты.

С этого момента она более не девица Ксения Калитина. Отныне она — Ксения Северская, жена боярина Северского.

Будь ты проклят, лях, навеки веков! Пусть настанет тот день, когда ты почувствуешь, как твое сердце разорвется на куски от боли потери и предательства. И ты поймешь, как плакала моя душа, когда ты предал меня. Этот день настанет! Я клянусь тебе в этом!

1. головной убор, пришедший с востока и являющийся разновидностью известной нам тибетейки. Прикрывала часть головы. Богатые носили его в доме и даже спали в нем
2. Гроб — могила (польск.)

Ксения проснулась от сильного толчка, что почувствовала даже сквозь глубокий сон, в который провалилась под утро. Взбудораженная тем, что слышала ночью, она еще долго лежала без сна, едва не подсакивая на месте при каждом шорохе, что доносился до нее. Снова и снова прокручивала она в памяти эти несколько слов, что были произнесены в ночной тишине, отмечая интонацию, размышляя о том, как это может отразиться в дальнейшем на ее судьбе.

Значит, Владислав узнал ее. Сомнений не было более. Как и в том, что по-прежнему помнит ее. А может, даже и... любит?

Ксении удалось заснуть, когда полоска между бархатными занавесями, задернутыми на оконце возка, стала постепенно светлеть. Вот потому-то она с трудом разлепила веки, хотя так сильно хотелось смежить их и снова провалиться в сон, понимая отчетливо, что раз возок двинулся с места, то поспать спокойно, когда возок едет по такому ухабистому пути, ей уже не удастся. Сквозь щелку в занавесях оконца пробивались яркие солнечные лучи, значит, солнце уже поднялось, значит, тронулись не после рассвета, а гораздо позже.

Ксения с неудовольствием отметила, что женщинам не дали даже времени привести себя в порядок после ночи, хотя стояли долго после того, как солнце поднялось. Она не преминула высказать все это Марфуте, в темноте возка тайком от любопытных глаз снявшей с головы убрус и поправляющей растрепавшиеся за ночь косы.

— Ну, так долго ждали, боярыня, пока ты пробудишься, — ответила та. — А ты все спала и спала. Будто тебя опоили чем. Лях уса́тый, дядька этого, молодого, зол был сильно, что на месте стоим так долго, ругался шибко. Молодой же только отмахивался от него, мол, успеем еще в путь тронуться, — Марфута вдруг склонилась поближе к Ксении и прошептала, будто кто-то еще ее мог услышать в этом шуме, что стоял вокруг них. — А тронулись в путь мы, так как за леском, что справа от нас, ляхские соглядатые заприметили отряд русский. Боярин наш что ли? Знать, вышли в дозор и обнаружили ляхов.

Ксения почувствовала, как сильно забилось сердце в груди при этом известии. Неужто и вправду супругник ее с отрядом ходит недалеко? Неужто отобьет ее у ляхов? Но не от радости сердце так колотилось ее, вдруг подумала она.

Она сама не понимала, отчего вдруг ей стало так тягостно на душе, ведь ежели боярин Северский нагонит их, она обретет хоть какую свободу. Пусть даже в стенах терема да только видимую, зато не будет более волнений о том, какая судьба ждет ее впереди. Не будет более страха за свою жизнь и за свою честь.

Но какая доля ждет при этом Владислава, ведь ее муж не знает милосердия, а сердце его так же холодно, как камни на дне быстрой речушки? Да и слишком уж желанная добыча для Северского этот шляхтич, памятуя о том, как год назад ее муж снова расставлял силки на кого-нибудь из рода Заславских.

— Пустое! — потрянула головой Ксения. Какое ей дело до доли ляха? Она должна наоборот желать ему только худшей из всех возможных частей! Самой страшной смерти из всей возможных! Но почему так больно сжимается сердце, едва она только подумает о худом?

— Прибирать тебя? — спросила Марфа боярыню, не расслышав, о чем та речь ведет, но четко уловив нотки раздражения в ее голосе. Та ничего не ответила, только головой резко

кивнула да сбросила с плеч опашень прямо на пол возка, немало не заботясь о том, что тот испачкается. Злится, определила Марфа и поспешила поднять одежду да достать из-под сидения уборы Ксении, принялась приводить ту в достойный боярыни вид, заняв место рядом с ней. Убрала выбившиеся пряди волос под повойник, проверила его завязки — вдруг развяжется, да косы покажутся! Вот срам-то какой для замужней женщины!

Повязала тяжелое ожерелье на плечи боярыни после недолгих раздумий — а вдруг ляхам все же приглянулись украшения боярыни, но решилась, откуда-то зная, что не посмеют они трогать богатство Ксении. Только сам шляхтич может соблазниться, да только вот не жемчуга да золото ему нужно от боярыни! Потому пусть ходит, как пава, вдруг лях все же вспомнит, что не безродную холопку в полоне держит.

Потом последовал черед кики, что Марфа плотно одела на голову Ксении, поправив все жемчужные поднизы, что спадали вниз с очелья — короткие на лоб и две длинные на щеки, обрамляя лицо, расправила полотно кисейного покрывала, аккуратно разложив его концы на плечах боярыни.

Все это проделывалось в непрерывном молчании, которое не было нарушено и после того, как процедура облачения подошла к концу: Марфа не решалась даже слова сказать, зная, что может означать эта складка на лбу боярыни прямо под поднизями да упрямо поджатые губы, а Ксения напряженно вслушивалась в каждый звук, долетающий в возок через оконца. Она даже сама не осознавала, насколько напряжена ныне, насколько страшится снова услышать шум боя и стоны раненых и умирающих.

Но единственное, что она слышала, было ржание лошадей, тихие перекикивания ляхов между собой и иногда резкие отрывистые команды командира польской хоругви. Всякий раз слыша его голос, Ксения невольно вздрагивала, коря себя за желание отодвинуть занавесь и поглядеть, действительно ли Владислав так близко к возку едет, как ей кажется по слуху.

Ксения осмелилась выглянуть украдкой в оконце, только когда в возке вдруг стало темнее, чем обычно, скрылись солнечные лучики, играющие на золоте аксамита, которым были обиты стенки возка. Так и есть, кивнула она в подтверждение догадки, что сразу же пришла на ум, глядя, как проплывают медленно густые заросли кустарника по краю дороги, деревья да ельники — сперва редкие, а потом настолько плотные, что даже луча солнечного не видно было вдалеке в их глубине. Но по лесной дороге ехали недолго — вскоре мимо возка быстро проскакали несколько всадников, и вслед за резкой командой: «В лесе!» возок резко повернул вправо, заставив Марфу даже вскрикнуть от неожиданности, закачался из стороны в сторону, перебираясь по неровной земле и по сухим толстым сучьям. Глухо проскреб однажды по дну пень, на котором повозка едва не застряла.

— Что это ляхам в голову взбрело? — вскрикнула Марфа. — Куда их черти несут? В самую чащу лесную, к лешему в руки!

Ксения же не удержалась и выглянула в оконце, чтобы взглянуть на происходящее. Возок ехал по небольшой просеке, причем возница управлял им предельно аккуратно, чтобы не оставить следов для тех, кто пожелает найти их небольшой отряд. Впереди повозки несколько ляхов вели под уздцы лошадей, остальные же позади шли, выправляли примятые ветви кустарников, старательно скрывали доказательства их пути. Внезапно дверца с противоположной Ксении стороны распахнулась, и властный голос Ежи приказал женщинам выходить.

— Пешо пойдете, — добавил он, помогая им спуститься на землю, пропуская мимо ушей ворчание Марфуты, что, мол, негоже боярской дочери и жене пешком идти, как

холопке какой. Но женщины подчинились, пошли за возком, придерживая друг друга на неровностях пути или на толстых корягах, что встречались на импровизированной дороге.

Сначала Ксении нравилось идти за возком, вдыхая полной грудью свежий воздух, наполненный ароматом леса, слушать птичьи трели да стук дятла где-то в глубине леса. В возке же было душно да скучно, вот она и не роптала, как Марфута, бубнившая что-то себе под нос. Но по истечении некоторого времени Ксения стала все отчетливее ощущать, как тонка кожа ее поршней, как остры ветки да камешки, лежащие на ее пути. Она путалась в подоле, спотыкалась об упавшие сучья и уже не так была рада этой неожиданной прогулке. К тому же сильно вдруг захотелось в кусты, ведь у нее не было возможности оправиться перед самым отъездом.

— Долго еще блуждать будем? — бросила Ксения шедшему рядом с ней Ежи. — Куда идем?

Тот ничего не ответил, даже головы в ее сторону не повернул, что только разозлило Ксению. Она снова повторила вопросы, уже громче, отчетливо проговаривая каждое слово, чтобы лях понял ее, и добавила, не в силах сдержать любопытства:

— Думаете, в чаще скрыться от кого-то? Кто-то идет по следам нашим?

На этот раз Ежи все же повернул в ее сторону голову, прищурил глаза и что-то проговорил по-польски, отчего ляхи, шедшие позади них и слышавшие каждое слово, так и грохнули со смеху, распугав птиц на близ стоящих деревьях. Почуввав в его реплике обидное для себя, Ксения покраснела с досады — она смогла понять только несколько слов «москвитские», «говорили мне» да «псы», сбилась с шага.

— Тихо! Тихо! — раздался за ее спиной голос Владислава, и веселье польских воинов вмиг прекратилось. Ксения, не поворачивая головы, почувствовала, как шляхтич равняется с женщинами, догоняет их на этой импровизированной тропе, ведя на поводу своего каурого.

— Что он сказал? — бросила она ему, по-прежнему не глядя в его сторону, опуская голову вниз, на траву под ногами. Но помимо своей воли все же скосила глаза, разглядела сапоги и подол кунтуша — Владислав шел ныне подле нее.

— Он сказал, будто ему говаривали, что все москвитские бабы молчать приучены и вопросов лишних не задавать, но ныне он видит, что его обманули, — будто нехотя ответил шляхтич, и Ксения поджала губы с досады, борясь с желанием достойно ответить этому усатому ляху. Но как это сделать — она ведь не обучена ляшской речи, а кто знает, поймут ли они русскую речь.

— Я не все! — твердо сказала она, поднимая голову так высоко, насколько было возможно ныне, чтобы не потерять равновесие на этой неровной тропе. Владислав же только тронул коня, которого вел за поводья за собой, прошел далее, мимо возка, к голове отряда.

— Истинно так, — едва разобрала Ксения, когда он уже удалялся от нее. Она не смогла разобрать интонацию, которой были сказаны эти слова — была ли в них ирония или что-то иное, но решила, что он издевается над ней, вторя своему усатому дядьке, вспыхнула в тот же миг от злости.

— Я устала, лях! — бросила она в удаляющуюся спину. — Москвитские женщины не приучены ходить пешком так долго. Это тебе не ляшские холопки!

Но Владислав даже головы не повернул на ее слова, скрылся с ее глаз за возком, возглавляя отряд. Зато ляхи, что шли подле нее, поняли смысл ее выкрика, недовольно забурчали, перепугав Марфуту, что вцепилась в руку боярыни еще крепче.

— Не дразнила бы ты ляхов, боярыня! — шепнула она Ксении. — Все же подневольные

мы.

А Ксения и сама себя уже корила за свой норов. Вечно он ей только беды приносит, вечно она не может обуздать свою горячность. Чего она добьется, дразня ляхов? Уж явно не любви к себе.

Вскоре Ксения уже не могла думать ни о чем ином, как о возможности отдохнуть да оправиться. Она уже была готова упасть на колени прямо в траву и на сучья под ногами и молить о передышке, как просека вдруг расширилась, и спустя некоторое время путники заметили небольшую поляну, хорошо скрытую от постороннего взора с двух сторон густым ельником — идеальное место для временной стоянки. Стали располагаться в этом удобном месте, как поняла Ксения, в надежде переждать, пока русский отряд проедет мимо, чтобы продолжить путь без особых помех. Оттого-то и следы маскировали, чтобы скрыться в этом лесу.

Ксения скоро только укрепилась в своих подозрениях. Они с Марфутой уже оправились в ближайшем ельнике и теперь расположились с тени возка на траве, протирая руки и лицо мокрой тряпицей, чтобы смыть пот и грязь дорожную, как вдруг неожиданно из-за повозки вышел Владислав, присел на корточки рядом с женщинами, покусывая травинку зубами.

Ксения невольно выпрямила спину, ощущая некое смутное беспокойство от столь близкого присутствия шляхтича, принялась вдруг складывать и раскладывать тряпицу, которую держала в руках на тот момент. Потом заметила, что ее ладони слегка дрожат, и почувствовала, как злость снова поднимается внутри. И чего он пришел сюда? Чего сидит тут молча? Будто и места другого нет! Вон какая поляна большая. Шел бы в какое другое место. Так нет же, именно сюда прийти надобно и молчать вот так долго, зная, как действует это безмолвие на притихших вмиг женщин, на их натянутые нервы.

Ксения вдруг почувствовала, как ей становится жарче ныне в ее одеждах, хотя сидела в тени деревьев, поняла, что краснеет, медленно заливаются краской щеки и шея, выдавая ляху ее волнение. Просто от того, что он так близко от нее. Так близко... Ей вдруг на ум пришли слова, сказанные ночью. Забилося сердце в предвкушении, в слепой надежде, что Владислав ныне присел подле них отнюдь неспроста, а с явным умыслом.

Тихий, еле слышный шепот снова донесся до нее из нынешней ночи, затуманивая разум, путая мысли, пуская сердце вскачь.

«Ксения... Моя дорога...»

— Звуки в лесу хорошо разносятся, да и ветрено ныне. Крикнешь — добже {1}услышат, — даже не глядя в их сторону, задумчиво вдруг проговорил Владислав тихо, по-прежнему жуя травинку. Где-то тихо заржала лошадь, но тут же смолкла, будто кто-то заставил ее тут же замолчать. — Русский отряд в лесу ныне, дозор донес, — теперь в голосе шляхтича звучала сталь. — Хоть кто-то из вас крикнет, я сам лично глотку перережу.

Ксению будто ледяной водой окатили при этих словах. Рядом тихо ахнула Марфа, зажала себе рот ладонью, чтобы ненароком не крикнуть от испуга, вдруг не сдержит эмоций, что заплескались в ее душе при этом. Только слезы, не удержавшись на рыжих ресницах, сорвались вниз и покатались по щекам одна за другой, падая на поневу и на подол сарафана.

Ее боярыня же даже бровью не повела, казалось, будто и не расслышала даже речей ляха.

— И мне глотку перережешь? — Ксения перевела на Владислава глаза, стараясь, чтобы голос звучал как можно ровнее, а сама она выглядела спокойной, хотя сердце ее ныне так и билось в груди. Она ждала, что он скажет что-то, не просто так же он подошел. Но таких

речей она вовсе не ждала!

Владислав сначала даже головы не повернул в ее сторону, а потом неожиданно поднялся, отвернулся от плачущей безмолвно Марфы, по-прежнему зажимающей рот ладонью, встретился взглядом с Ксенией, не отрывающей от него глаз. Та ничего не смогла прочитать в них, будто и нет никаких мыслей в голове шляхтича, никаких эмоций в душе.

— И мне? — повторила Ксения, сама себя в душе кляня за дерзость, что так толкала ныне на безрассудства, но Владислав ничего не ответил ей, ушел прочь, обойдя сидящую на траве боярыню, стараясь не задеть подол сарафана, ярким пятном расстилающимся на зеленой траве.

Ксению же затрясло, заколотило словно в ознобе, она сжала плечи руками изо всех сил, стараясь обуздать эмоции, раздирающие ее нутро. Как же так? Как же? Неужто он не лукавил, угрожая им? И как можно вести такие речи, когда буквально ночью она слышала совсем другое? Какие слова истинны? А она-то себе напридумывала уже, понадеялась, что сердце ляха дрогнет от ее красоты, как когда-то, несколько лет назад! Понадеялась, что помнит его сердце!

После этих слов, так перепугавших женщин, они еще долго сидели, притихнув, даже слова не шепча на ухо друг другу, держась за руки, будто в друг друге силу черпая, чтобы страх прогнать, холодивший сердца. Даже шевельнуться боялись лишней раз, будто только ныне осознав, в какой опасности находятся, какая угроза висит над их головами.

Спустя какое-то время к ним подошел один из пахоликов польской хоругви, на ломанном русском сказал, что опасность прошла, и женщины могут свободно передвигаться по лагерю, тем не менее, не покидая установленных границ. Спросил, не нужно ли чего им, быть может, воды. Но женщины только головой покачали, показывая, что им ничего не надобно, и он отошел прочь, помогать своим товарищам развязывать морды лошадей, которые были перевязаны поясами, чтоб ни звука не вырвалось из-за их длинных зубов.

Марфа все же поднялась с травы — негоже ей рассиживаться, когда в животе с самого вчерашнего дня ни крошки не было. Она взяла из рук помертвевшей Ксении тряпицу, что та по-прежнему сжимала в ладони, повесила ее на ближайшую ветку, чтобы просушить. Затем залезла в возок, чтобы достать из-под сидения короб с их скудной провизией. Мало, совсем мало еды осталось, покачала головой женщина, доставая из короба широкий рушник, служивший скатертью во время вот таких стоянок, и расстала его на траве подле боярыни.

— Как же так, Марфа? — вдруг спросила Ксения, поднимаясь на ноги, перепугав служанку своим резким движением. Она осмотрела стоянку, поражаясь хладнокровию ляхов — только недавно над ними висела угроза быть обнаруженными и возможно, убитыми, а они ныне шутят, смеются. Вот и Владислав. Стоит у лошадей и улыбается в ответ на громкую шутку одного из пахоликов, после которой по поляне так и разнеслись раскаты громкого дружного хохота.

Ксении даже стало казаться ныне, будто ей привиделась та решимость, которой недавно горели его глаза, та сталь, что звенела в голосе. Он ничем не походил на того человека, что недавно грозился убить женщин при малейшем звуке — черты его лица смягчились, и ныне Ксения снова видела того статного шляхтича, в которого влюбилась некогда, едва встретившись глазами на улице Москвы.

— Я не понимаю, — проговорила Ксения, отворачиваясь от поляны, на которой сутились ляхи, словно ей было нелегко смотреть на тех, в чьей власти она ныне находилась. — Я ничего не понимаю, Марфута. Он давеча приходил ночью к возку, пока все

спали крепко вокруг, так сладко шептал... как тогда, в Москве. Разве можно ныне ласкать, а после вот так...холодно и жестоко! «Глотку перережу»! Я уж решила, не забыл лях, что все-таки...

— Что? Что «все-таки»? — встревожилась Марфа, а после вдруг стала горячиться, видя выражение глаз боярыни своей. — Ох, Ксения! Любит, что ли?! Какое там! Спаси Господи ныне нас, раб твоих, от лихоедеев ляшских, от железа их острого да от рук их блудливых! — Марфута подняла глаза в небо, едва виднеющееся сквозь ветви деревьев, и перекрестилась. А после снова посмотрела на Ксению, кусающую губы в волнении. — Ты сама видела, боярыня, что в глазах его бесовских так и горело, когда он тугова сидел. Такого ничто не остановит, коли нужда припрет. Будто сама не ведаешь, какое мужское племя. Мало что для них свято! А уж любовь-то!

Но Ксения головой покачала, отказываясь верить в слова своей служанки. Не слышала та нынче ночью того шепота, не распознала муки в голосе, как сама Ксения. И лях не мог вида показать, что дорога она ему, не мог притвориться, ведь разве ведал он, что бодрствует она в этот час ночной, слышит каждый шорох, каждое слово.

— Неспроста лях нас в полон взял, неспроста! — настаивала на своем Марфута. — И что нам он уготовил, морда ляшская?! Какую пакость думает створить над тобой? Ксения! Ксения, ты что?!

А Ксения вдруг оторвалась от возка, к которому прислонялась спиной до того, пошла прочь от своей служанки, не обращая внимания на ее громкий предупреждающий шепот, прямо к центру поляны, где уже расположились на траве польские ратники, разворачивали свои торбы, доставая скудную снедь.

Того, кого она искала, среди них не было, убедилась она, быстро окинув взглядом стоянку, потому прошла мимо, высоко подняв голову, аккуратно ступая по неровной земле, переступая через сухие сучья. Ксения видела, какими взглядами ее провожают, слышала, как сначала смолкли, а потом снова заговорили за ее спиной, засмеялись своим скабрезным шуткам. На ее ведь счет ласы точат!

Она заколебалась на миг, теряя свою уверенность от этих смешков, от взглядов, которые она чувствовала спиной, но одернула себя — назвался груздем, полезай в кузов! Она выяснит все здесь и ныне, ибо нет более у нее душевных сил, чтобы и далее терзаться сомнениями и страхами, надеждами и разочарованиями.

Удивленно вскинул брови усатый дядька Владислава, когда Ксения прошла мимо него, чистящего своего коня пучком травы, но ничего не сказал ей, не остановил ее на пути к трем сросшимся в основании березам, у которых сидел на траве тот, кого она так искала и все-таки нашла взглядом. Только вслед ей посмотрел с любопытством и головой покачал, быстро теряя интерес к этой своенравной русской, продолжил свое занятие.

Владек сам разберется со своей головной болью. Хотя нет — не подходит это на головную боль, скорее, на занозу в заднице, усмехнулся своим мыслям старый поляк, усердно начищая шкуру животного. Верно говорят в народе — с бабой и черту не повезет! Куда тут Заславскому молодому! И ведь какая баба-то...!

Как ни старалась Ксения подойти к шляхтичу незаметно, как можно бесшумно ступая по траве, не шелестя длинным подолом, ей это не удалось. Владислав, каким-то шестым чувством распознав движение за спиной, повернул резко голову в ее сторону, и она на миг замедлила движение.

— Что надо панне? — его голос был холоден, как и тогда, когда он угрожал им с

Марфутой, мирно покусывая травинку, а с лица вмиг слетело то умиротворенное выражение, с которым он подставлял лицо редким солнечным лучам, едва пробивающимся сквозь густые кроны деревьев на этой опушке.

Ксения поняла, что он вовсе не рад ее присутствию здесь, подле него, но это не остановило ее, даже шаг убыстрила, стремясь поскорее подойти к нему. Снова какой-то бес, сидящий внутри, подгонял ее, толкая навстречу шляхтичу. Будто тянуло ее к нему, словно пчелу к ароматному цветку.

А еще ее гнало вперед то тихое «Моя droga», что она услышала ночью, но в этом никогда она не признается даже самой себе. Как никогда не признается в том, что пришла сюда, чтобы снова взглянуть в эти темные глаза, что смотрят ныне так пытливо, так недоброжелательно, и убедиться, что это был не сон давеча ночью, не мечты ее. Не из грез к ней прилетели те слова, а с губ его сорвались, что так кривятся ныне недовольно.

Владислав тем временем поднялся на ноги и стоял теперь прямо напротив нее, глядя на ее лицо с высоты своего роста. Ксения позабыла совсем, что он так высок, намного выше ее. Ей пришлось даже голову запрокинуть, чтобы не оторвать глаз от его лица, надеясь все же прочесть на нем, что за мысли ходят в голове ляха.

Она вдруг с удивлением увидела, что уголки губ шляхтича дрогнули и медленно раздвинулись в улыбку, и тут же будто каким-то светом вспыхнули его темные глаза, завораживая ее своим блеском. Вмиг вылетели из головы все фразы, что она готовила по пути сюда, что хотела сказать ему.

Он был так близко к ней ныне, как некогда на московской улочке, когда так смело коснулся ее щеки. А еще как тогда, когда поцеловал ее в холодной несколько лет назад...

Ксения смотрела в его глаза, едва сдерживая себя, чтобы не поднять руку и не коснуться его лица, как она трогала его на дворе Калитиных. Она до сих пор, спустя столько лет, помнила, какова на ощупь его кожа — мягкая на скулах и жесткая от щетины на подбородке и по овалу лица.

Владислав протянул в ее сторону руку, и она, с трудом заставив себя оторвать взгляд от его глаз, посмотрела на его протянутую ладонь. Сначала Ксения не поняла, что шляхтич предлагает ей, а потом когда осознала, вспыхнула, как лучина, от стыда. Ее будто окатили водой, заставляя вернуться на грешную землю из того дурмана, который вновь закружил ей голову, едва она заглянула в темные глаза ляха.

Ярко-красные маленькие ягоды лежали на ладони Владислава. Те же ягоды еще вчера ей протягивал, смущенно краснея под россыпью веснушек, Федорок, убитый вскоре после этого пущенной из самострела стрелой. Кто знает, быть может, именно эта рука, что протягивала ей в этот миг сладкие ягоды и прикосновения которой Ксения так жаждет ныне, и пустила эту стрелу?

На Ксению накатила какая-то слабость, закружилась голова, стало вмиг не по себе от нахлынувшего вороха эмоций. Владислав, не разобравшись в перемене ее настроения, еще ближе к ней протянул руку, и она, видя вовсе не ягоды на ладони, а алые капли крови, неосознанно оттолкнула от себя эту ладонь, сбрасывая невольно его дар вниз, на траву.

А потом, когда снова посмотрела на его лицо, вдруг осознала, что сделала, заметив, как застыли вмиг черты Владислава, развернулась от него резко, хотела уйти, убежать прочь от его колючих глаз, что так и сверлили ее сейчас.

Одним неувимым движением Владислав поймал ее за плечи, больно вцепившись в ткань долгорукавки, прижал к своему телу. Только тихо звякнули жемчужные поднизки кики,

да едва слышный испуганный вздох сорвался с губ Ксении.

— Зачем пришла? — тихо проговорил он Ксении прямо в ухо, едва не касаясь губами тонкой кисеи. Снова рядом с Ксенией был тот, вовсе незнакомый ей прежде Владислав, который угрожал ей, сидя у возка. Она не понимала, какой же шляхтич настоящий: тот, что когда-то в Москве так страстно смотрел на нее, сладкие слова шептал да руки целовал или этот, жестокий и хладнокровный, способный при необходимости убить без особых раздумий? И если первого она не боялась, то второй, незнакомый ей Владислав, вызывал у нее дикий страх.

Тем не менее, Ксения все же смогла разлепить пересохшие от страха губы и ответить на его вопрос:

— Я хочу знать, что тебе нужно меня. Зачем ты меня в полон взял? Что хочешь?

— А сама не ведаешь, чего я хочу? — проговорил Владислав, прижимая ее к себе. — Неужто не ведаешь, каков у меня счет к супругу твоему? Как говорится — око за око, и зуб за зуб. Вот только обращать вторую щеку к нанесшему мне обиду, как велят ксендзы {2}, мне никак невозможно {3}. Потому как сестра у меня была одна единственная. Разве не ведаешь ты, что сотворил Северский с ней, едва вышедшей из девичьей? Не ведаешь?! Он не просто насиловал ее раз за разом, день за днем. Нет, не удовольствовался только этим, не таков он. А после придушил ее, как негодную ему более холопку, согревающую ему постель. Забыть об этом счете к Северскому? Забыть? Подставить вторую щеку? Разве вернет мне это сестру?

— А месть твоя — вернет? — едва слышно прошептала Ксения. Владислав услышал ее тихий шепот, смолк на несколько минут, успокаивая свое тяжелое дыхание, что так и рвалось через стиснутые от злости зубы.

— Почему ты вышла за него? Почему именно ты? — произнес он тихо, уже без того холода в голосе, что так и бил Ксению до того. Тяжелая хватка его пальцев немного ослабла, более не причиняла боли. Пальцы слегка шевельнулись, легко, едва уловимым движением гладя ее руки через ткань. Его дыхание заставляло кисею сороки шевелиться, ласкало ее ухо, будоражило ее, и, несмотря на страх, Ксения почувствовала, как медленно нарастает какая-то теплота в груди, перетекает в живот, в самый низ, как начинают легко покалывать кончики пальцев от желания коснуться его лица, как когда-то.

Владислав вдруг оттолкнул ее от себя легко, отстраняя, вновь создавая дистанцию меж ними. Она не ожидала этого сейчас, едва не потеряла равновесие, наступив на длинный подол своего сарафана, не упала наземь к его ногам.

— Иди к возку, панна. Не искушай судьбу ране времени! — проговорил Владислав ей в спину. По тону его голоса она поняла, что снова вернулся тот незнакомый Ксении Владислав, и она вмиг потеряла желание продолжать разговор с ляхом ныне, сознавая, что можно завести этот разговор вовсе не туда, куда ей хотелось. Узнать то, что она так страшилась узнать.

И Ксения без единого возражения пошла прочь от Владислава к своему возку, у которого ее ожидала Марфута, сжимающая руки в тревоге. Сначала просто пошла мелкими шажками, подобающими боярыне по статусу, а после все убыстряла и убыстряла шаг, пока не перешла на бег, такой быстрый, что подол так и хлестал по ногам, а жемчужные поднизги больно били по лбу и щекам. Она бежала, не обращая внимания на то, как качает головой Ежи, прервав на миг свое занятие, как удивленно смотрят на нее польские ратники, приподнимаясь на локте или просто поворачивая голову в ее сторону, как озабоченно хмурится Марфута, гадая, что так напугало ее боярыню, что заставило ее бежать сломя

голову.

Туда, в темноту возка! Именно туда быстро юркнула Ксения, едва не упав прямо подле повозки, запутавшись в длинных юбках. Спрятаться от всего! От этого пугающего ее незнакомого ей Владислава, совсем непохожего на того, которого она знала когда-то. От будущего, которое виделось ей ныне совсем мрачным и безрадостным. От страха за свою судьбу, что снова совершила такой крутой поворот, навсегда меняя привычный ход ее жизни.

А главное, от того, что вдруг пришло в голову, когда они стояли там, у берез, с Владиславом, когда он так сильно прижимал ее к своему крепкому телу.

Ибо ничего не хотелось сильнее тогда, чем положить ему голову на плечо, заводя свою руку назад, кладя на его шею, запуская пальцы в черные, как смоль, волосы, повернуть лицо слегка вверх и назад, к его лицу, подставляя его губам. И почувствовать, как его губы скользят медленно от ее уха по нежной коже щеки, медленно-медленно... прямо к губам... захватывая их в плен...

Ксения спрятала горящее от стыда лицо в ладонях и откинулась назад, в темноту возка, прячась от любопытных глаз, сама не своя от того, как билось сердце в ее груди.

Я пропала! Мать Божья, я снова пропала...

1. Хорошо (польск.)
2. Ксендз — католический священник (польск.)
3. Невозможно (польск.)

В лесу стоянка была недолгой — всего одна ночь, на протяжении которой Ксения не смогла даже глаз сомкнуть. Не из-за того, что натерпелась днем, нет. Из-за долгого и протяжного воя, что доносился из глухой лесной чащи.

Заночевать в лесу было ошибкой, ведь в это время эти серые хищники редко кого боялись. Они привыкли питаться человечинной, которой им вдосталь хватало в это смутное время, когда чуть ли не каждый Божий день лилась человеческая кровь. Потому-то волки в последнее время осмелели: стали все чаще выходить из леса, нападать на малые группы редких путников или даже заходить в деревеньки, что находились поблизости. А уж остаться в лесу на ночевку было и вовсе сущим безумием.

Ляхи всю ночь караулили с ярко-горящими факелами в руках, окружив поляну по периметру, поместив в центр охраняемого круга лошадей и возок с пленницами. То ли волки были сыты в ту ночь, то ли испугались многочисленных огней, но к поляне они близко не подходили, только ходили в темноте леса вокруг и протяжно выли, будто запугивая путников, дерзнувших вторгнуться в их владения.

Так и не отдохнувшие за прошедшую ночь люди собрали свои пожитки и снова тронулись в путь, едва сквозь густые ветви лесных деревьев забрезжил рассвет. Воины были раздражены до крайности, злы от того, что не спали толком, а впереди предстоял еще долгий переход. Ведь было необходимо как можно быстрее покинуть эти земли, где слишком много было городков и вотчин, верных нынешнему московскому царю или просто ненавидящих поляков всей душой и с радостью пустивших бы им кишки.

Кроме того, опасались, что в вотчине Северского уже знают о том, что боярыня захвачена в полон, а значит, по их следам могла идти боярская дружина. И пусть часть ратников, по сведениям Владислава, Северский скрепя сердце предоставил под знамена Москвы на время ее осады Тушинским вором и польскими авантюристами — в стенах усадьбы оставалось еще как минимум более полусотни воинов, а это было больше, чем сам Владислав мог выставить ныне против Северского.

Под вечер вдруг зарядил морозящий противный дождь, от которого моментально отсырела одежда, стали тяжелыми волосы, упали перья на шапках ляхов. Он не успокоился и ночью, не позволяя людям толком отдохнуть, ни последующим днем, прекратившись только во второй половине дня. Однако даже яркое солнце, сменившее на небосклоне серость дождевых облаков, не добавило благости в настроения путников, в отсыревшей одежде и хлюпающих водой сапогах.

Ксения прямо кожей ощущала, насколько злы ляхи — они часто переругивались злобно во время пути, а на привале два пахолика даже вцепились друг другу в горло, явно что-то не поделив. Только вмешательство Владислава смогло оставить драку в самом ее зачатке. Ляхи разошлись, недовольно бурча друг на друга, в отряде снова повисла тишина, но это была тягостная тишь, будто перед грозой.

После, когда в конце светового дня устраивались на ночлег, никто не смеялся, как бывало прежде, не шутил, даже не переговаривались меж собой, стремясь быстрее упасть на землю и дать отдых напряженным членам. Поэтому Ксения ничуть не удивилась, когда вспыхнула ссора даже между Марфой и хмурым Ежи.

У женщин к вечеру этого дня вышли все припасы, что те брали в дорогу, потому им

волей неволей пришлось просить ужин у поляков. Усатый лях, явно недовольный своим поручением, принес им небольшой котелок ячменной каши, что к вечеру была сварена на костре, и немного хлеба. Марфута, принимая еду из рук ляха, кашу, выглядевшую одним плотным куском да еще пригоревшим с одного бока, отвергла, поджимая губы, но хлеб взяла. Ее поведение вызвало злость у Ежи, который не преминул выказать стоявшей перед ним женщине, кроя ту последними словами на польском языке. Марфа не осталась в долгу, накричала на ляха и вывернула кашу прямо на землю, утверждая, что даже собаки недостойны такой еды. Только вмешательство Ксении спасло этих двоих от продолжения ссоры, когда они уже были в прямом смысле этого слова перейти от слов к действиям.

— Благодарствуем за хлеб, — она кивнула поляку, одновременно тяня Марфу за рукав в возок, настойчиво и твердо. Той пришлось подчиниться, но прежде чем забраться внутрь она все же бросила напоследок усатому ляху:

— А это варево сами жрите! Мы же не будем!

— Да по мне хоть попередохните тут с голодухи, пся крев! Что он только с вами возится, аки с торбами писанными?! — сплюнул Ежи сквозь зубы под колеса возка и ушел прочь.

— Ты сама же говорила, Марфута, что ляхов дразнить не надо, и вот что творишь! А кабы он побил тебя? Видела ведь, как кулаки часто сжимал! — выговаривала Ксения своей служанке, хотя понимала, отчего произошла эта неприятная сцена. Непогода, от которой даже немного отсырел аксамит на потолке возка, до сих пор неясное положение женщин при ляхах, что постоянно держало в напряжении и не давало даже духа перевести — все это наполняло душу какой-то странной злостью на недолю свою, что так и требовала выхода. А у Марфуты к тому же разлука с маленьким ее, с дитем, помимо всего. Ксения слышала, как та плакала прошлой ночью — тихо, почти бесшумно, чтобы не разбудить свою хозяйку, и от этого еще тоскливее становилось на душе.

После того, как на землю опустилась ночная темнота, а поляки, немного посидев у ярко-горящего костра, пуская по кругу глиняную бутылку с длинным узким горлышком, завалились спать, к возку подошел Ежи и приказал уже приготовившейся ко сну Ксении следовать за ним, мол, пан зовет. Та встревожилась, руки задрожали вмиг от того предательского страха, что тут же вполз в душу серебряной змеей. Марфута, тоже перепуганная как и боярыня, принялась прибираться ту, но Ежи прикрикнул на них:

— Что копаетесь там? А ну быстрее! Пан не любит ждать, только пуще разозлится.

Потому Ксения остановила Марфу, которая пыталась дрожащими руками завязать кикю на голове боярыни да так и не могла этого сделать, поплотнее запахнула опашень, что был наброшен на плечи и вышла из возка. Как есть — в одном повойнике, плотно скрывающем волосы от постороннего взгляда, без летника, даже без долгорукавки, что успели снять, готовясь ко сну. Шла будто холопка какая, в одной рубахе да сарафане, пусть и богато расшитом, что только и успели натянуть впопыхах.

Владислав ждал ее неподалеку от лагеря, лежа на расстеленном на траве кунтуше, под головой устроив седло. Он держал в одной руке похожую бутылку, которую Ксения видела ныне вечером у костра, в другой был нож с длинным узким лезвием и рукояткой, украшенной камнями, что вспыхивали отблесками ярко-пылающего огня неподалеку.

— Панна, Владек, — произнес глухо Ежи и слегка подтолкнул Ксению в спину, заставляя приблизиться к шляхтичу. Тот даже головы не повернул в их сторону, продолжая смотреть, как играет огонь на лезвии ножа. Ежи обогнул Ксению и ушел к костру, принялся

за чистку сабли, что достал из своих ножен. Один из лежащих подле него ляхов приподнял голову и что-то спросил его, Ежи ответил ему, кивнув головой в сторону, где лежал Владислав, и лях обернулся назад, а после рассмеялся, запрокинув голову назад.

Ксения не могла слышать, о чем они говорили, уж слишком далеко они были от того места, где она находилась. Но поняла, что именно они обсуждают, и что ожидает ее, судя по всему, похолодела от нахлынувшей волны страха. Нельзя сказать, что она не знала, что этот момент настанет, он был неизбежен, но Ксения не была готова принять свою недолю так скоро.

Владек же тем временем сел и посмотрел на нее, долго и внимательно. Она не могла различить выражение его лица — он сидел спиной к костру, и оно было скрыто в темноте. Зато сама она была на хорошем виду, освещенная светом огня, позволяющим разглядеть почти все детали.

— Я слышал, панна ныне была весьма недовольна своим ужином, — медленно проговорил Владислав. — Панна привыкла к более изысканной пище. Но панне не следует забывать, что она ныне не у себя в тереме, а в хоругви.

О, как я могу забыть это, подумала Ксения едко, но вслух этого не произнесла, лишь потупила взор и тихо, но твердо прошептала:

— Ту кашу, что нам принесли, трудно было назвать ужином. Поварство — не мужское дело, — Ксения помолчала, а потом проговорила. — Быть может, пан будет так добр, что выделит нам немного припасов, дабы мы сами варили для себя.

Владислав поразмышлял над ее просьбой, а потом кивнул, отхлебнув изрядно из бутылки, проливая несколько капель на жупан, что вызвало громкое чертыханье с его стороны.

— Твоя служанка будет кухарить, панна, — сказал он после. — Но будет варить не только для вас, а для всей хоругви моей.

Ксения едва сдержала вскрик, что так и рвался из груди. Да уж, обрадуется Марфа своим новым обязанностям, удружила ей Ксения, так удружила!

— А не боишься, что отравит она твою хоругвь, пан? — не смогла удержаться от едкой реплики боярыня, сама себя в душе коря за дерзость. Отчего она не может не дразнить этого ляха? Чего хочет добиться этим? Ответов на эти вопросы Ксения и сама не знала.

— Не боюсь, панна. Потравишь нас, так идти вам куда? Кругом только хищники — четвероногие да двуногие. Последние будут худшей долей, панна. Смерть от клыков волков куда помиловосрднее. А с нами — все покойнее. Да и сами первые пробу снимать будете. Первые же на тот свет и отправитесь!

Снова между ними воцарилось молчание, нарушаемое изредка тихим ржанием лошадей, доносившимся со стороны лагеря. Потом Владислав снова отхлебнул из бутылки, повернулся к Ксении и, глядя пристально на ту, отложил в сторону нож, похлопал ладонью по расстеленному кунтушу, призывая ее сесть подле него. Ксения, как замороженная, смотрела на эту руку с перстнями, блеснувшими в редком свете костра, но с места не двинулась, покачала головой, отказываясь. Она как могла, оттягивала этот страшный для нее момент, когда случится то, что неизбежно должно было произойти. Нет, прошу тебя, не надо, молила она про себя, сама не зная, к кому конкретно обращается. Но в этот миг ей не суждено было быть услышанной.

Владислав потянулся и ухватил ее за край сарафана, потянул на себя, принуждая ее приблизиться к нему, опуститься на землю. Ксении пришлось подчиниться: она медленно опустилась на опашень, как можно дальше от мужчины, стараясь не коснуться его

ненароком. Причем, она села немного сбоку от него, чтобы свет от костра падал хотя бы на половину его лица. Она надеялась, что видя его эмоции, ей будет легче предугадать тот самый момент и приготовиться к нему.

— Расскажи мне, — вдруг произнес Владислав, снова отхлебывая из узкого горлышка. — Расскажи мне, как могло произойти, что тебя отдали за Северского. Я знаю, что он родич твой семье, но также мне известно, что твой отец берег тебя для более подходящего мужа, как у вас говорят — как зеницу ока? Но Северский!

Ксения сжала руки, сдерживая эмоции, что всколыхнул в ней лях своим вопросом, едва не выкрикнув ему в лицо, что он и только он виновен в этом. Но она видела теперь, когда половина его лица была хоть и скудно, но освещена, что он нетрезв, а по опыту уже знала, что нетрезвого мужчину лучше не дразнить. За несколько лет брака она выучила этот урок превосходно.

— В день, когда был убит Самозванец, Северский взял в полон ляхов. Я выпустила их из холодной, позволила им бежать, — тихо ответила она, пристально глядя в освещенную половину его лица — дрогнет ли хоть один его мускул при этом? Но нет — Владислав был спокоен, как и ранее, даже глазом не моргнул. — При этом они связали и оставили меня взаперти. Северский был очень зол тогда, угрожал, что откроет мой позор всей Москве, если батюшка не возьмет его в зятя. Он давно ко мне сватался, ведь такой тесть как боярин Никита Калитин — это почет, золото, ратники, без лишнего хвастовства скажу, что я была довольно желанная невеста в Москве. Отец испугался тогда огласки и того, что она повлечет за собой для нашего рода, для братьев и его самого. Потому-то и отдал меня Северскому. Даже слушать меня не стал, как я ни молила его в дни, что оставались до свадьбы.

Она замолчала, молчал и Владислав, по-прежнему не отрывая от нее взгляда, будто пытаясь прочесть ее мысли в этот момент.

— Зачем ты сделала это? Никто никогда не пошел бы на такой шаг. Зачем?

Ксения на миг растерялась, не зная, как ответить на этот вопрос. Да, с его стороны, с мужской точки зрения, ее поступок был безрассудным, мотивы, которыми она руководствовалась, глупыми, а надежды — призрачными и надуманными. Не говорить же ему, что она вовсе не думала, что он оставит ее там, на полу холодной, связанной, как куру на ощиц?

— Я ошибалась, — наконец проговорила она, желая своей прямоотой напомнить ему, что он в долгу перед ней, стремясь воззвать к его совести. Хотя разве есть у ляхов совесть? — Я думала, что влюблена. А истинно любящий человек способен на многое. Вот и я решила спасти тебя от той участи, что была уготована тебе Северским.

— Только женщина способна на бескорыстные поступки во имя того, что она зовет любовью, — ответил Владислав, и она вспыхнула, различив в его голосе усмешку.

— Отчего же ты так думаешь, пан? — возразила она ему запальчиво, вдруг забывая о том, что старались привить ей мамки и няньки с младенчества — скромности и молчаливости. — И мужчины способны на благочинные поступки.

— Только самые неразумные из них пойдут на это, не получая никакой выгоды взамен или рискуя своей шеей.

Ксения предпочла промолчать, памятуя о том, что негоже спорить с женщиной, а еще о том, чем по ее первоначальной неопытности замужней жизни заканчивались эти споры или разногласия. Она опустила глаза на свои руки, что скромно сложила на коленях, обтянутых тканью сарафана. Именно поэтому она не заметила движения Владислава и вздрогнула от

неожиданности, когда тот вдруг коснулся пальцем ее щеки. Она испуганно взглянула на его и увидела, что он подвинулся к ней еще ближе — ныне их лица находились так близко друг к другу, что едва не соприкасались кончиками носов.

— Ты выглядишь без своего громоздкого убора, совсем как девочка, — прошептал он, и сердце Ксении забилось в груди глухо — от страха и... от предвкушения. — В нем ты такая строгая, — его палец ласково провел по скуле. — Такая грозная, — палец скользнул по щеке вниз к губам. — А без него такая юная. Как тогда...

Она отвернула от него лицо, не давая коснуться губ, что вмиг пересохла от волнения, охватившего ее при этом ласковом прикосновении. А после едва успела перехватить его руку, когда он потянулся к завязкам повойника.

— Нет! — вырвалось у Ксении громко. Теперь она ясно понимала, зачем ее сюда привел Ежи, что ее ожидает тут, прямо на глазах ляхов, поверни они к ним головы. Знала прекрасно она так же, что и сопротивляться мужчине, его силе и напору, совершенно бесполезно, что это только раззадорит его. Но как смириться с тем, что ее коснется чужой мужчина, не супругник? Как смириться с таким позором?

Владислав опустил руки, но лишь для того, чтобы взять Ксению за кисти рук крепким захватом, потянуть на себя, откидываясь назад на расстеленный кунтуш. Едва его спина коснулась поверхности, как он тут же одним быстрым движением перевернулся, поднимая под себя Ксению, придавливая ее к земле тяжестью своего тела.

— Нет, прошу, нет, — тихо умоляла Ксения, пытаюсь вразумить его, не желая криком привлекать к происходящему внимание. Но Владислав не слушал ее, склоняя лицо все ниже к ее лицу, а после пытаюсь найти губами ее губы. Она отворачивала голову, пытаюсь избежать поцелуя, а потом все же сумела вырвать из его хватки одну из рук, принялась колотить его по спине и по голове, отбиваясь от него. Владислав же только засмеялся в ответ, явно забавляясь ее сопротивлением, и это только разозлило Ксению. Нет, она не сдастся так просто, не смирится с тем, что он задумал! Она не покориться ему так легко!

Владислав же, уловив момент, прижался губами к ее шее, вызывая в Ксении такой бурный всплеск незнакомых доселе эмоций, что она даже растерялась на миг, а потом с удвоенной силой стала бить его, сжав руку в кулак. Она прекрасно понимала, что никакого вреда ее удары не наносят, что для него они будто укусы мошки, ведь он даже на миг не остановился, прокладывая губами дорожку из поцелуев вниз по шее. Потом двинулся далее — к ключице, виднеющейся в воротах рубахи, слегка распахнувшегося в пылу сопротивления.

— Прощу тебя! — взмолилась Ксения, пытаюсь остановить его, перепуганная и растерянная. Не насилем, что он хотел сотворить над ее телом, нет. Все, что ныне происходило тут, в траве, что делал Владислав, было ей хорошо знакомо — не в первый раз ей приходилось подчиняться грубому напору.

Ее испугали те эмоции, что плескались в ее душе в этот момент, то, что творилось с ее телом. Оно буквально слабело сейчас, отдавалось на милость ее мучителя, не подчиняясь разуму, что отчаянно призывал сопротивляться до последнего.

— Я прошу тебя, — снова повторила она, прекращая бить его, стремясь заглянуть в его глаза. — Вспомни, что ты обязан мне жизнью, лях!

Владислав поднял голову и посмотрел на нее, лежащую под ним, прекратившую сопротивление. Глаза в глаза. Ксения пыталась прочитать, что за мысли сейчас ходят у него в голове, по половине лица, что виделась ей в свете костра, но так и не сумела этого сделать — лях всегда оставался для нее загадкой, разгадать которую ей было не по силам.

— Я помню это, — проговорил он наконец. — Жизнь за жизнь. Ты вольна не бояться более смерти от моей руки. Я не убью тебя, как желал ране, клянусь тебе в том.

И прежде чем Ксения успела опомниться, склонил голову и коснулся губами ее рта. Сначала медленно и ласково, а после все грубее, с нарастающей страстью, подчиняя ее своим напором своей воле. Сперва Ксения растерялась, мысли ее вмиг перепутались, и она на миг потерялась, забыла, кто она и где находится. Но потом Владислав ухватился за одну из широких лямок ее сарафана и попытался стащить с плеча, чтобы спустить вниз ее рубаху, обнажая кожу. Ему не удалось — лямка была намертво придавлена к земле спиной Ксении. Тогда он перевернулся на спину, устраивая Ксению сверху на своей груди. Этот маневр отвлек ее, а звук треснувшей ткани сарафана и рвущихся ниток, с которых полетел в траву мелкий жемчуг, служивший украшением ее одежды, вернул ее на грешную землю.

— Нет! Нет! — она подняла свободную руку (вторую он по-прежнему удерживал в плену, прижимая к своему крепкому телу), попыталась удержать сарафан на месте, но Владислав оказался сильнее, и ткань подалась его напору, вырвалась из-под ладони Ксении, царапая ей кожу жемчугом.

— Я ненавижу тебя! Ненавижу! — завизжала Ксения в отчаянье, ударила его по лицу ладонью изо всей силы, но шляхтич не слушал ее, принялся стягивать вниз ворот рубахи, разрывая тонкую шелковую ткань. Еще немного, и плечи, а также часть груди Ксении будут полностью обнажены, открыты его взору. Это привело ее в отчаянье. Она принялась шарить рукой вокруг кунтуша в траве, ни на что не надеясь, умоляя Господа послать ей хотя бы камень. Она уже ни о чем не думала в этот момент, кроме как остановить Владислава, прекратить это насилие над ее телом. Да, Ксения желала, чтобы лях целовал ее, трогал ее лицо, но того, что творил с ней ее муж...! Нет, она не хотела этого!

Рука Ксении вдруг коснулась чего-то холодного, и она вспомнила, что Владислав кинул в траву нож, отвлекаясь на разговор с ней. Вот оно! Она уже не думала ни о чем в этот миг, только бы остановить его. Пусть целует, сколько хочет! Но не раздевает ее, не творит с ней тех бесчинств, той боли, что она испытывала от Северского! Если от мужа терпеть *это* призывает сам Господь, то от чужого мужчины...! Нет, она не смирится!

Владислав уже стянул рубаху с ее левого плеча, обнажая белую кожу, проводя по ней ласково ладонью, как ему в шею вдруг уткнулось острие ножа. Ксения ждала чего угодно, но только не той широкой улыбки, что вдруг расплзлась на его лице, словно он был безмерно доволен ее поступком.

— Добже! — произнес он медленно и ослабил хватку. Ксения тут же вырвала руку из его плена и поправила сползший вниз ворот рубахи. — И что дальше?

Ксения не знала, что ей делать дальше, но признаваться в этом лягу она никогда бы не стала. Просто напустила на себя уверенный вид, стараясь, чтобы не так явно дрожали ее губы и руки, выпрямилась, сидя на нем, не отводя ножа от его шеи.

— Что дальше, Ксения? — спросил Владислав, глядя ей в глаза. — Тебе не выиграть, моя дрога. Ежели ты убьешь меня, то моя хоругвь не оставит тебе ни единого шанса. Ни малейшего! То, чего ты так стремишься избежать, произойдет непременно — только это буду не я один, а все тридцать человек моего почета. А потом тебе перережут глотку или просто оставят умирать в этом поле. Забавная будет тогда ночка у моих людей!

— А если я отпущу тебя? Снова сохраню тебе жизнь? Ты дашь мне слово не трогать ни меня, ни мою прислужницу? — Ксения постаралась надавить на нож сильнее, чтобы он решил, что она не шутит, чтобы знал, что она сумеет убить его.

— Нет, — издевательски улыбаясь ответил Владислав, отчеканив это короткое слово. А потом запрокинул руки за голову, устроился поудобнее на траве, будто он просто отдыхает от утомительного нынешнего пути, а лежит с острием ножа у горла. — Бить надо прямо в жилу, что вот тут, на шее.

Он повернул голову слегка в сторону, открывая ее взгляду свою шею с яростно бьющейся кровью веной. Но глаз своих не отрывал ее лица, заметил, как она побледнела, переводя взор на его шею, полностью открытую для удара. Биение этой тонкой жилки завораживало ее. Она смотрела, не отрываясь на эту дорожку, по которой бежала его кровь внутри его тела, не в силах оторвать глаз.

А потом вдруг резко подскочила и, отбросив нож в сторону, бросилась бежать прочь от него. Владислав не сумел вовремя предугадать ее движение, успел только за край сарафана ухватить в последний момент, но Ксения с силой дернула на себя подол и сумела освободиться от удерживающей ее хватки.

Она не знала, куда ей бежать, мысли судорожно метались в ее голове. Одно она знала точно — к возку ей нельзя, в лагерь тоже. Оставался только небольшой лесок, что темнел в трех десятках саженьях от стоянки ляхов. Туда-то Ксения и повернула, надеясь найти там укрытие.

Позади нее уже поднимался с земли Владислав с громкими ругательствами. Он догонит ее, Ксения даже не сомневалась в этом, но ноги упрямо несли ее прочь от шляхтича. Трава была уже мокрая от росы, и тонкая кожа обуви Ксении вдруг заскользила, она едва сумела удержаться и не упасть, громко взвизгнув при этом, будя своим криком ляхов, спавших у костра. Те, заметив, как несется к леску русская, а за ней бежит их командир, заулюлюкали, закричали, будто на охоте собак подгоняли. Эти крики только усилили панику Ксении.

Теперь она точно понимала, что останавливаться ей не стоит, надо спрятаться где-нибудь в лесу, переждать, пока пройдет гнев ляха. Она знала, что это самый лучший для нее вариант — шляхтич все равно возьмет свое, теперь уж точно, зато не будет слишком жесток к ней, когда успокоит свою злость. Еще один горький урок, выученный за время ее замужества.

Ксения со всего размаху влетела в первый ряд деревьев и кустарников, что шли по краю леска, и сразу же упала в неглубокую канаву, что крылась за ними, прямо в заросли лопухов и крапивы, больно обжигая ладони. Может, тут остаться, в траве, мелькнула у нее мысль, но она тут же отмела ее. Лях первым же делом свалится скоро сюда же, она уже различала его шаги поблизости, а высидеть в крапиве... нет, она не настолько стойкая! Ксения быстро выбралась из канавы, скользя по траве, цепляясь в ветки кустов. Почему-то в голову пришла мысль о том, насколько теперь будет испорчена ее одежда, останется только выбросить. Вон уже и рукав рубахи порвала, зацепившись за сухую ветку небольшой елки. Эта нелепица, пришедшая в голову именно сейчас, когда за ней гонится толпа ляхов (ну, не может же ее преследовать один пан, скорее всего подмогу крикнул!), вызвала у нее нервный смех.

Второй раз Ксения рассмеялась, когда позади нее раздался звук падения и громкая ругань Владислава. Поделом тебе, лях! Поваляйся в канаве немного! Но вскоре ей стало совсем не смеха. В леске стояла глухая темень, не видно было ни зги, хотя вскоре глаза Ксении привыкли к этой тьме и стали немного различать очертания деревьев, позволяя ей легко скользить между стволов, огибать цепкие ветви. Ну, дура так дура, ругала себя Ксения, чего только добилась своим выпадом? Нет бы, лежать бревном под ляхом, стиснув зубы. Потерпела бы немного, не убудет же с нее. А что до позора, то кто из ляхского полона

возвращался без греха? Быть может, тогда и муж отказался бы от нее, отправил бы к семье.

Пусть потом жить безвылазно в вотчине (уж она-то сумеет увернуться от перспективы стать инокиней в обители), главное, от Северского будет избавлена!

Ксения замерла и прислушалась к звукам в лесу, пытаясь определить, в какой стороне находятся ляхи, но ничего не слышала. Только тихо качались верхушки деревьев в звездной вышине. А после где-то глухо ухнула сова, перепугав ее до полусмерти. Ксения вдруг поняла, что убегая от Владислава может попасть на зуб совсем другому зверю в пасть, поспешила повернуть обратно. Только пошла не к тому месту, с которого в лес вбежала, а немного поодаль, ориентируясь на свет от костра, что мелькал меж веток маленькой точкой. Она прислушивалась к звукам леса, делая каждый шаг, но тишина, что окружала ее, усыпила ее бдительность. Лях ушел в лагерь, подумала с разочарованием Ксения, решил, что у нее нет другого пути, как вернуться с позором. Вон и ляхи по-прежнему лежат у костра, она видела их со своего укромного поста за широкими кустами в первой полосе леса, вон сторожевые ходят да дозорные выезжают в ночь.

Она сама не понимала, почему вдруг так огорчилась этому спокойствию, царящему в лагере, и тому, насколько легко отказался преследовать ее Владислав. Марфа права — единственное, для чего она нужна ему, только месть и ничего более. Не стоит даже предполагать, что она небезразлична ему.

Ксения уже хотела выходить из леса и пробираться бочком к возку, заранее представляя, как будут зубоскалить ляхи, как вдруг недалеко от нее что хрустнуло в темноте. Она не успела повернуться на этот звук, как на нее налетел Владислав, вмиг прижимая ее к себе, роняя вниз, в мокрую от росы траву. Ксения хотела вскрикнуть, но он заткнул ей рот поцелуем, грубо сминая губы, но в этот раз она смирилась, памятуя о своих недавних размышлениях, положила руки по бокам, всем своим видом выражая покорность.

Владислав прервался на миг и взглянул в ее лицо, пытаясь определить причину подобного смирения, а потом стянул с ее плеча разорванную рубаху, коснулся обнажившейся груди, отбивая ладонь Ксении, которой та хотела прикрыться.

Стерплю, стиснула зубы Ксения и закрыла глаза, пытаясь абстрагироваться от происходящего, как она всегда поступала в таких случаях. Стала представлять, что она в родной вотчине своего батюшки, на качелях в яблоневом саду, а летнее солнышко ласково прогревает лицо, но сбилась с мысли же в первый миг, пораженная теми ощущениями, что вызывали в ее теле пальцы Владислава. Он снова прикоснулся губами к ее рту, и она покорно распахнула свои губы, отвечая на его поцелуй, как когда-то — глубокий, страстный, напористый.

А потом его губы двинулись вниз — по ее шее, по ее плечу с тонкой ключицей и далее к холму ее груди, и Ксения вдруг выгнулась неосознанно навстречу его губам и пальцам, распахивая глаза в удивлении от того, что творится с ней в этот миг. Она даже не заметила, поглощенная целиком нахлынувшими от его ласк эмоциями, как Владислав потянул подол ее сарафана и рубахи вверх, обнажая кожу, поднимаясь ладонью все выше и выше по ее ноге. Холод, что скользнул по ее ногам, заставил ее напрячься, вырвал из вороха необычных ощущений, что так кружили голову сейчас, а когда ладонь скользнула еще выше по бедру, и Владислав навалился на нее, вдавливая ее в траву, тут же вспыхнула паника в душе. Нет, она не хотела *этого*, пусть лучше продолжит то, что было! Только не *это*!

Но Владислав легко сломил сопротивление Ксении, когда она попыталась скинуть его, помешать осуществить то, к чему он стремился, и ей ничего не оставалось, как затихнуть,

закусив губу и плотно смежив веки, ожидая той дикой боли, к которой так и не смогла привыкнуть за время своего замужества.

Но боли не было. И даже спустя некоторое время она не пришла, с удивлением отметила Ксения, чувствуя, как снова в ее теле постепенно нарастают те ощущения, что возникли при ласках Владислава. Она распахнула глаза, чтобы взглянуть на него, но все, что смогла увидеть — только темный овал его головы над собой и звездное небо, проглядывающее сквозь ветви деревьев. А потом звезды вдруг стали приближаться, кружась над Ксенией хороводом, задорно подмигивая, и на всей земле для Ксении остался только этот мужчина и эти звезды, ярко сверкающие в ночи. Или это душа Ксении вдруг оторвалась от тела и улетела ввысь к этим небесным светилам?

Опомнилась Ксения спустя время, когда зашевелил плечами Владислав, по-прежнему придавливающий ее к земле своим телом. Сначала она не поняла, почему он так водит плечами, а потом заметила, что сжимает с силой ткань жупана на его спине, мешая ему подняться, вспыхнула от стыда, разжала пальцы, что тут же заныли — так крепко она вцепилась в шляхтича. Владислав же перекатился с нее, сел рядом, поправил свою одежду, затем опустил подол Ксении и натянул той на плечи порванную рубаху. Все это молча, без каких-то лишних движений, словно для него это было вполне привычным делом. А может, так оно и есть, вдруг с раздражением подумала Ксения, может, она не первая, кого он вот так валит в траву и задирает подол. Потому проигнорировала протянутую руку шляхтича, поднялась на ноги самостоятельно, пошла за ним, по-прежнему не касаясь его, шарахаясь в сторону, когда он протягивал ей руку.

В лагере все уже спали, никто не видел, как они прошли из леса к возку, и Ксения неустанно благодарила в мыслях Бога за то, что никто не смотрит на нее в этот миг позора. Владислав остановился у распахнутой дверцы возка, протянул руку Ксении, желая помочь той забраться внутрь. Но она и тут проигнорировала его помощь, залезла сама, едва не запутавшись в длинных юбках.

— Ксения, — вдруг начал Владислав, и она с трудом удержалась, чтобы не закричать во весь голос, не заставить его замолчать, ибо она не желала ныне слушать его, сосредоточившись на том, что творилось в ее душе. Потому она протянула руку и захлопнула дверцу прямо перед его лицом, даже его волосы взметнулись вверх от этого резкого движения. А после вцепилась в нее изо всех сил, вдруг он пожелает все же договорить то, что хотел, распахнет дверцу возка.

Но нет, Владислав не стал этого делать. Отошел почти тут же, даже не делая попытки заставить Ксению дослушать его. Быть может, от разочарования, что он не сделал этого, а может, от воспоминаний о том, что было в лесу недавно, и как сама она стонала и извивалась под ним, будто блудница какая, заставило Ксению разрыдаться, закрывая себе ладонью рот, чтобы не разбудить сопящую в уголке Марфуту.

Но все же всхлипы прорвались сквозь эту преграду — сначала один, а потом другой и третий, заставляя служанку так и подскочить в тревоге на своем месте. Она сама не своя была все это время, как отсутствовала Ксения, переживала за боярыню, сразу же догадавшись, зачем ее позвал ляхский пан. А теперь вон как Ксения убивается!

— Что? Что? Больно, Ксения? — бросилась к ней женщина, сама едва сдерживая слезы, кляня ляха последними словами — неужто не мог поласковее с ее маленькой боярыней? Неужто он, как боярин...? Но Ксения только головой мотнула, мол, в порядке все с ней, здрава она. Марфа прижала ее к себе, укачивая в своих руках, пытаясь успокоить ее слезы, но

Ксения отстранилась от нее на миг.

— Помнишь, я пытала тебя, каково это с любим? — спросила она свою прислужницу сквозь слезы. — Каково это, когда сама желаешь? Ты тогда ответила, будто в звезды улетаешь от улады, помнишь?

Встревоженная Марфа быстро кивнула, недоумевая, к чему клонит боярыня.

— Я ныне к звездам летала, Марфута, — призналась Ксения и залилась слезами пуще прежнего. — Срам-то какой, Марфута! Грех!

— Тьфу ты! — в сердцах выругалась Марфа, прижимая к себе ту и вытирая ее слезы рукавом своей поневы. Теперь она начинала понимать, в каком смятении находится та после того, что свершилось. Она и сама когда-то была почти так же растеряна, когда это впервые случилось. Марфа тогда уже носила под сердцем Василька, оттого думала, что с дитем что-то. — Я-то думала, тебя лях совсем... того... Тьфу ты! Перепугала только! Ой, Ксения, вроде и старше ты меня, а разума в тебе житейского нет совсем! Ну, буде, буде. Перемелится — мука будет... все стерпится...

Марфа еще долго баюкала и уговаривала свою боярыню, пока та не провалилась в глубокий сон прямо у нее на руках. Потом сама откинулась назад, облокотилась спиной о стенку возка. Кто-то, стараясь не шуметь, прошел мимо и пошел прочь от возка, и Марфа, движимая любопытством наклонилась, чтобы разглядеть в щель между занавесями оконца, кто это был. К костру, что уже догорал, подошел мужчина, присел и поворошил угли. Он сидел к возку спиной, но Марфа сразу же узнала польского шляхтича по богатому платью. Знать, был у возка, слушал рыдания Ксении. Каждое слово из ее речей!

— Вот оно как значит! — тихо прошептала Марфа и откинулась назад, закрывая глаза. Довольная улыбка даже во сне не сошла с ее губ.

Ксения с большим наслаждением опустила ноги в прохладную, хоть и слегка мутную от поднявшегося со дна ила, воду. В такую жару, что стояла ныне весь день, было настоящим наслаждением пройтись вдоль низкого бережка, погрузив ноги по щиколотку в эту дивную прохладу. Как же она завидовала по-хорошему Марфуте, что, не стесняясь случайных взглядов, заткнула подол сарафана за пояс, оголяя ноги чуть ли не бедра, да плескала на грудь воду, смывая с себя пот и дорожную пыль! Сама же Ксения стыдилась даже ступни оголить, долго не решалась скинуть поршни да в пруд ступить.

Она снова провела ногой по дну, чертя большим пальцем линию в слегка вязком иле, едва не выпустив из рук подол. Хотя чего беспокоиться — он и так уже был мокрым почти по самые колени. Не удержалась она на ногах, когда спускалась с бережка, с размаху плюхнулась ногами в воду, с трудом сохраняя равновесие.

— Ах, отратно-то как! — воскликнула Марфа, проводя мокрыми ладонями по груди под поневой.

Ксения взглянула на нее, щуря глаза от солнца, что так и било в лицо, медленно опускаясь вниз по небосклону. Все ей нипочем, Марфутке! Всегда была шальная, дерзкая на безрассудства, вот и ныне вдруг стянула с головы убрус, выпуская на волю косы, что медными змеями скользнули по плечам женщины.

— Что ты, Марфа! — ахнула Ксения, сама жалея, что не может поступить ее примеру, ощущая, насколько влажны под повойником волосы от этой проклятой жары. Марфа лишь поправила рыжие косы на плечах и задорно улыбнулась боярыне.

— Зато свежо! Утомилась я уж в этой дороге проклятущей! И когда она только к концу-то подойдет? — Марфа быстро подошла к Ксении, взбивая воду в белую пену вокруг своих голых ног. — И ты бы, Ксения, освежилась. Скоро ляхи покончат со стоянкой и костром, сюда потянутся. А пока они заняты, сняла бы кикку да повойник, освежилась бы.

— Срам, Марфа! — отрезала Ксения твердо, хотя в душе уже почти была готова уступить напору своей прислужницы. Кто узнает, что она снимала убор с головы, обнажая косы? Кто увидит ее ноги, ведь верная Марфута постоит на страже да кликнет, коли пойдет кто?

— Ужели больший срам, чем есть? — так же твердо ответила ей Марфа, уже без смеха в голосе, без того задора, что так отличал прислужницу Ксении. Ксения вспыхнула, краснея всем лицом и шеей — от выреза рубахи до линии поднизей. Сразу вспомнила, как лежала на травяном ковре под звездным небом, как отчаянно цеплялась в плечи мужчины, что был тогда с ней. Все прошедшие два дня она, как могла, старалась поверить в слова Марфы, которая стремилась убедить свою хозяйку в том, что нет ее вины ни в чем.

— Не стыдись, боярыня! Нет нашей вины, что в полон попали. Как бы мы теперь не отбеливались, все едино, грязными в чужих глазах останемся. Даже если бы не тронул пан тебя... А что до того, что тронул! Взглянула бы ты на себя — глаза так и вспыхивают, когда вспоминаешь о том, что было. Но не от ужаса и боли, как другие бабы ляшское валяние вспоминают, вовсе не тем глаза твои горят. И вот тебе мое слово!

— Они так должны у жены гореть, а не у блудницы! — отрезала тогда Ксения. — Негоже жене мужней...

— А на это у меня такая присказка есть! От доброго мужа жена гулять не будет, а от

худого и с привязи сбежит! — Марфа немного помолчала, а после продолжила, глядя Ксению по руке ласково. — Не томи себя, моя родная, что сладость тебе послана была не с супругником. Вспомни, как сердце к ляху было ласково некогда, неудивительно, что и тело ему подчинилось. Невольно нам выбирать, с кем доведется усладу и счастье разделить, а с кем горе хлебать. Раз так на долю выпало, то покорись Его воле, прими ее безропотно. Знать, на твой век такова у Него доля писана, — и Марфута не была бы Марфутой, если бы не добавила. — Да и ежели будешь по уму ныне с ляхом, то все в выгоде останешься. Кто знает, быть может, и забудет он о мести своей, склонится к тебе в просьбах твоих. Подумай об этом, Ксения, хорошо подумай.

Вот и думала Ксения почти все эти два дня над словами Марфы да над своим положением, в котором она невольно оказалась. О том, что произошло тогда в лесу, она предпочла не вспоминать, а сосредоточилась полностью на том, что ждет ее впереди, когда наконец польская хоругвь достигнет конца своего пути. По всему выходило, что идут они к Москве, значит, в стан Тушинского вора направляются, что расположился лагерем недалеко от столичного града, насколько знала Ксения. Сколько будет держать ее при себе Владислав? Пока не удовлетворит своей жажде мести Северскому? А после, скорее всего, отправит ее обратно в вотчину мужа, мол, вот тебе мой ответ — опозоренную в глазах рода и супругника.

Ксения вздрогнула, представив, что может сделать с ней Матвей Юрьевич в этом случае. Нет, позора он не стерпит, не спустит ляху. Но и ей не простит, поставит ей в вину, что не нашла способа избежать поругания. Для него не столь важна ее жизнь, намного дороже честь рода. А значит, не просто обратно к отцу отправит... да и отправит ли вообще...? Нет, Ксения не должна вернуться в вотчину мужа! Ни за что! А значит, она приложит все усилия, чтобы убедить Владислава отправить за выкупом не к Северскому, а к ее отцу. Но сумеет ли он забыть о мести, коли она попросит его об этом?

Марфа вон говорит, что женская прелесть способна заставить мужчину забыть о многом, а уж лаской и вовсе добиться от него того, что желаешь. Но разве возможно это? Неужели женская краса и ласка имеют такую силу над мужчинами?

Ксения склонилась, всматриваясь в свое неясное отражение в мутной воде пруда. Давненько она не задавалась вопросом, пригожа ли она. Будучи замужем, она не особо интересовалась своей внешностью, а положение в вотчине мужа — вроде и жена, да не хозяйка — заставило ее забыть о себе почти полностью, настолько она преуспела в своем желании стать незаметной и тихой. Она не жила то время, а просто его проживала — от рассвета до вечерней молитвы перед сном.

А ныне Ксения чувствовала себя так, будто она просыпалась от того сна, в котором пребывала последние годы. Ей вдруг до боли захотелось убедиться, что ее глаза не тусклы, а кожа не бледная, что ее волосы... хотя нет, не стоит говорить ныне о косах, когда последний раз она мыла волосы более двух седмиц назад.

Ксения кивнула Марфе на кику, сними, мол, и когда та подчинилась, вдруг сама потянулась к завязкам повойника. Страстно хотелось промыть волосы о дорожной пыли, освежиться после тяжелого изнурительного пути по такой жаре.

— Как же я давно не была в мыльне! — чуть ли не простонала Ксения, вызывая улыбку на губах Марфы. — Вроде на том берегу пруда займище *{1}*? Быть может, удастся уговорить хозяев пустить нас в баню.

Марфа пристально взгляделась в ту сторону, куда указывала Ксения, а после покачала

головой, с ее губ мигом слетела улыбка.

— Неизвестно, боярыня, займище там было или починок. Но то, что ныне там нет ничего, верно, как Божий день. Ни собака не лает, ни скот не шумит, да и пусто на том берегу. Видать, давно пусто.

Ксения испуганно взглянула на очертания построек, что виднелись сквозь редкие ветви деревьев на том берегу. Она совсем забыла, какая напасть навалилась на Русь в последние годы, занятая мыслями о своей недоли. Обычно в пути объезжались пустынные места, брошенные хозяевами, выжженные дотла, оберегая боярыню от неприглядного вида этих жилищ, от того духа смерти и разорения, что так и витал над ними.

— Не пугайся, Ксения, — дотронулась до ее руки Марфута, успокаивая. — Давай я лучше тебе волосы здесь промою, пока ляхи заняты лагерем.

Она едва успела коснуться завязок повойника Ксении, когда та кивнула, соглашаясь, как вдруг боярыня резко выпрямилась и положила ладони на ее руки, останавливая. До женщин донеслись звуки шагов сквозь кустарники, что росли на этом берегу пруда. Кто-то явно к ним направлялся.

И верно — спустя миг на берег вышел Владислав, отклоняя от лица ветви. Он остановился почти напротив женщин, что притихли и наблюдали за ним, не отводя глаз, а потом шагнул в их сторону. Ксения тут же выпустила из рук тяжелый, расшитый позолоченной нитью подол сарафана, что с плеском упал в воду, скрывая обнаженные ступни.

— Иди, огонь уже развели, — коротко приказал Владислав, и Марфута, распознав, что тот от нее хочет, направилась к берегу, тяня за руку свою боярыню. Владислав посторонился, когда они выходили из воды, но руки не подал ни Марфе, ни Ксении, предоставив им самостоятельно выбираться из пруда по скользкому глинистому берегу. Да уж, очень влиятельна краса женская на него, с раздражением подумала Ксения, когда едва не растянулась на траве, скользнув по ней мокрыми ступнями. Вон как помогает!

— Останься, панна, — последовал затем такой же короткий приказ, когда женщины, оправив одежду, направились было прочь с берега, к лагерю, которым ляхи расположились в отдалении. Они переглянулись: Ксения — испуганно, Марфа — подбадривая ту взглядом, но все же обе подчинились требованию шляхтича. И только, когда служанка скрылась из виду, Ксения вдруг поняла, что снова осталась при Владиславе в непотребном виде — без кики, покрывающей голову, в одном повойнике. Хотя стоит ли думать об этом ныне? Разве не больший срам ее ждет впереди, когда Владислав шагнет к ней, коснется ее? Когда она снова уступит ему. Ведь от одной только мысли о том, что может тут вскоре произойти, Ксению кинуло в какой-то странный жар, сразу стало нечем дышать.

Но Владислав не шевельнулся, просто стоял и внимательно разглядывал ее, будто пытаясь отыскать в ее лице что-то.

— Ты тогда плакала, панна. Я сделал тебе больно?

Для Ксении этот вопрос прозвучал настолько неожиданно, настолько необычно, что она вздрогнула, растерявшись на миг, мучительно краснея от непристойности его речей. Она хотела промолчать, не отвечать на вопрос, но по пытливому взгляду Владислава поняла, что тот не успокоится, пока не узнает ответ на него. И хоть она знала его совсем мало, но уже успела понять, что шляхтич всегда добивается своего.

— Нет, — опустила голову Ксения, пытаясь уйти от его внимательных глаз, но он вдруг шагнул к ней и поднял ее голову вверх, обхватив пальцами ее подбородок.

— Но ты ведь плакала! — настойчиво проговорил Владислав, и Ксения вдруг невольно разозлилась. Чего он ждет от нее? Какого ответа? Разве не должна она была плакать после пережитого позора? Разве не знает он, что означает для нее то время, что они провели вместе в лесу? А потом вспомнила, что Марфа говорила ей — будто бы лях был подле возка, когда она вернулась из леса. Слышал ли он о том, что она поведала своей служанке, о чем именно плакала? И если слышал, неужто специально ныне пытается ее о причине ее слез два дня назад?

— А я должна была радоваться, лях? Своему сраму? — резко ответила Ксения, глядя ему в глаза дерзко, с вызовом. В их черноте что-то промелькнуло неуловимое для Ксении, но она поняла, что настроение Владислава тут же поменялось по его напрягшимся пальцам, удерживающим ее подбородок в плену.

— Тпру, Ксения, тпру! — В голове вдруг возник голос Марфуты, будто она была подле и шептала ей прямо в ухо. — Не надо злить и дразнить ляха. Ласка, Ксения, ласка...

Но Ксения не могла перешагнуть через впитанные с годами наставления мамок: коснуться самой чужого мужчины — срам и позор на веки веков для порядочной женщины. А потому поспешила сменить тему разговора, усмирить начавшую просыпаться в нем злость на ее дерзкое поведение. Разве не так она пыталась поступать, когда уже почти над головой висела запрокинутый кулак супружника? Отвлечь и заговорить. Иногда ей это помогало.

— Пояс у тебя богатый, — вдруг проговорила Ксения, вспомнив неожиданно, как блеснул тот когда-то в свете костра, в ту ночь, когда Владислав приходил к ее возку. Он нахмурился недоуменно, и Ксения повторила, указывая рукой на предмет разговора. — Богатый у тебя пояс. Да и перстни на пальцах непростые. На один такой можно вотчину взять большую.

Владислав ничего не ответил, пристально глядя ей в глаза, будто пытаясь прочесть ее мысли, что метались ныне в ее голове, как шальные. Она же, коря себя за то, что совсем не о том надо было речь начинать, все же снова попыталась разговорить его.

— Я знаю, что твой отец — богатый человек в твоей стране, власть имеет большую в своих землях. И пусть ты не старший сын, но тебе вовсе не было нужды идти на Русь. Ни тогда, с Самозванцем, ни ныне... — она оборвала свою речь, вдруг вспомнив, по какой причине он здесь сейчас, и почему сама стоит напротив него в этот миг. Владислав же вдруг усмехнулся, заметив ее смущение, ее растерянность.

— Ты же сама знаешь, почему я ныне здесь, в Московии, — проговорив это, Владислав вдруг сам вмиг посерьезнел. Лоб пересекли морщины, будто мысль, что пришла в это мгновение в голову причиняла ему нестерпимую боль. — Я и сам позднее не раз задавал себе этот вопрос — что потянуло меня тогда на Москву под стягом зятя пана Мнишека? Не нажива меня влекла, хотя, признаю, никогда она не бывает лишней. Что же тогда? Воинская слава? Стремление показать свою доблесть? Собственная гордыня? А *contrario* {2} воли моего отца? *Dominus et deus noster sic fieri iubet* {3} — вот основное кредо, по которому живут на землях Стефана Заславского. Не понимаешь, верно? Я вижу, что не понимаешь. Слишком дорогой была тогда цена моему самолюбию! Слишком велика вина!

Владислав перевел взгляд куда-то вниз, и Ксения проследила за его движением. Он неотрывно некоторое время смотрел на небольшое золотое распятие, что висело на черной, перевитой золотым шнурком, нити. Видимо, оно выскользнуло из-под рубахи, когда Ксения склонялась к воде недавно, да так и осталось висеть поверх тонкой ткани.

Владислав вдруг взял тонкий крестик на свою ладонь, разглядывая его, будто оно весьма

заинтересовало его.

— Моя мать была протестанткой. Твоей веры была, — неожиданно проговорил Владислав, не отрывая глаз от золота на его ладони. — У вас даже крест нательный другой, не такой, как в нашей вере. Все другое. И понятия другие, и правила, по которым живете. Разве можно с бабами воевать? — добавил он зло.

— А сам что делаешь, пан? Разве не через бабу месть свою хочешь сотворить? — не смогла удержаться и прикусить свой язык Ксения. Ох, и когда же она сумеет обуздать свой нрав, что так и толкает на то, что возразить этому пригожему ляху? С мужем удалось же, что же с Заславским-то не выходит?

— Не я первый эту войну начал, панна, — возразил Владислав, поднимая голову и заглядывая ей в глаза. — Да и не думал я через тебя месть творить. Хотел Северского из вотчины выманить, где он заперся, как только услышал, что моя хоругвь близко. Вот и захватил тебя в полон. Мой нарочный оставил в тыне усадьбы послание твоему супругу — стрелу с одной из твоих кисей да с поясом с моим гербом. Да только не пожелал за тобой пойти муж твой, встретиться со мной лицом к лицу, пся крев! Предпочел, чтобы ты позорахватила к ляхском плену! Позор и смерть жены все лучше для него, чем жизни самому лишиться. И за такого тебя отец замуж отдал!

Ксения отстранилась бы от него, отошла бы, но шнурок от распятия, что он по-прежнему держал в ладони, не позволило ей отдалиться от Владислава. Неужто ведает Матвей Юрьевич о полоне? Неужто правду лях говорит? Тогда пропала она совсем, пропала!

— Потому нет у меня иного пути, как с собой тебя увезти. Через тебя отомстить врагу моему, коли так звезды сошлись, — продолжил Владислав. Ксения же стояла ни жива, ни мертва, будто жизнь из нее утекала с каждым словом поляка. Ныне ей никак нельзя к мужу возвращенной быть! На ней выместит Северский злость от своего позора и бессилия. Единственный путь жизнь сохранить — умолять ляха отправить ее к семье в Москву или в вотчину батюшкину, что под Коломной. А иначе смерть ей... Уморит ее Северский!

Она неосознанно коснулась кончиками пальцев шрама на левом виске. В ту ночь она едва не отдала Богу душу, испытав на себе всю силу гнева своего мужа. С тех пор она знала, на что тот способен. Потому-то и верила без сомнений во все слухи и разговоры, что доходили до нее изредка о зверствах Северского. Она и ранее не сомневалась шибко, но убедиться в том самой...

— Это он? — глухо спросил Владислав, вырывая Ксению из плена мучительных для нее воспоминаний. Он хотел коснуться шрама так же, как и она недавно, кончиками пальцев, но она повернула голову, не дала дотронуться до себя.

— Христом Богом заклинаю тебя, лях, отослать за выкупом к родичам моим, не к Северскому, — едва слышно прошептала Ксения, с трудом разлепив пересохшие губы. — Не будет мне житья, коли к мужу обратно отправишь. Богом прошу тебя!

Она заглянула в его глаза, стремясь всем своим взглядом выразить свою мольбу, свое отчаянье, свой страх, но темные глаза Владислава были по-прежнему холодны. Он отступил от нее, выпуская из рук золотое распятие, ударившее слегка Ксению по груди.

— Для меня на небе нет Бога, если он допускает подобное, — отрезал Владислав. — Не проси, панна, невозможное! Не проси того, что дать не смогу! Не нужны мне деньги, панна. Ты, верно, подметила, не беден я. Не так богат, как отец мой, но средства есть, и земля есть. Так что не выкуп — моя цель, панна! Поедешь со мной в Тушино, будешь жить в шатре моем, а потом с нарочным в вотчину мужа поедешь. Я так решил!

Владислав отвернулся от нее, принялся расстегивать жупан, со злостью, резко дергая полу. Ксения даже шевельнуться боялась, оглушенная его словами. Как можно быть таким жестоким? Таким бесчеловечным? Сказать такое, а после еще и...

Владислав скинул жупан на траву и повернулся к ней, застывшей на месте, растерянной. Потом выправил рубаху из штанов и, глядя ей прямо в глаза, будто заволакивая, потянул ее подол вверх, стягивая ее с себя, обнажая широкую грудь и крепкие плечи. Ксения видела таким обнаженным только своего супруга и то пару раз, но никогда не испытывала при этом того, что происходило с ней ныне: вдруг пересохло во рту, бешено забилося сердце, а где-то глубоко в груди так потяжелело, что она с трудом дышала. Вдруг захотелось коснуться его плеча, провести ладонью по его коже, на которой сейчас играло закатное солнце, едва пробивающееся сквозь широкие ветви деревьев у пруда.

Владислав отбросил рубаху в сторону, и Ксения будто очнулась от своего морока при этом резком движении. Она взглянула в его глаза, что по-прежнему внимательно наблюдали за ней, подмечая каждую эмоцию, мелькнувшую на лице, и поняла, что он знает, какие мысли ходят ныне в ее голове. От этого осознания стало еще горше. Никуда не делась за эти годы его власть на ней, что когда-то привела ее к той холодной. И, похоже, никуда ей не деться...

Владислав сбросил сапоги, а потом принялся за штаны, и Ксения вдруг вспыхнула, пораженная тем, что происходит у нее на глазах — разве достойно мужчины так оголяться перед женщиной? Для чего это все? Чтобы ее смутить и в который раз показать ее позор?

— Зачем ты оголяешься? — вырвалось у Ксении. Голос при этом дрожал то ли от страха, то ли от тех чувств, что разгорались в ее душе, заставили ее кровь быстрее струиться по венам, закружили голову.

— Как зачем? — притворно удивился Владислав. — Я, знаешь ли, грязен и весь в поту с дороги. Не более мочи ходить таким. А эта вода ныне как дар небес. Грех не воспользоваться им! Да и тебе тоже, думаю, хотелось бы после такой жары поплавать. Пойдешь со мной?

Ксения отшатнулась, с трудом скрывая панику, что охватила ее при этих словах. Этот лях совсем стыд потерял! Мало того, что оголяется при ней, так и предлагает ей подобное непотребство!

Она быстро-быстро замотала головой, отказываясь от его протянутой в ее сторону руки, стала медленно отступать назад, опасаясь, что Владислав снова принудит ее своей воле, своим бесстыдным желаниям.

— Нет? — приподнял шляхтич, будто удивляясь, правую бровь. — Ну, на нет и суда нет.

Он снова потянулся к завязкам своих штанов, и Ксения тут же потупила взор, боясь поднимать глаза, чтобы ненароком не увидеть чего срамного. Раздался тихий шорох брошенной на траву одежды, и это было последней каплей для нее. Она резко развернулась и под его громкий смех бросилась через кусты прочь от пруда, продираясь сквозь их заросли, не разбирая дороги, к лагерю.

— Понимаю, панна у нас привыкла к удобствам, верно, панна? — крикнул Владислав ей вслед, а после резко развернулся к пруду и, как был — полностью обнаженным, нырнул с разбега в прохладную воду, а потом поплыл широкими гребками, поднимая множество брызг. Услышав этот плеск, Ксения вдруг остановилась, как вкопанная, борясь с желанием, вдруг вспыхнувшим в ней, оглянуться назад и посмотреть на него сквозь надежно скрывающую ее зелень ветвей.

Медленно краснея, как маков цвет, Ксения после минутных колебаний все же повернула

голову и взглянула на плывущего мужчину, сдерживая тяжелое дыхание. В этот момент Владислав уже достиг противоположного берега пруда и сейчас стоял по пояс в воде, обливаясь. И хотя он стоял в отдалении от нее, Ксения все же хорошо видела его, поражаясь различию между ним и Северским. Фигура ее мужа походила скорее на крепкий и широкий дубовый ствол, у ляха же плечи были намного шире стана, не было небольшого животика, что висел над поясом у ее супруга.

Пусть бы и в другом они были различны, вдруг подумалось Ксении. Она не желала вопреки уговорам своего разума видеть во Владиславе жестокости и властности своего супруга, его бессердечности, которые по рассказам ее служанок в усадьбе были типично мужскими чертами. Она отчаянно не хотела верить в это — выслушал же ее Михаил, поверил ее словам, заступиться обещался. Знать, не все мужчины так жестоки и бездушны!

— Быстро ты, боярыня! — отметила Марфа, когда Ксения подошла к ней, суетящейся у котла на костре, избегая внимательных взглядов польских воинов, что так и сверлили ее глазами. — Я-то думала, дольше тебя задержит.

— Марфа! — воскликнула протестуяще Ксения, с трудом сдерживая в себе желание не ударить ту легонько в плечо — пусть знает, с кем и о чем свои речи ведет! — Не было ничего. Мыться он пришел, а не... Ах, где моя кика? Зачем ты ее унесла с собой?

— Я подумала, она будет там совсем не ко двору, — пожалала плечами Марфа. — В возке она. Пойдем, подсоблю прибраться. Тут без меня покамест может варево постоять.

Как будто в панцирь, Ксения облачалась в свой наряд, положенный по статусу — тяжелую кикку да ожерелье широкое, скрывала плечи и голову под шелком сороки. Да, по сути, все это ее богатое убранство и было для нее своего рода защитой от этих косых взглядов, от насмешек и перешептываний, которыми обменивались ляхи. Тяжесть кики, что давила на голову, вес длинных жемчужных серег и ожерелья напоминали Ксении, что она боярская дочь и жена, а таковой негоже внимание обращать на досужие разговоры и смешки.

Но они все же причиняли ей боль. Такую острую, что она с трудом сидела, высоко подняв голову, удерживая выражение холодного безразличия ко всему происходящему на своем лице.

Как же Ксения ненавидела Владислава за то положение, в котором она оказалась ныне! Вон как все провожают взглядами своего пана, когда тот прошел через весь лагерь напрямик к возку, у колес которого она сидела, какой тихий смех разносится от ляха к ляху! И пусть Владислав взглядом смог заставить эти едкие смешки умолкнуть, но она-то знала, о чем они думают ныне, о чем зубоскалят. Ведь вся хоругвь знала ее позор. Все ведали, что именно случилось два дня назад.

Владислав протянул ей руку, чтобы помочь подняться на ноги с травы, и Ксения с трудом сумела подавить тот бунт, к которому подстрекал ее нрав. Только взглядом смирив ледяным, стремясь выразить им всю ту ненависть, что плескалась ныне в ее душе. Она ненавидит его за унижение, которому подвергается, за свой позор. Она должна ненавидеть его!

— Не желает ли панна прогуляться после трапезы? — спросил Владислав, глядя с высоты своего роста на нее, сидящую у его ног, слегка наклоняясь к ней.

— Я удивлена, что пана интересует моими желаниями. Разве пан примет мой отказ? — ответила ему Ксения, но свои пальцы вложила в его ладонь, поражаясь тому, насколько тонкими и хрупкими они выглядели по сравнению с его кистью. Он мог бы сжать и сломать их без особых усилий, вдруг подумала она, будто только ныне осознавая его

физическую мощь, его превосходство над ней. Потому-то она и молчала хмуро, аккуратно ступая по траве, стараясь не отставать от его широкого шага, в очередной раз обдумывая свое положение. А после вдруг осознала, что они находятся на виду его ратников, по крайней мере, сторожевых, что провожали их любопытствующими или насмешливыми взглядами. Неужто прямо тут, у них на глазах, когда еще так светло, несмотря на вечерний час? Ох, не приведи Господь!

— Не желает пан пройти к пруду? — кусая губы, сама не своя от стыда, что всколыхнулся в ее душе от сознания того, что она сама предлагает ему. Лишь бы уйти от посторонних глаз!

Владислав остановился и пристально посмотрел на нее, а потом медленно раздвинул свои губы в усмешке, заставляя Ксению раскраснеться еще больше, чем прежде, явно наслаждаясь ее смущением.

— Неужто панна желает...? — он не договорил фразу, но по тону его голоса Ксения поняла, на что именно он намекает, и опустила глаза вниз, в траву у подола сарафана, не желая видеть выражение его лица, его явную усмешку над сложившейся ситуацией. — Нет, панна может быть покойна. Я хотел только поговорить с панной, а не вызывать желания различного рода у моих пахоликов. Я не имею намерения делить благосклонность панны с кем-либо.

Они прошли еще дальше от лагеря в полном молчании. Вскоре Ксения перестала различать другие звуки, кроме шелеста травы, склоняющейся под легким ветерком и под их шагами, да тихого постукивания золотых поднизей кики друг о друга. Ляхи и верная Марфа остались где-то за их спинами, впереди был только простор луга да небольшие пролески вдалеке у горизонта, ярко-розового в этот летний закат. Казалось, они остались совсем одни на этом лугу.

Владислав вдруг остановился и развернул Ксению к себе лицом, будто что-то пытаюсь прочитать в ее глазах. А потом вдруг коснулся рукой ее кики, провел ладонью по шелку сороки — от поднизей до самого ее конца, положил руку на плечо Ксении, сжимая его легко через шелковую ткань.

— Расскажи мне о нем, о Северском, — проговорил он. — Расскажи о его слабостях, ведь ты как никто иной должна знать их.

Услышав эти слова, Ксения едва не рассмеялась, сглатывая горечь, что образовалась вдруг во рту. Если б знал лях, насколько ошибается ныне, полагая, что она хорошо успела выучить натуру своего мужа! Даже ныне — по прошествии стольких лет, она не смогла бы взять на себя смелость утверждать это.

— У этого человека нет слабостей, пан! — резко ответила Ксения, глядя в темные глаза Владислава. — Он не питает привязанностей и теплоты к кому-либо, полагая это уделом слабых духом людей. Он расчетлив и коварен, и ежели он не поехал за мной тотчас, как получил от тебя свидетельства моего полона, то это только потому, что он имеет в голове другие задумки насчет тебя и меня. А в этом можешь быть уверен! И еще, пан — даже если бы у моего мужа имелись слабости, которыми ты мог бы воспользоваться, неужто думаешь, я открыла бы их тебе? Я — его жена венчанная?

Владислав кивнул, будто соглашаясь с ней, но промолчал, взгляда своего не отвел от ее лица, по-прежнему всматриваясь в ее глаза. Ксению не оставляло ощущение, будто лях желает проникнуть в самую ее сущность, разгадать изнутри ее, и она из всех сил попыталась придать себе вид, словно ей совсем безразлично, что он стоит так близко к ней, что на ее

плечо давит тяжесть его ладони. Но это Ксении недолго удавалось делать, потому что следующий же его вопрос к ней абсолютно сбил ее с толку, заставил растеряться.

— Я совсем позабыл, какого цвета твои волосы, — задумчиво произнес Владислав, будто именно этот вопрос и волновал его ныне более всего. Он поднял ладонь с ее плеча и дотронулся до поднизей кики. — Так какого они цвета, Ксения?

Ксения отшатнулась от его руки, почему-то уверенная, что он сейчас поднимет руку еще выше и скинет с ее головы кикку, а после и развяжет повойник в намерении отыскать ответ на свой вопрос.

— Волосы гоже видеть только мужу, — едва слышно прошептала она, отводя глаза в сторону, не силах терпеть взгляд его пытливых глаз. — Только ему одному.

— Варварская страна Московия, — насмешливо произнес Владислав, вдруг захватывая ее ладони в плен своих рук, не давая ей отдалиться от него. — У нас не стыдно для женщины показать ее красу, вы же прячете ее от мужских глаз.

— Может, от того и прячем. Чтобы не вызвать чего лишнего в них, в мужиках! — резко ответила Ксения, со злостью отмечая, как забилося сердце от его ласковых поглаживаний ее кистей, от его крепкого захвата. Будто предвкушая что-то большее. Но глаза свои по-прежнему отводила от его лица, боясь выдать себя, свои желания и эмоции с головой.

— Только муж может видеть волосы женщины, коли она под венцом с ним стояла, — повторила она, но не столько для него, сколько для себя — напоминая, что она не та девица, что когда-то с замиранием сердца слушала тихий ласкающий голос Владислава. Ныне она замужем и должна хотя бы сердцем отказывать этому ляху, коли тело ее так уступчиво.

— А ведь когда-то ты хотела, чтобы я им стал. Твоим мужем, — тихо проговорил Владислав, и эти слова заставили Ксению снова взглянуть на него. Она пыталась прочитать в глубине его глаз хотя бы что-то, что помогло бы ей выбрать правильную линию поведения в этот момент, что подсказало бы ей ответ на его реплику, но так и не смогла сделать это.

— И тогда бы ты распускала бы свои косы для меня. И я касался бы их, пропускал между пальцев, целовал их. На что угодно готов поспорить — они мягкие, как шелк. Открой свои волосы, Ксения... распусти свои косы... Для меня, моя дрога.

Он поднес ее руки к губам и принялся медленно целовать каждый ее пальчик — один за другим, заставляя голову Ксении идти кругом, удерживая ее взгляд на своем лице своими колдовскими глазами, пытаясь проникнуть в ее душу. Дай мне сил, Господи, оттолкнуть его, взмолилась она, чувствуя, как ее снова захватывают в плен те самые вихри, что крутили ее тело два дня назад, тогда в лесу, когда смотрела в темное ночное небо, усыпанное яркими точками звезд. Она даже глаз не могла отвести от его взгляда, не то, что вырвать ладони из плена его рук и ласкающих губ. И тогда Ксения просто сомкнула веки, признавая свою слабость перед ним, перед его ласками, не желая видеть довольство ее уступчивостью на его лице.

Но спустя миг ей пришлось открыть глаза, чтобы взглянуть, что же могло произойти за это короткое время, и отчего вдруг Владислав прекратил свои поцелуи, от которых кровь так быстро струилась по ее венам. Он застыл, будто вмиг окаменев, глядя на ее пальцы, что по-прежнему сжимал в своих ладонях, касаясь большим пальцем одного из ее перстней.

— Что? Что случилось, Владек? — Ксения сама не поняла, почему вдруг так легко и просто у нее с губ сорвалось его имя. Быть может, оттого, что ее разум был ныне будто во хмелю от его поцелуев и нежных касаний?

Он медленно поднял глаза на ее лицо, и она замерла, перепугавшись при виде того, что

плескалось ныне в его глазах, ставших еще чернее, чем прежде. Ярость и ничем не прикрытая лютая ненависть. Снова перед ней был тот человек, что так перепугал ее несколько дней назад, в лесу.

Владислав же притянул ее, застывшую в испуге, еще ближе, прижал крепче к своему телу и принялся целовать ее. Грубо, настойчиво, сминая ее губы, подавляя крик страха и боли. Ксения опомнилась, только когда он прикусил больно ее нижнюю губу, до того не веря, что это действительно так, забилась в его руках, осознавая, что в нем произошла какая-то перемена, что все сейчас идет совсем не так, как тогда, под звездным небом. Она толкала его от себя изо всех сил, уворачивалась от настойчивых губ, отбивалась от грубых пальцев, причиняющих ей боль, но он не отпускал ее, легко подавляя ее сопротивление, будто даже наслаждаясь им.

Ксении удалось вырвать правую руку из хватки шляхтича, ударить его со всего размаха по щеке, так сильно, что заболела ладонь, заныли пальцы. Но Владислав даже ухом, казалось, не повел при этом — перехватил ее кисть и попытался завести назад, за спину, чтобы удерживая обе ее руки там, другой сорвать с плеч летник. Ксения попыталась удержать его напор, с которым Владислав давил на ее руку, но быстро поняла, что он готов даже сломать ее кисть, но любой ценой осуществить то, что задумал. А потому смирилась, поникла в его руках, уже не оказывая сопротивления, позволяя ему делать то, что он хочет.

Владислав же запрокинул ее слегка назад, целуя ее в шею, что открылась в ворота летника, по-прежнему сжимая кисти ее рук в крепком захвате. Настолько крепком, что у Ксении слезы выступили на глазах. А быть может, она заплакала от того унижения, что испытывала ныне, и — помилуй Бог ее, грешную — от того разочарования, что захватило ее душу.

Ведь ей до последнего хотелось верить, что Владислав никогда не причинит ей боли, не принудит ее, как принуждал муж. Что он не такой, как все мужчины, что он другой.

Но это все же происходило. Ее прекрасный рыцарь в сверкающих доспехах и диковинной шкуре, каким она предпочитала вспоминать его, оказался все же таким же зверем, как ее муж...

— Нет, Владек, — вдруг сорвался с губ Ксении тихий всхлип, и слезы тонкими струйками потекли по лицу. — Прощу тебя...

Это произошло неосознанно — она ни на что не рассчитывала, произнося свою мольбу, и уж тем более его остановить. Но это вдруг произошло. Владислав сначала замер, склоняясь так близко к ее шее, что она кожей ощущала его горячее дыхание, а потом резко выпрямился, почти отшвырнул ее от себя с каким-то глухим рыком, отвернулся от нее.

Ксения испуганно отступила от него еще на пару шагов, глядя на спину Владислава, обтянутую расшитой тканью жупана, на его дрожащие от ярости плечи. Она не понимала, что происходит, что заставило его накинуться на нее, словно дикий зверь, не знающий пощады в своем порыве, что изменилось для него.

— Пошла прочь! — вдруг крикнул Владислав, почти прорычал это, и она развернулась и бросилась бежать от него, не желая испытывать судьбу. Высокая трава и подол сарафана затрудняли движения, а после она и вовсе наступила на длинный рукав летника, упала с криком на землю, теряя поршень, что упал куда-то в траву. Позади вдруг раздались тяжелые шаги, и она поняла, что Владислав передумал ее отпускать от себя, что нагоняет ее, чтобы снова мучить, чтобы закончить, что начал. Ксения попыталась подняться на ноги, но наступила на подол и снова упала, не стала выпрямляться в следующий раз, не желая тратить

время, быстро поползла прочь, надеясь, что он не заметит ее в высокой траве.

Но Владислав сумел разглядеть ее. Она слышала, как быстро приближаются его шаги, как гремят золотые кольца, украшающие его пояс. Еще миг, и шляхтич настиг ее — его пальцы сомкнулись на ее плече, разворачивая к себе лицом. Ксения закричала во весь голос от ужаса, сжимаясь, будто надеясь уменьшиться в размерах и скрыться с его глаз. Но Владислав не стал ее опрокидывать на траву и рвать одежду, как Ксения ожидала в этот миг. Он схватил ее левую руку и резким движением стянул с ее пальца тяжелый янтарный перстень, который она впервые за последний год надела на руку.

Ксения не любила это украшение почему-то, оттого и редко носила. Быть может, потому что это кольцо досталось ей как жене боярина Северского среди других родовых украшений его семьи, и служило напоминанием о ее доле. А быть может, у нее просто не лежала к нему душа. Но Ксения его не надевала, просто возила с собой в ларце, среди других безделушек и камней. Перстень однако выглядел весьма богато — янтарь так и привлекал внимание своей необычностью и размерами, а желание выглядеть выше смешков и пересудов ляхов пересилило личную неприязнь к украшению, вот Ксения и надела его ныне вечером.

А теперь этот перстень для нее будет навсегда безвозвратно потерянным, ведь стянув его с пальца, Владислав размахнулся и изо всех сил запустил его куда-то в траву. А после выпрямился, запустив пальцы в свои черные волосы, и, с силой дергая собственную шевелюру, шатаясь будто пьяный ушел от Ксении прочь, спустя миг скрывшись с ее глаз. Недоумевающая Ксения некоторое время смотрела ему вслед, а после упала в траву и горько с надрывом разрыдалась, глядя, как на постепенно темнеющем небосводе начинают загораться маленькие яркие точки звезд.

1. небольшое поселение на дикой земле, занятое обыкновенно одним двором
2. От противного (лат.)
3. Так повелевает наш господин и бог (лат.)

Ксения лежала в траве до тех пор, пока на землю не спустилась ночь, надежно скрывающая в своих объятиях то, что должно было быть спрятано от чужих глаз. Только тогда Ксения нашла в себе силы подняться и, расправив одежды, направиться в лагерь, который виднелся вдали маленькой точкой костра. Замешкалась она лишь ненадолго — искала поршень, что слетел с ноги, когда она спасалась бегством от Владислава. Но разве можно найти в такой тьме кожаный башмак? Вот и Ксения, вскоре оставив попытки отыскать свою потерю, побрела на стоянку польской хоругви, еле переставляя ноги, такие тяжелые, будто закованные в цепи. Нещадно стучало в висках — как обычно после долгого плача, даже мысли, мелькавшие в голове, казалось, ныне причиняли боль.

Ксения догадалась после недолгих раздумий, что причиной подобного поведения Владислава был тот злополучный янтарный перстень, и, судя по его ярости, по его ненависти, переведенной на нее в тот миг, это кольцо было связано с его погибшей сестрой. Неужто Ксении достался в дар перстень, снятый с пальца умершей панночки? Нет, лучше не думать об том. Не зря же ей он не по нраву пришелся, едва она только заметила его в ларце, что принес ей муж.

Как только она достигла поля зрения сторожевых, расставленных по периметру лагеря, ее тут же окликнули на ляхском — грозно, предупреждая, и потому Ксения поспешила отозваться. Лях возник откуда-то неожиданно из темноты, взгляделся в ее лицо, окинул взглядом помятую одежду, но посторонился в сторону, пропуская ее в лагерь, хмыкнув напоследок ей в спину. Но Ксения не обратила на эту ухмылку никакого внимания. Отныне она не будет замечать эти косые взгляды и смешки. Гордыня заставила восстать против них, а, как известно, Господь карает за этот грех, вот и ее наказал тем, что произошло на лугу.

Марфа ждала, сидя у возка, облокотившись спиной о колесо, но тут же вскочила на ноги, едва заприметила бредущую к ней Ксению, с тревогой окинула ее взглядом, но ничего не спросила.

— Подай обувку, — коротко приказала та своей служанке, опускаясь в траву на ее место. Она скинула с ноги второй, уже без пары, поршень и принялась счищать со ступней травинки и мелкий сор. Марфа быстро залезла в возок, а после вернулась, держа в руках искусно расшитые туфли из бархата.

— Только чоботы остались, — сказала она, обувая на ноги Ксении туфли. — Обутка, конечно, не для похода, но в другой паре поршней подошва прохудилась. С завтрава залатаю, когда светло будет.

— Воды подай, — отрывисто произнесла боярыня, не желая вести долгих разговоров сейчас и слушать Марфуткину болтовню. Та тут же сбегала за кувшином воды, что был приготовлен специально подле возка, захоти боярыня жажду утолить ночью. Ксения подставила ладони горстью, и, когда Марфа налила в протянутые руки чуть теплой воды, аккуратно вымыла лицо, стараясь стереть с него следы недавних рыданий. Она протянула руку за рушником, но Марфа замешкалась его подать, и Ксении пришлось поднять голову, раздраженно воскликнув:

— Уснула, что ли, Марфута? Рушник подай!

Марфа тут же протянула ей расшитое полотно, косясь куда-то вбок. Ксения краем глаза заметила что-то большое и темное слева от себя и едва сумела обуздать страх, что мелькнул

в ее душе: неужто снова Владислав пришел глумиться над ней? Неужто недостаточно?

Но это был не шляхтич, а его дядька, что опустился на корточки подле боярыни и крутил свой длинный ус, обдумывая что-то. Он кивнул Ксении, мол, продолжай, и, когда та вытерла лицо, приказал Марфе отойти в сторону от них.

— Где Владислав? — спросил Ежи, едва служанка Ксении подчинилась и скрылась за возком. Ксения пожалала плечами, стараясь скрыть от внимательного взгляда Ежи мелкую дрожь в ладонях.

— А я почему знаю, лях, где твой пан? — вздернув подбородок как можно выше, звякнув при этом длинными серьгами, процедила Ксения. — Ты же за ним приглядываешь, не я!

— Спрячь свои иглы, панна, — усмехнулся Ежи. — Сама же себя уколоть можешь ненароком.

Он вдруг протянул руки и схватил ее ладони, развернул их вверх, разглядывая перстни на пальцах в неясном свете костра, что едва долетал сюда, к возку.

— Мне сказали, у тебя перстень новый на руках появился. Диковинный, с даром солнца {1} в серебряной оправе, — произнес он негромко. Ксения покачала головой в ответ.

— Был, да нет его ныне.

— Он видел его? — не оставлял своих расспросов усатый лях, отпуская ее ладони.

— Видел, — подтвердила Ксения. — Рассвирепел, будто раненный зверь, загнанный охотниками. Будто в него бес вселился, — она помолчала немного, а после спросила, терзаясь догадками. — Это ее перстень был? Сестры Владислава?

Ежи взглянул на нее внимательно из-под своих густых бровей, будто решая, ответить ей на вопрос или проигнорировать его, уйти прочь, ведь все, что он хотел узнать, она уже рассказала ему. Он даже поднялся на ноги, и Ксения решила, что не получит ответа от него, но Ежи все же заговорил:

— Матери его этот перстень был подарен несколько лет назад. Пан Заславский купил его в подарок к ее именинам. Говорил, что цвет камня напоминает ему цвет ее глаз, а он-то у панны Заславской был диковинный. Люди шептались, будто в роду у нее были колдуньи, а уж когда за Стефана Заславского замуж вышла, и вовсе стали причислять ее к ведьмам, несмотря на все ее благочестие и страстную веру. Я не знал более порядочной женщины, чем мать Владислава! Но их брак был непонятен ни в кругах знати, ни более мелкой шляхте, откуда она по происхождению. Даже хлопы шептались долго. Католик и православная, богатый магнат и девица из обедневшего шляхетского рода с самой окраины страны — тут уж было о чем языки почесать.

Ежи замолчал и снова принялся крутить ус, глядя в никуда, будто что-то видел перед собой невидимое постороннему глазу. Молчала и Ксения, боясь спугнуть усатого ляха. Она знала, что обычно тот совсем немногословен, только следует тенью за своим паном, словно стараясь прикрыть его от возможного удара, который тот может и не заметить вовремя.

— Она была так рада тогда, говорят, получить этот перстень. Панна всегда любила всякие диковинные вещички, а янтарь — это же непростой камень. Слезы моря, как говорят у нас, дар самого солнца. А потом пришел слух, что перстень проклят, что его последняя владелица продала родовую реликвию в страхе перед тем обвалом несчастий, что свалились на ее семью. Пан Заславский тогда посмеялся над этими толками. Но после, когда прежняя владелица угорела в своем доме, а панна не доносила очередное дитя и скинула его почти перед родами, стало не до смеха. А потом и вся жизнь панны пошла не так. Не ведаю, винила ли она в том перстень, но убрала его от греха подальше в ларец, никогда более не

надевая после. В последний раз я видел его на пальце паненки. Ей как раз шестнадцать годков сравнялось. Полюбился паненке этот перстень, умолила мати отдать ей его в подарок. Долго ей пришлось выпрашивать янтарь, но кто устоит перед просьбами нашей Ануси? Вот и панна не устояла, в празднество и отдала дочери перстень. Только просила носить не часто, памятуя о толках, что ходили об этом перстне.

Ежи вдруг вспомнил двор в Белобродах, поставленные столы литовской буквой П, слышал звуки музыки, смех людей и веселые выкрики. Молоденькая с озорными темными глазами паненка танцевала в кругу людей, радуясь своему празднику. Брат привез ей из Кракова янтарные серьги в форме крупных капель под подарок матери — перстень, что так завораживал Анну своим таинственным блеском и пугающей историей. Она кружится, и юбка идет волнами, открывая взгляду сапожки на толстом каблуке. Толстые черные косы быстро движутся, вторя ее движениям.

Проказница Ануся, любимая всеми — от старосты до последнего хлопа в усадьбе. Милая наивная девочка, жалеющая каждую Божью тварь и плачущая даже при подковке коней («Ведь им же больно, Ежи!»).

— Не боишься проклятия «дара солнца», Ануся? — смеялся над ней Ежи, когда они снова сомкнули руки в задорном краковяке {2}, пошли по двору в быстром танце. Та лишь рассмеялась в ответ, обнажая белые зубки.

— Не боюсь, Ежи! Да и как мне бояться при таком защитнике, как Владичек? Верно Владичек?

И Владислав, обнимающий за плечи мать, поднимает вверх серебряный кубок с вином в знак подтверждения ее словам, улыбаясь, с нескрываемым обожанием глядя на сестру, танцующую с этим старым увальнем Ежи. Только его Ануся могла вытащить этого медведя на быстрый краковяк.

— Это был последний раз, когда я видел этот проклятый перстень, — проговорил притихшей Ксении Ежи, хмуря лоб. — Спустя несколько дней мы ушли из Белоброд к пану Мнишеку, чтобы идти на Московию. А потом панна поехала в повет, оставив паненку одну в усадьбе. Та привыкла без опаски гулять, где ей вздумается по вотчине, вот и в тот раз ушла. Ушла, чтобы никогда более не воротиться.

Ежи замолчал, достал из небольшой торбы на поясе чубук и кисет с табаком, закурил, пуская вверх широкие кольца табачного дыма. Все это было сделано без единого слова, в полном молчании. Ксения тоже не могла нарушить эту тишину, что встала меж ними. Она вспоминала янтарный перстень и представляла его на руке другой девушки, юной и красивой (она же похожа на Владека!), которая ушла в один из дней прогуляться и собрать цветов и попала прямо в руки Северского, пришедшего за одним из отпрысков рода Заславских. Из тех коротких обрывков той истории она знала, что девушка оказалась не из робких, и долго сопротивлялась Северскому, даже когда оказалась за высоким тыном его усадьбы.

— Пан Владислав вернулся, — вдруг произнес Ежи, ткнув чубуком в сторону костра. Ксения перевела взгляд, куда он показал, и увидела Владислава, присаживающегося подле пахоликов своего почета. Она поймала себя на том, что вздыхает с облегчением, ведь до того, она постоянно думала о том, как он бродит там, в темноте, один-одинешенек. Кто знает, что могло скрываться в высокой траве луга? Может, гад ядовитый на охоту выполз из-под мокрой коряги у пруда, или яма какая-нибудь могла попасться, чтобы покалечить неосторожного путника.

— Не суди его, панна, — проговорил Ежи. — Нет ему большего судьи, чем он сам. Владислав сам себе вынес приговор и определил наказание за смерти тех, кого любил. Как и врагу своему, кой причина многому худому в судьбе пана Владислава. Оттого-то ему и горше горького ныне, когда нет у него иного пути, чем задуманное единожды.

Ксения почувствовала на себе тяжелый взгляд усатого ляха и не ошиблась: когда она перевела взор на Ежи, тот смотрел на нее неотрывно, изредка попыхивая чубуком.

— Что ты хочешь сказать этим, лях? — спросила Ксения. В ней все больше крепло убеждение, что не просто так этот лях пришел сюда, к возку, не от доброты душевной разговор с ней ведет.

— Только то, что сказал, панна. И добавлять ничего не буду к тому, — отрезал Ежи, а после выпрямился, расправив плечи, запустил большие пальцы рук за широкий пояс. — А чего я желал бы, так и вовсе не встречать тебя, панна, более на этом свете. Нет большей маяты ныне, чем ты!

Ксения даже речь потеряла от подобных слов. Это как понимать прикажете? Разве ее вина в том, что ляхи в полон ее взяли? Ее вина, что Владислав войну ведет с русским боярином и, похоже, намерен довести ее до смерти — либо своей, либо Северского?

Ежи же тем временем, пользуясь ее замешательством, направился прочь от возка, широкими шагами ступая к костру, стараясь не потревожить спящих, что встречались на земле на его пути. Ксения вдруг окликнула, вскакивая на ноги, встревоженная фразой, что всплыла неожиданно в голове у нее.

— Подожди, Ежи! — тот нехотя задержался, полуобернувшись к ней. — Ты сказал — Владислав определил себе наказание за смерти тех, кого любил. Не смерть. Вестимо, не только за сестру пришел мстить в Московию твой пан. За кого же еще?

Но лях не удостоил ее ответом, просто развернулся и продолжил свой путь к костру и Владиславу, что сидел там, опустив голову вниз, на скрещенные руки. Ксения же разозлилась от подобного пренебрежения ее вопросом, даже топнула с досады и поморщилась, почувствовав, как какой-то маленький камешек впился в ступню сквозь тонкую подошву бархатных туфель.

— Почивать будем, Ксения? — раздался из-за ее плеча голос Марфы. Ксения не повернулась к ней, а проследила, как Ежи подходит к шляхтичу и пожимает несильно плечо того, успокаивая. Владислав даже головы не повернул в его сторону, только устремил взгляд в огонь да так и смотрел в него, не отрывая взгляда, куря чубук, что протянул ему верный дядька.

— Ты же слышала все, Марфута, ведаю я про твой порок, — отрывисто сказала Ксения, когда служанка подошла ближе и стала у нее за плечом. — Что думаешь? Кто еще? Кто, кроме сестры?

— Ты же слышала сама, Ксения — тех, кого любил. Вестимо, женщина была.

Простые слова Марфуты отдались в душе Ксении странной болью. Будто кто-то сжал сердце, так больно, что на мгновение стало трудно дышать, даже слезы едва не навернулись на глаза. Возможно ли это? Возможно ли, что Владислав любил кого-то? Любил так сильно, что не остановится ни перед чем, лишь бы отомстить за смерть той, кого потерял?

— Я не помню, чтобы мой муж кого-то еще из ляхских баб уморил, — грубо сказала Ксения, сама дивясь той злости, охватившую ее к той, неизвестной ей женщине, которой, вестимо, до сих пор принадлежало сердце Владислава. — А счет и к нему тоже, по словам ляха.

— Ты не можешь ведать обо всех делах его темных, — заметила Марфута справедливо, а потом вдруг вгляделась внимательнее в свою боярыню, что по-прежнему неотрывно смотрела на пана, сидевшего у костра, прищурила глаза в догадке плохого настроения Ксении, внезапно возникшего при этом неосторожном предположении. Неужто ревнует Ксения? Неужто неровно дышит к этому пригожему ляху?

Ксения смогла заснуть только под утро, когда стало сереть на небосводе, и стал заниматься рассвет за деревьями у пруда, что виднелись вдаль. Она то и дело возвращалась мыслями к той неведомой ей женщине, которая завладела тем, что когда-то так страстно хотелось заполучить самой Ксении — сердце Владислава. Ежи сказал — тех, кого любил. Любил!

Ну что ей до того, спрашивала она себя, злясь на то, что сон не идет к ней, и на ляхов, что громко храпели в этой ночной тишине. Что ей до того? Быть может, она злится, потому что когда Владислав охмурял ее тогда в Москве, заставив потерять голову, его сердце принадлежало другой женщине, а значит, все его слова, все ласки были ложными. Значит, не по нраву она ему была тогда. Просто от скуки, как многие ляхи в то время, решил приволкнуть за наивной боярышней, а после с умом воспользовался ее слабостью.

Ксения плотно прикрывала глаза, чтобы предательская влага не смогла упасть с ресниц и покатиться по щекам, но слезы все же катились и катились вниз. Как можно так лгать? Как можно так касаться и так целовать, когда твое сердце занято другой? Северский по крайней мере был честен с ней, не лгал ей, не заставлял поверить в то, что она ему по сердцу.

Поднялась Ксения в дурном настроении поутру, когда лагерь готовился к отъезду. От недосыпа болела голова, резало глаза от яркого солнца. Она сорвала свое недовольство на Марфуте, огрызаясь на любое действие той, в душе себя кляня за подобное: то слишком туго повойник завязала та, то ожерелье так и давит на шею, и поршень с дырой на подошве та не починила. Марфа не стала возражать своей боярыне, просто вышла из возка, желая поискать потерянную давеча обувку недалеко от лагеря.

— Как быстро ты воротилась, — недовольно отметила Ксения, когда та снова залезла в возок. — Не отыскала? Я не могу ходить в чоботах, не для похода они вовсе.

Марфа молча протянула ей поршень, предварительно скинув с него случайную травинку.

— Вот твоя обувка, Ксения. И не ворчи боле, нет причин для того. Поспать можно и дорогой, — служанка обула пропажу на ступни Ксению, а после проделала то же и с другим поршнем из этой пары, который достала из-под сидения возка. — А поршень твой не я отыскала. Мне его один из ляхов вручил, как только я от возка отошла. Пан наш отыскать его приказал нынче утром.

Марфа улыбнулась задорно, склонилась почти к самому лбу Ксении и прошептала тихо: — Знать, неспроста приказал. Знать, по душе ты ему, Ксения, как бы не был он супротив того. Ступай к нему, как на привал станем, поблагодари. Да только не хмуря брови, а ласково, с улыбкой. Улыбкой, Ксения, можно много от мужика добиться.

Ксения отодвинула край занавеси оконца, чтобы отыскать взглядом среди собирающихся в путь ляхов Владислава, и когда заметила его черноволосую голову, дождалась, пока он поднимет глаза на нее, улыбнулась ему приветливо, благодаря за то, что вернул ей пропажу. Но шляхтич сурово сдвинул брови и отвернулся от возка, занял место в седле и поехал прочь, даже не взглянув на нее в очередной раз, наполняя душу Ксении тоской и болью от разочарования. Она раздраженно задернула занавесь и откинулась на сидение, скрестив

руки, морщившись, когда длинные серьги больно ударили ее по лицу при этом резком движении назад.

— Все твои советы — пустое! — заявила она Марфуте. Та лишь покачала головой.

— Ох, Ксения! Я же сказала — на привале, не ныне же. Он поводья сильно сжимал, даже пальцы побелели. Знать, все еще зол из-за вчерашнего. А в пути он отойдет, забудется. Ведь в пути о дороге надо думать, а не о заботах своих.

Все же как хорошо, что Марфа всегда подле своей боярыни, подумалось служанке, пока та разглядывала спящую Ксению во время пути. Уж слишком наивна боярыня, слишком неопытна, несмотря на старшинство лет. Вся беда от того, что всю жизнь в тереме сидела. Сначала у батюшки на дворе, ныне вон у мужа в вотчине. Жизни не знает совсем. Знать, побьет ее еще недоля, пока опыт житейский не начнет подсказывать верный путь. Но Марфута поможет ей, постарается уберечь от невзгод по мере сил да научит, как нужно поступать далее, чтобы в накладе не остаться. Уж слишком долго они в пути своем тяжком, слишком долго Марфута с сыном, кровинушкой своей, разлучена!

Во время привала Ксения все же последовала совету Марфы и, немного размяв ноги, направилась к Владиславу, что поил своего каурого из небольшого железного котелка, ласково глядя того по шее. Он сразу же заметил направляющуюся к нему Ксению, но ничем не подал вида, словно ему было вовсе безразлично ее присутствие подле него. Только отрывисто кивнул, когда она поблагодарила его за возврат обуви, но ничего не ответил, продолжил заниматься своим каурым.

— Красивый конь, — продолжила Ксения разговор, пытаясь хоть как-то нарушить то неловкое молчание, что так и висело над ними. Она хотела погладить бок животного, но испуганно отдернула руку, когда тот шевельнул хвостом. В памяти еще живо воспоминание из детства, когда подобная животиная укусила Ксению за плечо. Потому Ксения встала как можно дальше от коня, стараясь не обращать внимания на улыбку, мелькнувшую на губах Владислава. — Как его имя?

— Лис, — коротко ответил шляхтич, поправляя уздечку, проверяя, не сильно ли та давит на рот коня. Ксения недоуменно взглянула на него.

— Что это значит в моем наречии? — спросила она.

— Лис. И в твоём, и в моем наречии, — улыбнулся уже шире Владислав, видя ее удивление. — Это такой хитрый рыжий зверек — лис.

— Ты дал коню имя в честь зверя пушного? — Ксения заглянула в лицо шляхтича, пытаясь понять, разыгрывает ли тот ее или говорит не шутя. — Кто дает такое странное имя коню?

— Ануся, — тихо ответил Владислав, отводя глаза и теперь глядя на свою ладонь, что поглаживала рыжеватую гриву коня. — Ануся дала это имя, едва Лис появился у нас в конюшнях. Она говорила, что это животное столь же хитро и себе на уме, как этот пушной зверь. Он всегда знал, что ему следует сделать, чтобы получить лакомство из ее рук. Хитрый лис, звала она коня, вот кличка и пристала к нему.

Ксения заметила, как напряглись его руки при этом воспоминании, поняла, какую глубокую рану в его душе разбередил вчера вид этого перстня у нее на пальце.

— Я не ведала, что этот перстень принадлежал твоей сестре, — тихо проговорила она. — Он пришел ко мне среди других украшений в ларце, что передал мне Северский после свадьбы. Знай я об том, ни за что не надела бы его. Тем паче, при тебе.

— Ты носила его ранее? Часто надевала ли за эти годы? — вдруг спросил ее Владислав,

по-прежнему не глядя на нее. Ксения замаялась, не зная, что сказать, не желая причинять ему боль своими словами. — Я спрашиваю, потому что этот камень проклят. Ты, верно, видела ту слезу, что застыла в глубине янтаря? Видать, потому и приносит этот перстень своим обладательницам только слезы, горе... и смерть!

— Да, я знаю об этом толке, — Ксения обхватила себя руками за плечи. Ей стало не по себе от того, каким тоном Владислав произнес последнее слово в своей речи. — Ежи сказал мне давеча. А еще он сказал, что ты винишь себя за смерти тех, кого любил. И Северского тоже в том винишь.

— Именно так и сказал? — переспросил ее шляхтич.

— Именно так.

— У нашего Ежи весьма длинный язык, — покачал головой Владислав. — Не замечал ранее за ним склонности посплетничать, будто баба на рынке. И что еще поведал тебе сей доблестный муж?

Ксения попыталась вспомнить, о чем был их разговор с Ежи, но в голове постоянно крутилась мысль о той, другой женщине, отнюдь не сестре. Потому покачала головой и призналась:

— Более ни о чем. Лишь о кольце.

Владислав ничего не ответил ей, не повернул к ней головы, и спустя некоторое время Ксения решила, что ей следует уходить, оставить его одного. Но едва она только приподняла подол сарафана, как он заговорил снова:

— Я не могу не думать о том, где ее погребли, — глухо произнес он, едва слышно, сжимая в руке гриву коня. — Я знаю, что Северский объявил ее давленницей. Мол, не вынесла она мук и позора своего, вот и удавилась. Но это неправда! Ануся слишком любила жизнь, любую жизнь, чтобы вот так покончить со своей! — Владислав повернулся резко к Ксении, и та заметила, что его глаза странно блестят. Только после сообразила, что это невыплаканные слезы так горят на солнечном свете, и это осознание отдалось вдруг в ее душе какой-то странной тяжестью. Словно его боль и горе вызывают в ней аналогичные чувства, заставляя всей душой сожалеть о его утрате, о той, которую она и вовсе не знала, чья смерть несла за собой ее собственную гибель.

Как же ей хотелось ныне подойти к нему и обнять, как это делала Марфута, когда Ксении было горько и больно! Или просто положить свою ладонь на его плечо, как давеча это сделал Ежи. Но Ксения знала, что он не примет от нее подобного жеста, скорее всего, снова замкнется, закроется от нее, от ее сострадания его боли, принимая за жалость, которую все мужчины считали недостойным чувством по отношению к себе. Потому и не шевельнулась даже, просто стояла и слушала.

— И я ведаю, какое погребение ждет таких покойников! — медленно, будто каждое слово терзало его, проговорил Владислав, сжимая ладонь в кулак. — Это-то и мучает меня, не оставляет. Была ли она закопана в лесу или ее тело просто бросили на растерзание диким зверям? Прочитали ли над ней отходную или даже словом не удостоили? Ведь так поступают с давленниками, разве нет? Никогда люди, что не дожили свой век, не знали покоя после смерти. Эти поверья не так ныне живы у наших хлопов, но в Московии...

Ксения не могла больше выносить его боли, что так и сквозила в каждом произнесенном слове, а потому быстро проговорила, прерывая его на полуслове:

— Ее отпели по нашему обычаю, ведь на ней был нательный крест православный, а погребли в версте от погоста, прямо на берегу Щури — реки, что течет в вотчине моего

мужа. Деревенские знают о нраве своего боярина, оттого и не усомнились в причине гибели. Да, она лежит не на кладбище, но и место, что выбрали для нее отнюдь не яма и не болото.

— Откуда ты знаешь? — спросил Владислав, пытливо глядя ей в глаза, и Ксения поспешила опустить их долу, скрывая свои мысли от него. Не будет же она говорить ему, что специально пошла туда, на эту могилу, перебарывая свой суеверный страх перед заложными {3}покойниками. Просто от того, потому что была погребена именно его сестра, а не из любопытства, не из желания взглянуть на могилу той, что погибла от руки ее мужа.

— Я хозяйка тех земель, запамятовал? — уклончиво ответила Ксения. — Мне ли не знать, что там творится.

— Хотел бы я забыть об том, — заметил на это Владислав, отводя в сторону взгляд на своих воинов, что поили коней или просто лежали или сидели в траве, отдыхая. — Да невозможно мне! Ведь забыть — означает спустить с рук их смерти, оставить их души неотомщенными, неупокоенными.

— Ты их любил так сильно? — прошептала Ксения, поражаясь глубине его чувств, видя его терзания. Владислав кивнул в ответ, отбрасывая рукой волосы, упавшие при этом движении на лицо.

— Больше жизни. Все бы отдал, лишь бы вернуть время вспять!

В сердце Ксении при этих словах будто кольнули острой иглой. Кто эта женщина, хотелось закричать ей. Кто она, и кем была для тебя? Она едва сдерживала себя, чтобы не ударить его, выплескивая ту боль, что плескалась внутри нее, тот гнев на него, что он любил другую, не ее, Ксению. Она сама не понимала, что с ней творится, но для того, чтобы сдержаться от своего безумного порыва Ксении пришлось так сильно сжать ладони в кулак, что ногти впились в нежную кожу ладоней, причиняя физическую боль.

Ксения резко развернулась от него и зашагала к возку настолько быстро, насколько позволял ей это делать подол сарафана. Она чувствовала, как на глаза набегают слезы, готовые уже пролиться тонкими ручейками по лицу, но не желала, чтобы другим была видна эта ее слабость, хотела спрятать в темноте возка свои слезы, свою боль.

За спиной послышалось легкое бряцание золотых украшений ножен сабли о кольца пояса, загремели по земле каблуки сапог. Еще мгновение, и на плечо Ксении опустилась ладонь догнавшего ее Владислава, развернула к себе с силой, заставляя взглянуть на него. Ксения подняла вверх глаза и заметила, как плотно сжаты губы шляхтича, какие глубокие складки пересекают его лоб, придавая его лицу суровость.

— Ты боишься, панна? — спросил он, сжимая пальцами ее плечо. Ксения поморщилась невольно от боли, что ощутила сквозь несколько слоев ткани, но он не ослабил свою хватку, только слегка тряхнул ее, вынуждая ответить ему на вопрос. — Боишься меня?

Ксения смотрела в его темные глаза, на упрямо сжатый рот, ощущала тяжесть его руки на своем плече, его силу и мощь, его явное превосходство над ней, но того страха, что когда-то бился у нее в груди ранее, не чувствовала отчего-то. Будто то, что произошло меж ними давеча — когда он пытался изнасиловать ее, но все же отпустил, не причинил ей вреда, переменило Ксению, показало ей, что он не сможет навредить ей, не пойдет против ее воли. Она не могла этого знать доподлинно, но почему-то была уверена в глубине души, что ей не стоит бояться самого Владислава. Его решений — да, его мести Северскому — да, но не непосредственно его самого и его силы.

— Нет, — покачала головой Ксения, и его глаза вспыхнули каким-то странным огнем, а пальцы слегка ослабили жесткую хватку. Но спустя миг Владислав снова сжал плечо

Ксении, и снова она не могла не поморщиться от легкой боли, что возникла при этом в ее теле.

— Ты должна меня бояться, панна! — проговорил он с нажимом, отчетливо выделяя каждое слово. — Ибо проклятие перстня, что ты когда-то носила на своей руке, уже приступило к своему делу. Янтарь погубит тебя, и погубит именно через меня!

— Тогда не позволяй ему этого! — вдруг запальчиво воскликнула Ксения, неожиданно для самой себя кладя ладонь на его грудь. Даже сквозь ткань жупана она отчетливо различала, как сильно бьется ныне сердце в его груди, и этот стук отдавался в каждой частичке ее собственного тела. — Не позволяй перстню свершить проклятие. Не отдавай меня Северскому! Что принесет тебе месть? Разве воротит она к жизни погибших? — Владислав качнул головой из стороны в сторону, не соглашаясь с ее словами, но она не дала ему уйти от этого разговора — перехватила его ладонь, когда он убрал ее с плеча Ксении, желая отойти от нее. — Мой единокровный брат погиб в схватке под Кромами. Когда его тело привезли домой, на него было даже страшно смотреть, настолько оно было изрублено ляхскими саблями. Я плохо знала его, он был намного старше меня, но я тогда понимала, что потеряла в тот день. Но моя боль потери никогда не смогла бы сравниться с горем моего батюшки. Ведь он лишился своего первенца, своего старшего сына. Я знаю, насколько сильна была его ненависть к ляхам, уже не меньше твоей к Северскому. Но когда мой средний брат Василь привез в вотчину ляхов, взятых им в полон под Москвой, когда подал отцу саблю, мол, руби им головы за брата и сына твоего, то батюшка отказался это сделать. «Их смерть не воскресит мне сына, не вернет жизнь в его тело. Пусть останутся в холопах у меня, посмотрим, насколько силен их знаменитый ляхский гонор. Пусть страдают от того, что их жизнь и свобода до скончания веков будет в моих руках, а они сами в моей власти!»

Владислав ничего не ответил ей на ее страстную речь, положил руку на ее маленькую ладонь на своей груди, легко сжал ее, но от себя отнял, а после выпустил ее ладони, отстраняясь. Некоторое время он смотрел в голубые глаза пристально, не отрывая взгляда, а после развернулся и пошел прочь от нее, к своему кауруму.

— По коням! — разнесся его громкий крик по стоянке, заставляя воинов тут же собираться в путь, занимать места в седлах.

Ксения не могла заставить себя оторвать взгляда от его удаляющейся прочь широкой спины, так и стояла, смотрела на него. В голове крутилась только одна фраза, сказанная им недавно, только она одна. «Янтарь погубит тебя, и погубит именно через меня!»

— Пошли, Ксения, — дотронулась до ее плеча, неслышно подошедшая Марфута. — Ляхи готовы отправиться в путь. Нам надо поспешать.

— Почему, Марфа? — прошептала Ксения, едва слышно. — Почему мне такая недоля?

— Все в руках Божьих, Ксения, — ответила ей служанка. — Только в них одних. Молись, Ксения, и быть может, он услышит тебя, переменит твою судьбу. И за него молись тоже, Ксения. Ибо его душу рвут ныне бесы на части, и только Господь может помочь ему.

1. Так иногда называли янтарь в те времена
2. Польский народный танец
3. Умершие не своей смертью, утопленники и самоубийцы

Во второй половине дня, когда солнце уже начало свой путь к краю земли по голубому небосводу, польский отряд въехал в редкий лесок. Ксения, утомившись сидеть в духоте возка, раздвинула занавеси и выглянула из оконца, наблюдая, как проплывают мимо высокие и низкие кусты, как медленно уходят назад толстые стволы сосен или берез. Иногда она уклонялась подальше от оконца, прячась от длинной ветки, что так норовила попасть внутрь возка, и это вскоре стало вызывать улыбку у нее самой и у Марфуты, наблюдающей за ее маневрами с сидения напротив. Вскоре улыбки переросли в тихие смешки, а уж когда Ксения все же не смогла увернуться от ветки, и та чуть не сбила с ее головы кичу, вовсе расхохотались во весь голос — долго и до слез.

— Давненько я так не смеялась, боярыня, — призналась Марфута, вытирая глаза краем рубахи. И Ксения вдруг поймала себя на мысли, что тоже давно не чувствовала себя так вольно и отратно, как ныне, несмотря на свой полон и неясность будущности. Совсем, как до своего замужества, под батюшкиным крылом, с тоской подумала она. Ей вдруг захотелось снова увидеть батюшку, прижаться к его широкой груди, выплакать свое горе у него на груди, как ранее, когда она жила под его кровом.

Жизнь Ксении в вотчине Северского ничем не походила на то вольное житье, что было у нее на дворе батюшки. Там она чувствовала себя птичкой пусть с ограниченной, но свободой, на дворе ее мужа ее крылья были быстро обрезаны до самого корня, а залиvistый смех, который так любил ее батюшка и братья, уже никогда более не срывался с губ. Северский привел ее в свой дом женой, домодержницей, а оказалось, это место уже давно не пустует, и никто не собирался уступать ей его. Ее роль была одна — ублажать мужа при необходимости, бывать на тех редких пирах, где Северский хотел похвастаться ее красотой и родовитостью, да детей своему мужу народить. И с последней, с самой главной обязанностью жены, она так и не сумела справиться за эти годы. Видимо, оттого и вызывала своими слезами да мольбами отнюдь не сострадание в муже, когда он, приняв на грудь, поднимался в ее терем в очередной раз. Когда же она встречала его безмолвно, без слез, Северский свирепел еще больше, чем обычно, и тогда...

Ксения сжала ладони, да так сильно, что перстни впились в пальцы. Она не вернется в это адово место! Никогда! Уж лучше под ляхом лежать, чем то, что было.

— Как до Тушина доберемся, убегу я, Марфута, — решительно сказала Ксения. — Сама знаешь, мне ныне дороги обратно к мужу нет. Мне бы только до Москвы добраться, до двора батюшкиного! А там — даже инокиней отошлют, я уже согласная, лишь бы не обратно! Пойдешь со мной в Москву? Я неволить тебя не смею — у тебя многое позади осталось, и я не ведаю, когда смогу подсобить тебе вернуть то, что потеряла со мной, убежав из вотчины.

Марфа побледнела, сравнившись цветом лица чуть ли с не поневой, но все же кивнула, положив руку поверх сжатых ладоней своей боярыни:

— Куда ты без меня, Ксения? Ты ж и до стен московских без меня не дойдешь. Только... — тут Марфа замялась, отвела взгляд в сторону, но Ксения настойчиво потребовала, чтобы она продолжала, и она договорила, что хотела. — Знаю, что дерзка я ныне в речах своих, не обессудь, Ксения, но, Христом Богом тебя прошу, пообещай мне, что подсобишь мне вернуться к дитю моему, не забудешь обо мне.

— Обещаю, Марфа, — кивнула Ксения в ответ на ее просьбу. — Умолю батюшку

помочь тебе в твоей беде.

После этого разговора женщины притихли и еще некоторое время ехали в полном молчании, слушая перекрикивания ляхов и ржание лошадей, тихий скрежет ветвей по верху возка и шелест травы под колесами. Каждая из них была погружена в свои невеселые мысли, каждая размышляла о будущем, что ждет их впереди.

Ксения выглянула в оконце и неожиданно встретилась взглядом с другими глазами, глядевшими на нее из зарослей орешника, что рос на обочине лесной дороги. Увиденное перепугало ее до полусмерти — знать, сам леший на нее смотрел, не иначе! Она закричала во весь голос, откинулась назад, падая на сиденье возка. Но глаз своих от замеченного ею в кустах пристального взора так и не смогла отвести, пока сам невидимый наблюдатель не скрылся при ее визге в кустах, не схоронился в зелени ветвей.

В тот же миг подле возка прогремели копыта лошадей, к концу склонился Владислав, явно встревоженный криком Ксении, что лежала ныне на сидении бледная от испуга. Она, заметив его в проеме, быстро метнулась к нему, протянула трясущиеся от страха руки, которые он обхватил одной ладонью, другой удерживая поводья встревоженного каурого. Она сделала это неосознанно, ища защиты у него, как когда-то в детстве и отрочестве протягивала руки братьям своим, умоляя найти мышь или змею, перепугавшую ее.

— Что, Ксения? — спросил Владислав тихо, ласково глядя большим пальцем ее дрожащие пальчики. — Что стряслось?

— Там! — показала за его спину подбородком Ксения, и он напрягся, быстро обернулся назад, цепким взглядом оглядел заросли орешника, а после снова взглянул на нее. — Там глаза чьи-то были. Зоркие такие! Видать, леший, Владек! Надо уходить из леса поскорее, пока худого не стряслось.

Плечи Владислава слегка опустились вниз, расслабляясь. Он свистнул, призывая вернуться обратно на дорогу нескольких пахоликов, что заехали в лес поглядеть, что так вызвало громкий крик у пленницы.

— То отрок был, Ксения, — проговорил Владислав, глядя той прямо в глаза, словно пытаясь через их зрительный контакт влить в нее уверенность и покой в собственной безопасности. — Мы давно его заметили, еще около версты назад. Видать, где-то недалеко селение какое. Скоро мои дозорные вернутся, тогда и узнаем точно. Успокойся, Ксения, ничего худого не случится.

Он снова провел пальцем по ее рукам, что держал в ладони, слегка при этом нажал на одно из ее колец. То надавило на тонкую кожу, заставляя Ксению, прийти в себя. Она только сейчас поняла, что отряд остановился посреди дороги, а она сама находится так непозволительно близко к Владиславу, да еще руки держит в его ладонях. И это при свете дня, на виду у всех!

Ксения тут же отшатнулась назад, в темноту возка, заливаясь краской, и Владислав отпустил ее, позволил ей скрыться, а сам тронул поводья и проехал вперед, аккуратно направляя коня вдоль орешника.

Тронулись снова в путь, возок закачался, и Ксения едва удержалась на месте при этом, ухватившись за занавесь. Потом она яростно задернула ее, ругая себя последними словами за то, что такой душой выставила себя перед ляхами. Это ж надо было! Она перевела взгляд на Марфу, сидевшую напротив, и разозлилась еще пуще, заметив на губах той довольную улыбку.

— Что? — резко спросила она свою служанку. Та склонилась поближе к боярыне,

опасаясь, что ее слова (чем черт не шутит!) могут долететь до постороннего уха.

— Когда мужчина бросается на крик женщины вот так, значит, страх в его сердце живет за нее, — проговорила Марфута. — Будешь умнее, Ксения, лях сам тебя к отцу отвезет. А нет, так легко его обманем, обведем вокруг пальца в Тушине. Завороженный женской красой да лаской мужчина слеп и глух!

— Но как я могу быть с ним ласковой? Он предал меня, оставил тогда, обманул! А ты предлагаешь забыть о былом! И потом вспомни, что лях усатый сказал, сердце его другой было отдано. Знать, когда мне голову мороком морочил, ложь говорил, не от сердца речи вел. Как простить обман этот? Как позабыть?

— Тот разумнее будет, кто обиды простить может. Господь велел нам прощать, и ты прости, как истинная раба Его, — ответила ей Марфа. — А про бабу мы сами додумали, не было речи, что и была она. Это еще вызнать надо. Неспроста тебе дядька его откровения всякие вел. Вот и вызнай у него, что там и как. Умела же ранее батюшкой своим да брательниками вертеть, попробуй схитрить и ныне. Пока ты пану ляшскому любя, никто тебе худого не сделает точно!

Меж тем отряд вышел из леса на открытое пространство, и теперь продолжил путь прямо через луг, сминая высокую траву тяжелыми колесами возка. Судя по громким разговорам ляхов, что доносились сквозь тонкие стенки до женщин, что-то привело их в некое возбуждение, слышались шутки и смешки. Ксения не смогла удержаться от любопытства и отдернула занавесь, высунулась в оконце слегка, едва не стукнувшись кикой на очередной кочке, подбросившей возок вверх.

Немного поодаль от отряда на небольшом холме, возвышающемся над лугом, стояли деревянные постройки, огороженные по периметру невысоким забором {1}. Их было всего несколько, судя по пестрым крышам, покрытым березовой корою. Знать, займище или небольшой починок встретился им на пути. Судя по тому, как были покойны и веселы ляхи, направляясь в сторону поселения, отпора они не ждали своему вторжению. А быть может, даже безлюдье встретит их, пустые дома, ведь наблюдали же за их приходом исподтишка. Могли уйти в лес поспрятаться от ляхов или куда в иное укромное местечко.

Вскоре возок въехал в широкий двор, окруженный по периметру несколькими курными {2} избами с маленькими волоковыми окнами да с пристройками. Некоторые из изб были соединены между собой небольшими сенными переходами. И хотя места во дворе было довольно много, его почти сразу же заполнили лошади и спешивающиеся люди, казавшиеся беспечными путниками, но Ксения сквозь щелку между занавесями видела, что это далеко не так. Правые руки лежали на рукоятках сабель, глаза осматривали быстро избы и окружающее пространство.

Дверь одной из изб распахнулась, и из темноты, щуря глаза, вышел худощавый мужик, низкого роста. Ксения поразилась тому, что его борода и брови были темными, что говорило о том, что тот был далеко не стар, а вот волосы, стянутые на затылке шнурком в хвост, были почти белыми, только несколько прядей были такими же темными. Знать, натерпелся мужик за это время, немало хлебнул горяшка за это смутное время, что стояло на Руси!

К мужику, смело шагнувшему в толпу ляхов, расположившихся на его подворье, подъехал Владислав и спрыгнул с коня, кидая поводья одному из пахоликов рядом. Поляк снял свою высокую шапку, отпуская волосы на волю ветра, что принялся тут же играть ими, но все равно подле этого русского он оказался настоящим богатырем из-за своего высокого роста. Мужик тут же поклонился до земли, а после бухнулся на колени и хотел коснуться

губами сапога шляхтича, но тот не позволил ему этого сделать, приказал подняться на ноги.

— Мы с миром пришли, москвитянин, не бойся, — проговорил он. — Нам надо лишь переночевать на твоём дворе да запасы воды поправить. Кто ещё на дворе?

— Баб нет, — сразу же резко ответил мужик, отводя глаза в сторону, не выдерживая прямой взгляд темных глаз Владислава. — А на дворе только я и сыновья мои младшие. Старшие все уже на тот свет ушли.

— Нам баб твоих не надо, — отрезал Владислав. — Пусть возвращаются из леса и ужин готовят для моего почёта. Никто их не тронет, слово даю. Мои люди будут спать во дворе, им кровя твоего не надо. Пустишь в дом только женщин, что с нами едут.

Мужик перевёл взгляд на возок и внимательно оглядел его, подмечая каждую деталь. Ксении даже казалось, что он видит её, спрятавшуюся в тени. Потом он что-то крикнул, и из темноты избы, из которой когда-то появился он сам, показались несколько отроков в грязноватых рубахах в возрасте от восьми до четырнадцати лет. Они поклонились в землю, приветствуя прибывших, испуганно косясь на ляхов, заполонивших их двор.

Один из отроков получил знак от отца и быстро побежал куда-то за постройки позади изб, другие по его приказу принялись помогать ляхам распрягать и чистить коней, таскать откуда-то воду, чтобы напоить животных.

— Кому чинш {3}платишь? Кто хозяин у тебя? — спрашивал тем временем Владислав у мужика, не отпуская его от себя покамест. — Посылал к кому, когда нас заметил?

— Нет у меня боле хозяина, — ответил мужик, почесывая бороду. — И посылать не к кому. Ранее был боярин Рокотов за хозяина у меня, а ныне сгинул он вместе с вотчиной своей. Опустила вся земля вокруг. Мой двор подальше стоит, вот его и обошло худое стороной, даруй Господи нам и далее свою милость, — мужик перекрестился быстро и напряжённо оглядел окружавших его мужчин, когда из-за построек бочком вышли две девушки лет четырнадцати-пятнадцати и женщина постарше, видать жена хозяина двора, с малым дитем у груди на руках. Они выглядели очень испуганными, и Ксения понимала, что у них для этого есть все причины в это беспокойное время.

— У тебя есть мыльня? — спросил Владислав, и мужик уставился на него удивленно, этого вопроса он точно не ждал от ляха. Он быстро кивнул женщинам, вышедшим из укрытия, на избу, мол, идите, делами займитесь, а после задумчиво почесал бороду.

— Есть пруд внизу под холмом, — ответил он Владиславу, а когда тот поморщился недовольно, поспешил добавить. — Есть баня, есть. За этими постройками, подле пруда стоит.

— Натопишь! — коротко приказал Владислав. — Не забудь ещё воды нанести в мыльню. Но не из пруда, не с рясой. Колодезной воды принесешь, слышишь?

Он развернулся от мужика и направился к возку. Ксения едва успела отсесть немного поодаль от двери, как она резко распахнулась. Владислав слегка прищурил глаза, вглядываясь в тень внутри, а после протянул Ксении руку ладонью вверх.

— Все, панна, приехали. Тут даже удобства есть, все по твоему нраву, — с усмешкой произнес он. — Надеюсь, довольна останешься такой стоянкой.

Едва Ксения ступила из возка, как глаза холопов тут же устремились на неё, разглядывая с любопытством, раскрыв рты, а мужик, глава этого семейства, даже с некоторым осуждением, как показалось Ксении. Она потому напустила на себя гордый и неприступный вид, вздернула повыше подбородок. Не хватало ей ещё, чтобы холопы тут судили её. Не их это дело вовсе!

До того времени, как женщины накрыли на стол, что вынесли из одной из избы прямо во двор, Ксения ходила по займищу, с любопытством разглядывая незнакомое ей место. Она ни разу не была в подобном месте. Да что там говорить, если она и в пути-то была всего несколько раз за свою жизнь?

Сразу же за избами и другими небольшими постройками был склон с узкой тропинкой, ведущей к стоявшей в отдалении бани и пруду — совсем маленькому, затянутому почти полностью ряской. С одной стороны тропинки были высокие заросли лопуха, намного выше ее роста, видать, там и находила укрытие женская часть холопской семьи в случае опасности.

Вскоре ее окрикнул один из ляхов, позвал к столу, но Ксения отказалась — ей не полагалось сидеть с мужчинами за одним столом, да к тому же она не особо была голодна. Так и осталась сидеть на небольшом помосте над водой, поджав под себя ноги. Марфа сбегала быстро наверх и принесла немного хлеба и кваса, уговорив боярыню хотя бы немного поесть, и Ксения уступила, взяв горбушку из ее рук. Хлеб оказался невкусным, с примесью трав, совсем непохожий на то, что она привыкла есть, но потом к ним с Марфой присоединились обе дочери хозяина, и Ксении было неловко отказаться от их нехитрого угощения под их взглядами. А они сидели молча немного поодаль и смотрели на нее во все глаза, явно дивясь ее наряду и ее богатым украшениям. Молчали и Ксения с Марфой, не желая при чужих ушах, обсуждать что-либо, прислушиваясь к громкому смеху и выкрикам, что шли со стороны двора.

Спустя время к женщинам подошла хозяйка и сказала, что мыльня готова, вода нагрета для боярыни, и даже приготовили чистое полотно. Тут же вызвались помочь в бане хозяйские дочки, но и их помощь, и подмогу хозяйки Марфа отвергла. Она привыкла прислуживать своей Ксени сама с самого детства и не желала делить с кем-либо эту обязанность.

Ах, как хорошо было посидеть в парной и дать отдых своим напряженным мышцам после такой долгой дороги! Как отрадно смыть грязь и пот, до блеска, до скрипа натерев кожу!

Краем глаза Ксения заметила в маленьком оконце чьи-то лица и едва сдержала крик испуга, что так и рвался из груди. Кто подглядывает за ее наготой в мыльне? Кто смотрит на ее непокрытые волосы? Но Марфа приоткрыла дверь бани да прикрикнула на любопытных, угрожаясыпать им крапивой, что резала тут же, на скамье для отвара.

— Хозяйские дочки! Вот любопытные! — пояснила она, продолжая свое занятие. — Хорошо хоть не мальцы, уж этим я бы не спустила!

Она плеснула кипятка в ушат с листьями крапивы, а после, настояв их хорошенько, вымыла длинные волосы Ксении этим отваром, разбирая их сразу по прядям, чтобы было легче просушить их после и пройтись по ним гребнем. Как жаль, что более никто и никогда не увидит подобной красоты! Тут есть чем полюбоваться, ведь сама Марфута ухаживала за волосами Ксени: готовила отвары да настои, чтобы были крепкими и блестящими, чтобы не темнели со временем, поддерживая их светлый оттенок. Как увидел бы пан это великолепие, то сразу же бы голову потерял, уж точно. А уж про тело с этой тонкой талией да высокой грудью и говорить не стоит. А кожа у Ксени такая мягкая, будто бархат, такая гладкая да белоснежная (у самой-то Марфуты плечи и вся грудь веснушками покрыта). И все это в такие руки досталось, поганому этому Юрьевичу!

После мыльни раскрасневшиеся женщины сидели на небольшом бревне, положенном у

стенки бани. Марфа расчесывала Ксении волосы, то и дело оглядываясь, чтобы никто из мужчин не нарушил их уединения, не увидел ненароком их с непокрытой головой. Снова пришли, освободившись на время от работы за столом, хозяйские дочери, присели на траву в отдалении, разглядывая Ксению и ее волосы под руками служанки.

Ксения поманила их рукой присесть поближе под недоуменным взглядом Марфы, предложила им сесть у ее ног, погладила одну из девушек по волосам. Потом оторвала от подола сарафана две стеклянные бусины, подала им, улыбаясь. Девушки с восторгом приняли подарки, разглядывая солнце сквозь цветное стекло, радостно улыбаясь.

— Далеко до стольного града, милые? — спросила Ксения, погладив в очередной раз по голове одну из холопок. Те повернулись к ней, улыбки мигом сошли с лиц, сменившись выражением растерянности.

— Не ведаем, боярыня, — наконец прошептала одна из них. — Тятенька, вестимо, может подсказать. Кликнуть тятеньку?

— Кликни, милая, — улыбнулась Ксения ей и приказала Марфе накинуть на волосы убрus. Та быстро покрыла светлые волосы боярыни льняной тканью, уложив складки на плечах, а после и сама прикрылась.

— Что задумала, Ксенья? — встревожилась Марфа. Вниз по склону к ним уже торопился хозяин, за ним спускалась дочь, аккуратно ступая по крутой тропе. Мужик, не дойдя до Ксении десятка-полтора шагов, остановился, низко поклонился и, только когда она подала ему знак приблизиться, подошел ближе. Ксения долго смотрела в сторону, откуда он пришел, но никто не появился между изб на склоне, чтобы глянуть, куда ушел хозяин, зная, никто не ведал, что она позвала его к себе.

— Как имя твое? — спросила Ксения мужика, едва он встал напротив нее на расстояние двух-трех шагов.

— Тихоном меня кличут, боярыня, — отозвался тот, опуская глаза в землю.

— Далече ли до Москвы, Тихон? — спросила Ксения, выпрямляя спину. От ответа мужика зависело то, что она задумала, пока Марфа намывала ее в бане. Так почему бы не рискнуть, коли сама доля ей подсказку дает?

— До Москвы-то? Ну, как добираться-то. Коли конным, то дней около десятка или немного более. А коли пехом, то более, вестимо.

— Вот что я скажу тебе, Тихон. Дело у меня к тебе есть. Серьезное дело, Тихон, — Ксения слегка подтолкнула в спины сидевших у ее ног девушек, удаляя их. Те нехотя поднялись и отошли в сторону, недоумевающие внезапному холоду боярыни, что недавно так приласкала их. — А дело, Тихон, вот в чем. Человек мне нужен надежный. Весьма надежный. И смелый, вестимо. Ты же видишь, в полоне я, в Тушино меня везут, к Вору на стойбище. Да неизвестно какая доля меня там ждать будет, какой срам! Прошу тебя, Тихон, помоги мне в моей беде. Коли поможешь — озолочу, клянусь.

Ксения сняла с пальцев одно из золотых колец с небольшим яхонтом и показала хозяину. Тот застыл, будто замороженным тем богатством, что она держала в руках. На деньги от продажи такого колечка можно многое себе позволить, много скота прикупить да дом выправить, девкам своим приданое выправить. Да вообще уехать отсюда в более покойное место, где не бродят каждый Божий день лютые люди по округе.

— В Москву надо будет пойти, на двор боярина Калитина. Сказать там, что дочь его, Ксения Никитична, в полон ляхский попала, к Вору в лагерь везут ее. Коли подсобишь мне, то не только это кольцо получишь. Батюшка мой в долгу за спасение дочери не останется

перед тобой, — Ксения видела, как колеблется Тихон, глядя медленно бороду, но в то же время знала, как падка человеческая душа на богатство нежданное, вот и надеялась, что и в этом случае золотая жажда возьмет вверх.

— Не обманешь ли, боярыня? — прищурился мужик, и Ксения достала распятие из-под рубахи, побожилась на нем, что верна она будет уговору. Тогда Тихон кивнул. — Устина, старшего моего, пошлю на Москву, как только ляхи уйдут. И крест целую, что не обману я тебя, боярыня. Покойна будь.

Тихон запальчиво поцеловал медное распятие, что висело на шнурке у него под рубахой, и Ксения подозвала Марфу, отдала ей кольцо.

— Возьми его, Тихон, — проговорила Ксения. Служанка нехотя, но приблизилась к мужику, опустила в его подставленные ладони яхонт в золотой оправе. Тот ошеломленно поглядел на кольцо, а после крепко зажал в ладони, будто боясь потерять ненароком. — Это тебе задаток да знак для батюшки моего. Как придут за мной люди моего батюшки в Тушино, мой отец еще тебя одарит богато. Ступай, Тихон, пока ляхи тебя не хватились. И помни — об уговоре никому ни слова, даже родным своим.

Марфа ничего не сказала, когда Тихон, несколько раз поклонившись боярыне, поспешил воротиться к столу, только головой покачала, явно не веря в возможный благополучный исход авантюры Ксении. Та и не обсуждала с ней свой уговор с хозяином, боясь спугнуть удачу.

Волосы Ксении просохли только, когда солнце уже ушло за край земли, и стали опускаться серые сумерки, принося с собой вечернюю прохладу. Снова за женщинами пришла хозяйка двора, сообщив, что готова постель для боярыни. Но едва Ксения ступила в избу, где ей приготовили ночлег, как у нее тут же голова пошла кругом от запаха, который, казалось, шел отовсюду в этом темном помещении с целинной {4}печью посреди. Этот запах вызывал тошноту, резал глаза, и Ксения вдруг поняла, что, пробудь она еще немного в избе, ее вывернет прямо на земляной пол. Она оттолкнула Марфу, что стояла за ней, и выбежала из избы, едва не врезавшись со всего маху в проходившего мимо одного из поляков.

— Я не могу там спать, — прошептала она, отдышавшись, подоспевшей за ней Марфе. — Я там даже не могу дышать. Что это за дух такой странный?

— Животный дух то, Ксения, — ответила ей служанка, вытирая лицо боярыни мокрым краем рушника, чтобы привести ту в чувство. — Скот держат тут же в избах зимой студеной, вот и впитался дух в бревна избы.

— Я не буду там спать! — отрезала Ксения. — Пусть постеляют где угодно, но не там! Буду почивать тогда в возке!

Марфа с тоской взглянула на возок, что стоял на краю двора. Как же хотелось в кои-то веки лечь на сон в полный рост, вытянув ноги, свободно положив руки! Но, видно, недоля ныне...

— Я в бане буду ночевать, — вдруг произнесла Ксения, и Марфа испуганно посмотрела на нее. Как же в бане? А как же банщик? Разве позволит он такое в своем владении? Но Ксению было не остановить уже. Уж такова была ее натура — что задумала, всенепременно до конца доведет. Кликнула перепуганных суеверных страхом девок да хозяйку, чтобы помогли Марфе спустить вниз постель для нее да подать ей немного хлеба и кваса кувшин, как дары для банного духа. Сама же просила перед входом в баню, стоя лицом к порогу:

— Прощу тебя, банщик, позволить мне ночь провести в твоих владениях полноправных. Не казни меня за эту дерзость, а прими меня радушно, как благочестивый хозяин.

Марфа идти ночевать в баню отказалась — уж слишком силен был в ней страх перед банным духом. А вдруг придушит ночью ненароком? Не для сна же мыльня стоит, в конце-то концов. Потому устроила себе постель на земле подле бани, не желая быть далече от своей хозяйки.

Наконец все улеглись, успокоились в займище. Со своего места на широкой скамье под небольшим оконцем Ксения прислушивалась к редким звукам, что доносились до нее через приоткрытую дверь бани. Вот завели свою песню лягушки на пруду, перекрикнулись на ляшском сторожевые, обходившие займище по периметру. Где-то громко засмеялся кто-то, а после смолк. Спустя некоторое время засопела под оконцем Марфута.

Только Ксении не спалось. Не из-за духоты в бане, хотя та еще долго остывала, медленно отдавая свое тепло. Из-за этого даже сорочка, в которой спала Ксения, прилипла к телу. Повойник она сама развязала и скинула на пол — кто увидит ее тут, кроме банного духа, но кос не распустила, позволила им лечь на грудь свободно, хотя они путались на шее, мешали ей спать.

Да и мысли ходили в голове непрерывно, не позволяя глаз сомкнуть. Удастся ли старшему сыну, этому отроку худому и длинному, как жердь, добраться до Москвы да к боярину Калитину на двор попасть? Только об этом думала Ксения, ведь знала, что проведай батюшка о ее недоли, мигом на подмогу придет, вызволит из полона свою кровиночку.

Внезапно в бане стало темнее на миг — кто-то мелькнул в приоткрытом дверном проеме, и Ксения замерла от ужаса, что мигом охватил ее. Что-то большое и темное приближалось к ней. Знать, банщик все же не принял ее дары и просьбу, мелькнуло в голове Ксении, сейчас как навалится, как придушит ее за то, что почивать легла там, где не следовало. А потом вдруг раздался какой-то странный шелестящий звук, и фигура из черной вдруг стала светлой, а что-то с тихим шумом упало на пол бани. Теперь Ксения видела неясные очертания, но прежде чем она могла сообразить, что за незванный гость перед ней, фигура метнулась к ней. Ксения мигом села на лавке и выставила вперед руки, останавливая нападающего на нее. Ее ладони наткнулись на нечто твердое и мягкое одновременно: одна легла на холстину рубахи, другая — прямо в вырез ворота на теплую кожу.

— Владек, — прошептала Ксения, каким-то шестым чувством узнавая своего нежданного посетителя, чье сердце так быстро колотилось у нее под ладонью. Большая мужская ладонь легла на ее затылок и потянула к себе, приближая ее лицо. Это действительно был он — теперь, когда их лица были настолько близки, что едва не соприкасались носами, Ксения видела в скудном свете, идущем из оконца сверху, как блестят его темные глаза.

А потом их губы соприкоснулись, и Ксения прикрыла веки, будто отгораживаясь от всего вокруг, кроме этих рук, что заскользили по ее телу, сбрасывая на пол летник, что лежал в ногах. И кроме этих мягких нежных губ, ласкающих ее губы, длинную шею, плечи.

Она вдруг позволила себе принять эти ласки, зная, что непременно случится в итоге, какое наслаждение принесет ей то, чего она так боялась ранее. Ныне она могла разрешить себе пойти на этот шаг. Ибо когда она вернется в отчий дом, у нее не будет иного пути, как прожить остаток жизни в затворничестве совершенно одной. Ежели батюшка не вернет Ксению мужу (а она приложит все силы, чтобы этого не случилось), то у нее будет лишь один путь — инокиней в монастырь, ведь она опорочена ныне, запятнана. Так почему бы не собрать по крупицам те моменты, которые будут ее греть своим теплом в этой грустной для нее будущности?

Ксения подняла руки и запустила пальцы в волосы целующего ее в шею мужчины. Она давно хотела это сделать, и ныне полностью отдалась своим желаниям. Он сначала замер, будто не веря ее отклику, а после поднял голову и принялся целовать ее в губы с неистовой страстью. И она уступала ему, с радостью откликаясь на его напор, на его силу, раскрывая для него губы, глядя его волосы и плечи.

Он скинул рубаху с широких плеч, отстранившись на миг от нее, и Ксения замерла, в который раз поражаясь размаху его плеч, силе его мускулов, которые она ощущала под своей рукой, проводя по обнаженной коже. Подобное прикосновение было в новинку для нее, и она трепетала от тех чувств, что захватывали ее. Казалось, через кончики ее пальцев, движущихся по его коже, в нее проникает некий огонь, все ярче и ярче разгорающийся внутри.

Владислав потянул вверх ее сорочку, и Ксения испуганно отстранилась от него, едва не сваливаясь при этом с лавки, на которой они ухитрились поместиться вдвоем.

— Срам какой! — прошептала она, пряча вспыхнувшее лицо у него на плече, в место чуть пониже ключицы. Запах его кожи закружил ей тут же голову — такой приятный, такой... родной.

— В этом срама нет, моя драга, — ответил ей Владислав, и она уступила ему, позволила стянуть с себя рубаху. — Не может быть в этом срама!

Он провел ладонями по ее обнаженному телу, будто пытаясь хотя бы на ощупь понять ее красу, раз не мог увидеть ее глазами, касаясь каждой частички тела, будто слепой. А потом в то же путешествие двинулись его губы, и Ксения забылась под напором чувств, что вмиг захлестнули ее мощным шквалом.

Когда она пришла в себя, то увидела, что сидит у него на коленях в совсем непотребной позе, положив голову на грудь Владислава, слушая мощный стук его сердца. Она попыталась отстраниться, но он не позволил ей сделать этого, прижал ее голову ладонью. А после как-то исхитрился откинуться назад и лечь спиной на лавку, устраивая Ксению поверх себя, натягивая на их обнаженные тела что-то широкое — то ли ее летник, то ли свой жупан, что подобрал с пола. При этом он случайно придавил одну из ее кос к скамье своим плечом, и она глухо вскрикнула от боли.

— Прости, — произнес Владислав, высвобождая косу из плена. Он поднес ее к самому лицу, будто пытаясь рассмотреть в темноте, какого цвета ее волосы, но не преуспел в том — уж слишком темно было в бане. Потому просто провел косой по своей щеке. — Я не ошибся, моя драга. Они мягкие и гладкие, как шелковое полотно.

Ксения вдруг опомнилась от морока, что закружил ей голову недавно. Мало того, что она обнажена, так еще и с непокрытой головой. А потом в голову пришла мысль — да к чему это ныне так переживать? Не стоит даже думать о том позоре, что ныне покрыл ее имя, уговаривала она себя, но не смогла отринуть эти тяжкие для нее мысли.

Опорочена, обесчещена, отвергнута. Вот ее будущее отныне.

— Я открыла свои волосы другому мужчине, — прошептала Ксения, сама не веря в то, что произносила. С самого детства ей твердили, что большего позора, чем открыть волосы замужней женщине для постороннего взора и быть не может. И эта истина ныне жгла ее, будто каленым железом.

— Я их не видел, моя драга. Тут темно, как у черта за пазухой, — ответил ей так же тихо Владислав, чувствуя, как напряжено ее тело, как бьет его нервной дрожью. — Позор, коли волосы на виду, а я их не видел. Не думай об том ныне, моя кохана, а просто поспи.

Я не усну, подумала Ксения упрямо, едва сдерживая слезы от той нежности, что она уловила в голосе Владислава. Как уснуть, коли на сердце так горько? Но глаза все же закрыла, пытаюсь скрыть предательскую влагу плотно сомкнутыми веками. Последнее, что она слышала, был тихий успокаивающий шепот Владислава. Последнее, что чувствовала — его дыхание на своих волосах и нежное касание губ ее виска. А после она провалилась в тяжелый сон без сновидений, убаюканная теплом его крепких рук.

Пробудилась Ксения, когда где-то в займище громко прокукарекал петух. Она резко села на скамье, а потом натянула летник, что упал при этом движении с ее обнаженной груди. Владислава рядом с ней не было, даже ни одного знака, что он был тут давеча ночью. Но она знала, что это был вовсе не сон, не морок ночной. В самом заветном местечке слегка саднило, а сама она была гола, как при рождении своем, зная, и правда, лях побывал в бане этой ночью. Ксения нагнулась и подцепила рукой валяющуюся поодаль рубаху, быстро натянула на себя, путаясь в рукавах.

Стукнула дверь о притолоку, и в баню вошла Марфута, спеша помочь своей боярыне облачиться в наряд. Солнце поднималось из-за края, ляхи уже поднялись и собирались в путь. Только ее Ксения припозднилась ныне пробудиться ото сна.

Женщины ничего не сказали друг другу. Ксения отводила в сторону взгляд, стыдясь своих растрепанных кос и покрасневших местечек на нежной коже шеи и груди, там, где ночью их касалась жесткая щетина на лице Владислава. Марфа же молчала, не зная, как передать своей боярыне то, что ей приказал отдать Ксении ляшский пан, ощущая, как липкий страх заполняет ее душу. Знала же она, что добром все это не кончится, и вот оно!

Надежно закреплена на голове кика, расшитая речным жемчугом, завязано на шее широкое ожерелье, надет на плечи расшитый серебряной нитью в тон ткани сарафана летник. Готова Ксения к отъезду, и Марфа отступает в сторону, пропуская из бани свою боярыню. Та вышла из мыльни, склонив голову, чтобы не удариться лбом о низкую притолоку, звякнув при том длинными серьгами.

Все время, что Ксения шла по тропе вверх по склону, она вспоминала прошлую ночь. Ту нежность, что связала их воедино, ту страсть, что заставила головы пойти кругом. Впервые она так открылась мужчине, впервые подпустила его так близко к своей душе. Владислав снова нашел дорогу к ее сердцу, которую, как ранее казалось Ксении, уж никому не под силу одолеть. А значит, Ксении суждено покорится своей доле, что снова свела их воедино, снова заставила соединить руки, как тогда ранее. Она снова вспомнила те слова, что шептал ей Владислав ныне ночью, и покраснела от удовольствия. Ей казалось, что даже это утро играет нынче каким-то другими красками, более яркими, а птахи щебечут громче и радостнее. Да и сама она чувствовала себя ныне совсем другой, не той Ксенией, что была прежде. Она не знала, что именно изменилось в ней, но она явно ощущала, что переменилась этой ночью. Будто птица Феникс из сказок возродилась из пепла, в который превратилась жизнь после того рокового дня.

Ксения улыбнулась хмурой Марфе и ускорила шаг. Ей не терпелось увидеть Владислава, заглянуть в его глаза. Интересно, прочтает ли он в ее глазах, разгадает ли эти перемены? Она стала другой ныне утром, и эта новая Ксения будет отныне сама решать, что и как ей делать, без оглядки на условия и ограничения. И самое главное — она возьмет тот дар судьбы, что та посылает в руки. Она возьмет от него яркие воспоминания, которые сохранит на весь остаток жизни, что ей будет суждено провести без него.

И еще она обыграла его. Ксения обвела его вокруг пальца, и ощущение собственного

превосходства над ним распирало ей грудь. Ляхи доставят ее в Тушино, а Владислав подарит в пути незабываемые ночи, при воспоминании о которых будет идти кругом голова. А потом приедет ее отец и вызволит ее из плена, а лях будет еще долго думать, кто сообщил ему о том, что его дочь в полоне. И тогда Владек непременно поймет, как это больно и горько, когда рушатся мечты. Как поняла она в тот день, когда он оставил ее, связанную. Только вот сможет ли она сама уйти от него, не разбив свое сердце при том?

— Ксения, — вдруг дернула ее за рукав Марфа, когда они уже поднялись по склону и ступили во двор, где били копытом уже оседланные и приготовленные к дороге кони.

— Что? — раздраженно ответила Ксения, так внезапно вырванная из своих мыслей на грешную землю. Она принялась глазами искать Владислава, но его нигде не было видно. Как же так? Где он?

— Ксения, — снова дернула ее за рукав Марфа, едва догнав у самого возка, где Ксения замешкалась, открыв дверцу, внимательно оглядывая двор в который раз. Та повернулась к ней резко, уже готовая высказать Марфе за ее настойчивость, как вдруг увидела, что та протягивает на раскрытой ладони, и окаменела от страха и дурного предчувствия, внезапно охватившего душу.

На ладони у Марфуты лежало то самое золотое кольцо с небольшим яхонтом, что она давеча отдала Тихону, хозяину займища.

— Он знает, Ксения, — всхлипнула Марфа. — Не ведаю, откуда, но разведаль. Хозяина займища и его старшего сына высекли ныне утром, еще до рассвета. Он самолично сек их до крови.

Ксения побелела как полотно, ноги отказывались ее держать, и она, чтобы не упасть, ухватилась за дверцу возка. Сердце заколотилось, словно пойманный в силос заяц. Ведомая каким-то шестым чувством, она подняла голову и увидела, как из одной из изб выходит, склоняя голову, чтобы не удариться, Владислав. Он сразу же заметил ее, и его глаза потемнели, она ясно видела это со своего места в нескольких шагах от него.

Владислав прошел к ней резкими размашистыми шагами, оттолкнув от себя одного из хозяйских мальцов, что путался под ногами. Ксения теперь разобрала, что за звук резал ей слух, едва она ступила на двор — тихий женский плач, доносящийся через распахнутую дверь избы. Она боялась даже подумать, что было там, в этой пугающей ныне ее темноте, виднеющейся в проеме.

Но, пожалуй, больше она боялась Владислава, что замер напротив нее, упершись рукой в стенку возка прямо у нее над головой. Он склонился близко к ее уху, как нынче ночью, только не коснулся его нежно губами, а прошептал твердо:

— Я-то гадал, чем был вызван твой такой неожиданный отклик ныне ночью. А все оказалось так просто. Только москвитяне могут улыбаться в лицо и ударить при этом спину. Обмануть меня решила, моя драга? А я более всего на свете ненавижу, когда мне лгут!

1. Дощатый забор с закладкою досок в пазы столбов
2. Т.е. без труб
3. Оброк (польск.)
4. Глиняная

Все время, что миновало от момента отъезда отряда из займища до того часа, когда Владислав громко крикнул о привале, Ксения сидела в возке тихонько, как мышь, боясь даже показаться на глаза ему. Она снова и снова видела перед собой его черные глаза, не сулившие своим яростным блеском, ничего хорошего в ее доле, слышала женский плач, доносившийся из темноты дверного проема. В ее душе переплелись тесно слишком разные по существу чувства, и она не могла понять, какое из них преобладает: ненависть и страх или желание, чтобы та нежность, что была меж ними нынче ночью, не исчезла.

Ксения с горькой усмешкой вспомнила, как уверена она была еще недавно в собственном превосходстве над Владиславом. Произошедшее в лишний раз доказало, что она всего лишь женщина. Разве может она по уму и силе сравняться с мужчиной?

Едва отряд остановился на привал, дверца возка распахнулась, и заглянувший в возок Ежи приказал Ксении ступать за ним, мол, пан зовет. С тяжелым сердцем она ступила на землю и пошла вслед за усадым ляхом, что даже слова лишнего не сказал, даже взглядом не намекнул ей, что ее ожидает впереди.

Матвей Юрьевич непременно бы высек ее за ложь, за эту авантюру за своей спиной да еще ему же и в ущерб. Но сравнивать тут было негде — Северский не отхлестал бы кнутом того мужика, а просто отрубил бы ему руку, посягнувшую взять кольцо. Так что для Ксении по-прежнему оставалось загадкой, как же поступит с ней Владислав, какое наказание ее ждет.

Он полулежал на траве недалеко от временного лагеря, облокотившись на правую руку, а левую положив на согнутую в колене ногу. Вся его поза выражала расслабленность и благодущие, а зажмуренные глаза, на подставленном солнцу лице, говорили о том, что он от всей души наслаждается этим ясным полднем. Но Ксения уже выучила за годы своего брака, как обманчив бывает такой нарочито спокойный вид, а потому только встревожилась ее сильнее, сжала сильнее подол сарафана.

— Панна, пан Владислав, — Ежи слегка подтолкнул в спину замешкавшуюся Ксению, а после развернулся и ушел прочь, к остальным ляхам, устраивающимся на короткий отдых.

— Не стой над душой, панна, сядь, — сказал Владислав, разорвав длительное молчание, повисшее меж ними тяжелым камнем. — Как у вас говорят? В ногах правды нет?

— Так и говорят, — медленно проговорила Ксения, устраиваясь на траве, как можно дальше от его руки, расправляя подол сарафана на подогнутых под себя ногах. Владислав откинулся на спину, заложив руки за голову, но в этот раз повернул лицо в ее сторону и, приоткрыв один глаз, принялся наблюдать за ней.

— Ты удивила меня, Ксения, — проговорил он. — Разве не воспитывали тебе с младенческих лет послушание и смирение перед мужчиной? Разве не говорили, что не женское дело творить судьбу свою?

— Это относилось к родичам и мужу, — резко ответила Ксения, уязвленная его насмешливым тоном. — Ты мне не мужи не брат, так что оставь!

— Ого, сколько огня в панне! Признаться, мне даже по нраву подобное, — одна из его бровей поползла вверх насмешливо. — О чем ты думала, Ксения, отдавая хлопцу кольцо? Даже если он оказался бы верным своему слову и послал бы своего сына в Москву, то потерял бы и то, и другое. Все дороги к Москве охраняются разъездами — русскими или нашими, а лихих

людей бродит по округе тьма-тьмушая. Не дошел бы хлопец до города, отправили бы его быстро ad patres {1}. А коли сам мужик понес кольцо твое, история та же была. Но и дойди он до дома твоего отца, каков прием ждал бы его? Чем бы он доказал, что оно не снято с пальца убитой дочери? Я бы не стал разбираться. Выдал бы совсем иную награду, проверяя истинность его слов, — у Ксении при этих словах даже пальцы онемели на руках и ногах от ужасной правды его слов. И верно: Никита Василич, а уж тем паче, Василий, ее брат, не стали бы долго разбираться с прибывшим, а отправили бы того в хладную к кузнецу Акиму. Под пытками никто не солжет, только истину глаголют в пыточной.

— Хлопу повезло ныне несказанно. Двор в стороне от основной дороги стоит, никто не заглядывал к нему давно — ни свои, ни чужие, да и пана над ним нет. Живи да радуйся, но нет же! Позарился на злато чужое! Вот и пришлось ему разума добавить плетьми, и сыну заодно, чтоб помнил этот урок еще долго. А тебе уроком будет их боль! И коли не поняла, то добавлю: в другой раз, Ксения (а я очень хочу думать, что этого раза не будет!), я заставлю тебя смотреть на наказание по твоей вине, да так близко, чтобы запах крови почуяла! Чужая боль будет наказанием твоим!

Ксения отшатнулась от него, испуганно, и он сначала шевельнулся было к ней, но после не стал ее удерживать, позволил отвернуться от него.

— Я все равно убегу от тебя, лях! Нет мне иного пути, — вскрикнула Ксения. — Коли задумал свершить то, что гордыня и ненависть тебе шепчет, нет мне пути иного!

— А ты свободна и ныне, панна, идти, куда желаешь! — громко воскликнул Владислав за ее спиной, а потом вдруг вскочил на колени, схватил ее за локоть и развернул к себе лицом, заставляя взглянуть в свое лицо. — Ты ведаешь, панна, что творят с бабами, что в руки попадают чужие? Ведаешь ли, что такое, когда тебя берут против воли твоей, силой берут, не лаской? Да не один и даже не трое, а десяток и более! Я сдерживаю своих людей, чтобы бабу твою не трогали, лишь бы не видела ты этой грязи. И вчера на дворе холопском! А знаешь ли, нелегко это, когда перед глазами так и суетится юбка, когда она в руках твоих почти, а под тобой не было никого несколько недель и даже месяцев, когда привык брать, не раздумывая? Не знаешь! Убежит она от меня. Беги! Прямо из Тушина беги, к Москве беги, к отцу. Разве не это задумала, усыпляя меня своей покорностью, своим ответом? — он слегка встряхнул ее, перепуганную его неожиданный порывом, его злостью, что так и плескалась в его темных глазах. — Только до Москвы еще в руки чужие попадешь. И помоги тебе Господь, коли руки будут ляшские, ибо русские казаки не просто насилуют, Ксения, не просто оставляют, если нет желания с собой тащить бабу для развлечения на очередной стоянке. Русские казаки, моя драга, поступают иначе — отрезают бабам грудь, уши и нос, ломают ноги и руки, выжигают на теле следы своих безумств. Я ведаю, что говорю тебе, ибо сам видел это своими глазами. А ныне еще раз говорю тебе — ежели думаешь, что такая судьба для тебя лучше, чем быть подле меня, то беги, Ксения, я даже караулить тебя отныне не буду!

Владислав отпустил ее руку, высказавшись, и отвернулся от нее, пытаясь обуздать свою злость, что так и рвалась из груди. Ксения же, лишившись этой поддержки, пошатнулась и упала в траву. Ее голова шла кругом от представшей перед ее глазами картины, описанной Владиславом. Неужто способны люди на такие бесчинства? Отчего жестоки к своим же по духу и вере?

Ксения сплюнула в траву горечь, которой ныне был полон ее рот, и стала подниматься на ноги, борясь изо всех сил с дурнотой и головокружением. Она вдруг заметила прямо перед собой грязные босые ступни, толстый посох и подол некогда белой, а ныне грязно-

серой от дорожной пыли холщовой рубахи, а потом медленно подняла вверх глаза и заметила, что над ней возвышается человек.

От неожиданности и испуга Ксения вскрикнула и опомниться толком не успела, как была легко, точно пушинка, подхвачена Владиславом с травы и поставлена за его широкую спину, прижата рукой к его крепкому телу. Уже из-за плеча шляхтича Ксения рассмотрела нарушившего их покой путника внимательнее. Длинные белые волосы, свободно ниспадающие на плечи, широкие борода и усы, холщовая рубаха, подпоясанная обрывком веревки. И глаза, так пугающие Ксению — с абсолютно белыми зрачками, заполняющими почти всю область глаз старика.

— Владек, он слеп, — тихо прошептала Ксения, легко касаясь напряженного плеча мужчины. Старик при этом перевел глаза с лица Владислава на нее, прятавшуюся за спиной у ляха, и она почему-то подумала, что, несмотря на свою слепоту, тот ясно видит и ее, и ляха, стоявшего перед ним, застывшего в немой угрозе. Но тот не отвел своего напряженного взгляда от лица старца перед собой, не выпустил из-за спины Ксению, по-прежнему удерживая ее рукой на месте. Ему не нравился этот старик, а еще более не нравился тот факт, что он, приученный своим опытом реагировать даже на самый тихий звук рядом, не услышал, как тот приблизился к ним да еще почти вплотную, что сторожевые не увидели его издалека и не подали сигнал.

— Мир вам, добрые люди! — проговорил старик, улыбаясь, облачиваясь на толстый посох, давая отдых усталым ногам. — Не дадите ли старцу утолить жажду да краюху хлеба? Господь и все святые да не оставят вас своей милостью за вашу доброту.

— Надо подать, Владек, — снова отозвалась из-за плеча Ксения. Хотя ее пугал этот странный, возникший словно из ниоткуда старец, ее почему-то не покидало ощущение, что она некогда уже встречала его. — Надо подать человеку.

Владислав в очередной раз окинул взглядом слепца, а после хмуро кивнул, соглашаясь, и Ксения перевела дух, даже не сознавая, что стояла, затаив дыхание все это время, ожидая ответа от него, опасаясь, что он прогонит прочь просящего о милости. Она быстро развернулась и побежала к лагерю, на ходу призывая Марфу, подскочившую на ноги при ее крике с травы у колес возка. Но в лагерь не пошла, воротилась с половины пути, движимая любопытством.

Она помнила, как к ним вотчину когда-то, еще до Смуты, заходили за милостыней такие же путники, бродящие по земле Русской от обители к обители, от скита к скиту. Тогда еще не верили в их слова, сулящие скорый приход беды на Москву и ее земли, что пророчествовали некоторые из них и призывали покаяться. Что же скажет этот старец? Быть может, поведает, когда со Смутой будет покончено на Руси, и наконец-то покойно и вольно станет жить русскому человеку?

Ксения присела подле Владислава, что сидел на корточках и внимательно наблюдал за стариком, расположившимся на траве, вытянув ноги вперед. Она оглядела старца, но кроме посоха, что лежал рядом с ним, ничего из имущества не заметила, даже сумы, что обычно носили путники при себе, пускаясь в дальний путь. Она перевела взгляд на Владислава, что по-прежнему хмурил лоб, и поняла, что он тоже подметил необычный вид странника.

— Куда путь держишь и откуда идешь, старик? — спросил шляхтич, и старец повернул к нему лицо, словно всматриваясь в него своими невидящими глазами. И снова Ксения поежилась от какого-то смутного страха, что тревожил ее каждый раз, когда она видела эти страшные глаза.

— Иду я с той стороны, — махнул старик рукой, не отводя глаз от лица Владислава. — А направляюсь я в монастырь Троицкий.

— Неужто? — деланно изумился Владислав. — Так можешь не ходить туда. Не пройти тебе, в осаде он уж почитай который год {2}.

Но старец даже в лице не поменялся при этой вести — как был спокоен и тих, так и остался. Только улыбнулся тому, будто несмышленьшу малому.

— Ведаю я об том, пан ляшский, потому и иду туда, — был ответ. Владислав же окаменел, услышав эти слова. Он хотел схватить старца за руку, но Ксения, разгадавшая его порыв, повисла у него на локте, отчаянно трясая головой, перепуганная. Ему пришлось пойти у нее на поводу и не трогать старца, который сидел и безмятежно улыбался им, не подозревая, какая угроза мелькнула недавно у него над головой.

— Откуда знаешь меня? — твердо и холодно процедил Владислав, глазами приказывая Ксении отсесть подальше от старца, но не послушалась, только головой покачала в ответ, не отводя замороженных глаз от путника, зная, что никакой опасности от него не может исходить.

— Как же не догадаться-то? — усмехнулся старик. — Говор у тебя не наш, ляшский говор-то, хоть и по-нашему речи ведешь. А голос властный такой, знать, пан, не иначе.

В этот момент к ним подошла Марфута с небольшим глиняным кувшином в руках да с парой ломтей хлеба, завернутых в тряпицу.

— Возьми, добрый человек, — прошептала она, так же как и Ксения, напуганная его внешностью. Она подала ему сверток прямо в руки и хотела быстро отстраниться от него, но тот не дал ей такой возможности — положил подношение на колени и схватил ее за кисть.

— Не спеши, милая, не торопись, — проговорил старец, а после протянул ей ленту — из алого шелка, развевающуюся на ветру, будто стяг. Ни сама Марфа, ни остальные даже не заметили, откуда тот достал свой подарок и на некоторое время даже замерли, ошеломленные. — Бери-бери, милая. Она тебе пригодится, шею прикроет, когда время придет, — и когда Марфа, сперва взглянув на Владислава, будто спрашивая его позволения, и получив его кивок, взяла ленту, старец добавил, отпуская ее руку. — И не плачь боле. Господь услышал твои мольбы. Будет то, о чем молишь его, будет и скоро уже! Ступай, милая, ступай!

Марфа, бледная, как ее собственная понева, отошла, чуть ли не пятась, к лагерю, а старик принялся за еду, как ни в чем не бывало. Ксения же, чувствуя, как по спине пробегает мелкая дрожь от страха перед тем, что происходило ныне у нее перед глазами, нащупала пальцы Владислава и сжала их, неотрывно глядя на путника, не в силах отвести от него взгляда.

— Ох, бедная Русь, горемычная! Сколько ей страдать-то еще доведется! Не день и не седмицу, и даже не месяц! — покачал головой старик, доедая хлеб и запивая его прохладной водой. Он смахнул с бороды и с рубахи крошки, а после взялся за свой посох. Но подниматься не стал, просто оперся руками на него, слегка наклонив вперед и уперев конец в землю. — Сколько стройных берез сгинуло на Руси! Сколько дубов могучих порублено, — качал он головой. Владиславу же наскучило сидеть подле этого странного старика, и он встал с травы, прихватывая за локоть Ксению, ловившую каждое слово путника, и поднимая ее на ноги.

— Пора нам, старик, в путь трогаться! — проговорил он. — И хорошо с тобой сидеть тут, да ехать потребно. Ну, прощай!

Старик тоже стал подниматься, опираясь на свою единственную опору — толстый посох, и Ксения, заметив, как тяжело ему это сделать, бросилась на помощь ему, подхватив его под руку.

— Благодарствую, милая, за подмогу твою, — старик вдруг перехватил ее руку, когда она хотела отпустить его, сжал ее тонкие пальчики. — Пальчики тонкие, перстни тяжелые. Как и недоля твоя. И слезы — одна за другой капают с глазенок твоих. Крутит, вертит недоля веретено с нитью жизни твоей. Но недолго крутить ей, окаянной, осталось, совсем недолго.

Ксения будто окаменела от этих слов, в ее широко распахнутых глазах Владислав без труда прочитал тот ужас, которым была в этот миг полна ее душа, и он поспешил вмешаться в происходящее. Он шагнул было к ним, желая забрать из рук старца ладонь Ксении, но тот быстро поставил преграду перед ним, останавливая его — загородился от него посохом, будто отсекая от него женщину.

— Ты — вина этих слез, лях, и ныне, и в будущем. Обманул ее, оставил. Так и она тебя обманет вскорости, много боли сердечной принесет тебе ее ложь, — сурово проговорил старец, глядя своими невидящими глазами в лицо Владиславу. Ксения тоже взглянула на шляхтича, качая головой. Нет, не верь старцу, Владек, нет в моей душе намерения обмануть тебя, нет вины перед тобой, не от умысла к тебе тянусь, от сердца, хотелось сказать ей, видя, каким опасным огнем зажглись его глаза. Но она будто онемела в этот миг, и даже губ не смогла разлепить, чтобы хотя бы слово проговорить.

— Ты посеял горе, горе и пожнешь, лях. Душа твоя будет стонать от боли и мук, и нескоро придет радость, — продолжал старец, удерживая подле себя Ксению и по-прежнему отталкивая от себя шляхтича посохом. Владислав даже зарычал от ярости, что загорелась в нем, от подобной наглости.

— Ты ополоумел, старик?! Ты ведаешь, что я могу с тобой сотворить?!

— Врешь ты все, лях. Не сможешь ты старика немощного ударить, не позволяет голова и сердце. Много крови ты пролил, и немало еще прольешь на своем веку. Но льешь ее по правде своей, не от жажды наживы или от морока битвы. Не веришь мне, что я вижу тебя, душу твою вижу? Чую, что не велит тебе голова твоя словам моим поверить. Тогда вот тебе еще один мой сказ. Мученица покой нашла, не тревожь понапрасну душу ее. А вторая не сама ушла, Господь ее призвал. Нет греха в ее смерти, так и ты перестань мучить себя, — проговорил путник ошеломленному Владиславу, а после пустил вниз посох, устраняя преграду, позволяя ему забрать Ксению, прижать ее, дрожащую от страха, к себе. — Твоя она, пан ляшский. Радость твоя и горе твое. Твоей рождена была и твоей в могилу сойдет. Судьба решила так, а супротив нее не пойти.

Ксения уткнулась лицом в грудь Владислава, вцепившись пальцами в ткань его жупана. Она не видела, как подошел еще ближе старец, как занес ладонь над ней, качнув головой отрицательно на предупреждающий жест Владислава. И тот подчинился ему, не отрывая взгляда от его невидящих глаз, устремленных куда-то поверх головы шляхтича.

— Через муки пройдет, горемычная, недоля не оставит так легко веретена ее, — прошептал старик. — И твое веретено уже наготове у нее, лях. Скоро и за него примется! Но после радость будет. Много лада и радости, — он вдруг замолчал, а потом нахмурил седые брови, не отводя своего взгляда от нечто за спиной Владислава. — Гроза идет. Темная страшная гроза... Всех заденет... всех...

Владиславне смог удержаться и обернулся, чтобы взглянуть, где старик увидел темные

грозовые тучи, когда небо над ними было ясное, а солнце так и пригревало. И верно, на краю земли по-прежнему было пусто, даже ни единого облака. Только потом в голову пришла мысль, что старик слеп и не может видеть ничего — ни на небе, ни на земле, и быстро повернул голову обратно.

Старика уже перед ним не было, и Владислав едва сдержал крик, что так и норовил сорваться с губ, понимая, что этим только еще пуще перепугает Ксению у него в руках.

— Прощай, старик. Доброго тебе пути, — громко проговорил он и не дал Ксении повернуть головы, чтобы взглянуть, как тот будто бы уходит. Он не был суеверным, не верил во всякую нечисть, о которой в детстве любил выпрашивать разные истории у своей няньки и которыми так любил пугать Анусю, предпочитая верить только в то, чего мог коснуться руками. Но то, что ныне произошло, несколько поколебало его стойкую уверенность и неприятие невидимого глазу человеческому.

Куда делся старик? Как отошел прочь незаметно для глаза и уха Владислава так быстро, да еще травы не примяв? Знать, умелец какой или волхв, о которых когда-то рассказывала мать, которыми так славна была когда-то единая Русь. А может, колдун? Владислав тряхнул головой, отгоняя от себя неудобные ему мысли. Бабские бредни! Но на всякий случай сотворил крест, отдавая себя под защиту святых сил, отгоняя от себя нечисть разную.

Зашевелилась Ксения на его груди, перебарывая тот липкий страх, что вселили в нее слова старца. Она подняла глаза на Владислава, который так крепко прижимал ее к себе, надеясь, что он приласкает ныне, видя, как она перепугана. Но шляхтич лишь отстранил ее от себя.

— Ехать пора, панна, — произнес он холодно, и она в очередной раз убедилась, что в нем будто два человека живут: один — суровый и холодный пан, предводитель ляшского отряда, грозный воин, а второй — нежный и страстный Владек, от прикосновений которого она теряла голову.

— Он ушел? — Ксения испуганно огляделась, но Владислав упрямо тянул ее за собой, не давая той времени осмотреться. — Или... или исчез?

— Не говори глупостей, панна, старик ушел своими ногами. Он же из плоти и крови, а не дождя и тумана, — отрезал Владислав и слегка подтолкнул вперед, заставляя вернуться в лагерь, потому той пришлось молча подчиниться.

Но Ксения еще долго не могла успокоить бешено стучащее сердце в груди. Да и Марфута, необычно взгрустнувшая и молчаливая ныне, не делала ни малейших попыток отвлечь ее в пути, потому и думалось Ксении только о том странном путнике.

Нет, чует ее сердце то не просто путник был. Какой же паломник пойдет по святым местам без сумы, в которую можно класть подношения, полученные в дороге от добрых людей? Переходы длинные, незнамо, когда попадется двор людской, незнамо, когда поесть придется, вот и носят путники с собой сумы через плечо. Да и слеп был старец, а без спутника. Обычно таких убогих сопровождал в пути малец али другой человек, а тут один был старик, как перст.

— Боязно мне, Ксеня, — вдруг проговорила Марфа, крутя в пальцах алый шелк. — Чтс за дар такой дивный мне достался? Отчего мне, а не тебе, боярыне?

— Не по нраву дар, так выбрось в оконце, не вези с собой, — предложила Ксения, но служанка только головой покачала в ответ. Шелковая лента — не из дешевых, чтобы ей вот так разбрасываться. Да и что-то подсказывало Марфе в душе, что ей непременно нужно сохранить при себе подарок старца. Она вдруг выпрямилась резко и уставилась на Ксению

широко распахнутыми глазами, побелев лицом при этом так, что многочисленные веснушки, усыпавшие ее щеки и нос, резко выделились одним большим ярким пятном. — Ой, Ксения, вспомнила я его! Старца этого вспомнила! Он у церквушки сидел на улице нашей в Москве, куда мы на службы ходили. Ты ему всегда первому милостыню подавала! Признала ли его ты теперь? Вспомни, Ксения!

Ксения ахнула, чувствуя, как внутри разрастается мистический страх перед тем невиданным, с чем столкнулась она ныне днем, быстро перекрестилась, пытаясь вспомнить каждое слово из речей, что вел старец. Марфа тоже напрягала память, воскрешая слова путника, обращенные к ней, а после просияла:

— Вскорости с Васильком моим, знать, буду! Только о нем мои молитвы ныне, только о сыне. А тебе что предрек старец, Ксения?

Ксения же поникла плечами, погрузилась, потускнели вмиг ее голубые глаза. Ведь то, что скоро Марфа обнимет своего сына, означало для нее самой возвращение в вотчину Северского, не иначе. Недаром ей старик про слезы говорил и недолго. Теперь-то уж точно ее Владислав к мужу отправит, не к отцу.

Она вспомнила потом слова, обращенные непосредственно к Владиславу и прижала руку к груди, стараясь унять сердце, что вдруг пропустило пару тактов. Что там сказал старец? Она судьба Владислава? Его радость и его горе? Ксения опустила лицо в ладони, пытаясь скрыть от глаз Марфы, что так и сияет оно ныне от того счастья, что вдруг охватило ее. Коли так, знать, откроется ей сердце Владислава, знать, не отдаст он ее Северскому. Знать, взаимным будет стук ее сердца, что снова с недавних пор бьется только ради черноволосого ляха.

Ксения так и замерла, поймав себя на этой пугающей ее мысли. В прошлый раз, когда она доверила ему свое сердце, свои мечты, свою будущность, лях предал ее, обрек на позор и недолго. В этот раз, как переплелись нити их жизненных путей, он не скрывает от нее, что она лишь оружие возмездия в его руках.

С каждым днем, с каждой минутой, что они проводят столь близко друг другу, Ксению будто привязывают к нему невидимому глазу нитями плотнее и плотнее. И эти нити все глубже проникают в нее, чтобы причинить мучительную боль, коли оборвут их разом, разъединяя ее с ляхом. И в этот раз эта боль будет уходить еще дольше, она знала это.

Как только встали в вечерних сумерках на ночную стоянку, Ксения решительно прыгнула с возка наземь, оправила помятый за время, проведенное в пути, подол сарафана. Она не собиралась долее мучиться неизвестностью да загадки гадать. Прошлая ночь, проведенная в мыльне, была для нее особенной, а те чувства, что заполнили ее душу, были совершенно непохожими на то, что она когда-либо испытывала к другому человеку. Даже на те, что когда толкнули ее отпереть дверь холодной на дворе своего батюшки.

Ксения дождалась, прохаживаясь медленно вдоль возка и обратно, разминая ноги, затекшие в дороге, пока Владислав не отдал приказы своим пахоликам и не отошел в сторону от лагеря, предоставив человеку из своего почета заняться его кауром. Он сел в отдалении в траву, спиной к суетящимся в лагере полякам, словно отстранился от всего происходящего вокруг него. Ксения рванулась к нему, не раздумывая, но ей тут же перегородила дорогу грузная фигура Ежи.

— Воротайтесь к возку, панна, — произнес он. Ксения, не желая подчиняться его приказу, пошла на обход, но он быстро схватил ее за локоть, остановил на полушаге.

— Я желаю поговорить с паном Владиславом, — произнесла она возмущенно,

безуспешно пытаюсь вырвать свой локоть из цепких пальцев ляха. Но тот даже не шелохнулся от ее бурных попыток вырваться на волю.

— Пан не желает ни с кем говорить нынче. Воротайтесь к возку!

Ксения в отчаянье обернулась на Владислава, надеясь поймать на себе его взгляд, но ей не удалось это — тот не повернулся взглянуть, что за громкая возня происходит в лагере. Ежи тем временем, видя, что она не намерена подчиняться по-доброму, потащил ее за локоть к возку силой, легко преодолевая ее сопротивление. Ксения поняла, что ее затея терпит крах, и предприняла последнюю попытку.

— Владек! Владек, я хочу поговорить с тобой! — крикнула она, сбиваясь с дыхания в попытке освободиться от хватки усатого ляха. — Владек!

Но Владислав даже ухом не повел на ее крик. Он спокойно раскурил чубук, по-прежнему глядя куда-то вдаль, на бескрайний простор цветущего луга перед его взглядом. И Ксения, заметив это, прекратила дергать свою руку из пальцев Ежи, позволила ему довести себя до возка.

— Не балуй, панна, тут сиди, — приказал он ей и отошел в сторону, но недалеко — по-прежнему не выпуская ее из поля зрения, готовый остановить ее, коли она снова решится нарушить уединение Владислава. Ксения опустилась на землю, подминая под себя подол сарафана, облокотилась спиной о колесо возка. Она неотрывно смотрела в спину сидящему в отдалении Владиславу, будто пытаюсь силой своей мысли внушить тому, чтобы он обернулся и взглянул на нее. Она бы многое отдала, чтобы узнать мысли, что бродят ныне в его голове.

Ужин прошел в полном молчании. Ксения не поддерживала попыток Марфуты завести беседу, равно как и Ежи, что так и не покинул своего поста подле возка, и та вскоре оставила свою боярыню, ушла готовить постель, чувствуя, что той вовсе не до легкомысленных разговоров сейчас.

— Кто она? — вдруг спросила Ксения. Она все так же не отрывала взгляда от того места, где сидел шляхтич, только ныне, в тьме ночной, опустившейся на землю, видела только его смутный силуэт да иногда вспыхивающий ярким огоньком его чубук. — Кто та, вторая?

Ежи повернул голову в ее сторону и проговорил:

— Раз он тебе не сказал, то и я не буду, — а потом добавил более мягким тоном. — Спать иди, панна. Час уже поздний.

Но Ксения еще долго не могла сомкнуть глаз той ночью. Она расположилась в возке таким образом, чтобы видеть огонек чубука Владислава в ночной темноте, чтобы видеть, когда он вернется в лагерь. Каким-то шестым чувством она понимала, что ныне ему не по себе, что что-то творится в его душе, коли он решил удалиться от всех и наедине разобраться со своими мыслями, со своими эмоциями.

«...Твоя она, пан ляшский. Радость твоя и горе твое. Твоей рождена была и твоей в могилу сойдет. Судьба решила так, а супротив нее не пойти...», — пришли на ум слова старца, а потом в голове всплыл голос Владислава: «...проклятие перстня, что ты когда-то носила на своей руке, уже приступило к своему делу. Янтарь погубит тебя, и погубит именно через меня!»

Ах, Владек, подумала Ксения с какой-то странной нежностью в душе, что всякий раз возникала в ней, едва она произносила его имя — Владислав, Владек. Ты снова взял в полон мои думы, мои чаяния, мое сердце. Не разбей его, Владек, ибо оно так хрупко, словно тонкий лед, ставший на воде при первых морозах. Слышишь, только не разбей его...

Утром Марфа едва успела одеть на голову Ксении кичу да покрыть затылок полупрозрачной кисеей, как дверца возка внезапно распахнулась. В проеме стоял Владислав.

— Доброго дня, панна! — громко воскликнул он и протянул руку внутрь, взял в плен ладонь Ксении, что лежала на ее коленях. А потом вдруг поднес ее руку к своим губам, касаясь их быстрым и легким поцелуем, таким мимолетным, что Ксения даже не успела сообразить о его намерениях. Потом он вернул ее руку обратно и улыбнулся ей. Так искреннее, так задорно, что она забылась на миг, очарованная его улыбкой.

— Можем ли мы трогаться, панна? — спросил Владислав и, когда она растерянно кивнула в ответ, затворил дверцу. Ксения тут же метнулась к оконцу, раздвинула занавеси, чтобы взглянуть на него еще раз, по-прежнему видя перед собой его улыбку. А Владислав быстро добежал до своего каурого, что-то по пути сказав своему почету, от чего те так и грохнули в громком хохоте, затем, уже в седле, громко крикнул:

— В дорогу!

Напоследок повернулся к Ксении, чье лицо белело на фоне алых аксамитовых занавесей, подмигнул ей и гиканьем погнал коня вперед, занимая место в авангарде польского отряда.

— Что это с ляхом? — удивленно спросила Марфа. — Еще вечер такой хмурной был. А тут вона как! — а потом она вдруг расплылась в улыбке. — Не ведаю, кто укусил ляха, но мне только по нраву это. Ой, Ксеня, совсем чуток осталось тебе, чтобы ляхом вертеть, как пожелаешь! Говорила я тебе, что так и будет, и погляди-ка, кто прав? Вот ныне можно его прямо горячим брать и требовать от него все, что душа желает. Какая месть, Ксеня? Он так и имя свое позабыть может!

А Ксения не слушала ее речей. Она задумчиво гладила указательным пальчиком ворс бархата занавеси оконца и вспоминала слова старца, что по-прежнему не шли у нее из головы.

«...Твоя она, пан ляшский. Радость твоя и горе твое. Твоей рождена была и твоей в могилу сойдет. Судьба решила так, а супротив нее не пойти...»

— Да будет так, — прошептали губы Ксении, и Марфута повернулась к ней, прервав на миг свою речь.

— Что ты сказала, боярыня?

Но Ксения лишь покачала головой, улыбаясь своим мыслям. Ей было так отраднo, что остановись польский отряд, она бы тотчас вышла бы из возка и упала бы в это цветущее великолепие луга, что они проезжали ныне, широко раскинув руки, подставив лицо нежным солнечным лучам. А еще было бы лучше, коли рядом Владислав бы опустился тут же, в эту высокую траву. Просто лег рядом, беря ее за руку, переплетая ее пальцы со своими. Она повернула бы к нему свое лицо и улыбнулась бы в ответ на его улыбку. Точно такую же теплую, какой он улыбался этим утром ей. И тогда она бы тихо-тихо прошептала, глядя в его глаза...

— Рог, Ксеня! — вдруг схватила ее за руку Марфута, вырывая из плена сладких грез. Ксения выпрямилась, тряхнув головой, будто сбрасывая из мыслей остатки такого сладкого морока.

Откуда-то с правой стороны их дороги прогудел рог — протяжно и глухо, будто какой зверь ревел. Затем послушался рокот, еле слышный сперва, а после более отчетливый. Глухой перестук копыт лошадей, определила Ксения, целый отряд настигал их, пересекая луг. Снова загудел рог, и откуда-то из головы отряда Владислава ему ответил почти такой же

протяжный гул. Знать, свои ехали, ляшские воины, не русская сотня спешила к ним...

Ксения отогнула немного занавесь и выглянула в оконце. Так и есть. С правой стороны из леса, что стоял в половине версты от того места, где проезжал сейчас ее возок, выезжал на луг польский отряд. Блестели на солнце кирасы и шишаки воинов, гулко шелестел в перьях крыльев, закрепленных у их седел, ветер, разнося по округе топот копыт и лошадиное ржание.

Дивные рыцари, когда-то поразившие воображение Ксении, принешие на московские земли слезы, боль и кровь. И если когда-то они наполняли ее душу трепетом восторга, то ныне страх медленно расползлся по ней. Теперь-то она знала, что они далеко не так дивны, как кажутся со стороны.

Подле оконца Ксении вдруг остановил коня Ежи. Он склонился к ней и подал ей знак отстраниться внутрь и после того, как она подчинилась без лишних слов, плотно задернул занавеси возка, чтобы скрыть пассажиров от постороннего взгляда.

— Береженого Бог бережет, — проговорил он глухо по-польски, глядя на приближающийся отряд.

1. К праотцам (лат.)

2. Имеется в виду Сергиево-Троицкий монастырь, который находился в польской осаде с 1608 по 1610 гг.

Владислав не стал дожидаться, когда авангард отряда, выехавшего из леса, выедет на дорогу, а погнал своего коня навстречу, спеша узнать у командира этой хоругви, которого он хорошо знал, последние вести из Тушина.

— Милошевский, — кивнул он рыцарю, сразу узнав его среди остальных, как только поравнялся с ним. Тот тоже остановил коня и стянул с головы шишак, выпуская на волю ветра русые кудри.

— Ба, Заславский! Я едва не налетел на тебя из засады, приняв за московский отряд, — воскликнул тот, улыбаясь. Его прищуренные глаза быстро оглядели небольшой отряд Владислава и задержались на возке, у оконца которого по-прежнему удерживал на месте коня Ежи. — Что это ты — без стяга, без доспехов? Кабы не твой каурый, быть тебе ныне с простреленной грудью!

— Мы решили идти налегке, — коротко ответил Владислав. Ему не нравилось, что взгляд Милошевского то и дело обращается к возку за его спиной. — Так быстрее в пути. И не уверен, что тебе удалось бы выпустить ту стрелу, которой ты так хвалишься, будь ты русским. Мои дозорные заметили тебя еще пару верст назад.

— Зря все-таки без защиты! Все надеешься на свое везение? Зря, Владислав! Русские ныне так и лезут, так и бьют в спину нашему брату. Без защиты ныне никуда. Да и малыми отрядами уже не ходим, — Милошевский снова взглянул на возок. — Я слышал, ты ходил далеко от Москвы. Каков улов?

— Что есть, то мое, — отрезал Владислав. — Я же не спрашиваю тебя о том же.

— А я вот готов поделиться с тобой своей добычей, Владислав, — ответил ему Милошевский, поправляя нарукавник, что съехал на запястье. — Я же к тебе, как к брату, панове, а ты мне вон как. Мы на кормление ходили, ныне вот возвращаемся. Наткнулись на одно интересное местечко совершенно случайно. Прямо сад дивный! Ну, за небольшим исключением, правда. Теперь мне есть, что поставить на кон, когда вернусь. А ты?

— А я не любитель азартных игр, ты же знаешь, — Владислав перегнулся и потрепал по шее лошадь Милошевского, надеясь отвлечь его от возка за своей спиной. — Откуда? Неужто у русских забрал?

— На поезд один налетели пару дней назад. Богатый поезд. Много чего взяли. Хороша, да? Я сразу же в нее влюбился, как увидел. Мою Зарю прямо подо мной стрелой уложили. Жаль, лошадь была отменная. Надеюсь, и что эта будет не хуже.

Милошевский дождался, пока весь его отряд, растянувшийся в длину, не выедет из леса на дорогу, где их ждали люди Владислава, а после тронул поводья, кивнув своему собеседнику, поехали, мол. Тот проследил взглядом телегу в арьергарде отряда Милошевского, что, переваливаясь по неровностям, выезжала с луга на дорогу, нахмурился, явно недовольный увиденным.

Милошевский же поехал напрямик к Ежи, направляя свою лошадь на коня усатого поляка, явно пытаясь вынудить того отъехать от своего поста у оконца возка. Но тот сумел удержать сильной рукой поводья заволновавшегося под ним коня, удержал его на месте, не позволяя наглому шляхтичу приблизиться к возку. Потерпев неудачу, Милошевский хохотнул зло, обернулся к Владиславу, что уже нагонял его.

— Ты меня заинтриговал, Заславский! — выкрикнул он, а после направил свою лошадь

мимо возка, в главу объединенного отряда, не дожидаясь Владислава. Тот хмуро проводил его взглядом.

— Рядом с ней будь. И в пути, и на стоянке. И держи ее как можно дальше от телеги, — отдав это распоряжение, Владислав снова оглянулся на телегу, а затем тронул поводья и направил коня следом за Милошевским.

Спустя некоторое время отряд, теперь уже больший, чем был до того, снова тронулся в путь. Опять затрясся возок по ухабам и неровностям дороги, причиняя неудобство женщинам, сидящим внутри. Ксения, как не вслушивалась в ляшскую речь, но так и не разобрала, о чем речь вели. Да и Ежи, что то и дело косился на оконце и смотрел, не выглянула ли неугомонная пассажирка возка, не показалась ли постороннему глазу, мешал ей толком удовлетворить свое любопытство. Сквозь узкую щель она видела польских воинов, съезжающих на дорогу, немного рассмотрела собеседника Владислава, судя по приказам ратникам — не последнего человека в присоединившемся к ним отряде, но вот увидеть, что везут с собой ляхи в скрипучей телеге, что теперь ехала в самом хвосте, так и не смогла. На стоянке гляну, что ляхи награбили, решила Ксения. Неуемное любопытство, ее беда с самого детства, настойчиво требовало узнать, что там спрятано за высокими деревянными бортами.

Но Ежи, тут же шагнувший к ней, едва она только спрыгнула с возка наземь, развернул ее за плечи и направил в противоположную сторону, больно сжимая пальцами нежную кожу даже через шелк рубахи и более плотную ткань летника.

— В ту сторону, панна, — коротко приказал он, взглядом показывая Марфе, спустившейся из возка, следовать за ними. Ксения же заупрямилась, видя, что он направляет ее в луг, совершенно открытое пространство.

— Не пойду я туда! В другой стороне хоть кусты есть! — он по-прежнему подталкивал Ксению к выбранному им месту, и она уперлась ногами в землю, мешая ему и далее вести ее туда. — Я туда не пойду!

— Не доводи до греха, панна! — рявкнул Ежи и, видя, что она не желает подчиниться ему, легко поднял ее, перевалил через плечо и понес подальше от лагеря, кляня Владислава, который уж слишком много воли дал своей пленнице. Ксения хотела стукнуть его кулаком в спину, но сумела обуздать этот порыв, испугавшись, что усатый лях может ответить ей тем же, только прошептала ему, краснея до самых ушей от стыда:

— Отпусти, сама пойду!

Тот тут же опустил ее на землю, и ей пришлось направиться туда, куда лях показал ей. Но присаживаться не стала, оглянувшись и заметив, что совсем не скрыта от посторонних взглядов.

— Тут же все на виду! — прошипела Ксения, едва сдерживая слезы. — Меня же будет видно из лагеря!

Но Ежи только руки на груди скрестил, глядя на нее невозмутимо из-под широких седых бровей, показывая своим видом, что не позволит ей пойти туда, куда она сперва пожелала.

— Скажи мне, панна, что у тебя за сокровище такое, что мы не видели никогда? — насмешливо проговорил он, и Ксения замерла, прикрыв глаза от унижения, которому подвергалась ныне. Что за очередная напасть в ее доле? Что это — очередная попытка ляшского пана продемонстрировать, что она всего лишь пленница тут? Или это наказание за ее неудавшийся обман?

— Пусть твоя девка за подолом тебя скроет, — пробурчал Ежи, видя ее огорчение и боль, пропуская Марфу, что только сейчас нагнала их. — За юбками не будет видно.

Так и поступили. От унижения, которому она подверглась ныне на этом лугу, у Ксении, казалось, горели от стыда даже уши. Она бросила Ежи, проходя мимо него, зло и резко:

— Я хочу переговорить с паном! Сейчас же!

— Это невозможно, — был ей короткий ответ, услышав который у нее даже руки затряслись от злости. Как это возможно? Как возможно ласкать одной рукой и бить больно, наотмашь другой?

— Тогда я хочу переговорить с паном нынче вечер, когда на стоянку станем, — проговорила она, и Ежи опять покачал головой. — Передай, пусть придет, иначе я сама найду его.

— Это невозможно, панна. С этого дня и ты, и твоя девка будете в возке сидеть. Кухарить она не будет отныне. Выходить из возка по нужде только и только с охраной.

Она опять пленница! И это после того, что было! Да как он может! Ксения даже за грудь схватилась, так больно сжалось сердце при этих словах. Она вдруг подхватила подол сарафана и пустилась бегом. Прочь от Ежи, прочь от любопытных глаз, что могут заметить, как ей больно и горько от этого приказа Владислава запереть ее в возке! Раз он желает сделать его темницей для Ксени, хорошо — отныне так и будет. Только никогда более она не заговорит с ним, отныне его нет для нее на этой земле!

Позади что-то крикнул ей Ежи, потом громко выругался на польском вслед, но догнать так и не сумел. Уж чересчур тяжело для его комплекции бегать так быстро, как неслась Ксения к возку, наслаждаясь в глубине души той досадой, что отчетливо расслышала в голосе усатого ляха. Она обогнула одного из людей Владислава, что бросился ей наперерез, едва не расхохотавшись в голос. Поделом им! Пусть поволнуются! Пусть думают, что она бежать удумала!

Ксения повернула к возку, надеясь скрыться внутри его прежде, чем ее поймают, и со всего размаху налетела на кого-то, кто подходил к возку с противоположной стороны. Мужские руки поддержали ее, не дали упасть, и она даже обрадовалась, решив, что Владислав все же решил встретиться с ней лицом к лицу. Пусть даже для того, чтобы снова отругать за своеволие.

Она подняла глаза, улыбка сошла с ее губ в тот же миг. Это не Владек придерживал ее за тонкий стан сейчас, а тот самый шляхтич, что возглавлял присоединившийся к ним этим утром польский отряд. Она хорошо рассмотрела его сегодня, через узкую щель меж занавесями оконца, а потому тотчас узнала.

— Не так шибко, прекрасная панна, так и упасть недолго, — улыбнулся Милошевский самой очаровательной улыбкой, на которую только был способен, но талии ее не отпустил, прижимая ее к себе. Ксения подняла руку, чтобы оттолкнуть чересчур настойчивого ляха, и он в тот же миг вложил в ее пальцы ромашку на коротком стебле, заставив ее растеряться от подобного жеста. — Куда же так спешит, дивная богиня?

— Дивная богиня спешит в возок, где ей было приказано сидеть и носа не совать наружу! — прогремел рядом голос Владислава. Он резко выдернул Ксению из рук Милошевского, пребольно сжав пальцами ее локоть. А после выдернул из ее руки ромашку и бросил наземь, толкнул Ксению к возку, настойчиво вынуждая ее залезть внутрь. Когда она подчинилась ему, перепуганная ледяным взглядом его глаз, Владислав с силой захлопнул дверцу возка так, что занавеси взметнулись вверх.

— Что это за дивное создание, пан Заславский? — перешел на польский язык Милошевский, внимательно наблюдая за действиями Владислава. — Где ты нашел ее?

— Где нашел, там уже нет, — отрезал тот и прислонился к возку, загораживая Ксению оконце своей широкой спиной. Милошевский отвел взгляд от его глаз и снял с плеча, обтянутого шафрановой тканью жупана невидимую пылинку. А после снова взглянул на Владислава, хитро прищутив глаза.

— Панна знатного рода и богата, видно же. Быть может, у панны есть родичи среди воевод войска московского? Ныне, когда шведы пришли на подмогу москвитянам, надо будет искать любые пути, чтобы фортуна снова повернулась к нам, пане. Кто ведает, быть может, это отличный шанс заполучить своего человека у русских.

— Мало перебежчиков от Шуйского для того? — спросил Владислав, скрестив руки на груди.

— Перебежчики... нет им веры, пане, сам понимаешь. Утром они целуют руку одному, вечером уже другому. Мелкие продажные душонки! Надобно иметь, чем держать человека, только так можно получить его верность.

— Они сирота, пан. А братья ее под Кромами сгинули, — ответил Владислав. — Тут нет пользы от нее.

Они долго смотрели друг другу в глаза, не отрывая глаз, будто в незримом поединке схлестнулись взглядами. Милошевский первым отвел взор, пожимая плечами.

— Тебе виднее, пане, — он взглянул на солнце, что уже начало постепенно клониться к краю. А потом снова посмотрел в глаза Владиславу. — И самые верные мужи дуреют, коли дело касается баб. Будь осторожен, пан Владислав. Душу легко потерять, тяжело ее вернуть обратно из этого полона. *Vene vincit, qui se vincit in victoria* {1}, ты же знаешь эту истину.

— Я сам разберусь, пане, со своей душой, а ты не ксендз, чтобы беспокоиться о ней, но за совет благодарю тебя. Пойдем, пора собираться в путь. А то мы так будем долго добираться.

В возке тоже было беспокойно. Марфута вернулась недовольная безрассудным поведением своей боярыни, но не сказала ей ни слова, даже взглядом не показала своего неодобрения, памятуя о своем положении. И только когда Ксения, выведенная из себя ее молчаливым укором, ее поджатыми губами, обратилась к ней, позволила себе высказаться:

— Что ты творишь, Ксения? Что с тобой? Власть твоей красоты над ляхским паном голову вскружила? Тут ныне не он один силу имеет, не забывай об этом.

— Он велел нам сиднем сидеть в возке. Совсем ограничил волю, — возразила Ксения. — А тот срам на лугу во время стоянки? Это тоже скажешь только во благо мне?

Марфа помолчала немного, а после проговорила тихо:

— Видела ли ты, Ксения, ляхов, что идут теперь с нами? Хорошо ли их разглядела? Сущие разбойники! Наши, правда, тоже не лучше, но хоть так не зыркают вслед, не скалят так зубы. Этих, коли им припрет, пан хоть и остановит, но не словом далеко. Хочешь крови, Ксения? — а потом кивнула в сторону оконца. — Хотела поглядеть, что в телеге ляхи везут? Можешь взглянуть, Ксения, нынче хорошо видно, что за груз едет в Тушино. Бабы-то, Ксения, бабы русские.

Ксения почувствовала, как холодок пробежал по ее спине при этих словах. Она тут же, не раздумывая долго, отодвинула занавесь и высунулась из окна, чтобы взглянуть на хвост отряда, где ехала телега, скрипя колесами. Марфа была права: ныне было отчетливо видно, кто едет вместе с ляхами. В телеге действительно сидело несколько женщин в грязно-серых, кое-где рваных нательных рубахах с непокрытыми волосами. Они сидели группкой, прижавшись друг к другу, безучастно глядя на дорогу. Видимо, этим утром они спали или

просто лежали на дне телеги, не различимые глазу через высокие борта, вот Ксения и не видела их до того.

Ксения вдруг встретилась глазами с одной из пленниц, сидевшей прижав колени к груди чуть поодаль от остальных, что неожиданно подняла голову, будто почувствовав на себе чужой взгляд. Это была совсем девочка, лет двенадцати, не более. Худенькая, как тростинка, с льяными, почти белыми волосами и большими, широко распахнутыми глазами, в которых Ксения отчетливо разглядела страх, которым так и веяло от этой маленькой фигурки.

Девочка, заметив побелевшее лицо Ксении под богатыми поднизями кики, вдруг метнулась к борту телеги, протягивая руки в сторону боярыни, будто надеясь, что та сможет спасти ее, следуя истине, впитанной ею с детства, что бояре имеют большую власть над ними, холопами. Девочку тут же ударил в грудь ногой лях, что ехал верхом подле телеги, и та не удержалась, опрокинулась назад, взмахнув тонкими ручонками, повалилась на дно телеги под причитания некоторых пленниц.

Ксения ахнула от подобной жестокости. Она, конечно, видела немало жестокостей за свою замужнюю жизнь, проведенную за высоким тыном вотчины своего мужа. Но обычно это были взрослые холопы, не такие юные, как эта девочка. Оттого-то вдруг перехватило дыхание в груди, в горле застряли комком невыплаканные слезы.

Она перевела возмущенный взгляд в авангард отряда, желая увидеть, заметили ли ляшские паны эту жестокость, и встретилась глазами с Милошевским, гарцевавшим на лошади на обочине дороги, явно красуясь перед ней. Он поклонился ей с улыбкой, выражая всем своим видом восхищение красотой Ксении, и та замерла, пораженная контрастами в ляшских душах. Ей, боярыне, находящейся под защитой, он расточал очаровательные улыбки, а той девочке, что была в его власти, полагался сильный удар, чтобы не причиняла более беспокойства во время пути. Он не мог не видеть этой жестокости, и его спокойствие и безмятежность ныне так резали глаз Ксении, будоражили душу возмущением.

Ксения хотела показать Милошевскому взглядом все презрение мерзости его поведения, что она испытывала ныне, несмотря на возможное недовольство ляха, но не успела. Ее легко стукнули по лбу мужские пальцы, принуждая скрыться в темноте возка.

— Вот же заноза в заднице! — не удержался при этом Ежи, сплюнул смачно на землю, выказывая этим все свое раздражение порученной ему миссией следить за этой неугомонной девкой.

Ксения проплакала все время, что ехал возок по неровной дороге, остановившись только, когда солнце почти скрылось за краем земли, уступая место узкому месяцу, что едва видимой полосой виднелся на сером небе. Она снова и снова видела перед собой большие глаза девчушки, полные слепой надежды, сильный удар пыльным сапогом в еще плоскую грудь и маленькие тонкие кисти рук, взметнувшиеся вверх при падении девочки на дно телеги.

Марфута принялась было успокаивать ее, но после, видя безуспешность своих попыток, бросила эту затею, коря себя за несдержанность в речах. Пошто она сказала Ксени про этих баб? Пошто разбередила ей душу? Знала ведь, что Ксения, почти всю жизнь проведшая за толстыми стенами женского терема сначала в отцовской вотчине, а затем в усадьбе Северского, редко встречала жестокость и боль других людей. Никогда при ней не карали сурово холопов, никогда она не была в хладной или пыточной. Видела только пощечины, шлепки да щипки, которыми награждались нерасторопные слуги да пару раз видела через оконце, как порет Северский одного из ратников своей чади, заснувшего на посту. Вот и все.

Потому-то так и встревожило её душу увиденное нынче.

Ксения успокоилась поздно. Уже давно встали лагерем, а посреди стоянки ярко запылал костер, разгоняя темноту, что опустилась на землю плотным покрывалом. В дверцу возка стукнул глухо мужской кулак, и Ежи громко сообщил, что принес панне ужин.

— Если панна желает выйти, то сделать это лучше ныне. Потом отдохнуть хочу, — добавил он, и Ксения поспешила выйти, зная, что Ежи слов на ветер не бросает, и потом она едва ли добьется от него позволения удалиться по нужде. Она окинула взглядом стоянку, но телеги с пленницами не заметила, сжала пальцы в кулак, чувствуя, как лютая ненависть к их захватчикам разливается в душе. Она ненавидела этих нелюдей, этих зверей, принесших на землю русскую столько боли и смертей. Даже на Владислава, вдруг перегородившего ей путь из лагеря к кустам, зыркнула глазами, обжигая огнем своего презрения, но не остановилась, уклонилась от протянутой к ней руки.

И он такой же, как они! Он такой же! Билась в голове эта мысль, будто птица в клетке, словно сама себя пыталась убедить в этом, напомнить, что он ничуть не лучше тех, других, что ей негоже думать о нем вот так, с замиранием сердце. Что не стоит сожалеть, что не выслушала его, не приняла его руку, отвергла его.

Ксения не стала есть, воротившись в возок, не желая даже пищу принимать из рук ляхов. Она понимала умом, что не стоит всех ровнять под одну гребенку, что она не видела пока ничего худого от Владислава, кроме наказания хозяина займища (да и о том только слышала!), но ничего не могла поделать со своей злостью. Кто знает, что творил он до того, как встретил ее на дороге в вотчину мужа, до того, как взял в полон?

Все громче шумели разгоряченные спиртным ляхи, кричали, смеялись во весь голос, мешая Ксении отгородиться мысленно от всего происходящего за стенами ее возка. Она завидовала Марфе, что все же уснула под этот шум, завернувшись в душегрею чуть ли не с головой. Сама же она так и не смогла забыть о том, что может твориться там, у костра.

Ксения стала читать молитвы, едва слышно, но первый же женский крик, донесшийся до нее, заставил ее сбиться. За ним последовал второй, еще более протяжный, более похожий на стон, и Ксении пришлось заткнуть уши ладонями, быстрее зашептать слова, пытаясь отогнать от себя худые мысли. Но потом вдруг перед ее глазами встала та девочка с льняными волосами и высокими скулами, надежда в ее глазенках, устремленная к Ксении мольба о помощи.

И Ксения вдруг, сама не понимая, что творит, распахнула дверцу возка, спрыгнула наземь, едва не падая, запутавшись в подоле рубахи. Она должна помочь ей! Надо попросить Владислава, он не откажет, мелькнуло в голове. Более мыслей не было в голове, кроме этих, настойчиво пульсирующих в уме. Она даже забыла в охватившем ее мороке накинуть на себя летник, которым укрывалась на ночь. Так и пошла к горевшему яркой точкой вдали костру в рубахе и повойнике, переступив через спавшего на земле Ежи. Все ближе и ближе к огню, будто он манил ее своим ярким слепящим глаза светом, пробивавшимся сквозь неплотную стену ляхов, сидевших или стоявших подле него.

Ксения подходила все ближе и ближе, замороженная неясным гулом голосов ляхов, их смехом. Потом снова раздался женский стон, а после дружный взрыв хохота — пробившись сквозь обступивших огонь мужчин, из круга у костра вырывалась женская фигура в развевающихся на плечах остатках рубахи, порванной сильной рукой. Никто из стоявших не остановил ее, только отпустили несколько похабных шуток вслед, и лишь пара ляхов помчалась за убегающей женщиной под громкое улюлюканье.

Ксения остановилась резко, будто наткнувшись на невидимую стену, при виде этой странной картины, а также того, что открылось ей в образовавшийся просвет между стоящими: чей-то голый зад, мернодвигающийся, и голые тонкие ноги по бокам, все в синяках и ссадинах. Убегавшая меж тем медленно приближалась к ней, едва уворачиваясь от протянутых к ней рук ее преследователей.

— Умоляю! Ради Христа! Умоляю, я тяжела! — кричала женщина, задыхаясь от бега.

Но ее все же нагнали, повалили на землю, сбив с ног одним сильным толчком в спину. Женщина завывала, когда на нее навалился, гогоча один из догонявших ее ляхов, а потом вдруг подняла голову и плюнула прямо в лицо насильнику. Тот недолго думая размахнулся и ударил ее кулаком в лицо. С силой, с широким замахом. Голова женщины упала в траву, глухо стукнувшись о твердую землю.

Ксения открыла рот, чтобы завизжать в голос. Только это она и могла сделать, оцепенев от ужаса при виде насилия, что творилось буквально в десятке шагов от нее. Но ее рот тут же был зажат сильной ладонью, гася вопль ужаса и боли в зародыше, а после ее куда-то потащили в сторону, обхватывая ее за талию.

— Закрой глаза! — приказал откуда-то сверху голос Владислава, и она подчинилась ему, опуская веки, отгораживаясь от того, что увидела. Но теперь в голове снова возникла та девочка, и Ксения глухо застонала в ладонь, зажимающую ей рот, забилась в истерике в сильных руках Владислава. Он не смог удержать ее одной рукой, оступился на одной из неровностей среди травы, и они упали со всего размаха наземь. Он не смог предотвратить падение, зато повернулся так, чтобы она упала на него, больно вдавив его при этом своим телом в землю, заставляя почувствовать сквозь тонкую ткань рубахи каждый камешек, каждую веточку.

Ксения сумела сбросить его ладонь, но кричать не стала, только глухо простонала, будто каждое слово боль причиняло ей:

— Прошу тебя! Прошу, останови это!

Но Владислав только прижал ее голову к своей груди, чувствуя, как быстро становится мокрой рубаха от ее горячих слез, что текли непрерывно из ее глаз, покачал головой.

— Не проси, не могу я этого сделать, не проси!

— Там одна девочка... еще ребенок... прошу тебя, — умоляла она его, буквально захлебываясь слезами, но он снова и снова качал головой, отказывая ей. И тогда она громко завывала, ударив его в грудь сначала раз, потом другой, и ему пришлось снова закрыть ей ладонью рот, поймать в плен кисти ее рук.

Они еще долго лежали в траве, переплетаясь ногами и руками в каком-то странном захвате. Владислав прижимал ее к себе, не давая даже головы поднять со своего плеча, стараясь успокоить тихим шепотом, уговаривая ее не думать, позабыть о том, что видела. Уже давно смолкли голоса в лагере, стих мужской хохот, только перекликались сторожевые на постах, да иногда раздавалось ржание лошадей. Только когда стало светлеть, Ксения отстранилась от Владислава, поднялась с травы, путаясь в длинном подоле и в рукавах, но от его помощи отказалась, не желая, чтобы он касался ее, отводя взгляд, чтобы не увидел ее распухшего от слез лица. Он не стал настаивать, только снял с плеч жупан и накинул ей на плечи, чтобы никто не увидел абрис ее тела сквозь полутонкую ткань ее рубахи.

Ксения шла к возку будто пьяная, шатаясь, спотыкаясь о подол рубахи. Голова нещадно болела от слез, что были пролиты этой ночью, но она постаралась забыть об этой боли. Нынче же днем она соберет все свои серьги и кольца, что были при ней, отдаст их

Милошевскому, чтобы забрать у него хотя бы ту девочку, что так молила ее давеча днем о помощи.

А потом она увидела ее в траве — тонкие запястья, белые льняные волосы. Метнулась к ней прежде, чем ее успел остановить Владислав, шедший позади нее, едва не растянувшись возле одного из воинов, что спал тут же рядом с этой девочкой. Она заберет ее сейчас же, решила Ксения. И пусть что угодно говорит лях, она заберет ее.

Ксения тронула девочку за плечо, пытаясь разбудить. Льняная голова качнулась, и девочка повернулась к ней лицом, уставилась на Ксению широко распахнутыми глазами. Уже навсегда застывшими, ибо холопка была мертва.

Ксения сначала не поняла, что с этой девочкой, почему та, не моргая, смотрит на нее так пристально, только отметила, что рванье, оставшееся от нательной рубахи, ниже талии все бурое от уже запекшейся крови. А потом, когда обжигающее разум осознание проникло в голову, отшатнулась назад, падая в мокрую от росы траву, поползла назад, медленно перебирая руками, не в силах отвести взгляда от этих широко распахнутых глаз. Так она и ползла, пока ее не поднял с травы Владислав на руки, и она не спрятала лицо у него на плече, прижимаясь к его телу, будто в надежде раствориться в его тепле, забыть о прошедшей ночи и о мертвых глазах, как ей казалось, глядящих с укоризной и упреком.

Он отнес ее к возку, где поджидал их Ежи, нахмутив брови, а в темном проеме распахнутой дверцы уже белело встревоженное лицо Марфуты, потерявшей свою боярыню. Когда Владислав перекладывал Ксению на сидение, она задержала его за руку, не давай отстраниться, тихо прошептала, заглянув ему в глаза:

— Ты не спас ее от этой участи... я же просила тебя.

— Ты всегда просишь у меня то, что не в моих силах, панна, — ответил ей так же тихо он, аккуратно высвобождая рукав рубахи из ее пальцев. Она отвернулась от него, пряча лицо в летнике, что лежал рядом на сиденье, и он понял, что может оставить ее, ушел прочь от возка, чтобы поднять жупан, свалившийся с плеч Ксении, когда она отползала от своей страшной находки.

— Я разве неясно сказал тебе не выпускать ее никуда нынче ночью? — резко спросил Владислав шедшего за ним по пятам Ежи. Тот только пожал плечами.

— Маята одна с ней, попробуй — уследи! — а после добавил, видя, как яростно отряхивает шляхтич свой жупан от мелкого сора и травинок. — Не сердчай, пан Владислав, видел я, как ты идешь к ней, когда она к костру подошла, потому и не стал догонять.

— Сказать можно, что угодно, — буркнул недовольно Владислав, натягивая на плечи жупан, запахивая его на груди. Он взглянул на девочку, что лежала недалеко от давно погасшего костра, между спящими ляхами, а потом перевел взгляд на возок, откуда доносились сдавленные рыдания и едва слышный успокаивающий голос Марфуты. — Поднимай людей, уезжаем.

— Без пана Милошевского? — уточнил Ежи, доставая из торбы чубук и кисет с табаком. — Он все равно нас догонит, по одной же дороге пойдем.

— Нет, у нас с ним будут разные дороги отныне, — произнес Владислав, наблюдая, как медленно разливается из-за края земли ярко-розовый свет наступающего рассвета.

— Куда тогда пойдем? — спросил его дядька, раскурив чубук, прикрыв ладонью огонек от порывов легкого ветерка, ерошащего волосы Владислава и длинные усы Ежи, а когда Владислав ответил ему, уставился в его затылок, с трудом скрывая удивление на своем лице.

— Ты совсем сбрендил, Владек, прости меня за прямоту мою, — дергая себя за

длинный ус задумчиво, произнес Ежи. — Я сразу понял, что твоя затея сулит нам только маяту лишнюю, а когда увидел, кто сидит в возке, и вовсе убедился в том. Ты забылся, видать, под взглядом ясных очей панны.

— Не забывайся, Ежи! — оборвал его Владислав. — Ты же видишь сам, я не могу отвезти ее в Тушино.

— Зато туда — прекрасно можешь! — едко ответил на это усатый поляк, попыхивая чубуком, а потом поднял руки вверх, видя, как прищурил глаза Владислав, как на его лбу пролегли глубокие складки недовольства. — Добже, добже! Уступаю тебе в твоей глупости. Пойду поднимать людей. А что остальные, что в Тушино остались?

— Отправь Рацлава и Люцуса с паном Милошевским. Пусть поднимают мою хоругвь и вслед идут, — распорядился шляхтич. — Да, мне тоже не по нраву, что нас так мало будет! Не хмурь брови, знаю все это. И про шведов знаю, и про то, что города русские многие из-под Самозванца ушли, слышал я Милошевского, как и ты. Знаю и про разъезды, и про отряды русских. Но надобно мне, Ежи, надобно, понимаешь?

Ежи только головой покачал в ответ. Он по глазам Владислава распознал, что решение его уйти от Милошевского да еще направиться туда, куда он задумал, неизменным останется, как не уговаривай его. Все дикая смесь кровей, что течет по жилам Владека.

Не смирямая ничем гордыня Заславских и непреодолимое упрямство Элены Крышеницкой, его матери, увеличенной в несколько раз упертостью Стефана Заславского. Немало бед принесли эти качества самим родителям Владислава, немало бед принесут и ему!

Ежи немного помедлил, с наслаждением вдыхая в себя ароматный дым, глядя, как поднимается из-за горизонта яркое солнце. Потом сплюнул в траву с досадой, качая головой.

— От дурень-то! Погубит тебя эта панна со своими очами голубыми, погубит, Владек, как едва не сгубила однажды! Чует мое сердце, не к добру ты все это задумал, совсем не к добру! Ну, помогай нам Бог да Святая Дева Мария! — перекрестился Ежи, не отводя глаз от неба, у которого ныне просил о помощи.

Потом он присел на корточки, выбил из чубука остатки табака, спрятал его в небольшую торбу на поясе и зашагал прочь к месту, где вповалку спали пахолики почета Владислава, чтобы поднять их на ноги, передать приказ пана собираться в путь. При этом Ежи то и дело потирал грудь в районе сердца через плотную ткань, будто прося его не ныть так тревожно, не стонать от недоброго предчувствия, что ныне так и распирало его на части.

1. Дважды побеждает тот, кто властвует над собой (лат.)

Последующие три дня Ксения никак не могла выкинуть из головы ту страшную картину, что то и дело вставала перед ее глазами: она кладет руку на плечо юной холопки, и через миг на нее смотрят застывшие мертвые глаза. Даже по ночам это воспоминание не оставляло ее, приходило в снах, заставляя пробуждаться в ужасе, с бешено колотящимся сердцем в груди. Иногда она снилась ей так, как Ксения видела ее некогда наяву, а иногда она склонялась во сне с какого-то берега и находила холопку в воде, темной, почти черной, с плавающими вокруг головы льняными волосами.

А вот нынешней ночью сон был еще страшнее, наполняя душу Ксении при пробуждении животным страхом. Она снова была на берегу, в это густом липком тумане, снова склонялась к воде над плавающим телом девочки. Только в это раз широко распахнутые в никуда глаза были не цвета ореха, а голубые, мертвенно-бледное лицо в обрамлении длинных волос было не лицом холопки, а ее собственным. Это была она, Ксения. Та мертвая девушка в темной воде... она сама.

Потому-то Ксения тихо, стараясь не разбудить Марфуту, выскользнула из возка, накинув на плечи летник, чтобы укрыться от предрассветного холода. В лагере спали, только повернулся на миг к ней сторожевой, что сидел невдалеке от возка, потирая уставшие глаза. Ксения оглядела поляну, пытаясь распознать, где лежит Владислав, но под жупанами, которыми ляхи укрылись с головой, стремясь спрятаться от ночного холода, было трудно угадать. И она оставила эту затею, плотнее запахнула на груди летник и направилась подальше от лагеря, чтобы посидеть в одиночестве, встретить рассвет, который ныне предвещало небо, начавшее светлеть по линии горизонта.

Одной... просто побыть одной. Послушать эту тишину, которую изредка прерывала трель одинокой ранней птицы издали. Все эти три дня Марфа не отходила от нее ни на шаг, с тревогой вглядывалась в лицо, гладила по волосам, когда она плакала.

А вот он даже не справился, как ее здоровье. Ни разу за эти три дня...

Ксения никогда не признается самой себе, как огорчает ее это, и насколько велико ее желание, чтобы это он, не Марфута, утешал ее, успокаивал, обнимал. Она положила голову на колени, обхватывая их руками.

Хорошо, что они уехали от того отряда, что когда-то нагнал их в пути, Ксения не смогла бы чувствовать себя так спокойно, коли где-то рядом был тот русоволосый лях, ротмист польской хоругви. Она вспомнила, как Милошевский остановил их, едва небольшой отряд Владислава двинулся в путь, как схватил повод каурого, на котором сидел шляхтич.

— Куда ты, пан Владислав? — хрипло спросил он Заславского. Ксения тогда испуганно выглянула в оконце, скрываясь за занавесью, встревоженная этим вскриком, тоном его голоса. Судя по всему, Милошевский еще до конца не протрезвел, ведь стоять, не покачиваясь слегка, тот не мог, а белки его глаз были настолько красны, что Ксении с ее места они показались истинными глазами дьявола — темными, устрашающими.

— Куда ты? — повторил Милошевский. — Разве мы не идем вместе к Москве?

— Нет, — коротко ответил Владислав. — У меня другая дорога, пане.

— Опомнись! Ныне опасно идти малым отрядом! — проговорил Милошевский, но Владислав ничего не ответил, только повод дернул на себя, вырывая его из руки пана.

— Будь здраве, пане! — Владислав направил коня вперед, кивнув Милошевскому. За

ним потянулись остальные пахолики его почета, поехал возок. Когда оконце возка сровнялось с Милошевским, по-прежнему стоявшим на краю дороги, Ксения замерла на миг, пораженная тем взглядом, что он бросил на невидимую его глазам пассажирку. Ведь именно ей адресовался странный огонь его глаз, у нее не было ни малейших сомнений в том.

Ксения почувствовала, как рассветный холод пробежался по ее телу вместе с легким ветерком, вдруг налетевшим ниоткуда, и зябко повела плечами, а после замерла на месте, резко выпрямив спину. Каким-то шестым чувством она распознала, что более не одна, что кто-то стоит позади нее, и ей даже для того не надо было оборачиваться, чтобы убедиться в том, чтобы увидеть, кто это. Ее сердце давно подсказало верный ответ, вдруг гулко ударившись о грудную клетку и забившись, будто пойманная птичка.

Она слегка повернула голову, косясь на широкоплечую фигуру, что стояла позади нее, и Владислав, распознав все же, что она взглянула на него, двинулся к ней. Ксения тут же отвернулась от него, сжимая ладони. Мне нет дела до него, повторила она про себя несколько раз, но разве можно убедить сердце, когда оно так и стучит в доказательство противоположного?

Владислав подошел к Ксении, присел на траву подле нее, немало не заботясь о том, что может испортить жупан от росы, выпавшей в этот час. Некоторое время он молчал, искоса глядя на то, как она упорно смотрит исключительно вперед, не расслабляя спину и плечи, а потом вдруг заговорил, и Ксения, уже настолько привыкшая к тишине меж ними, вздрогнула при звуке его голоса:

— Я рад, что панна боле не бежит от меня.

— Пан несколько дней назад поведал мне, какая участь меня ожидает, коли я сбегу от него, — ответила Ксения, а потом перевела на него взгляд и продолжила, глядя в его глаза. — А товарищи пана показали.

Владислав промолчал, только протянул руку и коснулся пряди светлых волос, что выскользнула из-под повойника во время сна, аккуратно заправил его под тонкую ткань.

— Мне очень жаль, что ты стала свидетелем тех бесчинств. Я желал уберечь тебя от них, но будто мне наперекор так спешила вырваться из-под опеки... Но то только к лучшему. Тебя берегли от жизни все твои годы, надежно укрывали в твоём тереме. Ты даже не знаешь оттого, что людям присущи не только те свойства, что видны глазу, не только добро творится в мире.

— Я ведаю, лях, что на свете есть и зло, и боль! — возразила ему Ксения, вспыхивая. — Я не так уж и неразумна, коей ты меня видишь.

Владислав не стал ей возражать, а неожиданно переменял тему их разговора, задав вопрос:

— Она приходит к тебе во сне?

Ксения ошеломленно уставилась на него, даже не скрывая своего удивления, а потом только кивнула головой.

— Откуда ты ведаешь это? — спросила она, и он улыбнулся грустно в ответ.

— Знаю по опыту. Мне тоже долго снилась первая виденная мною смерть, — Владислав отвел глаза на горизонт, уже розовеющий бледными красками от просыпающегося солнца. Ксения молчала, представляя невольно, как Владислав убивает.

Как это было? Он перерезал горло? Или проткнул его мечом? А может, просто выпустил стрелу из самострела? И почему у Ксении нет к нему ненависти при мысли о том, что его руки, так нежно коснувшиеся ее виска недавно, могут отнять жизнь? Ведь она

должна ненавидеть его!

— Мне было тогда семь лет отроду, — проговорил Владислав, и Ксения резко подняла на него глаза, ошеломленная его словами. — Отец взял меня и старших братьев на охоту. Я тогда плохо ездил верхом и отстал от охотников. Подле меня были только несколько ловчих да Ежи. Мы шли тогда на оленей, а наткнулись на вепря. Ты видала его когда-либо? О, это был дикий зверь! Такой огромный, с такими клыками длинными и острыми. Мне он тогда показался истинным чудовищем из тех сказок, что рассказывала нянька. Вепрь тут же распознал в нас угрозу и ринулся в бой. Все произошло так быстро, что я даже глазом моргнуть не успел, даже не испугался. Миг, и моя лошадь валится на землю, подминая мою ногу под себя, лишая меня возможности двигаться. А потом один из ловчих кинулся вепрю наперерез, когда тот разогнался для второй атаки на меня. Клыки вепря вспороли ему живот прямо у меня на глазах. Я настолько ошалел от увиденного, что даже не делал попыток отползти от этого страшного зверя, рвущего человека подле меня так близко, что я мог коснуться его рукой. А потом на вепря налетел Ежи и все колот и колот его мечом, пока тот не издох. Я еще долго видел во сне этого ловчего, истекающего кровью. Отец сказал тогда, что так бывает в первый раз. Это просто надо забыть, как страшный сон, выкинуть из головы и никогда более к тому не воротаться. Я говорю это тебе не к тому, чтобы напугать тебя. Я говорю это потому, что это жизнь, моя драга. В ней есть добро и зло, болезни и смерть, и от того никуда не деться. И чем быстрее ты усвоишь эту истину, тем легче будет в дальнейшем. В Московии война и разруха, а смерть вечная их спутница.

Ксения не стала возражать, как бы ни хотелось ей того в этот момент, промолчала, снова и снова обдумывая его слова, а после спросила тихо:

— Ты еще долго тогда видел его во сне? Того ловчего...

Владислав вдруг повернулся к ней, взглянул на ее бледное лицо. Ее боль отчего-то пронимала до самого нутра, а ее страх заставлял ринуться на ее защиту. И нельзя было сказать, что его не беспокоило это. Разум кричал криком не подходить к ней боле, не касаться ее, но сердце приказало ему обнять ее, такую растерянную ныне, успокоить ее в своих руках. И он подчинился сердцу — привлек ее к себе, с каким-то странным удовольствием отмечая ее податливость, ее отклик на его ласку. Она так прижалась к нему, положив голову на его плечо...

— Еще несколько тыдзений {2}, - признался Владислав, глядя ее по плечу через тонкую ткань рубахи. — Мать тогда снова поссорилась с отцом, забрала меня и уехала в Белоброды. Она всегда там скрывалась, коли что не по ней было. Она злилась на него, что тот взял меня на охоту, не посоветовавшись с ней, кричала, что я слишком мал для этого. А отец злился и отвечал ей, что не желает растить двеба {3}... э... слабого. И еще кричал, что будет все по его воле, по его решению. А она ушла в разгаре ссоры, а утром, пока еще все спали, увезла меня в Белоброды тогда.

Ксения поежилась от легкого холода, что проникал под рубаху, и Владислав замолчал. Натянул на ее плечи сползший летник, укутывая ее, прижал к себе еще крепче, согревая теплом своего тела. И Ксения прижалась к нему еще теснее, кладя руку на его грудь, прямо на то место, где гулко билось его сердце. Он потерся ласково носом о ее макушку, покрытую тканью повойника, а после продолжил:

— Они всегда спорили. Мои отец и мать. Моментально вспыхивали от любой мелочи. Ежи как-то сказал, что в них говорили старые скрытые обиды друг на друга: отец не простил матери, что она так и не приняла католичество, не отринула холопскую {4} веру, как обещала

когда-то, а мать... мама не смогла простить отцу тех женщин, что появились со временем в его жизни. Она сбегала от него в Белоброды, село со шляхетским двором, на одной из его земель, что он отписал в мое владение при рождении. Он ехал вслед, возвращал ее в замок. Тихое перемирие в несколько тыдзень, и снова ссоры, снова отъезд. Никто не желал признавать себя виноватым, до последнего стоял на своем. А вскоре их ожидал окончательный разрыв. Отец отвез меня, когда мне минуло десять лет, в монастырскую школу в Вильно, следуя традиции семьи — один из младших сыновей Заславских должен служить Господу и церкви. Мать не смогла простить ему, что ее сын станет католическим священником, несмотря на все ее уговоры, и, едва оправившись от родов, пользуясь отъездом отца, уехала в Белоброды, где крестила сестру в православную веру, презрев свою клятву воспитать детей только в католической вере. Отец был страшно зол тогда, так зол, что не стал ее возвращать, отписал ей, что она вольна оставаться там, где живет, согласно своей воле. Вот так они и жили — раздельно, кляня друг друга вслух и по-прежнему храня глубоко в сердце свою любовь. Я как-то спросил мать, отчего она не поедет к отцу, если так плачет ночами, если страдает без него, а она вдруг напустила на себя хладный вид, сказала, что нет ее вины в разладе меж ними, что только отец виноват в их затянувшейся ссоре, как зачинщик ее.

Владислав замолчал, вспоминая, как мать тогда погладила его по коротко стриженным волосам. Ему тогда было двенадцать лет, отец уже вернул его из Вильно, потеряв к тому времени одного из своих старших сыновей. Он жил в замке подле отца, но тот все же давал ему возможность наносить частые визиты в Белоброды, видаться с матерью и маленькой сестрой, сам, однако, никогда не сопровождал его в имение, предпочитая избегать встреч с женой. Владислав полагал, что откровенность матери тогда была обусловлена тем, что он застал ее врасплох, горько плачущей, одной из ночей.

— Я никогда не смогу простить ему той боли, что он причинил мне. Никогда не смогу простить тех женщин, что были в его... его замке. Никогда не смогу простить, что он смог жить вдали от нас — от меня, от своей дочери. Не приведи Господь тебе испытать и части той боли, что тревожит мое сердце ныне, что не дает мне покоя, — проговорила мать, а потом вдруг взяла его лицо в ладони и взглянула ему прямо в глаза долгим внимательным взором, проникающим прямо в душу. — Никого и никогда не пускай в свое сердце. Коли сумеешь сделать это, никто и никогда не разобьет его тебе! Запомни это, сыне!

Наутро мать, правда, пыталась свести тот разговор к шутке, уверяя, что говорила несерьезно, что была слишком расстроена, но эта их полуночная беседа навсегда отпечаталась в голове Владислава. Может, потому он и не был женат в свои годы.

— Я тогда почувствовал обиду матери, как свою собственную, — продолжил Владислав свой рассказ. — Стал считать отца виноватым в том разладе меж ними, не желая признавать вины матери в нем. Начал грубить ему и его дамам, делал его шляхетским шлюхам разные каверзы, доводя их до слез, а в отце вызывая приступы ярости, стал жить во всем ему наперекор. Когда мне исполнилось пятнадцать, убежал из дома, чтобы поступить в королевское войско. Меня быстро отыскали и вернули домой. Отец тогда лично выпорол меня да так, что я ни сидеть, ни лежать долго не мог, приговаривая, что негоже шляхетскому сыну из обид про гонор свой забывать и низким чином в рать королевскую идти. Я еще несколько раз сбегал, но снова и снова был возвращен в Заславский замок. А через два года приняли унию {5}, и у отца появилась возможность влиять на меня, ведь мать, верная своей вере, помогала скрываться противникам церковного объединения, укрывала попов у себя в

вотчине, презирая законы королевские и церковные. Хотя ныне я не верю, что он выдал бы мать властям, тогда я принял все за чистую монету. Но я безмерно благодарен, что он тогда позволил мне вступить в королевское войско ротмистом {6}, помог снарядить свою родовую хоругвь, с которой я пошел на службу. Все они, — Владислав махнул рукой в сторону спящего лагеря за своей спиной. — Все прошли со мной долгие годы бок о бок и в мире, и в сечи, а некоторым я обязан душой {7}своей. Мы бились вместе за Покутье, были в битве под Буковой с паном Замойским {8}, на границе били турок. А потом пан Мнишек и пан Вишневецкий кликнули клич о походе на Московию. И я решил идти в их рати, сам не зная зачем. Будто что-то толкало прочь, что-то гнало в этот поход. А быть может, желал удалиться от бесконечных дразг в семье, что разгорелись с новой силой, едва Anne, сестре моей, сравнялось шестнадцать, и она ступила в самую пору. Отец настаивал, чтобы она переменила веру, ведь никто не посватался бы к ней, схизматичке, исповедующей веру вне закона в нашей стране. Мать же хотела ее просватать за одного из шляхтичей с приграничной земли, воспитанного в православии. Снова дразги и снова ссоры. Я бежал тогда от них, как от чумы, слабый в своем малодушии, а теперь корю себя за это!

Владислав вдруг слегка нажал на плечо Ксении, будто не в силах сдержать свою боль, а потом погладил его нежно пальцами, опасаясь, что невольно причинил ей боль. Ксения же вдруг отстранилась от него, заглянула в его лицо, желая видеть его в тот момент, когда она задаст свой вопрос, в то же время страхась его реакции и его ответа.

— Это была твоя мать? Та, вторая женщина, о которой говорил Ежи. За которую у тебя счет к Северскому, — Ксения заметила, как что-то мелькнуло в его глазах, но это произошло так мимолетно, что она не успела разглядеть, что именно. Но по тому, как напряглись его руки, как застыло вмиг лицо, будто на него морозом дохнуло, поняла, что не ошиблась. — Он убил ее, когда твою сестру в полон уводил? — спросила она, запинаясь на каждом слове, осознавая, как страшно это звучит.

— Нет, — отрезал Владислав, и она вдруг почувствовала, как легко стало в этот миг на душе. Ведь она так опасалась положительного ответа на этот вопрос! — Нет, он не убил ее, когда напал на Белоброды. Ее не было в то время на дворе, оставила Анусю со спокойной душой одну в доме. Ведь это не приграничье, далеко от Московии и от турок, чего опасаться? Кто же знал, что Северский будет настолько горячо желать вернуть себе земли, якобы принадлежащие его роду, что рискнет пройти вглубь страны, лишь бы пленника взять? — Владислав помолчал, вспоминая беспечность хлопов и войта {9}в Белобродах, так дорого обошедшуюся им и семье Заславских. А потом продолжил, заставляя сердце Ксении замереть от ужаса. — Но ты права — Ежи говорил о моей матери, когда поведал тебе о моем счете к Северскому.

— Но как? — ахнула потрясенно Ксения. — Ты же сказал, что он не убивал ее...!

— Своими руками нет, он делом своим ее убил, — коротко ответил Владислав, щуря глаза. — Не понимаешь, да? Вижу, что не понимаешь. Только трупы и вороны встретили мать, когда вернулась она в пустой дом. Она бросилась к отцу, впервые в жизни поехала в замок сама. Он долго искал любую зацепку, любую нить, что указала бы ему, куда и кто увез сестру, ведь ее тела так и не нашли. А потом пришла грамота {10}от Северского с требованием отдать ему земли, угрожая убить Анну, едва верный человек во владениях магната донесет, что Заславский идет к границе с войском. Мать умоляла отца подчиниться им, но тот не принял ее сторону, утверждая, что дочь русский не вернет, что он убьет ее, когда добьется желаемого, что надо идти на Московию и отбить Анну, пока не поздно. Он

знал, что говорит, ведь сам бы поступил так же. Пока они ссорились (мне поведали, что мать угрожала сброситься со стены, если отец выведет войско), пока отец сумел уговорить мать, прошло время — им принесли весть о гибели Ануси. Мать тогда будто с ума сошла, кричала, бесновалась, отец едва сумел ее привести в чувство, уговаривал, что она нужна и ему, и мне, их сыну, здоровая и невредимая. Что у них есть еще дитя, ради которого матери надо найти в себе силы жить дальше. Ведь им еще растить внуков, сказал отец тогда. И мать сумела с его помощью смириться с этой потерей. Смерть Ануси будто снова свела их вместе, показала им всю ничтожность их прежних разногласий. В Заславском замке снова была хозяйка и жена, заняв истинное свое место подле отца. Они вместе ждали моего возвращения из Московии, а дождались одного из моих пахоликов, что едва вырвался из рук толпы в день, когда убивали Димитрия в Москве, когда резали ляхов. Он и сообщил им, что я попал в руки Северского и погиб, ведь он ясно видел, как навалились тогда на меня его люди скопом, как тот ударил саблей меня по голове, а я упал наземь.

Ксения смотрела в его лицо на протяжении его рассказа, наблюдая, как постепенно темнеют его глаза, становясь совсем черными, как заостряются от гнева его черты.

— Я приехал спустя месяц после того, как мой товарищ рассказал о пленении. Я скакал, как бешеный, будто черти гнались за мной по пятам, ведь едва я переступил границы наших земель, мне поведали о горе, постигшем мою семью. Но главного я еще не знал — у меня отныне нет не только сестры, но и матери. Ведь, как судачили люди украдкой, она шагнула с замковой стены, едва принесли страшную весть о моей гибели.

Ксения ахнула, зажимая рукой рот. Грех-то какой! Господь не прощает подобного. Ныне гореть матери Владислава в аду за совершенное!

— Нет! — прорычал Владислав, больно сжимая пальцами ее плечи, легко читая по ее лицу мысли, мелькающие у нее в голове. — Нет за ней греха! Признали ее умершей своей смертью, и в церкви схоронили, с поминальной службой. И старик тот сказал, помнишь, — нет греха за ней! Я не верил ранее, даже отцу не поверил, думал, оправдать мать хочет перед всеми, а он ведь был там, когда все произошло. Сказал, долго мать искали по замку, а потом вспомнил — поднялся на стену, а там она стоит прямо под дождем, ветер так и развеивает *рантух {11}*, будто стяг.

Владислав вспомнил, как медленно и старательно выговаривая слова одним уголком рта, пытался убедить его отец в невинности матери перед Господом, что ее падение со стены было случайностью, не более. Рассказал, как замер на месте, движимый страхом, что она шагнет в эту пустоту, как тихо позвал ее по имени. «Элена, Элена, что ты делаешь?» А она только повернула к нему мокрое от слез или капель, падающих с неба, лицо и проговорила печально: «Для чего жить, Стефан? Детей нет боле». И тогда отец твердо сказал: «Для меня, Элена. Уйдешь ты — и жизни для меня не станет!». Они долго смотрели друг другу в глаза, а потом мать оторвала одну руку от каменной стены, протянула к отцу. Он шагнул к ней навстречу, чтобы удержать ее, подхватить и снять со стены. Но в этот момент на стену выбежала одна из служанок, сдавленно ахнула, увидев, что происходит перед ее глазами, отшатнулась назад, в темноту хода.

«Я отвлекся только на миг на эту дуру, что так внезапно появилась на стене», — шептал едва, шевеля губами, отец Владиславу. «Всего на один миг. А когда повернул голову к Элене, ее уже не было на стене. Не удержалась на мокрых камнях, соскользнула вниз с криком, который до сих пор звучит у меня в ушах. Будто сердце из груди вырвали наживую! Не передать словами, что тогда вспыхнуло внутри. Не горит ныне, а тихо тлеет, но и этой боли

достаточно, чтобы жить не хотелось боле. Я любил твою мать, Владислав. Быть может, не так, как она хотела, по-своему, но любил. Мы не смогли побороть собственную гордыню, потеряли свое чувство, разменяли его на обиды. Но я любил ее! И нет ее вины перед Господом. Не сама так решила, Господь забрал ее к себе, к Анусе нашей забрал».

— Я вернулся домой, но нашел только могилу матери да отца, еле живого от пережитого. У него случился удар — почти обездвижена левая сторона тела, плохо говорит, ведь губы едва подчиняются ему. Лев, некогда своим рыком заставлявший трепетать от ужаса, ныне даже шевелится с трудом, — произнес Владислав, глядя в глаза Ксении. — Я потерял почти всю семью, всех, кого любил. А теперь скажи мне, разве мал мой счет к Северскому? Ведь это он первопричина несчастий моей семьи.

Ксения отшатнулась от него в испуге, распознав в черноте глаз пожирающее его изнутри пламя слепой ненависти. Но он не дал ей отстраниться от него, положил ей ладонь на затылок, удержал на месте, заставляя по-прежнему смотреть в его глаза.

— Ты боишься меня, моя драга? — тихо спросил Владислав, и Ксения кивнула несмело. Он грустно улыбнулся и вдруг притянул ее к себе, коснулся губами сначала лба, прямо у линии повойника, а после губ — легким и мимолетным поцелуем. Потом уперся лбом в ее лоб так, что они стали так близко друг к другу, глаза в глаза смотрели, не отрываясь.

— Я не хочу, чтобы ты боялась меня, — прошептал он, ласково проводя ладонью по ее щеке. — Мне не по себе от того, что ты боишься меня. *Nemo amat, quos timet* {12}.

— Я не могу не бояться того человека, что носит в себе зерно мести. Человека, который может погубить меня неосторожным решением, одним неправильным действием, — произнесла Ксения, не понимая ни слова из последней фразы, отвечая на те, что были первыми, в надежде достучаться до него. Она чувствовала, как незримо что-то меняется меж ними, как постепенно открывается ей его душа, и спешила достучаться до его сердца, до его совести, пока не стало слишком поздно.

Владислав снова улыбнулся ей грустной улыбкой, при виде которой Ксении захотелось вдруг плакать, комок подступил к горлу, а потом шляхтич отпустил ее, не стал удерживать ее, поднимая руки вверх, словно сдаваясь на ее милость. Она тут же подскочила с места, не в силах более терпеть ту борьбу эмоций и чувств, что происходили ныне в ее душе. О Господи, сможет ли она возненавидеть его, когда он сотворит то, что задумал, ведь ныне она отчетливо понимала, сколько зла принес Северский в его семью? Она должна ненавидеть его, а она оправдывает его в глубине души, признавая его право на боль и отмщение за смерти родных. Разве не глупо?

Ксения резко развернулась, едва удержав летник на своих плечах, зашагала стремительно прочь большими шагами, борясь с неудержимым желанием остаться тут, подле него, укрыться от всего происходящего в его руках, забыться под его ласковыми губами. Бежать, бежать отсюда, быстро, приказала она себе, но тут же остановилась, едва он тихо позвал ее по имени, будто на невидимую стену натолкнулась, обернулась на него.

— Ксения, — повторил Владислав, не поворачивая к ней головы, по-прежнему глядя на солнце, медленно поднимающееся из-за края земли. — Что, если я последую твоему желанию?

— Какому? Отпустишь меня к отцу? — спросила Ксения, чувствуя, как в ней поднимается волна радости. И вместе с этим ее вдруг захлестнуло отчаяние: Владислав оставит ее, отправит к отцу, и она никогда более не увидит его, не коснется его. Стало так горько, что она едва удержалась, чтобы застонать в голос, вздохнула глубоко, сдерживая себя

и этот стон, больно рвущий ее грудь. Что с ней? Почему так больно? Так не должно быть!

— Нет, моя драга, боюсь, этого желания я выполнить не в силах, — покачал головой Владислав. — Я не смогу отпустить тебя. Не жди от меня этого.

— Тогда что? — ничем не прикрытое разочарование засквозило в ее голосе. — Откажешься от своей мести Северскому? Неужто пойдешь на это по моему желанию?

— Нет, и это я тоже не в силах сделать, — честно ответил Владислав. — Я непременно убью Северского, и умрет он медленной и мучительной смертью, клянусь тебе в том. Нам обоим нет места на этой земле — либо он, либо я. Кто-то должен уйти *ad patres* {13}. Или он, или я.

— Тогда почему ты ранее не шел на его вотчину? — спросила Ксения, едва сдерживая раздражение от его упрямства, по-прежнему толкавшего его на отместку. — Собрал бы свою хоругвь да сравнял бы с землей его усадьбу. Отчего не так?

— Оттого, что я не знал, где она, вотчина его, сначала. В Москве его искал, рассылая своих людей по всему городу, чтобы они хоть что-то о нем узнали. Его родовая вотчина ведь сгорела несколько лет назад, и он в другую перебрался, где и живет ныне, — Ксения кивнула, забыв, что Владислав сидит спиной к ней и не может видеть ее движения. Она слышала по обрывкам холопских разговоров о том, что Матвей Северский только недавно перебрался в усадьбу, куда привел ее после замужества. Темные слухи ходили о сгоревшей вотчине его, темные и страшные разговоры.

— А потом, когда я проведал, где его усадьба, прошел слух, что он уехал в неизвестном направлении, взяв с собой небольшой почет. Я думал, его перехвачу, когда он обратный путь держать будет, а он хитер оказался, проскользнул через мою засаду, укрылся за стенами вотчины, где не взять мне было его таким малым числом людей, да и не обложить осадой, пока остальная моя хоругвь из Тушина подойдет. А тут слух прошел, что жена его отъезжала и ныне в вотчину возвращается. Потому и взял я тебя в полон. Еще сам не зная, кого именно поймал в свои руки. Ты просишь меня отпустить тебя, а это никак невозможно для меня! Не смогу я, Ксения, выпустить тебя из рук своих, пока...

Его голос вдруг пресекся, будто он смолк под наплывом эмоций, что захлестнули душу, но Ксении не требовалось продолжение. Она могла легко договорить его. «...пока не свершу то, что душа требует!»

Мсть, только мсть туманила его разум, влекла за собой, двигала им. А она-то думала, что сможет переменить его намерения, взывала к его сердцу! Ксения сглотнула горечь, которой неожиданно наполнился рот, повернулась и зашагала в лагерь, приказывая себе не оборачиваться на его призывы. Слава Богу, он не стал ее догонять, подумала она, подходя к возку, промокая кончиком рукава рубахи мокрые от слез глаза. Она бы не выдержала этого разговора, расплакалась бы при нем, показывая свою слабость. А делать этого Ксения очень не хотела.

У колес возка сидел Ежи, попыхивая чубуком, выпуская в воздух небольшие кольца табачного дыма. Он повернулся к Ксении, но не посторонился, не освободил ей путь к дверце, которую немного загораживал своей спиной. Ксения, конечно, могла бы отворить дверцу, не прося его подвинуться, но при этом ей пришлось бы стукнуть его этой самой дверцей по коротко стриженной, почти обритой седой голове, а она не была уверена, что это ему понравится. Эта мысль вдруг вызвала улыбку, а после вырвался нервный смешок из-за плотно сомкнутых губ, и Ежи внимательно взгляделся в ее лицо, услышав этот звук, что так резанул его слух.

— Поговорили, вижу, — кивнул он Ксении, стоявшей перед ним.

— Поговорили, — подтвердила она, скрещивая на груди руки. Ежи затянулся глубоко, а потом с наслаждением, размеренно выпустил очередную партию табачных колец.

— Смотрю на него и убеждаюсь снова и снова, верна поговорка о яблоне и плодах ее. Так и Владислав — истинный сын своих родителей, что пана Стефана, что пани. Так же, как и они, будет ломиться в дверь, не видя ручки, пока лоб в кровь не расшибет.

Ксения прислонилась спиной к возку, запахнув плотнее летник на груди. Уже просыпались ляхи в лагере, кивали ей или кланялись, проходя мимо, отводя глаза от ее фигуры, надежно прикрытой плотной тканью.

— Пан поведал мне о том, что случилось в его семье, — тихо сказала она, вспоминая рассказ Владислава о своей утрате. — Это так... горестно.

Ежи взглянул на нее снизу вверх, щуря один глаз, отчего Ксении показалось, что тот хитрит с ней, ведя откровенные разговоры, какую-то свою цель преследует при том.

— Потерять мать — всегда большое горе, — проговорил он. — Сама, верно, ведаешь.

— Откуда...? — начала Ксения, а потом вспомнила, что Ежи всегда подле Марфуты, когда та кашеварит у костра, а ее служанка та еще болтушка. Да к тому же по-прежнему та была уверена, что поведай она о горькой жизни своей боярыни в вотчине супруга, как ляшский пан восплает жалостью к ее участи и отпустит ее на волю вольную да еще сам к Калитину отправит. Только Ксения знала, что это не принесет того результата, какого чаяла Марфа. А еще ей было стыдно признаваться кому-либо не из родичей своих в том, что ей пришлось перетерпеть, будучи полностью во власти Северского.

Вот я всыплю ей, подумала Ксения, будет знать, как языком трепать. А потом вспомнила, что не может осуществить свою угрозу, ведь она сама находится в чужой воле. Оттого просто поджала губы, скрывая свое недовольство, поспешила отвлечь Ежи, пока он не начал спрашивать что-либо из того, что так тяготило ее, то, что она хотела скрыть от всех.

— Ты хорошо знал родителей пана, Ежи?

Будто в цель попала — Ежи тут же отвернулся от нее, уставился на чубук с таким видом, будто он не знал, что это и как попало ему в руки. А после проговорил:

— Нынче ночь откровений? Ну, коли так..., - он втянул в себя табачный дым, а после проговорил. — Да, я их обоих хорошо знал. У пана Стефана я в почете ходил немало лет, а пани Элену... Когда мне минуло двадцать девять лет, я, памятуя известную в народе поговорку {14} решил жениться сам, пока не взялись за это дело другие. На одной из ярмарок городских я девку заприметил справную. Несколько тыдзений расспрашивал о ней у местного корчмаря, жиды, знаешь ли, все знают про всех. А потом решил сватов заслать на ее двор. Пан Стефан, узнав об том, пожелал лично сыграть роль в моем сватовстве. И отменно, скажу тебе, это удалось. Сам на ней же и женился.

— Значит, мать Владислава... — ахнула Ксения, поражаясь тому, что услышала. — И ты остался после того подле его отца? Служить ему, когда... когда...

— Дивишься? Дивись, панна. Не ведают москвитяне истинной преданности. Коли шляхтич клялся в верности, то верен будет до самого конца. А коли шляхтич полюбил, панна, то на всю жизнь, до гробовой доски. Запомни это, панна, запомни! — Ежи плюнул в чубук, гася огонек, а после принялся с силой стучать им о землю, выбивая выкуренный табак. — И я очень надеюсь, что ошибаюсь ныне, ибо то, что вижу, мне весьма не по нраву, панна, весьма. *Bis ad eundem lapidem offendere* {15}...

— Что? — переспросила Ксения, насторожившись при незнакомом ей наречии.

— Ничего, — буркнул недовольно Ежи, поднимаясь на ноги. — Сгинет он из-за тебя, вот что! Как тогда едва не сгинул, — и, видя, что Ксения смотрит на него, то ли не понимая, о чем он речь ведет, то ли не смея поверить в услышанное, вдруг резко приказал, отступая в сторону от дверцы, что загораживал. — Иди в возок, панна, да отъезду готовься, солнце уж встало, а мы с тобой тут языками треплем. А ну геть!

И Ксения поспешила скрыться от него в темноте возка, едва не сбив при этом Марфу, что хотела выглянуть да поискать взглядом боярыню свою. И только потом, когда возок, скрипя колесами, двинулся в путь в сопровождении польских ратников, Ксения, взглянув на промчавшегося рысью рядом с возком Владислава, вдруг вспомнила его слова, сказанные ныне утром, что всколыхнули в ее душе бурю эмоций, так смутившую и перепугавшую ее саму.

«Что, если я последую твоему желанию?» — спросил он тогда, а она так и не выведала, что он имел в виду под этой короткой фразой. Так что же за ее желание был готов исполнить Владислав? На этот вопрос ответ, судя по всему, ей никогда не разгадать самой.

1. Свидетель (польск.)

2. Недель (польск.)

3. Слабак (польск.)

4. В Речи Посполитой православной веры держались в основном крестьяне, оттого и пошло такое название

5. Имеется в виду Брестская уния (1596 г.), когда были объединены под папским началом и католическая, и православная церковь Речи Посполитой. Многие православные не приняли этого объединения, изменений, что повлекла за собой уния, были объявлены от того вне закона.

6. командир пешей либо конной роты в войсках РП

7. Тут: жизнью

8. Области в Молдавии. Имеется в виду битвы во время войны с Молдавией (конец XV — начало XVII вв.), которую Польша считала подвластной территорией

9. человек, который назначается для надзора над крепостными крестьянами и выполнением ими повинностей

10. Тут: письмо

11. В РП — большое белое покрывало, надеваемое на голову и драпирующееся вокруг лица, шеи, плеч, а иногда и стана женщины

12. Никто не любит тех, кого боится (лат.)

13. К праотцам (лат.) На тот свет

14. До тридцати лет мужчина женится сам, после тридцати люди его женят, а после сорока женит бес

15. Дважды споткнуться о тот же камень (лат.)

Ксения сквозь сон почувствовала на щеке какое-то шевеление, смахнула рукой приставучую мошку, но сладкая дрема уже выпустила ее из своих объятий. Она попробовала снова закрыть глаза и поймать остатки сна, ускользающие от нее, но не сумела: ухо уже различало тихий говор ляхов, доносящийся со стоянки, звонкую птичью трель в вышине лесных деревьев, стук дятла. Потом раздались громкие возражения одного из поляков, что ныне сидел у возка и пытался заменить сломанную в дороге ось. Ему начал противостоять другой голос, и Ксения оставила попытки снова заснуть, села на еловых лапах. И с удивлением вдруг обнаружила, что не одна спит на этом импровизированном ложе.

Как она умудрилась заснуть прямо среди белого дня, когда так ярко светит солнце, разливая свои лучи по этой небольшой лесной полянке, куда после поломки сумели ляхи оттащить на руках возок? И как она не распознала, не проснулась, когда рядом лег Владислав? Когда он успел вернуться к ней, ведь уходил проверять, как чинят возок, нарубив ей еловых лап, чтобы мягче было сидеть на этой твердой как камень земле? Сказался, видать, ее недосып за последние дни, ведь почти каждую ночь она проводила вне возка, рядом с ляшским паном.

Нет, не с ляшским паном. С Владиславом. С Владеком...

Ксения сорвала травинку и, поддаваясь шалости, что неожиданно пришла на ум, коснулась ею щеки Владислава. Сначала совсем легко, едва касаясь кожи его щеки, а после — уже смелее провела, вдоль линии скулы. Он отмахнулся от травинки, как она недавно отгоняла назойливую мошку, и Ксения прикусила губу, чтобы не рассмеяться. А потом убрала травинку в сторонку. Владеку нужно было отдохнуть, ведь это она может поспать днем в возке, пока тот трясется по дорожным колдобинам. Он же вынужден провести весь день в седле, до самого ночлега не урвав даже немного времени на сон. Не удавалось ему поспать и во время дневной стоянки, ведь она была столь коротка. Их переходы дневные так удлиннились, будто ляхи стремились быстрее прийти куда-то.

Или убежать от кого-то, подумала Ксения. Она давно заметила, как долог их путь, будто они вокруг стольного града идут уже несколько кругов. Какими окольными дорогами везет ее Владислав, а главное, куда держит путь их небольшой отряд?

Она взглянула на Владислава, который в этот момент вдруг зашевелился обеспокоенно, и потеряла ход своих мыслей. Как впрочем, и всегда, когда смотрела на него, когда была к нему так близко. За прошедшие седмицы не было ночи, которую они провели бы раздельно друг от друга. Столько было оговорено за эти короткие летние ночи! Ксения сама удивлялась, насколько сумела открыться этому человеку, рассказала ему многое, что знала только она сама и ее верная Марфута. Но только одного она так и не поведала Владиславу — о тех годах, что она провела в вотчине Северского. Она не хотела рассказывать ему о них, не желала видеть в его глазах жалость к себе. Да еще не хотела видеть ту ненависть, что всякий раз вспыхивала в них при упоминании имени ее мужа.

Да и сам Владислав предпочитал не говорить о нем. Он рассказал ей многое из своего детства и юности: о том, как обучался в монастырской школе и о нравах, царивших там, как часто бывал порот за свои проказы монахами или читал молитвы, стоя голыми коленями на бобах.

— Меня именно школа приучила к выносливости, не иначе, — поведал ей

Владислав. — А еще к аскетичности, ведь с тех пор я так неприхотлив к удобствам и пышности. Но все же добже, что меня забрал отец из школы. Не думаю, что из меня вышел бы отменный бискуп {1}. Вот мой дядя — тот истинный бискуп, настоящий слуга Церкви, а у меня чересчур шальная голова для того.

Ксения узнала, что у Владислава есть еще средний брат Юзеф, от первого брака отца, что проживает в данный момент в Заславском замке вместе со своей женой Патрисией (Патрысей, как называл ее Владислав), а старший брат Станислав погиб почти два десятка лет назад при первом походе пана Замойского в Молдавию. Он тогда-то и рассказал ей о дяде по отцовской линии — епископе католической церкви, обладающем большой властью, будто магнатской.

— Иногда мне кажется, что дядя Сикстус так высоко поднялся, чтобы доказать своей родне, что он далеко не шестой в нашем роде {2}. Это из латинского языка имя, — пояснил Владислав, видя, что Ксения не понимает его. — Язык, на котором мы пишем документы и книги, язык нашей Библии.

— А разве не проще написать грамоты на том наречии, на котором речь ведешь? — удивилась Ксения. — Тогда и другого учить не надо.

Владислав тогда рассмеялся в ответ, прижимая ее еще крепче к себе, чувствуя в душе какую-то странную легкость от ее наивности.

Ксения обернулась, вздрогнув, на дружный вскрик ляхов позади нее, когда они, раскачав возок, перевернули его и положили на бок для починки, а потом быстро вернулась глазами к лицу Владислава, опасаясь, что ратники прервали его сон произведенным шумом. Но нет — шляхтич по-прежнему крепко спал, только повернулся немного на еловых лапах. При этом жупан Владислава и рубаха под ним слегка распахнулись, обнажая крепкую шею и верхнюю часть его груди, и Ксения едва обузда свой невольный порыв протянуть пальцы и коснуться загорелой кожи в вырезе. Она уже знала каждую впадину, каждый бугор его мышц на плечах и груди, знала запах его кожи. Ведь они не только разговаривали ночами.

Сначала Владислав неожиданно начинал целовать ее, прервав их беседу на полуслове. Нежно и легко касаясь губами ее рта, тут же открывавшегося под ними, словно в приглашении. А потом в ход шли его руки, обнимая ее, крепко прижимая к себе, вдавливая ее в свое тело. И она сама спустя миг обхватывала его руками, отвечала на его поцелуи.

Иногда на этом все и заканчивалось — поцелуи становились все короче, все легче, и они затихали, останавливались, слишком уставшие за день для продолжения. Просто лежали, сплетясь в тесном объятии, под звездным небом и наблюдали, как они подмигивают им с вышины. Молча, ведь слова стали им и не так уж нужны вскоре. Просто лежать рядом, замирая сердце, затаив дыхание от его близкого присутствия, и смотреть в небо...

А иногда страсть охватывала их с головой, заставляла терять голову, уноситься прочь от этого места, растворяясь в пространстве и времени. Ксении казалось тогда, что она тает, как снег по весне, под руками и губами Владислава, становясь такой податливой в его объятиях, уступая его власти, его напору.

Она оттринула за эти дни от себя все мысли о том, что ждет ее, когда их путь подойдет к концу, ей просто не хотелось думать об этом. Она искренне наслаждалась моментами, что наполняли каждую ночь, наслаждалась тем, как сладко замирает сердце внутри, едва его темные глаза так пристально и долго смотрят в ее очи. Оттого-то ей и хотелось думать, что их столь длинный путь вызван только тем, что Владислав так же не хочет расставаться с ней, как и она сама того не желает.

Ксения поднялась на ноги, ощущая легкое покалывание в затекших при неудобной позе ногах. Она знала, что надо немного походить, чтобы это неприятное чувство ушло, с сожалением направилась прочь от их импровизированного ложа с Владиславом, боясь разбудить его, если будет прогуливаться подле. Сначала она дошла до возка, у которого уже убрали сломанную ось, обстругивали подходящий по размеру длинный сук, что принесли из леса.

— Скоро готово будет, панна, — улыбнулся ей молодой лях, едва ли старше ее на несколько лет. — Побежит еще лучше прежнего!

Ксения улыбнулась ему в ответ, немало не смущаясь тем, что он обратился к ней. За последние седмицы она успела узнать не только Владислава и его дядьку, но многих из почета шляхтича. Как-то незаметно ушла настороженность и страх перед этими ратниками, не стало натянутости меж ними, уступая место внимательности и почету с их стороны.

Ксения не знала, было ли это связано с тем, что сам Владислав не относился к ней более, как пленнице, а как госте, невольной спутнице в пути, или это шло от чистого сердца от пахоликов. Не будут ли они ненавидеть ее, коли прикажет их пан? И поднимут ли руку на нее, коли он прикажет? Ксения не хотела думать о том. Пока же ляхи были предупредительны по отношению к ней, выказывая ей должное уважение ее положению знатной женщины, даже иногда чересчур демонстрируя свою ненавязчивую услужливость, что неизменно вызывало недовольство со стороны Владислава. Ксения видела, как тот хмурит лоб всякий раз при этом, но ничего не говорит пахоликам, ведь условленных границ почтения те никогда не пересекали.

— Где Марфута? — Ксения оглянулась по сторонам, но своей служанки не заметила. Как и Ежи, что обычно был неизменно поблизости от боярыни, наблюдая за ней из-под своих седых бровей.

— Видать, в лес ушла, кто знает? — пожал плечами один из ляхов, с ярко-рыжей шевелюрой, прямо под стать волосам Марфы. Его имя Ксения запомнила одним из первых. Эгусь или Эгонек, как звали его чаще. Так схоже с русским «Огоньком», грех не запомнить!

— Панна, — позвал ее Эгусь, едва она повернулась прочь от них прогуляться. — Ты бы в ту сторону лучше пошла. Там полна поляна ягод. Успеешь до того, как мы тут управимся!

Ксения пошла в указанном направлении, и едва скрылась за небольшим ельником, как наткнулась на черничные заросли, густо усыпанные темными ягодами. Она тут же опустилась на корточки, принялась собирать чернику в горсть через одну, отправляя остальные в рот, наслаждаясь их вкусом. Она так увлеклась ягодами, что забылась на время, и едва не вскрикнула от неожиданности, когда за спиной вдруг треснула громко ветка, заставляя птиц, что сидели поблизости на ветвях вмиг умолкнуть и взлететь с мест, хлопая маленькими крыльями.

Ксения резко выпрямилась и оглянулась на этот звук, готовая кричать в голос ляхам о помощи, но ни звука не сорвалось с ее губ. Ведь за ее спиной стоял Владислав. Слегка помятый жупан, нахмуренный лоб, прищуренные недовольно, еще заспанные глаза и маленькие полоски на правой щеке от веток ели, на которых он спал.

Владислав резко шагнул к ней, и она невольно распахнула губы, распознав знакомый блеск глаз, разгадав сердцем его желание. Он вмиг обхватил ее руками, вжимая ее тело в широкий ствол сосны за ее спиной, впиваясь в ее губы таким долгим и глубоким поцелуем, что у нее закружилась голова, и стали ватными ноги. Она разжала ладонь, роняя в траву темно-фиолетовые ягоды из своей руки, рассыпавшиеся у их ног, и обняла его за шею,

запуская пальцы в волосы.

Ксения только на миг напряглась слегка, когда Владислав положил руку на обнаженную кожу ягодиц, приподнимая ее вверх, еще сильнее вдавливая ее спиной в сосну. Но вскоре снова забылась под его настойчивыми поцелуями, испытывая горячее желание слиться с ним в одно, почувствовать те эмоции, что вспыхивали в ней с каждым его прикосновением, с каждым поцелуем и то острое наслаждение после...

Потом Владислав замер, тяжело дыша ей в шею, по-прежнему вжимая ее в широкий ствол дерева.

— Моя кохана, — прошептал он едва слышно, касаясь при каждом слоге ее кожи губами, отчего по ее телу пошла легкая дрожь. Заметив это, Владислав опустил ее на ноги, одернув подол сарафана, но не отпуская ее стана, будто опасаясь, что она сейчас сорвется с места и убежит прочь. Он поднял голову, и она не смогла сдержать смеха, видя перепачканной соком черники рот Владислава и кожу вокруг него.

— Что? — нахмурился Владислав, а когда она, через смешки все же сумела рассказать ему о причине своего веселья, буркнул под нос. — Видела бы себя панна, потом бы уже смеялась, — и ласково тронул большим пальцем ее темные от сока ягод губы. — Куда ты ушла? Я проснулся, тебя нет подле.

— Ты думал, я убежала от тебя? — не удержалась, чтобы не поддразнить его Ксения, улыбаясь задорно, но он только качнул головой отрицательно, загоняя вглубь души, в самый дальний ее уголок воспоминание о том сне, что пришел к нему во время этого дневного покоя. Темная вода... распущенные светлые волосы, развевающиеся при каждом колыхании легких волн... широко распахнутые голубые глаза, уставившиеся в пустоту... бледное лицо утопленницы. Лицо Ксении...

Владислав вздрогнул при этом воспоминании и обхватил ладонями ее лицо, приближая к себе, а потом вдруг нахлынуло волной страшное осознание, и он отшатнулся от нее, убирая свои руки, отходя от нее, поворачиваясь спиной.

— Ты совсем замутила мой разум! Даже во сне нет покоя! Будто кишками к тебе прирос! Я снова как чумной хожу, — простонал он, закрывая лицо руками, и сердце Ксении вдруг подпрыгнуло в груди от услышанного. Она медленно шагнула к нему, но не коснулась его, не обняла. Просто прижалась лбом к его широкой спине, чувствуя, как что-то нарастает внутри. Огромная волна необъятного счастья...

— Как тогда, в Москве. Раз увидел твои глаза и пропал напрочь! Забылся, совсем забыл, кто я и где, наплевал на все предосторожности. В ту ночь мы все знали, что московиты худое задумали, мало кто решился на улицы выйти. А я пошел, я ограду твоего дома обходил, чтобы прийти через нее к тебе на двор следующей ночью, искал лаз или слабое место. Вот и словили меня на обратном пути, повязали, как кутенка какого! Хорошо хоть Ежи подле был, немало мы московитов уложили, пока Северский не подошел. Видишь, как задурманила ты меня тогда! И сейчас дурманишь. Довольна, Ксения? Я же чую, что ты улыбаешься, — Ксения тут же поспешила убрать с лица ту улыбку, что расплылась на губах, едва она услышала первые слова из уст Владислава. Но ей это не удалось — та никак не хотела уходить, прятать то счастье, что вспыхнуло в ней. — Я сразу узнал тебя тогда, в возке. Будто огнем опалило! Надо было голову свою слушать, что твердила оставить тебя прямо там, на дороге. Но я не смог этого сделать... не смог... Я ведь думал о тебе, моя драга. Потом, после того дня. Сначала часто, потом забылось, только изредка приходили думы... Не веришь? — спросил Владислав, ощущая спиной, как она качнула отрицательно головой при его признании. Он

резко вдруг повернулся к ней, так резко, что она отшатнулась от него, испуганная тем незнакомым ей огнем, что горели ныне его глаза.

— Пан Владислав! — донеслось до них из-за ельника. Это был голос Ежи, кричавший им о том, что ось заменена, и можно трогаться. Ксения посмотрела в сторону лагеря, потом перевела глаза на Владислава, что снова стал прежним за это короткое время, что она не глядела на него. Исчезла прежняя горячность, тот блеск глаз, так настороживший Ксению. Снова перед ней был хладнокровный надменный шляхтич.

— Значит, не ныне, — проговорил он тихо, а после протянул ей руку. — Пойдем. Пора ехать.

Ксения еще долго прокручивала в голове разговор в лесу, наслаждаясь каждым словом из речей Владислава. Она знала это сама, она чувствовала, как переменялся он к ней в последнее время. Она ведь так хотела этого.

— Я хочу, чтобы меня любили, — вдруг сорвалось с ее губ, и она замерла, услышав эти слова в тишине возка, испуганно покосилась на Марфу, сидевшую напротив.

— Не время для того, боярыня, — тихо ответила та, глядя куда-то за плечо Ксении. — Совсем не время.

Марфута сидела, напряженно распрямив спину, бледная лицом, как полотно поневы. Привычный Ксении задорный блеск ее глаз погас, сменившись отчаяньем, которым так и кричал весь ее облик. Она крутила в руках маленькую деревянную игрушку, как разглядела Ксения. Видать, один из ратников польских, Остаф, что вечно вырезал своим острым ножом с коротким лезвием из сучьев всякие поделки, сделал Марфе небольшой подарок, так сильно напоминавший ныне той о сыне.

Сыне, которого она так давно не видела. Ксении стало неловко за то ощущение счастья, что прямо раширало ее сейчас, блеск которого слегка померк перед мыслью о том, что ждет их обеих впереди. Она нынче же выведает у Владислава, что тот решил на их счет, что за доля ожидает его пленниц, уже совсем позабывших о своем полоне.

Как решила, так и сделала. Подошла, как встали на ночлег, к Владиславу, спросила о том, чтобы наедине переговорить. Тот вдруг улыбнулся, кивнул, но только указал в сторону небольшой речушки, что была в десятках двух саженой от места их стоянки, мол, туда иди и жди меня там, в надежном укрьтии кустов, что росли на берегу. Значит, будет плавать ныне вечером, подумала Ксения, подчиняясь и направляясь к речушке, как делал это всякий раз, когда они останавливались недалеко от воды. Она же будет сидеть на берегу и смотреть, как он ныряет вглубь темной воды, подавляя в себе страх, что его голова может как-нибудь не появиться на поверхности.

Ксения присела на берегу, тронула рукой воду, наслаждаясь ее прохладой сразу охватившей пальцы. Вдруг вспомнила, как Владислав принес ей с другого края пруда, у которого они останавливались несколько дней назад, желтые маленькие цветы, уронил ей на подол, что тут же намок от капель, стекающих с длинных стеблей, падающих с плеч и волос Владислава, что навалился на Ксению, целуя ее в губы. А потом он потянулся к завязкам ее повойника, желая стянуть его с головы, выпустить на волю косы Ксении, что так не давали ему покоя. Ксения тогда едва успела перехватить его руки, качая головой, и он уступил ей.

— Какая дикость! — прошептал, улыбаясь, он тогда прямо ей в губы.

Ксения взглянула на свое отражение в мутной воде речушки. Марфута всегда приговаривала, заплетая ее косы, что волосы — самое богатство Ксении, самая ее краса. А потом вспомнилось острое разочарование в глазах Владислава, когда она запретила ему

снимать повойник с ее головы. Для нее это было последним символом ее принадлежности Северскому, ведь только муж может видеть волосы... только муж...

Ксения вдруг потянулась к кике и легко скинула ее наземь, вслед полетела кисея, а после развязались повязки повойника. Две длинные толстые косы упали с головы, ударяя ее по спине и плечам, и она тут же принялась за них, стала расплетать, распускать волосы. Вскоре дело было сделано — светлое золото волнами рассыпалось по ее плечам, укрывая ее будто покрывалом. Она склонилась снова над водой, вглядываясь в свое отражение и замирая от собственной смелости и дерзости. Ее последняя стена между ней и Владиславом пала ныне, и сердце так тревожно вдруг заняло в груди, ощущая только теперь конец ее прежней жизни.

А я недурна собой, — вдруг подумалось Ксении, глядя на собственное отражение. Да, ее нос не был длинным и тонким, а скулы более выразительными, чем она того желала бы. Но зато ее лицо было не так кругло, как у Марфуты, а глаза были гораздо больше, губы пухлее. И волосы... Она редко видела себя с распущенными волосами и ныне была поражена своим отражением.

Где-то справа хрустнула ветка в зарослях кустарника, и Ксения вздрогнула, отстраняясь от воды. Она хотела окликнуть Владислава, который, как она думала, зашел с другой стороны, немного правее от нее, но не стала этого делать, движимая осторожностью, и правильно сделала, ведь спустя миг до нее донесся голос одного из пахоликов. Она замерла, боясь обнаружить свое присутствие здесь да еще с непокрытой головой, и стала слушать их разговор, с трудом, но понимая ляшскую речь, к которой уже привыкла за эти дни.

— Надоела Московия до нутра самого, до печенок! — проговорил один голос, в котором Ксения распознала Винека, ляха, что всегда был самым мрачным из всех пахоликов, даже когда те собирались у костра, где пили брагу да чубуки смолили. — Домой хочу! Хорошей еды хочу, чистой постели да горячей воды, чтобы смыть с себя всю пыль эту москвитскую!

— Я думаю, ты боле желаешь, чтобы Ева твоя тебе при этом спинку потеряла, — раздался голос Эгуся и его задорный смех. — А еще паче — чтоб потеряла кое-что другое, да, Винек?

Ляхи засмеялись, зажурчала вода, черпаемая ладонями из речушки и плескаемая на лицо и тело. А после кто-то добавил:

— Подожди, Винек, уже совсем скоро. Такой скоростью мы до границы за тыдзень дойдем, а еще через пару — обнимешь свою Еву. Вот только пан Владислав...

Со стороны лагеря донесся громкий окрик Владислава, видимо, направляющегося к реке и заметившего своих пахоликов, и ляхи поспешили вернуться на стоянку, громко продираясь сквозь кусты. Помертвевшая сперва от услышанного, Ксения опомнилась, стала собирать волосы, заплетать их в косы, но осознав, что не успеет сделать это до прихода Владислава, просто собрала их и запустила за ворот рубахи, укрывая их под тканью. А после накинула кисею да кикку натянула на голову, поднялась на ноги, зажимая уже ненужный повойник в ладони.

Значит, она ошиблась. Не кругами около Москвы Владислав ходит, а к границе идет, в Польшу свою. А по пути, видать, у вотчины ее оставит, не зря же признался ей ныне, что должен был сделать это с самого начала.

Она подняла глаза и увидела Владислава, что приблизился к ней, отводя от лица ветви кустарника. Он улыбнулся ей, так широко и счастливо, что у нее дух захватило при мысли о том, как можно вот так улыбаться и при этом так жестоко обманывать. От злости,

захватившей ее при этом — на него за обман, на себя — за легковерие, у Ксении даже руки затряслись мелкой дрожью, и ей пришлось сжать их в кулаки, чтобы не выдать своего волнения.

Владислав же заметил светлые пряди волос, что Ксения так и не сумела укрыть под полупрозрачной кисеей, и протянул руку, чтобы коснуться их.

— Я так и знал, что они такие, я помнил, — прошептал он, и Ксения едва не закричала: «Прекрати! Прекрати лгать мне!». Она отшатнулась от него, отступила в сторону, при этом они несколько переместились по берегу: теперь не она, а Владислав стоял спиной к воде. Он снова протянул руку к ней, недоуменно прошептав: «Моя кохана?», и Ксения вдруг, буквально озверевшая от ярости при этом нежном обращении, подняла руки и ударила его в грудь своими маленькими кулачками. Владислав не сумел удержать равновесия, его сапоги скользнули по глинистому берегу речушки, и он рухнул назад, взмахнув руками нелепо, прямо в воду. Ксения же резко развернулась и побежала к стоянке, придерживая одной рукой кик, чтобы та не слетела с головы, другой — длинный подол сарафана, быстро укрывшись в темноте возка.

И только тут в стенах, к которым она так привыкла за время своего путешествия, пришли слезы, навалилась острая боль, захлестнувшая сердце волной, и Ксения повалилась на сидение, прижимая ко рту летник, что там лежал, чтобы ляхи, суесящиеся в лагере, не слышали ее рыданий. Кика при этом упала с ее головы, волосы рассыпались по плечам, и она вдруг осознала, что едва не открылась ляху полностью, целиком отдавая себя в его руки, забывая о своей чести, о впитанных с детства истинах. Как же она могла? Как могла? А ранее...? Стыд-то какой! Как она могла?!

Вскоре слезы иссякли, и Ксения затихла, смогла обуздать горе, так и рвущееся наружу. А потом вдруг пришло раздражение — где ходит ее служанка? Где ту носит, надо же прибрать волосы, пока лях не вернулся в лагерь и не потребовал ее на расправу. А в том, что так и будет, Ксения не сомневалась — никакой мужчина не стерпит подобного от женщины.

Она слегка отодвинула занавесь в сторону и оглядела стоянку. Только ляхи. Даже у котла, висевшего над огнем, не было Марфы, хотя именно там ей и надобно было находиться ныне. Ксения попыталась сама привести волосы в порядок, но они путались, оплетали пальцы, и вскоре она бросила это занятие, кляня весь белый свет в своей доле, особенно Марфу и этого лживого ляха.

Спустя время отворилась дверца, и в возок залезла Марфута, едва не вскрикнув, обнаруживая в темноте Ксению. Ксения тут же затащила ее внутрь, повернулась к ней спиной.

— Прибери меня! Да споро! — и Марфута принялась заплетать волосы Ксении в две косы, чтобы уложить их после вокруг головы, спрятать надежно под повойником.

— Что с тобой? — спросила Ксения, ощущая, как трясутся пальцы Марфуты. — Не бойся, не на тебя я так зла ныне. На него! На пана ляхского! Ведаешь, где едем? К границе идем! А по пути нас с тобой в вотчину к Северскому, видать, подкинут, как дар от пана Заславского!

Пальцы Марфуты, облачающие голову Ксении в кик, замерли на миг.

— Он сам так сказал тебе? — прошептала она почти в самое ухо боярыни.

— Скажет он мне! — зло фыркнула Ксения, сжимая пальцы в кулак да так сильно, что кольца впились в кожу. — Я ляхский разговор подслушала. К границе идем ныне. Седмица осталась или около того до нее. Знать, и вотчина мужа моего недалече...

Вдруг в стенку возка снаружи ударил с силой кулак, слегка пошатнув его при этом. Женщины замерли в испуге, выжидая, что за этим последует. Ксения уже приготовилась мысленно к карам, что ждут ее, ведь сейчас распахнется дверца, и ее волоком вытащат из возка. Но нет — никто не распахнул дверь, не схватил Ксению. Только пророкотал из-за стенки грозный голос: «Позже, панна! Позже потолкуем!»

— Что у вас, Ксения? — испуганно спросила Марфа, а после вдруг заревела тихонько, прижала ее руки к своим губам. — Богом тебя заклинаю, Ксения, держись ты от ляха подалее отныне. Сгубит тебя, лях этот, сгубит! Не ходи с ним на стоянках, не оставайся одна с глазу на глаз с ним, умоляю.

Перепуганная ее слезами, да тем рыком, что услышала она из-за стенок возка, Ксения согласилась со своей служанкой. Не будет она отныне оставаться наедине с Владиславом, ведь слаба ее душа перед его глазами, его ласками да словами. Да еще кто знает, что ждет ее за его позор нынешний?

— Отныне с тобой неразлучны станем, Марфута, — прошептала Ксения. — Куда я пойду, туда и ты ступай. Не позволяй мне... слаба я, понимаешь?

Марфута только кивнула в ответ, заливаясь слезами, прижимаясь губами к рукам своей боярыни. Она еще долго плакала этой ночью, Ксения слышала ее тихий скулящий плач, и это бредило ей душу, заставляя саму тихо ронять слезы в ночной тиши. Она оплакивала недолю Марфы, разлученной с сыном, оплакивала свою недолю и свое, так и не свершившееся, счастье. И зачем она снова доверилась ляху? Поверила в его лживые слова, в его глаза колдовские, отдалась его бесстыжим рука. Затуманил ей разум, забыла она о его мести кровной. А вот и расплата пришла за подобное легкоеверие.

На следующий день Ксения даже головы не повернула в сторону Владислава, что ожидал ее у возка, вырвала руку из его пальцев, когда тот хотел остановить ее, ушла в лес, клича за собой Марфуту.

— Панна сердает? — подошел из-за спины Владислава Ежи, хитро щуря глаза. Тот без труда прочитал по его лицу, что усатый дядька думает об отношении шляхтича к пленницам и их свободе, а потому промолчал, не желая ссориться еще и с ним, отвел глаза в ту сторону, где скрылись за ельником женщины. — Ничего, Владек, потерпи чуток. Бабы поносятся со своей обидой день-другой, как с торбой писаной, а после отойдут, остынут. Тогда и беседы с ними ведем, не ранее.

Едва только выехали с места ночлега, как захромал каурый Владислава, подкову потеряв где-то в дороге. Пришлось послать обратно пару пахоликов отыскать пропажу, а после искать деревню с кузней, чтобы водрузить найденную подкову на место. Таковая отыскалась только к полудню — небольшое поселение в десяток холопских дворов, жители которого быстро попрятались при приближении ляхского отряда. Зато кузнец был в кузне — большой детина с огромными кулаками не боялся никого, по его словам, даже черта, не будь помянут он вслух. Он принялся за каурого, едва ему показали серебряную монету, как плату за труды его.

Ксения же, пользуясь тем, что Владек занят каурым, а значит, она может не опасаться его, вышла из возка, чтобы размять ноги и подышать воздухом, ведь в возке уже стало душно к этому полудню. Марфа предпочла наблюдать за ней издалека, из возка, готовая выпрыгнуть тут же, как только лях подойдет к ее боярыне.

Ляхи не шутили с Ксенией более, не окликали ее, когда она прошла мимо них по двору к мальчику лет восьми, что точил на камне нож, сидя на завалинке у плетня. Никто не

улыбнулся ей, как раньше, все отводили глаза в сторону, и Ксения поняла, что снова она оказалась в том же положении, что и была ранее. Пленница, с горечью отметила она, совсем позабыв, что сама себя ведет, как пленница, показывая всем своим видом, как отвратительны ей ныне ляхи, как не по нутру ей ее положение нынешнее.

— Что это за селение, мальчик? — спросила она у мальчика, и тот поднял на нее перепачканное золой лицо, поднявшись с завалинки, бухнулся ей в ноги. Она легко тронула его затылок, мол, поднимайся, и мальчик встал, но не взглянул на нее, не поднял глаз.

— То Вязново, боярыня, — ответил он, и Ксения, едва удержалась на ногах, услышав название селения. Она обернулась и взглянула на Владислава, что наблюдал за ней из кузни внимательно. Еще один, быть может, как раз этот дневной переход, и они подойдут к Суглинке, речке, у которой когда-то ее Владислав пленил, а там еще пара дней, не более, и вотчина ее мужа. Знать, и правда, к Северскому везет ее лях, сжалось больно сердце.

Она рассеянно погладила мальчика по спутанным волосам, кивнула ему на прощание и отошла прочь, едва сдерживая слезы, уже готовые скатиться по щекам с ресниц. Знать, все ложь — все эти сладкие речи, все намеки. А эти ласки и поцелуи... О Боже, плакала Ксения, уткнувшись лицом в широкий рукав, когда возок снова затрясся по пыльной дороге, как же можно так ошибиться снова! Как могло так подвести ее тело, слабеющее в руках ляха, откликающееся порой на один только призывный взгляд его! А муж ее еще говорил некогда, что холодна она нутром, что нет в ней огня плотского. Вот он и пробудился тот огонь, да только ей на погибель!

Ну и пусть, вдруг решила Ксения, пусть погибель. Все едино ей негожа та жизнь, что была у нее, а после того, что узналось давеча, так и вовсе хочется только одного — заснуть крепким сном и не просыпаться более.

Ксения настолько утомилась от слез, что незаметно для себя и правда уснула крепким сном, проспала до самой темноты, не заметила, как давно встал возок на стоянку ночную, как ляхи наскоро разожгли огонь, а Марфа, как обычно, приготовила нехитрый ужин. Проснулась Ксения только от шумного гомона, который шел от костра, от смеха, что долетал до нее сквозь тонкие стенки. Марфы не было, как не видно было ее и у костра, и подле возка, а Ксении так не терпелось выйти, что она решила пойти в одиночку, не дожидаясь возвращения служанки.

Но не успела Ксения даже шага от возка ступить, как ее локоть тут же схватили цепкие пальцы, развернули ее к их обладателю лицом.

— А ныне мы все-таки потолкуем, панна! — прошипел Владислав ей в лицо, и она замерла на месте, охваченная страхом. — Ибо я очень хочу знать причину подобной перемены. Я снова стал негож тебе?

— Я просто очнулась от морока, что дурманил мне голову, пан, — процедила Ксения, пытаясь вырвать свою руку из его хватки. — Вспомнила, насколько бесчестен пан, насколько обманчиво его слово.

Владислав с шумом выпустил воздух сквозь тесно стиснутые зубы, и Ксения при этом звуке перепугалась еще больше. Зачем она только сказала это? Кто за язык тянул?

— Ой, панна, счастлива ты уродиться женщиной! — проговорил Владислав. — И счастлива, что я пред тобой, не то не сносить тебе головы. Или спину невредимой не оставить.

— Уж лучше головы лишиться, чем то, что ты мне уготовил! Знаю я, куда ты везешь меня, — бросила Ксения, стараясь скрыть дрожь в голосе. — Слышала, как я твои люди об

том судачат. Уж лучше смерть, чем это!

— Значит, для тебя жизнь подле меня так невыносима, верно, панна? Уж лучше смерть, чем такая жизнь, без венца? Лучше валяться со мной в траве, а после к родне вернуться и принять их волю? А ежели панна дитя мое принесет при том на их двор? Думала ли, ты об этом, Ксения? Думала? Лучше смерть, говоришь? Ну уж нет, панна, со мной тебя судьба связала, в мои руки отдала, в мою власть!

Ксения уже плохо соображала, что он говорит, не вникала почти в смысл его слов, взбудораженная его тоном — таким угрожающе и обманчиво спокойным. Она сознавала только одно в тот момент — он не стал отрицать слов своих пахоликов. А еще ей становилось не по себе от понимания того, что так ждала этого, ждала, что он будет все отрицать, несмотря на очевидное, снова заморочит ей голову сладкими словами. И снова нахлестнула злость — слепящая, затмевающая разум. На себя, на него, на недолю свою, на весь свет.

— Знать, все верно? — взвизгнула она на пике эмоций, охвативших ее. — Знать, к Суглинке идем?

— А панна знает другой путь? — едко спросил Владислав, и она не сумела сдержаться, размахнулась и ударила его свободной рукой, хлестнула по щеке изо всей сил.

— Ненавижу тебя! — прошипела Ксения. Ей казалось, еще миг, и она упадет прямо на землю, забьется в судорогах, не в силах сдержать в себе ту злость, что буквально разрывала ее изнутри, ту истерику, что поднималась откуда-то из глубины души. — Ненавижу! Отольются тебе все мои слезы скоро! Пожалеешь о своем обмане!

Ксения вырвала свой локоть из его пальцев (он не стал ее удерживать подле себя в этот раз, видя ее состояние), убежала куда-то в сторону, упала в траву, задыхаясь от злости и невыплаканных слез, комком вставших в горле, мешая нормально дышать.

— Не ходи за ней, — быстро подошел к Владиславу Ежи, удержал его. Шляхтич стряхнул с рукава жупана руку дядьки, с неудовольствием отмечая тишину, что повисла над лагерем. Значит, притихли, слушая ссору своего пана! Он обернулся к костру, и пахолики снова заговорили в голос, стараясь не смотреть на Владислава. — От, дурная голова, бешеный норов! Как мать твоя, упокой Господи ее душу в чертогах своих, — проговорил Ежи, глядя в ту сторону, куда ушла Ксения. — И столько же бед себе принесет, коли не успокоится. От чего она так взъелась? Узнала, что в Белоброды везешь ее? — и когда Владислав кивнул хмуро, поспешил сказать. — Ну, ее-то тоже можно понять. При живом муже с другим жить, это ж для нее совсем... Ты же знаешь, поговорку нашу — где двое, там любовь, где трое, там измена. Дай ей время, она все обдумает, и примирится с долей своей.

Ежи немного помолчал, а после заметил, как к Ксении подходит Марфута, поднимает ту с земли и в возок ведет, и проговорил задумчиво:

— Надо за бабой рыжей поглядеть, Владек. Что-то с ней неладно. А давеча я след нашел не наш. Кто-то к нам подходил скрытно, видать. Один. Скоро к тому же в земли Северского войдем. Тут глаз да глаз нужен.

— Что дозорные? — бросил Владислав и, получив ответ, что все тихо ныне было, приказал. — Проследи за рыжей сам. Согласен, что-то притихла она с недавних пор, а такая болтушка была. Не к добру! Слишком много свободы я им обеим дал. Как бы ни пожалеть!

А в возке Ксения скоро притихла, наплакавшись вволю. Прилегла на сидение, положив под голову свернутый летник, попросила Марфу выйти и принести ей что-нибудь жажду утолить.

— Кваса хочу, — скривилась она, когда служанка принесла теплой воды в кувшине. — Не хочу воды. Мы ведь квас ныне в деревне взяли. Ступай и принеси кваса.

Но Марфа даже с места не двинулась, так и осталась сидеть на своем месте напротив Ксении, пристально глядя той в глаза. Только головой медленно покачала, отказываясь.

— Да ты разума лишилась, Марфа? — воскликнула Ксения удивленно, а после смолкла, заслышав шум у возка. А потом в стенку снова ударился кулак, уже совсем рядом с дверцей, и Ксения замерла испуганно — знать, Владислав все же желает спор продолжить или спрос с нее взять за ее поведение неподобающее ныне вечером и давеча.

Дверца распахнулась, и в проеме действительно показался шляхтич. Он уперся одной рукой в возок, а вторую протянул внутрь, стараясь ухватить Ксению за подол сарафана, вытянуть ее из возка. Она увернулась от него, легко ударила по ладони, а он вдруг схватил ее пальцы в плен, пошатнувшись и едва не упав, если бы не удержался за возок. Пьян, мелькнуло в голове Ксении, и она потянула руку на себя, вовсе не желая иметь никаких дел с Владиславом, когда тот под хмелем, ведь пьяные так легко теряли контроль над собой.

— Сука! — вдруг прошипел Владислав сквозь зубы. — Отольются мне твои слезы, говоришь? А я-то, дурак, верил тебе...!

Он потянул ее на себя, и Ксения ударила его в плечо, сопротивляясь его силе. Он пошатнулся от этого удара, но на ногах не удержался, упал на землю, скрывшись из вида женщин, сидевших в возке.

— Нет! — метнулась Марфута одним резким движением наперерез Ксении, уже готовой выскочить из возка, чтобы поглядеть, не ушибся ли Владислав. — Не ходи, Ксения! Не ходи туда!

Что-то в ее голосе заставило Ксению замереть на месте, медленно перевести взгляд на нее. Та опустила глаза вниз, не в силах смотреть в лицо боярыне своей.

— Прости меня, Ксения, грешна пред тобой я, — всхлипнула она, и Ксения прикрыла глаза на миг, пораженная догадкой, что мелькнуло в ее голове. Потом опомнилась, оттолкнула Марфу, что загораживала ей выход, вышла наружу.

По лагерю медленно скользили темные тени от одного спящего в дурмане ляха к другому. Оттуда, где стояли посты сторожевых, доносились ныне лишь лязг мечей да предсмертные хрипы. Она хотела опуститься к Владиславу, лежащему у ее ног, накрыть его собой, спрятать от смерти, что ступила ныне на стоянку ляхов вместе с этими русскими воинами, которых она легко распознала в редких всполохах костра.

Но позади раздалась тихая поступь, и она замерла на месте, не в силах шевельнуться, зная, что любое ее действие ныне легко может стать преступлением в глазах того человека, что подходил ныне к ней из темноты ночной. С тихим шелестом прыгнула из возка Марфа, тут же отшатнулась, прижавшись к стенке, будто желая скрыться от глаз подошедшего воина.

— Здрава будь, Ксения Никитична, — проговорил тот, переступил через тело Владислава, приблизился к ней и взял ее лицо в ладони, приближая к своему, заглядывая ей в глаза. — Рада ты мне, моя любя? Рада видеть господина своего?

Ксения молчала, будто онемела в тот же миг, как увидела этого человека, его бледно-голубые глаза, какого-то мутного, словно водянистого оттенка, его нос, так схожий с ястребиным клювом, его светлую бороду с небольшой рыжиной.

Это был он, ее муж и господин, Матвей Юрьевич Северский.

2. Имя Сикстус пошло от лат. Sextus — "шестой"

Ксения как обычно открыла глаза утром под тихий мужской говор и смех. Но что-то тут же резануло ухо, что-то было не так, и только спустя некоторое время до нее, еще толком не отошедшей от ночного сна, дошло осознание, что этот говор не ляхский, к которому она привыкла за эти седмицы, а русский. Сразу вспомнилась прошлая ночь, когда на ночную стоянку проникли тени русских воинов, что вязали одурманенных ляхов по рукам и ногам, когда Северский вышел из темноты к ней. Он тогда долго смотрел ей в глаза, будто желая что-то в них прочесть, а потом коснулся ее лба холодным поцелуем, отошел к месту, куда стягивали связанных пахоликов. Правда, немного задержался, склонившись над Владиславом, и так же долго смотрел на него, потом пнул его под ребра носком сапога и удалился.

— Полежай в возок, Ксения, — Марфа потянула Ксению, окаменевшую при виде супруга, так неожиданно появившегося из темноты ночной, за рукав, и та очнулась от своего морока, хотела склониться над Владиславом, но замерла, наткнувшись на пристальный взгляд одного из воинов. Она узнала его по низкому росту и тонкому острому подбородку, что только был и виден из-под тяжелого шлема.

Шустрый Ерема! Она сама бы могла догадаться, ведь только этот маленький человек был способен идти бесшумно и незаметно по следу долгое время, проникать в самые труднодоступные места, вскрывать любые замки. Ерема был вором ранее, попался на краже Северскому в одной из его поездок в стольный град и привезен в хладную вотчины. После нескольких дней в пыточной, когда ему разбили пальцы на левой руке, и угрожали вскоре отрубить ее, а потом приняться за вторую, самую главную для вора, Ерема поклялся на кресте, что будет отныне верой и правдой служить Северскому, пока живота не положит. Вот и служил!

Ерема резко развернулся и пошел к остальным ратникам, а Ксения резко распрямилась, ощущая, как липкий страх расползается в душе. Не за себя она боялась, за него, того человека, что ныне лежат без движения у ее ног! Ведь если Ерема давно идет за ними, то он все видел — и то, как Ксения благоволит к шляхтичу, и их страсть, что связывала их. И не то, что Ксения уступила Владиславу, позволила многое из того, что скрепя сердце и стиснув зубы, давала Северскому, заставит ее мужа вдоволь насладиться муками шляхтича в пыточной. А то, что она делала это сама, по своей воле, без принуждения...

Ксения не стала склоняться над Владиславом, как ни вопило об этом ее сердце, заставила себя забраться обратно в возок, даже не глядя на его тело у своих ног. Нельзя показывать Северскому, что слаба она по отношению к ляху, никак нельзя!

Марфута замешкалась на некоторое время, но вскоре тоже залезла в возок и тут же бросилась к Ксении, хватая ее за руки, умоляя выслушать ее. Но Ксения только головой качала, отказываясь, слыша только, как вяжут подошедшие к возку воины из чади ее мужа Владислава, как тащат его к остальным пленникам по примятой траве.

Он не должен убить Владека, бились, будто пойманная птица в силке, мысли в голове Ксении. Он желает получить земли, значит, шляхтич нужен будет ему живым для обмена. А потом вдруг вспомнились слова Владислава, сказанные в разговоре о его сестре: «...Мать умоляла отца подчиниться требованиям Северского, но тот не принял ее сторону, утверждая, что дочь русский не вернет, что он убьет ее, когда добьется желаемого, что надо идти на

Московию и отбить Анну, пока не поздно. Он знал, что говорит, ведь сам бы поступил так же...»

Жестокая правда, обжигающая разум, заставляющая Ксению тихо ронять всю ночь слезы в темноте возка, уткнувшись лицом в свернутые одежды, чтобы заглушить любой звук, чтобы ни единая душа не слышала, как ей больно.

Наутро Ксения все же позволила Марфуте прибрать ее, как не по душе ей ни были бы прикосновения той ныне. Служанка снова пыталась начать разговор, но боярыня прервала на полуслове — быть может, позднее она выслушает, почему ее верная Марфа, которой Ксения привыкла доверять, ближе которой у нее ныне никого не было рядом, так жестоко предала ее. Быть может, позднее, но не сейчас.

Распахнулась дверца возка, и рукой Ксении, лежащей на коленях, завладел Матвей Юрьевич, глядя ее пальцы, но нажимая на них с силой, будто стремясь показать, что она снова в его власти.

— Как почивала, Ксения Никитична? — спросил он, глядя ей в лицо, и она вдруг встрепенулась, очнувшись от дум о своей недоли, ясно почуяв неладное в тоне его голоса. — Позволь подсобить тебе, — и он потянул ее на себя, принуждая выйти из возка, что она сделала, стремясь сохранить на лице безразличное выражение, не выказать своего страха. Встала подле него, подняла голову и смело встретила взгляд его холодных бледно-голубых глаз. Он же осмотрел ее с головы до ног, будто видел впервые, но руки ее не выпустил, по-прежнему гладил ее пальцы.

— Боярин, — окликнул его Ерема, что остановился немного поодаль от них, и Северский кивнул головой, приказывая ему подойти ближе, не отрывая глаз от лица Ксении. Тот, явно смущенный присутствием боярыни при том, что он желал обсудить с Северским, подошел.

— Боярин, вслед за Заславским хоругвь его идет, — проговорил Ерема, и Северский чуть сузил глаза, недовольный таким известием. — Душ пять десятков или более. В двух днях пути от нас.

— Уходим тогда немедля, — распорядился Матвей Юрьевич, ведь он взял с собой ныне только десяток людей в эту вылазку, а терять такую добычу, свалившуюся ему прямо в руки, он не желал. — Запутай следы, Ерема, только ты заплутаешь их, только тебе верю. Колымаги {1}достали?

— Одну только, — склонил голову, опасаясь гнева боярина, Ерема. — Более в займище, что рядом, не было.

— Сколько душ? — бросил Северский. Ксения краем глаза заметила, как отвел в сторону взгляд Ерема, довольный тем, что боярин по-прежнему не глядит на него, не отрывает взора от своей жены.

— Более половины, — ответил он нехотя, и Матвей кивнул.

— Делайте! Только его не троньте, остальных — как Бог положит.

Ксения проследила за удаляющимся к остальным ратникам Еремой, а после, как двинулись к пленникам русские воины, поднимая некоторых, вытаскивая к месту, где когда-то ярко пылал костер, у которого те сидели прошлой ночью, ставили их на колени. Она только сейчас поняла, что будет твориться прямо перед ее глазами, побледнела, как смерть, когда Владислав вдруг вскрикнул таким горестным тоном, что у нее кровь застыла в жилах:

— С вами Бог и Матка Боска, панове!

Она увидела, как поднимают рыжеволосого Эгуса, такого белого лицом, что она видела

каждую отметину солнца на его переносице и щеках, и ноги подкосились, вмиг сдавило в груди. Еще вчера он улыбался ей, строгая сук для оси, а ныне... А потом поймала на себе взгляд Владислава, полный такой лютой ненависти, что задрожали руки мелкой дрожью.

— Мне нужно в лес, — проговорила она, отводя глаза от пленников. Сказала, и сама не узнала свой голос — хриплый, будто ворона каркнула. Северский отпустил ее руку и посторонился, позволяя ей удалиться прочь от места расправы над ляхами, кивнув Марфуте и одному из ратников, чтобы последили за боярыней. Ксения все ускоряла и ускоряла шаг, покидая столь тяжелое для нее место, а после и вовсе побежала, едва ее скрыли с глаз мужа широкие ветки елей, что росли у края леса. Бежала, пока не споткнулась о сучья под ногами, не заметив их из-за слез, застилающих глаза, пока не упала с размаху наземь, больно ударившись коленями и поцарапав одну ладонь.

Но не от этой боли она тихо скулила сейчас, зажимая рот раненой ладонью. От другой, что так терзала ее ныне, душевной. Перед ее глазами то и дело вставали лица тех ляхов, только не бледными и хмурыми, какими она видела их сейчас, а другими — веселыми, смеющимися, к каким привыкла за время их совместного пути. Она свернулась калачиком, зажимая ладонями уши, едва до нее донесся тихий шум с того места, откуда она прибежала, закрыла глаза, стараясь не думать о том, что происходит там. «Это жизнь», — когда сказал ей Владислав, и она понимала, что когда-нибудь смерть все равно настигла бы тех ляхов, но почему именно так... Почему именно так, Господи?

Спустя некоторое время плеча Ксении коснулась ладонь Марфуты, которая быстро вытерла ее лицо краем своей юбки, смоченным в холодной воде из кувшина, что та принесла с собой, стремясь скрыть следы слез, убрать припухлость у глаз. Ксения настолько ослабела от своих слез, что позволила еще и поднять себя за руку с травы, поправить платье, что слегка примялось. Она заметила ратника, посланного вслед женщинам, что тут же отвел глаза в сторону, явно смущенный и видом боярыни, и ее слезами.

— Марфа... Марфа... — простонала Ксения, уткнувшись в плечо своей служанки. Та погладила ее по спине, успокаивая, сама не своя оттого, что свершилось.

— Мой то грех, Ксения, великий мой грех... Души их на мне тоже, не только на воинах наших, — прошептала она. — Как и грех клятвопреступления. Ксения, спросит боярин тебя про ляха, говори, не было ничего меж вами. Я на кресте в том клялась, а Ерема подтвердил. Ныне бы ляху только промолчать об том.

Ксения в ужасе посмотрела на Марфуту — грех-то какой на кресте да во лжи клясться! За этот грех от церковного причастия отлучали на долгое время, вплоть до десятка лет, коли уличали в том. Но Марфа смело встретила ее взгляд, не отвела глаз в сторону, только сильнее плечо Ксении сжала.

— Не могла я иначе, Ксения. Прости меня, виновата я. Не было пути иного, как этот.

Свистнул со своего места наблюдающий за ними ратник, замахал руками, мол, пора в путь, воротаемся к своим, и женщинам пришлось прерваться, направиться вон из леса к возку и остальным русским воинам.

Северский ожидал их подле возка, внимательно наблюдая за лицом Ксении, когда как она старательно глядела только перед собой, опасаясь смотреть куда-либо еще в сторону. Он взял ее руку из пальцев Марфуты, снова погладил большим пальцем нежную кожу, надавливая им на кольца.

— Истосковалась, небось, по дому, Никитична? — проговорил он, глядя на ее белое лицо. — Подожди, еще переход, и дома будем.

Ксения только кивнула растерянно в ответ, пытаясь отгородиться от всего мысленно, не думать о том, что только что свершилось на этом месте, совсем недалеко от возка, и о том, что еще свершится в будущем. Так и ехала — совсем безучастная ко всему, прикрыв глаза, чтобы не видеть глаз Марфуты, полных слез раскаяния.

— Почему? — прошептала она только спустя некоторое время, совсем тихо, но Марфа услышала ее, тут же встрепенулась, схватила ее руки и прижала к своим губам.

— Прости, Ксения, — простонала она. — Не по своей воле пошла на то, не по своей, клянусь. Не будь того, чем грозил мне боярин...! Пару дней назад, когда за водой ходила, Шустрый Ерема ко мне вышел, будто с облака свалился. Слово боярское принес и дар от него. Мол, знает боярин про беды наши, на помощь пришел. Только и ему подмога от меня нужна. Надо ляхов одурманить, коли они так беспечны, коли врагу снедь свою доверили. А не помогу ему, так Василек мой с торгов уйдет...

Марфа залилась слезами, утыкаясь лицом в колени Ксении, а та недоуменно нахмурилась:

— Как с торгов? Как холоп? Какой же он холоп, твой сын ведь дитя свободных людей! Батюшка же тебе вольную грамоту выписал, как со мной решилась ехать к Северскому.

— Холоп он, — Марфа подняла к ней заплаканное лицо. — Сын отданного закуп {2}холопа и его жены. Владимир — хоть и сотник боярский, хоть и рука его правая во всем, но холоп. А я по холопу снова роба, под венец же с ним пошла, даже не ведая о его неволе.

Ксения ахнула, пораженная тем, что поведала ей Марфута. Она и подумать не могла, что Владимир, первый после самого Северского, человек в вотчине боярина — большой холоп {3}. А она так радовалась, когда сотнику боярской чади приглянулась ее служанка, думала, что та в почете ходить будет. Вот тебе и почет!

— А я-то думала, отчего Владимир предан боярину точно собака, — горько проговорила Марфа. — Только в рот тому и глядит. Иногда мне даже кажется, что на все ради того пойдет... А боярин только и пользуется его. Вот и Василька... Он не пожалел бы, я знаю. С торгов...

Она достала откуда-то из одежды, сложенной в сверток на сидении подле нее, деревянную игрушку, и Ксения только сейчас поняла, что это была вовсе не новая, только вырезанная лошадка, а старая любимая игрушка, даже небольшой отпечаток маленьких зубов виднелся на деревянной шее. Марфа с такой тоской в глазах погладила дерево, каждую щербинку на игрушке, что у Ксении защемило сердце. Северский умело сыграл на чувствах матери, прекрасно зная, на что готова женщина ради своего дитя. Разве смела Ксения осуждать ее?

Она отвернулась от Марфы, не желая более смотреть на боль и тоску своей служанки, не желая уступать тому состраданию, что захлестнуло душу. О Господи, застонала мысленно Ксения, зачем Ты испытываешь нас, рабов Твоих, так жестоко, так страшно?

Внезапно возок слегка накренился, и Марфа испуганно вскрикнула. Дверца распахнулась, и заглянувший в возок ратник приказал женщинам выйти вон, мол, так легче будет провести возок через брод, по илистому дну. Те подчинились приказу, ступили на землю. Ксения тут же скользнула быстрым взглядом по их небольшому поезду, выясняя, далеко ли колымага, что везла пленников. Она была совсем близко от боярыни: Ксения заметила, как подгоняют ляхов, заставляя их так же выйти из телеги, воины ее мужа.

— Ксения, — подле нее остановил коня Северский, потом протянул ей руку, приказывая взглядом занять место на крупе перед его седлом. Той ничего не оставалось, как

подчиниться — протянуть руку, и Северский легко втащил ее вверх, посадил перед собой, прижимая ее за талию к своему телу, не давая отстраниться. А потом вдруг переместил ладонь с талии выше, легко сжал пальцами ее левую грудь, тут же целуя через кисею ее в ушко, обжигая горячим дыханием.

Ксения замерла, пытаясь забыть о том, где находится, снова воображая перед глазами сад вотчины ее батюшки. «Качели, качели», — как заведенная повторяла она мысленно, но сбилась, едва вдруг встретилась глазами со спрыгнувшим из колымаги Владиславом. Ее обожгло огнем, которым вспыхнули его темные почти черные глаза, и она поспешила отвести в сторону взгляд, плотно смежив веки.

Северский только довольно улыбнулся, видя ненависть в глазах ляха, направил коня в его сторону, пытаясь сбить шляхтича с ног. Владислав же ловко уворачивался от длинных ног животного, вовремя уклонялся в сторону. Спустя время Матвею надоела эта забава, да и жена его, малохольная и мягкосердечная, отвернула голову в сторону, не смотрела на шляхтича и на игру с ним русского боярина, а потому Северский пнул его в грудь со всей силы, вынуждая пошатнуться и упасть в мокрый песок на берегу. Довольно рассмеялся, видя, как упал на колени Владислав.

— Отныне твое место на коленях, лях! Сможешь запомнить эту истину, может, холопом тебя оставлю, — проговорил Матвей, разворачивая коня, а после пустил его через речку галопом, поднимая кучу брызг в разные стороны, специально ослепляя ими ляхов, которые в этот момент шли через брод. Те едва удержались на ногах, но некоторые все же упали в воду и теперь пытались подняться, старательно удерживая голову как можно выше, чтобы не захлебнуться в воде.

Северский с улыбкой смотрел на их старания, явно забавляясь этой ситуацией, которую сам же специально вызвал. Ксения закрыла глаза, чтобы не видеть ничего из того, что происходило перед ее глазами, благодарная Богу, что ее муж не может видеть ее лица в данный момент. Зато Марфа, сидевшая на крупе коня впереди одного из воинов, который тоже уже перешел реку и скалился, глядя на забаву, не удержалась и беззвучно заплакала. Боярин заметил ее слезы и крикнул ей:

— Жалко ляхов, Марфа? А не жалко тебе ран бывших у мужа твоего? Быть может, кто-то из них и нанес их ему! — и Марфа тут же опустила голову, скрывая за полотном убруса свое лицо.

Наконец все переправились на другой берег, и ляхи, уставшие и мокрые, стали забираться по одному в колымагу. Это давалось им нелегко, потому как дно у колымаги было высокое, а ноги у пленников были связаны. Одним из последних в телегу забирался Ежи, но запутался в веревках, упал вниз на землю под тихий вскрик остальных ляхов и долго не мог подняться самостоятельно.

— Что вы там так долго? — взвился Северский, видя эту заминку. — Старый хрыч! Оставьте его тут, коли не может забраться! Тут зверья много, есть кому позаботиться об этой ляшской падали.

Но тут отталкивая плечом ратника, к Ежи бросился Владислав, сумел каким-то образом помочь подняться своему старому дядьке, а ляхи споро втащили его в колымагу, вцепившись сразу несколькими руками в перепачканный жупан. Чадинец Северского не стерпел обиды, по его мнению, нанесенной ему шляхтичем — того быстро сбили с ног, повалили на землю и принялись пинать ногами и чадинец, и подоспевшие товарищи.

Ксения же едва сумела сдержать крик при этой картине, что так и рвал ее душу. Она к

тому времени уже спешила с коня Северского и забиралась в возок, но помедлила, заметив эту заваруху, прикусила губу, стараясь сдержаться и не выдать с головой свою боль. Она быстро повернулась к мужу, что с явным удовольствием наблюдал, как бьют шляхтича, и вдруг позвала его, сама удивляясь своей смелости:

— Матвей Юрьевич! — тот перевел на нее удивленный взгляд, явно дивясь тому, что она первая обратилась к нему. — Я утомилась в пути! Долго ли будем стоять?

Северский долго и пристально смотрел ей в глаза, а после громко свистнул своим ратникам, махнул рукой, когда те взглянули на него, мол, довольно с ляха. Чадинцы прекратили избиение, наклонились и, подхватив Владислава за жупан, перекинули через борт колымаги к ляхам, что тут же подхватили его.

Ксения поклонилась с улыбкой Северскому, благодаря его, и залезла внутрь, плотно задергивая занавеси. Она только ныне поняла, что какая сильная и частая дрожь сотрясает ее тело, как мучительно ноет сердце при воспоминании, как безвольно качнулась черноволосая голова, когда ляха перекидывали в колымагу. А потом вдруг опустилась на колени, насколько позволяло пространство возка, и зашептала молитвы, умоляя Господа и всех святых, которых знала, о помощи Владиславу и другим ляхам, что ехали в колымаге. Пусть пошлет им, коли не сумеет помочь обрести свободу от полона, такую быструю смерть, какую приняли сегодня их товарищи, ведь то, что уготовил им Северский ...

Она отвлеклась только единожды от своих молитв — когда рядом с тихим шелестом опустилась Марфута, чтобы вторить ей в ее мольбах, ведь двойную молитву Господь непременно должен слышать. Так и молились они — плечо к плечу, пока возок двигался в сторону вотчины боярина Северского, покачиваясь на ухабах и неровностях пути.

На ночлег остановились только, когда совсем стемнело, когда ночной сумрак опустился на землю, и глаз перестал различать дорогу. Так как остановились на окраине леса, быстро нашлись сухие сучья для костра, повалили сухонькую березку. При себе у ратников была снедь — сухое вяленое мясо, хлеб и сыр, но костер был нужен для того, чтобы отпугнуть всякую тварь, что выйдет на охоту в этот ночной час. Вот и запалили высокий огонь, видный далеко в округе. Они уже далеко свернули с пути, что держал ляшский отряд, и давно были в землях боярина, оттого и не опасались чужого глаза.

Через некоторое время после ужина (от которого Ксения отказалась — кусок совсем не лез ей в горло) в стенку возка стукнули, и голос Северского приказал жене выйти наружу. Та поспешила выполнить его волю, не желая вызывать в нем гнева, ведь выместить ныне тот мог его не только на ней. Она аккуратно ступила из возка, подбирая подол сарафана, но отойти не успела далеко от него — Матвей вдруг схватил ее за плечи, легко приподнял и прижал спиной к возку, подальше от дверцы.

— Потолкуем, Ксения Никитична? — произнес он вкрадчиво, склоняясь ближе к ее лицу. Ксения не смогла сдержаться и отвернулась, замерла тут же, наткнувшись взглядом на колымагу, в которой лежали пленные ляхи. Она стояла так близко к возку, всего в десятке сажений, что при желании можно было слышать, как перешептываются пленники, хотя и трудно было разобрать отдельные слова.

Северский же поднял руку и тронул пальцем ее висок через кисею, отведя в сторону поднизи. Потом медленно провел им от виска по линии скул до самых губ, на которые надавил слегка, прижимая их к зубам.

— К брату ездила, Ксения? — проговорил Матвей, и она испуганно взглянула на него. — К которому бегала? К Василию или к Михаилу? К Михаилу, — ответил он на свой

вопрос, глядя на ее лицо. — Только ему бы и открылась, верно, Ксения?

Матвей вдруг с силой прижал ее к стенке возка, больно ударив ее при этом о деревянные доски так, что Ксения не сумела сдержать вскрика, который сорвался с губ. В колымаге тут же смолкли, поднялись над бортами несколько голов, посмотрели в их сторону, опустились после, заметив позолоту кафтана Северского, блестящую в отблесках костра. Все головы, кроме одной — Ксения видела краем глаза, как внимательно вглядывается в темноту Владислав, чье лицо она сразу же заметила в всполохах огня.

— Ксения, Ксения, — прошептал Матвей, не обращая внимания на то, как напряглась вмиг под его руками жена, не замечая взгляда пленника. Он поднял руку и обхватил пальцами подбородок жены, вынуждая повернуться к нему лицом. — Ах, Ксения, до чего же ты неразумна! Но я не буду наказывать тебя за ту глупость, что ты сотворила. Господь сам указал тебе на неразумность твоего побега к родичу, наказав этим полоном ляшским. Тебе несказанно повезло, что наш ляшский пан настолько благороден, что не тронул тебя. Ведь он не тронул тебя? — большой палец снова надавил на губы Ксении, принуждая их открыться. Ксения едва дышала сейчас, не понимая, что Северский хочет от нее в этот момент, чего добивается. — Я понял, только потеряв тебя, что за диво было в моих руках. Только получив весть о твоём пленении, я осознал, что ты — часть моей жизни, с которой я вовсе не желаю расставаться. Я места себе не находил, Ксения.

Ксения вздрогнула, когда он певуче произнес ее имя так, как ее называли только близкие ей и любимые люди. Оно так странно прозвучало из уст ее мужа, так непривычно для нее. Она задумалась над этой странностью и пропустила тот момент, когда Северский склонил голову и коснулся губами ее губ, чего ранее делал довольно редко. Ксения инстинктивно хотела отстраниться, но за спиной была стенка возка, и муж крепко удерживал ее за талию, не позволяя даже шевельнуться. Тогда она повернула голову в сторону, и его губы скользнули мимо ее рта, вызвав в нем довольный смешок, будто его забавляло то, что происходило между ними.

Северский принялся целовать ее шею, отведя кисею в сторону, а другую руку положил на грудь, нашел застёжки летника и принялся рвать их, стремясь распахнуть его. Ксения приказала себе расслабиться, как она обычно это делала, не желая вызывать в муже ярости от своего сопротивления, но не смогла. Впервые в жизни не смогла. Чужие губы касались ее кожи, это так ощущалось сейчас, так давило на напряженные нервы, что она снова ушла от губ мужа, поворачивая голову в другую сторону.

И лучше бы она этого не делала. Потому что тут же встретила глазами с темными глазами Владислава, по-прежнему наблюдавшего за происходящим у возка. Казалось, он сидит совершенно расслабленно, облокотившись спиной о борт колымаги, но Ксения отчетливо разглядела в редком свете костра, как напряжены мускулы его шеи, как ходят желваки по освещенной огнем половине лица.

Северский тем временем уже справился с застёжками летника и скинул с плеч Ксении, потом принялся тянуть вниз широкие лямки ее сарафана, не отрывая губ от ее шеи, от кожи плеч, показавшихся в вырезе рубахи. А Ксения будто окаменела, глядя в глаза Владислава, ощущая, как медленно в ней растет волна неприятия того, что творит муж. Впервые ей было противно, противно до дрожи в пальцах, впервые хотелось закричать в голос, оттолкнуть со всей силы. Но она знала, что не может этого себе позволить. Ибо в этом случае тот уже не будет так ласков, как пытался быть ныне.

Не смотри, взмолилась Ксения мысленно к Владиславу, когда Матвей стянул с нее

рубашу вниз, обнажая плечи и верхнюю часть груди, не смотри на меня, я так не выдержу точно. Не смогу принять то, что должна. И он отвел взгляд, скрылся с ее глаз, лег на дно колымаги подле остальных ляхов, но она знала, что Владислав слышит каждый шорох, каждый шелест, каждое прикосновение. И еще она знала, что это рвет ему душу. Как и ей, ибо для нее сейчас то, что творил с ее телом Матвей, было равносильно прелюбодеянию. Как будто она была женой не Северского, а этого ляха, что лежал на дне колымаги, закусив до крови губу.

— Я не могу! — вдруг сорвалось с губ Ксении, и муж замер, склонившись к ее груди. — Я не могу так, Матвей Юрьевич, — он поднял голову и уставился на нее. А она продолжала, зная, что не может не попытаться остановить его сейчас. Пусть это свершится, но позже, за толстыми стенами терема. Но только не так! — Это же... это же... будто девку сенную... Без мыльни, не в спальне. На глазах у чади. Прошу тебя, мой муж, только не так!

Матвей долго смотрел на нее, и Ксении оставалось только гадать, какие мысли бродят у него в голове, ведь он стоял спиной к костру, и видеть его лица она не могла. Зато ее лицо было как на ладони для него. Она старалась изо всех сил показать, что ей не страшно, хотя вся она сжалась, ожидая удара, что собьет ее с ног, ведь она осмелилась возразить ему.

— Занятно, — протянул Северский и снова надавил большим пальцем на ее губы, прижимая их к зубам. — Занятно... Что ж, ты права, жену не берут так, как девку, — он натянул ей на плечи спущенную рубашу, прикрывая обнаженные плечи и грудь. — Я подожду, Ксения... подожду. Так даже занятнее.

Он вдруг притянул ее к себе, прижимаясь ртом к ее губам, и она поспешила распахнуть их, принять движения его языка, стремясь удержать его благосклонность. Потом он отпустил ее, отступил в сторону, распахивая дверцу возка, помог ей забраться внутрь. И только когда муж закрыл дверцу и отошел прочь, Ксения смогла облегченно выдохнуть, повалилась на сидение, ощущая, как все ее тело сотрясает нервной дрожью, видя перед собой только лицо Владислава, каким она запомнила его пару минут назад.

В вотчину Северского русский отряд въехал только на закате следующего дня. Ксения еще издали увидела сперва сельцо с небольшой деревянной церквушкой, что стояло недалеко от усадьбы, и только после взору показались высокие стены усадебного тына. Еще на подъезде к сельцу проехали столб, на котором Ксения увидела одного из ратников, что уехал в ее сопровождении, когда она решилась на побег из вотчины мужа. Ныне он был мертв, застекленевшие глаза смотрели в небо.

Ксения отшатнулась в ужасе от оконца, чувствуя, как в ее теле снова нарастает страх, ее вечный спутник в стенах этой усадьбы. Марфа же быстро задернула занавеси, чтобы боярыня не видела трупа, у которого возок замер по приказу Северского — тот желал, чтобы жена поняла, как обходятся другим ее капризы и ее нелепые выходки.

Спустя некоторое время отряд снова тронулся, и въехал в небольшое сельцо, направившись по его главной и единственной улочке к усадьбе, возвышающейся на небольшом возвышении в половине версты от поселения. Ксения видела, как высыпали из изб холопы, в основном бабы и дети, ведь световой день еще не закончился, а значит, мужики усердно трудились в полях. Они низко кланялись боярину и его жене, а потом, когда заметили колымагу с пленными, громко загудели, заулюлюкали, выказывая свое презрение и ненависть к ляхам. Ксения слышала, как стали ругаться ляхи, когда в них полетели гнилые овощи, комья грязи и камни, подобранные с дороги. Она понимала, отчего люди так поступают с пленными (хотя ляхские хоругви никогда не разоряли село, ведь Северский

умело защищал свои границы от незваных гостей), но отчего-то на сердце не становилось легче от этого понимания.

Ксения выглянула из оконца только, когда возок с глухим стуком покатился по бревенчатому настилу. Этот звук означал одно — въезжали на двор усадьбы через главные ворота с возвышающимся над всяким въезжающим в усадьбу Божьим образом в посеребренном киоте. И верно, миновав ворота, возок покатился по устланной бревнами дороге к главному крыльцу усадебного дома из широких дубовых брусьев.

При виде хором, возникших прямо перед ее взором, Ксения едва сумела подавить в себе приступ отчаянья и страха, захлестнувших ее. Она снова возвращалась сюда. Да еще и с таким приданым, что неожиданно принесла в руки Северскому! Ее глаза невольно скользнули куда-то за большой дом — там позади, между других хозяйственных построек была хладная или съезжая, как называли ее здесь, в этой части Руси, а неподалеку от нее, но не столь близко к хоромам, чтобы не нарушать покой хозяев, была пыточная, как знала Ксения. И колодец, некогда действующий, а ныне ставшим орудием медленного убийства от голода и жажды несчастного пленника, если ему не будет дарована Провидением быстрая смерть от падения с высоты в четыре человеческих роста.

Ксения сжала руки так сильно, что кольца и перстни вжались в кожу пальцев, причиняя боль. Господи, помоги ей, ибо она не сумеет жить, если Владислав сгинет где-то тут, так близко к ней!

Возок остановился перед крыльцом с кувшинообразными колоннами и остроконечной кровлей, покрытой дранкой. Ксения слышала, как спрыгнул с коня Северский, как громко приветствует его ключник, низенький и полноватый Ксенофонт с вечной довольной улыбкой на простоватом лице. Сначала Ксению удивил вид человека, заправляющего таким обширным усадебным хозяйством Северского, когда тот впервые был представлен ей. Пока она не поняла, что тот всего лишь ширма, что основным управителем усадьбы помимо Северского является супруга ключника — чернобровая холеная Евдоксия, бывшая, как узнала со временем Ксения, давней любовницей ее мужа.

Вот и ныне она ступила из-за спины Ксенофонта — высокая статная в богатых одеждах и длинных серебряных серьгах, что виднелись из-под короткого убруса. Евдоксия низко поклонилась боярину, и тот улыбнулся ей довольно.

— Я не ждала тебя так скоро, боярин, — проговорила ключница так, чтобы услышал только он, но сидящие в возке тоже слышали каждое слово. Марфа тут же сжала ободряюще руку Ксении. Она так и не покинула свою боярыню, хотя так стремилась выйти из возка, направиться к своему дому, обнять того, кого она страстно желала видеть.

— Он сам пришел в мои руки, — улыбнулся Северский. Евдоксия взглянула на возок за его спиной, подняла брови вопросительно, и он добавил. — И я вернул себе свою любимую супругу.

— Он не умертвил ее? — вырвалось помимо воли у ключницы, и Северский сжал ее плечо так, что та побелела от боли.

— О боярыне речь ведешь! — прошипел он, и Евдоксия отступила в сторону, склоняя голову. Северский же шагнул к возку, распахнул дверцу и помог Ксении спуститься. Потом повел ее так же за руку на первые ступени крыльца, а после развернул лицом к дворовым, что замерли у хором, глядя на своих хозяев. — Ваша боярыня, люди! Чудом Господним возвращена в нашу вотчину — целая и невредимая!

Ксения стояла на ступенях, смотрела на холопов и будто читала в их глазах жалость и

сострадание. А впрочем, быть может, ей это просто казалось, ведь солнце било в глаза, и она не так отчетливо видела лица челяди, стоявшей у крыльца.

— Слава Господу! Слава Божьей матери! Здрава будь, боярыня наша! Слава боярину нашему! — раздался ровный хор голосов в ответ на выкрик Северского. Тот довольно кивнул и повернул Ксению в сторону хором, потянул за собой в сени.

Внезапно откуда-то сзади со двора донесся дикий вопль, полный боли и отчаянья. Ксения тут же резко обернулась, аж серьги ударили по лицу. Ведь она узнала этот голос, и сейчас искала глазами его обладательницу.

— Что встала? Пошли! — потянул ее Матвей, больно вцепившись пальцами в локоть.

— Это Марфа! — вскрикнула Ксения, наконец отыскав взглядом свою служанку, следуя взглядам челяди, направленным в одну сторону двора. Там, почти у самого крыльца женского терема, опустилась на колени ее служанка, крича в голос, раскачиваясь из стороны в сторону, обхватив плечи руками. Подле нее на корточках сидел с мрачным видом сотник Северского, Владомир, и гладил ту по плечу, что приговаривая.

— Пошли! Не стоит это твоего внимания, — но Ксения ухватилась за перила, и он сдался. — Дите у нее померло, пока с тобой ездила. От заразы какой-то. Вот уже несколько седмиц как отпели.

Ксения отшатнулась от мужа при этих словах, едва не упав со ступенек крыльца, а тот снова потянул ее в сени хором, отрывая другой рукой ее пальцы от резных перил. И в этот раз она подчинилась, слепо следуя за ним в темные душные сени, а после в светлую горницу, где ее тут же обступили сенные девки, ее прислужницы, бросившиеся к ней по знаку Северского.

— Ступай к себе, Ксения, — мягко произнес он, но эта мягкость показалась обманчивой, а та нежность, с которой он сжал ее пальцы, передавая ее на руки прислужницам, показной. — Ступай и отдохни с дороги. Столько натерпелась, горемычная моя!

Он коснулся поцелуем ее лба, холодного, как и ее заледеневшая пару дней назад душа, и направился в свои покои, оставляя ее наедине с девками. Они что-то говорили ей, но Ксения не слышала их, погруженная в свои горькие мысли, отмечая среди многочисленных звуков вокруг нее только тихий вой Марфуты по своему сыну да скрип колес колымаги, увозившей пленников к постройкам на заднем дворе.

1. Тут: телеги

2. Продавшегося самостоятельно в холопство. М.б. за долги.

3. Высшая степень холопства. Такие холопы могли иметь собственное имущество и высокое положение при боярине, но они все равно были рабами.

Всю ночь Ксения не сомкнула глаз, ворочаясь на перинах, словно отвыкла спать в комфорте, на мягком ложе. В этот вечер постель ей стелила впервые не Марфута, а одна из прислужниц, что состояли при боярыне в женском тереме. Марфа так и не пришла вечер, и Ксения не стала посылать за ней, представив на миг, каково той ныне. Бедная-бедная Марфута... бедная сама Ксения...

Она повернулась в постели, чтобы видеть в оконце, не затворенное слюдяными створками, чтобы в спальне не было духоты, кусочек предрассветного неба. Двор уже начинал пробуждаться — до Ксении долетали редкие разговоры, тихий шум. Она прикрыла глаза и попыталась успокоить свое сердце, которое снова заныло в груди.

Как же так? Как же так могло случиться? Ксения не могла сказать, что принимала безоговорочно то, как желал поступить с ней Владислав, то, что он вез ее на гибель, не испытывая и толики сожаления. Но в то же время она не желала ему ничего худого, что бы ни произносила в пылу ссоры. Ксения вспомнила, что выкрикнула тогда ему в лицо, как потемнели тогда его глаза. «...Ненавижу тебя! Ненавижу! Отольются тебе все мои слезы скоро! Пожалеешь о своем обмане!...». Ныне он, должно быть, думает, что это она навела на них Северского, это она поступила так подло с ляхами. Немудрено, что такой лютой ненавистью каждый раз горели его глаза, когда он смотрел на нее и Матвея Юрьевича.

Ксения уткнулась лицом в подушку, пытаясь сдержать слезы, что навернулись на глаза. Обернуться бы ныне птичкой, что недавно смолкли за окошком, расправить крылья да полететь к низкому срубу, что стоял среди построек на заднем дворе, проникнуть через маленькое оконце под самой крышей внутрь темной холодной. Она бы тогда опустилась подле него, прочирикала-прошептала бы в его ухо: «Не я то, Владек, милый, любимый... не я то».

Но она женщина, а не птичка, и вынуждена лежать в перинах, изредка посылая одну из девок послушать к покоям мужа, выяснить, где тот и что намерен делать ныне. Пока же тот спокойно почивал в своих покоях, даже не навестив пленников перед тем, как уйти в свои хоромы вечер, и Ксения перед сном молилась перед образами, чтобы и далее тому что-нибудь помешало пойти к ляхам, открыть для них пыточную. А то, что это случится непременно, у Ксении сомнений не было — не спустит Северский ляхам позора, кровью его смоем со своего имени.

Как помочь тебе, милый, как спасти тебя, стонала душа Ксении. Она разрывалась на части от желания вырвать Владислава из рук черной недоли и от страха перед мужем, что терзал ее. Будь они снова на дворе ее батюшки, она бы тотчас бросилась бы к Владиславу, но ныне они в вотчине Северского. И она здесь роба, такая же пленница, как и шляхтич. Даже представить было страшно, какие последствия могут ждать ее, коли все откроется... Да и как помочь ему — она даже из терема своего редко выходит...

Откуда-то издалека донесся до Ксении громкий раскат грома. Она подняла голову и снова взглянула в окно. Небо за это короткое время уже затянуло темно-серыми тучами, предвещая грозу, что шла на вотчину Северского.

— Гроза идет, — прошептала Ксения и замерла при воспоминании, больно кольнувшем сердце. «...Гроза идет. Темная страшная гроза... Всех заденет... всех...», сказал тихо старец в тот день на лугу, и только ныне она поняла горький смысл его слов.

За окном прогрохотало еще сильнее, чем прежде. Проснулись девки, спящие на полу спальни, подле постели боярыни, запричитали-зашептались испуганно, и Ксении пришлось прикрикнуть на них, хотя сама оробела перед надвигающейся стихией. Налетел ветер, стал бить с грохотом резные ставни о стену терема, и служанки опомнились от морока, бросились по всему терему закрывать распахнутые настежь слюдяные окна, плотно притворять деревянные ставни.

Скрипнула тихонько дверь спальни, и внутрь проскользнула фигура, метнувшаяся к постели Ксении. Та едва сдержала при том испуганный вскрик, все же признав в той Марфуту, которая бросилась к боярыне, опустилась на колени у постели, прижалась мокрой от слез щекой к ладони Ксении.

— Не прогоняй, — прошептала она. — Некуда мне боле идти...

Вернулись прислужницы, но Ксения взмахом руки отослала их вон из спальни, приказывая оставить ее наедине с Марфутой. Та сидела будто в мороке — широко распахнутые глаза глядели в никуда, бледное лицо в обрамлении редких прядей волос, выбившихся из-под убруса, слезы, медленно катящиеся из глаз тяжелыми крупными каплями.

— Нет мочи быть в доме. Эта колыбель пустая... Свекровка молчит, в сторону глаза отводит, когда взглядом цепляемся. А Владомир... Только и знает, что твердит — будут еще детки, будут. Словно ему и дела нет, что так случилось! Не хочу я других деток, Ксения! Василька своего хочу! Я ж его под сердцем носила, грудью своей вскормила. Мне до сих пор запах его кожи мнится! — она вдруг разрыдалась в голос, прижавшись лицом к постели боярыни, и Ксения склонилась к ней, принялась гладить по голове и спине, утешая. Только вот что сказать безутешной Марфе сейчас она так и не придумала, молчала, слушая ее слезы, ощущая безмерную тоску на душе.

Тихо зашелестел за окном спаленки дождь, будто сама мать-природа оплакивала ныне вместе с этими женщинами их горькую судьбу. Снова громыхнуло в небе долгими громовыми раскатами.

— Господь меня карает, — прошептала вдруг Марфа. — За грехи мои тяжкие, за ложь мою, за измену тебе.

— Марфута, не думай так, не права ты. Дите твое Господь к себе забрал несколько седмиц назад, — возразила ей Ксения быстро. — А то, что случилось... недавно то было...

— И Матвей Юрьевич... Лгал мне выходит, а ведь тоже на кресте клятву давал, что не пустит с торгов Василя моего, — горько проговорила Марфа, будто не слыша Ксению. — Только вот его клятва по всему вернее выходит.

Она утерла мокрое лицо широким рукавом рубахи и взглянула на Ксению. В ее глазах плескалось такое горе, что та не выдержала, привлекла к себе, обнимая крепко.

— Вот ты меня, Ксения, обнимаешь, утешаешь в горе, — глухо произнесла Марфа. — А должна была плюнуть в глаза мои бесстыжие, проклясть меня проклятьем страшным. Я же лучше других ведала, как ненавистен тебе Северский, и сама же к нему привела обратно. Да еще и их... и его... Ведь видела, как люб он тебе, как ты ему любя.

Она вдруг отстранилась от Ксении, замерла на миг, словно раздумывая, а после заговорила, не поднимая глаз на боярыню:

— Лях-то сердцем к тебе прикипел, Ксения. Сама слышала, как он о тебе с дядькой усатым речи вел. Не к Северскому он вез тебя, к себе на двор, в Ляхию свою, — она полезла рукой за пазуху и протянула Ксении полоску голубого шелка, что когда-то вытащила из-за

полы жупана одурманенного шляхтича. Та замерла, не смея поверить своим глазам, чувствуя, как больно сажалось сердце от того, что она видела в руках Марфуты. — Узнала, Ксения? Твой налобник. С собой забрал, видать, тогда, когда в хладной нас оставил, у сердца носил с тех пор.

«... Я ведь думал о тебе, моя драга. Потом, после того дня. Сначала часто, потом забылось, только изредка приходили думы... Не веришь?», донеслось до Ксении из того далекого ныне дня, когда разбилось ее хрупкое счастье. Своей же рукой разбила, сама все порушила!

Ксения аккуратно взяла в руки этот шелк, расшитый речным жемчугом, провела пальцем по нему, представляя, как некогда это нехитрое движение творили другие руки. Руки, которые заставляли ее сердце замирать от восторга, а тело — петь от наслаждения. Руки, прикосновения которых ей никогда более не доведется испытать.

Почему он не показал ей этот налобник ранее? Почему не признался ей в том, что чувствует к ней? Ксения упала на постель, пряча лицо в подушках, вспоминая раз за разом каждый миг, проведенный подле него, каждое касание руки, касание губ. А потом вдруг всплыли в голове глаза, горевшие огнем ненависти: «...Сука! Отольются мне твои слезы, говоришь? А я-то, дурак, верил тебе...!»

— Я помогу ему! Не позволю ему сгинуть тут! Не позволю! — решительно прошептала Ксения, выпрямляясь, и Марфа испуганно отшатнулась от постели, озираясь на дверь, словно ожидая, что сейчас в спальню ворвется Северский.

— Что ты, Ксения? Помнишь, что в тот раз случилось? Ныне же только хуже будет, — попробовала Марфа уговорить ее, но та не унималась, уже слезала с постели, зашагала по спальне, раздумывая. А потом вдруг остановилась, взглянула на свою служанку, упрямо выпячивая подбородок.

— Мне все едино ныне, Марфа, — прошептала она горько. — Сгинет он, и мне не жить! Не хочу более такой жизни, как была, а тем паче, теперь, когда ведаю... ныне я бы без раздумий отринула бы и отчую землю и речь, родичей бы отринула, чтобы за ним идти и жить подле него женой невенчанной. Пусть даже батюшка проклянет, коли узнает! Пусть даже так, лишь бы с ним! — она застонала тихо от боли, что снова закралась в сердце, закрыла лицо руками в отчаянье. — О, я бы все отдала, лишь бы спасти его жизнь от той недоли, что простерла над ним свою ладонь! Не жить мне! Не смогу!

Марфа прислушалась к грозе, что проливалась плотной стеной ливня на вотчину Северского, грозила откуда-то издалека раскатами грома, а после вздохнула, поднялась на ноги и подошла к Ксении.

— Я все устрою, Ксения, — глухо сказала она, отводя ладони Ксении от заплаканного лица, глядя той пристально в глаза. — Чем смогу, подсоблю. В долгу я перед вами всеми, а долги все возвращать надобно.

— Но как же, Марфута? — прошептала Ксения. — А Владомир? Он ведь не сможет помочь, ежели... ежели муж мой узнает. Тогда только Бог нам в помощь.

— Вот перед ним и буду ответ держать. А Владомир! — она стянула с головы убрус и показала ссадину на виске. — Вот мне награда от супруга моего за правду. Я ему о Северском все открыла, а он меня за косы оттаскал, чтобы не грешила впредь, не порочила его господина. Будто к чужому человеку вернулась... нет моего Владомира, кого любила когда-то... Видать, и не было никогда. Предал он меня... предал. Сердце стонет, кричит от горя, а ему и дела нет до того.

Более они не говорили ни о пленниках, ни о потере, что понесла Марфута. Легли в постель вместе, лицом к лицу, как когда-то в детстве, когда любили посплетничать ночью, пока мамки спят беспробудным сном, так и заснули, будто в отрочество свое вернулись. Когда же Ксения пробудилась, за окном уже всюду светило солнце, а Марфы подле не было, только тихо, как мыши, сустились, выкладывая платье боярыни, прислужницы. Они-то и поспешили к постели, видя, что она открыла глаза, помогли спуститься на пол, сняли с нее ночную рубаху и принялись вытирать ее лицо и тело мокрым куском полотна. Потом стали одевать боярыню, аккуратно расправляя расшитые ткани, поправляя богатые уборы.

— Что боярин? Где он? — спросила Ксения, когда ее туалет был завершен, и прислужницы отступили в сторону, ожидая приказов боярыни.

— В горнице большого дома, — проговорила одна из служанок. — С Владомиром сотником. А недавно Брючу к себе позвал.

Кузнец Брючислав был не только мастером железных дел, но и за пыточника при боярине состоял. Именно поэтому Ксения чуть пошатнулась, тут же сделав вид, будто на подол наступила. Вот оно, началось все же, несмотря на ее молитвы! Она не смогла отвлечься от этих мыслей потом, все крутилось и крутилось в голове страшное видение, вставало перед глазами — и когда она сидела у пяльцев, пытаясь отвлечься работой, и когда вышла прогуляться в сад, чтобы развеяться от дум.

В саду и нашла ее Марфа, что принесла весть — боярин приказал мыльню истопить нынче к вечеру, нарушая негласное правило *{1}*, а к ночи после омовения к боярине придет в терем. Ксения вздрогнула, услышав это. Вот еще одно ныне свершится, чего она так опасалась!

— Иди в мыльню, Ксения, — прошептала Марфа, склоняясь к Ксении, будто к кому поправляя той. — Мыльня на заднем дворе, уйдем девок за чем-нибудь, пройдем задниками до хладной. Увидеть — не увидишь, но хоть голос услышишь через оконце. А в мыльне уже обдумаем, как нам с тобой ляхов вытащить из усадьбы.

— По воде уходить им надо, — Ксения показала на реку Щурю, протекающую за высоким тыном позади нее. — По реке дойдут почти до самой границы. А там уж с Божьей помощью...

Марфа кивнула задумчиво, и у Ксении вдруг сжалось сердце от того, как осунулась ее служанка за прошедший день. Всего один день — а она уже совсем не та, будто погас в ней огонь. Щеки впали, глаза — опухшие и красные от слез, а весь облик — горе огромное.

— Как ты, милая? — тихо спросила Ксения, пожимая руку Марфуте. Та подняла на нее глаза и попыталась улыбнуться, только вышло это совсем криво и неловко.

— Выдюжу, Ксения, — и после недолгого молчания добавила. — Я на могилку ныне ходила. Он даже креста не справил до сих пор. Мол, недосуг было, дел много было, ведь главой в вотчине был, пока Северский уезжал. Будто не сына схоронил, а пса! Опять твердил мне, что люди теряют детей, что это не такое уж дело диковинное. Но что до мне до людей других, Ксения? Что до его уговоров? — она погладила висок через ткань убруса, касаясь места удара, нанесенного рукой мужа вольно или невольно. Теперь она понимала, что чувствовала Ксения, когда лях оставил ее в хладной. Сердце рвется от горечи и обиды, но забыть о любви предательской не дает ни на миг.

После полудня, когда усадьба затихла на время дневного сна, направилась Ксения со своими прислужницами в баню. Только когда помогли снять боярыню одежды, оставив ту в одной рубахе нательной, Марфа вдруг забеспокоилась, что мол, вот незадача, на полотне,

что взяли пятна какие-то, а потом, когда отправилась одна девка за полотном чистым обратно в терем, ушли и другие — одна за другим летником, вторая — за квасом в ледник. Тут же, убедившись, что прислужницы скрылись из виду, из бани выскользнули две женские фигуры, короткими перебежками за задними стенками построек хозяйственных достигли низкого сруба из толстых дубовых бревен.

Ксения, оставив Марфу сторожить на углу хладной, нашла взглядом маленькое темное оконце под самой крышей сруба, закрытое толстой железной решеткой, встала под него, удерживая на плечах норовивший соскользнуть опашень. Она и боялась окликнуть сидящих внутри хладной ляхов, и желала того более всего на свете. Наконец последнее пересилило, и она, стараясь особо не шуметь, кликнула полусшепотом:

— Эй! Эй, внутри!

Сначала не было слышно ни звука, а после что-то закопошилось прямо под оконцем с той стороны стены, и сердце Ксении ухнуло куда-то в пятки от волнения.

— Кто тут? — раздался голос изнутри. Ксения не разобрала, чей это говор был — Владислава или иного ляха, что сидел в хладной. Она хотела позвать шляхтича по имени, назваться самой, но внезапно сдавило горло, и ни звука не вырвалось из распахнутых губ, только писк странный.

— Кто это? Кто? — проговорили немного отчетливее, но Ксения не могла выдавить из себя ни слова.

Только царапала ногтями бревна хладной, прислонилась лбом к дереву, роняя в высокую траву под ногами горячие слезы. А голос все взывал к ней, умоляя откликнуться, резал по напряженным нервам своей настойчивостью, своим певучим акцентом. И она вслушивалась в него, пытаясь опознать этот голос, разгадать в произнесенных словах свое имя, и одновременно боясь этого — ведь тогда она едва ли найдет в себе силы уйти отсюда.

Как же Ксении хотелось ныне, чтобы ушла эта преграда меж ней и Владиславом, так жестоко разделившая их опять! Только бы обнять его снова, прижавшись всем телом к нему, провести пальцами по его волосам, коснуться лица. Она на все пойдет, лишь бы он жил! На все! Даже живот свой положит, только бы вырвать его отсюда!

— Боярыня... — громким шепотом окликнула Ксению Марфа со своего поста, подавая знак, что пора уходить, и той ничего не оставалось, как в последний раз царапнуть ногтями дерево под своей ладонью, а после быстро побежать к Марфе, удерживая на плечах опашень.

Марфута вызвалась сама помогать боярыне в бане, оставив прислужниц в притворе, чтобы не видели те, как заливается слезами Ксения, как снова и снова пытается остановить свой плач, но ничего не выходит, и опять прорывается вой сквозь плотно сомкнутые губы.

— Нынче вечер пойдет в пыточную, — плакала она. — И Брючу уже позвал... и мыльню приказал истопить. А после ко мне... руки в крови будут... За что мне это, Марфа? За что?

— Тише, боярыня, тише, — приговаривала Марфа, окатывая ту прохладной водой в мыльне из ушата, вытирая ее тело полотном. — У стен есть уши, есть очи у стен, боярыня. Ничего, лях крепкий — сдержит и не такое. А потом мы дождемся, когда в сторожа пойдут самые молодые, самые непытливые. Я ключи стащу у Владомира с пояса. Вот и откроем темницу-то ляшскую. Ранее вывели уже из-под топора русского, неужто нынче не сможем? А тебе надо с Северским ухо остро держать, Ксения. Ни словом, ни взглядом ни себя, ни своей кручины не выдай. Иначе он тут же замучает ляха... тут же, помяни мое слово. Да и тебе достанется тогда!

Легко было сказать Марфуте — не выдать себя, думала Ксения после, шагая по своей

спаленке из угла в угол. Всех своих прислужниц она прогнала прочь, даже Марфу отпустила, не желая никого видеть нынче. Она то опускалась перед образами и неистово клала поклоны, умоляя защитить Владислава от лютой Северского, то валилась на постель в тихих рыданиях, зная, где ныне находится ее муж (одна из прислужниц принесла ей это страшное известие). Потом вспомнилось, как муж целовал ее день назад, прижав спиной к возку, и чувство отвращения охватило ее. Нет, не смогу! Думала, что вот так, когда Владислав уже не видит и не слышит, будет легче, но потом сообразила, что он все равно будет знать. Знать, что будет происходить в этой комнате. Да и ей-то каково будет вытерпеть?

Ксения заметалась по спаленке, ища какой-нибудь способ избежать того, что предстояло ей нынче вечером. Нет, она пока не готова принять Северского, ведь еще помнит тело каждое касание другой руки, каждый поцелуй других губ. Ведь Матвей Юрьевич придет к ней, насытившись кровью того, кто недавно ласкал ее, того, для кого бьется ее сердце.

Ее взгляд упал в соседнюю светлицу, на пяльцы и корзину с нитями, а потом зацепился за блестящие в лучах закатного солнца ножницы из серебра, что Северский подарил ей среди других даров к свадьбе несколько лет назад. Она быстро метнулась из спаленки, с трудом вытащила ножницы из клубка шелковых ниток. Потом задрала подол рубахи и на миг замерла, раздумывая, держа ножницы в руке за одно из лезвий.

Вдруг Ксения расслышала тяжелую поступь шагов в переходе, что вел в ее покои, из основных хором, и резко полоснула себя по ноге, потом еще раз, ведь с первого раза не удалось рассечь нежную кожу на внутренней стороне бедра.

Она едва успела кинуть ножницы обратно в корзину и быстро забежать в спаленку, как дверь в ее покои отворилась, и Северский зашагал через светлицы к спальне. Она склонилась перед ним в низком поклоне, но ничего не произнесла, как обычно, только выпрямилась, опуская глаза в пол. Он же быстро подошел к ней и поднял ее лицо вверх, ухватив пальцами подбородок.

— Ксения Никитична, — приветствовал он ее, целуя в губы. Она напряглась невольно — снова этот поцелуй — такой глубокий, такой властный. Он редко целовал ее ранее, просто укладывался с ней на постель и начинал трогать ее тело, гладить, иногда щипая ее больно, если она лежала совсем безучастно. И только когда язык проник глубоко в рот, позволила себе отвернуться, сама не своя от той дрожи, что трясла ее тело. Господи, как выдержать это?

Северский прервал поцелуй, заметил выражение ее лица, но принял его за смущение и стыд, улыбнулся довольно, погладил по щеке. А потом медленно проговорил:

— Нет греха в поцелуях мужниных, Ксения. Нет греха в любви плотской. И в наготы греха тоже нет, — убеждал он, принуждая забыть учение церкви о любви между мужчиной и женщиной. А потом добавил. — Сними рубаху, Ксения, — ухмыльнулся, заметив ее потрясенный взгляд.

Никогда ранее он не просил ее об том, никогда ранее не пытался увидеть ее тело, а если и стягивал с нее, легко преодолев сопротивление, рубаху, то делал это в абсолютной тьме, без света свечей. Ныне же было довольно светло — он пришел ранее обычного, только сумерки опускались на вотчину. А впрочем, ныне все было не так, как ранее. Даже сам Северский был какой-то иной: и смотрел на нее, и касался совсем по-другому.

Знать, не судьба, с горечью подумала Ксения, медленно тяня подол рубахи вверх, знать, не суждено ей обмануть мужа. Но тот вдруг замер, глядя на ее ноги, а после отшатнулся, не

скрывая брезгливости на своем лице.

— Ты погана, что ли, Ксения? — проговорил Северский, отходя от нее на шаг, и Ксения проследила за его взглядом — по ее ноге спускалась вниз тонкая дорожка крови.

— Выходит, что да, — Ксения опустила вниз голову, пытаясь скрыть то облегчение, что охватило ее при виде собственной крови, бегущей от колена к ступне. Теперь уж точно он не придет к ней в ближайшие несколько дней, теперь она может не опасаться его домогательств.

Северский кивнул, погруженный в свои мысли, а после вдруг быстро поцеловал ее в лоб, держа ее на расстоянии от себя, и вышел из ее покоев. Ксения же в изнеможении опустилась на постель за своей спиной, стараясь выровнять дыхание, а не закричать во весь голос от радости, что ей удалась ее задумка. Она все же хихикнула немного нервно, довольная в этот миг своей сообразительностью, уверенная, что ежели смогла в этом обмануть мужа, то удастся и то, чего ей так страстно желалось — уберечь Владислава от недоли и смерти.

Тихо стукнули в дверь покоев. То вернулись прислужницы, отосланные на время, что должен был провести боярин в спальне Ксении, загалдели, зашумели, доставая из сундука сменную рубаху для боярыни. Быстро задернули кисейной занавесью образа по обычаю {2}. Ксения заметила в руках одной из девок свернутое полотно и срамные порты {3} и поняла, что попалась — сними она рубаху или позволь им прислужить ей в этом деликатном деле, то вся ее затея откроется.

— Где Марфа? — резко спросила она, и девки замолчали, уставились на нее, замерев при громком окрике боярыни. — Пусть Марфа мне послужит!

Бросились искать Марфу. Ксения же замерла, следя за каждой девкой, чувствуя, как медленно стекает по ноге кровь. Потом попросила у прислужниц полотна ногу вытереть, но к себе их по-прежнему не подпустила, заставив тех озадаченно переглядываться.

Прибежала посланная за Марфой девка, сказала, что в усадьбе той нигде нет, видать, на кладбище в село ушла. Снова стали робко предлагать боярыне помощь, да Ксения уже готова была смириться, понимая, как странно выглядит ее поведение в глазах прислужниц. Они непременно увидят рану на ее бедре, пойдут шепотки, недосужие разговоры. Ксения хотела сказать, что сама себе послужит, пусть судачат о ее странном поведении, сколько пожелают, но тут из сеней терема раздался тихий звук шагов, через светлицы шла в спальню Марфута, сменившая белый убрус мужней жены на темный вдовый платок, выражавший ныне всю степень ее горя от потери дитяти единственного. И как только Владомир позволил ей это?

— Марфута мне послужит! — громко приказала Ксения и отослала прислужниц в соседнюю светелку взмахом руки. Те явно дивились ее решению, тихо перешептывались, смущенно оглядываясь в спальню через открытую дверь. Марфута же приняла из рук выходящих прислужниц полотно и порты, подошла к Ксении.

— Дни поганые, Ксения? — та покачала головой в ответ, уклоняясь из вида заглядывающих в спальню любопытных девок, отмечая мысленно, кто будет ныне порот на конюшне розгами. Потом стянула запачканную рубаху, молча показала на кровоточащий порез на ноге. Кровь уже начинала сворачиваться, более не текла по бедру. Марфута кивнула, опустила кусок полотна в небольшую миску, куда предварительно налила воды из кувшина, быстро вымыла рану. После так же без лишних слов принялась помогать Ксении с чистой рубахой.

— Боярина вздумала обмануть? — покачала головой Марфа, присаживаясь на корточки перед Ксенией, чтобы помочь той порты натянуть. — Что будешь творить, когда поганые все

же придут? Больной по женскому делу скажешься?

— Плохо пустой бабе, — с горечью произнесла Ксения. — Кровит чаще, чем обычная.

Марфа, натягивающая в этот момент вверх по ногам боярыни срамные порты, вдруг резко поднялась, едва не ударив при этом своей макушкой склонившуюся к ней Ксению. Та еле успела отшатнуться от неожиданного движения своей прислужницы.

— Ты что, сдурела, Марфа? — вскрикнула она, а та только стояла и смотрела на нее, бледная, как смерть, в обрамлении темного полотна.

— Ой, Ксения! — простонала та, а потом вдруг метнулась к ней, быстро помогла довершить одевание, что-то приговаривая себе под нос, качая головой, но вопросы Ксении о том, что было причиной ее странного поведения, игнорировала, только в глаза смотрела как-то странно, будто пытаюсь отыскать в них какой-то ответ своим мыслям.

Скрипнула дверь в женский терем, и тут же притихли прислужницы в соседней светелке. Кто-то шел к спальне Ксении, и этот кто-то явно заставил говорливых девок смолкнуть. Ксения тут же насторожилась — муж ее что ли воротился? Но нет, то не вовсе не Северский был. В тишине светелки прозвучал женский строгий голос.

— Где боярыня? — спросила Евдоксия у прислужниц, и те поспешили указать на светелку, мол, там она с Марфутой. — А вы то что тут? Ленишься надумали? Забылись совсем?

Перепуганные прислужницы, знавшие, как сурово обходится ключница с лентяями в вотчине, быстро заговорили, перебивая друг друга, что был то приказ боярыни оставить ее наедине с постельницей своей. Ксения же тем временем показала Марфуте на домашний летник, и та помогла боярыне облачиться, чтобы в достойном виде встретить ключницу, выйти к ней в светлицу.

— Что надо тебе, Евдоксия? — Ксения даже не пыталась скрыть неприязнь, что испытывала к этой высокой женщине, делящей с ее мужем постель, фактически заменившей Ксению во всех сторонах жизни в усадьбе. Ключница же только поджала губы, заметив, как стали переглядываться при этом девки, как по-царски прямо Ксения заняла место на стуле, что стоял подле пьестов, как сурово взглянула на нее из-под темного платка Марфута, скрещивая руки на груди. Ох, и унижение, ей, истинной хозяйке усадьбы, стоять тут перед этой пигалицей большеглазой, глядящей на нее будто королевична какая на холопку свою!

— Вижу, не сломил твой норов полон ляхский, — с усмешкой проговорила Евдоксия, перебирая кисти пояса узорчатого, что висел у нее на талии. Тихо зазвенели ключи от всех клеток, от всех построек хозяйских, висевшие на кольце на поясе. Глаза Ксении непроизвольно сместились на них, и Евдоксия заметила, как в их глубине мелькнула горечь. Вот так, пострадай напоследок, пострадай, подумала ключница. Но эти страдания твои — ничто перед тем, что я устрою тебе за свое унижение нынешнее.

— Негоже ключнице о норове боярыни глаголить, — отрезала Ксения. — Пошто пришла? Говори и уходи, отдыхать желаю, притомилась за день, да и нездоровится мне.

— Боярин велел тебе передать кое-что, — Ксения с нарастающим в ней изумлением наблюдала, как Евдоксия пояс развязывает и снимает с него кольцо с ключами. — Отныне ты — управительница усадьбы, как и положено по статуту, я же в помощь тебе иду.

Ксения кивнула одной из своих служанок забрать ключи из рук Евдоксии, но не стала передавать их, бросила на ковер к ногам Ксении, гордо подняв голову.

— Могу ли я удалиться, боярыня? — холодно проговорила она, и Ксения поспешила кивнуть ей, отпуская прочь из своих покоев, что та и сделала — резко развернулась, аж убрус

взметнулся вверх парусом белым, и вышла из светлицы, хлопнув дверью из сеней.

— Что это он задумал, Ксения? — тихо прошептала в ухо боярыни Марфута, склонившись к той из-за спинки стула. Ксения промолчала, перебирая пальцами железные ключи, поданные ей одной из прислужниц с пола, глядя кольцо, на котором те висели. Ей было не по себе от неожиданного решения Северского спустя несколько лет их брака передать ей права хозяйки своей усадьбы. Горечь и настороженность свели совсем на нет радость, вспыхнувшую в душе, когда впервые ее пальцы коснулись этих ключей.

На радость или на горе ее пришли к ней права управительницы усадьбой, Ксения ответа на этот вопрос не могла разгадать, как ни пыталась.

1. Летом бани топились редко из опасения лесных пожаров

2. Считалось, что во время менструации («поганных дней») женщина может запачкать многое — в т. ч. и свято-духовное.

3. А-ля панталон из холстины. Носились только во время менструации. Известны с середины XVII века, но могли бы быть и в начале века, правда?

На следующее утро Ксения пробудилась задолго до рассвета, даже до того, как открыли глаза ее прислужницы, спавшие при ней в спальне. Она еще долго не могла уснуть прошлым вечером, так и лежала, пока на уже ставшем темно-синим ночном небе не зажглись яркие звезды. Ксения запретила служанкам притворять окна в своей спальне, чтобы видеть хотя бы кусочек небосвода, чтобы смотреть на эти яркие точки. Она вспоминала, как еще совсем недавно так же наблюдала за их мерцанием, только лежала не на перинах, а на широкой мужской груди, слушала мерный стук сердца. И снова приходили горькие слезы, которые Ксения роняла беззвучно, не делая ни малейшей попытки стереть их с лица, ведь прислужницы спали чутко, приученные просыпаться при каждом шорохе перин.

Вечор Северский долго бражничал в одной из горниц большого дома, до Ксении долго доносился гул хмельной чади, гуляющей вместе с боярином. Она вслушивалась в их крики, в их громкий смех, их здравицы Матвею, что иногда долетали до ее уха, и чувствовала, как сжимается ее сердце от страха. Она, как никто другой знала, что под хмелем в ее муже просыпается чувство собственной власти, своей силы и неумное желание продемонстрировать их. Очень часто он поднимался в такие вечера к ней в терем, прогонял девок, оставаясь с ней наедине. Он приносил с собой тогда дурака {1}, будто заранее знал, что она не выдержит его насмешек над собой, его упреков в ее несостоятельности, как жены.

— Пустая жена хуже немощного холопа, Ксения, — говорил Матвей слегка заплетающимся языком, крутя дурака в своих руках. — Какая от нее польза мужу? Никакой! Что принесла в мой дом ты, Ксения, кроме своей красоты? Ничего. Только свою упертость, свой норов, неподобающий жене. Не зыркай на меня своими глазами из-под бровей, я ведь с тобой по-хорошему, Ксения. Другой бы сек тебя до крови день за днем, а то и вовсе в род вернул. Кому нужна пустая жена?

Но Ксения знала, что вовсе не благородство удерживает Северского от этого шага. Земли, что она принесла в приданое, богатства, что привезла с собой в больших ларях в его вотчину, защиту и поддержку рода Калитиных. Вот, что может утратить Северский, верни он ее обратно в семью.

Она не сразу научилась скрывать свои мысли, что тут же легко читал ее муж по ее лицу — ее иронию, ее усмешку, ее неверие. И тогда он тут же бил ее. Иногда по лицу ладонью, царапая перстнями нежную кожу, иногда (если стоял далече от нее) размахивался дураком и бил по плечам и рукам. Бил, пока она не падала на ковер, не сворачивалась клубком, чтобы хоть как-то укрыться от его ударов. А потом, когда Матвей успокаивал свою ярость, то отбрасывал в сторону плетъ, разворачивал Ксению к себе лицом.

— Может, в этот раз ты твое нутро все же примет мое семя! — с этими словами он рвал на ней одежды, легко подавляя ее сопротивление, даже наоборот распаляясь им. Скоро она поняла, что приносит ему некое удовольствие своими криками, своим неприятием того, что он творит с ее телом, и перестала сопротивляться его напору и силе, просто молча лежала, пока он не насытит свою страсть, не удовлетворит свою похоть.

Однажды, правда, не выдержала во время очередной порции упреков Северского, позволила себе возразить ему. В тот вечер он не стал ее насиловать, оставил в покое до утра. Ибо до самого рассвета она пролежала без движения, бездушная и безвольная, вследствие удара об угол ларя, окованного серебром, что стоял в углу спальни.

Ксения неосторожно позволила себе опровергнуть его слова, а потом, видя, что ошеломила его своей бурной речью, своими возражениями, вдруг вошла в раж, подстегнутая его молчанием, его опустившими плечами. Кричала в голос, хлеща его едкими словами, что шли из глубины души, что скопились в ней за эти несколько месяцев ее брака с Матвеем.

— Я пуста? Пуста? Кто может сказать это достоверно? Никто! Кто знает, чья вина в том, что наш брак так и дал чад? Ты же был уже венчан, Матвей Юрьевич, я ведаю про то. И также не прижил никого в том браке. Быть может, это ты не волен иметь потомства? Ты, а не я! Ты!

Она даже не заметила, как он ударил ее, так быстро все это случилось. Ударил не ладонью, как бил ее по лицу ранее, а кулаком. Со всей своей силы. А потом еще раз и еще. Она не выдержала этих ударов, чувствуя соленый вкус крови во рту, хотела отступить от него, убежать, спрятать где-нибудь, потому как прочитала в его глазах нечто страшное. И сразу же вспомнила, как шептались слуги на дворе ее отца перед свадьбой, что, мол, умертвил Северский первую жену при пожаре в родовой вотчине, как бы и их касатку не уморил бы. Но Ксения успела сделать только один шаг, а потом очередной удар сбил ее с ног, и она упала. Упала, ударившись виском о серебряный угол ларя, разбивая голову в кровь, едва не отдав в ту ночь Богу душу.

Будто возникнув из Ксениных тяжелых воспоминаний во дворе вдруг раздался голос Северского, а потом — уже тише, мерно, будто уговаривая — заговорил Владимир.

— Тише, тише, боярин. Ночь уже, да и ты утомился ныне поди, такой долгий день был. С зааврева, с зааврева.

— Кто тут боярин, Владимир? — взревел пьяный голос, и Ксения невольно сжалась. Зашевелились проснувшиеся девки, задвигались в своих постелях на полу спаленки, что бормоча со сна себе под нос. Но распознав в шумевшем боярина снова улеглись обратно, притихли.

— У Заславского старого нет выхода, кроме как принять мое слово, мою волю! — шумел Северский. — Его второй сын мелок и ничтожен. Тьфу, а не сын! Такого надо давить было в колыбели, чтоб не портил род. Он примет мою волю, этот ляшский пан!

— Мы держим при себе не наследника рода, боярин, — произнес Владимир, невольно подписывая своими словами приговор Владиславу. Ксения едва сдержала крик, что так и норовил сорваться с губ, едва она разобрала слова сотника. — Никто не отдаст земли за младшего. Ты бы не отдал.

— Не отдал бы, — подтвердил Северский. До Ксении не донеслось более ни слова, и она решила, что они удалились обратно в душную горницу, как вдруг снова заговорил Матвей. — Тогда зааврева я с ляха обиды свои взыщу, Владимир. Думаю, он крепче нынешнего будет. Пойдем, выпей со мной, Владимир! Я боярского вина {2}приказал достать из ледника. Довольно с нас меда ставленого!

— Прости меня, боярин, я уже хмелен, — вдруг возразил ему Владимир. — Да и устал я за день. Домой мне бы! Дозволь уйти.

— Домой? К Марфе под юбку? — зло ответил Северский своему сотнику. — Ты, Владимир, обабился совсем. Не стоило тебе жену брать в избу свою, зря я позволил тебе. В бою не будешь о бабе своей думать, а, Владимир? А то всю мою чадь положишь!

— Ты же ведаешь, боярин, за тебя я в бой иду, не за бабу свою. Твою волю творю, истинно говорю! Крест же тебе целовал!

— Помни об том, сотник! — громко прошипел Северский. — Ступай к своей бабе, коли

так.

Во дворе вскоре все стихло: ушел в терем боярин, удалился к избам Владомир, торопясь вернуться к жене, с которой никак не мог найти лада, что был некогда у них. А Ксения снова глянула в оконце на кусочек звездного неба, повторяя мысленно только одну фразу, услышанную ныне: «Тогда завтра я с ляха обиды свои взыщу!»

Оттого-то ее так и страшило это утро, наполняющее спальню розовым светом. Оттого-то так больно сжималось сердце при виде того, как медленно встает солнце из-за леса, виднеющегося за высоким тыном усадьбы. Даже тихое щебетание переговаривающихся между собой девок, что ранее вызывало неизменно улыбку у Ксении, ныне раздражало ее этой жизнерадостностью, этим весельем.

Стукнула дверь в сенях терема. Это пришла Марфа, за которой Ксения посылала одну из девок.

— По двору ныне пойдем, — проговорила Ксения. — Пойду проверять работы. Сама!

Вернулась одна из прислужниц, посланная по поручению боярыни. Повела той, что боярин почивает еще, а вот Евдоксия уже прибрана и придет к крыльцу терема, как и просила Ксения. Марфа при этих словах подняла брови и взглянула на Ксению.

— Дразнить ключницу вздумала? Не к добру то.

— Дразнить? Больно надо! — Ксения дернула головой невольно — одна из девок, вдевая в ухо тяжелую серебряную серьгу с бирюзой, защемила ей нечаянно нежную кожу. Ксения оттолкнула ее от себя и кивнула Марфе, мол, займись мною. — Мне нужна она, Марфа. Как ты себе мнишь — я пойду к каждой двери ключи подбирать?

— Я могла бы тебе показать, какой ключ от какой двери, — прошептала тихо Марфута. — У Владомира те же ключи, Ксения. Северский ему верит боле ключника и дворецкого.

Ксения повернула голову и встретила глазами со служанкой своей. Неужто та о том же думает, что и она, боярыня? Неужто на этом большом кольце есть ключ от холодной? Тогда все так просто выходит. И Марфуте нет нужды ключи у мужа красть.

— Спрячь свое лицо, Ксения, — тут же прошептала Марфута. — Особливо от Евдоксии. Коли с ней ныне по двору пойдешь, то и думать о ляхах не смей! Выдашь себя с головой!

Как же не думать, подумала Ксения, когда она, подобрав подол сарафана, спускалась вниз по ступенькам крыльца терема. Как не думать, коли ныне Владислава отведут в пыточную, отдадут в сильные руки Брячи? Только стерпи, милый, этот день, а ночью, ежели Бог будет со мной, приду за тобой, отворю темницу твою.

Евдоксия уже ждала боярыню у крыльца терема, по ее напряженной спине Ксения поняла, что ее просьба была неприятна ключнице, некогда владевшей властью над усадьбой, что ныне перешла в руки Ксении. И она не могла утаить от себя, что невольно радуется этой злости ключницы, радуется этому решению Северского сделать, пусть и спустя несколько лет, свою жену истинной хозяйкой в усадьбе. Ныне не любовница стоит над ней, а она, законная жена, властвует над подстилкой ее мужа!

Евдоксия повернулась на звук шагов по дереву ступенек, и по тому, каким огнем злости на миг вспыхнули ее глаза, Ксения поняла, что не сумела скрыть своих эмоций, что те легко были распознаны ключницей. Но тем не менее, Евдоксия поклонилась боярыне в землю, как и требовал обычай, едва не задев травы у крыльца концом убруса.

— Доброго дня моей боярыне. Что та пожелает увидеть на дворе? — проговорила ключница. Она была спокойна, но это спокойствие напомнило Ксении вдруг гада,

свернувшегося на пне, но уже готового броситься на своего врага, раскрыв пасть для укуса.

— Сперва идем в поварню, — решила Ксения и уже направилась в ту сторону, но Евдоксия остановила ее:

— Коли для того, чтобы о кушанье распорядиться, то не стоит спешить туда. Я уже отдала приказ, как обычно. После я поведаю боярыне, что за кушанья боярин любит к трапезам. Коли надобно будет.

Подчеркнуто подобострастно, но лишний раз Ксении указали, что она много не знает в усадьбе, хотя и прожила тут немало времени, что была не у хозяйских дел так долго, что это ее, Евдоксии право, и та не намерена пока уступать ей его.

Ксения решила пропустить мимо ушей эти слова, этот тонкий намек на то, что все может снова поменяться в усадьбе, и ключи вернутся обратно. Ни словом, ни взглядом не показала ключнице то, что задета за душу, предоставив это Марфуте, вдруг толкнувшей будто случайно ту плечом, обходя ее. Так и осматривала хозяйские службы, внимательно оглядывая, запоминая каждую деталь, в душе ощущая странную радость от того, что ныне она хозяйка на этом дворе. Наконец-то она возьмет бразды правления хозяйством в свои руки, ведь для того ее и готовили с самого детства мамки. Конечно, не всегда жена становилась в управление усадьбой, иногда становясь пленницей в женском тереме, коей недавно была сама Ксения. Но ведь ключник ведал и расходами, и иногда так и норовил исхитриться и положить себе в карман что-то помимо месячного жалованья. Только жена могла без худого умысла вести хозяйство и приумножать его.

Задумавшись, зачаровавшись той властью над всеми этими людьми, которых Ксения встречала в хозяйских постройках — ткачих и швей, прачек и чинильщиц одежд и белья, столяра и сапожника, квасоваров и винокуров, поваров и другие поварских людей, она совсем забыла о том, что так тревожило ее ныне поутру, забыла о своей доле. Она опомнилась только, когда подошла со своей маленькой свитой к погребам и ледникам, что были на самом краю двора, недалеко от хладной, где держали пленников. Как раз в это время из низкого сруба двое чадинцев выносили из темноты хладного одного из ляхов. По тому, как бился затылок пленника о землю, по его запрокинутой голове было легко опознать, что его тело было пусто, что душа уже покинула его.

Чадинцы кинули тело ляха на колымагу, что стояла подле сруба, и, расслышав женские вскрики позади себя, оглянулись, стянули шапки, кланяясь помертвевшей от увиденного боярыне в землю. Так же низко склонилась и охрана, стоявшая у крепкой двери хладной.

— На топь повезли, — тихо прошептала Марфута, стоявшая позади Ксении, но Евдоксия слышала ее, взглянула внимательно на боярыню и ее постельницу.

— А как иначе? Ведь вернется же иначе вурдалаком, — она добила, чего хотела — за спиной Ксении испуганно заверещали, зашумели девки, и Марфуте даже пришлось прикрикнуть на них: «Дуры! Его ж в топь бросят! Не выбраться ему!».

Ксения же даже головы не повернула — все глядела вслед колымаге, выезжающей через задние ворота из усадьбы, увозя ляха в его последний путь. Там, в глухом лесу его тело опустят в болото, придавив тяжелым камнем грудь, чтобы не выбрался он на свет Божий, не пошел искать своего обидчика. Отныне его душе суждено томиться на этом свете. Не будет ей покоя без отпевания церковного.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ксения вдруг вспомнила, как эти руки, что так безвольно волочились недавно по пыли двора, вырезали ей цветок из толстой ветки березы. Она не сразу поняла, что протягивает ей

этот смущенный лях под смешками остальных и хмурым взглядом Владислава. Полевая ромашка, царица луга, так искусно вырезанная из дерева, что захватывало дух. Примет ли Господь ее молитву за раба своего Остафа, чтобы его душа нашла покой, чтобы была принята в небесные чертоги, ведь он иной с ней веры? Чужой веры...

— Такой ладный с виду да сильный, а оказался... — донеслось будто издалека до Ксении. Она повернула голову и встретила взгляд Евдоксии. — Ныне за их пана боярин возьмется. Крепок ли тот духом, боярыня? Силен ли телом?

— Отчего ты задаешь мне такие дерзкие вопросы? — с трудом разлепила пересохшие губы Ксения, и Евдоксия поспешила изобразить на своем лице покорность и раскаяние в своих словах, опустила глаза на миг в землю. — Не забылась ли ты, ключница?

— Как же забыться, боярыня, коли ты передо мной, — ответила глухо ключница, а после подняла голову и переменила тему, как не в чем ни бывало. — Скоро обедня, а мы еще в клетях не были. Поспешать надо. Остались только большие ключи от погребов, боярыня, да ледников на дворе, и в терем воротимся, клетки смотреть будем.

— От погребов? — переспросила Ксения, и Евдоксия взглянула на нее через плечо насмешливо.

— У тебя на кольце хозяйские ключи, боярыня, только они!

Ксения взглянула на ключи в своих руках, чувствуя, как в груди медленно поднимается волна слепого отчаянья. Не придет она, когда ночная темнота опустится на землю, к этому срубу, не отворит эту дверь, от которой так старательно ныне отводит взгляд. Не суждено ей дать этой ночью пленникам свободу, вырвать Владислава из рук Северского, который сполна выместит на том свою ярость, свои обиды, нанесенные имени боярина.

Она настолько была во власти своих невеселых мыслей, что едва взглянула на содержимое погребов и ледников, а после быстро зашагала в надпогребницу, где располагалась хлебня, желая поскорее закончить осмотр и вернуться в женский терем, прогнать всех прислужниц и выплакать свое разочарование и свой страх перед неизбежным на плече у Марфы. Ксения почувствовала вдруг, как натянулся подол сарафана, видать, зацепилась за что-то, решила она и дернулась сильнее в сторону надпогребницы.

— Куда ты, боярыня? — вдруг остановил ее голос Евдоксии, и Ксения резко остановилась, развернулась к девкам и ключнице, стоявшим за ее спиной, попутно отмечая, что это нога Марфуты надавила на край ее подола и мешают ей идти в хлебню.

— Как куда? В хлебню! — отрезала Ксения, злясь на ключницу и на Марфу, ступившую на ее подол. Она подняла глаза на свою служанку, чтобы показать ей взглядом сойти с расшитой ткани сарафана, и заметила, как та незаметно постороннему глазу качает головой.

— В хлебню? — изумилась Евдоксия, и ухо Ксении резанула неестественность ее удивления. И только спустя миг до нее дошло, что она едва не выдала себя с головой. Ведь в хлебню при ее положении нынешнем, при ее мнимых «поганных» днях по обычаю ей был ход заказан. И Марфа не нашла другого способа остановить ее, как наступить на подол сарафана, да только Ксения, к ее сожалению, не сразу распознала, что желает этим показать та.

Ксения резко выпрямилась и развернулась прочь от надпогребницы, делая вид, что донельзя смущена своей едва не свершившейся промашкой, в глубине души кляня себя за невнимательность. Она сумела бы убедить своих девок, что тут же поспешили за свой боярыней разноцветным вихрем сарафанов, лент и убрусов, но Евдоксия, разумеется, не поверила ее уловке, Ксения видела это по ее глазам. Ключница непременно сопоставит и ее поведение нынешнее, и прошлого дня, когда Ксения отказалась принять помощь своих

девок, и дай Бог, чтобы суждения из этого она вынесла бы как можно позднее.

Но Господь не был милостив к Ксении в тот день. Гад, уже нацелившийся для удара, не желал удержаться укус и поспешил атаковать, как только выпала такая возможность. Так и Евдоксия, стремясь очернить любой ценой так неожиданно вдруг приглянувшуюся Матвею жену, свою соперницу в благосклонности боярина, спешила поведать тому о своих подозрениях.

Едва прошло время вечерней службы, когда день подходил к концу, а солнце поспешило к краю земли, как в женский терем принесли приказ боярина явиться Ксении на задний двор, где тот уже ждал ее. Марфа сразу же встревожилась, все качала головой, поправляя одежды Ксении.

— Неспроста на задний двор кличет, неспроста. Накликала Евдоксия, видать, что-то, все ведь на тебя глядела у хладной во все глаза, — Марфа взглянула в бледное лицо Ксении, расправила складки шелковой сороки на плечах. — Не выдай себя, Ксения. И его не выдай. А ключи я нынче же стащу, клянусь тебе! Не тревожься, вытащим мы твоего ляха!

Замирая сердце, ступила Ксения на задний двор, на это свободное от построек широкое пространство, где в центре круга своих чадинцев сидел на резном стуле с высокой спинкой Матвей. Он сразу же поднялся и пошел к ней навстречу, едва заметил свою жену и прислужниц, неизменно следующей за ней по пятам, протянул к ней руки, и Ксении пришлось вложить в его широкие ладони свои едва дрожащие от волнения и захватившего ее нутро страха тонкие пальцы.

— Моя жена, — проговорил Северский, глядя на ее бледное лицо в обрамлении жемчужных поднизей. Он кивком головы приказал прислужницам отойти в сторону, и те поспешили оставить супругов, отошли на некоторое расстояние. — Моя прелестница жена.

Ксения заставила себя не отвести глаз от его взгляда, пронизывающего ее насквозь. Она уже знала, что у того что-то есть на уме, и теперь он будет играть с ней, пока не выведает то, что желает узнать, пока не подтвердит свои подозрения. И видит Бог, она не позволит ему этого ныне!

— Мой господин, — она склонилась и коснулась губами его рук поочередно, выражая свою покорность. Выпрямившись, Ксения отметила, что ему пришлось это по нраву, и решила и далее всеми силами играть смиренность перед мужем.

— Такая покорная, такая учтивая, — медленно произнес Северский. — И такая лживая!

Ксения едва не вздрогнула при его последних словах, но сумела сдержаться. Растянула губы в недоумевающей легкой улыбке.

— Я не понимаю...

— Ты погана или нет, Ксения? — прямо в лоб, не откладывая, спросил Матвей, пристально глядя в лицо жене, пытаясь прочитать по ее мимике и выражению глаз ее истинные чувства.

— Вижу, ключница уже поведала о моей забывчивости, — уже шире улыбнулась Ксения. — Я чуть было не ступила в хлебню и не испортила хлеба. Но лжи в том нет, только моя рассеянность.

— А ежели я прикажу твоим девкам проверить тебя, Ксения? Ежели так?

— Я сама подниму подол, коли потребуешь, — ответила Ксения, глядя ему в глаза. Она очень хотела верить, что тот не пойдет на этот шаг, не желая подобного срама для своей жены. Хотя кто ведает, на что Северский готов пойти, чтобы узнать правду?

Ксения едва не упала на землю от облегчения, что охватило ее, когда Матвей покачал

головой и снова погладил ее пальцы. Она заглянула за его плечо, желая ныне, в этот момент слабости, смотреть куда угодно, только не на него. Ксения поразилась количеству собравшихся за спиной Северского людей. Там были не только его чадинцы, но и несколько дворовых холопов, сотник, стоявший за спинкой стула своего боярина. А теперь вот по знаку Северского туда прошли и Ксенины прислужницы.

Внезапно Ксения встретила взгляд Евдоксии, что мелькнула и тут же скрылась в рядах чадинцев, и поспешила отвести глаза, наткнулась на кузнеца Брючислава, стоявшего напротив стула боярина. На фартуке Брючи и на земле подле него была алая кровь, и в душу Ксении заполонил холодный липкий страх, вспомнила она, кого ныне должен был мучить кузнец на глазах Северского. Она поспешила отвести взгляд, чтобы ненароком не выдать себя пристальным глазам мужа, взглянула вниз, но и это было ошибкой — на сафьяновых сапогах мужа тоже были брызги крови, едва заметные на яркой обуви.

— Верна ли ты мне, Ксения? — вдруг спросил Матвей, и Ксения насторожилась, нутром чуя ловушку, что готовил ее муж. — Верна ли ты мне, боярыня моя? Касались ли тебя другие руки, не мои?

— Верна, муж мой, — другого ответа Ксения не могла дать. Она знала, что ждет неверных жен, возвращенных из полона, но больше всего ее страшила участь Владислава. Ведь мужья обманутые в своих чаяниях спешили покарать не только жен, но и их любовников, коли те попадались им в руки.

Северский взял ее под руку и повел туда в толпу на заднем дворе, прямо к своему стулу, будто трону, возвышающемуся ныне среди его холопов. Потом снова повернулся к ней, склонился к ее уху.

— Не лги мне, Ксения. Я готов простить тебе твой невольный грех. Готов поклясться в том на кресте. Не причиню тебе вреда, ведь нет твоей вины в насилии, что творят ляхи на земле русской. Я готов простить тебе, верь мне. Ведь нет кары страшнее, чем нарушение крестоцелования, верно ведь, отец Амвросий? — последнюю фразу Матвей почти выкрикнул, чтобы все собравшиеся слышали каждое слово. Ксения испуганно оглянулась в ту сторону, куда он смотрел, и заметила иерея их сельской церкви в окружающей их толпе. Она быстро приблизилась к иерею и коснулась губами его руки, прося благословения, умоляя мысленно Господа помочь ей ныне. Ведь что-то произойдет сейчас. Это ясно ощущалось в воздухе, как чувствуется приближение грозы.

«...Гроза идет. Темная страшная гроза... Всех заденет... всех...»

Ксения замерла на месте, но не от этого воспоминания, мелькнувшего быстрой птицей в ее голове. От звуков, что донеслись до нее в этот миг — лязг цепей да шелест песка, будто что-то тяжелое тащили откуда-то из-за задних рядов собравшихся на заднем дворе. Она заставила себя отойти к Северскому и встать подле него, даже не повернулась, когда на открытое пространство втащили волоком окровавленного ляха.

Только после она позволила себе мельком взглянуть на него и скорее сердцем, чем глазами опознала в нем Владислава. Он был весь залит кровью, лицо было грязно, рубаха порвана (по прорехам на спине Ксения поняла, что его секли), он не мог стоять на ногах ровно, отчаянно хватаясь за натянутые цепи, обхватывающие его грудь, которыми его удерживали два чадинца. Судя по тому, как морщилось его лицо, несколько его ребер было сломано, и каждое движение цепи причиняло ему боль. Господи, дай мне сил выдержать то, что суждено, взмолилась Ксения, глядя на мужа, наблюдавшего за ней с нескрываемым любопытством.

— Отраднo видеть своего полонителя, Ксения, любa моя? — спросил Северский, и Ксения заметила, как поднял голову Владислав, ощущая кожей на себе его пристальный взгляд, головы же к нему не повернула.

— Отраднo, мой муж, — тихий шепот, но отчетливо различимый в тишине, стоявшей на заднем дворе.

— Ну, что же, Ксения Никитична? Что в вину поставим нашему с тобой обидчику? Полон ли или что другое? — Северский вдруг схватил Ксению за руку, привлек к себе, снова принялся шептать прямо в ухо. — Крест тебе целую, Ксения, — он вдруг рванул застѣжки кафтана червчатого {3}цвета, достал из-под рубахи нательный крест, прижался порывисто губами. — Даже если признаешь, что насильничал тебя лях, приму с покаянием твоим, прощу. Только скажи.

Ксения не знала, как понимать поведение Северского. Оно полностью обескуражило ее. Что это было — игра для нее одной? Попытка загнать ее в ловушку? Что? Ведь она бы призналась в своем грехе, ежели не было в ее сердце того, что ныне заставило поднять глаза на мужа, отстраниться от него и громко, так, чтобы было слышно в последних рядах, проговорить:

— Не ставь в вину ляху насилие, муж мой. Не было его.

Это было истиной. Она не лгала ни единым словом, потому как для нее не было насилием то, что творил с ее телом Владислав, то, что она сама предлагала ему вскорости. И в том она готова была клясться чем угодно, даже благополучием рода своего.

Но Северский, будто почувствовав подвох, прищурил глаза, сильно сжал ладонь жены, которую по-прежнему удерживал в плену. В кожу пальцев впились перстни, и Ксения едва удержала вскрик боли, но глаз не отвела, смотрела в лицо Матвея смело.

— Так лях не коснулся тебя за все это время? — уточнил он, а когда она промолчала, окинул взглядом собравшихся во дворе. — Мои люди, я видел своими глазами, что в последние дни моя жена только шла супротив воли ляха, супротив его полона. Но все ведают подлую ляхскую натуру, разве сумел бы ляхский пан забыть про свой счет ко мне и не взять в руки то, что дала ему судьба? Разве отказался бы принести мне в род пащенка с ляхской кровью, покрыть позором мое имя, как было покрыто позором его?

— Он не трогал меня! — возразила Ксения, зная, что если потерпит в том неудачу, то Владислава ждут невероятные муки, но прежде его оскоят — прямо здесь, на виду у всех, как одну из сторон прелюбодеяния. — Он сказал тогда, что ему противно трогать бабу, что под тобой была!

Она верно рассчитала. В эти слова Северский был готов поверить. Но она не ждала, что тот вдруг сорвется в места и, подойдя к пленнику, едва стоявшему на ногах, ударит того сначала в лицо, а после в грудь, вырвав из-за сомкнутых губ Владислава стон боли. Потом Матвей, запачкавшись в крови, вытер руки о терлик чадинца, удерживающего пленника на цепях, вернулся к Ксении, смиренно ожидающей его возвращения.

— Тебя обвинили в прелюбодеянии, моя жена, — произнес он, глядя ей в глаза. — И я склонен верить тому, — он посмотрел с усмешкой на замершую в ужасе, который она так и не сумела скрыть на своем лице, как ни пыталась, Ксению. Где-то в толпе вскрикнула женщина, а потом закричала в голос: «Люди! Люди! Матвей Юрьевич!»

— На кресте тебе клялась, что верна тебе жена! На кресте! — это была Марфута. Она с размаху кинулась боярину в ноги, но тот не желал слушать ее: кивнул своим чадинцам, и те оттащили женщину прочь от Северского, с трудом управляясь с ней, буквально

бесновавшейся в их руках.

— Что бабы слова? — проговорил Матвей. — Баба солжет — недорого возьмет. Обман и грех у бабы в крови, верно, Ксения?

Ксения вдруг поняла, что тут происходит, и зачем здесь находится иерей. Словно в голове что-то щелкнуло, ушла путаница, оставив ясную картину, открывая замысел мужа.

— Божий суд {4}, - прошептала она с легким неверием в голосе, все еще не веря, что Северский пойдет на это. А она-то думала, что переменялся, что забыл о своей жестокости.

— Божий суд! — повторил громко Северский, и люди вокруг зашептались, зашумели. Даже Владомир взглянул на боярина удивленно, явно не ожидая от него подобного решения. — Божий суд! Вот истинный свидетель. Вот кто подскажет мне правду ныне. Только Он один!

Матвей снова приблизился к Ксении, поправил шелковую сороку, упавшую с одного плеча на спину. А потом опять зашептал ей в ухо:

— Не доводи до того, Ксения, покайся мне, я все прощу тебе, моя лада лазуреюкая. Ведаешь ли, какая острая боль, когда каленое железо коснется нежной кожи? Какие шрамы оно оставляет? Не доводи до того. Что тебе лях? Он все едино не жилец боле... К чему ты так упираешься, Ксения?

— Позора не желаю, мой муж, — выдавила из себя Ксения. Она встретила глазами с Владиславом, который явно не понимал, что разворачивается на его глазах. А после она увидела, как показался из кузни, стоявшей в отдалении от всех построек, Бряча, видела щипцы в его руках и железо, зажатое в них. Железо, которым ее будут пытаться вскоре.

Господи, дай мне сил! Дай сил не вскрикнуть, дай сил удержать в руке. Ведь только так я смогу спасти его, сохранить его в целости, не дать ему умереть от потери крови еще до наступления ночи. Ведь нынешней ночью Марфута снимет ключи с пояса мужа, и они отворят хладную, выпустят ляхов на волю. Только так она сумеет спасти его...

— Стойте! Остановитесь! — прохрипел вдруг Владислав, когда Брячислав почти дошел до места, где стояли Северский и его жена. Не ведая старых законов русских, он все же догадался, кого ждет Божий суд и в чем заключается его суть. — Стой, Северский! Я готов держать ответ перед Богом! Дозволь это сделать мне, не ей!

Нет! Ксения так резко повернулась к пленнику, что длинные поднизи ударили по коже, приводя ее в чувство. Что ты делаешь, Владислав? Зачем? Но вслух же ничего не произнесла, опасаясь выдать себя, решив до конца разыграть то, что планировала с самого начала. Только губу прикусила, удерживая возражение, так и рвущееся с губ, и глаза в сторону отвела, не желая смотреть на пытку Владислава. Ведь как она и предполагала, Северский аж подскочил на месте, явно довольный вмешательством Владислава, будто на это и рассчитывал.

— Бери, лях, коли не шутишь! — едва ли руки не тер от удовольствия, кивнул Бряче, что насупился, словно от недовольства. Чадинцы ослабили хватку, и Владислав протянул правую руку ладонью вверх.

— Останови его, — вдруг вырвалось у Ксении. Она не могла отвести глаз от взгляда Владислава, направленный, казалось, прямо ей в душу. — Это же не по зак...

— Он сам пожелал, — прервал ее Северский и подал знак Бряче. Горячее железо опустилось на ладонь Владислава, обжигая, туманя разум от невероятной боли. Ксения увидела, как вздулась вена на шее шляхтича, как побелели от напряжения поджатые губы, но ни звука не сорвалось с них.

Ксении казалось, что железо лежало на ладони Владислава целую вечность, пока Северский не подал знак, и Бряча убрал его с руки шляхтича. Тот пошатнулся, но сумел выправиться, не повиснуть на цепях. Только тонкая струйка крови стекала с его губ — настолько велика была его боль, что он прокусил одну из них.

— Жалеешь ляха? — спросил шепотом Северский, поворачиваясь к ней, и только ныне Ксения поняла, что плачет. Плачет совсем беззвучно, глядя на боль, разрывающую ей сердце, на пытку Владислава, совсем бесполезную ныне, только потешившую его мучителя. Она не видела, как боярин отпустил снова в кузню Брячу, который напоследок вдруг ударил щипцами шляхтича прямо по обожженной ладони. Не видела, как переговариваются холопы, как плачут бабы и девки ее сенные, как ухмыляются чадинцы, как молится отец Амвросий, всей душой желающий остановить это злодейство, но не делающий этого, ведь он боится Северского пуще самого последнего холопа в его вотчине.

Она видела только Владислава. Только его взгляд, ласкающий ее, поддерживающий, любящий. О Господи, она действительно прочитала именно это в их глубине, и боялась отвести свои глаза, опасаясь нарушить ту нить, что в этот миг вдруг протянулась между ними. Даже полагая, что она предала его, он не смог позволить ей выдержать эту пытку, приняв на себя эту боль.

— Божий суд, Ксения Никитична, — вырвал Ксению из мыслей голос Северского, возвращая на грешную землю. Уже вернулся Бряча с железом в щипцах и стоял подле нее, ожидая знака боярина.

— Что ты делаешь, Северский? Разве вина не снята? — крикнул Владислав, поддавшись вперед, натягивая цепи удерживающие его. Ксения только улыбнулась ему, будто ей предлагали взять чудесный дар, а не каленое железо. Она знала это. Знала, еще когда Северский только позволил ему взять железо за нее.

— Худо ты ведаешь наши законы, лях, в том твоя и беда, — усмехнулся Матвей. — У нас баба верность мужу доказывает. И только она! — а потом повернулся Ксении, прошептал так, чтобы слышала только она. — К чему это, Ксения? Откажись, я пойму и прошу.

Но Ксения покачала головой, понимая, что уступи она его уговорам, Владислава тут же прямо перед холопами и чадинцами, перед всей дворней оскоят и отнесут умирать в хладную. И тогда она уж точно не сумеет вырвать его у недоли. Тогда ей и самой будет свет не мил.

Она протянула правую руку ладонью вверх, мысленно прося у Господа о помощи выдержать эту пытку. Прости мне мой грех прелюбодеяния, Господи, накажи меня любой карой своей, все вынесу, все выдюжу. Только позволь не уронить железо, позволь выдержать суд этот. Отними все, что пожелаешь после, только дай мне возможность спасти его! Услышь мои молитвы, заступница моя, святая Ксения! Помоги мне спасти его!

Ксения взглянула на железо, зажатое щипцами в руках кузнеца, и в тот же миг пошла кругом голова. Она не сможет! Не сумеет! Ни за что! Но уже в ладонь опускалось железо, и она поспешила отвести глаза от руки, приказывая себе смотреть куда угодно только не на ладонь свою. Она попыталась на чем-то удержать взгляд, на чем-то, что помогло бы ей забыть о том, что происходит, и она нашла это, встретив взгляд темных глаз, глядящих на нее пристально, в упор. Владислав вдруг кивнул ей, совсем незаметное для окружающих смотрящих только на нее движение, и она раздвинула дрожащие губы в улыбке.

А потом ее тело будто молнией пронзила слепящая боль, такая острая, что Ксения пошатнулась. Пришлось схватить пальцами железо, сжать его в попытке удержаться на

ногах. Из глаз брызнули слезы, скрипнули зубы друг о друга, не выпуская крик боли, рвущий грудь.

Где-то в толпе заголосила Марфа, за ней этот крик подхватили остальные бабы. Не выдержал отец Амвросий, крича, что Бог уже явил им свою волю, и Северскому пришлось подчиниться. Он качнул головой, и Бряча с облегчением убрал железо с ладони боярыни. Железо, которое он хоть и охладил в песке прежде, чем его взял лях на ладонь, а после даже не нагрел его на огне снова, уже для Ксении, но все еще обжигающее плоть, разрывающее болью разум.

Но этого Ксения уже не видела. На ее глаза вдруг опустилась темная пелена, и она шатнулась раз, потом другой, повалилась на землю с размаху под крики челяди. Именно они и были тем последним, что она слышала, прежде чем провалиться в глубокий обморок. Крики челяди, лязг тяжелых цепей и рык ярости Владислава, так неожиданно рванувшего из рук чадинцев, что те не сумели удержать его. Он напал на Северского, повалил его наземь и, сомкнув пальцы на горле того, душил его, вцепившись в того с такой силой, что только семеро чадинцев сумели его оторвать от боярина.

Ксения не видела всего этого. Ее уже поднимали холопы, уносили в женский терем, куда уже по знаку Северского спешила следом Евдоксия с корзиной трав, недовольная этим поручением. Правда, она предварительно убедилась, что кроме синяков на шее, у Матвея не никаких видимых ран, не успел этот обезумевший лях нанести особого вреда.

— Теперь ты видишь, на что она готова пойти ради него, — прошептала Евдоксия Северскому. — Теперь ты ведаешь, какое оружие у тебя в руках. Грех им не попользоваться, ведь оно само пришло к тебе!

Тот лишь отвел глаза от ее пытливого взгляда, стараясь скрыть от чужого взгляда ту горечь, что неожиданно возникла в душе недавно. Такая горечь, что не залить боярским вином, не забыться так легко как ранее.

Только боль ляха сможет устранить ее. Или его смерть. Да будет так!

1. Особая плетть, предназначенная для «учения» жены в те времена
2. Ранее так назывался один из лучших сортов водки
3. Ближе к красно-фиолетовому оттенку, популярному оттенку красного
4. До середины XVII века на Руси над женщиной, обвиненной в прелюбодеянии, мог быть устроен Божий суд — она должна была продержать в руке некоторое время каленое железо, снимая с себя обвинения. В таком случае ей позволялось остаться при муже, сохраняя за ней все права. Иначе ее насильно постригали в монастырь. Практиковалось довольно редко — многие предпочитали боли монастырскую келью.

Ксения очнулась резко, будто кто-то вырвал ее из той блаженной темноты, где не было ни страданий, ни боли, вернул обратно в этот яркий свет, что так бил в глаза сейчас, резал их. Она застонала и прикрыла лицо ладонью, отворачиваясь в сторону. Над ней тут же склонилась Марфа — бледная, с поджатыми в волнении губами.

— Ксения, — выдохнула она с явным облегчением. Ксения повернула голову и взглянула на свою служанку, поразила ее виду — заострившиеся черты, белое лицо. Будто покойница склонилась над ней...

Марфута же опустилась на колени, принялась целовать здоровую руку боярыни, шепча благодарственные молитвы. Ксения была без сознания более ночи и светового дня, гораздо дольше, чем тогда, когда Северский едва не убил ее невольно.

Заголосили за спиной постельницы остальные прислужницы Ксении, заревели, и Ксения поморщилась от этого резкого звука, разорвавшего тишину. А потом вдруг в голову пришли воспоминания о прошлом дне: обвинение мужа, окровавленный Владислав в цепях, его взгляд, устремленный на ее лицо. И страшная пытка каленым железом.

Ксения подняла правую руку к лицу и взглянула на толстую повязку на ладони. Где-то там, под толстым слоем корпии, бешено пульсировала боль, затаившаяся на время, готовая ударить снова, едва кто-то или что-то коснется раны даже через повязку. А потом пришла мысль — помогли ли Владеку с его раной, ведь Антонов огонь проникает в такие раны быстро, медленно пожирая человека из самого нутра. И при имени шляхтича в голове Ксении всплыл тот страшный рык и лязг цепей, леденящие душу предчувствием худого.

— Владек... — прошептала она, быстро поворачивая обеспокоенное лицо к Марфуте, хватая ее за плечи, совсем забыв о своей ране. Та напомнила о себе острой болью, пробежавшей от ладони вверх по руке, выступившей слезами на глазах.

— Тихо, тихо, Ксения, не тревожь свою рану, — поспешила ответить Марфа, склоняясь к боярыне, чтобы только она слышала ее слова. — Хоть Евдоксия и гадина, но дело свое знает. А Бряча... Тот тебе не каленое железо в руку положил, охладил его прежде. Не будет шрамов на руке. Краса твоя останется.

— Какая краса? Какие шрамы? — прошипела ей в лицо Ксения, хватая здоровой рукой Марфуту за лямку душегреи. Ей уже было все едино, что услышат ее прислужницы, затихшие в спальне, жадно ловящие каждое слово из речей, что вели меж собой эти скрытницы. Она знала, что Марфута утаивает от нее что-то, отводя глаза в сторону от ее пытливых очей, и это что-то заставляло ее сердце рваться из груди сейчас, разросшись внутри до таких размеров, что сперло дыхание.

Он умер, вдруг мелькнуло в голове Ксении, и она тут же ослабла, отпустила одежды Марфы, падая обратно в подушки. Он мертв. Ей показалось, что спальня ее вдруг стала сжиматься, давя своими стенами и расписным потолком на ее тело, мешая дышать. Куда-то далеко уплыл тревожный шепот прислужниц, успокаивающий голос Марфуты, звук шагов в ее светлицах. Даже сердце, казалось, замедлило свой стук в груди, замирая от горя, что так внезапно обрушилось на Ксению.

Она убьет Северского. Эта мысль вдруг мелькнула в голове, и Ксения даже не удивилась ей, не испугалась ее греховности. Она найдет способ сделать это рано или поздно. Она еще не знала как, но она это обязательно сотворит. Пусть ее после согласно русским законам

закопают по шею в землю и оставят так умирать, но прежде она унесет с собой жизнь того, кто умертвил Владека, кто приказал бросить его тело в болото без церковного отпевания, придавив грудь камнем. Быть может, их неупокоенные души когда-нибудь встретятся, чтобы бродить среди людей руку об руку. Навсегда вместе в этот раз.

— Ксения, Ксения, — звала ее издалека Марфута, а потом, видя, что боярыня будто в сон наяву погрузилась, сделала единственное, что могло вернуть ту хоть ненадолго на грешную землю — достала из-за душегреи, что длинное и тяжелое, завернутое в холщевую тряпицу, вложила этот сверток в руку Ксении. Та сначала не поняла, что постельница протягивает ей, а когда прощупала железо сквозь тонкую холстину, сжала изо всех сил пальцами, пряча куда-то в перины дар Марфуты, глядя на ту с удивлением и надеждой.

— Это...? — спросила она глухо Марфуту, и та быстро кивнула в ответ.

— Бряча прошлой ночью выковал мне два ключа, что я принесла ему, а что до ляха...

Но договорить она не успела — в спальню, стуча кованными каблуками сапог, ступил боярин, окидывая таким взглядом прислужниц своей жены, что те поспешили просочиться мимо него прочь из спальни в другие светелки, подальше от его страшного взора. Только Марфа резко выпрямилась, показывая своим видом, что не боится Северского, что останется, коли попросит ее Ксения. Но та покачала головой, отпуская ее из спальни. Ксения знала, как не любит Матвей ее служанку, как ищет предлоги, чтобы наказать ту за какую-нибудь провинность, мнимую или реальную. Но та была слишком хитра, и ему никак не удавалось это.

— Еще раз так зыркнешь, Марфа, высеку! — бросил Матвей, когда та проходила мимо него в соседнюю светелку. А потом резко замолчал, видя выражение лица Ксении, едва она услышала его слова. Он поспешил пройти к постели, в которой лежала жена, внимательно оглядывая бледное, схожее цветом с перинами лицо той, ее перевязанную руку, лежащую поверх покрывала.

— Как твое здравие, Ксения Никитична? — спросил Матвей, глядя на жену сверху вниз.

— Твоими стараниями, Матвей Юрьевич, — ответила ему Ксения и с наслаждением заметила, как тот прикусил губу, а потом медленно погладил короткую бороду, словно раздумывая достойный ответ, даже не замахнувшись на нее, чтобы наказать за дерзость. Это удивило ее, как и многое, что касалось ее мужа в последнее время. Он выглядел ныне... о, Боже, неужели, раскаивающимся? И пропустил ее резкость, ее яд мимо ушей, а после, когда она коротко бросила ему: «Спать хочу. Уйди, прошу Христа ради!», так же молча ушел из светлицы прочь.

Ксения не стала раздумывать о подобных странностях. Она спешила узнать, что произошло тогда на заднем дворе, и где ныне Владислав. Оттого и прогнала всех прислужниц, оставив при себе только Марфуту.

— Он жив? — был первый вопрос, обращенный к ней, и Марфа снова отвела глаза в сторону.

— Клясться не буду, Ксения, не ведаю я. В яму его бросили еще прошлой ночью после того, как на боярина набросился, едва не придушил того.

Яма! Это слово обожгло Ксению еще сильнее, чем железо во время суда. Она отшатнулась от Марфуты, растерянная, ошеломленная. Так вот от чего второй ключ, что она держит в руке. От решетки, что лежит поверх глубокого колодца, куда и свет дневной проникает едва-едва. В эту яму бросали неугодных, тех, кого обрекали на медленную смерть без еды и воды, а также от боли и Антонова огня, ведь при падении с такой высоты, как

падали несчастные, они неизменно калечились, ломали руки и ноги, а иногда и хребет, погибая сразу же.

— Северский ходил ныне днем к яме, — проговорила Марфа. — Долго стоял на решетке. Разве был бы он там так долго, коли мертв лях? — она вдруг схватила боярыню за руки, сжала их с силой. — Верь, Ксения, верь, что жив он, иначе все мы погибли! Уходить нам всем надо со двора Северского, уходить! Нельзя оставаться! Нынче же ночью, пока не отдал Богу душу пан ляшский, откроем мы хладную, Ксения, выпустим ляхов. Те из ямы пана своего вытащат, да по воде, как сказывала ты ранее, уйдем в Ляхию ихнюю. Дозволишь с тобой идти, Ксения?

— Ты готова оставить мужа и уйти со мной? Как же так, Марфа? — изумилась Ксения. Постельница только глаза потупила, скрывая слезы, что навернулись на глаза в этот миг. Как же ей остаться в вотчине, коли на нее подозрение в пособничестве ляхам падет тут же? Да и как остаться, ежели в избе ее пусто и тягостно, ежели уже не любовники в ней спят, а чужие друг другу люди? Молчит Владомир, даже не касается ее, а ведь она так ждет, что он как ранее прижмет ее к себе крепко-крепко, поцелует страстно, уронит на постель, стягивая сарафан с плеч. Ему даже все едино — коснулись ли ее ляхи за время полона, даже не спросит, каково ей пережить было несвободу свою.

— Готова я, Ксения. Куда ты без меня? — улыбнулась сквозь слезы Марфа своей боярыне, и женщины обнялись, деля меж собой все страхи, все сомнения по поводу того, что им предстояло вскоре пережить.

Позднее Марфута ушла, строго наказав Ксении отдохнуть и набраться сил перед ночным побегом.

— Ляхи слабы, как бабы, ныне. Выбьются из сил еще за тыном усадебным. От нас им посильная подмога нужна будет, и мы должны будем сделать все, что в силах наших. Иначе и их сгубим, и себя, Ксения, — говорила она перед уходом, а в голове уже четко выстраивались действия, что нужно было сделать для того, чтобы все прошло удачно нынче ночью. Надо было найти хмеля или дурмана, чтобы опоить и девок Ксении, и стражников на заднем дворе и у ворот, что были сразу же за погребями и вели к Щури, к небольшой отмели, где стояли рыбацкие челны и лодьи.

Ксения была не помощницей ей в этом деле, да и не боярское это было дело творить черную работу. Пришлось ей по наказу Марфы лежать в постели под тихие шепотки прислужниц, что сели с рукоделием в ее спальне сторожить сон боярский, готовые услужить любому ее приказу. Ксения смотрела на них сквозь ресницы, на их румяные лица и веселые улыбки, на непокрытые головы незамужних девок и беленые расшитые узорами уборы, склоненные над работой. Она знала, что почти все они шпионят за ней для Северского, что служат они вовсе не боярыне своей, а боярину, что предадут они ее перед ним, не задумываясь. Но она не винила их, ведь такова была их холопская доля — полное подчинение своему господину и душой, и телом. А вот Ксения ему подчиняться не желала, только не ныне, когда все мысли ее то и дело возвращаются на несколько дней назад, туда, где она была так счастлива. Впервые за несколько чувствовала странный покой и радость в душе, чувствовала благодать.

Незаметно для себя Ксения заснула, и во сне ей привиделся берег пруда, на котором она сидела, прижав колени к груди. А из прохладной воды выходил к ней Владислав, одним резким движением опрокидывал ее на траву и, бросив ей на грудь мокрые желтые цветы, тянулся к ее губам. И она не протестовала, как когда-то сделала это наяву, а с восторгом

приняла его поцелуй и его неожиданный дар, хотя ее сарафан и рубаха насквозь от того промокли, прилипая к телу.

— Я люблю тебя, — прошептала Ксения в его губы, и он улыбнулся ей, задевая своими губами ее рот, дразня ее легкими, едва уловимыми касаниями.

— Я люблю тебя, — прошептала Ксения в темноту спальни, открыв глаза. Служанки не задернули занавеси перед образами, и на нее в неясном свете лампадки осуждающе взирали глаза Создателя. И Ксения устыдилась перед этим взором, но лишь на миг, а потом горячо взмолилась к нему безмолвно:

— Знаю, что грех мой тяжел перед тобой, Господи, перед мужем моим. Но не могу я иначе, грешная, ибо сердце мое всегда было в его руках. Помоги мне выволить его, помоги!

Скрипнула дверь в сенях терема. Тихо в спальню прокралась черная фигура, аккуратно переступая через спящих на полу прислужниц. То была Марфа, приложившая к губам палец, приказывая боярыне молчать. Потом она подала той знак подниматься с постели и следовать за ней.

— Вот, Ксения, платье для тебя, — она сунула в руки той сверток, когда они, крадучись, перешли в соседнюю светелку. — Не смотри, что ношенное, зато чистое и целое. Новое почти к тому же. Тебе же в богатом платье никак ныне нельзя.

Ксения кивнула в ответ, разворачивая простой, без вышивки драгоценными нитями сарафан, холщевую рубаху и душегрею без рукавов, наподобие которой носили ее прислужницы. Тут же лежал и простой убрус.

— Сама сумеешь одеться, Ксения? — с тревогой спросила Марфа. — Скоро солнце вставать будет, надо поспешать. Темный час ныне так короток. Мне же надо ключ вернуть, я один по ошибке не вернула на пояс Владомира. Подброшу ему, мол, сам чуть не потерял. Мне уже Бряча в одном месте кольцо у ключа расшатал, будто прохудился тот, — она вдруг смолкла, замерев на месте, а потом прошептала тихо. — Страшно мне, Ксения. А тебе? Ведь не на дворе твоего батюшки худое творим!

Но прежде, чем Ксения успела ответить, Марфута скрылась в темноте соседней горницы, только тень мелькнула. Ксения постояла немного, прислушиваясь к звукам, доносящимся со двора и из светелок терема, но после успокоилась и принялась спешно одеваться. Ее сердце колотилось от страха и предвкушения, но в то же время она знала — дай она слабину, и Владек сгинет в этой усадьбе. Как же ей жить после, ведая, что могла спасти его да заробела? Да и жизни с Северским она не видела для себя более, уж лучше в Щурю с головой!

Одеваться одной рукой было трудно, и Ксения вся взмокла, пока сумела натянуть на себя принесенные одежды. Потом она кое-как надела убрус, заправляя под него косы, растрепавшиеся за время сна, убирая под полотно пряди, что свисали вдоль лица. Ей вдруг захотелось взглянуть на себя, какова она в простом наряде, без украшений. Так же пригожа, как и в богатом боярском платье? Ведь совсем скоро ей предстоит предстать пред глазами Владислава, и вполне вероятно, что краса пригодится ей весьма, чтобы убедить того в собственной невиновности его плена, убедить все же взять с собой в ту страну, откуда он родом, женой ли или просто любовой, она даже не хотела пока думать об том.

Ксения прошла до расписной птицами и цветами скрыни {1}, выдвинув тихонько один из ящичков, нашла, что искала — зеркало на длинной серебряной ручке. Плохая это была затея, не могла не признать Ксения, глядя на свое тусклое отражение одним белым пятном, таким неясным в скудном свете месяца, что царил на ночном небе. Она еще раз более

пристально взгляделась в отражение и успела заметить, как за спиной мелькнула тень. Уверенная, что это пришла за ней Марфута, Ксения так же тихо убрала в ящик скрыни зеркало и повернулась, уткнувшись носом в шелковый кафтан. Она быстро подняла глаза, с трудом удерживая крик страха, что едва не сорвался с губ, и встретилась взглядом со своим мужем.

— И верно люди говорят, — задумчиво произнес шепотом Северский. — Даже в медном обрамлении яхонт будет сверкать, как яхонт. Так и ты, Ксения, даже в холопском платье удивительно пригожа!

Ксения настолько была изумлена и испугана этой встречей, что даже не шевельнулась, просто смотрела на него во все глаза. Матвей взял ее за кисть, поднес руку ближе к лицу, рассматривая ее в скудном свете.

— Такая тонкая кисть, такая изящная рука, словно веточка березовая. А веточки эти так ломаются легко, Ксения, вот в чем жалость, — он помолчал, а потом отпустил ее кисть и положил свою широкую ладонь на ее затылок, принуждая ее приблизиться к нему. — Владомир не заметил, что у него на поясе нет ключа от холодной. Старееет пес, нюх потерял. А я вот углядел. Сразу же понял, что ты готовишь, краса моя, что задумала ты ныне ночью. Марфа ушла ключ вернуть, верно? Все так гладко у вас ткется, так ровно обман идет. Ты с ним, что ли Ксения собралась? Господина своего решила оставить? Что молчишь, будто воды в рот набрала? Я ведь помню, Ксения, что ты его тогда выпустила на волю. Знала, что тебя ждет, но выпустила! И вот ныне — в ту же петлю голову суешь, дура!

Ксения дернула головой, пытаясь освободиться от хватки его ладони, но Матвей крепко держал ее, не позволил ей вырваться. Только еще крепче прижал ее к себе, перехватывая ее запястья свободной рукой.

— Глазищи-то какие! Так и тонешь в них с головой, будто в омуте, — прошептал он уже мягче, но после снова вернул сталь в голос, когда забилась в его руках, пытаясь освободиться. — Люб он тебе, Ксения? Люб?

— Да! — прошипела она вдруг прямо в лицо. — Люблю его! Люблю и всегда любила!

— На что готова ради него? — спросил Северский, встряхивая ее. — Живот готова положить? Душу продать готова?

— Да! Да! Да! — шипела обезумевшая от страха Ксения. В ее голове быстро мелькали мысли о том, что ныне ждет всех участников этой затеи. Уж лучше тогда разозлить Северского, чтоб он вышел из себя и придушил ее прямо здесь. Ведь в ином случае он вытащит из ямы Владислава и будет медленно мучить их на глазах друг у друга, упиваясь их болью, гневом и беспомощностью шляхтича. Ведь Северский уже узнал, что и она небезразлична ляху, тот прошлого дня доказал это. Тогда уж лучше пусть тот будет мертв ныне в яме, ибо такую пытку ей ни за что не сдержать!

— Тогда уговор, Ксения? — вдруг проговорил Северский, и Ксения застыла ошеломленная, глядя на его белое лицо, на слегка подергивающий глаз, выдававший его напряжение ныне. — Давай с тобой уговоримся. У тебя есть то, что нужно мне, а у меня в руках твой лях. Я отпущу твоего ляха. Позволю ему бежать. Пусть и чадинцев своих с собой берет, мне они ни к чему. Но ты, Ксения, ты поклянешься мне здесь и в этот миг, что останешься тут, в усадьбе, что даже в мыслях будешь верна мне, что покоришься и душой, и телом, как подобает покориться робе своему господину, что никогда ни словом, ни делом не покажешь, что ты несчастна со мной. Ты готова сделать это? Готова ради жизни твоего ляха?

— Он мертв? — вдруг выдохнула Ксения. Разумеется, мертв, иначе Северский не предлагал бы ей этой сделки. Разве выпустит он живым своего врага, будучи в здравом уме? А то, что он серьезен и не под хмелем, Ксения видела ясно. Северский же только рассмеялся в ответ на это.

— Жив ляхский пес! Все не подойдет никак! Ну, так что, краса моя? Пойдешь на уговор? Пойдешь! Или я кликну чадинцев, что затаились на дворе, и они перебьют всех ляхов тут же, а с ними и Марфу твою — мол, в пылу боя не заметили, что баба под рукой крутится, думали, ляхи бежать собрались. А ляха твоего я повешу за ноги под окно твоего терема, чтобы глядела ты на него, пригожего своего, и наглядеться не могла. Так что, лада моя? Уговор? — от вкрадчивого голоса Северского, от страшного смысла его слов у Ксении кровь стыла в жилах от ужаса. Она знала, что тот выполнит все, что обещал сейчас, и в голову сразу же пришла мысль согласиться на все, что тот предлагает, поклясться в чем угодно ему. Лишь бы Владека уберечь...

— Какая ты у меня разумница, моя любя! — улыбнулся Матвей, когда Ксения быстро кивнула, соглашаясь на предложенную сделку. Он развернул ее лицом к образам в углу комнаты, так что она почти лицом к лицу оказалась с Богородицей.

— Клянись тогда, Ксения! — прошипел он ей в ухо. — Клянись, что покоришься и душой, и телом мне, своему господину, что ни разу более не вспомнишь ляха, что никогда и никому ни словом, ни делом не покажешь, что ты несчастна со мной, что тебе не по нутру брак наш. Клянись!

— Клянусь, — прошептала Ксения, отрекаясь от своей любви, видя перед собой не эти грустные глаза лика, а другие — темные, полные страсти, когда Владислав склонялся над ней, целуя, полные поддержки и участия перед ее пыткой вчера. Полные любви... — Клянусь! — а потом повернулась к Северскому, взглянула в его глаза. — А теперь ты клянись, что выпустишь ляхов живыми из своей усадьбы, что позволишь им уйти. Клянись, что границу они пересекут живыми, что не будешь преследовать их. Не на образах и на кресте, нет! Родом своим клянись, памятью и покоем твоего отца умершего клянись!

Северский прищурил глаза, злясь той ловушке, что она расставила для него, но все же проговорил:

— Клянусь памятью и покоем своего отца умершего, что ляхи уйдут через границу живыми, и я не буду преследовать их!

Только после этого Ксения позволила слезам, что давно подкатили к глазам, пролиться по щекам тонкими ручейками. Вот и все. Она спасла жизнь и душу Владислава, пусть и ценой собственных!

Северский отпустил ее, и Ксения медленно опустилась на ковер, чувствуя себя совсем обессиленной и телом, и душой, склонила голову не в силах смотреть на него, того, с кем отныне она связана до конца своих дней. Она не видела, как он ушел — так же беззвучно, как и прокрался в ее терем некоторое время назад, очнулась лишь, когда Марфа тронула ее, скользнув ладонью по щеке.

— Что ты, Ксения? Боишься?

— Я готова. Идем!

После все пошло, как по маслу. Северский сдержал слово — ратников на заднем дворе почти не было, а охранник, стоявший прежде у двери хладной, отлучился в темноту, будто по нужде. Марфа быстро провернула ключ и отворила дубовую дверь, а Ксения проскользнула внутрь, принялась теребить спящих пленников: «Быстрее! Просыпайтесь! Быстрее!

Уходите!» Сначала они ничего не понимали, сонные, уставшие, некоторые едва стоящие на ногах от голода и пыток, но позднее зашевелились, поспешили один за другим к выходу. Тут Ксению больно схватила за шею чья-то широкая ладонь, перекрывая доступ воздуха, подняла чуть вверх, и она забилась, пытаясь скинуть с горла чужую руку.

— Сука! — прошипел в темноте голос Ежи. — Я ведал, что он сгинет из-за тебя!

— Нет! Нет! — пыталась прошептать Ксения. — Жив! Он жив! Помогите...

Ежи, услышав эти хриплые слова, отпустил ее горло, но больно сжал кисть, потянув за собой к выходу, где уже несколько ляхов удавили охранника и едва не погубили еле дышащую от страха Марфу, прижали ее к стене, так же, как ранее Ксении, сдавливая горло.

— Стойте! Стойте! — взмолилась Ксения. — Что вы творите? Мы же вызволить вас решили...

— А сперва едва не умертвили! — процедил один из ляхов. — Дзякуем за подмогу такую!

Ксения хотела возразить, оправдаться, но ей не дали — Ежи потянул ее снова, прошипев в ухо: «Веди к пану!», и она подчинилась. Маленькими перебежками, из тени одних построек в тень другой они достигли самого края двора, где располагался бывший колодец, превращенный по велению Северского в орудие медленного убийства.

Ежи кивнул головой, и несколько ляхов метнулись в решетке, что закрывала сверху колодец, но открыть его не смогли.

— Ключ! — прошипела Марфа, метнувшись к ним, вкладывая в пальцы одного длинный железный ключ. Ксения тоже рванулась бы к колодцу, не удерживай ее сейчас так крепко Ежи такой стальной хваткой, что с рук еще долго сходили синяки.

Сдвинули в сторону тяжелую железную решетку. Марфа подала веревку, что взяла с собой, и один из ляхов, обвязавшись за пояс, стал спускаться в чернеющую глубину. Только женщины, Ежи и два ляха, опускающие в колодец своего товарища остались подле этой ямы. Остальные рассыпались по периметру двора, чтобы устранить возможную опасность для беглецов. Ксения то и дело оглядывалась, скользя внимательным взглядом по темноте, ожидая, что вот сейчас раздадутся громкие крики, и выйдет из тьмы Северский, неся с собой смерть. Но кругом было все тихо и спокойно, только где-то вдали слышался звук кузнечиков, что не желали спать этой ночью.

— Ждешь своего ненаглядного? — ехидно спросил Ежи, намекая на ее мужа, но она посмотрела на колодец и только одно обронила:

— Жду. Затем и тут!

Когда лях, спустившийся в колодец, пустился в обратный путь, то те, что держали веревку в руках, совсем обессилели, и тогда Ежи бросился им на помощь, оставив Ксению одну в стороне. К ней тут же подошла Марфа, обняла за плечи.

— Почему он молчит? — прошептала в отчаянье Ксения, но служанка ничего не ответила. Кто знает, что могло случиться за эти часы? Ляха так сильно избили прежде, чем кинуть в колодец, он еще мог переломать руки-ноги и умереть от боли и шока за это время.

Вскоре два силуэта показались над колодцем, и лях перекинул в руки Ежи Владислава. Ксения тут же бросилась к ним, но старый лях отстранил ее прочь, не подпустил к шляхтичу. Она уже была готова накинуться на Ежи с кулаками, злая, совсем не соображающая в этот момент ничего. Единственное, что она хотела — убедиться, что Владислав жив, и ради этого она бы и горы свернула ныне!

— Цо? Цо? {2} — вдруг раздался тихий шепот, шевельнулась голова шляхтича, и ляхи

тотчас склонились над ним. Ксения же зажала рот рукой, чтобы не закричать в голос от облегчения. Жив!

— Бежим мы, сынку, от ирода этого, — прошептал Ежи в ответ так же по-польски, и Владислав вдруг схватил его за рубаху.

— Иди до нее! До нее, слышишь? До панны!

Было что-то в его голосе, что заставило всех замереть на миг на месте, только Ксения, растолкав ляхов, протиснулась вперед, схватила пальцы Владислава.

— Тут я, лада моя, рядом я, — прошептала она, целуя его руку, и он повернул голову в ее сторону, хотел двинуться к ней, но тут же откинулся назад, теряя сознание от боли.

— Ноги сломаны, — проговорил тихо за спиной Ксении лях, что доставал Владислава из колодца. Он говорил на польском языке, но она поняла каждое слово, сжала сильнее пальцы шляхтича. — Обе ноги. Рука одна плетью висит. Тоже похоже того... Нести надо будет.

— Тогда понесли! — распорядился усатый лях. Он же первый и подхватил Владислава со словами: «Прости, сынку, но терпи!», когда тот дернулся и застонал от боли, но в сознание не вернулся тем не менее. — Куда идти? Показывай давай!

И женщины поспешили указать путь к задним воротам, через которые еще недавно увозили мертвых товарищей ляхов в колыхаге. Уже за воротами, оставив позади мертвых сторожевых, спеша по мокрой траве к пологому берегу реки, на котором виднелись челны, Ксения не могла оставить мыслей о том, что ждет их. Вдруг Северский устроил засаду у реки? Вдруг из челнов и из зарослей кустов полетят в ляхов стрелы и болты из самострелов? Но тишина царила над широкой гладью реки, только с тихим плеском качались на легких волнах лодьи.

— Мгла ест. То дюже добже! {3} — прошептал Ежи, аккуратно опуская шляхтича в траву. Ляхи же разошлись в стороны, стараясь как можно тише пробить дно у челнов, чтобы их не могли преследовать по реке. Марфа ушла искать спрятанный узелок со скудной провизией в дорогу, а также с корпией и травами, чтобы лечить раны ляхов в пути. — Смотри за ним, панна! Пойду помогу!

Ксения тут же склонилась над лежащим в траве Владеком, стараясь рассмотреть в неясном свете, насколько серьезны его раны. Лях сказал тогда, что сломаны ноги, и, похоже, рука левая, а после того, как прощупала ребра, распахнув рваную рубаху на груди шляхтича, убедилась, что ее догадки вчерашние верны — несколькими ребрам тоже не удалось остаться целыми. Еще кровоточили следы от ударов кнута, и дурно выглядела обожженная ладонь. А вот лицо... Ксению пугало лицо Владислава, особенно те темные пятна, что были на месте глазниц. Неужто Северский ослепил его?

Она быстро сбегала к реке, смочила в воде шелковую ткань ширинки {4}, что прихватила с собой по привычке, уходя из терема. Стала стирать с лица Владислава кровь, стараясь касаться его кожи, как можно легче. Она смыла кровь и со лба, и с щек, и с носа, но вот глаз по-прежнему боялась дотронуться, опасаясь коснуться ненароком открытой раны.

От холодной воды, струящейся по его лицу, Владислав вдруг пришел в себя, дернулся под ее руками, и Ксения поспешила успокоить его, удержала его на месте. Он положил свою широкую ладонь на ее, сжал ее тонкие пальцы.

— Кто тут? — обеспокоенно спросил Владек, а после вдруг замер, вспоминая. — Ты ли то, Ксеня?

— Я, — откликнулась Ксения, и он повернул голову на ее голос, протянул другую руку в

ее сторону.

— Что за звук? — спросил он. До них долетал глухой перестук, с которым ляхи продавливали дно лодей. — Что за страшный звук! Как будто комья земли о крышку гроба!

— То дно лодей дырявят твои люди, — ответила Ксения. Она с замиранием сердца вдруг отметила, как он вертит головой из стороны в сторону, явно не видя ничего перед собой, пытаясь по звуку определить, что происходит кругом. — Дощатое еще легко пробить, а вот насады {5}...

Она замолчала, прикусив губу, удерживая слезы, что так и норовили сорваться с ресниц, и, видя, как Владислав слепо ищет ее рукой, поспешила поймать его ладонь, прижала ее к своей щеке.

— Ты тут, со мной, драга моя, — прошептал Владек, глядя ее нежную кожу. — Ты снова пришла за мной. Ах, если бы я мог запретить тебе! Но разве удержать тебя, коли ты решила?

— Как я могла оставить тебя? — ответила она. — Как могла позволить тебе умереть? И ты бы не оставил меня, верно? Вот и я не могла... пришла за тобой.

— Они не обидели тебя, мои люди? — встревожился Владислав. — Ты сильно рисковала, моя драга, идя в камору. Они ведь злы на тебя и твою девку за обман. Могли ведь и удавить.

— А ты? — спросила Ксения, замирая сердце. — Ты зол на меня?

— А мне все едино ныне, — прошептал Владислав. — Я тогда, на дворе, вдруг понял — хоть режь меня ты, хоть коли, лишь бы тебе добже было! Ты плачешь что ли, драга моя? Или дождь приступил? И отчего я не вижу? Отчего темнота в глазах?

— Это просто ресницы твои слиплись от застывшей крови, — успокоила его Ксения, про себя умоляя всех святых, чтобы это действительно было так. Легко провела ладонями по его лицу, словно пытаясь сохранить в памяти каждую черточку. Ведь это короткое время — это все, что у нее было, все, что даровали ей прежде, чем навсегда отнять ее сердце. — Да, я плачу, Владек. Это не дождь капает с неба, а слезы мои. А плачу я, оттого что боль твоя рвет мое сердце на части, оттого что душа моя за тебя болит.

Она склонилась над ним, прильнула к его груди, стараясь не давить сильно на сломанные ребра, обхватила его руками. Просто слушать стук его сердца, бьющегося в такт ее собственного. А потом произнесла вслух то, что хотела сказать ему еще тогда, на берегу другой речки, когда распускала для него косы:

— Я люблю тебя.

Ксения почувствовала, как Владек напрягся под ее руками, под ее щекой, прижатой к его груди. А потом его сердце застучало быстрее прежнего, будто пустилось в пляс.

— Это правда, моя кохана? — прошептал он, кладя на ее голову, покрытую полотном убруса, свою ладонь, глядя ее волосы через него. — Ты любишь меня?

— Всем сердцем и душой, — Ксения вдруг протянула руку и стащила с головы убрус, выпуская на волю косы, что широкими змеями скользнули с головы, упали на его грудь. Он снова провел ладонью по ее голове, наслаждаясь мягкостью ее волос.

— Ты пахнешь цветами, — проговорил Владислав. — И летом... Ты пахнешь летом. И ты любишь меня. Но если я останусь слеп, если никогда не встану на ноги... ты и тогда согласишься это? Будешь ли ты любить меня тогда? Или это просто жалость в твоем сердце? Или... вина? Что, если ты ошибаешься?

— Я полюбила тебя еще тогда, в Москве. Ты не знаешь, но я видела тебя прежде, до нашей встречи у церкви. На параде в день въезда царицы Марины в Москву. Ты был таким

красивым тогда, в блестящих латах, будто солнце ослепил меня. Я полюбила тебя задолго, как ты увидел меня. Потому и отпустила тогда из холодной. И потом, когда я встретила тебя на дороге... Как же я хотела ненавидеть тебя! Но разве можно сердце заставить разлюбить, когда твои руки и губы так нежны, когда ты был так ласков со мной? И я не смогла. Я люблю тебя, Владек. Я буду любить тебя любого, — прошептала Ксения, чувствуя, как постепенно уходит напряжение из его тела с ее тихим шепотом. — Слепого, изувеченного, любого. И во мне говорит не жалость, Владек. И не вина, ибо нет моей вины перед тобой. Я не знала с том, что было приказано Марфе. Не от меня был умысел! Я бы позволила скорее умертвить меня, чем предать тебя в его руки!

Она вдруг разрыдалась, чувствуя, как рвет ее грудь то волнение, что сейчас переполняло ее, та боль, что вскоре поселится в ее душе черной змеей. Она еще крепче прижалась к его телу, еще крепче обхватила его руками, забыв о его ранах, и отпрянула, когда Владислав вдруг застонал от боли, что сдавила тело.

— Прости, прости, — зашептала Ксения, отстраняясь, целуя его в плечи и грудь, словно пытаюсь своими короткими поцелуями унять эту боль, но Владек снова привлек ее к себе, прижимая ее голову к здоровому плечу, ласково целуя ее в макушку, вдыхая аромат ее волос.

— Я вез тебя в Белоброды, на мой двор, — проговорил он тихо. — Я хотел, чтобы ты стала хозяйкой в моем доме. Стала женой моей. Я решил этот после того дня, когда... когда мы встретили пана Милошевского. Ты была такая... такая... я понял, что никогда не смогу причинить боль тебе, что сделаю все, чтобы никто другой не причинил тебе вреда. Я неожиданно понял, что хочу защитить тебя. От всего света даже, если потребно будет. Но все же не смог защитить тебя недавно... не сумел. И ныне первая мысль была о тебе, когда достали меня из этого ада. Как уйти, если ты останешься здесь? Я не хочу более отпускать тебя от себя, хочу, чтобы ты всегда была подле меня. Носила мое имя, принесла в мой дом детей. Я ныне этого желаю более всего на свете. Ты станешь моей женой, Ксения?

— Я уже мужняя жена, — глухо ответила Ксения, всем сердцем, до дрожи в пальцах желая, чтобы его слова могли стать явью когда-нибудь, и они смогли навсегда соединить свои руки и сердца.

— Но не для моей церкви! Ты примешь мою веру, и мы обвенчаемся с тобой прямо там в Белобродах. Моя мать хранила венец с рубинами для моей жены, и ты пойдешь в нем к алтарю. И я буду ждать тебя в храме. Буду ждать, чтобы назвать тебя своей единственной. Ты ведь пойдешь со мной в храм, драга моя? — и Ксения кивнула в ответ на его слова, пряча свое лицо у него на плече. В этот миг она верила, что действительно уедет с ним в далекие и неизвестные для нее Белоброды, что перейдет в латинскую веру и станет его женой. Она хотела в это верить, ведь это будущее так манило ее своей благостью. — Отец, правда, будет зол на нас. Но я не наследник его, и ему придется смириться с моим выбором, тем паче, когда у него появится внук. Ведь у нас родится сын. Мальчик с твоими дивными глазами цвета неба.

— И твоими волосами цвета... цвета... вороньего крыла, — с улыбкой сквозь слезы проговорила Ксения, воочию видя этого ребенка, которому никогда не суждено появиться на свет. Владислав тихо рассмеялся при ее словах, морщась от боли, что тут же возникла в ребрах.

— У меня такого цвета волосы? Надеюсь, что ты говорила не об облезлом крыле. Бывают и такие, знаешь ли, у ворон...

Ксения заметила, что над рекой внезапно стало очень тихо. Больше не стучали ляхи,

дырявя дно у лодей. Значит, то время, что было ей отпущено судьбой, уже подходило к концу. Сказать ли Владиславу правду? Что она не поедет с ним в Белоброды? Что здесь и сейчас они расстанутся навсегда?

— Я продала свою душу и тело, Владек, лишь ты был свободен, чтобы ты жил, — проговорила она медленно. Он ничего не ответил, и она приподнялась на его плече, взглянула в его лицо. Рука, лежащая на ее голове, с глухим стуком упала наземь. Владислав снова потерял сознание, и когда это произошло, и слышал ли он ее признание, Ксения не знала.

— Нам пора, — тронул ее за плечо Ежи, и Ксения замерла. Вот и все! Ей захотелось упасть на Владислава, вцепиться в него с силой, закричать в голос, завывать от той боли, что рвала ей нутро, так ей не хотелось расставаться с ним сейчас. Но она лишь склонилась над его лицом, а потом легко коснулась губ, прощаясь с ним.

— Ну же, панна! Пора! — снова тронул ее за плечо Ежи, но она будто не слышала того. Достала из-за рубахи налобник, что когда-то Владислав сорвал с ее волос, что хранил все эти годы, вспоминая о ней. Потом положила на его здоровую ладонь эту полоску голубого шелка, сжала его пальцы, чтобы она не потерялась ненароком.

— Прости меня, — прошептала Ксения, снова целуя Владислава в безвольные губы, роняя горячие слезы на его лицо. А потом отстранилась, боясь, что вдруг тот очнется, и тогда у нее не хватит сил, чтобы расстаться с ним. Не сможет она сделать этого, глядя в его глаза, слыша его голос.

— Я не поплыву, — глухо сказала Ксения Ежи, когда два ляха аккуратно подняли Владислава и понесли к большому челну, в котором собирались плыть. — Уговор у меня с Северским. Я остаюсь его полной робой, а он отпускает вас. Вот так.

— И ты ему поверила? — покачал головой Ежи. — А я-то думаю, что ж так ладно-то все! Едем с нами! Даже если он следит ныне, на реке туман, значит стрелами нас не достать. А все лодьи пробиты.

На миг Ксения хотела поддаться его уговорам, залезть в этот челн, что тихо покачивался на легких волнах. Сесть подле Владислава, положить его голову на колени, гладить его волосы. А потом они прибудут в Белоброды... и мальчик с глазами цвета неба и вороного крыла...

— Нет, — покачала она головой, отказываясь. — То, что можно не догнать по воде, можно настигнуть на порогах. У Щури через десяток верст пороги. Там и сгинете, коли поеду.

Ежи коротко кивнул ей, а потом вдруг привлек ее к себе и коснулся губами ее лба.

— Береги себя, панна!

— А ты береги его! — прошептала она запальчиво в ответ, сжимая его руку. — Слышишь, береги его! Береги его, Ежи, прошу тебя!

Он кивнул ей снова в ответ, а после побежал к челну, что уже сталкивали ляхи с песчаной отмели в воду, отпуская тот на волю реки, уводя его все дальше от берега. Ксения смотрела, как уходит челн в туман, стелющийся низко над водой. Еще миг, и он полностью скрылся из ее вида в этой белой густой дымке.

— Что? Что? — закричала откуда-то из-за ее спины Марфа. — Паскуды ляшские! Они бросили нас! Псы окаянные! Ироды!

— Не кричи, Марфута, — устало сказала Ксения, не отводя взгляда от того места, где скрылся в тумане небольшой челн, увозящий прочь от нее Владека. — Я сама не поехала с

ними.

— Дура ты! Давай беги же! Плыви за ними! Ты же можешь, умеешь! — Марфа потянула ее в сторону воды за руку. — Плыви! Они должны забрать тебя.

— Ты разума лишилась, Марфута? — Ксения не могла понять, что случилось ныне с ее постельницей, отчего та мечется по берегу, словно безумная. — Утопить меня, что ли хочешь? Сказано тебе — нет! Моя воля такая!

Позади от усадебных ворот вдруг до женщин донеслись какие-то крики, шум. Они обернулись и заметили огни, мелькающие в тумане, приближающиеся к ним из усадьбы.

— Северский! — простонала Марфа и еще с большей силой потянула Ксению к воде. — Быстрее в воду, Ксения. Я задержу их! Тебе уходить надо.

— Да что с тобой? — вырвалась из ее хватки Ксения, отбежала подальше. — Я клятву дала, что буду верной женой и робой для него. Вот он и отпустил Владека. А поедь я с ним, то смерть ему. И мне.

Марфа ахнула сдавленно, побледнела, как полотно, заломила руки в отчаянье.

— Все едино ныне! — с трудом проговорила она, будто тяжело для нее давалось каждое слово. — Ты же тяжела, Ксения. Дите у тебя будет. От ляха дите-то...

Ксения помертвела при этих речах, качая головой, не веря ни единому слову из сказанного. Как же это может быть? Как же так? Ведь она уже давно с мужем жила и не могла до сих пор затяжелеть. Ни единого раза за все эти годы! А тут всего несколько седмиц...

Она повернулась к реке, словно надеясь, что-то разглядеть в тумане, медленно надвигающемся с реку, ступила в воду, намочив длинный подол. Потом взглянула на огни, идущие к ней со стороны усадьбы. Уже были различим силуэт всадника, а потом вынырнули из дымки бегущие след за ним верные чадинцы с мечами в руках.

— Беги, Марфа! — приказала Ксения решительно своей служанке. — Беги же! Прячься. Пошла прочь! Беги!

Только после последнего крика та сорвалась с места и скрылась в зарослях кустах, надежно укрывшись не только за густой зеленью, но и за плотной пеленой тумана. Теперь Ксения могла с легкой душой сказать Северскому, что одна была на берегу, что прогнала Марфу еще от колодца. Потом она попросит позволения уйти в терем, чтобы обдумать, что ей следует делать сейчас, когда она... Ксения приложила руки к животу. Нет, не может быть, Марфа ошиблась. Он же такой плоский, такой...пустой. Пустой ли?

А потом вдруг из тумана до Ксении донесся вопль, заставивший ее сердце больно удариться о ребра, напомнить ей о той ране, что кровила ныне, незаметная чужому взгляду. Вопль, от которого ей вдруг захотелось упасть на колени, уткнуться лбом в мокрый песок, на котором еще были видны следы ляхов, и заскулить, как собаке, в голос, слушая мерный стук копыт приближающейся к ней лошади ее мужа.

А Владислав все кричал и кричал откуда-то из тумана, разрывая ей душу.

— Ксения! Ксения! Ксеееняаяя!

1. Род комода с выдвижными ящиками
2. Что? Что? (польск.)
3. Туман идет. Это очень хорошо (польск.)
4. платок
5. Т. е. выдолбленные из ствола дерева

— Ксения Никитична, — откуда-то из густого тумана вдруг вынырнул темный силуэт лошади, в седле которой сидел Северский. Чадинцы еще не догнали своего хозяина, но до Ксении отчетливо долетали звуки их шагов, лязг их оружия и колец их кольчуг.

Матвей склонился к Ксении и протянул ей руку, призывая забраться на лошадь перед ним.

— Быстрее, на берегу никого не должны заметить!

И как не хотелось Ксении подчиняться ему, отказаться от его руки, заявить всем, что это она предала своего господина и позволила бежать пленникам, но чувство самосохранения все же взяло вверх, и она ухватила за его широкую ладонь. Северский в мгновение ока втянул ее на лошадь, усадил перед собой и прикрыл плащом, надежно скрывая свою жену от посторонних взглядов.

— Ты была одна, Ксения? Где девка твоя? — быстро спросил Матвей, глядя на уже заметные в тумане фигуры чадинцев, спешащих к своему господину.

— Она еще от колодца ушла, — поспешила заверить Ксения, памятуя о своем решении скрыть участие Марфы в побеге ляхов. — Я одна была.

— Я думал, ты уплывешь с ними, — вдруг медленно проговорил Северский, и прежде чем Ксения успела ответить, тронул лошадь навстречу своим чадинцам, наконец настигших его. — Лодьи все пробиты. На реке туман, и стрелами не достать. После обдумаю, что делать с беглецами. А ныне возвращаемся в усадьбу.

Он еще крепче прижал к своей груди Ксению под широким плащом и направился к усадьбе, стоявшей на небольшом возвышении в нескольких десятках саженей от берега. Провел ладонью по голове жены, только ныне осознав, что так резануло ему глаз, когда он выехал на песчаный берег. Ксения была простоволоса, хотя выходила из усадебных ворот в убрусе. Он уже открыл рот, чтобы заметить ее тягостный проступок, как вдруг предрассветную тишину разорвали крики и улюлюканье чадинцев.

— Одна, говоришь, была? Дура ты, Ксения, дура, — проговорил Северский беззлобно и, как показалось Ксении, с неким оттенком сожаления. Но ныне она не желала думать и различать настроения своего мужа. Ей было абсолютно все равно, будет ли он гневен или тих и покоен, когда призовет ее к себе. Сейчас же она желала только одного — уйти к себе в спальню да повалиться в постель и лежать без движения как можно дольше. А еще чтобы ни одной мысли в голову не пришло за это время, чтобы голова была так же пуста, как опустела ныне ее душа.

Поэтому Ксения не стала возражать, когда спустя некоторое время, как она повалилась на кровать прямо в том платье, что была, в терем пришла Евдоксия с серебряной чашей в руках.

— Пей, боярыня, — приказала она, и Ксения покорно поднялась в постели и приняла из ее рук питье. Даже если бы та подала ныне отраву какую, Ксения была бы только рада испить ее до самого дна, чтобы никогда более не подняться с этой кровати. Но ее обоняние уловило сладковатый запах, шедший от напитка в чаше, а вкус только утвердил Ксению в ее догадке. То был не яд, а просто дурман. Дурман, который позволил бы ей сейчас забыться и забыть обо всем.

— Жаль, что он так носится с тобой, будто несущка с яйцом, — процедила Евдоксия. —

Я бы позволила тебе все до конца узнать, всю боль прочувствовать. Твоя вина в том, что вершится. Только твоя!

Но Ксения только рукой на нее махнула, пошла, мол, прочь, и ключница направилась к сеням, попутно пиная сенных девок носками чеботов в бок, шипя им со злости: «Поднимайтесь, лени! Солнце встает, а вы спите-проспите!» Те, опоенные с вечера дурманом, едва открывали глаза, с трудом поднимали с постелей тяжелые головы.

Ксения же упала обратно в подушки, пряча в них свое лицо, скрывая от всех свои слезы. Ведь в голове снова вдруг возник тот вопль, что долетел до нее из тумана. Крик, полный боли и отчаянья.

«...- Ксения! Ксения! Ксеееняаяя!...»

— Прости меня, — прошептала она в подушку. — Прости...

А потом маковый настой сделал свое дело, и она плавно соскользнула в столь желанную для нее ныне темноту забвения. Не думать и не вспоминать — вот благо для нее сейчас.

Очнулась Ксения от своего глубокого сна без сновидений от того, что ее кто-то тряс за плечи, что-то приговаривая, а после вдруг стали лить холодную воду на лицо, скатывающую тяжелыми каплями вниз по шее прямо в ворот платья. От этой прохлады Ксения вздрогнула, завизжала, отстраняясь от мучивших ее рук, но ей не дали снова упасть на постель, так манившую ее сейчас, стали снова протирать лицо мокрой тряпицей.

— Боярыня, боярыня, пробуждайся! — приговаривали женские голоса. — Пробуждайся, боярыня.

И Ксении пришлось открыть глаза, щурясь от яркого света, что разливался по комнате в этот час. Она хмуро оглядела стоявших в спальне девок, что будили ее, сустились по комнате, раскладывая одежды, доставая из ящичков скрыней уборы и украшения.

— Боярыня, тебя боярин кличет на задний двор, — проговорила самая старшая по возрасту из Ксениных прислужниц, та, что так трясла ее сильно за плечи. Эта фраза отдалась в голове Ксении воспоминанием, кольнувшим позднее прямо в сердце. Казалось, годы прошли с того дня, а не пара световых дней.

— Что он желает? — разлепив с трудом пересохшие губы, прошептала Ксения. Очень хотелось пить, и она кивнула одной из служанок на ендову с ключевой водой, стоявшей на одном из столиков. Та поспешила тут же послужить своей хозяйке, подала полную чашу.

— Не ведаю, боярыня. Евдоксия сказала, срочно идти надо, — ответила ей прислужница, и Ксения кивнула, чувствуя, как в душу вползает тяжелый липкий страх. Что там снова? Неужто Северский презрел клятву, и пленников вернули в усадьбу? Неужто расправу чинит на заднем дворе?

Последние слова Ксения проговорила вслух, потому как прислужница вдруг кивнула и тихо прошептала, склоняясь к боярыне:

— Брячу ныне секли. Говорят, измена в усадьбе. Нынче ночью ляхи бежали. Вот ужас-то! И как нас не перерезали спящих?!

Ксения не особо взволновалась при этих словах. Бряча был мастером своего дела, а искусные кузнецы дорого ценились. Не стал бы ни за что Северский сечь того в силу, рискуя лишиться такого трудно заменимого холопа. Зато она ясно поняла другое — ляхи все же ушли из вотчины, поймай их Северский, служанка непременно прибавила бы это к своей вести.

Потому она не особо страшилась выполнить наказ мужа. Шатаясь под действием дурмана, еще кружившего голову, Ксения спустилась с постели, и девки тут же окружили ее,

снимая с нее изрядно помятое простое платье и облачая ее в одежды и убор боярыни. Они ни словом, ни взглядом не выказали своего удивления, что застали хозяйку в неподобающем наряде. Ксения же стояла безучастной куклой, совсем без эмоций и чувств в душе, без мыслей в голове, и будь она проклята, но это странное состояние ей было даже по нраву. Ведь той боли, что она ждала ныне, так и не было, надежно скрытой где-то в глубине ее сознания дурманом.

Оттого-то Ксении и казалось, что все происходит будто в каком-то странном сне. Вот она выходит из терема, аккуратно ступая по ступеням крыльца терема, приподняв подол, а после идет на задний двор, сопровождаемая вереницей сенных девок, тянущихся длинным шлейфом за ней. Она же когда-то все это видела — и эту толпу холопов, расступающихся перед ней, и мужа, сидящего на стуле с резной высокой спинкой, словно на троне, и хмурого, обескураженного Владомира позади него. Казалось, тот не понимает, где он находится сейчас, и что происходит вокруг.

Северский поднял глаза, желая увидеть, отчего вдруг зашевелились холопы, стоявшие от него по правую руку, заметил Ксению, приближающуюся к нему, и побледнел так, что его глаза стали казаться темнее обычного, сравнявшись цветом лица с белизной зимних просторов.

— Что ты тут делаешь, Ксения? — прошипел он едва слышно, когда она подошла к нему, вложила пальцы в протянутую руку. — Ты же почивать должна.

— Мне передали, ты велел меня звать, господин, я и пришла, — коротко ответила Ксения. Один из чадинцев поставил по знаку Владомира еще один стул, немного меньший размерами стула Северского, и она присела, расправив подол. Такая спокойная, такая безмятежная. Даже проблеска осознания того, что вершится тут, не было в ее голубых глазах, и Матвей понял, что она еще под дурманом ходит. Он резко оглянулся на Владомира и кивнул головой на юркнувшую в тот же миг в толпу Евдоксию.

— В колодки. Я позднее решу, что с ней делать, — проговорил он, и его сотник отошел прочь. Северский же склонился к Ксении. — Иди к себе, боярыня. Тут тебе делать нечего.

Ксения и подчинилась бы ему, но тут ее взгляд скользнул по окружающим ее, по свободному пятаку, где вершился суд боярский, и она заметила стоявшую за спиной одного из десятников Северского Марфу. В ее голове мелькнула молнией мысль, но так быстро, что одурманенный разум не смог уловить ее сути, посмотрела на мужа, наблюдавшего за ней.

— Что тут делает Марфута? — спросила Ксения, и Северский прищурил глаза.

— Нынче ночью ляхи сбежали из усадьбы, Ксения Никитична. Гришка-десятник Марфу поймал на берегу, пособницу ляхскую.

Ксения резко выпрямилась, едва не ударившись кикой о спинку своего стула, с силой сжала сидение пальцами.

— Это неправда! — сорвалось с ее губ. Она не могла придумать, что сказать ныне, чтобы вывести из-под удара свою верную постельницу. Опьяненный маковым настоем разум не мог помочь ей ныне, и она пожалела, что этим утром согласилась избавиться от боли такой ценой. Северский же потянулся к ней и легко ухватил ее за локоть, сжал своими длинными пальцами ее руку, заставляя поморщиться от боли.

— Скажешь хоть слово, Ксения, и ее смерть будет далеко не милосердной, — прошептал он ей в ухо, прикрытое белой кисеей сороки. — Я ведь спрашивал тебя, одна ли ты на берегу. Твой грех, Ксения, то! Не губи ее боле!

А Гришка-десятник заговорил по знаку своего боярина почти одновременно с ним:

— Все истинно так, боярыня! На берегу мои люди схватили ее. Пряталась она в кустах, думала укрыть свой грех перед боярином. Бросили, видать, ее ляхи, не взяли с собой. Оставили на погибель. Я свидетель ее вины, я обвиняю ее в измене господину нашему!

Нет, хотелось крикнуть Ксении в голос, не ляхи бросили ее на погибель, а она, Ксения, сделала это. На ее совести будет смерть Марфуты, ее подруженьки верной. Только на ее! От осознания жестокой яви, что творилась на ее глазах, с Ксении вмиг слетели остатки дурмана.

Она оглянулась на подошедшего Владомира, но не смогла поймать его взгляд. Тот встал, сгорбившись, тяжело опираясь на спинку стула боярина, будто ноги совсем не держали его ныне. И словно не крепкий мужчина стоял перед глазами Ксении, а старик, побитый тяжелыми годами. Не будет от него возражений в этот миг против обвинений десятника, ибо истину тот глаголит, ни слова лжи не сорвалось с губ того.

— Хоть Бряча и не поведал, для кого ключи сотворил от хладной и колодезной решетки, но все мы ведаем, кто мог дать ему ключи для поделки, — продолжал десятник. — Марфа, жена сотника Владомира, украла с пояса того кольцо с ключами да в кузню и отнесла. А потом замки все отворила прошлой ночью. Измена, боярин! Кары суровой изменнице! Видать, спелась с ляхами за время полона? Легла под кого, змея подколотная? Ефима Куню нынче положили у ворот задних, моей десятки человека! Да ты и пальца его не стоишь, паскуда! Подстилка ляшская! — горячился десятник. Ксения заметила, как бешено бьется жилка на виске Владомира, как сжал тот спинку резную стула боярина, но прежде сам Северский прервал десятника, обрывая обличительные речи и оскорбления того.

— Довольно, Гришка! — поднял он руку, приказывая тому умолкнуть. Матвей хорошо знал его норы и опасался, что тот произнесет в запале страшные слова, кидающие тень на жену боярина, а того ему очень не хотелось. Уж поскорей бы покончить с этим судом, что так неожиданно свалился на его голову! — Довольно! Мы уже все узнали!

— Узнали? Нет, не все, боярин! Не может роба одна такое сотворить! Не довольно разума для того! Подельник был, зуб готов отдать за то! — вдруг взбеленился Гришка-десятник, так и брызжа слюной. Северский подал знак, чтобы того увели в толпу прежде, чем тот наговорит лишнего, зароня ненужные боярину сомнения, как вдруг сама Марфа вскинула голову, обвела глазами собравшихся и громко проговорила:

— Нет у меня подельника! Нет. Сама я решилась на то. В полоне с ляхом сошлась, думала, уйти с ним в Ляхию, а он, ирод, бросил меня тут!

Громко ахнула толпа, Ксения замерла на месте. О Небо, что ты делаешь, Марфа? Что делаешь? Она обернулась на Владомира, чтобы прошептать тому, что лжет его жена, ее выгораживает, Ксению, и поразилась тому, что увидела. Владомир смотрел на Марфу, не отрывая взгляда, глаза были устремлены в ее глаза, будто только ее видел он сейчас. С лица сошла обреченность и растерянность, черты лица смягчились, только уголки губ опустились вниз, выдавая горечь, что плескалась ныне в душе сотника.

Ксения оглянулась назад на Марфу, чтобы подтвердить свою догадку. Верно, та тоже глядит неотрывно на мужа, и Ксения поразилась тому свету, той нежности, что казалось, так и сочится из карих глаз ее постельницы. Вмиг стало горько во рту, а к глазам Ксении подступили слезы. Не нужны были Владомиру заверения Ксении в верности Марфы, он и сам знал это. Но отчего же только теряя, понимаешь, что сердца все же бьются в такт, что души сплетены в единое целое, что боль одна на двоих, как и счастье тоже пополам? Отчего так поздно приходит осознание и прощение всех грехов друг другу? Отчего так на свете?

Сдавило в груди так больно, что Ксения задыхалась часто и прерывисто. Что ей делать? Как поступить? Зачем Марфа выкрикнула слова о неверности своей? Не будь их, Ксения смогла бы придумать хоть что-нибудь, чтобы спасти свою верную Марфуту. Хотя, что тут придумаешь?

Пока в голове Ксении судорожно метались мысли, но так и не приходило то самое верное решение, Владимир вдруг вышел из-за спинки стула боярского, встал подле жены почти плечом к плечу.

— Моя вина тоже есть в побеге ляхском. Суди и меня, Матвей Юрьевич, — проговорил он, и Северский дернулся при его словах, будто от удара, но вскоре оправился, сумел найти слова, чтобы успокоить расшумевшихся холопов, раскричавшихся чадинцев.

— В чем вина твоя, сотник? Что бабе доверился, как самому себе? Да, твоя вина. Но мне ли судить тебя за то? Нет, не мне. За грехи наши душевные судит нас Отец наш Небесный, верно, отец Амвросий? Всем известно, что баба — сосуд греха, баба сбивает мужа с пути истинного, так что не я тебе судья в том. Ибо сам грешен, Владимир, в том же, — он взглянул при этом искоса на Ксению, но та не слышала его слов, смотрела прямо перед собой, белая от напряжения, что сковало ее душу ныне. — А в побеге ты подельником быть не мог, не путай народ и суд боярский словами своими, не бери греха лжи на душу. Сам же со мной почти всю ночь в горнице сидел да мед пил. Так что за грех твой тебе отец Амвросий искупление назначит. А за ключей потерю будешь ты бит кнутом. Пять ударов. Я так сказал. А вот баба твоя, Владимир...

— Отдай ее нам! — вдруг крикнул из толпы Гришка-десятник. — По твоему же слову — жизнь изменника за жизнь павшего при измене! Отдай нам ее!

Снова зашумели чадинцы десятки Гришки, требуя выдать им изменницу на расправу, и только грозный взгляд Владимира, брошенный в толпу, заставил их умолкнуть, вспомнив, что сотник голова их чади, а не Гришка. Сам же Владимир еще ближе ступил к жене, опустившей взгляд в землю, поникшей плечами.

— Милости! — Ксения воспользовалась тем, что Северский отвлекся на расшумевшуюся толпу, и вывернулась из-под удерживающей на месте его руки, бухнулась на колени в пыль у его ног, не обращая внимания на боль от удара, тут же возникшую в ногах. — Милости, мой господин! Господь велел нам быть милосердными, яви нам милость свою!

Северский явно был недоволен ее поведением — боярыня на коленях в пыли двора, будто холопка какая, но Ксении было все равно ныне. Пусть он накажет ее позднее за то, она вытерпит все, лишь бы услышал ее ныне, последовал ее мольбам. Матвей слегка склонился к ней, задумчиво глядя на ее слезы, бегущие по щекам, на ее умоляющие глаза, глядящие на него снизу вверх.

— Ты выбрала иную жизнь прошлой ночью, Ксения, — проговорил он медленно, потом добавил, вдруг легко коснувшись ее щеки, стирая слезу, что сорвалась с ресниц и побежала вниз. — Нет моей вины в том, что творится. Такова недоля девки твоей! — Северский выпрямился на стуле и, окинув взглядом дворню, сельских холопов и чадинцев своих, произнес громко. — Все вы ведаете, какое наказание ожидает каждого предавшего своего господина. Все! За измену только одно наказание возможно, ибо предавшему единожды нет веры. За измену и предательство — смерть!

Ксения ахнула, залилась слезами, стала хватать мужа за сапоги, что-то причитая при этом, умоляя его передумать. Тот даже головы не повернул к ней, только знаком показал

дворецкому, чтобы боярыню с земли подняли, негоже ей в пыли валяться. Но Ксения стала отбиваться от протянувшихся рук, хватала Северского за ноги, за полы кафтана, крича в голос. Видя ее истерику и то, как Ксению оттаскивают от мужа, вдруг заплакала крепившаяся до сих пор духом Марфута, сжимая ладони до боли. Ей хотелось подбежать к боярыне, остановить ту, успокоить, но она знала, что более не вольна сделать этого. Ее спины мельком коснулась ладонь Владомира, будто силы давая выдержать то, что предстоит ей, и она оглянулась на него, а после так и не сумела отвести взгляда.

А Северский уже сам не выдержал затянувшейся по его мнению истерики жены — больно схватил за плечи, встряхнул будто куклу.

— Угомонись, Никитична! Угомонись!

Он видел, как смотрят на них притихшие холопы и начинал ненавидеть эту рыжую девку, что доставила ему столько бед и трудностей, что заставила жену его разум потерять в этот миг. Матвей протянул руку под сороку Ксении и больно ущипнул ее за мочку уха, заставив при этом сережку уколоть нежную кожу, приводя жену в чувство. Ксения вдруг замерла, взглянула обреченно на Северского сквозь слезы.

— Я поклянусь в чем угодно! — прошептала она запальчиво, но он покачал головой.

— Мне не нужно боле клятв. Да и не волен я спасти ее, — он насильно усадил Ксению на стул, сжав плечи при этом сквозь несколько слоев одежд, принуждая ту успокоиться. — Не будь слабовольной холопкой, Ксения. Ты же жена боярская! Дочь боярина!

И Ксении пришлось занять свое место, прислонившись без сил к спинке стула. Она и уйти не могла ныне, и остаться не желала. Но как покинуть Марфу, что улыбнулась ей сквозь слезы в этот миг, когда Северский поворачивался к собравшимся, чтобы произнести страшные слова?

— За измену и предательство — смерть. Но первое вины перед мной, боярином, вина перед мужем. Так что отдаю я Марфу, жену сотника моего Владомира, в его руки.

Ксения так прикусила губу при этих словах, что прокусила ее, и рот наполнился соленым вкусом крови. Она-то думала, что Северский изменит наказание, а он всего лишь заменил палача. А потом вдруг пришло страшное осознание. Неужто Владомир...? Она взглянула на сотника и Марфуту, стоявших в центре круга, образованного толпой, скользнула взглядом по лицам, поразившись той жажды крови, что прочитала на лице чадинцев.

А потом заметила, как снял с волос, стянутых на затылке, Владомир кожаный шнурок, как перекинул его через голову жены, не отводя взгляда от ее лица. Скользнул при этом большими пальцами по щекам Марфуты нежно, проводя ими до самой шеи, видневшейся в вырезе рубахи. Ксения заметила, как Марфа что-то прошептала ему, как быстро скользнула рукой по груди мужа, будто прощаясь, а потом улыбнулась сквозь слезы и коротко кивнула. Ксения тут же закрыла глаза, не желая видеть ничего из того, что будет происходить ныне на заднем дворе, едва сдерживая крик, что рвался из груди. Она ничего не видела, зато слышала, как затихла толпа, как тяжело задышал Северский подле нее, а после с шумом выдохнул сквозь зубы. Ахнула в едином возгласе толпа. Все кончено...

— Иди в терем! — глухо приказал Северский, но Ксения не желала слушать его. Она медленно поднялась со своего места и, аккуратно ступая по земле, будто через ямы переступала пошла туда, где лежала Марфа. Владомира подле не было уже, ушел, не выдержав этой муки, оставив Марфу на попечение боярыни, зная, что та не оставит свою постельницу. Так как же Ксения могла уйти ныне?

Позади что-то кричал Северский, а после смолк, подавая знак, чтобы не трогали боярыню, уже побежавшие к ней девки. Ксения опустилась подле Марфы, положила на колени ее голову, поправила сбившийся убрис.

— Марфута...Марфута... — прошептала она, словно надеясь, что та сейчас откроет глаза. Верная ее подружка всех детских игр, всех забав и проказ пособница. Ставшая ей такой родной за эти годы, что они провели подле друг друга. Всегда стоявшая горой за свою боярыньку, всегда верная. — Прости меня, прости. Моя вина, только моя...

Ксения в последний раз провела ладонью по лицу Марфуты, вглядываясь в знакомые черты. А после аккуратно положила ее на траву, скрестив на груди той руки, сотворив над уже бездыханным телом святой крест, отступила, предоставив заниматься остальным холопам. Северский хотел ее увести в терем, но она так взглянула на него исподлобья, что он отступил, удалился прочь.

Марфу подняли с земли, унесли в избу сотника, стали готовить к погребению, ведь летом по обычаю схоронить надобно было быстро, еще до захода солнца. Ксения встала в сторонке, неотрывно наблюдая за спорыми четкими действиями холопок, глядя на последние обряды сквозь слезы.

Быстро наполнили святой водой чашу и мукой мису глиняную, поставили их на окно в знак того, что в дом пришла смерть. Сруб наполнили громкие причитания, плач, положенный обряду. Громче всех плакала и причитала свекровь Марфуты, облачая покойницу в белую сорочку. Будто предчувствуя, что в их доме отныне поселилась недоля, и кто знает, что худое свершится следом.

Принесли от столяра простой деревянный гроб, что всегда был наготове у дворового мастера. Тот оказался таким большим для умершей, что Ксении на миг показалось, будто Марфа в лодке лежит, вернулась в детство, когда та смеялась над суеверным страхом своей боярыни, дразнила ее, укладываясь в челны рыбацкие в вотчине Калитиных, словно в гроб. А потом вдруг на ум пришло другое воспоминание. Женский терем на дворе Калитиных в стольном граде, испуганная Марфута на коленях перед образами, подслушавшая о судьбе удушенной девице польской. «...— Убереги мя, Господи, от подобной участи! Спаси и сохрани мя, рабу твою Марфу!...» Но именно та же участь и настигла Марфу. Страшная насмешка недоли...

Ксения взглянула на Марфу, на ее белоснежную шею с тонкой красной полоской, что так резала глаз, а после вдруг вспомнила старца, его морщинистую руку с зажатой в пальцах алой лентой. Где же ныне та лента? В сундуке, что стоит у одной из стен избы?

Тронула молча за плечо Ксению одна из прислужниц, протянула ей черный плат, что принесла повинуюсь приказу боярыни. И та кивнула ей на клеть, куда они спешно прошли, где в тесноте сняли с Ксении богатую кикю и сороку белоснежную, повязали плат. Теперь Ксения отличалась от остальных женщин, что пойдут провожать в последний путь Марфу, только богато расшитым платьем и потянулась медленно за ними в сельскую церквушку, совсем позабыв о ленте за своим горем, что захлестнуло широкой волной, сдавило грудь.

Как она будет жить без Марфуты? Ни дня еще не было, чтобы они провели врозь, за исключением дня свадьбы постельницы и нечистых дней после ее родов. Ксения сроднилась с ней настолько за эти годы, что чувствовала себя так, будто у нее оторвали руку или ногу, и рана кровит безумно, причиняя острую боль. Она даже не слушала слова службы, что читал отец Амвросий, провожая одну из своих прихожанок в последний путь, даже не чувствовала, как обжигает руки расплавленный воск свечи, капающий вниз будто слезами.

Перед самым погребением крышку гроба снова сняли, открывая взгляду умершую, для прощания с ней. Первой согласно старшинству должна была подойти к ней Ксения, но вдруг откуда-то появился Владомир, кинулся к гробу, прижался лбом к лбу жены. Женщины заплакали, запричитали с новой силой, глядя на неподдельное горе сотника, а Ксения едва сдержала крик. Ей казалось это кощунством, насмешкой, ведь он сам своими руками отнял жизнь у Марфуты. Она испытывала горячее желание подбежать к этому широкоплечему мужчине, оторвать его от гроба, отпихнуть от Марфы. Но потом вдруг в памяти всплыли тихие слова, сказанные Марфутой несколько лет назад, когда она пришла просить позволения боярыни на брак с сотником: «Я так люблю его. Сердце замирает, когда вижу этого большого увальня, трясет меня дрожью, едва он смотрит на меня в ответ. Все думают, что у него нет души и сердца, раз он так хладен. Но я-то знаю, что там, в этой широкой груди бьется большое сердце, и все оно полно лады ко мне...»

Ксения очнулась от мыслей только тогда, когда перед ней вдруг встал хмурый Владомир, глядя на нее исподлобья. Она не успела и рта открыть, как он что-то пихнул ей в руку, а после скрылся среди остальных, явно не желая ни с кем говорить сейчас. Ксения перевела взгляд на то, что лежало у нее в ладони, и похолодела. Алая шелковая лента. Станный, такой пугающий дар старца.

«...Она тебе пригодится, шею прикроет, когда время придет...».

И Ксения шагнула к Марфуте, аккуратно положила ленту, прикрывая эту страшную полоску на шее, что оставил кожаный шнурок. Потом легко коснулась губами лба своей постельницы, роняя слезы на ее лицо.

— Прости меня, это моя вина во всем, — прошептала она тихо, а после отступила, предоставляя остальным право проститься с покойницей, ушла подальше, чтобы не видеть более этой страшной для нее картины, пытаясь справиться с той болью, что давила на сердце.

Жались друг к дружке перепуганные таким близким соседством мертвяков сенные девки Ксении, даже тут стоявшие неподалеку от своей боярыни. Она всегда будет ими, этими девками, своими прислужницами, окружена. И днем, и темной ночью. До самого своего конца. Но в то же время она одна отныне.

Ксения вздрогнула, когда послышался глухой стук. Знать, отец Амвросий уже положил в руки Марфы отпустительную грамоту, и гроб уже готовили к погребению. Какой же страшный стук! Так и давит на сердце, отдается в голове. Ксения прижала руки к ушам, чтобы не слышать, закрыла глаза, чтобы не видеть, отгораживаясь от всего.

Это сон, вдруг подумала она. Это страшный сон, посланный мне после того, как я выпила из той чаши, поднесенной Евдоксией. Я еще сплю, и это дурной сон. Скоро я проснусь, открою глаза и увижу Марфу, что будет готовить мне одежды на день, что-то увлеченно рассказывая, задорно смеясь. Она снова плохо закрепила косу под убрусом, и та упадет из-под белой ткани прямо в лохань, расплескав воду вокруг, забрызгав умывающуюся Ксению. И хотя Ксения и будет угрожать своей постельнице поркой на конюшне за то, что опять намочила ей рубаху, Марфа будет только задорно улыбаться. И Ксении не останется ничего другого, как улыбнуться в ответ, глядя на лицо, сплошь покрытое следами весеннего солнышка, так и светящееся весельем...

— Боярыня, — окликнула вдруг Ксению одна из прислужниц. — Боярыня, опустили уже покойницу в могилку-то. Пора к образу приложиться. Тебя ждут.

Ксения молча развернулась и пошла к стоящему у еще не закопанной могилы отцу

Амвросию с образом в руках, коснулась губами святого лика, мысленно прося у Него упокоить душу рабы Божьей Марфы, принять ее в небесные чертоги. А потом пришла на ум недавняя мольба, обращенная к Нему же: «...Прости мне мой грех прелюбодеяния, Господи, накажи меня любой карой своей, все вынесу, все выдюжу... Отними все, что пожелаешь после, только дай мне возможность спасти его!...»

Застрыла в горле тугим комком кутья, заметался страх в душе. Вот она — расплата за грех ее, Ксенин грех. Но как же принять ее безропотно, как и велено Им? И что, если это только начало...? Что еще уготовано ее недолей?

Ноги вдруг сами понесли ее с кладбища, прочь от церквушки. Но не к усадьбе, а в противоположную сторону. Туда, где на изгибе реки, на высоком обрывистом берегу несколько лет назад схоронили холопы Северского удавленницу, надежно придавив могилу тяжелыми крупными камнями. Ксения сама не знала, зачем идет туда, что хочет там отыскать, какие ответы.

Заголосили за спиной испуганные прислужницы, умоляя боярыню не ходить на проклятую могилу. Их страх еще усилился, когда потемнело за считанные минуты небо, налетел ветер, затрепал подола сарафанов, стал бить в лицо яростными порывами. Ксения едва не упала, вздрогнув от неожиданности, когда вдруг откуда-то издалека прогрехотал гром. Завизжали в голос перепуганные девки, заголосили еще громче, но за Ксенией не пошли, остановились в отдалении, не решаясь продолжить путь. Она оглянулась на них, а потом окинула взглядом вотчину, что открывалась перед ней с этого места: село с избами холопов в низине, церквушку с кладбищем, где отныне будет спать ее подруженька единственная, ее Марфута, а далее за ними — усадьба с высоким деревянным тыном на возвышенности. А дальше, за усадьбой, пологий песчаный берег Щури, где прошлой ночью для Ксении остановилось время...

Она отныне совсем одна. Одна...

Ксения не стала смотреть на одинокую могилу, уже почти потерявшую свои очертания, заросшую травой. Прошла сразу же на обрыв, стала смотреть вниз на волны, которые, остервенев, гнал куда-то яростный ветер.

И вдруг перед глазами встала страшная картина из давнишнего сна — бледная кожа, заострившиеся черты лица, распущенные волосы, которыми легко играет вода, и голубые глаза, неподвижно уставившиеся в пустоту. Лицо утопленницы. Ее лицо...

Ксения смотрела в волны, яростно набегающие на берег где-то внизу под обрывом и видела в этих волнах маленькую женскую фигурку. Всего один только шаг... только один...

Она еще ближе наклонилась к манящей ее ныне своей бездонностью бездне, будто что-то желая разглядеть там, в темноте воды, едва держась на ногах от сильных порывов ветра. Остаться тут на берегу, не возвращаться в усадьбу, где ее нынче уже никто не ждет. Только страх и боль живут в тех стенах. А отныне еще и ненависть, ибо она всей душой ненавидит и Северского, не остановившего эту страшную казнь, и Владомира, заробевшего перед боярином и удавившего жену, и эту суку, эту любезную боярскую Евдоксию...

А еще она ненавидит себя. Ведь это она невольно способствовала смерти Марфы, только она виновата в ней. Не приди тогда ей в голову шальная мысль бежать за подмогой к брательнику. Или просто прогнать Марфуту прочь еще тогда, у колодца... Почему она этого не сделала?

— Прости меня, прости... — шептали губы Ксении, а ветер рвал подол сарафана, толкал ее в бездну яростными порывами, бьющими в спину. И она вдруг качнулась под одним таким

порывом, оступилась на склоне. Нога поехала вниз, не удержавшись на песке, упал со ступни расшитый поршень, несколько раз перевернувшись в воздухе, невидимо с такой высоты всплеснув воду в Щуре.

Ксения вдруг поняла, что сейчас сорвется вниз, полетит вниз, как упала ее обувь. Стала хвататься за воздух, отчаянно надеясь найти хоть какую-нибудь опору, чтобы удержаться. «Владек, Владек!», — вдруг промелькнуло в голове.

Она уже соскальзывала со склона, когда сильная мужская рука обхватила ее кисть, потянула на себя, отвоевывая ее у шального ветра, у бездны, влекущей к себе. Мужчина прижал ее к себе, и Ксения с облегчением уткнулась в его грудь, вцепившись в шелк его кафтана, по-прежнему боясь, что он не удержит ее, и она упадет с этой высоты. А потом разрыдалась в голос, выплескивая весь страх, все горе, всю боль, что переполняли ее сейчас — горько, с надрывом.

А он гладил ее по голове через черную ткань и едва не плакал сам от страха, что едва не потерял ее сейчас, и оттого, что никак не мог унять ее боль, стереть все ее обиды и горе. Ибо это было самым большим и самым тайным его желанием — чтобы она никогда более не плакала...

За слюдяным оконцем тихо шелестел дождь. Как и в прошлый день, он проливался на землю тяжелыми каплями, шурша на крыше терема. Как и в день до того, и еще за один день. Уже более месяца, весь жнивень {1}, то льет, как из ведра, то просто падает с неба мелкой противной моросью. Совсем изредка стало показываться солнышко из-за серых облаков. Хорошо хоть страду успели завершить — успели-таки холопы убрать с полей зерно, не дали тому промокнуть, не грозит теперь землям боярина Северского голод по весне.

Ксения воткнула иглу в шелк, легко провела ее сквозь полотно и аккуратно вытащила, оставляя на материи ровный стежок. Работа и только работа отвлекала ее ныне от мыслей, что постоянно мучили ее. Стежок за стежком прокладывали руки, нанося на гладкое полотно яркую картинку, и эта механическая работа позволяла не думать, полностью сосредоточившись на рукоделии. Но если днем голову еще можно было обмануть, занять посторонними думами, то по ночам горькие сожаления, боль потери, тоска разлуки наваливались на Ксению со всей мощью. Тогда она соскальзывала с постели и, аккуратно ступая между прислужницами, спавшими на полу, пробиралась к образам, раздвигала занавеси и молилась до самого рассвета, часто кладя поклоны, моля ныне только об одном — о покое исстрадавшейся душе и о помощи в ее недоле, моля о защите.

И чаще обычного Ксения стала ходить в сельскую деревянную церквушку, где не только слушала службу, а просто молча стояла перед ликами, читая про себя молитвы или просто пытаясь отыскать в этой благословенной тишине покоя своей измученной душе. Она знала, что ее поведение уже вызывало толки в вотчине, тихие шепоты по углам, но ей было все равно. Так и проходила мимо, не глядя ни на кого, подняв голову высоко, повязанную черным траурным платом — без тени обычной улыбки, бледная, молчаливая. Не стало более той приветливой и доброй к каждому холопу Ксении, не доносилось более из женского терема смеха и громких разговоров, а лишь горький плач. Казалось, та Ксения, что была ранее, ушла вслед за своей постельницей, своей подругой верной Марфой, казалось, что все-таки сошла в ту бездну у обрыва прежняя Ксения, оставив вместо себя эту бледную тень той, что была. Ушла она вслед за своей любовью, так жестоко отнятой, будто в наказание за ее грехи, вольные и невольные.

Ксения плохо помнила остаток дня, когда схоронили Марфуту, да ведь и времени-то сколько прошло уже. Только то горе помнила, что, казалось, стало таким огромным внутри, что так и норовит разорвать грудь, что никак не хотело уходить вместе со слезами. Муж тогда решил позволить ей выплакаться, а потом, видя, что она не успокаивается, легко подхватил на руки и понес мимо перепуганных девок в усадьбу, укрывая, как мог, от ливня, что хлынул на землю сплошной стеной тяжелых капель. В тереме ее снова опоили маковым настоем, и Ксения соскользнула в столь желанные для нее ныне глубины сна без ночных цветных грез.

Только через несколько дней Ксения нашла в себе силы выйти из терема, уступив настойчивым просьбам своего мужа, переданных через прислужниц. Наконец Северский, устав убеждать ее, пригрозил, что сам придет в женскую половину и вытащит ее в сад, в чем она ни была бы одета, и как бы прибрана ни была. И Ксения подчинилась, заставила себя подняться с постели, позволила девкам привести себя в достойный вид. Да только пошла она на прогулку не в сад, как ожидали от нее, а за ворота усадьбы направилась, к сельскому

кладбищу. Она понимала, что нарушает обычаи, что негоже тревожить душу покойницы, пока не минул срок, и та еще не ушла в чертоги небесные. Но ей хотелось хотя бы чуть-чуть почувствовать подле себя Марфуту, быть может, там ей это удастся?

Но к могилам Ксения все же не пошла — остановилась у ограды кладбища, пытаясь отыскать взглядом среди крестов и холмиков гробовых то место, где отныне будет лежать ее Марфа. Она вдруг с удивлением обнаружила, что не одна ныне здесь, что меж могил мелькнула чья-то темная фигура. Сначала Ксения перепугалась до смерти — отпрянула, крестясь, уверенная, что душу чью-то увидала меж крестов, оглянулась на своих девок, стоявших в нескольких десятках шагов от нее. А потом заставила себя взглянуть снова на то место, где видела фигуру, и разглядела Владомира, медленно идущего к ней с кладбища.

— Боярыня, — поклонился он ей в землю, когда подошел к ней ближе. Но в его облике не было почтения, глаза горели каким-то странным огнем, и на миг Ксении показалось, что тот безумен.

— Сотник, — хладно проговорила она, даже не кивнув в ответ на его приветствие. — Обычай нарушаешь? Не боишься за душу Марфы? Ведь не будет ей ныне покоя.

— А сама-то, боярыня, что тут делаешь? Совесть привела?

Ксения вскинула голову, пораженная тем, что услышала в его голосе, обескураженная его непочтительностью.

— Как ты смеешь так говорить со мной, холоп?!

— Каково тебе ныне, боярыня, когда голова покоя душевного не дает? Я знаю, что не дает, — не обращал внимания на ее возмущение Владомир. — Она ведь за сестру старшую тебя почитала, ведь подле тебя с малолетства росла, не было никого у нее, кроме тебя-то и рода твоего. За тобой и в огонь, и в воду бы шагнула. Вот и шагнула! Даже перед смертью о тебе думала, о тебе радела! А это ведь ты во всем виновата. Ты! Ты спуталась с ляшским паном, думала, не разведает что ли никто? Ты! Из-за тебя Марфа ныне в могиле.

— Не отрицаю того, — глухо ответила Ксения, чувствуя, как снова откуда-то снизу поднимается в теле очередная волна рыданий. — Виновна я перед ней, и не вымолить мне ныне прощения за то. Но и не тебе речи вести обвинительные, сотник! Сам же своими руками, а ведь в любви ей клялся!

Она отшатнулась от него, заметив, что промелькнуло в его глазах, перепугалась. Ярость, слепящая ненависть и жажда крови. Ее крови. И Ксения поняла, что ныне ничто не остановит сотника, что тот может сжать ее тонкую шею своими ручищами да переломить ее будто тростинку, без особого труда. Ведь до усадьбы далече, даже со стен худо видно, что тут творится, близ сельских могил.

— Ведаешь ли ты, боярыня, что случилось бы, коли я отказался бы от того, что приказано было? — прорычал Владомир. Ксения видела, как он напряжен в этот момент, как ходят буграми мощные мышцы под тканью рубахи, как стиснуты зубы. — Или коли попытался бы высвободить ее из рук недоли? Ведаешь? Ее бы в руки чадинцев боярских отдали бы, а те на кровь и на бабские слезы охочи. И нет им разницы кто в руках у них — боярыня или девка холопская, пленница какая или жена сотника их чади. Так что уж лучше смерть от рук моих, чем муки и насилие от чадинцев принять, — он замолчал на миг, пытаясь перевести дыхание, отвел глаза от слез Ксении, что побежали по ее лицу, едва он начал свою речь. А потом добавил едва слышно. — Сама она об том попросила. Я ясно понял то, едва об прелюбодействе заговорила. Я бы не вынес, коли в руки чадинцев бы отдали или кто другой... а так я сам... не мучая... Она обо всех нас думала. О тех, кого

любила. Я ведь голову бы там сложил. А она не дала, покрыла себя позором, но не дала мне сгинуть тогда. И я поддался этой слабости... живот свой сохранить захотел...

Ксения вспомнила, как смотрели друг на друга супруги в тот злополучный день, и поняла, что сотник истину ей говорит. Она знала Марфу и понимала, что та пойдет на все лишь бы те, кого она любила, здравствовали и далее. Даже ценой души своей.

Владомир не желал более стоять подле нее — той, кого он винил в смерти своей жены. Она виновна и непременно получит то, что заслужила. Уж он-то позаботится об том, как бы ни вопил в его голове голос, что Марфа никогда бы не одобрила его замысел, никогда бы не простила его, коли тот свершится. Но его любви больше нет, отныне ей суждено лежать в сырой земле подле сынка их единственного, а потому он не будет слушать этот голос. Но просьбу жены последнюю все же исполнит, передаст боярыне ее слова. Уже уходя, обернулся потому к Ксении, тихо проговорил, глядя той в спину, на ее опущенные плечи:

— Марфа велела сказать тебе тогда не только о ленте. Еще про дар небес сказала. Мол, Господь тебе его даровал, ты же сберечь его должна. Вот и все, что велела передать тогда.

Ксения не поняла тогда, погруженная горе с головой, о чем ей Владомир толкует, и только позднее, когда по пути в усадьбу завернула в церковь и стояла перед образом Богоматери, что прижимала к себе Божественное дитя, вдруг услышала в голове голос Марфуты: «...Ты же тяжела, Ксения. Дите у тебя будет. От ляха дите-то...». За тяготами минувших дней, за слезами бесконечными забылась эта весть, да и в непривычку было Ксении, что тяжела может быть она после стольких пустых лет.

Ксения едва удержалась, чтобы не коснуться ладонью пока еще плоского живота под тканью сарафана. Неужто Марфа не ошиблась? Неужто и правда будет у нее, Ксении, младенец, и она так же сможет прижать к себе свое чадо, как Богородица на лице дитя прижимает к себе? Неужто были услышаны ее молитвы последних лет?

Но как же ей тогда быть? Как быть? Быть может, Марфута была права и в другом — быть может, ей все-таки следовало уплыть тогда с ляхами? Кто ведает, как тогда сложилась бы тогда судьба. И Марфа... Марфута могла бы быть жива в том случае. Ксения вытерла слезы с лица рукавом опашеня. Нет, не к добру бы тогда все было. Все легли бы на порогах Щури, ведь Северский в ту ночь был наготове, словно ждал, что она уедет с ляхами.

А потом в голову пришла шальная мысль. Владислав же вырвался из когтей недоли, сумел уйти из вотчины врага своего, и коли никакая хворь не утянет его за собой, то он непременно вернется сюда за ней, Ксенией. Разве нет? Разве не говорил он, что хочет, чтобы она всегда была подле него? Разве не говорил, что она его сердце, его любовь? Знать, вернется за ней, едва поправит свое здоровье. Непременно вернется. А она должна верить в его возвращение. Верить и бережно хранить этот дар небес, плод их любви. И это будет мальчик, она знала это отчего-то доподлинно, чуяла сердцем. Мальчик с глазами цвета неба и волосами цвета вороного крыла...

Как за спасительное бревно утопленник, ухватилась за эту мысль Ксения в то время. Она питала ее надеждой на скорое избавление от недоли, давала силы, когда хотелось упасть на колени от очередной волны горя и тоски и завывать по-бабьи во весь голос, запрокинув голову. И молилась она отныне усерднее обычного, умоляя помочь Владиславу дойти живым до неведанной ей земли польской, а потом вернуть ему здоровье. Она не знала, может ли она молить о человеке папской веры перед образами, а спросить у отца Амвросия не могла — боялась, что тот поведаст обо всем Матвею. Ксения предполагала, что тот способен поведать Северскому мысли жены из страха перед хозяином усадьбы, оттого и о многом умалчивала

на исповеди перед причащением, умоляя мысленно Господа простить ей этот невольный грех.

Да и помимо отца Амвросия хватало вокруг боярыни соглядатаев и шпионов ее мужа. Она подозревала в том всех из числа своих прислужниц и белошвей, с которыми проводила время в одной из светлиц терема. Знала, что каждый шаг, каждое ее слово будет передано Матвею, и кто ведает, как оно будет истолковано. Ранее это не особо тревожило Ксению, ведь всегда рядом с ней была Марфута, словно щитом загораживала ее от всех толков и взглядов, а ныне же... Вот и приходилось даже молиться за Владека только ночами, когда все прислужницы укладывались спать на полу, а в окно светила луна, тайная пособница Ксении. Только, когда опускалась тьма, а девки, нашептавшись вдоволь, замолкали наконец и затихали, а спальнеке воцарялась тишина, прерываемая лишь сонным дыханием да чьим-то тихим сопением, выскальзывала Ксения из своей постели и опускалась перед образами на колени. Она думала ранее уходить в молельную, но дверь спальни скрипела, и некоторые чутко спавшие служанки при первой же Ксениной попытке выйти проснулись от тихого шума. Оттого и пришлось ей оставаться здесь, в спальне, стараясь не разбудить своим шепотом девок.

В одну из ночей Ксении стало совсем тоскливо. Едва она опустилась на колени перед святыми ликами, как навалилась тяжесть на плечи, в душу стал медленно заползать страх. Прошло несколько дней, как она узнала о своей тягости, а она так ничего и не смогла придумать. Что ей надобно делать ныне, когда внутри нее растет дитя? Следует ли ей как-то по-особому вести себя в это время? И как вести себя с Северским, ведь она знала, видела, что женщин в тягости легко вскоре определить по увеличившемуся животу? Ксения вспоминала все эти дни все, что ей удалось узнать от Марфуты, когда та носила Василька, но в памяти всплывало только то, что бывало той плохо, когда еще живота не было заметно, да сроки, сколько та была тягостна.

Ксения попыталась вспомнить, когда живот становится заметен, но так и не смогла, а спросить было не у кого. Это было равнозначно тому, чтобы пойти самой к мужу да рассказать о своей тягости. Ксения взглянула на лик Богородицы, а потом закрыла глаза. Она не могла смотреть на полный укоризной и сострадания взгляд Божьей Матери, ведь единственное о чем она хотела умолять нынче ночью небо — помочь ей скрыть от мужа плод своего греха. Нет, не греха! Не хотела она думать о том, что творилось между ней и Владеком грехом. Грех жить с мужчиной так, как она жила ранее — ненавидя его, но тщательно скрывая это, обманывая, лицемеря...

Ксения не хотела даже пока думать о том, что ей придется сделать, чтобы обмануть Северского, выдать этого ребенка, что рос в ее утробе, за дитя Матвея. Тот оставил ее на время в покое, давая ей возможность отойти от потери Марфы, не посещал ее терема ни в одну ночь с тех пор, и она была благодарна ему за такую временную передышку.

Нет, Ксения пока выждет время, не пойдет к Северскому. Не в силах она пока переступить через свое чувство неправильности того, что он, а не Владек имеет все права на ее тело.

А потом снова захлестнуло отчаянье — что, если Владек не воротится за ней? Что, если ей суждено всю жизнь провести подле Северского? Сумеет ли она скрыть, что дитя прижито не от мужа законного, а от другого, любимого? Господи, прости мне мой грех, прости...

— Сохрани его, Господи, сохрани раба твоего Владислава от всех горестей и напастей, от хворей убереги. Помоги ему вернуться ко мне. За мной вернуться!

Что-то прошелестело за спиной Ксении, и она резко обернулась на этот тихий звук. Все было как обычно: спали прислужницы на постелях на полу спаленки, никто не шевелил ни одним членом, мерно вздымалась грудь каждой. Мышь, верно, решила Ксения. Но продолжать молитвы не стала — наскоро прочитала «Отче наш», а после перекрестилась и вернулась в постель.

Следующий же день принес Ксении ответы на вопросы, столь мучившие ее последние дни. Прямо после того, как она, завершив утренний туалет и наскоро позавтракав, прошлась по хозяйственным службам, проверяя работы и раздавая указания дворовым холопам, села в просторной светлице за рукоделие, в ноги к ней тут же бросилась одна из белошвей, едва сдерживая рыдания, что так и трясли девушку.

— Встань, что стряслось? — устало спросила Ксения, даже не поднимая глаза от работы. Вестимо дело, наступала пора осени, скоро будут свадьбы играть, как урожай соберут. А с дня Иванова прошло всего ничего седмиц, значит, девка не просто так в ноги упала, о заступничестве просить будет. Промелькнули в голове у Ксении эти мысли, да и помертвела она вся, замерла на месте, совсем не слушая девку, что утирала слезы широким рукавом рубахи да историю свою рассказывала боярыне.

— Тяжела, значит? — переспросила Ксения, и та быстро кивнула. Боярыня тут же сделала знак ей приблизиться к себе, тихо спросила. — На Купалу затяжелела? А ждешь когда?

Девка, краснея, как маков цвет, прошептала, опуская глаза:

— На Благовещение, повитуха сказала. Заступись, боярыня, боле некому, тятенька-то мой помер еще прошлой зимой. Боярин на охоту скоро собираться будет, и Митяя моего увезет. А скоро живот уж попрет, срам-то...

— Раньше надо было о сраме-то! — оборвала ее Ксения, а потом кивнула ей, отпуская от себя, задумавшись о том, что узнала. По всему выходило, что тяжела она дольше, чем белошвея, ведь Владека она встретила раньше Иванова дня. Значит, и дитя выйдет из ее тела раньше — в начале весны, зная, на Сороки. И живот скоро ползет, ахнула Ксения перепугано, времени совсем не осталось на раздумья.

Ох, Марфута, как же тяжело мне без тебя ныне, плакала Ксения во время послеобеденного сна, закусив уголок подушки зубами. Ранее ты всегда была мне опорой и подмогой, а ныне я одна совсем. Некому подсказать, некому помочь советом. Ныне все самой решать приходится. Впервые самой...

Ксения наморщила лоб. Скоро начнутся охоты, уедет на несколько дней Северский из усадьбы зверя забивать на зиму, чтобы и меха обновить, и мясо насолить на студеную пору. Значит, времени у нее только седмица и даже меньше, чтобы решиться на то, что задумала. А то вот-вот Илья^{2}настанет, а за ними и Калинники недалеко, что заморозки с собой ночные несли и до которых охоты велись с ночевками. А за Калинниками и Успенский пост, тут уж никак совсем!

Назавтра были Мокрины, важный для крестьян день, и Ксения забылась на время, ожидая вместе с холопами дождя в этот день, что должен был знаменовать дождливую осень, а значит, хорошие озимые хлеба. Не зря же в народе говорят: «Прошли Мокрины, жди хлеба». В первую половину светового дня с неба не упало ни капли, и тогда приступили к обряду с молчаливого неодобрения отца Амвросия, который был символом церкви на этой земле. «Суеверие то, суеверие», качал он головой, но холопы не слушали его.

Мокриной стала та самая тяжелая девка, что просила заступничества у Ксении, как

некогда рожденная в этот день. Именно ее нарядили в праздничный наряд женщины, украсили голову венком, сплетенным из трав. Именно она должна была нести к Щуре колосья хлеба, чтобы река унесла их к влаге небесной, именно она должна была умолить, чтобы полились на землю дожди, ведь это засушливое и жаркое лето ими совсем не радовало.

Ксения увидела тогда Северского впервые после того, как он отнес ее, рыдающую навзрыд в женский терем в день погребения Марфы. Он коротко кивнул ей, вглядываясь в ее лицо, и она отвела глаза в сторону. Ибо ей показалось, что он сможет легко прочитать в них, что она нарушила клятву, данную мужу в день побега ляхов. Ведь ни дня не проходило, чтобы она не думала о Владеке, ни единого Божьего дня.

— Ксения Никитична, — предложил Северский ей руку, и она вложила свою ладошку в его крепкую ладонь. Да разве у нее был выбор?

Так рука в руке супруги и проследили за тем, как Мокрина просит о дожде у реки. После, когда холопы потянулись с берега реки кто в село, а кто в усадьбу, Северский удержал Ксению, явно желая побыть с женой наедине. Он встал напротив нее, заглянул пристально в глаза, а потом поднял руку, желая поправить шелковую сороку жены. Она же отшатнулась от него инстинктивно, и Матвей прищурил глаза. Не так-то просто стереть то, что уже написано, не так просто...

— Не бойся, Ксения, не надобно, — проговорил он тихо. А потом все же поправил шелковую ткань, задержал руку, разглаживая ее на плече у Ксении. — Я тебе не враг, все же. Муж.

Ксения замерла, услышав это. Она ведала, что узнай Матвей, что тяжела она от другого, от врага его ляхского, то совсем другие слова прозвучали бы ныне.

— Что не ходишь ко мне утром? Совета не просишь о хозяйстве? — спросил Северский, снова беря ее за руку и направляя обратно к усадьбе.

— Худо веду дела? — переспросила Ксения слегка раздраженно. Ее будто ножом резали все время обряда, ведь стояли они на том самом месте, где когда-то она проводила Владека и его людей. Она едва выстояла всю церемонию, старательно отводя глаза от реки, что увела от нее любимого. Ныне же она просто тянула за собой мужа, лишь бы поскорее уйти прочь отсюда. А тот же как нарочно шел медленно, тщательно выбирая место в траве куда ступить.

— Не худо, Ксения, — ответил ей Матвей. — Просто жена по обычаю к мужу заходить справиться о делах, прежде чем по хозяйству идти. Обычаю надо следовать. Во всем! Без обычая, ведаешь ли, все из рук плохо идет в жизни. Предки не зря наши велели нам жить по обычаям. Ты жена моя. Так как жена и поступай. Во всем, Ксения!

— С завтрава зайду, — согласилась с ним Ксения, притворяясь, что не разобрала намека в его словах. Северский прав — пора было снова вести ту жизнь, что была ранее. Пора принять мужа в своем тереме, впустить в свою постель. Иначе было нельзя ныне...

Далее они шли молча, рука об руку, будто на прогулке легкой были, будто нет меж ними тягостного прошлого, нет страха и боли, нет ненависти и недоговоренностей. Уже у самых ворот Ксения не смогла удержаться и оглянулась назад, на реку, что то и дело нагоняла на песчаный берег волны, стремясь сорвать с привязи многочисленные лоды. Где ты, Владек? Жив ли? Как здоровье твое?

В тот же вечер Ксения послала девку в большой терем и попросила мужа прийти к ней в горницу. Она велела передать, что о неприятности в девичьей говорить хочет, но они оба знали, что этот разговор должен был стать началом того, что неизменно должно было

произойти. Она должна была принять его как мужа и господина.

Северский велел сервировать, пока не село солнце, в одной из горниц женского терема небольшой ужин, без церемоний трапезных, только холодные мясные кушанья да овощные, желая разделить трапезу с женой, отпустилстряпчих {3}прочь. Это удивило Ксению, но она ничего не сказала, просто молча дождалась, когда тот закончит ужин, и рассказала о своем деле, что хотела обсудить.

— Рыжий Митяй? — переспросил Северский, а потом кивнул головой. — Сразу же после наступления года {4}и справим свадьбу. Приданое определила уже? Справно ты! Хорошо тебя научили мамки о хозяйстве радеть. Смотрю я, как ты хлопчешь ныне, и не нарадуюсь. Чего ж ты ранее свое умение скрывала?

— Ранее не давали мне о хозяйстве радеть, — ответила Ксения холодно, вмиг вспоминая о кольце с ключами, брошенном на ковер к ее ногам, о любезной боярской. Северский тоже вспомнил, видимо, о прежнем положении Ксении в вотчине, помрачнел лицом.

— Что было, тому не бывать боле! — отрезал он, повышая голос, и Ксения невольно вспомнила, как больно хлестал «дурак» по спине и рукам, но страха своего не показала, только голову выше подняла, выпрямила спину. — Я ведь, когда весть о твоём полоне получил, то чуть разума от страха не лишился. Не веришь, Ксения? И зря! Мне ты, Ксения, за время нашего с тобой житья будто нога или рука стала — вроде когда на месте она, ты не замечаешь, а когда нет ее, тут и плачешь горько. Вот так и ты для меня, Ксения. Только к чему мне говорить тебе то? Ты ведь все о ляхе своем забыть не можешь, все думу думаешь о нем. Верно ведь, Ксения? Нарушила ты клятву на образах! А я то, голова соломенная, уж обрадовался, что поймал тебя на слове.

Ксения вцепилась пальцами в стол при этих словах, тяня на себя невольно скатерть. Поехала посуда на ней, едва не попадали Ксенины ложка да торель на ковер, да Матвей резко дернул на себя полотно, остановил неминуемое. Резкими движениями вытер руки о скатерть, поднялся из-за стола, быстро перекрестился на образа, а после к ней шагнул, замершей от страха на своем месте, склонился к самому уху, опершись одной рукой о спинку ее стула, а другой о край стола.

— Боишься за него? — прошипел Матвей ей в ухо. — Ну, я же здесь, Ксения, подле тебя. Вон к охотам готовлюсь, соседи к нам придут (имей, кстати, в виду то!). Я-то слово свое держу, лада моя, а ты-то...! Устал я смотреть на твои выверты. Будем жить ныне, как я сказал. По обычаям, Ксения, по обычаям. Прикажи свечи запалить да на моление пусть ступают дворовые. И сама ступай. Отныне мы станем вести иной образ домашний, лада моя. Отныне молиться со мной будешь в молельной. А после жди меня в спальне своей. Я по теплу твоему заскучал.

Только был Матвей в горнице, только висел над ней угрожающе, и нет его. Удалился быстро из терема женского платье переменить, что запачкаться могло за время трапезы. Ксения же сжала скатерть в горсть, пытаясь выровнять дыхание, успокоить бешено колотящееся сердце в груди. Все к лучшему только. Теперь ей не надо думу думать, как вернуть Северского в спальню свою за эти несколько дней, что до охот остались. Теперь не покажется ему странным ее податливость и уступчивость, ее шаг навстречу ему. Все будто по маслу пошло, словно свыше кто подсобил. Но отчего ж так горестно-то?

Ксения не стала заставлять себя ждать на вечернее моление, пришла с девками своими, опустила на колени подле Матвея, зашептала беззвучно слова молитв, вторя громким

словам Северского, что читал их громко, как и положено хозяину. Только душу в этот раз она не вложила в слова, что произносила, улетела в мыслях далеко из этой образной, где на коленях собралась вся прислуга домашняя.

А потом, после моления, прислужницы Ксении помогли той быстро ополоснуться в небольшой мыльне, что была в подклете {5}женского терема, облачили в свежую рубашку, уложили в постель и оставили дожидаться мужа. Ксению трясло мелкой дрожью, даже зуб на зуб не попадал, и она знала, что это вовсе не от ледяной воды, которой окатили ее в мыльне. Она едва сдерживала себя, что не выскочить из постели и... И что? Что она могла ныне сделать? Да и отчего ее так трясет, ведь этот человек, что уже шагал к ее спальне через ряд светлиц, был так хорошо ей знаком? Ведь она уже принимала его здесь, в этой постели, на этих перинах.

Матвей не сказал ни слова. Просто задул свечи, что оставили прислужницы, а потом скинул с себя опашень — Ксения слышала, как прошелестел тот, опускаясь на пол. А после скользнул к ней под одеяло, глубоко прогнулись перины под его весом. Он нашел ее руками в полной темноте, притянул ее к себе ближе, легко преодолевая ее невольное сопротивление, стянул через голову ее рубаху. Ксения лежала, будто одеревенев, пока он скользил руками и губами по ее телу. Это было необычно для ее ночи с мужем — эти поцелуи, эти прикосновения, да в темноте можно было подумать, что это вовсе не он ласкает ее, так ласки были похожи на те, другие. Да только вот чувства были отличны при этом. И легко колола короткая борода нежную кожу, словно напоминая, что это не тот, другой.

Ксения попыталась закрыть глаза, не думать о том, что происходит ныне в этой темноте. Но перед глазами вдруг встало видение: голова Владислава, поднятая над бортом колымаги, когда он наблюдал за тем, как целует ее Северский, прижав спиной к возку. Будто он был тут, так жег ее ныне его взгляд. Ксения вдруг дернулась, отстраняясь, отталкивая в плечи Матвея от себя, но тот легко сломил ее сопротивление и без труда скользнул в нее, задвигался резко, будто утверждая его присутствие в ее постели. И Ксения смирилась, затихла, отвела глаза в сторону, принимая его власть над собой и своим телом.

Наутро Ксения долго отмывалась холодной водой, словно пытаясь стереть со своего тела следы прикосновений мужа. Да только как смыть красные пятна, что оставила его борода и его губы на ее коже. Эти явные знаки ее принадлежности, его владения ею!

Матвей остался у нее на всю ночь, не ушел к себе в спальню, а предпочел уснуть подле нее, прижимая ее к себе. Она так и не смогла тогда заснуть, все лежала, прислушиваясь к его тяжелому дыханию, ощущая тяжесть его руки на своем стане, слушая шум дождя за окном, который наконец-то внял мольбам Мокрины и продолжался потом почти весь жнивень.

Этот дождь и спутал планы на охоту Северскому и его малочисленным гостям, что съехались в его усадьбу после Ильи. Ранее, еще до Смуты, охоты проходили с долгими пирами до отъезда на гон и не менее долгими и шумными после, будто стараясь нагуляться до Успенского поста, что следовал после. Все это рассказала Ксении Евдоксия, которую пришлось взять в подмогу на время приема гостей. Съезжались ранее многие бояре и боярские дети со всей округи, на дворе даже всех не могли разместить и тогда ставили палатки за стенами вотчины. Этот обычай боярин ввел по памяти рода, ведь такие же охоты устраивались в его родовой вотчине, что ныне отстраивалась после пожара на Тверской земле.

Ныне же, в этой године, гостей ожидали мало: кто сгинул за время Смуты, не сумев

отбиться от нападавших лихих людей, кто ушел в войска царские или самозванца, а кто просто уехал прочь из этой земли, столь близкой к границе. Что и зря, как выяснилось позднее — все ляхи ушли ближе к стольному граду, и редко когда появлялись в этих краях. Так что на этот гон ждали малое число бояр да детей боярских, и те были все устроены в стенах усадьбы.

Гости начали прибывать в усадьбу еще с рассвета, громко стуча в ворота. Им открывали после перекриков недолгих. У самых ворот гостей приветствовал дворецкий от имени хозяина, и они шли, спешившись, согласно своему положению, до самого крыльца, где отдавали поводы коней в руки холопам, а после поднимались в горницу, где их ждал Северский. Только боярин Паранин мог проехать до самого крыльца верхом, ведь он был ближе по роду и имени к хозяину, в отличие от остальных гостей, и именно его Северский встретил не в горнице, а на крыльце, троекратно целуя и прижимая на миг к груди. И именно его после на пиру посадил Матвей подле себя, по правую руку, как равного себе, как наиболее дорогого гостя.

Как и следовало, в начале пира Ксении пришлось выйти из женского терема, чтобы приветствовать их в усадьбе. Она поклонилась им в пояс, а после заняла свое место у дверей горницы, где и принимала целования гостей и их поклоны. Благо, гостей было мало, и ей не пришлось долго стоять на своем месте, ведь в горнице довольно скоро стало душно, и она вся взмокла под своими одеждами, богато подбитыми мехом соболя.

Наконец принесли чарку, которой должен был начаться пир, и согласно обычаю Ксения отпила из нее после знака Северского, а после передала гостям, чувствуя, как идет кругом голова от хмельного меда, что был в чаше. Уже уходя, кладя последний поклон гостям, Ксения кинула взгляд на рассаживающихся по местам мужчин и удивилась, не приметив среди них сотника Северского, Владомира. А ведь тот был головным ловчим на гоне, и его отсутствие выглядело странно ныне.

Но она совсем позабыла об этом, спеша в свой терем, чтобы скинуть с себя теплые одежды, смыть с себя пот прохладной водой. Вспомнить о нем Ксении довелось только спустя несколько дней. В усадьбе все это время не стихали пиры, ведь из-за дождя охоты пришлось проводить поблизости от усадьбы, да и то редко. В основном, мужчины были заняты пирами, что шли с полудня до самой темноты, и заканчивались только тогда, когда последний стойкий гость падал без чувств от выпитого. На удивление в этот раз празднества эти происходили тише: было мало ссор и драк, не шумели приезжие слуги, реже гости просили играть потешников {6}, занятые разговорами о Смуте на земле русской и о будущем дне.

Настал девятый день со дня погребения Марфуты, и Ксения, повязав на голову ставшим таким привычным уже черный плат, пошла в избу сотника, где собрались помянуть в очередной раз покойницу. В темноте сруба она не сразу разглядела, что во главе стола сидит только свекровь Марфуты, а вдовца же нет. Так и не дождавшись его прихода, Ксения ушла к себе, трижды отведав кутьи и перекрестившись на образа в углу избы. Словно что-то гнало ее обратно в терем, что-то гнало ее разузнать, где сотник боярский и отчего он не был на поминании усопшей жены своей. Что-то, неприятно холодившее душу...

Ксения так и не успела послать узнать, где сотник боярский. Едва она приказала одной из девок поискать его в усадьбе, как та вдруг побледнела, еле сдерживая слезы, кусая губу в волнении.

— Нет его, боярыня, в усадьбе, негоже искать его, — проговорила та, заламывая

руки. — Ушел он четвертого дня как. И людей с собой взял. И мужа моего увел.

— Куда ушел? — похолодела Ксения, пошатнувшись, вцепилась в спинку стула, что рядом стоял, чтобы не упасть. — Куда? На гон ушел?

— Да какой там гон! Не ведаю, куда ушли, боярыня, но Федуня мой сказал, что ненадолго отлучается. Пяток дней туда, пяток обратно, сказал.

Пяток дней! Ровно столько, сколько галопом ехать до границы, без привалов дневных. Возможно ли? По воде плыть на веслах намного дольше, да еще и без сил ляхи совсем. И дождь поливает неустанно вот уже несколько дней. Сердце Ксении сжалось. Нет! Быть того, не может! Он же клялся! Памятью отца клялся!

Ноги сами понесли прочь из терема. Зашумели позади девки, явно не ожидавшие от нее такой прыти, сумели догнать ее только на заднем дворе у конюшен, где Северский показывал некоторым гостям, сумевшим пробудиться до полудня и не страдавшим при этом головной болью, приплод этого года. Он сразу же увидел ее, едва она ступила на двор, запыхавшаяся от бега по ступенькам терема, белая лицом на фоне темной ткани плата.

— Стряслось что, Ксения? — метнулся Матвей к ней навстречу, перехватывая ее прежде, чем она подойдет к конюшням. Она подняла на него глаза, полные ненависти и боли, схватилась изо всех сил за шелк его кафтана, сминая его.

— Где Владимир? — прошипела она, и он замер на месте. А потом вцепился в ее пальцы, оторвал их от своего кафтана.

— Владимир месть свою вершит, — медленно произнес Северский, и Ксения прикрыла глаза на миг, не в силах даже вдохнуть — такова была боль, что острой иглой кольнула сердце. — Его право! Я не в силах был его держать от того. Иди в терем, Никитична! — приказал он ей твердо и даже с силой толкнул в сторону дома. — Не позорь перед людьми! Пошла!

Служанки, заметив, что боярин весьма зол, даже побелел весь от гнева, быстро подбежали к Ксении, потянули за собой в терем. А та и не сопротивлялась, подчинилась им. Села в тереме за пядьцы да так и сидела, уставившись в пустоту перед собой. Ни говорила, ни отвечала на робкие вопросы прислужниц, даже глазами, казалось, не моргала. Так и молчала весь день до вечернего моления. Только там вдруг заговорила что-то себе под нос, кладя неистово поклоны, пугая своих служанок таким усердием.

Так и повелось отныне в женском тереме: после утреннего туалета и скудной трапезы шла боярыня в церковь на службу, а после возвращалась в дом, отдавала приказы дворовым и поднималась в светлицу за работу. Стежок за стежком, стежок за стежком... И снова моление, на этот раз вечернее, а не утреннее, а после укладывались на сон в спальне. Иногда служанки, проснувшись среди ночи, слушали, как умоляет боярыня, кладя поклоны перед образами, срываясь изредка на глухие рыдания, как повторяет только одно слово: «Защити! Защити! Защити!»

Вскоре наступили Калининники. Разъехались по своим вотчинам гости, предоставив Северскому возможность наконец-то подняться к жене в терем. Он уже был наслышан о странном поведении Ксении — об том не шептался только ленивый ныне, и эти слухи рвали ему душу. А уж вид Ксении — такой безвольной, такой притихшей, и вовсе едва не заставил его закричать в голос, потрянуть ее хорошенько, чтобы пришла в себя. Неужто не понимает, как больно ему ныне видеть ее такой? Неужто не понимает, что только убеждает его в правильности решения, принятого после разговора с одной из служанок жены? На этом свете может остаться только один из мужчин, что poznали Ксению. И уж тем паче, нет места

в этом мире тому, кто мешает Северскому...

Но он не стал говорить о том Ксении, просто приходил к ней каждый вечер в терем, садился напротив нее и наблюдал за ее работой. Быстро суетятся пальчики, мелькает игла. Стежок к стежку, стежок к стежку. Белая повязка на одной из ладоней — словно памятка ему. Склонена голова в черном платке над полотном, растянутом на пальцах, иногда срывается со щеки тяжелая слеза, расплывается пятном на белом шелке.

Она забудет. Она непременно забудет. И все тогда будет хорошо, верно? Главное убрать того, кто стоит между ними, ведь именно это мешает. Только это. И Матвей сидел напротив нее до вечерней молитвы, а потом поднимался и уходил в образную, по пути целуя жену в холодную щеку, зная, что она будет молиться ныне снова за того, другого, греша при этом, ведь тот латинянин. И ее молитвы не будут услышаны Господом, ибо это молитва за еретика, за нехристя папского. Он знал это, он верил.

Заславскому не уйти живым из земли русской. Он прочитал это в глазах Владомира, когда тот уезжал из усадьбы. Уж слишком горяча была ненависть, горевшая во взгляде сотника, слишком сильно сжимали руки поводья коня.

Он знал это задолго до того, как за седмицу до нового года в ворота усадьбы стукнул кулак, и голос Владомира крикнул из-за дубовых створок: «Господи Иисусе, помилуй нас!», а голос сторожевого откликнулся со стены: «Аминь!». Заскрипели створки, пропуская внутрь усадьбы сотника, ведущего за собой коня на поводу. Поперек крупы животного висело тело человеческое, покрытое попоной от дождя, капли которого так и барабанили по плотной ткани.

Побежал от ворот к усадебному дому малец. Он не добежал до терема, как принялся кричать в нетерпении весть, что нес хозяину.

— Владомир! Сотник Владомир вернулся! Сотник Владомир вернулся!

Тонкие пальцы в тот же миг резко потянули вверх иглу, завершив очередной стежок, но вниз не опустились к полотну, а поднимались все выше и выше, словно позабыли порядок работы. Натянулась шелковая нить до упора, будто струна тонкая на скрипели. А после, не выдержала нить силы, с которой тянули ее от полотна, оборвалась...

1. август

2. Имеется в виду Илья-пророк (2 августа по новому стилю)

3. Слуги, подававшие кушанья в боярском доме

4. Ранее Новый год справляли 1 сентября

5. Нижний этаж терема

6. Музыканты

Казни сына своего от юности его, и покоит тя на старость твою, и даст красоту души твоей. И не ослабляй бия младенца: аще бо жезлом биеши его, не умрет, но здравее будет; ты бо, бия его по телу, а душу его избавляеши от смерти.

Ксения еще раз прислушалась к крику мальчика, что донесся в терем сквозь шум дождя, а потом резко отодвинула от себя пяльцы, так что едва не перевернула их, бросилась прочь из терема. За ней тут же двинулись ее девки, побросав работу, не желая выпускать из вида боярыню. Ныне, когда та совсем ума лишилась из-за горя по ушедшей постельнице своей, как считали холопы, за ней только и нужен был глаз да глаз!

Они догнали Ксению в рундуке {1}терема, стоявшую неподвижно, будто молнией ударенную. Боярыня вцепилась в балясы {2}так сильно, что было заметно, как побледнели косточки пальцев от напряжения. Глаз не могла отвести от сотника, медленно приближающегося к крыльцу основного терема, ведя на поводу коней, на одном из которых даже с ее отдаленного места была видна страшная ноша.

К сотнику уже спускался по ступенькам крыльца основного терема, поправляя кафтан, Северский. За ним спешил дворовый холоп, что нес в руках шапку боярина, которую тот в спешке обронил в сенях. Матвей остановился на последней ступеньке, пытливо взглянул на склонившегося до земли сотника, а после, получив от него короткий кивок, обхватил ладонями за плечи, улыбнулся довольно.

Короткий кивок, но и его было достаточно, чтобы у Ксении подкосились ноги от той страшной правды, что обожгла разум. Нет, быть того не может!

— Где же чадинцы другие? — ахнула за ее спиной та самая прислужница, муж которой с Владимиром ушел, а потом тихо заплакала, запричитала, разглядев на теле, что висело в седле русские сапоги.

А Владимир уже откидывал попону, открывая взгляду боярина тело одного из ушедших с ним.

— Будто ждали нас, боярин, ляхи. Из засады налетели. Я-то десяток взял, думал, легко управлюсь с ними. Моя вина, Матвей Юрьевич, меня и секи за нее, — склонил он голову покаянно перед пытливymi глазами Северского. — Половина там легла, треть тяжелые были, мы их добили. А вот остальные померли в дороге. Дождь этот проклятуций! Хвори навалились. Вон Гуня до последнего держался, только нынче утром помер. А мне вот болт бы вытащить, — Сотник распахнул терлик и показал окровавленное плечо, в котором торчал обломок самострельного заряда. Кровь возле раны уже засохла, рубаха прилипла к коже, и Северский поморщился, представляя, какая боль ждет сотника, когда болт доставать будут из раны.

— Ладно, не виню. Главное, что ляхи сгинули, — кивнул он, глядя бороду. А потом задумчиво взглянул на сотника. — Как он помер? Ты ли?

— Нет, — покачал головой Владимир, глядя в глаза боярина. Тот сразу же распознал, что тот не лжет. — Не я убил ляхского пана. Хворь до него прежде, видать, добралась. Ляхи тело его с собой тащили.

Владимир повернулся к коню и полез рукой внутрь сумы седельной, а после вынул на свет Божий из нее пояс, богато расшитый золотью {3}и золотыми кольцами. Северский

тотчас узнал этот пояс и снова не смог сдержать довольной улыбки, что скользнула по его лицу. Он протянул руку и взял из пальцев сотника пояс, а после хохотнул, тряхнув пояс, что тихо звякнул этими тонкими кольцами.

Ксения же, заметив блики золота в руках мужчин, на миг вернулась в прошлые дни, в самое начало летней поры, когда сидела в темноте возка, а подле него стояла широкоплечая фигура. И только вышивка золотью блестела в свете костра, горевшего в отдалении.

— Моя драга, — вдруг слышала она тихий шепот, долетевший до нее из того времени. А после перед глазами замелькали яркие картинки. Владислав, лежащий под ней с острым лезвием ножа у шеи. Владислав, дразнящий ее у пруда, скидывающий рубаху, обнажая тело. Владислав, глядящий на нее с нежностью и затаенным огнем страсти в глазах тогда, на поляне, где она собирала чернику. И его тепло, запах его кожи, когда он прижимал ее к себе в бане, в крошечной тьме. — Моя драга... моя кохана...

И Ксения вдруг сорвалась с места, буквально скатилась со ступенек крыльца терема, путаясь в длинном подоле, едва не упав с последней крутой ступени. Она слышала только стук собственного сердца в ушах да какой-то яростный вопль, доносящийся откуда-то издалека, не сразу признав собственный голос в этом рыке боли и горя. Она налетела со всего маху на стоявших перед крыльцом большого терема мужчин, напала на Владомира, набросилась на него, будто птица, защищающая свое гнездо. Он был намного выше ее, и ее кулаки доставали ему только до груди и изредка до плеч, не причиняя особой боли, но она все била и била его, рыча, словно зверь. Сотник не отстранял ее, наслаждаясь ее болью, а Северский и остальные холопы не сразу пришли в себя, стояли замороженные подобным неожиданным нападением.

Наконец Ксения, размахнувшись, ударила изо всех сил по плечу Владомира, забивая болт глубже в плоть, с такой силой, что даже кровь брызнула из раны, попав каплями на ее лицо и белую сороку, и сотник схватил боярыню за плечо, морщась от боли. Только тогда опомнился Северский от морока, испугавшись, что этот великан забудется и причинит его жене вред, бросился к ней, схватил за плечи и оттащил ее от сотника. Это произошло буквально в один миг, но и этого времени хватило Владомиру, чтобы прошептать тихо:

— Больно тебе, боярыня? И мне больно было...

И тогда она, ошалев от горя, что раздирало грудь, не имея возможности снова ударить его, стереть его злобную ухмылку, плюнула в это довольное лицо, а после стала кричать да так громко, что слышал последний холоп, выглянувший во двор посмотреть, что за заварушка происходит:

— Убийца! Убийца! Уби...

— Довольно! — прогремел над ухом голос Северского. Он буквально швырнул ее на руки подоспевшим холопам, приказывая увести боярыню в терем. У коня уже тихонько завывала одна из прислужниц Ксении, признав в погибшем своего мужа. Этот тихий плач действовал на нервы Северскому, а еще не давала покоя выходка Ксении. Это что ж такое! Разве видано то? Разве боярыня может...?

— После обговорим все, после, — кивнул он, отпуская Владомира обработать рану и отдохнуть с дороги, и они оба вздрогнули, когда в женском тереме что-то ухнуло, а после донеслись громкие женские крики. Матвей тут же поспешил на этот шум, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, влетел в светлицы. В одной из них толпились перепуганные служанки, боязливо жавшись друг к другу, глядя на беснующуюся в тереме боярыню. Та уже перевернула пальцы, пнула корзину, разбросав нити по ковру, срывала занавеси с оконцев,

плача и хохоча одновременно.

— Что ж вы стоите, дуры! — выкрикнул Северский, заметив, как с грохотом распахнула оконце Ксения. Он вдруг перепугался, что она сейчас прыгнет в это окошко, как тогда едва не шагнула с обрыва, даже совсем не подумав в испуге, что то не так велико для того, что она попросту не пролезет в него.

Разбилась слюда, падая разноцветными осколками на ковер, на самую Ксению. Матвей разглядел на ее лице и сороке кровь, понял, что та поранилась, бросился к ней, оттаскивая ее от осколков. Ксения же вырвалась из его рук, в истерике приобретя такую силу, что он не ожидал от нее, бросилась теперь уже на него, как на Владомира, с кулаками, и он ударил ее по лицу, надеясь прекратить это безумие, которым так и горели ныне ее глаза. Она упала на ковер, в ворох нитей и шелка, выпавших из корзины для рукоделия, а потом вдруг подпрыгнула на месте, поднимаясь, и бросилась к нему, что склонился над женой.

Только интуиция воина, приобретенная за многие битвы, спасла Матвея от удара в шею острыми лезвиями ножниц, которые нашла на полу Ксения среди нитей. Он заметил краем глаза блеск серебра и успел отклониться в сторону, уходя от опасности. А после вырвал из ее руки ножницы, толкнул ее на пол, придавил коленом грудь, удерживая ее, вырывающуюся, на месте.

— За Евдоксией! Мигом! — глухо приказал Матвей прислужницам, и одна из них сорвалась с места, бросилась прочь из терема.

— Убийца, — простонала под ним Ксения. — Убийца! Ты же клялся! Клялся!

Матвей смотрел на ее белое лицо, обрамленное черным платом, на ее прищуренные в ненависти глаза, на ее искривленный рот. Не было той милой девочки, что когда-то предстала перед ним в вотчине Калитина, затуманивая его разум. Не было той волшебной лады, что стояла подле него в церкви, принимая из его рук кольцо, беря себе его имя. Не было тех смешинок в глазах, того дивного света. Только неприязнь. Как всегда.

Он едва сдержал порыв ударить ее по лицу, стирая эту ненависть к нему, неприятие его, как своего господина. Он так желал, чтобы все ныне шло по-другому, чтобы она снова вернулась к нему, но другая, избавленная от морока этого, что туманил ей голову столько лет.

— Господин, — рядом опустилась на колени Евдоксия. В ее пальцах был пузырек из цветного стекла, один из тех, что Матвей сам подарил когда-то своей любезной, знатной травнице. Она кивнула ему, и он аккуратно, стараясь уберечь свои пальцы от зубов Ксении, разжал той рот. Евдоксия быстро накапала той в рот несколько капель, и спустя время его жена обмякла, на глаза опустились веки. Она ушла от них в край забвения, понял Матвей, а потом бережно поднял жену на руки, отнес в спальню, где опустил на перины.

— Ежели кто слово пикнет о том, что тут было, голову сверну! — сурово произнес Северский перепуганным служанкам. — Приберитесь тут, да за боярыней следите в оба глаза. Приболела она.

Шагнув прочь из терема, замер в руднике, вцепившись в резной столб балясины обеими руками, борясь с желанием уткнуться в него лбом и завывать по-волчьи. Тихо вышла из терема ключница, плотно прикрывая за собой дверь, чтоб никто не расслышал ни слова из того, что она хотела сказать Северскому.

— Девки шепчутся, она погубить тебя хотела, — проговорила она, и по тому, как напряглись его плечи, поняла, что это правда. Жена, поднявшая руку на мужа, задумавшая столь худое действо... Наконец-то! — Теперь ты волен судить ее.

— Не будет суда, — качнул головой Матвей. — Ты же видишь, она в мороке.

— Этот морок зовется любовь, Матвей! Только ты того понять не желаешь. Никогда она не откроется тебе, как ему! Никогда не придет к тебе по своей воле! — прошипела она и не успела отшатнуться — боярин схватил ее пребольно за кисть руки, притянул к себе. — Можешь, сколь угодно бить меня, запирашь в колодки, сечь плетями. Но правды тебе этим не стереть. Ты — никто для нее, а он — весь свет! И так будет!

— Она позабудет его! — прошептал яростно Матвей. — Все время стирает из разума. И это тоже.

— Не стереть маяту сердечную из памяти, — горько ответила Евдоксия. — Нам ли не знать то.

Боярин отпихнул от себя ключницу, злобно глянул на одну девок, что выглянула, желая поглядеть, что за шум в рундуке, приказывая взглядом той закрыть дверь терема, а потом снова отвернулся от Евдоксии, стал смотреть на двор, на дождь, что проливался тяжелыми каплями на землю, будто оплакивая кого.

— Когда за девкой боярской поедешь? — спросила Евдоксия, желая убедиться, что ее догадки верны, и что того, о чем она спрашивает, никогда не будет уже.

Еще в начале прошлого года пришла в голову Северскому (вернее, в голову ключницы, Матвей же только додумал остальное) взять в усадьбу другую, незаконную жену. Ксения так и не смогла зачать за эти несколько лет. Хоть бы понесла да выкинула хоть раз! Но нет — чрево ее было бесплодно, и видать, уже ничто не могло бы изменить того, никакие настои трав, что варила Евдоксия. Знать, худая баба попалась Северскому, будто в кару за любовь его отданную не ей, что была с ним уже более десятка лет, что принимала на себя многие грехи ради него!

Но жена женой, а наследника рода не было до сих пор у Матвея. А ведь уже более трех десятков лет по свету ходит! В его годы многие сыновей женят уже. Только вот не суждено, видать, Северскому наследников от жены его разлюбезной получить, как ни крути. И какие бы требы ни совершал боярин с женой, сколько ни просил Господа о сыне, чрево его жены пустовало. Потому-то и пришла в голову мысль взять в терем девку из обедневшего боярского рода, коих в округе хватало, особенно после голодной поры {4}. Она-то и должна была принести наследников для Северского, которые должны быть возвращены как дети боярина и его жены.

Уже и девку подобрали, и с отцом ее, согласным, что дочь без венца в усадьбу Северского войдет, лишь бы тот серебра отсыпал довольно, по рукам ударили. Привезли бы ее в вотчину тайно да скрыли бы от глаз посторонних. А как принесла бы дитя, так за законного ребенка Северского и выдали бы. И куда бы тогда делась Ксения? Приняла бы замысел мужа, как миленькая. Раз ее можешь сама зачать и выносить, так хоть вырасти, прими, как своего, храня надежно тайну мужа. Да только прознала ранее срока о затее Матвея эта рыжая бестия — постельница Ксении, да рассказала той. Вот та и бросилась вон из вотчины, стремясь найти поддержку в семье, которой едва тайно не навязали приبلудного в род.

— Не поедешь за девкой? — повторила Евдоксия. Она уже заранее знала ответ, а потому ничуть не удивилась, когда Матвей покачал головой.

— Не поеду. И дело не только в жене моей. Ты же ведаешь, что до Ильи гонец приезжал от Калитиных. Грамоту привез. Зря я тогда уехал в град, зря! Принесла им моя птица дивная вести худые, что руки им развязывают по договору нашему свадебному, вот они и едут под

Рождество провести что тут и как, истинны ли речи жены моей или нет.

— Она тебя выдаст тут же! — перепугалась ключница. А потом подумала, а может, и к добру то. Увезут родичи ненавистную ей боярыню, заберут обратно в род свой от мужа, разве худо? Правда, лишится тогда Северский части приданого, что та принесла, но ее-то уж не будет в усадьбе! Не оскудеет от того Матвей, а только выиграет.

Ибо, по рунам старинным, что раскладывала Евдоксия, всякий раз выходило, что смерть тот примет из девки этой глазастой. Из-за нее, проклятущей! Кто знает, вдруг Калитины, не стерпев, что Матвей договор свадебный нарушил да поколачивал Ксению без вины, едва не прибив совсем однажды, вызовут того биться. А ежели Матвей выйдет из того боя, то есть еще месть родовая.

— Не выдаст она. Скажет, что я прикажу, — ответил Северский. — На образах клялась.

— А ценой, видать, жизнь ляха была? — усмехнулась Евдоксия, хорошо зная норы и привычки боярина. Ведь сама была схожа с ним во всем. Может, оттого они и были подле друг друга столь долго, оттого и привлекали друг друга. — Вестимо так. Только вот проторговался ты, Юрьевич. Выдаст она тебя родичам и глазом не моргнет.

— Я клятвы своей не нарушал. Владомирова месть была, не моя. Все слышали с прелюбодействе жены его. В праве он был.

— Чем клялся-то? — поинтересовалась Евдоксия, вставая подле боярина, чтобы видеть его лицо, а не широкую спину, обтянутую шелковой тканью кафтана. Услышав ответ, фыркнула, не сумев удержаться. — Да уж! Я бы не дивилась, коли бы ты самолично ляха прирезал. Не ведает она тебя совсем, прошлого твоего не знает. Тебя не знает. Не будет тебе с ней ни лада, ни благости!

— А я попробую! — резко ответил ей Северский. — Доле я тебя слушал, ныне сам буду думать, что и как мне делать. Не забывай свое место, Евдоксия! Ты роба. Роба! — Евдоксия опустила глаза в пол, признавая его правоту по поводу своей неволи. Только вот роба она была по сердцу, не по положению. Так, давно бы потравила бы да ушла бы, но сердце держит здесь, подле него, болит за него душа. Оттого она за ним. Оттого она роба его. — Ты сделаешь все, что прикажу тебе. А скажу я ныне то — на ноги ее поставь к Дожинкам {5}. Она должна подле меня на празднестве быть. Тихой и покорной. Я знаю, у тебя зелья всякие есть. Вот и уважь меня в решении моем, — а потом вдруг спросил после короткой паузы. — Может, и отвратные зелья у тебя есть, Евдоксия? — и, получив ее кивок несмелый, схватил ее за горло резко, прижал к стене терема. — Есть, значит? А меня опохмелить теми не пыталась?

— Ежели от сердца идет, зелье не в силе будет, — прохрипела Евдоксия, перепугавшись блеску его глаз. Ведь придавит прямо тут, признайся она. Северский же только пристально взглянул ей в глаза, а после отпустил ее шею, усмехаясь. — Ступай прочь. К Дожинкам. Не забудь!

Евдоксия не ослушалась боярина. К Дожинкам вышла из женского терема Ксения, нарядная и наруганная, спокойная и молчаливая на празднество. Только бледность лица и глаза пустые могли сказать внимательному глазу, что боярыня вовсе не на дворе мыслями, что витает ее душа совсем в другом месте.

Но Матвей был доволен. Она отстояла всю службу в церкви, ни разу не согнав с лица блаженной улыбки, что он заметил, едва она ступила на двор из терема. Так же улыбалась, когда холопы принесли на боярский двор именинный сноп {6}, наряженный в сарафан да в кокошник простой, приняла его из рук крестьян да на стол поставила на время праздника. И

во время здравниц многочисленных улыбалась, опуская глаза в землю, как и положено было боярыне. И казалось Северскому, будто жизнь повернулась снова на круги своя, будто и не было тех злосчастных седмиц, что принесли в его вотчину недолю.

А после, той же ночью, Ксения снова приняла его в спальне, позволила ему делать то, что он желал, наполняя его душу некой надеждой на то, что придет день, и все то, чего он так страстно желал непременно сбудется. Матвей глядел, как спит его жена, положив подетски ладонь под щеку, и чувствовал, как его сердце щемит от той нежности, что так неожиданно для него самого просыпалась в нем, все более и более захватывая его. Впервые в жизни он испытывал желание открыться человеку, рассказать то, что даже попу он никогда бы не открыл. Чтобы его приняли таким, каков он есть. Не по нужде, не по рабству, а по своему желанию. Как она ныне принимала его... Или ему просто хотелось думать, что она приняла его?

Матвей не прекратил приходить к жене в светлицу и смотреть, как та работу свою творит, аккуратно кладя стежок к стежку, разглаживая ладонью гладкое полотно. Он наблюдал за ней, удивляясь, как ладно спорится у нее рукоделие. Так же ладно и по хозяйству хлопочет. Вроде, и сама не своя ныне ходит (он-то видел, подмечал, какой глаз у нее туманный иногда), а за работами на боярском дворе четко следит: и овощи солили на зиму, и ягоды в леднике укрывали, и шерсть проветривали, чтобы пряхам дворовым несколько седмиц работы было, и зерно сушили на зиму перед тем, как убрать в амбары, и одежды зимние проветривали да чинили. Везде бывала, за всем приглядывала его боярынька.

На Тита Грибного, когда почти все дворовые холопы в лес ушли собирать последний урожай грибов, Матвей отпустил из светлицы двух оставшихся с его женой девок. Ксения даже не взглянула на него, услышав его приказ, будто и не слышала его вовсе, погруженная с головой в работу свою. Но Матвей знал, как привлечь ее внимание к себе ныне.

— На Мину родичи твои приедут, — сказал и порадовался, как быстро Ксения глаза на него от рукоделия, взглянула удивленно, с затаенной радостью в глазах.

— Неужто? — тихо прошептала она. Матвей кивнул.

— До Рождества останутся, вестимо, на праздники прибудут, — а потом добавил уже тише. — Ты об уговоре нашем помнишь?

Глаза Ксении тут же погасли, уголки губ поползли вниз, и Северский сначала пожалел, что завел этот разговор. Но отвертеться от него никак нельзя было — он должен был знать, чего ему ждать от зимних праздников.

— У нас с твоим отцом договор был. Грамоту писали, целованием скрепляли, — так же тихо говорил Матвей, не отводя глаз от жены, занявшейся снова работой. Лихо сновала игла с цветной нитью по полотну, выводя дивный узор. — Тот оговорил в нем, что дочь его будет мужем наказана только за проступки свои, а не будет учена, как Домострой велит. Боялся, что руку поднимут на тебя лишний раз, вот и прописал все в договоре нашем на потеху да зубоскальство писарям, вестимо. А ты же брательнику своему много чего поведала, Никитична. Оттого и приедут, глядеть что и как.

— Я не ведала об этом, — проговорила Ксения, не поднимая глаз от полотна. Она удивлялась ныне сама себе: такая весть на нее свалилась, а она даже бровью не ведет. Неужто выгорела дотла ее душа за эти седмицы, что даже ничего не шевельнется внутри? Даже радости нет, что родичей увидит. Отец ли приедет или один из братьев? А потом вдруг подумала, как опасно ныне на дорогах, ведь радость от встречи долгожданной не туманила разум, позволяла мыслить ясно.

— Вестимо, не ведала! Кто ж бабе говорит о договоре? Не бабское то дело, — вырвалось у Матвея невольно, а потом он снова притих. — Никита Василич приедет, видать. Сердце у него за тебя болит.

— Не отдавал бы от себя, не болело бы, — не удержалась Ксения, но Северский услышал ее, вскочил со своего места, и на миг Ксении показалось, что он ударит ее за дерзкие речи, как бывало прежде, пока она не уредила свой язык. Но Матвей лишь плечами передернул, к окну отошел, отворил его, будто душно ему было в светлице.

— Не ведаешь ты, Ксения, каково это быть взращенной отцом, у которого и вовсе сердца нет, — глухо проговорил он, и Ксения замерла, уловив незнакомые нотки в голосе мужа, оставила работу. — Мой отец воспитывал нас по иному разумению. Держал вот здесь, — Матвей сжал свою ладонь в кулак. — Всю семью и холопов. Каждый Божий день, едва мне минуло пяток, перед молением он сек меня до крови жезлами {7}, выбивая из меня грехи, давая мне разум и уважение к отцу своему. А потом родились сестры, и он принялся и за них. Моя мать даже слова поперек сказать не смела. Я плохо помню ее в то время. Только ее крики, когда отец воспитывал ее за малейшую провинность, — Матвей горько улыбнулся, по-прежнему не глядя на притихшую Ксению. — Я не помню материнской улыбки. Она никогда не улыбалась, стыдясь своего вида. Ведь отец выбил ей несколько зубов, когда я убежал от него из светлицы из-под жезлов, по малолетству ища защиту у матери в тереме. Она вдруг презрела свое воспитание и пыталась усовестить мужа, говоря, что я мал еще, что даже не было постригов {8}. Он бил ее тогда ногами прямо у меня на глазах. И именно тогда я впервые понял, что ненавижу своего отца.

Северский оглянулся на Ксению, чтобы увидеть, как она реагирует на его слова, ужасается ли им. Но жена молчала и смотрела на него, и он не мог понять, что плещется в глубине ее голубых глаз. Ужас, отвращение ли? Или... сострадание к нему?

Он вдруг сорвался с места, бросился перед ней на колени, схватил обе ее руки, прижался к ее ладоням щекой.

— Я ведаю, что ты можешь отринуть от меня свое сердце, едва узнаешь правду. Но я не могу более молчать. Я более двух десятков лет носил в себе это, не открываясь даже на исповеди. И вот впервые я чувствую желание поведать мою тайну. И хочу открыть ее тебе. Ибо не хочу иметь от тебя тайн, не хочу более недомолвок меж нами, — он замолчал, прижимаясь губами к ее ладоням, ожидая, что она отстранится от него, вырвет свои руки из его пальцев, но Ксения сидела, не шевелясь, только смотрела на него. И тогда Матвей продолжил. — Я никогда не знал ласки, Ксения. Я ведаю, ты лишилась матери в младенчестве. Я лишился своей тогда же. Ибо не знал ее. Ни ее рук, ни ее ласки, ни ее улыбки. Я наблюдал за холопскими матерями — за их суровостью к своим отрокам, но видел ясно, что за этой суровостью скрывается материнская нежность. И я бы все отдал, чтобы хотя бы раз почувствовать, как тебе треплют вихры, дергая сильно, но ласково за чуб на лбу. Как я грезил о том ночами! Пусть бы просто тронула меня за волосы мимоходом, но с лаской! А потом в усадьбу пришла воспа пятнистая {9}. Заболели сначала крестьяне, а после и в доме. Сперва сестры, затем отец. Одна из сестер померла, как многие холопы, а вот Феврония и отец выжили. Правда, болезнь оставила свой след на них, обезобразив лица. Потому-то сестру в двенадцать лет отдали в инокини. Отец же стал лютовать еще пуще после болезни, на нас с матерью вымещая свою злость на недолю. Я смотрел на мать в церкви во время служб, на ее синяки, плохо скрытые белилами, и ощущал страдание за ее муки, что терпела она от отца. Тогда-то мне пришла мысль, что ежели б отца не стало, то все у нас с ней было бы по-иному.

Ксения почувствовала каким-то шестым чувством, что именно сейчас Матвей расскажет ей то, что хранил в себе долгие годы, ради чего и затеял эту исповедь перед ней. Его голос стал глуше, он замер, скрывая свое лицо в подоле ее сарафана, ухватив вдруг ее за колени, будто желая помешать ей встать и уйти, если она пожелает того.

— В тот день мы поехали на охоту. Гнали волков, что тащили овец почти каждую ночь. Мне тогда уже было одиннадцать лет, я уже носил пояс наследника рода и сапоги боярские. Но как назло едва выехали, мой конь захромал, и мне пришлось отстать от охотников, отыскивая причину. Я догнал их только спустя время, да и то не повстречал — просто слышал звуки горнов да переклики в лесу, лай собак. А потом вдруг услышал голос отца, поехал на его звук. Не знаю каким образом, но отец не заметил знака и попал в охотничью яму, чудом избежав ран от острых кольев на ее дне. Я тогда тут же бросился к нему с веревкой, а, уже тяня его наверх, вдруг вспомнил свои мысли заветные, вспомнил каждую рану, каждый шрам на спине. И глаза матери вдруг вспомнились, когда она меня укрыть пыталась еще тогда, в малолетстве. И я резанул по веревке ножом, отпуская на волю коня своего, зная, что без него мне отца не удержать. Он уже почти выбрался из ямы, когда я сделал это. Взглянул на меня удивленно и испуганно. Он испугался, Ксения! А потом веревка поехала в ладонях, срывая кожу до самого мяса, и я отпустил ее, боясь, что отец утащит меня за собой в яму. Он упал прямо на колья, повис там, глядя вверх на мое лицо. А я стоял над ним и ничего не чувствовал. Даже радости не было, словно опустела моя душа или отлетела с его душой, куда бы та не отправилась...

Матвей поднял глаза на жену, и Ксения поразились его виду: белое лицо, заострившийся нос, будто ястребиный клюв, и странный блеск в очах, который она так и не сумела распознать. Он с силой сжал ей руки, и она поморщилась от боли, ощущая дикое желание уйти от него прочь, скрыться от него.

Отцеубийца! Какой грех мог бы быть более тяжек, чем этот? Немудрено, что душу Северского рвут бесы изо дня в день, немудрено, что ему нет покоя!

А потом вдруг представился он ей мальчиком — светловолосым, в не подпоясанной рубаше, вздрагивающим от каждого удара, разрывающего нежную кожу, и сердце сжалось. Как можно было бить малолетнего мальчика? Ксению редко били розгами в детстве и отрочестве, оттого-то ей казалось дикостью то, что она слышала. И как можно было матери не защитить свое дитя? Как можно было позволить, чтобы над ним так долго измывались? Она едва сдержала инстинктивный жест, едва не прикрыла живот ладонями, словно защищая свое нерожденное дитя от всех жестокостей этого мира.

Ксения почувствовала, как на ее ладони вдруг упала слеза, и застыла пораженная, осознав, что эти горячие капли на ее коже — слезы Северского. Ей стало вмиг не по себе, ведь впервые она видела, как плачет мужчина, более того — как плачет Матвей. И она вдруг прижала к себе его голову, совсем неосознанный жест, желая унять эти так пугающие ее ныне слезы.

— Я думал, что все отныне пойдет хорошо. Ведь отца не стало, и мать свободна от его жестокости. Я так и сказал ей: «Все ныне будет по-иному», а она только улыбнулась одними губами, не веря, что избавлена от него. Но и от этой улыбки во мне все запело тогда. Будто кто на дудке заиграл внутри! А потом пошло время, но мать так и не звала меня к себе, словно и нет меня. Я стал заниматься усадьбой, столько всего навалилось на мои плечи неожиданно, и редко когда думал об том, что она по-прежнему холодна ко мне. Тогда я сам пошел в женский терем. Но когда бы ни ступил в сени, то неизменно получал ответ, что она

занята — то в молельной, то в мыльне, то поживает. А потом донесли, что у матери любовник появился, — он горько рассмеялся сквозь слезы. — Ловчий наш! Холоп и боярыня! Видано ли? И я казнил его за эту дерзость. Мстя ему за то, что так и не дождался ласки материнской, что он встал между нами. А мать вместо ласки тогда кричала мне: «Ты такой же зверь, как и твой отец! Такой же!» И еще, что она ненавидит меня. Всегда ненавидела, потому что я схож с ним лицом. И я тогда понял, что она все это время притворялась, лгала мне, изворачивалась ради своего любезного. И я отослал ее прочь в монастырь, вычеркивая из своей жизни. Будто и не было ее...

— Я не умею любить, Ксения, — проговорил Матвей после долгой тишины, установившейся на время в светлице. Он уже взял себя в руки, обуздал все эмоции, что снова разбредили ему душу, заставили кровить уже затянувшиеся раны. — Не умею. Под венец первый раз пошел, ибо пора пришла. Да и за женой земли приграничные моим давали. Вот и женился. Она плакала часто. Все время плакала. Не давалась мне в спальне вообще, приходилось силой брать. Ненавидел себя за это, памятуя о том, что отец с матерью творил. А потом свыкся как-то. Ударил я ее первый раз, когда ее постельницу на воровстве поймали, и после наказания той жена выкрикнула мне прямо в лицо: «Ненавижу тебя!». Как мать тогда совсем. Жена моя ведь с той, как и ты с рыжей своей, с младенческих лет росла, вот и смела стала на язык. Во мне будто сломалось что-то после этих слов, будто шоры какие на разум надели. А потом все чаще и чаще. Я брал ее с силой, с кулаками ночами, а утром приходило отрезвление. Я ненавидел себя, ибо видел в себе его, своего отца! Прямо с облегчением вздохнул, когда она угорела при пожаре. Помню, поднялся тогда в терем горящий, а она уже не дышит, на полу лежит. Не желал я боле жену брать в дом, оттягивал этот момент, думал, на старости только детей заведу, когда немошен буду руку на них поднять. А потом к отцу твоему в вотчину попал по делам... И пропал!

Матвей взял ладонь жены и принялся медленно водить по нежной коже пальцем, избегая поднимать на нее глаз.

— Тебе тогда годков тринадцать было. Такая шустрая, такая глазастая. Глянула на меня мимоходом, выглянув из оконца терема, да душу обожгла. Я в тот же день к тебе посватался, будто под мороком был. Твой отец отказал тогда. А потом еще и еще сватался. И опять отказ получал. И так пять раз. Я его понимаю, не тот я зять для той, кого он растил будто цветочек алый в садочке у себя, далеко не тот. Но не отступал, думал, получить тебя любой ценой. И лютовал от своего бессилия, ой как лютовал! Но получил-таки ведь! Через дурость твою получил, через срам твой. От морока твоего мой морок одарен был. А потом я услышал, как плачешь ты ночью, как имя его шепчешь. И понял, что прогадал я. Есть цветок, и краса его есть, а вот духа цветочного нет в нем, и нет улады оттого. И я возненавидел тебя так же сильно, как и прикипел к тебе. И возненавидел себя за то, что творил с тобой. А потом ты перестала плакать, перестала смотреть на край земли с тоской в глазах. И я думал, что все, конец твоему мороку. А потом ты сбежала от меня. И снова он появился, снова в морок тебя вогнал. Но то все бесовское, Ксения, от беса морок тот.

Северский вдруг выпрямился, повернулся к ней, прямо-таки впился глазами в ее бледное лицо. А потом снова взял ее ладони в свои руки, повернул их тыльной стороной вверх, посмотрел на место ее былой раны, что недавно затянулась на руке. Почти не осталось шрамов, права была тогда Марфута. Только один маленький след на руке все же был — на безымянном пальце с тыльной стороны шла тонкая полоска, будто обручальное кольцо на палец было надето, с удивлением отмечала Ксения всякий раз, разглядывая руку.

Матвей коснулся губами ладони, на которую когда-то по его приказу положили каленое железо в знак испытания. Сначала легко и нежно, а после с силой прижался, со всей страстью, словно пытаюсь своими касаниями стереть из памяти тот момент, неприятный для них обоих, до сих пор отдающийся из того времени, даже спустя столько седмиц.

— Прости меня за все то зло, что я причинил тебе, — прошептал он, целуя ее руку. — Прости! Как я прощаю тебе твою ложь, твоё прелюбодеяние (ведь оно было, Ксения, я сердцем чую то!), твоё лукавство. Прости мне, что поддался искушению и не остановил Владомира, когда тот уехал мстить свою вершить. Но нет моей вины в смерти Заславского, крест тебе готов целовать в том. От хвори он сгинул, ляхи тело его везли, чтобы похоронить на земле отчей.

Что-то дрогнуло внутри Ксении при этих словах. Словно защита ее, та пелена, что окутала душу, подавляя боль сердечную, вдруг падать стала — покров за покров, оголяя рану кровоточащую. А Северский продолжал тем временем, не замечая перемен, что творились в ней.

— Я поклясться готов, что постараюсь стать тем супругом, о котором ты мечтала, будучи в девицах, что буду слушать твои слова и следовать им, коли они разумны и верны. Я прошу тебя забыть о том, что было меж нами ранее, отринуть все то, что случилось, и начать сначала. Будто мы только из-под венцов прошлого дня. Сумеешь забыть, лада моя?

Ксения на миг прикрыла глаза, борясь с волной протеста, что все же всколыхнулась в ее душе. Она понимала, что он говорит от сердца, и не будь в ее жизни тех нескольких седмиц, что перевернули ее жизнь, она бы нынче с радостью вложила свои ладони в руки Матвея, приняла бы его чувства. Но ныне Ксения будто очнулась от дурмана — вновь в душе вспыхнула тоска и боль потери такая острая, что казалось, сердце вырвали из груди.

А ведь Владислав и был ее сердцем, вдруг подумала Ксения, прикусывая губу, чтобы физическая боль хотя бы на миг перекрыла другую боль, душевную, буквально разрывающую нутро на части. А как же дальше ей жить без сердца?

А потом вдруг замерла, потрясенная тем ощущением, что мелькнуло внутри ее тела. Совсем легкое и неуловимое. Ксения вспомнила, как ходила в отрочестве на псарню щенков смотреть, как те забавно тыкались в ее руки носами. Это ощущение, что так быстро возникло и исчезло, было схоже с теми забавными толчками, только шло изнутри. Легкое, едва уловимое...

«Дитя шевельнулось» — всплыл в голове голос Марфы из того далекого прошлого, когда та еще только вышла за Владомира, когда девушки сидели за работой в саду. Тогда едва минули Дожинки, и Марфа...да, ровно четыре месяца, как была из-под венца. «Дитя шевельнулось», и потрясенные глаза ее постельницы...

Дитя шевельнулось, не смогла сдержать улыбку Ксения, чувствуя, как немного уступает душевная боль перед этими необычными эмоциями, что охватили ее ныне при этом легком шевелении внутри ее тела. А Матвей, заметив эту улыбку, которую он так давно не видел на ее устах — полную счастья и какой-то безмятежности, вдруг притянул ее к себе, прижимая к груди.

— Так с самого начала, любя моя? — прошептал он, и Ксения испуганно распахнула глаза, не понимая, о чем он толкует, так внезапно вырванная из благости, что будто облаком окружила ее недавно. А потом поняла, еле раздвинула губы в повторную улыбку, но та уже не светилась счастьем так, как первая.

— С самого начала, господин мой, — прошептала она в ответ, принимая его поцелуй.

Ради него, ради дитя, что снова шевельнулось легко в ее теле, она должна принять все, что приносит ей недоля. Ксения вдруг вспомнила другие губы и другие руки, а потом тихие голоса, что донеслись из того дня, когда она в последний раз целовала их:

«...- Ведь у нас родится сын. Мальчик с твоими дивными глазами цвета неба.

— И твоими волосами цвета... цвета... вороньего крыла...»

И так и будет, Ксения знала, верила в это. И ради этого она выдержит все!

1. Терраса

2. Перила террасы

3. Золотые нитки

4. Имеется в виду голод на Руси в начале XVII века

5. Праздник Успения Богородицы. Имеет такое название, т. к. около праздника Успения наши поселяне оканчивали жнитво хлеба

6. Последний сноп зерновой культуры, сжатый в этом году

7. Розги

8. Постриги и сажание на коня знаменовали переход из младенчества в отроки. Обычно в 4—5 лет.

9. Оспа

С того дня откровения между супругами установились ровные отношения. Нельзя было сказать, что Ксения стала относиться к мужу теплее, да и Матвей и не ждал того сразу же. Но более она не отстранялась от него, едва он касался ненароком, не загораживалась от него невидимой стеной. Не было того, что он хотел видеть в ее глазах, но более не было и той неприязни, что вызывала в нем слепящую волну ненависти к ней. И к нему. Тому, кто отнял у Матвея ее расположение, кто отнял у него возможность получить ее сердце и душу, как страстно он того желал.

Иногда, правда, Северский замечал, как в глазах жены появляется страх и какое-то странное чувство обреченности, но они были столь мимолетны, что он не обращал на них никакого внимания, относя эти эмоции к периоду их прошлой жизни с Ксенией. Матвей пытался, как мог, стереть эти дни из памяти жены, старался все более расположить ее к себе своей заботой и вниманием. И Ксения не могла не замечать этих перемен, что произошли в поведении ее мужа. Но отчего только ныне? Отчего не ранее? Быть может, оттого, что родичи едут, чтобы проведать ее, проверить ее слова, что она когда-то рассказала Михаилу? Чтобы предстать перед их очами дивом дивным — любящим мужем?

И снова мысли вдруг перескакивали со свидания с братом на то, что случилось позднее, на ту встречу по дороге в вотчину Северского, на то, что последовало за ней. Ксения не могла не воскрешать в памяти каждый миг тех дней. Ах, если бы она знала, что все так обернется! Если б знать, что она потеряет Владека, едва успев его обрести! Она бы тогда берегла каждый миг из того короткого времени, что им отвели, и которые она истратила на ссоры и размолвки, на поддразнивания Владислава, чтобы лишний раз увидеть его злость.

— Моя кохана, — еле слышно прошептала Ксения, чтобы в голове снова возник тот шепот, что она стала забывать. Нет, она не должна забыть ничего — ни одного жеста, ни одного слова! Навсегда сохранить в своей памяти те моменты, что на время подарила ей судьба. Вот и воскрешала она в своей голове день за днем из того времени. Быть может, настанет день, и она откроет наконец ту тайну, что носила в своей душе, ту тайну, что пока надежно скрывалась от посторонних глаз под тканью сарафана.

Ксения, как могла, оттягивала момент, когда придется открыть мужу свою тягость, когда придется лгать ему в глаза. Поверит ли он ей? Что сделает, узнав о том, что она тяжела? А вдруг распознает, что он не отец этого дитя, а он, другой, столь ненавистный ему? Что тогда?

А потом облегченно вздыхала, вспомнив, что до зимы несколько месяцев осталось. Выпадет снег на поля, и в вотчину приедут ее родичи: отец и, быть может, братья. Не посмеет Северский худого совершить, связанный договором, не причинит ей вреда. И Ксения улыбалась довольно, прислушиваясь к несмелым движениям внутри своего тела, чувствуя себя защищенной отцовской дланью, что будто укрыла ее от мужа, надежно закрыла от тех бед, что тот может натворить.

Надо уже говорить Матвею о тягости, думала Ксения всякий раз, когда поднималась к себе в терем из моленной домовой. Глаза со святых ликов смотрели на нее с укором, и ей было страшно за ту ложь, что должна была сорваться с ее губ. Но другого пути она не видела. И снова горько плакала ночью в подушки, когда была без супруга в своей спальне, оплакивая свою долю, ушедших от нее так рано близких и родных ей людей, оплакивая

свое счастье, которое так и не сложилось.

«...- Я вез тебя в Белоброды, на мой двор. Я хотел, чтобы ты стала хозяйкой в моем доме. Стала женой моей... Я не хочу более отпускать тебя от себя, хочу, чтобы ты всегда была подле меня. Носила мое имя, принесла в мой дом детей. Я ныне этого желаю более всего на свете...»

И, засыпая, Ксения представляла себе эту неизвестную ей вотчину, правда, построенную на русский лад, Владислава, живого и здорового, их мальчика, что бегал бы по двору в рубашке белой, и себя, такую счастливую, что замирало сладко сердце. Иногда ей снились сны, будто продолжение ее грез, сны, которые так не хотелось терять поутру, но которые неизменно растворялись, едва солнце вставало из-за края земли. Ксения еще долго после лежала в постели, прислушиваясь к стуку своего сердца. Отчего оно продолжало верить, что Владек еще ходит по этой земле? Отчего отказывалось оно признать истинность слов о его смерти от кумохи {1}, что мучила тела тяжелораненых воинов? Отчего не горевало так, как плакало по Марфуте всякий раз, как Ксения вспоминала свою постельницу?

Справили меж тем Семенов день, пошел очередной год по земле русской. Ксения смотрела на постриги холопских мальчиков, что переходили из младенчества в отроки в эту пору, и невольно замечталась, представляя себе, как будет стрижен через несколько лет ее сын, как посадят его на коня статного да поведут животину на поводу, везя юного боярина по двору. В том, что она носит под сердцем ныне сына, у Ксении не было сомнений. И она сохранит его, сбережет от всех напастей и бед до приезда Владислава. А Владек непременно за ней приедет. Не должны так умирать воины — в болотных чащах, от огня кумохи, не такая смерть должна приходить за ними. Вот и Владек жив, он жив! И она вдруг поверила в это в тот день, наполняясь всей душой слепой уверенностью в собственной правоте. Ведь ей так хотелось того...

Оттого и улыбалась так счастливо на пиру на боярском дворе, что закатил Северский для своих холопов в тот день, оттого и смеялась звонко шуткам дурака {2}, который корчил смешные рожи, передразнивая больших холопов, а особенно полного ключника, так стараясь рассмешить боярыню, что только и плакала в последние дни. Поговаривали даже, что исступление ума на нее нашло. Но нет же! Вон как улыбается, как задорно подмигивает дураку, одобряя его кривляния. Нет, здрава она умом, здрава. Зря люди шепчутся.

На Захария, как и положено, затопили баню. Именно этих дней, когда боярыне следовало идти в баню, и боялась Ксения. В мыльне в подклете было не так много света, плохо было там разглядеть изменения, что уже начали происходить с телом Ксении. Тут же было светло и просторно, да и в самой парной и мыльне Ксения не оставалась одна и не с единственной девкой, как в мыльне терема, а с несколькими мылась. Не одна пара глаз тут следила за ней, подмечая каждую деталь. Ксения не раз в тот день поймала удивленные и любопытные взгляды на своем слегка округлившемся животе, на потяжелевшей груди. Да и как было скрыть это?

Но Матвей, который тем же вечером пришел к жене в спальню, был спокоен и даже весел. Шутил про то, как гнал сам кумоху из усадьбы, чтобы та не воротилась нынешней зимой да не забрала никого с собой. А потом так же, как обычно привлек к себе, стал гладить ладонями по телу. Ксения, замерев от волнения, так и ждала, что он отпрянет от нее, обвиняя. Но нет — он продолжал свои ласки, а после заснул, утомившись за день, прижимая ее к себе сильной рукой.

Пора, подумалось Ксении, пора уже говорить о тягости Матвею. Пока другие не сделали

того. Ведь только так у нее есть возможность убедить его, когда она сама поведает о том, что носит дитя во чреве, и это его, Северского, наследник.

— Прости мне, Господи, мою ложь, — прошептала Ксения, поворачивая голову в сторону образов, задернутых на ночь занавесями, крестясь аккуратно, чтобы ненароком не разбудить мужа, тихо спящего на подушке рядом.

Но когда тот пробудился еще до рассвета и ее разбудил, нежно целуя лицо, глядя пряди ее светлых волос, рассыпавшихся по подушке, слегка волнистых от кос, в которые каждое утро их заплетали девки, Ксения так не смогла выдать из себя и слова о своем положении. Ее вдруг охватило чувство вины перед мужем. Да, он причинил ей много горя и боли, много слез пролила она по его вине. Но он так счастлив ныне, кто ведает — быть может, впервые за долгое время...

Ксения хотела руку мужа поймать и положить на свой округлившийся живот, глядя со значением в его глаза. Уж тогда-то он точно поймет. А если и не разумеет, то она скажет, что совсем скоро, на Анну и Иакима, что считались благодетелями всех рожениц и тех, кто только собирался принести в этот мир дитя, она пойдет в село, в церковь, чтобы вместе с отцом Амвросием принести требы за то чудо, что даровал ей Господь.

Но в дверь спальни тихо стукнули, кликнули боярина, и Матвей, быстро поцеловав ее, удалился прежде, чем она успела ему сказать хоть слово. Ксения никогда не призналась бы самой себе, но она почувствовала облегчение в тот миг, что не ныне ей суждено совершить свой грех. А потом в терем вернулись прислужницы, спавшие в сенях те ночи, когда боярин навещал жену, и Ксения узнала, что ей подарено еще несколько дней отсрочки — на границах земель Северского был замечен чужой отряд, и боярин выехал сам поглядеть, кто там идет и куда путь держит. Ксения едва обрадовалась, подумав, что вдруг это Владек за ней едет, как поняла, что уж слишком мало времени прошло, чтобы то правдой было. Знать, кто другой по землям шел.

Ксении только и осталось, что ждать мужа, молится о благополучном его возвращении да слова подбирать, что произнесет, когда доведется возможность переговорить с ним. Негоже было откладывать долее этот тягостный разговор. Скоро живот уж совсем попреет, как тогда объясниться — отчего молчала, чего ждала? Только подозрения лишние наведет.

В правильности своего решения Ксения убедилась, когда несколько дней спустя, на Малую Пречистую {3} имела короткий разговор с Евдоксией, что за последние несколько седмиц впервые встретила ее. Согласно обычаю, потянулись с раннего утра к Щуре женщины вотчины встречать матушку Осенину овсяным хлебом, который самая старшая из них, мать Брячи, седовласая сухонькая Меланья испекла еще до рассвета и ныне несла в руках к реке.

— Богородице Пречиста, Богородица Пречиста, — затянули молодые, и Ксения не удержалась — тоже запела, затянула этот клич вместе со всеми, хотя в прошлые годы только шептала его еле слышно. Оглянулись на нее холопки, удивленно переглянулись прислужницы, дивясь ее пению, но стройный хор голосов не прервался.

— Богородице Пречиста, избавь от маяты, надсады души отведи, — каждое слово едва ли не с надрывом слетало с губ Ксении, из самой глубины души поднимаясь к ним. — Мое житье-бытье освети!

Разломали хлеб на маленькие кусочки, чтобы каждой из женщин, что была на берегу да молила Богородицу, хватило. Достался кусок и Ксении, едва ли не самый большой. За ней хлеб отломила Евдоксия, после оглянулась на боярыню.

— Ты настои мои пила ли этим утром? — вдруг спросила та у Ксении, глядя, как утирает боярыня слезы рукавом опашеня.

— Нет, — честно ответила ей та, стряхнула с одежды крошки хлеба. Она уже пару седмиц не пила капли, что велели ей принимать каждое утро, учуяв в них травы дурмана да мака.

Ксения не была сведуща в травах особо, но знала, что некоторые из них могут принести вред, коли в утробе дитя растет. Оттого-то и забыла про флакончик из цветного стекла, что был нынче надежно скрыт в глубине одного из ящичков скрыни.

— Отчего так? Здравия себе не желаешь? — не унималась Евдоксия, и Ксения поморщилась невольно — до чего же та настырна и дерзка, но промолчала об том.

— Желаю, оттого и не пью, — коротко ответила Ксения и замерла под пытливым взглядом ключницы. Тяжелый взгляд, темный. Нехорошие глаза у Евдоксии. Не зря ее побаивались холопки, всякий раз делая знак от сглаза, едва ловили на себе взгляд этих глаз. Вот и Ксения инстинктивно вдруг подняла руку, чтобы прикрыть самое дорогое, что имела ныне, от этого взора темного. А потом опомнилась, опустила руку тотчас, но движение не осталось незамеченным для Евдоксии. Она посмотрела на живот Ксении, будто видя его легкую округлость сквозь плотные ткани одежд, а после перевела взор прямо той в глаза, задержалась долгим взглядом.

— Не пей, боярыня, коли так решила, — проговорила наконец ключница, медленно растягивая слова. — Воля твоя на то, не моя.

Евдоксия взглянула на связку ключей на поясе у Ксении, усмехнулась довольно и пошла к усадьбе, а Ксения еще долго стояла ни жива ни мертва, раздумывая, догадалась ли ключница о тягости или Ксении мнится то. Но одно Ксения знала точно — ей как можно скорее надо переговорить с Матвеем, пока Евдоксия не ужалила своим ядом прежде, как тогда, когда та открыла Северскому, что не была погана Ксения, что обманула мужа.

Но у Матвея были свои заботы, и едва он прибыл с границ, как следующим же утром, даже толком не отдохнув с пути, уехал на охоту в леса вотчины. Стоял аккурат Артамон Змеевник, и охотнику важно было зайца поймать — в силки ли или стрелой подбить неважно. Ведь заяц ныне сулил по примете народной счастье и удачу тому, кому в руки попадется.

Вернулся Северский только под вечер — грязный и мокрый, попав под ливень, что обрушился на землю после полудня. Об этом крикнула Ксении прислужница, которую та поставила выглядывать боярина в рундуке. Ксения приказала тут же сворачивать работы, отпуская девок и белошвей прочь. Она хотела послать мужу с одной из них весточку, что желает видеть того у себя в тереме, как только тот найдет для нее время досужее. Но на ее удивление, едва девки покинули терем, как в сенях громыхнули каблуки сапог Северского, раздалась тяжелая поступь шагов. Все ближе и ближе к светлице, где стояла у пьестов Ксения, затаив дыхание от волнения и страха. Ведь несмотря на всю кажущуюся безмятежность и покой, что в последнее время явил ей муж, она еще помнила, каков он бывает в гневе, видела, как суров тот с холопами.

Матвей переступил порог светлицы, быстро окинул взглядом помещение, а потом и саму Ксению, притихшую, бледную. Его лоб пересекала тонкая морщинка недовольствия, по щекам ходили желваки, кулаки были сжаты. Он прошел через светлицу и уселся в кресло с резными ручками, что стояло подле окна, спиной к свету, и Ксения со своего места оттого плохо видела его лицо. Войдя в терем, он не вытер сапоги о войлок в сенях, и теперь с его

обуви прямо на ковер капала грязная жижа. Будет холопкам работы, подумала невольно Ксения, а потом вдруг спохватилась, низко поклонилась, приветствуя мужа:

— Здрав будь, Матвей Юрьевич, муж мой. Какова охота была? Удачна ли?

Северский ничего не ответил, даже не сделал знака ей приблизиться, только сцепил пальцы рук перед собой и стал смотреть поверх них на жену. Только со временем он заговорил, когда Ксения уже не знала, что и думать. Она точно знала, что Матвей не видел Евдоксию нынче по возвращении — та была отослана на весь день к погребам смотреть за рубкой да засолкой в чанах деревянных капусты на зиму. Не успела бы вернуться в терем, да и кто сумел за это время сообщить той о возвращении боярина в усадьбу.

— Не поймал я зайца, моя лада, — глухо сказал Матвей. — Знать, не видать мне удачи весь этот год, не будет у меня счастья.

— Отец Амвросий говорит на то, что верить в приметы — суета сует, грех в приметы верить, — сглотнув слюну, которой вдруг наполнился рот, ответила Ксения, сжимая руки, чтобы не выдать свою дрожь. Отчего ей так страшно ныне? — И ты не верь, мой господин.

— Как не поверить, Ксения, когда недоля в мой дом вошла и уходить не желает, — проговорил Матвей. — Я думал, прогнал я недолю свою. Да она, паскуда, в дверь ушла, а в оконце вернулась, когда и не ждал я ее. Да будет об том. Девка твоя сказала, потолковать со мной хочешь? Вот я и пришел к тебе тут же. Говори, раз дело такое.

Вот он, шанс ее первой сообщить весть о своей тягости! Вот он, шанс повернуть все в свою сторону! Ксения немного помялась, а после решительно двинулась к мужу, стараясь улыбаться ему, как улыбалась бы Владеку, когда говорила бы ему о дитя. Она встала напротив Матвея, взяла его за руки и, собравшись с духом, проговорила тихо:

— Господь услышал наши мольбы, Матвей Юрьевич. Тягостна я.

Матвей поднял на нее глаза, и Ксения взгляделась в его лицо, стараясь прочесть мысли, что были у него в голове в этот момент, но не смогла из-за тени, которая его скрывала.

— Дитя, говоришь, в чреве твоём? — он положил руку на ее живот, и она едва сдержалась при этом, чтобы не отшатнуться от него. Ей вдруг показалось, что вместе с сумерками ранними в светлицу вползает какой-то странный холод, и сжалось сердце в тревоге. А потом Матвей вдруг надавил слегка на живот, давя на него, и Ксения все же поспешила отстраниться, упираясь руками в его плечи. Он не стал удерживать ее, отпустил.

— Значит, дитя у нас будет, лада моя? Знать, дождались наследника-то? — спросил Матвей, и Ксения улыбнулась, чувствуя, как с плеч падает тяжесть. Ей даже лгать не пришлось — она сказала, что тягостна, а он за нее все остальное. Не пришлось ей греха на душу брать, не пришлось лгать. Хотя разве умолчание истины похвально...?

За своими думами Ксения забылась, не смотрела на мужа, что уронил сперва голову в ладони, дергая себя за волосы, а потом подскочил к ней резким движением, и она даже моргнуть не успела, как сбила с ног ее сильная пощечина. Ксения упала на ковер, едва успев смягчить удар, выставив ладони в пол. Щека горела огнем, а во рту солено стало от крови, что засочилась из уголка губ.

Матвей же снова подскочил к ней, схватил за плечи, притянул к себе, и она испугалась тому огню, которым горели его глаза. Его легко можно было увидеть даже в этой полутьме, что царил в светлице.

— Ляшского пащенка мне навязать решила? Ублюдка Заславского? — прошипел он. — А может, и не только Заславского? Может, тебя там вся чадь его, а?

Ксения не смогла сдержать при себе эмоции при этом оскорблении, размахнулась и

ударил его по щеке, забыв за последние седмицы, что мужчина может ответить на удар, не раздумывая. Что и последовало — Северский снова ударил ее. От этой пощечины ее голова откинулась назад, кика упала с головы и откатилась куда-то в сторону.

— Думала, скроешь от меня? Да я-то куда разумнее оказался, — он снова притянул ее ближе к своему лицу, нос к носу. — Заметил я твое чрево еще до отъезда, да только ты молчала, и я промолчал. А потом заехал в село к повитухе да расспросил ее, что да как. Там-то моя радость и притихла, моя лада. Будто водой кто огонь залил. Рыжей твоей нет подле, тебе-то никто не подскажет, что ранее надо было под меня ложиться, как приехала в усадьбу. Быть может, тогда и сошлось все. А ныне нет! Нет, слышишь, Ксения! Не стану я такого позора брать, не приму ляшскую кровь в род да еще кого?! Заславского!

Матвей вдруг прижал к себе ее, голову положил на плечо свое, стал гладить через ткань повойника волосы, то и дело прикасаясь к ее лбу губами.

— Скажи мне, Ксения, ведь он насильничал тебя? Снаильничал? Бедняжка моя, пережить такое! Моя вина в том, только моя! Не будь я так неразумен, не убежала бы из вотчины. Милая моя, ты вся дрожишь! — он взял ее лицо в ладони, взглянул на нее, белую, как полотно, а потом вдруг принялся целовать быстрыми поцелуями ее щеки, нос, лоб. Ксения же замерла в его руках, перепуганная и растерянная. — Натерпелась за эти дни, натерпелась.... Я прощаю тебе неразумность твою, слышишь, прощаю. Испугалась, вестимо, как узнала о... о... об том, растерялась, вот и пошла по пути неверному. Но путь от этого позора есть, Ксения, другой путь, истинный. Все забудем, как морок бесовской, как сон дурной. Забудем и не вспомним никогда, — он замолчал, почувствовав, как напряжена Ксения в его руках, как замерла она под его губами. Откинул голову слегка назад, чтобы видеть ее лицо, ее глаза, устремленные на него, в которых плескался страх и недоумение. — Ты ведь сделаешь это, Ксения? Ты ведь примешь от Евдоксии зелье?

Сначала Ксения не поняла, о чем он толкует, а потом вспыхнула, прочитав по глазам то, что до сих пор не озвучили его губы. Принять зелье да скинуть дитя, избавиться от чужого ребенка. Ксения понимала, что он вправе требовать этого, но сердцем и душой отрицала.

— Я не буду этого делать, — прошептала она твердо, и его глаза сразу же сузились, превращаясь в узкие щелочки. А потом она повторила уже в полный голос, не таясь выразить то, что горело в ее душе. — Я не буду этого делать!

— Ты сама понимаешь, что это дитя не может появиться на свет, — медленно произнес Матвей, сжимая пальцами ее плечи, словно пытаясь вдавить в ее кожу эту простую для него истину.

— Тогда отправь меня обратно в семью, — проговорила Ксения. — Отправь с родичами, как опозорившую тебя жену. Никто не осудит тебя за то. Все земли и все мое приданое останется тебе.

— Мне нужна ты! — взревел Матвей. — Ты и никто другой! И потом — я не смогу повести под венец другую. Как с тобой рассудиться? И третий брак! Он же никогда не будет признан церковью.

— Зато дети от него признаны будут, — возразила Ксения. А после вдруг в ее голове пронеслась яркой молнией мысль — уговорить мужа отречься от нее, отдать обратно в род. А уж отца-то она сумеет убедить запереть где-нибудь в отдаленной усадьбе. Там и выносит это дитя, плод ее короткой любви, там-то и придумает, как снова соединить свою судьбу с судьбой Владислава.

«...- Я уже мужняя жена...

— Но не для моей церкви! Ты примешь мою веру, и мы обвенчаемся с тобой прямо там в Белобродах...»

Ах, если б только могло то свершиться когда-нибудь!

Но Матвей быстро развеял ее чаяния. Он замотал головой, зарычал, отказываясь принимать ее слова. А потом встряхнул ее с силой, так что у нее заболела шея.

— Вот о чем ты грезишь? Уйти от меня? Снова лелеять свой морок бесовской, снова думу о нем думать? Ты со мной повенчана! Ты мне клялась повиноваться беспрекословно. Мне! И со мной останешься. Пока смерть не разлучит нас, только она, лихая, на то способна на этом свете, слышишь? Только смерть разлучит нас! Моя или твоя смерть!

Ксения прикрыла глаза, стараясь скрыть свои мысли от него, что мелькали ныне в ее голове. Дождаться бы родичей, дотянуть бы до Мины, а там она уж умолит отца забрать ее прочь из этой усадьбы, из этого ненавистного терема, где столько слез было выплакано. Только вот как теперь сохранить то, что Матвей так отчаянно стремится погубить? Как сберечь дитя?

— Ты скинешь прижитка этого ляшского? — процедил Матвей сквозь зубы. Ксения же упрямо покачала головой, ожидая очередного удара, что собьет ее с ног. А затем последуют еще и еще, пока ее тело само не исторгнет то, что она так старалась сберечь. Ведь она по собственной воле никогда не выпьет зелья Евдоксии.

Но Северский не стал бить ее, пряча свою боль, свою обиду на нее глубоко в душе. Лишь отбросил от себя, словно куклу тряпичную, желая, чтобы она так сильно ударилась об пол, что ее тягость прервалась ранее срока положенного. Как она могла обманывать его? Как могла так улыбаться ему, когда за спиной держала такой камень? Он поднялся на ноги, закрыл лицо руками, пряча от нее свое отчаянье, свою боль. Более жена не увидит его слабости. Не ныне, когда так болит душа.

Придумать «поганные» дни, скрывать от него столько времени свой обман, позволяя ему и далее открывать ей свою душу. Душу, в которую она плюнула ныне, как когда-то плюнула в лицо Владомира.

Матвей вышел, шатаясь будто пьяный, из терема, ухватился за балясину рундука. Ксении несказанно повезло, что он сумел перебороть свой гнев, и не вернулся еще тогда, седмицу назад, как узнал, что она тяжела не от него. Заныло сердце. Так больно, Господи, так больно! Матвей вдруг вспомнил искривленный в крике рот матери, ее прищуренные глаза и жесткие слова: «Ненавижу тебя! Всегда ненавидела! Ты — чудовище! Такое же, как и твой отец, чудовище! Таких и любить-то нельзя!» Она так же дарила ему надежду, чтобы потом отнять ее. Совсем, как Ксения.

Ксения. Ксения... лада моя... моя рана... моя заноза в сердце. Жить и с тобой, и без тебя худо.

— Эй, — окрикнул проходившего мимо холопа Матвей. — Найди Евдоксию, ключницу, скажи, что я зову. В своем покое ждать ее буду.

Она тихо проскользнула спустя некоторое время, плотно притворив за собой дверь, чтобы чужое ухо не слышало разговора, что будет вестись в этой спальне. Сердце сжалось, едва заметила, как постарел Матвей, какие складки пролегли на его лице. Погладила его по напряженным плечам, прильнула к его спине, обнимая крепко.

— Она брюхата от Заславского! — выдавил из себя с трудом Северский, а потом поднял откуда-то с пола из складок покрывала, что было накинута на столыце {4}, кувшин и приложился к узкому горлышку, шумно проглатывая его содержимое. Евдоксия

поморщилась, уловив резкий дух хлебного вина. — Ты должна это исправить! Заставь ее скинуть этого пащенка!

— Тссс, не кричи, — погладила его мокрые волосы Евдоксия, успокаивая. — Негоже нам силой ныне творить свое дело. Мина все же не за горами, хоть и Артамон на дворе. А Калитин не простит тебе обиды дочери. Даже ежели тяжела она от врага твоего. Не ее ведь вина, что в полон попала, скажет. Да и дело это нехитрое. Сколько раз бабы рожали после полона ляхского! Не невидаль это ныне. Дитя-то можно после куда скрыть от глаз.

— Нет, — упрямо боднул головой воздух уже захмелевший Матвей. — Не хочу, чтобы жил этот пащенок. Не хочу, чтобы род Заславского от него шел далее. Пусть скинет! Не хочу, чтоб носила. Как память мне... что с ним была... что любила его. По своей воле...

— Скинет, но не ныне, — заговорила после недолгих раздумий Евдоксия. — Мое слово тебе в том. Только позже, после праздников зимних.

— Нет, негоже так, — возразил Матвей. — Она ведь только и ждет, что приедет ее батюшка, чтобы обратно попроситься. А тот, старый дурак, всегда при ней разумом мягок был. Заберет ее от меня и весь сказ. И не посмотрит, что брюхата от ляха, заберет. И ведает она то. Оттого и сидит ныне в тереме да думу думает, как лучше дело свое отстрять да от меня сбежать. И на клятву свою не посмотрит, уедет!

— Значит, не должна она с родичами бесед вести. И не попросит тогда.

Матвей тут же схватил Евдоксию за кисть, что лежала у него на груди, сжал с такой силой, что у самого побелели костяшки, а у ключницы слезы из глаз хлынули.

— Что ей сотворишь, кожу сдеру с тебя живой!

Ключница прочитала по глазам, что тот вовсе не шутит, поспешила покачать головой, показывая, что и в мыслях не было уморить эту пигалицу глазастую, стала рассказывать, что придумала. Постепенно Северский расслабился, ослабил хватку, но руки Евдоксии не отпустил, а лихо перетянул ее к себе на колени.

— Ну, и змея ты, Евдоксишка! — прошептал он, касаясь губами ее шеи, отводя назад полотно убруса. — Не приведи Господь твоим врагом стать!

— Никогда ты им не будешь! — запальчиво проговорила Евдоксия, глядя ладонями по его широкой спине, подставляясь его губам. Она знала, что рано или поздно Матвей вернется к ней, знала, что рано или поздно боярыня совершит ошибку и оттолкнет от себя его. Теперь же главное удержать свои позиции, не дать Матвею переменить решение, что он принял нынче вечером. И она готова на все, чтобы удержать боярина подле себя. Ведь только она способна дать ему то, что ему так нужно — всю свою безграничную любовь и поддержку во всем, что бы он ни творил.

Со следующего же дня Евдоксия принялась за дело, что родилось в ее голове. Матвей не должен был видеть жену, пока живот той будет недостаточно велик, чтобы всякий раз напоминать ему о ее вине перед ним. Для того и придумала ключница, что надобно бы ранее срока «гусиную охоту» сотворить в вотчине, собирая друзей на положенные обычаю пиры и гусиные бои. Пусть отвлечется, сердечный, от боли своей душевной, пусть забудет о жене своей под хмелем да в азарте от боев.

Тогда же Евдоксия постаралась, чтобы до Ксении донесли строгий наказ боярина — отныне запрещено той покидать терем ни днем, ни ночью. Даже в церковь ей было нельзя ходить на службы да на двор выходить или в сад (хотя насчет последнего Северский велел передать, что может смягчиться со временем, как Бог положит). Количество прислужниц боярских было велено сократить до минимума, и находиться им было положено в другой

светлице, в отдалении от боярыни. Хозяйство было снова передано Евдоксии, что быстро вернула себе ключи хозяйские на пояс, довольно улыбаясь, будто кошка дорвавшаяся до сметаны.

Ксения восприняла это как наказание одиночеством, но оно лишь порадовало ее — не будет более подле глаз и ушей Северского, никто не будет следить за каждым ее шагом. Знала б она, чем обернется ее одиночество, не так радовалась бы.

Удаление боярыни от общения с людьми было воспринято холопами так, как и планировали заговорщики, не договаривая умело, либо умалчивая что-то. Поползли шепотки из избы в избу, а потом через приехавших на «гусиную охоту» холопов других бояр по всей приграничной земле слухи пошли, что ляхский полон отразился на боярыне Северской, что лишилась та разума напрочь. Вспомнились девкам и странные ночные молитвы и рыдания хозяйки, ее нападение на Владомира. Стали обращать внимание, как та холодна и сурова с мужем, что приходит навестить ее в терем почти каждый день Божий. Слышали они, как она кричит на него, как сулит ему кары за что-то, а тот лишь молчит, хотя в праве хулить такую жену. Разве ж гоже на мужа голос повышать? Разве ж гоже руку поднимать на него, как видели девки через щель неплотно притворенной двери в светлицу, где сидела Ксения в одиночестве да работу свою вела, резво кладя стежки на полотно? И не ответил ей ничем боярин, только грустно смотрел на жену свою. Жалеет, видать, а может, дитя бережет свое, ведь девки давно знали, что в тягости боярыня их.

Только на Покров увидели люди свою боярыню, когда она вместе с мужем своим в церковь ступила, чтобы праздничную службу отстоять. Тогда-то и заметили холопы, что верно все, о чем шептались украдкой — и в тягости боярыня, и в исступлении ума она. Все видели, как взглядом она метнула в боярина, как только тот свечу поставил за здоровье матери будущей да наследника его, что на свет скоро появится. Все видели, как она оттолкнула от себя мужа, когда тот хотел помочь ей в возок забраться. Другой бы ударил жену за такой позор, а боярин только очи долу опустил, жалея горемычную.

А когда на землю первый снег выпал, так и вовсе боярыня стала дичать. Девки сенные украдкой рассказывали в поварне, что запретили им к хозяйке ходить да дверь плотно затворили в светлицу ее. И немудрено, вздыхали они, ведь боярыня совсем ума лишилась — беснуется, сорвала с окон занавеси, вывернула все ящики скрыни, что стоял в светлице, разбросала-запутала нити шелковые, порезала ткани, что боярин в дар ей из города привез недавно. Ой, что творится-то! А кричит-то как, крестились девки, глядя на перепуганных поварих и поварских людей. Ой, как кричит!

Когда зовет кого-то непонятного, а бывает, что и Марфуту! И при этом имени начинали креститься все, кто был в поварне, испуганно глядя в ту сторону, где стоял терем, хотя и не видели его через стены.

Именно эти слухи и принес своему хозяину, что располагался усталый с долгой дороги в столовой {5}усадьбы Северского, верный слуга, раскладывая шубу хозяйскую для просушки подле печи. Тот выслушал их, хмуясь все больше и больше, а потом взглянул на своего сотника, что сидел на лавке подле двери.

— Что скажешь?

Тот погладил свою скудную бородку, хмуя так же лоб, как и Михаил, сын Никиты Васильича Никитина, но промолчал, обдумывая услышанное. Он, как и боярин его, слышал с том, что некоторые бабы, вернувшись в родной дом после полона ляхского, умом трогались, но чтоб Ксения!

— Увидеть бы ее да поговорить, — наконец произнес он, и Михаил кивнул, соглашаясь. А потом присел к жарко натопленной печи, залюбовавшись рисунком на расписных изразцах.

— С утра же обговорю с Северским. Ныне времени не было, приехали же ночью, — он взял кочергу, что стояла у печи, поворошил поленья, выпуская ворох ярких искр. — Жаль батюшка занемог, тот бы сразу разобрался, что здесь к чему и отчего о Ксеньке такие разговоры идут.

Только с этим человеком Михаил мог позволить себе назвать сестру просто «Ксенькой», возвращаясь обратно в детство, когда они все вместе играли в вотчине Калитиных. Только с ним мог обсудить дела семейные, ведь Федорка он любил и уважал, как брата. Он чуть с ума не сошел, когда тот еле живой вернулся в войско, еле нагнав их — едва перевязанный какой-то встречной холопкой, весь тягилый в крови, будто на нем места живого нет. Но Федорок сумел-таки вырваться из когтей кумохи, что трясла его тело долгие седмицы, поведав в полубреду Михаилу о том, что произошло. Некоторые моменты из рассказа тот предпочел бы и не знать, как например, имя полонителя Ксениного да слова к сестре его обращенные, которую Федорок в бреду подле себя видел.

Как предпочел ныне не замечать того волнения, что охватило его товарища, едва они ступили на двор усадьбы Северского.

Уж лучше думать о том, что ему предстоит завтра, ведь от Ксении он услышал впервые про обрыв Щури за селом. Услышал тогда, когда она бросилась ему в ноги в конце этой весны. «Уж лучше с обрыва с головой в Щурю, чем такой позор, что привяжет мне муж!», говорила она тогда, и вот ему говорят о том, что Ксения все же ходила к обрыву да Северский оттащил вовремя. О Господи, неужто и вправду у нее исступление ума?!

Михаил следующим же утром направился к хозяину вотчины, чтобы просить того о встрече с сестрой да слухи ему разъяснить, что правда, а что вымысел людской.

— Где сестра моя? — после положенных приветствий спросил Михаил, глядя в глаза Северскому. — Отчего не выйдет встретить гостей дорогих? Не по обычаю!

— Не по обычаю да по нужде, — глухо ответил Матвей, отводя глаза в сторону от пытливого взгляда брата жены. — Горе в дом мой пришло, брате. Такого и ворогу не пожелаешь. Ксения Никитична приболела, не вынесла полона ляшского. Больно и горько говорить то, брате, но берегу я ее ныне, как зеницу ока, иначе потеряю не только жену свою, но и сына нерожденного.

Михаил едва сдержался при этих словах, а Федор, стоявший широко расставив ноги у двери, еще крепче вцепился в пояс. Так и слушали они напряженно рассказ из первых уст о том, как Ксения пыталась с собой покончить на обрыве после предательства и казни своей постельницы, как потом молча затаила в себе свое безумство, выплеснувшееся в нападении на сотника чади боярской да на него самого.

— Я не держу на нее зла за то, — поспешил заверить Михаила Северский. — Не она-тс была, морок ей голову крутил. Бесовской этот морок! Нет суда для нее от меня и не будет за то, вот мое слово боярское!

А потом продолжил свой рассказ, как множилось день ото дня ее безумство, как вбила она себе в голову, что дитя, что носит она не от мужа, и что тот хочет погубить его. Да только Северский готов уверить всех и каждого, что дитя его в чреве ее растет, что приехала она пустая, как и уезжала. Да и суд Божий доказал, что верна ему жена его. Разве это не подтверждения его правоты? А Ксения ныне совсем шальная стала, беснуется иногда. Не

приведи Господи не уследить за ней, что ж тогда случится-то?

— Горько мне, брате, вести тебе такие было слать, — закончил свой рассказ Северский, глядя на потемневшего лицом Михаила. — Стыд-то какой для рода и мужа! Не буду спрашивать, бывало ли это ранее или от полона родилось, болезнь ума ее. Не хочу выяснять то, нет оттого прока для меня. Мне бы ладу мою вымолить у Господа. Пусть вернет ей здравие...

А потом он велел позвать жену в горницу, чтобы Михаил сам увидел, что нет лжи в словах его. С замирающим сердцем ждал Михаил сестру, раздираемый на части сомнениями. Неужто верно и сестра могла потерять разум еще до полона? Оттого и решилась на столь дерзкий поступок, оттого и обвиняла мужа своего в немыслимом. А тот вон как прикипел к ней, что даже больную домой не отсылает. Нет, покачал головой Михаил, не правда то. Не могла Ксения разума лишиться, не могла. Не поверит он в то, пока сам не увидит.

Отворилась дверь, и в горницу ступила Ксения, тонкая фигурка в расшитых одеждах, гордо неся перед собой большой живот, заметный даже в этом широком сарафане. Заметила Михаила, поднявшегося со скамьи, и замерла на месте. Вспыхнули глаза радостно, протянула ему руки.

— Михаил, брате мой! — едва слышно прошептала, будто ветер поворошил осенние листья, гоня их прочь. Михаил бросился к ней, презрев все правила, схватил за руки, расцеловал в обе щеки.

— Ксения, сестрица.

А потом вдруг произошло то, что еще долго будет стоять перед глазами Михаила. Ксения, гладившая с улыбкой его волосы, отросшие, пока они не видались, до самых плеч, вдруг замерла, а потом зашептала, испуганно озираясь, глядя то на него, то в стороны:

— Мертвые, Михаил, мертвые... приходят. И Марфуга приходила давеча. А ныне и другие пошли. Но если они идут, то и ты... Ты! Ты!

А потом она закричала в голос, метнулась к Северскому, будто ища у того защиты, вырываясь из рук брата, что побелел, как снег в поле, видя то, что творилось ныне в горнице.

— Кругом мертвые. Мертвяки! И я мертва? Нет-нет, я не могу умереть, пока он не пришел за мной, не могу. Надо дожждаться его. Мой мальчик! Мой мальчик!

Михаил смотрел, как мечется его сестра по горнице, прикрывая руками свой выступающий под тканью сарафана живот, слышал ее крики, лишённые всякого смысла. Потом Северский приказал увести жену в терем, кинув укоризненный взгляд на родича, мол, я предупреждал вас. А Михаил вдруг сорвался с места, выбежал из терема, миновав скудно освещенные горницы и темные сени, мимо побелевшего Федора. Он вдохнул полной грудью морозный воздух, взглянул в черное небо с яркими точками, а потом вдруг зачерпнул горсть снега, растер ее по лицу, слушая, как где-то в рундуке женского терема кричит его сестра. Хлопнула дверь, и все стихло, давя этой тишиной на напряженные нервы Калитина.

— Я убью его, этого ляха проклятого! — прошипел он в темноту двора, этим звездам, что мигали ему с высоты, будто дразня.

— Он уже мертв, — проговорил незаметно подошедший к нему Северский. — И прежде он испытал многое, уж поверь мне, Михаил Никитич.

Михаил прогостил в усадьбе Северского лишь несколько дней вместо запланированных нескольких седмиц. Да и то предпочитал бывать где угодно, даже на службах церковных только не в доме, где изредка из женского терема доносились крики и плач, рвущий ему душу. Матвей не осуждал его за скорый отъезд — он и сам с трудом выносил то, что

творилось с Ксенией.

— Все, с завтрава Калитин уезжает со двора, — сказал он Евдоксии, что лежала с ним рядом в постели, потягиваясь, как кошка. — Не надо более добавлять в печь Ксениной светлицы травы твоей. Довольно ей дурманить, довольно игры этой.

— Кое-что ночью ей сварить? — игриво кусая его за ушко, спросила ключница, намекая на зелье, что заставит Ксению скинуть дитя. А потом вдруг пришло в голову, что можно добавить и других трав. Ведь так часто мрут роженицы, не доносившие дитя до срока... Опять руны говорили ей этой ночью, что сгинет Северский скоро, и смерть его будет связана с женой его окаянной.

Только к вечеру следующего дня после отъезда брата проснулась Ксения. Голова ее была тяжела, шла кругом, что даже подняться с постели было тяжело. В горле пересохло. Ксения огляделась и заметила на столике маленьком подле кровати кувшин серебряный. Дрожащими руками налила себе в чашу ставленного меда ягодного, отпила уже более половины, когда нос распознал неприятный запах трав, что были добавлены настоем или варевом каким в напиток сладкий. Ксения тут же отбросила от себя чашу, разливая мед на пол, на постель, себе на грудь, но не обратила на то внимание, озабоченная ныне мыслями, что носились в ее голове. Страшное осознание ударило в грудь острой болью, а потом отдалось спазмом внизу живота, как бывало иногда в первый день ее «поганости».

— Нет! — вскрикнула Ксения, прижимая ладони к животу, что ныне ходил ходуном под ее руками. словно так она могла остановить то, что уже началось, словно так она могла удержать дитя, рвущееся на свет намного раньше срока. А потом боль внизу живота все нарастала и нарастала, захлестнув ее с головой. Она закричала в голос, чувствуя, как по ногам течет что-то теплое. Прибежали девки, что были в соседней светлице, заахали, засуетились вокруг нее. Потащили ее на кровать, переменили рубаху. Ксения заметила, насколько та пропитана кровью, у нее вмиг потемнело перед глазами при виде картины этой.

Потом будто обрывки какие-то мелькали перед глазами. Вот над ней склоняется, качая головой, повитуха сельская, хмурясь, что-то приговаривая ей вполголоса. Вот суетятся по спаленке плачущие прислужницы. Вот мелькнула Евдоксия, уносящая с собой серебряный кувшин, аккуратно прижимая его к себе.

А потом появился Матвей, склонившийся над ней, заслоня ей весь обзор. Где-то приговаривала повитуха, словно муха жужжа. Ксения увидела его, и вмиг полыхнула в ней злость на него, ненависть, разрывающая нутро на части, как рвала его ныне дикая боль.

— Мои родичи приедут и убьют тебя, — прошептала она из последних сил, недоумевая, почему вместо крика с ее губ срывается шепот глухой.

— Твой брат был тут. Давеча отбыл. Ты проспала его гостеванье.

Эти несколько слов заставили ее замереть от отчаянья. Он нашел-таки способ удержать ее здесь, при себе. И избавлялся от дитя, столь неугодного ему, столь ненавистного. Она хотела ударить его, но сил хватило только поднять руку да скользнуть пальцами по его щеке, оставляя на ней кровавый след.

— Кровь за кровь, — прошептала она, видя эти пятна на его коже, едва сдерживаясь, чтобы не заскулить, как собаке дворовой, от боли и горя. А потом напрягла последние силы, чтобы сделать ему больно так же, как больно было ей. Она знала, куда ударить. Ведь он сам ей поведал об том несколько месяцев назад. Ударить за так и не сбывшуюся любовь ее, за Владека, коли он мертв, за Марфуту. И за мальчика с глазами цвета неба и волосами

черными, как собо́ль, которому так и не суждено появиться на свет живым...

— Я ненавижу тебя! Всегда ненавидела и буду ненавидеть! Ты — чудовище! Такое же, как и твой отец, чудовище! Таких нельзя любить! Отцеубийцу нельзя любить!

Прошептала и довольно улыбнулась, видя, как перекосилось его лицо...

1. Лихорадка

2. Тут: шут

3. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы

4. Четырехногий табурет

5. Особая изба, где останавливались гости боярские. Состояла обычно из одного покоя и сеней.

Еще не рассвело, когда в толстые дубовые ворота двора Калитиных в Москве постучались, разбудив сторожевого, что дремал, прислонившись спиной к забору. Тот быстро вскочил на ноги, испуганно озираясь со сна, а потом сообразил все же крикнуть громко:

— Кого Бог несет, когда еще солнце не поднялось?

— Господи Иисусе, помилуй нас, — ответил голос из-за створок ворот. — Открывай ворота, сын хозяйский прибыл, Михаил Никитич пожаловал.

— Аминь, — перекрестился сторожевой и бросился к засову, предварительно выглянув в маленькое оконце и убедившись, что по ту сторону забора младшой Калитин.

А это действительно был он. Хмурый, в запыленном тягиле, с повязкой на голове, что виднелась немного из-под шапки с соболиным околышком. Михаил бросил поводья сторожевому, едва въехал во двор, и быстрым шагом направился в терем, в одну из горниц, где его встретил разбуженный одним из холопов брат. Он явно еще не вставал — глаза были заспаны, сам был в опашене шелковом, накинутом поверх рубахи. Тафья, украшенная жемчугом, покрывала макушку, что начала уже терять волосы, как ни огорчал этот факт Василия. Видать не в отца пошел, в дядек, что в его годы уже были наполовину лысы.

— Брате, — расцеловал Михаила старший брат, не обращая внимания на то, что нательная рубаха пачкается в дорожной пыли, которая с лихом покрывала тягилай брата. А потом с тревогой взглянул на перевязанную голову — шапку-то Михаил снял, войдя в терем, и теперь крестился на образа в углу.

— Как ты спишь в этой тафье? Камни не голову не давят? — усмехнулся Михаил, отойдя от образов. Василь не обратил на его насмешку никакого внимания, подал знак выглядываемому из-за двери холопу принести кувшин кваса из ледника да на стол в трапезной собирать. А после повернулся к брату, посуровел, заметив его хмурый взгляд.

— Что, брате?

— Побили нас ляхи, Василь, — тихо ответил Михаил. — Не быть воеводой этой бабе Шуйскому. А шведы к ляхам побежали. Вот и разбили нас, как младенцев!

— Знать, не отстоим Царево-Займище? — спросил Василий, задумчиво глядя бороду.

— Русь бы отстоять, — процедил недовольно Михаил, а потом поморщился, почувствовав, как вдруг кольнуло в ране на голове.

— Что с главой твоей? Разбили? Показывал лекарю? — обеспокоился Василий. Михаил отмахнулся от него и протянул руки к чаше с холодным квасом, что протягивал расторопный слуга, отхлебнул изрядно, пролив немного напитка на бороду и тягилай.

— Жить буду. Еще успеет затянуться до свадьбы-то.

Но шутка не понравилась Василию. Он присел на лавку подле брата, аккуратно расправив полы опашения, чтоб не измялась дорогая ткань, тронул брата за плечо, призывая взглянуть на него, обратить внимание на его речи.

— Свадьбу-то твою поскорее бы справить, а, Михась? Ляхи в силу войдут, с ними бояре на сговор пойдут. Тогда и сгодится нам твой тесть будущий да родство с Мстиславскими. Довольно бегать тебе от венца, словно девице красной. Уж поболее двадцати годков-то! — Василий помолчал, а после продолжил. — Не удержать венец царский Шуйскому, чую. К концу години этой войдет в Кремль другой царь. Тогда-то и полетят головы... Ох, нелегкая

снова нам предстоит! Я своего Алексея просватал в род Романовых. Ты же с Мстиславскими породнишься, что сношения с ляхскими людьми знатными имеют. А через Наталку мою с Голицыными связаны. Глядишь, выдюжим при любом раскладе-то.

— Ну, ты и лис, Василь, — проговорил Михаил. Он не мог понять то ли его восхищает хватка брата, то ли наоборот — злит, ведь самому Михаилу искусство льстить и юлить, искать выигрыш в любой ситуации было недоступно. Для него существовало только белое и черное, правда и ложь. Другого он не признавал.

— Сильно ляхи-то приложили? — снова спросил Василий. Михаил стиснул зубы от злости, вспоминая, как получил он рану, что до сих пор слегка кровила.

— Паскуда эта ляхская приложила меня! Не поверишь, Василь, жива эта гнида. У Жолкевского в рати был, бился под Царево-Займищем. Не сразу я его признал, а как заприметил, так будто огнем обожгло. Думаю, вот он, голубчик. Ну, думаю, останешься ты нынче тут на поле бранном за Ксению, красу нашу. Да не сумел я. Только прицелился, как меня кто-то приложил. Слава Господу, что не остался сам на том поле, — Михаил напряг челюсти, заиграл желваками. — Все едино — найду эту гниду, не ходить ему по земле, коли Ксения недужит так по его вине!

И только, когда заметил, как помрачнел лицом Василий, как быстро перекрестился тот на образа в углу горницы, смолк. Обернулся к ликам святым да оторопел, заметив, что горит только одна лампада, тускло, еле освещая иконы на образнике.

— Ох, ты Господи! Неужто батюшка?! — воскликнул Михаил за своими заботами да думами о будущем, что ждет род Калитиных ныне, когда царь русский проиграл свою последнюю битву ляхам, не заметив знака этого, что смерть в семью вошла. Но Василий покачал головой, и Михаил выдохнул облегченно.

— Нет, брате, отец хоть и мучается камчугой {1}, но жив и ясен разумом. Лекари вещают, что еще пяток годков батюшка наш поживет на этом свете, — а потом добавил еле слышно, заставляя Михаила вцепиться в лавку до боли в пальцах. — Скорбь у нас с другой стороны пришла. Не хотели тебе грамоту писать, брате, ты уж прости за сокрытие. Ксения то, Михась. Померла она на Акулину.

Михаил едва не завыл в голос от той боли, что ударила в грудь, прямо туда, где сердце билось. Застучало в голове, заныла рана.

— Как? Как?! Я ведь на Мину только был в землях Северского. Здрава телом была. Откуда лиходейница пришла? Откуда?!

— От духа больного, — тихо ответил Василий, и Михаил побелел, вспоминая, как металась по горнице Ксения с широко распахнутыми глазами, в которых плескались страх и безумие. — Под Рождество Христово разродилась она ранее срока мертвым младенчиком. Не вынес той потери ее разум недужий. Не углядели за ней, не досмотрели. Ушла она из терема на Акулину. Видать, ждала цветения {2}, чтобы лед сошел с реки. Только на следующее утро тело в Щуре выловили. Ныне наша сестрица с тобой дева речная.

Не выдержал при этих словах Михаил, подскочил с лавки, заметался по горнице. Отчего он не забрал ее с собой тогда, зимой? Отчего не забрал от этой реки проклятушей подальше? Испугался разговоров людских, что бесы в его род через сестру вошли? Забот не захотел? Смалодушничал?

— Я поеду в земли Северского, найду ее тело, куда бы его ни схоронили. Все дороги перекопаю, все болота обойду! — а потом застонал в голос. Ни могилы нет у Ксени теперь, ни отпевания ей никто не сотворил. Даже свечи за упокой не поставить ныне в церкви ему,

ведь она сама на дно речное сошла. — Я всеедино поеду туда! Не сама она себя жизни лишила, морок ее вел. Должны же схоронить по-людски, коли нет ее вины.

— Поздно, брате, — так же тихо откликнулся Василий. — Негде искать нынче. Да и не признать усадьбы Матвея Юрьевича, оттого что нет ее боле. Люди слух на двор наш третьего дня принесли, что прошелся в землях родича нашего в травене {3}лях огнем и мечом, сравнял усадьбу с землей, а всех людей его положил. Отмстил он Северскому, упокой Господи его душу, за полон и пытки, что тот чинил ему в прошлом годе, — он немного помолчал, а потом произнес. — Прости меня Господи за слова и мысли грешные, но иногда мне мнится, что Ксении лучше было в Щурю сойти да девой речной стать, чем от руки ляшской смерть принять. Говорят, что никого не пощадил лях за свои обиды. Никого живого не осталось после его прохода по землям Северского. Даже животные какой.

Михаил заскрежетал зубами, памятуя о том, как был совсем недавно лях поганый на прицеле у его самострела, да не сошлось. Сберег ляха его папский Бог, отвел стрелу в сторону. Ах, жалко-то как, что так свершилось! Знал бы, что Ксени нет более из-за морока, что по вине этого шляхтича случился, сам бы протиснулся к тому в бою, прорубая себе путь через других сражающихся, сам бы крылья оторвал его да голову снес.

— Ничего, Василь, гетману Жолкевскому Москва нужна, пока его король под Смоленском стоит, — проговорил Михаил. — Сюда-то тот и двинется, а с ним и лыцари его крылатые. Сам сюда ляшский пан тот придет. На погибель свою явится, я ж подожду чуток покамест.

— Ты голову свою сохрани, — хмуро ответил Василий. За оконцем уже занимался рассвет, посылая в горницу неровный свет утра. — Ксеню уже не воротить, да и не от руки ляха она пала. А за Северского пусть другие, ближние родичи ответ спрашивают.

Но Михаил только упрямо качал головой, не соглашаясь со словами брата, для виду напустив задумчивость на лицо, когда тот снова речи повел о свадьбе младшего брата с невестой, что сосватали ему еще прошлым летом. О какой свадьбе может идти речь, когда неясно, что с завтрава будет с Русью?

Василий, заметив, что брат не слушает его, а уже думу думает, где бы с ляхом тем встречу заиметь, потрепал того по колену отечески (благо, старше был почти на двадцать годков Михаила, имел право на то) и проговорил тихо:

— Кровь твоя горячая требует, вижу, отмщения за обиду. Что ж, знать, такова доля. Только живота не положи по дурости. Коли сведет снова судьба с ляхом, твори свое право. За сестру нашу, за грех ее невольный!

Братья даже полагать не могли, что так скоро слова Михаила о том, что Жолкевский к Москве подойдет с войском своим, окажутся пророческими. После битвы под Царево-Займищем городок капитулировал перед ляхами, а после и Можайск, Борисов, Боровск и Иосифов монастырь, Погорелое Городище и Ржев присягнули ляхам. Войско польского гетмана увеличилось десятью тысячами русских, что позволило ему без особого труда пойти к стенам Москвы, где он вскоре и появился, требуя от москвитов присяги его королю.

Только вот Заславского в объединенном войске гетмана не было, как на то надеялся Михаил. Он действительно ходил в битву под Царево-Займищем под знаменами Жолкевского и уже почти дошел до стольного града, как его в очередной раз разыскал посланец из Заславского замка с грамотой отцовской. В ней тот снова призывал сына уйти с этой войны, ведь присяги королю Владислав не обновлял, в войске польском был по собственному желанию. «Не твоя война это, сыне, не твоя. То, что свершить должен был,

уже сделано. Воротайся домой, сыне...»

Отстала немного родовая хоругвь Владислава от шумной конницы польской, пропустил тот вперед к Москве пехоту, желая вдали от войска обдумать, как должен поступить он ныне. Вместе с ним неожиданно и Милошевский со своей хоругвью приостановил свой поход на стольный град московский. Он говорил Владиславу, что не может позволить тому в одиночестве бродить по земле русской, памятуя о том, что случилось в прошлый раз, но Владислав видел, что он лукавит — вскоре Москва покорится Жолкевскому, и тогда перейдет народ московитский под защиту короля Сигизмунда. Уже не пограбить так будет, не покуролесить на чуждой для польских рыцарей земле. Вот и отстал Милошевский, чтобы разгуляться в последний раз.

Владислав прислушался к тихим раскатам грома, что пока несмело грозил издали. Потом свернул письмо отца, что перечитывал уже в третий раз, надеясь, что в голову тут же придет твердое решение возвращаться в замок, стены которого он покинул этой весной. За то время, что Владислав был почти обездвижен из-за своих увечий, полученных за время плена в усадьбе Северского, и почти безвылазно сидел в замке, он многое передумал. Иногда его выносили в кресле на крепостную стену, чтобы он наслаждался легким ветерком, развевающим волосы, чтобы оглядел окрестности да в сторону русскую смотрел с тоской в глазах.

Никогда не позабыть Владеку, как пришел в себя в челне и искал нежную руку Ксении, как дядька тихо прошептал, что осталась она в вотчине Северского. Он тогда рванулся вверх, невзирая на боль в переломанных членах, что тут же разлилась по телу, решив, что это его пахолики оставили ее на берегу, отбивался от их рук, требуя, чтобы они вернулись, угрожая невыносимыми муками. И тотчас смолк, как Ежи ответил ему, что то плата была за жизнь и свободу его, Владислава. Вечная роба своего мужа в обмен на то, чтобы Владислав жил. Он сразу же понял, что дядька не лжет ему, вспомнил, как печальна была Ксения на берегу, как покорна. И тогда он закричал не в силах сдержать той тоски, что вдруг проникла в самое сердце. Он будто обезумел, хватался сослепу за всех, кто был подле него в челне, приказывая повернуть лодку обратно к берегу, забрать ее, невзирая на ее сопротивление, не обращая внимания на его протесты. Но впервые в жизни пахолики верные ослушались его, а Ежи склонился к нему и прошептал в самое ухо:

— На берегу уже огни, то русские вышли. Сгинем же, ежели повернем. А так воротимся за ней, как только здоровье выправишь. Наберем людей поболее да сожжем дотла гнездо это змеиное.

И Владислав смирился, понимая умом, что предложение Ежи самое верное, что могло бы быть принято ныне. Но сердце все равно ныло тревожно. И дико хотелось плакать от своей немочи.

А потом, когда маленький отряд уже почти достиг границ земли московской, когда уже вот-вот покажутся леса да дымы польские, настиг их неожиданно сотник Северского, будто с небес свалившись прямо на их головы. Он вышел к их костру, что они разожгли для обогрева в эту холодную ночь, держал руки ладонями вверх, показывая, что не желает им зла.

— С миром я пришел, ляхи. С миром, — громко сказал Владомир и бросил свое оружие в круг света, видя, как повскакивали на ноги усталые, вымотанные дорогой поляки, чувствуя, как уперлось в спину острое лезвие ножа сторожевого, что наблюдал за ним в темноте до того. Его одежда была запачкана кровью, но судя по тому, что на теле сотника не было

замечено ни единой раны, кровь то была вовсе не его.

— Хотел бы перебить, давно сделал бы то, — проговорил он и знаком показал, что сесть хочет у костра. Владислав, лежащий на земле на еловых ветках, кивнул тому, и Владомир опустил медленно подле него на землю. — Послал меня с людьми Северский перерезать вас, как котят, не дать уйти. Только негоден мне тот приказ. Да и вышло его время владеть мною. Я к тебе с делом пришел, лях. Одного с тобой ныне желаем — смерти Северского.

— Что же ты, сотник, неужто предашь хозяина своего? — усмехнулся Владислав, стараясь не выдать русскому боли, что терзала его тело, своей слабости. — А как же клятва твоя холопская?

— Кончилась моя клятва, — глухо ответил ему Владомир. — Что ты меня пытаешь? Не поп, чай, чтоб тебе душу выворачивать! Есть причины, чтобы с тобой на стговор идти, и мои то причины. А коли не хочешь подмоги, то пойду я. Без тебя справлюсь, лях. Ты же меня — нет. Тебе ой как человек нужен в вотчине свой!

— Что ты хочешь за пособничество свое? — спросил Владислав после недолгий раздумий, не обращая внимания на предостерегающий знак Ежи, что присел на корточки рядом с ними, нюхая остатки табака, которые нашел на дне торбы.

— Пять гривен {5}серебра, — ответил Владомир, делая вид, что не заметил, как крякнул при этом Ежи, услышав сумму, озвученную сотником. — Пять гривен. Достойная цена для того, что месть свою свершить. Достойная цена за жизнь любезной. Или нет, лях?

— Я не меряю ее жизнь, сотник, — проговорил Владислав. — Но будет тебе серебро твое, слово даю тебе шляхетское.

Условились, что сотник будет держать связь с Заславским, и тот, как только будет готов к походу на вотчину Северского, даст знак. А еще Владиславу было необходимо знать последние вести из усадьбы для того, чтобы спокойно вытерпеть ту разлуку, что будто пропасть разделила их с Ксеньей. Он отдал свой пояс, который когда-то вышила ему мать, в знак того, что сотник выполнил указ Северского, с трудом отпустил Владомира наутро прочь. Ему показалось ныне, что он последнюю нить выпускает из рук, что связывает его с Москвией и той усадьбой на берегу широкой реки, где осталось его сердце.

Сотник не обманул его — каждый десяток седмиц уходил тайком в землю русскую человек от Владислава, чтобы после принести весточку из усадьбы Северского. Более всего на свете боялся Владислав получить известие о тягости Ксении, что могла по неосторожности выдать ее измену мужу. Но пуще он боялся услышать, что супруги смогли примириться и забыть о тех разногласиях, что разделяли их ранее, что Ксения могла принять мужа не только как господина, но и как любимого. Как тогда он пойдет в земли Северского? Сможет ли убить его тогда? Голова твердила, что сможет и сделает это с радостью, а сердце возражало, что это причинит боль ей, его кохане. Разве не говорил он сам когда-то: «Я понял, что никогда не смогу причинить боль тебе, что сделаю все, чтобы никто другой не причинил тебе вреда»?

Но приходил в Заславский замок человек Владислава и приносил ему слова Владомира, что тоскует боярыня сильно, что перестала покидать терем в печали своей, даже на праздники не выходила, и нет лада меж супругами. И сердце отпускало. Но только днем, когда на небе царил солнце. Когда же оно чернело и наполнялось сотнями звезд, на Владислава наваливалась горечь, от которой хотелось крушить все в комнате, коли смог бы он. Ведь именно ночи принадлежали любовникам, именно ночами жена должна покоряться

мужу без единого слова против.

В первые месяцы Владислав оттого долго не мог заснуть, провалиться в глубокий сон, где мысли о том, что может происходить в этот миг в вотчине Северского, оставляли его. Разлуку еще можно было пережить, но как пережить разлуку, когда знаешь, что она, та, что должна быть только твоей, принадлежит другому?

За все это время, что Владислав провел в замке в ожидании выздоровления, его душу захватывали самые противоречивые чувства: от злости на Ксению за обман ее тогда, на берегу Щури, и ненависти, что смогла так легко отказаться от него до тягостной тоски и отчаянья из-за собственного бессилия. Последние только множились с каждым днем, что проходил с того летнего туманного утра, с каждым поджатием губ старого жида, которого пригласил к сыну Заславский, видя беспомощность польских врачей. Те говорили, что Владиславу уже никогда не подняться на ноги, что отныне тот будет калекой, благо что хоть рука срастется без особых трудов.

А вот жид сумел поставить его на ноги своими порошками и компрессами, сумел вернуть ему надежду, которую Владислав уж потерял совсем. Только осознание того, что он должен вернуться любой ценой в вотчину Северского и забрать то, что так жестоко вырвали из его рук, поддерживало в нем интерес к жизни. Только это позволило ему не сойти с ума, когда в конце осени вдруг выяснилось, что правая нога срастается неправильно, и ее надо снова ломать, чтобы избежать укорачивания. Очередная отсрочка от похода в русские земли...

Зато отец Владислава был счастлив этим отсрочкам, судя по его довольному виду. Он часто приходил, опираясь на трость, в спальню Владислава, пока тот был слаб и не мог даже сидеть в кресле, сидел подле него, заводя беседы о замке или землях, о хлопах и об урожаях, об охоте и соколах, что так любил Владек, отвлекая того от тяжелых мыслей.

Стефан не одобрял увлеченности сына московиткой, но даже бровью не повел, когда Владек открылся ему как-то осенним промозглым вечером, когда в очередной раз накатила тоска, что хоть волком вой. Только заметил, что русская, пусть даже знатного рода, вовсе не пара польскому шляхтичу, особенно наследнику такого герба.

— У тебя уже есть наследник, то Юзеф. Я же волен поступать, как пожелаю, — отрезал сурово Владек, но Стефан не обратил на это возражение никакого внимания.

— Юзеф слаб и безволен. Насмешка судьбы надо мной. Ты должен был быть первее. А что до твоих желаний, то не будь так смел: ты все же наследуешь род, коли у Юзефа сын не родится. А судя по последним годам, дожидаться мне внука уже не суждено. Ничего тот толком сделать не может, даже сына. Баба, и баб родит! — Стефан вздохнул, а потом задумчиво проговорил. — Вся горячность твоя от нее, от Элены моей. Как и лицо твое. Будто в ее глаза смотрю ныне... А что до московитки, то не зря судьба тебя развела с ней. Взять в дом жену от живого мужа бери, но только не под венец веди! Схизматичка, московитка! Не партия она для Заславских!

— Для Заславских может и не партия, а для меня... — но Владек не стал договаривать, видя, что отец не сможет понять его, хоть сам и привел в дом жену-протестантку. *Aliena vitia in oculis habemus, a tergo nostra sunt* {6}. Но на это отец возразил бы, что мать была из одного народа, на одном языке говорили да только вот согласия так и не нашли. Потому прекратил этот разговор, заявив, однако, что как только на ноги встанет, на Московию пойдет. Отец промолчал в ответ, только головой покачал, понимая, что спорить бесполезно.

Но Владислав был все же благодарен отцу и за лекаря, которого ввел в замок, несмотря

на шепотки в свите своей, и за поддержку его в это тяжелое для него время. Именно Стефан настоял, чтобы сына выносили в кресле в большой зал замка. Именно там Заславский, как подкоморий {7}воеводства, суд вершил, споры разрешал, где принимал не только шляхту земельную, путных бояр {8}и шляхту со своих земель, но и хлопов своих, что защиты и суда у него просили, как у хозяина, и войтов, что ответ за ведение хозяйств держали перед ним. Постепенно и сам Владислав увлекся делами — они отвлекали его от дум тягостных, потому он даже ждал судебных дней, ждал, когда большой зал наполнится людьми с их трудностями и неразрешимыми подчас спорами. А вскоре он не только слушал, но и с молчаливого одобрения отца стал искать решения судебных тяжб, давая советы Стефану в том или ином деле. Юзеф даже неудачно пошутил как-то, что возьмет брата к себе советником, когда во главе магнатства встанет.

— Ну, дел у тебя тогда поубавится, — возразил отец ему, заставляя того оборвать свой едкий смех. — Не забывай, Юзеф, подкоморий — должность выборная. Сама шляхта решает, кого ставит на этот пост. И дело тут не только во власти и богатстве.

— Дурень, Юзеф, дурень, — качал головой Стефан, когда они выезжали с Владиславом на соколиную охоту по крепкому снегу. — Не таков он уродился, чтобы магнатство в свои руки принять. Слаб он и телом, и духом, даже жену свою, шлюху, не может к рукам прибрать, — Владислав удивился, услышав подобные речи от отца. Он-то думал, что тот не в курсе редких связей Патрыси со шляхтичами из свиты отцовой. Хотя может ли что-то оставаться тайной в его землях для магната Заславского. — Да-да, не смотри на меня так косо! Ведаю я про то, что в замке творится. Я оттого и отослал внучек в монастырскую школу в Краков, подальше от такой матери. Я ее, бесово отродье, палками бью, а она снова в постель лезет чужую. Но я так ей сказал, коли принесет в подоле от кого, убью сразу, даже не подумаю о родстве нашем. Двинские мне даже слова поперек за то не скажут, знают ведь, какую девку нам подсунули когда-то. Но будет о Патрысе, не хочу о ней разговор вести, когда так благостно на душе.

Стефан поднял лицо вверх, подставляя под теплые лучи зимнего солнца, что разливались ныне блеском по белой глади снежных полей.

— Благостно-то как, Владек! Глянь, какая красота вокруг! Даже взглядом не окинуть земель наших! Не приведи Бог, потеряет Юзеф хоть пядь из них! — а потом оглянувшись обеспокоенно на Владислава, бледного, как снег под копытами валаха {9}его. — Болит нога-то? Отчего поехал тогда на охоту?

— А ты? Сам едва в седле сидишь, а вон куда забрались, — проговорил Владек, глядя по голове через плотную кожу колпачка вдруг заволновавшегося сокола. — Мне не сидится в замке. Будто в каморе я. Вот как Мажанну {10}сожжем, пойду на площадку слабость свою гнать. Жид говорит, что можно будет уже.

— А потом на Московию пойдешь? — прищутив глаза (вернее, единственный глаз, над которым еще имел власть Стефан), спросил отец. — *Prius quam incipias, consulto opus est* {11}.

— Я уже все решил! Как получу весть, что пора идти, сразу же уеду, — отрезал Владислав, а потом вдруг сорвал с головы сокола колпачок да подбросил вверх, отпуская того в голубую вышину неба. Пусть хоть птица насладится полетом, раз он сам прикован пока к земле!

Но знака от Владомира, что настало время выступать, все не было. Уже прошла Пасха, начались посевные работы в полях, а Владислав все ждал момента, когда можно будет вывести свою хоругвь на земли Северского, когда сможет он отомстить за убиенных и

забрать навсегда то, что принадлежало ему. Пусть по праву брачному Ксения была отдана Северскому, но сама судьба отдала ее в руки Владиславу. Его была она, и только его!

— Подожди, моя кохана, подожди, — шептал Владислав, останавливая разгоряченного скачкой коня на холме, с которого открывался великолепный вид на окрестные земли. И пусть с него не было видно Московию, но зато был виден край земли, за которым ждала его возвращения его любимая, его душа.

А потом сразу после Майского дня вдруг снова вернулся тот страшный сон, что когда-то будто душу из него вынул. Темная вода... распущенные светлые волосы, развевающиеся при каждом колыхании легких волн... широко распахнутые голубые глаза, уставившиеся в пустоту... бледное лицо утопленницы. Лицо Ксении...

Владислав проснулся весь в поту, с бешено колотящимся сердцем в груди, и каждый стук его отдавался в голове только одним словом: «Торопись! Торопись! Торопись!». И он не стал дожидаться знака от Владомира, перепуганный этим страшным сном. Пусть сотник Северского выполняет свою часть уговора, невзирая ни какие отговорки! Пришло время, окреп Владислав достаточно для похода. Крепко держит саблю в руке, довольно в нем сил, чтобы показать свою ярость.

Уехал Владислав из замка Заславского, несмотря на уговоры отца задержаться еще на время, поднабраться более сил.

— Только-только с одра поднялся, а куда-то гонит тебя нелегкая, — Стефан замолчал, видя по глазам сына, что не сумеет переубедить того, потому и перекрестил его, благословляя на дорогу и тяготы, что будут впереди у того. — Пусть все худое мимо пройдет тебя, пусть Святая Мария защитит тебя.

А потом поднял сына с колен, прижал к себе, стараясь скрыть слезы, что навернулись на глаза. Ибо в груди уже давно жило стойкое чувство, что не увидит он боле Владека своего, не суждено будет.

— Ты, сыне, как дела свои справишь, возвращайся, не иди к Смоленску. Не война Заславских идет в Московии ныне {12}, Сигизмундова она. Ты свою клятву ему не обновлял, а я уже выставил в войско его хоругвь и драбов {13} сотню дал. Возвращайся, сыне...

Владислав до сих пор помнил выражение глаз отца, когда оглянулся на того, выезжая из ворот замка. Такая печаль в них плескалась, что сжималось сердце, и плакать хотелось отчего-то. «Возвращайся», — молил в каждом письме отец, который уже знал, что Владислав застал пустой терем в усадьбе Северского, что убил врага своего смертью мучительной.

Но как мог вернуться Владек, когда нет ему покоя нигде на этом свете отныне, когда так и гонит его куда-то черная тоска и тупая душевная боль? И ничем не стереть их, ничем не уничтожить — ни вином, ни ласками других девок (от них, кстати, еще горше становилось), ни пылом боя. Он лез в самое пекло, надеясь, что эта старуха черная, что жизни забирает, найдет его. Но та неизменно обходила его стороной, собирая свои плоды рядом с ним, но его жизнь так и не обрезая своей острой косой.

Как жить ныне, когда ярость и первое обжигающее разум горе ушли, оставляя в душе выжженное пепелище, как то, что оставил Владислав на месте усадьбы Северского? Как творить повседневные дела изо дня в день, когда ее глаза боле не видят света, а сердце не бьется?

«... Я люблю тебя, Владек... Всей сердцем и душой...»

Только, когда одна из сенных девок, что пахолики вытащили из церкви, где

перепуганные холопы искали спасения от сабель польских, рассказала, запинаясь на каждом слове, про то, что творилось в вотчине боярской со дня побега Заславского, только тогда Владислав понял, как обвел его вокруг пальца Владомир. Всем отомстил тот, всем, кто виновен в смерти Марфуты: Северский принял смерть, Ксения тоже ушла из этого мира, а Владиславу достались муки сотника, когда лишился тот жены. Ведь приди хоругвь хотя бы на месяц ранее, тогда, когда он впервые отправил Владомиру весть, что достаточно окреп для похода... Отчего послушался русского? Отчего не обратил внимания на тревогу сердечную, что тянула его настойчиво сюда, в эти земли?

«... Ты знал, лях, что она была тяжела? Ждала, что ты придешь за ней. Боролась со мной, как дикая кошка, за этого пащенка. Но за мной сила и правда, лях. Я лично выдавил этого ублюдка из ее утробы...», — раз за разом возникал в голове в редкие ночные часы без сна голос Северского, а потом снова те тихие слова, сказанные тем самым утром:

«... Ведь у нас родится сын. Мальчик с твоими дивными глазами цвета неба.

— И твоими волосами цвета... цвета... вороньего крыла...»

Владислав с шумом вздохнул, чувствуя, как в очередной раз в сердце кольнула острая игла. Как забыть это? Как стереть из памяти? Он так отчаянно хотел этого и в то же время боялся этого, стараясь не позабыть ее глаза, ее улыбку, ее облик. Светлое одухотворенное выражение лица, когда она молилась, повернувшись к краю земли, откуда встает солнце по утрам. Ее звонкий смех, когда она смеялась его шуткам. Ее ласки и поцелуи, робкие, легкие, мимолетные...

Теперь он жалел, что поддался тогда порыву и спалил ту полоску шелка, что когда-то Ксения вложила в его ладонь. Ведь ныне у него не было ничего, что напоминало бы ему о ней, что было бы свидетелем того, что это был не сон. Такой дивный сон, закончившийся кошмаром, коего и врагу не пожелаешь!

Позади, за спиной Владислава раздался тихий шорох. Он резко обернулся, сжимая рукоять сабли, готовый тут же достать ее из ножен на поясе, и заметил пана Милошевского, что подходил к нему со стороны лагеря. Тот шутливо поднял руки вверх.

— Рах {14}, пане, то я, пан Славек.

Владислав окинул взглядом его фигуру и заметил, что тот снова надел кирасу поверх жупана. А ведь когда Владек уходил из лагеря, Милошевский уже сидел у костра, распахнув жупан от духоты вечерней. Он пил русское вино хлебное и отпускал скабрзные шутки, от которых так и покатывались сидящие у костра пахолики их хоругвей.

— Дозорные русских заприметили окрест? — спросил Владислав, срывая травинку и покусывая ее, наслаждаясь кислинкой, что тут же заполнила рот. — Или пан на войну какую собрался?

— Мы, пане, тут все на эту войну собрались. Тебя пришел спросить, пойдешь ли с нами? — ответил Милошевский, а после пояснил. — Дозорные в лагерь хлопа привели. Из того дыма, по которому прошлись нынче днем. Он-то в лесу успел скрыться. Так вот, говорит он, что тут в лесу стоит монастырь. Рассадник курочек.

— Каков хлоп! Своих же и выдает! — усмехнулся Владислав. — А что за монастырь в лесу глухом? Ведь только лес кругом. Разве бывает то?

— У московитов все бывает, — хохотнул Милошевский. — Скит, что ли, зовется у них. Вдали от всех молятся монашки их. Ну, и монахи, конечно. А выдал их наш дружочек оттого, что просились к ним укрыться хлопы, да местная аббатиса не пустила их. Вот как! Око за око, как гласит Библия. Ну, так что решил — с нами пойдешь или останешься в лагере? Твои

люди не прочь бы женское тело помять.

— *Nemo liber est, qui corpori servit* {15}, - тихо проговорил Владислав, а после кивнул Милошевскому. — Пойду с тобой. Поглядим, что за монастырь там такой.

В лагере уже спешно собирались, седлали лошадей, проверяли оружие. Пахолики Владислава поймали легкий кивок своего шляхтича и присоединились к общим сборам. Нельзя было сказать, что их так уже манила возможность повалять монашек, скорее, их интересовало то добро, что можно было найти в подобных местах. Ведь что-то, а свои храмы московиты старались обогатить и золотом, и камнями, украшая их для полного великолепия.

Наконец, наскоро забросав землей костер, всадники направились вслед за испуганно трясущимся хлопом в разорванной рубахе через лес, аккуратно пробираясь через густые ветви и объезжая заросли.

— Куда нас опять понес черт? — недовольно буркнул Ежи, ехавший недалеко от Владислава, когда в который раз ему хлестнула по лицу ветвь, едва не сбив на землю шапку с головы. — Что нам там надобно? Опять кровь лить? Опять баб гонять? Не притомилася душа-то?

— Нет у меня души боле, смерзла, — отрезал холодно Владислав. — Но едем мы не за кровью и не за бабами (хотя кому что). Сам не знаю, зачем едем, понятно?

Он сам никогда не признается никому, что устал от крови и слез людских, что битва с воинами для него во сто крат лучше, чем баб гонять перепуганных по деревням. И кто знает, что потянуло его сюда? Быть может, наоборот желание сдержать Милошевского от зверств его привычных, от которых стонет земля русская?

За своими думами Владислав даже не заметил, как приблизился отряд к темной громадине деревянного частокола, что окружал несколько деревянных построек, самой высокой из которой была церковь, крест на крыше которой так отчетливо ныне виднелся на фоне летнего ночного неба. Монастырь располагался в самой чаще лесной, сюда даже не вела никакая дорога. Только узкая тропинка, которую сами поляки ни в жизнь бы не обнаружили.

— Ну, начнем! — задорно хохотнул Милошевский и направил коня прямо к запертым воротам монастыря, достал саблю и громко стукнул рукоятью о толстые створки.

Сначала никто не отозвался на этот стук. Все так же доносилось откуда-то из-за этого тына едва слышное мерное пение, да где-то хрустнула ветка в глубине леса. Потом вдруг заскрежетало, закрипело, отворяясь, оконце в воротах. Оно было столь мало, что ни поляки, ни тот, кто стоял позади ворот, не могли разглядеть в него ровным толком ничего.

— Кто здесь, Господи помилуй? — окликнул недовольный женский голос. Милошевский толкнул в спину острием сабли хлопа, что привел их к этим стенам. Тот поспешил отозваться.

— Аминь, сестра. То я, Митяй Косолапый из Тырцева займища. Меня батя прислал поведать вам, что ляхи в округе ходят.

— Ну, так что нам ляхи? Как они найдут-то нас? Да и знаем мы про то. Прошлого дня бабы ваши прибегали, за стены к нам просились. У страха, видать, глаза велики. И чего бежали-то? Мимо ляхи прошли-то?

— Прошли, сестра, прошли. На стольный град поскакали, — поспешил заверить холоп, и монахиня стала затворять оконце. Милошевский еще сильнее ткнул саблей в спину холопа, отчего у того на рубахе стала проступать кровь.

— Постой, сестра, у нас кумоха что-то на двор вошла. Помогите, сестры. Прошлой

години приходила же сестра Илария, излечила Параскеву нашу от кашля. Помогите, сестры. Или ты, сестра, позови сестру Иларию, а я бы сам у нее выведал, что к чему-то. Тут вам батя передает овса гривну за труды ваши.

— Сестра Илария держит обет молчания, не могу позвать ее, — буркнула монахиня, но уже раздумывала над подношением. Гривна овса нелишняя совсем в эти години лихие. Прощлое лето не такое урожайное было, да и это не радует днями дождливыми, кто знает, быть может, эта гривна совсем не лишней будет в зимнюю пору.

Женщина заколебалась, стоит ли ей идти до игуменьи и сообщить о том, что за воротами холоп с просьбой стоит. Но сейчас служба идет, и та будет весьма недовольна, что ее оторвали от нее. А оставит холопа за воротами... Тут секач давеча днем пробегал за тыном, подкопав немного у северной стены. Не приведи Господь, задерет холопа да овес пожрет!

Зашумел засов в пазе, тяжело выезжая из кованых скоб, а потом стала отворяться одна из створок ворот медленно.

— Ляхи! Сестра, ляхи ту...! — закричал во весь голос вдруг холоп, и Милошевский тут же вонзил в него острое до упора, обрывая этот громкий крик. Монахиня уже успела разглядеть неясные тени всадников в щель, что образовалась при открытии, ахнула перепугано, навалилась на створку, чтобы захлопнуть ту. Но с другой стороны уже давили на ворота ляхи своими телами, распахнули створку, сбивая женщину на землю. Она даже не успела вскрикнуть, как ее душа отлетела от тела, выпущенная в небеса чьей-то тяжелой рукой. Замелькали по двору монастыря мужские фигуры, вламываясь в низкие срубы, распахивая двери.

— Ну, пойдем что ли, — взглянул Ежи хмуро на Владислава, что по-прежнему стоял у ворот, удерживая на месте волнующегося от криков, доносящихся с той стороны тына, коня. Шляхтич подал знак, и уже его хоругвь с гиканьем ворвалась во двор монастыря, влилась в мельтешение тел, что творилось ныне тут.

— Сердце болит, — вдруг признался Владислав Ежи и под недоуменным взглядом того направил коня на двор монастыря, ощущая звон в ушах от этих диких криков и визга, от гогота мужского.

Домой! Он поедет домой. С завтрава же. Хватит лить кровь да слезы бабские. Все единс не вырасти на пепелище траве зеленой да цветам полевым, чем ни поливай его.

Он поедет домой, в Заславский замок, куда так настойчиво уговаривает его вернуться отец в своих грамотах. Вернется в родную землю, и быть может, когда-нибудь, сможет без боли в сердце встречать взглядом чужие голубые глаза и светлые волосы, когда-нибудь перестанет искать ее лицо в других. А по пути он обязательно завернет в разоренную им вотчину, спустится к реке, что отняла у него его кохану и проведет там всю ночь до утра в надежде, что Ксении, уже русале, а не земной женщине, позволят выйти на берег...

Всего один бы только раз увидеть ее, дотронуться до нее, коснуться ее губ, с тоской подумал Владислав. Всего лишь раз. Даже душу свою не жаль отдать за то...

1. Артрит
2. Апрель
3. Май
4. Жилье, хозяйство
5. Гривна (позднее фунт) равна 0,41 кг. по настоящей метрической системе

6. Чужие грехи у нас на глазах, а свои за спиной (лат.)

7. В воеводствах, землях и поветах выборный шляхтич, рассматривавший межевые споры между землевладельцами

8. Мелкие землевладельцы, которые не получили прав и привилегий шляхты, но оставались лично свободными

9. Холощенный конь

10. Соломенная кукла, символизирующая зиму. Обряд проводился обычно в четвертое воскресенье Великого Поста

11. Прежде чем начать, обдумай (лат.)

12. В сентябре 1609 года король Речи Посполитой Сигизмунд перешел границы Московского государства и осадил Смоленск, официально развязав русско-польскую войну.

13. Пешие солдаты

14. Мир (лат.)

15. Тот невольник, кто раб своего тела (лат.)

Ольга в очередной раз глянула на солнечный луч, что медленно полз по грубому деревянному полу ее кельи, которую она делила с двумя белицами. Когда тот совсем исчезнет с досок, указывая, что солнце наконец скрылось за краем земли, только тогда она сможет подняться с колен, прекращая читать по памяти жития святых. Она столько раз их читала вслух за игуменьей Полактией, что сначала сама следила за тем, как несет свое наказание новенькая, что каждое слово отпечаталось глубоко в памяти. А наказаний у нее с тех пор, как она попала в этот удаленный от людей монастырь, было уже немало.

Ольгу привезли сюда по последнему снегу, она еще помнила, как ей пришлось помогать вознице выталкивать колымагу из ям и жижи, во что неизменно превращались дороги по весне на Руси, и даже гати не улучшали пути. Любой здравомыслящий человек оставался в это время у себя на дворе, и только нужда могла заставить его тронуться в путь. Именно она и привела Ольгу в этот монастырь, где властвовала Полактия, словно царица в своем маленьком царстве.

Игуменья уже знала о приезде Ольги, встретила ее у самых ворот, запретив вознице даже носа показать на монастырский двор. «Негоже мужеску полу сюда ступать! Дело свое сделал, обратно воротайся!», — велела она, делая знак двум монахиням, что стояли подле нее, забрать вклад, что делали за Ольгу монастырю. Саму же женщину она поманила за собой, сжимая в руке грамоту, что передал ей возница. Ольга не знала, кто ее писал, но по сдвинутым недовольно бровям игуменьи поняла, что содержание письма той не пришлось по душе.

— Знать, блудница ты! — прошипела Полактия и бросила на женщину перед ней испепеляющий взгляд. — А ну, очи свои бесстыжие в пол опусти, когда игуменья пред тобой. И не смей мне впредь их поднимать!

Она заложила руки за спину, по-прежнему сжимая в руке грамоту, а потом через проходящую мимо белицу, что шла из небольшого хлева на заднем дворе, позвала к себе священноинока {1}, что служил в монастыре. Тот пришел спустя время, тяжело переступая ногами, что не слушались его совсем, опухали под вечер от водного труда {2}, несмотря на все хлопоты над ними сестры Иларии, искусной больничной {3} монастырской. Опустился на ступени низкого крыльца сруба из толстых сосновых бревен, где располагались кельи сестер и послушниц, чувствуя, что ноги уже совсем не держат его.

— Звала, матушка Полактия? — устало спросил отец Сергей, аккуратно расправляя одежды на больных коленях, что согнул с трудом.

— Звала, отче. К нам тут новую белицу привезли нынче, — игуменья помолчала немного, наблюдая, как священник осматривает с легким любопытством новоприбывшую.

— Род прислал али муж? — спросил потом инок, прикидывая возраст стоявшей перед ним женщины, опираясь подбородком о верх палки, с помощью которой только и передвигался в последнее время.

— Род, отче. Вдовица она. Овдовела две години назад. Осталась в семье мужа на содержании. А потом, видать, тяжело стало держать ее. Семья мужа отослала ее в род, а те сюда, к нам, грехи замаливать перед Господом да за родичей своих молить.

— Вот и я говорю, что негоже вдовам в миру ходить, — покачал головой отец Сергей. — Много бесовских соблазнов вдовиц стережет в миру. Надо им сразу же после

погребения уходить в обитель, а не в миру глазами бесстыжими, телом своих, сосудом греха, сбивать мужей верных с пути истинного. Верно я говорю, жена?

Ольга промолчала, не поднимая глаз от подола своего сарафана. Она отчетливо помнила, как уезжала без провожатых из вотчины, как возница кидал ей кусок зачерствевшего хлеба на каждом привале, не желая вести с ней разговоров лишний раз. Ведь для своего рода она уже была, как отрезанный ломоть. Закончилась ее мирская жизнь. Никогда ей более не надеть расшитых золотыми нитями сарафанов и душегрей, никогда не облачиться в длинные нити жемчужные да серег не повесить в уши. Не будет более смеха и радостей. Отныне ей суждено носить только черные одежды да темный плат послушницы.

Ее облачили в них в тот же вечер перед вечерней службой. Навсегда осталась на полу белая шелковая рубаша — последний знак о том, что когда-то Ольга была боярыней. Теперь ей суждено носить эти неприятные нежной коже одежды из грубого плохо окрашенного холста. А потом матушка Полактія уже повязывала ей плат черный, чтобы навсегда скрыть от чужих глаз ее волосы, прежде уложенные в корону из кос на голове. Плат все не желал ложиться поверх этих толстых кос, выходило криво и косо, не держал длинные волосы, что ни разу не постригались с самого рождения Ольги. И тогда игуменья, поняв, что другого пути нет, да и все едино этой осенью то произойдет, попросила принести ей ножницы, которыми пользовались при постриге в монашество. Отрезала она Ольге ее длинные косы, отнимая волосы аж по плечи.

С гулким стуком упали на деревянный пол отрезанные волосы, и Ольга не смогла сдержать слез при виде ее красоты, что лежала ныне у самых ее ног. Вот и конец ее прежней жизни! Не быть ей вскоре Ольгой. В следующей године, во время Великого поста, приведут ее сюда снова в одной власянице с непокрытой головой, и должна она будет, смиренно преклонив голову перед отцом Сергием, протянуть ему эти самые ножницы, чтобы отрезали ей остатки красоты ее. И будет с того дня носить Ольга совсем другое имя, отречется от своего прежнего, как отринет она жизнь свою мирскую.

Права матушка Полактія — блудница и грешница Ольга. Не отмолить ей грехов своих, не забыть того прошлого, что так часто приходит из той жизни, оставшейся навсегда за деревянным тыном. Ведь ее тело по ночам иногда вспоминало ласку крепких мужских рук, а губы горели огнем от желания, чтобы их коснулись другие губы. Иногда приходили сны по ночам, бесовские сны, от которых Ольга просыпалась в поту и бешено колотящимся сердцем, слезала со своей кровати и, опустившись на холодный пол, чувствуя коленями каждую неровность досок, неустанно молилась, кладя поклоны, пока первый солнечный луч не скользил по келье через щель в ставнях в маленьком оконце.

Грешница она, раз до сих пор принять не может доли своей. Разве не знает Ольга, что такова судьба вдовиц? Ежели семья мужа не желает держать ее в доме, а свои родичи тоже не берут на житие, то прямая дорога таким несчастным в обитель, постриг принимать. Но только как принять то, что нет более одежд красивых да лакомств сладких, что отныне ее жизнь будет так однообразна.

Только молитвы и труд — вот основа ее бытия отныне. Некогда нежные мягкие руки загрубели от огородничества, белая кожа покрылась загаром за это лето. Ольга помнит отчетливо, как ломило все тело в непривычки в первые седмицы от тяжелого труда. Монастырь был невелик — иеромонах отец Сергей, матушка Палактія, выполняющая функции не только игуменьи, но и казначея, и эконома монастырского, десятков монахинь и не более пяти белиц, не считая Ольги. Вот и приходилось работать с утра до вечера,

подменяя друг друга.

Грешница Ольга, раз так интересуется ее краса собственная. Долго плакала она по отрезанным косам своим, долго жалела об огрубевшей и потемневшей коже своей. Да что там говорить — до сих пор примириться не могла со своим новым видом. Вон давеча поймала ее матушка Полактія у ручья, куда Ольгу отправили воды набрать для огорода, с которого питался монастырь. Задержалась Ольга у воды холодной и прозрачной, засмотрелась на свое отражение, пытаясь воскресить в памяти хотя бы одно полное воспоминание, кроме отрочества своего и первых лет супружества. Отчего она так плохо помнит жизнь свою? Урывками приходят воспоминания, какими-то картинками.

Помнит гроб в церкви, закрытый крышкой, с соболиной шубой, брошенной поверх. Она знает, что там внутри человек, которого она любит, которого ждала с битвы с ляхами проклятыми, но тот так и не вернулся с нее живым. Помнит плач и вой бабский, когда выносили его из терема.

И поле с полевыми цветами помнит. Как лежала на груди мужской, слушала стук сердца через ткань рубахи. Как замирала от счастья, вдыхая запах кожи, виднеющейся в распахнутом вороте и как до дрожи в пальцах хотелось коснуться этой кожи.

Но отчего-то имя мужа она вспомнить не может. Да и лица с другими именами постирались из памяти, и та стала, словно поле в начале весны — то белое, то без снега, с проталиной. Отчего так?

Ольга вспомнила, как нечаянно заговорила об этом с Катериной, молоденькой белицей, что была отдана в монастырь своей семьей еще год назад, едва ей минуло пятнадцать. У нее долго болел единственный брат, и тогда отец дал зарок, что ежели сын встанет на ноги, отдаст Катерину в Христовы невесты. Так и сошлось — привезли ее сюда силой, так и ждала она пострига своего. Она и сестра Илария жили в одной келье с Ольгой. Иногда Катерина по молодости долго не могла заснуть, лежа на грубо склоченной лавке и представляя, как где-то там водят хороводы ее ровесницы, как это бывало обычно в эту летнюю пору.

— Эх, как мы пели с сестрицей Купалу! Как нос водили отрокам, обещая позволить ланит губами коснуться! Разве ж думала я, что эту Купалу в плате белицы встречать буду? А ты, Ольга? Водила ли ты хоровод на Купалу, когда еще в девках ходила? Може, там и мужа своего встретила, а? Расскажи, — просила шепотом Катерина, не обращая внимания на Иларию, что стояла на коленях и молилась, кладя поклоны.

— Я не помню... — растерянно говорила Ольга, пытаясь хоть что-то выудить на этот счет в пустой памяти. Катерина взглянула на нее с любопытством.

— Видать, тоже не по своей воле сюда шла. Меня так тятенька бил, что думала, концы отдам. За слезы мои бил, за нежелание воле родительской подчиниться. И тебя, знать, тоже приложили. Вот и отшибли память-то, я слыхала о таком, — Катерина замолкла, а потом всхлипнула. — Вот и пришлось тебе, как и мне, плат на голову надеть. Неужто и закончилась наша жизнь с тобой? Неужто годы долгие тут будем черницами {4}ходить?

Катерина падала в солому, что служила им вместо перины, и, утыкаясь лицом в холстину, бывшую им простыней, горько плакала. Илария всякий раз при этом качала головой и принималась Господа просить даровать рабе Божьей Катерине смирения воли да покорности перед долей, что избрана была для нее.

Ольга же только вздыхала тихонько, отворачиваясь к стенке сруба лицом. Она не знала, сколько ей доведется провести годин черницей в этих стенах, но точно ведала одно — этих годин будет отмеряно немного. Своими ушами невольно слышала разговор матушки

Полактии и сестры Иларии, прежде чем та обет молчания дала годичный. Она в тот день была поставлена исполнять работу сестры Алексии, что была за пономаря при монастырской церкви, и выметала сор нечистый из храма, когда мимо распахнутых дверей, чтобы пустить внутрь свежего утреннего воздуха, прошли игуменья и монахиня.

— ... душа болит моя за грех этот, — проговорила сестра Илария. — Ведь таим же, матушка.

— А как открыть ей? Она нынче не помнит ничего из жизни своей, знать, так Господь распорядился, даруя ей это благо не разумеет. Бог даст и проживет она долгонько. И меня переживет, кто ведает!

— Но, матушка, в праве ли мы...?

— Пусть не знает! Я так решила. К чему ей, еще не отошед от жизни прежней, не приняв того, что доля принесла, еще и эта забота? Два лета — долгий срок. Глядишь, и переменится все. Главное, не забывай ей настои от сухотной {5}или, как там ее, давать. А там на все воля Его.

— Так ведь травы эти и...

— Илария, к чему мы речи эти ведем? Или ты забылась? Не первый же год черницей ходишь, где послушание твое? Я же сказала тебе, что... — говорящие уже удалились от дверей, и Ольга более ничего не услышала.

Кому-то, кто не знал того, что Ольга ведала, этот разговор ничего не открыл бы. Но ее мир он перевернул с ног на голову в тот же миг. Так вот, отчего ее отослали сюда родичи! Умирать! Ведь это о ней, Ольге, велся разговор между игуменьей и сестрой Иларией. Ведь это у нее была сухотная, от которой она исправно принимала настойки и отвары, что творила для нее больничная сестра, когда собственный запас, что был отпущен Ольге с собой, весь вышел.

Два года. Это так долго, но в то же время так мало. И эти годы она проведет здесь, в этом монастыре, затерянном среди густых лесов, куда летней порой невозможно было отыскать путь. Среди сестер еще было живо воспоминание о том, как ушла из обители белица, отданная сюда против воли, не смирилась с судьбой своей. Да заплутала она в чаще лесной. Несколько седмиц водил ее леший, пока не нашла она свой вечный приют под деревом лесным. Ее тело нашли холопы, что приступили к грибной охоте спустя некоторое время, принесли его в монастырь. Матушка Полактія велела схоронить ослушницу слегка в стороне от остальных усопших и погребенных в монастыре белиц и сестер. Но в то же время крест над ее могилой был самый большой, будто в напоминание, что нет отсюда хода тем, кто в обители не желает оставаться, что кладбище станет последним пристанищем для всех, кто переступил ворота монастырские. Вот и Ольга ляжет там со временем.

Ольга вдруг очнулась от своих невеселых мыслей и обнаружила, что уже давно скрылся солнечный луч с деревянных досок пола кельи. Она подняла глаза и заметила, что за оконцем уже сгустились сумерки. Знать, сильно осерчала матушка Полактія за проступок ее. Не пристало белице красой своей в ручье любоваться, не дело это было совсем.

Пропустила Ольга службу, никто не пришел, не позвал ее, не проверил, где задержалась она. Или это было сделано нарочно, чтобы подольше белица на коленях постояла да воскресила в памяти житие святых, чтобы их благочестие примером стало для нее?

Она не успела подняться с колен, как вдруг за окном тихий мирок монастыря взорвался криками, женским визгом, гоготом мужским и другим шумом, что заставил Ольгу замереть в испуге. Оконце было высоко для ее роста, и даже приподнявшись на цыпочки, она бы не

увидела того, что могло происходить ныне там, на дворе. Потому она только замерла, прислушиваясь, повинуюсь внутреннему голосу, что приказал остаться там, где она стояла, укрываясь в темноте кельи.

Ольга еще немного напряженно вслушивалась в звуки за окном, а потом бухнулась на колени снова, уловив крик на ляхском языке того, кто пробежал прямо под оконцем кельи. Гулко и тревожно ударил колокол церковный, а потом еще раз, и смолк навсегда. Некому уже было давать знака, что беда пришла в обитель — уже каждый узнал ее самолично.

— Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли, — шептала, едва шевеля губами, Ольга, стараясь не слышать тех криков боли и страха, что долетали до нее через оконце. Она не обратила внимания на то, что уже в срубе, где располагались кельи сестринские и белиц, звучала тяжелая поступь, слышался ляхский говор и грубый смех.

— Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим, — где-то в соседней келье что-то с глухим стуком упало на пол. А потом позади самой Ольги что-то тихо прошелестело, но она даже не оглянулась, ждет ли ее какая опасность за спиной. Спустя миг подле Ольги, стоявшей на коленях, опустилась растрепанная Катерина, схватила ее за плечи. Она была без плата, в разорванной одежде, что висела едва на плече, обнажая кожу, белеющую в темноте кельи. Волосы, не удерживаемые платом, были растрепаны, висели свободно вокруг лица.

— Ляхи, Ольга, ляхи в обители! — прошептала она, но Ольга ничего не ответила ей, только продолжила читать молитву, еле слышно:

— Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки.

Катерина отшатнулась от нее, видя, что та даже головы не повернула в ее сторону от стены, за которым был край земли, где солнце вставало всякий раз поутру. Вскочила на ноги и хотела бежать, сама не зная куда. Нигде не было спасения от ляхов, что уже заполонили каждый уголок их обители. Сама едва вывернулась от их рук еще во дворе, когда выбежала из церкви.

Но сердце, бешено колотящее у груди, куда-то гнало ее сейчас прочь, искать другого убежища, одной, раз Ольга в каком-то ступоре на коленях стоит, как и матушка Полактя, что ныне в середине двора на коленях молилась, на фоне занимающихся огнем монастырских построек и насилия, что творилось кругом нее. Но уже в дверях Катерина резко остановилась, столкнувшись с высоким и худым ляхом без шапки, где-то потерянной на дворе, буквально врезавшись в его грудь со всего маху. Тот поднял факел, что держал в руке, и осветил ее лицо. А потом резко ударил в грудь, опрокидывая на пол, крича кому-то за спиной:

— Тут она, курочка молодая! Я ж говорил, сюда пошла!

Катерина поползла прочь от ляха, что уже входил в келью, не отводя взгляда от него и другого, с перепачканным в крови лицом.

— Аминь, — прошептала Ольга. В тот же миг за ее спиной дико заверещала Катерина, которую поймала за лодыжку и тянула к себе мужская рука. На ее руки навалился один из ляхов, одной рукой преодолевая ее сопротивление, в другой по-прежнему удерживая горящий факел, другой уже задира подол платья.

— Ольга! Ольгаааа! — закричала Катерина, чувствуя, как ударило холодом по оголенным ногам, как мужская ладонь больно хватает за бедро.

Лях, что сидел в голове Катерины, даже не понял, что случилось. Только он держал

факел в руке, как тот вдруг скакнул куда-то вверх из его ладони, а после горячий огонь опалил неприкрытую голову. Запахло горелым, и только спустя миг он осознал, что это его волосы горят, подожженные от огня, что он сам и принес в келью. Он закричал дико, отпустил белицу, стал бить себя по голове шапкой, что сорвал с товарища, уже расположившегося на Катерине.

Тот поднял голову, недоумевая, что происходит, и отчего так орет пахолик, так яростно мечется по комнате, и тут же получил сильный удар по лицу, уже самолично закричав в голос от боли, обжегшей лицо.

— Быстро! Сюда! — Ольга ухватила, сама удивляясь, откуда взялись силы и смелость в ее хрупком теле, за руку Катерины и буквально вытащила ее из-под ляха. Отчаянный поступок, но совершенно неразумный, принимая во внимание, что ляхи быстро опомнились, сумели взять себя в руки, а в дверях уже появился еще один, с саблей в руке, готовый к смертоубийству, не насытившийся еще кровью, пущенной во дворе.

Ольга оттолкнула плачущую Катерину себе за спину, и сама отступила в угол кельи, вынуждая делать то же самое девушку позади, понимая, что они обе уже не имеют никаких шансов выйти из кельи живыми. Ляхи злобно скалились, уже начали рассказывать, что ждет ее, Ольгу, за подобный поступок. Ольга же выставила перед собой единственное оружие, что имела — ярко-горящий факел, взмахами отгоняя от себя и Катерины за спиной каждого, кто хотел приблизиться к ним.

Ольга не знала, сколько так держала оборону от нападавших на нее мужчин. Даже не думала об том, только и делала, что следила во все глаза за всеми, кто был в келье, а их прибывало и прибывало, большей частью поглядеть, что творится тут. Она в очередной раз ткнула факелом приблизившегося к ней опасно близко одного из ляхов. Тот тут же отскочил назад под громкий хохот уже изрядной компании, что собралась в дверях кельи и уже заполонила коридор, желая поглядеть на странную монашку и казус товарищей. Раздавались то и дело скабрзные шутки, давались советы, как лучше выбить «оружие» из ее рук.

Ольга вдруг с ужасающей ясностью поняла, что ее давно бы обезоружили, что с ней просто играют на собственную потеху, и она разозлилась. А потом тут же пришло отчаянье от положения, в котором очутились послушницы. Долго она не сможет продержаться — руки вскоре устали от напряжения. Сколько еще она сможет отгонять этих собак от себя и Катерины, скулящей за спиной? Совсем скоро ослабеют ладони, и Ольга выпустит из рук тяжелый факел. Тогда конец!

И тогда она решила вывести из себя этих мужчин, что то и дело рвались к ней, уворачиваясь от жалящего огня, уже выхвативших сабли из ножен на поясе, куда убрали те, гоняясь за беззащитными монахинями. Пусть уж лучше рассвирепеют окончательно от издевательств, от оскорблений, которыми она собиралась их засыпать! Пусть уже лучше рубанут сразу, чтобы дух испустить, чтобы не было более в ней жизни, когда они все же сломят это короткое сопротивление! А Катерина за ее плечами...? Помилуй Господи рабу Твою Катерину!

— А, псы! Бойтесь? Вам бы только с бабами и биться! Скоро погонят вас с Руси, слабаков, что даже с бабой справиться не могут!

Выкрикнула и поразились тому, как стихло все в келье вмиг: перестала скулить тихо Катерина за спиной, замолчали ляхи, застыли пораженные.

— Что это она молвит? — застыл перед Ольгой один из ляхов. — Наша, что ли?

— Откуда? В московитском монастыре? Так далеко от границы? — донеслось из

дверей.

А Ольга и сама замерла, осознавая, что слова она выкрикнула не на своем наречии, а на их языке, с их мягким говором. Откуда, мелькнуло в ее голове, откуда я знаю эти слова? Откуда могу говорить на их наречии?

Она задумалась на миг, но и этого мига было достаточно, чтобы у нее неожиданно вырвали факел, ее единственное оружие ныне, из руки, больно ободрав кожу ладоней при том. Она недавно выхватила этот огонь, воспользовавшись моментом, теперь же сама его лишилась так же, потеряв на мгновение контроль за происходящим, позволив себе отвлечься.

Ольгу схватили сразу несколько рук, куда-то потащили из угла, в котором она так недолго держала оборону. Она кусалась, царапалась, извивалась, пытаясь увернуться, отбиться от этих рук железной хваткой, вцепившихся в нее. Где-то позади нее кричала в голос Катерина, которую тоже тащили прочь мужские руки. Ольгу вдруг бросили с размаху на пол, и она едва не потеряла сознание от боли, что отдалась при ударе в каждой клеточке тела, дошла до самых ушей, гулко застучав в голове. Но все же удержалась при ясной голове, с ужасом думая о том, что сотворят с ней ныне эти ляхи.

— Ненавижу! Ненавижу! — заверещала Ольга, забилась под удерживающими ее на полу руками, сумела выдернуть ногу и ударить ступней со всей силы в грудь одного из ляхов, что уже задирали ее подол. Тот отшатнулся под хохот товарищей.

— Что, Стасек? Не справиться с этой дикой кошкой?

А Стасек уже оправился от удара, снова тянулся к ней, прижал коленом обе ее ноги, сведя их вместе, лишая ее возможности сопротивляться.

Она должна бы тут смириться, начать молить Господа о спасении, как Катерина, что где-то скулила в отдалении, умоляя то ляхов о милосердии, то всех святых о помощи. Но Ольга захлебывалась своей ненавистью к этим изуверам, до последнего билась в их руках. А потом вдруг снова откуда-то пришли слова, заставившие их на мгновение замереть. Слова на ляхском наречии.

— Ненавижу вас, псы ляхские! Чтоб вы передохли, паскуды! Ненавижу!

Но что она могла сделать против стольких мужчин? Ровным счетом, ничего. Уже накинули ей на лицо подол платья, обнажая нижнюю часть живота, и она замерла, чувствуя, как медленно нарастает желание умереть. Впервые за это время она пожалела, что сухотная не убила ее до сих пор, ни разу за это время даже приступа не было.

А потом вдруг подол снова вернулся на место. В лицо ударил яркий свет факела, что был так близко к Ольге, обжигая лицо жаром огня. Она зажмурила веки, опасаясь, что сейчас ей выжгут глаза, иначе зачем этот огонь у лица, сжимая пальцы в кулаки, собираясь с силами, чтобы не закричать, когда огонь коснется нежной кожи. Не доставит она этого удовольствия, псам этим ляхским!

— Пся крев! Чтобы меня черти взяли! — проговорил над Ольгой чей-то голос. Резко похолодело лицо, и она поняла, что факел отвели прочь. Только тогда она решилась открыть глаза, чтобы взглянуть, что творится вокруг и почему хватка, ее так крепко удерживающая на месте, прижимающая к полу кельи, вдруг ослабла. А потом и вовсе ляхи убрали руки с ее тела, отпуская ее на свободу.

— Панна? — к Ольге протянулась широкая ладонь, призывая принять ее подмогу. Она подняла голову и взглянула в карие глаза, глядевшие на нее пристально из-под широких седых бровей. — Пошли до пана борздо {б}! Борздо, кто бы ты ни была!

— Постой, Ежи, то ж не твое! — возразил откуда-то громкий голос, и усатый лях, стоявший над Ольгой резко выпрямился, кидая взгляд на крикнувшего.

— Твое, что ли? Не думаю. Пана Владислава будет девка, к пану и идите моему. Если кто смел будет на то!

Но кричавший уже видел за спиной ляха товарищей того, оглядывающих напряженно собравшихся в келье, положив руки на рукояти сабель, что пока были в ножнах. Усатый же, потеряв интерес к тому, снова склонился к Ольге и приказал, протягивая ладонь.

— Борздо!

Ольга несмело вложила свою ладошку в эту широкую руку. Она бы сейчас пошла к кому угодно, лишь бы уйти из этой кельи, полной разъяренных мужчин. Но потом, когда она поднялась на ноги, бросилось в глаза то бесчинство, что уже творилось тут, недалеко от того места, где она лежала.

— Постой, лях, — тронула Ольга за руку, уже развернувшегося к выходу и тащившего ее за собой усатого поляка. Тот недовольно обернулся к ней, кинул на нее раздраженный взгляд. Но Ольга все же кивнула в ту сторону, где завалили на пол Катерину.

— А она? И ее тоже...

Усатый лях недовольно крикнул, что-то пробурчал себе под нос, из чего Ольга слышала только «заноза» и «не дает покоя». Потом тот пожевал ус и, покачав головой, будто досадуя на себя, крикнул ляхам в келье.

— Славек! Не помните тут девку-то! Повалять поваляйте да не шибко старайтесь. Она пану нужна будет после. Там в огороде еще прячутся две, — при этих словах Ольга едва сдержалась, чтобы не ударить этого усача. Что ж говорит-то он?! А тот уже развернулся и потащил ее за собой прочь из кельи, а потом по узкому коридору, что образовался из-за многочисленных перегородок, которыми в срубе отгораживали кельи. Он с такой силой тянул за собой Ольгу, что та едва не упала, запутавшись в подоле платья белицы, едва не скатилась вниз по ступеням крыльца.

— Подожди, — взмолилась она против воли, когда снова споткнулась, засмотревшись на тело монахини, что лежало прямо у сруба. Знать, кто-то тоже искал спасения в темноте келий да не успел. Лица не было видно из-за волос, что не удерживаемые более апостольником, рассыпались по плечам и земле, скрывая личность убитой. А по цвету волос Ольге никак было не опознать...

— Подожди! Я не могу так быстро идти!

Но усач даже головы не повернул, только сильнее вцепился пальцами, когда мимо пробежала сначала белица, а за ней несколько ляхов, громко гогоча. Ольга поджала губы на подобное равнодушие, стараясь ступать как можно шире и не наступать на подол. Ибо она знала — упади она наземь, лях даже не обернется, так и потащит ее дальше, не дав возможности подняться.

Сначала Ольга не поняла, отчего так светло вдруг стало, едва они завернули из-за угла сруба к двору, а потом застыла на миг, пораженная ужасом, что захватил тут же все ее существо. Каждый уголок двора был ныне так хорошо освещен, будто день спустился нежданно среди ночи летней, оттого что ляхи подпалили церковь их нехитрую, и ныне так ярко пылала на фоне темноты леса. Только треск стоял горящего дерева, оглушив Ольгу.

Она бы так и осталась стоять на месте, окаменев от ужаса при виде того, что сотворили с обителью ляхи за столь короткое время, да усач все тянул ее за собой, заставляя идти вперед. Ольга с трудом отвела глаза от горевшей церкви и, стараясь не смотреть на тела, что

лежали на земле, пошла вслед за ляхом, держа голову прямо, глядя только в спину шедшему впереди усачу.

Внезапно за подол ее платья ухватились цепкие пальцы, и Ольгу кто-то дернул с силой на себя, замедляя ее ход. Она перевела испуганный взгляд на юбку, потом на белые пальцы, и уже затем на перекошенное лицо матушки Полактии. Из-под апостольника той выбились седые пряди волос и висели вдоль лица, придавая той безумный вид, а редкие ямки — следы от воспы — делали матушку похожей, на блазень из страшных снов.

— Вот она, кара моя! — проговорила игуменья. — А все из-за тебя! Из-за тебя! Ты навела на нас ляхов!

— Нет! — замотала головой Ольга, ужасаясь словам матушки. — Нет, это не я!

— Ты! Ты, блудница вавилонская! Грешница, предавшая свой народ из-за бесовской маяты! Это ты! — не унималась та, тяня на себя подол платья Ольги. Усатый лях обернулся посмотреть, что является причиной этой задержки, взглянул на матушку, а потом, услышав ее последние слова, ударил ту наотмашь по лицу, заставляя повалиться на землю без сознания, отпуская из рук подол Ольги.

— Ворона старая! Уж накаркалась вволю! — и снова потащил за собой ошарашенную его поступком Ольгу. Она взглянула вперед и догадалась, куда так настойчиво тянет ее усач. «До пана», — сказал он, выводя ее из кельи.

И действительно — на фоне полыхавшей церкви она отчетливо разглядела нескольких мужчин. Двое из них были в богато расшитых жупанах, с широкими ремнями на поясе. Они стояли друг напротив друга, широко расставив ноги, и о чем-то громко ругались. Тот, что был пониже ростом и посветлее волосом, горячился, то и дело хлопал себя по ноге шапкой, что зажал в руке, размахивал руками. Второй с темной короткой бородкой и усами, казалось, не обращает внимания на крики своего оппонента, только изредка отпуская реплики, что заставляли того пуще размахивать руками. К этим спорщикам и подтащил Ольгу усач, легко преодолевая ее нежелание приближаться к этим панам, что вдруг вспыхнуло в душе. Какое-то странное беспокойство вдруг овладело ею, заставило замедлить шаг, что впрочем, никак не повлияло на намерение усатого ляха продемонстрировать ее шляхтичам.

— Пан Владислав, — окликнул он панов, что тут же смолкли и повернули к нему головы. Ольга заметила, как потрясенно отстранился назад один из ляхов, что стоял за плечом темноволосого, как стал судорожно креститься. Светловолосый прищурил глаза, будто пытаясь припомнить, кто стоит перед ними за спиной усатого ляха, куда поспешила отойти Ольга.

А вот темноволосый вначале никак не отреагировал на их появление. Просто стоял и смотрел на нее, прямо в глаза, поражая темной глубиной своих очей. Дьявольские глаза, сказала бы матушка Полактия, и была бы права. Но странно — Ольга не испугалась их. И не отшатнулась она, когда темноволосый пан вдруг пошел медленно к ней, тяжело ступая по земле, будто к каждой ноге у него по пуду привязано. Стояла и смотрела, как он подходит к ней, занимая место усатого ляха, который тут же отошел в сторону.

Ольга не могла отвести взгляда от глаз, что быстро обежали ее фигуру с ног до головы, а потом снова вернулись к глазам. А потом он смежил веки, будто сон от себя отгонял, снова открыл. Медленно поднял руки к ее лицу, и она с удивлением заметила, как мелко дрожат его пальцы, что спустя миг коснулись ее щек, скользнули по скулам.

— Ты ли то? — прошептал пан тихо-тихо, взяв в плен ее лицо, легко гладя кончиками пальцев по ее коже, но Ольга слышала его. Этот тихий шепот вдруг отдался где-то в сердце,

а от прикосновения пана стало в теле рождаться какое-то странное чувство — смесь волнения, тепла и робости. — Ты ли то?

Его глаза странно блестели. Ольга не разобрала, отчего этот блеск — то ли от всполохов пожара, то ли от... слез, навернувшихся на глаза. Возможно ли то? Неужто пан потерял кого, а ныне принимает ее, Ольгу, за свою потерю?

Дрожь его пальцев передалась и Ольге. Ее вдруг заколотило от чего-то, перехватило дыхание. Взгляд этих глаз, глядящих прямо на нее, кружащий ей голову, лишил голоса и воли. Она даже не шевельнулась, когда темноволосы пан провел большим пальцем по ее губам, а после начал склоняться к ее лицу.

Грешница, Ольга, грешница. Не зря ее так часто наказывали в монастыре. Ведь она забылась ныне под этими глазами и легкими касаниями, забыла про все, что творилось кругом: разорение, смерть, насилие, огонь. Именно последний и вернул ее из морока.

Внезапно подломились балки крыши и рухнули с диким треском, выпуская в темное небо ослепительный ворох искр. Ольга успела заметить краем глаза, как упал куда-то в огонь, что уже пожирал остатки стен, деревянный крест, возвышающийся некогда на крыше церкви. А потом снова вернулся слух, и Ольга отчетливо услышала женские крики, хохот и перекрикивания ляхов, треск пожара. Разум прояснился от дурмана бесовского, и Ольга вдруг отшатнулась от рук пана ляшского, пораженная тем, что творилось с ней пару мгновений назад.

Он не выпустил из рук ее лица, шагнул следом, но она уже упиралась рукой ему в грудь, отталкивая с силой.

— Нет! Нет! Не трожь меня! — закричала Ольга в голос. Темноволосый пан скривил рот, будто что-то горькое съел, схватил ее за предплечья, больно вцепившись пальцами, развернул к огню, чтобы ее лицо было лучше освещено. А потом черты его снова расслабились, по губам скользнула легкая улыбка облегчения.

А в груди Ольги уже поднимала свою голову тяжесть, что железными тисками стала давить с силой, мешая вдохнуть воздуха. Горло сжалось, будто запершило в нем, и Ольга поняла, что задыхается, что не может дышать. Потрясения этого вечера вызвали приступ сухотной, что не беспокоил ее уже давно, с самой весны.

Дышать, надо дышать, билась в голове только одна мысль, и она попыталась вдохнуть, но ей не удалось этого, стала захлебываться кашлем, раздражающим ныне грудь. Перед глазами все поплыло, стало удаляться куда-то вверх встревоженное лицо темноволосого пана, который что-то кричал то ли ей, то ли кому другому, Ольга уже не разобрала. А потом голова ее откинулась назад, и тело обмякло в руках ляха, отпуская сознание на время, позволяя Ольге скрыться от всех напастей и страхов в спасительной темноте.

1. В те времена так назывался иеромонах
2. Водянка
3. В обязанности больничной сестры входило лечение и уход за больными в монастыре
4. Монахинями
5. Чахотка
6. Быстро, скоро (польск.)

Она открыла глаза и смежила веки, прячась от яркого солнечного света, что тут же ударил в лицо. Деревянные ставни маленького оконца кельи были распахнуты настежь, впуская легкую прохладу и свет солнца, что уже давно стояло на небосводе. Из леса доносились тихие трели пташек, что радовались такому теплему деньку.

Ольга не смогла сдержать улыбки при этих мелодичных звуках и теплу солнечного луча, ласкающего ее лицо. А потом вдруг в голове мелькнуло, что солнце-то в небе, а она разлеглась тут, заспалась. Как же заутрени? Как она могла ее пропустить? Ох, будет снова матушка Полактія сердчать! Ольга быстро села, пытаясь успокоить вдруг заколотившееся с силой сердце в груди, совладать с внезапно пошедшей кругом головой. Что это с ней? Слабость какая... Быть может, она больна, и потому ее оставили лежать в келье, не зовя на службы, не нагружая работами?

А потом за окном вдруг раздался мужской мягкий говор, нарушая эти благостные для уха Ольги лесные звуки, и на нее нахлынуло воспоминание о том, что тут творилось прошлым вечером. И верно, келья была неприбрана, на полу валялась солома, тонкое одеяло с соседней лавки, на которой еще недавно спала сестра Илария. Ольга ахнула, прижав ко рту ладонь, отчетливо снова видя перед глазами, как падает в огонь деревянный крест. Что это, Господи? За что такая кара благочестивым служницам твоим?

Ольга опустила на колени лицом к краю земли, откуда уже давно поднялось в небо солнце, зашептала, едва шевеля сухими губами:

— Пресвятая Троице помилуй нас...

Она читала молитву, а перед глазами вставало пережитое ею прошлым вечером: ляхи, обступившие ее, забившуюся в углу, их глаза, их насмешливые улыбки, их сильные руки на своем теле. Разрушение, насилие, огонь в некогда святом месте. Усатый лях, тянущий ее за собой, а потом тот темноволосый пан со странным блеском в глазах.

«... - Ты ли то?», снова услышала Ольга тот тихий шепот, но так отчетливо слышимый на фоне шума поругания, которому подвергся монастырь. И собственная дрожь ответная на его голос, на взгляд его темных глаз. Неужто она знает его? Неужто этот лях — гость из той, прошлой жизни? Где она могла повстречать его, коли никогда не покидала терема мужа своего?

На плечо Ольги неожиданно опустилась ладошка, заставив ту вздрогнуть от испуга. Но не обернувшись к той, что нарушила ее покой, краем глаза заметив, что ладонь женская, маленькая. Только окончив молитву, Ольга повернулась к Катерине, что стояла позади нее и терпеливо ждала, пока та заговорит с ней. На щеке у нее уже разлилась темнота, след от удара, полученного вчера от одного из ляхов, платье едва держалось на плечах.

— Что в скиту? Как остальные? Как ты? — спросила Ольга, поправляя собственный плат, немного сбившийся за время сна. Катерина присела на постель подле нее, принялась помогать ей завязать покрепче узел, удерживающий плат на голове.

— В скиту — ляхи. Которые спят, а которые и нет. Пан черный приказал своим убитых схоронить, вот и стараемся с утра, как молитвы справили, поправляем урон, что ляхи сотворили. Они же нам в помощь приставлены, — а потом поймала на себе пытливый взгляд Ольги, и все же пришлось сказать то, что та спрашивала. — Наполовину скосили у нас. Отче зарубили на ступенях церкви, когда с иконой к ляхам вышел. Некоторые черницы, те, что

постарше годами нас, остались в храме, не вышли, когда огонь занялся. Некоторых ляхи порезали. А есть и те, что от поругания кончились, от кровей... А меня мало валяли. Пяток их был, не больше. Даже крови-то толком не было. Так что спас меня лях тот, как и тебя, знать.

— А отчего ты здесь? И почему меня не позвали, если молитвы творили? — Ольга уже представляла грозный взгляд матушки Полактии за подобный проступок. Вдруг в голове всплыл ее резкий голос, ее пальцы, будто когти, ухватившие подол платья давеча: «Из-за тебя! Ты навела на нас ляхов!». Нет, покачала головой Ольга, нет моей вины в этом поругании. А потом услышала голос Катерины, что долетал до нее будто издалека.

— Пан с черными волосами тебя вчера сюда принес, велел ляхам оставить меня, а мне за тобой смотреть, пока дух не вернется. Он сюда еще приходил после, когда стихло все на дворе. Сидел подле тебя, Ольга, все лицо твое гладил да руки, все налюбоваться не мог. Кто он? — не смогла сдержать любопытства Катерина.

— Не ведаю я, — отрезала Ольга тоном, заставившим ту вспыхнуть от стыда. — Не знаю я этого ляха!

— Он велел тебя привести к нему, как пробудишься, — поспешила сказать Катерина. — На дворе он, с матушкой о чем-то толкует уже битый час. И о чем ее только пытается?

Пытает! Это слово промелькнуло в голове Ольги огнем. Неужто поднимут руку на старую женщину? Неужто нет у черноволосого ляха сердца вообще? Ольга быстро поднялась с постели и, убедившись, что ее одежды в порядке, а волосы надежно прикрыты от чужих глаз, направилась вон из сруба. Она не знала, отчего ее так настойчиво гнало вперед сердце, не знала, как сможет помочь игуменье, коли ее опасения сбудутся. Не знала, но упрямо шла вперед, повинувшись внутреннему зову. Катерина же едва поспевала за ней, про себя умоляя всех святых, чтобы ничего более худого в скиту не свершилось. Разве не довольно с них того горя, что так неожиданно обрушилось на них прошлым вечером?

Ольга обошла сруб с другой стороны, заметив, где именно во дворе был ляхский пан, его люди и матушка Полактия, что стояла перед паном, гордо подняв голову. Ольга знала, что той это нелегко дается ныне, ведь та давно мучилась болями в спине. Оттого и стул в келье игуменьи, где та вела монастырские приходские книги, был с высокой резной спинкой, на котором сейчас так вольготно расположился ляхский пан.

А обошла Ольга двор оттого, что именно отсюда могла подойти тайно, со спины собравшимся во дворе ляхским людям, а от глаз матушки она была надежно скрыта высокой спинкой стула. Да, Ольга знала, какой грех творит, но и не последовать голосу, что звучал ныне в ее голове и умолял разузнать таким образом хотя бы что-либо, не могла. Она обязательно понесет покаяние за него позднее, когда жизнь в скиту снова пойдет как ранее. А в том, что так и будет у Ольги сомнений не было — даром что ли уже убрали со двора убитых и погребали их на кладбище, даром разгребали ныне сестры останки церкви, искали хоть что-нибудь уцелевшее, складывая в другую сторону то, что осталось от сгоревших черниц.

За спиной тихо ахнула от чего-то Катерина, и Ольга метнула на нее суровый взгляд, мол, молчи, не выдай меня. Та кивнула в ответ и так же аккуратно, почти след в след пошла за Ольгой, что медленно направилась к небольшой группе во дворе.

— Я тебя в который раз спрашиваю, старая ведьма, — донеслось до Ольги, и она тут же остановилась, прислушалась к разговору, что велся недалеко от места, где она была. — Последний раз! Кто та женщина, что в доме с кельями лежит? Мне сказали, ты ей речи вела

о ляхах. Что именно ты ей говорила?

Но матушка Полактія не поднимала головы, все так же смотрела в землю у себя под ногами и молчала.

— Добже! Добже! Не желаешь, знать, говорить? Я скит твой сберег, как мог, я твоих монашек сохранил. Разве невозможно мне ответить на несколько вопросов за то? Или ты хочешь, чтобы я по-другому с тобой говорил? Силой? У меня есть человек в почете, что умеет даже таким упрямам языки развязывать. Хочешь, чтоб я кликнул его, старая ведьма? Уж с рассвета почти сидим тут, а толку нет!

— За блудницей, знать, своей пришел? — вдруг подняла голову матушка Полактія, и Ольга поразилась тому яду, что прозвучал в ее голосе. — Я тебя сразу распознала, лях. И вправду — бесовские глаза у тебя, а сам ты дьявол! Дьявол, Богом проклятый!

— Ага, знать, ведаешь ты, кто я! — казалось, пан даже не обратил внимания на слова игуменьи, от которых у самой Ольги дрожь холодная пробежала по телу. — Знать, прав я в своих домыслах! Знать, верно мне глаза мои сказали!

— Не знаю, что тебе глаза твои сказали, — процедила матушка Полактія. — Не читаю я в глазах чужих, то не мой удел. А что до белицы той, то Ольга, дочь Василия, из рода Острожских по мужу, что под Псковом.

— Под Псковом? Не далековато ли занесло ее? — едко спросил черноволосый пан, по игуменьи не смутилась от иронии, что прозвучала в его голосе.

— Я таких вопросов не задаю. Куда род решил послать, туда и отправил. А род ее от нее отказался.

Черноволосый пан вдруг резко поднялся на ноги, и Ольга отшатнулась испуганно. Ей показалось, что сейчас он обернется и заметит ее, притаившуюся за его спиной. Или кто другой из его людей на нее взгляд кинет. Но нет — не заметил ее никто, все смотрели на игуменью.

— Отказался? Тогда я ее с собой забираю нынче же! — Ольга едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть при этих словах. Только тихий стон сорвался с ее губ, еле различимый для уха человеческого. — Ежели она — Ольга из рода Острожских, вдова боярская, то никто чинить препятствий тому не будет, отказались же. Ежели та, о ком думаю, ежели Ксения, боярыня Северская, то и тут никто за нее не встанет — сгинул муж ее в конце весны этой. Так что...

Но договорить он не успел. Вдруг упала на колени игуменья, будто сноп скошенный, застонала глухо. Вскрикнула в голос Ольга, не сдержавшись от увиденного, а за ней и Катерина испуганно. Обернулись на них ляхи в тот же миг, заметила их и матушка Полактія, резко подняв голову.

— А! Ты! Блудница! Подстилка ляхская! Из-за тебя все! — а потом застонала снова, стиснув зубы, чтобы не вырвалось крика, что так рвал грудь ныне. А после вдруг поднялась с колен, выпрямила спину, бросила в сторону Ольги взгляд полный ненависти, что ожег ту огнем. — Забирай, лях, свою блудницу. Не место ей в скиту. Не желала я брать ее, но умолял он меня в грамоте, вот и оставила. А теперь забирай ее, лях, от греха подальше. Не то сама за ворота выкину, как дрянь последнюю, не взгляну на родство ее именитое.

Матушка Полактія обошла удивленных ее речами ляхов и, пройдя несколько десятков шагов, упала на колени подле пепелища, что некогда церковью было, зашептала что-то себе под нос, стала класть поклоны. Ольга же, очнувшись от морока, в который погрузили слова игуменьи, бросилась к ней, обегая направившегося к ней черноволосого пана, избегая его протянутой руки, что так и норовила поймать за платье.

— Матушка, матушка, — она упала на колени подле игуменьи, что даже бровью не повела, даже не взглянула в ее сторону, продолжая читать заупокойную по рабу Божьему Матвею. — Матушка, в чем вина моя? Отчего ты так со мной сурово? Не знаю я ляхов этих, не желаю из обители уходить с ними. Прошу тебя, матушка.

Но Полактія все так же клала поклоны да молитву читала, не обращая внимания на Ольгу, и тогда та, опомнившись, стала за ней повторять слова, вместе с ней поклоны класть за убитого, которого не знала. Или знала? Ляхи же молча смотрели на их моление, не двигаясь с места, не решаясь его прервать.

Прочитав молитвы, игуменья поднялась на ноги, а потом развернулась от пепелища, намереваясь идти проверять, что черницы и белицы творят ныне, каковы истинные убытки от поругания монастырского. На Ольгу, что тут же вскочила следом за ней, она не обращала внимания, будто мошка вьется вокруг нее.

— Матушка, прошу тебя, — взмолилась Ольга, а потом упала на колени, схватила игуменью за подол ее одежд, заставила задержаться. — Матушка, не отдавай меня ляхам. На погибель не отдавай. Я буду смирна и прилежна, я стану истинной черницей в скиту. Не отдавай меня, матушка!

Но матушка Полактія лишь дергала за подол, стараясь вырвать его из цепких пальцев Ольги, ее слезы, что бежали по лицу белицы ничуть не трогали игуменью. Она пыталась заглушить в себе ненависть к этой женщине, что ползала перед ней на коленях в пыли двора, пыталась напомнить себе о милосердии, к которому призывал Господь. Но ничего не выходило. Вместо милосердия в душе поднималась удушающая волна злобы и ненависти, а слезы вызывали раздражение.

Быстрым шагом пересек двор Заславский, глядя на игуменью грозно из-под бровей, но Полактии не было дела до его угроз. И его она ненавидела так же сильно, на его голову хотелось послать все немислимые проклятия.

Почему, Господи, почему ты забрал его? Да, она не любила его, как должно, но разве достойна ее кровиночка такой смерти ранней?! Пусть не близок он ей, но как ныне по земле ходить спокойно, зная, что лежит он в земле сырой бездыханный? И погребен ли по-человечески или просто его тело бросили на растерзание зверям диким?

Вдруг вспомнилось, как прижималось к юбкам маленькое тельце, как смотрели на нее сверху вниз глаза дитяти, как напевно говорил: «Матка! Матка!», по-своему выговаривая длинное и неподвластное пока «Матушка». И детский плач, когда отнимали его у нее, навсегда забирая из сердца... Думала, что очерствела она, заледенела душой, что ненавидела его за вид его столь схожий с тем, ненавистным. Но нет, дрогнуло сердце, едва прочла на грамоте короткое слово «Матка!», как только он называл ее, а потом просьбу о помощи. Даже не просьбу. Мольбу! И вот нет его боле на свете этом...

— Отцепись! — прошипела Полактія белице, что на коленях перед ней стояла, дернула с силой ногой, но та только головой замотала, ухватила за ноги, прижимаясь к ним лицом, мокрым от слез. Заславский схватил ту за плечи, попытался оторвать ее от игуменьи, но не вышло — так крепко держалась Ольга.

— Убери руки свои, блудница! Не касайся меня! Нет тебе места в моей обители, недостойна та, что свой крест предала, свою веру и свой народ презрела, остаться в этих стенах святых. Недостойна крест святой носить! Кровь на тебе! Кровь!

Ольга сдавленно вскрикнула, а лях метнул на Полактию взгляд, от которого у иных мужчин ноги дрожали. Но игуменья даже бровью не повела. Пусть и голову с плеч снесет,

все едино ныне!

Заславский наконец сумел оторвать руки белицы от одежд игуменьи, и та, освободившись, быстро зашагала прочь, даже не оглаживаясь назад, на чуть не упавшую в пыль женщину, опозорившую ее род, которую уже подхватил на руки темноволосый пан, понес прочь от игуменьи, невзирая на яростное сопротивление и крики.

— Едем отсюда! — крикнул он Ежи, что кивнул в ответ и бросился разыскивать пахоликов хоругви Заславского, звать их в поход, в который отправлялся ныне пан. Владислав же направился к коню со своей драгоценной ношей на руках. Его переполняли самые разнообразные чувства: радость — от того, что нашел ее, свою кохану, живой и невредимой, горечь — от того, что видел ее отчуждение, ее потерю памяти, и страх за нее — от того, что снова она закатила глаза да в темноту ушла, смыкая веки. Как и прошлой ночью. Неужто и вправду больна, как поведала ему эта кареглазая монашка, что всю ночь сидела в углу кельи, боясь даже глаз на него поднять?

Зато ныне днем она ничего, видать, не боялась, вот и налетела на него, когда Владислав уже в седле сидел да бережно к себе прижимал Ольгу, устраивая ее голову, так безвольно откинувшуюся, у себя на груди. Ухватилась Катерина за его носок его сапога, сжала с силой.

— Увези и меня, пан! Увези отсюда! — попросила она, глядя на него снизу вверх с мольбой в глазах. Владислав раздумывал всего пару мгновений, а потом бросил одному из пахоликов своих, что уже в седле сидел, ожидая приказа выезжать со двора.

— Возьми ее к себе!

Катерина радостно улыбку с губ, видя, как хмур пан. Бросилась к пахолику, пока пан решения своего не переменял. А оставаться в монастыре ныне Катерине вовсе не хотелось! Да и видно было, что пан ее в обиду все-таки не даст, а ежели и будет на нее сердчать, то побоится перед Ольгой. Вон как к себе ее прижимает, вон как губами ласково плата ее касается. Знать, не просто так с собой ее забирает, знать, слабость к ней имеет. А уж Катерина будет поближе к Ольге или как ее ныне, и выгоду свою получит!

Хоругвь Заславского долго пробиралась сквозь заросли лесные, ведь обратную дорогу к лугу, с которого еще недавно к скиту пошли, они толком и не запомнили. Вышли из леса только, когда солнце медленно покатилося к краю земли, намереваясь спрятаться на время тьмы ночной. Катерине, казалось, что у нее нет ни единого места на теле, которое не отдавалось бы ныне тупой болью.

— И как только ездят на этих животных? Это ж изуверство какое-то! — пробормотала она себе под нос, когда пахолик спустил наземь. Ноги тряслись ходуном, и ей пришлось под тихий смех ляха ухватиться за его ногу, чтобы не упасть.

— Ничего, привыкнешь, — заверил он ее, но она только покачала головой, не поняв ни слова из его речи. Он же ткнул кнутом в сторону, откуда уже звали Катерину: «Монашка! Монашка!», и она поспешила пойти на этот зов, узнав голос усатого ляха, что ехал в голове отряда. Уже ставили на лугу широкий шатер, а один из ляхов разжигал огонь, ругаясь в голос, когда не получалось высечь искру. Катерина покраснела от его слов и сотворила крест, отгораживаясь от греха. А потом смело шагнула к Ежи, что раздраженно глядел на ее приближение.

— Шибче не може? {1} — пробурчал он и поманил ее туда, где в траве сидел пан, все так же бережно прижимая к себе белицу. Глаза той были по-прежнему закрыты, в лице ни кровинки, будто мертвая лежала на сгибе сильных рук. Катерина снова перекрестилась: «Не

приведи, Господи!»

— Я дал ей зелье, что от сухотной, — проговорил, не отводя глаз от лица своей ноши, пан. — Едва она очнулась, тот тут же его попросила. Говорила, в груди больно ей. Благодарю тебя, монашка, что позаботилась о нем. Будешь за панной ходить, пока мы в дороге.

Катерина кивнула и только потом поняла, что это был вовсе не вопрос. А меж тем, Владислав провел пальцами по лицу женщины, что держал в руках, будто заново узнавая на ощупь каждую черточку ее лица.

— Расскажи мне, — приказал он Катерине, стоявшей подле него, по-прежнему глядя только на лицо, что ласково гладил. — Расскажи мне про нее. Все, что ведаешь.

И Катерина рассказала этому черноволосому пану все, что сама знала о белице. Что привезли ее аккуратно под Пасху, едва подходил к концу Великий пост. Кто привез, она не видела. Узнала новоприбывшую только, когда привели ее в келью, уже в плате белицы, молчаливую и послушную. Потом они попадали на работы совместные, разговорились.

— Отчего нет в ней памяти? — спросил Владислав, не обращаясь к ней конкретно, в пустоту, но Катерина все равно пожала плечами.

— Кто ж то ведает! Я то думала, что отшибли ей память-то, когда в скит уговаривали ехать. Туда редко, кто по своей воле приходит, за те стены. Вот и на ее теле следы были... били ее, знать.

Катерина испуганно замолчала, видя, как сверкнули глаза пана, как побелели пальцы от напряжения, как заострились черты лица. Это длилось всего миг, и ей даже потом думалось — а не привиделось ли ей это? Ведь потом пан был так спокоен, так ласково глядел на белицу снова. А после, когда поставили шатер, отнес ее туда, бережно опустил в постель, что соорудили из одеял и травы, срубленной саблями.

— Подле нее останешься! — приказал Владислав Катерине, подталкивая внутрь шатра. — Подле нее! Как глаза откроет, меня зови тут же, поняла?

С тяжелым сердцем Владислав опускал полог шатра, надежно скрывая женщин, оставшихся внутри, от посторонних взглядов. Он еще немного постоял подле, прислушиваясь к любому звуку за плотной тканью, но так и не дождавшись его, направился прочь от шатра, к уже разгоравшемуся костру. Возле огня уже располагались усталые мужчины, те, кому не выпало стоять на стороже ныне ночью. Двое из пахоликов снимали шкурки с убитых недавно меткими выстрелами из самострелов зайцев.

— Нет, ну надо же было так подбить! — качал головой один из них. — Всю шкуру попортил. Не мог что ли в глаз выстрелить? Хвалился же давеча, что белку бьет в глаз с десятка шагов, а тут такое...

— Ох, и зануда же ты, Лех! — отвечал ему другой, уже лежавший на расстеленном на траве кунтуше, положив под голову седло, другой. — Подобью я тебе другого зайца завтрава, только не нуди.

Но Владислав не задержался подле костра, прислушиваясь к начавшейся шутливой перебранке между его пахоликами, отошел в сторону, сел в высокую траву, уронив голову в ладони. Кто эта женщина, что он увез из монастыря московитского? Вроде лицом схожа с Ксеньей, но разве можно позабыть все, что было ранее? Разве можно не признать его, того, кому в любви клялась некогда? Хотя бы сердцем потянуться... Сердце-то должно помнить! Вот его, к примеру, сразу же распознало в той, что стояла за Ежи, пряча взгляд, свою кохану, так жестоко отнятую судьбой.

Владислав вспомнил, как больно ударилось тогда его сердце о ребра, аж дыхание сперло в груди, как руки и ноги затряслись, будто и не рыцарь он, а баба какая. И эти глаза... Он до сих пор видел ее глаза, когда она подняла на него лицо, когда не отвела в сторону взгляд, не смутилась, как полагалось бы истинной монахине, его прямого взора. Как она могла не признать его? И не обманывает ли он себя, поддаваясь настойчивым уговорам сердца, что не утопла тогда Ксения, не ушла от него на дно речное? Не принимает ли другую за ту, что видеть живой желает?

Он вздохнул, пытаясь успокоить сердце, что так и рвалось в бой с доводами разума, твердящими о невозможности возврата человеческого с того света, о том, что не быть этой монашке Ксенией, никак не выходило. Но сердце снова и снова заставляло Владислава искать вероятные пути того, как могла Ксения избежать смерти, как могла оказаться так далеко от границы в удаленном ските. Но если последнему он мог найти оправдания, то первому...

— Что, сынку, душа стонет? — позади раскурил чубук Ежи, запыхтел, запуская в небо кольца ароматного дыма. Потом протянул чубук Владеку. — О чем думу думаешь?

— Ты думаешь, она то? — вместо ответа спросил Владислав, выдохнув дым изо рта. Ежи нахмурился, потер устало веки пальцами, а потом головой покачал.

— Не могу тебе ответить на то. Вроде, лицом схожа. Голос тот же. Но будто нет в ней чего от той. Да и слышал ты, как баба тебе ведала, что утопла боярыня ее, а тело ее в болота снесли. Видели хлопы то. И ежели утопла панна, то не быть этой монашке, что увезли мы, той, кого ищешь ты. Никак не сходится!

— А я тебе на то, вот что скажу, Ежи. Ты аббатису видел? Хорошо разглядел?

— Ворона она, чего ее глядеть-то? Руки сухонькие, лицо в воспинах да морщинистое. Не краса она, чтоб на нее глядеть! Но с норовом баба-то!

— Так оно так, не спорю. Только ты за морщинами и воспинками не разглядел самого главного, — Владислав помолчал, снова затянулся чубуком, а потом проговорил. — Она, когда мне в лицо кидала слова дурные, я все думал, с кем же она сходство мне кажется. Прямо не мог успокоить разум свой, так он мне твердил, что знаю я ее откуда-то. А потом, когда она о смерти Северского развела, то взглянула на меня так, что тут же ясность пришла. Родич она ему, Ежи. Мати, вестимо.

Усатый лях аж крякнул от такой вести, потом стянул шапку с выбритой головы, хлопнул себя по ноге.

— Вот ты, Езус Крист, что за доля-то! Ты ее точно-то распознал-то, Владек?

— Как тебя вот вижу, видел глаза Северского перед собой, когда он в лицо мне выкрикнул, что мертва жена его. Так и эта аббатиса... уж слишком схожа была с ним, когда кричала проклятия свои. А ежели это мати Северского, то тут-то загадка наша может сойтись с ответом-то. А, Ежи?

Ежи ничего ему не ответил. Он смотрел, каким светом горят глаза его шляхтича, что впервые за последние несколько месяцев были не пусты и безжизненны, как поменялся его взгляд. Разве он мог сказать ему, что нет с того света возврата, что эта дева просто схожа лицом? Разве мог он убить ту хрупкую надежду, что гнала ныне Владека прочь из Московии, сберечь, укрыть от всех свое так неожиданно найденное сокровище? Если уж на то пошло, то Ежи сам готов переговорить с девкой этой, чтобы та чужое имя приняла. Лишь бы Владислав снова стал прежним!

Откуда-то из лагеря до них донеслись крики, а после по цепочке до Ежи передали весть,

что пана кличут в палатку. Видать, очнулась немощная монашка, подумал Ежи, а потом одернул себя. Разве ж немощна она? Вона как подпалила Нежицкого из хоругви пана Милошевского! Вон сколько времени от себя мужиков отгоняла здоровых! Такая вроде такая маленькая и хрупкая с виду, а сколько в ней силы духа. Как в той, покойнице, упокой Господи ее душу... А мож, она то и вправду? Ведь та, что ушла за монастырские стены, все едино, что померла для света.

А Владислав уже откидывал полог шатра, входил внутрь, быстро окидывая взглядом и белицу, сидящую на постели из трав, и Катерину, что воды той подавала в глиняном кувшине. Она вздрогнула, заметив пана, едва удержала кувшин в ослабевших от страха руках. Тот кивнул на выход, мол, уходи, и Катерина поспешила выполнить его приказ, сделав вид, что не поняла, почему ее подруга по монастырю хотела ухватить ее за подол платья да не успела, сжала воздух вместо ткани.

Владислав опустил за ней полог, а потом медленно повернулся к бледной от страха Ольге, что следила за ним, не отводя глаз. Она уже мысленно представила себе, что с ней будет ныне творить этот лях, ведь не зря же так долго возился с ней все это время. Она помнила его руки на своем теле, когда ненадолго выскальзывала из той темноты, куда провалилась еще в монастыре. Сухотная, будь она неладна. Разве не от болезни так бьет Ольгу дрожь, разве не от нее так слабеют руки?

Она поймала очередной внимательный взгляд на себе шляхтича, что, заложив руки, ходил от стенки до стенки, по этому маленькому — всего в три шага — пути. Отчего он так смотрит на нее? Неужто плат сбился во время сна? Ольга поспешила поправить ткань, вспыхивая от смущения, ощущая, как от одного только взгляда этих темных глаз кровь быстрее побежала по венам. Что с ней? Отчего это волнение, сжимающее грудь?

— Я рад, что ты здрава ныне, — внезапно проговорил Владислав, и Ольга вздрогнула от неожиданности. — Рад, что твои снадобья все же действуют.

Ольга скосила глаза туда, где Катерина оставила суму с несколькими бутылочками из глины. Их так мало осталось, вскоре и вовсе выйдет запас. И что тогда? Смерть от удушья? Да пусть уж лучше смерть, чем то, что творилось в скиту!

— Не желаешь говорить со мной? — спросил меж тем пан, а потом добавил с нажимом на это имя. — Ксения...

Она тут же вспыхнула, вспоминая, как эти губы ласково касались виска, пока он вез ныне днем, прижимая к себе, повторяя снова и снова это имя. А еще от той сладости, что разлилась в душе, едва он произнес это имя с такой певуче-плавной интонацией, с такими странными нотками в голосе.

— Я Ольга! — упрямо подняла подбородок вверх белица, готовая сражаться за свое имя. — Ольга я! Из рода Острожских по мужу. Из псковских земель.

Но лях тоже упрямылся, остановился на миг, взглянул на нее, покачал головой. И тогда Ольга принялась убеждать его:

— Отчего ты веришь матушке? Отчего не мне? Была ли у той, что ищешь ты, сухотная? У меня же с малолетства она. Давно ей мучаюсь.

— Ты сама ведаешь об том или сказал кто? — спросил Владислав, не замедляя шага, и Ольга замолчала, смущенная вопросом. Ведь первое, что пришло в голову, тот первый вечер, когда в келью ступила нога игуменьи. Она принесла с собой одну из тех глиняных бутылочек, что привезла с собой Ольга.

— Пей, а то помрешь тут еще ненароком, — а потом пояснила. — От сухотной

снадобье. С малолетства приступами мучаешься, не помнишь что ли? Илария будет ныне тебе творить его. Ну же! Пей свое снадобье.

Владислав внимательно наблюдал за ней, пока она вспоминала этот момент, и просветлел лицом, когда она нахмурилась недоуменно, слегка сморщился высокий лоб. Совсем как у нее, Ксени.

— Одного не могу уразуметь. Ну, лицом схожа, то ладно. Но я же тебя не помню совсем. Коли б той, была, что ты ищешь, разве б не признала? Не вспомнила бы? Все в тебе чужое — и руки, и стан, и лицо. Я мужа помню руки, твои же нет. Чуж...

Она опомниться не успела, как вдруг Владислав прервал свой путь по шатру, рванулся к ней. Он схватил ее за руку и потащил на себя, потом рванул на ней платье монастырское, разрывая холстину. Ольга даже испугаться не успела, так все быстро случилось. Лишь когда обнажил ей пан плечо и часть спины, разрывая платья до самого пояса, только тогда она забилась в его руках, ударила его по лицу, потом забарабанила по груди и рукам кулачками. Но Владислав только улыбнулся в ответ, потянулся к поясу, и Ольга замерла, разглядев в неясном свете, что шел через узкую щель в шатре. Неужто он сейчас перережет ей плотку острым лезвием за то, что она посмела ударить его?

Но Владислав только развернул ее в постели, чтобы свет падал на ее левый бок, поднес саблю к ее телу, но так чтобы она сумела видеть неровное отражение в лезвии.

— Смотри, у тебя на спине то же пятно, что и у нее, — проговорил он, и Ольга замерла, сумев со временем разглядеть небольшое темное пятно на своей спине, чуть пониже лопатки. А потом снова взглянула на него, упрямо сжимая зубы. Она не знала отчего, но ей вдруг захотелось доказать, что она не та, что нужна ему.

А быть может, знала, но ни за что не хотела признаваться себе в том. Ведь ей вдруг так захотелось, чтобы он увидел в ней именно ее, Ольгу, а не неведомую ей «кохану».

Его широкая ладонь скользнула по ее спине, нежно провела по обнажившейся коже вниз, туда, где заканчивался разрыв на платье. Ольга вдруг задрожала снова, заныло в животе. Неужто приступ опять сухотной? Но почему так налилась грудь, желавшая, чтобы эта ладонь скользнула под платье и коснулась ее?

Это было желание. Ольга отчетливо распознала его, ведь так часто мучилась от него, после тех бесовских снов, когда мужские руки ласкали ее, а губы целовали нежную кожу.

— У многих есть пятна такие. Даже у Катерины есть схожее на спине, — зло обронила Ольга, пытаясь натянуть платье на оголившее плечо, скрыть свое тело от его глаз, которые заставляли ее забыть о том, кто она такая, кинуться ему на грудь, прижимаясь, как недавно он прижимал ее к себе, уткнуться губами в его шею, видневшуюся в воротах рубахи.

Она несмело взглянула на него, чтобы увидеть его реакцию на ее слова, и не успела отшатнуться, как он снова подался к ней, но уже не срывал платье, а тянул на себя ее плат с головы. Она заверещала, как резанная, стала бить его по рукам. Стыд-то какой, волосы показать! А потом вдруг подумала, что было уже то — так же хотел пан видеть волосы, так же сопротивлялась она...

Ольга замерла, пораженная мелькнувшей в голове мыслью, и ослабила свое сопротивление, что позволило Владиславу без труда стянуть с ее головы темную ткань. Миг, и упали на ее плечи распущенные волосы, которые она не заплетала в косы уже давно. Не было такой нужды, они и без того укрывались надежно под платом, такие короткие — едва ли ниже плеч на несколько вершков.

Они ахнули вдвоем и одновременно. Она — от стыда, что он увидел ее обрезанные

волосы, ее уродство. Он — от вида ее волос, цвет которых так часто он видел во сне.

— Нет, нет, — прошептала Ольга, отворачиваясь от Владислава, но он уже запускал руки в золото ее волос, рассыпавшееся по плечам, уже прятал в них свое лицо.

— У тебя шрам на виске. Вот тут, — прошептал он ей прямо в ухо, коснувшись кончиками пальцев ее виска. Его дыхание обожгло ее шею, отчего побежало тонкой струйкой по венам горячее, необузданное желание. Ольга медленно повернулась к нему, чувствуя, как мысли буквально раздирают на части ее голову. Да, у нее был шрам на виске. Она отчетливо нащупала его еще в первые дни в скиту, когда сама повязывала плат. О, Господи, кто она?! Кто она такая?

А потом все мысли куда-то улетели, когда она заглянула в омут его темных глаз, горевших каким-то странным огнем. Они смотрели друг на друга некоторое время, не в силах отвести взглядов, а потом вдруг потянулись друг к другу, слились в поцелуе.

Она узнала ныне. Именно этот мужчина приходил к ней в снах, от которых так потом билось сердце, и ныло в животе. Именно эти губы ласкали ее, эти руки прижимали ее, как нынче.

Владислав уронил ее в постель и склонился над ней, улыбаясь. Это она! Иначе и быть не может. Голова могла забыть, но тело... Тело ее помнило каждую ласку, каждое касание, каждый поцелуй. Он провел губами от ее уха по шее, творя невидимую дорожку до выреза платья, и она выгнулась навстречу ему, вжимая с силой свое тело в его, будто желая слиться с ним воедино.

— Моя драга, — шептал он, снова поднимаясь губами к ее лицу, накрывая ее губы своими. — Моя кохана.

Она вцепилась в его плечи, будто она тонула, а он был тем единственным, что способно было удержать ее на плаву. А потом она снова выгнулась, когда он коснулся губами того заветного местечка на шее, прямо под ухом.

Владислав поднялся над ней на руках, желая снова взглянуть на ее лицо, чтобы убедиться, что это не сон, что это она, его Ксения. Его кохана... Его сердце замерло, когда она открыла глаза, эти удивительные очи цвета ясного неба, проникающие прямо в его душу, до самого нутра. О, как ему не хватало этих глаз, затянутых поволокой желания! Как часто он воскрешал их в памяти, но явь...! Явь кружила ему голову, заставляла его сердце замирать от счастья на миг, а потом снова пускаться в бешеную скачку.

Она смотрела в его глаза, полные нежности, горящие таким мягким светом, при виде которого ее душа пела ныне. Она не знала этого мужчину. Не знала, кто он, не знала его прошлого и его настоящего. Не знала тех дней, что они провели вместе. Но она узнала его сердцем. Это был он, тот, по ком она так часто тосковала ночами, к кому так стремилась ее душа. Это был он.

А потом вдруг случилось то, что вмиг оборвало тот морок, в который ее вогнали сладкие поцелуи и ласки темноволосого пана. То, что белица Ольга сочла знаком свыше, что от беса были ее сны и ночные желания, так неожиданно воплотившиеся ныне наяву. И что морок на нее снизошел, не иначе, затуманивая разум, заставляя поверить, что она могла быть когда-то близка с этим человеком, склонившимся над ней.

Из-за ворота рубахи Владислава вдруг показалось распятие на тонкой искусно выкованной золотой цепочке. Оно повисло прямо над ней, больно ударив по щеке, мерно закачалось перед глазами. А потом в голове вдруг появился огонь, раздался треск пылающих балок. И крест деревянный, падающий в пожарище с высоты...

— Нет! — уперлась она ладонями в грудь Владислава, отталкивая его от себя. Он почувствовал перемену в ней, оттого не стал сопротивляться, отстранился, сел в постели подле нее. Она же мигом вскочила на ноги, заметалась по шатру, натыкаясь на сброшенные им пояс с ножнами, путаясь в подоле своего платья.

— Что? Что, Ксения? — тихо спросил Владислав, и она вдруг замерла на месте, обхватывая себя руками, надеясь в теплоте своих ладоней найти хоть какое-то успокоение своему стонущему сердцу.

— Я не помню тебя, — глухо сказала она и тут же выставила ладонь вперед, призывая его выслушать ее, не перебивать, что он и хотел сделать. — Я не помню тебя. Твоего лица, твоего имени. Мне все это незнакомо. Я не ведаю, откуда ты и что было в твоей жизни до того, как ты пришел с огнем и мечом в скит. И не желаю того знать, коли на то пошло. Но я знаю твои руки и твои губы. Твое тело мне знакомо. Мое сердце узнало тебя.

Она повернулась к нему, и сердце Владислава сжалось, когда он заметил слезы, блестевшие в ее глазах. Весь ее облик — эти поникшие плечи, этот наклон головы, сжатые пальцы перед собой — говорил о том, какие демоны терзают ныне ее душу, узнавшую и в то же время не признавшую его.

— Пусть я ношу другое имя. Не то, на которое привыкла отзываться в монастыре, чужое мне ныне имя. Пусть я та, другая. Та, которую ты когда-то полюбил, за которой готов пойти куда угодно и готов на что угодно, раз не побоялся гнева Господня увести невесту его из обители святой. Пусть так. Я признаю то, — она вдруг выпрямилась, как струна на виоле {2}, бросила на него пристальный взгляд, который он впервые не смог прочесть. — Мой муж мертв.

Она вспомнила гроб, стоящий в церкви, под соболиной шубой и свое отчаянье и горе, что охватывали ее всякий раз, когда она смотрела на него. Ей просто необходимо было знать ответ на вопрос, что так жег ей разум. Сердце криком кричало внутри, сопротивляясь тому, что задумал разум, понимая, что то, что только недавно промелькнуло меж ними, меж мужчиной и женщиной, так хрупко, так ненадежно ныне.

— Это ты убил его?

Вопрос больно хлестнул его своей прямоотой, а тон заставил душу похолодеть от неясного предчувствия. Владислав не знал, откуда ей известно о смерти Северского, но видел по ее глазам, как важно получить ответ от него. Но он ошибся, приняв блеск в ее очах за нетерпение убедиться, что тот, кто мучил ее почти год, кто желал запереть ее в монастырских стенах навечно, мертв. Забыл о том, как непрочна нить прошлого, ведущая ее в настоящем.

— Я, — честно признался он, и она отшатнулась, спрятала лицо в ладонях. Владислав заподозрил неладное в ее движениях, в напряжении, что охватило ее тело, поднялся с постели и приблизился к ней, отнял ее ладони от лица. Она подняла голову, и он замер, прочитав в ее глазах холод и неприязнь, ударившие его в сердце.

— Я признаю, что могу быть той, что ты потерял, — проговорила она холодно, медленно растягивая слова, и каждое из них больно хлестало по нему. Ведь каждое из них было гвоздем в гроб надежды, что вела его два последних дня. — Признаю, что могла бы быть ею. Не ведаю, правда, как могло сложиться так, что я встретила тебя когда-то. Разные пути у нас, весьма разные. Но одного я принять не могу ныне. И не думаю, что смогу когда-либо примириться с тем наперед.

Сердце Владислава стало биться все медленнее и медленнее, будто уже зная заранее те

страшные слова, что она произнесет сейчас, будто зная заранее, как мучительна будет боль, что ударит прямо в него, разорвет его на части их жестокостью. Жестокостью, столь свойственной истине, пусть и частичной.

— Как я могла отдать свое сердце некогда губителю душ русских, разбойнику и поджигателю? — шевельнулись медленно губы женщины напротив, что имела над ним неограниченную власть, что когда-то давно взяла в полон его сердце. — Как я могла отдать свое сердце убийце?

1. Быстрее не можешь? (польск.)
2. Предок скрипки

Тихо барабанил по плотной ткани шатра дождь, что уже несколько дней с короткими перерывами, служившими столь благостными передышками для путников, проливался на землю плотной стеной. Тяжелые капли падали звучно на верх шатра, а потом с тихим шуршанием скатывались вниз по пологой стенке. Где-то в лагере кто-то, так и не сумевший уснуть в этот поздний непогодный час, переговаривался вполголоса, стараясь не мешать остальным. И этот кашель, разрывающий грудь, — глухой, со свистом каким-то...

Она снова повернулась в наскоро устроенной постели, потревожив своим движением Катерину, спавшую рядом, прижавшуюся к ней, пытаясь найти тепло в эту прохладную ночь. Пан отдал свой плащ, подбитый таким приятным на ощупь мехом, и теперь она совсем не боялась промозглой тьмы жнивения, а еще плащ был такой огромный, что без труда укрывал девушек чуть ли не с головами. Потому-то она не могла не пустить в свою постель Катерину, с которой уже когда-то делила ночную тишину в той, другой жизни за высокими стенами скита.

Она скосила глаза на Катерину, посапывающую подле нее. Как же легко та сумела отринуть свое прошлое. Как легко та забыла, что когда-то носила плат белицы, готовясь посвятить свою жизнь Господу! Ныне та только и делала, что смеялась и шутила с ляхами, вела с ними дружеские беседы у костра, когда ее подруга по скиту скрывалась в шатре, едва тот ставили на ночную стоянку. А еще Ксения заметила, как часто Катерина стала уединяться с одним из пахоликов, тем, что когда-то увез ее из монастыря и до сих пор никому не давал везти в седле перед собой эту смешливую кареглазую девушку.

Ксения... Теперь она легко отзывалась на это имя, привыкла к нему. Она никогда и никому не признается, но ей не нравилось имя Ольга, которым ее нарекли некоторое время назад, пытаясь скрыть прошлое. А потому она без особого труда оставила его в тех днях, что навсегда закончились для нее ныне.

Она смогла принять имя, но не его, не ляхского пана, к которому так и влекло ее взгляд, от простого прикосновения которого у нее снова и снова начинался приступ сухотной. Вернее, она предпочитала думать так, ибо признать, что ее влечет к этому темноволосому мужчине...

Снова тишину прорезал тяжелый кашель. Теперь он длился еще дольше, чем прежде, и Ксения не могла не нахмуриться. Что там говорили ее мамки, когда она сама мучилась кашлем редкой осенью и зимой? Какие травы надо залить кипящей на огне водой, чтобы получить лечебный отвар? Но вместо голосов мамок и горницы девичьего терема вдруг всплыла другая картинка. Яркая ткань перед глазами, мерный стук сердца чужого под ладонью, крепкие руки на ее теле, прижимают ее и несут куда-то. Визг мамок за спиной и крик Евдоксии. И неудержимое горячее желание, чтобы эти руки никогда не отпускали ее...

Ксения не удивилась тому, что вместо желаемого воспоминания пришло совсем другое. Такое уже бывало не раз за последнюю седмицу — хотела воскресить в памяти одно, а всплывало в голове иное. Будто что-то, какая-то даже самая мельчайшая деталь, тянула его за собой. В основном, это были какие-то обрывки, смутные ощущения, путающие ее все больше. И пугающие, ибо эти ощущения не уходили из ее души, оставались там, надежно укрывшись, не поддаваясь настойчивым уговорам разума.

Эти чувства злили ее, она не желала их совсем, и эта злость на саму себя стала

прорываться, направляясь на того, в ком она видела причину всего происходящего с ней — на Владислава. Иногда ей даже хотелось, чтобы наконец-то его ледяное спокойствие было нарушено ее нападками, ее злыми словами. Но тот только кривил рот, да боль мелькала в темных глазах, уходил от нее прочь, когда ее злость уже переходила все границы, когда он едва сдерживал себя, чтобы не ответить ей так же резко, причиняя боль.

Как тогда, когда она назвала его убийцей более седмицы назад.

Ксения еще помнит, как побледнело его лицо, как заострились черты его лица, окаменев при тех словах, что сорвались с ее губ. Всего на миг что-то шевельнулось в ее душе при виде боли, что захватила Владислава, но Ксения быстро подавила в себе этот порыв. Только смотрела на него, стараясь передать ему через взгляд, как ненавистен он ей, как она не желает даже стоять подле него.

Владислав ничего не ответил ей тогда. Просто вышел из шатра, отодвинув полог в сторону, а потом она видела через щель, как он сидит, сгорбившись будто старик, в отдалении от всех и курит чубук. На следующее утро пан не произнес ей ни слова, только помог усесться перед ним на коня да поправил ее порванное платье, когда ткань сползла с плеча, обнажая кожу. То все никак не желало держаться на плечах Ксении, так и норовило соскользнуть вниз, и тогда Владислав накинул на Ксению кунтуш, скрывая ее от посторонних глаз. А потом спустя некоторое время и вовсе передал ее на коня одного из своих пахоликов. Ксения вдруг испугалась, что тот теперь после тех ночных слов не хочет иметь с ней никакого дела, но заметив, что пан, захватив с собой несколько человек из почета, уезжает прочь, успокоилась немного.

Вернулся Владислав, когда они уже собирались с небольшого дневного перерыва в пути. Он сразу же прошел в ту сторону, где поодаль от мужчин сидела в траве Ксения, прижав колени к груди, старалась удержать непослушное платье, присел на корточки рядом и опустил подле нее какой-то сверток.

— Я понимаю, это вовсе не боярское, но мне сказали, что оно чистое и почти неношеное. Выбери себе, другое девке отдай. У той тоже платье худое, — проговорил он, отводя глаза в сторону, будто его собственные слова смущали его сейчас. Ксения потянулась к свертку и аккуратно развернула его. В нем были две рубахи из льна с искусной вышивкой по вороту и рукавам и сарафаны из грубого холста, так же украшенные рисунками из алых нитей. Убрусов покрыть волосы не было, и это слегка раздосадовало Ксению — как же ей показать свое уродство людям? Придется носить плат белицы, что так и будет бросаться в глаза на фоне светлых холопских одежд.

И тут Владислав достал откуда-то из-за пазухи яркую ленту с вышивкой, идущей вдоль лобной части, и положил ей на колени. Она сначала оторопела от подарка, а потом вспыхнула от злости, вмиг захватившей ее душу. Что это? Разве он не помнит, какая у нее ныне стриженная голова? Нет более длинных кос, ее гордости, к которым не грех привлечь взор чужих глаз. Да и лента — символ девичества, гоже ли ей...?

— Кого зарубил ради даров своих? — вдруг сорвалось с губ Ксении прежде, чем она успела осознать, что именно и кому она говорит. — Сколько душ сгубил? Скольких мне еще отмаливать, что по моей вине от твоей руки сгинули?

Владислав отшатнулся от нее резко, упал бы, коли на ноги не успел бы вскочить. А потом сжал с силой кулак, едва сдерживаясь, чтобы не пнуть носком сапога бабские тряпки, не отшвырнуть их в траву.

— Хочешь ходить в платье худом на потеху моим людям — ходи! Только вот что мне

делать потом? С кого спрос иметь — с них, что тебя возжелали, или с тебя, что к греху их склонила своей глупостью и упрямством?!

Он резко развернулся и зашагал прочь, а Ксения закусила губу. Она не знала, какое именно чувство в ней ныне преобладает — сожаление о собственных словах или тихая злая радость, наполнившая на миг ее сердце. Что с ней? Ведь ранее она была такая сострадательная и благодушная. Откуда в ней это дикое стремление делать все наперекор ляхскому пану? И отчего в ее душе поселилась стойкая уверенность, что эта борьба меж ними, это непонимание уже когда-то было?

Ксения все-таки сменила платье, выбрав из предложенных ей самое новое на вид. Но сделала это только после того, как Катерина сообщила, что пан выменял одежду на серебро в небольшом займище, которое разыскал в округе. Та так и светилась от радости скинуть надоевшее ей темное платье белицы, отпустить на волю свои косы. Ксения отдала ей ленту, которую привез Владислав, и та с восторгом приняла ее и тут же повязала на голову.

— Жаль, что тут нет ни ручья, ни другой воды, — вздохнула Катерина. — Как бы я хотела полюбоваться ныне на себя!

Ксения не могла сдержать улыбки, видя довольство Катерины своим видом, поспешила заверить ее, что та очень красива. А потом погрузилась, глядя на ее длинные косы, падавшие на плечи, и плотно повязала плат, надежно скрывая свои светлые волосы от чужого взора. Она видела по взгляду Владислава, что тот недоволен тем, что ее голова покрыта, как и у послушницы, а лента красуется на волосах Катерины, что так и крутила головой из стороны в сторону под восхищенными взглядами ляхов. Но он не произнес ни слова тогда, как молчал последующие два дня, даже не глядя в сторону Ксении. Только короткие фразы срывались с его губ, необходимые по случаю.

Ксения понимала, что должна бы только радоваться этому отчуждению и холоду, что установились меж ней и Владиславом. Но иногда она вспоминала, какая радость плескалась в его глазах, в те первые дни, когда он склонялся над ней, гладил ее лицо. Его руки по-прежнему удерживали ее перед собой во время пути, но уже совсем по-другому, не так, как раньше. И это тоже злило Ксению. Ей уверяла себя, что ляхи лживы и лукавы на поступки и слова, что она не должна думать, отчего так холоден с ней Владислав. Она убеждала себя, что вовсе не горечь и разочарование ее переполняет, а непонимание — отчего уверяющий в своей любви к ней мужчина ведет себя ныне так странно, так легко оставил ее в покое, предоставил самой себе, одиночеству, ведь Катерина все больше и больше времени старалась провести с ляхом.

Не только слова Ксении стали резки и грубы от злости, переполнявшей ее, но и движения. За время пути обычно деревенели члены и спина от постоянного напряжения, что сковывало тело. Слишком поздно она поняла, что ее упрямое нежелание ослабить спину, облокотиться на тело Владислава, принесет ей, а не ему неудобства. В конце каждого перехода дико болело тело, тряслись руки и ноги мелкой дрожью. Это привело к тому, что через несколько дней Ксения помимо воли выпустила из рук суму со своим нехитрым скарбом. Тихий звук разбивающихся глиняных сосудов подсказал ей, что ныне запас ее лекарства значительно уменьшился. И верно — из чуть более десятка бутылочек осталась едва ли половина, что привело Ксению в ужас. Отныне она обречена на приступы сухотной, и кто знает, не оборвет ли ее дыхание один из них. В тот вечер она отказалась от еды и горько проплакала, уткнувшись лицом в приготовленную Катериной постель.

— Ты во всем виноват! — прокричала Ксения сквозь слезы заглянувшему в шатер

Владиславу. — Я ненавижу тебя! Ненавижу!

Ксения хотела добавить еще несколько фраз, задевающих ляха, причиняющих ему такую же боль, какую она испытывала сейчас, но Владислав резко опустил полог шатра, отгораживаясь от нее. А потом отошел прочь — она ясно разглядела его темный силуэт в свете от костра, что разожгли в лагере. Она же потом еще долго роняла слезы, тихо скуля и проклиная свою долю, даже Катерину прочь прогнала, желая побыть наедине со своим горем и своими страхами. Ксения настолько устала за день и от слез, пролитых вечером, что незаметно для себя провалилась в глубокий сон, совсем позабыв принять снадобье, как обычно делала это перед тем лечь в постель. А на следующее утро решила, что будет принимать настой, разделив его по частям. Ей казалось, что так она долго оттянет тот миг, когда болезнь сможет взять над ней верх.

Весь день Ксения прислушивалась к собственным ощущениям, пугаясь всякий раз, как сдавливало горло. Она была так сосредоточена на себе, что впервые позволила своему телу расслабиться, откинувшись на грудь Владислава, забылась за своими мыслями. Но нет — как ни ждала приступа Ксения, он не пришел, не давил ей на грудь, не отнимал дыхание.

А спустя некоторое время стали приходить в голову воспоминания. Вначале неробко, отрывистыми короткими картинками, а далее уже целыми событиями, наполненные ощущениями и чувствами, которые сбивали с толку Ксению. Например, она случайно опускала взгляд на руки Владислава, удерживающие поводья в руках, а в голове мелькали эти самые темные от загара широкие ладони на ее обнаженной коже. Или его взгляд, брошенный на нее мимоходом, что вызывал в ее памяти, его лицо да так близко к ней, с таким огнем в глазах, что она смущалась, сбивалась с дыхания и начинала дрожать всем телом.

— Расскажи мне о ней... вернее, обо мне, — попросила как-то раз Ксения, когда в голову в очередной раз пришло обрывистое воспоминание: лес, темные ягоды черники в руке и кисло-сладкий вкус его губ, что терзали ее рот, его плечи под ее ладонями. Владислав так долго молчал, что она уже не ждала ответа, а потом все же заговорил, начал рассказывать то, что знал сам.

Постепенно она стала узнавать каждый момент, что они провели подле друг друга в той жизни, что была закрыта от нее темнотой забвения. Только один раз она оборвала его — когда он упомянул имя ее мужа. Она не хотела, чтобы он ей рассказывал о том, другом, предпочитая вспомнить самой.

Той же ночью она снова видела те похороны, что так долго заставляли ее душу глухо стонать, а разум настойчиво твердить о том, что Владислав ее враг, и ничто не должно изменить того. Она опять была перед большим гробом, покрытом соболиной шубой, только ныне была там не одна. Громко выла в голос женщина в черном платье с длинным носом, что придавало ей некоторое сходство с мышью в глазах Ксении. А после этого сравнения в голове вдруг всплыло еще одно воспоминание — имя и прозвище этой женщины, что дала ей озорная и острая на язык Ксения после того, как та вошла в их род. Брат отчего-то звал свою жену Натушкой, коверкая ее имя Наталья, а Ксения прозвала ее за глаза Норушкой, намекая ее тихий нрав и некрасивую внешность. Глупо и жестоко, она понимала это ныне, но что взять с девочки, которой едва сравнялось десятков годков?

Ксения сама не помнила, как вышла из шатра, завернувшись в плащ, скрываясь от прохлады ночной. Катерина что-то пробурчала недовольно во сне, но она даже не обратила на ее шепот никакого внимания. Владека не было в лагере, не спал он среди пахоликов своей хоругви, что лежали вповалку вокруг догорающего костра. Уснул и тот, кто должен следить

за огнем, и скоро тот совсем погаснет, не будет того редкого тепла, что пока грел спящих.

Владислав сидел в отдалении от лагеря, опершись спиной о луку седла, вытянув ноги вперед. Ксения знала, что он слышал ее тихие шаги по мокрой траве, недаром поднял голову Ежи, чутко спавший чуть поодаль от шляхтича.

— Это был мой брат, — глухо проговорила Ксения, и Владислав повернул голову в ее сторону, явно недоумевая, о чем она толкует. — Мой брат. Его похороны я вспоминала. Его погребение приняла за погребение мужа. Это ты убил его?

Владислав дернулся, будто она ударила его, а потом улыбнулся криво.

— Конечно, я. Ведь я убийца, чьи руки по локоть в русской крови. А особую усладу мне приносит смерть твоих родных, Ксения.

Ксения едва сдержалась, чтобы не закричать в голос, не ударить его. Разве не видит, что ответ так важен для нее? Зачем эти едкие слова, так больно хлестнувшие ее ныне той скрытой горечью, что она распознала в них? А потом вдруг поняла, что эта смерть была не от его руки, едва удержалась на ногах от облегчения, что охватило ее при этом. Она знала, что ежели б его рука была причастна к тому, то она никогда не смогла бы простить ему этого. А так...

— Уходи! — приказал ей Владислав, отворачиваясь от нее. — Уходи в шатер.

Но Ксения хотела узнать у него еще кое-что, потому даже не шелохнулась, даже ногой не двинула.

— У меня есть братья. Я знаю то. Отчего ты везешь меня в западные земли? Отчего не вернешь меня в род? — но Владислав уже снова устраивался на своем месте, давая понять своей позой, что более вести разговоров ныне он не имеет желания. Но Ксения не унималась, подошла ближе. — Почему ты не отдашь меня родичам? Зачем и куда везешь меня? Я никогда не смогу стать прежней, никогда не смогу смириться. Московитка и лях, разве ж слышано то? Прошу тебя отпусти меня к родичам. Ты можешь вернуться к Москве, я слышала, что ляхи уже под самыми стенами. Нет тебе угрозы, коли к Москве пойдешь.

— Нет, не будет того! — ответил ей Владислав. — Ты знаешь, куда я везу тебя. В Белоброды. И будь я проклят, коли не довезу на этот раз! И никто, слышишь, никто не помешает мне в этот раз — ни Бог, ни черт! И даже ты сама!

Она отшатнулась от него, услышав подобное богохульство, а потом вдруг в голове возник этот же голос, только тихий и нежный: «Я вез тебя в Белоброды, на мой двор. Я хотел, чтобы ты стала хозяйкой в моем доме. Стала женой моей... Я не хочу более отпускать тебя от себя, хочу, чтобы ты всегда была подле меня. Носила мое имя, принесла в мой дом детей. Я ныне этого желаю более всего на свете. Ты станешь моей женой, Ксения?...»

— Я не хочу того, — проговорила тихо Ксения, сама не зная, какому именно Владиславу отвечает ныне — тому, что сидел напротив нее, или тому, чей голос вдруг услышала в голове.

— А я не пытал про твои желания, моя драга, — ответил ей тот, что был подле, откидываясь назад, на седло, закрывая глаза, показывая, что разговор окончен. — Ты столько раз за эти дни твердила мне, что я убийца и насильник, что ты моя пленница. А мне нет дела до желаний моих пленников!

Голубые глаза схлестнулись с темными в немом поединке, пытаясь смутить своей ненавистью, своей злостью. Будь у нее в руке сабля, рубанула бы, подумала Ксения зло, а потом вдруг сникла, отвела глаза, признавая свою слабость. Ту слабость, что никогда не позволит ей причинить ему вреда. Ту слабость, что не дала его сгубить спустя несколько

дней вместе с его ляхами проклятыми и планами на ее счет, ту слабость, что не позволила ей избавиться от него раз и навсегда.

Их маленький отряд пересекал очередной небольшой луг, что лежал между двумя густыми и темными лесами, как навстречу им быстро выехал дозор, шедший впереди.

— Отряд впереди, пан. Под русскими стягами идет. Около двух сотен.

Ксения почувствовала, как напряглась рука Владислава, придерживающая ее стан на время пути, а потом тот кивнул на лес, что остался за их спинами, и ответил своим людям:

— Воротаемся в лес, укроемся в его темноте!

Ляхи едва успели настигнуть края леса, быстро нырнуть в заросли кустов, что росли плотной стеной по краю лесной дороги, зажимая рты лошадям, чтобы ни звука не раздалось в тишине леса, как на луг выехали первые всадники русского войска. Спустя некоторое время они вошли в лес, где укрывалась хоругвь Владислава. Ксения слышала смех ратников, бряцанье оружия, видела, как играет солнце на медных пуговицах тягилеев и на саблях да лезвиях бердышей. Со своего места в зелени калины она различала лица, вглядываясь в каждую деталь, будто кого знакомого искала. Конечно, ей были незнакомы эти ратники, но были близки ей по крови, по духу. И все они проходили ныне мимо, будто прощаясь с ней, ведь она знала, что ежели все же пересечет границу западных земель, то возврата на отчую землю уже не будет никогда.

Ах, крикнуть бы ныне в голос, что в лесу ляхи укрылись от врагов своих! Но рука Владислава крепко зажимала ей рот, лишая такой возможности. Она скосила глаза сначала в одну сторону, где один из пахоликов замер, нацелив самострел прямо в центр медленно двигающейся по лесу русской пехоты, что следовала за всадниками. А потом взглянула на побледневшую Катерину, которая прижалась отчего-то к лошади ляха своего да что-то шептала беззвучно губами. Той-то рот не зажали! Отчего-то стало горько вдруг от подобного недоверия со стороны Владислава, забылось, что сама недавно хотела кричать в голос. Покатались по лицу горячие слезы, редкие, одна за другой срывались с ресниц и падали прямо на пальцы Владислава.

А потом, когда вновь поехали по лесной дороге всадники, замыкая отряд, о чем-то громко переговариваясь на ходу и смеясь в голос, а Ксения вздохнула украдкой, всхлипнула бы громко, коли рот был бы не зажат, вдруг опустилась рука Владислава, давая ее голосу свободу. Она застыла, ошеломленная подобным жестом, распахнула глаза, глядя только на этих проезжающих мимо русских воинов, даже не подозревающих, что за ними следят чужие глаза из зелени листвы.

Распахнулись пересохшие губы, но ни звука не сорвалось с них. Не смогла Ксения окликнуть проходящий мимо русский отряд, как ни требовал того разум настойчиво. Только глаза закрыла, чтобы не видеть, как уходит из ее жизни последняя надежда вернуться к родичам своим. Навсегда...

Снова за стеной шатра раздался долгий глухой кашель, вырывая Ксению из ее мыслей горьких. А потом сжалось сердце от невольной тревоги — отчего так раздирает грудь Владислава ныне? Неужто кумоха подкралась из болот и терзает его тело? Всеми виной был тот дождь, что зарядил тем же вечером, когда они встретили русский отряд. Он лил плотной стеной, будто кто-то сверху перевернул большой чан с водой. А холод ночей жнивения, когда так обманчиво были теплы дни, но едва солнце скрывалось за тучами, пробирало до самых костей, довершил то, что начал дождь.

Первым занемог Ежи, и Ксения ничуть не удивилась тому. Она вообще удивлялась этой

стойкости и силе этого усатого ляха, словно в этом постаревшем теле был молодой мужчина. Но вот сырость и холод все же достали его до «самых печенок», как он говорил, скрутили спину, боль вгрызлась в колени. Каждый переход давался ляху с большим трудом, и Владислав стал сокращать путь по времени, понимая, как выматываются люди из-за этой непогоды.

Ксения же почти не мокла под этим дождем — шляхтич надежно укрывал ее своим плащом, согревал теплом своего тела, к которому она уже без стеснения прижималась, пытаясь согреться в эти холодные дни. Не позаботились для них с Катериной о теплых епанчах или на худой конец, телогреях подбитых ватой, вот и мерзли они в своих тонких одеждах. Вначале Ксения, правда, сторонилась Владислава, завидуя Катерине, что не обращала внимания на остальных и с первых же холодов прижималась теснее к своему ляху, крепко обнимая того руками. Потом, к полудню, когда от холода зуб на зуб не попадал у Ксении, стало не до стыда, с наслаждением приникла к широкой груди, слушая мерный стук мужского сердца. Бывало, что она засыпала, убаюканная этим тактом и теплом, что окутывал ее Владислав, так и спала весь переход, надежно укрытая от посторонних глаз полрой его плаща.

Правда, иногда это играло с ней дурную шутку. Вот, например, пару дней назад, когда они встали на стоянку, она еще была во власти сна, когда Владислав легко тронул ладонью ее щеку, провел пальцем по ее губам. И она сама подняла руку и повторила его жест, наслаждаясь ощущениями, что вызывала в коже его короткая щетина на щеках и подбородке. Владислав уже несколько дней, как сбрил свои усы и бороду, представ перед ней таким, будто только сошел из ее картинок, что по-прежнему мелькали в голове. Только тонкий шрам, спускавшийся от левого уголка губ параллельно ямочке на подбородке, был нов для нее, она не видела его в своих воспоминаниях.

Именно поэтому Ксения вдруг погладила этот шрам кончиками пальцев, ощущая в себе желание коснуться его губами, стереть ту боль, которую Владислав испытал, получая эту рану. Владислав перехватил ее пальцы и прижал к губам, стгояя своими горячими губами остатки сна, кружащие ей голову, и она тут же вырвала руку из его ладони, злясь в который раз на себя и свое глупое сердце, что мигом вдруг подпрыгнуло в груди от этой ласки. Хорошо, что более она не спала во время переходов — грудь Владислава сотрясал такой кашель, что слышали, верно, за версту. А нынче днем он вообще не умолкал ни на миг, и вот ночью тоже...

Ксения повернулась на другой бок, закрыла глаза и попыталась унять свое сердце, что снова заныло от тревоги. Оно так и гнало ее прочь из палатки. Но чем она может помочь ныне ляху? Она и трав-то никаких не знает.

Лучше не думать о ляхе, решила твердо она. Негоже совсем день-деньской о нем размышлять да еще и ночью покоя не находить из-за него. О муже надо думать, достойнее все ж будет. Ксения до сих пор так и не могла воскресить в памяти ни облик своего мужа, ни картинки с ним. Она уже вспомнила всех, кто был ранее в ее жизни и так нежданно забылся по какой-то причине, даже некоторых ляхов, что шли ныне в хоругви Владислава. И что странно — она вспомнила все, что случилось до момента в лесу, когда она собирала чернику, а после потерялась во времени под руками и губами Владислава. Что касается ее жизни до той встречи с Владиславом, так перевернувшей ее жизнь, то тут воспоминания были выборочные: усадьба в целом, некоторые девки, церковь на краю села, холопы. А вот муж... Мужа в них не было. Будто кто-то стер его из памяти. И как ни пыталась Ксения

воскресить его облик, ее тут же охватывало какое-то странное чувство, смесь липкого страха и животного желания запрокинуть голову и завывать в голос то ли от тоски, то ли от боли.

И Марфута... Ее рыжая смешливая постельница. Подруга ее детства, отрочества и юности. Где она, ее лисонька, как звал ту иногда Михась? Михась... Ксения открыла глаза. О Господи, неужто никогда более она не увидит своих родичей? Неужто никогда не прижмется к отцу, не получит его отеческий поцелуй в лоб, слегка колючий от длинной бороды? Она часто ловила себя на том, что несмотря на то, что так яростно отвергает возможность жить счастливо в той далекой для нее Ляхии, куда везет ее ныне ляшский пан, она все же думает о том уже не так, как в первые дни их пути. И как ей покойно и отрадно, когда бьется сердце Владека под ее рукой... Владек...

С тихим шелестом вдруг отодвинулся полог шатра, впуская в тепло, что образовалось от дыхания женщин, прохладу и неровный свет занимающегося утра. Ксения тут же села, повернулась на звук, желая посмотреть, кто помешал их сну, ведь небо только стало сереть, еще даже не порозовело от лучей солнца за краем земли.

— Панна, выдь! — коротко приказал Ежи и, крикнув от боли, выпрямился, опуская полог на место. Ксения выскользнула из-под плаща, нашла подле постели тонкие чоботы, что когда-то выдали ей при приезде в скит, и поспешила выйти из шатра, зябко поеживаясь от холода, что тут же проник под тонкие одежды, побежал по спине и ногам. Она взглянула на Ежи из-под бровей, недовольная, что ее вытащили на этот холод, а потом тут же замерла, ощущая уже холод не на теле, а в самом сердце. Никто из пахоликов уже не спал, сидели вокруг Владислава, хмурые, заспанные. Тот же лежал между ними, будто спал крепким сном, но Ксения отчего-то сразу поняла, что не сон вовсе удерживает шляхтича на земле.

— Что? — только и смогла выдавить из себя она, повернувшись к Ежи. О Господи, она и не замечала ранее никогда, насколько тот стар, и как глубоки его морщины, прорезывающие обветренную кожу его лица! Или что-то состарило его ныне...?

— Пан шибко плох. Горячка у него нынче ночью началась. И кашель этот... Ты в травах разумеешь?

Как бы Ксении хотелось ответить положительно на этот вопрос, но она не разбиралась в знахарстве, ни к чему ей было то, ведь в вотчине была своя травница. Да и потом в скиту...

— А она? — кивнул Ежи на шатер, где по-прежнему сладко спала Катерина. И снова Ксения покачала головой. — Дьявол и его преисподняя! Я не могу его потерять!

Он отошел от Ксении, принялся крутить ус, что-то обдумывая напряженно. Ксения же на негнущихся ногах направилась к месту, где лежал Владислав на траве. Снова его скрутил тяжелый приступ кашля, и Ксения с ужасом услышала, как он хрипит при том. «Уходи, кумоха, откуда пришла, уходи!», заклинала она про себя, вглядываясь в лицо шляхтича. Казалось, он просто спит, если б не алело так лицо его от жара, что пожирал его ныне изнутри.

— Перенесите его в шатер, ну же! — прикрикнула Ксения, видя растерянность обступивших шляхтича пахоликов. А потом повернулась к Ежи. — Нам нужно займище. Любое. У каждого хозяина есть медвежий жир. Хорош он от кумохи, коли она тело сжигает так, как ныне... Пошли людей кров искать в округе.

Она проследила взглядом, как бережно перенесли Владислава в шатер, укрывая его от дождя морозящего под тканевым кровом, слышала, как засуетилась пробудившаяся Катерина, что-то вполголоса приговаривавшая. Ксения сжала руки, борясь с диким желанием, забраться туда внутрь, сесть подле него, укрыть его своим телом от невзгод. Но

она осталась на месте, зная, что если поступит так, то все, обратной дороги не будет для нее.

«Ты! Ты, блудница вавилонская! Грешница, предавшая свой народ из-за бесовской маяты! Это ты!», — так ясно в голове прозвучал голос матушки Полактии, что Ксения вздрогнула от неожиданности. Все верно, блудница она, отдалась по своей воле ляху некогда, а ныне снова отдавала ему сердце свое и душу, что никак не должны врагу принадлежать. Она опустила на колени прямо в мокрую траву и принялась молитвы читать, умоляя Господа помочь ей с мороком, что охватывал все больше и больше. Она шептала и шептала, а после вдруг поймала себя на том, что уже не молитвы читает, а только и повторяет шепотом:

— Господи, сохрани ему жизнь, исцели его от кумохи, что тело терзает! Господи, сохрани ему жизнь!

— Туман, почему снова туман? Ежи! Ежи! Клятый туман! — раздался из-за ткани шатра позади Ксении громкий голос Владислава, а потом он закричал, заставляя сердце Ксении сжаться от боли так сильно, что слезы выступили на глазах. — Ксения! Ксения!

Я не должна идти к нему! Я не должна! А сердце при каждом крике обрывалось куда-то вниз, падало больно, билось в груди, будто птица в клетке. Ксения закусил губу, стала читать мысленно житие святых, что так часто повторяла в скиту, но не могла не слышать этого зова, рвущего ее душу. Он замолчал вскоре, успокоенный тихим голосом Катерины, видимо, приняв ту за нее, что так настойчиво звал, но его голос зовущий все звучал в голове Ксении, ни на миг не умолкая.

Он мой враг, робко вдруг сказал разум и заставил вспомнить, как горел скит, как насильничали над черницами и белицами ляхи, как шипела в лицо свои обвинения матушка. Но перед глазами вместо этих картин встали глаза Владислава, полные нежности и тепла, зазвучали не крики боли, а его шепот: «Моя драга... моя кохана...».

На плечо Ксении неожиданно опустилась тяжелая ладонь, но она даже не шевельнулась, не оглянулась на стоящего позади нее.

— Пахолики нашли дым в лесу, — глухо произнес Ежи. — Сбираться надо да туда ехать.

Она повернула к нему заплаканное лицо, сначала не поняв, о каком дыме тот говорит, а потом кивнула, быстро поднялась с колен, избегая хмурого взгляда усатого ляха.

— Я вот иногда, ведаешь, о чем думаю? — вдруг произнес он, когда она уже отходила от него прочь, но замерла, услышав его голос. — Кем ты послана была в жизнь его? От рогатого ли или от Отца Нашего? И зачем? На гибель или на благо? Вот что уразуметь не могу до сих пор.

А мне, хотела ответить Ксения, мне на что тоска эта сердечная? И от кого мне морок этот послан, что никак вытравить из себя не могу? Но ничего не ответила она Ежи, прикусив губу, пытаясь остановить слезы так и катящиеся без устали из глаз.

Да тот уже и не ждал ответа, а руководил пахоликами, сооружавшими из шатра подобие носилок, чтобы отвезти шляхтича своего под кров дыма, что высланные в округу дозорные неожиданно отыскивали в лесу. Дым этот был невелик — небольшой сруб под крышей из березовой драни, пара построек да небольшая крытая площадка — сенник, где ныне лежало укрытое от дождя сено, заготовленное для скотины. Заслышав ржание лошадей, в дверях избы показалась фигура, в которой сквозь пелену вдруг снова припустившего дождя разглядели женщину. К ней подошел Ежи, оставив лошадь свою и остальных путников за замком, показывая тем самым, что прибыл он не с угрозами. Они о чем-то переговорили с женщиной, что потом отставила в сторону вилы, махнула рукой, мол, заезжайте скорее.

Пахолики тотчас двинулись на двор, аккуратно везя подобие носилок, на которых лежал больной, снова затихший, провалившийся в глубокий сон.

Ксения оглядывала двор с опаской, ей было не по нраву ни то, что займище стоит с лесу, ни то, что не было видно никого из мужиков на дворе. Вдруг те, где схоронились и только ждут момента, чтоб налететь на ляхов из укрытия да перебить тех. А потом пожала плечами, от судьбы не уйти, ей ли не знать это.

Ежи подтолкнул ее к избе, куда занесли Владислава, и ей пришлось зайти внутрь, быстро перекрестившись на образа в углу.

— Господи помилуй тебя, хозяйка, — проговорила она суетящейся над Владиславом женщине. Та обернулась к Ксении, чтобы ответить, и она замерла, поразившись, красоте той, чей покой они столь неожиданно нарушили. Темные, чуть раскосые глаза (явно дань предкам, что когда-то принесли в род дитя от захватчиков Руси), тонкие брови, узкий нос и пухлые губы. Цвета волос Ксения не могла видеть под убрусом, но была готова спорить, что те были темные, будто соболиный мех, и блестящие, как шелк дорогой.

— Аминь, — проговорила хозяйка, окидывая взглядом вошедшую. Потом так же быстро оглядела мокрую Катерину, что ступила следом из сеней. — Подмога мне нужна от вас. В самое время недужий ваш ко мне в руки попал. Еще один день, и кумоха к себе бы забрала. В баню его надо нести. Пропарить хорошенько да растереть его жиром с травами моими. А после отварами с медом напоим и встанет на ноги, сокол твой, кареглазая.

Катерина вспыхнула алым цветом, краснея от слов хозяйки, а Ксения закусила губу от досады, что Владислава отнесли к зазнобе Катериной. Но промолчала, желая утаить от всех клубок чувств, что распирали грудь, принялась помогать хозяйке во всем, что говорила им — собирала в большую плетеную корзину чистое полотно, какие-то глиняные бутылочки, мешочки с травами. Катерину же послали за водой во двор к колодцу, чтобы нагреть ту в печи, да ляхам приказать, чтобы растапливали баню, что за овином стояла, недалеко от омшаника {1}.

В избе было темно, только горела лампадка маленькая у икон в углу горницы, да скудный свет падал от огня, что не был плотно спрятан за заслонкой печной. Насколько могла судить Ксения, в горнице было чисто прибрано, пахло не скотиной, как обычно у холопов, а полынью, что стелили от блох на пол, да чем-то приятным, но что нос Ксении так и не сумел распознать. Мебели было мало, но вся она была добротная, красиво украшенная дивной резьбой, что говорило об искусной руке мужчины, вырезавшего ее. Ксения отметила мимоходом и печь, явно недавно побеленную, и эту мебель справную, и вновь подумала о хозяине этого займища. Где он прячется? И когда нанесет удар исподтишка, напав на ляхов, когда те совсем расслабятся, разомлеют от тепла, крова над головой и сена мягкого?

Ксения только хотела спросить хозяйку о том, где муж ее, словно мимоходом интересуясь, пока та, придвинув невысокую лестницу, что-то ищет на полке, прибитой почти под потолком, шикая попутно на дитя, что показало круглое личико, обрамленное темными вихрами, с печки, как вдруг раздался какой-то писк, постепенно сменившийся громким младенческим плачем. Хозяйка обернулась на плач, и Ксения тоже повернула голову в сторону, куда та глядела. В углу горницы, плохо освещенном скудным светом, висела колыбель, сплетенная из гибких прутьев ивы. Оттуда-то и раздавался плач младенчика.

На скамье тут же стал ворочаться Владек, пробудившийся от сна этим громким криком, что-то заговорил в голос, повышая его с каждым словом.

— Покачай его, ближе стоишь! — приказала хозяйка. — А то покуда я сойду, наш недужий тут все разнесет ненароком.

Сперва Ксения не поняла, о чем та говорит, а удивилась — доверить дитя незнакомой женщине, что свалилась незнамо откуда с отрядом ляхов. Но в хозяйке ее многое удивляло ныне, как и в этом дворе, где они нашли укрытие и помощь в борьбе с кумохой, потому она все же сделала пару шагов к колыбели и качнула ее робко. Плач смолк, и она заглянула в колыбель, не в силах сдержать своего любопытства. На Ксению из вороха полотна глядели маленькие темные глазенки, также осматривая незнакомое лицо, что склонилось над колыбелью, пухлые губки шевельнулись, выпуская изо рта маленький пузырь, заставляя Ксению невольно улыбнуться.

«... Ведь у нас родится сын. Мальчик с твоими дивными глазами цвета неба.

— И твоими волосами цвета вороньего крыла...»

Ксения вздрогнула от этого шепота, промелькнувшего в голове, а потом вдруг внизу живота возникла острая боль, разрывающая тело пополам. Она согнулась, отшатнулась от колыбели, ловя ртом воздух. Что происходит? Откуда эта боль? А потом вдруг увидела свои перепачканные руки, свою рубаху белую, насквозь пропитанную алой кровью, что лилась из ее тела.

Почему я в рубахе? Я же в сарафане была, удивленно подумала Ксения, прикусывая губу, чтобы не вскрикнуть от очередного приступа боли. А потом будто скошенная серпом упала на пол подле колыбели детской под вскрик хозяйки, стала проваливаться темноту, смыкающую над ней свои крылья. Последнее, что она слышала перед тем, как свет окончательно погас над ней, был детский плач, долетающий до нее откуда-то издалека, из того лучика света, становящегося все уже и уже.

— Мой мальчик, — прошептали ее губы. — Мой мальчик...

1. Отдаленное помещение на дворе, обычно для зимовки пчел

Кумоха сумела удержаться в теле Владислава только пару дней, а потом все же уступила, ушла обратно в лесные болота. Женщина, что приютила ляхов на своем дворе, оказалась искусной врачевательницей на удивление Ксении, ведь спустя некоторое время и кашель, терзавший грудь шляхтича пошел на убыль.

— Скоро продолжите свой путь, куда бы вы ни шли, — сказала на четвертый день Ксении хозяйка, доставая из печи хлеба с толстой румяной корочкой. Ксения же ловко принимала их из ее рук и аккуратно складывала на стол, застеленный чистым куском полотна, чтобы те быстрее остывали. — Лях уже не так слаб, как был, когда вы пришли на двор ко мне. Уже по двору ходит сам. Вот же упрямый — от замета до замета, будто под хмелем, но сам же!

Ксения распознала, как изменился голос хозяйки при упоминании Владислава, и тут же насторожилась. Хотя признаться, в Любаве все вызывало у нее какое-то странное чувство в душе: то ли настороженность, то ли неприязнь невольную к хозяйке. Она была благодарна той за избавление Владислава от хвори, но все же не могла избавиться от того, что так беспокойно становится на душе всякий раз, когда она видела или говорила с хозяйкой этого лесного двора.

Ксения знала, что человек русский никогда по собственной воле не поселится в такой непроходимой чаще среди шишиг {1} и в соседях у лешего с кикиморой. Да еще вдали от рода своего. Обычно холопы редко разделялись, даже когда их собственные дети женились и создавали свою семью. Просто к основной избе делалась очередная пристройка, в которой отныне должна была жить новоявленная семья. Так и разрастались займища, превращаясь в деревни или села, жители которых имели общих предков. И в такое Смутное время, как то ныне было, проще было выжить, когда тебя поддерживает родимое плечо, а не поодиночке.

Да и дворы ставились на просторах широких, когда есть где сеять зерна да огороды делать. Нет, конечно, тут, на этом дворе есть огород, Ксения видела его за баней, когда относилась снедь больному Владиславу, но где в лесу сеять пшено или овес? А то, что зерно у Любавы было, то своими глазами она видела еще пару дней назад, когда хлеба месили первый раз. Вернее, месила тогда Любава, а Ксения только сидела подле стола и наблюдала за быстрыми умелыми руками хозяйки. Она сумела запомнить все действия той и нынче утром уже рискнула сама ставить тесто, сама формировала толстые кругляки, которые сейчас раскладывала на расшитую скатерть уже хлебами с румяной корочкой.

Ксения так погрузилась в свои мысли, что едва не пропустила очередную порцию хлеба, что уже вытаскивала из печи хозяйка.

— Зазевалась, боярынька, — усмехнулась Любава и сама быстро стала раскладывать эту последнюю порцию. Вкусный аромат так и шел от этих горячих кругляков темного цвета, слегка горьких от добавленных перемолотых желудей. Нынче редко кто пек хлеб из чистой муки, даже знатные люди ели такой. Вся земля в сторону южных и западных земель превратилась в пепелище. Сколько раз польский отряд проезжал мимо сожженных деревень и полей с обугленными колосьями, которые уже никто не уберет, когда настанут Дожинки. Как часто сжималось сердце Ксении при виде этого страшного зрелища!

— О чем задумалась, боярынька? Снова спорить хочешь о снадобьях своих? — Любава вытерла руки, слегка запорошенные мукой о юбку. — Все не веришь мне?

Еще в тот же день, когда Ксения провалилась неожиданно в глубокий обморок и открыла глаза только на утро следующего дня, так долго пробыв в темноте, что хозяйка заинтересовалась причиной подобного «сна» своей неожиданной гостьи. Ксении пришлось открыться в своей болезни, опасаясь, что та прогонит их прочь, ведь многие считали сухотную заразной болезнью и старались не иметь никаких дел с больными. Но та лишь головой покачала недоверчиво, а после попросила снадобья Ксении, захотела взглянуть на них. Пришлось той принести суму свою, уже заметно оскудевшую за время пути, что проделал польский отряд от стен монастыря до этого лесного двора.

— Ты ведь травница, — прошептала Ксения пересохшими губами, глядя, как тщательно приноживается к содержимому кувшинчика хозяйка. — Вон сумела горячку прогнать от ляшского пана, сама сказала. Сможешь такое же снадобье мне сотворить? Я все траву соберу, что нужно, все сделаю, что скажешь. Погибель мне без него.

— Это с ним тебе погибель! — вдруг зыркнула на нее Любава и сгребла кувшинчики одним махом в суму со стола. А потом направилась к двери из избы, неся в руке холщевую торбу. Ксения пошла за ней, растерянная и безмолвная, а после, видя, как размахивается хозяйка да бьет изо всей силы суму о толстые доски замета, разбивая все ее кувшинчики на маленькие осколки, закричала в голос, завывала дико, бросилась к хозяйке под удивленными взглядами ляхов, занятых своими делами на дворе.

— Что ты делаешь?! Что делаешь? — только и смогла выдавить из себя Ксения, видя, как быстро становится мокрой холст сумы. Знать, весь остаток разбит.

Из распахнутой настежь двери в предбанник, где лежал Владислав, еще слабый, будто кутенок после жара, мучившего его всю ночь, ломавшего тело, раздался его окрик тревожный. Любава кивнула одному из ляхов на баню, отсылая его успокоить больного, а сама повернулась к бледной Ксении.

— Кто тебе зелье дал? Видно, по нраву ты тому пришлась, — усмехнулась она. — Затуманивают голову травы, успокаивают разум. А потом бы и вечный покой принесли. Забыла бы голова не только то, что было когда-то в жизни твоей, но и телом бы править забыла. Не шевелились бы члены более, — она взяла Ксению за руку, а потом отпустила, показывая, как безвольна рука, когда не управляет ей человек. — Это сперва. А потом грудь дышать бы перестала, сердце бы не билось более. Кто зелье тебе дал, монашенка? Кому стала ты супротив дороги? Какой травнице икусной?

Блеснули ключи перед глазами Ксении на вышитом ковре, гордый и злобный взгляд глаз карих под белым полотном убруса.

— Ключница, — прошептала она. А потом повторила громче, морща лоб. — Ключница. Больше ничего не знаю. Только это в голову пришло....

Любава вдруг склонилась к ее лицу ближе, взглянула на шрам, едва виднеющийся из-под плата темного, кивнула своим мыслям.

— Не холопка ты, монашка, и не из купцов пришла. Хоть руки и грубые, сухие руки-то, а спина прямая, поступь гордая. Я сразу поняла, что дело нечисто, когда еще только на порог ты ступила. И пан этот не той девки кареглазой, а твой, пан-то. Не зря ты на меня очами тогда зыркнула, будто огнем опалила-то.

С того дня Любава стала называть Ксению боярыней. Вот и ныне так позвала, когда та зазевалась принять хлеба.

— Что за травы были в зелье? — спросила вдруг Ксения, помогая хозяйке накрыть свежеиспеченные хлеба чистым полотном, чтобы мошки не садились на них, не портили их.

Любава же только глянула из-под ресниц, аккуратно расправила полотно поверх хлебов.

— Пойдем, умоемся водой холодной, — предложила она. Ксения с готовностью приняла ее предложение, вышла вслед за ней на двор, пошла к кадлушке, полной воды до самых краев, что у задней стены бани стояла. В избе стояла немыслимая духота от натопленной печи, и даже рубаха прилипла к телу от пота от жары, в которой работали женщины. Катерину же Любава не пустила хлеба печь, попросила во дворе посидеть да детьми посмотреть, пока заняты они в избе.

— Зачем тебе травы знать? — спросила наконец Ксению хозяйка, плеская себе на грудь холодной воды. — Те травы только мы, знахарки, знать должны. От матери к матери идет это знание. Ибо у всего есть две стороны: и тьма, и свет. И какую из них из трав извлечь захотят... кто ведает-то. Не от хвори снадобье было, поверь. Да и нет у тебя сухотной-то. Бледности на щеках нет, глаза блестят не так, худоба твоя от тонкой кости. Я-то хворь издалека чую, нет ее у тебя.

Ксения провела мокрой рукой за воротом рубахи, вытирая ладонью пот и пыль с груди, а потом снова с наслаждением опустила ее в широкий ковш с прохладной водой, что набрали из кадки.

— Коли ты такая знахарка, коли хвори чуешь, что ж не в людях живешь? — решилась задать она вопрос, что мучил ее на протяжении нескольких последних дней. — Отчего в глуши лесной? И где мужик твой, Любава? Ведь хозяйство у тебя справное, все ладится. А без рук крепких невозможно то.

Хозяйка ничего не ответила Ксении, но у той отчего-то по спине холодок пробежал. Она отступила от женщины, крестясь быстро, вспоминая жесты и слова странной хозяйки. А вдруг та колдунья какая? Вдруг от людей скрылась неспроста? А потом вспомнились образы в избе перед тусклой лампадкой, и Ксения усомнилась в той пугающей мысли, что принесла ей суеверная натура. Разве может зло перед ликом Святым ходить? Разве может Господу молиться?

— Боишься? — усмехнулась Любава, вытирая лицо куском полотна. — Вот и они боялись. Я ведь не просто знахарка, боярыня. Я ведунья. И мать моя ведуньей была, и бабушка, и многие пращуры мои до нее. К старшей дочери дар этот перейдет, к той, что в колыбели пока и доли своей не знает. Вон как лицом бела стала, боярыня. И ты меня боишься... Но нет зла в душе моей, не могут творить его руки. Потому и пустила на порог хворого пана твоего, не отказала в крове и подмоге. Хоть и будет зол Досифей, как проведает. Ты спрашиваешь, где мужик мой? Нет его на дворе пока. Не тут его кров, хоть и делит со мной постель и детей мне подарил, хоть и душу свою мне отдал и сердце, — Любава вдруг отвела взгляд, прикусив губу нижнюю, но Ксения все же успела заметить блеснувшие в глазах хозяйки слезы. — У всех своя доля, боярыня, как ни противься ей. Я с малолетства знала, что не суждено мне будет в церкви кольцо принять, что навечно второй женой буду. Так и сложилось. Как бы ни противился Досифей, а сговорили его все же не со мной, дочкой знахарки сельской, а с другой, у которой скарба побольше в род было. Стиснула я зубы, терпеть решила. От себя его прогнала, умом понимая, что доля такая выпала. А потом заболела жена его по-женски тяжело, не смогла выправиться, как ни старалась я, заменившая мать в селе. Не поднялась она более с постели, так прикована к ней доньне. Люди на меня наговаривать стали, мол, я навела хворь на ту, что Досифея забрала у меня, двор мой спалили. Меня там удушить желали, да отбил меня Досифей у них. Он у меня из кузнецова рода, кулачищи, что голова мужицкая! Увез сюда в лес, выстроил мне двор да хозяйство справил. Так и живет ныне на

два дома: и хворую свою жену венчанную оставить не может, сгинет та без него, и без меня и дитятей наших нет ему жизни. Так и бывает седмицами — то тут, то там.

Ксения поразилась услышанному, но все же сумела скрыть свое удивление от Любавы, что наблюдала за ней с привычной уже девушке странной усмешкой на губах. Жить без венца, без благословения церковного с мужчиной, да еще с тем, кто под венец другую вел некогда, при жене его живой! Грех страшный же то! Да еще ведовством заниматься!

Ксения знала, как жестоко карает ныне церковь и ведуний, и колдунов. Она была маленькой, когда царь Борис {2}приказывал изыскивать в землях русских людей колдовских, как привозили их в стольный град, где они приносили присягу не творить зла людям добрым. Но помнит до сих пор те ужасы, которые рассказывала ей одна из приставленных к ней мамок, видевшая своими глазами тех страшных колдунов и ведьм, что собирали тогда на площади. Но Любава вовсе не походила ни ликом, ни делами своими на тех людей, которыми так пугали Ксению в малолетстве.

— Ты, верно, думаешь, как я согласилась на то — жить без венца да при живой жене? — вдруг спросила Любава, и Ксения едва сумела удержаться, чтобы не перекреститься в который раз, ощутив в душе страх оттого, как легко прочла хозяйка ее мысли. — Сама доля мне выбрала этого мужчину, сама спутала нити наших жизней в одну. А против нее нет пути, она все равно свершит то, что задумала. Да и как можно противиться, когда сердце уже не для тебя стучит в груди, а для него? Как можно противиться, когда свой живот за него отдашь, ведь жизнь для тебя уже не жизнь без него?

Внезапно до женщин донесся со двора голос Владислава, окликнувший кого-то из пахоликов, и Ксения вздрогнула, почувствовав, как снова заныло сердце. Как и всякий раз ныне, когда она видела его или слышала его голос. Это легкое ощущение длилось всего миг, но цепкие глаза Любавы успели отметить, как что-то дрогнуло в душе Ксении.

— Ты сама ведаешь, каково это когда доля творит с твоей нитью жизни то, что ты не желаешь. Сама противишься ее воле. Он звал тебя. Все время, пока кумоха терзала его тело, звал тебя.

Ксения вздохнула, пытаясь перевести дыхание после того острого удара, который нанесли ее сердцу слова Любавы. Каждое будто гвоздь раскаленный вонзилось в сердце.

— Мне нет места подле него, — ответила она, сама не зная толком, кого желает убедить в том — Любаву или себя. — Он ворог мой, из скита увез силой, в земли свои везет на позор мой.

— Позор ли для женщины с любимым быть? Позор сердца соединить и руки? — спросила хозяйка, а потом добавила вкрадчиво, едва слышно. — Доля иногда дает мало времени на думы, боярыня. И не любит, когда ее дары так жестоко отвергают. Смотри, как бы ни пришлось слезы лить, что не уступила некогда ей. Нить жизни так быстро обрывается порой...

Она не успела договорить, как перепуганная Ксения, вспомнив, что перед ней стоит женщина, глядящая далеко в будущее, ухватила ее за руку чуть повыше локтя. Ее лицо побледнело вмиг, глаза расширились в испуге, что так и бился в сердце.

— Ты видела что? Владек...?

Любава лишь улыбнулась в ответ и головой покачала.

— Не вижу я так. В огонь смотреть надобно, чтобы будущее открыть. Просто слова, боярыня. Но ведь верные они. Особенно по этому времени лихому. Мы ведь, только потерявши, понимаем часто, как дорога была сердцу нашему потеря наша. Смотри, как бы то

не случилось с тобой.

Весь остаток дня Ксения размышляла над словами Любавы. Она признавала их правоту, но как убедить свой ум в том, что не грех то будет смириться с тем, что сама доля ей посылает. Уже на землю опустились сумерки, стало совсем темно в избе, а сон все никак не шел к Ксении, ворочающейся на своей постели из соломы и простыни обычной на лавке под небольшим оконцем. Хозяйка уже давно легла к своему старшему сыну на печь, предварительно накормив младенчика, что тихонько посапывал ныне в колыбели. Постель у лавки Ксении была пуста — в очередной раз выскользнула из душевной избы Катерина на ночное свидание со своей зазнобой ляшской.

Ксения вспомнила, как кормила, ничуть не стесняясь ее взгляда, младенчика Любава, как плотно сжимали пухленькие губки девочки, запеленатой в рубаху матери {3}, темный сосок той. При этом воспоминании закололо уже в груди самой Ксении, и она потерла легко кожу под рубахой, стараясь унять это немного неприятное ощущение. Интересно, каково это, когда твое дитя сжимает губами твою грудь, выдавливая из нее материнское молоко? Ксения вспомнила этот ни с чем несравнимый запах младенчика и закусил уголок подушки, чтобы не застонать от горя, что вдруг всколыхнулось в ней волной. Как же так? Почему судьба отняла у нее младенчика, которого она некогда носила под сердцем?

Она представила, каким мог бы вырасти этот ребенок, биение сердца которого она будто наяву ощущала под ладонью, что лежала на ее животе. Его глаза, светло-голубые, как небо и темные волосы, как у его отца. А то, что отцом этого дитяти был Владислав, она знала точно. Не помнила, нет, из темноты голова не выпустила это осознание. Оно просто пришло откуда-то из сердца.

Ксения увидела, как бежит по двору маленький ребенок в белой рубахе, что волнами идет вокруг его ног от резких движений, мешает его бегу. Темные локоны так и выются на ветру, который далеко разносит детский залиvistый смех. А потом крепкие руки Владислава подхватывают ребенка под мышки, и вот он уже болтает босыми ножками в воздухе, радуясь тому, как быстро кружит его отец по двору.

Скрипнула дверь во дворе, и Ксения пробудилась от дремы, в которую провалилась на короткое время. Она распахнула глаза и уставилась в потолок, сжала пальцами ткань полотна, которым укрывалась от летней прохлады. Она знала, кто именно ныне вышел в темноту двора, ей даже не надо было приподниматься на лавке, чтобы выглянуть в щель между оконными ставнями, чтобы убедиться в правильности своего предположения.

Владислав выходил уже третью ночь во двор, как только на займище опускалась летняя ночь, принося с собой крепкий сон для его обитателей. И Ксения вот уже третью ночь не спала, лежала на лавке и прислушивалась к каждому звуку, что долетал до нее через приоткрытые двери избы. Вот и ныне она замерла, раздираемая на части двумя противоречивыми желаниями: провалиться в глубокий сон, чтобы никаких мыслей не было в голове, или выйти во двор, прижаться к этой широкой груди, обхватить руками крепкое тело так сильно, чтобы заболело в локтях. И никогда не отпускать его более из своих рук... Чтобы более никогда не потерять, как потеряла она его когда-то.

«... Нить жизни так быстро обрывается порой...». Блеск золота на коже пояса в чужих руках. Кровь на кафтане русского воина. Боль, разрывающая сердце на части. Плотный комок слез где-то в груди, такой плотный, что не продохнуть. И крик, женский протяжный крик...

Ксения выгнулась на лавке от боли в сердце, что захватила ее после этой мелькнувшем

молнией эпизоде, стиснув зубы, чтобы не закричать, как кричала тогда. Задышала часто, заколотилось сердце в груди. Я хочу к нему, туда, во двор, — вдруг пришло в голову. Хочу ощутить под руками теплоту его кожи, услышать стук его сердца. И ничто не удержит меня ныне...

Ксения уже поднималась, когда где-то в глубине леса ухнул несколько раз глухо филин. Она замерла на миг, перепуганная этим лесным звуком, а потом даже дышать перестала, заметив, как поднялась на печи Любава, быстро спустилась вниз и, набросив на плечи и голову плат, стараясь двигаться, как можно тише, вышла из избы в темноту двора. Ксения тут же села на лавке, ошеломленная внезапной догадкой, что промелькнула в голове. Что же понадобилось хозяйке на дворе ночью, когда там Владислав стоит? Тут же вспомнилось, как натирала Любава жиром обнаженную грудь шляхтича, когда тот лежал на лавке предбанника, обессиленный, после того, как вынесли его из жара парной, как ныне произнесла каким-то странным голосом слова об упрямстве Владислава.

Она стала быстро искать под лавкой сброшенные перед сном поршни ногами, одновременно пытаясь разглядеть хоть что-то в щель между створками. А потом вдруг сорвалась с места, и как была босиком, помчалась прочь из избы, видя перед собой только женские пальцы на крепкой мужской груди. Еще на пороге сеней она заметила, как медленно приближается Любава, белеющая в темноте ночи, к широкоплечей фигуре, что стояла, облокотившись о замет.

Я сейчас закричу и перебужу всех, решительно подумала Ксения, сжимая косяк двери с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Пусть лучше за младенцем своим смотрит, чем по чужим мужикам шастать!

А потом где-то в лесу что-то крикнули по-польски, и Любава ухватила Владислава за плечо, разворачивая к себе лицом. Ксения тут же сорвалась с места и легко побежала к ним, испытывая какое-то странное желание ударить кого-то из тех двоих. О, с каким удовольствием она вцепится в эти шелковые волосы, неприкрытые платом! Вот чем пошла завлекать эта ведьма, подумала со слезами Ксения, как никогда остро ощущая, как легка ныне ее голова без тяжести длинных кос. Но когда ей осталось менее десятка шагов до замета, где они стояли, Любава вдруг побежала прочь от Владислава, что-то крикнувшего сторожевому в темноту. Мимо сенника со спящими ляхами, за ворота скользнула, сквозь распахнутые створки которых Ксения заметила, как метнулся навстречу хозяйке займища кто-то в белом, подхватил на руки и закружил в воздухе.

Сначала Ксения подумала, что то леший вышел из леса, настолько огромной показалась ей фигура, схватившая Любаву, и она едва сдержалась, чтобы не кинуться к Владиславу, тоже наблюдающему за этой встречей, чтобы искать у него защиты от этого лесного духа. Но приглядевшись, она заметила кирасу, блеснувшую в скудном луче луны, прятавшейся ныне за темными облаками, а потом поняла, что за неожиданный гость пожаловал в займище. Не гость даже, а именно хозяин, поправила себя Ксения мысленно.

Тем временем Досифей опустил на землю Любаву, а потом снова приник к ней в глубоком поцелуе, будто не в силах отпустить ту от себя. Та прильнула к нему, обхватив руками, и опять две фигуры слились в одну большую, белея в темноте летней ночи. А потом фигуры разъединились, влюбленные взяли за руки и скрылись из вида наблюдающих за ними, ушли в лес, чтобы побыть наедине после долгой разлуки.

Ксения перевела взгляд на Владислава и вдруг заметила, как опустились его плечи, как дрожит рука, которой он держится за замет. Как же ей было бы тягостно, коли он оставил бы

ее в болезни, как она поступила с ним! И она вдруг сорвалась с места, за миг преодолела этот десяток шагов, что разделял их, ранее казавшиеся ей такой пропастью, и, буквально врезавшись в него со всего маху, обхватила его руками, цепляясь в ткань жупана на груди, пряча свое лицо у него на спине. Владислав сначала замер, а потом положил свои ладони на ее пальцы, сжал их ласково. Ксения ощущала всем телом, какая мелкая дрожь вдруг стала бить шляхтича, испугалась, что кумоха возвращается к нему.

— Тебе надо под кров! В тепло!

— Нет! — отрезал Владислав яростно, не давая ей вырывать ладони из его рук. А потом добавил мягче, почувствовав, как она замерла за его спиной от его рыка. — Нет, я не болен. То не хворь.

Владислав потащил ее за руку из-за своей спины, и она подалась, шагнула, уступая его молчаливому напору, его требованию. Он тут же взял ее лицо в ладони, заглянул в глаза, словно пытаясь в них что-то разглядеть.

— Ты снова со мной? Ты вернулась из забвения? — наконец прошептал он, и едва сдержал разочарование на лице, когда она покачала головой, насколько позволял плен его ладоней.

— Я помню почти все, — призналась Ксения. — Но с того дня, как мы были в лесу последний раз, и до того дня, как уехала из вотчины в скит, все по-прежнему скрыто от меня. Но...

— Но...? — подхватил Владислав, вынуждая ее договорить фразу, которую начала, но не продолжила, опустила глаза от его лица, снова скрываясь от него за той пеленой тоски, что стала затягивать ее лицо. Нет, он не отпустит ее ныне, когда она так близка к тому, чтобы снова стать его Ксенией, той, что была прежде!

— Но я вспомнила одно в день нашего приезда на этот двор, — прошептала она, по-прежнему отводя глаза от его пристального взора. — У Любавы младенец. Девочка. Такая крохотная, такая... такая красивая... Я тяжела была от тебя, верно?

Владислав вдруг крепко обнял ее, прижимая ее голову к своему телу, и Ксения прикинула к нему, словно ища защиты от горя, что неизменно возникало при воспоминании о дитя, которого им так и не суждено было увидеть.

— Не надо, не вспоминай, — попросил он, но она покачала головой. Ей просто необходимо было рассказать кому-то о том, что она вспомнила недавно. Почему бы не ему, тому, кто тоже потерял кроху, которого она так и не доносила до срока? Ведь именно в нем она ныне увидела свое исцеление от той боли, что глухо ныла в глубине сердца.

— Я помню только, что очень ждала, когда дитя появится на свет, — прошептала она, чувствуя, как слезы накатились на глаза, угрожая вскоре сорваться с ресниц и покатиться по щекам. — Помню то ощущение, когда внутри твоего тела живет твой ребенок. Помню его шевеления, как он иногда стучал тихонько изнутри, мол, вот он я, скоро буду с тобой.

Владислав сомкнул веки и прижался губами к ее непокрытым волосам, чувствуя, как та боль потери, что терзала ее душу ныне, перетекает с каждым ее словом в его сердце, заставляя его сжиматься, да так что дышать стало трудно.

— Мне оставалось несколько месяцев до срока. Я должна была разродиться на Сороки {4} в самом начале весны. Я представляла себе этого ребенка, думала о нем. Именно он стал моей поддержкой, когда душа плакала от разлуки с тобой, я помню это щемящее чувство, хотя и не помню, как мы расстались с тобой. Была зима, когда я потеряла его. Я помню снег, на который смотрела потом в слюдяное окошко.

Она еще крепче прижалась к нему, и он обнял ее, прижимая к себе. На его руку упала первая горячая слеза, сорвавшись с длинных ресниц.

— Я плохо помню, что тогда случилось. Только кровь. Везде, везде кровь — на моих руках, на рубахе, в постели. Дикая боль, разрывающая нутро. И лица... целый ворох лиц надо мной. Я не знаю, кто это, не помню, — Ксения замолчала, вспомнив вдруг кровавый след от ее собственных пальцев на мужском лице с острой светлой бородкой и усами. Молчал и Владислав, воскрешая в памяти слова Северского: «...Я лично выдавил этого ублюдка из ее утробы...».

— Это была девочка, — глухо прошептала Ксения, пряча заплаканное лицо на груди у Владислава, сжимая с силой ткань его жупана. — Я узнавала потом у повитухи. Маленькая девочка. Не мальчик, как мы думали. А я даже не знаю, куда схоронили ее тело. Ведь они должны были схоронить ее, верно?

Но Владислав не мог ответить на этот вопрос — он даже предположить боялся, куда московиты хоронят таких нерожденных детей и хоронят ли, потому просто молчал. А Ксения вдруг замерла, обдумывая мысль, что пришла к ней в голову в этот момент. Потом подняла на него взгляд, пристальный, всматривающийся в его глаза, чтобы уловить каждую эмоцию, что промелькнет в них, когда она произнесет те слова, что так настойчиво бились в уме.

— Я хочу поехать туда! Хочу поехать в вотчину моего мужа, — Владислав был благодарен провидению, что ныне на дворе хоть и летняя, но все же темнота, не дневной свет, а потому Ксения не видит его лица. Ведь эта просьба была настолько неожиданна для него, настолько ужасающа для него, что он не сумел быстро взять себя в руки. — Я хочу поехать туда. Любава говорит, что я могу вспомнить то, что до сих пор скрыто от меня забвением. Да я и сама ныне чую, что это то самое место, где надо быть. Прошу, давай завернем в земли моего мужа. Я ведь помню, они в приграничье.

Как он может отвезти ее туда? Как может показать ей то пепелище, в которое превратилась некогда богатая вотчина? Владислав едва не застонал в голос, видя ту надежду и мольбу, с которыми она смотрела на него. Она видит в том месте возможность открыть то, что скрыто от нее. Для него же это место проклято, ведь именно там он потерял Ксению. И именно там он потеряет ее снова, если согласится на ее просьбу.

Владислав ничего не сказал ей определенного, только выдавил из себя, что обдумает ее просьбу, и она так радостно кивнула в ответ, что благодать, которую он ощущал от их близости, почти сошла на нет. Они долго еще были у замета, прижавшись друг к другу. Сначала стояли, а после опустились на траву, облокотившись спинами о доски. Им не нужны были слова, да они оба боялись ныне их. Ведь то чувство, что снова были меж ними, было таким хрупким и тонким, словно первый лед по осени, так легко могло сломаться от неосторожного жеста или слова.

Вскоре Ксения заснула, Владислав сразу почувствовал момент, когда она провалилась в сон. Он смотрел на ее лицо, отводил тонкие пряди, выбившиеся из короткой косы, что Ксения заплела перед сном, аккуратно, стараясь не разбудить, касался кончиками пальцев ее нежной кожи, еще до сих пор не в силах поверить, что она вернулась к нему. А потом, когда край неба стал светлеть, возвещая о том, что наступает на земле новый день, когда сквозь щель в ворота, тихо смеясь, проскользнула Любава, ведя под руку лохматого огромного детину, который так свирепо зыркал на ляхов во дворе, Владислав решил. Он переговорит с хозяйкой займища, ведь та знахарка и ведает про все хвори. Быть может, она сумеет

подсказать, нужно ли везти Ксению на место, где когда-то стояла вотчина ее мужа, или это только принесет худое.

Владислав сумел поговорить с Любавой тем же утром, уловив момент, когда ее медведь-муж отдыхал в избе, а та суежилась в хлеву, кормя немногочисленную скотину. Женщина выпрямилась от яслей, в которые бросила охапку сена, принесенную со двора, хмуро взглянула на него.

— Это боярыня твоя сказала, что я в души могу заглянуть?

— Нет, не Ксения. Да и не знал я того, думал, ты травница, врачевать можешь только, — Владислав не сумел сдержать удивления, что промелькнуло в его глазах при этой вести, что хозяйка их не так проста, как он полагал. — А ты в души смотришь?

— Смотрю, — буркнула недовольно Любава, досадуя на себя за болтливость. — И вижу почти всякий раз совсем не то, что желала бы. Что ты хочешь от меня, лях? Я переменить ее душу не могу, что есть в ней, то тому суждено. То свыше послано, а Его волю не меняют.

— Спросить я хотел, верно, что если она в то место, где память потеряла, воротиться, то и забвение отступить может от разума ее?

— Верно то, — кивнула Любава. — Но готов ли ты везти ее туда? Сам же все выжег огнем там. Видела я, когда нынче утром в огонь смотрела.

Она смотрела ныне ему прямо в глаза, так и буравя взглядом, но Владислав не отвел взгляда. Он уже давно перестал бояться многого.

— Баб-то зачем? — тихо спросила спустя какое-то время Любава, вздыхая.

— Ярость разум ослепила. А потом... Зелье же сама разбила. Виновницу того и искал Тот, кто поведал мне о той, не успел указать на нее среди остальных баб.

В тот же день Владислав велел своим пахоликам седлать коней. Он хоть и был немного слаб, но в седле держаться мог, и переходы уже сумел бы выдержать. Да и по взглядам, что бросал на них московит шляхтич понял, что их гостевание затянулось на этом дворе. Он оставил хозяевам небольшой кошель серебра в благодарность за кров и собственное исцеление, а потом быстро кивнул тем на прощание и поспешил за ворота, где уже ждал его отряд, готовый выступить в путь.

— Погоди, — вдруг удержала Ксению за руку Любава, когда они прощались на крыльце избы. — Я сказать тебе должна. Я в огонь нынче утром глядела, многое видела. Будет и счастье тебе, будет! Только от имени своего отречься ты должна, боярыня. На имени твоём проклятье наложено той, что уже не снимет никогда. Злоба ее даже с того света худое творить будет, коли имя не сменишь проклятое.

Но Ксения только головой покачала в ответ. Слышала она, конечно, о том, что люди, избавляясь от проклятий, меняли имя свое родовое и нареченное, но то грехом считалось большим. Не довольно ли грехов на ее душе, чтоб еще и это прибавлять к общему числу? Что еще худого может с ней случиться? Она уже довольно испытала худого, ничего уже ее не страшит в доле ее будущей, даже смерть. Хотя вот смерть Владислава... Но проклятье-то на ней, а не на нем, на ее имени.

Оттого она только поблагодарила ведунью, кланяясь той не в пояс, как могла бы, а еще ниже, до самой земли, как боярыня даже и подумать не может кланяться холопке. Та только головой покачала, видя, что Ксения не поняла ее слов, не послушала. Да и она сама с трудом понимала, что принес ей огонь.

— С Богом езжай, боярыня, — перекрестила она на прощание отъезжающих всадников, когда Ксения уже прижималась к груди Владислава, улыбаясь невольно тому трепету, что

чувствовала ныне в душе. — Пусть Господь охранит тебя от всего худого, что впереди ждет.

Все те дни, что польский отряд медленно приближался к землям, некогда принадлежавшим боярину Северскому, по которым всего несколько месяцев назад прошелся огнем и мечом, Ксения не могла сдержать счастливой улыбки. Ее буквально распирало от той благодати, что возникла в ней, когда она сделала шаг к Владиславу в ту ночь на дворе займища. Будто в ту ночь открылась какая-то невидимая дверца в ее душе, пропуская его в самое сердце. Она сама тянулась отныне к нему, прижималась, обнимала, касалась губ легкими поцелуями, аккуратно останавливая его, когда они переходили в более глубокие и страстные.

— Я не могу покамест, — тихо шептала Ксения, когда между ними чуть ли воздух не пылал от того напряжения, от той страсти, что охватывала их, когда они лежали бок о бок на импровизированной постели ночами, накрываясь одним плащом. Владислав ничего не говорил, только целовал ее нежно в лоб или в нос, обнимал и засыпал, прижав к себе. Но отчего ей вскоре стало казаться, что в его глазах при этом мелькает тень облегчения? Будто что-то гнетет его, она замечала то чаще и чаще. Это выражение глаз, когда Ксения ловила на себе его взгляд. Такой настороженный, с такой опаской в глубине этой завораживающей ее черноты.

— Ты пугаешь меня, — призналась она ему как-то.

— Пугаю? Разве я такой страшный на вид? Или разве я могу причинить тебе вред, моя драга? — улыбнулся тогда Владислав, но Ксения отчетливо видела, что улыбка его не коснулась глаз, что те так же глядят настороженно.

А потом к ней стали приходиться воспоминания. И чем ближе подходил отряд к знакомым ей землям, тем все ярче и отчетливее становились эпизоды из ее прошлой жизни. Ее повседневные хлопоты по хозяйству, ее обыденная работа в светлой горнице в кругу девок, склонившихся над рукоделием. Обряды на Семенов день, начинающий год, на Дожинки, на начало сева. Отец Амвросий в темной развевающейся сутане, читающий на поле в весенний день молитву на хороший урожай или в свете свечей под ликами святыми творящий службу. И Марфута, каждый Божий день приходящая к ней в спальню, чтобы встретить день подле боярыни и так и провести его рядом, чтобы уйти только после вечерней молитвы, спеша в свою избу к мужу.

Ксения нахмурилась. Жив ли Владомир, сотник чади ее мужа? Ведь если тот погиб от руки Владислава, ведь если тот свершил свою месть за сестру свою, то остался ли кто-то здоров из чади, что всегда с Северским выступала? Только спустя время, когда уже подошли к Суглинке, на переходе брода которой некогда захватил в полон шляхтич Заславский боярыню Северскую, когда до земель мужа оставался только один-два дневных перехода, Ксения вспомнила о потере Марфуты и ее крик на дворе усадьбы. Тревожно сжалось сердце. Теперь-то Ксения понимала свою подругу, ее горе и траурный плат на голове. Нет ничего страшнее для матери потерять свое дитя, которое она носила под сердцем. А Марфута к тому же уже успела узнать своего мальчика, кормила его грудью, тетешкалась, следила за первыми шагами, ловила первые слова.

Ксения нетерпеливо ерзала перед Владиславом, совсем не замечая, как тот с каждым мигom становится все мрачнее и мрачнее, все сильнее хмурит лоб под прядью темных волос. Марфута! Вот кто поведает Ксении то, что так надежно укрыто от нее ныне. Вот кто откроет ей правду.

Но буквально за несколько шагов до последнего холма, с вершины которого Ксении

должна была открыться усадьба, Владислав остановил коня. Ксения удивленно оглянулась на него.

— Что? Почему мы встали?

А потом заметила, что остальные пахолики задержались поодаль от них, будто давая им возможность переговорить наедине. Или опасаясь приближаться...

— Ты опасаясь идти к вотчине? — спросила Ксения Владислава. Конечно, как же она не догадалась сразу! Польская хоругвь, показавшаяся на холме, будет знаком для холопов в селе в низине и для ратников на стенах усадьбы, что опасность приближается к землям. Кто ведает, чем закончится этот визит для обеих сторон тогда. И как она ранее не подумала об этом?

Прежде чем Владислав успел ее остановить, Ксения легко соскользнула с коня, едва удержавшись на затекших после долгого пути ногах при том.

— Что ты делаешь? — Владислав протянул руку, чтобы остановить ее, но она уклонилась от его останавливающей ладони, сделала вид, что не заметила упреждающего жеста.

— Я пойду одна. Они же знают меня в лицо. И холопы, и чадь на стене. Никто не причинит мне вреда, — она обернулась к вершине холма, сгорая от нетерпения наконец увидеть земли, которые за несколько лет успела полюбить, как и положено было боярыне, хозяйке этой вотчины. То-то, удивятся люди ее возвращению! И Марфута...

Она обернулась к спешивающемуся Владиславу, хотела спросить, остался ли жив в битве, что была меж ним и боярином Северским хотя бы кто-то из чади. Но не стала, сообразив, что вряд ли шляхтич знает в лицо сотника боярского.

— Подожди, подожди, — снова протянул к ней руку Владислав, но Ксения уже поднималась вверх по холму, скользя кожаными поршнями по траве. Он позвал ее, когда она уже поднялась на самую вершину, и было что-то в его голосе, что заставило Ксению обернуться на него. Она поразилась мертвенной бледности его лица, отчаянно, что заметила на его лице, и какой-то странной обреченности в облике, что будто придавила его к земле.

— Подожди, моя драга, позволь мне сказать, — попросил Владислав, и Ксения замерла, глядя в его темные глаза сверху. А потом медленно повернулась в сторону, откуда должен был открыться ей вид на село в низине под холмом, деревянную церковь возле небольшого кладбища и усадьбу, обнесенную деревянным тыном на небольшом возвышении поодаль, на изгибе Щури.

Ничего не было. Ни села, ни церкви, ни усадьбы. И людей тоже не было. Только выжженная черная от пожарища земля с остатками жилищ и печей, только остатки обгорелой стены на холме вдали среди этой изумрудной зелени лугов и леса вдали подле золота неубранных полей, рядом с небом, отражающим свою лазурь и белизну облаков в глади широкой реки.

Ноги Ксении подкосились, и она упала в траву на колени, больно ударившись о земную твердь. В голове судорожно метались мысли, сердце сломившее разум все еще искало оправдания, хотя голова то и дело повторяла короткий ответ Владислава на прямой вопрос, заданный ею когда-то. Это кто-то другой спалил село и усадьбу. Кто-то иной. Разве мало в округе ходит лихих людей? Разве мало встретилось им выжженной земли? Так близко тут приграничные земли, Смута идет по Руси, сея хаос и разрушение.

Позади нее раздались шаги, и в траву подле нее опустился на колени Владислав, положил ладони на ее плечи, заглядывая в лицо. Она отвела глаза от страшной картины, что

открывалась перед ней с холма, взглянула в его черные очи, глядящие на нее с тревогой и... страхом.

— Скажи, что не ты, — прошептала Ксения, ужасаясь тому, что увидела в его лице, в его темных, прямо-таки черных ныне глазах.

Ну же, обмани меня, солги. Солги мне, что это не ты сравнивал село с землей, уничтожая все живое, что когда-то было тут. Солги же мне... И я поверю тебе. Поверю, потому что хочу в это верить. Потому что больше всего на свете хочу тебя оправдать. Потому что мое сердце не желает верить в то, что ты можешь быть так жесток. Солги мне, умоляю...

Но Владислав только коротко кивнул ей, давая понять, что это его пахолики прошли здесь огнем и мечом, выжигая эти земли, пропитывая их кровью. Кровью жен и детей, ибо если б здесь остался хоть кто-то живой, то уже приступили бы к жатве полей, что желтели в низине. Ведь только зерно, это золото полей, столь ценное холопами, помогло бы продержаться зимой после всего это разрушения.

Все еще не в силах поверить, Ксения повернулась к пахоликам, что стояли у подножия холма с другой стороны. Никто из них не смог выдержать ее взгляда, каждый отвел глаза в сторону или опустил взор.

Тогда она поднялась, своим движением сбрасывая ладони Владислава с плеч, встала на ноги и медленно пошла с холма вниз, по направлению к тому, что некогда было ей домом столько лет, туда, где жили ее люди, которых она одаривала на праздники, вместе с которыми встречала их горести и радости.

— Я пойду одна! — резко сказала она Владиславу, спешившему следом, когда распознала за спиной поступь его шагов. — Я могу побыть одна на могиле Марфуты?

Сказала и опешила, даже пошатнулась от того осознания, что мелькнуло в голове вслед за ворохом эпизодов и лиц, вслед за различными эмоциями, что она когда-то испытывала здесь, в этих землях. Побледнела будто смерть увидела перед глазами. Да, сказать по правде, так и было ныне...

— Я не убивал ее, клянусь! — запальчиво произнес Владислав. — Я не нашел ее... — он резко замолчал, осознав, что едва не произнес.

«Я не нашел ее тела среди убитых баб, когда прошел приступ ярости, затуманивший мой рассудок».

Ксения обернулась на него, улыбнулась какой-то странной улыбкой, показавшейся ему ныне такой жуткой, пробравшей его до самого нутра.

— Я знаю то. Не ходи за мной. Одна побыть хочу, — и пошла вниз, аккуратно ступая по траве, чтобы не скатиться кубарем вниз с этой крутизны холма. Владислав смотрел ей в спину, наблюдал, как она медленно удаляется от него, борясь с тем страхом, что всколыхнулся в душе в этот миг. Ведь он будто наяву ощущал, как медленно тает меж ними та призрачная нить, что соединяла их сердца еще недавно.

Нет, он с силой рванул траву, что росла под ногами, нет, он не позволит тому!

— Я никогда больше не потеряю ее! Никогда! Горе тому, кто отнимет ее у меня снова! Клянусь своим гербом шляхетским в том! Честью своей клянусь!

1. Нечисть. Живет в лесных чащах или в доме. Если живет в лесу то нападает на случайно забредших людей, чтобы потом обглодать их косточки.

2. Борис Годунов. Достоверный факт — в 1598 году Борис Годунов, опасаясь порчи и сглаза, заставил «колдовских людей» принести клятву, что они никакого лиха не напустят на

Русь и на государя в его лице.

3. Считалось что такое подобие пеленки — лучшее средство для дитя от дурного глаза и других напастей.

4. Начало марта.

Черная от пепла земля, сгоревшие остовы, будто скелеты, наклонившиеся к земной тверди под гнетом так внезапно обрушившегося на селение горя. Но более всего Ксению страшило, что она может наткнуться на останки, уже заметно попорченные огнем, потому она почти не оглядывалась по сторонам, идя по улице села между сгоревшими избами и покосившимися заплатами и плетнями. В воздухе уже давно не было духа гари, но Ксения опасалась лишней раз вдохнуть, чтобы ненароком не учуять его. Как часто она видела по пути в эти земли подобную выжженную землю, но даже в страшном сне не могла себе представить, что пройдет по собственной земле, черной от пепла, политой кровью. И что это будет делом его рук...

Она дошла до околицы села, где стояла некогда церковь, а теперь лежали лишь обугленные бревна. Но Ксения не увидела этих останков небольшого храма. Перед ее глазами вдруг предстала церковь такой, какой она была ранее — с тонким единственным куполом, на котором возвышался крест, с образом Святым над входом. Отец Амвросий на ступенях провожает своих прихожан, что спешат после праздничной службы в это Вербное воскресенье в свои избы, держа в руках освященные веточки с маленькими мохнатыми шишечками. Впереди, согласно положению идет она сама — в богатом уборе, украшенном поднизьями с лазуревым камнем, что прислал в подарок отец, с какой-то грустью в глазах. У нее в руках тоже ветки вербы. Она спешит вернуться в терем и оторвать от этой веточки девять шишечек, чтобы проглотить их, морщась и запивая водой, как средство от «пустого нутра».

Это разузнала для нее у повитухи Марфута, что наспех крестится ныне у входа в церковь и спешит за своей боярыней. В мороке Ксении, застывшей на утопанной копытами многочисленных лошадей, она прошла так близко, что та едва сдержала себя, чтобы не коснуться призрака, пришедшего к ней из прошлой жизни. Так близко, что Ксения успела заметить непослушную прядь волос рыжего цвета, что как обычно выбилась у Марфуты из-под убруса.

Вербное воскресенье. Они тогда даже не подозревали, что через пару месяцев отправятся из вотчины тайно, и это путешествие навсегда перевернет их жизни...

Ксения пошла дальше по дороге, к усадьбе, вслед за призраком Марфуты. А вокруг уже появлялись другие: молодые холопки — кто с яркой лентой волосах, а кто и просто в берестяном венце, обтянутом расшитым льном; замужние бабы в убрусах, старухи, еле передвигающие ноги, сидящие на завалинках у входа в избы; дети, играющие прямо на дороге в камешки или салки, с визгом убегающие из-под копыт чадинцев, возвращающихся в усадьбу откуда-то. Мужиков не видно, они обычно не бывали в селе, когда солнце стояло на небе — работали в полях или на косьбе, а бывало, и барщину отрабатывали в усадьбе, коли потребно было.

Ксения знала, что эти призрачные фигуры лишь плод ее воображения, но все же огибала сидящих на дороге на корточках ребятишек, стараясь не потревожить их игру, не задеть их ненароком. Аккуратно ступала по дороге, стараясь, чтобы подошва не скользнула на песке, не упасть на неровностях пути.

Вот и усадьба. Толстые стены превратились в груды обгорелых бревен, с большими прорехами в некогда плотном тыне. Из створок ворот осталась только одна, висящая на

одной петле. С укором и сожалением глядел на Ксению из-под грязи и слоя темной гари святой лик, что был над воротами согласно обычаю.

Она не смогла ступить за ворота. Не сумела. Напрасно маячила вдали фигура Марфуты, скользнули по двору прозрачные сенные девки, со смехом перебежав из нижнего подклета, где была мыльня, в женский терем. Напрасно манил распахнутыми дверями верхний этаж и рундук с резными балясами, хотя наяву от него остались только нижние ряды бревен мыльни. Ксения смотрела на усадьбу и наблюдала через распахнутые ворота, как живут своей обычной жизнью те, кого уже нет на этом свете. Будто время для них остановилось. Или это она, Ксения, выпала невольно из той жизни...

— Моя лада...

Он был там. Ее муж. Она видела его во дворе возле крыльца основного терема. Даже через расстояние, разделявшее их, она узнала бы его. По фигуре, по богатому платью, по стати, с которой она стоял, поставив одну ногу в ярко-алом сафьяновом сапоге на первую ступеньку крыльца.

Ксения не могла понять, что за чувство преобладает в ней ныне — ненависть к нему за все то, что он сотворил с ней, за смерть ее дитя, которого она так ждала, ненависть, толкающая на безрассудный грех, или жалость к нему. Ведь она вспомнила, как он гладил ее волосы, когда все свершилось, когда по воле Господа или злему замыслу из ее головы ушли воспоминания. Помнила, с какой тоской смотрел в ее лицо, будто прощаясь, как уткнулся в ее сложенные на животе руки лбом, когда она уже, одурманенная и обездвиженная, лежала в колымаге на ворохе сена, готовая к долгому путешествию в скит.

Теперь Ксения понимала, отчего так злобно шептала ей в ухо Евдоксия, когда осталась на некоторое время наедине с той, кого травил несколько месяцев подряд, кого одурманивала духом трав в светлице, выставляя ее безумной.

— Он любит тебя. Он любит тебя, несмотря на все, что принесла в его жизнь, — шептала с горечью Ксении, которая даже языком шевельнуть не могла, ключница. — Не смог тебя убить после того, что ты сотворила. Даже не ударил! Я вижу по его глазам, что он вернется за тобой туда. Пройдет время, и он вернется. Но не найдет тебя! Нет! Ты сдохнешь к тому времени, сдохнешь, как должна была, когда твое отродье выходило из твоего тела. Ты никогда более не вернешься сюда!

— Моя лада...

Теперь Матвей был уже ближе. У самых ворот стоял, у обугленной створки, висящей на одной петле. Ныне Ксения могла рассмотреть его отчетливее. Его бледно-голубые глаза, глядящие с тоской и болью. Его шрам от ожога, что поднимался из ворота рубахи вверх по шее к левому уху. След ее рук. След ее ненависти.

Женское сердце не носит в себе долго ненависти. Или это был отголосок тех дней, что Ксения провела в скиту, где ее приучали к смирению и принятии любой доли, что отведена на век человеческий? Вот и ненависть Ксении испарялась, словно роса на солнце, видя глаза мужа, вспоминая его страдания и в младенчестве, и после, уже в зрелом возрасте, оставляя лишь жалость к нему и сострадание его душевным мукам. Кто ведает, как повернулось бы колесо судьбы, коли она б сумела принять мужа, как должно с самого начала их брака. Или коли он сам открылся бы ей тогда. Какая сторона души тогда одержала бы верх над Матвеем? Глядишь, и не было б той жестокости, что закрыло сердце Ксении для него. Да и она сама не сотворила бы того, что ныне так жгло ей взгляд.

— Я прощаю тебе, — прошептала Ксения, глядя в глаза мужа. — Прощаю тебе все.

Прости и ты меня за все. Не соединились наши нити в одну, не дано нам было одного пути.

Кто ведает, какова была смерть Северского? Была ли она быстрой и легкой, от рубящего удара сабли, каковой она ныне желала бы для него? Или он все же пал не в бою...? Нет, она не будет об этом думать ныне, слишком больно и тяжело. Так же, как и тягостно ей думать о том, чья именно рука оборвала нить его жизни.

Ксения опустила на колени в песок дороги, стараясь не смотреть туда, куда случайно упал взгляд — на белеющие кости, что лежали под обугленной створкой ворот, в ворохе чего-то черного, такого страшного для ее взгляда. Зашептала слова молитвы, отмаливая вместо священника души тех, кто сгинул некогда в этом пекле боя, что тут прошел некоторое время назад.

— Помяни, Господи, душу усопшего раба Твоего Матвея и усопших рабов Твоих, сгинувших тут, — шептала она, чуть прикрывая глаза веками, чтобы не видеть призрачные очертания мужа, стоявшего у ворот. — И прости их вся согрешения вольные и невольные, даруя им Царствие и причастие вечных Твоих благих и Твоя бесконечные и блаженные жизни наслаждение.

А потом, сотворив молитву до конца, Ксения поднялась, не поднимая глаз на усадьбу, что снова явилась ей такой, какой была наяву — опустевшей и сгоревшей почти дотла, обезлюдевшей и пустынной, медленно стала спускаться по дороге обратно в село. В ее душе вдруг разлился странный покой, ушла горечь потери и комок слез, что стоял в горле все это время. Будто через прощение, дарованное ею тому, кто причинил ей так много горя и слез, на нее снизошел. И через его прощение Ксении за ту нелюбовь, что жила в ее сердце, за ту ненависть к нему, что толкнула его на последний шаг.

Тихо струился песок под ногами, шелестела подошва кожаных поршней. Ксения не видела польского отряда на холме около деревни, они предпочли не показываться на этом месте, по которому некогда прошли, сея смерть, оттого ей казалось, что она совсем одна среди мертвых на этой земле, выжженной в центре и такой цветущей по окраинам. Все призраки, что встретили ее тут, уже ушли, скрылись от нее за той чертой, куда невозможно было заглянуть человеческому глазу, но Ксения отчетливо ощущала присутствие подле себя Марфуты, словно та шла за ее плечом от усадьбы к останкам села. Вместе с ней остановилась снова перед обугленными бревнами, что остались от церкви.

Ксения опустила на колени в песок дороги, только теперь роняя слезы из глаз. Ее вело обратно на это место ныне одно единственное желание — прислониться к кресту, что стоял на могиле Марфуты, прижаться щекой к земле, под которой она спала. Но после пожарища, бушевавшего в селе, многие кресты на могилах не устояли, попадали наземь, и теперь найти искомую могилу было невозможно.

— Марфута, — прошептала Ксения. Показалось ли ей, или и в правду ее волос вдруг коснулся ласковый легкий ветерок, будто ладонью провел по затылку и вниз по ее короткой косе? — Как мне быть, моя милая? Как мне быть доле?

Как же ей не хватает Марфуты! Как тягостно без той, кто всегда была рядом и в горести, и в радости, делила с ней все, что послано свыше было! Она была старшей из них, ее верная Марфа, хотя и младше по годам. Она всегда находила нужные слова, чтобы утешить или подбодрить ее. Она всегда была подле нее...

Ксения уткнулась лбом в песок, нагретый полуденным солнцем, закрыла глаза, представляя, что где-то подле нее стоит та, которую она так отчаянно хотела видеть ныне. А потом до нее донесся отчетливый голос Марфы из другого летнего дня, когда ее так же

мучили сомнения и страхи, когда ее душу терзала боль. Так отчетливо, будто сама Марфута стояла рядом и говорила ей прямо в ухо эти слова, ставшие пророческими ныне.

— Невольно нам выбирать, с кем доведется усладу и счастье разделить, а с кем горе хлебать. Раз так на долю выпало, то покорись Его воле, прими ее безропотно. Знать, на твой век такова у Него доля писана.

Ксения замерла, услышав их, а после неожиданно вспомнила, будто кто подсказал, как плакала в богатой светлице, как тихо шептала той, которая навсегда сохранит отныне ее тайны в темноте забвения:

— Мне все едино ныне, Марфа. Сгинет он, и мне не жить! Не хочу более такой жизни, как была, а тем паче, теперь, когда ведаю... Ныне я бы без раздумий отринула бы и отчую землю и речь, родичей бы отринула, чтобы за ним идти и жить подле него женой невенчанной. Пусть даже батюшка проклянет, коли узнает! Пусть даже так, лишь бы с ним!

Сколько же довелось испытать Ксении из-за ее любви, что вдруг снова с этими потоками воспоминаний подняла голову, стала разрастаться большим облаком в ее душе! Сколько слез пролила, сколько горестей перенесла. И потерь... Марфута, милая Марфута, сгинувшая из-за ее желания освободить Владека от мучительного конца, из-за ее беспечности. Разве напрасно отдала та свою жизнь некогда? Она-то точно знала, что пан не успокоится, пока не вернется за своей коханой, при виде которой у него так горели глаза, с которым ее боярыня стала такой счастливой.

— Упокой Господь твою душу, моя милая, — прошептала Ксения, глядя гладкий песок, что так легко ускользал ныне меж пальцев. Словно мимолетное время убегал из горсти, которую она зачерпывала. А потом тихо зашептала помянник {1} уже здесь на этом месте, где когда-то гибли под ляхскими саблями холопы, безуспешно пытающиеся найти убежище в святом храме. С каждым словом ее сердце билось все сильнее в груди, душа разрывалась на части от столь различных чувств, что металась внутри нее.

Ксения шептала слова молитвы, и никак не могла избавиться от мыслей об ушедших на тот свет людях, которых она знала, которых оберегала, как положено боярыне. «Простите меня», вдруг мелькнуло в голове, когда совершила последний низкий поклон, едва коснувшись лбом песка на дороге, заканчивая помянник. И так и замерла, склонившись к дороге, не смея поднять глаз на остатки церкви. Потому что чувствовала себя такой живой ныне. Потому что уже знала, что за чувство победит в ее душе. Ибо ей так хотелось быть счастливой...

— Простите...

Ксения поднялась медленно на ноги, затекшие от долгой, неудобной позы на коленях, низко поклонилась усопшим, прощаясь с ними навсегда, зная, что никогда более ей не доведется побывать в этих землях.

Простите меня, вы уже в том, ином мире, а мне суждено остаться в этом. Простите меня за все. За мою любовь простите, что принесла вам столько горя, столько боли.

Потом Ксения резко выпрямилась и пошла прочь из сгоревшего села, вверх по холму. Ноги ее то и дело съезжали по траве, скользя кожаной подошвой поршней, но она упрямо шла вперед, хватаясь за траву, приказывая себе не оглядываться назад. Путь был нелегок для нее, и она запыхалась, пока забиралась на этот холм, стараясь как можно быстро уйти от этого пожарища, от этой могилы, в которую превратилось село. От своих сомнений уйти.

Наконец она взобралась на вершину, с трудом переводя сбившееся дыхание, убирая с щек мокрые пряди волос. Оглянулась на бывшие земли свои, прощаясь взглядом с ними.

Прощаясь с людьми, что оставались тут. Прощаясь с Марфутой.

А потом отвернувшись и стала поспешно спускаться вниз, туда, где расположились на стоянку ляхи, необычно молчаливые ныне, где ходили, переступая длинными ногами, кони под седлами. Она быстро окинула взглядом сидевших в траве и сразу же нашла жупан вишневого цвета с богатой отделкой золотыми нитями. Владислав тоже заметил ее, поднялся вмиг с травы, направился к ней. Блеснул в редком луче солнца, показавшемся из-за туч, золото на его поясе, и сердце Ксении сжалось при воспоминании о той боли, что ударила ее острой стрелой, когда она видела этот пояс в последний раз.

Они остановились в десятке шагов друг от друга, замерев напряженно, вглядываясь в лица, пытливо глядя в глаза. Владислав никак не мог понять, что за мысли сейчас у нее в голове. Ранее это удавалось ему без особых усилий, ранее она была открытой книгой для него. Ныне же ее душа закрыта для него, и это причиняло нестерпимую боль. Как и осознание того, что вот сейчас в этот миг он снова потеряет то, что наполняло его душу до краев, что делало его живым.

Откуда-то со стороны стоянки донеслись крики. Владислав обернулся и увидел, как двое пахоликов тащат за руки женскую фигуру в простом длинном платье. Ее голова была простоволоса, даже без ленты, полагающейся девице. Она кричала в голос от страха, подвывая, с всхлипами. Эти звуки резали слух остальным, но для Владислава они были истинной музыкой небес. Потому что эту девицу поймали в лесу его пахолики, которых он послал на поиски выживших в той бойне, что когда-то была в этих землях. Он помнил, он знал, что остановился тогда у церкви, когда хлопы вытолкнули вперед женщину в сбившемся набок убрусе, с темными безумными глазами. Ключница усадьбы. Та, которую он искал, та, которую винил в смерти Ксении.

Девушка вдруг замолчала, замерев на месте, глядя на Ксению, что стояла по-прежнему безмолвная. В ее глазах заплескался такой ужас, что даже Владиславу стало не по себе. Девушка уперлась изо всех сил ногами в землю да так сильно, что даже двое мужчин с трудом сдвинули ее с места.

— Чур меня! — закричала холопка в голос, а потом стала громко читать молитву, пытаясь вырвать правую руку из пальцев одного из пахоликов.

— Отпусти ее, — коротко сказала Ксения, признав в той, что тащили к ней одну из девочек, что когда-то жила в ее тереме. Она видела, какой ужас та испытывает ныне, видя перед собой ту, что была схоронена еще этой весной, судя по тому, что рассказал ей Владислав. — Отпусти.

Владислав свистнул коротко, махнул рукой, и пахолики разжали руки, отпуская девушку на волю. Та сначала бухнулась на колени, стала неистово креститься, а потом попятилась назад, не отрывая взгляда от глаз Ксении, глядящих на нее с жалостью и состраданием. Затем она резко развернулась и бросилась бежать, то и дело падая в траву и снова поднимаясь, прочь к темному лесу, что виднелся в отдалении, где нашли прибежище те, что выжили в конце весны при нападении ляхов.

Владислав не глядел на побег девушки. Он снова повернулся к Ксении, что смотрела в спину убегающей холопке с каким-то странным выражением в глазах. А потом взглянула на Владислава, тихо проговорила:

— Едем, — и пошла мимо него к коням, к пахоликам, так же, как и их пан, глядящих на нее с любопытством, с неким немым вопросом в глазах. Она ясно видела это, но какой ответ она могла дать ныне, когда за ее спиной выжженная земля, а люди, некогда жившие на ней,

были вынуждены прятаться в лесу и жить в норах, как звери?

Отряд не поехал по обычному пути, что вел из земель Московского царства в польскую землю, свернул к Щуре, намереваясь перейти ее.

— У Смоленска наши войска стоят, — шепнул Владислав Ксении, видя, как она вертит головой по сторонам, недоумевая этому странному пути. — Не горю желанием объясняться с дозорами. Лучше обойти.

От его шепота тонкая прядь волос, что Ксения заправила за ухо, всколыхнулась. Он заметил, как по телу той прошла легкая дрожь, отозвавшаяся трепетом его собственного тела. Заныло в груди тут же. Она вновь стала холодна с ним. Не оборачивалась на него часто, как прежде, не улыбалась той самой улыбкой, от которой так сладко замирало сердце, не клала голову на его грудь. Они были ныне так близко друг к другу, и в тот же миг между ними снова была широкая пропасть.

Жалел ли Владислав, что повез ее в земли, когда-то принадлежавшие Северскому? Большой частью — нет, ведь именно там к нему вернулась прежняя Ксения. Он видел это по глазам, по выражению лица, по жестам. Словно добавилась некая часть, что сделала женщину, что он нашел в монастыре, той самой, что он знал когда-то, которой когда-то отдал свое сердце.

Он в который раз незаметно для Ксении чуть склонился к ее голове и вдохнул запах ее волос. Она больше не покрывала голову с того дня, как они выехали из лесного двора знахарки, и теперь он мог наслаждаться без помех их блеском, борясь с неудержимым желанием коснуться этого роскошного золота. Владислав знал, как Ксения переживает за длину своих кос, считая себя подурневшей из-за того, что их остригли. Но ему казалось, что так даже лучше. Он помнил ее длинные косы, что были до того, помнил, как боялся придавить их ненароком, причинив ей боль. Как тогда, в темноте бани...

От воспоминания, что промелькнуло перед глазами Владислава — сплетенье тел, сплетенье рук и губ, ему стало тяжело дышать. Захотелось покрепче прижать Ксению к себе, зарыться лицом в ее волосы. Но он не мог этого сделать. Оттого и стало горько в рту, сжалось сердце.

— Перейдем реку тут! — Владислав резко остановил своего валаха, натянув поводья. Пахолики тут же последовали его примеру. Ксения же обернулась, взглянула недовольно и в то же время с удивлением.

— Тут еще нельзя переходить, — возразила она. — Глубина позволяет, а вот течение нет. Снесет же!

Но Владислав уже не слушал ее, прыгнул с седла, а потом снял ее с коня, обхватив пальцами за тонкую талию. Разве мог он сказать ей, что нет у него более сил ехать так близко к ней? Разве мог признаться в огне, что пожирает его изнутри с каждым днем все сильнее и сильнее?

— Владислав! — окрикнула Ксения его снова, пошла следом за ним по пологому берегу широкой реки. В ее душе разгоралась злость на него и на его людей, что тоже спешили и следовали за ними к воде, ведя на поводу коней. — Тут нельзя переходить! Ты слышишь ли меня?

Но тот даже ухом не повел. Снял с себя сапоги, закатал штанины до колен, чтобы не замочить их в холодной воде.

— Первым пойду, — сказал он своим людям. — Коли пройду, следом идите. Но только, когда пройду сам. Ежи, возьмишь к себе панну на коня.

Ксения посмотрела, как соглашаются с его словами пахолики, как крутит ус задумчивый Ежи, схватила за руку Владислава, пытаюсь остановить, когда он развернулся и пошел к воде, уже заводя заволновавшегося валаха в реку передними ногами.

— Прошу тебя, Владек, давай пройдем далее, до порогов.

— Нет времени, моя драга, скоро стемнеет, — покачал он головой. — Надо скорее уйти из приграничных земель, когда тут так беспокойно ныне.

Тогда Ксения бросилась к Ежи, наблюдавшему, как медленно вводит коня в воду Владислав, а потом легко взлетает в седло и направляет коня, что-то приговаривая тихо тому.

— Останови его! Ну же! Течение собьет коня с ног. Он же может утонуть!

— Цыц! Доле языком молоть, — оборвал ее Ежи. — Владек плавает, как рыба с малолетства, а уж валах его разумный, не в пример кому!

И Ксения смирилась, умолкла. Стала наблюдать со всеми, как медленно и аккуратно, распознавая путь, ведет своего коня по реке Владислав. Вот валаху вода закрыла колени, потом поднялась до самого брюха, заплескавшись вокруг с шумом. Конь уже не боялся воды, чувствуя крепкую руку, сжимающую поводья, направляющую его вперед.

Они уже миновали середину, когда вдруг валах пошатнулся, провалился в воду по самую морду, и Владислав, отвлекшийся всего на миг на женский крик, донесшийся до него с берега, не удержался и плеском упал в воду. Ксения сжала ладони так крепко, что ногти впились в нежную кожу, оставляя темные полукружья.

Ну же! Ну же, Владек! Отпусти его Щуря, отпусти дева речная, которой приглянулся пригожий и статный лях. Отпусти, ибо он мой! Он всегда был моим!

И спустя миг, что показался Ксении вечностью, над поверхностью воды показалась темноволосая голова, руки уцепились за коня, обводя того через яму на дне, в которую тот неожиданно попал. Конь вскоре снова встал на ноги, нащупав дно. Владислав же не стал снова залезать в седло, а поплыл рядом, не упуская повод из рук. Через некоторое время и он уже встал на ноги, а потом медленно вывел валаха на берег, махнул рукой оставшимся на том берегу, крича:

— Там яма в два на три шага! Берите левее!

Узнав об опасности, что подстерегала их на речном дне, отряд переправился на другой берег без особых трудностей, даже кони почти не дергались в испуге перед холодной водой, в которую погрузились их ноги целиком. Ксения сидела на крупе коня Ежи и смотрела, не отрывая взгляда на Владислава, который привязав к кустам своего коня, уже встречал первого переправившегося пахолика, помогая тому выйти на берег.

— Не сердчай на него, — склонился к ее уху Ежи. — Я ж сказал, он с малолетства плавает как рыба в пруду. Что ему будет? Зато ведает, что хоругвь за ним смело пойдет. Даже в пасть самого дьявола. Вот и привык сам наперед идти.

Ксения нахмурила брови. При чем тут умение Владека плавать? Неужто Ежи не понимает, что упади на Владислава оступившийся конь, удержи того под водой своим весом, тут это умение вовсе не поможет. Да и ныне! Она заметила, как скидывает мокрый кунтуш Владислав, стягивает с плеч жупан и выжимает его, и нахмурилась еще сильнее. Только ведь кумоха отступила от него, только убрала свои кривые пальцы от его тела, так нет же — снова подставляется для нее! Нельзя после Ильи в воду лезть, все знают то. Даже ненароком опасно было.

Ксения даже не стала дожидаться, пока пахолик, метнувшийся навстречу коню Ежи,

чтобы подхватить поводья, добежит до них, быстро спрыгнула с коня в воду, провалившись по колени в прохладу реки. От холода, охватившего ноги, пробравшего до самого нутра по жилам за миг, она замерла, а потом бросилась, с трудом передвигая ноги в тяжелом от воды подоле, на берег к Владиславу, переполненная злостью на него и тревогой, что сжимала ее сердце. Ксения хотела закричать на него в голос, отругать за подобное безрассудство после той болезни, что он едва перенес недавно, наконец ударить с размаху в грудь кулачком, чтобы дать выход своему страху, что всколыхнулся в душе при его падении в реку.

Но когда она подбежала к Владиславу, бледная, только яркая лазурь глаз на белом полотне лица, когда он повернулся к ней, услышав крики пахоликов, что донеслись до него с реки, она замерла на месте. А когда встретила глазами с его взглядом, то и вовсе забыла, что сказать хотела. Вдруг метнулась к нему, путаясь в мокром подоле, обхватила его руками, прижалась щекой к груди. Он пошатнулся от подобного порыва, едва удержавшись на ногах от силы, с которой она ударила об него, а потом стиснул ее в таком крепком объятии, что она даже пискнуть не смогла бы при желании, уткнулся лицом в ее макушку.

А потом Ксения запрокинула голову, взглянула в его глаза, глядящие на нее с такой нежностью, что перехватывало в горле. Еще там, на выжженной земле, к ней вдруг пришло понимание, что она не осталась одна на этой земле, что бы ни случилось, есть человек, который примет ее, которому она нужна любая и в болезни, и в здравии, который разделит с ней все, что суждено испытать на веку. И которому она простит все. Потому что любит его всем сердцем и всей душой.

— Ты весь мокрый и такой хладный, — Ксения почувствовала, как бьет тело Владислава мелкая дрожь. — Надо уйти от реки немного и встать на ночь, как можно скорее огня добыть, чтобы ты согрелся.

И она оторвалась от него, разомкнула объятия, невзирая на его протесты, настаивая на том, что нужно торопиться. Ведь она знала, что впереди у них еще столько времени, что даже дух захватывало при мысли о том, и сладко екало сердце.

Так же, как замирало оно позднее, когда уже встали на ночлег, запалив костер, когда она растирала Владислава медвежьим жиром, что дала Любава на прощание в глиняной крынке с широким горлышком. От каждого касания липких от жира ладоней его кожи кровь Ксении все быстрее и быстрее бежала по венам, стало тянуть в животе. Ксения была благодарна, что Владислав сидит к ней на постели в шатре спиной, не видит румянца, что разлился по ее лицу, даже кончики ушей горели этим огнем. Она снова и снова проводила пальцами по его коже, поражаясь количеству шрамов, что виднелись в неясном свете огня, падающем через слегка откинутый в сторону полог. Эти следы битв и знаки мук, что довелось ему испытать, завораживали Ксению, так и манили коснуться их губами, а потом провести маленькую дорожку из поцелуев вниз по его спине, прижаться к нему всем телом, чтобы этот огонь, терзающий ее, хотя бы ненадолго утих.

— Довольно ли, Ксения? — вдруг произнес Владислав, вырывая ее из ее грешных мыслей. — Эдак Бартышем {2}стану.

Она не поняла, что он имел в виду, не распознав незнакомое слово в его речи, но плошку отставила в сторону, плотно прикрыв горлышко холстиной, вытерев о ту предварительно руки. Столько всего ей предстоит узнать! Его наречие, ведь она еще плохо понимала его, обычаи его народа, их верования...

Тем временем Владислав взял ее за кисть руки и потянул из-за спины, вынуждая занять место перед ним. Потом взял в руки ее лицо и сделал то, что, как ему казалось, он не делал

целую вечность — коснулся губами ее губ, нежно и легко. Она улыбнулась, и он едва сдержал себя, чтобы не впиться более страстным и глубоким поцелуем в эти улыбающиеся губы, не смять их слегка грубо, беря ее под свою власть. Нет, он не будет этого делать, не сейчас, когда то, что снова было меж ними казалось ему таким хрупким. Он не будет принуждать ее своей воле, она сама должна прийти к нему.

Владислав уперся лбом в лоб Ксении, заглянул ей в глаза и улыбнулся медленно, прочитав в них то, что давно хотел заметить в их небесной голубизне. Легко провел пальцем вдоль ее скулы, коснулся пухлых губ.

— Я люблю тебя, — вдруг тихо сказала Ксения, и сердце его замерло на миг, а потом снова стало биться, разгоняя кровь по жилам все быстрее и быстрее. — Я не могу принять то, что случилось там, в вотчине, да и потом на Руси. Не желаю принимать то. Но и потерять тебя не могу, не могу уйти от тебя. Потому что только с тобой я жива. И я люблю тебя. Хочу быть с тобой. Ведь когда я с тобой...

Она не договорила, смолкла и взяла его лицо в ладони, а потом вдруг сама приникла к нему всем телом, прижалась губами к его рту, беря в плен его губы. Как когда-то взяла в плен его сердце и душу.

Ксения провела ладонями по его спине, наслаждаясь изгибами его мускулов, мягкостью его кожи. Ее всегда поражал этот контраст бархата кожи и железа его тела. Жесткость характера и неукротимая ярость, сметающая все на своем пути. И при этом нежность, с которой его большие руки касаются ее, его нрав, заставляющий посылать людей в лес на поиски хотя бы малейшего доказательства для нее того, что при всей его ярости его душа знает, что такое милосердие, что сердце не черствеет даже в пылу битвы.

Потом она отстранилась на миг, чтобы схватить подол своей рубахи и стянуть через голову, отбросила ее в сторону, куда-то к самому входу в шатер, упиваясь тем, что видела в его глазах.

— Я люблю тебя, — снова прошептала она, склоняясь к нему, желая коснуться губами его шеи, вдохнуть запах его тела, который так кружил ей голову ныне. А потом вдруг снова потерялась во времени и в пространстве, забылась, когда он откинул ее назад, на смятую постель, когда стал целовать ее, глубоко и страстно.

И она отдавалась ему. Отдавалась ему не только всем своим телом, она отдавала сейчас саму себя — свое сердце и душу. И она хотела этого. Всей своей сущностью.

Потом Ксения вслушивалась в громкий стук своего сердца, глядя его спину ладонями, наслаждаясь тяжестью его тела, ощущая биение его сердца. Удивительно, но их сердца бились в такт, вдруг подумала Ксения и улыбнулась, чувствуя, как распирает ее от того счастья, что вдруг заполнило ее всю до самых краев, до самого потайного уголка души. А потом не в силах сдержаться рассмеялась тихонько, и Владислав тут же поднял голову, взглянул в ее покрасневшее лицо. Потом улыбнулся сам, перекатился с нее на бок и, подперев подбородок ладонью, принялся наблюдать за ней.

— Ты смеешься...

— Я счастлива, — призналась она, и он поверил, глядя, как сверкают ее глаза в неясном свете, что пробивался в шатер. — Так счастлива, что готова кричать.

— Не надо больше криков, а то подумают, что я тут тебя совсем замучил, — неловко пошутил он. Ксения тут же спрятала лицо, уткнувшись ему в плечо, что-то бормоча себе под нос. Она вдруг вспомнила о ляхах, что сидели у костра за тонкими стенами шатра. Хоть огонь и был в отдалении, но вдруг и вправду она так кричала, что ее слышали?

— В следующий раз закрой мне рот, — прошептала она, краснея, как маков цвет, и Владислав улыбнулся. Впервые его так радовало слово «следующий».

— Ну, уж нет, — покачал он головой, поддразнивая ее. — Я не хочу лишиться такой радости своей!

Ксения заглянула в его смеющиеся глаза, а потом сложила пальцы правой руки в кулачок и ткнула его в плечо. Владислав шутливо сморщился, показывая, какую страшную боль она ему причинила своим легким ударом, а потом перехватил ее кулачок, разжал пальцы, желая коснуться губами тыльной стороны ее ладони, и замер тут же.

— Что? Что случилось? — встревожилась Ксения, заметив, как он напрягся и резко выпрямился в постели. Он тем временем развернул ее ладонь к полоске света, вгляделся в нее, а потом коснулся губами ее шрама, который остался от давней пытки железом. Затем повернулся к ней, по-прежнему удерживая ее ладонь в своей руке, заглянул ей в глаза.

— Смотри, — он поднес к ее лицу свою правую ладонь. На том же месте, у самого основания безымянного пальца у Владислава на руке был точно такой же шрам. Будто кольцом опоясывал он палец с тыльной стороны.

— Вот и повенчали нас с тобой, Ксения, — тихо прошептал Владислав, усмехаясь. — На твоей земле и по твоему обычаю. Осталось только в нашем храме обвенчаться, — а потом вдруг посерьезнел, обхватил ее лицо ладонями, приблизил к своим глазам, заглядывая ей прямо в душу своими черными, будто омут, очами. — Ты станешь моей женой, кохана моя? Разве не видишь, что прав был тогда старик тот — ты моя! Моя радость и мое горе. Моя слабость. Я без тебя будто без сердца, не могу без тебя, нет покоя мне. Прошу тебя, стань моей до конца, до окончания лет наших. Потому что, видит Бог, не в силах я тебе отпустить от себя... не смогу... никогда.

— И не надо, — прошептала Ксения в ответ, глядя в его глаза, полные сомнений, душевной боли и любви к ней. — Не отпускай меня!

Владислав застонал глухо, прижал ее к себе, крепко обхватив руками, запуская пальцы в золото ее распущенных волос, спрятал ее лицо на своем плече.

— И ты уедешь со мной по своей воле? Покинешь отчую землю? — будто не веря тому, что услышал, спросил Владек. — По своей воле...

— Мой дом там, где мое сердце, — прошептала Ксения. — А мое сердце всегда рядом с тобой. Знать, и жить мне суждено там, где твой дом, а не мой. И я войду с тобой в храм твой, приму от тебя кольцо, — а потом отстранилась от него, заглянула в его глаза. — Только прежде, прошу, стань моим мужем и по нашему обряду. Потому как не могу я отринуть последнего, что с отчей землей меня связывает, не могу от веры своей отречься. Давай обвенчаемся в моем храме перед тем, как с земли русской уедем.

— Это немож... — начал качать головой Владислав, но замер, глядя, как замерла она, как потускнел блеск ее глаз.

А потом задумался. Разве мать его не вступила в брак, будучи схизматичкой по вере? Тем паче, ныне эта вера холопская на его земле была уравнена с истинной верой католической. Главное, совершить обряд именно там, за границей московских земель. Он не скажет ей, что схизматическая вера уже не та, что была прежде, до Унии. А потом, когда она поймет, что ходит в храм, подчиняющийся не патриарху их веры, а папе, когда осознает, что уже почти отринула невольню православие, посещая службы другой веры, принимая причастие в чужом ей храме, она сумеет принять его убеждения о переходе в католичество.

— Хорошо, — прошептал он и обрадовался, видя, как просияло ее лицо при этом,

отбрасывая свои сожаления о своем обмане невольном. — Давай обвенчаемся в храме и твоей веры, прежде чем идти под венец в Белобродах. Но сделаем это не в московских землях. Тут и храма-то целого не найти после того, как король Сигизмунд прошел.

Позднее, когда Владислав уже почти провалился в сон, прижимая к себе Ксению, чувствуя тепло ее тела подле себя, она вдруг прошептала:

— Пообещай мне, что никогда не принудишь меня переменить веру, коли я сама не решу так.

Владислав помедлил немного, рассматривая ткань шатра у себя над головой, чувствуя, как тяжелая рука сдавливает грудь все сильнее, а в душу заползает предательский холодок.

— Обещаю, — наконец проговорил он.

Спустя некоторое время Ксения соскользнула в сон, улыбаясь, прижимаясь щекой к его груди, а он еще долго лежал, пытаясь поймать остатки дремы, что слетели с него в тот самый миг, когда он дал ей слово.

Он обманул ее.

На его землях нет церквей ее веры, ни единой не осталось, кроме тех, кто по-прежнему, спустя даже столько лет, не желает признавать власть папы. Но их мало в польских землях ныне, и вовсе нет в Белобродах. Его отец, пользуясь властью, что дала ему Уния, прогнал ересь со земель магнатства, виня в душе схизматическую веру в разладе между ним и матерью Владислава, ненавидя и ее, и все ее атрибуты, и последователей. И теперь эта же вера, некогда разделившая его родителей, вставала между ним самим и Ксенией, угрожая разлучить и их. А между ними никогда более не будет никаких препон отныне. Никогда боле! Разве не он сам поклялся в том там, на холме, когда она уходила от него? Разве не он сам поклялся уничтожить все, что станет меж ними любой ценой?

Ксения придет в католичество со временем, подумал он горько. Она должна будет это сделать, осознав, что столько времени и так молилась за папу, а не за патриарха. В веру, что исповедует он сам, и непременно будут исповедовать их дети. Иного выхода у нее нет. Но не по своей вине и через обман.

Но разве обман во благо такой же грех...? Разве не стоит их счастье, их будущее этой жертвы? Владислав коснулся губами ее волос, наслаждаясь их мягкостью, вдыхая аромат, который ему уже никогда не суждено забыть.

— Прости меня, моя драга. Прости...

1. Молитва об усопших

2. Наричательное имя медведя у поляков, как у русских Топтыгин или Михайло

Было пасмурно, мелко крапал с неба пронизывающий холодный дождик. Будто слезы отчей земли, с которой Ксения прощалась ныне. Она и сама не знала ныне, слезы ли текут по ее лицу или капли этого моросящего дождя скатываются по щекам вниз. Вот он — край земли для нее, этот луг с уже немного пожелтевшей травой в преддверии осенней поры, что уже со дня на день грозила ступить с небес проливными дождями и тусклой пожелтевшей листвой деревьев. Эти березки, что стояли на прилужье, словно три сестры в белых нарядах, обнявшись, тесно переплетаясь тонкими стволами.

Уже там, за этой неширокой рекой, чужая для Ксении земля. Чужой народ, чужая речь, чужие обычаи. Все чужое.

Она расправила на коленях подол, натянув его силой, прижалась щекой к согнутым ногам. Прислушивалась к звукам, закрыв глаза, чтобы запомнить этот последний день на родной земле. Тихо журчала по камням вода реки, шелестел ветер в длинных ветвях берез, склонившихся чуть ли не до самой травы, росшей у корней. Изредка до Ксении доносилось ржание коней хоругви Владислава, мягкий неспешный говор пахоликов.

— Пора, моя драга, — зашуршала трава за ее спиной, но ей не было нужды оборачиваться, чтобы взглянуть, кто стоит за ее спиной. Владислав присел на корточки и обнял ее, прижимая голову к своей груди. — Люди совсем продрогли.

— Мне так боязно, — прошептала Ксения, утыкаясь носом в ямку у основания его шеи, вдыхая запах его тела. И тут же, словно по волшебству, ушли все сомнения, что охватили ее, когда она пришла сюда, под эти березки, чтобы проститься с отчей землей, со всем родным и близким, что оставляла она в Московии.

— Тебе нет нужды бояться, — ответил Владислав. — Я всегда буду подле тебя, клянусь.

Она несмело улыбнулась ему, и он поспешил поцеловать ее в эти слегка дрожащие губы, а потом коснулся губами носа и ее глаз с мокрыми от слез ресницами.

— Мы будем вместе, будем рядом. Всегда. Что бы ни стряслось в нашей жизни, я никогда не оставлю тебя по своей воле. Как говорят монахи при обряде — только смерть разлучит тебя со мной!

И она кивнула ему, приняла его ладонь, поднялась на ноги. Ей ничего не страшно, коли он подле нее, когда обнимает ее своими крепкими руками. Она знала, что Владек сделает все, чтобы сделать ее жизнь ладной и спокойной. И так и будет.

Они снова присели вдвоем в траву подле березок, но уже не сидели, обнявшись. Владислав достал из тонких ножен нож, тот самый, которым она когда-то угрожала ему год назад. При виде этого длинного и блестящего лезвия и резной серебряной рукоятки, богато украшенной камнями, они подняли глаза друг на друга и улыбнулись, вспоминая тот вечер. А потом Владислав воткнул лезвие в землю и принялся выворачивать черный грунт с тонкими прожилками песка и корней трав. Ксения же запустила руки в эту влажную землю и стала ссыпать ее в холщевый мешочек, что принесла с собой сюда.

Две горсти отчей земли. Той самой мокрой земли, которую Ксения, спешившись перед самой переправой рубежной реки, коснулась губами с последний раз, прощаясь. Она знала где-то в глубине души, что никогда более ей уже не ступить на московскую землю, что никогда более она не увидит своих родичей — братьев и отца. Ей вдруг вспомнились ласковые руки батюшки, когда он гладил ее по светлой макушке, что шепча в ушко,

вспомнились лукавые глаза Михаила и суровые Василия, вспомнились многочисленные племянники и племянницы, что провожали ее когда-то в вотчину мужа. Она уехала тогда из отчего дома, но знала, что непременно будет день, когда ее родичи навестят ее дом гостеваньем, или она сама приедет в родную вотчину, что они рядом, а ныне...

— Прости меня, батюшка, дочь свою непокорную и своенравную, прости за все. Прости земелька родная, прости. Нет мне ныне иного пути, как с ним. Потому что только с ним я хочу быть, только с ним...

Ксения вытерла мокрое лицо рукавом и поднялась с колен. Потом быстро, будто боялась передумать, пошла к валаху Владислава, подала руку шляхтичу, и тот одним движением втянул ее наверх, усадил перед собой. Но коня не тронул с места, хотя по его знаку пахолики стали один за другим ступать в воду с шумом. Владислав обхватил пальцами подбородок Ксении и приподнял его вверх, заглянул в ее грустные заплаканные глаза. Просто смотрел и молчал. И она не произносила ни слова, впитывая ту нежность, что светилась в его черных глазах, вливаясь в ее вены и разбегаясь по всему телу, подбираясь к самому сердцу, изгоняя прочь из него все страхи и сомнения.

Владислав медленно коснулся губами ее глаз, стирая последние слезы, а затем легко поцеловал в губы, прошептав прямо в ее рот:

— Я всегда буду рядом, клянусь! Что бы ни случилось!

Так и перешли они рубежную реку. Вместе. Разделяя между собой стук своих сердец.

Ксения еще долго прижималась к нему, прятала лицо у него на груди, не желая видеть, как медленно тает из вида другой берег реки. Тот, на котором она оставляла большую часть своей жизни, чтобы начать иную, новую и, как она надеялась, более счастливую. И этот небольшой оберег поможет ей, придаст ей сил, когда захлестнет ее тоска неумолимой волной по отчему дому, думала Ксения, глядя указательным пальцем холстину, за которой хранилась отныне ее родная земля.

Она непременно сохранит этот мешочек. В память о родных и близких, что она оставляла за своей спиной. Ксения будет надежно хранить его, словно самое святое для нее сокровище. Как и маленький образ Богородицы, что достал из своего мешка один из пахоликов и отдал на одном из привалов после переправы, уже в польских землях. Образ был без оклада, с потускневшими красками, не привлекающими взор, и было странно, почему лях везет в своей торбе эту небольшую икону со слегка потемневшей от времени олифой на краях.

— Мне отчего-то приглянулся вид Святой Марии, не мог пройти мимо, — слегка краснея, объяснил пахолик Ксении. — Быть может, это был дар тебе, а не мне.

— Почему ты не отдал его Катерине? — спросила Ксения, недоумевая, с благоговением принимая из рук пахолика этот неожиданный дар. Вопрос был вполне резонен, ведь этот лях был тот самый, с которым Катерина проводила столько времени, который смотрел на юную девушку с таким выражением в глазах, что сразу становилось ясно, что его сердце отныне навсегда в тех маленьких ладошках. — Почему, Влодзерж?

Тот смело встретил ее взгляд, немного покраснев под россыпью темно-рыжих пятнышек, что покрывали его нос. Влодзимеж был родным братом Эгуса, смешливого рыжеволосого парнишки, что был в отряде Владислава, когда тот взял ее в плен год назад, и который некогда погиб на поляне от руки чадинца ее мужа. Ксения до сих пор помнила его улыбку, такую задорную, полную ослепительного счастья. Потому-то при взгляде на Влодзимежа, старшего брата Эгуса, у нее до сих пор больно сжималось сердце, до того они

были схожи лицом.

— Катаржина станет моей женой, когда мы приедем в земли Заславского магнатства, — произнес Влодзимеж, назвав ту по имени на польский манер. — Ей нет нужды хранить то, ведь она перейдет в лоно в истинной церкви перед тем, — и, заметив взгляд Ксении, поспешил добавить. — Это было ее решение, я ни к чему ее не принуждал, следуя пану. Я шибко люблю ее до того. И потом, как ей хранить веру, коли нет храма? Разве можно вере следовать без храма? Как же без причастия святого?

— Разве на польских землях нет наших церквей? — спросила недоумевающая Ксения. — Разве мать Владислава была не моей веры? Как же тогда она...? И сестра пана?

— Были храмы когда-то, — ответил ей Влодзимеж. — Теперь все в лоне истинной церкви, все перешли под власть папы. Ты не ведала, панна? Разве пан не сказал тебе?

Ксения медленно оглянулась назад, на Владислава, что проверял копыта своего волоха, и что-то говорил стоявшему подле него Ежи. Неужто Владек обманул ее давеча, когда говорил о венчании в церкви ее веры? Неужто лукавил при этом? Кто способен лгать об том?

— Неужто ни одной не осталось? — тихо спросила она, сама не зная, как принять эту весть, что нежданно свалилась на ее голову, но Влодзимеж услышал ее.

— Есть они, — ответил он, и Ксения перевела дыхание, убеждая себя, что ошиблась на счет Владислава, выдохнула облегченно, даже улыбнулась дрожащими губами. — Но их мало. Они вне закона на наших землях. Скоро, совсем скоро и те попы, что отрицают власть папы, как наместника Бога на земле, смирятся.

Ксения не могла не перекреститься при этих словах. Вот богохульство-то! Не зря говорят про латинян, что вера их неверная. Это разве же можно вести такие речи?! Глава их церкви — наместник Бога!

А потом перевела взгляд на образ, медленно провела пальцами по святому лику, едва касаясь кончиками выписанных некогда талантливой рукой иконописца черт. Богородица смотрела на нее каким-то грустным, любящим взором. Впервые Ксения видела подобный взгляд с образа, ранее ей встречались только с укоризной в глазах и суровостью в лице.

И эта любовь, что так и лилась из глаз Богоматери, вдруг вселила в Ксению твердую уверенность в светлой доле, что ждет ее в этих пока чужих и таких пугающих ее землях. Главное — верить. Верить, что впереди ее ждет лучшая доля. Она не останется одна в чужой для нее земле. Они обвенчаются с Владеком в одном из тех храмов, что по-прежнему следуют греческой вере, и уедут после в его вотчину, Белоброды, где будут жить долго и счастливо, где будут растить своих детей.

Ксения прикусила губу. Ей придется смириться, что ее дети буду воспитаны в чужой для нее вере, уж так вышло. Но сама она должна сохранить свою. Непременно сохранить. Ей вдруг показался неким знаком этот неожиданный дар Влодзимежа. Небольшой образ как часть ее прошлой жизни. Как связь с родными, что остались позади и отдалялись от нее все больше и больше с каждой верстой. Связь с отчей землей, которую она должна сохранить.

Она только раз усомнилась в истинности своего решения, когда Катерина тем же вечером завела разговор о возможном будущем, что ждет обеих девиц в польской земле. Ксения недоумевала такой твердой решимости переменить свою веру, такой легкости, с которой та отринула свое прошлое, свое родное. Нет, она не осуждала ее, видя, каким счастьем светятся глаза Катерины, но и принять не могла.

— Я не так набожна, как ты, Ксения, — словно оправдываясь, говорила та. И правда, Катерина не отличалась, на удивление, религиозным рвением, явно отсутствуя мысленно на

службах церковных. Матушка Евпраксия относилась это на счет юности и лености послушницы, намереваясь искоренить их со временем, когда та постриг примет. Да вот и не сошлось ей сотворить это. — Да и может, не так страшна латинская вера, как нам говорили. Ведь и про латинян вон что говорили — и черти они, и ироды, а вон какие они оказались на деле. Такие же люди. Быть может, тогда и церковь у них не шибко другая? Разве Бог может быть разным для христиан? Ведь веруем в Христа же — и латиняне, и мы.

Но Ксения только плечами пожимала — не по ее уму дать ответ на этот богохульственный вопрос, заданный Катериной, то заплетающей, то снова распускающей волосы, уложенные в косу.

— Я готова переменить веру, раз так сошлось. Готова, потому как иначе не смогу стать женой Влодзя, а без того какая мне жизнь? Я люблю его больше, чем себя. Так отчего бы не пожертвовать для него этим?

— Своей душой? — резко спросила Ксения. — Ты готова пожертвовать своей душой? Своим прошлым, своей родовой памятью? Ведь можешь же сохранить их!

Катерина резко обернулась на нее, аж косы взлетели.

— А ты? Ты? Разве ты не готова пожертвовать многим ради своего пана? Я помню твой сказ о том, что было меж вами. Разве ты не готова уступить ему? Тем более, нет нашей церкви в их землях, давно уже нет. Так почему бы не переменить веру на латинскую да жить покойно? Да и как остаться в вере нашей, коли вне закона она в этих землях? Влодзя говорил, что не будет житья покойного тому, кто ее блюдет. Слышала, Ксения? Не будет! А я хочу ее, этой жизни! Счастья хочу, натерпелась уже!

Катерина вдруг сорвалась с места и бросилась куда-то в темноту, зажимая ладонью рот, скрывая плач, что тряс ее тело ныне. Ксения хотела пойти следом, успокоить ее, но ее опередил Влодзимеж, что был недалеко от них, как обычно, и тут же последовал в темноту за убежавшей девушкой, и Ксении пришлось остановиться, чувствуя вину за эти слезы. Кто она такая, чтобы судить Катерину? Разве не писано — не суди...?

В ту ночь Ксения долго не могла уснуть. Она лежала подле спящего Владека, который даже во сне не желал отпускать ее от себя, надежно придавив ее стан тяжестью своей руки. Ксения легонько гладила его мускулы, проводя пальчиками вниз по предплечью и обратно, наслаждаясь теплом его тела, его близким присутствием. Быть может, Катерина права? Быть может, и стоило подумать (только подумать!) о подобном.

Но снова и снова перед глазами вставал любящий лик Богородицы, что ныне был спрятан в торбе после вечерней молитвы, что по обычаю сотворила Ксения перед сном. Снова и снова вспоминалась благодать, которую она испытывала, стоя на службе в церкви, вдыхая аромат ладана, слушая тихое пение певчих, вторящих зычному голосу иерея, творившего обедню или вечерню. Вспоминала, как ходила на празднества вместе с батюшкой и родичами, как блестели некой гордостью глаза отца всякий раз, как она тихо шептала молитвы в их скромной образной в большом тереме. Нет, она пока не готова отринуть все это... не может... Кто ведает — быть может, позднее, когда она пообживется в этих землях, когда почувствует себя не чужеземкой какой, а истинной хозяйкой в Белобродах, кто тогда ведает, как повернется ее доля.

Пока же Ксения никак не могла представить себя частью этой земли, вглубь которых с каждым днем все дальше и дальше продвигалась хоругвь Заславского. Она не чувствовала себя настолько чуждой ранее, когда они держали путь по приграничным землям первые дни. Те были столь схожи с соседними, что порой Ксении казалось, что они не пересекали

западных границ Московии. Такие же рубленые избы в займищах или починках, схожий крой одежд у холопов, что редко, но попадались навстречу, тот же говор, но с каким-то странным мягким оттенком в произношении. А порой такая же выжженная земля в тех краях, что стали ареной решений в спорах о принадлежности деревень, лесов и полей той или иной стороне, разделенных условной границей.

Но спустя несколько дней картина поменялась. Жилища починков или займищ, что попадались на пути, стали отличаться от тех, к которым так привык глаз Ксении. Стены этих домов были сложены в основном не из круглых, а обтесанных бревен, крыша покрыта не дранкой, а соломой, а вместо забора или тына, что окружали московитские дворы, тут были плетни из толстых обструганных ветвей. Иногда попадались дома и хозяйственные постройки с побеленными стенами, словно стенки ценинных печей в богатых московитских теремах, и они, бывало, встречались с яркими росписями в диковинные цветы и птицы с длинными хвостами. Ксения тогда едва могла отвести глаз от этих ярких красок. Она привыкла, что роспись должна быть внутри терема, но вот снаружи...?

Одежды тоже были другие. И если холопы и зажиточные крестьяне мужского пола не особо отличались от своих московитских собратьев и были облачены в большинстве своем в рубахи и штаны, подпоясанные украшенными вышивкой кушаками, то женщины носили совсем иные наряды, чем московитки. Поверх искусно вышитой рубахи (даже узоры были другие, непохожие на русские) одевалась юбка и жилет либо со шнуровкой под грудью, либо просто распашной. Как и в Московии, женщины покрывали голову, показывая свое положение жены и хозяйки дома, но и убрис тут был совсем иной — более длинный, порой прикрывающий спину до самого пояса.

«Рантух», как называл его Ежи, перед которым, бывало, ехала Ксения в седле. С тех пор, как был пересечена граница польских земель, Владислав настаивал на том, чтобы как можно быстрее покрыть то расстояние, что разделяло их с Белобродами. Оттого и везли женщин попеременно разные всадники, чтобы кони не так уставали под седлом. Ксению вез Ежи, только ему и доверил Владислав свой драгоценный груз. Именно уса́тый дядька и рассказывал ей в пути о той земле, в которой Ксении с этих пор предстояло жить, отвечал на многочисленные вопросы, которыми она так и сыпала во время пути, помогал ей в обучении пока до конца не разученному языку. Казалось бы, такие похожие наречия — московитское и польское, но иногда Ксения попадала впросак. Ей еще долго не давались слова, имеющие похожее звучание со словами в русском языке, но различное значение.

— Вот ведь странность, — говорила Ксения Владиславу, когда вечерами они оставались наедине. — Как же тут не запутаться?! Запомнечь означает забыть на твоём наречии, это ж надо. Не знаю, когда я перестану путаться в словах...

— Перестанешь, вот увидишь, — целовал ее в кончик носа Владек, улыбаясь. — Надо совсем перейти на нашу речь в разговоре, вот и запомнишь все. Да и хватит уже на московском наречии говорить. Не в Московии уже.

Он улыбался, когда произносил эти слова, вкладывая в них совсем иной смысл, но сердце Ксении сжималось всякий раз, пропуская острый укол. Верно, она уже не в родной земле, значит, и язык пора позабыть, переменить наречие на это певучее, на ляшское наречие.

Ксения видела, как смотрят на ее одежды — неместные, московитские, когда пола плаща Владислава, укрывающая ее, распахивалась из-за ветра, и смущалась порой от той неприязни, что замечала в глазах провожающих их отряд, когда они проезжали деревни.

Видела, с каким любопытством и пренебрежением встречают на шляхетском дворе, где довелось иногда ночевать Заславскому с его отрядом.

Нет, самого шляхтича, разумеется, привечали радушно, распахивая для него двери своего дома, открывая для его хоругви бочонки с медом или брагой, накрывая столы. Но вот его спутницу... Она ясно различала холод, идущий от хозяйки дома, когда ее старались как можно скорее проводить в горницу, где уже была приготовлена постель, и где только Катерина разделяла ее одиночество, слушая смех и говор из соседней горницы или, как называли ее в этих землях, гридни {1}.

Ксения сначала не придавала этому невольному затворничеству никакого значения, привыкнув с детства, что женщинам негоже быть в горнице с мужчинами и уж тем паче, делить с ними стол, пока отряд Владислава не остановился на ночлег на небольшом шляхетском дворе, встретившимся на их пути. Это был двор, окруженный уже привычным глазу Ксении плетнем, над воротами которого она с удивлением обнаружила образ по русскому обычаю.

Нельзя сказать, что в тех землях, которые они миновали за эти дни, ей не встречались дворы, где жили приверженцы православной веры. Встречались, и их было довольно много. Каждый раз душа Ксении наполнялась теплом при виде этих потемневших от времени и влаги образов над воротами, будто родичей повстречала на чужой земле.

Но удивительно было другое. По рассказам Ежи выходило, что редко можно встретить шляхту «в схизме». Многие из землевладельцев, живших здесь, почти на «околице» Речи Посполитой, были те, кто службой получил свои владения во время войны с Москвой в прошлом столетии {2}, либо приобрел их, расширяя свои земли, у разоренной этой же войной литовской шляхты. И в основном, эти шляхтичи были католиками. Вот от того и была названа православная вера холопской, что в основной массе шляхетские холопы придерживались ее канонов. Всякий раз, как Ксения слышала эти слова — «холопская вера», едва могла сдержать раздражение, коря себя тут же за несдержанность и гневливость в мыслях.

А потом, лелея в душе тайную надежду, Ксения тут же, едва переступив порога гридни, бросила взгляд на красный угол, заметила несколько образов, освещенных тусклой лампадкой, и быстро стала креститься, глядя на лики, улыбаясь при этом радостно. Впервые за последнее время ее улыбка коснулась не только губ, но и глаз. Ее лицо озарилось неким светом, и Владислав замер у дверей, смяв в руке шапку, которую стянул, переступив порог, залюбовавшись Ксенией. Как же она красива, его кохана! Будто создание неземное, дива дивная, его чаровница, украшая его душу...

А затем сжалось сердце, когда он заметил, как рада она видеть эти старые, потемневшие образа, каким светом горят ее глаза. Вспомнил об обещании, что дал ей около седмицы назад, и горько стало во рту. И эту горечь не смог даже сладкий мед стереть с языка, что подала хозяйка прибывшим гостям.

Владислав уже знал, что один из пахоликов, темно-рыжий Влодзимеж рассказал Ксении о том, каково положение схизматиков в этих землях. Он долго ждал, когда она спросит о венчании, которого ждет именно в храме греческой веры, ее веры, но она промолчала тогда, как молчала до сих пор. И тогда он понял одну простую истину, которая ныне причиняла ему невероятную боль, иногда даже сдавливая горло, мешая свободно дышать.

Ксения верила ему. Полностью и безоговорочно. Она ему верила...

Оттого так сжималось сердце в груди, когда она поднимала на него глаза, такие ясные,

такие лучистые, когда улыбалась ему, как сейчас, уходя в соседнюю горницу вслед за хозяйкой, маленькой старушкой в длинном рантухе, спускающемся до самого пояса, на котором позвякивали несколько длинных ключей.

На самом пороге Ксения обернулась к нему и взглянула с нежностью в глазах, как делала это обычно, уходя от него на ночь при ночлеге в шляхетском доме. Будто желая ему приятных снов. А он в ответ улыбался ей одними уголками губ, чтобы не заметили окружающие. Ему казалось, он не имеет права выказывать ей свое расположение перед этими чужими взорами, пытливыми и настойчивыми, не желал он лишних толков на их счет. Именно по этой причине между ними уже давно не было той близости, что исчезала с каждым днем, который они проходили, удаляясь от границы с Москвией. Потому Владислав и избегал людных дорог да проезда через города, что лежали на пути, удлиняя себе путь. Потому и держался от своей спутницы подальше всякий раз, когда они въезжали в шляхетский фольварк {3} на ночлег или на отдых в редкую корчму на дороге. Но Владек знал, что на чужой рот не накинешь узды, что вдоволь чешут языками за его спиной в каждом доме, где они останавливались на ночлег, несмотря на все его ухищрения.

Шляхтич из знатного и богатого рода Речи Посполитой, сын магната Заславского, истинного католика и гонителя холопской веры, везет с собой из Московии женщину. Владислав готов поспорить на что угодно, что толки о нем и Ксении дойдут до отца पहले, чем он успеет пересечь границы Белоброд. Но, видит Бог, уж лучше бы было, чтобы Стефан Заславский узнал о женитьбе сына *post factum* {4}, оттого-то Владислав и не представлял никому из хозяев Ксению, избегая даже имя ее произносить. Он многое взял от своего отца, в том числе и склад его ума, и знал, что негоже ранее времени знать пану Заславскому о Ксении. А мнение по поводу женитьбы Владислава на ней его отец высказал довольно определенно. И не будь магнат Заславский Стефаном Заславским, коли не будет так, как он сказал!

Быть может, поэтому Владислава все чаще и чаще захватывало предчувствие, что каждый день, каждый шаг, что приближает его хоругвь к родным землям — это шаги от нее, от его коханы. Что именно там ему суждено будет потерять ее. Ему все чаще и чаще стали сниться сны, что он пробуждается утром — неважно где, в доме какого-нибудь шляхтича или в шатре, а Ксении подле него уже нет. И он ищет и ищет ее, а найти не может...

Нет, никто и никогда не встанет между ним и Ксенией, думал он всякий раз, когда оборачивался назад на звук ее тихого смеха, что следовал за шуткой Ежи. Никто и никогда!

Потому-то и был скрытен и молчалив, когда дело касалось его спутниц. Да, с паном Владиславом едут женщины. Да, этим женщинам нужна отдельная спальня и услужение, как послужили бы госпоже. Вот и все, что было сказано о них. Даже странная привычка Ксении держаться на людях подальше от него и его людей играла Владеку на руку до сих пор.

Но нынче вечером Ксения совершила ошибку. Она выдала свое происхождение тут же, едва переступив порог. Владислав должен был догадаться о том, заметив, как она крестится прежде, чем шагнуть за ворота шляхетского двора. Теперь хозяева знают, что она схизматичка. А значит, отец догадается, кого Владислав везет с собой, если до него дойдет и этот толк.

Владислав окинул взглядом небольшую гридню, задерживаясь взглядом подолгу на лицах, что впервые встретил на этом дворе. Сухонький хозяин, с длинным слегка изогнутым чубуком во рту, зябко кутающийся в жилет, подбитый мехом волка. Суetyащаяся над столом

пожилая холопка с платком на голове и бусами из цветных бусин на груди. Кто из них поедет в конце тыдзенья в церковь да поведает там, после службы на ступенях храма соседям своим, что сын Заславского везет с собой вглубь земель схизматичку и явно московитку? Скорее всего, именно хозяйка, которая так пытливо вглядывалась в Ксению — только в нее, забыв про Катерину, и которая еще не воротилась из соседней горницы, куда увела женщин.

А хозяйка действительно не могла глаз отвести от Ксении. Так пристально на нее глядела, так долго не могла отвести глаз от нее, устраивая прибывших на ночлег в маленькой светлице на широких лавках, что Ксения заволновалась. Но из глаз хозяйки — некогда голубых будто небо летнее, а ныне выцветших от старости — не лилось того холода и неприязни, с которыми Ксения встречалась прежде. Только какой-то вопрос, будто хозяйка над чем-то раздумывает, но так и не решается спросить у гостыи. Быть может, этот вопрос насчет ее короткой косы, что упала на спину Ксении из-под платка? Она едва-едва была ниже лопаток — странное дело для женщины той поры.

А после, уже уходя распорядиться об ужине для гостей, на пороге, хозяйка вдруг обернулась на Ксению, аж рантух волнами взметнулся.

— Ты не из порубежья будешь, часом? — спросила она на русском языке, хотя и с легким акцентом. И Катерина, и Ксения замерли при звуках родной речи, Ксения даже поднялась с места, удивленная.

— С порубежья, — ответила она, гадая о том, как могла та распознать, что Ксения некогда жила в приграничных землях. Хозяйка просветлела лицом, быстро подошла к ней. Потом легко тронула за рукав рубахи, заглянула с надеждой в глаза.

— А про род Сабелиных не слыхала, милая? — тихо спросила хозяйка и погрустнела, когда Ксения покачала головой.

— Нет, не слыхала.

Хозяйка помолчала немного, покусывая нижнюю губу в волнении, а потом все же опустилась на лавку, потянула за собой Ксению, принуждая ту сесть рядом.

— Пленили тебя где? В порубежье? — спросила она тихо, медленно подбирая слова, вспоминая уже давно позабытую речь. — Из монастыря, чай, забрали. Коса-то вон какая.

— Не черница я, — покачала головой Ксения. — К постригу готовили, да не сложилось. И не пленница я. Сама еду с паном, по воле своей.

Хозяйка подняла на Ксению взгляд, а потом вдруг протянула руку и коснулась волос той, провела ладонью ласково.

— Вот значит как, — прошептала она, тихо вздохнула, словно пытаясь успокоиться, и продолжила. — Ты лицом с сестрой моей схожа, упокой Господь ее душу. Мне привиделось, что из рода моего можешь быть, родичкой мне. Я ведь тоже с Московии. Почти полвека назад так же с паном своим приехала. Вотчину нашу сожгли, людей перебили, а меня вот сюда привезли робой. Да только не робой я стала тут, а госпожой. Полюбилась я Михасю моему еще в пути, вот и приехала на двор уже как невеста его. Обвенчались мы с ним, да так и живем уже почитай столько лет. Деток вон пяток прижили. Все мальцы, все статные да смелые. Вон они ныне где — на земле моей отчей с ратью королевской, под Смоленском стоят. И кто ведает, не против ли своих родичей саблю поднимают?

Хозяйка поджала губы, пытаясь скрыть горечь, что прозвучала в ее словах, покачала головой.

— Кем ты едешь с паном, коли не пленницей? Ведь жинкой ему тебе не стать. Не возьмет ныне шляхтич в жены униатку, а уж схизматичку тем паче. Особливо из герба

Заславских. От веры своей отречешься?

Старушка произнесла последнюю фразу с таким холодом в голосе, что Ксения вздрогнула от контраста с той медленной тихой речью, что велась до того. Распознала осуждение в голосе хозяйки.

— Нет, не отрекусь, — едва слышно ответила она.

— Мои дети тоже так говорили по первости. А вон как прижало, все перекрестились в латиняне. Только Петр не стал, к униатам подался. Никогда не думала, что дети мои латинянами станут! — Ксении вдруг показалось на миг, что голос хозяйки стал голосом ее отца — укоряющим, холодным, бьющим в самое сердце. — Да и как тут не стать, коли и церковей наших не осталось? Коли иереев наших гонят прочь, бьют черным боем, до крови бьют? Только пан Острожский нам и защита ныне. Только в его земли ездим, чтоб службу выстоять да причастие принять. Но наездишься ли за столько верст-то? Все едино, хоть и соседняя земля да неблизкая.

— Неужто нет рядом храма? — спросила Ксения, поймав на себе взгляд Катерины, словно подтверждающий те слова, что когда-то ей сказала бывшая черница. Нет покоя в этих землях тем, кто холопской веры стоит.

— Нет, милая. Был храм, да пан, в чьих землях стояла она, жиду ее отдал. А тот согласен только за гроши ее открывать. Нет у нас грошей лишних. Сама видела — только двор небольшой да пара смуг {5}земли за ним. С того и живем.

— Ты прости мне слова мои злые, милая, прости. Серчаю на детей своих, вот и не сдержалась. У них было несколько путей, у тебя же только один. Тебе уже суждено перейти, раз уже ступила на эту дорогу, — сказала хозяйка после долгого молчания, что установилось в горнице после ее последних слов. Оно было таким длительным, что свеча, стоявшая в глиняной плошке на столе, успела сгореть почти на две трети. И хозяйка, и Ксения не нарушали его, каждая погруженная в свои мысли. — Нет твоей душе покоя. Знаешь ведь, что не сохранить тебе веру, не уберечь, а едешь за ним, позабыв обо всем. И принять этой истины никак не можешь. Оттого и мечешься. Эта, — она кивнула на Катерину, что спала уже, положив ладонь под щеку. — Она не такая. Отошла от веры нашей, даже на образа не перекрестилась. Ты же... Ты другая совсем. Жалко мне тебя. Дай Господь тебе никогда не пожалеть о том, что решила. Одной в чужой земле тяжело будет. Много слез пролить придется. Михась мой моей веры был, когда в дом ввел, да и не та птица совсем, что твой пан. Только пан тебе опорой будет. Никого больше подле, только он. А люди злые бывают, ой какими злыми! Позволишь кому встать меж вами... почитай, пропала... Так что забудь мои слова былые. Тебе нет иного пути, как к латинянам. Раз уже на бревно, что через яму лежит, ступила, то иди без раздумий до самого конца. Тот, кто долго думает или колеблется, обычно падает вниз, на самое дно, — старушка примолкла на миг, заметив, как качает головой Ксения, отказываясь признавать правоту слов хозяйки. — Не качай так головой, милая. Ты просто не ведаешь еще того, что я ведаю. Земель этих не знаешь, нравов здешних. Все тут иное, все отличное.

Еще долго договорили они тихим шепотом, стараясь ненароком не разбудить спящую на соседней лавке Катерину. Хозяйка рассказала о своей доле, так похожей и в то же время непохожей на судьбу Ксении. Повела она и о многом, что должна была знать та, чтобы прижиться среди шляхты польской, про нравы и обычаи в их среде. А потом, уже когда свеча совсем догорала, рискуя оставить собеседниц в кромешной тьме, хозяйка тихонько вздохнула и поднялась.

— Заговорились мы с тобой. Уж скоро небо светлеть начнет, а ты еще не отдохнула толком. Все я — заболтала тебя, заслушалась речь родную. Столько десятков лет я ее не слыхала... Столько лет прошло, столько годин лихих... Ох, не приведи Господь!

Хозяйка ушла, забрав с собой огарок свечи, а Ксения так и лежала без сна до самого рассвета. Она вспоминала, с какой горечью хозяйка вспоминала свое прошлое в Московии, своих родичей, что остались там, и которых ей уже никогда не было суждено увидеть. Но и слова помнила, что та сказала в конце рассказа о своей жизни:

— Но все же ежели б можно жизнь отмотать назад, будто клубок шерсти, да заново прожить, я б ни единого дня не изменила. Ни единого! Так и состарилась бы с Михасем своим.

Наутро, когда хоругвь Заславского собиралась покинуть маленький фольварк, хозяйка, провожая гостей, протянула Ксении сверток.

— Тут одежда моя. Тебе и ей, второй московитке. Прими, не побрезгуй. Тебе не надобно в земли пана в московитском платье ехать. И крест свой до поры под рубахой скрывай, — а потом сжала руки Ксении, когда та сверток принимала. — И до конца иди, милая, до самого конца. Нельзя удержаться на бревне, не пройдя его.

Ксения вдруг, повинувшись какому импульсу, мелькнувшему в душе при виде этой искренней доброты и участия в глазах женщины, открыла торбу, в которой хранила свои сокровища, нашла узелок с темной землей с русской стороны и быстро развязала его. Давеча ночью хозяйка фольварка призналась ей, что испытывает в душе какую-то странную тоску и страх, что суждено лежать ей так далече от земли родной, и даже горсти земли нет, чтоб на могилу кинуть... А Ксения тогда не сообразила, что в котомке у нее есть с собой, а вот ныне вспомнила.

При виде земли у старушки повлажнели глаза, затряслись руки мелко.

— Можно...? — прошептала она, глядя в глаза Ксении с неверием. Та быстро кивнула, и хозяйка шляхетского двора несмело зачерпнула горсть земли, которую аккуратно высыпала в подол подоспевшей по ее знаку холопки. — Милая моя, ты даже себе не представляешь... На могилку себе попрошу положить. Чтоб под родной землей лежать!

— Благослови меня, матушка, — попросила Ксения. Она не получила благословения родительского перед отъездом, так пусть эта женщина, ставшая ей такой близкой по духу за прошедшую ночь сделает это.

— Благослови тебя Господь, моя милая, — морщинистая рука перекрестила двумя пальцами Ксению, преклонившую колена перед хозяйкой фольварка. — Пусть Господь не оставит тебя, в каком храме ты бы за него не молилась... — добавила едва слышно старушка. Ксения поймала ее ладонь, что погладила светлые волосы девушки, и поцеловала ее, орошая слезами.

— Спасибо, — прошептала она старушке. А так только кивнула и еще долго не могла отвести глаз от Ксении, которую заботливо укрывал полой своего плаща молодой пан. Не порвалась еще пуповина, что соединяет Ксению с землей отчей, еще крепка она и тянет ту назад... Ох, как было бы легче, коли та была бы тонка...

Уже отъезжая со двора, Ксения в последний раз оглянулась на хозяев двора, что стояли подле друг друга, при этом старый шляхтич придерживал свою жену за локоть, прижимал к себе. Московитка и лях... Любовь, что родилась среди войны и крови, любовь, что они пронесли сквозь годы.

Она перевела взгляд на лицо Владислава, сосредоточенное и слегка хмурое, дотронулась

до его скулы кончиками пальцев. Он тут же взглянул на нее, улыбнулся, заметив ее улыбку.

— Я люблю тебя, — прошептала Ксения, и Владислав легко поцеловал ее в нос, вызвав легкий смешок при этом у нее, а потом прижал ладонью ее голову к своей груди, долго еще гладил ее волосы, иногда касаясь их губами.

— Моя чаровница, — прошептал он еле слышно только ей одной. — Моя кохана...

Пусть Ежи хмуро крутит свой ус ныне и бросает на своего пана недовольные взгляды. Что Владеку до его мнения? Дело пахолика выполнять приказ своего пана и беспрекословно, коли в его хоругви ходит, под его стягом. И раз решил Владислав ехать к родичам матери в фольварк, знать, ведает он, как поступить ему надобно, и никто ему не указ. И если для того, чтобы просыпаться каждое утро только с этой женщиной, аромат чьих волос так кружит ему ныне голову, Владислав должен сделать то, что задумал... Что ж, такова судьба! И пусть Стефан Заславский мечет громы и молнии после, когда все свершится. Что ему гнев отца?

Что ему вообще до всего света, когда ныне у него в руках Ксения? Когда его сердце бьется в груди только для нее одной, когда она так смотрит на него, как сейчас... Что ему до всего света?

1. Приемная комната в шляхетском доме

2. Имеется в виду война с Московией в 1578–1581 гг. Тогда многие польские воины получили приграничные земли за службу, шляхетское звание и шляхетские привилегии.

3. Небольшое панское хозяйство, усадьба, хутор

4. После совершившегося (лат.)

5. Узкая полоса земли

Ксения заметила, что хоругвь поменяла направление пути к вечеру, когда солнце пошло на убыль не там, где садилось по прежнему пути.

— Мы идем в Белоброды? — спросила она на следующий день, когда после ночлега в небольшой корчме отряд пана Заславского продолжил свой путь. Ежи, с которым Ксения ехала в тот момент, напрягся — она сразу почувствовала, как натянулись мышцы на руке, придерживающей ее за стан.

— Ишь, какая глазастая! — тихо и быстро проговорил он, и Ксения не сумела разобрать тон его голоса — не с издевкой ли он произнес эти слова. Ежи никогда не выказывал к ней неуважения или неприязни, держался подчеркнуто предупредительно, но Ксения явственно ощущала, что не по нраву ему. Вроде бы, и рассказывал ей о землях родных да разные сказки, шутил и смеялся. А глаза под густыми бровями, тронутые сединой, выдавали его с головой. Холодные были глаза. И виной тому было ее происхождение или она сама, Ксения так и не могла распознать, как ни пыталась.

— Мне просто привиделось, что мы ушли еще правее от края земли, где солнце встает, — пожала плечами Ксения, в очередной раз ловя на себе внимательный взгляд Владислава, что проезжал мимо в арьергард отряда, растянувшегося на дороге, еще мокрой от прошедшего этой ночью дождя. Его глаза потеплели на миг, когда встретились с ее глазами, и Ксении в который раз при этом взгляде показалось, будто сильные руки Владислава обняли ее. Она улыбнулась ему, а потом снова погрузилась, когда шляхтич разорвал их зрительный контакт, поскакал далее, понукая своего валаха перейти на галоп.

— *Amantes amentes {1}*, — проговорил тихо Ежи, когда Владислав уже удалился от них.

— Что ты сказал? — не поняла Ксения, решив, что не сумела разобрать какие-то слова в новом для нее польском наречии.

— Солнце греет не по-осеннему, вот что, — буркнул Ежи, натягивая повод, заставляя свою лошадь, обойти лужу на дороге, а не шагнуть в нее. Кто знает, какова ее глубина? А оступись кобыла, мало ли что может случиться!

Ксения кивнула ему в ответ и запрокинула голову вверх, подставляя лицо теплым лучам солнца. Ревун (вересень {2}, поправила себя мысленно Ксения) был на дворе. Листья деревьев в лесу уже почти полностью поменяли цвет с зеленых летних оттенков на более яркие, словно огненные всполохи. Судя по большим ярко-алым гроздьям рябины, что замечала Ксения в пути, осень будет дождливая по тем приметам, что рассказывали ей когда-то мамки. И верно — почти всю седмицу (тыдзень, снова поправилась Ксения) шел дождь — то мелкий, неприметный взгляду, но пробирающий почти до самых костей, то более смелый — крупными и частыми каплями. А вот нынче с утра с погодой им повезло — вдруг вышло солнце из-за серых туч, даря путникам свое тепло, ласково прогревая не просыхающие от дождя одежды. И на удивление Ксении, а еще на радость путникам оно не покидало небосвод ни на миг, так и грело их весь день.

Ксения повела легко плечами. Этим утром она сменила свою одежду на ту, что получила от старой хозяйки шляхетского двора, где они останавливались на ночлег позапрошлой ночью, и теперь пыталась привыкнуть к своему новому облику, который так тщательно рассмотрела во время отдыха дневного в большой дорожной луже, что образовалась после ночного ливня. На ней ныне была льняная рубаха с красивыми полосами

вышивки по вороту и чуть выше локтей. Рукава у самых запястий были приспособлены, что очень понравилось Ксении. Поверх рубахи надевалась юбка из темной плотной ткани, похожей на аксамит, но без вкраплений золотых нитей, а затем шнуровка {3} из того же полотна, что и юбка.

Катерина по неопытности так туго затянула ее Ксении, что та вдохнуть не смогла без боли в ребрах. Даже теперь, когда уже завязи были ослаблены, Ксении казалось, что ей по-прежнему тяжело дышать, вот и елозила на месте, то проверяя шнуровку на груди, то проводя рукой по стану туго обтянутому тканью.

Ксения закрыла глаза, наслаждаясь теплом, что разливалось осеннее солнце, и улыбнулась довольно, вспоминая, как показалась впервые на глаза Владислава и его пахоликов в этом непривычном для нее платье. Она еще не понимала, отчего так ахнула Катерина, когда была завязана шнуровка на груди у Ксении, отчего та так осматривает ее с любопытством и каким-то странным смущением в глазах.

— Ксения, ты ж как березонька! Краса-то какая! — прошептала Катерина, склоняя голову, что оглядеть себя в почти таком же наряде, что дала старая шляхтянка Ксении, только из более грубого на ощупь полотна. Нет, не такой у нее стан, как у этой, ставшей такой вдруг незнакомой, девушки, с которой Катерина когда-то делила келью. Но зато у самой Катерины кое-что получше есть — вон как распирает рубаху на груди, улыбнулась она и чуть ослабила ворот, позволяя тому слегка распахнуться, обнажая кожу.

А Ксения уже выходила из тесной каморки, спускалась по лестнице вниз, чтобы выйти из темной корчмы на двор, где под первыми лучами солнца уже седлали коней пахолики Владислава. Она надолго запомнит, как замерли они, глядя на нее в польском платье, как вспыхнули огнем восхищения глаза Владислава, что пошел к ней через двор, не замечая даже, что пару раз ступил в лужи сапогом.

— Чаровница моя, ты чаровница {4}, — прошептал он, поднимая ее ладонь к своим губам. — Я... ты...

А потом замолчал, не находя слов, поцеловал ее пальцы таким страстным поцелуем, что у Ксении ноги подогнулись вдруг, и она качнулась к нему, прислонилась к его плечу лбом, смущаясь от взглядов пахоликов, от того, как тесно облегает талию шнуровка, и как высоко она поднимает грудь. После свободных московитских одежд этот наряд казался ей таким открытым, таким непривычно тесным.

— Надо ехать! — вдруг громко проговорил Владислав, и от тона его голоса — резкого, недовольного — Ксения вздрогнула. Но он был зол не на нее, а на шляхтичей из местных фольварков, что пили этой ночью в корчме и сейчас вышли на двор, чтобы освежить голову в этой рассветной прохладе и немного протрезветь. Уж слишком горят глаза тех при виде стройной фигуры Ксении! Да и как не гореть глазу, когда она так красива...

Ксения не могла не вспоминать раз за разом восторженный шепот Владислава, когда они выехали со двора корчмы, щедро расплатившись с рандаром {5}, блеск его глаз, тепло его ладони, когда она пробиралась под плащ, что накинул ей на плечи Владислав еще там, на дворе, и сжимала легко талию, заставляя Ксению трепетать. Как давно они не были вместе! Как давно не целовал он ее губ долго и страстно, как давно его руки не касались ее обнаженной кожи...

— ... это да! — вторгся в мысли Ксении неожиданно голос Ежи, прозвучавший над самым ухом, когда тот склонился поправить ее плащ, так и норовивший соскользнуть вниз, под копыта лошади. — Вот и узнаешь поближе.

А потом резко натянул поводья, останавливая кобылу: «Стой! Стой, чертово семья!». Ксения огляделась, чтобы выявить причину подобной остановки и заметила, как Владислав с одним из пахоликов съезжает с дороги в сторону, туда, где стояла одинокая сосна в нескольких десятках шагов от леса, из которого путники только выехали. Возле дерева Владислав спешил, оглядел внимательно что-то на широком стволе сосны, а потом махнул рукой остальным, езжайте, мол.

— Ну, вот и прибыли, панна! — усмехнулся Ежи. — Вот и прибыли.

— Куда прибыли? — спросила Ксения, наблюдая за Владиславом, что уже занял место в седле и вернулся в авангард отряда. Она услышала, как вдруг заволновались, заговорили пахолики, явно взбудораженные чем-то.

— Как куда? Куда путь держали, — ответил ей Ежи, понукая лошадь перейти на более быстрый шаг, приноравливаясь к темпу который задал Владислав для всего отряда. — Добро пожаловать в земли Крышеницких, панна. Родичей пана Владислава по матери. Видела, знаки смотрели на сосне? То карбы {6}, чтоб знали границы земель их. Как сосну миновали, так в их фольварк и въехали.

Ксения замерла, сжимая пальцы в кулак, как делала это всякий раз, волнуясь. Встреча с родичами Владислава, пусть и с дальними, ее тревожила. Она попыталась вспомнить все, что рассказывал ей Владек про свою родню со стороны матери, но из-за волнения сумела вытащить из глубин памяти только то, что они были из незнатного шляхетского рода, что придерживались православной веры. Только это...

Через версты три, не более, на краю земли показалось небольшое селение, от которого, видимо, разглядев приближающихся путников, навстречу хоругви Владислава направились всадники. Приблизившись на расстояние, когда уже можно было разглядеть стяг, что вез один из пахоликов, ехавший сразу за Владиславом, всадники придержали лошадей. Тут же раздался гулкий звук рога, на который последовал ответ от отряда Заславского, а сам Владислав вдруг сорвался с места и помчался навстречу подававшим приветствие.

— Это братья пана Владека, — пояснил Ежи, напрягая глаза и вглядываясь вдаль. — Плохо разберу, есть ли там сам пан Петрусь, то дядя пана, родной брат его мати.

Выяснилось, что пан Петр Крышеницкий не выехал навстречу путникам, что заехали в его фольварк на закате. Он был занят важным делом: следил за холопами, что готовили вотчину к большому празднеству да ольстры {7} подготавливал, в которых завтра повезет его дочь добро в новый дом. Завтра с самого утра в земле Крышеницких ожидали дорогих гостей, что ехали за самым дорогим сокровищем пана — его дочерью Касей. Завтра в фольварке Крышеницких была свадьба.

Потому пан Петрусь встретил Владислава и его людей только во дворе, быстро приложившись к спинам нерасторопных по его мнению хлопов, что уж слишком медленно принимали из рук прибывших лошадей и отводили тех прочь со двора, чтобы на лугу растереть от души травой взмыленные от долгой дороги шкуры.

— Владусь! Владусь, чтоб меня черти взяли! — крикнул пан Петрусь и обхватил племянника в объятии, настолько крепком, насколько позволял пану его большой живот.

— Дядко Петрусь!

Родичи быстро расцеловались троекратно, а потом Владислава заключила в объятия женщина в синем рантухе в тон ее платью, что сбежала с крыльца навстречу прибывшим.

— Владусь, какой же ты стал! — с гордостью сказала она, глядя Владислава по широким плечам. — Даже наш Костусь не сравняется с тобой ростом, как я погляжу. Кровь

Заславских то, не Крышеницких! — она вдруг взглянула на двор за Владислава и только сейчас заметила ту, что уже давно разглядывал пан Петрусь и ее сыновья. Ксения же, с трудом подавив в себе желание спрятаться за спину Ежи, подле которого стояла сейчас, распрямила спину, стараясь казаться невозмутимой. Владислав обернулся на нее и протянул руку в ее сторону ладонью вверх, призывая подойти ближе, и ей пришлось подчиниться его немой просьбе, пересечь расстояние, разделявшее их, маленькими степенными шажками и вложить слегка дрожащие пальчики в его ладонь. Владислав кивнул ей коротко, а потом повернулся к родичам, замершим подле крыльца, ожидающим его слов.

— Это моя Ксения, — проговорил Владек медленно и твердо, будто эта короткая реплика должна была все сказать его родным. А потом добавил, уже мягче, глядя на притихшую, опустившую глаза Ксению. — Будущая хозяйка Белоброд.

Первой опомнилась от удивления, что ясно отразилось на лицах родных Владислава, пани Крышеницкая. Толкнула мужа в бок, легко ударила по плечам сыновьям.

— Что замерли, Крышеницкие? Дела нет? Или забыли про то, что люди с дороги? Пойдем, милая, со мной, — она взяла Ксению под руку и повела в сени, не останавливаясь ни на миг в своей речи. — Видать, притомилась с дороги-то. У нас хоть и верх дном нынче — завтра дочь замуж отдаем, вот и бегаем — но тебе послужим от души.

Пан Петрусь проводил взглядом жену, уводящую в комнаты приехавшую с родичем девушку, кивнул второй (видать, служанке, раз так жалась к прибывшей), ступай, мол, следом за хозяйкой. Сам же обхватил Владислава рукой за плечи после того, как тот вымыл лицо и руки в кадке, что стояла у самого крыльца каменницы {8}, и повел его в гридню за стол, который спешно по приказу пани накрывали две холопки.

— Ну, милый родич, рассказывай как на духу, потому как я в толк взять никак не могу, — пан Петрусь проводил взглядом каждого из пахоликов Владислава, что входили в гридню и рассаживались за столом. А потом зыркнул из-под бровей сурово на одного из сыновей, Костуся, что хотел сесть поближе к ним на лавке да толки их послушать, заставляя того отсесть подальше. — Жинка она тебе или нареченная? Какого рода? Из какого фольварка? Что за посаг {9} дали за ней?

Владислав с наслаждением отхлебнул меда из поставленной перед ним кружки, а потом откинулся назад, на стену, улыбнулся дядьке, что глядел на него хмуро, щипая свой длинный ус.

— Ни жена она мне пока, не нареченная. Из рода знатного, но не местного. Из земли пограничной. А что до посага, то разве красы ее не довольно? Вон как твои сыны на нее глаза глядели.

При этих словах Владислава пан Петрусь еще больше помрачнел лицом, взглянул на Ежи, сидевшего напротив них за столом, исподлобья, будто того обвиняя в чем.

— Знать, правду текун {10} сказал, что давеча останавливался на ночь в корчме Арона. Знать, и вправду, везешь московитку с собой. Ополоумел ты, что ли, Владусь? Вот уж не думал, что тебе дурь такая в голову придет! Московитку в дом свой ввести! Это ж слыхано?! И кому — сыну Заславского! Одно дело, что басурманку {11} в жены брать.

Владислав с силой опустил кружку на стол, расплескивая мед на столешницу. На резкий звук пооборачивались пахолики его хоругви, напряглись тут же, глядя на окаменевшее лицо своего пана, огляделись вокруг, готовые при нужде в бой вступить, коли дело дойдет до драки.

— Ты, дядко, говори да не заговаривайся! Я решил так, то так тому и быть, — едва

слышно проговорил Владислав в наступившей в гридне тишине. Даже холопки замерли с кувшинами в руках над столом. — Она для меня все. И нет мне иного пути, как привести ее в свой дом, женой своей сделать. Без того нет мне ни покоя, ни счастья.

— А ко мне зачем завернул, коли к себе шел? — проговорил запальчиво пан Петрусь. — Думал, что я, как схизматик, московитку привечу? Против Стефана Заславского пойду? — он долго смотрел в глаза племянника, что так и сверкали ныне холодом, а потом вдруг хлопнул его по плечу со всей силы и расхохотался в голос. — И ведь пойду же! Знал, дьяволенок черноокий, что пойду! — он поймал Владислава за голову, притянул к себе и поцеловал того в голову, чуть повыше уха, смеясь недовольству племянника этой лаской. За столом тут же снова загудели, заговорили, возобновились шутки и смех. Засуетились холопки.

— Такой же дурень ты, Владусь, как и батька твой, и мати. Что в голову втемяшилось, то не выбить! — говорил, глядя на племянника с улыбкой, пан Петрусь во время ужина. — Ты ешь, Владусь, ешь, вон еще колбасок возьми. Мы знаешь, каких колбас на завтра закоптили? А завтра-то у нас свадьба, Костусь или Лешко сказали тебе уже? Касю отдаем. Пришла ее пора. Вот завтра и свадьба... Так о чем я говорил тебе? А! Алюта{12}! Говорил я Алюсе, что не будет ей житья с Заславским, но нет же! Не такова она, чтоб под мужем ходить. А зря! И вот оно! Вот оно как... — пан Петрусь замолчал на миг, пощипывая ус, а потом снова встрепенулся, склонился к Владиславу поближе. — А что делать-то будешь с московиткой этой? Она ж схизматичка, верно? И как под венец-то ее? Перекрестится в латинскую?

Владислав вдруг вспомнил, как вздрогнула Ксения, подняв глаза на ворота Крышеницких, а потом резко повернулся к углу гридни, в котором у схизматиков образа их святых по обычаю стояли. Пусто. Даже полки нет, на которых ранее лики стояли.

— Вот дела-то какие, — тихо сказал пан Петрусь, вдруг отводя глаза от внимательного взгляда Владислава. — Два года назад сосед мой, пан Злобыщ, отхватил от моих земель кусок. Там хоть и ройст{13}с полверсты да леса есть немного, а лес-то... В общем, договориться мы не сумели, пришлось к подкоморию ехать. А там уж люди подсказали, что вернее будет, коли из схизмы уйду. Католику с католиком суд держать достойнее, чем схизматику с католиком. А там и Кася на Большую ярмарку Леху Яншинскому запала в душу, а Яншинские род дюже справный, только латинский. И теперь я, Владусь, Ангелов{14}пою. Такие дела...

— А что к отцу-то не писал про суд? Глядишь, помог чем, — Владислав не смог сейчас смотреть на дядьку, что казалось, вдруг сжался, сгорбился, крутя в руках кружку с медом. Пан Петрусь только усмехнулся.

— Ну, так он и помог. Он же совет мне дал про латинство. Не родич ему схизматик после смерти Алюты, не родич...

Владислав коротко кивнул, отпивая меда из кружки, чтобы пропустить момент, когда он должен был отвечать дяде. Да и что он мог ответить на это? Он знал, что отец не привечает Крышеницких, не любит тех, как обычно не любят тех, кого по слепоте своей винят во всех грехах, забывая о своей вине. Так и Стефан Заславский винил род жены за то, что воспитали Элену такой, какой она вышла. Хотя какая вина в том родичей?

— А церкви-то остались в повете греческие? — тихо спросил пана Петруся Владислав, и тот взглянул на него пристально, будто пытаясь что-то прочесть в его темных глазах.

— Была одна в верстах семи-восьми от края фольварка моего. Пожелаешь, пошлем

завтра кого узнать, под кем теперь она — под патриархом или под папой. А тебе на что то?

— А я венчаться хочу, дядко Петрусь, — ответил ему Владислав, и пан Петрусь подавился медом, которое пил в тот момент. А потом уставился на родича, не отрывая глаз, не замечая, что мед медленно стекает по его усам, капает на жупан.

— Ты сдурел, Владусь! — прошептал его дядя. — И потом — для чего тебе то?

— А еще хочу чтобы ты моим райеком {15}стал на заречинах {16}, - словно не слыша его, продолжил Владислав. — Станешь моим райеком? Оттого и приехал сюда, дядко.

Уже около полуночи, когда беседа за столом уже затихла, когда многие из пахоликов спали, положив голову на руки на столе или все же добравшись до постели на полу гридни, когда пан Петрусь, тяжело ступая и качая хмельной головой, ушел к себе в спальню, Владислав вдруг поднялся из-за стола и прошел к одной из плотно закрытых дверей. Он знал, что за ней, за этой дверью, спят дочери пана Петруся, и именно там разместили на ночлег Ксению и Катерину. Почему-то именно сейчас ему вдруг захотелось увидеть кохану, дотронуться до ее волос, разметававшихся по подушке, словно солнечные лучи. Но он не мог, не смел войти в девичью.

Завтра, уже завтра... Завтра утром поднимется солнце, пробуждая новый день, и тогда Владислав снова увидит ее. Так это странно, подумалось ему, тосковать по женщине, когда она спит в соседней горнице, когда пройдет всего ночь до их встречи.

Но прошло гораздо больше времени прежде, чем Владислав увидел Ксению. Он поднялся задолго после рассвета, когда на дворе уже всю суетились в ожидании долгожданных гостей к свадьбе — жениха и его родни, что должны были прибыть к полудню. Часть его пахоликов помогала грузить телеги, на которых уже скоро увезет в свою вотчину посаг дочери пана Петруся Лех Яншинский. Другая часть ушла проверить лошадей хоругви, что не поместились в конюшни фольварка, а заодно и прийти в себя после той попойки, что случилось вчера вечером. Давненько они не позволяли себе такого, ведь впервые за долгое время они оставались на одном месте дольше, чем на одну ночь.

Пани Крышеницкая вынесла Владиславу негустой простокваши в небольшом глиняном горшочке прямо во двор, где он, скинув жупан и рубаху, лил на голову и грудь холодной воды из колодца. Она же и рассказала ему, что пан Петрусь с сыновьями уехал к границам фольварка свадебных гостей встречать, а москвитки, что с Владиславом приехали, ушли вместе с девицами местными венки готовить на свадьбу.

— Ныне розмарин зацвел вдруг, — продолжила она, протягивая ему рушник, что висел у нее на плече, чтобы он вытер мокрое лицо, а потом с улыбкой наблюдала, как жадно он пьет простоквашу. Совсем как Петрусь этим утром. Она покачала головой — это ж надо так вчера разгуляться! — Раз розмарин цветет, то хорошо. Хороший то знак. Я Касе сказала, чтобы девки проследили и за вашими венками. Не думаю, что москвитка твоя ведает, как делать надобно. И, правда, женишься, Владусь?

— Женюсь, пани Мария, — коротко ответил он ей.

— Любишь ее?

— Люблю.

Пани Крышеницкая протянула руку и ласково потрепала Владислава за черные вихры. Красивый, дьявол, вон как холопки засматриваются на него, на эти глаза чаровника, на широкие плечи и грудь. И нет же, довелось ему сердце отдать девице да непростой! И чем ему местные паненки не милы? Чем не пригожи? Она уже знала, что задумали Петрусь с племянником, и только головой качать могла. Ой, и что будет дальше, когда в магнатстве

Заславского узнают об том?

Но уже скоро пани Мария и думать забыла об этих мыслях, занятая подготовкой дочери к свадьбе. Едва-едва женщины успели нарядить Касю в свадебный наряд, едва успели обвить яркими лентами венки девичий, как двор наполнился шумом, звуками дуды {17} и скрипели, криками. А громче всех кричал жених — невысокий, но статный шляхтич с русой гривой волос, что виднелись из-под шапки, да недлинными усами.

— Где? Где панна невеста? Где панна нареченная моя?

Ксения потерялась в толпе наряженных девушек, что провели ночь и первую половину дня подле невесты. Теперь же они хлынули вслед за ней, что отдавали в чужой род сегодня, во двор, потащив за собой растерянную Ксению. Она смущалась от этих громких криков и смеха, от шуток, которыми обменивались парни и девушки, оглядывалась вокруг, пытаясь найти хотя бы одно лицо среди этих незнакомых. Она хотела было отступить с крыльца, к перильцам которого ее прижало ватагой девушек, скрыться в темноте дома и, уступая душевной слабости, отсидеться там. Но вот ее пальцы, лежащие на перилах, легко тронула мужская рука, и она, обернувшись в испуге, встретила с глазами с Владиславом, что сумел протиснуться через толпу к крыльцу.

— Я рядом, — прошептал он одними губами, и она, смущенно улыбаясь, кивнула в ответ. Он кивнул головой на происходящее во дворе, мол, смотри, и Ксения подчинилась. Теперь, когда в ее душе перестал метаться страх, в ней вдруг проснулось любопытство — даже подготовка к свадьбе тут была другая.

А на дворе тем временем уже шел торг между женихом и старшим братом Каси. Костусь делал вид, что ему мало тех грошей, что отсыпал в шапку Лех за косу невесты, потому хмурил брови и то и дело подносил нож к волосам сестры, будто намереваясь отрезать косу под корень. Наконец будущие родичи сошлись в цене, и Костусь расплел длинные волосы Каси в знак того, что та идет под венец девственницей.

Ксения почувствовала, как по ее лицу побежали теплые слезы, когда увидела, как тихо заплакала невеста, не отводя счастливых глаз от жениха, как прижала платок к губам пани Крышеницкая, как спрятал в шапке лицо отец невесты. Она плакала все время, что по обычаю голосила Кася, прощаясь с отчим домом перед отъездом в церковь. Каждое слово, произнесенное невестой, отпечатывалось в сердце Ксении. Она как никто понимала, как это тяжело прощаться с родным домом. Все эти люди... они просто не понимают...

Уже когда возки, украшенные лентами и цветами, были заполнены пассажирами, и были готовы тронуться в путь в костел, что стоял в четырех верстах от фольварка Крышеницких, а двор почти опустел, на пальцы Ксении снова легла ладонь Владислава.

— Мне надобно ехать в костел. Ты побудешь тут? Я уже попросил найти Катерину, чтоб не так одиноко было тебе, пока мы в костеле.

Ксения видела, как не по себе ему нынче, когда он вынужден оставить ее одну в вотчине дяди. Но и не ехать в храм он не мог, она понимала это, а потому кивнула несмело, отпуская его. А потом еще долго стояла на прежнем месте на крыльце, чуть поодаль от входа в дом. Она наблюдала, как ставят столы во дворе, подготавливая пир, что устроят здесь после того, как молодые с гостями вернутся из храма, слушала, как перекликаются холопки, расстилая скатерти, расставляя посуду, как ругает эконома зазевавшегося холопа, что чуть было не уронил бочонок с брагой на землю. Слушала, но не слышала, погруженная в свои мысли.

Она была одна, прижавшись спиной к перилам, чтобы не мешать холопкам, ходившим мимо нее в дом или из дома. Катерина, видимо, забыла о ней совсем, занятая Влодзимежем,

и Ксения не могла винить ее за это. Но почему-то именно сейчас одиночество почувствовалось ею как никогда ранее. Именно сейчас, когда она была одна среди этой праздничной суеты и смеха, среди этого предвкушения веселья... одна...

Ксения не знала, сколько простояла так, потерявшись во времени за своими думами. Очнулась она только, когда за воротами раздался звук копыт, что ударили по бревенчатому настилу перед самым въездом в вотчину, и во двор влетел валах Владислава. Шляхтич спрыгнул с него и, бросив поводья подоспевшему холопу, в несколько шагов пересек двор, подошел к Ксении, смотревшей на него такими счастливыми глазами, что у него перехватило дыхание.

— Ты приехал! — прошептала она, а он взял ее руки и, прикоснувшись к ним губами, прижал к груди.

— Я едва выстоял мессу, — улыбнулся он. — Мне отчего-то привиделось, что я вернусь, а тебя тут нет. Я тотчас уехал, как все закончилось, летел, будто на крыльях.

Ксения смотрела на него, не в силах отвести взгляд. И после, уже за столом, когда вернувшиеся в вотчину Крышеницких гости расселись по скамьям, когда раздавались орации одна за другой, когда свадьба зашумела в голос. Сначала она смущалась, опускала глаза, не знала куда деть руки. Для нее казалось непривычным и странным, что все — и мужчины, и женщины — сели за один стол, и даже, бывало, бок о бок друг друга, могли легко тронуть друг друга за плечо, отпустить шутку в сторону девиц, что хихикали смущенно, прикрывая рот ладошкой, или вообще прошептать в самое ушко под грозным взглядом старших. Но это смущение прошло со временем, да и как ему не пройти, ведь подле нее сидел Владислав, и так ласково гладил ее ладонь, которую она опустила на лавку. И она все чаще перестала отводить стыдливо глаза, все чаще улыбалась несмело шуткам и здравицам, все чаще кидала взгляды на Владислава, краснея под внимательными взорами пана и пани Крышеницких, когда случайно встречалась с ними глазами при этом.

Но как можно было отвести глаза от Владислава! Как же он был красив! Ксения почти не слушала ни речей, ни шуток гостей, а только кидала исподтишка частые взгляды на шляхтича, что сидел подле нее. Ныне он был облачен согласно своему положению — в богато расшитый золотом жупан, с тяжелым от золотых украшений поясом. Даже сабля, висевшая в ножнах на поясе, была богатой на зависть другим молодым шляхтичам. Но дело было не только в богатстве его наряда и оружия. Ксения с замиранием сердца слушала его смех, его голос, когда он произносил здравицы молодым, смотрела, как блестят его глаза, как он откидывает со лба непослушную прядь волос.

Спустя некоторое время, когда некоторые гости уже порядком захмелели, а остальных так и тянуло пуститься в пляс под зазорные звуки дуды, даже ноги уже сами двигались под столом, Ксения тронула за плечо пани Крышеницкая.

— Пойдем со мной, — тихо сказала она. Ксения удивленно оглянулась на нее, а потом на Владислава. Его глаза смотрели на нее с таким странным выражением, что Ксения невольно встревожилась, но все же последовала за хозяйкой в дом после короткого кивка шляхтича. Там, в горнице, где Ксения провела эту ночь с остальными девицами, пани Крышеницкая пригласила ее присесть, а сама вдруг зашла ей за спину и аккуратно расплела косу, разобрала волосы на пряди, что волнами легли на плечи Ксении.

— Что...? — удивленно обернулась Ксения, недоумевая тому, что пани Мария делала сейчас.

— Я ведаю, панна — не дева, — проговорила она, разворачивая Ксению обратно от

себя, не обращая внимания на удивление Ксении. — Но пусть будет так. Панне так красиво. И пусть злых языков ныне не будет, — она расправила ладонями волосы девушки, а потом надела на ее голову венок розмарина, мирта, калины и других растений, что был сплетен ныне утром перед свадьбой девицами фольварка. Он был велик Ксении, и пани Марии пришлось опустить значительную часть его на затылок, чтобы девушка ненароком не уронила его. — Пошли, панна, пришло время.

В сенях пани Крышеницкая придержала Ксению за рукав рубахи, повернула к себе лицом, вглядываясь в него внимательно в скудном свете, что шел со двора через распахнутую дверь.

— Любишь ли его? Владуся любишь? — спросила она так тихо, что Ксения едва разобрала ее слова через музыку, смех и крики, топот ног в танце, что шли со двора. Ксения не отвела от ее пытливого взора глаз, только кивнула робко, стараясь не уронить венка с головы. Она шестым чувством знала, что сейчас произойдет нечто там, на дворе, едва она только выйдет с пани Марией на крыльцо. И это что-то было связано с ней.

Пани Мария недолго смотрела ей в глаза настороженно. Вот она нашла, что искала в этих голубых глазах, которые настолько вскружили голову шляхтича. Черты ее лица тут же смягчились, улыбка скользнула по губам.

— Ну, тогда, пошли, моя милая. Пришло время...

1. Влюбленные безумны (лат.)
2. Сентябрь (старорусск., польск.)
3. Женская верхняя одежда в виде безрукавки, которую зашнуровывают спереди
4. Волшебница, колдунья, ворожея, либо — красавица, прелестница
5. Или арендарь — корчмарь-арендатор
6. Знаки, насечки, черты
7. Дорожный ларец
8. Каменный шляхетский дом
9. Приданое
10. Гонец, курьер
11. Имеется в виду — турчанку
12. Одно из слагаемых имени Елена
13. Болотистое место, заросшее кустами
14. Имеется в виду “Angelus”, католическая молитва
15. Главное действующее лицо на сватанье, помолвке, свадьбе, сват
16. Предсвадебный обряд обручения (zaręczyny). Семейно-общественная форма санкционирования брака в Речи Посполитой, признание его родными и односельчанами
17. Музыкальный инструмент, напоминающий волынку

Когда Ксения вышла на крыльцо каменницы, ведомая пани Крышеницкой, столы уже были сдвинуты немного в сторону, освобождая место в центре двора. Именно там сейчас стоял Владислав, широко расставив ноги и спрятав руки за спину, скрывая мелкую дрожь ладоней, что неожиданно напала на него. Остальные гости окружали его с трех сторон, перешептываясь возбужденно, переглядываясь, едва скрывая свое удивление происходящему, свое возбуждение тому событию, свидетелем которого они становились ныне. Их шепотки и смех ясно были слышны в этой тишине, что вдруг установилась над двором Крышеницких, ведь музыканты по знаку пана Петруся прервались на время, отложили в сторону свои инструменты.

Ксения почувствовала, как быстро забилося ее сердце от испуга, что оказалась под прицелом стольких взглядов, и от волнения перед тем, что ее ждет ныне. Она обвела глазами окружающих Владислава людей, встретила взглядом с вечно хмурым Ежи, с улыбающимися лицами девиц, которых едва узнала нынче утром, а потом взглянула на Владислава. Он был так сосредоточен, так погружен в какие-то свои неведомые никому, кроме него мысли, что не сразу заметил ее взгляд, а встретившись с ней глазами, улыбнулся коротко, кивнул незаметно для остальных, качнув легко непокрытой головой. Только веночек из трав и цветов, маленькая копия того, что был ныне на самой Ксении, едва держался на черных прядях его волос.

Пан Петрусь тем временем зычно гаркнул, привлекая к себе внимание окружающих, заставляя умолкнуть взбудораженных хмельных гостей.

— Други мои, соседи и родичи, — начал он свою речь, оглядывая знакомые лица, что собрались ныне на этом дворе. — Нынче у нас праздник. Я отдаю свою Касеньку, — при этих словах пан Петрусь взглянул на дочь, что сейчас смотрела на него светящимися от счастья глазами, склонив голову в пышном венке на плечо молодого мужа, стоявшего рядом. — Свою Касеньку, свет моих глаз, радость моей души, за Янека. Будьте счастливы, дети! Но нынче я горд и рад вдвойне. Ведь я не только отдаю из рода, но и хочу принять в род. Я не только отец невесты нынче, но и райек. Райек моего родича, сына моей сестры Алюты, пана Владислава Заславского.

По толпе гостей снова тихо прошелестела тихая волна шепотков, удивленных и перемигивающихся взглядов. Владислав даже головы не повернул, глядя только на притихшую вдруг на крыльце Ксению, что смотрела в его глаза неотрывно, словно боясь разорвать ту нить, протянувшуюся меж ними в этот миг. Она стояла одна, без пани Крышеницкой, быстро спустившейся по ступенькам вниз, но нынче она не была так растеряна как тогда, когда он вернулся на двор после венчания. Нынче ее спина была расправлена, а голова в пышном венке была поднята высоко вверх. Истинная пани из знатного рода, истинная нареченная шляхтича. Из больших, широко распахнутых глаз исчезло то затравленное выражение, что Владислав ясно различал все время, проведенное у Крышеницких, теперь они будто светились, озаряя лицо, делая его еще краше прежнего, возвращая на щеки нежный румянец.

— Ксения, дочь Никиты Калитина, из приграничных земель, выслушай меня, — проговорил тем временем пан Петрусь, и Ксения отвлеклась на миг от лица Владислава, взглянула на его дядю. Тот уже подходил ближе к крыльцу, где она стояла. — Не может быть

голубь без голубки, не быть лебедю без его лебедки. Так и не может быть шляхтич без своей панны. Как не может без части сердца и души своей. Ты — в сердце и голове моего пана Владислава, ты стала ему светом всем. И не будет ему покоя без очей твоих нигде, куда бы он ни пошел, не будет счастья без руки твоей в его ладони, — Ксения при этих словах снова посмотрела в глаза Владислава, и слезы тут же навернулись на глаза. Потому как она ясно видела, что пан Петрусь говорит именно то, что царит в душе Владислава, что так и светится в его темных глазах, что так пристально смотрят на нее из-под трав венка. — Твои мать и отец не могут ныне встать возле тебя, потому это решение суждено принять только своей головой нынче. Потому я и веду речи с тобой и только. Я прошу тебя принять имя пана Владислава Заславского, принять его руку и войти в его род. Достойный ли нареченный для тебя? Примешь ли ты его имя, его сердце и руку? — пан Петрусь поманил к себе холопку, что держала в руках одну из тех редких дорогих вещиц, что были в доме Крышеницких — серебряный поднос с двумя небольшими чарками из того же металла. Кроме них, на подносе стояла и небольшая бутылка, которую пан Петрусь легко откупорил, выпуская резкий дух крепкого напитка.

— Подадут тебе бутылку, — вспомнился Ксении тихий шепот пани Крышеницкой, что слышала еще там, в сенях, когда они уже были готовы ступить на внезапно притихший двор. — Коли жениха принимаешь, коли готова с ним под венец, то бутылку должна взять. Вместо родичей своих возмешь. А сама же разлить должна из бутылки по чаркам и выпить с райеком. Так ты свое согласие жениху дашь.

Пан Петрусь кивнул холопке, и та протянула поднос в сторону Ксении, предлагая той либо принять, либо отвергнуть подношение. Ксения вдруг улыбнулась, едва сдержав смешок, что рвался из груди, обхватила бутылку ладонями под дружный выдох гостей. Пан Петрусь же только на миг веки опустил, будто желая скрыть то, что мелькнуло в его глазах.

Ксения ж едва подняла бутылку, заполненную чуть ли не по горлышко крепким напитком, но все же разлила по чаркам прозрачную жидкость трясущими от волнения и тяжести руками, немного расплескав ее на поднос. Пан Петрусь лишь улыбнулся, глядя, как лихо московитка плеснула себе — чуть ли не до края чарки.

— Ну, панна? — он поднял с подноса свою чарку, подавая глазами знак Ксении взять свою. Потом развернулся к стоявшим за спиной людям, открывая им Ксению, принявшую чарку. Пан Петрусь кивнул Ксении, мол, пора, пей, и она опрокинула в себя одним махом чарку, уже унюхав резкий дух крепкого напитка. Она видела, как пили хлебное вино мужчины, и подозревала, что ни за что не выпьет, коли маленький поток сделает сперва. А выпить надо было до дна! Только так и не иначе.

Тут же обожгло горло, а потом желудок горячо, будто огнем. Перехватило дыхание, на глаза навернулись слезы. А пан Петрусь, выпив свою чарку, уже схватил Ксению за кисть, разворачивал ее к людям и Владиславу, что уже не скрывал свою улыбку. Тут же зашумело во дворе Крышеницких — закричали, засвистели шляхтичи и холопы, загрохотали выстрелы, оглушая на миг и так растерявшуюся от водки Ксению. Она плотно сжала губы, чтобы не поддастся соблазну, и не открыть рот, не хватать жадно воздух, пытаясь погасить огонь, что горел ныне у нее в глотке. Не упадет она так в глазах окружающих ее людей. Она боярская дочь, и как подобает, боярской дочери, ступила с крыльца горделиво, высоко неся голову, стараясь не уронить большого ей венка с волос.

Пан Петрусь довел Ксению за руку до Владислава, поставил ее прямо перед тем — лицом к лицу, глаза в глаза, грозно зыркнул в толпу, откуда донеслись до его уха редкие шепотки,

вынуждая смолкнуть эти тихие, но злые голоса. Незаметно подошедшая холопка передала пану Крышеницкому в руки буханку хлеба на расшитом рушнике.

— Панна, положи руку твою на хлеб, — тихо прошептал пан Петрусь, и Ксения подчинилась — ее ладонь легла на чуть шершавую от небольших трещинок корочку хлеба. Затем на ее маленькую ладошку Владислав положил свою — широкую, сильную, накрывшую Ксенину руку полностью, надежно укрывая ее из вида. Как он будет укрывать саму Ксению от всего зла, что есть на свете, от всех невзгод и напастей.

Ксения улыбнулась несмело, глядя на их руки, скрещенные на хлебе, а потом снова перевела взгляд на Владислава, поражаясь тому, какими мягкими ныне казались его черты. Ушли все морщинки, вся напряженность из его лица. Он даже показался ей ныне намного моложе своих лет, будто отрок, если бы не чернота уже намечающейся щетины на подбородке и скулах.

Пан Петрусь ловко поднял концы рушника и перевязал руки Владислава и Ксении, лежащие на хлебе, слегка вдавив их ладони через корочку в мякоть — таким крепким узлом завязал он полотенце.

— Отныне ты его, панна, — громко проговорил пан Петрусь, после чего по двору прокатилась очередная волна восторженных криков и выстрелов. — Ты — его!

Музыканты, будто только и ожидая этого момента, вдруг разом ударили по струнам, задудели изо всех сил, наполняя двор быстрой веселой музыкой. Узел на рушнике едва был развязан — так крепко пан Крышеницкий завязал его во время обряда. «Хороший знак! Крепко завязаны нареченные ныне!» — пронеслось среди гостей при виде этого. Потом пан Петрусь с помощью жены отломил от обрядового хлеба два куса. Они были переданы Владиславу и Ксении (она с таким удовольствием вонзила в ароматную мякоть зубы, стремясь побыстрее погасить огонь внутри), остаток хлеба поделили между гостями, пусть каждому и досталось по краюшке совсем.

— Теперь ты должна мне отдать свой венок, — прошептал Владислав, когда хлеб был съеден присутствующими до крохи последней, и на пару снова устремились десятки глаз. — Я же тебе отдам свой.

Он стянул свой маленький венок и аккуратно опустил его на распущенные волосы Ксении, при этом не удержавшись, провел ладонями по ее лицу, запрокинутому вверх, по золотым волнам, лежащим у нее на плечах. Теперь, когда венок оказался ей впору, Ксения поняла, отчего тот, что одели ей в горнице, был так велик. Ведь с самого начала он был предназначен вовсе ней ей.

Владислав склонил голову, и она, привстав на цыпочки, опустила на его черные пряди венок, что держала в руках, а потом вдруг взлетела в воздух, поднятая сильными руками Владислава, едва не завизжав от мимолетного испуга.

— Ну? — спросил со смехом Владислав, глядя в ее лицо снизу вверх. А потом крутанул ее так что ее волосы под венком пошли волнами, заставляя ее вцепиться пальцами в ткань его жупана на плечах. То ли от этого кружения, то ли от хмеля, что вдруг ударил в голову от выпитого, но Ксения вдруг запрокинула голову, аккуратно, чтобы не уронить венок, рассмеялась в голос, не скрывая своих чувств. Она чувствовала себя такой легкой, такой счастливой. Совсем забыла, где она находится, забыла, что вокруг нее люди, которых она еще недавно так смущалась и даже немного побаивалась. Для Ксении ныне не было никого, кроме Владислава, который тоже рассмеялся, разделяя ее радость, видя ее счастье, которое словно было откликом тому, плескавшемуся в его душе сейчас.

Только его глаза, так сверкающие из-под темных прядей волос и зелени венка. Только его крепкие руки, что позволили ей соскользнуть вниз вдоль его тела, прижали ее к себе. Только его губы, что впились в ее рот, разгоняя ее кровь по всему телу, наполняя ее до краев тем огнем, что только он вливал в ее вены.

Вокруг них заревели от восторга в голос люди, перекрывая звуки музыки, но Ксения даже не слышала их сейчас, прижимаясь еще крепче к Владиславу, запуская пальцы в его волосы, путаясь в травах венка. Только когда почти над самым ее ухом грохнул голос пана Петруся «За нареченных!», она вернулась на грешную землю, оторвалась от губ Владислава, спрятала лицо у него на плече.

— Не смущайся, кохана моя, — прошептал ей Владислав в макушку, неприкрытую венком, вдыхая аромат ее волос, который даже травы не смогли заглушить. — Мы теперь скреплены узами нерушимыми. То были заречины. Мой родич скрепил наши руки на хлебе, значит, мой род тебя принял, для них ты жена моя ныне.

— Жена? — проговорила она глухо в мягкую ткань его жупана, не отрывая своего лица, горевшего от стыда, что позволила себя поцеловать прилюдно.

— Жена, — подтвердил он. — Теперь ни у кого даже мысли худой не возникнет, коли даже кров с тобой разделим. Так что не прячь лица. Нет нужды.

Он обхватил пальцами ее подбородок, заставил ее поднять лицо и взглянуть на него.

— Ты моя нареченная, Ксения. Теперь нам друг от друга никуда. Только в храм, — Владислав смолк, заметив, как на ее лицо при последних словах набегает тень, и отругал себя мысленно за них. Не время пока про храмы речи вести. Не приехал еще текун, посланный в греческую церковь, а значит, еще неизвестно, какой вере она принадлежит ныне.

— Генсий! {1} — крикнул кто-то громко со стороны музыкантов, и Ксения заметила, как загудели гости, как стали возбужденно перешептываться стоявшие отдельно девицы, оглядываясь на строгих старших, как поправили пояса мужчины, стряхнули с жупанов невидимую глазу пылинку. Ударили по натянутым струнам цымбалы тонкие палочки, пронесся над двором Крышеницких первый тонкий звук.

— Пойдем, — потянул вдруг Ксению за руку Владислав, к парам, что соединяли рук и становились для танца сразу за Янеком и Касей, молодоженами. Сначала она не поняла, куда и зачем он ведет ее, а потом заупрямилась, вспыхнула, как лучина, от стыда, от неприятия того, к чему он принуждал ее. Да, она танцевала когда-то в вотчине батюшки своего, летом, в Иванов день, водила хороводы с девицами, смеясь и дразня молодых парней, глазевших на пляски девичьи. Но тут — на виду у всех, под прицелом стольких глаз, под руку с мужчиной....

— Я не могу, — прошептала Ксения, хотя даже пальцев, дрожащих от волнения или от испуга перед тем, что ей предстояло сделать, не выдернула из руки Владислава. Тот же только взглянул на нее, но упрямо повел к парам. — Грех ведь!

— Доверься мне, Ксения, — прошептал он ей в ухо, когда они заняли место сразу же за молодоженами. — Тут то не грех и не срам. И нет ничего страшного в ходзоном, просто делай, как Кася и я. Так надо.

Владислав повел ее в медленном степенном танце, подбадривая улыбкой, легким пожатием пальцев, в которых держал ее руку. Она должна перебороть свои прежние привычки, забыть старый уклад жизни, московитский, который, как он лишний раз убеждался, не зря в этих землях считали варварским, диким. Ксения со своим неукротимым

духом не была рождена для того, чтобы ее заперли в стенах терема, она была предназначена самой судьбой стать пани Заславской, принять то, что дает и к чему обязывает это имя. У нее достаточно для того сил и нрава, он видел это, знал.

Ведь уже спустя некоторое время, в течение которого они шли танцем по двору, на лицо Ксении снова вернулась улыбка, стирая из ее глаз панику, сомнения и страх. Она уже исподтишка оглядывала остальных танцующих, а потом и гостей, что остались сидеть за столами, сдвинутыми на половину двора, отмечая каждый брошенный в сторону танцующих взгляд — не с осуждением ли он? А потом она забыла о своих страхах, когда большой палец Владислава вдруг погладил нежную кожу ее запястья, задорно подмигнув ей при этом. Ксения не смогла не рассмеяться — так необычно выглядел сейчас Владислав в венке из трав и цветов. Будто Лель, про которого ей сказывали мамки долгими зимними вечерами.

Ксения никогда не бывала на таких пирах, когда брага и вино льется рекой, когда сбиваются каблуки от танцев, что следуют один за другим, оттого-то даже некогда дух перевести. Когда вдруг могут повздорить ни с того ни с сего пара шляхтичей, ухватив друг друга за волосы, а спустя миг уже помириться и поднимать кружки за здоровье. Именно поэтому она с любопытством оглядывала происходящее, присев на лавку после генсия, удивляясь тому, что ей ничуть не странно видеть все это ныне, что ноги бывает сами идут в какой-то пляс при звуках музыки, которыми наполнен двор, под которые так справно идут танцоры.

Владислав тогда сел рядом с ней, надежно взяв в плен ее руку, принимая здравицы и пожелания от то и дело подходивших к нему, поднимал с ними кружки. Ксения видела, что отпивает он совсем немного, будто не желая захмелеть, как многие другие гости на свадебном празднестве. Она не могла не отметить это для себя, памятуя о том, как часто был хмелен Северский после тех пиров, что устраивались в их вотчине. Но мысли о том, что бывало, случилось позже, она тут же отмела прочь, не желая, чтобы этот день был испорчен даже малейшим воспоминанием о том, другом мужчине.

Когда на двор Крышеницких опустились осенние сумерки, и запалили факелы, чтобы развеять эту тьму, Ксения уже не скрывала своих взглядов, полных любопытства и гордости, которые она кидала на Владислава. Она будто впервые увидела его здесь, на празднестве, на пиру, в кругу веселящихся людей. Таким, каким он был ныне, она еще его не знала. Владислав громко смеялся, шутил и громко говорил орации, перекрикивая музыкантов, а однажды вдруг сорвался с места, расслышав знакомую мелодию. В тот момент многие мужчины вдруг пустились в пляс, посрывав с голов шапки, крича что-то во всю глотку, выделявая такие движения руками и ногами, что Ксения замирала от испуга — вдруг кто споткнется о саблю на поясе. Это и случалось пару раз, но упавшего со смехом поднимали, и он тотчас пускался в пляс, приноравливаясь к движениям других.

Но Ксения ненадолго отвлекалась на такие казусы. Она с трудом могла оторвать взгляд от Владислава, что танцевал в кругу остальных мужчин, от знакомых черт его лица, еле освещенного светом факелом, от статного тела.

— Вот он наш шляхтич, — прозвучало над ухом Ксении, и она, вздрогнув, обернулась к Ежи, который впервые за весь день заговорил с ней. — Вот он!

Столько гордости звучало в этих словах, что Ксения невольно улыбнулась, разделяя с Ежи его чувства. И вправду — грех не гордиться им!

— Вон он что удумал, знать, — проговорил Ежи потом таким тоном, что у Ксении слегка померкла улыбка, будто кто немного воды плеснул в огонь. — Заречины. Что ж мудро

то. Теперь пану Заславскому придется туго, ведь ваш брак уже признан родом, и неважно, что его признали только родичи со стороны матери, — а потом добавил, глядя ей прямо в глаза. — Владислав из-за тебя даже в ад будет с головой готов, коли нужда будет. Довольно ли в тебе любви к нему? Не думаю, панна...

Ксения не успела даже рта открыть, чтобы достойно ответить усатому поляку, как ее пальцы снова взял в плен своей ладони возвратившийся Владислав, сжал их легонько.

— Запряжен ли Лис? — спросил он у Ежи, перекрикивая шум гостей и музыку. Тот коротко кивнул, и Владислав потянул за собой растерянную Ксению, которая с трудом оторвала взгляд от тяжелого взора усатого поляка.

— Мы уезжаем? — только и спросила она, когда они выскользнули за ворота к валаху, что ждал их, в ночную тишину, оставив позади разгулявшуюся свадьбу. Владислав привлек ее к себе и жадно поцеловал, дурманя ее сладостью поцелуя и ароматом хмеля. Потом он легко взлетел в седло и помог ей усесться перед ним, надежно укрыл полрой жупана, укрывая ее от прохлады ночи.

— Я тоскую по тебе, — прошептал он, целуя ее в макушку. — В эту ночь грех оставить тебя одну.

Они отъехали недалеко от двора Крышеницких, в небольшую рощицу, с окраины которой все еще были видны стены тына, окружающего каменницу и постройки, хоть и не ясно.

Именно там, в этой рощице, Владислав стянул ее с коня и, прислонив спиной к узкому стволу молодой березки, стал целовать. Ксения отвечала ему со всем пылом, на который только была способна. Она уже успела позабыть, какими горячими и страстными могут быть его губы, какими нежными могут быть руки, которые уже распустили шнуровку у нее на груди и коснулись кожи под рубахой. Она вздрогнула от холода его руки, а потом снова забылась, цепляясь пальцами в бархатистую ткань его жупана, когда он потянул наверх ее многочисленные юбки, принимая его целиком в себя, обхватывая его ногами в крепком объятии.

— Я люблю тебя, — прошептал ей прямо в ухо Владислав, и она взглянула в его лицо, толком не видя в скудном свете полумесяца на ночном небе. А потом сама притянула его голову, беря в плен его губы, заставляя его продолжить то, что он начал, заставляя его потерять голову от страсти, что уже разливалась по их венам.

Потом, поправив ее одежды и отыскав в высокой траве веночек, что, как оказалось, упал с ее головы, Владислав разжег огонь из веточек, что насобирал в рощице. А потом присел у этого небольшого костра, усадив Ксению к себе на колени, прикрыв ее полрой расстегнутого жупана. Некоторое время они молчали. Ксения слушала мерный стук его сердца, наслаждаясь теплом его кожи под ее щекой в вырезе его рубахи. Он же думал о чем-то своем, то и дело отхлебывая из небольшой бутылки, что достал из торбы, привязанной к седлу.

— Завтра, быть может, под венец тебя поведу, — тихо сказал вдруг Владислав, и Ксения подняла голову, взглянула в его глаза. Он медленно кивнул. — В твоём храме, как ты и просила. Вот, текуна жду, надо ж узнать, чья церква там — унии или схизмы. Коли схизма, с завтра же и обвенчаемся.

Ксения рванулась к нему, обнимая за шею, пряча свое счастливое лицо у него на плече. Знать, правда то, Владислав сдержит свое слово, она не ошиблась в нем, нет! А потом стала целовать его — сперва быстрыми поцелуями в нос, в лоб, в щеки, а потом — долгими и

глубокими — в губы, слегка царапая нежную кожу о его щетину.

— Мать Божья, — рассмеялся Владислав, когда под напором Ксении не сумел удержаться и упал спиной назад, в траву. — Коли б знал, что такая награда будет, давно бы сказал!

А Ксения уже запускала руки в вырез его рубахи, опьяненная этой ночью, запахом его кожи, теплом его губ. И тем, что предстоит им завтра — стать мужем и женой. Уже не только перед людьми, но и перед Богом. Навсегда...

— Я бы обвенчался с тобой и в костеле здесь, у Крышеницких, — говорил потом Владислав, когда она лежала на нем, переплетаясь с ним руками и ногами, убаюканная теплом костра и его тела, утомленная его страстью. — Но негоже то. Хочу, чтобы в Белобродах свадьба моя была, коли в Замке не может. Пусть хотя бы в Белобродах... Ты наденешь платье алое, будто губы твои, под рубины, что в гарнитуре мати. Она как-то сказала мне, что хочет именно в рубинах этих мою нареченную у алтаря увидеть. Так пусть с небес посмотрит на тебя. Ты ей по нраву пришлась бы, я уверен.

— Ты такая красивая нынче была, — шептал Владислав ей в волосы, перебирая пальцами ее локоны. — Я думал, у меня сердце разорвет, когда ты ступила на крыльцо. Твои глаза так сияли... будто небеса в летний погожий день. А когда пан Петрусь спросил тебя, согласна ли нареченной моей стать, я даже дышать перестал. Хоть и знал, что примешь, а все равно... Только, когда выпила, выдохнул, только тогда, — он вдруг прижал ее к себе теснее, а потом потянул вверх, чтобы коснуться губами губ, длинной шеи, заставляя ее тихонько ахать при каждом касании губ. — Моя! Моя! Отныне ты только моя!

Владислав перевернул ее на спину, накрыл собой, целуя так страстно, что у Ксении закололо в губах, глядя ее тело, прижимая к себе. А потом замер на ней, аккуратно касаясь растрепанных по траве волос, глядя ей в глаза, так сверкающие сейчас.

— Что с тобой? — спросила Ксения, чувствуя, как напряжено его тело, видя, как яростно он сжал губы. — Что стряслось?

— Коли б ты могла, кохана, — грустно сказал он. — Коли б только могла...

А потом резко прижался к ее губам, проникая языком в глубину рта, вжимая ее тяжестью своего тела в траву. И снова Ксения цеплялась за его плечи, снова что-то шептала ему в самое ухо, слегка прикусывая мочку на пике момента, снова растворялась в нем, глядя на мерцающие точки в небесной вышине. Снова поднималась к звездам... Ведь только он, этот мужчина, способен поднять ее на небеса...

Эта ночь так и запомнится Ксении. Бархат его жупана под ее руками, тепло его тела, тяжесть и нежность руки, сладость губ. И приятный аромат трав из венка на его голове, так оттеняющий запах его кожи.

Она проснулась первая на рассвете, когда край земли только-только стал алеть лучами поднимающегося солнца. Открыла глаза и смотрела на него, спящего рядом, надежно прижимающего ее к своему горячему телу, любовалась его лицом. Ей не доводилось ранее замечать, насколько длинные и густые его ресницы, таким любая девица позавидует, усмехнулась она. А потом замерла, борясь с внезапно охватившим ее желанием провести кончиками пальцев по его лицу: по высокому лбу, по сомкнутым векам, опущенным этими ресницами, по носу, по щекам и подбородку, уже темнеющим от щетины, которая так колола ее этой ночью, от которой у нее снова останутся отметины на нежной коже.

Но Ксения запретила себе касаться его. Ведь Владислав спал чутко, малейшее прикосновение разбудило бы его, а ей того вовсе не хотелось. Ведь спавший, он

принадлежал только ей, ей одной, никуда не торопился, не спешил. Спавшего, его не одолевали сомнения и тяжелые мысли, что заставляли на этом высоком лбу появляться глубокую складку.

Ксения знала, чего опасается Владислав. Она понимала по беседам, что вели вчера за столом захмелевшие гости, не ведая, что она слышит почти каждое их слово. Заславские — знатный и богатый род, магнатский род, что было сродни не князю в ее землях, а быть может, даже превосходило, она не знала. Никогда Стефан Заславский, этот король в своем маленьком королевстве, этот строптивый гордец, не потерпит такой невестки. Неизвестно, как отреагирует он на подобное безрассудство сына.

А потом Ксения задумалась — как бы ее родичи отозвались на счет того, что она пойдет сегодня под венец с латинянином, с ляхским шляхтичем, который сжег дотла имение ее мужа, который порубил немало людей на земле русской? От этих мыслей тягостных перед глазами у Ксении опять возник крест, падающий в пылающие останки церкви, в ушах встал треск огня и крики страха и отчаянья.

Нет, я не буду думать об этом, подумала Ксения, отгоняя от себя прочь воспоминания, поднимая глаза на березу, что стояла в изголовье их импровизированного ложа. На дереве, на обломке одного сука висели два венка, которыми они были обручены с Владиславом прошлым днем. Такие заметные издаലെка на белом стволе дерева, которое склонило нынче свои длинные ветви над ними, будто укрывая от чего-то. И тут же вспомнились глаза Владислава, что глядели на нее из-под этих трав и мелких цветов розмарина, когда их руки обвязывали рушником, нежность и любовь, которыми он словно обнимал ее тогда, даже не касаясь.

Ах, как же было отрадно, коли этот момент никогда не кончался! Ах, если б они с Владиславом были так счастливы всегда, если никаких туч не было над их головой, что могли омрачить их счастье. Если б никогда пан Заславский, отец Владислава, никогда не встречался им!

Ксении на лицо неожиданно упала капля, сорвавшаяся с одного из листьев, что висели на ветвях у них над головой, и она вздрогнула невольно. От ее движения тут же проснулся Владислав, мгновенно притянув ее к себе ближе и оглядевшись вокруг.

— Что стряслось? — глухо спросил он, закрывая глаза, убедившись, что им ничто не угрожает. Он так смешно хмурил брови, еще до конца не распрощавшись с остатками сна, который пришел к нему этой ночью, что Ксения улыбнулась, провела пальцем по его носу.

— Капля упала с дерева. Прямо в лоб.

А потом они, не сговариваясь, рассмеялись тихонько ее словам, представив эту картину перед глазами. Отсмеявшись, Владислав прижал ее к себе и легко коснулся губами ее лба, словно стирая след от той капли, что посмела так испугать Ксению.

— Бедная ты моя. Это ж надо — прямо в лоб, — шутливо покачал он головой, и Ксения легонько стукнула его по плечу, а потом просунула пальцы под его рубашу, погладила плечи.

— У меня тоже руки замерзли, — прошептал Владислав ей в ухо, легко дунув в волосы, разметав их. — Можно мне погреться?

— Смотря как, — улыбнулась Ксения, продвигаясь пальцами все ниже и ниже от шеи и плеч, наслаждаясь теплом его кожи.

— Я покажу, — ответил он ей с лукавой улыбкой и склонился над ней, надежно удерживая ее на месте своим телом, поймав ее пальчики у себя на груди. — Я покажу...

Потом Владислав помог ей встать на ноги и отряхнуть изрядно помятое платье от

травинки, что налипли на подол ее юбки. Она оглядела свою одежду, а потом жупан Владислава — тоже мятый и кое-где испачканный травой, и нахмурилась.

— Как же мы вернемся? Солнце уже совсем поднялось, знать, на дворе уже не спят, — она прикусила губу. Мало того, что они всю ночь провели тут, в этой рощице, так еще и вернутся, когда все будут на ногах. А уж их одежда сама говорит за себя, что они не просто гуляли, как редкие парочки, которых они видели с Владиславом этой ночью недалеко от рощицы, укрывшей их.

Владислав снял с сука венки и бережно одел меньший на склоненную в тревоге голову Ксении, а потом обхватил пальцами ее подбородок и заставил взглянуть на себя.

— Не думай об том. Вчера у нас были заречины. Вполне вероятно, что после этого мы ночь провели вместе, — его голос звучал так твердо, так уверенно, что Ксения заставила себя поверить ему, невзирая на рассудок, что криком кричал, напоминая об условностях и правилах. — У нас после заречин, бывает, даже уже живут как муж и жена. Просто в костел на венчание потом волосы нареченная не распускает, а надевает чепец.

Это было правдой, он ничуть не лукавил. Только вот в знатных кругах этот обычай был уже давно позабыт. Там уже было обручение в костеле с подписанием договоров и обменом кольцами, скрепляющим роды покрепче венков из трав и цветов. Только у путных бояр, мелкой шляхты да холопов можно было столкнуться полноправными заречинами, не у знатной шляхты.

Владислав заглянул в ее голубые глаза, а потом нежно потерся своим носом о кончик ее носа.

— Не думай ни о чем, — прошептал он, захватывая ее лицо в плен своих ладоней. — Ты — моя жена, видела кольца у нас на пальцах? Остальное...

И, верно, что ей до остального, когда у нее под ладонями так бьется его сердце, когда его губы так мягки и так нежны?

А потом, словно откуда-то издалека донесся звук, который заставил их обоих поморщиться недовольно. Мерное перестукивание копыт по утопанной дороге, что вела со двора Крышеницких мимо этой рощи. Всадник не мог не видеть их, приткнувшихся друг другу, ныне, когда уже солнце заняло свое место на небосводе в это утро, когда поредевшая листва уже не служила укрытием. Да и валах Владислава, жующий траву, недалеко от рощицы, не мог не привлечь внимания.

Но всаднику и не надо было приглядываться, чтобы отыскать эту парочку в рощице. Он ехал туда уверенно, потому что он знал, что найдет их именно там.

Не доехав до рощицы на два десятка шагов, Ежи придержал коня и свистнул Владиславу, показывая знаком, что тому следует подойти к нему. На лбу шляхтича снова появилась глубокая складка, что не могло не встревожить Ксению.

— Что-то стряслось, как думаешь?

Владислав медленно отвел руки Ксении от рукавов жупана, в которые она отчего-то вцепилась с силой, поочередно коснувшись их губами.

— Не думай о плохом, не надо, — прошептал он ей и, поцеловав нежно в лоб, прямо под травы венка, прошептав «Подожди меня тут», направился к Ежи, на ходу прикрепляя к поясу саблю. Он видел, как хмурится Ежи, совсем по-иному, чем обычно, как сильно он сжимает повод в руке, как утирает лоб шапкой, хотя солнце еще не грело во всю силу.

А потом, по какому-то наитию, Владислав обернулся к Ксении, стоявшей у березы, полюбив ту рукой, прислонившись щекой в шершавой коре, словно ища поддержки ныне у

дерева. Ее глаза смотрели настороженно сперва, а потом она улыбнулась ему в ответ на его улыбку, несмело кивнула. Его лесная чаровница, его драга, его кохана...

Ксения не отрывала ни на миг глаз от Владислава, который уже подошел к Ежи и что-то спрашивал у того, поправляя пояс. Получив его ответ, он замер, будто окаменел о тех слов, что услышал от усатого поляка, и Ксения тоже резко выпрямилась, разгадав по поведению мужчин, что дело явно неладно. А потом Владислав вдруг сорвался с места, вырвав из пальцев Ежи рукав жупана, за который тот пытался удержать его, побежал к своему валаху и, в мгновение ока взлетев в седло, помчался куда-то прочь, сломя голову, даже не взглянув на замершую в удивлении Ксению.

Она не стала ждать, пока Ежи направится к ней, сама бросилась к усатому поляку, с трудом управляясь с намокшими от росы длинными юбками, схватила того за руку, едва добежала до него.

— Что? Что стряслось? Что-то на дворе? С Крышеницкими? — забросала она вопросами Ежи, а потом снова повернулась в ту сторону, куда сломя голову умчался Владислав.

Нет, не к дому пана Петруся гнал коня тот, совсем в другую сторону, на луг, где, резко остановив валаха, Владислав вдруг опустился на колени траву. Это произошло так внезапно, что Ксения, решив поначалу, что Владек упал, сброшенный конем, закричала в голос, метнулась к нему. Но даже с места не смогла сдвинуться, схваченная сильными руками Ежи, который задержал ее, невзирая на ее отчаянное сопротивление.

— Не надо к нему! Оставь его ныне! Не стоит!

Но Ксения пихалась изо всех сил, видя, как склонился Владислав к самой земле лбом, будто молясь, укусила Ежи за ладонь, закрывающую ей рот, скрывающую ее вопли.

— Тише! Тише, кошка! Послушай меня! — прошипел он ей прямо в ухо, больно вцепившись в ее предплечья, прижимая к себе. — Ему надо побыть одному нынче! — Ксения замерла, потрясенная той силой и решимостью, что прозвучали в голосе Ежи, будто он был готов на все, лишь бы удержать ее на месте. Потому затихла, кивнула головой несмело, мол, продолжай. — Текун приехал, что был послан разыскать пана в землях московитских любой ценой. А по пути он сюда завернул, чтобы и пан Крышеницкий весть узнал, как родич. То о пане Заславском, отце пана Владислава... Помер он...

Два коротких слова, но они заставили Ксению окаменеть, как недавно замер Владислав, не веря вести, принесенной сюда из земель Заславских.

«...Если б никогда пан Заславский, отец Владислава, никогда не встречался им!», всплыла в голове жестокая мысль, осуществление которой казалось ей разрешением многих ее трудностей. А потом ноги ее вдруг подкосились, и только руки Ежи удержали Ксению от падения в траву.

— Что ты? Что ты, панна? — успел он подхватить ту, когда она качнулась.

Пышный венок из трав и мелких цветов розмарина, это символа вечной памяти, не удержался при этом на голове Ксении и упал. Ежи не стал его удерживать, обхватив тонкий стан Ксении, помогая той, бледнеющей на глазах медленно опуститься в траву. К чему теперь эти свадебные цветы...?

1. Одно из названий полонеза (в то время — ходзоный), с которого всегда начинались танцы на праздниках и пирах

Только когда Владислав спустя некоторое время поднялся с колен, Ежи отпустил Ксению. Только тогда она смогла подбежать к нему, подобрав юбки, едва не упав, запутавшись в длинной траве, что так и мешалась под ногами.

— Владек, — легко тронула она его за плечо, и он, поправлявший на валахе сбрую, вдруг резко обернулся к ней. Ксения поразилась тому, каким холодным и отрешенным он выглядел сейчас. И только глаза, полные затаенной боли, с покрасневшими белками, выдавали его с головой.

— Мне очень жаль, — прошептала она. Владислав кивнул в ответ, отводя взгляд в сторону, взял одной рукой поводья, а в другую ладонь Ксении, развернулся в сторону двора Крышеницких, но вдруг тут же замер на месте. А потом притянул к себе Ксению и так сильно обнял, что у нее перехватило дыхание, уткнулся лицом в ее шею. Она сердцем чувствовала его боль, как свою собственную, но молчала, зная, что никакими словами ей не унять той душевной муки, что он испытывал ныне. Потому просто замерла в его руках и ласково провела рукой по его волосам.

Этот порыв слабости Владислава, в прочем, быстро прошел. Она не успела даже опомниться, как он отстранился от нее, снова схватил ее ладонь.

— Нам надо ехать, борздо! — и она кивнула в ответ, позволяя ему потащить ее за собой к двору Крышеницких, у распахнутых ворот которого она еще издалека заметила людей, ожидавших возвращения Владислава. Как оказалось, пахолики Владислава уже успели оседлать лошадей да собраться в путь, ожидая своего пана, поглядывали на него сейчас настороженно, тщательно скрывая свое сочувствие к его горю, жалость к его потере. Они, как никто другой, знали, как не терпит жалость к себе Владислав, как не любит показывать свою слабость на людях.

Оттого-то быстро отстранился от пана Петруся, что прижал родича к себе в крепком объятии, оттого отвел глаза от заплаканного лица пани Марии.

— Вот оно как вышло, Владусь, — тихо проговорил пан Петрусь в очередной раз. — И ведь не угадаешь, когда Бог решит... Вот как сошлось. Знать, выезжаешь тотчас? Да уж тут не до малой {1}.

— Выезжаю, пан Петрусь, — кивнул Владислав, и дядя легко сжал его плечо в знак поддержки. А потом, обнявшись в последний раз с родичами, шляхтич одним махом вскочил в седло, протянул руку Ксении, что до сих пор стояла чуть в стороне от всех, явно растерянная и напуганная этим неожиданным известием, пришедшим из замка Заславских. В ее голове неотступно крутилась одна и та же мысль — неужто это она накликала эту беду своим желанием никогда не встречать отца Владислава?

Но прежде чем она вложила пальцы в ладонь Владислава, к Ксении подошел пан Петрусь и, обхватив ее тонкий стан, легко оторвал ее от земли, посадил на валаха перед Владиславом.

— Здрава будь, панна, — проговорил он, прощаясь. А после тихо добавил. — И лада вам.

— И твоему дому, пане, мира и лада, — ответил Владислав, уже мысленно отсутствовавший здесь, нахмуренный и бледный даже под загаром, что лег на его лицо этим летом. — Счастья молодым! — Растерянная Кася и Янек, обнимающий жену за талию,

слегка поклонились в ответ. Владислав склонил голову перед родичами в последний раз, громко гикнул и развернул коня прочь от ворот, махнув шапкой на прощание провожающим. Ксения краем глаза заметила, как благословляет их на дорогу пани Мария крестным знаменiem, так похожим на православное.

Покинув фольварк Крышеницких, Владислав гнал свой отряд, будто за ними кто-то гнался. Дневной привал за прошедшие пару дней был сделан только единожды, на второй день, и то только на то, чтобы измученные лошади, уже хрипевшие от усталости и напряжения, набрались сил для дальнейшего пути. Людей же Владислав не жалел. Но если мужчины стойко переносили тяготы пути, привыкшие и к такому быстрому темпу езды, и к седлу, то женщинам пришлось совсем несладко. К концу первого дня, когда уже темноте въехали на двор небольшой корчмы, желая устроиться на ночлег, и Ксения, и Катерина едва стояли на ногах, ощущая боль в каждой частичке своего тела.

Измученная Ксения почти не спала той ночью. Мало того, что постель, предложенная девушкам на двоих в комнатке на втором этаже, была жесткой и неудобной, так еще боль в мышцах пронзала все тело всякий раз, как Ксения переворачивалась во сне, заставляя ее пробуждаться с тихим стоном. Вскоре она оставила попытки заснуть, просто лежала на спине, разглядывая каждую щелочку в потолке над кроватью и с трепетом ожидая, когда за грязным оконцем комнатки появятся первые рассветные лучи.

И еще она была встревожена состоянием Владислава. Он, казалось, настолько погрузился в себя, что не замечает никого вокруг себя, окружив себя невидимой стеной, за которую ей пока хода нет. Она понимала, что он переживает горе — потерять отца... она себе даже представить не могла, как сама смогла пережить это. Но то, как он отстраняется от нее, Ксению начинало беспокоить.

Только малую часть пути в первый день она ехала вместе с ним. Затем Владислав передал ее Ежи и уехал вперед, обогнав голову отряда на полверсты. Так и ехали — весь путь до самых сумерек Владислав так и не вернулся к своим людям, а Ксения ехала попеременно на разных лошадях, я разными всадниками. И после, уже когда въехали во двор, когда занялись лошадьми, а Ежи повел за собой женщин в корчму, устраивая тех на ночлег в отдельную комнату, Владислав спешно ушел прочь, скрылся в тени сенника, явно не желая, чтобы его беспокоили. Отчего он отталкивает ее, отчего не разделит с ней боль, терзающую душу? Ведь сам же когда-то говорил, что отныне у них все поровну — и горести, и радости. Сам же изменил своим словам, отгородившись от нее.

Оттого она и молилась перед сном, горячее обычного, стоя перед небольшим образом Богоматери, некогда подаренным ей Влодзимежем. Умоляя Господа помочь Владиславу справиться с его горем. А еще она просила даровать душе его отца вечный покой. Она не знала, можно ли читать помянник, ведь тот был латинянином, потому просто прошептала свою просьбу, чувствуя на сердце вину за худые мысли о нем.

Ксения за ночь сумела убедить саму себя, что холодность и отстраненность Владислава ей только привиделась. Но утром, едва они с Катериной успели ополоснуть лицо ледяной водой в кадке во дворе, Ежи стал подгонять их собираться в дорогу.

— Довольно, паненки, плескаться, — пробасил он. — Солнце уже всюю над краем стоит. Эдак, пан далеко уедет, пока мы с корчмы выедем.

Ксения замерла от его слов на месте. Владислав уже уехал, оставив ее тут одну? Одну, пусть и со знакомыми ей уже людьми. Одну на чужой ей земле.

— Не серчай, панна, не хмурь брови, — прошептал ей Ежи, подсаживая ее на коня

одного из пахоликов. — Пану нынче совсем худо. Не трожь его — сам отойдет.

Но в душе Ксении уже разливалась горечь от правоты собственных мыслей, которые пришли ночью и так не смогли отпустить душу, даже когда она сама себя убедила, что неправда.

А потом, когда они гнали коней, пытаясь догнать уехавшего вперед Владислава, когда она оглядывала краем глаза хмурые лица пахоликов, когда ее запястье сжал не больно, но ощутимо один из них, на коне которого она ехала в тот момент, в душу заполз предательский страх.

— Не хватай за поводья! — сказал пахолик. — Завалишь коня к чертям собачьим, шеи себе свернем!

Но она уже не слышала его, отдаваясь снова своим сомнениям, страхам, что все сильнее и сильнее охватывали ее ныне. Ей снова стало все казаться чужим, пугающим — темнота лесов, что проезжали в пути, хмурое небо над головой с редкими лучами солнца, едва прорывающимися через серость облаков, лужи и грязь под ногами, оклики пахоликов на польском языке зазевавшихся на дороге хлопков, которых они иногда встречали на пути.

А еще у Ксении очень болело все тело, и эта скачка все усиливала ее и усиливала. Она бы оперлась на грудь Владислава, если бы ехала с ним, но за ее спиной сидел совсем не он, и Ксения держала спину максимально прямой, с тоской думая о том, что если бы не пришла бы весть о смерти отца Владислава, она бы ехала ныне в колымаге. Владислав знал, как тяжело ей, до этого лета ни разу не ездившей верхом, дается дорога, оттого и хотел одолжить у Крышеницких колымагу. Ныне же, когда горе гнало его прочь, ни какой колымаге и речи быть не могло. Забыл ли он или осознанно не стал спрашивать родичей, желая, как можно скорее достичь земель Заславских, Ксения не желала думать о том.

Владислава отряд нагнал уже ближе к полудню. Тот ждал их при выезде из леса, который они проезжали дорогой, погнав уже отдохнувшего коня навстречу товарищам.

— Сделаем стоянку! — крикнул он громко, чтобы даже в хвосте растянувшегося по дороге отряда его слышали. Потом он быстро подъехал к коню, на котором ехала Ксения, прыгнул на землю и протянул руки, чтобы помочь Ксении наконец встать на ноги. Она едва удержалась, вцепившись в плечи Владислава, совсем не чувствуя своих ног от боли, захлестнувшей тело в тот миг, когда ее ступни коснулись земли.

— Утомилась? — тихо спросил Владислав, отводя с ее лица пряди, выбившиеся из косы. Она только кивнула в ответ. Шляхтич тут же подхватил ее на руки и понес прочь от лошадей, которых спешно обтирали травой, туда, где на траве уже был расстелен его плащ. Он бережно усадил Ксению, расправив ее юбки, а потом вдруг выпрямился, и Ксения поняла по его лицу, что он снова уходит от нее.

— Куда ты? — встрепенулась она, протягивая в его сторону руку. Он схватил ее пальцы, прижал к губам.

— Мне надо ехать, моя драга.

— Возьми меня с собой, — попросила она, чувствуя панику, что разрасталась в душе. И страх. Дикий страх остаться снова одной.

Но Владислав только головой покачал, отказывая ей в просьбе, и тогда она разозлилась, стукнула кулаком по ткани, больно ударившись пальцами о твердь земли под ней.

— Отчего? Отчего не можешь взять с собой? Я не хочу остаться одна с ляхами твоими.

— Тут Катерина, — возразил Владислав. По его глазам Ксения видела, как не по себе ему от этого разговора на повышенных тонах, как не желает он его. И как не желает он

объясняться с ней.

— Я не хочу быть с Катериной, — процедила она сквозь зубы, понимая, что поступает ныне чересчур самолюбиво, но ничего поделать с собой не могла. Отчего бы ему не уступить ей? Отчего не взять с собой? — Я хочу быть с тобой!

— Я еду в костел, Ксения! — вспыхнул он. — Желаешь пойти со мной?

Ее глаза тут же потускнели, она отвела взгляд, признавая поражение в их споре, и он вдруг ощутил горечь во рту отчего-то.

— Я так и думал, — произнес Владислав, отводя глаза на пояс, что стал поправлять сейчас, не желая встречаться с ней взглядом, чтобы ненароком не выдать, как он разочарован и зол. — Я ненадолго. Вы меня скоро нагоните.

Ксения ничего не ответила. Ломала на кусочки хлеб, который дала с собой в дорогу им пани Крышеницкая, остро ощущая, каким чужим вдруг стал Владислав. Совсем не тот, что был ранее, еще третьего дня, в рощице, где они провели ночь после заречин. Она не подняла глаз от хлеба, даже когда он громко выдохнул, а потом раздались его тяжелые шаги, удаляющиеся от нее. Не обернулась она и на тихий стук копыт, свидетельствующий о том, что Владислав все же уехал.

Ксения краем глаза сквозь слезы, наворачнувшиеся на глаза от обиды и злости, заметила, как рядом с ней опустился на корточки Ежи, уже раскуривший чубук.

— Пора бы забыть московитский язык, панна, — проговорил медленно он, выпустил изо рта струю дыма и добавил. — И пора бы запомнить, что не только ты понимаешь его.

Ксения вспыхнула от стыда, заливаясь краской до самых ушей, только сейчас осознавая, что пытаюсь удержать Владислава подле себя, ненароком могла обидеть его пахоликов.

— Я не хотела сказать...

— Мы так и поняли, — кивнул Ежи. Он снова замолчал на некоторое время, а потом сказал то, что уже давно хотел ей сказать. С самого первого дня, как она решилась ехать в их земли. — Ты должна быть очень осторожной в своих поступках и в своих речах. У нас поговорка есть: с губ слетит — на ста лошадях не догонишь! Помни об том! Мы-то уже привыкли, что на твоём языке не то, что у тебя на уме, не со зла кидаешь слова злые или творишь то, что не должна творить. Люди, что не ведают тебя... Для них ты такая же чужая, как и они для тебя. Только ты приехала к ним в дом, потому должна принять их обычаи...

— ...и их веру, ты это хочешь сказать? — прервала его Ксения, сжимая распятие под тканью рубахи. В последнее время она как никогда ощущала его тяжесть у себя на груди, и в то же время как никогда боялась его потерять.

— Отчего ты так цепляешься за него? — спросил Ежи, глядя ей в глаза, словно пытаюсь прочесть ее мысли. Ксения поняла, что он спрашивает не о распятии, таком непохожем на то, что носили на своей груди латиняне, но отвечать не стала. Неужто Владислав подговорил своего дядьку переговорить с ней о том, о чем сам пообещал никогда не просить? — Жена идет за мужем. Разве не учили тебя этой истине? Во всем идет. До конца. И ты должна идти.

— Я не могу отказаться. Не могу, — тихо сказала Ксения, проводя пальцами по абрису распятия у себя на груди.

— Что ж, дело твое, — пожал плечами Ежи и замолчал.

Спустя некоторое время Ксения нарушила тишину, установившуюся меж ними, такую осязаемую для нее ныне, такую тяжелую.

— Ты ведь ненавидишь меня, Ежи? — тихо спросила она, когда уже стали собираться в путь пахолики, сворачивать импровизированную скатерть, сидя у которой они ели нехитрые

запасы, полученные в дорогу. Она знала, что не будет более у нее времени переговорить с этим усатым поляком вот так, откровенно, без свидетелей. А ей хотелось узнать, отчего тот так не любит ее, отчего так холоден с ней, окидывает хмурым недовольным взглядом всякий раз, как они встречаются глазами.

— Панна много о себе думает, — усмехаясь, отрезал Ежи, выбивая из чубука остатки табака перед тем, как убрать его с торбу у седла. — Во мне нет ненависти к панне. Только сожаление, что панна не видит того, что так ясно для всех, кроме нее. И нет во мне веры оттого панне. Ведь коли ты сердцем отдалась пану Владеку, так отдайся полностью. Стань с ним целым одним, чтобы не стать его слабостью, его раной. Пани Элена тоже думала, что, забыв эту истину, она сможет сделать свою жизнь такой, какой хотела бы видеть. Да не вышло, панна, потому как, желая стоять чересчур прямо, можно сломать себе хребет. Я вижу в тебе нынче лишь гордыню, что заставляет тебя упорствовать, любовь же идет на уступки.

— Разве то, что отказалась от своей земли, от родных — это малость?

— А разве у тебя, панна, был другой путь? — резко поднял голову Ежи, явно разозленный ее упрямством. — Что лучше — стать женой и госпожой на земле или в монашках ходить до конца века своего? Или на милость к родичам пойти со склоненной головой? Я знаю, ваши обычаи, панна, и знаю, что было два пути у тебя — монастырь или пан. Будь я бабой, то тоже выбрал бы пана.

— Вспомни, что меня увезли силой! — возразила ему запальчиво Ксения. — Или запаматовал, что против воли моей везли?

— Ты кого убеждаешь, панна? Меня или себя? Могла бы остаться с тем Бартышем, что на двор лесной пришел. Уж тот точно подмог, чем смог, против нас.

Он снова заглянул в лицо Ксении, пытаясь разглядеть в том, хотя бы малейший отголосок своим словам, но по упрямо поджатым губам понял, что необычная для него многословность так ни к чему и не привела. Что же, коли так, то поделаться тут более нечего...

— *Hominis est errare, insipientis perseverare* {2}, - и, видя ее непонимающий взгляд, проговорил. — Пошли, говорю, пора ехать. Думаю, пан Владислав уже ждет нас у развилки, где встретиться условились.

Владислав действительно ждал их в условленном месте, еще более хмурый, чем уезжал. Молитвы в костеле не принесли ему желанного душевного покоя, а исповедь ксендзу только разбредила старые раны, растревожила мысли, которые он так тщательно гнал от себя. Молодой годами, едва ли старше трех десятков, священник был категоричен в своей отповеди данной пану Заславскому.

— Святая церковь еще устами святого Павла призвала детей своих вступать в брак в Господе {3}. А еретики вне лона ее, даруй им Господь просветления в мыслях понять, что в заблуждении они, — перекрестился ксендз. Потом он снова обратился к Владиславу. — Твоя душа в опасности, мой сын. Венчание в схизме — гибель души твоей! А иначе... Никто из сыновей Святой Церкви не возьмет на себя такой страшный грех соединить несоединимое. Никогда рука еретички не ляжет в руку истинного католика под сводами храма. Никогда! Твоя задача, сын мой, отвернуть ее от ереси любой ценой. Спаси ее душу, это твой долг как верного христианина и сына Святой Церкви. Иначе проклятие на род славный падет. Неминуемо падет!

Отвернуть Ксению от схизмы. И это теперь, когда он явственно чувствовал, что чем дальше они продвигаются вглубь земель польских, она все отчаяннее и отчаяннее

сопротивляется даже самой мысли о возможной смене веры. И как убедить ее, он не знал. И даже думать не хотел ныне, когда и так болела душа.

«...Возвращайся, сыне...» Так молил его отец в каждом письме. Глаза пана Заславского, полные какой-то странной грусти, когда тот провожал сына в Московию, вставали перед взором Владислава всякий раз, как он смыкал веки. Он знал, что ему не суждено увидеть тело отца перед погребением, что не коснуться губами холодного лба того, но гнал и гнал хоругвь вперед как можно быстрее.

— Я еду, отец... я еду...

И мысли, тягостные мысли тревожили его ночами. Владислав поддался своему горю этой весной, своей слабости, оттянул возвращение в земли Заславского магнатства и неожиданно для самого себя нашел то, что потерял — Ксению. Господь даровал ему одно, но так жестоко отнял другое взамен (хотя и запретил ему так, даже мысленно, говорить тот худой ксендз). И Матерь Божья! Когда он так самолюбиво наслаждался своим счастьем, когда строил планы, как обхитрить отца, Стефан Заславский в то время уже был мертв. Мертв! Когда Владислав радовался на заречинах, его отца уже положили в каменную нишу в костеле, навеки покрыли плитой его могилу. И эта радость теперь выжигала виной его душу, будто огнем.

Оттого Владислав и отводил глаза в сторону от пытливого взгляда Ксении, когда встречался с ней глазами. Он боялся, что она прочитает в них вину и сожаление, которые охватывали его при мыслях о заречинах, проведенных чуть ли не у гроба отца. И в этот раз отвел глаза, едва встретил свой отряд у развилки. Но душа сама тянулась к ней, к его кохане, несмотря на все уверения совести, несмотря на вину, несмотря на то, что любовь к ней была грехом в глазах церкви. Она была нужна ему. Верно тогда сказал пан Петрусь на заречинах — она часть его души и сердца, и ему никак нельзя без нее.

Потому Владислав и перешагнул порог комнаты, которую отвели Ксении и Катерине в корчме, где они остановились на ночлег. Он специально не стал заворачивать на шляхетские дворы, не желая никого видеть нынче, не желая ловить косых взглядов. Подарок небес — двор корчмы был пуст, на удивление прибывших, только хлопы и войт ближайшей вотчины, которые тут же удалились, уступая место в зале пахоликам Владислава.

Ксения стояла у оконца на уровне ее глаз, поставив на узкий уступ под ним, образ, что она возила с собой в торбе. Глаза ее были закрыты, она отрешилась от всего происходящего за вечерней молитвой. Только Катерина скосила глаза на вошедшего Владислава, но по его знаку не стала отвлекать Ксению, позволила той закончить молитву, и только тогда, быстро перекрестившись и приложившись губами к иконе, выскользнула за дверь.

— Завтра к вечеру мы будем в Замке, — произнес Владислав, и Ксения вздрогнула, вернувшись на грешную землю из своих мыслей.

— Уже завтра? — переспросила она, не двигаясь с места, только наблюдая за ним от окна. На его лицо падала тень, и она не смогла понять, в каком настроении он пришел сюда, избегая ее последние два дня.

— Мы уже второй день идем по землям магнатства, — кивнул Владислав. Ксения замерла, обдумывая то, что узнала. Она подумать не могла, что отец Владислава так богат. Вернее, был богат. А потом вдруг Владислав сорвался с места к ней, схватил ее за руки и прижал ее ладони к своему лицу, словно прячась в них от ее взгляда.

— Прости меня, — прошептал он. — Я не должен был...

— Нет, — перебила его Ксения. — Это я виновата перед тобой. Прости меня ты. Нынче

днем... Я испугалась, что теряю тебя, что ты удаляешься от меня. Этот страх... Он постоянно во мне. И только когда ты рядом, я могу забыть о нем.

Она не договорила — Владислав привлек ее к себе и поцеловал, неглубоко, ласково, едва касаясь губами ее губ. Эта легкая ласка сделала свое дело. Страхи развеялись, будто туман над рекой при первых лучах солнца, мысли тревожные спрятались обратно в потайные уголки ее души.

— Я думала, мы идем в Белоброды, — прошептала Ксения в его губы, настолько близко были их лица сейчас. Владислав покачал головой.

— Я должен появиться в Замке. Отдать последнюю дань отцу, поклониться его могиле. Потом, когда будет вскрыт тастамент {4}отца, мы уедем в мой фольварк, — он игриво укусил ее за пухлую нижнюю губу, но голос, который прозвучал в тишине комнаты, был серьезен. — Ксения, никогда более я не должен слышать от тебя слов, что прозвучали ныне днем на стоянке. Эти люди живут на моих землях, некоторые платят мне чинш. Но они не только мои. Чтобы больше не было этого разделения. Как и слова «ляхи» в твоей речи. Не на этой земле. Никогда!

Этот Владислав, что стоял перед ней сейчас и держал ее лицо в плену своих ладоней, чьи глаза так пристально смотрели на нее, был непривычен Ксении. Нельзя сказать, что она ранее не знала его таким — ведь этот был тот самый Владислав, который когда-то грозился перерезать ей горло, который когда-то захватил ее в полон. И именно этот Владислав пугал ее тогда. Именно такой — холодный и отчужденный незнакомец, человек, обладающий силой и властью, сметающий все на своем пути.

На следующий день Ксения стала внимательнее к деревням и дворам, что проезжал отряд Владислава. Только теперь она стала понимать, отчего так был услужлив рандарь давеча в корчме, отчего столько людей выходит из своих домов или отрывается от работы, чтобы поприветствовать проезжающих, отчего так низко кланяются холопы, сняв шапки. Она оглядывала земли и с трудом верила, что так много может принадлежать одному человеку. Конечно, род Калитиных не был беден, но их вотчины можно было объехать за день вдоль и поперек, а тут же...

Когда солнце медленно покатилося по небосводу вниз, хоругвь Владислава въехала в городок, что стоял в версте от Замкового холма. Сначала Ксения разглядывала само селение, дивясь тому, что помимо деревянных домов, уже к которым так привык ее глаз за время путешествия по польским землям, она видела и каменные, и их было немало. Проходы между домами в городке были не такими, как в Руси, широкими, к тому же вымощенными камнем, по которому так звучно сейчас стучали подковы лошадей отряда.

— Они его любят, — слегка удивленно проговорила Ксения, глядя, как улыбаются жители, кланяясь младшему сына магната. Ежи, которым она ехала сейчас, усмехнулся в усы.

— Хлопы любят того пана, что редко бывает в землях своих. Да и не пан тут Владислав. Оттого и любят.

Тем временем узкая дорога между домами расширилась и перешла в небольшую широкую площадку перед высокой громадой каменного костела с латинским крестом на островерхой крыше. Ксении пришлось даже голову запрокинуть, чтобы разглядеть его.

— Велик? — с гордостью в голосе спросил Ежи. — Костел построили в одно время с замком. С того же камня. Прадед Владислава начал, а завершил стройку его дед. Оба лежат тут, в склепе. Как и отец Владислава с недавних пор.

Ксения провела глазами по мощной постройке храма латинян с высокими узкими окнами. Ей показался он чересчур большим и грубым, по сравнению с изящными куполами церкви, в которую она ходила в Москве. Будто храм православной веры был девицей с искусными украшениями, а костел — истинным рыцарем в доспехах — сильным и высоким.

А потом отряд завернул за костел, дорогая снова сузилась, но не дома, что стояли по краям пути заставили Ксению замереть, даже забыв про дыхание. Перед ней вдали раскинулся на высоте холма замок из темного камня. Мощные высокие стены, несколько башен с острой кровлей, за одну из которых сейчас торопилось спрятаться осеннее солнце. И чем ближе отряд подъезжал по дороге к замку, тем больше перехватывало у Ксении дыхание при виде подобной громады.

Так же как и на площади, ей пришлось задрать голову вверх, чтобы окинуть взглядом высокую брану {5}, к которой подъехали всадники. Толстые дубовые ворота уже были распахнуты настежь ратниками, дежурившими у браны (позднее Ксения узнает, что в бране есть герца {6}, в обычные дни поднятая вверх, чтобы не затруднять проезд в замок, но готовая опуститься в момент опасности). Прямо над воротами, там, где по обычаю у русских должен быть расположен образ, висел большой щит алого цвета с изображенными на нем золотыми полумесяцем, шестиконечной звездой и каким-то неизвестным Ксении знаком, схожим со стрелой.

— Герб Заславских, — шепнул ей Ежи, заметив направление ее взгляда, слегка придержав коня, чтобы дать Ксении разглядеть его. А потом направил коня в замок через ворота. Ксения успела заметить, что толщина замковых стен была шага три, не меньше, когда они проезжали через брану. А потом снова замерла, пораженная открывшейся перед ней картиной, когда конь Ежи ступил на двор замка.

Двор имел ровные четыре стороны, повторяя внешние очертания замка. В глубине двора стояло высокое трехэтажное строение из камня с высокими узкими решетчатыми окнами с разноцветными стеклами. Оно было пристроено к северной и восточной стенам замка, и оттого казалось, что прямо из боковых стен здания выходят толстые замковые стены с крытыми галереями и высокими башнями по углам. Ксения настолько увлеклась разглядыванием диковинного для нее строения, что пропустила тот момент, когда пахолики остановили лошадей, стали спешиваться. И тут же двор стал наполняться людьми, что спешили выйти из замка или хозяйственных помещений, громкими возгласами, приветствиями.

От этого шума Ксения растерялась, как тогда, на дворе Крышеницких, но потом сумела выровнять дыхание и принять помощь одного из пахоликов, помогающего ей спуститься с коня Ежи. Конечно, ей было бы приятнее, если бы Владислав оказал ей помощь, но она понимала, что тот занят — он уже спешил к высоким дверям из дуба по левую сторону от браны, которые распахнулись, пропуская нескольких мужчин.

— Тот, что ростом с Владислава, в жупане цвета яхонта, с толстой золотой цепью, единокровный брат Владислава, пан Юзеф, — шепнул на ухо Ксении Ежи, что тоже спешился и, передав поводья подоспевшему конюху, встал чуть позади нее.

Ксения внимательно оглядела высокого мужчину со слегка покрасневшим лицом, что заключил Владислава в объятия и троекратно расцеловал. Он был и похож, и в то же время не похож на своего брата. Если черты лица Владислава были резче очерчены, выдавая властность его натуры, то лицо Юзефа было более округлым, а нос более широким, губы толще. Кроме того, Ксения уже успела заметить, что и фигурами они различны: Юзеф был

немного обрюзгшим, с небольшим животиком, что легко угадывался над поясом.

— Тот, что самый старший из всех, в черном платье, пан Матияш Добженский, каштелян замка при пане Стефане. Его правая рука, и, полагаю, хранитель самых сокровенных тайн пана Заславского. Большей власти, после семьи Заславских, разумеется, не было ни у кого в землях магнатства, — продолжал шепотом рассказывать ей Ежи. Каштелян был ростом ниже братьев Заславских, но осанкой своей выдавал свое далеко не низкое положение в замке. Голова его была уже тронута сединой, а лицо избородили морщины. Он тоже крепко прижал к себе Владислава, что-то прошептав тому в ухо. Ксении это объятие показалось почему-то искреннее, чем братское приветствие.

— Пан Юзеф и пани Патрыся, жинка то пана, люто ненавидят пана Матияша. Видимо, от того, как пану Стефану предан, как собака ... был, и даже против пана Юзефа, бывало, выступал. По поводу того, как часто надо ольстры открывать с грошами и талерами {7}, — продолжил Ежи. — А еще от того, что тот уговорил пана Стефана позволить свободно селиться в своих землях жидам, которых пан Юзеф терпеть не может. Как и других еретиков. Потому-то так яростно церкви схизматические, что унию не приняли, разорял в магнатстве, гонял попов и в хвост, и в гриву.

Ксения напряглась при этих словах, едва сдержав возглас, который чуть не сорвался с губ, но предпочла не выдать своего волнения от этого известия, сжав пальцы в кулак, как делала это обычно, когда сердце было не на месте от тревоги. Она уже поняла, что знакомство с братом Владислава будет не таким приятным, коли тот против схизмы так яростно выступает.

— Худо то, что ныне пан Юзеф магнатство примет. Власть у него будет тогда большая. Шибко тяжело пану Владиславу придется. Чую, ссоры будут великие. Хотя это как пани Патрыся решит, — усмехнулся Ежи.

— А вот это новое лицо для меня, — крикнул Ежи, подкручивая ус, видя, как к Владиславу подходит молодой шляхтич в жупане темно-синего, почти черного цвета. Этот шляхтич тоже что-то проговорил Владеку, а потом обнял его, да так крепко, что сумел оторвать при этом Заславского от земли, хотя и был ниже ростом почти на голову, чем тот, и уже в плечах. — Судя по всему, то Тадеуш Добженский, сын каштеляна. Последний раз я его видел, когда с Замойшей {8} ходили.

Ксения вдруг заметила, как замер, обнимая Заславского, Тадеуш, глядя из-за плеча шляхтича на нее, стоявшую возле Ежи, почти посреди двора, там, где и спешила. Владислав тоже обернулся назад, будто почувствовав перемену в настроении Добженского, а потом и остальные перевели глаза на Ксению. Даже холопы, суесящиеся во дворе: кто лошадей принимая, кто спеша напоить чистой водой уставших путников.

Она тут же вспомнила под этими десятками глаз, устремленных на нее, что с дороги только: платье, запыленное да пропахшее потом, волосы растрепанны, и кто знает, не грязно ли лицо. Но не успела она об этом подумать, как Ежи взял ее пальцы и положил себе на сгиб локтя, следуя немоу приказу Владислава.

— Пошли, панна. Знакомство будем делать. Ну, чего затряслась-то? Такая смелая была еще давеча, а тут оробела, — Ежи легонько сжал ее пальцы на своем локте, а потом добавил чуть тише. — Ты лучше покамест помолчи, панна. А то говор твой московитский так и лезет. Ты только приседай, как я тебе показывал давеча, да улыбайся миленько. Не будем дразнить гусей — рановато для того, ой, рановато.

1. Имеется в виду малая свадьба, которая по традиции еще несколько дней гуляет в доме невесты

2. Человеку свойственно ошибаться, глупец же упорствует (лат.)

3. Т. е. между собой, в одной вере.

4. Завещание, распоряжение собственностью на случай смерти

5. Тут: башня с въездными воротами

6. Специальная решетка из кованых и заостренных снизу железных полос

7. Монеты, бывшие в обращении в то время

8. Имеется в виду гетман Замойский

Знакомство совершилось довольно быстро, словно Господь услышал немую мольбу Ксении. Ей почти не пришлось говорить с мужчинами, чего она очень боялась, опасаясь за свой акцент и несовершенство владения местным наречием. Говорил в основном Владислав. Он повернулся к подошедшим Ежи и Ксении, но руки ее не принял у усатого шляхтича, только коротко кивнул ей, будто в знак поддержки. Как и в прошлый раз, когда он представлял ее, Владислав был немногословен.

— Панове, позвольте представить вам панну Ксению Калитину, мою нареченную, — он взглянул на Ксению, тут же слегка присевшую перед панами — не слишком грациозно, но вполне недурственно для первого раза, улыбнулся, глядя на нее. — Мы обручились несколько дней назад в фольварке Крышеницких. Пан Петр Крышеницкий был райеком на заречинах.

Если отцу и сыну Добженским удалось скрыть свое удивление этому известию, то Юзеф не сумел справиться с эмоциями.

— Обручился? Без отцовского ведома и согласия? — а потом в его глазах мелькнула некая тень узнавания, и он прищурил глаза, побагровев на глазах. Он открыл рот, чтобы сказать что-то, но его опередил пан Матияш, взявший дрожащие ладони Ксении в свои руки, помогая ей выпрямиться.

— Панна Калитина, добро пожаловать, — проговорил он, легко пожимая ее ладони, беря на себя права хозяина замка приветствовать гостью, как часто делал это в отсутствие пана Стефана Заславского. Его голос был без каких-либо эмоций, а лицо вежливо отстраненным.

Это, разумеется, не понравилось Юзефу, но он промолчал, только ус прикусил. Но Ксению поприветствовал коротким, но вежливым кивком, холод которого та угадала без труда. Значит, родня Владислава не приняла ее, как она и предполагала.

Зато сын Добженский был приветлив, улыбаясь Ксении из-под коротких усов. Его глаза так и светились от восхищения красотой девушки, которую он заметил еще издали. Светлые волосы, будто золото, дивные широко распахнутые глаза, нежный румянец на щеках. Он смело поднес одну руку Ксении к своим губам, заставляя ее лицо вспыхнуть от стыда подобному поступку постороннего мужчины. Он быстро обернулась к Владиславу, но судя по его спокойному лицу, этот короткий поцелуй не являлся чем-то из ряда вон выходящим, и Ксения не стала спешно выдергивать свою ладонь из руки пана Тадеуша, сумела удержать свое возмущение и стыд за маской приветливости.

— Клянусь Богом, Владислав, только ты смог бы найти такой дивный цветок в тех диких землях, через которые шел, — улыбнулся снова пан Тадеуш, и Ксения снова едва не скривила губы при этих словах. Неужто он не понимает, что ей неприятно слышать это? Или думает, что она не понимает их наречие?

— Позвольте поблагодарить любезных панов за прием, — стараясь выговаривать четко каждое слово, произнесла Ксения и про себя улыбнулась, заметив явное удивление в глазах стоявших перед ней мужчин. Только пан Матияш смотрел на нее по-прежнему отстраненно, будто примеряясь, какова она, и как ему следует с ней поступить.

— Ну? — повернулся к встречающим его Владислав, и пан Матияш кивнул ему.

— Пойдемте в замок, не стоит на пороге так долго стоять. Будто пан Владислав не в

свой родной дом вернулся, — он полуобернулся назад, к дверям замка, в которых стояла, сложив руки на животе поверх длинного передника, полноватая женщина в черном рантухе. — Магда проводит панну прибраться с пути, а после подаст ей ужин в комнату, — та быстро склонила голову в знак того, что поняла приказ каштеляна. Она подала знак Ксении следовать за собой внутрь этой каменной громадины, которая теперь, когда солнце скрылось за краем земли, и его лучи не освещали двор, казалась той угрожающей, сулящей худое.

Ксения взглянула на Владислава и подчинилась, заметив его очередной короткий кивок, снова присела перед важными паннами, и прошла в замок. За ней вскоре последовали и остальные, молча, будто собираясь с силами перед тем, что предстояло им обсудить в большой зале замка, где уже ярко горели камины, разгоняя осенний холод.

Владислав шел одним из последних, позвав с собой только Ежи, остальным приказав располагаться на отдых. Сначала Тадеуш шел подле него, что-то спрашивая про те дни, которые они не виделись. Но вскоре замолчал, видя хмурое лицо Владислава, прочитав его глазам, что тому вовсе не до досужих разговоров, даже для того, чтобы отвлечься от грустных мыслей.

Как же тягостно было видеть большое деревянное кресло отца, возвышающееся над залой, прямо под широкой шпалерой с изображением славного герба рода Заславских, пустым! Как больно понимать, что никогда Владислав не увидит Стефана Заславского здесь, вершащего суд или наблюдающего внимательно за танцами в зале, которые обычно происходили тут после каждого званого обеда! Теперь снимут с северной стены портрет отца Владислава, написанный еще во время его первого вдовства неким фламандцем, повесят его в северной галерее, согласно негласному правилу — в галерее только бывшие владельцы замка, в зале над большим камином — нынешний.

Оттого-то сразу же и отошел к камину Владислав, скрывая от всех слезы, что навернулись на глаза, пряча свое горе от чужих глаз. Тихо шурша подолом платья по паркету залы, подошла служанка, разносившая вино. Владислав взял бокал и взмахом руки показал, чтобы быстрее оставила его наедине с самим собой. Да, позади него тихо переговаривались с Ежи и пан Матияш, и Юзеф, но отчего-то ему казалось, что он один стоит ныне перед огнем, в сполохах которого он видел картины из своего детства и юности, редкие эпизоды близости с отцом.

Наконец Юзеф, изрядно отхлебнув из бокала толстого стекла, в которых подали вино, решил обратиться к брату, устав глядеть в спину Владислава:

— Я очень рад, Владислав, что ты вернулся в полном здравии из Московии. Но в тоже время ты огорчил меня весьма своим непродуманным поступком. Это ведь, она? Та, о которой я думаю, верно? Какой позор на наши головы! Благо, что отец...

Пан Матияш резко прервал Юзефа, заметив, как резко обернулся от огня Владислав, неосторожно расплескав на пол вино из бокала:

— Пан Юзеф все еще не может оправиться от потери, которую мы понесли недавно, Владислав. Оттого и высказался так резко, — а потом добавил обманчивым мягким тоном, так и располагающим к доверию. — Но, пожалуй, позволю себе присоединиться к пану Юзефу в его любопытстве и попрошу тебя все же открыться нам. Что за панну ты привез в Замок? Кто она и из каких земель?

— Кто она?! — фыркнул Юзеф недовольно. — Кто она?! Та, при виде которой отца подкосил бы удар, коли не забрал бы к себе его Господь ранее! Или этого ты и добивался,

везя ее сюда? Этого добивался заречинами?

Владислав вдруг рванулся к креслу, в котором сидел Юзеф у камина, и тот отшатнулся испуганно, выронив из руки на паркет бокал, покотившийся прочь по полу, разливая свое содержимое. Ножки кресла от невольного движения Юзефа с громким скрипом проехали по дереву, и этот резкий звук словно привел остальных присутствующих в движение. Пан Тадеуш рванулся наперерез Владиславу, схватил за плечи и удержал его от того, чтобы схватить единокровного брата за жупан да выплеснуть на того злость, копившуюся все это время в шляхтиче. Ежи, стоявший у окна и наблюдавший за тем, что происходило за стеклом, резкими шагами направился к группе у камина, сжимая рукоять сабли, и замедлился только, когда Владислава перехватил молодой Добженский.

Только пан Матияш остался сидеть в кресле, даже не шевельнув бровью при виде сцены, которая ничуть не удивила его. Он знал, что Юзеф будет всячески поддевать младшего брата, стараясь продемонстрировать тому свое нынешнее превосходство над ним. Знал, что отныне это ждет любого в Замке, даже его самого, ведь только так — через злые насмешки и реплики Юзеф наконец-то мог отыграться за годы унижения, за годы, когда он был в тени младшего брата. Ведь именно Владислава выделял последние годы Стефан Заславский. И это не было тайной ни для кого в землях магнатства. Да что там — даже в шляхетском кругу за ее пределами.

Загнанному зверьку только и остается, что показывать зубы.

— Довольно, панове! Рах! Рах! *{I}* — резко и громко произнес пан Матияш, поднимаясь с кресла. — Побойтесь Бога! Не успели схоронить вашего отца, а вы уже цепляетесь друг другу в глотку! — Он прошел к камину, поставил на его полку бокал и потер друг о друга озябшие ладони. Пора, пора уже топить и печи!

За его спиной Владислав скинул удерживающую его руку Тадеуша и опустился в пустующее до сей поры кресло, предназначенное ему. Но на брата старался не смотреть, отвел глаза в сторону, туда, где висел портрет отца, глядящий незрячими глазами на сыновей с противоположной стороны залы.

— Она должна уехать из Замка! — не унимался Юзеф. Он уже поборол свой страх перед неожиданным порывом брата. Нет, разумеется, он не боялся его. Просто понимал, что Владислав физически более развит, чем он сам, предпочитающий даже соколиной охоте кресло у ярко горящего камина да отменное вино. Потому-то и не желал продолжения их ссоры, никак не желал.

— Хорошо, что пани Патрысия уехала в Краков, — проговорил он, отряхивая с рукава жупана капли вина, пролившегося на ворсистую ткань, когда он отшатнулся от брата. — Не пристало доброй шляхтянке и католичке делить кров с еретичкой. Уверен, что дядя...

— Я уеду завтра же! — ответил ему Владислав. — Только съезжу в склепы в костел, могилу отца увижу и уеду. И ты прав — негоже Ксении делить кров с твоей женой, не пристало.

Юзеф почувствовал скрытый намек и по усмешке, проскользнувшей в голосе брата, и по тому, как отвели глаза остальные паны в зале. Это разозлило его еще больше.

Чертов выродок суки-еретички! Хорошо, что он разослал многих шляхтичей из свиты отца по фольваркам на время траура по отцу, что остальные, безземельные, без мест службы, те, кому некуда было податься со двора Замка, и носа не показали ныне, затаившись, будто выжидая, чем закончится встреча братьев. Все знали, что Владислав в почете у отца, все слышали, как Стефан Заславский неоднократно говорил, что только у младшего сына

довольно ума и силы сесть в пока пустующее кресло под гербом Заславских. Говорил, даже не стесняясь ничуть того, что он, Юзеф, слышит эти слова. О, как же он ненавидел эти шепотки среди шляхты, что прокатывались по зале при этих словах, как же ненавидел эти взгляды!

Он еще покажет себя, когда сядет в кресло магната. Всем покажет! Даже ей, своей жене, которая уехала в Краков тут же, едва надгробная плита закрыла тело пана Стефана. Выпросила у пана Матияша деньги на дорогу, мол, за дочерьми поедет, чтобы привезти их в Замок могиле деда поклониться. Да только все это ложь. Может, она и привезет дочерей сюда, но предварительно вкусив все прелести жизни, что сулит второй город в королевстве. Он уже заранее предвкушал, какие счета будут присланы вскоре в Замок, сколько сундуков и ольстров привезет с собой Патрыся. И как он встретит ее тоже предвкушал... быть может, даже покажет ей то место, где гайдуки по его приказу порубали ее последнего любовника — этого широкоплечего шляхтича из застьянка {2}, что за лесом Бравицким. Проследили за ним после мессы по пану Стефану да и приложили, а тело свезли в ройст да надежно скрыли под ветками, срубленными с кустарников, что росли неподалеку.

Да, сладка она власть магната. Никто ему не указ в его землях!

А потом вдруг нахмурился Юзеф, заметив, как пристально наблюдает за ним пан Матияш. Старый преданный пес отца! Скоро закончится твоя власть в Замке. Потому что я удовольствием выгоню тебя прочь, а может, даже брошу в темницу, что под брамой, обвиню в хищениях из скарбницы замковой. Но только как щенок твой уедет из замка. И Владислав со своей еретичкой...

— Ты не можешь уехать раньше, чем вскрыют тастамент, Владислав, — тем временем проговорил пан Матияш. — Не раньше. Такова воля пана Стефана была, *requiescat in pace* {3}. Я думаю, тебе стоит отдохнуть перед ужином, Владислав. Ты с дороги, устал.

— Я, пожалуй, последую твоему совету, пан Матияш. Устал нынче. Столько событий! — поднялся со своего места Юзеф, пошатнувшись слегка при этом, не сумев сразу выровнять равновесие. Он приложил руку к губам, словно пытаясь скрыть улыбку, а потом махнул собравшимся в зале напоследок и зашагал прочь в темноту коридора, чертыхнувшись громко, когда задел плечом косяк двери.

— *Plures crapula quam gladius* (4), — покачал головой пан Матияш, глядя с недовольством во взгляде в сторону двери, а его сын пересел на место ушедшего Юзефа, поближе к Владиславу.

— Ну? Теперь ты нам откроешь свою тайну, Владислав? — заговорщицки улыбаясь, произнес он. — Кто этот ангел земной?

— Этот ангел — моя нареченная, Тадек! — ответил ему Владислав, и Тадеуш поднял руки в знак того, что не имеет худых намерений. Пан Матияш подал Владиславу продолжать, и тот подчинился, рассказал коротко о том, что произошло с ним с той поры, как он последовал призыву пана Мнишека идти на Московию до нынешнего дня. Старший Добженский уже знал эту историю за исключением финала, который ныне имел честь наблюдать воочию, а вот Тадеуш, расставшийся с Владиславом несколько лет назад, выслушал его историю с удивлением.

— Подумать только! — выдохнул он, когда Владислав замолчал. — Уж от кого, то от тебя я не ожидал такого, Владислав!

— Она в нашей вере? — прервал сына пан Матияш. Его лицо выражало то беспокойство, которое охватило его при виде этой женщины в запыленном платье, которую

он увидел во дворе Замка. До этой поры он умело скрывал его в глубине души, но теперь, когда от ответа Владислава зависело столь многое, это беспокойство все же вырвалось наружу.

Владислав помрачнел при этом вопросе, и пан Матияш прикусил губу. Какая глупость! Какая неосторожная глупость!

— Она не может стать твоей женой, Владислав, — мягко проговорил пан Матияш, сжимая резной подлокотник кресла. — Надеюсь, ты понимаешь это. Только если она отречется... она должна отречься!

— Я уже решил! — отрезал Владислав, поднимаясь во весь рост, заставляя пана Матияша взглянуть на него снизу вверх. Упрямое выражение его лица так напомнило тому пана Стефана. Тот же блеск глаз, сжатые в одну линию губы...

— Ты не можешь. Это невозможно, — повторил пан Матияш, втолковывая ему, будто несмышленишу. И Тадеуш, и Ежи, что по-прежнему предпочитал стоять у окна и наблюдать за происходящим со своего невольного поста, молчали. — И как она будет обвенчана с тобой? Разве что... О Deus mio, Владислав!

— Я не хочу говорить об этом. Прости, пан Матияш, — Владислав устало провел ладонью по лицу, словно пытаюсь стереть усталость, что навалилась на него с удвоенной силой в этой зале, где будто навечно поселился дух раздора и злобы. — Я устал с дороги, и, пожалуй, пойду к себе. Я надеюсь, вы простите меня, панове, если я не выйду к ужину.

Он коротко кивнул им на прощание и широкими шагами направился прочь из залы, по скудно освещенному коридору с оштукатуренными стенами поднялся на третий этаж, где располагались семейные покои. Но он пошел не к себе, повернул в северное крыло, где должны были отвести комнату Ксении. Уже скоро он понял, что не ошибся — в коридоре Владислав столкнулся с молоденькой служанкой, что несла в руках платье Ксении. Она покраснела, увидев шляхтича, неловко присела, запутавшись с длинным подолом своей юбки, не имея возможности подобрать его.

— В какой комнате панна, милая? — спросил, скрывая улыбку, чтобы не смущать девушку еще больше, Владислав, и та указала на одну из дверей. Потом быстро скрылась из вида, стараясь как можно скорее удалиться из-под глаз пана. Владислав же подошел к указанной двери и тихонько постучал костяшками пальцев.

Дверь слегка приоткрылась, открывая взгляду недовольное лицо Магды, служившей в Замке задолго до рождения Владислава. Она следила за всеми слугами и поварней, за работами по починке и стирке одежды и белья и многим другим. Если пан Матияш был правой рукой хозяина Замка, то Магда должна быть правой рукой хозяйки. Да только хозяйки у Замка не было уже давно.

— Пан Владусь, laudetur Jesus Christus{5}, — расцвела в улыбке Магда. При этом морщинки на ее лице забавно поползли в стороны. Она спешно вышла за дверь, надежно прикрыв ту за собой, закрывая своим телом от Владислава происходящее в комнате. Потом взяла лицо Владислава в свои ладони и, привстав на цыпочки, коснулась лба шляхтича губами. — Пан Владусь, — проговорила она, уже не улыбаясь, с грустью в голосе.

Тот на миг задержал свое лицо в ее ладонях, так похожих на материнские, полные ласки и нежности, а потом высвободился, убрал ее руки от лица.

— Аминь. Ты позволишь мне? — он кивнул на дверь за ее спиной. Магда снова помрачнела, будто туча набежала на ее черты. Как и тогда, когда уводила за собой Ксению.

— Это нареченная пана? Нареченная? — с легким нажимом на последнее слово,

произнесла Магда. Владислав кивнул, сдерживая злость, что вдруг накатила на него волной. Как же он устал от всего этого! Как он устал!

— Нареченная, Мадзя, — кивнул он, называя ту коротким именем, как когда-то звал в детстве. Магда поджала губы и покачала головой. Он понял — она уже узнала, что Ксения схизматичка, помогая той раздеться. Греческий крест никогда не перепутать с католическим распятием. И только не Магде, что потеряла сыновей обоих от руки московитов.

Магда же вздохнула громко, приложила ладонь к распятию на груди под рубахой, но ничего не сказала. Только снова посмотрела с какой-то тоской в глазах на Владислава, пропуская того к двери, позволяя войти в комнату.

В небольшой спальне было немного прохладно, ведь только некоторое время назад затопили камин, отделанный многоцветной расписной кафлей {5}. Плотные шторы уже были опущены вниз, а потому еще одним источником света в комнате были только толстые свечи, стоявшие на невысоком комоде и на столике у кровати. Низенькая плотная служанка суежилась у деревянной лохани, стоявшей в центре спальни. Она сыпала травы, что тут же, коснувшись горячей воды, отдавали свой аромат, наполняющий комнату дивным благоуханием.

Владислав не сразу увидел Ксению. Она сидела на постели с противоположной от двери стороны, прислонившись к столбику кровати, скрытая занавесью балдахина. Рядом с ней стояла Катерина, растерянная и усталая, что-то вполголоса говорила Ксении. Она же и заметила шляхтича, дотронулась до плеча той, призывая взглянуть на вошедшего, а потом посторонилась, давая Владиславу возможность подойти к Ксении. Он опустился на колени у кровати, взял руки Ксении в свои ладони, отмечая, как холодны те, будто лед, стал отогревать их своим дыханием.

— Как тебя встретили? — тихо спросила Ксения на своем языке, и он невольно поморщился, отмечая краем глаза, как сжала руки Магда, стоявшая у двери.

— По-польски, прошу тебя, — прошептал Владислав настойчиво, слегка нажимая большими пальцами на ее ладони.

Эта невольная ошибка Ксении только добавила дров в огонь его злости, что скопилась в нем за нынешний день. Нельзя говорить здесь, в этих землях, на московитском наречии, не вызывая худых мыслей и воспоминаний в местных жителях. Это первое, что он пытался донести до Ксении. И она так и не сумела запомнить это.

— Прошу прощения, пан, — несмело окликнула его служанка, что стояла у лохани. — Вода панне готова.

Владислав коротко кивнул и поднялся на ноги, стараясь не замечать взглядов: раскаивающийся — Ксении, недовольный — Магды, любопытный — служанки, коснулся лба Ксении коротким поцелуем и вышел вон, не оборачиваясь назад.

Ксения проследила, как скрылась за деревянной дверью его чересчур прямая спина, как снова окатила ее холодом своих пронзительных глаз старая пани, что привела ее сюда, в эту комнату, и поспешила прочь из спальни. А потом закуталась плотнее в шаль из мягкой шерсти, что дали ей взамен юбки и шнуровки, протянула руку Катерине, которая вдруг расплакалась, когда они пришли сюда, без единого слова и всхлипа, а оттого — так горько. Вот и теперь та так и норовила снова пролить слезы, что уже навернулись на глаза.

— Живы будем, будем здоровы, — прошептала Ксения Катерине, которая вцепилась в ее руку с силой, почти рухнула на колени, как до того, перед Ксенией стоял шляхтич. — Ты же решила уже, Катерина. Или переменилась?

— Боязно мне отчего-то, Ксения, — покачала головой та, косясь на служанку, что стояла у печи, прислушиваясь к их словам, пытаюсь разобрать в их наречии хоть слово, чтобы потом обсудить этих необычных гостей в поварне. — Вроде, верно все делаю, а боязно.

Но что могла ответить ей Ксения, если и сама ощущала в себе панику перед тем будущим, что ждало ее? Все в этих землях было ей чужое, все незнакомое. Этот большой дом, такой непохожий ни на одни палаты, что видела она в стольном граде. Эти темные переходы, крутые лестницы, каменные холодные стены с узкими окнами. Мебель похожая и непохожая на ту, к которой привыкла Ксения, оружие, что висело на стенах узких комнат, которыми вела ее... Магда... да, Магда. Длинные ковры с таким странным плетением, удивительные вышивки на них. Ксения не могла не вертеть головой, пока миновала комнаты и коридоры, освещенные скудным светом, что тогда падал из окон, и заработала этим только очередной презрительный взгляд Магды.

И тут надо было мыться прямо в спальне! Ксения взглянула на служанку, что снова обратилась к ней: «Прошу, панна! Вода стынет!», потом погладила Катерину по волосам и поднялась. Странно было сперва, когда эта полненькая служанка с рыжиной, блестящей иногда в каштановых волосах, сняла с ее плеч шаль, а потом спустила рубаху, обнажая тело.

Горячая вода принесла покой усталому телу, сняла напряжение и боль от долгой дороги в мышцах. Запах трав дурманил голову, убаюкивал. А потом, когда служанка стала мыть Ксению волосы, та вообще едва удержалась, чтобы не уснуть, настолько она была утомлена.

— Волосы у панны — чисто злато, — вдруг прошептала служанка, разбирая пряди, чтобы не перепутать их. — Злато и есть.

За эти долгие дни пути Ксения почти забыла, как это приятно, когда с тела и волос смыта дорожная пыль и грязь, как приятно, когда есть чистая рубаха. Да еще такая тонкая, какую подала ей служанка, настолько тонкая, что без труда можно было увидеть очертания тела Ксении. И какое это наслаждение — лежать на мягкой перине, заботливо подогретой горячими кирпичами после твердой земли или неудобных кроватей в комнатенках корчмы.

Катерина смывала с себя грязь, забравшись в еще теплую воду после Ксении, хотя и возмущалась недолго, что негоже мыться в грязной воде, когда Ксения, прижавшись щекой к мягкому полотну подушки, соскользнула в сладкие глубины сна.

Просыпалась она лишь дважды. Первый раз, когда громко треснуло полено в камине, выпуская вверх в дымоход ворох спящих глаза искр. Этот звук разбудил ее, а потом пришел необузданный страх, когда она не сразу поняла, где находится, не сразу распознав плотную ткань балдахина в темноте вокруг себя. Ксения вскрикнула, и тут же с другой стороны кровати показалась голова.

— Что? Что стряслось-то? — спросила хриплым голосом Катерина, еще не до конца проснувшись. Ксения приподнялась в постели и увидела, что той постелили на полу у кровати, и от этого ей стало покойнее, она сумела расслабиться, забыть страх, что метался в душе всего миг назад. Откинувшись на подушки, и вскоре сон снова сморил ее.

Второй раз Ксения пробудилась от холода, что вдруг прошелся по постели волной воздуха, и странного шепота, вторгнувшегося в ее сон. Суеверная, она отчего-то решила, что это домовый бродит и высматривает, кто незнакомый спит в этой спальне. Тут же окликнула Катерину, памятуя, что та рядом, и та опять откликнулась ей сразу же, но не с пола, а от двери, у которой стояла.

— Я рядом буду, Ксения, только кликни, — а потом, уже почти затворив за собой дверь, добавила тише. — Влодзимеж пришел...

После ухода Катерины Ксении не спалось. Она еще долго крутилась с бока на бок, пытаясь поймать остатки сна, ускользнувшего от нее, а потом смирилась. Так и лежала, прислушиваясь к редким звукам, что долетали до ее уха в этот ночной час: тихому оклику часового на ближайшей стене, неясным шорохам, треску поленьев в камине.

Это было так необычно для нее. И дело было не только в том, что сам Замок был ей пока незнаком, а его обитатели явно недружелюбны. Ксения чувствовала сердцем, что ее жизнь подходит к какому-то рубежу именно ныне, в этих стенах с вышитыми шпалерами. Все поменяется тут, в этом месте. Как изменился Владислав.

Ксения вздохнула, переворачиваясь в постели, так чтобы видеть огонь, играющий в камине, невольно увлеклась красотой его всполохов. Ей надо привыкать к этому незнакомому ей шляхтичу, что вдруг сменил того Владислава, которого она знала, к которому привыкла. Эти холодные глаза уже не светились нежностью, а руки не часто касались ее, даря ей уверенность в своей поддержке. Вот даже ныне, снова не смогла сдержать вздоха Ксения. Она заговорила на своем родном наречии не для того, чтобы уколоть местных женщин или самого Владислава, она сделала, чтобы полячки не поняли ее вопроса, ведь веры в Замке у Ксении не было ни к кому, кроме самой себя, Владека и Катерины. А он снова обдал ее холодом, снова был недоволен ею...

Ксения даже не успела испугаться, когда ее тело обвили крепкие руки, разворачивая ее лицом вверх, к потолку. Быть может, оттого, что она сразу узнала их тяжесть, узнала сладость губ, что уже завладели ее ртом, распознала запах тела.

— Я весь день думал о том, каково это будет ласкать тебя в мягкой постели, — прошептал Владислав ей в ухо, легко касаясь его губами, отчего по ее телу пошла дрожь предвкушения. Она подняла руки и запустила пальцы в его еще слегка влажные волосы. А потом представила, как он мылся в одной из комнат замка, как вода стекала по его обнаженной коже, казавшейся сейчас, в свете камина золотой, и кровь буквально забурлила в ее жилах, призывая ее не останавливаться. Призывая касаться его тела, наслаждаясь мягкостью кожи, призывая целовать так глубоко, как он научил ее за эти дни, призывая дарить ему свою страсть и свое тело, потеряв голову.

Владислав ушел еще до рассвета, как ни старалась Ксения удержать его подле себя подольше.

— Я должен идти, моя драга, должен идти, — шептал он, когда она, распластавшись на нем покрывала легкими поцелуями его лицо, шею и грудь. — Магда распнет нас обоих, коли застанет здесь вдвоем, и, поверь, я не шучу.

Он сумел поймать ее лицо в свои ладони, заставляя ее замереть на месте, ласково потерся кончиком носа о ее нос. Она была такая юная сейчас, несмотря на свои годы — распущенные волосы, покрасневшее лицо, надутые недовольно губы...

— Ныне день Архангелов {7}, - прошептал Владислав. — Мне надо в костел, а значит, я должен идти.

— Когда мы уедем в Белоброды? — так же шепотом спросила она, будто опасалась, что кто-то услышит их. — Когда поедем в твой дом?

— Уже скоро. Со дня на день придут воевода и каштелян королевского замка. Пан Матияш позвал их быть свидетелями на вскрытии тастамента. Вот волю отца узнаю, и тут же уедем на мой двор, — он заправил ей за уши длинные пряди волос, что упали на его лицо, а потом провел ладонью по ее щеке. — Потерпи, моя драга, потерпи, и, обещаю тебе, все переменится.

Владислав и сам не ведал, что его слова окажутся настолько пророческими. Он ушел из спальни Ксении с какой-то странной тяжестью в сердце, будто оставляя все хорошее, что только и было в его жизни ныне за этой дубовой дверью. Едва успел одеться с помощью слуги, как рассвет окрасил край земли розовыми красками — пришло время выезжать в костел на мессу. Юзеф, с которым Владислав столкнулся во дворе, был молчалив и хмур, как темное небо над головами шляхтичей. Он едва кивнул брату, показывая, что все еще недоволен ссорой, что случилась давеча, а также ее причиной, которая одна из немногих оставалась в Замке в этот час.

Зато остальные шляхтичи, которые остались от некогда многочисленной свиты отца, встретили Владислава приветливо, улыбаясь, кто вежливо, а кто украдкой, словно еще не решив, кому из братьев отныне будет служить. Быть может, от их настороженности, а может, от того, как напряжены были пахолики Владислава, оглядывающие шляхтичей, что стояли подле Юзефа, но Владиславу вдруг показалось, что на двор неожиданно опустился некий дух выжидания, похожий на тот, что царил в воздухе перед грозой. Вроде бы еще и нет ни грома, ни ярких зарниц, но уже потемнело небо слегка, затаились и смолкли птахи, а воздух стал таким тяжелым, хоть ножом его режь.

А может, это ему показалось и от того, что даже в церкви вдруг разделились братья и их небольшие почеты — расселись по разные стороны от прохода, чтобы прослушать мессу, разделить общие молитвы. Владислав, как мог, пытался выкинуть из головы тревожные мысли о предстоящем ему вскрытии тастамента, но только губами повторял слова за ксендзом, мысленно уже обдумывая возможные пути, по которому пойдет его будущее.

Ясно, как день, что Юзеф не благоволит ему, а теперь, когда он привел в Замок Ксению, он и вовсе лишился самообладания. Взять хотя бы давешнюю ссору. Юзеф терпеть не мог мачеху и перенес свою ненависть на тех, кто не смог бы ответить ему достойно — на хлопов и попов греческой веры. А теперь вот и на Ксению...

Что, если отец не закрепил за ним права на Белоброды? Что, если рассердился на непокорного сына и лишил его того, к чему тот так не желал возвращаться из Московии? Нет, этого не могло быть. Никак не могло быть. Пан Стефан знал, как любит эту землю Владислав, как любит эти леса поля, даже мутвицы {8} с темной водой, даже топи болот. Он никогда бы не смог лишить Владислава хотя бы части ее, той малой части, когда-то переданной во владение пани Элене.

Владислав вздохнул, сглатывая горечь, вдруг образовавшуюся во рту. Он никогда не задумывался о том, что все эти земли и холопы, ключи и городищи, замок, дом в Кракове и каменницы отойдут Юзефу. Знал, но не думал. Привык думать о них, словно части себя, части рода Заславских. Ведь отец сам поддерживал в нем эту уверенность, эту любовь к землям и хлопам, эту озабоченность за судьбу магнатства. Но, увы, время идет своим чередом. Вот этот день настал. Отныне Юзеф займет место в высоком кресле в большой зале Замка, наденет на грудь тяжелую золотую цепь с большой бляхой-гербом Заславских.

Владислав прикусил губу, косясь взглядом на брата. Он вспомнил, как отец мимоходом говорил ему, что придется встать после смерти подле Юзефа, чтобы не дать тому оступить ненароком. «...Юзеф слаб и безволен. Насмешка судьбы надо мной. Ты должен был быть первее... не удержать ему магнатство в руках...» Да только как встать плечом к плечу, коли даже в одной зале не могут быть, чтобы не нанести друг другу ран, хотя бы и словесных?

Отец Макарий заговорил о воскрешении мертвых, подводя мессу к моменту причащения, и Владислав опустил глаза вниз, на каменный пол костела, скрывая

предательский блеск. Как же было можно предположить, что, покидая Замок этой весной, он будто рвет одну нить, связывающую его с прошлым? Перед глазами снова возникла гордая фигура отца с развевающимися седыми прядями волосы, вырвавшимися из-под собольего околыша шапки. Его глаза, полные тоски и сожаления.

Быть может, от того было так худо Владиславу, когда после мессы провел его в склепы в подвалах костела отец Макарий, когда показал ему место, где отныне будет лежать тело его отца. У них часто возникали разногласия с паном Стефаном, но ксендз по-своему уважал его и склонял голову перед умом и силой того. Вот только до сих пор так и не смог забыть той ночи, когда пан Стефан едва не убил его своей тростью, без которой в последние годы он не мог передвигаться. В ночь, когда отец Макарий был вынужден уступить и положить пану Элену, схизматичку, а после Унии — непокорную еретичку, в склепы под полом костела. Отец Макарий не задерживался оттого в склепах долго, не в силах смотреть на могилу пани Заславской, возле которой вскоре лег и сам пан Стефан. Пусть после смерти, но пан Стефан сумел удержать подле себя свою жену, так и не покорившуюся ему при жизни.

Потому отец Макарий быстро оставил Владислава одного в холодных и едва освещенных толстой свечой склепах, будто стремясь убежать прочь от свидетельства своей слабости перед силой магната. Шляхтич же даже головы не повернул, когда тот скрылся из вида, только сидел у каменной плиты, легко касаясь пальцами шероховатой поверхности. Ему было больно даже подумать о том, когда еще он сможет приехать сюда, в этот костел, спуститься вниз в склепы, чтобы побыть со своими родителями. Он закрыл глаза и представил, что бы сказал отец, если бы встретил Ксению самолично, пришлась бы она ему по нраву, так похожая и одновременно непохожая на пани Элену. И как бы встретила ее мать, если бы не случилось той страшной ночи...

Владислав вышел из костела только, когда пробило полдень. Сам не зная того, он просидел в холодных склепах несколько часов, с трудом вернувшись из прошлого в настоящие дни. Он заехал в Замок справиться о «молодой паненке» и, получив ответ, что панна с паном Ежи прогуливается по Замку, уехал прочь, потакая желанию побыть наедине со своими мыслями и сожалениями, потакая желанию одиночества, что неожиданно захватило его душу.

Владислав ездил почти весь до самого заката, объехав окрестные земли вдоль и поперек, заезжая на дворы к знакомым еще с самого детства шляхтичам и землянам, наблюдая за работами холопов в лесу, что заготавливали дрова на зиму, уже почти стоявшую на пороге земель. Он знал, что более не вернется сюда по собственной воле, ну разве что на Поминование всех усопших, чтобы поклониться родным могилам. Оттого и воздух, такой свежий в этот осенний день, казался ему горьким.

По возвращении в Замок слуга, принявший из рук Владислава утомленного валаха, быстрым шепотом сообщил ему, что панове уже прибыли, что все ждут только пана Владислава, а пан Матияш уже даже послал людей на розыски по окрестностям. Не успел слуга договорить, как из дверей Замка вышел сам пан Матияш, взволнованный и бледный от тревоги.

— Где ты был, пан Владислав? Весь Замок стоит вверх дном — уехал после полудня, никому и ничего не сказав, ныне же уже вечер на дворе, — поспешно заговорил он, хватая Владислава за рукав жупана и заставляя следовать за собой, только не в жилую половину, куда тот хотел направиться, а в залу, где уже давно ждали его прибытия. — Позже проведаешь панну. Рад Бога, Владек, она же никуда не денется из Замка! Пойдем и

покончим с этим.

И верно, лучше уж сразу узнать все, согласился Владислав и последовал в большую залу. Его ждали там не только знатные паны, но и Юзеф, который, судя по подозрительно блестящим глазам, уже успел принять на грудь за день, хоть и держался прямо, младший Добженский, ксендз, что явно был взволнован, и пан Зробаш, секретарь пана Стефана, исправно служивший отцу Владислава добрый десяток лет. Именно пан Зробаш держал в руках скринку {9}, в которой, как подозревал Владислав, лежит не только золотая цепь с гербом, но и сверток, содержащий в себе будущее братьев, что едва взглянули друг на друга.

После обмена вежливыми приветствиями и выражений Владиславу своей глубокой скорби по ушедшему пану Стефану паны, наконец, расселись по своим местам в принесенные слугами кресла, чтобы приступить к тому, ради чего они все и собрались в этот вечер в Заславском замке.

Владислав еще долго будет помнить его. Постепенно сгущающуюся темноту за высокими окнами, свист внезапно разбушевавшегося ветра за стеклом, тихий стук крупных капель дождя, обрушившегося на землю. Тихий треск поленьев в каминах, тяжелый стук, с которым была откинута крышка скринки, шелест бумаги, что разворачивал пан Зробаш, его размеренный негромкий голос, когда он начал читать тастамент.

А потом тот миг, когда основные строки тастамента была прочитаны, когда весь мир, казался, закружился вокруг Владислава, такого хладнокровного ныне, в отличие от Юзефа, сорвавшегося с места и подбежавшего к секретарю, рванувшему на себя из рук того бумагу.

— Не может того быть! Это невозможно! Ординация {10} не может быть нарушена! Это невозможно! Пан Тышкович! Пан Сапега!

Но и воевода повета, и каштелян только пожали плечами, показывая тем самым, что они не помощники в этом деле Юзефу. А потом тот глянул вниз документа на подписи и побледнел.

— Вы! Вы все знали! И ты, пан Матияш! Знали и смеялись за моей спиной. Все вы! И отец...! — пан Юзеф схватился за голову и повернулся к Владиславу, который сидел, по-прежнему не шевелясь, будто окаменел при услышанной воле отца. Ни один мускул не двигался на его лице, глаза так и застыли на листе бумаги в руках пана Зробаша.

— Что ты молчишь, Владислав? Что ты молчишь?! — крикнул вдруг Юзеф брату, краснея от ярости.

Но Владислав даже головы к нему не повернул. Потому что не видел его сейчас, не слышал его истошных криков. До его ушей долетал только тихий и волевой голос отца, будто его душа ныне спустилась с небес, встала рядом с креслом младшего сына и говорила то, что написано было некогда рукой пана Зробаша, но уже своими, не строгими словами тастамента:

— Юзеф слаб и безволен. Насмешка судьбы надо мной. Ты должен был быть первее... Ты, Владислав! И ты ныне первый. Эти земли, эти фольварки и ключи, эти люди — они все твои. Ты, мой сын, отныне глава и владетель Заславских земель, ты — ординат. Ибо такова моя воля!

1. Мир! Мир! (лат.)
2. Поселение мелкой, неимущей шляхты
3. Да упокоится с миром (лат.)
4. Пьянство губит сильнее меча (лат.)

5. Слава Иисусу Христу (лат.)

6. Кафель

7. Католический праздник Святых архангелов Михаила, Гавриила и Рафаила

8. Низкое болотистое место

9. Небольшой ларец для документов

10. Форма майората, при которой земельные владения того или иного магната (т. н. ордината) после его смерти переходили к старшему сыну как неделимое и неотчуждаемое имущество

Холодный ветер бил в лицо с неистовой силой, будто стараясь ударить как можно сильнее или вообще сбить с ног. Дождь, проливавшийся еще недавно плотной завесой с небес закончился, так же неожиданно, как и начался, судя по темным тучам, что по-прежнему старались укрыть за собой яркие точки звезд, передышка была временной, и скоро снова на землю упадут плотные тяжелые капли.

Владислав провел холодной рукой по лицу, словно стараясь стереть все следы недавнего удивления, вернее, даже потрясения, что ждало его нынче вечером. Но если мускулы лица подчинились ему, застыв на месте, не позволяя себе даже малейшей слабину, то ладони совсем не слушались — тряслись мелкой дрожью, выдавая волнение Владислава с головой. Хотя, быть может, эта дрожь была вызвана этим пробирающим до самого нутра холодом. Но тогда отчего она стала бить его еще там, когда он вскрыл письмо отца?

От таких вестей и разума лишиться можно, усмехнулся Владислав. За его спиной раздался звук открываемой двери, кто-то выглянул на площадку, а потом снова скрылся внутри башни, убедившись, что шляхтич так и стоит на своем месте, никуда не двигаясь, не шевелясь. Было отчего волноваться тому, кто так неожиданно нарушил уединение Владислава — ведь именно с этой площадки на крепостной стене, единственного открытого ветрам места, и упала пани Елена. И дело было не в том, что Владислав хотел в очередной раз прийти на место гибели своей матери, воскрешая ту в памяти. Он просто хотел глотнуть свежего воздуха, хотел чтобы этот ветер, играющий с его волосами, привел его в чувство холодом и необузданными порывами, чтобы эта тишина, стоявшая над окрестными землями, помогла ему найти себя... свое место. Хотя, нет, не найти — обдумать и принять...

Юзеф не дал дочитать тастамент до конца. От вида такого спокойного и хладнокровного брата, который даже бровью не повел при известии о том, что отец отдал права ордината не по старшинству, у того вдруг случился припадок. Он стал сначала переворачивать мебель в зале, кричал, рычал что-то нечленораздельное, а потом вдруг упал на пол и стал биться, громко стуча каблуками сапог по полу, сбивая в комок ковер под собой.

— О Господи! — вскочил на ноги пан Сапега, впервые столкнувшийся с подобным, а пан Тышкевич в волнении стал звать слуг, призывая в зал помощь. Ксендз медленно крестился, устало и с некой грустью в глазах глядя на корчи пана Юзефа.

Владислав же, как и отец Макарий знакомый с этими припадками брата, быстро склонился над Юзефом и перевернул того на бок, чтобы слюна, стекающая обильно по подбородку, не забила тому глотку, а потом с силой сжал челюсти Юзефа, заставляя того прикусить собственный язык или губу. Острая боль, пронзившая того, заставила припадок прерваться: Юзеф затих в руках брата, тело обмякло, руки и ноги упали безвольно. Только глаза не могли успокоиться — метались из стороны в сторону, оглядывая происходящее, а потом замерли на Владиславе, склонившемся над ним.

— Ты! Я знал... знал! — прохрипел Юзеф и сжал зубы, ненавидя себя за то, что сорвался в припадок, и окружающих — за то, что были свидетелями этого безумства, которое он в очередной раз не смог удержать.

Подоспевшие на зов пана Тышкевича слуги, следуя знаку пана Матияша, медленно приблизились к лежащему на ковре и выбившемуся из сил пану Юзефу.

— Позвольте, пане.

И Владислав отстранился, передавая брата в руки крепких мужчин, позволяя тем унести слабого ныне Юзефа в его спальню, чтобы там переодеть в ночное да уложить в постель. Магда принесет ему маковый настой, чтобы тот поскорее заснул, чтобы не дать головной боли, что приходила к Юзефу после этих припадков, мучить его всю ночь.

— Он... — пан Сапега замолчал, не зная, как спросить о том, что видел несколько мгновений назад, но все же решился и продолжил, подбадриваемый таким же любопытствующим взглядом пана Тышкевича. — Он — падучий {1}? Тогда немудрено, что пан Стефан...

— Нет! — чересчур резко перебил Владислав, отряхивая жупан, поднимая на гостей холодный взгляд. Он сжал челюсти, стараясь вернуть себе самообладание, которое терял всякий раз, слыша подобный вопрос о брате, все же сумел взять себя в руки и ответить. — Нет, пан Юзеф здоров, как вы и я, панове. То, что вы видели — припадок ярости и ничего более.

Владислав замолчал, вернулся на свое место, стал шумно и большими глотками пить вино, которое стояло в бокале на столике возле его кресла. Пан Матияш вздохнул и поспешил добавить, видя, что Владислав не сумел переубедить панов в их заблуждении.

— Это верно, пан Юзеф здоров. Пан Стефан, *requiescat in pace*, показывал сына лучшим докторам королевства, после того, как впервые стряслось подобное, — пан Матияш не стал посвящать собравшихся в то, что это случилось первый раз аккурат в день свадьбы пана Стефана и пани Элены, что навсегда наложило отпечаток на этот день в памяти хлопов и местной шляхты. — Нервы и только нервы. Так говорили те. Впоследствии эти приступы совершались редко, только когда пан Юзеф был разозлен или весьма удручен чем-либо. Полагаю, вы понимаете, панове, что в виду сложившихся обстоятельств...

Паны дружно закивали, мол, все понятно, даже не стоит говорить об этом более, и пан Матияш повернулся к Владиславу.

— Мы будем продолжать, пан Владислав, или отложим до следующего дня?

— Мы не можем продолжать без пана Юзефа, — ответил тому резко Владислав, сжимая пальцами толстое стекло бокала. — Следующим вечером он будет здоров, потому и продолжим тогда.

Собравшиеся кивнули, соглашаясь с ним, — кто задумчиво, кто с явным облегчением, а пан Матияш — нахмутив лоб. Пан Зробаш быстро свернул длинный лист бумаги в толстую трубочку и сложил в скринку поверх золотой цепи Заславского магнатства. Он хотел было закрыть ларец, но пан Матияш остановил его, подняв руку вверх, покачав при этом головой, и секретарь подчинился, а после отступил от стола, склонился в поклоне и, извинившись, удалился из зала. Его ждало еще много работы наверху, в большой комнате, что была отведена ему с самого первого дня службы у магната.

За ним спустя время удалились друг за другом пан Сапега и пан Тышкевич, уверяя, что с удовольствием бы разделили остаток вечера с панами, но устали с дороги и желают отдохнуть. Виновато вздыхая, пожелал спокойной ночи отец Макарий и, сотворив святое распятие над каждым, особо задержавшись над Владиславом, покинул залу. Младший Добженский, поймав на себе требовательный взгляд отца после ухода ксендза, тоже поспешил откланяться, оставляя пана Матияша и Владислава наедине.

— Ты ведь знал, пан Матияш? — тихо спросил Владислав, когда в камине с громким треском рухнуло прогоревшее полено. — Знал...

— Такова была воля твоего отца, — ответил Добженский, поднимаясь на ноги, разминая разболевшееся колено. — Ты же ведаешь, что люди в землях магнатства с радостью встретят известие о твоём ординатстве. Сам же ныне видел, каково к тебе отношение даже последнего хлопа! Видел же!

— Это неверно, — покачал головой Владислав. — Вот так, через голову брата...

Пан Матияш вдруг схватил из открытой скринки тяжелую цепь и, дойдя до Владислава, протянул ему. Искусно вырезанный на толстой овальной пластине герб Заславских закачался перед глазами сидевшего в кресле шляхтича.

— Вот! Вот власть! Вот ординатство! — громко проговорил пан Матияш. — Не должно быть сомнений у тебя, коли так рассудил твой отец. Все! Все в замке, все в этих и приграничных землях знают, что истинный хозяин ты, пан Владислав. Не пан Юзеф, нет. Ты!

— Это неверно! — вдруг взревел Владислав, который сидел до того тихо, без лишнего движения, будто замороженный бликами бляхи, качающейся перед его глазами. Он оттолкнул от себя руку пана Матияша, отошел от него подальше, сжимая с силой ладони. Боясь прикоснуться к символу магнатства, зная, что не сможет его отдать после. Отдать, как должен.

— Я не буду скрывать, что думал, мечтал о том дне, когда бы стал хозяином этих земель, — глухо произнес Владислав, запуская пальцы в волосы, дергая себя с силой за пряди, словно пытаясь привести в себя в чувство. — Отец с самого моего рождения возвращал во мне чувство собственника по отношению к каждой пяди земли, к каждому камню замка, к каждому хлопцу. Но я полагал, что встану во главе только после смерти Юзефа, только после нее надену эту цепь. Только тогда. Так было бы вернее...

— Вот оно! — фыркнул пан Матияш, сжимая цепь так сильно, что звенья причинили легкую боль. — Пан Стефан знал. Знал, что ты не склонишь голову и не примешь его решение, как должно сыну. Как делал это всегда. Чаше а contrario {2}, как он говорил, — Владислав вздрогнул, услышав знакомое выражение. Так он сам когда-то описал первопричину его скрытого противостояния отцу. Мать была права — он слишком схож с паном Стефаном. Во всем. Немудрено, что тот всегда держал его к себе ближе.

— Пан Стефан хотел, чтобы это ушло с ним в могилу, как позднее должно было уйти со мной, — тихо сказал пан Матияш, устало опускаясь в кресло, которое освободил Владислав. — Подойди ко мне, пан Владислав, сделай милость. Есть вещи, о которых губы должны шептать только в самое ухо. Иди, иди смело! Что заробел вдруг? — Владислав приблизился к пану Матияшу и по его знаку подтянул поближе кресло, стоявшее рядом, сел напротив старого каштеляна Замка, приблизившись к тому настолько, насколько мог.

— Вот тебе, пан Владислав, тайное слово твоего отца, — прошептал пан Матияш, доставая из-за полы жупана тонкий сверток бумаги. — Он не желал, чтобы ты читал это, но ты упрям, как осел! Оттого и написал пан Стефан то, что ты прочтешь ныне. Ведь в то, что тут, в этой бумаге, ты бы никогда не поверил бы, коли только мои уста произнесли эти слова. Как прочтешь, брось в огонь немедленно! Я и так будто по углям раскаленным ходил, храня эту бумагу для тебя, — пан Матияш помедлил протянуть тонкую трубочку письма Владиславу, хмурясь, прищурил глаза. — Пан Стефан велел с тебя клятву взять перед тем. Клянись, что бы ты ни прочел в бумаге, воля пана Стефана неизменной останется, ты ничего не изменишь! Гербом своим клянись!

Только когда Владислав прошептал слова клятвы, Добженский протянул ему бумагу, а

потом откинулся на спинку кресла, сжал деревянные ручки. Черты его лица расслабились, будто тяжелая ножа упала с его плеч. Ныне эта ноша ляжет на плечи Владислава, который, бледнея на глазах, бегал глазами по строчкам, написанным рукой отца. А потом, прочитав письмо до самого последнего слова, поднял взгляд на каштеляна, впился в него своими черными глазами, будто пытаясь прочитать в голове пана Матияша что-то.

— Я — живой свидетель тому, пан Владислав, — тихо проговорил Добженский. — Я готов взять железо в руки, что верно каждое слово, что написано тут. *Perfer et obdura* {3}.

А потом протянул правую руку Владиславу, отдавая ему то, что должно принадлежать ему по праву. Широкую золотую цепь с гербом Заславских.

И Владислав принял ее без единого возражения в этот раз, сжал пальцами тяжелое золото, чувствуя, как тяжесть принимаемого не только в руке. Чувствуя тяжесть в сердце, что колотилось ныне внутри груди, словно молот в руках мастера в кузне.

Эта тяжесть не оставила его и после, когда, пожелав спокойной ночи пану Матияшу, Владислав хотел удалиться к себе, чтобы в тишине своей спальни обдумать то, что так неожиданно свалилось на него ныне. Но уже в комнате он понял, что задыхается, что стены и каменный потолок давят на него, только усиливая смятение в его душе. Оттого Владислав и поднялся сюда, на эту площадку, подставляя лицо холодному ветру.

Перед его глазами лежали земли Заславских, и даже там, за краем земли были владения их рода, в какую сторону Владислав бы ныне не повернул головы. И всему этому он стал хозяином.

А потом на смену невольной гордости и распирающему грудь чувству собственности пришло некое сожаление и стыд перед Ксенией. За всем тем, что происходило ныне в Замке, за собственными мыслями и переживаниями он совсем позабыл о ней, оставил ее одну. Она, верно, уже гадает, что произошло, и скорее всего, обеспокоена его отсутствием, перепугана, как тогда в пути в Замок.

Но Ксения спала, завернувшись в одеяло чуть ли не с головой, и ее безмятежный сон даже слегка разочаровал Владислава — он-то думал, что она с нетерпением ждет его прихода. В комнате было прохладно — огонь в камине уже почти догорал, и шляхтич подбросил очередную порцию дров, раздув затухающие угли. А потом снова вернулся к постели Ксении, прилег на краю, стараясь не побеспокоить ее сон, видимо, приятный, ведь она так счастливо улыбалась.

Как она примет известие о том, что отныне ее домом станет Замок, а не небольшой каменный дом в Белобродах? И как примут в его землях известие о том, что женой магната Заславского станет схизматичка? Отец женился на матери, будучи хозяином этих земель уже добрый десяток лет, а он едва вступит в права. И потом — схизма, Уния...

Будто проклятие, греческая вера стоит между ним и Ксенией.

Теперь, когда он — магнат, не так-то просто провести обряд венчания. То, что мог сделать тайно шляхтич Заславский, затруднительно для магната Заславского. Ведь какое дело Святой Церкви до младшего сына в роде Заславских? Совсем другое — до ордината, собственника стольких земель и стольких душ. То, что ранее казалось таким осуществимым, ныне отдалилось настолько, что Владиславу вдруг стало не по себе. Он протянул руку и погладил прядь длинных светлых волос, что разметались по подушке.

Ксения должна понять, она должна понять, словно клятву повторял он вновь и вновь, глядя ее волосы, ловя каждый ее вдох, каждое шевеление ресниц и губ. Она должна понять, что изменения неизбежны в том положении, что установилось ныне. У Белоброд могла быть

хозяйкой та Ксения, что пересекла границы королевства. Но у ординации Заславской хозяйка должна быть совсем иная.

Ксения была драгоценным камнем — таким дивным, таким чарующим, что невозможно было отвести глаз. Но этому камню требовалась огранка, чтобы усилить его блеск, его очарование. Чтобы стать тем, чем должно было ему быть по праву. Так и Ксении надо было многое принять, многому научиться. Только вот сможет ли она это сделать?

Ксения проснулась, когда громко пробили часы на северной башне Замка, возвещая, что совсем скоро на земли магнатства опустится рассвет. Она ранее принимала этот звук за звон колокола на башне католического храма, что стоял в городке у подножия холма, и все дивилась, как далеко разносится его голос. А потом Ежи показал ей часы на башне — огромный круг сдвигающимися палочками, рассказал, что это и для чего служит.

Нельзя сказать, что она не видела ранее подобного: у ее отца были часы, как признак достатка рода. Но это были совсем другие часы — будто скринька {4} с маленькими ящичками под большим кругом, что двигался сам (вот диво-то!), показывая время от восхода до заката. Эти же, башенные, были с цифирями, и, как сказал Ежи, показывали время от полудня до полуночи и наоборот. Тогда-то Ксения поразились тому, насколько богат и знатен род Владислава, пораженная размерами и видом этой диковинки — башенных часов.

Ксения хотела подняться и подбежать к окну, чтобы убедиться, что Ежи был прав прошлого дня, когда говорил, что стрелки на часах перед рассветом будут смотреть в разные стороны, как вдруг замерла, сидя в постели, заметив на фоне светлеющего окна мужскую фигуру. Владислав!

Он стоял к ней спиной, будто что-то внимательно высматривал во дворе Замка в этот рассветный час. Не услышал ее, не обернулся, и тогда она, поддавшись своему игривому настроению — продолжению того дивного сна, что привиделся ей этой ночью, стараясь не шуметь, спустилась с кровати, подбежала к нему, ежась от прохлады, прижалась к его широкой спине. А потом улыбнулась, поражаясь тому, насколько она мала и хрупка по сравнению с ним. Вон даже обхватила руками с трудом, едва-едва сплела пальцы у него на груди!

— Доброго дня тебе, — прошептала Ксения, прижимаясь щекой к бархатистой ткани его жупана, радуясь его присутствию в ее спальне, как ребенок. Вчера она долго плакала, когда он не пришел к ней вечером, так долго, что разболелась голова. Но вот же он... верно, ночью пришел...

Владислав развернулся к ней, сжимая одной рукой ее пальцы, будто боялся, что она сейчас вырвется и убежит, а потом поднял ее с пола, обхватив пальцами за талию.

— Босая — и на холодном полу! — пожурил он ласково, прижимая ее к себе. — Так и до горячки недолго.

Ксения взглянула на него с высоты, на которой невольно оказалась, и поразились тому, насколько переменился Владислав. Нет, его внешность была та же: те же темные глаза, тот же тонкий нос, тонкий шрам, идущий вниз от левого уголка рта, та же темная щетина, что бывала у него так часто поутру. Но глаза уже не светились той улыбкой, в которую раздвинулись губы, а морщинки стали еще глубже, не исчезли, как бывало ранее, когда он вот так улыбался ей.

— Что-то стряслось? — напряглась невольно она, вспоминая, что вчера должны были огласить волю батюшки Владислава. Что, если он лишил его наследства, узнав о том, что Владислав желает сделать ее своей женой, встревожилась Ксения. А потом выдохнула — ну,

и дура же она! Откуда пану отцу Владислава знать об том? Ведь Владек рассказывал ей — отец его по-прежнему думает, что она сгинула этой весной.

— Через несколько дней в Замке будет пир, — проговорил Владислав, будто не слыша ее вопроса. — Съедется окрестная шляхта, чтобы закрепить за собой фольварки, отданные в службу, и чтобы принять нового ордината.

— Кого? — спросила Ксения, услышав незнакомое слово в речи Владислава. Он же понял ее по-своему и ответил просто, вглядываясь в ее лицо:

— Меня.

Но Ксения лишь улыбалась, не поняв, что это означает для них, и только потом он вспомнил, что для нее неизвестно понятие ордината, погасил невольно вспыхнувшую радость, что она так покойна ныне, что не пугается этих перемен. Отнес Ксению поближе к кровати, где лежал ковер, опустил ее на пол медленно, чувствуя, как снова возвращается то смутение, что металось в его душе этой ночью. Хочет Ксения или нет, но отныне их судьба перевернулась, и другого хода ни у кого из них нет.

— Отец оставил мне магнатство, моя драга, — тихо проговорил Владислав. Легкая тень недоумения и испуга снова стала наполнять ясные глаза Ксении, и он невольно сжал ее ладони чуть сильнее, чем хотел. — Все земли, всех хлопов, весь скарб. Только некоторые земли, что не входили в ординацию... э... только некоторые земли отходят по тастаменту Юзефу.

— Мы не поедem в Белоброды? — спросила Ксения, все еще не веря в то, что услышала. Вернее, не желая верить. Владислав покачал головой.

— Нет, моя кохана. Не сейчас. Быть может, позже, — а потом вдруг стал говорить быстрее, будто боясь, что она перебьет его, что-то спросит или скажет, что он слышать не хотел сейчас от нее. — Мы непременно поедem в Белоброды. Непременно! Но до того надо встретить шляхту, бояр и землян, что в землях... моих. Надо представить им тебя, как будущую хозяйку этих земель. Будет пир. Небольшой, ведь срок еще не окончен. Приедут шляхтичи с женами. Я скажу Магде, чтобы платья тебе подобрала из материнских. Потом, конечно, пошьем тебе собственные, хочешь? Много-много платьев. Даже лучше, что так случилось. Ты будешь, словно королева в этих платьях, в этих гарнитурах. Моя королева... моя чаровница...

Он вдруг привлек ее к себе, стал целовать ее лицо легкими поцелуями, что-то шепча, но Ксения не слышала его. Она пыталась уловить из его сбивчивой речи, что произошло, как он смог стать во главе рода, минув старшего брата, а потом вдруг ее словно ударило. Они не поедут в Белоброды! Они не будут там жить, не будут растить детей. Она навсегда останется тут, в этом мрачном каменном замке с темными и холодными комнатами, с пугающим ее оружием и доспехам на стенах, где ее вечно будут сопровождать взгляды, которые она ловила вчера, прогуливаясь с Ежи по замку, встречая незнакомых ей мужчин и женщин в диковинных платьях. Настороженные, неприязненные, высокомерные...

Владислав что-то говорил ей потом, вглядываясь в ее глаза, а она только кивала, соглашаясь со всем, не слыша ни единого слова из его речей, вдруг остро желая, чтобы он ушел, чтобы она осталась одна. Она вдруг вспомнила, что должна была прочитать молитву утреннюю, еще пока рассвет не ступил в свои права, но отвлеклась на Владека, забыла о долге. Наконец он ушел, поцеловав ее в безвольные губы на прощание, и Ксения соскользнула на колени перед образом, который с трудом, но сумела закрепить в нужном углу. Мысли судорожно металась, она сбивалась, читая молитву, оттого злилась на себя. А

еще злилась, потому что в душе не было той благодати, того покоя, что ранее чувствовала Ксения, читая молитвы перед ликами. Видать, ушло оно в наказание за отступничество от веры, пусть и невольное, пусть временное.

Вернулась Катерина, что очередную ночь провела с Влодзимежем, незаметно стала суетиться по спальне служанка, приставленная к Ксении, разжигая огонь в камине, поправляя постель, а Ксения все стояла на коленях перед образом, даже не чувствуя ни холода, ни боли от долгого стояния на каменном полу. Наконец она в последний раз коснулась лбом пола, поднялась, косо взглянула на Катерину, наблюдающую за ней внимательно.

— Ты здорова? — обратилась она вдруг к Ксении, когда служанка выскользнула за дверь, спеша в поварню за завтраком для своей новой госпожи. — Ночь спала дурно? Отчего перед образами так долго стояла?

— Может, я за тебя стояла. И твои грехи отмаливала, ты же не стоишь! — огрызнулась Ксения, усаживаясь в деревянное кресло у камина, пытаясь согреть заледеневшие порядком ноги. Катерина только вздохнула, набросила ей на плечи мягкий вязаный платок, чтобы та совсем не замерзла в своей тонкой рубашке.

Влодзимеж был рад, что Ксения и Катерина по-прежнему были вместе, что ту не удалили от нареченной пана. Весь Замок уже знал, что магнатом был назван Владислав, и теперь Влодзимеж намеревался остаться при своем шляхтиче и далее, не желая уезжать в свой двор, где и хлопот-то не было, а бедность так и сквозила из щелей полуразваленного дома. Быть может, удалось бы получить фольварк в кормление, говорил он этой ночью Катерине, а еще лучше — занять место в Замке. Катерине для того надо было стать незаменимой при Ксении, ведь та непременно оставила бы ее при себе, в своей свите. Ей полагалось иметь хотя бы двух панн при себе, а других женщин Ксения здесь не знала. Это означало определенный статус, ведь это как при королеве фрейлины. Везде рядом — и в пирах, и на охоте, и...

— Какая свита, Влодзя? Какие хролейны? Какие пиры? — шептала ему тогда Катерина. — Не будет того. Не такова Ксения.

Влодзимеж же только смеялся в ответ. Какой выбор ныне у панны? Никакого, равным счетом!

Нет, качала головой Катерина, наблюдая за тем ражем, в который при молении вошла нынче утром Ксения. Не такова она. Она вспомнила, насколько Ксения была упряма, не желая смириться с правилами скита, памятуя о своем былом прошлом. А тут же...!

Вернулась служанка с подносом в руках, поставила перед Ксенией на низкий столик. Та скосила глаза на принесенную еду, отсекая мысленно запрещенную ей постом. Ей отчего-то казалось, что это делается специально — скромная пища в день малого поста. Не могли же в кухне не знать, что среда — малый пост у людей православной веры, ходя некоторое время под матерью Владислава в услужении. Все, что она может взять с подноса ныне — только ломоть белого хлеба да яблоко. Хорошо, что Ксения точно знала, что Яблочный Спас уже за спиной, а то так и яблоко не взяла бы, памятуя о примете давней.

Ксения уже совсем запуталась в днях, сбилась, каков ныне день в Московии. Все у ляхов было не так. Даже дни отчего-то бежали быстрее, чем в отчей земле. Ксения была поражена, узнав, что у ляхов уже листопадник (или как его называли тут — паздерник {5}) начался, хотя по ее разумению еще более седмицы до того. Она судорожно вчера пыталась высчитать, когда будет праздник Покрова и другие святые дни, когда закончится Осенний мясоед {6},

но сбилась довольно скоро, запутавшись по неумению считать десятками. А при взгляде на яблоко вдруг снова вспомнила, совсем пала духом. Что же ей делать теперь? Как праздники отслеживать, как посты блюсти?

— Следующим утром я крещение приму, — вдруг сказала Катерина, вихрем врываясь в мысли Ксении, и та вздрогнула, осознав каждое слово. Вот оно, то чего так страшилась Ксения! Теперь-то она точно останется одна...

Но Ксения промолчала, только на миг глаза прикрыла, скрывая боль и страх, что мелькнули в душе. Катерина присела к ней поближе, на низкий табурет, такой низкий, что едва ли коленями не доставала до подбородка, усевшись на него. И кто такие скамьи делает?!

— Я уже прошлого дня с батюшкой местным говорила, — Катерина взяла за руку Ксению, легко тронула ее пальцы. — Он мне все о вере латинской поведал. Про обряды, про заповеди, про... догмы. Все почти, как в нашей вере, Ксения. Ведь тоже в Христа веруют, Ксения.

— Да только не так! — Ксения выдернула свою ладонь из руки Катерины, а потом заметила, как задрожали губы той, сжалась, вспомнив ее страхи, погладила по неприкрытым волосам, успокаивая ее.

— Я должна это сделать, — прошептала Катерина. — И чем скорее, тем лучше. Мне бы под венец скорее...

Ксения взглянула в ее глаза и прочитала в их глубине ответ на невысказанный вопрос, что казалось, так и повис в комнате. Замерла на миг, пораженная тем светом, который уже давно замечала в лице Катерины и причину которого разгадала только сейчас.

— Ты...? — прошептала Ксения, чувствуя, как больно сдавило в груди от догадки. Будто обручи железные на сердце легли. Катерина же, не замечая перемены в своей собеседнице, радостно кивнула.

— Видать, на Преображение {7} понесла. Зато точно ведаю, что дитя Влодзи. Уж как я опасалась, что могу затяжелеть после... после той ночи страшной, но Господь миловал, — затараторила Катерина, заливаясь румянцем. Ксения же вдруг отстранилась от нее, поднялась с места, будто оглашенная. — Что с тобой? Что? — встревожилась Катерина. Служанка, раскладывая на кровати платье, чтобы внимательно осмотреть его на предмет возможной починки, оглянулась, распознав волнение в ее голосе.

— На Преображение... на преобразование. Ныне же... листопадник! — Ксения застонала, схватилась за плечи. Эта неожиданная весть вдруг напомнила Ксении то, чего ее разум так тщательно скрывал от нее. Долгие годы бесплодия, кошмар прошлой замужней жизни. А потом, как луч света — дитя, так жестоко отнятое у нее. И вот она снова близка с Владиславом, пусть не каждую ночь, но все же... все же! Ранее ей хватило всего пары седмиц, чтобы затяжелеть, ныне же ее чрево снова пустое, как и было в прошлые годы.

— Я пуста! — простонала Ксения в голос, и Катерина быстро поднялась, тронула ее за плечо.

— Ну что ты! Я слыхала, что не все бывают с первых месяцев, — быстро проговорила она. — У нас в селе даже баба была одна, родила только через пару годов после того, как замуж отдали.

Но Ксения только рассмеялась горько в ответ:

— Через пару! Я пустая ходила при первом муже три года! И теперь вот — пустая!

Катерина заметила, как вздрогнула испуганно служанка при последнем крике Ксении,

попыталась успокоить ту, но она только скинула руки с плеч, увернулась от утешения, не желая его. Вспомнилось вдруг, как шевелилось дите в животе, как легко постукивало оно из ее чрева, как затихало под ладонью, словно чувствуя ласку. Отчего она не тягостна нынче? Ведь столько времени прошло...? Отчего?!

— Уйди, прошу тебя, — прошептала Ксения, уворачиваясь от ладони Катерины, а потом добавила громко, почти выкрикнула. — Уйди, Христом Богом прошу!

Катерина отшатнулась испуганно, прижала ладонь ко рту, скрывая предательскую дрожь губ, недоумеая, отчего Ксения стала такой гневливой, такой грубой. Но подчинилась ее словам, ушла прочь из комнаты, плотно затворив за собой дверь. Ксения же, даже внимания не обратила на уход Катерины, заметалась по спальне под удивленным взглядом служанки, не понимающей отчего разругались вдруг московитки.

— Панна, платье готово. Пора, панну уже ждут, — рискнула обратиться к Ксении через какое-то время служанка, и той пришлось обуздать свои эмоции. Она совсем не обратила внимания на богатое бархатное платье, что принесли ей этим утром, стояла без лишних движений, полностью подчиняясь служанке, что облачала ее в наряд цвета густой вишни с вышивкой золотыми нитями по подолу.

Отчего ей такое наказание, думала Ксения позднее, когда ее усадили на низкий табурет у камина, стали расчесывать волосы. Отчего ей оно? В той, прошлой жизни, ее убеждал батюшка, что Господь не дарует ей потомства от грехов ее. Непокорность супругу, своеволие, ее необузданность. Да и не всегда она молитвы держала, не всегда на службы приходила. Неужто и ныне ей кара послана? Неужто...?

А потом служанка с гордостью отступила от Ксении, любясь результатом своих рук, красотой этой московитки, которую платье знатной панны так искусно подчеркнуло, которую так оттенили украшения. Она, довольно улыбаясь, подошла к одной из шпалер и отодвинула ее в сторону, открывая взору Ксении большое, в полный рост девушки зеркало.

— Панна, — поманила к себе служанка Ксению, призывая взглянуть на себя, полюбоваться своей красотой. Ксения, как замороженная, двинулась к зеркалу, дивясь его размерам. Она впервые видела такое огромное по ее меркам зеркало, у нее всегда были только маленькие, на длинных ручках. Лишь лицо и разглядеть в таких.

Тут же она видела себя в полный рост — от подола платья до светловолосой макушки, и невольно залюбовалась сама тем, что видела в слегка неровной поверхности зеркала. Да и непривычный вид заморозил. На Ксении было заморское платье, наподобие которого она видела когда-то на царице Марине и ее прислужницах, когда те в Москву въехали несколько лет назад.

Глубокого цвета, оно совершенно неприлично обтягивало стан, показывая тонкость талии, а глубокий квадратный вырез платья открывал взгляду грудь, хотя и прикрытую для вида белоснежной кисеей, собирающейся на шее золотым шнурком. Но все же было видно распятие под тканью в ложбинке груди, равно как и верх груди, и тонкие косточки ключиц. Светлые локоны были заплетены в косу и уложены короной на голове, спрятаны под тонкую золотую сетку, надежно приколотую к волосам шпильками, украшенными камнями. Такие же камни были в пряжке пояса, что висел на талии Ксении, и в длинных, почти до самых плеч, серьгах.

Ксения, как зачарованная, глядела и глядела в зеркало, пока в ее голову вдруг не пришло осознание того, что это собой она так открыто любит, что это ее грудь и стан выставлены напоказ, а шея полностью обнажена и беззащитна. Она поймала себя на греховной

горделивости своей красой, вспыхнула от стыда, только теперь понимая, отчего так клеймит ее церковь зеркала.

Грех! Сплошной грех! Она отшатнулась назад, запуталась в многочисленных длинных юбках, что надела под платье служанка, не смогла удержать равновесие и упала на пол, больно ударившись головой о столбик кровати. Служанка ахнула испуганно, бросила шпалеру из рук, та тут же скользнула на место, закрывая от взгляда Ксении испуганную женщину, лежащую на полу, с бледным перекошенным от страха лицом.

— Панне больно? — спрашивала служанка, прикладывая к голове Ксении подол своего передника, который та предварительно смочила водой в тазике для омовения. — Панна сильно ушиблась? Панна может говорить?

Ксения очнулась при этих холодных и мокрых прикосновениях к своей голове от морока, вызванного собственным отражением в зеркале, взглянула на служанку растерянно, отвела ее руки от головы, кивком головы благодаря ту за помощь. А потом служанка, ахая и причитая, подняла ту с пола, отряхнула и поправила платье.

— Не ведаешь, милая, где мне Катерину найти, что со мной прибыла? — спросила Ксения у той, преисполнившись намерения разыскать ее и попытаться снова расположить к себе, испытывая муки совести за собственное поведение нынче утром. Пора бы уже сдерживать свой бешеный норов, пора бы! И пусть Катерина переменит веру на чужую, латинскую, она же не станет оттого другой. Да и кто Ксения такая, чтобы судить?

И уже переступая порог вслед за служанкой, что спешила ее приступить к поискам московитки, ушедшей из комнаты в слезах, Ксения обернулась назад вглубь комнаты, к образу, мысленно прося прощения за грех мимолетной зависти, что мелькала в голове всякий раз, как думала о тягости Катерины.

А потом взгляд скользнул далее к той самой шпалере, за которой пряталось большое зеркало. Она станет носить эти заморские и совершенно неприличные платья, коли их без опаски носила мать Владислава, схожая с Ксенией по вере, но вот это зеркало... Нет, она никогда более не взглянет в этот источник греха, никогда, дала она сама себе зарок, еще не зная, как повлияет на ее судьбу это поспешное и такое необдуманное решение.

1. Имеется в виду — эпилептик
2. От противного (лат.)
3. Терпи и крепись (лат.)
4. От скрыня — вид комода
5. Октябрь (старорусск., польск.)
6. Время до Рождественского поста
7. 5 августа по юлианскому календарю

Пугающая темнота леса окружала ее, и даже отражение в ослепительно-белом снегу света луны, что изредка пробивался лучами сквозь густое переплетение обнаженных ветвей деревьев, не достаточно для того, чтобы разглядеть дальнейший путь. Куда ей идти? В какую сторону? Она в испуге оглядывалась, шумно дыша, открыв рот. Морозный воздух обжигал горло, сбивая ее и без того затрудненное дыхание. Она бежала недолго, но тяжело — глубокий снег затруднял движения, а ветви цеплялись за волосы и одежду, останавливая ее, мешая ей достигнуть ее цели. Где-то там, за этой темнотой, был он, и она должна добраться до него. Она должна...

Она снова подобрала юбки и огляделась, борясь с отчаяньем и страхом, разливавшимся в душе. Куда ей идти? Куда?! Где он? В какой стороне? Она до полусмерти боялась этого леса, этой ночи и того, кто мог следовать за ней бесшумно, стараясь перехватить прежде, чем она добежит до своего спасения, до света, что согреет душу и успокоит сердце, так бешено колотящее в груди.

В какую сторону? Где ее не ждет опасность? Какой путь верный? Какой путь ведет к нему, ее любимому? И она могла потерять его, как себе позволила совершить такую ужасающую оплошность? Мысли метались в ее голове, мешая принять то единственное верное решение, затрудняя выбор направления, которого она должна держаться ныне, убегая от кого или чего-то страшного, что могло преследовать в этом ночном лесу. В какую же сторону?!

И тогда она крикнула, громко и протяжно, в черноту леса:

— Где ты? Где ты....?

Он должен ответить ей. Ведь он был так близко, всего лишь за этой чернотой... Так близко и в то же время так далеко...

Ксения проснулась в тот же миг, будто собственный крик, прозвучавший во сне, разбудил ее, рывком села в постели, чувствуя, как прилипла к телу рубаха от пота. Сердце колотилось в груди так сильно, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. И этот стук слышался ей таким громким в тишине ее спальни, на фоне шуршания дождя за разноцветным стеклом окна и тихого потрескивания поленьев в камине.

Она откинула одеяло и прошла к образу, перед которым в маленькой лампадке горела свеча, аккуратно ступая босыми ногами по холодному полу, надеясь, что именно этот холод приведет ее в чувство, прогонит страхи, что приходили каждый раз после этого ночного кошмара. Опустилась на колени и принялась читать «Отче наш», чувствуя, как постепенно уходит напряжение, сковавшее тело.

В который раз ей снился этот кошмар, она сбилась со счета. Первый раз Ксении привиделось только, что она в темном зимнем лесу, на этой же поляне, стоит и оглядывается. Просто оглядывается без страха и сомнений, без отчаянья, что пришли позднее, уже в последующем сне. Она знает, что где-то за этой чернотой, так пугающей ее, Владислав, и она должна прийти к нему. Но она никак не может определить, в какую сторону ей следует двинуться, ведь она знает, что неверное направление станет ее роковой ошибкой. А потом, в следующие ночи, вкралось ощущение чьего-то присутствия за спиной. И тогда она кричит, кричит...

Страх, бившийся в душе, как остаток ночного кошмара, сошел на нет, но Ксения не

поднялась с колен, продолжила молитвы. Только теперь эти молитвы были за него, за Владислава, что уже который раз уехал из Замка. Его новое положение обязывало ознакомиться с положением дел в каждом уголке своих земель, и он, желая сделать это не из чужих речей, выезжал сам в фольварки и ключи, проверял села и города, принадлежащие ему отныне по праву. Каждый его отъезд был мукой для Ксении, но она понимала, что иначе он поступить не может. Провожала его с улыбкой на лице, а потом уходила на открытую площадку и долго смотрела, роняя слезы, вслед удаляющемуся отряду, пока тот не скрывался за краем земли. Потом были долгие часы и дни ожидания, такие долгие, что они казались Ксении бесконечными.

Конечно, она не была одна все это время. Всегда рядом с ней была Катерина, или, как она ныне звалась, после крещения латинского — Мария, и молоденькие девушки, дочери шляхтичей, чьи дворы были в окрестных землях, а сами они были при Владиславе, как ранее были при его отце. Но только две шляхтянки, остальные предпочли скрыть своих детей дома, но не отдать в службу у нареченной пана, опасаясь, что та перетянет в свою запрещенную веру. Впрочем, Ксении до этого не было никакого дела: чем меньше ее окружает девиц, тем лучше, казалось ей. Она невольно вспоминала, как была постоянно окружена многочисленными сенными девками, и оттого ей даже дышалось легче, когда за спиной постоянно следовали на прогулках не пара десятков, как ранее, а всего три — без лишних смешков и шуток, без шепотков и тихих песен.

В остальном же все равно дни были похожи на те, прежние. Пробуждение утром и краткая молитва, потом облачение в тяжелые платья из плотной ткани, с многочисленными украшениями, с замудренными прическами, затем завтрак в трапезной комнате на первом этаже жилой половины Замка. После завтрака обычно уходили на прогулку возле крепостных стен под внимательными взглядами стражников, либо сидели в одной из комнат верхнего этажа, где освещение было лучше в эту осеннюю пору, за рукоделием. Одна из девиц, бывало, читала. Не вслух, как предложила когда-то, приведя Ксению в замешательство, молча, под сначала подозрительными, а потом и любопытными взглядами Ксении. Девица читает! Неужто, и пишет, будто монашка? Вот диво-то! И кто только замуж ее возьмет такую ученую. Ей казалось, это таким необычным, что она не удержалась и спросила слово в слово об том у Владислава, да только вызвала этим снова этот странный взгляд. Этот же самый взгляд она, бывало, часто ловила на себе в последнее время.

Впервые — на том самом пиру, когда после оглашения нового статуса Владислава в главной зале Замка, шляхта с женами и детьми на выданье перешла в другую залу, где уже были накрыты столы на ужин.

Тогда Ксения, которая и так чувствовала себя на этом празднике, будто на луну попала, и вовсе пала духом. Ее нарядили в тот день в более богатое платье, чем она носила до того в Замке, такое тяжелое от нитей золотых да крупных яхонтов, которыми был украшен вырез, что она тут же вспомнила свой венчальный наряд, в котором с Северским под венец шла. Только в этот раз глубокий квадратный вырез не был прикрыт кисеей, и ей казалось, что она чуть ли не голой ступает в залу к гостям, чьих голосов гул она слышала за несколько комнат и оробела. Зато шея была прикрыта, усмехнулась тогда Ксения, дивясь этому странному наряду — на ней служанка застегнула белый накрахмаленный воротник, такой огромный, будто ожерелье {1}, что вздыбилось верх отчего-то. Этот воротник так плотно сидел на шее, будто ошейник у собак, что в вотчине на Руси держали. Он принуждал помимо воли держать спину ровно, а голову как можно выше, поднимать подбородок вверх. Так и вошла она тогда

в залу, где ее уже ждали и гости, и те шляхтичи, что жили в Замке. С высоко поднятой головой, с холодностью в глазах, за которой она, как могла, прятала свою растерянность и испуг. Все эти любопытные глаза, так и ощупывающие ее, она явно чувствовала это, все эти шепотки и усмешки. Ей вмиг хотелось развернуться и уйти прочь из этой залы, исчезнуть вообще из этого Замка, из этих земель, растолкав шедших позади Марию-Катерину с девицами.

Но потом она встретилась глазами с Владиславом, на груди которого уже висела золотая цепь с гербом Заславских, увидела протянутую в ее сторону руку. Его глаза вдруг озарились таким светом, что у нее перехватило дыхание, и вовсе не от тугого воротника, что с непривычки так мешал. От нежности, что она разглядела в черной глубине глаз Владислава.

И она тогда вложила свои пальцы в его широкую ладонь, поднялась на небольшое возвышение, на котором тот стоял, даже забыв о юбках, болтающихся колоколом, в которых так боялась запутаться, как путалась в последнее время. Но она не оступилась, не запнулась, так смело шагнув навстречу теперь уже полноправному магнату Заславскому. Встала рядом, как и должна была, туда, где отныне должно быть ее место.

— Панна Ксения Калитина, моя нареченная.

Владислав отвел глаза от лица Ксении на шляхту, что наблюдала за ними, не отрывая глаз, на знакомых и незнакомых ему пока людей, а потом развернул и Ксению к ним. И снова эта волна любопытства, а порой, и скрытой неприязни, которую неумело прятали вежливые улыбки. А потом все собравшиеся в зале вдруг в едином порыве склонились, присели перед ней, оказывая дань ее нынешнему положению, и она растерялась на этот миг, не зная, как ей следует поступить ныне. «Кивнуть благосклонно и величаво», вспомнила она слова Магды, что собирала ее к вечеру. Шляхта выпрямилась, и Ксения поняла, что вот ныне надо бы кивнуть в ответ, принимая их приветствие. А она вдруг замерла, раздумывая, насколько низко может опустить голову, каким должен быть «величавый и благосклонный» кивок. Вот у них в Руси все было намного проще — всего несколько видов поклонов, а тут — кто кивал, кто кланялся, кто приседал. Голова кругом...

Оттого-то и вышел кивок с задержкой да еще едва заметный, только слегка голову склонила Ксения, испугавшись, что ненароком заденет воротник на потеху всем собравшимся. А потом заметила, как покачал головой пан Тадеуш, стоявший чуть ли не в первых рядах, как довольно улыбнулся Юзеф, как прикусил озабоченно ус Ежи, глядя на нее, из-за спин более знатных шляхтичей.

Да и по глазам Владислава, ставшими такими холодными, будто темные воды омута, Ксения поняла, что совершила какую-то ошибку, сама того не желая. Он представлял громко каждого, кто приближался к ним, но она вскоре перестала запоминать имена, которые так были схожи для нее, все сплошь Н-ские и Н-вичи, вновь отстранилась мысленно от происходящего, как раньше на ненавистном ей свадебном пиру. Она полагала, что всех этих людей она видит в первый и последний раз, как и многих бояр тогда, на пиру, в отцовском доме. Потому и кивала только в ответ, словно выдрессированный медведь на Масленичной ярмарке, куда ее водили мамки в детстве, улыбалась одними уголками губ, делая вид, что ей нет дела до того, как холодно ее оглядывает каждый из тех, кто подходил к ординату и его нареченной.

Все знакомые Ксении шляхтичи из хоругви Владислава, что не уехали в свои земли и остались при нем служить, были так же представлены ей в числе остальной шляхты. Как и

Ежи, и пан Тадеуш. Последний снова вдруг взял ее за руку, но коснулся губами лишь воздуха над ней, обдавая ее пальцы горячим дыханием.

— Всегда к услугам панны, — ответил он ей, как некоторые другие шляхтичи, но она каким-то внутренним чутьем уловила нечто такое в его голосе, что заставило ее ресницы вздрогнуть, а уголки губ невольно двинуться чуть шире в улыбке. Ей нужны были друзья здесь, среди этого холода, который она ощущала каждой частичкой своего тела.

И затем, когда все расселись за длинным столом, покрытым искусно вышитой тканью, во главе которого, как полагается сел Владислав, именно Тадеуш пришел Ксении, растерявшейся, на помощь. Да и рядом никого другого не было — согласно порядку подле Владислава занял место брат и жена одного из самых именитых шляхтичей нынче вечером. Ксении же досталось место, как назло подле Юзефа, который с явным удовольствием наблюдал за ней весь вечер.

— Панне не по нраву стол? — спросил он после третьей перемены блюд, которую Ксения пропустила. Судя по блеску его глаз, он знал, отчего та ничего не ест и не пьет, только крутит в руках яхонт в золотой оправе, что висел у нее на поясе. — Я слышал, в Московии столы ломаются от еды и вин, а те, кто сидят за ними, уходят только тогда, когда не могут больше есть и пить. И ваши пиры длятся целый день, пока пирующие под столы не свалятся от такой попойки.

Ксения сжала губы, пытаясь скрыть свое раздражение, напоминая себе, что ей просто необходимо завоевать расположение окружающих, особенно брата Владислава, ведь тот был родичем. Но все же не сумела не ответить.

— Я думаю, в том пану Юзефу московские пиры бы по вкусу пришлись больше, чем местные.

Тот только зубы стиснул, но бокал, который в это время в очередной раз протягивал слуге, чтоб тот налил вина из серебряного кувшина, поставил на стол полупустым, не стал опять наполнять до краев, как любил.

— А мне думается, что панна просто не ведает, как держать себя при наших празднествах, ведь панна прибыла из варварской страны, где еще многое неизвестно из того, что шляхтичи уже давно пользуют, — он поднял вверх вильцы, при помощи которых в тот момент отделял мясо перепела от кости.

Ксения покраснела невольно, признавая то, в чем никогда бы не решилась открыться, особенно Юзефу — в собственном невежестве. Она действительно не знала, каким из предложенных к тарелам приборов ей следует есть за столом поданные блюда, запутавшись в наблюдениях за остальными гостями: кто ел ложками, кто этими вильцами, которые были не в ходу в боярских теремах Московии, а кто, не особо стыдясь своих жирных рук — разрывал мясо пальцами, впрочем, тут же вытирал их о скатерть. Эти шляхтичи сидели на самом дальнем краю стола, и Ксения видела, как косятся на них панны в богатых платьях, поняла, что это не совсем верно.

Ксения уже жалела, что на заданный Владиславом вопрос о ее готовности к предстоящему ужину вспыхнула в приступе уязвленной гордости, решив, что тот полагает ее совсем дикой, что она ни разу не сидела за столом на пиршестве. Сидеть-то сидела, да только не так. И вилец этих серебряных не было при том, были только ложки, ими-то и ели. Она видела, как едят с вилец гости, как сам Владислав легко управляется ими, и могла бы попробовать, но не желала рисковать. Ей казалось, что с непривычки она обязательно уронит еду с этой рогатины проклятой да еще на воротник этот, что точно помешает еду до

рта донести, а такого срама она не желала для себя. Не нынче и не тут.

Но не успела она даже рта открыть, как вдруг раздался голос Тадеуша, который прислушивался к разговору соседей по столу через шум, стоявший в зале:

— Позвольте вмешаться в вашу дружескую беседу, паненка и пан Юзеф, — проговорил он, склоняясь к ним ближе, лукаво улыбаясь. — Будет вам известно, пан Юзеф, что у схизматиков так много постов, что не всяк со стороны уследит за тем. Зато схизматики всегда видят свои ноги, далеко не каждый католик может тем похвастаться.

Щеки Юзефа побагровели при этих словах, содержащий тонкий намек на живот пана, из-за которого тот уже давненько не видел, кушак, что был повязан прямо под ним. Но ни слова не сказал в ответ, не желая продолжать словесную баталию с Добженским, крутящим ус, явно довольным своей выходкой. Пусть распускает перед этой еретичкой свой хвост. Придет время, и перья из него повыдергивают за то.

— Паненка, верно, не ведает, но эти вильцы эти прибыли в королевство благодаря удивительно красивой женщине со светлыми волосами, — пан Тадеуш покрутил вилку, косясь одним глазом на Ксению, сидевшую рядом с ним. — Это была королева Бона {2}. Но мы должны ей быть благодарны не только за вильцы, но и за фрукты и сладости, что прежде не знали наши деды, и за удивительные платья, которых ранее не носили наши девы.

Ксения поймала его взгляд на своей груди, ничем не прикрытой ныне и так соблазнительно выглядывающей из выреза платья, вспыхнула, с трудом подавив в себе желание прикрыть обнаженную кожу ладонью. Она видела, что ее платье не так откровенно по сравнению с нарядами других дам. У некоторых (о, Господи!) она ясно видела даже полукружия сосков, когда те неловко поворачивались к соседу. Но все же ей было неловко от своего вида, настолько он был непривычен для нее.

— Да, королева Бона была удивительной женщиной, — продолжил тем временем пан Тадеуш, передавая Ксении половинку груши, которую взял с поданного слугой блюда. Он поймал на себе внимательный взгляд Владислава и улыбнулся тому, подмигнув, надкусывая вторую половинку сочного плода. — Удивительная! Красивая, благородная, умная и ловкая. Она владела лично многими землями в Литве, и они процветали, принося немалый доход, которому позавидовал бы любой магнат королевства. Я, когда смотрю на паненку, все время вспоминаю рассказы о ней.

Он повернулся и взглянул в глаза Ксении, что заворожено смотрела на него сейчас, ожидая продолжения его речи. Что он скажет ей ныне? Очередную хвалу ее красоте, каких уже немало говорил ей, едва заводил с ней разговор? Или что иное? Ксения должна была прервать Тадеуша, осознавая, насколько неподобающе себя ведет ныне для своего воспитания — так пристально смотрит в глаза мужчины, что не родич ей и не муж. Но маленький огонек тщеславия, что зародился в ней, когда она несколько дней впервые увидела свое отражение, впервые поняла, как хороша в этих платьях, при этих волосах, не позволил ей остановить его, требовал продолжения.

— Королева Бона была прелестной женщиной, по многочисленным толкам. Говорят, что и в зрелом возрасте она была хороша и молода лицом и телом. Но настолько горделива, настолько крута нравом и упряма, что ее люто ненавидела шляхта королевства.

Ксения так и поняла тогда, к чему он сказал эти слова, и был ли в них намек, потому что Добженский быстро переменял тему, стал рассказывать ей смешные истории, расспрашивать о прежней жизни в Московии. Но шум и гул голосов мешали говорить, не склоняя головы слишком близко к соседу, не приближая губы к уху. Чересчур интимно для

Ксении, слишком непривычно, потому она была благодарна, когда наконец ужин был закончен — он был весьма короток по времени из-за траура, что еще держали в Замке. Гости уходили парами или поодиночке по своим pokojам, некоторые паны — под хмелем — с шумом и криками.

Пан Тадеуш отодвинул стул Ксении, помогая выйти из-за стола (а делать это в широких юбках этих заморских платьев было совсем неудобно), но руку ей предложить не успел — к ним уже подходил Владислав.

— Я расскажу панне про королеву Бону как-нибудь в следующий раз, — поклонился Добженский, передавая пальцы Ксении из своей руки в ладонь Владислава. — Поистине это была удивительная женщина. Да и не худо бы паненке узнать о землях, в которых ей предстоит отныне жить.

— Надеюсь, не о королевских охранниках {3}? — поднял бровь Владислав. Добженский только склонил голову с усмешкой, прощаясь, и отошел к отцу, что ждал его поодаль. Владек же передал руку Ксении ксендзу, что присутствовал на ужине наравне с остальной шляхтой. — Отец Макарий проводит тебя.

Ксения еще в тот же вечер, когда ксендз провожал ее из залы в сопровождении девиц, что тут же последовали за ней по пятам, почувствовала открытую неприязнь, идущую от священника. Нет, он не косился на ее распятие, что лежало совсем незаметно среди камней, идущих по вырезу платья. Он просто молчал, поджав сухие губы так плотно, что вокруг его рта образовались мелкие морщинки, сжал ее пальцы чуть сильнее, чем следовало.

У коридора, ведущего к лестницам на второй этаж, отец Макарий пожелал женщинам спокойной ночи, сотворив над теми, кто склонился перед ним святое распятие. Ксения же прислонилась к стене, будто опасаясь, что этот жест мигом перевернет ее веру, сделает латинянкой. Ксендз сделал вид, что не заметил ее жеста, только криво улыбнулся уголком рта, взглянул косо, уходя.

— В заблуждении живешь, дочь Христа, — только и проговорил он на прощание. — Покайся и прими веру истинную.

Впоследствии эти слова он стал произносить Ксении так часто, будто только они и способны изменить мировоззрения московитки, которую пан назвал своей нареченной. Отец Макарий знал, что в тот же вечер, как пан Владислав принял родовую цепь, папскому легату в столицу отправилось письмо с просьбой о вступлении в брак с схизматичкой, оттого и молился усердно, чтобы Господь все же вразумил непокорную деву изменить своей еретической вере, принять истину в душу. Оттого он так был упорен в своем стремлении склонить Ксению к католичеству. Не было мира и лада в землях при прошлой еретичке, не будет и ныне, чуяло его сердце, и он принимался молиться еще усерднее от этой горькой мысли, прося Бога о снисхождении к заблудшим душам.

Именно поэтому-то и закончились, едва начавшись, уроки грамоты, которые по просьбе Владислава и по согласию Ксении, стал давать каждый день отец Макарий, приходя в Замок. Сначала Ксения встретила протестом предложение Владислава об обучении, ссылаясь на то, что «негоже-де девицам ума иметь», как часто говорил ей батюшка. На что Владек только смеялся и отвечал, что боярин Калитин поздно спохватился — ума Ксении уже не занимать. А потом добавил:

— Я знаю, как страдаешь ты без служб церковных. Выучишься грамоте, я тебе материнскую Острожскую Библию {4} привезу из Белоброд. Будешь Писание читать сама, как попы ваши читают. Отец Макарий поможет в том.

— Отчего не ты? Отчего ты не можешь научить меня? — сначала противилась она, памятуя, как поджимал губы ксендз, ведя ее по комнатам Замка, а потом поняла, что недосуг будет ему. Владислав уже рассказал ей, как часто будет уезжать из Замка по делам магнатства. Теперь ему предстояло взять на себя то многое, что ранее делал его отец с помощью многочисленных старост земельных, войтов, вассалов. Кроме того, предстояла выплата обязательных налогов, как обычно это делалось в конце литургического года {5}.

Так и жила Ксения в Замке — от дня разлуки, когда провожала Владислава, до дня их встречи, когда отряд магната показывался на линии края земли, заполняя временные промежутки между ними уроками грамоты с отцом Макарием, рукоделием с девицами или прогулками.

Особенно полюбилась Ксении отчего-то та самая часть стены, откуда когда-то сорвалась мать Владислава. Это место и пугало ее своей историей, и завораживало видом, открывавшимся с высоты. И именно с этой стены был виден край земли, за которым Ксения оставила прошлую жизнь, и за воспоминания о которой так отчаянно цеплялась.

Она хотела стать с виду истинной шляхтянкой, какой ее хотел видеть Владислав, и какой бы ее приняла бы шляхта, но остаться в душе все той же Ксенией — в своей вере, в своих убеждениях. А именно это так желал искоренить отец Макарий, начиная урок с букв кириллицы и завершая очередной проповедью об истинности католической веры и еретических домыслах остальных. Ксения, приученная с малолетства не возражать старшим ее по возрасту, долго молчала, не желая спорить или возражать ксендзу, но вскоре не смогла сдержаться, уязвленная до глубины души отношением его к ее вере. Она же не называет латинскую веру «греховной», «от Дьявола идущей в заблуждении своем», «еретической». Отчего отец Макарий так открыто оскорбляет греческую? А потом, когда пятый урок начался не с кириллицы, а сразу с объяснения и доказательств догм католических, Ксения попросила ксендза не тратить свое время на нее, а посвятить его своим прихожанам. Они разошлись с виду мирно, без упреков, но после каждый высказал Владиславу свою причину, по которой уроки грамоты более не состоятся, предоставляя ему самому решить, кто виноват в конфликте.

— Панна погрязла в ереси, пан Владислав, — качал головой ксендз. — Я не уверен, что Церковь даст свое согласие на ваш брак. И я рекомендовал его только из моего почтения и любви к тебе. Ведь я знаю тебя с малолетства, знаю, что ты истинный католик, и не позволишь вовлечь своих детей в еретические верования. Надеюсь, его преосвященство пан Сикстуш сумеет совершить то, что не удалось мне.

Владислав только задумчиво выслушал его, но ничего не ответил. Он себя давно уже чувствовал между двух огней, а это расхождение ксендза и Ксении только добавило лишних хлопот. И приезд дяди, пинского бискупа, на День всех Святых принесет ему, скорее всего, очередную беседу на тему различий в вере и убеждениях. Зато, быть может, именно дядя Сикстуш поможет ему в этом нелегком деле — получении разрешения. Ведь удалось же Радзвиллу жениться на слущкой наследнице, отчего же ему не позволят вступить в межконфессиональный брак?

Как же это мучительно — зависеть от чужого решения, от чужих умов и языков! Владислав привык сам принимать решения о своей судьбе, и подобный расклад, что вырисовывался ныне, был ему противен до глубины души. Что, если Папа откажет? Что тогда? В одном Владислав был уверен точно, глядя порой в ночные часы, когда его одолевала бессонница, на тихий и безмятежный сон Ксении, любясь ее чертами — такими

невинными ныне.

Он никогда не откажется от нее. Не пожелает повенчать католическая, значит, совершит обряд греческая, тем паче, попы нынче пуганные, сделают все, о чем попросят. А еще лучше было бы, если Ксения примет католическое крещение, окончательно став частью этой земли, которую она так яростно отвергает ныне. Должна же она понять! Ради детей, что появятся со временем. Ради их будущего.

Но Владислав молчал, верный своему слову никогда не просить ее переменить веры. Молчал, чтобы не нарушить то хрупкое счастье, что выпало на его долю. Ему казалось, это счастье таким тонким, будто первый лед, что уже встал на болотах и речках. Только тронь его ненароком и сломаешь, переломишь навсегда.

Да, они стали реже видаться с тех пор, как он встал во главе магнатства, а сроки их разлуки — все длиннее из-за непогоды, что установилась с середины месяца. Но зато как сладки их встречи! Как отрадно видеть, въезжая на двор Замка через ворота брамы, как бежит, сломя голову по галерее, Ксения — только плащ развевается позади крылом, как бросается ему на шею с середины лестницы, зная, что он подхватит ее, удержит в своих сильных руках.

Пусть их совместные ночи стали редки, но зато каким огнем страсти они полны! Воспоминания об этих ночах греют душу Владислава, когда в очередной раз ночует один в каменице в одних из своих фольварков или на шляхетском дворе своего вассала. Он закрывает глаза и воскрешает в памяти нежную кожу Ксении под своими пальцами и губами, вспоминает о том, как сладки и глубоки поцелуи, от которых позднее так приятно ноют губы.

Однажды Владислав привез рулон дивного шелка удивительного цвета, сочетающего в себе оттенки зелени и голубого неба одновременно. Он сразу же понял, какое платье можно сделать для Ксении к Рождеству из этой ткани, как красиво она будет оттенять волосы и белую кожу той, как подчеркнет глаза, едва увидел этот отрез в лавке у купца, куда зашел, разыскивая подарок. Владислав хотел сделать неожиданный подарок, но не сумел удержаться и принес той же ночью рулон в комнату Ксении, которая ждала его, отпустив своих прислужниц по обыкновению. Он любил ее прямо на этом шелке, не сумев сдержать себя, едва только увидел ее белую нежную кожу на фоне этого полотна. Золото ее волос, разметавшихся по шелку... лазурь ее глаз, когда она распахнула их, на самом пике, цепляясь пальцами в его плечи...

За такие ночи и жизнь не жалко отдать. За нее, его кохану, не жалко отдать жизнь...

И не было ни единого дня, чтобы Владислав пожалел, что когда-то принял решение привезти в свои земли Ксению, так он и ответил на вопрос Ежи, когда тот вернулся за несколько дней до Дня всех Святых из ключей, что передал его отцу по договору службы когда-то еще дед Владислава.

— Ни единого? — усомнился усатый шляхтич, попыхивая чубуком, с наслаждением вытягивая ступни к огню камина. Пан Тадеуш задумчиво крутил одну из шахматных фигур, что в меньшинстве остались на доске — остальные лежали на столе, уже вышедшие из игры.

— Ни единого, — подтвердил Владислав, глядя большим пальцем тонкий стан королевы из светлого полированного камня. — Я, бывает, дивлюсь ее невежеству, а ее упрямство доводит меня порой до бешенства. Но жалеть... Нет, я не жалею.

— И даже ныне, когда...? — начал Ежи, и Владек кивнул, перебивая его.

— Даже ныне.

— Уверен, пан Стефан оставил тебе немало неожиданностей в письме к тастаменту. Жаль, я уехал до того, как ты его вскрыл. Поглядел бы я на твое лицо!

— Поглядел бы ты, пан Ежи, на лицо моего отца, когда пан Владислав заявил категорическое «Quod nego» {6} задуманному паном Стефаном, хотя это, признаться, и противоречит здравому смыслу, по моему сугубо личному мнению, — проговорил пан Тадеуш.

Его отец не смог разделить с ними эти вечерние часы досуга из-за простуды, что неожиданно свалила его при возвращении из очередной поездки с Владиславом, потому не смог ничего не возразить на то. Увы, но он остался верен своему убеждению, что без него, Матияша Добженского, магнату не обойтись, а оттого и ездил с ним во все путешествия, стойко перенося тяготы дороги для его преклонного возраста. Слава Богу, осталась всего пара фольварков, что не посетил лично Владислав!

— Я думал, отца хватит удар, когда Владислав ответил, что уже обручен, и договоренность пана Стефана теряет силу.

Ежи выпустил кольца дыма и задумчиво проследил, как те, медленно тая, поднимаются к потолку залы. Его веки под густыми бровями были полуопущены, оттого создавалось ощущение, что он совсем не слушает молодого Добженского, но это было далеко не так. Владислав терпеливо ждал вопроса и не ошибся.

— Кто-то из девиц Радзивиллов? — спросил он спустя время, выпуская вверх очередную партию колец табачного дыма.

— Не угадал, — усмехнулся Владислав и сделал ход, передвинув шахматную фигуру по доске. — Ефrojина Острожская {7}.

— Добже, — кивнул Ежи. — Весьма умно. Весьма. Острожские сильны и влиятельны. Союз с ними — хороший ход в твоём положении, когда так шатко кресло под тобой.

— Не спорю, Ежи, — Владислав замер, глядя на доску, обдумывая ход Тадеуша, что взял очередную светлую пешку — виллана — своим черным рыцарем на статном коне, нахмурил лоб, явно озадаченный сложившимся положением на доске. — Но я вполне уверен в том, что делаю, равно, как и в собственных силах. Бискуп, — Владислав двинул вперед одну из ладей, вырезанную в форме епископа в высокой тиаре и посохом в руке. Только потом он заметил, что ладья открыта для удара противника. Увидит ли тот этот ход?

— Бискуп вам не помощник, пан Владислав. Полагаю, это шах, — с легким смешком пан Тадеуш убрал и светлого бискупа с доски, заставив шляхтича помрачнеть лицом. Его уже обыграла нынче днем Ксения вот за этим самым шахматным столиком, довольно с него поражений!

Владислав улыбнулся, вспоминая, как забавно она морщила лоб, обдумывая очередной ход, как смешно называла фигуры на московитский манер. Он был удивлен, что она знакома с этой игрой, и тогда Ксения призналась, что ее отец давно увлекается шахматами, а она единственная, кто заинтересовался этими фигурами и правилами.

— Шахматы запрещены патриархом, но отец не видел в том греха. Ведь играли мы с ним без ставок, так — ради интереса, — склонила голову, вспоминая прошлую жизнь в вотчине отца, Ксения. При этом ее глаза снова подернулись той легкой дымкой, какую он замечал всякий раз, когда она думала о своей земле, молилась ли перед образами или просто смотрела в сторону Московии, когда они прогуливались по стене.

Она сразу предупредила его, что в четырех случаях из пяти обыгрывала отца, но он не поверил ей, о чем жалел впоследствии. Удивительно, но в этой аккуратной светловолосой

голове порой рождались такие ходы, которые ему тяжело предусмотреть. Его дивная чаровница, подумал он, представляя, как вскоре поднимется в комнату Ксении, как она повернется в постели, сонная, к нему, протянет руки. «Я замерзла», пожалуется она сквозь сон. «Почему в замке все время так холодно по ночам?»

Завтра ему снова предстоит уехать, чтобы успеть вернуться в Заслав до Дня всех святых, до приезда дяди-бискупа и пани Патрыси, что решила с половины дороги вернуться обратно вместе с епископским поездом. Но это будет только на рассвете, а нынче столько часов принадлежит ночи, которая так щедро подарит их Владиславу.

Ежи отвлек Владислава от неподходящих по случаю мыслей, заставил вернуться к игре. Тот заинтересовался раскладом на шахматном поле, склонился в сторону молодых панов, чтобы лучше видеть происходящее, а потом кивнул своим мыслям, сунул снова в рот чубук.

— Тебе предстоит жертва, Владислав, — тихо проговорил он, и Владислав бросил быстрый взгляд на своего противника — поймет ли тот, о чем толкует усатый шляхтич. Но пан Тадеуш смотрел в окно, казалось, замороженный отражением огоньков свечей в разноцветном стекле. Снова этот мечтательный взгляд...

Владислав перевел глаза на тускло освещенное маленькой лампадкой окно на втором этаже северного крыла Замка, стиснул пальцами голову своего светлого рыцаря, которого хотел передвинуть по доске, уходя от мата, уже заранее зная, что этот маневр не спасет его, а только отстрочит неизбежное.

Но жертвовать, как подсказал Ежи...!

Нет, Владислав с малолетства, еще со времени своих баталий с отцом, который и познакомил сына с этой стратегической игрой, не любил жертвовать королевой. Эта тонкая фигура, гордо поднятая голова в высоком эннене {8}, сложенные руки в молитвенном жесте. Еще ребенком он почувствовал слабость королевы и предпочитал жертвовать какой угодно фигурой — бискупом ли или рыцарем, но сохранить эту хрупкую фигурку. «Нельзя жертвовать слабыми», — спорил Владек тогда до хрипоты с отцом, подсознательно перемещая на шахматные фигуры расклад сил в семье. Король виделся ему отцом, магнатом Заславским, а мать — слабой королевой.

А Стефан только качал головой, повторяя снова и снова, разбивая сына в пух и прах на шахматной доске: «Pelle sub agnina latitat mens saepe lupina {9}, а зубы волка остры, помни об этом, жалея слабых. Да, королева слаба и не может выиграть у короля. Но не стоит недооценивать ее. Это для победы королеве нужен король, но загнать противника в угол, привести ситуацию к ничьей — под силу королеве и в одиночестве».

Увы, и в этот раз расклад оказался не на стороне Владислава — стремясь уберечь королеву от фигур Добженского, король оказался в ловушке.

— Я полагаю, мат, — улыбаясь, проговорил пан Тадеуш, передвигая своего офицера с пикой по доске. — Мат, пан. Ты проиграл. Еще партию?

— Я же говорил тебе, Владек, — отозвался от камина Ежи, выдыхая табачный дым через ноздри. — Надо было жертвовать королевой. Иногда другого выхода спасти короля, кроме этого, нет!

1. Ожерельем тогда на Руси называли широкий воротник, расшитый камнями, жемчугом, нить золотой. Обычно — широкое, пристегивалось отдельно поверх одежд
2. Бона Сфорца — королева Речи Посполитой в XVI веке
3. Имеется в виду история об офицерском гареме королевы. Якобы она устраивала

оргии с участием нескольких десятков красавцев-охранников. Об этом было немедленно доложено ее мужу, который приказал казнить всех любовников. Но Бона вымолила у Сигизмунда Старого (своего мужа) прощение для 3-го, 9-го и 27-го офицера из списка

4. Первое завершённое издание Библии на церковнославянском языке, опубликованное в Остроге русским первопечатником Иваном Фёдоровым в 1581 году

5. От Рождества до Рождества следующего года

6. Отнюдь нет (лат.)

7. Радзивиллы и Острожские — одни из самых богатых и знатных родов Речи Посполитой той эпохи

8. Женский средневековый головной убор в виде высокого (до 70 см) конуса

9. Под шкурой ягненка часто скрывается нрав волка (лат.)

Епископский поезд прибыл в земли магнатства точно накануне Дня всех Святых, как и обещал в своем письме дядя Владислава. Впрочем, тот нисколько не сомневался, что так оно и будет, зная характер своего дяди. Тот готов был перевернуть землю и небо, но выполнить то, что задумал. Именно эта твердость в своих убеждениях и помогла тому встать во главе епископства, но именно она же и не добавляла особой любви к Сикстусу Заславскому со стороны людей, приближенных к нему. Его можно было либо любить, либо ненавидеть за эту настойчивость в стремлении получить желаемое любой ценой, за его прямооту и несгибаемость. Владислав помнил, как часто спорил его отец с братом, какие словесные баталии разворачивались. При этом в стенах Замка громыхал только один голос — громкий и резкий голос Стефана Заславского, бискуп никогда не повышал тона, за исключением проведения служб под сводами собора.

Бискупа встретили у ворот брамы Замка. Но не только замковая челядь и его многочисленные обитатели, но и народ из Заслава, городка, и из ближайших окрестностей прибыл к высоким стенам, чтобы поприветствовать высокопоставленного священнослужителя. Людей было столько, что они заполнили почти все свободное пространство возле брамы и стен. Они приходили чуть ли не всем семейством, чтобы по обыкновению получить благословение прибывшего, как потом будут набиваться в костел, где бискуп будет проводить самолично изредка мессы.

Еще тогда, в день приезда дядя Владислава, когда и он, и его брат, и вся шляхта, что была в Замке на тот момент вышла к замковым стенам, Ксения заметила, как странно ведут себя холопы и горожане. Они косились на нее украдкой, тут же отводя глаза, матери прятали за юбки детей, отворачивали их лица. Эту волну неприязни и какого-то странного чувства, что так и не сумела распознать Ксения, исходящих от людей, невозможно было не заметить. Неужто, они презирают ее только за то, что она носит крест на груди, отличный от тех, что висели на шнурках у них? Неужто, от того? Или ее продолжает клеймить «заблудшей в ереси» отец Макарий?

Ксения знала, что тот пару раз позволил себе завуалировано намекнуть на нее в своей проповеди, ей поведала об этом Мария, расстроенная до слез от обиды за нее. Эти же толки дошли до Владислава, когда тот вернулся из одного из северных фольварков, и тот поспешил прекратить подобные намеки, но неприятный осадок уже отложился в душе Ксении. Это происшествие только укрепило ее в убеждении, что латинская вера не для нее. Уж слишком та категорична в своем неприятии всего чуждого для нее, уж слишком та сурова в своем стремлении искоренить и вырвать с корнем то, что расходится с ее догмами. Разве Христос не призывал нас к человеколюбию, какого племени или веры ни был тот человек? И разве может быть тогда та вера истинной, что так категорична и так жестока к другим людям, что толкует по-своему давние заповеди?

За своими мыслями и воспоминаниями Ксения едва не пропустила, как подкатила к браме Замка, смешивая тяжелыми колесами снег и черную грязь, первая колымага, запряженная шестью крупными лошадьми под шерстяными попонами. Их вели за уздцы трое человек, явно принадлежащие, судя по одежде с нашитым гербом и крестом епископу. Двое из них, остановив животных, поспешили к дверце колымаги и опустили вниз ступеньки, по которым с помощью слуг и спустился епископ. Ксения ощутила, как замерли люди,

стоявшие кругом, как напрягся Юзеф, на удивление трезвый нынче утром, а потом с интересом взглянула на бискупа, отогнув в сторону легкую вуаль, что так и норовила закрыть лицо, подгоняемая холодным ветром снеговя (1). Сикстус Заславский был не так стар, как она представляла себе, едва ли не сорок десятков лет. Он был высок и статен, как и Владислав, из-под шапочки цвета пурпура развивались на ветру тронутые сединой волосы. Епископ был настолько схож лицом с Владеком, что Ксении даже привиделось, будто она видит того через пару десятков лет. Только взгляд бискупа был тяжелым, был таким цепким, что казалось, тот что-то высматривает в толпе, что-то ищет.

Бискуп шагнул в сторону встречающих его племянников, освобождая путь женщине, с которой делил тяготы дороги последние дни, не делая ни малейшей попытки помочь ей сойти со ступенек, даже не оглянувшись на нее.

— Пан Владислав, — епископ подождал, пока Владислав склонится перед ним и коснется губами кольца на протянутой руке. Потом тронул того за плечо, легко сжал его, поднял пальцы и начертал над головой племянника святой крест. То же самое он проделал и по отношению к Юзефу, только пожатия не было, да и глаза снова покрылись льдом, будто и не было того мимолетного тепла, обращенного к младшему Заславскому. Но Ксения ясно разглядела в темных очах бискупа промелькнувшую искру нежности к Владиславу, перевела дыхание с облегчением. Владислав часто говорил ей, что от его дяди будет зависеть, смогут ли их обвенчать в латинском костеле без перекрещения Ксении или нет.

Затем епископ шагнул к ней, стоявшей по левую руку от Владислава, оглядел ее своим цепким ястребиным взглядом, начиная с подола бархатного платья до светлой макушки, прикрытой чепцом из бархата цвета платья. Она даже не успела подумать, что ей следует делать ныне — присесть ли или как низко, как бискуп вдруг протянул свою руку в ее сторону, явно показывая, чтобы она коснулась губами перстня с большим камнем. Ксения замерла на миг, раздумывая, был ли поцелуй, что получал от племянников бискуп выражением родства или ему целовали перстень, как целуют руку иерею в церквах ее веры. Если последнее, то стоит ли ей...?

Рука с перстнем поднялась еще выше и ближе к лицу Ксении. Ксения даже смогла рассмотреть искусно вырезанный лик Христа с длинными волосами, спускающимися на плечи, на камне, обрамленном золотом.

Она краем глаза заметила, как повернулся к дяде Владислав, сдвигая брови, недовольная складка снова пересекла его высокий лоб. Но прежде чем тот что-то сказал или сделал, как намеревался, Ксения низко присела, опустив голову в знак приветствия, а после выпрямилась и взглянула в ставшие ледяными глаза бискупа. Он не стал настаивать, поднял руку, чтобы сотворить святое распятие, и Ксения отшатнулась в сторону от его руки под тихий шепот толпы за спиной, как тогда отстранилась в замке от поднятых пальцев отца Макария. Бискуп прищурил глаза, опустил взгляд вниз на корсаж ее платья, туда, где прятался нательный крест, висевший на шее.

— *Bis ad eundem lapidem offendere* {2}! — глухо произнес епископ, качая головой, и резко отвернулся от Ксении к ее прислужницам, что тут же резко склонились перед ним, приветствовали его, как и положено истинным христианкам католической веры. Владислав тем временем сжал пальцами локоть Ксении, притянул к себе и прошептал в ухо, прикрытое кисеей вуали:

— Ты могла бы сделать вид! Просто сделать вид! Отдать дань уважения моему дяде.

— Я разве не была уважительна с твоим дядей? — ответила она, особо подчеркивая

последние слова, поворачивая к нему лицо. Голубые глаза схлестнулись с темными. — Я встретила твоего дядю, как и должно, как и обещала, но не служителя латинской церкви. Я — не латинянка!

— Увы! — горько бросил Владислав и отпустил ее руку, оставил ее с прислужницами, встав ближе к епископу, который взяв из рук слуги длинный резной посох, приветствовал собравшийся у замковых стен народ, что опустился на колени в тот же миг, прямо в мокрый снег, вперемешку с с мокрой землей у них под ногами.

— *Rex vobiscum! Rex vobiscum!* — произнес епископ громко, перекрикивая тихий посвист ветра, рвавшего его одежды, а потом сотворил святое распятие над склоненными в едином порыве непокрытыми головами. — *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti! {3}*

— *Amen*, — ответил ему стройный хор голосов, в котором слились и мужские, и женские, заглушивший и ветер, и детский плач.

Епископ развернулся к воротам и зашагал широкими шагами внутрь, подзывая жестом к себе обоих племянников. Следом за ним потянулись остальные. Только слуги остались у лошадей, готовые завести тех во двор замка для разгрузки, а потом отвезти в конюшни на подворье, что были среди остальных служб, за замковыми стенами.

Ксения напрасно ловила на себе взгляд Владислава. Тот не обернулся, не посмотрел, следует ли она за шляхтой, потянувшейся гуськом за Заславскими в Замок, спеша укрыться от холодного пронизывающего ветра за высокими стенами, выпить в большой зале теплого вина, прогоняя из тела озноб и легкую дрожь. Это разозлило ее. Оттого она и развернулась в другую сторону, пошла вдоль замковой стены, не замечая, как расступаются перед ней холопы и горожане в стороны, спеша отойти поскорее прочь. За ней медленно пошли недовольные шляхтянки, что стояли при ней, засеменила, кутаясь в плащ, подбитый заячьим мехом, Мария, стараясь ступать как можно аккуратнее по скользкой земле.

Уже отходя от брамы, Ксения почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Будто иголками кольнуло прямо в поясницу, через плотную ткань верхнего платья, пошитого наподобие летника, что она носила когда-то в Московии. Она резко обернулась и успела заметить, как отвела взгляд в сторону прибывшая в епископом женщина, как заспешила та войти через ворота брамы в замок.

Пани Патрысия, жена брата Владислава. Сомнений в том у Ксении не было. Как и в том, что та совсем не питает к ней добрых чувств, судя по тому огню ненависти, которым та опалила Ксению прежде, чем отвести глаза.

Ксения не ошиблась. Пани Патрыся вернулась далеко не в радужном настроении в Замок, который еще недавно покидала, уверенная в том, что она здесь хозяйка. О Господи, только подумать, какое богатство было еще недавно в руках у ее мужа! Вернее, они полагали, что в руках. Старый же пан распорядился по-иному, в обход традиций и обычаев, чтоб он горел в аду за все свои грехи, коих, как была уверена Патрыся, было немало у ее свекра. Первым делом, после того, как тот испустил дух, она взяла прислоненную к постели палку, с помощью которой тот передвигался после первого удара, и бросила ее в огонь камина. Именно этой палкой бил ее по плечам и спине пан Стефан, как только она была неаккуратна в своих увлечениях, все опасался, верно, что она принесет ублюдка в род Заславских. Зря! Она еще после рождения младшей дочери, Каталены, поняла, что не собирается более рожать ни от собственного супруга, ни от кого друга. Даже затем чтобы насолить старому пану. Нет, тягость и роды не для нее!

Юзеф встретил жену прямо за замковыми дверьми в полутемном холле. Она сразу

поняла по его лицу, как тот напряжен ныне — ожидает, что она ему скажет по поводу того, что происходит в Замке. Интересно, как он сам принял то, что так неожиданно свалилось на их головы и перевернуло их жизни? Скорее всего, ударился в истерику, словно баба, а потом притих, встал за плечо брата, принял все, что отошло ему тастаменту, благодарный, что досталось хоть что-то. А если еще Владислав бросил ему еще что-то, то и вовсе, наверное, готов ныне руки брату целовать. А что ему еще надо? Кров, над головой есть, яства все те же, от винарни замковой никто не отлучал. Для него все осталось по-прежнему, и большего тот не желал в глубине души, лишенный начисто амбиций, насколько знала Патрыся своего мужа.

— Рад, что ты добралась без происшествий, а дорога была ровной и покойной, — проговорил Юзеф, беря жену за руку и целуя ее пальцы. Она принюхалась и поразилась, не уловив знакомый дух алкоголя. Хотя что тут удивительного, пожалала она плечами, приехал же бискуп Сикстуш, а тот терпеть не мог эту слабость Юзефа.

— Удивлена это слышать, — отрезала пани Патрыся, но все же приняла руку мужа, положила свои пальчики, слегка побелевшие от холода, на сгиб его локтя. — Я решила вернуться тотчас, как получила весть от тебя. Но пришлось задержаться, ожидая твоего дядю в той захудалой корчме. Пять дней, подумать только! Я едва не лишилась ума, дожидаясь епископского поезда. Но зато было время поразмышлять...

Юзеф прекрасно узнал свою жену за долгие годы, что они провели бок о бок тут, в Замке, оттого и спросил, заслышав знакомую хриплость в ее голосе. У нее всегда слегка садился голос, когда она была взволнована или что-то замышляла.

— Ты что задумала, Патрыся?

— То, что должен был обдумывать ты! Или ты решил удовлетвориться той подачкой, что бросил тебе отец? А как же наши дочери? Ты подумал об их будущем?

— О, в тебе наконец-то проснулась мать, — едко ответил Юзеф. — Только отчего-то ты так и не навестила их в Кракове в школе, а поехала обратно, побуждаемая отнюдь не материнским долгом защитить права своих чад. Не волнуйся, отец не обидел их, да и Владислав добавил немного и к их приданому, и к нашему инвентарю {4}.

— Смотрю, ты так и остался верным псом в своей семье. Кинул тебе братец кость, ты и ему готов руки лизать, как лизал их отцу, — но едва успела завершить фразу пани Патрыся, как ее левую щеку будто огнем обожгло. Она отшатнулась к стене коридора, по которому супруги в это момент направлялись в большую залу, прижала руку к щеке, уставившись удивленно на Юзефа. Он же выглядел таким спокойным, словно ничего и не произошло меж ними, стоял у другой стены и смотрел в лицо жены внимательно.

Пани Патрыся довольно быстро пришла в себя, и дело было не только в том, что по коридору, прижавшись к стене, юркнула мимо них одна из служанок, торопясь в большую залу с подносом, на котором стояли кувшины с подогретым вином. Она была далеко не глупа и сообразила, что эти несколько тыдзений изменили ее мужа, сделали его незнакомцем для нее. Или быть может, просто она его плохо знала, принимая все это время за безвольного тюфяка, за слабого пьяницу и истерика. Вот такой, как ныне, Юзеф был ей по душе, таким он был горазд для ее планов.

Юзеф тем временем схватил жену за локоть, потащил ее вдоль короткого коридора, но уже в другую сторону, не к остальным, что могли их ждать в большой зале Замка. Он приволок Патрысю ближе к узким лестничным пролетам, что вели на второй этаж в семейное крыло. Оглядевшись и убедившись, что прислуги не видно поблизости, а значит,

нет лишних ушей, он склонился к уху жены и прошептал:

— Вы думаете все, что Юзеф глуповат, что Юзеф слаб духом. А вот и нет! Пусть все думают, что я смирился, пусть думают, что принял все, как есть. Но нет! Нет же! Владислав дурак, до сих пор не понимает, что разрешения на брак с еретичкой получено не будет. А значит, не будет и наследников. А там всего делов-то — устранить брата. Он же так обожает охоту, а лес в Бравицах такой темный, такой густой... да и топь близко. Сгинет братец в болотах, и все мне перейдет, как ближайшему по крови.

— А что, если будет разрешение? — спросила Патрыся, ощущая в душе легкий страх от вида мужа: лицо перекошено от ненависти, рот искривлен.

— Ну, и в этом случае я не прогадаю. Даже если еретичка станет его женой, то у нее нет поддержки в наших землях, за ее спиной нет родичей. Ее легко устранить, как и щенка, которого она принесет.

Пани Патрыся раздумывала над его словами всего пару мгновений, а потом покачала головой. Отрадно, что они совпали в цели, но ее совсем не радовало, что Юзеф выбрал иной путь, отличный от того, что она сама бы предпочла. Слишком уж рискованный, слишком опасный.

А потом в голове мелькнула мысль, что слишком уж высоко звучит голос мужа, слишком дрожит рука, что держит ее локоть. Нет, это всего лишь бравада! Слова и только! Порыв и не более. Но в ее власти воспользоваться этим срывом, направить эмоции, что сейчас вырвались в этом взрыве, в этой угрозе брату. Юзеф не тот человек, что будет действовать, не имея за спиной ощутимой поддержки, а за Владислава встанет бискуп, шляхта, хлопы, на худой конец. Нет, слишком опасно действовать, пока за плечом младшего Заславского люди.

— Нет, Юзеф, — она тронула в нежданной для себя ласке его гладко выбритую щеку. — Это обманный путь. Хорошо, что ты продумал его, но он чересчур опасен, и на нем совсем нет ходов для спасения. Я же знаю, иной. Тот, что не так коварен, что непременно сложится так, как мы желаем и без опаски для нас. Я все продумала, пока ехала при бискупе в Заслав. Все до малейшей детали. Мы возьмем то, что должно принадлежать тебе по праву. Обязательно возьмем. И для того не надо марать руки в крови... не надо. Все будет по-иному. Я многое узнала, пока ехала сюда. Бискуп собирал сведения через своего слугу, а я просто перекупила того. У любого есть слабое место. И, мне кажется, я знаю, как нам стоит действовать отныне. Уверяю, следующим летом цепь магната будет висеть на твоей груди!

Супруги улыбнулись друг другу, каждый втайне представляя мысленно тот финал, что виделся каждому в случае, если план пани Патрыси осуществится. Каждый знал, что непременно после должен избавиться от другого, опережая на ход своего недавнего союзника. Иначе не сохранит свою собственную жизнь.

Согласно плану пани Патрыси супруги должны были отбыть из Замка в следующие несколько дней после праздника, озвучив причину своего отъезда, как желание осмотреть земли, что перешли им в вотчинное владение. Пан Юзеф сообщил об этом, когда шляхта собиралась в городской костел на праздничную вигию {5}, проведение которой отец Макарий уступил прибывшему бискупу.

— Уезжаете? — переспросил Владислав рассеянно, оглядывающий двор. Ксения так и не вернулась с прогулки в Замок до сего часа, показывая тем самым, как она недовольна тем, что он оставил ее перед брамой. Это только сильнее разозлило его. Да, он знал, что ее характер не так сладок, как прекрасен ее вид, но подобный ребяческий каприз переходил все

границы. Это было сущим сумасбродством игнорировать так открыто приезд епископа, который долго не уходил к себе, чтобы отдохнуть перед долгой службой, ожидая возвращения нареченной племянника.

Когда часы на Замковой башне пробили два раза, бискуп поднялся со своего места, сжал на прощание плечо бледного от гнева Владислава и удалился в отведенные ему покои. Владек был благодарен дяде, что тот ни слова не сказал о поведении Ксении, даже бровью не повел. Только спросил, спустившись в залу перед закатом солнца и заметив, что Ксении так и не так в Замке:

— Панна знает эти земли, Владислав? Быть может, панна заплутала в близлежащем лесу? Не стоит ли послать гайдуков на поиски?

Владислав и сам уже подумывал об этом. Он сомневался, что Ксения заблудилась — с ней ушла Малгожата, выросшая в Замке едва ли не с пеленок и знавшая каждую пядь окрестной земли. Уж она-то ни за что не потеряла бы путь в Замок. Просто Ксения в очередной раз решила показать ему свой нрав, вот и прогуливается до тех пор, пока он сам не придет к ней.

Так уже бывало неоднократно после их ссор. Она уходила к себе, молча, гордо неся золотую корону своих волос, распрямив спину. А Владиславу ничего не оставалось, как усмирить свою собственную гордыню, и следовать спустя время за ней, зная, что она уже остыла, забыла о ссоре. Он понимал, что упустил некогда момент, когда надо было стукнуть кулаком, заставить ее признать собственную неправоту, но его всякий раз останавливал тот факт, что кроме него, у Ксении в Замке нет других защитников, что его гнев на нее только усугубит ее одиночество, в котором она сама себя заточила. И Владислав снова и снова шел к ней, склонив голову, с горечью осознавая, каким слабым он стал из-за любви к ней, каким уступчивым.

Но в это раз этого не будет! Довольно! Он не мальчик безусый, чтобы бегать за девицей. Отныне все станет по-иному. Ведь коли он сам осознает свою слабость, другие также могут заметить ее, а слабый ординат...

— Нет, — отрезал Владислав, глядя в глаза дяди. — С панной паненка Малгожата Ясмич. К ночи точно должны вернуться.

А в душе уже разливался медленно гнев на Ксению. Мало того, что она сама где-то бродит по холоду, наказывая скорее себя, чем Владислава. Она еще с собой таскает тягостную Марысю, жену Влодзимежа. Вон как тот хмурится и глядит в распахнутые ворота брамы, будто надеясь, что сейчас в них войдет его жена.

Оттого Владислав оттягивал выезд в город своей свиты и едва успел в костел до заката, когда бискуп Сикстуш уже в полном облачении выходил к собравшимся в храме прихожанам, чтобы начать праздничную мессу. Он занял свое место, полагающееся ему по статусу — за резным ограждением, в числе первых скамей, но мысленно был не в стенах костела, повторял за остальными слова и движения. А потом обернулся отчего-то назад к сидящим позади него шляхтичам из его свиты и неожиданно для самого себя встретился глазами с румяной от морозца Марысей, в православии бывшей Катериной. Та смущенно улыбнулась пану, склонила голову. За ней Владислав заметил вишневый чепец Малгожаты, что склонила голову в благоговении, повторяя слова псалма.

Когда женщины Ксении успели войти в костел? Когда они присоединились к вигилии? И если они тут, то где сама Ксения? Отчего-то душу вдруг захлестнул страх, который так часто терзал его пару месяцев назад, вспомнился сон о своем пустом и холодном ложе. Даже

голова пошла кругом при мысли о том, что он не ведает, где она и что с ней. Неужто одна отправилась в Замок? Или до сих пор бродит где-то в сгущающихся сумерках, что уже заглядывали в узкие окна костела? Вспомнилось, как когда-то отправилась на прогулку в Белобродах его сестра, его Ануся, ушла и никогда не вернулась обратно.

И тут, прежде чем Владислав сам осознал, что делает, он поднялся на ноги, распахнул дверцу ограждения и широкими шагами направился вдоль прохода к выходу. Тут же сбился с такта хор, постепенно замолчали прихожане, растерянно наблюдающие его уход. Только бискуп не сбился — все также размеренно и громко его голос разлетался по костелу, словно его ничуть не удивила выходка Владислава.

Уже на ступенях Владислава схватили за рукав.

— Что ты творишь? Ты куда? — прогремел голос Ежи. Он держал Владислава так крепко, что тот даже на миг едва не потерял равновесие, не оступился на ступенях. — Сдурел совсем?

— Я должен уехать. Я вернусь, — отрезал Владислав, глядя в сторону Замка, возвышающегося на холме вдали за городом.

— Я сам могу съездить. Возвращайся в костел, — пробурчал Ежи, но Владислав только головой покачал в ответ. Он сам должен убедиться, что Ксения в замке. Только это способно погасить те всполохи страха, что так бесновались в его душе сейчас.

Стражники у ворот брамы сказали Владиславу, что панна вернулась в Замок еще на закате солнца, сразу же из того отбыли в костел на вигилию, и клещи, сжимающие его сердце, ослабли, облегчая дыхание. А злость наоборот захватывала его все больше и больше, особенно когда, следуя словам служанки, отправился в поварню, где и застал Ксению.

Она была так хороша, разрумившаяся от огня в большом очаге, в простом платье, без лишних украшений, с волосами, заколотыми на затылке, свободно спускающимися золотыми прядями по плечам. Она смеялась, открыто и заливисто, перебирая ярко-красные ягоды в мисках, стоящих на деревянном столе перед ней. Ей вторили и служанки, что также возились с клюквой, и парнишка-поваренок, выставлявший в печь хлеба. А смеялись они, видно, шутке пана Тадеуша, который расположился на стуле напротив Ксении и, раскачиваясь, рассказывал тем нечто забавное.

Такая благостная картина! Но ее вид только добавил дров в огонь ярости, полыхающий в груди Владислава. Ксения, поднявшая глаза в проем распахнувшейся двери, тут же смолкла, заметив, как черны нынче глаза шляхтича, вцепившегося пальцами в косяк. Тут же к двери обернулись все, кто был в поварне: служанки и поваренок со страхом в глазах, пан Добженский — настороженно.

— Все вон! — коротко приказал Владислав. Эти тихие, но полные невысказанной угрозы слова заставили слуг бросить свои дела и поспешить прочь из кухни, протискиваясь бочком мимо пана, стоявшего в дверях. Пан Добженский взглянул на побледневшую Ксению и даже с места не двинулся, глядя, как сверкают от ярости глаза Владислава.

— Вирей {б}не сломай, — тихо произнес он, пытаясь отвлечь на себя Владислава, но тот даже головы не повернул к нему — по-прежнему глядел на притихшую Ксению, опустившую глаза в миску с ягодами, будто ничего интереснее в тот миг для нее не было.

— Я же сказал, вон отсюда!

— А я тебе не хлоп, чтоб мне приказы отдавать! — отреагировал на это пан Тадеуш, и Ксения, уловив в воздухе повисшее напряжение, бросила на Добженского умоляющий

взгляд. Владислав даже губу прикусил при этом. Что происходит? Когда они успели так спеться за его спиной? Неужто за последние несколько дней, когда он был в отъезде? Он знал, Ксения сама сказала ему, что почти каждый вечер они играли в шахматы с молодым Добженским на виду у шляхты, что осталась в Замке, а он рассказывал ей в это время историю королевства историю рода Заславских, рассказывал про правила и обычаи, принятые тут. Но все же... все же...

— Что бы тебе кто ни сказал... — обратился к нему вдруг проходивший в дверях Тадеуш, но Владислав оборвал его одним взглядом, а потом с силой захлопнул дубовую дверь, аж огонь в очаге взметнулся. Ксения с ужасом наблюдала за ним со своего места, благодарная Провидению, что их разделяют ныне не только десяток шагов, но и тяжелый дубовый стол. Она знала, что Владислав будет зол на нее за нынешний поступок при встрече епископа, а ее задержка на прогулке только усугубит ее вину перед ним, потому просто потупила глаза, не зная, что делать ныне.

Она ушла от Замка в лес, что видела, прогуливаясь, все это время со стены. Сначала намереваясь просто дойти до края и обратно, через уже давно убранное поле. А потом вдруг вдохнула чистого морозного воздуха, наполненного ароматом хвои, шагнула за этим дурманившим голову запахом внутрь леса. Хотела прогуляться вдоль кромки, отпустив Марию, но та вдруг запротивилась, сказала, что вовсе не больна, а в Замке ей тоже опротивело сидеть. И женщины гурьбой направились в лес, наслаждаясь дивным солнечным днем, что так неожиданно решила подарить осень напоследок, уже почти уступив права зиме.

Тихо хрустел под ногами редкий снег да замерзшие травинки, тонкие веточки, упавшие с деревьев. С легким шумом перелетали с дерева на дерево белогрудые сороки да маленькие юркие воробьи. Тяжело склонялась к земле рябина под грузом ветвей, полных ярких ягод. Малгожата вдруг вспомнила, что рядом есть небольшая мутвица, на которой должны быть заросли клюквы, и женщины свернули к нему. Мутвица и, правда, была полна ягод, покрытых белым налетом от мороза, краснеющих на зеленоватом мхе, среди пожухлой травы и темно-зеленых листочков клюквенных кустиков. Хлопы, видимо, хоть и собирали ягоду этой осенью да пропустили много, оставили висеть на тонких веточках.

Женщины сначала ели сладкую от морозов, но в то же время кислую ягоду, а потом вдруг увлеклись, стали думать во что бы собрать ягод да в Замок унести. И Ксения, и Мария знали по прежней жизни, как почитаема клюква среди других ягод на их земле, как помогает она от многих болезней — от обыкновенной простуды до золотухи. Собрать бы ту впрок, именно такую — уже схваченную первыми морозами, наиболее спелую, да только вот в какой сосуд?

— Тут недалеко сторожка есть, — вспомнила Малгожата, закидывая в рот терпкую ягоду. — Можно дойти до старой Марыли да у нее спросить. А можно в Замок вернуться.

Но Ксения не желала возвращаться в Замок, уже плотнув этого свежего лесного воздуха, будто свободы, опьяненная этими просторами вокруг вместо толстых стен, этим ярким солнечным светом вместо постоянной полутьмы царившей в замке, несмотря на обилие самых разнообразных светильников. Да, залы и покои были полны света, благодаря большим окнам с цветными стеклами, но только когда на небе стояло солнце. Если же оно скрывалось за тучами, то в Замок тут же вползал предательский полумрак, наполняя его пугающими Ксению тенями и холодом, скрывая под своей тенью тайны, которые хранили эти стены.

Женщины направились к жилищу лесника попросить каких-нибудь торб для ягод, не

имея намерения задерживаться там долго. Но вышло иначе — едва переступив порог низкой двери, Ксения заметила в углу гридницы образа, обрамленные вышитым рушником, да так и села на скамью, завороченная ликами, чувствуя, как в груди разливается долгожданный покой, уходят страхи и сомнения последних месяцев. Словно домой вернулась, хотя эта изба была не похожа на терем, в котором выросла Ксения.

Быть может, оттого, что хозяйка, пожилая женщина с частой сединой в густых волосах, что виднелись из-под косынки, была не латинянкой, а «униаткой, хотя и не в душе своей», та смотрела на Ксению совсем иначе, чем хлопы и горожане, которых доводилось Ксении прежде встречать. Она даже предложила нежданном гостям молока с хлебом, приговаривая «хотя разве ж годится паненкам мое угощение?» Но Ксения, впервые почувствовав тепло гостеприимства на этой чужой ей земле, с большим удовольствием приняла из ее рук глиняную кружку теплого молока да ломоть пахнущего какими-то травами каравая, несмотря на то, что шляхтянки в ее окружении явно спешили выйти прочь из дома Марыли, хозяйки сторожки. И Ксения не стала их задерживать, отпустила во двор. Только Мария осталась подле нее, притихшая под внимательным взглядом хозяйки.

— Знать, вот ты какая, новая пани из Замка, — сказала задумчиво хозяйка и смолкла, только крутила веретено, наматывая толстую нить. Тихонько стучало колесо. От этого стука, от тепла очага да от покоя так и льющегося из глаз ликов в красном углу Ксению едва не склонило в сон. Она спохватилась только, когда ее легко подтолкнула Мария, напомнила, что пора возвращаться, что солнце пошло на убыль, а им еще в костел надо успеть к службе. Хозяйка подала им три берестяных туеса, в которые могло войти около двух гривен ягод, да проводила до плетня.

— Можно я еще приду сюда? — спросила вдруг на прощание Ксения, надеясь, еще хотя бы раз посидеть около этих ликов, которые она так давно не видела. Хозяйка кивнула в ответ, ничуть не смущаясь такой странной просьбе.

Возвращалась Ксения в Замок в приподнятом настроении, едва ли не бегом, собрав в кулак длинные юбки, когда солнце медленно пошло к краю земли. Малгожата и другая девица переживали, что непременно опоздают с мессе, и Ксения чувствовала себя виноватой, что потащила их за собой на эту прогулку, представляя, как сама переживала бы, коли опоздала бы на службу Пасхальную, к примеру. Потому и отпустила их спешить короткой дорогой к Заславу из леса, когда их нагнал сын Марыли, предложив паненкам свою помощь. Мария долго упиралась, не хотела оставлять Ксению одну с холопом, но вскоре поддалась на уговоры, свернула вместе с девицами на широкую тропинку, ведущую к дороге в город.

Но Ксения недолго шла в сопровождении холопа, несшего туеса с красными ягодами. Уже на краю леса их встретил всадник верхом на вороном валахе. Глупое, глупое сердце, корила себя Ксения, как можно было спутать Владислава с невысоким коренастым паном Тадеушем? Только когда тот подъехал ближе, она заметила и русые усы, и взгляд серых глаз, поняла свою ошибку. А ей-то привиделось, что это Владислава гонит к лесу беспокойство за нее.

— Где панна так долго пропадала? — прыгнул он с валаха, приблизился к ней широкими шагами, ведя за собой коня. Ксения распознала волнение в его голосе, увидела неприкрытую тревогу в его серых глазах, глядящих на нее пристально из-под пышного околыша шапки. — Где остальные паненки? Отчего панна одна?

Ксения рассказала ему о поляне и зарослях клюквы, о визите в лесную избу, показала на

туеса, что нес склонивший перед паном холоп, ответила, что отпустила сама девушек в город, чтобы те успели на службу.

— Пан не поехал в церкву? — с любопытством спросила Ксения и с замиранием сердца добавила. — А остальные?

— Вся шляхта и почти вся челядь отбыли в костел, — ответил Тадеуш, отводя глаза на сбрану, которую ему вдруг срочно понадобилось поправить, не в силах смотреть в ее лучистые глаза и не выдать себя с головой.

— А пана прислал за мной пан Владислав, — предположила Ксения, и Добженский не стал ее разуверять в обратном. Да по сути, это было почти правдой. Он видел, как беспокоится Владислав, как часто выглядывает в окно в зале, как ходит в тревоге по крепостной стене.

Они пошли к Замку вместе: Ксения и Добженский впереди, ведя за собой коня, холоп с туесами слегка позади. Сперва Тадеуш хотел посадить Ксению в седло, но та отказалась, боясь ехать одной, пусть даже валах будет идти на поводу.

— Панне все же следует выучиться ездить верхом, — произнес тогда Тадеуш. — Скоро начнутся охоты, панне понравилось бы!

Ксения только пожала плечами в ответ. Странно все тут! Женщины даже могут ездить верхом на лошадях без мужчин. Видано ли! А потом представила, как было бы забавно на охоте — снова выехать из мрачного Замка в лес, проехать по полю, сбивая копытами комья земли, чтобы ветер развеивал волосы, как тогда, когда Владислав пустил коня галопом по лугу, еще там в Московии. Как они смеялись, наслаждаясь теми солнечными днями, что так щедро дарили первые дни осени! Как же было хорошо тогда! Не то, что теперь, когда Владислав все чаще и чаще становится неприступным и холодным, а его глаза так темнеют, выделяясь своей чернотой на фоне кожи лица. Он так пугал ее в такие моменты, снова становился тем Владиславом... тем, которого она до сих пор не знала...

Как и нынче, в поварне, когда захлопнув дверь, прошел прямо к столу, уперся о столешницу ладонями, так и сверля ее в упор своими дьявольскими глазами.

— Вот знать как! — проговорил Владислав, и от его голоса веяло таким холодом, что Ксению пробрала дрожь, несмотря на жар очага, поблизости которого она сидела. — Вот знать как! Бискуп не так хорош для тебя, а вот хлопы в самый раз, так?

— Ты недоволен тем, что я в поварне? — взглянула на него Ксения, недоумевая, отчего он так зол, застав ее тут. Быть может, паннам зазорно бывать там, где готовилась пища? Да еще и самой разбирать ягоды? Но ей вдруг стало так одиноко в темных покоях Замка, а тут так светло и тепло, так приятно пахнет выпекающимся к завтрашнему дню хлебами. Да и в Московии не считалось дурным, коли хозяйка сама за работу примется.

Она вскочила с лавки, вытерла руки от ягодного сока о тряпицу, что лежала рядом на столе, чувствуя, как те трясутся от волнения и страха за свою очередную оплошность. Отчего пан Тадеуш не сказал, что она худо поступает, идя сюда, общаясь со служанками, с Магдой, что ушла на мессу в костел?

— Я задержалась... гуляла в лесу, — принялась объяснять Ксения. У нее дрожали не только руки, которые она безуспешно пыталась оттереть от пятен ягодного сока, но и голос, выдавая с головой ее растерянность по его тяжелым взглядом, таким холодным и непроницаемым. — Мы нашли клюкву... потом пошли в избу... собрали ягоды... девицы ушли в костел на мессу... пан Тадек и я...

А потом сбилась, когда Владислав вдруг протянул руку и дотронулся до ее волос,

рассыпавшихся свободно по плечам, пропустил меж пальцев одну прядь. Ксения заметила, как шевельнулись желваки на его щеках, как что-то промелькнуло в глазах настолько мимолетно, что она не успела разобрать, что именно это было.

— Твои волосы, — тихо сказал он, и она недоуменно нахмурилась. Что не так? Ее волосы укладывала служанка — выбрав из прядей тонкие веточки, что попали в косы на прогулке, она расчесала их и скрепила на затылке боковые пряди тонкими шпильками, убрав получившийся узел под тонкую сетку. Сначала Ксении тоже показалось, что получилось немного нескромно, но ведь так носили панны в Замке, она видела, потому и позволила это. — Ты распустила волосы...

— Ныне я понимаю, отчего в Московии запирают жен, — проговорил Владислав после минутной молчания. — Скрывают их от их собственной глупости!

Он развернулся от нее и пошел к двери, и тогда она, тут же вспыхнув от оскорбления, которое расслышала в его словах, крикнула ему вслед:

— Вот тогда бы и оставил меня в Московии! Все лучше, чем ныне жилось бы!

Крикнула, и сама испугалась тому, что слетело с губ в бесконтрольном приступе ярости. Хотела тут же поправиться, сказать, что не думает так, но Владислав уже захлопнул с шумом за собой дверь поварни, оставляя ее одну. И тогда она бросилась вслед за ним, замешкавшись в темном коридоре, заплутав в переходах. Выбежала только, когда стук подков о каменную кладку дорогу эхом отдавался в проеме брамы.

Он уехал. Впервые он уехал от нее, не дав ни оправдаться, ни перевести дух и подавить в себе мимолетную злость. Ксения прижала ко рту кулак, ощущая, как стало горячо в груди от накапливающихся, чтобы пролиться бурным потоком, слез.

— Я хочу домой, — прошептала она, устало прислоняясь спиной к каменной стене замка, не обращая внимания на холод, что тут же проник под платье, пробежал по телу. — Я хочу домой!

Еще никогда ей так не было одиноко, как этим промозглым вечером, когда она плакала, стоя в тени караульной лестницы, ведущей на западную крепостную стену. Как никогда хотелось снова оказаться в тереме родовой вотчины, ощутить нежное прикосновение морщинистых рук мамки Ефимии, ласковый поцелуй батюшки...

Только этого не будет более.

Никогда...

1. Ноябрь (старорусск.)

2. Дважды споткнуться о тот же камень (лат.)

3. Мир вам! Мир вам! Во имя Отца и Сына, и Святого духа! (лат.)

4. Подробное описание всего имущества, находящегося в собственности, с указанием ее стоимости и возможных доходов

5. От лат. *vigilia*, бдение. В Католической Церкви богослужение, устав которого изначально предполагал проведение от захода солнца до рассвета, требуя от всех его участников бодрствования

6. Дверные косяки

Ксения проплакала всю ночь, слушая, как за окном завывает ветер, как глухо бьет о стекло пригоршни снега, которые небо вдруг решило уронить на землю, покрывая ту белой пеленой. В Замке как никогда было пусто и тихо — почти все ушли в костел на вигилию, чтобы побыть там до самого рассвета. И еще никогда Ксении так не было страшно, как в ту ночь, в этой темной комнате, где в каждом углу ей мерещились блазени, что пришли утащить ее с собой в другой, темный мир. Ей иногда даже виделось, что к ней тянутся руки Северского, пришедшего за ней, словно желавшего свести с ней счеты за былое или просто забрать ее с собой, слышался его шепот: «Моя... моя лада!». И никого не было рядом, чтобы укрыть от этих страхов...

Она заснула только под утро, когда выбилась из сил от рыданий, а проснулась, когда за окном еще только розовел рассвет. Большие ладони скользнули под изгибы ее тела, приподняли с кровати и прижали к широкой груди. Длинные пальцы пробежались по волосам, убирая пряди с лица, а сухие губы стерли следы былых слез, еще не просохших на щеках.

— Прости меня. Мне поведали, что ты плакала тогда, — прошептал Владислав, обжигая своим горячим дыханием ее кожу. — Прости. Я словно потерял разум, видя, как твои волосы... меня будто ошпарило, когда я вспомнил, как долго ты не открывала мне своих волос, а вот ему...

— Что? Что? — переспросила, не расслышав толком, Ксения, и тут Владислав рассмеялся тихо, осознав, как глупо себя повел давеча вечером, что едва не натворил, поддавшись приступу безумной ревности, захлестнувшей его. И как же он в том схож с отцом!

— Ничего, моя драга. Я просто осознал вдруг, что я ужасно ревнив! А ты... ты так красива, что даже солнце затмевает своей красотой, — он нашел губами ее губы, но она тут же отстранилась от него, уперлась руками в его плечи.

— Прости и ты меня, — сказала она. — Я вовсе не думаю... вернее... я хочу быть с тобой. Только с тобой!

— А я с тобой, — улыбнулся Владислав, и Ксении уже не казалось, что в этой комнате, которую нынче наполняли солнечные лучи поднимающегося из-за края земли солнца, мрачно и страшно. А потом он вдруг отстранился от нее, поднялся с постели, снимая со своих плеч ее руки, пытающиеся задержать его на месте.

— Куда ты? — встревожилась Ксения, потянулась за ним, и он не в силах оторваться от нее, от ее тела и губ, снова присел на край кровати, позволяя ей прижаться всем телом к его спине, обвить его руками, зарылся лицом в ее волосы, что окутали его золотым облаком.

— Нынче День поминовения. Я должен вернуться в костел, в склепы почтить память отца, — ответил Владислав. — А вечером будет обед — дань традиции. Я надеюсь...

Но Ксения положила пальчики на его губы, прерывая его. Нет, не надо сейчас говорить, она не хотела, даже боялась их разговоров, опасаясь, что те снова приведут к ссоре. И Владислав подчинился ей, замолчал. Так они и сидели молча, наслаждаясь близостью друг друга, слушая, как возвращается с вигилии в Замок шляхта, как суетятся слуги, как шумят лошади во дворе.

А потом он ушел, чтобы переменить платье и привести себя в порядок. Нынче

предстоял непростой день, когда предстояло вспомнить ушедших, почтить их память. В склепы костела спустится вся семья, положит на могилы венки, свитые хлопками из ветвей вечнозеленых деревьев, зажжет толстые свечи в знак того, что о тех, кто покоится ныне в каменных могилах, помнят и скорбят.

Ксения осталась одна, с легким сожалением отпустила Владислава из своих объятий. Долго лежала в постели, глядя в огонь. Ни о чем не хотелось думать, вспоминать. Вот так бы лежать, не выходя из комнаты! Но вскоре она поднялась с постели, коря себя за то, что снова пропустила рассветный час для молитвы, опустила на колени перед малым образом у себя в спальне.

Пришла Мария, показавшаяся Ксении какой-то растерянной. Она отвечала невпопад на вопросы Ксении, запуталась в шнуровке платья, вскоре уступив эту обязанность служанке, отошла к окну. Только однажды она повернулась к Ксении — когда та сказала, что собирается снова сходить в ту сторожку, где они были прошлого дня.

— Не стоит, Ксения, не надо этого делать! — запальчиво произнесла она, и Ксения повернулась к ней, уловив незнакомые ей оттенки в голосе Марии. Она стала совсем шляхтянкой — в платье из темной шерсти цвета темной воды, поясом, свитом из серебряных и синих нитей, в белом чепце, отороченном узкой полосой кружев, на толстом узле волос. Ее муж, Влодзимеж, занял при Владиславе должность ловчего, стал во главе всех служб, что отвечали за гон и соколиную охоту. Конечно, им был предложен и фольварк в службу, но Влодзимеж не стал уезжать от Владислава, видя, как не желает его жена расставаться с Ксенией.

— Ксения, — Мария сделала жест рукой служанке, приказывая удалиться, взяла из рук той маленький чепец из бархата, расшитый стеклянными бусинами в тон платью. Когда они остались одни, Мария продолжила. — Эта женщина, что там живет. Она — пупорезка {1}, Ксения.

— И что? — заставила ее продолжить Ксения после того, как Мария замолчала, прикрепляя к высокому узлу волос Ксении чепец. — Что с того?

— Люди считают ее ведьмой.

Услышав эти слова, Ксения сначала в испуге схватилась за распятие, висевшее на груди, а после расслабилась, рассмеялась.

— Какая же она ведьма? У нее же образа стоят в углу! Да и как можно такое о повитухе думать? — покачала она головой. На Руси повитуха считалась одной из уважаемых женщин, ее приглашали на свадьбы детей, что она приняла, считали, что именно эта женщина ответственна за будущую жизнь принимаемого младенца.

— Что слышала, то и сказала, — ответила Мария, пожимая плечами. — Мне Малгожата поведала, когда прошлого дня на службу шли. У них повитуха с нечистой силой знает. Говорят, именно ее зовут роды принимать у нечисти всякой, другие ведь не могут того. Я не верю в то, Ксения, но ты ведь ведаешь старую истину — береженого Бог бережет. Не стоит более там появляться от греха подальше.

Эти слова только разозлили Ксению. Она вспоминала, как ласкова была с ними пожилая женщина, как крутилось колесо прялки, как улыбнулась она ласково, видя радость Ксении, когда та образа увидела. До чего же разные все же люди на свете живут! И веры разные, и обряды, и традиции разные. Только вот чувства одни и те же питают их. Любовь, горе, радость, ненависть...

Но к сторожке лесной все же не пошла, решила сделать это как-нибудь в другой раз.

Осталась в Замке, дожидаться возвращения из костела семьи Заславских, сидя в одной из зал второго этажа за вышивкой. Неожиданно пришел к ней в залу Ежи, спросил, может ли он разделить с ней комнату, а после попросил разрешения закурить, доставая свой чубук из кошельа на поясе. Ксения позволила, и тот раскурил трубку, наполняя комнату ароматом табака, возвращая мысленно ее в недавние времена. Девуцы косились на старого шляхтича, а Ксения только улыбалась, вспоминая.

Какой же дивной стала ее жизнь после того, как появился Владислав! Какой полной тех чувств и эмоции, которые только он мог вызвать в ней! И в какие клубки порой они сплетались: ненависть шла рядом с любовью, а отчаянье подле счастья, от которого хотелось смеяться во весь голос. Огонь страсти, что всякий разгоралась в их жилах, коснись один другого, свет любви, что наполнял душу такой благодатью, таким покоем.

Только с Владиславом Ксения становилась сама собой: дерзкой, смелой на язык, своевольной, и даже немного сумасбродной, но такой свободной. Только с ним она чувствовала себя живой. Только с ним ощущала себя женщиной.

Во дворе Замка зацокали подковы по камням двора, и Ксения поспешила подняться с места, выглянуть через квадратные стекла на приехавших. Спускалась с колымаги при помощи гайдука пани Патрыся, затем вышел бискуп в ярком пурпуре и толстой цепи поверх сутаны и подбитого мехом плаща. Слез при помощи слуги с коня пан Юзеф, морщась от боли в мышцах, быстро спрыгнул с валаха Владислав. Ксения залюбовалась им, водя пальчиком по стеклу, будто обрисовывая его широкоплечую фигуру. А потом улыбнулась, заметив, как окинул быстрым взглядом Владислав окна Замка, будто смог бы разглядеть ее сквозь толстое стекло. Отчего-то быстрее забилося сердце в груди, как тогда, когда она увидела его впервые на московской улочке, вспотели ладони.

Даже после, когда Ксения спустилась в трапезную, где уже ждали ее члены семьи Заславских, ее сердце все никак не могло успокоиться, а только пуще пустилось вскачь, когда Владислав с улыбкой принял из руки Ежи ее пальчики. Быть может, оттого Ксения была так невнимательна и не сразу заметила, какое напряжение витает над столом. Вроде бы все было как обычно, но пан Матияш был хмур и рассеян, бискуп молчал, разглядывая собравшихся за столом через стекло бокала, пани Патрыся чересчур деланно смеялась, бросая мельком взгляды на мужа, что в очередной раз обновлял содержимое бокала.

Вдруг пан Юзеф поднялся с места, со скрипом отодвинув тяжелый стул. Он поднял бокал, салютуя в сторону Владислава и сидящей по правую руку от него Ксении, и тому пришлось отвести взгляд от улыбающейся нареченной, взглянуть на брата, едва стоявшего на ногах.

— Я бы хотел выпить, панове и пани, — он поднял бокал еще выше, отчего вино дрогнуло в нем от резкого движения, выплеснулось на платье сидящей подле Патрыси. — Я бы хотел выпить за наше королевство и нашу шляхту.

Задвигались с шумом стулья, повставали с мест шляхтичи, поднимая бокалы с вином или ставленным медом.

— За нашу шляхту, что наконец-то сломила этих московитских варваров, за гетмана Жолкевского, что ныне пирует в Кремле! Московия отныне станет лишь воеводством под дланью нашего короля. Да здравствует великая Речь Посполита, да хранит ее Господь и Святая Дева Мария!

Многие взгляды за столом тут же обратились к побледневшей Ксении: кто с любопытством, кто с неприкрытым злорадством. Она сжала ложку, что держала в руке, а

потом подняла голову, казавшейся сейчас такой тяжелой от дум, тут же заполонившие ее, скрыла слезы, которые уже навернулись на глаза.

— Стольный град — еще не Московское царство! — твердо сказала Ксения, когда все, глотнув вина, расселись снова по местам, и за столом притихли, умолк смех. — Разве взят Смоленск? — и не смогла сдержать улыбки, видя, как отвели глаза в сторону шляхтичи, недавно пьющие за победу над Московией. Знать, не взяли еще пока крепость! Знать, не по зубам королю их ляхскому Смоленск оказался!

Владислав, поджав губы, повернулся к Ксении, но тут на его руку легла ладонь бискупа, качающего головой.

— *Patriae fumus igne alieno luculentior* {2}, - произнес епископ. — И так будет всегда. Помни о том и не суди строго.

Ксения не поняла первую фразу бискупа, встретила взгляд его пытливых, пронзающих глаз, дивясь тому, как смела ныне. В Московии она не посмела бы даже рта открыть, если сидела за одним столом с мужчинами на пиру, а тут же... И как? Едва ли не бросила в лицо собравшимся за столом шляхтичам, что и польское войско слабое, что никогда не покорится им Московия, не склонит головы. А потом погрустнела мигом, помрачнела — польские рати в Москве, успели ли Калитины уехать прочь из стольного града? И что там с Михасем, брате ее милым? Ведь тот во главе царской сотни ходит. Жив ли, здоров? Или срубила молодой дуб на корню ляхская сабля?

Так и сидела грустная до конца ужина, не притронувшись к фруктам, что подали напоследок. А потом тотчас ушла к себе в покои в сопровождении своей маленькой свиты.

За окном уже стемнело, оттого ей снова вдруг стали казаться комнаты замка неуютными и холодными. Хотя и запалили с десятков толстых свечей, света все же было недостаточно для работы, потому и другого дела не было, кроме как разговоры вести да игры разные. Но в шахматы Ксения не желала играть, ведь для того надо было идти в залу. Да и не с кем было — девицы не играли, Владислав был занят, уединившись снова с паном Матияшем, а с молодым Добженским Ксения не хотела играть сама. Она видела, как неприятно Владиславу ее невольное сближение с паном Тадеушем, оттого и решила «не дразнить боле гусей, чтобы не пострадали пятки», как говорила еще ее мамка Ефимия.

Малгожата затеяла игру в «угадай», но Ксения не приняла в ней участия, погрустнела, вспомнив, как часто играли в «угадай» еще в ее тереме девки, какой гам стоял там каждый Божий день. А потом в голове всплыли слова пана Юзефа о взятии Москвы. Неужто и вправду в стольном граде ляхи стоят? И что там с ее родичами? Она резко поднялась с места, накинула на плечи плащ, что лежал на сундуке у двери, вышла прочь из комнаты, остановив потянувшихся следом девушек. Нет, не нужны они ей сейчас, одна она побыть желает.

На крепостной стене было так холодно, что Ксению ударила дрожь, едва она закрыла за собой тяжелую дверь. Ярко светились окна второго этажа замка, значит, еще не разошлась шляхта по спальням. Она повернулась сначала в сторону Заслава, мерцающего вдали десятками маленьких огоньков, даже не догадаться в темноте, что там городок, а не деревня и не починок какой. А потом взглянула в сторону отчей земли, запахнув плотнее плащ.

Бедные вы мои родичи! Что за напасти свалились на вас в этой године лихой? Не успели порадоваться, что из плена меня вызволили, как вести о мнимой гибели моей пришли. Не успели вздохнуть спокойно, избавившись от Вора, как с другой стороны вороги подошли. Где вы? Как вы? Живы ли?

— Михась, — сорвался с ее губ полуплач-полустон. За него, своего погодку, она боялась

более всего. Он ходил в войске царском, он и ляжет первым из рода, ежели что. — Михась!

— Он жив, — раздалось позади нее. Ксения резко обернулась к Владиславу, так неслышно для ее уха приблизившемуся к ней. — Если ваш род Калитиных один в Москве.

— Один, — кивнула Ксения, а потом схватила за руку Владислава, сжала в волнении, распирающем грудь. — Ты ведаешь о Михасе?

— Милошевского я встретил в прошлом месяце, когда в северные земли ездил. В корчме повстречались. Помнишь пана Милошевского? — Как не помнить Ксении? Навсегда это имя будет у нее связано с юной девочкой, что так жестоко замучена была на лугу Московии. — Мы с ним же монастырь тот брали, где тебя нашел. Я увез тебя, а к вечеру того дня москвиты пришли. Сильно побили хоругвь Милошевского, его самого покалечили. Едва ноги унес. С трудом он добрался до гетмана Жолкевского, остался при нем, пока тот к Москве не подошел, здоровье выправлял, чтобы уехать в земли свои.

«Прочь! Прочь от этой дикой земли! Прочь от этих варваров!» — кричал тогда в корчме пан Милошевский, качая как в колыбели свою покалеченную руку. «Чума на Москву и на москвитов!» Но Владислав не стал говорить этого Ксении, что ловила ныне каждое его слово.

— К гетману бояре приезжали тогда часто из города. Один раз с ними был и Михаил Калитин. Пан Милошевский не мог не узнать его. Ведь это он был во главе сотни, что пришла тогда в монастырь, и именно он покалечил его руку.

Он знал с самого начала, едва произнес первое слово из своего рассказа, что буквально потрясет ее своими вестями. Но и молчать более он не мог, скрывать то, что поведал ему пан Милошевский.

— Он приходил в скит? Михась приходил в скит?! Тем же вечером, как мы уехали? — Большие глаза Ксении и без того стали такими огромными, как круг луны, что висел ныне над их головами. Она покачала головой, словно не веря тому, что услышала. Подумать только — промедли хотя бы на день Владислав... или Михась приди ранее, то она встретилась с братом. А потом помрачнела — поняла, что тогда в итоге ждало ее: страшная для нее битва между братом и любимым. И пусть тогда она не понимала бы, кто стоит друг против друга, но после, спустя время, жестокое осознание все равно настигло бы ее. Смерть одного из них — жестокая кровавая рана для нее, которой не суждено будет затянуться даже со временем.

— О Господи, избавь! — перекрестилась Ксения, а потом вдруг прижалась с размаху к его груди, обхватила крепко, прислоняясь щекой к мягкой ткани жупана. Он коснулся губами ее волос, неприкрытых тканью чепца, провел ладонью по ее голове, а потом обхватил ее в объятии, прижал к себе.

— Ты зря сказала про Смоленск за столом, — прошептал Владислав, прижимаясь подбородком к ее макушке. — Эта крепость стала костью в горле у Жигимонта. И есть те, кто не простят тебе твоих слов.

Он не стал добавлять, что при первой же удобной возможности эти слова будут переданы королю. Как и то, что ординат Заславский сделал своей женой схизматичку. И это тогда, когда король, яростный в своей вере католик, руками Потия {3} так тщательно уничтожает схизму!

— Московия не покорится! — упрямо повторила слова, сказанные за столом, Ксения, словно желая оставить в этом вопросе последнее слово все же за собой. Владислав же тихо рассмеялся в ответ.

— Мне нет никакого дела до того, удержит ли Жигимонт власть над Московским царством или нет. Все, что важно для меня нынче — это папское разрешение да эта земля, что вокруг. А остальное... это так далеко. Просто прошу тебя — постарайся удержать слова, что так и рвутся с языка. Многие, кто сидит подле тебя — отныне твои люди, а не враги, — а потом потянул ее за руку прочь со стены. — Пойдем, дядя желает видеть тебя. Вы же так толком и не сделали знакомство.

Бискуп ждал их в своих покоях, таких схожих с комнатами Ксении: небольшая комнатка-приемная, из которой вела распахнутая дверь в спальню, где уже суетились слуги, готовя епископу ложе. Сам Сикстус читал, сидя в кресле у камина за маленьким столиком, на котором были разложены многочисленные бумаги и книги. Он поднял голову, когда в комнату ступили Владислав и Ксения, улыбнулся одними уголками губ. Глаз эта улыбка так и не коснулась, впрочем.

Он показал кивком Ксении на низкий табурет, что по его знаку тут же поставил у его стола слуга, а потом обратился к Владиславу:

— Я не смею тебя задерживать ныне, Владусь. Ступай отдыхать, ты видно, утомился после ночи бдения и этого дня, — а потом, после ухода Владислава, положил книгу, что читал, когда в его покои ступили визитеры, откинулся на высокую спинку, складывая руки перед собой, переплетая длинные пальцы. Тускло блеснул в исполухе огня перстень, словно напоминая Ксении о ее давешнем проступке. Она отвела взгляд в сторону и невольно посмотрела на страницы книги, что лежала поверх бумаг, с удивлением распознала буквы кириллицы, что показывал ей когда-то отец Макарий.

— Острожская Библия, — произнес епископ, заметив направление ее взгляда, а потом пояснил, видя ее удивление тому, что читает книгу еретической для него веры. — Я же должен знать своего *opponentis* {4}. Полезно знать самую суть того, с чем предстоит столкнуться. Ты ведь не читаешь? Нет, не обучена, отец Макарий говорил мне. А стоило бы выучиться. Когда не хватает мудрости, ее можно почерпнуть из книг. Ты не возражаешь мне? Боишься меня?

— Иногда мудрость можно взять и из слов, — проговорила Ксения, смелея в своих речах, забывая о волнении — отчего-то расположившись к этому мужчине, что смотрел на нее так внимательно, и чей голос звучал так убедительно. — Потому я слушаю.

— Отрадно слышать то, — проговорил бискуп. — Ты меня удивляешь. Я всегда знал, что не стоит судить о книге по богатству ее обложки, — он помолчал немного, а затем продолжил. — Я слышал, ты играешь в шахматы, легко обыгрываешь в словесные игры не только девиц, но и некоторых панов. Да и нынче так ловко ответила пану Юзефу. Дивно то для московитской девицы! Ты мне пани Элену напомнила тем. Та тоже остра была на язык. Так и вспыхивала, как огонь, ежели что не по ней было. Вот только этот огонь и спалил дотла все, что было меж ней и братом моим, оставив на память только рубцы от ожогов, — и снова неожиданный переход к другому вопросу. — Патеры {5} часто читаешь, панна? Посты блюдешь? В вере своей верна до сих пор? А грехи свои кому исповедуешь? Или так и ходишь с темной душой? Быть может, оттого и мечешься, что грехи снять с души твоей некому? Грехи, как оковы, как камни тяжелые, человека к земле тянут. Тяжело человеку без духовника.

Ксения кивнула, соглашаясь с ним. Вместе с благостными воспоминаниями пришла другая память — темная, о которой даже думать не хотелось порой, которая прошлой ночью все же сумела ворваться в мысли. Память о том, что не каждому откроешь, память о грехах

тяжких, что сотворила она своими руками, о мыслях грешных, о помыслах скверных. Да и стыд покоя не давал порой — все же без отеческого благословения ушла из родной земли, а по поверьям людским нет счастья тому, над кем нет слова родительского.

— Род Заславских идет от сына великого князя Гедимина {6}, который когда-то получил в удел эти земли, — снова переменял тему беседы бискуп, отвлекая Ксению от мыслей тягостных. — Род древний и знатный, богатый род. Много земель во владении. Много сел и городов, много людей. Все должно остаться в ординации — это священный долг Владислава перед предками, что издавна владеют этой землей. Земли не должны быть делимы или отданы другому роду по купчей крепости {7}, а переданы только сыну и только приумноженными, но не менее того, — Ксения так задумалась, заслушавшись речью бискупа, едва не пропустила резкий вопрос. — Зачем панна за Владиславом поехала земли польские?

— За сердцем своим пошла, — ответила она первое, что пришло в тот момент в голову. Бискуп снова сплел пальцы, перевел взгляд в огонь, пылающий в камине.

— Порой следует слушать не сердце, а разум, панна. Сердце дает не всегда дельные советы. Я опасался, что Владислав силой увел панну из земель московитских, полоном в Замок привез. Но вижу теперь, что панна по собственной воле выбрала этот путь. Панна стольким пожертвовала ради Владислава, я восхищаюсь ее силой. Но поражен ее недалекостью, — тут бискуп взглянул в глаза Ксении, его взгляд завораживал ту, заставлял выслушать его речи до конца, не возражая ни единому слову. — Я хочу говорить с панной, не как бискуп католической церкви, а как родич нареченного панны. Потому я не буду убеждать в неистинности греческой веры. Не стану опровергать ее каноны. Я хочу, чтобы панна поняла только одно — зайцы с волками не плодятся. Не дано то Господом. Только подобное создает подобное. Таков закон Бытия. Панна умна, она поймет, к чему я сказал то. Заяц может надеть волчью шкуру и выучиться выть по-волчьи, но волком он никогда не станет.

— Люди не волки и не зайцы, — не смогла сдержаться, чтобы не возразить Ксения, сжимая пальцы в кулак, пытаясь успокоиться и убрать из своего голоса дерзкие нотки. — Люди схожи по своему подобию, зайцы и волки — различны.

— Но эти твари Божьи различны еще и по своей натуре, равно как и люди. *Facilius est apta dissolvere, quam dissipata connectere* {8}, нельзя из слепить что-то из того, что несхоже по сути.

А потом, как обычно, без всякого плавного перехода бискуп снова сменил тему, стал расспрашивать Ксению о семье, что осталась в Московии, какой статус имел ее род в отчей земле, есть ли у того приграничные земли. Она понимала, отчего тот задает такие вопросы — каждая женщина должна принести за собой что-то в семью будущего мужа. К сожалению, Ксения не могла принести ничего, так она и сказала епископу, закончив свой рассказ о своем роде.

— Я думаю, что Владислав потребует земли твоего покойного супруга в приграничье. Я даже уверен в том. Сильных наследников у того не осталось, а слабые в расчет не идут, — бискуп потер кончики пальцев друг о друга, возвращая в озябшие руки тепло. В последнее время у него постоянно мерзли ступни и кисти рук, потому и носил часто перчатки и связанные его домораспорядительницей носки из толстой овечьей шерсти. — Они граничат с землями, что отошли за его матерью, а эта нынешняя война нам только на руку. В такое время и переносятся рубежи.

Епископ заметил, что Ксения нахмурилась, когда он заговорил о ее покойном муже, понял, что еще не затянулась рана, нанесенная когда-то. Значит, одолевают изредка мысли тягостные, не дает покоя совесть.

— Ведает ли пан епископ что-нибудь о нынешней Московии? — спросила Ксения, в волнении сжимая бархат юбки. — Что творится в стольном граде? Кто ныне на царском престоле? Король Жигимонт?

— Я мало осведомлен о том. Знаю, что бояре московские присягнули королевичу Владиславу, просили его занять пустой царский трон. Это дело королевской семьи. Церковь вступит тогда, когда Московия полностью покорится королю Жигимонту. Страна доньше раздираема на части. К Новгороду подступили шведы, Москва и часть земель присягнула Жигимонту, Калуга город под самозванным Димитрием и дочерью авантюрного Мнишека, да и мелких корошков полно. Я панне так скажу: панна была права, когда сказала, что стольный град еще не все царство, не покорилося оно еще никому из тех, кто в его землях ходит.

Ксения несмело улыбнулась ему сквозь слезы на глазах, когда бискуп протянул руку и легко сжал ее пальцы, что теребили бархатную ткань.

— Время вечерней молитвы, панна, — мягко сказал епископ, поднимаясь на ноги, тяня за собой Ксению, чьи пальцы захватила в плен его холодная ладонь. — Позволь пожелать тебе доброй ночи, панна, и выразить желание, что панна разделит со мной дообеденное время следующим днем.

Ксения вздрогнула, когда бискуп вдруг коснулся губами ее лба, прощаясь. А потом присела, как, уже знала, следовало выражать свою любезность при встрече и прощании человеку подобного ранга, ушла, тихо шурша подолом платья по каменному полу, чувствуя спиной пристальный взгляд дяди Владислава.

В ту ночь Владислав снова пришел в ее спальню, несмотря на все ее просьбы и отговорки, что ныне день малого поста, а значит, грешно постель делить. Он только пожал плечами, как делал это обычно в такие дни, не стал слушать ее возражений, лег рядом. Как обычно привлек ее к себе, прижал крепкой рукой к своему горячему телу, провалился почти сразу же в глубокий сон. А Ксения долго не могла уснуть, несмотря на то, что гораздо легче обычно засыпала, когда рядом был Владислав, будто защиту его ощущала, умиротворение от его присутствия рядом.

Нынче же лежала и думала. О Московии, о родных, что остались там, в том далеком от нее краю. Представляла себе их лица, воскрешала их памяти, боясь забыть, как позабыла лица невесток и племянников с племянницами. Она даже думать боялась о том, что родные сказали бы ныне, узнав, что она живет в ляшском замке невенчанной с паном, что отнял жизнь у ее супруга.

Невенчанная! Как же ее жгло это, словно огнем! В блуде живет! Пусть местные считают заречины своего рода обязательством, неким гарантом брака и ее честного имени. Тяжесть греха давила на сердце, не давала покоя теми ночами, когда она лежала одна, в холодной постели, слушая завывания ветра за окном. Она забывалась только, когда подле Ксении был Владислав. Видя его глаза, чувствуя тепло его кожи под руками, вдыхая запах его кожи, Ксения понимала, что возврати ее на несколько месяцев назад и предоставь выбор, она бы ровным счетом ничего не изменила бы.

Невенчанная! Но как можно было обвенчаться, если в землях поблизости не было храмов ее веры? Они были закрыты местными шляхтичами, что владели землями «по

службе», заброшены. Пан Стефан отринул даже униатство, принуждая своих людей переменить веру на латинство. Кто-то соглашался, кто-то, как и Ксения, молился перед образами за закрытыми дверями, но тайно от всех. Она несколько раз заводила разговор с Владиславом о венчании в греческом храме, но тот всякий раз уводил его в сторону, утверждая, что они непременно обвенчаются, но только после обряда в католическом храме. Владислав никогда не говорил того, но она легко читала по его глазам, что он по-прежнему надеется, что она изменит православию, перейдет в лоно латинской церкви. Этого не будет! Она изменила своей отчей земле, покинув ее, но изменить вере... Для русского человека — это было равносильно предать свой род, отречься от него, получить клеймо изменника.

И о разговоре с епископом думала Ксения, прокручивая его в голове раз за разом. Она понимала, что не та она невеста, которую желали бы видеть рядом с Владиславом его родичи: без земель, без поддержки рода, что должна была принести женщина, без какого-либо добра. И вера у них разная, и уклад жизни. Но она постепенно привыкала к первому: уже спокойно надевала платья, на которые ранее не взглянула бы без испуга, стала чаще оставаться после вечерней трапезы в зале, где сидела шляхта, не желая расходиться в свои покои. Диво то — у московитов день начинался с первыми лучами солнца и с последними заканчивался, а здесь же часто засиживались за полночь. Значит, сможет стать той женой, которой Владислав видит ее в будущем своем. А вот что касается веры...

Жила же с паном Стефаном мать Владислава. Пусть недолго, но они были вместе, растили детей. И пусть для Ксении это словно нож в сердце, но она позволит крестить своих собственных детей в латинскую веру, чтобы не вбивать клин между собой и Владиславом. Пусть ее проклянут, коли узнают об том ее родичи...

Последующие несколько дней епископ призывал к себе Ксению, где бы ни находился он: в зале, где как обычно сидела, шляхта после трапез, или на прогулку возле крепостных стен, или в небольшую светлицу на втором этаже, стены которой были покрыты полками с книгами. Ксения надолго запомнит свое удивление, когда она увидела библиотеку впервые: корешки многочисленных книг, уходящие ввысь до потолка рядами, солнечный свет, льющийся из высоких окон, жар камина и запах, незнакомый ей прежде. «Запах манускриптов, запах знаний», — улыбнулся тогда бискуп, приглашая ее присесть рядом на табурет возле своего кресла.

Он рассказывал ей многое, что она никогда не знала не ранее: о землях, о которых никогда не слышала, о правителях этих земель, о шляхте и ее известном в Речи «шляхетском гоноре», о родичах Владислава. Он разворачивал перед ней листы бумаги — «карты» — с нарисованными на них линиями и словами, показывал, как широки земли магнатства, с какими землями граничат, с какими семьями оттого надо держать хотя бы «нейтралитет». Бывали за эти дни у них и разногласия. Например, Ксении не по нраву совсем было, когда бискуп ответил на ее вопрос о книгах в библиотеке:

— Нет, увы, даже если вы выучишься кириллице, сможешь прочесть только пару книг с этих полок. Все они либо на латыни, либо на языках других благородных народов. Книг на холопском языке тут почти нет.

Снова кольнуло слегка при осознании той линии, что проводили между собой и своими соседями-московитами живущие в этих землях. Холопский язык, холопская вера, дикий народ...

Но свою горечь стремилась не показать, скрыть свою обиду в глубине души, хотя так и рвалась возразить, что в отличие от «благородных» шляхтичей русские не гонят со своей

земли людей неугодной веры, не разрушают их храмы. Уж кому-то знать то, как ни ей, жившей по соседству с Китай-городом, где расположились подворья купцов самых разных народов, даже магометанского!

В день отъезда бискуп попросил Ксению выйти и проводить его, «коли не сумела встретить достойно». По этим словам, сказанным с легким упреком, та поняла, что дядя Владислава не забыл и не простил ей тот злополучный день, когда она проигнорировала перед шляхтой Замка. Потому и спустилась вниз в числе первых, потому и коснулась его руки коротким поцелуем, удивляя всех собравшихся во дворе. Только рука та была другая, не перстнем епископским. Знать, и поцелуй был дарован, как старшему в роде, но не как служителю латинской веры.

— Ты умна и красива, это многого стоит, — проговорил ей бискуп, поднимая ее из поклона, отводя немного в сторону, чтобы чужие уши не слышали их разговор. — Я бы не мог желать Владиславу жены лучшей, чем ты, коли б многое иначе было. Мне ты пришлось по сердцу, не буду лукавить. Но есть женщины, которые мужчину заставляют пылать огнем всю его жизнь, а есть те, которые сжигают его дотла, — Ксения вздрогнула от резкости его тона и невольно оглянулась на Владислава, наблюдающего за ней издали. — Коли решишь вернуться в земли родные (не перебивай меня!), я помогу в том! Или если решишь отмолить грехи свои, укрыться в монастыре своей веры, очистить душу, тоже окажу помощь, даю свое слово. Времена и обстоятельства бывают разные. Только Господь ведает, что ждет нас. Просто имей в виду то. И поступай по уму впредь, а не по сердечной тяге к чему-либо. А я буду молить Господа и Святую Деву, чтобы даровали тебе прозрение, чтобы помогли увидеть то, что пока скрыто от тебя. Храни тебя Господь, дитя!

Бискуп коснулся губами ее лба, и она невольно вздрогнула — настолько холодны были уста епископа. А потом отступила в сторону, позволяя ему уйти к своей колымаге, занять место внутри. После благословения бискупа собравшихся во дворе людей — шляхты и слуг — тронулись лошади, закрипели колеса, загрохотали колеса по каменной кладке двора.

Владислав бросил взгляд на Ксению, что стояла там же, где и оставил ее бискуп — задумчивая, молчаливая, а после кивнул ей коротко и выехал со двора вслед за поездом дяди и его гайдуками. Он желал проводить дядю Сикстуша до границ земель Заслава, намереваясь переговорить с ним без лишних глаз и ушей. Так и вышло — выехав из города и проехав около пяти верст вдоль полей, заметенных первым, еще довольно редким слоем снега, бискуп приказал остановить колымагу и вышел пройтись вместе с Владиславом вдоль края дороги.

— Ты хочешь знать, что я думаю? — проговорил пан епископ, пряча озябшие руки в рукава сутаны. — Как епископ Святой Церкви — я категорически против этого брака и должен настаивать на разрыве обязательства заречин. Она стойка в свое ереси, увы! Но как твой дядя... — он остановился. Остановился и Владислав. Они долго смотрели друг другу в глаза, словно каждый испытывая другого. — Я вижу, что ты потерял свое сердце, а вместе с ним и голову. Он красива, она умна и полна жизни, полна страсти. Я совсем не ждал увидеть то, что увидел. *Inter verpres rosae nascuntur {9}*, как оказалось. Но она — другая. Вспомни, как мучились твои родители, связанные неразрывно друг с другом *in aeternum (10}*. Ты наступаешь на тот же острый камень, что и твой отец, только твоя рана... она будет мучительнее. Ее, как и пани Элену, шляхта твоих земель ненавидит за веру, а тут к тому же и за происхождение, ее боятся хлопы и горожане. Молва о ней передается из дома в дом, и ты ведаешь, о чем она.

— *Luna latrantem canem non curat {11}*, - возразил ему Владислав. — Я заставлю языки смолкнуть.

— Как заставишь принять ее? Не всегда силой можно добиться желаемого, Владусь, — бискуп замолчал. Владислав тоже не говорил ни слова, только смотрел на дядю из под мехового околыша шапки с упрямым блеском в глазах.

— Поживем — увидим, что даст нам Бог, — наконец кивнул епископ, прерывая их молчаливую дуэль. — Только зря ты Юзефа с пани Патрысей от себя отпустил. Нет ничего страшнее обиженного человека.

— Юзеф свободен в своих поступках. Да и решено все меж нами давно. А если и будет подвох, то что он может сделать? У него нет людей, нет средств. Ему не сбить меня с ног.

— Зато можно выбить кресло, в котором сидишь. Для этого надо всего лишь ударить и сломать одну из подпорок. Ты привык ожидать удара силой, но ударить можно и хитростью. Юзеф не должен получить магнатскую цепь, ты обязан сохранить ее любой ценой, слышишь, Владусь?

— Я запомню твои слова, — кивнул Владислав, соглашаясь с дядей. Тот положил ладони ему на плечи, заглянул в его лицо. Глаза бискупа при этом заметно потеплели, черты лица смягчились.

— Я верю, что так и будет. Ты преодолеешь все, что бы ни послала тебе судьба, Владусь. Ты всегда был умным и сильным мальчиком, всегда был честным и преданным, — бискуп вдруг сделал то, что практически никогда не делал в своей жизни — он улыбнулся племяннику ласково, а потом сжал легко его плечи. — Помни о своем долге. А что до панны, тут я тебе не советчик и не помощник, увы. Я не стану против твоего брака с ней, но и помогать тебе тут тоже не буду. Не пара схизматичка ордината Заславского, а уж московитка — тем паче.

— Я уж решил, дядя Сикстуш. *Faber est suae quisque fortunae {12}*, и я буду ковать свою собственную. Сил для того мне достанет, — проговорил Владислав, и бискуп снова улыбнулся — другого ответа от Заславского он не ожидал. Как и его отец — пока не расшибет себе лоб в кровь, не поверит, что впереди нет хода, что впереди стена.

Что ж, значит, все должно быть, как и задумано им. *In commune bonum {13}*. Для блага семьи и рода. Для блага самого Владислава. Пусть даже он и не понимает пока необходимости того. Он подождет до Рождества. Ежели все переменится к тому времени так, как он предполагает, каким видится ему будущность, что уже стоит у порога этих земель, то сам Господь призовет его тогда вмешаться.

Nos fac et vinctes {14}, гласит их родовой девиз. И Заславские всегда побеждали и будут побеждать — во всем и любыми средствами. Иначе и быть не может! Иначе и быть не должно!

1. Так ранее называли повитуху Московии
2. Дым отечества ярче огня чужбины (лат.)
3. Ипатий Потий — государственный и церковный деятель Речи Посполитой, богослов, писатель-полемист, активный сторонник заключения Брестской унии, митрополит.
4. Возражающий (лат.) Имеется в виду оппонент.
5. Молитвы
6. Основатель династии Гедиминовичей — княжеских родов Литвы, Беларуси, Польши, России и Украины. Соправитель Литвы в период с 1295 по 1316 год. Великий князь

литовский с 1316 по 1341 год

7. Общее название документов, которыми оформлялись договора купли-продажи
8. Легче разделить связанное, чем соединить разделенное (лат.)
9. И среди терновника растут розы (лат.)
10. Навек (лат.)
11. Луна не обращает внимания на лай собаки (лат.)
12. Каждый кузнец своей судьбы (лат.)
13. Для общего блага (лат.)
14. Сделай это, и ты победишь (лат.)

Оглядываясь спустя время назад, в те дни Ксения видела отчетливо все свои ошибки, все огрехи, которые она допускала тогда. И каждый раз она задавала себе вопрос — отчего она осознает это ныне, и отчего даже не задумывалась тогда? Она словно жила какой-то своей жизнью, отдельной от всех окружающих ее людей — от горожан и хлопов, от шляхты в Замке и на землях магнатства, даже от замковых слуг. Будто у нее был свой небольшой мирок, в котором ей было тихо и спокойно, в который она допустила лишь избранных. Некая иллюзия счастья и покоя, нарушение которой она встречала с отпором, но которой все же суждено было разрушиться рано или поздно. Ведь окружающий ее мир был более широк и многообразен, и, отрицая его, она, ставя себя вне его, а порой даже выше, она сама себя устранила из него. Своими руками...

Когда это началось? Быть может, после праздника Рождества? Или в период Адвента, когда Ксения стала осознавать, что иллюзия ее счастья постепенно разрушается? А может, стоит наконец признать очевидное хотя бы самой себе и сказать, что с самого первого дня все пошло не должным образом, и большая часть вины за то лежит не на судьбе, которую Ксения корила в течение долгих лет, а на ней, на Ксении? Отчего она, всегда озабоченная долей и бедами холопов своих прежних земель, совсем забыла о том, что она должна думать и о людях, окружающих ее? Что они точно такие же, как те, о которых она пеклась в Московии, что у них те же трудности и горести? Да, они относились к ней не так, как она хотела, но что она сама сделала, чтобы переменить их мнение? Ровным счетом ничего.

И шляхта... как же Ксения упивалась их презрением, как злорадствовала их неприятию, будто не замечая, что сама она стала виной их нелюбви, убеждая себя, что ляхи ни за что не примут московитку, что причиной всему только ее происхождение и вера. И тут она не приложила ни малейших усилий, чтобы переломить сложившееся положение, чтобы исправить то, что еще тогда возможно было исправить, запершись от окружающей ее действительности в иллюзии покоя, погрузившись в маленький мирок ее любви с головой, закрыв глаза на все остальное.

Как и обещал Владислав, его разъезды по землям прекратились, и он все чаще стал проводить время с Ксенией. Они вместе выезжали из Замка на охоту или на прогулки — все верхом, а она со своими девицами в открытой колымаге, пока не встал снег на полях. Вместе проводили вечера у ярко пылающего камина — пусть даже порой в отдалении друг от друга в большой комнате, но все же рядом, все же близко. Хоть и со всеми, но словно наедине друг с другом.

Все собирались в одной из малых зал, когда на приближающий период Адвента большинство шляхтичей разъехалось по своим землям. Тихо потрескивал огонь в камине, шелестел за окном снег, спешащий покрыть землю белым пушистым покрывалом. В освещенной мягким светом свечей собираются шляхтичи и паненки: женщины — за рукоделием, в своем кружке, мужчины — за разговорами да играми в своем.

Очень часто пан Тадеуш брал в руки лютню и либо что-то наигрывал медленное, под стать танцу снега за стеклом окна, либо пел одну из веселых песенок или лирических баллад, так полюбившихся Ксении. У него был красивый и глубокий голос, особая манера исполнения, заставлявшая поверить в то, о чем говорил он под перебор струн, очаровывавшая паненку, что затихали, едва пан Тадеуш брал в руки лютню.

Многие из девиц в Замке были увлечены молодым Добженским. Он же был очарован нареченной пана ордината. Всегда подле Ксении — готовый услужить, готовый развлечь, если на лицо набежит тень, готовый вступиться.

— Я хочу быть рыцарем панны, как бывало то в давние время, — сказал как-то он ей, когда на охоте сложилось им остаться наедине, когда остальные шляхтичи во главе с Владиславом погнали оленя в лесу. Паненки, сидевшие вместе с Ксенией в колымаге, спрятали разочарование в глазах, отведя взгляды в сторону, Мария покачала головой. Ксения же улыбнулась молодому пану — ей льстило его поклонение, льстило его внимание к ней, хотя она всегда стремилась держать его на расстоянии от себя, опасаясь недовольства Владислава.

— Я стану женой пана Владислава. Мое сердце и душа только в его руках, — просто ответила она пану Тадеушу тогда. Он грустно улыбнулся в ответ, глядя в ее глаза, сверкающие огнем из-под околыша из черной лисицы.

— Я ведаю то, панна, и не посягаю на сердце и душу панны, — сердце Ксении сжалось невольно, распознав в голосе Добженского нотки горечи. — Панна для меня будто дева Мария — недосыгаемая, как само небо. И да будет так, коли сама панна так решила!

Вот потому Добженский в тот момент сразу же выхватил саблю, даже не задумываясь о последствиях своего поступка, готовый кровью смыть оскорбление дамы, которую возвел на пьедестал своей души. Верный своему слову рыцарь...

Ксения прогуливалась по крепостной стене, как делала это обычно, когда выезд на прогулку был невозможен из-за занятости Владислава. Он и ныне был занят — еще с самого утра обсуждал какие-то вопросы вместе с паном Матияшем и несколькими шляхтичами, держащими за собой некоторые земли магнатства. Настало время собирать чинш и другие налоги, пришла пора подводить итоги под уходящим годом.

В этом месяце в Замок постоянно приезжали шляхтичи, потому Ксения и не обратила бы никакого внимания на группу панов, что прибыли после полудня на двор, если бы не жест одного из них. Такой незаметный для остальных, но для Ксении... Она столкнулась со шляхтичами в коридоре, следуя в покои на втором этаже, чтобы заняться рукоделием, они посторонились, пропуская ее, отводя глаза от нее в сторону. Ксения поспешила побыстрее проскользнуть мимо них и уже миновала коридор, как вдруг один из шляхтичей чихнул, а второй, стоявший подле него, пожелал:

— Спаси тебя Господь!

— Аминь, — перекрестился чихнувший по православному обычаю справа налево

Незаметный для окружающих жест. Такой обыденный. Но Ксения, когда осознала его, вдруг остановилась как вкопанная на лестнице, замерла, оглянувшись на своих паненок. Православные! Православные шляхтичи! Знать, есть они в землях магнатства. Знать, не одна в вере своей.

Все время до обеда Ксения сидела, как на иголках, торопя минуты, чтобы поскорее дали сигнал спускаться в трапезную. Она думала увидеть за столом шляхтичей, которые встретились ей в коридоре, и не смогла сдержать разочарования, когда не заметила новых лиц среди собравшихся за столом.

— Панна чем-то огорчена? — спросил пан Тадеуш, помогая ей присесть. Ксения оглянулась к торцу стола, где сидел обычно Владислав. Его стул пустовал. Отсутствовал и Ежи, и пан Матияш. — Отсутствием пана Владислава? Он уехал прокатиться окрест. Разве

он не посылал к панне сказать о том?

Да, верно, в светлицу, где занимались рукоделием женщины, приходил слуга с этим сообщением. Ксения в своем волнении совсем позабыла о том.

— А где пан Матияш? Он так и не спустится к обеду? — забеспокоилась Ксения, заметив, что по знаку Магды слуги стали заносить блюда, разливать подогретое вино или мед без хмеля, а того так и не было до сих пор.

— Отец удалился к себе. Приступ головной боли.

— Опять разошлись с Владиславом? — Ксении уже было это знакомо: в ходе обсуждения какого-либо вопроса у Владислава и пана Матияша, бывало, чуть ли не искры летели во все стороны. Потом они оба расходились перевести дух и примириться за ужином, чтобы вскоре опять столкнуться лбами по тому или иному вопросу. Молодость редко уступала опыту и мудрости, когда была уверена в правоте собственных решений.

— Опять, — вздохнул Тадеуш. Он склонился чуть ближе к Ксении, перешел почти на шепот. — К пану Владиславу приезжали просить о строительстве храма в одном селе как к ординату. Только сделали то поверх шляхтича, что землю эту в службе держит.

— Разве там нет храма? — спросила Ксения, вспомнив о шляхтичах, встреченных в переходе. У нее даже ладони вдруг вспотели от волнения. Речь ведь шла о православной церкви!

— Храм-то есть. Только после Унии его закрыл пан Ясилович, отдал жиду, что корчму в селе держит, как это обычно по землям ныне идет, в аренду. И шляхте, и хлопам надоело ходить на поклон к пану всякий раз, вот и собрали деньги, хотят новую ставить. Приехали к пану Владиславу за разрешением.

— И что Владислав? Он позволил? — Ксения даже дышать перестала. Неужто Владислав позволит поставить на своей земле храм православной веры? Наперекор давешней воле его отца, что изгнал из ординации православие, следуя королевскому указу.

— Позволил. Сказал, что никто не запрещает всем, кто под папой, храмы свои иметь. Только вот пан Ясилович будет шибко недоволен, что лишается части дохода, ведь в доле с жидом тот определенно.

Но Ксения не слышала уже этих слов, чувствуя, как внутри гаснет едва вспыхнувший огонек надежды. «Кто под папой ходит», сказал пан Тадеуш, зная, и приезжали в Замок вовсе не православной веры шляхтичи, а новой, созданной в этих землях более десятка лет назад. И не православной веры храм будет построен, а другой... и не латинской, и не православной.

Об узнанном тогда за обедом Ксения вспомнила, когда в Замок приехал сам пан Ясилович, полный зрелых лет мужчина на коротких ножках, что делало его похожим на большой и круглый бочонок. Никто не знал, о чем говорил тот с Владиславом, но разговор происходил явно на повышенных тонах, раз вся прислуга обсуждала вечером в кухне эту встречу. Ксении потом рассказала служанка, причесывавшая ее на ночь, как кричал пану ординату пан Ясилович, что негоже обижать католика перед униатом, а потом и вовсе что тот совсем не схож с отцом его, паном Стефаном, что недовольно в нем рассудительности. Как ни прислушивались все, кто был поблизости от комнаты, где происходил этот разговор, так и не услышали, что ответил на то тихим голосом пан Владислав, но после этого пан Ясилович вылетел оттуда, словно затычка из бочки.

Ксении не было нужды говорить о том, как был зол тогда пан Ясилович, каким красным от злости было его лицо. Она сама столкнулась с ним в узком проходе, возвращаясь с

прогулки, смеясь шутке пана Тадеуша, что встретился им во дворе и поспешил проводить наречную ордината и ее паненок в залу.

Сначала пан Ясилович замер на месте, а потом вдруг скривился рот в злой усмешке, и смех женщин затих в тот же миг, уловив ту волну ненависти, что буквально ударила волной.

— Все ты, московитская ведьма! — прошипел пан Ясилович, кривя губы под густыми усами. Ксения даже не успела опомниться, как взревел за ее спиной пан Тадеуш, как бросился мимо нее на оскорбившего ее пана. Он схватил того за грудки жупана и протащил из прохода в залу легко, будто пушинку, невзирая на то, что тот весил гораздо больше его. А потом с силой оттолкнул пана Ясиловича назад, доставая саблю из ножен, что висели на поясе.

— Не смей панну оскорблять! Не смей!

Завизжали за спиной Ксении паненки, когда сабли скрестились с силой, заглушая лязг оружия. Ксения оторопело застыла в распахнутых дверях, глядя на этот неожиданный бой, что разворачивался у нее перед глазами. Мужчины закружились по зале, сбивая лавки у стен, перевернули резной столик с грохотом. Только спустя время прибежали стражники и шляхтичи, которых позвала Мария со двора Замка, навалились на спины дерущихся, останавливая бой. Откуда-то возник хмурый Владислав, окинул скорым взглядом и пана Тадеуша, что вырывался из рук стражников, явно желая растерзать своего противника на месте, и пана Ясиловича, что прижимал руку к ране на левом предплечье.

— Что происходит? — прогремел его голос, перекрывая и плач перепуганных паненок за спиной Ксении, и переговоры шляхты и слуг, что собрались на шум поглядеть, что стряслось. — Что заставило панов схлестнуться в моем доме, как в корчме какой, да кровь пролить?

— Пану Тадеушу что-то ударило в голову, — процедил пан Ясилович, поворачивая голову к Ксении и глядя ей прямо в глаза. — Видать, услышал что-то не то, что было на самом деле. Если панне слышалось то же, то если пан ординат прикажет, я готов принести свои извинения.

Ксения вдруг представила, как может поступить ныне Владислав, узнав о словах шляхтича. Что если и он накинется на того, как сделал это пан Тадеуш? А пан Ясилович стоял на приграничье с казачьей вольностью, защищал со своими ратниками земли от разбоя, она знала то достоверно, молодой Добженский рассказал ей о том за тем же обедом.

— Я ничего не слышала, — тихо проговорила она, глядя в глаза Владислава, стараясь не вздрогнуть при удивленном вскрике пана Тадеуша.

— Панны? — обратился к паненкам за спиной Ксении Владислав, и те поспешили подтвердить слова Ксении, из солидарности ли с ней, либо по другим причинам, она даже не думала о том в тот момент.

— Пан Ясилович, я думаю, пан Добженский принесет вам свои извинения за горячий норов, — проговорил Владислав, хмурясь еще более. — Перед тем, как его уведут в темницу, чтобы остудил свою кровь в ее прохладе.

Ксения прикусила губу, чтобы сдержать вскрик при этом известии, стиснула руки, чтобы скрыть их дрожь. Такого поворота событий она никак не ожидала.

Пана Ясиловича увели в одни из покоев на втором этаже, чтобы обработать его рану, а вот у Добженского отняли оружие и заперли в подвале под воротной башней, что служил темницей в замке. Ксении когда-то показывали это место — темное и холодное, полное страшных тайни страхов былых, что, казалось, впитались в эти стены со временем. Оттого-

то дрожь, что стала бить ее еще после этого сабельного боя, так и не прошла со временем, а тоска и сожаление сжали сердце ледяной рукой.

Она не пошла на ужин, не желая делить стол с человеком, который оскорбил ее, который явно ныне ощущал свою безнаказанность, свое превосходство над ней из-за того, что случилось. Но разве у нее был выход? Она убедилась в том, когда в ее спальню скользнул тихонько Владислав, когда часы на башне ударили полночь. Ксения поднялась с колен, когда он пришел, поспешила закончить молитву.

— Ужаснейший день! — устало протянул Владислав, пряча лицо в ладонях. Ксения подошла к нему, опустившемуся в кресло у камина, и он прижался лицом к ее телу, уткнулся в бархат корсажа ее платья. — Кабы не нужен был мне этот Ясилович, я бы с большим удовольствием послал бы его к черту! Но кого поставить на границы?! — Ксения почувствовала, как напряглись его ладони, лежавшие у нее талии. — Пошлю его к черту все же! Открою скарбницу, найму людей да поставлю на эту землю кого другого, кто не будет думать только о своем кармане, выжимая из своего владения все до последней монеты.

— Ты долго будешь пана Тадеуша в темнице держать? — спросила Ксения, выдержав паузу. Владислав даже головы не повернул на ее вопрос, ничем не показал, что услышал ее. А потом, когда она уже и ждать ответа перестала, ответил:

— Пару деньков пусть постынет в камере. Уж больно голова горячая! — он вдруг поднял голову и заглянул в глаза Ксении, наблюдающие за ним с тревогой. — Знать, не послышалось ему, коли так печешься? Молчишь? И он молчит, даже в сторону мою головы не повернул.

Больше они не говорили. Так и замерли на долгое время — Владислав, прижавшись щекой к бархату корсажа ее платья, а Ксения — обхватив руками его голову, запустив пальцы в его волосы, перебирая пряди. Просто молчали, думая каждый о своем в этой ночной тишине, что опустилась на Замок в этот час.

— Завтра уезжаем с тобой, — вдруг сказал Владислав, поднимаясь, заключая ее лицо в плен своих ладоней. — Хочу уехать на время отсюда. Подальше от всего и от всех. Хотя бы на тыдзень...

И она кивнула ему в ответ, даже не думая, куда и зачем они поедут. Главное, что они будут вместе, что он не оставляет ее одну здесь. Остальное ей было совсем неважно.

Их маленький поезд — колымага Ксении и десяток гайдуков — выехал на рассвете, когда только-только просыпался Замок, встречая первые лучи солнца. Ксения оставила паненок и Марию, как оставил всех шляхтичей Владислав. «Только ты и я!», сказал он ей тогда, и она с радостью поддержала его. Быть может, когда они останутся наедине друг с другом, все напасти и трудности отойдут на задний план, быть может, тогда в их отношения снова вернется та легкость, что была во время их недавнего пути в эти земли.

— Я рада, что сделал это, — проговорила Ксения, когда около полудня их маленький отряд остановился на отдых, и Владислав подошел к ее колымаге, оперся на распахнутую дверцу. — Спасибо тебе.

— Сделал — что? — поднял бровь тот, будто недоумевая, отчего она благодарит его. Но она поддалась на его мнимое удивление.

— Я слышала, как ты приказал выпустить пана Добженского после полудня, когда мы отъезжали со двора. Нет нужды скрывать это от меня.

— У меня нет привычки карать без вины. А за то, что устроил побоище в замке, он к тому времени наказание отбудет. К чему томить его холодной камере? — ответил

Владислав.

Они скакали весь день, придерживаясь максимального темпа, который только возможно было держать по едва замерзшей дороге. Ксения наблюдала, как светится лицо Владислава, когда тот гонит коня галопом по полю или лугу, что проходили рядом с дорогой, как рад он ветру, что бил в лицо и развевал длинный мех на околыше его шапки. Он словно скинул с плеч все тяготы и заботы, что томили его в Замке, и ныне наслаждался теми мигами свободы, что сам себе подарил. И она радовалась вместе с ним, замечая, как уходит с его лица хмурость, что не покидала его последние дни, как расправляются плечи.

Но под вечер благостное настроение Ксении постепенно сошло на нет. Неожиданно вместе с сумерками на землю повалил густой снег, сводя и без того скудный обзор до минимума. Поднялся сильный ветер, что буквально швырял в стены колымаги белые хлопья. Ксения куталась в меховой ворот своего плаща и молила всех святых, которых только могла вспомнить ныне, когда так была перепугана, о благополучном финале их пути. Она то и дело выглядывала из колымаги, чтобы разглядеть в смутных конных силуэтах Владислава, чтобы убедиться, что с ним все хорошо, что его конь не оступил в этой тьме, а он сам не упал на дорогу и не сломал себе что-нибудь.

Оттого она вздохнула в облегчением, когда наконец они въехали через большие ворота на какой-то широкий двор, когда колымага остановилась перед крыльцом некоего дома, громадиной выступившей для Ксении в этой метели. Отчетливо была видна только дверь, вернее, ее ярко освещенный проем, служащая неким сигналом, куда следует путникам повернуть, чтобы не заплутать во дворе в этой метели. Ксения распахнула дверцу и тут же была оглушена криками людей, суется около колымаги, но невидимых за этой снежной пеленой, ржанием лошадей, перепуганных разгулявшейся со временем стихией.

— Где мы? — спросила Ксения, когда к ней откуда-то из метели склонилась голова Владислава, такая огромная в этой меховой шапке, залепленной снегом. Он ничего не ответил, только просунул руки вглубь колымаги и подхватил ее на руки, понес сквозь метель к ярко освещенному дверному проему, прижимая рукой ее голову к своему плечу, закрывая от порывов ветра.

Прогрохотали по деревянному крыльцу каблуки сапог, захлопнулась с шумом дверь за Владиславом, и только тогда шляхтич убрал руку с затылка Ксении, позволяя ей поднять голову со своего плеча. Она поморщилась, когда Владислав занес ее из сеней в большую гридницу, от яркого света, что тут же ударил в глаза, а потом с удивлением оглядела деревянные балки стен, сплошь увешанные оружием, расшитые занавеси на окнах, деревянную добротную мебель и большую лестницу с широкими ступенями и резными балясами, ведущую на второй этаж дома. У побеленной печи сутилась маленькая женщина в белом рантухе, доставая из нее горшки под тяжелыми крышками. Она оглянулась на вошедших и заулыбалась, отставляя в сторону ухват, которым так лихо орудовала до сих пор, вытирая руки о передник.

— Где мы? — шепнула Ксения, краснея под внимательным, но добрым взглядом хозяйки, утыкаясь носом в мокрую от тающего снега ткань кунтуша Владислава. Тот ласково провел губами по ее губам, рассмеялся тихонько.

— Добро пожаловать в Белоброды, панна Ксеня, — проговорил он и только потом спустил ее на пол, перенеся через порог, чтобы обмануть злых духов, как того требовал обычай.

Белоброды! Ксения не могла не осматриваться позднее, когда все расселись в

просторной гриднице за стол, чтобы поужинать и обогреться с пути. Здесь многое было так схоже с теремами, в которых она прежде жила! Деревянные стены и пол, простые занавеси на окнах, широкие скамьи с суконными полавочниками и из такой же ткани наоконники на небольших окнах, льняная расшитая скатерть на дубовом столе. Вот только образов не было у красном углу, а ведь когда стояли они на полке, Ксения отчетливо видела след от нагара на потолке в углу гридницы.

А потом незаметно для себя уснула, уронив голову на плечо Владислава. Вот только осматривалась с любопытством по сторонам, а потом уже провалилась в сон, убаюканная монотонным гулом разговора да теплом, идущим от большой ценинной печи. Она открыла глаза только дважды — когда ее укладывали на подушки и потом, когда перина прогнулась под тяжестью тела Владислава, устраивающегося на ночлег рядом с ней.

— Спи, — прошептал он в ее волосы, прижимая ее к себе. — Спи, ты должно быть устала....

И Ксения снова закрыла глаза, чтобы снова увидеть большой двор, маленького темноволосого мальчугана и Владислава, катающего сына на своих широких плечах. И улыбка не сходила с ее уст всю ночь, пока она была в стране грез, пока наслаждалась тем счастьем, что принес ей этот сон. Так и поцеловал ее в эту дивную улыбку Владислав утром, стараясь разбудить ее, вернуть ее себе на грешную землю.

— Просыпайся, засоня, — прошептал он Ксении в ухо, касаясь его губами. — Просыпайся, уж солнце давно на небе встало.

Но когда она распахнула глаза, перепуганная, что заспалась так долго и пропустила час утренней молитвы, не сумел удержаться и стал горячо целовать, прижимая своим телом к подушкам, пока и ее кровь не закипела в жилах, пока она сама не стала отвечать ему со всем пылом, на который только была способна, запуская пальцы в его волосы, вдавливая свое тело в его.

Они вышли из спальни только во второй половине дня. Владислав открыто любовался смущенным румянцем Ксении, а также ее радостью, когда она впервые огляделась на шляхетском дворе. Он видел, как она с интересом разглядывает деревянный дом с высоким крыльцом под крышей с резными украшениями и хозяйственные постройки, как улыбается открыто холопам, что были заняты работой. И потом, когда они пошли в деревню, стоявшее в версте от шляхетского двора, как она была рада этому простору, этим полям и лесу вдаль за деревней, этим людям, что редко, но встречались им на пути, стягивали шапки с голов и кланялись.

И в то же время Владислав не мог не ощутить какой-то странной горечи — коли б она так же смогла в землях Заслава. Отчего она там так закрыта для всех? Словно загнанный зверек в ловушке. И невольную обиду за те земли и тех людей. Стал оглядывать внимательно, встречающихся им хлопков — не оттого ли она так приветлива с ними, что многие из них ее веры, до сих пор схизмы держатся, втайне молясь в доме деревенского старосты? Но спрашивать не стал, не желая ни обижать Ксении, ни получить подтверждения своим догадкам.

По возвращении после их долгой прогулки по окрестным землям, по которым они бродили до тех пор, пока у Ксении не промокли ноги, Владислав распорядился поставить в их спальне деревянную бадью с горячей водой. Ксению не надо было долго уговаривать, чтобы залезть в нее — для нее теперь уже не было дивом, что тут моются прямо в комнате. Она даже нашла в этом некое удобство — не надо было далеко ходить да и горячая вода

превосходно расслабляла тело, избавляла от напряжения мышцы.

Хотя долго понежится в бадье наедине со своими мыслями Ксении не удалось — не успела она погрузиться в воду, как в спальню вернулся Владислав и стал расстегивать пояс с загадочной улыбкой на губах.

— Что ты делаешь? — спросила Ксения, чувствуя, как в груди забилось сердце, словно после долгого бега, а губы помимо воли раздвигаются в довольную улыбку.

— Я ненавижу холодную воду, — признался Владислав, скидывая с плеч жупан. За ним последовала рубаха и сапоги. — Другого пути помыться еще горячей водой я не знаю. А ты?

Ксения тоже не знала. Потому и промолчала, когда он, уже полностью обнаженный, залез в бадью, расплескивая воду на пол.

— И потом — кто-то же должен потерять тебе спину, правда ведь? — с губ Владислава так и не сошла улыбка заговорщика, заставившая Ксению тихо рассмеяться и повернуться к нему спиной, мол, давай тогда, займись, чем обещал. А потом вздрогнула, когда Владислав отвел с ее шеи и спины волосы, стал покрывать обнаженную кожу медленными легкими поцелуями. Она даже немного огорчилась, когда он все-таки провел тряпицей по ее спине, принимаясь за то, что обычно делала служанка.

Так странно — принимать то, что обычно делали служанки, от мужчины. Каждое прикосновение тряпицы или пальцев к коже будоражило кровь, прогоняло из головы мысли, делая ее абсолютно пустой, чтобы душа в полной мере отдавалась этому моменту. Уже через несколько минут она вырвала из пальцев и тряпицу, и неровный кусок мыла, уронив тот на самое дно бадьи, прижалась губами к его губам, прервав его довольный хриплый смех, придавливая его своим телом к деревянной стенке.

А потом Владислав сидел на стуле возле камина, а Ксения уютно расположилась на ковре у его ног, позволяя его пальцам разбирать ее длинные волосы на пряди, чтобы те быстрее просушились от огня. И она замирала при каждом касании пальцев к ее волосам, замирала от разрывающего душу счастья и умиротворения.

— Будь я кошкой, я бы свернулась калачиком у твоих ног ныне, — призналась Ксения, закрывая глаза, когда его пальцы вновь прошли по ее волосам, вызывая в ней сладостную дрожь до самых пальчиков на ногах.

— Я знаю, — улыбнулся Владислав. — Это написано на твоем лице.

Она недовольно надула губы, расслышав усмешку в его голосе, и он склонился и поцеловал ее в эти надутые губы, не в силах удержаться.

Они долго лежали без сна, слушая, как трещат в очаге поленья, сгорая в этом ярком пламени, едва укрываясь толстым одеялом, подбитым заячьим мехом. Просто лежали и смотрели друг на друга, молча, словно впервые увидели так близко лица. А может, запоминая каждую черточку лица, сохраняя в укромном уголке памяти.

Это были самые счастливые дни, которые только были у Ксении за это время, что она прибыла в эти земли.

Не было ни шляхты, которой был так полон Замок, что редко когда выдавалась минута побыть даже на прогулке наедине. Не было слуг, вечно суетящихся поблизости — в Белобродах Владислав и Ксения были совсем одни в хозяйском доме, человек, смотрящий за домом, его жена и холопы жили в другом жилище на дворе. Не было никаких недомолвок или шепотков за спиной, что мнились Ксении в Замке.

Они просыпались с первыми лучами солнца, и после молитвы, которую читала Ксения, опускаясь на колени лицом к востоку, спускались вниз к небольшому завтраку, а потом

выходили во двор, где Владислав пытался научить Ксению ездить верхом. Той давалось это с трудом — не было принято в Московии девицам на конях верхом ездить в непотребной позе. Да и лошадей она побаивалась, памятуя, как в детстве ее укусил один из жеребцов отца.

Оттого-то ей было покойнее, когда Владислав брал ее перед собой на валаха да выезжал со двора, сминая выпавший за ночь снег, оставляя на белом полотне вереницу следов. Именно в Белобродах он показал ей своего любимца — сокола Дара, которого привез с собой в клетке, а потом приучал ее держать на руке, не бояться хищной птицы.

— Мне его жаль, — призналась как-то Ксения, выпуская сокола вверх, любуясь его полетом в ясном небе.

— Отчего? — спросил Владислав, не отрывая взгляда от сокола, кружащего над ними, высматривающего добычу с высоты, сквозь уже пустые ветви деревьев в лесу.

— Он не волен. Ему бы полететь в вышину, оторваться от всего земного. Стать свободным. Разве у нет такого желания?

— Он уже улетал от меня, и не раз, — признался Владислав, глядя, как вдруг сорвался вниз сокол, заметив добычу на земле. — А потом возвращался, веришь? Быть может, ему по душе пришлась жизнь в тепле и при постоянной кормежке. Но я все же льщу себя надеждой, что он питает ко мне привязанность, раз вернулся обратно, коли отказался от неба и своей свободы.

Когда же погода не позволяла выходить из дома (недаром же эту пору называли снеговеем), Владислав и Ксения оставались возле теплого очага, под крышей. Ксении особо полюбились эти дни, когда они были так близко друг к другу, когда говорили обо всем или просто молчали, когда играли в кости на поцелуи или желания. Или когда она сидела за рукоделием, что захватила из Замка, а он сидел у камина, что-то сосредоточенно ища в огненных всполохах. В такие минуты она замечала, как он снова морщит лоб, как опять мрачнеет его лицо, словно он опять возвращается обратно к тяготам такой непривычной ему пока жизни ордината.

— Что с тобой? — не выдержала Ксения как-то раз и спросила Владислава, когда тот курил у очага и хмуро, глядя в огонь, морщил лоб. — Что-то худое на душе?

— Ты ходишь к Марыле-повитухе, — И это было утверждение, а не вопрос. А еще Ксении послышался в этих словах некий упрек. — Отчего?

— А отчего бы и нет? — переспросила Ксения. — Мне так благостно в ее доме, под образами знакомыми.

— Не ходи туда боле, не надо, — твердо сказал он, и она распознала приказ, поняла, что отныне ей ход заказан в лесную избу.

— Отчего? Оттого что ее считают ведьмой? — не могла не спросить Ксения, сжимая иглу в раздражении.

— Поэтому также, — кивнул Владислав. — Поберегись дразнить людей, доле уже делала то.

И она не стала спорить, только склонила голову в знак согласия, принимая его решение. Он удивленно посмотрел на нее, будто ожидал от нее возражений, а потом поднялся с низкого табурета, на котором сидел, прошел в соседнюю горницу и вернулся обратно с небольшим ларцом в руках. Поставил его на стол возле Ксении.

— Забери себе, драга. Это матери моей. Думаю, она не стала бы возражать то, что тебе отдаю.

Владислав откинул крышку ларца, откинул тряпицы, которые надежно укрывали

спрятанное от пыли и лишнего взгляда, и Ксения даже приподнялась в удивлении, заметив святой лик, а потом дрожащими руками достала из ларца дар, разложила на столе, едва скрывая свою радость. Это были оплечные {1}образа в киоте, с большими венцами из золота и с жемчужной обнизью по ободку, со сканными {2}золотыми окладами.

— Можешь забрать с собой в Замок, — проговорил Владислав, чувствуя, как замирает сердце от ее слез, что ручьями полились по лицу при виде ликов. — И боле не ходи к повитухе.

Ксения только обняла его, прижимаясь всем телом к нему, пряча свое заплаканное лицо у него на плече. В ее груди разрывалось от счастья и огромной любви сердце. Она понимала, что значит, для него этот дар, и насколько он отдаляет Владислава от его мечты, что когда-нибудь она разделит с ним не только жизнь, но и веру.

— Я так люблю тебя, — прошептала Ксения, едва слышно, и он легко коснулся губами ее макушки, погладил ее мягкие косы.

— Мне так благодно здесь! — тем же вечером, когда они лежали в постели, а за окном по обыкновению гуляла снежная выюга, прошептала Ксения, целуя Владислава в плечо, а потом прижалась щекой к его груди, прислушалась к стуку его сердца. — Так бы и осталась тут, в Белобродах!

— Мы и так тут пробыли столь долго, — возразил ей Владислав. — Уезжали вон, на тыдзень, а пробыли чуть ли не до самого Адвента начала.

Ксения обняла его крепче, обхватила теснее руками, вздохнула недовольно.

— Как жаль, что мы не можем остаться тут навсегда! Мне так хорошо здесь... с тобой.

— Если со мной, то должно быть хорошо в любом месте, — не мог не заметить Владислав на это, и замер, выжидая ответ. Но только очередной тихий вдох послышался в тишине — Ксения предпочла промолчать, обдумывая предстоящее возвращение в Замок. Ну и пусть, им не суждено жить и растить детей тут, в этом небольшом деревянном доме в Белобродах! Они же смогут сюда возвращаться всякий раз, когда захотят побыть наедине. В конце концов, это всего лишь один день пути!

За пару вечеров до утра предполагаемого отъезда, когда непогода снова стучалась снежными пригоршнями в толстое оконное стекло, Владислав принес еще один небольшой ларчик в спальню, где Ксения нежилась в мягкой постели, кутаясь в одеяло по плечи, еще не привыкшая к собственной нагоде. Она до сих пор удивлялась Владиславу, который мог, ничуть не смущаясь ее присутствия, выскользнуть из постели и добавить дров в очаге. Вот и сейчас он, совсем не стыдясь своего обнаженного тела, присел на край кровати, поставив перед собой ларец.

— Владислав! — бросила Ксения ему край одеяла прикрыться, и он со смехом подчинился ее требованию, склоняясь к ней и целуя ее в губы.

— Мне так нравится, как ты краснеешь! — прошептал он, слегка прикусывая ее пухлую нижнюю губу. — Ты становишься такой... миленькой...

— Миленькой! — фыркнула Ксения, принимая недовольный вид, и он щелкнул ее по носу, чтобы не задавалась. Миленькая — неплохой комплимент для панны, разве нет?

— Я обещал тебе передать это, — произнес Владислав, открывая взгляду Ксении содержимое ларца, крышка которого была богато украшена серебряной сканью. — Обещал, что ты пойдешь к венцу только в том. Как и желала моя мати.

В ларце лежали женские украшения. Золото и серебро, разноцветные камни поблескивали в восторгах огня, будто подмигивая Ксении из глубин ларца. Владислав

сначала достал лежащие сверху серьги из серебра и эмали белого цвета, богато усыпанные жемчугом, приложил их к ушам Ксении.

— Под твоё платье, что шьётся к Рождеству, — прошептал он, улыбаясь, словно отрок, дорвавшийся до сластей. Потом бросил их на постель, потянулся к следующему предмету — диадеме с несколькими кроваво-красными камнями. Она была словно сделана из переплетений тонкой золотой паутины, на которую упали каплями рубины — один самый большой по центру и несколько поменьше по обе стороны от него. По центру от большого камня на тонкой золотой цепочке спускался на лоб небольшой грушевидный рубин в золотой оправе.

— Мой прадед заказал это для моей прабабки в качестве свадебного дара, — проговорил Владислав, опуская на голову Ксении украшение, расправляя локоны на её обнаженных плечах. — Многие невесты Заславских шли к алтарю именно в ней. И я бы очень хотел, чтобы в ней пошла к алтарю ты, — он провел ладонями по её плечам, потом далее по рукам до самых пальчиков, которые захватил в плен и поднес к своим губам, не отрывая глаз от её лица. — Ты так красива, моя драга. Я не устану никогда повторять то. Не диво, что ты столько пленяешь в свои сети, не диво, что люди...

Он осекся, и снова его лоб пересекли две глубокие складки, снова в его голову пришли неприятные мысли. Ксения выпростала ладонь из его пальцев, провела по его щеке ласково, и Владислав будто очнулся, улыбнулся ей.

— Где б ты ни была, храни тебя бог и милуй! Я буду твоим, куда не взят могилой, — прошептал Владислав, глядя в её глаза, глядя тонкие пальчики, что удержал на своей скуле. — Так бог мне судил от века, и не жалею. Ты сотни других прекраснее и милее.

— Владислав! — ахнула Ксения, распахивая глаза удивленно. Таких красивых слов она доселе ни разу не слышала, кроме как в тех лиричных балладах, что пел пан Тадеуш.

— Это вирши {3}пана Кохановского, не мои, — поспешил проговорить Владислав. Она кивнула, не понимая, что такое вирши, замороженная его словами, что тронули её до глубины души. Пусть эти слова первым сказал кто-то другой. Зато ныне они были от самого сердца Владислава, она читала то в его глазах.

А потом Владислав отпустил её руку, отвёл глаза в сторону, смущаясь своим словом. Видели бы и слышали его люди его хоругви ныне, вот уж подивились бы! С Ксенией он всегда становился таким мягким, таким... таким... словом, проглядывала часть его души, в которую семена опускал не пан Стефан, а монахи из школы, готовившие его к церковной карьере. И он до сих пор не мог понять по нраву ему эта мягкость, что так неожиданно проснулась в нём спустя годы, или нет.

Он запустил пальцы в украшения, лежащие в ларце, намереваясь отыскать серьги с рубинами той же работы, что и украшение в волосах Ксении, но переворачивая камни и золото в поисках их, случайно выронил на постель другие серьги. Тускло блеснула в свете огня янтарная слеза в серебряной оправе.

«...Ты должна меня бояться, панна!» — всплыли в голове Владислава слова, сказанные им когда-то. «Ибо проклятие перстня, что ты когда-то носила на своей руке, уже приступило к своему делу. Янтарь погубит тебя, и погубит именно через меня!»

Молва, идущая по его землям, ненависть шляхты, страх людской, что заставляет подчас творить ужаснейшие вещи...

— Что с тобой? — встревожилась Ксения, обхватила ладонями его помрачевшее лицо, заглянула в его потемневшие глаза. — Что с тобой?

— Ничего, моя драга, — он привлек ее к себе, прижал голову к своему плечу. Пусть вокруг творится, что угодно Господу! В нем довольно сил и воли, чтобы защитить ее от всего, что бы только ни свалилось на их головы!

— Владек! Владек! — вторгся в его мысли голос Ксении. Она пыталась вырваться из его хватки, прижимающей ее голову к его телу, золотая диадема не удержалась на волосах и упала в постель. Он непонимающе уставился на нее, еще погруженный в свои тягостные мысли, не сразу услышал то, о чем она пыталась сказать ему. — Стучат! Стучат!

И верно — дубовую дверь внизу кто-то колотил со всей силой, призывая находящихся внутри дома отпереть тяжелые засовы. Владислав быстро перекатился на постели, накиннул на голое тело жупан, поспешил сойти вниз и уступить этому требованию, пока дверь не разнесли в щепы.

Он долго не возвращался назад, и Ксения не выдержала — тоже спустилась с постели, завернувшись в одеяло. «Я только гляну одним глазком, что там», уговаривала она себя, когда приоткрывала дверь спальни, чтобы в образовавшуюся щель осмотреть часть нижнего этажа, увидеть прибывших, ведь с того места была аккуратно видна дверь из сеней.

На скрип двери поднялись головы мужчин, что стояли внизу, и Ксения покраснела, заметив, что ее обнаружили. А потом застыла, заметив даже издали, как бледен Владислав, какая тень набежала на его лицо, делая его на вид старше своих лет.

— Я должен уехать. Нынче же, — проговорил Владислав громко, чтобы услышала Ксения, уже закрывавшая дверь спальни. Она замерла. За окном вовсю бушевала вьюга. Вон какими заснеженными ступили в дом и Ежи, и другие гайдуки, что приехали с ним! Знать, худые вести привез усатый шляхтич. Как тогда, в землях Крышеницких.

— Нынче выезжаю, — повторил Владислав. — Ты поедешь после, Ежи проводит тебя в Заслав.

Уже закрывая дверь спальни, Ксения услышала, как он в сердцах выругался и с силой ударил по стене, разбивая в кровь костяшки пальцев.

На белоснежной простыни снова тускло блеснул в очередном всполохе огня дар солнца.

1. Т. е. писанные по грудь

2. От слова «скань», означающего вид ювелирной техники — ажурный или напаянный на металлический фон узор из тонкой проволоки; то же, что филигрань

3. В то время название всех стихов в противоположность прозе

Ксению задержала непогода в Белобродах на несколько дней. Снег шел, не переставая, словно природа, задержавшись с метелями в начале месяца, решила вывалить его разом в конце. Ежи отказывался ехать в такую пору, упирая на то, что если что-то случится в пути, то головы на плечах не будет у него, а не у упрямой панны, говоря, что легко заплутать, когда не видно ничего даже в трех шагах от себя.

Ксения кивала в ответ, а сердце сжималось в каком-то странном предчувствии, предательский холодок вползал в душу. Ей казалось, что ей так покойно тут, в Белобродах, но она ошибалась — покой и счастье ей дарил Владислав. И неважно было совсем, какие стены окружают ее — каменные ли или деревянные. Но тогда Ксения ошибочно связывала свои ощущения, свой страх с внезапным отъездом Владислава, и только.

Он пыталась выпросить у Ежи, что за причины толкнули Владислава на столь поспешный отъезд, но усатый шляхтич молчал, только смотрел на нее так внимательно, будто за то время, что он ее не видел, у нее что-то поменялось в лице. Да и гайдуки, что остались в Белобродах... Они редко заходили в гридницу хозяйского дома, предпочитая ночевать в конюшне, завернувшись в теплые плащи, и это казалось Ксении странным — кто откажется по своей воле лечь у очага в такую непогоду, кто предпочтет прохладной конюшне хорошо отапливаемую гридницу? А еще они тоже смотрели на нее, будто у нее было не два глаза, как у обычных людей, а три. Гайдуки в большинстве своем были незнакомы Ксении, Ежи после сказал ей, что этой новые люди, и она связала их любопытство к своей персоне с тем, что они впервые видели ее. Зато слышали-то точно — у нее не было сомнений, что уже каждый в землях магнатства знает, кто она.

Наконец, на четвертый день природа смилостивилась над Ксенией — когда она выглянула через маленький просвет на покрытом морозными узорами стекле, заметила, что за окном ясно, и не метет более белыми хлопьями. Быстро кликнула Ежи из гридницы внизу, приказала запрягать.

— Что, панна даже не позавтракает? Арыся вон на стол уже накрывает, — нахмурился он, по привычке щипая ус.

— Пусть в дорогу нам соберет то, что на стол ставит! — отрезала Ксения, завязывая шнуровку на груди — в Белобродах она отказалась от платьев шляхтянки, предпочитая эту — простую и добротную. Словно в те времена вернулась, когда только в эти земли приехала.

Ежи не стал с ней спорить — пожал плечами и вышел вон, и Ксения продолжила сборы, завязав в узле одежду, которую брала с собой, уезжая из Замка. Этот узел и ларец с украшениями, что дал ей Владислав в тот последний вечер, который они провели здесь, она передала одному из гайдуков, ящичек с образами в киоте взяла сама, прижав к себе, словно самую большую свою ценность. Ежи, видно, сразу же понял, что находится внутри этого ларца с золоченной сканью на крышке, снова закрутил длинный ус, прищурив глаза.

— Владислав сказал, что его мать была бы не против того, что они моими отныне будут, — проговорила Ксения, опуская глаза на ларец, словно стыдясь этого дара. Ежи протянул руку и провел пальцами по крышке, так легко, будто касался нежной женской кожи. А потом вздохнул, тряхнул головой в большой шапке с лисьим околышем, посторонился, пропуская Ксению к дверце колымаги. Но когда она уселась внутри, устроив ларец на сидении подле себя, вдруг проговорил:

— Будь его мати живы, поняла бы, как ошибалась тогда, в те дни, когда эти доски в ларце ставила выше. Выше пана Стефана, выше своего счастья. Теперь, когда перед глазами станет так ясно..., - он осекся, а потом аккуратно закрыл дверцу колымаги, словно завершая их разговор. Но не удержался и добавил, уже отходя. — Так что не думаю, что она была бы рада, что они теперь твои нынче, не думаю, панна.

Колымага тронулась с места, скрипя колесами по хрустящему снегу, а Ксения задумалась над словами Ежи. Разве возможно то, что пани Элена была бы против, коли жива была бы? Разве не рада была бы, что ее невестка той ж веры, что и она? А потом вспомнила все ссоры и разногласия родителей Владислава и их разрыв. Нет, у нее будет другая судьба, Ксения уверена в том твердо. Владислав не такой, как его отец, а она не станет совершать такой ошибки, как сделала пани Элена, покрестив дочь в греческую веру.

Обратный путь в Заслав занял гораздо больше времени, чем путь в Белоброды — четыре дня против одного. Ежи решил, что Ксения поедет в колымаге, хотя по ставшему снегу, уже такому твердому и плотному, обычно ездили в санях. Дорогу основательно замело за эти дни метелей, а колеса — не полозья, часто застревали в снегу, и гайдукам приходилось спешиваться, толкать тяжелую колымагу из очередного сугроба.

— Неужто нельзя было в Белобродах сани взять? — горячилась Ксения очередной задержке, запальчиво спрашивала Ежи. Но тот только плечами пожимал, мол, взяли колымагу, в колымаге должны и вернуться. Ксения видела по его глазам, что тот даже рад, что их путь так растянулся, что они так долго едут в Заслав. А еще он скрывал от нее причину, по которой Владислав так неожиданно уехал из вотчины. Она спрашивала Ежи об этом еще в Белобродах, но тот неизменно отвечал одно:

— Пан Владислав сам решает, кого в свои дела посвящать. Вот решит поведать тебе — сам и расскажет.

Ксения вскоре сама перестала пытаться усатого шляхтича, осознавая, что ничего не добьется от него. Вон, как он решительно губы поджимает, вон, как брови хмурит грозно, показывая ей, чтобы не беспокоила его со своими расспросами, позволила ехать наедине со своими мыслями, а на стоянках в корчмах придорожных выкурить чубук у очага в одиночестве. Непривыкшей к такому долгому молчанию Ксении это было в тягость, она заметно заскучала, и была готова уже хоть с кем-нибудь поговорить, даже о метели, что разыгралась тогда за окном к полудню.

Ежи велел завернуть в корчму, дорогу к которой спросил в деревеньке, что они проезжали тогда, и Ксения в этот раз не огорчилась, а только обрадовалась этой остановке, несмотря на то, что до Заслава оставалось всего ничего — снег бил с такой силой, что уже порядочно намел даже внутри колымаги. А руки и ноги Ксении совсем окоченели от холода даже под медвежьей полостью.

В корчме было шумно и многолюдно, почти все столы и лавки были заняты. Но гайдуки быстро освободили стол для Ксении в самом углу гридницы, возле одной стороны белой ценинной печи, а сами расселись на лавке чуть поодаль от нее, окидывая грозными взглядами любопытных, заставляя их отводить глаза в сторону. Ежи приказал корчмарю принести горячей рыбной похлебки да хлеба, подогретого вина с травами для панны и «что-нибудь погорячее» для него и гайдуков, понимая, что только так можно вернуть тепло в заочневшее от непогоды тело и члены.

От похлебки Ксении пришлось отказаться — по ее расчетам уже более седмицы шел Рождественский пост, и Ежи ничего не оставалось другого, как отойти из-за стола, так и не

дождавшись корчмаря, как он его ни звал.

— Ни рыбы, ни яиц, ни молока, верно? — перечислил он прежде. Он вот что бы то ни стало, желал, чтобы та съела за обедом хоть что-нибудь, кроме куска хлеба — «И так тоща, аж кости все сосчитать могу! Разве должно ба... панне быть такой худой?» Вот и решил сказать рындарю, чтобы жинка его приготовила овощную похлебку для панны. А потом, уже удаляясь от стола, оглядел зал корчмы, сидящих за столами, и напоследок добавил, удивляя Ксению своими словами. — Ни с кем не говорить! То добже будет.

Ксения задумалась, глядя, как тот лавирует между многочисленных столов, как скрывается за дверью, что вела к хозяйским комнатам и кухне. Что от нее скрывают? И Владислав ничего открыл, уезжая, и Ежи всю дорогу молчал, будто воды в рот набрал. Она оглядела зал внимательно, как Ежи сделал то, уходя, но ничего странного не заметила: слегка закопченные от дыма очага некогда побеленные стены, шляхтичи и мещане за широкими столами, гайдуки Владислава, хохочущие во весь голос, но тут же смолкнувшие, едва заметили взгляд Ксении на себе.

Ксения вздохнула и взяла хлеб, укусила ароматную мякоть, наперед перекрестившись, как положено было перед едой. И тут же встретила на себе пристальные взгляды сидящих за пару столов от нее. От их напряженных лиц Ксении стало не по себе, и она поспешила опустить глаза на кусок хлеба, что держала в руке.

— Панна из Замка Заславского? — спустя некоторое время прозвучал прямо над ухом Ксении вопрос. Она вздрогнула от неожиданности и повернулась к говорившему, худому и высокому шляхтичу, что стоял прямо возле ее стола, сминая шапку в руках. Это был один из мужчин, что так странно смотрели на нее недавно. Другие же тоже поднялись со своих мест, подошли к столу Ксении, пока та соображала, что ей следует ответить на этот вопрос. А потом кивнула несмело, убеждая себя, что бояться ей нечего — в зале сидят гайдуки, прямо за спиной обратившегося к ней шляхтича, и недалеко был Ежи.

— Панна позволит нам присесть за ее стол? — проговорил шляхтич, быстро оглядев зал, задержавшись взглядом на примолкших гайдуках. — Панна ведь не откажет своим братьям по вере.

Ксения взглянула на него, прищулив глаза, и тот поспешил показать нательный крест, вытащив его поверх жупана.

— Мы православной веры, как и панна. Панна позволит присесть?

Заинтригованная и обрадованная, хотя и скрывала это как могла, Ксения кивнула, приглашая мужчин сесть на лавки у ее стола, что те и сделали. Рванулись с места гайдуки, но Ксения остановила их жестом, мол, все в порядке.

— Вы православной веры? — переспросила она у шляхтичей, что расселись напротив нее. Тот, что подошел первым к ней, занял место на лавке рядом с ней.

— Православной, панна, — подтвердил он. — И мы слышали, что панна тоже верна отеческой вере, невзирая на старания пана Заславского.

Ксения хотела сказать, что Владислав не переубеждал ее ни разу веры переменить, но не стала прерывать его, решила дослушать до конца, что они намерены сказать ей ныне. Ведь не зря же они подошли к ней. Знать, есть, что поведать ей.

— Панна знает, каково наше положение ныне в землях этих, — продолжил шляхтич. — Как решили, что быть всем храмам в этих землях под Папой, так житья совсем не стало. Ведает ли панна...

И шляхтич рассказал Ксении о том, как рьяно взялись за уничтожение православной

веры бывшие недавно пастырями греческой церкви митрополиты, перешедшие на сторону Унии. Как тут же после принятия Унии набросились на монастыри и церкви, что отказались переходить под Папу, набросились на православные храмы, священников и монахов. Как преследовали их по всем землям, бросал их в тюрьму, приказывал сбривать им бороды, отбирал приходы, издевался над ними, а особенно упорных в православной вере сдавал как бунтовщиков светским властям.

— Верными вере предков остались только самые стойкие и мужественные, — проговорил шляхтич, и его товарищи кивнули головами, соглашаясь с каждым его словом. — Поддающиеся на уговоры, пугливые, те, кто боялся потерять свои владения, имущество, особенно магнаты, зажиточные бояре и мещане отреклись и перешли кто в латинскую веру, а кто и в униатскую, — шляхтич будто выплюнул с языка последнее слово. — А хлопов же погнали в новую веру силком. Как пан Стефан Заславский...

Ксения взглянула на шляхтича, перепуганная тем, что услышала. Ей казалось, что нет никаких гонений в землях Заславских, ведь жила она же сама в своей вере, и никто слова поперек не сказал.

— Нашим иереям запрещается под угрозой смерти появляться в местах, где церкви стоят. У них нет права творить службы, таинства, служить панихиды. Запрещены похоронные процессии для православных по улицам городов и деревень, покойников приказывают вывозить ночью через ворота для удаления из города нечистот, — не умолкал шляхтич, хотя и видел, как побелела лицом Ксения, как замерла потрясенно, слушая его рассказ. — Панна, видно дивится, к чему я говорю то панне? Я скажу ей. Пани Елена, упокой Господь ее душу в чертогах своих небесных, — перекрестился он, за ним этот жест повторили все сидящие за столом. — Пани Елена, мать нынешнего ордината, была истинной православной. Ее земли были оплотом для всех верующих в магнатстве, ведь именно там была церковь греческая. Пан Стефан сумел затянуть в сеть латинской веры всех хлопов и шляхту в своей ординации, но пани Елена сумела отстоять греческую веру. Но как только ее не стало... — шляхтич горько вздохнул, а потом вдруг рванулся к Ксении, взял ее ладони в свои руки, сжал их в волнении.

— Панна нам — как ответ на наши молитвы, — запальчиво проговорил он. — Панна сумеет убедить пана ордината не трогать нашей веры, вернуть нам священников наших. Или хотя бы не трогать нас, православных. Мы согласны оставить церкви под властью новой веры, мы могли бы выстроить свои, как делаем то уже несколько лет в поле или в лесу. Пусть не трогают нас, панна попросит пана ордината о том. Ведь позволил же пан униатам. А еще пан Стефан клялся, что не будет иной веры в его землях, кроме латинской! Вести о том по всему магнатству разошлись. Все ведают, что панна помогла униатам в том.

Ксения выпрямилась резко, удивленная до глубины души толками, что ходили по землям. Вот отчего так возненавидел ее пан Ясилович!

— Пан ошибается, — медленно произнесла она, улыбаясь ласково шляхтичу. — В том нет дела моих рук. Пан Заславский сам принял то решение.

— Но панна, видать, подсказала...

— Нет, — покачала головой Ксения. — Я не ни единого слова не сказала про церковь той веры.

— Но панна ведь уговорит пана ордината в нашем деле? — настаивал шляхтич, сжимая пальцы Ксении сильнее. Та поспешила высвободить руки, но тот не отпускал ее. — Разве сама панна не понимает, как тягостно душе, коли церкви нет? Коли нет службы, исповеди,

причастия святого? Панна должна умолить пана ордината!

— Вы сами сказали мне, паны, что греческая вера вне закона в этих землях. Как же пан ординат...? — попробовала ускользнуть от этой опасной для нее темы Ксения, уже жалея, что пригласила их за свой стол, чувствуя подсознательно, как поменялся настрой шляхтича — теперь он уже не улыбался умиротворенно, ныне его губы словно застыли в злом оскале.

— Пан ординат — сам себе закон в его землях! Панна ведает пути, которыми можно склонить пана ордината к своей воле. Разве панна сама не желает освятить свою греховную связь с паном под куполом православной церкви? Или панна настолько погрязла в грехе, что уже забыла о том, что в блюде живет?!

Лицо Ксении бросило в краску, едва он произнес эти слова резким, злым голосом, сердце больно сжалось от страшной правды его слов. Но все же...! Как он может! Он попыталась вырвать руки, но он не отпустил ее ладони из своей хватки.

— Я кликну гайдуков! — прошипела она в лицо шляхтичу, который склонился вдруг к ней еще ближе, едва ли не нос к носу. Он тут же выпустил ее руки, и Ксения отстранилась от него, хотела отодвинуться по лавке дальше, но он прижал подол ее платья ладонью, мешая движению.

— Знать, панне не нужна церква православной веры? — проговорил тихо шляхтич, но от его тона кровь застыла в жилах Ксении.

— Идите к пану ординату, как сделали то униаты, и просите его, — тихо ответила она. — Я буду рада, коли он поможет вам в том.

— Но будет ли панна огорчена, коли откажет? — таким же холодным и злым голосом проговорил шляхтич. — Творит ли панна поклоны? Блюдет ли пост? Сдается мне, что правы языки, и панне не нужна церковь греческой веры. Панне не нужен храм, вера-то у панны не в Господа нашего. Московитская ведьма!

Ксения застыла, пораженная его словами, его злыми несправедливыми обвинениями в свой адрес. Она не встречала ранее такую ничем неприкрытую агрессию от совершенно незнакомых ей людей, а ныне — и пан Ясилович, и теперь вот этот шляхтич, носящий на груди такой же нательный крест, как у нее, называющий себя давеча ее братом...

Они понимала, что не могла ничего обещать этим людям, до сих пор помня о том, как бушевал в Замке пан Ясилович. «Есть те, кто не простят тебе твоих слов», вспоминала она слова Владислава, что уж говорить о поступках? Или она просто испугалась нарушить то зыбкое равновесие, что установилось недавно, не захотела потерять тот покой, что приобрела в Белобродах?

Шляхтичи уже давно вернулись на свои места, а Ксения все думала над тем клубком чувств, что ныне был в ее душе. Ей было гадко от слов, что услышала, от злобы, что так и сквозила в голосе ее собеседника. Разве может истинный православный быть таким злым, бросать такие обидные слова?

— Что стряслось? — спросил Ежи, ставя перед ней глиняную миску с овощной похлебкой, усаживаясь напротив нее. Ксения только покачала головой, придвинула к себе миску с похлебкой, опустила ложку в горячее варево.

— Да, я вижу, — кивнул Ежи, крутя ус, — Несолено, видать, тебе, раз ты слезами варево поливаешь. Кто подходил к тебе? Говори, не то гайдуков спрошу, — а потом обернулся на шляхтичей, что недавно у стола Ксении были. Те поспешили собрать свои пожитки и, бросив еще не опустевшие кружки, уйти спешно из корчмы. — Чертовы фанатики! — плюнул он на пол корчмы в сердцах.

— Ты их знаешь? — удивилась Ксения. Ежи схватил ложку и принялся хлебать с шумом уже изрядно остывшую рыбную похлебку, что стояла перед ним. Только после, когда уже вышли из корчмы и готовились тронуться в путь, усатый шляхтич заговорил с Ксенией.

— Когда пани Элена обвенчалась с паном Стефаном, многие рты пораскрывали. Всяк костерили ее — и ведьма она, и изменница вере своей, раз с католиком руки соединила, — Ежи прищурил глаза, пытаясь скрыть свои эмоции от глаз Ксении, но та ясно распознала боль, мелькнувшую в них. — Особо старались не католики даже, а ее же братья по вере. И вот этот Гридневич во главе этой своры. Дошло до того, что они прошение патриарху куда-то в иные земли писали признать брак по православной вере недействительным. И добились своего!

Ксения резко обернулась к нему. Так резко, что едва не уронила шапку с головы, пришлось ладонью придержать, чтоб ту в снег не сбросить ненароком.

— Что? Что?! — она, широко раскрыв глаза, уставилась на Ежи, даже забыв дышать в своем волнении. Ежи улыбнулся ей с грустью в глазах, одними уголками губ под густыми усами.

— На третий год их союза с паном Стефаном грамота пришла от патриарха вашей веры. Священника, что таинство творил, и епископа земель строго наказать, а сам брак признать без силы среди верующих православия. Вот так вышло, что пани Элена и не мужней женой оказалась, а блудницей в глазах тех, кто веры ее держался. И в церковь не могла ходить, чтоб каждый не взглянул косо, и была вынуждена всякий раз каяться в грехе своем сожителю без венца. Пан Стефан тогда лютовал страшно против православных за то. И возненавидел их шибко за обиды эти. И за то, что даже это не сломило пани Элену в вере ее, не приняла она догматов католичества, как ни била ее недоля. А зря! Что притихла, панна? Готова к тому, что в грехе будешь жить, коли так же дело пойдет? Али сменишь патриарха на Папу все же? Такие, как Гридневич, не оставят тебя в покое никогда. Только когда недоля прижмет, приползут да ногу поцелуют, не раньше. Вон как он приполз к пани Элене, когда закрутилось все так.

— Они меня тоже ведьмой за глаза зовут? — тихо спросила Ксения, глядя в глаза Ежи, чтобы сразу понять — правду ли он ей скажет или солжет. — Как и мать Владислава?

— Зовут, панна, — твердо ответил Ежи, уже давно решивший открыть ей то, что так тщательно скрывают в Замке, несмотря на все запреты Владислава. — Говорят, что ты церкви боишься и крестного распятия, что тебя аж перекосило, когда бискуп крест хотел совершить над тобой. Все то видели тогда. Что ходишь к Марыле-повитухе за снадобьями ведовскими да на встречи с дьяволом. А еще затем, чтобы... — он скривил губы, немного помолчал, словно слова подбирал, а потом продолжил. — Что ты зеркал боишься, как любая ведьма, не глядишь на свое отражение. И пана Владислава ты околдовала, что он совсем другим стал, чем в земли московские уезжал. И других панов в Замке. Что, мол, околдованный, пан Добженский едва не пустил кишки пану Ясиловичу по твоей воле. Что от тебя детей надо прятать, чтоб не сглазила, что в землях зима такая лютая ранее срока по твоей вине. Вот, что молва разносит.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ксения стояла ни жива, ни мертва от этой вести. В ее груди смешались и возмущение этими толками, и обида за эти несправедливые слова, и суеверный страх. С губ невольно сорвался истерический смешок, и Ежи взглянул на нее удивленно — все так непросто, а ей смешно. И это ныне, когда...!

Только уже когда колымага тряслась по неровной снежной дороге, Ксения позволила себе выплакать то, что накопилось за день. Ее изрядно напугало и огорчило то, как отнеслись к ней православные шляхтичи. Неужто теперь и они будут клясть ее последним словами? Быть может, стоило позабыть о своей гордыне и попросить Владислава? Но она знала, что это вызовет целую бурю среди католической шляхты. Вон какая волна неприязни и злобы пошла после разрешения о строительстве униатской церкви! Что ж будет, коли она все же уговорит Владислава?

Или надо было взять на душу грех лжи и обмануть? Сказать, что переговорит, а самой умолчать и об этом, и о встрече в корчме? О Боже, Ксения опустила лицо в ладони, она сама не хотела даже думать о строительстве православной церкви в землях Заславского магнатства, зная, какие последствия это может принести. Она словно проклята отныне — чужая, везде чужая! И среди православных, и среди латинян.

А потом вспомнились слова Ежи о судьбе пани Элены. А вдруг она не права? Что, если ей не суждено обмануть судьбу, и ее ждет та же участь, что и мать Владислава — одинокая, страдающая, корящая тот день, который так перевернул ее судьбу? Заклинающая свое дитя, что любовь не сулит ничего благостного, а только боль и горести, как заклинала пани Елена своего сына. Способна ли любовь преодолеть столько напастей, столько трудностей? «Тебе нет нужды бояться», сказал ей когда-то Владислав, «Я всегда буду подле тебя, клянусь». И она успокоилась, вспомнив эти слова. Ведь их любовь пережила столько испытаний ранее, неужто им не справиться?

Но когда маленький отряд въехал в ворота Замковой браны, когда Ксения заметила, с каким любопытством выглядывают из освещенных окон чьи-то темные силуэты, в ее душу снова заползает предательская тоска. Насколько ей было покойно в Белобродах, где, казалось, каждое бревно дома излучает благость, а тут... Снова неприветливая шляхта, снова косые взгляды и шепотки. Теперь она уже знала, о чем эти толки за ее спиной.

Владислава в Замке не было, что только усилило разочарование и тоску Ксении. Об этом ей сообщил пан Матияш, встретивший ее во дворе и проводивший в залу к остальной шляхте.

— Пан был вынужден уехать, не дождавшись возвращения панны. Он просил меня встретить ее, — извиняясь за Владислава, проговорил старший Добженский. Ксения окинула взглядом шляхту, что приветствовала ее в зале, и заметила, что тут в основном, только панны и пожилые паны. Мужчин было гораздо меньше, чем обычно. Знать, не просто на прогулку уехал Владислав, насторожилась Ксения. Но вслух ничего не сказала, даже бровью не повела — кивнула и попросила разрешения удалиться в свои покои, мол, устала с дороги.

Как Ксения и ожидала, за ней направились ее девушки, а с ними и Мария, уже располневшая слегка в талии. Ей было уже не скрыть свое положение — это ж не просторный сарафан, который закрывал от лишних глаз любое изменение в женской фигуре. Ксения отметила ее покрасневшие глаза, ее нервозность, ее резкие движения, когда та расчесывала волосы Ксении.

— Ты ведала, какие речи обо мне ведутся? Какие толки ходят? — задала Ксения вопрос, едва остальные паненки по ее знаку удалились из покоев. Руки Марии, заплетающие волосы в косу, чтобы те не путались во время сна, замерли на миг. — Что меня чураются {1}хлопы и шляхта?

— Кто сказал тебе то? — испуганно прошептала Мария. — Пан запретил говорить тебе. Кто сказал?

— Кто сказал, тот сказал, — повернулась к ней Ксения, взглянула сурово. — И ты молчала! Ты, которой я доверяю тут первой после пана Владислава!

— Я не могла, пан с меня слово взял молчать. И Влодзимеж, — прошептала Мария, отводя глаза в сторону, краснея от стыда. — Я ж тебе говорила, что ты неверно поступаешь, да ты только отмахивалась от меня. Вот пошла бы в латинство, тогда бы и не было многого. Хотя..., - она тут же осеклась, бросила на Ксению взгляд быстрый, оговорившись невольно. Та решила разузнать все целиком, пользуясь растерянностью Марии.

— Хотя? — переспросила она, но Мария не продолжила свою речь, как ни пыталась Ксения после вынудить ее на разговор, молчала. — Ладно, как знаешь. Не буду больше пытаться тебя, вижу, что тягостно тебе нынче за беседой этой. Скажи мне только одно — пан Владислав не к Московии пошел с хоругвью своей?

— В Московию? — изумилась Мария, и у Ксении словно камень упал с плеч. Она до последнего момента была уверена, что Владислав ушел на подмогу своим землякам, снова вернулся в Московию, хотя и с неохотой. — Нет, пан ушел не в Московию. Несколько дней назад грамоты пришли с приграничья земель пана. Тот сразу же хоругвь собрал, как вернулся в Замок, и ушел. И Влодзимеж с ним ушел. Уже почти тыдзень как нет их.

— А зачем пошли туда, не ведаешь? — спросила Ксения, вспоминая, как зол был Владислав, получив вести из Замка. — Что там в приграничье?

— Вестимо, что! — всхлипнула Мария, и Ксения похолодела.

Как она сама не додумалась до того! Владислав говорил ей и не раз, что часть земель его граничат с вольницами казацкими, что часто проходятся по соседям огнем и мечом, грабя, насилая, убивая. Еще и двух десятков лет не минуло с той поры, как прошлись по землям, в том числе и Заславским, казацкие ватаги под атаманством Косинского и Наливайко, с которыми бился вместе с панами Острожским и Вишневецким пан Стефан.

Ксения знала по рассказу Владислава, что эти «вольные люди порой сущие дьяволы, коли запах крови учуют». Оттого и молилась перед образами тем вечером долее обычного, умоляя Богородицу охранить ее любимого и от пули, и от стрелы, и от сабли лихой. Потом, уже после молитвы, она долго лежала, прислушиваясь к ночным звукам Замка — перекрикиваниям стражников, тихим ударам часов на башне. Тихо спала, свернувшись клубком, Мария — Ксения испугалась оставаться одной нынче ночью, а та и рада была не возвращаться в свою пустую без Влодзимежа постель.

Отчего казаки пошли на земли огнем и мечом ныне, когда большинство из них уже на квартирах зимних становилось? Отчего ныне, когда за окном стоял холод, да кружила метель? Что толкнуло их на то? Мысли крутились и крутились в голове Ксении, мешая провалиться в сон. Вновь вспомнила о том, что ее ведьмой считают в землях Владислава. Как и матери его некогда. Вот только она была шляхтянкой, пусть и православной, а Ксения же...

Как же все завертелось, запуталось! Как же тяжело от мыслей дурных! Ксения все крутилась и крутилась в кровати, пытаясь найти положение, в котором она точно провалится в сон, да только потревожила ненароком Марию, спавшую подле. Та, что прошептала во сне, но не проснулась, а только повернулась на спину, сложила руки на выступающем под тонким полотном рубахи животе.

Ксения не могла не взглянуть на этот пока небольшой холмик под руками Марии, нахмурилась, ощущая тяжесть на сердце от собственной пустоты. Она думала недавно, что тягостна — не кровила уже второй месяц, как вот снова этим днем пришли крови

ежемесячные, приведя ее в отчаянье. Отчего не дает ей Господь дитя? В прошлый раз вон как получилось — едва ли не с первых дней, а нынче же уже несколько месяцев прошло, почти полгода минуло. Ксения вытерла слезинку, что вдруг упала с ресниц, подавила рыдание, что рвало грудь. Неужто прав тот шляхтич? Неужто кара ей за то, что в блюде живет?

Ксения промучилась бессонницей чуть ли не до поры, когда стало потихоньку светлеть за окном. Но и долгожданный сон не принес с собой покоя. Он снова вернул ее в тот темный лес, который уже не виделся ей во сне, как из Замка уехала.

Темные стволы деревьев, чернота широких еловых лап, снег, тускло мерцающий в скудном свете, льющемся с ночного неба. Она запыхалась, бежит, проваливаясь в снег по колено. Падает и снова встает. Озирается, в какую сторону ей идти. А потом снова приходит отчаянье — тот огонек, который вел ее, куда-то исчез, уже не виден среди еловых лап. Она оглядывается в отчаянье и страхе, зная, что он уже идет по следу, она слышала его шаги по хрустящему снегу, буквально кожей ощущала его дыхание. И тогда она кричит, громко и протяжно:

— Где ты? Где тыыыыы?

— Панна, панна, — кто-то уже тряс ее за плечо, и Ксения дернулась в постели, как от удара, чувствуя, как от страха колотится чуть ли не в горле сердце.

— Что? Что? — резко села она в кровати и огляделась. Мария уже не лежала подле, ее вообще не было в комнате. Только паненки Малгожата и Берця — застыли у камина, грея ладони у огня, ждут, пока она пробудится, тихонько хихикая своему разговору. Служанка — та самая, полноватая, с рыжиной в волосах — трясла Ксению за плечо, возвращая из страны грез на грешную землю, смутилась, заметив, как перепугала панну.

— Проще панну простить меня, — покраснела служанка и быстро спустилась с кровати, коленями на которую ныне опиралась, на пол, расправила несуществующую складку на подоле платья. — Пан вернулся. Пани Мария решила, что панну надобно разбудить.

— Верно тебе пани Мария сказала, — Ксения, не сдерживая счастливую улыбку, что тут же скользнула по губам. Паненки уже подхватили платье и украшения, что выбрали для Ксении на этот день. Давеча панна приехала в простом мещанском платье, и некоторые до сих пор судачили в зале на этот счет, упирая, что никогда московитке не стать вровень с паннами, вот те и расстарались этим утром в подборе наряда, желая заткнуть злые рты.

Малгожата и Берця, перемигиваясь и обмениваясь понимающими улыбками, помогли служанке облачить Ксению в выбранное ими платье цвета пурпура, под стать истинному бископскому цвету, застегнули на шее ожерелье из разноцветных камней, вдели в уши серьги. По просьбе Ксении уложили волосы в простой узел, спрятав его в сетку из золоченных нитей, переплетенных меж собой замысловатым узором. Та спешила как можно быстрее выйти из комнаты, найти Владислава, что даже нетерпеливо постукивала туфелькой о каменный пол. А потом буквально сорвалась с места, когда последняя шпилька была заколота в волосы, даже не думая о том, спешат ли за ней паненки, успевают ли.

Только за дверью Ксения вспомнила о своем намерении взглянуть в зеркало за длинной шпалерой, делая первый шаг, чтобы развеять эти толки, так обидевшие ее, но возвращаться не стала, решила, что это дело подождет. Направилась быстрым шагом в комнату на втором этаже Замка, в семейном крыле, где обычно бывал Владислав, когда необходимо было обсудить насущные вопросы магнатства. Ее стены были отделаны деревянными панелями странного цвета — Ксения еще не видала такого, а из окон был виден город у подножия

холма. Владислав говорил, что ему в этой комнате легче думается и потому выделял ее среди остальных небольших зал Замка.

Он действительно был тут. Обернулся на звук открывающейся двери, глаза так и вспыхнули огнем радости при виде вошедшей Ксении. Она тихонько затворила дверь и прямо от порога бросилась ему на шею, по пути уронив тувфельку с правой ноги. Владислав подхватил ее, чмокнул легко в нос, забавляясь тем, как она снова недовольно надувает губы.

— Ты вернулся! — прошептала она вскоре, забыв о своем недовольстве, глядя пальцами по его лицу. Видно было, что он только с дороги — небрит, волосы взъерошены, от одежды пахло лошадьё. Но Ксению ничуть не волновало, что ее платье тоже может пропахнуть этим запахом или испачкаться. Ей главное было только то, что он наконец-то рядом, что она обнимает его.

— Разве могло быть иначе? — улыбнулся Владислав, и сердце Ксении вдруг пустилось вскачь при виде нее. Она уже совсем позабыла, какая лучезарная у него улыбка, как задорно горят глаза, когда она касается и его очей. — Разве я не говорил тебе, что всегда буду рядом?

— Ты не ранен? — вдруг нахмурилась Ксения и с трудом успокоилась, когда он заверил ее, что ран у него нет, даже малейшей ссадины, оцупала быстро его руки и грудь, проверяя.

— Откуда ты ведаешь про то, где я был? — спросил он, недовольно сдвигая брови.

— Весь Замок говорит об том, — поспешила сказать Ксения, а потом тоже стерла улыбку с губ, взглянула на него сурово. — Я думала, у нас нет тайн друг от друга. Как и недомолвок. Много пожгли дымов?

— Много, — вздохнул Владислав. А потом отстранился от нее, присел в кресло, привлек ее к себе, обнимая за тонкий стан. Она смотрела на него сверху вниз и видела, как тягостно у него ныне на душе, как тяжело он переживает беду на своих землях. — Много дымов сожгли. Много людей порубили. И на разных сторонах, будто в догонялки играли все это время. Я — в одно село, а они уже в другом. И не догнать! Благо, пан Тынянский сумел отбить свои земли без моей подмоги. Там не так много потерь людских. А вот пан Ясилович... Он даже не вышел из своей каменицы с дружиной, засел за забором, пока людей в деревнях и селах, отданных ему в службу, жгли и убивали. Пес! Смердячий пес! — Владислав стиснул зубы, пытаясь обуздать свою ярость, которая так и не покинула его с того момента, как он увидел пепелища и трупы на своих землях. Ксения прижала его голову к своему телу, стала гладить по волосам, пытаясь помочь ему вернуть самообладание.

— Я не прощу ему того, пока не придет и не ударит лбом {2} за ту обиду, за тот ущерб, что нанес мне, за то, что пренебрег своей обязанностью, своей службой передо мной! — глухо проговорил Владислав, стискивая ее талию крепче. — Этот пес еще узнает у меня! Пес! Он сбежал еще до того, как я прибыл в те земли, иначе я прямо там удавил бы его.

— Кто теперь встанет на его место? — спросила Ксения, зная, что земли не могут быть бесконтрольными, что кто-то обязан занять место пана Ясиловича. — Или ты оставишь его за паном?

— Я пока не думал о том, — признался Владислав. — Покоя пока хочу мыслям, отдохнуть хочу душой. Хотя бы день...

— Я распоряжусь, чтобы тебя не беспокоили, верно? И воды горячей. Нужно узнать поставили ли воду греть для тебя.

Владислав поднял голову и заглянул в ее лицо, с удовольствием распознав властные нотки в ее голосе. Нотки хозяйки, жены ордината. А потом улыбка сползла с его губ, посерьезнел вмиг опять.

— Спросить тебя хочу, моя драга. В первый раз спросить хочу, — Ксения вдруг сердцем угадала, что будет за вопрос, который Владислав желает задать ныне, напряглась невольно, замерла на месте, выжидая. — Я сказал, что не буду неволить тебя с верой твоей, не буду требовать крещения в католичество, но... Не изменила ли ты намерений своих? Не надумала креститься, как Мария, в веру мою?

Каждый отвел в сторону взгляд, будто опасаясь прочитать в глазах собеседника то, что видеть вовсе не хотелось, каждый затаил дыхание.

«...панна настолько погрязла в грехе, что уже забыла о том, что в блуде живет?!».

«...Что притихла, панна? Готова к тому, что в грехе будешь жить, коли так же дело пойдет? Али сменишь патриарха на Папу все же? Такие, как Гридневич, не оставят тебя в покое никогда...»

«...Нет твоей душе покоя. Знаешь ведь, что не сохранить тебе веру, не уберечь, а едешь за ним, позабыв обо всем....»

Столько разных голосов промелькнуло в голове Ксении, и всякий раз они были правдивыми, всякий раз больно били по сердцу своей горькой истиной. Чужая для всех — и для латинян, и для православных.

Но в то же время душа всячески противилась принять чужую веру, не родную, не отеческую. Криком кричала, восставала внутри от одной только мысли об том. Словно для нее это значило от родичей своих отказаться, землю свою отчую отринуть...

— Не могу, — тихо прошептала Ксения, прижимаясь губами к волосам Владислава, крепче прижимая его к себе, словно теплом своего объятия унять ту горечь, что охватила его при ее ответе. — Не могу. Прости...

Его плечи опустились вниз, но только так он выдал то разочарование, что бушевало в душе. Значит, снова отправлять текуна в Варшаву, к папскому легату. Значит, снова смиренно просить о разрешении, умоляя и суля еще больше награды в качестве даров Святой Церкви.

Снова, потому что ординату Заславскому было отказано в разрешении вступить в брак с женщиной еретической веры. А обвенчаться в храме православной веры, невзирая на то, что их союз никогда не будет признан большинством из шляхты, он не мог. Потому что тогда его дети станут незаконорожденными в глазах окружающих, ибо рождены будут вне союза, освященного Святой Церковью.

Они будут ублюдками.

Черная полоса на славном гербе Заславских. Черная полоса на роду. Черная полоса на его душе...

1. От «чур» — слова защиты от злой силы

2. Входит в рыцарский ритуал покорности вассала перед его сюзереном — рыцарь должен был трижды, встав на колени, ударить лбом перед сюзереном

В замке готовились к Рождеству.

Еще в первую неделю Адвента большие залы и холл были украшены длинными гирляндами из широких еловых лап, переплетенных между собой. Ксению поначалу эти украшения напугали, едва она увидела их впервые. По обычаям в ее земле еловые ветви использовались при погребении, и она даже подумала, что в Замок пришла смерть. Но ее страхи быстро развеяла Малгожата, улыбаясь, пояснила, что на период Адвента и Рождества и костелы, и жилища украшают именно елью в знак вечной жизни. Но Ксения еще долго не могла прийти в себя, и то и дело косилась за завтраком на темно-зеленую хвою, что висела длинной гирляндой над большим камином, чуть приподнимаясь в месте, где был выбит в камне герб Заславских. И весь день после Ксения ходила сама не своя — темный Замок с каменными стенами, богато украшенными шпалерами и оружием, казался ей ранее мрачным, будто могила, а ныне, с еловыми гирляндами, это сходство только усилилось.

Потому она старалась не спускаться лишний раз в залы, а сидела либо в своих покоях, либо в кухне, наблюдая, как лихо распоряжается Магдами слугами. Именно в кухне Ксения вдруг осознала, что она может сделать с хвойными ветвями, чтобы те не пугали ее так. Она наблюдала с интересом, как обматывает шелковой лентой цвета неба в летний день Магда толстую восковую свечу.

— Что ты делаешь? — не могла не полюбопытствовать Ксения. Магда оторвалась от своего занятия, улыбнулась Ксении.

— Это свеча Девы Марии, — пояснила она. — Обычно в Адвент мы зажигаем ее в церквях и жилищах. Такая же свеча стоит и в нашем костеле. Небесный цвет — это цвет Девы Марии, оттого и лента такая.

— А есть еще цвета Адвента? — заинтересовалась Ксения, обдумывая идею, что неожиданно пришла ей в голову вслед за словами Марии.

— Есть, — кивнула та. — Цвет пурпура. Цвет скорби по распятому на кресте Езусу.

— А можно ли и еловые ветви, что развешаны по Замку, украсить в честь Адвента? — спросила быстро Ксения, и Магда снова подняла на нее внимательный взгляд. По лицу панны явно читалось, что та что-то задумала, и теперь женщина решала — не повредит ли задумка панне, не опорочит ли та святое время ожидания великого праздника.

— В некоторых костелах, что в больших градах, как Краков или Вильно, я слыхала украшают и тканью, — проговорила Магда. — Но то костел, а то — Замок.

— Тогда пошли спросить к ксендзу, — сказала Ксения, все больше приходя в некое странное возбуждение своей затеей, уже заранее радуясь тому, что может выйти в итоге. Ожидать праздник Рождения Христова должно было отнюдь не в страхе, а в радости. И она более не желала бояться.

Послали к отцу Макарию. Тот поразмышлял почти половину дня, а после прислал ответ, что он не видит худого в том, что жители Замка так же выразят свою радость ожидания праздника Святого, коли и костел будет позволено украсить в том же духе. Это был тонкий намек прислать тех же тканей и лент, что будут украшать замок, но Ксения была готова подарить в латинянский храм даже что-то из своих камней за это разрешение.

Весь остаток светового дня в светлице, что была отведена в Замке под рукодельню, кипела работа. Ксения попросила часть служанок обвязать еловые ветви длинными

полосами ткани цвета пурпура (цвет Девы Мари отец Макарий не допустил для украшения), что те и делали под четким руководством Магды, неожиданно для Ксении с энтузиазмом, принявшей эту задумку. Одна из гафорок Замка показала, как сооружать из длинных и тонких лент диковинные цветы. Ксения со своими паненками принялась делать их для украшения, чтобы потом прикрепить нитками к еловым гирляндам вместе с шелковыми бантами или нашить их вместе с короткими веточками ели на полосы пурпурного шелка, которыми Ксения задумала украсить и медные потолочные светильники.

В рукодельные работы сопровождал смех, шутки, которыми обменивались девицы, орудуя иглами. Грань между паненками и холопками стерлась, а та стена, что стояла между Ксенией и остальными вдруг испарилась. Она не ощущала себя более отторгнутой всеми, забылось одиночество, которое всякий раз атаковало ее, когда она была не с Владиславом. Ксения смеялась вместе со всеми, расспрашивала о предстоящих празднествах Рождества, и ей с удовольствием отвечали, подчас перебивая друг друга, толкая друг друга в бок, заодно смеясь над историями из минувшего года.

Последнюю залу закончили украшать, когда за окном уже темнело, под свет светильников, что держали в руках холопы, так норовившие заглянуть под юбки служанок, стоявших на скамьях и прикрепляющих цветы из ткани к гирляндам. Те визжали в ответ, шутливо толкали в плечи мужчин, не заметив Ксению, стоящую в дверях, пришедшую глянуть на работу.

— Не надобно, повремени, — придержала она Магду, которая, видя суматоху, что творилась в зале, хотела поругать уж чересчур расшумевшихся слуг. Смех. Ей так не доставало его, того духа веселья, которым вдруг наполнился Замок ныне. Ксения словно вернулась в дни своей юности, когда так же веселилась с девицами в дни Коляд, когда те подталкивали ее сходить в баню судьбу свою спросить у духов. Разве могли духи поведать о том, куда занесет ее недоля? Или ее вела в эти земли доля?

Владиславу Ксения показала украшенные залы перед самым ужином, когда он возвратился из Заслава, где был по делам у местного войта. Она встретила его во дворе и поразилась вдруг, разглядев при свете факелов, с которыми ордината и его товарищей встречали слуги, как бледно его лицо, какие темные тени лежат под глазами, как резко выделяются черты его лица.

— Моя драга, — прикоснулся Владислав губами к ее ладоням, а потом повел ее прочь со двора, с мороза внутрь Замка.

— Я хочу тебе показать, — улыбнулась она, дотрагиваясь ладонью до его высокого лба, на котором снова залегли две глубокие складки, словно своим жестом могла разгладить их, стереть их. — Закрой глаза, Владек.

А потом взяла его за руку и повела вдоль светлиц в ту, самую большую залу, где стояло кресло ордината с высокой спинкой, где проводились приемы и сбор шляхты. Именно эту залу украсили богаче всех остальных, и именно ее первой хотела показать Ксения Владиславу, как результат дневной такой кропотливой работы.

— Гляди, — прошептала Ксения, поставив Владислава прямо в центр залы под большой потолочный светильник, и улыбнулась счастливо, видя его удивление, сменившееся восторгом, когда он огляделся по сторонам. А потом спросила, затаив дыхание. — Дивно?

— Дивно, — согласился он. — Это все — ты? Твоя задумка?

— Мне казалось, что так будет боле... — но договорить Ксения не успела — Владислав вдруг подхватил ее и закужил по зале.

Зелень еловых ветвей, яркий пурпур, блеск свечей и лица шляхты и слуг, что были в зале в тот момент, слились в одно пятно от той скорости, с которой кружил ее Владислав. Все горести и трудности забылись в этот миг. Женщине всегда свойственно облагораживать жилище, которое она считает своим домом. Знать, и Ксения начинает привыкать к Замку, как он всегда желал того.

Владислав поставил ее на ноги и ласково коснулся губами ее лба, зная, что не может позволить себе большего на виду у десятков глаз.

— Мне по нраву то, что ты сотворила с Замком, — прошептал он. Ксения подняла на его счастливые глаза.

— Даже если при том я потратила рулон дорогой ткани?

— Даже так. Можешь тратить тканей, сколько пожелаешь, — улыбнулся Владислав. — А потом так же удиви меня, когда я вернусь...

— Когда ты вернешься? — нахмурилась Ксения, и его улыбка потускнела.

— Казаки. Снова. Теперь уже на град приграничный напали. В осаде его держат. Я должен ехать. Немедля.

И она снова проводила его в дорогу, как делала это ранее, когда Владислав уезжал по своим землям этой осенью. Только тогда она провожала его со спокойным сердцем, зная, что эта поездка всего лишь дань хозяйственным обязанностям, а ныне...

Ныне во дворе Замка не был слышен шумный людской говор, ведь стремились говорить, как можно тише, будто боясь спугнуть свою судьбу. Кое-где даже слышался тихий женский плач, и следом мужской голос, что-то говоривший в ответ, успокаивающий. Только лошадиное ржание, лязг оружия, треск факелов.

Ксения не плакала. Отчего-то глаза ее были сухи. Но ее душа так же металась в тревоге, билось сердце в груди, отчаянно протестуя против того, что в очередной раз подготовила недоля на ее пути. Она сжимала пальцами ткань рукавов кунтуша Владислава, сминая бархат, не в силах заглянуть в его глаза, боясь того мига, когда он взмахнет рукой, подавая сигнал к отбытию. И вот он поднимает руку, и Ксения буквально повисла на его предплечье, цепляясь со всей силой в ткань.

— Владек! — сорвался полустон-полувсхлип с ее губ, и Владислав, обхватив ладонью ее затылок, привлек ее к себе. Она уткнулась носом в бархат его рукава, чувствуя холод стали кирасы под своей щекой, и эта прохлада вдруг помогла ей успокоиться. В конце концов, она должна отпустить его с гордо поднятой головой, как и положено избраннице ордината.

Ксения подняла голову и заглянула в темные глаза, глядящие на нее с тревогой, несмело кивнула, и он позволил ей отстраниться, потом поднял руку. Заревел рог, зашумели во дворе воины, прощаясь с родными, занимая места в седле. Владислав провел пальцами по ее бледному лицу, а потом кивнул снова. Она с трудом заставила себя отступить на ступени крыльца, но не сдержалась — сбежала, когда Владислав поворачивал валаха прочь со двора, вцепилась в его сапог.

— Ты вернешься? — в ее широко распахнутых глазах плескался страх. Вдруг вспомнилось отчего-то, как провожали старшего брата Юрия в тот бой под Кромами, с которого его уже привезли в колымаге, завернутым в полотно.

— Я никогда не оставлю тебя! Ты жди, — твердо ответил ей Владислав и тронул коня, понукая его двигаться вперед, Ксении пришлось выпустить из рук его ногу, позволяя ему отъехать. А потом под стук копыт по каменной кладке двора метнулась к деревянной лестнице, ведущей на одну из крепостных стен, и уже оттуда вышла на открытую площадку,

наблюдая, как растворяются в темноте первого месяца зимы темные силуэты хоругви Владислава, цепляясь за холодные камни, как еще недавно цеплялась за него самого.

«Ты жди!», сказал Владислав, и она стала ждать, каждый Божий день простаивая на стене, пока не коченели руки и ноги.

— Что ж ты творишь, панна? — приговаривала всякий раз Магда, самолично растирая ее ледяные ступни жиром. — Захвораешь еще. Вернется пан, и мне, и пану Ежи нездоров будет совсем от его гнева, что позволили тебе то.

Ксения только молчала, грея ладони о глиняную кружку с горячим бульоном, что давала ей Магда. Тепло постепенно наполняло ее тело, но ее душа оставалась холодна, полная каких-то странных предчувствий. Сны про тот темный лес, в котором она так отчаянно искала Владека, приходил все чаще ночами, и она стояла перед образами в киоте до самого рассвета, пока не приходили в ее покои паненки и Мария, пока служанка не разжигала заново, уже успевший догореть огонь.

Она часто выезжала с Ежи по уже установившемуся снегу, беря с собой то Марию, то Малгожату, к которой успела привязаться в последнее время. Мария, уже относившая половину срока (Марыля назначила ей срок разродиться перед Пасхой), стала ворчливой и раздражительной, Ксении и без нее хватало дурных мыслей. Оттого смешливая, полная задора юности Малгожата и привлекала ее ныне более, будто солнышко среди темных туч, вызывая ревность в Марии.

Малгожате никогда не сиделось на месте спокойно. Она то и дело понукала возницу гнать быстрее по снегу, чтобы морозный ветер бил в лицо, а в глазах мелькали разноцветные искорки солнечных лучей на снежном покрывале. Она же затевала некую забаву со стражниками, дежурившими на бреме, кидая в них слепленные снежки, вызывая смех и у воинов, и у Ксении. И именно она же развлекала панну разными историями — забавными или пугающими, от которых кровь стыла в жилах, когда сидели за работой в светлице.

— Панна хорошо придумала с украшениями на Адвент, — сказала Малгожата как-то на прогулке. — Видела бы панна костел! Мы постарались украсить его на славу. Отец Макарий весьма доволен и велел кланяться панне и за ткани, и за ленты, что прислала панна.

Ксения, зная, что отцу Макарию было бы приятно, если украшения в костеле хотя бы немного были отличны от Замковых, вышила серебром узоры на лентах из пурпурного шелка и передала эти ленты в костел с остальными тканями, бантами и цветами.

— Хотя, мне видится, что панне следует дать отцу Макарию возможность выразить свою благодарность панне лично. Быть может, нам стоит повернуть в Заслав? Отчего панна никогда в граде не бывает? — предложила Малгожата, и Ксения задумалась — а действительно, отчего бы и не поехать в город?

В Заславе, несмотря на середину дня, было не многолюдно: куда-то спешили две хозяйки с корзинами в руках, закутанные в платки, пару раз перед санями пробежали ребятишки, поднимая снег с дороги. Из дома сапожника вышел войт, тут же низко поклонился саням, снимая с головы меховую шапку.

— Долгих лет панне! — донеслось до Ксении, и она кивнула, обрадованная этому приветствию. Все те, кто ей встречался на улочках до войта, кланялись, но как-то вынужденно, с явным холодом, спешили быстро скрыться из вида. Малгожата нахмурилась, видя это, сжала руку Ксении.

— Все образуется, панна. Моя мати говорила мне, что пани Элену тоже не любили в Заславе. Но потом переменилось все, привыкли люди. Да и сама она старалась заслужить их

доверие, старалась стать истинной хозяйкой Замка. Они все встанут за ордината, оттого и выбор его примут, как приняли тогда. Только вот...

— Только вот — что? — спросила Ксения, понуждая паненку продолжить. Та отвела глаза в сторону, но не промолчала.

— Только вот удержать их приязнь пани Элена не сумела. Когда она оставила пана Стефана, люди кляли ее шибко за пана, за то, что дитя свое бросила, за то, что другое отняла у магната. А, вот и костел! Стой, стой, Рыжий, останови панне у костела, — приказала она вознице, и тот поспешил остановить сани на площади.

Отец Макарий, словно услышав лошадей, уже спускался по ступеням, придерживая сутану, чтобы не упасть на скользкой от льда и снега каменной лестнице. Он перекрестил Малгожату, склонившую перед ним голову, и Ежи, стянувшего шапку из лисы перед святым отцом.

— Панна Ксения, — повернулся затем отец Макарий к Ксении. Она слегка оробела под его пристальным взглядом, скрыла лицо в мехах, которыми был оторочен ворот ее одежд. — Я все ждал случая, когда смог бы отблагодарить панну за дар, что она сделала костелу. Я слышан, что панна сама велела о том, без ведома пана ордината. Оттого ее дар приятен мне вдвойне. Жаль, что панна не может взглянуть своими глазами на ту красоту, сотворенную благодаря ей, внутри костела.

Ксения склонила голову в знак того, что она рада слышать слова отца Макария. Он вдруг улыбнулся, чего не делал ранее в присутствии Ксении, и она удивилась, заметив, как заметно просветлело его лицо.

— Я рад, что панна стала делать такие шаги в этих землях. Я неустанно молю Господа о том, чтобы эти шаги привели панну в лоно истинной церкви, где ее место, коли она решила стать хозяйкой этих местечек и этих волостей. Панна не спорит? — поднял он удивленно брови, улыбаясь еще шире.

— Неисповедимы пути Господни, — ответила Ксения, и отец Макарий перекрестился со словами: «Истинно все в Его руках!».

— Я слышал, панна делала жертвы православным, посылала к ним серебро, — произнес он, и теперь настало время Ксении удивляться тому, что ее тайный дар своим братьям по вере через сына Марыли, стал известен ксендзу. Даже Владислав не ведал о том, как и Ежи, у которого брови при этих словах взметнулись под самый околыш шапки. — Нет, я не сужу панну. Да не судите, и не судимы будете, завещано христианам. Но я был бы рад, ежели подобное благочестие панна могла бы творить в нашем храме. Так было бы куда лучше. Для всех.

Он заметил, что Ксения поманила себе Ежи, стоявшего у своего коня, что-то прошептала ему, и тот передал ей кошель, что снял со своего пояса. Замахал руками, когда Ксения протянула этот кошель с монетами ему.

— Нет, нет! Я речи вел не к тому! — проговорил отец Макарий, отказываясь от дара Ксении, но та не опустила руки.

— Прошу, — прошептала она. — Пусть в костеле горят свечи за пана Владислава.

— Я и так ставлю их, без всякой деньги, — проворчал отец Макарий, недовольный тем, что его заподозрили в обратном. Ксения улыбнулась грустно в ответ, покачала головой.

— Я верю. Пусть будет поболее свечей. Я боюсь, что мои молитвы не охранят его. Быть может, латинянские патеры оберегут его лучше. А злотые... Пустите их на нужды костела. Я ведаю, что в Адвент Заславские делают дары церкви. Пусть это будет их началом.

На обратном пути в Замок в санях стояло молчание. Обычно говорливая Малгожата вдруг примолкла, не нарушала тишину и Ксения, погруженная в свои мысли. Да и Ежи даже не оборачивался на паненок в санях, обогнал их и встретил уже во дворе Замка, подавая руку, чтобы помочь сойти.

— Дстойные шаги творишь, — прошептал он Ксении, спуская ее из саней первой. — Жаль только, что слишком поздно, боюсь, за ум взялась, — Ежи взял ее под руку и повел внутрь Замка, предоставляя слугам позаботиться о Малгожате. — Расположив к себе ксендза, ты приобретаешь отменного союзника против толков о твоём ведовстве. Но навещающая по-прежнему Марылю, ты снова все сводишь к началу, откуда стала подниматься. Прекрати то, вот мой совет панне.

— Я сделаю то, — пообещала ему Ксения, но добавила. — После следующего дня. У православных Рождество следующего дня. И я бы хотела разделить ночное бдение с ней.

— Она под Унией, — напомнил ей Ежи, сдвигая брови, Ксения лишь головой покачала.

— Только для вас, латинян. Только на вид...

— Я сам провожу панну, — проговорил Ежи после недолгого молчания. — Быть может, так не будет худо после. Пан Владислав будет зол... Ох, и заноза же панна! Ох, и заноза!

Как и обещал Ежи, следующим вечером, когда Ксения собралась в лесную избу, пошел вместе с ней, оберегая ее от любой опасности, с которой она могла столкнуться в зимних сумерках, хотя и ругался вполголоса на нее, аккуратно ступая по едва видной в свете факела тропе среди сугробов. Ксения никому не сказала, куда направляется, удалилась для вида в свои покои, упирая на то, что хочет побыть одна, что устала от говения перед Святой полночью.

Ежи знал, что православные почти ничего не едят в дни своих постов. А в нынешний день Ксения вообще не взяла в рот ни крошки, все читала молитвы, запершись у себя в покоях, и он всякий раз хмурил брови, видя, как она шатается на неровном снегу, оступаясь, в глубине души и боясь, что она вот-вот хлопнется в обморок, и желая этого. Ведь если она потеряет сознание, ему только и останется, что отнести обратно в Замок, разве нет?

Но Ксения упрямо шла вперед, освещая себе дорогу факелом, останавливаясь на месте, когда слышала подозрительный звук из леса. Пару раз ей казалось, что она слышит волков, но Ежи успокоил ее, сказал, что она ошиблась, что волков в этом крае леса нет — слишком близко к жилью да охотничьим тропкам.

— Это ж не Бравицкий лес, вот там зверья не перестрелять, — бубнил он себе под нос. — А тут... одно название, а не зверье.

Но Ксения видела, оборачиваясь, как Ежи сжимает ладонью рукоять сабли, что висела у него на поясе, как озирается по сторонам, вглядываясь в сгущающиеся сумерки.

Они вскоре вышли к домику Марыли, но выяснилось, что пришла Ксения зря — та еще с самого утра уехала в соседнее местечко к роженице. Оставаться и ждать Ксения не желала, потому повернули обратно. Ей даже показалось, что они быстрее дошли до «черных» ворот, через которые выходили в конце светового дня. Хотя обратная дорогая всегда кажется короче.

Вернувшись в Замок, Ксения не стала задерживаться, а сразу прошла к себе, предварительно забрав из кухни сочиво {1}, что предусмотрительно, по какому-то наитию, она сумела сделать самостоятельно накануне. Это был ее первый опыт, и он наполнял ее душу такой гордостью, что даже пришлось дать зарок прочитать несколько покаянных молитв, раскаиваясь в собственной гордыне.

Ксения торопилась опуститься перед иконами в своей спальне, понимая, что уже в это время где-то там под расписным куполом церкви стоят ее родичи на повечерии, поют вслед за певчими слова святых песнопений. Она взглянула на лик Спасителя, освещенный тусклым светом тонкой свечи, что горела в лампадке перед образами, и тихо зашептала нараспев:

— Молитвами святых отец наших Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Аминь. Слава Тебе Боже наш, слава Тебе!

Ей вдруг привиделась церковь в батюшкиной вотчине. Небольшая, но каменная, с росписью под куполами и золотыми окладами образов — Калитин щедро жертвовал на нужды церкви и в стольном граде, и у себя в землях. На Рождество обычно она была битком набита, многие приходили послушать о рождении Иисуса Христа, многие хотели почувствовать в эту ночь благодать, что снисходила на верующих.

Но Калитины стоят свободно, вокруг них круг свободного пространства — никто из хлопов не подходит близко, соблюдая строгую иерархию: возле боярина и семьи вначале ключник и дворецкий с женами и детьми, сотник, затем остальная домашняя челядь. Уж только после дворовых могли занимать места холопы.

Тихо потрескивают свечи. Приятно пахнет ладаном. Дивные голоса певчих из хора, который лично отбирал иерей вотчины Калитина, разносятся по церкви, наполняя душу ожиданием чего-то благодатного, ожиданием святого праздника.

— Рождество Твое Христе Боже наш, возсия мирови свет разума: в нем бо звездам служащий, звездою учахуся, Тебе кланяться Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты Востока: Господи слава Тебе! {2} — поет тихо Ксения праздничный тропарь {3}, вторя певчим, чьи голоса слышала в своей голове ныне. Слезы катятся одна за другой по ее лицу, но она даже не чувствует их. Ведь она там, в церкви батюшкиной вотчины, стоит подле отца.

Крестится, сурово сдвинув брови, сам Никита Василич, за ним вторит Василий озадаченно морща лоб, косясь на своих малолетних дочерей, что забывают о святом распятии. Улыбается, глядя на невольные ошибки племяншек, Михась, подмигивает Ксении. Скоро начнутся Коляды, все Святые дни будут балагурить по вотчинным селам и деревенькам, озоруя, колядники, и заводилой будет ее брат. Он уже приготовил для того медвежью шкуру, что у отца в светлице на стене висела, спрятал ее надежно в женском тереме у сестры, чтобы не открылся его замысел ранее срока. Вроде уже не малолетний — разменял шестнадцать годков, а такой же баловень, как и раньше. И розог ему всыплет отец, как отроку юному, за подобное озорство, когда в дни Святков столкнется случайно с колядниками во главе с Михасем.

Это было последнее Рождество Ксении в кругу семьи. Уже сидел на престоле царь Димитрий, прозванный впоследствии Вором, и не за горами была та весна, что так перевернет жизнь Ксении. Но она еще не знала этого. Она тогда радовалась празднику, вторя певчим своим мелодичным голосом, ловя на себе гордый и любящий взгляд отца, заранее чувствуя на губах вкус того печенья, что принесет ей с Колядок Михась и будет рассказывать ей всякие истории, заставляя ее, Марфуту и других девок сенных вскрикивать от ужаса или восторга.

Ксения смолкла на миг, вернулась обратно в свои покои из бывшего, когда стукнула дверь ее покоев. Уже занимался за окном рассвет, уже подошла к самому концу служба в ее памяти. Свершился у православных праздник Рождества Христова.

Ксения скосила глаза, чтобы взглянуть, кто посмел покой ее ныне нарушить, и едва сдержалась, чтобы не подняться с колен, не прервать молитвы. Потому что в ее спальню

вошел Владислав, усталый и хмурый, прислонился к столбику кровати спиной, скрестив на груди руки. Она заметила его злость, его недовольство, но молитвы не стала прерывать, дочитала до конца по памяти, что знала, и только затем поднялась с колен, перекрестившись.

Ксения рванулась к Владиславу, хотела обнять его, но он поймал ее руки, сжал запястья, причиняя боль. Его глаза сверкали каким-то странным блеском, стали буквально черными на фоне бледной кожи.

— Я же запретил тебе! Запретил! — проговорил холодно и резко он, тряхнув ее с силой. Покрывало с ее волос упало при этом на пол, локоны свободно рассыпались по плечам и спине. — Зачем ты ходила к ней? Я же дал тебе образа. Зачем?!

— Ныне Рождество, — пролепетала растерянная Ксения, недоумевающая, отчего простой визит лесную избу вызвал в нем такой приступ агрессии и злобы. — Я желала разделить с ней ночное бдение. Думала, она молитвы лучше помнит, чем я...

Владислав не дал ей договорить, притянул к себе ближе, буравя своим острым взглядом.

— Православная и униатка?! Как мило! Что ж ты с католиками вегилию не делишь? — а потом развернулся к постели и буквально швырнул ее на кровать, будто даже касаться ее ему было не по себе. — Я не верил! До последнего не верил!

Ксения взглянула на него сквозь волосы, что упали на лицо при падении в перины, с трудом скрывая слезы, что навернулись на глаза. Как он может так с ней?! И ныне — в день Рождества Христова!

— В чем я провинилась в твоих глазах? — а потом буквально прошипела она. — Что еще напели тебе твои паны? Или ты уверился в том, что я ведьма?

— Не шути с этим, Ксения! — отрезал он, схватился двумя руками за столбик кровати, пытаясь удержать внутри себя злобу, так и разрывавшую душу. — Ты сама ведаешь, в чем твоя вина передо мной. В том, что пуста твоя утроба, как и в тот день, что я отыскал тебя там, в Московии.

Боль, дикая боль вдруг кольнула в сердце Ксении, даже дыхание сбилось. Владислав ударил в открытую рану в ее душе, и она снова стала кровить, разрывая сердце на части. Сразу вспомнился женский терем и силуэт захмелевшего мужа над ней. «...Пустая жена хуже немощного холопа, Ксения. Какая от нее польза мужу? Никакой! Что принесла в мой дом ты, Ксения, кроме своей красы? Ничего. Только свою упертость, свой норов, неподобающий жене. Не зыркай на меня своими глазами из-под бровей, я ведь с тобой по-хорошему, Ксения. Другой бы сек тебя до крови день за днем, а то и вовсе в род вернул. Кому нужна пустая жена?...» Свист дурака в тишине светлицы, кожа, раздирающая в кровь спину, даже через ткань рубахи и сарафана.

Она отшатнулась от Владислава, сама не сознавая, что ее глаза в тот же миг наполнились виной и сожалением, болью, передавшейся ему через ее взгляд. И рот наполнился горечью, при виде ее глаз, полных раскаяния, руки сильнее сжали дерево кровати, ибо он не ручался за себя в тот момент.

— Я понимаю, Ксения, зазорное дитя {4}... это хуже некуда для девицы, — прошептал Владислав с каким-то угрожающим свистом, вырывающимся сквозь стиснутые зубы. — Но это ведь и мое дитя также... неужто я не имею права знать о том...?

Сперва Ксения не поняла, о чем говорит Владислав, а потом вспыхнула, едва осознание коснулось ее разума. Марыля — повитуха местная, а насколько известно было Ксении, пупорезки не только помогали появляться младенцам на свет Божий. Некоторые из них

творили самое худшее, что только можно было вообразить — избавляли тягостных от нежеланных или нагулянных детей.

— Как смеешь ты винить в том, когда я... когда дитя — это самое мое... — Ксения глотнула воздуха, будто задышалась ныне в этой комнате, под тяжелым взглядом Владислава, который послушал чужие наговоры на нее и даже не усомнился в ее невинности. Сразу осудил, сразу же пришел вершить суд, спрашивать ответ. — Как можешь ты!

Владислав расслышал в ее голосе боль, потянулся к ней рукой, но Ксения увернулась от его ладони, поползла от нее по перине к изголовью кровати, чувствуя, как стонет душа от несправедливой обиды, как ходит по капле благодать от святого праздника, радость от долгожданного возвращения Владислава, возвращаются горечь и страхи.

— Уходи! — холодно приказала она, и рука Владислава упала. — Уходи! А потом спроси Ежи, зачем и когда я ходила к Марыле. Уходи же!

Ксения сама не знала, отчего так горько плакала после того, как закрылась дверь покоев за Владиславом. Может, от обиды, что жгла ее огнем. Как может он говорить о том, что она скинула дитя, в то время, как она молится днем и ночью о том, чтобы внутри нее снова забились два сердца? Она даже зарок дала недавно, сама не зная кому — коли затяжелеет, сменит веру на латинянскую, чтобы пойти под венец с Владиславом. Пусть ее проклянут, если узнают родичи, пусть сочтут изменницей, а сама она будет после смерти гореть в адовых муках. Зато ее дитя никто и никогда не назовет байстрюком, не будет кликать безбашенным {5}.

А может, она плакала от того, что более не было меж ними того дивного света, что когда-то поманил ее в эти земли за Владиславом? Или он просто уже нет так ярко светит, как раньше? С каждой обидой, с каждым злым неосторожным словом становясь все тусклее и тусклее.

Ксения уткнулась лицом в подушки, стирая слезы мягким полотном наволочки. Так горько и больно, как ныне, ей не было еще никогда ранее. После благодати ночных праздничных молитв — такое ужасное утро! Снова в душу вползала скользкой змеей предательская тоска по отчей земле, по ласковым рукам отца, опять захотелось быть волком, как тогда, под караульной лестницей, когда она плакала впервые от их ссоры с Владиславом.

— Домой! — прошептала она голосом обиженного ребенка, утыкаясь раскрасневшимся от слез лицом в подушку. — Я хочу домой!

«...Коли решишь вернуться в земли родные, я помогу в том!», вдруг прозвучал в голове голос бискупа, и она резко села в постели. Домой! Вернуться домой! К батюшке, к Михасю, в родную вотчину! Откуда-то из прошлого снова повеяло тем счастьем из Московии, той радостью и смехом.

Владислав еще не выходил из своих покоев, уставший от ночной скачки, которую устроил своей хоругви, торопясь вернуться в Замок, когда Ксения распорядилась подать ей сани. Она собиралась на прогулку и прямо заявила о том Ежи, который казалось, караулил ее в переходах Замка.

— Ума не приложу, кто нас выдал с тобой, — теребил ус он взволнованно. — Ты не серчай особо, панна. Владек быстро вспыхивает, но так же быстро и отходит от бешенства своего. Потерпи малость, образуется все. Панна не ведает, какие еще толки связывали ее имя с именем униатки.

— Ведаю! — оборвала его Ксения, а потом отстранила Ежи со своего пути. — Выхать желаю. Мороза вдохнуть.

Ежи просил подождать его, пока ему приведут с подзамча {6}коня оседланного, но Ксения не слушала его. Она нынче никого не хотела слушать, желая остаться наедине со своими мыслями, обдумать все хорошенько. Потому едва успел Ежи распорядиться о том, чтобы ему оседлали коня, сани с Ксенией и Малгожатой уже выезжали из ворот брамы в сопровождении нескольких гайдуков.

Малгожата что-то весело рассказывала панне, но Ксения не слушала ее, кутая лицо в пышный мех ворота, она воскрешала в памяти недавнюю ссору, пытаясь выявить виноватых в ней. Ныне, когда сани неслись по снежному настилу, когда ветер развеивал меха на паненках и трепал волосы, а мороз ласково покусывал нежную кожу щек, обиды и сомнения вдруг уступили, растаяли, будто лед по весне. Да, их ссора была отвратительной, а причина ее еще гаже, но разве не они сами дали своим обидам зайти так далеко? Куда исчезло из их отношений доверие? И Владислав поспешил обвинить ее в таком страшном грехе, и сама она, лелея в себе обиду и горечь, не постаралась развеять толки, что привели к их ссоре, закрылась от него, как делала это обычно.

Что я делаю? Что я здесь делаю, вдруг встрепенулась Ксения. Надо поворачивать, возвращаться в Замок, подняться в покои Владислава и, прижавшись к нему, выговорить все обиды, развеять сомнения. В груди вспыхнуло острое желание ощутить под ладонями его крепкое тело, примкнуть к его груди. Ведь только подле него все страхи отступали прочь...

— В Замок! — крикнула Ксения, приподнявшись на месте, стараясь перекрычать ветер, бьющий в лицо. — Поворачивай в Замок!

Тут же схватила ее за руку Малгожата, склонилась к Ксении.

— Прощу, панна, заедем в Заслав. Говорят люди, что пан ночью привез в град кого-то. Я бы глянула одним глазком на зверей тех! Говорят, один из них велик будто медведь.

— Каких зверей? — сперва не поняла Ксения, а потом кивнула, понимая, о ком говорит Малгожата. Она уже знала, что осаду удалось снять, слышала, как говорят о том во дворе, пока ждала выезда.

Владислав прибыл со своей хоругвью в самое время и ударил прямо в тыл казачьим сотням. Те бились отчаянно, но сила явно была не на их стороне, и пушек уже было не развернуть. Да еще подоспели ратники из города.

Много казаков легло тогда под стенами города, часть попала в руки Владислава. Остальные смогли уйти, и Заславский не стал преследовать их, полагая, что еще нескоро те воротятся в его земли. Казакам предстояло не только выхаживать раненых по возвращении в свои вольницы. Владислав зарубил их атамана, опознав того в той мясорубке, что тогда творилась под городскими стенами, по шестоперу {7}, которым тот яростно отбивался, потеряв саблю. Теперь они надолго задержатся от походов в земли магнатства за спорами о том, кто должен встать во главе их сотней. Кроме того, Владислав помнил, что часто, отступая, казаки рассыпали по ноги коней преследователей «чеснок» {8}, а калечить лошадей ему вовсе не хотелось.

Пленные были разделены. Большая часть досталась городу, и городской совет принял решение повесить их всех на стенах, чтобы издалека видно было, какая участь ждет дерзнувших на град идти с саблей и пушками. Остальных — около десятка, в том числе и хорунжего казачьего, Владислав приказал увезти в Заслав. Захватив почти весь скарб, что были при себе у казаков — начиная от двух пушек и знаменем, под которым пришли в его земли казаки, и заканчивая сумой атамана, Заславский знал, как поступит с ними ныне.

Ксения, погруженная в свои мысли, не сразу заметила, насколько оживленно было на

площади перед костелом. Только услышав громкие крики и смех детей, улюлюканье, она огляделась, заметила верх большой клетки с широкими прутьями, стоявшую чуть ли не в центре площади. Ее окружали горожане разных возрастов — от младенца, сидевшего на руках у матери, до старухи, приковылявшей сюда, чтобы поглядеть, как будут издеваться над пленниками дети. Те были рады стараться на потеху зрителям: кидались в пленников снежки или замерзший навоз, плевали в них, ловко отскакивая от рук, что протягивались через щели между прутьями.

Ксения не могла разглядеть сидящих в клетке за толпой, окружившей эту железную конструкцию, но зато ясно заметила хоругвь, некогда развевавшуюся на ветру горделиво, а ныне прислоненную к клетке, повисшую безвольной тряпкой. Но даже через складки на полотнище был отчетливо виден лик Богородицы, заставивший Ксению, словно в мороке подняться с места, спрыгнуть из саней и пойти сквозь толпу к знамени. Последний раз она видела это знамя, когда приезжала в стойбище к Михасю, и в ее голове вдруг все смешалось — отчего-то привиделось, что там, в клетке сидит ее брат, а эти люди плюют и корят последними словами именно его, ее Михася.

Толпа вдруг смолкла, заметив панну, пробирающуюся к клетке, стала расступаться, давая ей дорогу. Замолчали по знаку родителей дети, замерли на месте с ледяными камнями в руках. Малгожата спешила следом за Ксенией, что-то говоря, и только ее голос разносился в наступившей тишине над площадью, ржание коней да бормотание одного из казаков, что молился, стоя на коленях, клал поклоны, не обращая внимания на толпу вокруг.

Ксения скользнула по сидящим в клетках взглядом, ища знакомые черты, но потом тряхнула головой, очнувшись от своего морока. Как могло ей привидеться, что тут может быть ее брат? Люди, сидевшие в клетке, хоть и были грязны и запчканы засохшей кровью, но было ясно видно, что это не москвиты. Хотя они и были одеты в большинстве только в рубаху да штаны (кое-кто даже был бос), да только выглядели совсем иначе. Гладкие безволосые головы — с длинным чубом или просто с полосой волос на лысом черепе, либо стриженные под «горшок», длинные усы, гладко выбритые подбородки. Злые глаза. Ксения аж отшатнулась невольно от ненависти, исходящей от казаков, направленную на нее — на ее богатые одежды, на меховую муфту в ее руках, на стать знатной женщины.

— Ляшская шляха! — прошипел кто-то из клетки, сплюнул в ее сторону, но не достал своим плевком подола ее платья, как ни целился. Она отшатнулась прочь, но все же приблизилась к знамени, переводя глаза с пленников на Святой лик на шелковой ткани. Потом повернулась к гайдукам у саней.

— Заберите хоругвь!

Пусть потом ей предстоит очередной словесный бой, но лик Богородицы никогда не будет стоять здесь, у клетки, где в него уже не раз случайно попадал кусок замерзшей грязи, брошенный мальчишеской рукой.

Гайдуки подчинились, схватили древко, намереваясь унести прочь от клетки, как казаки тоже ухватили со своей стороны за него, стали мешать им. Те и другие пихали через щели в прутьях, били кулаками, но каждый твердо стоял на своем, пока Ксения не крикнула на русском языке:

— Довольно! Я забираю лик оттого, что не место ему ныне тут, на потехе у ляхов! Я в греческой вере хожу, как и вы, и мне больно видеть, как глумятся над ним! — она резким движением достала из-за ворота платья, расстегнув верхние одежды, греческий крест, и казаки застыли на миг, удивленные. Гайдуки с силой дернули за древко, дерево

переломилось, и полотнище упало прямо в руки одному из них. Тот быстро свернул его под нарастающий рев казаков, унес к саням.

— Отойдите подальше, панна, — проговорил один из гайдуков, отводя Ксению за локоть прочь от клетки. Остальные достали из-за поясов плетки и уже от души хлестали по рукам казаков в исступлении, схватившихся за решетку и трясших ее будто дерево в пору урожая. Засвистела, заулюлюкала толпа, подбадривая гайдуков, и Ксения едва сдержала порыв поднять руки и закрыть ладонями уши, чтобы не слышать этих криков, спеша уйти от этой жестокости.

Она сама не поняла, как это было возможно, но внезапно через этот шум и гогот, через смех и улюлюканье до нее вдруг донесся чей-то окрик:

— Господи помилуй тебя, Ксения Никитична!

Ксения резко обернулась, испуганно обводя глазами стоявших за спиной. Сердце ее билось, словно пойманный в силок заяц. Кто ее окликнул? Кто-то в толпе? Но нет вряд ли — горожане сразу же бы обнаружили, если бы кто-то из толпы крикнул на русском. Знать, из клетки...

Она подняла глаза на узилище пленников и заметила человека, на котором ранее даже не остановила взгляд, прошла мимо. Высокий и широкоплечий, он был сильным, как медведь. Мощные мускулы отчетливо были видны через прорехи в порванной рубахе. Голова его, как у остальных, была гладко выбрита, только узкая полоска волос намечалась со временем превратиться в чуб. Она никогда бы не признала его без усов и привычной глазу широкой русой бороды, которой он некогда так гордился.

Ксения двинулась к клетке, отодвинув руку гайдука, что метнулся ей наперерез, и мужчина тоже пошел к тому краю клетки, где не было казаков. Заметив движение панны, туда же направился было и другой казак, скалясь злобно в почти беззубой улыбке, но мужчина его оттолкнул с такой силой, ударив кулаком в грудь, что тот повалился на землю да и не поднялся более, только застонал глухо от боли.

— Господи помилуй тебя, Ксения Никитична! — повторил мужчина, когда Ксения приблизилась к нему уже настолько, что могла даже различить, как бледна его кожа от мороза, а на носу образовались маленькая красная сеточка. Он вцепился двумя руками в прутья клетки, окинув грозным взглядом гайдуков за спиной Ксении. А потом улыбнулся криво той. — Что молчишь, боярыня? Это я должен крест святой творить, а не ты. Ведь я блазенья ныне вижу пред собой...

Ксения ахнула, прикрывая дрожащие губы ладонью, пытаясь справиться с тем ознобом, что внезапно прокрался под меха и стал трясти тело.

— Владомир!

1. Традиционное Рождественское кушанье из пшеницы с добавлением меда

2. Рождение Твое, Христос Бог наш, воссияло для мира светом знания. Ибо во время егс служащие звездам были научены звездой (же) поклоняться Тебе, Солнцу правды, и знать Тебя, Восток свыше. Господи слава Тебе! (старослав.)

3. Жанр церковной гимнографии, краткое песнопение, выражающее суть празднуемого события

4. Дитя, родившееся вне брака

5. Все — названия незаконнорожденного ребенка в средневековой Руси

6. Хозяйственные постройки за крепостными стенами. Обычно там располагали

скотные дворы, конюшни и другие вспомогательные службы

7. Разновидность булавы, признак военачальника у казаков в том числе

8. Железные рогульки с шипами. Предназначались для того, чтобы ранить копыта лошадей или ступни ног противника в бою.

— Владомир! — Ксения не верила своим глазам, шагнула еще ближе к узилищу пленников. Но это действительно был сотник ее покойного мужа. Хотя и выглядел ныне совсем иным, будто другой человек. Но глаза остались те же — светлые, с какой-то легкой грустинкой.

— Я, боярыня, — проговорил он и схватился за прутья клетки. — Я то. Признала, знать. А пан ляшский не признал...

Ксения шагнула еще ближе, робко положила ладонь на пальцы Владомира, человека из ее прошлой жизни, сжала его холодные руки. Он кивнул ей, и она почувствовала, как к глазам подкатили слезы при виде его уже обмороженной кожи.

— Как ты тут оказался? Среди казаков? — прошептала Ксения. Она заметила тень, мелькнувшую в глазах бывшего сотника, но что именно видела — сожаление, гнев или стыд, не смогла определить. Владомир на миг опустил голову, а когда снова поднял взгляд на Ксению, его глаза уже не были так спокойны, как ранее, потемнели.

— Я, Ксения Никитична, холоп подневольный. Боярин сгинул, вотчина сгорела. Куда мне идти? Хотел к Москве, супротив ляхов поганных воевать да не сошлось, схватили меня в приграничье казаки. Силой заставили к себе в сотню пойти простым рубакой, — Владомир лукавил, говоря то, но ни один мускул не дрогнул на его лице при этой лжи.

Верно, он шел по реке к Москве, да только передумал, сознав, что нет у него доказательств воли своей. Попадется рано или поздно на глаза из знакомых боярина кому, и все, пропала его душа. А там колодки за то, что из земель убежал, а то и живота лишат. Потому и повернул к казачьи землям, пробирался тайком, скрываясь от посторонних глаз. Он ведал, что там, в земле свободных людей, ему достаточно будет только крестным распятием греческим показать, что он той же веры, что и казаки, что довольно того будет, чтобы в ряды их встать. Так и сложилось. Выбрil голову Владомир на казацкий манер, снял с лица и усы, и бороду, сменил одежды. С тех пор он стал казаком лихим, ходя под хоругвью атамана Злотника, а вскоре и встал во главе сотни, стал преданным воином товарищества, намереваясь накопить довольно монет к тому серебру, что схоронил в надежном месте, чтобы потом начать новую жизнь на новой земле.

Но Ксении знать то вовсе не стоило. Оттого и увел в сторону их разговор Владомир:

— Боярыня, знать, ведает, что ляшский пан вырезал под корень вотчину? Всех людей и скотину. Всех до единого. И боярина вот... А ты, знать, жива осталась.

— Меня боярин в скит отправил дальний, всем сказав, что померла я, — проговорила Ксения, будто оправдываясь, что не была в тот день в тереме, когда ляхи пришли в вотчину. — В черницы меня готовили, да не сошлось.

— Не сошлось, — медленно произнес Владомир, потрянув головой, и Ксения нахмурилась, почувствовав, что тот не просто повторил за ней слова ее. — Знать, боярин спас тебя, Ксения Никитична, от участи лихой. Своим животом за тебя... А ты тут... жива! Господь тебя бережет, видать!

Ксения нахмурилась. О чем говорит Владомир? Разве причинил бы ей вред Владислав при нападении на вотчину Северского? Или Матвей мог зарубить ее, чтоб не досталась она врагу его?

— Помоги мне! — вдруг взмолился шепотом Владомир, накрывая ее пальцы поверх

железа прутьев решетки своими широкими ладонями. — Помоги мне, Ксения Никитична! Век буду имя славить, коли поможешь волю вернуть!

— Как же я помогу тебе? — так же шепотом возразила Ксения, оборачиваясь на гайдуков, стоящих поодаль. — Я не имею такой власти, чтобы замки отворить. Да и кто послушает меня, коли попрошу казаков отпустить? Мало ваши сотни земель разорили этой осенью, мало пожгли да порезали...

— Не надо казакам волю давать, — прошептал Владомир. — Ты меня спаси, Ксения Никитична. В память о былом. В память жены моей, что сестрой тебя почитала. Что жизни за тебя отдала. Али забыла ты? Ты тут вона госпожой живешь, в мехах чисто царских ходишь. А она для того, чтобы ляха твоего спасти да тебя от рук боярина, живот положила.

Ксения побледнела, признавая правоту этих слов. Все верно, многим она обязана Марфуте, подруге совей верной, тут и спорить нечего. Но как освободить Владомира? Как это сделать?

— Я спрошу пана Владислава, скажу, что холоп мой бывший попал в полон вместе с казаками, — начала Ксения, но Владомир не дал ей договорить, сжал ее пальцы, причиняя легкую боль.

— Нет, пан не должен знать, что я... что я в полоне у него! — а потом поспешил добавить, видя, как нахмурилась озадаченно Ксения. — Кто ведает, что в голову его придет? Я его сестры и пальцем не трогал, а то еще призовет к ответу за былое, за того, кому служил ранее.

— Тогда как? — спросила Ксения, хмурясь, чувствуя тревогу, неожиданно вспыхнувшую в груди, словно на хрупкий лед ступила. Как тогда в корчме, когда с православными шляхтичами разговор завела, когда пан Гридневич подсел за ее стол.

— Как в вотчине ляхского пана отпустила на волю, — прошептал Владомир. — И тогда, ранее, на московском дворе батюшки, когда из рук наших ускользнул он. Ты ведь приложились к тому, разве нет? Вот и ныне...

— Панна! — окликнули Ксению гайдуки, что переминались с ногу на ногу позади нее, не решаясь подойти ближе и прервать этот странный для них разговор. Но панна подняла руку, мол, ждите, пока не скажу, и они не осмелились подойти ближе.

— Вона как слушают тебя, Ксения Никитична, — заметил Владомир. — Знать, госпожа ты здесь, можешь ведь. Нас нонче в Замок переведут, в каморы. Подумай, как сделать то.

— Я не могу, — вдруг покачала головой Ксения. Отпустить Владомира означало навлечь на себя очередную волну неприязни от шляхты, а этого ей вовсе не хотелось, памятуя о своем шатком положении. Но и оставить Владомира среди пленников она не желала. Остается только один путь — упасть в ноги Владислава и умолить его сохранить жизнь ее бывшему холопу. Это все, что она может для него сделать, не более.

— Я попрошу пана о тебе, только то могу сделать для тебя. Но не скажу, что из вотчины Северского. Назову тебя хлопом батюшки моего.

— Он не отпустит меня, Ксения Никитична. Другого пути нет, как отворить двери каморы. Ради Христа, помоги! — взмолился Владомир, чувствуя, как ускользает надежда, вспыхнувшая в нем, когда Ксению распознал в богато одетой панне, знал, что живет она тут, в Замке, при пане Заславском госпожой. Атаман Злотник был шибко зол, когда ему в числе прочего рассказали, что пан силой у себя православной веры девицу держит. Думал, отмстить ляху за поругание, за его нахальство, хотя бы и разорив его границы. Да и в накладе бы не остался, получив свое золото, да вон как вышло!

Будто вода сквозь пальцы утекает его надежда ныне, замер Владомир. Она скажет Заславскому, а тот непременно придет поглядеть, что за холоп попался ему в руки. Лях — не девица легковёрная, того так просто не обмануть. Все припомнит тогда ему Заславский, потребует ответа за обман.

Сдавило в горле, как тогда, когда видел, как один за другим повисают на стене его товарищи, с которыми под город пришел Владомир. Грязная смерть! Не познать покоя в том мире висельнику, обречена его душа на вечные скитания по миру земному бестелесной тенью. Не встретить ему Марфуты, его лисоньки рыжей. Ведь он был уверен, несмотря на смерть от удушения, Господь принял ее душу в свои небесные чертоги, соединил с Васильком. А вот ему не суждено их будет даже увидеть...

— Я умолю пана, вот увидишь, — решительно проговорила она, и он понял по ее глазам, что это ее окончательный ответ. Черты лица Владомира застыли в тот же миг, будто холодом скованы. Он одним неуловимым движением схватил ее за меховой ворот, притянул к прутьям, вжав ее лицом в железо.

— Знать, не желаешь помочь мне? Отказываешь? Мне — своему православному брату? И ради кого? Ради католика? Ради ляхского пана? — проревел Владомир, наполняя душу Ксении страхом. Он видел ее страх и открыто наслаждался им. Знает, знает шлюха ляхская, что стоит ему только сдавить ладонями ее горло, и он убьет, как куренка, эту дрянь последнюю.

А может, и надо было тогда придушить ее, когда лежала в тереме, скинув ублюдка своего, без сознания, безвольная, а он стоял над ней, прокравшись в женские половины тайно ночью, и ждал, когда она глаза откроет. Чтобы насладиться ее горем, ее болью, ее слезами. Но решил потом, что не так сладка месть будет, да и Северский тут же опознает, кто душегубец жены его. Ушел тихо, решив, что блюдо слаще для утробы, чем дольше томится оно в печи. Он, правда, переменял свое решение после, да только объявили, что утопла боярыня в Щуре, уйдя от глаз своих девок. Не сошлось...

Закричали позади Ксении, зашевелилась толпа. Казаки тоже не стали молчать, видя картину, что стояла у них перед глазами, засвистели, заулюлюкали. Бросились к Ксении гайдуки, стали отдирать его пальцы от одежд панны, бить Владомира плетью и кулаками. Но удары были слабые — боялись задеть панну, да и русский был силен, стойко держался, не обращал внимания на боль, словно его комары кусали, а не хлестали, не били мужские руки. Да и казаки не стали смотреть, как товарища их бьют — ввязались в заваруху, отстраняли гайдуков от клетки, отрывали их пальцы от одежд Ксении, отвлекали их от Владомира.

— Отпусти! Отпусти! — Ксения рвалась в его руках, но он держал ее крепко, и она могла только дергаться у железных прутьев, царапая себе лицо. Ее тянули в разные стороны. С треском лопнула толстая ткань верхних одежд, оторвался рукав и остался в руках у одного из гайдуков. — Отпусти меня!

— Смотрите, люди добрые, — проревел Владомир. — Смотрите, верные православные, на эту папистскую подстилку! На шлюху ляхскую, что раздвинула ноги перед убийцей своего супруга венчанного! Смотрите на эту паскуду! Своего мужа со свету сжить пыталась, и за вашего пана, ляхи, примется вскоре! Сживет его со свету как Бог свят!

Дикий вопль сорвался с губ Ксении, слезы покатались градом по лицу от обиды и злости на свою доверчивость. Она оторвала руки от прутьев, стала царапать Владомира по лицу, целясь в его глаза, переполненная ослепляющей ненавистью ныне. Как мог он?! Как мог?!

— Или ты не все поведала своему пану, боярыня? — прошипел Владомир ей в лицо, уворачиваясь от ее пальцев. — Ну, так я расскажу ему все, коли не вытащишь меня отсюда! Пусть ведает, какая змеиная душа у его красной панны!

Где-то в голос ревела перепуганная Малгожата, голосили от страха женщины, уводя своих детей подальше с площади, уже зная, что лучше унести ноги с площади — и чем дальше, тем лучше. Под горячую руку гайдуков после могли попасть и собственные хлопы.

— Что стоите камнем, будто Лотова жинка? — откуда раздался крик Ежи, подоспевшего наконец за панной. — Рубите руки этому быдлу! Борздо!

Владомир тут же отпустил Ксению, и та упала на снег возле клетки. Не успели подхватить ее гайдуки вовремя. Но прежде Владомир исхитрился все же протянуть руку сквозь прутья, потянуть на себя шнурок тонкий за распятие святое, что на груди у Ксении висело. Не убрала она его, показав казакам, вот и блестело оно поверх бархата платья.

Тонкий шнурок порвался, крестик нательный остался в ладони Владомира, что с довольным воплем отпрянул к другой стене узилища, зажимая крепко свою добычу.

— Не должно носить ляшской шляхе креста греческого! Не должно носить креста, коли веру свою продала за ляшский... — выкрикнул он, и остаток речи его потерялся в общем реве, что вырвался из казацких лоток и пронесся над площадью.

— Панночка! Панна, здрава ли ты? — уже поднимал ее со снега Ежи, будто куклу, прижал к себе, пригладил растрепанные волосы. — Сечь этих псов! До крови сечь! Ныне же! Только в живых их оставьте! И этого, что тронул панну — всенепременно!

Он склонился к Ксении, бледной и растерянной, легко подхватил и понес ее в сторону саней, не обращая внимания на крики боли и гнева, что раздались за его спиной. Спешила за ним Малгожата, подняв со снега меховую шапку Ксении, изрядно помятую сапогами гайдуков.

— Что то? Что ж то? — всхлипывала она. По знаку Ежи смочила в снегу ширинку из тонкого полотна, приложила к уже темнеющим синякам на лице Ксении, к кровоточащим ссадинам.

Усатый шляхтич же с тревогой всматривался в бледное лицо панны. Она уставилась в небо, словно духа лишилась, моргая только на редких ухабах. Ее волосы выбились из тщательно уложенного рукой служанки переплетения кос, тонкие пряди висели вдоль лица. Одежда была измята и порвана. Как, скажите на милость, ему привезти панну в таком виде в Замок? Владека удар хватит при ее виде, на звезды гадать не надо! Какого черта...?

— Какого лешего поперлись к казакам? — свирепо взглянул из-под густых бровей на Малгожату Ежи. Та снова принялась реветь в голос в испуге о того, как будет зол пан ординат на нее.

— Я... я... просила панну... Я ж не ведала! Ой, Матка Боска!

— Не ведала она! — воскликнул Ежи, в который раз дивясь женской глупости, а потом резко склонился над Ксенией, лежащей у него на руках, едва расслышав ее шепот. — Что? Что, панночка?

— Крест... крест... — шептала Ксения. Она не понимала, где она и кто так настойчиво дергает ее за одежды, словно призывая взглянуть на него. Слышала только женский голос из прошлого, что повторял снова и снова: «...блудница вавилонская! Грешница, предавшая свой народ из-за бесовской маяты! Нет тебе места в моей обители, недостойна та, что свой крест предала, свою веру и свой народ презрела, остаться в этих стенах святых. Недостойна крест святой носить! Кровь на тебе! Кровь! Кровь!»

А потом голубое небо сменилось темным сводом брамы, и снова возникло над Ксенией, только ограниченное по периметру высокими стенами и крышей Замка, зашумели люди вокруг нее. Она слышала крики, но ее не интересовало, что происходит. Совсем. Какое-то странное оцепенение охватило ее, когда порвался тонкий шнурок, соскользнул с шеи.

«Недостойна крест святой носить! Недостойна...»

Кто-то зарычал прямо у Ксении над ухом, на миг даже заглушив женский голос, и рык этот был наполнен такой ярости и боли, что проник даже в помутненное сознание. Ее куда-то понесли, что-то шепча в ухо успокаивающе, и она попыталась даже попросить о том, чтобы голос в ее голове смолк, не мучил ее, но не смогла. Только прошептала едва слышно:

— Крест... недостойна...крест мой...

— Что? Что, моя драга? — ответили ей откуда-то издалека. А потом закричали громко, заставляя ее поморщиться недовольно. — Она вся горит! Езус! Магда! У нее горячка!

Веки стали таким тяжелыми, будто каменные, и Ксения не стала сопротивляться дреме, что вдруг навалилась на нее, прижимая к перине, в которой вдруг она оказалась. И Ксения закрыла глаза, проваливаясь в спасительную черноту, надеясь, что придет сон, и этот голос замолчит, не будет терзать ее душу.

Приходили разные сны. В одном из них она спускалась в ад — жаркое место, полное всполохов огня и черных теней, скользящих вокруг нее. Теперь она была беззащитна перед бесами, что кружили вокруг, против зла, что хотело взять ее душу. Без защиты святого распятия — она была слаба и открыта.

И Северский. Он был там, среди пламени. Выжидательно смотрел на нее. Шрамы на его лице и шее были отчетливо видны в свете огня.

Яркое пламя ослепляло, и она прикрывала глаза рукой, а когда опускала ладонь, снова и снова возвращалась в скит, объятый огнем, полный смерти и насилия. И неизменно перед глазами падал вниз крест, сгорая вместе с останками церкви греческой веры.

— Нет! — кричала она тогда в голос, падая на колени. — Прости меня, Господи, прости, грешную, за любовь мою! Не могу я...! Не могу!

В другом сне кто-то тянул к Ксении руки. Мокрые и холодные руки. Утопленницы в венках из темных водорослей и белых цветов, что росли на воде. Речные девы, что скрывались в глубине вод от человеческого взгляда, карауля очередную жертву, чтобы утянуть ее на дно.

— К нам! Иди к нам! — шептали они ей громко, тяня к себе в темные воды. — Ты должна быть с нами!

Ксения визжала в голос, отбивалась от этих рук, отталкивала от себя их, путаясь в их мокрых рубашках. А он накидывали на нее полотно, укутывали в него словно в кокон, тянули с собой на дно. Она задыхалась, билась, пыталась разорвать полотно, но руки слабели, не подчинялись ей.

— Не надобно! Прошу! Не надо! — плакала Ксения тогда в голос, но полотно не убирали, только ласково проводили ладонями поверх мокрой ткани, успокаивая ее.

А однажды вдруг привиделся батюшка. Он сидел в саду под грушевыми деревьями, на лавке, что выносили из светлицы для того, чтобы насладиться солнечным днем в прохладной тени густой листвы. Летник был расстегнут на груди, открывая взгляду тонкое полотно рубахи и нательный крестик в вырезе, прямо под широкой бородой боярина.

— Ксения моя, — улыбнулся Никита Василич и поманил ее к себе. Ксения сорвалась с места и подбежала к отцу, упала на траву возле него, положив голову на его колени, как

сизживала в вотчине, бывало. На светлые пряди волос опустилась сухая ладонь отца, провела ласково, и Ксения едва сдержала слезы, уткнулась лицом в ткань летника отца. — Ксюня ты моя! Что ты слезы роняешь из очей своих ясных? Что за горюшко на Ксенюшку мою навалилось? Котя поцарапал белые ладошки сызнова? Али кто обиду какую нанес?

— Я, батюшка, крест потеряла свой нательный, — сгорая от стыда, призналась Ксения, а потом подняла глаза, взглянула на морщинистое лицо отца, наслаждаясь теплом отеческой ласки, светом его глаз, что так лучились сиянием.

— Ох, беда-то, Ксенюшка, крест-то нательный он шибко нужен, — покачал головой Никита Василич. А потом вдруг снял с груди свой крест, протянул его на ладони дочери. Та удивленно взглянула на отца. — Бери, моя хорошая, бери, — кивнул тот. — Тебе он нужен, а мне нынче ни к чему уже. Мне уже и так благодать великая.

Ксения почувствовала, как сдалось тревожно сердце, прижалась всем телом к коленям отца, зарыдав во весь голос. Ей вдруг стало ясно, о чем он говорит, но ее разум отказывался принимать эту страшную истину.

— Не плачь, Ксенюшка, слез впереди еще много будет. Много худого ты сотворила. Покаяться должна в том, не держи в себе это зло, поведай о нем. Пусть не служителю церковному, а ему Расскажи. Не держи в себе то. От черноты тайн все зло, — Никита Василич погладил снова ее по волосам, пытаясь унять рыдания, что сотрясали тело дочери. — Возьми распятие, милая, возьми, Ксения. Не бойся. Твое оно. Не мое. Погляди сама.

И верно — на ладони отца лежал не его нательный крест. Тот был широким, из чистого золота, с пятью рубинами. Этот же был явно женский — тонкий серебряный, украшенный сканью и камнями бирюзовыми.

— Он сохранит тебя от бед и зла, от людей злых, что стоят подле тебя, — проговорил отец. — Не бери креста из рук незаложного. К худу то только. Возьми этот, Ксенюшка, золотко моя, рада моя, — Ксения несмело протянула руку и обхватила пальцами серебряное распятие, сняла его с ладони отца. — Вот и славненько. Покоен я ныне за тебя, моя доченька. Только то и желал — чтоб увидеть тебя, чтоб слово сказать тебе свое. Ты верна себе будь, моя милая. Душе своей, сердцу своему. До конца верна. Тогда и покой придет, и лад. Запомнила, Ксения? Сердцу своему верна будь... Ксенююююшка...

Она открыла глаза и не сразу сообразила, отчего над ней ткань бархатная, испугалась сперва, что в гробу уже лежит, схороненная навеки под землей. Заметались руки по постели, сорвался с губ легкий крик, пробудив и девиц, что задремали в креслах, и Владислава, что всего на миг сомкнул глаза, уронил голову на постель возле руки Ксении.

— Тихо, тихо, драга, — тут же прижал он ее к себе, ладонью ощутив через растрепанные волосы лоб.

Сухой и теплый. Горячка, терзавшая Ксению последние несколько дней, наконец-то отступила. Она прижалась к нему всем телом, как во сне прижималась к отцу, обхватила его руками, не обращая внимания на девиц, что радостно зашушукались у камина. А потом вспомнились слова отца, его дар. Последний, она знала это, ощущая, как тяжелеет душа от потери, что случилась где-то там, в землях Московии.

— Мой батюшка, — разрыдалась она, поднимая глаза на Владислава. — Я осиротела... осиротела.

Он не стал с ней спорить, полагая, что она вспомнила один из кошмаров, что мучили ее эти дни. Просто прижал к себе, позволяя выплакать свое горе на своем плече, глядя ее по

спутанным волосам. Владислав и верил, и в тоже время сомневался в правдивости ее слов. Как можно почуять смерть за сотни верст? Хотя ведь на краю была недавно, между тем миром и этим...

Выплакав свое горе, Ксения вдруг снова провалилась в сон, но Владислав впервые со спокойным сердцем покидал ее спаленку, зная, что этот не горячечный, добрый сон.

Впервые за последние и он мог позволить себе отдохнуть, провалиться в глубокий сон, а не чуткую дрему, упасть в перины, а не ютиться у кровати Ксении, скрючившись в три погибели. Но проснулся по первому звуку (в камин подбрасывал поленья слуга), опасаясь, что Ксении стало вдруг худо.

Но нет, она сидела в кресле в своих покоях, положив голову на спинку, прикрыв глаза, а стоявшая позади служанка аккуратно разбирала пряди, спутавшиеся за время болезни, расчесывала их аккуратно гребнем. Бледность, тени под глазами и выдающиеся скулы, появившиеся от болезненной худобы. Ничего, со временем эти следы недавней горячки уйдут, и Ксения снова будет сиять своей красотой, будто солнышко.

Служанка присела, заметив пана, и Малгожата, сидевшая на скамье у ног Ксении с рукоделием, оторвала взгляд от работы и тут же поднялась, приветствуя Владислава.

— Панне намного лучше, пан Владислав, — проговорила Малгожата, улыбаясь, как гордая мать, у которой дитя справилось с недугом. — Выпила весь бульон, что принесла Магда, да еще поела хлеба с теплым вином.

— У панны есть голос, и она может поведать пану Владиславу о своем здравии, — слегка ворчливо произнесла Ксения, но теплая улыбка, с которой были произнесены эти слова, свели на нет показное недовольство. Малгожата поймала взгляд Владислава и поспешила уйти в соседнюю комнату, послав служанку за вином для пана в кухню. Владислав же занял место паненки на скамье у ног Ксении под ее сияющим взглядом, поймал в плен ее руки, горячо поцеловал сначала одну ладонь, затем другую.

— Твой недуг... он так напугал меня, — проговорил он. Ксения улыбнулась.

— Не думала, что тебя можно напугать чем-либо.

— Можно, — ответил ей Владислав с такой серьезностью, прозвучавшей в голосе, что улыбка Ксении поменяла характер с задорного на понимающий. — Оказалось — можно. Больше собственной смерти я боюсь потерять тебя...

Он уткнулся носом в ее ладонь, и она провела ласково по его голове, взъерошивая волосы, тихо шепча: «Милый мой!». А потом обхватила пальцами его подбородок, заставила взглянуть на себя.

— И я больше всего на свете боюсь потерять тебя, мой родной, — она помолчала, а потом сказала тихо. — Мне больно было, когда ты в вину мне поставил тот грех. Нет моей вины в том, что Господь дитя не дает, нет.

Ему было не по себе видеть в ее глазах боль, осознавая, как глубока ее рана. Послушав толки, он совсем в гневе забыл, что и прошлый ее брак был бесплоден, решив, что в том был виновен только муж ее. Но ныне... ныне он понимал, что ошибался. И ему вдруг страшно на миг, что такая же судьба постигнет и их союз. Он постарался прогнать от себя прочь эту мысль, но Ксения уловила его настроение, улыбнулась грустно.

— Что, ежели папа даст тебе разрешение на брак, и мы обвенчаемся, а детей не даст Господь нам? Что тогда?

— Мне не по нраву загадывать, Ксения. Еще пару лет назад я и подумать не мог, что привезу в этот Замок деву из Московии, что она сердце мое в полон возьмет. И что

ординатом стану... Как говорят в наших землях — не лови рыбу впереди невода {1}. Будем после о том, не нынче.

Ксения почувствовала, как немного легче стало на сердце от его слов, хотя, признаться, она знала, что не услышит от него иного, улыбнулась, коснулась губами его лба в благодарность за его расположение к ней.

Владислав после поднялся, позвал из соседней комнаты служанку, попросил ужин накрыть им на двоих с панной прямо в спальне, у камина.

— Ты не пойдешь в трапезную? — спросила Ксения, и Владислав покачал головой, снова занимая место на скамеечке у ее ног.

— Не пойду. Желаю ныне с тобой побыть. Только ты и я...

— Паненки сказали, я была в горячке несколько дней, — удивилась Ксения, переводя взгляд в огонь, играющий в камине, и тут же в голове воскрес былой кошмар. Огонь. Черные тени вокруг. Северский где-то там, за всполохами огня.

— Владислав! — сжала руку Заславского Ксения, хотела подняться с кресла, но он не позволил, удержал на месте, глядя, как еще пуще бледнеет лицо, как лихорадочно мечутся по его лицу ее глаза. — Владислав! Казаки... Владомир...

Он не мог понять, о чем она хочет сказать ему, решил, что она вспомнила былое под воздействием того, что творилось тогда на площади, сжал зубы так сильно, что заболели мышцы лица. Псы паскудные!

— Успокойся, моя кохана, успокойся, — он полез за ворот жупана, достал что-то завернутое в тряпицу. Ее распятие, сорванное с шеи сильной рукой Владомира.

Она отшатнулась, откинулась на спинку кресла от протянутого ей креста. «...Не бери креста из рук незаложного. К худу то только...», вспомнились слова батюшки, что во сне ей привиделся. Она быстро перекрестилась, взглянула на Владислава — небесно-голубые глаза на белизне кожи так и проникали в самую душу.

— Он мертв? Тот, у кого забрал ты распятие. Он мертв? — спросила Ксения.

— Что тебе до него? — нахмурился Владислав. Он уже неоднократно думал о том, что вынудило казака напасть на Ксению там, на площади, не страшась гайдуков. И о чем говорила с ним Ксения? Ведь люди донесли ему, что долго те шептались, едва ли не головами касаясь через щель меж железных прутьев.

— То мое прошлое вернулось ко мне, — прикусила губу Ксения. — Владомир то был.

— Владомир?! — взвился Владислав, даже подскочил на месте, опрокидывая скамью. — Владомир, сотник Северского? Пся крев! Пся крев! Если б знать мне...! — он запустил пальцы в волосы, дернул себя за пряди в раздражении.

Нет, не такая бы смерть ждала москвитя, какая досталась ему пару дней назад. Владислав не прощал предательства, обмана не прощал, считая его самым худшим из грехов. Да и за его собственную промашку — такое слепое доверие коварному псу московитскому — ответил бы Владомир перед Владиславом. Ибо до сих пор поднималась в груди слепая волна раздражения и злости при мысли, как ловко обманул тогда его сотник, как хитро обвел вокруг пальца.

Кто знает, распознал бы Владислав его при тех пытках, что велел преподать дерзнувшему панну тронуть, коли б сам в пыточной был, коли сам присутствовал бы при казни казаков, когда Владомира вешали за ребра на крюк. Но была больна Ксения, и ему не было дела до пленников. Просто махнул рукой молодому Добженскому, что они в его воле, пусть творит, что желает с казаками.

— Он мертв? — переспросила Ксения, заглядывая в его глаза, поражаясь той ненависти и ярости, что бушевали в их черноте, такой пугающей для нее опять. — Он мертв, — а потом, не дожидаясь реплики Владислава, закрыла его ладонь, скрывая от глаз крестик нательный. — Батюшка во сне наказал этого креста не брать. Другой предлагал мне, из серебра и бирюзы.

Ксения поднялась с места, коснувшись рукой шеи. Так пусто и страшно без нательного креста, беспокойно сердце бьется. Она прошла к образам в углу спальни, опустилась на колени перед ними, отгоняя от себя прочь сомнения, вольна ли она молитвы читать, коли креста на ней нет. А потом зашептала тихо, склоняя голову:

— Помяни, Господи, душу усопшего раба Твоего Владомира...

Это был ее долг — помолиться за душу в надежде, что когда-нибудь Господь смилуется над ним и, простя прегрешения раба своего, позволит душе того уйти из этого мира в другой, где, как ей хотелось думать, будет ждать его Марфута, так нежно любившая его.

Владислав молча дождался, пока Ксения прочтет помянник по убиенному, не прерывал ее. Просто сидел за уже накрытым к ужину столом, переплетя перед собой длинные пальцы, задумчиво смотрел в огонь. Он так погрузился в свои мысли, что едва не вздрогнул, когда на его плечо опустилась ладошка Ксении.

— У тебя сговор был с Владомиром.

Это был не вопрос. Ксения озвучила факт, и Владислав обернулся к ней удивленно.

— Он поведал тебе то?

— Нет, — она покачала головой. — Он промолчал об том. Я сама догадалась. Его странный вид, когда про вотчину заговорила. Его глаза, полные вины и сожаления. Твоя злость. Он предал тебя, быть может, там, в вотчине Северского?

— Он обманул меня. Но не в том. Я думал, что за тобой иду. Он умолчал, что тебя схоронил Северский более месяца назад на тот день. Ушел прежде, чем я понял то...

Ксения опустилась на ковер, оперлась подбородком о руки, сложенные на подлокотнике кресла Владислава, взглянула на него. Он видел, что в глубине ее глаз скрывается нечто, но разгадать этого не мог, просто ждал, пока она сама заговорит.

— Батюшка сказал мне во сне, что от черноты тайн все зло, — медленно произнесла она. — Одна из них разъедает мою душу, ведь покаяния в том я так и не принесла в храм. Вспомнила о том еще тогда в Московии, когда по земле ходила своей. Владомир грозил тебе открыть мой грех, показать, что не так я прекрасна душой, как лицом красна.

Ксения прикусила губу, перевела взгляд на огонь, не в силах смотреть в глаза Владислава.

— Видел ли ты шрамы от ожогов на лице и шее Северского, Владек? Неспроста меня Матвей разума лишившейся выставил. Ибо чернота в мою душу пришла после смерти дитя нашего с тобой. Как повитуха открыла, что девочка то была, так и поддалась я бесу, впустила ненависть в душу. Я делала вид, что примирилась с Северским, поддалась на его уговоры и обещания лучшей доли, что отныне будет у нас. А сама только и думала о том, как бы со свету его сжить. Да и самой... вслед за ним... туда.

Владислав сжал ее пальцы ласково, лежащие на подлокотнике, и она не стала скрывать своих слез, что уже падали с ресниц одинокими каплями. Он не осуждает ее за грех ее!

— В один из вечеров я приняла его в тереме. Помню, что смеялась тогда, ластилась к нему. Я знала, что усыплю его разум так, обману его настороженность. Он любил меня и легко поддавался моему обману. Я могу легко обвести вокруг пальца, коли надобно мне. После

того, как он уснул, я двери терема подперла, а потом позапирала светлицы, чтобы не открыть так просто было их. И двери спальни... А затем взяла огня в лампадке перед образами...

Ксения ясно увидела перед глазами, будто снова в своем тереме очутилась, как побежал по кисее огонь, как яростно стал пожирать ткань, а потом перекинулся на другое полотно, подставленное рукой Ксении и брошенное в соседнюю светлицу. Она знала, что муж спит крепко, что не сразу почувствует запах гари. Надеялась, что угорит вместе с ней прежде, чем холопы дворовые двери все выбьют. Она села в уголок спальни, прямо под образа, не в силах смотреть после своего бесчинства на лики святые.

Огонь уже вовсю полыхал в спальне, пожирая ковры и мебель, подбираясь к постели, где лежал Матвей, и Ксения замерла в ожидании, даже не замечая, что уже стало совсем тяжело дышать, а от жара хотелось отвернуться, спрятаться в укромном месте каком. Но тут вскочил Матвей с кровати, заметался по комнате, стал выбивать двери. Она слышала, как рухнули на пол двери терема, что вели из сеней, потом стали биться холопы о двери светлиц, что-то крича в голос.

Упала под ударами плеча Матвея дверь спальни, и Ксения не смогла сдержать разочарованного выдоха — не суждено. Но так даже легче, вдруг подумалось ей, душу чужую с собой не заберет. Свернулась калачиком на полу, ожидая, когда за ней придет смерть.

За ней действительно пришли. Но не смерть, а Матвей. С обожженными руками, лица все в копоти, он искал ее по спальне, пока не нашел на полу. Ксения отбивалась от него как могла, кусалась, не желая выходить из этого ада, который сама же и создала. Вскочила на ноги, огляделась, и, ухватив за свободный от огня край кисеи, стегнула его, целясь в глаза. Горящая ткань ударила его по лицу, шее и плечам, занялись волосы и борода, но он даже головы не повернул — схватил жену, взвалил на плечо и, забрав святые образа, вынес свои драгоценные ноши прочь из терема.

Пожар быстро потушили. Вскоре ничто не напоминало о том, что некогда творилось внутри терема, кроме потолка, который намеревались по весне заново побелить. Только Матвей помнил о том пожаре, всякий раз видя в отражении зеркала свои красные жуткие шрамы. С горечью вспоминал о том, как шептала ему в ухо Ксения тогда: «Никогда не буду жить с отцеубийцей! Никогда не буду жить с детоубийцей! Погублю я тебя, погублю, клянусь в том!» И руны Евпраксии говорили каждый раз, что смерть к нему придет через ладу его лазуреокую. Или она, или он. Другого пути не было...

— Вот так я оказалась в скиту, — проговорила Ксения. — Только не помнила ничего, не узнавала никого. Матвей мог меня под суд отдать, как жену, поднявшую руку на мужа. Но не отдал. И вреда мне не причинил, оставил в живых, хотя мог умертвить, никто бы и слова не сказал поперек, даже родичи мои. Правда на его стороне была. Но ныне я понимаю, что он действительно любил меня, раз жизнь мне сохранил, и в какой-то мере разум, позволив забыть то, что так терзало мою голову. Он не знал тогда, что Евпраксия все же сумела достать меня. Вернее, сумела бы, коли не судьба не свела нас с тобой снова.

Она перевела взгляд с огня на лицо Владислава, такое внимательное, такое родное, что дух захватывало, затаилась, ожидая его ответа. Но он молчал, и тогда она решилась — нарушила первой молчание в спальне.

— Ты теперь ненавидишь меня? Моя душа черна...

— Нет! — Владислав резко обхватил ее за предплечья пальцами, потянул к себе, устраивая ее у себя на коленях, прижимая к себе, будто дитя. — Нет, моя кохана. Разве

можно ненавидеть часть себя? Хотя, наверное, можно — ведь я зол и корю только себя, что так долго тянул с походом в земли Северского! Тогда все было бы иначе... Если б я мог стереть то из бывшего, все переменить!

Он нежно коснулся губами сперва ее одного глаза, стирая влагу с ее ресниц, потом другого. Затем прошелся легкими поцелуями по всему лицу.

— Открой глаза, — попросил Владислав, и Ксения подчинилась. Взмах ресниц, и он буквально утонул в этой завораживающей лазури, дивясь, как мерно стучит сердце, когда она в его руках. — Ты открыла мне свою душу. До самого потайного уголка. И я хочу открыть тебе свою. Эта тайна, что гложет меня уже несколько месяцев, не моя. В нее посвящены только я, пан Матияш и мой дядя-бискуп, узнав обо всем на исповеди моего отца. Надеюсь, ты будешь бережливо хранить ее, моя драга, какохранишь мое сердце в своих руках.

Ксения кивнула робко, и он тогда прижал ее к себе крепче, приблизив губы к самому ее уху, будто опасаясь, что кто-то еще может ненароком услышать то, что он собирался ей открыть ныне.

— Помнишь, ты как-то спросила меня, отчего мы не можем остаться в Белобродах? Отчего не отдать ординатство брату, коли по старшинству так положено, коли так принято с негласных времен?

Ксения кивнула, со стыдом вспоминая, какую бурю закатила тогда, подсчитав, что они должны уезжать из вотчины вскоре.

«Я бы желала, чтоб мы вечно жили тут! Разве это невозможно? Разве не можешь ты отказаться от своего наследства, вернуть брату ту, что положено законом? Где это слыхано, чтобы младший брат шел наперед старшего? То против Бога, против законов людских! Отчего бы тебе не остаться тут, в Белобродах, со мной? Мы были бы так счастливы здесь, так покойны. Или тебе земли и почет превыше меня?!»

Владислав ничего не ответил тогда. Развернулся и ушел, давая ей время остыть и спуститься к нему в гридницу, ласкаясь, как кошка, уже сожалея о своих словах. И вот ныне...

— Я не могу тебе дать ответа на твой вопрос: что превыше для меня — эти земли или ты, моя кохана, — прошептал он ей в ухо и крепче сжал ее локти, уже заранее угадав, что она захочет отстраниться от него после таких слов. — Не могу, потому что это самый страшный для меня выбор. Самый тягостный! Ты — в моем сердце, в моей душе, в моей крови. Ты — часть меня. Но и эти земли тоже — в моем сердце, душе и крови, в самом моем нутре. Как и должно быть у Заславских. Как и долг перед родом, перед гербом, наконец. Я не могу отказаться от этих земель, ибо только Заславский может владеть ими, таков закон моего рода, такова воля моего отца и моих предков. Только Заславский!

Ксения ахнула потрясенно, в тот же миг догадавшись о том, о чем ей хотел сказать ныне Владислав, едва сдерживая горечь, поднимающуюся в груди.

— Все верно, моя драга. Юзеф — не сын моего отца. Юзеф не крови Заславских...

1. Соответствует русской поговорке — цыплят по осени считают

Спустя несколько дней в Замок пришел праздник Рождества католической церкви. Еще с самого утра слуги сустились, готовя большую залу к предстоящему празднеству, что состоится после вигилии, на которую собирались и господа, и слуги. В кухне Замка полным ходом шло приготовление множества блюд, в том числе и мясных, которых уже с сегодняшней ночи можно будет ставить на стол. Выкатывались из подвала большие бочки с вином или сваренным этой осенью пивом, ставились на специальные козлы в коридоре около кухни, чтобы можно было разливать напитки в кувшины и подавать на стол господам.

В Замок съезжалась шляхта со всех окрестных местечек и земель. Ксения вот уже два дня наблюдала со стены, как медленно тянутся разные колымаги, проносятся по уже разъезженной дороге сани. Гостей размещали в соответствии со статусом — кого-то селили в большие покои, некоторым доставалась небольшая спальня в башне. Отдельные покои приготовили для епископа Сикстуша, которого ждали в Святочные дни.

Кое-кого из прибывших Ксения уже встречала в этих стенах, кто-то был ей незнаком до сих пор, но все они с нескрываемым любопытством наблюдали за ней и на совместных трапезах, и в зале, где проводили вечера. Она постоянно чувствовала на себе эти взгляды, и ей становилось немного не по себе всякий раз от этих ошупывающих ее глаз, пытающихся, казалось, проникнуть внутрь нее, заглянуть в самую душу. Ксения же старалась со всеми быть любезной, несмотря на их явное отчуждение и вежливую отстраненность.

— Ничего, — говорил ей Владислав с твердой убежденностью в голосе. — Они примут тебя. Они непременно примут тебя!

После, уже примеряя платье, что ей предстояло надеть к празднеству, Ксения смотрела на себя в большое зеркало (то самое, которое когда-то так напугало ее) и с удивлением отмечала, как изменилась за эти месяцы, что она провела в этих землях. Покажи ей то, что она видела ныне в слегка мутном и неровном отражении, еще хотя бы полгода назад, Ксения ни за что бы не признала в этой паненке, что глядела на нее из зеркала саму себя. И как шляхте не признать ее со временем, если она сама уже сомневается, кто она — боярышня московская или панна.

Швеи и гафорки {1} постарались на славу, готовя Ксении гардероб, в том числе вот это самое платье из рулона той дивной шелковой ткани, что когда-то привез Владислав ей в подарок. При каждом движении шелк переливался разными цветами в свете свечей, меняя оттенок с небесно-голубого на цвет речной волны в ясный солнечный день. Ткань платья была расшита жемчугом и бусинами серебряного и голубого цвета диковинными узорами по корсажу, рукавам и подолу. Мелкие жемчужинки речные были даже на тонкой белой кисее, что прятала от посторонних глаз грудь в глубоком вырезе, а также выглядывала из разрезов шелка на длинных узких рукавах у кисти и стояла небольшими буфами на локте.

Ксения расправила подол платья аккуратно ладонями, переводя сбившееся дыхание. Нет, не работой мастериц была так поражена она, хотя, разумеется, отдавала им должное, и не богатством платья — в Московии она частенько носила одежды, расшитые золотом и камнями побогаче этих, оттого невыносимо тяжелых. Нет, Ксения с трудом верила ныне, что эта женщина, что смотрит на нее из зеркала — она, Ксения Никитична, некогда московская боярышня.

Женщина в отражении была другой. Тонкая и хрупкая, она тем не менее высоко

держала голову, а спину прямой. Глаза сверкали в свете свечей каким-то странным светом. В них читалось многое: и собственное превосходство, и дерзость, и едва гасимая на губах улыбка. Все, чего не было ранее у той, прежней Ксении, возвращенной подчиняться и быть в тени, подавлять свои желания и чувства.

Теперь она стала другой. Она изменилась. Не было никаких сомнений, что коли б довелось кому из родичей увидеть ее случайно, повстречаться даже нос к носу, едва ли те признали бы. Как едва признавала себя Ксения ныне. Владислав изменил ее, и эти перемены коснулись не только платья.

Владислав... Ксения долго лежала после молитвы без сна в пустой спальне, слушая ночные звуки Замка. И гости, и большая часть слуг удалилась в город на вигилию, на ночное бдение, и должны были воротиться только под утро. Замок почти опустел, и то, что она осталась почти одна здесь, не могло не пугать Ксению. Особенно после того, что поведал ей Владислав. Она и ранее подозревала, что эти каменные стены хранят мрачные тайны, надежно скрывая их от тех, кому их знать было не положено. И рассказ Владислава только подтвердил то.

Юзеф — не сын пана Заславского, подумать только. Ксения закрыла глаза, стараясь не смотреть в темные углы спальни, едва освещенные светом, идущим от огня в камине. Ей постоянно мнились тени в таких темных местечках, а ныне тем паче.

— Ты знаешь, брак с моей матерью у отца был вторым. Первый же был заключен, когда ему было двадцать два года от роду с панной из польского рода Дзедушинских, герба Сас. Моя бабка со стороны отца также была из польского рода, оттого и желала жену для сына не из Литвы. Вот и сговорили ему панну Каролу Дзедушинскую. Я не ведаю, какой была их совместная жизнь, про то отец не писал. Я знаю, что помимо Юзефа и Станислава у них было еще две дочери, но померли в младенчестве. Юзеф — их последний ребенок, — Владислав вздохнул, а потом продолжил тогда шептать прямо в ухо ту тайну, что поведал ему отец в последнем письме.

Через пару лет после рождения Юзефа поползли слухи о том, что пани Карола слишком много времени уделяет одному из пахоликов хоругви пана ордinata. Стефан Заславский призвал к ответу и жену, и пахолика, но те сумели оправдаться, и того, кто посмел хулу возводить на жену ордinata, наказали — вырвали язык, невзирая на сословие.

Но зерна сомнений все же упали в душу пана Стефана, и он приказал следить за своей женой. В итоге выяснилось, что слова те правдивы были — пани Карола тайно встречалась с тем самым пахоликом из герба Лелива. Выяснилось, что он когда-то служил у пана Дзедушинского, отца пани Каролы, а после поехал вслед за ней к Заславскому в земли, попросился в услужение, чтоб ближе к ней быть. Заславский сам застал их свидание, едва ему донесли о нем, желая увидеть своими глазами обман своей жены и своего вассала.

Пан Стефан не простил им обоим предательства. Шляхтича того в болоте живьем утопили в лесу Бравицком, где у Заславских уголья охотничьи. Причем, на глазах пани Каролы, что в ногах валялась у мужа, вымаливая жизнь своего любовника. Хотя пан Стефан сделал вид, что снизошел к ее просьбе — когда ее любовник был уже по плечи в трясине, бросил жене сук, сказал, что вольна она сама спасать того. Да верно все рассчитал — сил у пани Каролы было мало, и как та не билась, как не пыталась вытянуть любимого, не сумела.

После ее, впавшую будто в летаргию от горя, привезли обратно в Замок и заперли в одной из комнат северной башни, где она вскоре умерла. Уморил ли ее пан Стефан или она сама от горя сгорела — неизвестно. Но даже если и так, никто не посмел бы осудить его за

подобное. Даже сам Владислав, повествуя о том, сверкнул яростно глазами, признавая за отцом право мести любовникам, и на миг Ксения снова увидела того Владислава, который был по-прежнему ей незнаком, который надежно был скрыт от нее — жестокий, властный, непримиримый.

— Что сделал бы я, будучи на месте отца? — повторил он вопрос Ксении, пораженной до глубины души жестокостью пана Стефана. — Я бы не стал топить того в болоте. Правая рука. Та, что держит основной привелей шляхтича, его честь — шляхетскую саблю. Вот чего я бы лишил того. А потом пустил бы на все четыре стороны сирым, в одной рубахе. И пусть жил бы, лишенный чести своей, паскуда...

Пан Стефан сперва заподозрил, что раз так зашло далеко у любовников, то и отцовство его детей быть может вовсе и не его. Станислав был точно Заславским — шляхтич еще не прибыл в земли ординации, когда тот на свет появился. Да и девки, его дочери, не особо интересовали его. Их можно было отдать в монастырь, замаливать грехи матери. А вот трехлетний Юзеф, что возился у его ног... Чей тот был сын? И всякий раз пан Стефан вглядывался в черты ребенка, выискивая хотя бы одну, что подскажет ему ответ на его вопрос. Паненка, прибывшая вместе с пани Каролой и бывшая при ней до самой последней минуты, на Библии поклялась, что Юзеф — сын пана ордината, но пан Стефан видел, как дрожит рука, лежащая на святой книге, как трясутся пальцы. И он оставил все, как есть. У него был Станислав, его наследник, а Юзеф... Нет, так и не смог впоследствии принять Юзефа пан Стефан, как ни старался. Всякий раз, когда он глядел на него, голова прямо раскалывалась от подозрений и мыслей дурных. И от воспоминания о пани Кароле... такой красивой и такой лживой.

Вскоре пан Стефан выехал на сватовство одного из пахоликов своей хоругви («Ежи», встрепенулась Ксения, и Владислав кивнул ей), да сам пропал при виде черных очей шляхтянки, ее улыбки да длинных смоляных волос. Обвенчался с ней, родился еще один сын, Владислав. Он-то и стал утешением, когда пришла весть о гибели в Молдавии старшего сына, Станислава. Но и сомнения стали расти с того дня, как опара для хлебов, стали терзать душу.

— Когда я на земли Северского пошел во второй раз, когда за тобой пошел, — прошептал Владислав. — Отец уже знал правду. Та самая паненка, прибыла в Замок, попросила встречи с отцом. Она умирала, ее тело терзали боли, и она каждый день молила Господа о смерти, но тот был глух к ее мольбам. И паненка ведала, за что ей такая кара. «Я солгала», поведала она тогда отцу. «Юзеф — не твой сын ординат. Пани Карола знала то точно!». Отец в тот же день написал и волю свою, и письмо ко мне с наказом любой ценой удержать ординацию в своих руках. Он знал, что сомнения будут в моей душе в верности передачи той не по старшинству, оттого и тайну эту открыл. Наказал в костеле обет дать, что никогда не отдам Юзефу владения Заславских, что передам их только сыновьям своим.

Владислав рассказал Ксении, что в торбе атамана казачьего, что свои сотни на земли Заславских вел, письма нашел, написанные рукой Юзефа, сулящие немислимые выгоды и золото, если казаки изрядно потреплют ордината и шляхтичей, что в службе эти земли держат, ослабляя их. Все, что казаки забирали при своем разбое, Юзеф за ними оставлял, а также обещал часть крайних {2}земель, когда станет во главе ординации. Квиты {4}о том также в торбе атамана лежали.

А еще Юзеф протестацию {3}подал в сословный суд {5}, намереваясь оспорить волю отца, писанную не по майоратному закону, что принят был негласно в королевстве. Так как

дело должно рассматриваться избранными шляхтичами, то ныне, насколько был осведомлен Владислав, Юзеф старался склонить шляхту повета на свою сторону, пытаясь найти поддержку в их лице в своих претензиях.

— Уже после Рождества начнется первый в этом году рок {6}, но не думаю, что на нем все решено будет. Уж слишком неоднозначно все... да и Заславских герб. Тяжко придется шляхтичам, — проговорил Владислав. Но Ксения легко прочитала в его глазах то, что он все равно пытался скрыть от нее — тень своей неуверенности, что шляхтичи примут его сторону, что поддержат его, младшего Заславского, в виду того, какие настроения были в повете и в окружении Владислава в последнее время. Уж слишком самовольна все же была шляхта, слишком падка на обещания да легко шла на поводу своего гонора, что противился тому, чтобы встала во главе ординации подле Владислава не шляхтянка и даже не литвинка, женщина не их веры и не их земли. И Юзеф всячески поддерживал в них это неприятие, подогревал их гнев по этому поводу.

— Я все решу! — твердо сказал ей тогда Владислав, сжимая губы. — Я все решу, ведь я не имею права потерять. И я не потеряю! Ни единой пяди этой земли... Удержу, вот увидишь.

И Ксения верила ему. Она видела в его лице решимость идти до конца, и даже пожалела пана Юзефа на миг, полагая, как тяжело ему придется той войне, что он развязал против брата несколько седмиц назад. Прижалась к Владиславу, глядя того по волосам, понимая, что и ему нелегко в этом противостоянии, в которое он вовлечен с недавних пор. Она недоумевала, как пан Стефан не мог предвидеть того, разве не мог он понять, что Юзеф не отдаст просто так то, что должно было принадлежать ему, как он считал по праву. Только вот подумать не могла, вернее, даже боялась, что она сама стала причиной того, как усложнилось положение Владислава ныне. Ведь тот умолчал о еще одном наказе отца — породниться с родом Острожских, чтобы вместе отразить все нападки недовольства Юзефа и устранить возможные трудности или препоны.

Странно, но ничто в Замке не указывало на ту тень, что, как оказалось, висела над владениями Заславских. С шумом вернулись рано утром с вигилии шляхта и слуги, Замок наполнился голосами и звуками, которые и разбудили Ксению. А потом и Владислав тихо скользнул в спальню, боясь помешать ее сну.

— Я не сплю уже, — протянула она ему руки, и их пальцы переплелись, а потом Владислав присел на край кровати, с каким-то странным выражением лица, глядя на Ксению. Он молчал, и она хранила молчание, наблюдая за тем, как постепенно наполняются светом его глаза. И она, как кошка на солнце, грелась в этом свете, чувствуя небывалый покой в душе при виде этой любви и нежности, которой были полны его глаза.

Порой им совсем не надо было слов, просто вот так побыть подле друг друга, ведь только так все горести и трудности казались такими мелочными. Конечно, в основном приходил Владислав к ней в покои или светлицу, где сидела за работой вместе с паненками Ксения.

Но иногда и она позволяла себе подняться с узкую галерею, что вела по одной из стен большой залы, взглянуть на него, занятого разбором очередного хозяйственного дела с войтом или старостой своих земель, с высоты места, предназначенного для дударей и скрипачей, встретить его мимолетный теплый взгляд. Она даже любила отмечать эту перемену в нем в эти минуты. Вот он, суровый ординат, внимательно слушающий жалобщика или отчет о работе проделанной, и, тут же поймав ее взгляд, меняется вмиг —

смягчаются черты лица, а в уголках губ прячется улыбка. Его глаза окутывают ее взглядом, словно нежными объятиями, обещая вскоре осуществить те мысли, что мелькают в голове в этот миг. О, как же она любила эти короткие взгляды!

Тем вечером, когда шляхта уже поднялась с постели и готовилась выйти в большую залу, где Владислав на правах ордината поздравит их с Рождеством, а после будут танцы и ужин, Владислав передал Ксении небольшой ларец.

— Пан передал, что у панна должна начать пополнять ольстр с украшениями пани Заславских, — проговорила Малгожата, открывая украшенную искусной резьбой крышку ларца. Ксения, уже облаченная в шелковое платье цвета неба, терпеливо ждала, пока Берця, ее вторая паненка, закрепит в волосах небольшой чепец. Он был пошит из той же ткани, что и платье Ксении, но за россыпью жемчужин и бусин в тон узорам на платье шелка почти не было видно. Светлые волосы Ксении заплели в косы, переплетя пряди с длинными нитями речного жемчуга, уложили их на плечи, завязав косы в свободный узел у самого основания шеи.

— Панна так красива ныне, — прошептала Малгожата восторженно, вызывая улыбку Ксении, а потом протянула ей ларец, в уюте бархата которого лежали две длинные серьги — жемчужные капли в обрамлении бусин небесно-голубого цвета и тонкой скани серебра и такой же кулон на длинной нити жемчуга.

«Жемчуга дарить к слезам аль разлучению», вдруг всплыл в голове Ксении далекий голос мамки Ефимии, когда Малгожата, вдев в ее уши серьги и опустив на ее шею нить жемчуга, отступила подальше, любуясь. «Верить в суеверия есть грех», тут же напомнил внутренний голос, не дав Ксении даже нахмуриться в сомнении.

— Ты так красива, моя драга, — прошептал за ее спиной мужской голос, и Ксения перевела глаза на темную фигуру, что отразилась в зеркале позади нее. Он был облачен в черный бархат, затканый узором из тонких золотых нитей, знакомый пояс висел на талии, ярко поблескивая в огне свечей. На плечах лежала пятнистая шкура диковинного зверя, напомнив ей тот день, когда она увидела его впервые на улочке Москвы.

Ксения улыбнулась и, обернувшись к Владиславу, провела рукой по мягкому ворсу шкуры на его плечах. Тот поймал ее ладошку и потерся о нежную кожу гладко выбритой щекой.

— Не мог удержаться и не зайти к тебе прежде... А еще у меня для тебя кое-что есть, — он разжал руку, которую до того держал в кулаке. На ладони у него лежал серебряный греческий крест. Тонкая скань. Камни бирюзы. Так схоже с тем, что тогда во сне Ксении лежал на ладони ее батюшки, и в то же время — совсем другой. — Я не мог удержаться и не заказать его мастеру, когда давеча в Менск ездил забирать жемчуга. Тебе ведь так тяжело без распятия, я чую то.

Ксения уткнулась в его плечо, роняя редкие слезы в короткий мех. Ее сердце буквально разрывалось на части от той любви, что чувствовала к нему, к этому мужчине, так жестоко некогда сломавшему ее жизнь. И так поддерживающего ныне в ее воле, ее решениях, хотя мог бы заставить принять свою. Она бы покорилась, она была приучена принимать чужую волю. Но Владислав уступал ей шаг за шагом, смиряясь перед ее решениями, принимая их, хотя и скрепя сердце. Сперва образа, что стояли перед маленьким огоньком лампадки, теперь крест, без которого она бы так легко сломалась в своем упорстве, в своем отрицании латинянской веры. И ему то было бы только на руку, разве нет?

Она любила его без меры, любила всем сердцем и всей душой, доверяя саму себя в его

руки, как сделала это когда-то. Пора отдаться ему полностью, до остатка, целиком. Разве он не заслужил того своей искренней любовью и заботой о ней? Разве не готов он перевернуть весь свет ради того, чтобы быть рядом с ней, как сам сказал о том в тот вечер, когда они открыли друг другу души?

— Моя чаровница... моя драга... моя кохана, — стер Владислав своими поцелуями ее слезы, навеки запечатывая ими в ее сердце любовь к нему.

Ксения любовалась Владиславом весь вечер, ощущая, как в груди медленно бьется сердце. Бьется только для него, ее любимого, ее коханы, как назвала бы она его ныне. Быть может, от того, что ее накрыло этой волной ослепляющей любви к Владиславу, от того, что ее душа пела внутри свою неслышную чужому уху песнь, Ксения вдруг стала более дружелюбна и мила с окружающими, поражая их своим расположением нынешним, ослепляя своей улыбкой, не сходявшей с губ. А может, просто подействовала атмосфера святого праздника, когда люди должны забыть все худое, что есть меж ними, и разделить радость от Рождества Христова, благость этого события.

Но Ксения забылась, растворилась в глазах Владислава. Ей еще надолго запомнится твердость его руки, когда он повел ее в генсии по зале, едва музыканты заиграли первые звуки танца, нежность его глаз, в которых отражался огонь свечей и отблеск камней на ее платье. Его довольную улыбку. Его пальцы, нежно поглаживающие ее стан через ткань платья, будто обещая нечто, но только позже, когда они останутся наедине в тиши ее спальни.

Потом она еще будет танцевать и быстрый холопский краковяк, и более медленный мазур, позволив себе невиданную смелость — принять приглашения пана Тадеуша и одного пахолика из хоругви Владислава, которого она знала еще по походу из Московии, забыв о своей робости, о своих сомнениях и страхах перед греховностью этого действия в глазах православной церкви.

Но весь вечер она будет ощущать на талии пальцы Владислава, словно тепло его руки проникло через шелк и оставило след на ее теле, разжигая в ней огонь, который позднее смогут погасить только его губы и его руки, скользящие по обнаженной коже, так красиво мерцающей в всполохах огня. Ксения уже давно перестала стыдиться того, что творилось с ней, когда Владислав касался ее ласково ладонями или проводил губами, заставляя ее выгибаться навстречу, не желая расставаться с этими прикосновениями и поцелуями.

Последующие несколько дней Ксения смеялась столько, что после не могла вспомнить, когда же в последний раз она была вот так по-детски открыто счастлива и не скрывала этого. Днем в Святые дни на открытом пространстве около замка устраивались разные гуляния, показывали свое мастерство заезжие потешники, которых после пригласили в Замок позабавить шляхту тем же вечером.

А еще там ставились лотки с разным товаром — начиная от всякой снеди и заканчивая кузнечными изделиями, устраивалась импровизированная ярмарка, на которую съезжались люди со всей округи, устраивались разные состязания.

Например, состязание в стрельбе, когда каждый из жителей этих земель пытался попасть из лука или арбалета (стреляющее порохом оружие было еще слишком дорого, а оттого редко среди горожан) в мишень — позднее яблоко, что ставили в двадцати шагах от испытывающих судьбу на удачу. Тот холоп или горожанин, что выигрывал главный приз, получал пояс украшенный широкой серебряной бляхой, который ему торжественно вручал пан ординат. Кроме того, его имя вносили в городскую книгу, его освобождали от ряда

налогов, а кроме того ему позволялось делать определенное количество браги или пива — исключительная привилегия пана.

Первыми по обычаю стреляли ординат, войт и каштелян замка, пан Матияш. О том, что среди их числа должна быть и жена ордината, Ксении прошептал Владислав, подходя к ней после своего выстрела, которым без особого труда сбил яблоко на снег.

— Очередь моей пани, — хитро улыбнулся он. По его знаку подбежал один из гайдуков с заряженным самострелом в руках. — Это обязанность жены ордината. Но и ординат, и его жена вправе передать свой выстрел кому угодно. Равно как и свою победу в случае таковой, — а потом добавил еще тише. — Рискнешь? Я помогу тебе...

Он встал позади нее на позиции, плотно прижавшись своим телом к ее, положив руки на ее ладони, сжимающие тяжелый самострел. Как скажите на милость, она должна была думать о выстреле, когда его лицо было так близко к ее лицу, когда его горячее дыхание обжигало ее щеку? Несмотря на его помощь, когда она нажала на курок, отпуская стрелу в полет, та направилась куда-то вверх, далеко над яблоком. Ксения смутилась от неудачи, но никто не стал заострять внимание на ее промахе, а стали далее наблюдать за тем, как пытаются получить заветный пояс остальные стрелки. Ксения забыла совсем о своей неудаче, наблюдая, как отчаянно борются за главный приз горожане и хлопы. В итоге пояс достался помощнику Влодзимежа, занявшего еще этой осенью пост ловчего.

После состязания в стрельбе устроили бои на кулаках, определяя таким образом самого ловкого и сильного бойца. Ксения видела и ранее их в Москве и в Святочные дни, и дни большой Масленицы, но только мельком — мамки спешили увести ее подальше, коли идя из церкви, замечали издалека толпу, окружившую бойцов и кричащую во всю глотку. Но тут же ей никто не мешал удовлетворить свое любопытство, которое охватывало ее ранее — отчего все так кричат возбужденно, и отчего батюшка с братьями так долго обсуждают бойцов и сам ход боев.

Сначала было странно видеть, как два здоровых мужика, раздевшись до рубаш, отчаянно пытаются повалить один другого или ударить так, чтобы тот более не встал. Но потом показалась первая кровь, когда одному разбили глаз, а после, разгорячившись в пылу боя, бойцы вообще скинули рубахи, обнажившись до пояса, и Ксения поспешила выйти из толпы, уводя за собой своих паненок по примеру некоторых шляхтянских дам, спешивших уйти с дочерьми подальше. Она пошла к кругу детишек и женщин, обступивших потешников, которые показывали всякие трюки, гнулись в разные стороны, демонстрируя удивительную гибкость и ловкость.

Спустя время их небольшой женский кружок нашел Владислав. Верхние одежды его были распахнуты, а жупан под ними наполовину расстегнут, что виднелась рубаша. Один уголок губ кровоточил, а под глазом уже намечалась опухоль, грозя вскоре закрыть его собой полностью.

— О святой Боже! — ахнула Ксения. — Что с тобой, Владек?

Он только улыбнулся в ответ по-мальчишески задорно и увлек в сторону одного лотка, на котором пожилая горожанка разложила свой товар. Он еще давно приметил на нем белые рукавички, связанные из мягкой овечьей шерсти, оттого и потянул туда Ксению, чтобы выбрала по руке себе.

— В самый раз будут, — заметил он, бросая пару монет на лоток, когда Ксения натянула одну на руку. Рукавички отменно подходили к шапке Ксении из белого меха лисы, что купил он в свою поездку в Менск, как и лисью шкуру того же тона, что пришили

замковые мастерицы к этому алому плащу Ксении из толстого бархата, подбитого заячьим мехом для тепла.

Только вечером за ужином, когда все были увлечены представлением, что давали жонглирующие деревянными палками потешники, пан Тадеуш рассказал ей о том, что Владислав не сумел сдержаться и полез на импровизированную арену противником кузнецу, что уже успел повалить на снег нескольких смельчаков.

— Я так и думала, — рассмеялась Ксения, отгоняя прочь легкий страх и раздражение за это мальчишество, который не покидал ее с того времени, как они вернулись в Замок. — Как нелепо! А если бы тот выбил ему глаз? Вона какие кулачищи же!

— Ну, не выбил же, — ответил ей Тадеуш, отпивая пива из бокала. — Да и потом — он так оробел, что я сперва подумал, пан Владислав его сразу же на лопатки положит. Да не вышло. Вскоре азарт победы затуманил голову Юшеку, и тот отменно приложил пару раз пана Владека под дружный вдох зрителей. И как думает панна, кто вышел победителем в этом бою?

Ксения прищурила глаза, словно раздумывая над ответом, прикидывая, кто кого мог ударом уложить на снег — высокий и широкоплечий Владислав или вдвое больше и сильнее его кузнец Юшек. Она бросила взгляд на Владислава, левый глаз которого опух настолько, что превратился в узкую щелочку. Тот заметил это, и, оторвавшись на миг от своей беседы со шляхтичами, подмигнул ей здоровым глазом.

— Даже гадать не буду — Владислав, — проговорила она, улыбаясь. — И даже знать не хочу — упал ли Юшек на снег от страха, что на ордината руку поднял, или от удара пана Владислава.

Ответом ей был громкий смех пана Тадеуша, заставивший многих обернуться от потешников на них, а Владислава при этом и выгнуть насмешливо и удивленно бровь.

Следующим утром поехали кататься в снежное поле, что раскидывалось почти на несколько верст от Заслава. Прошлой ночью шел снег, полозья саней словно по мягкому маслу скользили по этому свежему белому покрову, еще нетронутому даже лапой животного.

Владислав сам сел за вожжи, с гиканьем повел их двухместные сани впереди остальных, разгоняя их до такой скорости, что скоро у Ксении, сидевшей подле него, засвистел ветер в ушах.

— Тебе не боязно, моя драга? — перекричал свист ветра и перезвон колокольцев, что висели на упряжи лошади, Владислав, поворачивая голову к Ксении на миг. Его глаза возбужденно сверкали из-под мехового околыша шапки, губы раздвинулись в довольную улыбку. Нет, покачала головой Ксения, отвечая без слов на его вопрос. С Владиславом она ничего не боялась...

Откуда-то из саней позади них донесся задорный свист, и Владислав свистнул в ответ. А потом стегнул лошадь, заметив, что их нагоняют сани кого-то из шляхтичей, выехавших на катание вместе с ними, и та, быстро набрав уверенный темп, увела их сани далеко вперед.

Летел из-под копыт и полозьев саней снег, ветер развеивал длинный ворс меха на шапке и ворота плаща Ксении. Она смотрела, не скрывая улыбки, на Владислава, у которого слетела шапка и упала в сани от резкого движения головой, которое тот сделал, снова свистя то ли лошади, что бежала изо всех сил вперед, то ли тем, кто остался позади и безуспешно пытался нагнать сани ордината.

Впереди темной полосой, красиво очерченной белоснежным контуром, показался лес. Вскоре сани въехали на лесную дорогу, замелькали запорошенные снегом деревья и кусты по

обе стороны от саней.

Внезапно Владислав вдруг замедлил ход лошади, заставил ту свернуть с дороги прямо под раскидистые ветви рябины, еще хранившие для зимовавших в лесу птиц ярко-красные гроздья ягод. Он отбросил вожжи, остановив сани, и одним махом притянул к себе Ксению, буквально впился в губы страстным глубоким поцелуем. Губы его и кожа вокруг рта были холодными, на короткую щетину налетели снежные крошки, что летели во все стороны при их сумасшедшей гонке, зато язык был горяч, прямо обжигал ее, и от этого контраста голова Ксении пошла кругом, а по жилам снова растекался жидкий огонь. Она прижалась к нему еще теснее, запустила пальцы в его волосы, растрепанные ветром, также слегка заметенные снегом.

— Кохана моя... моя кохана, — шептал Владислав между поцелуями, а потом вдруг спустился губами вдоль шеи Ксении в меховом вороте плаща. — Ты — мой дивный цветочек... моя чаровница... мое сердце...

Издали послышался звон бубенцов на санях, что приближались к лесу, и Ксения попыталась отстраниться от Владислава.

— Владек, едут. Едут же! — едва сдерживая смех, шептала она.

Но он не отпускал ее, пытался поймать ее губы, удержать ее на месте, а она уворачивалась, отводила в сторону лицо, пытаясь увильнуть от поцелуя. Вскоре они не могли сдерживать смеха, забавляясь этой игрой, а меж тем мелодичный звук слышался все ближе и ближе. Тогда Ксения, осознав, что Владислава можно остановить только одним путем, приподнялась слегка на сидении и дернула за одну из ветвей рябины, что висела над ними. Тут же на влюбленных полетел в деревья ворох холодных крупинок снега, падая на лица, руки, на волосы Владислава.

— Ах, ты озорница! — прошипел шутливо Владислав, проводя рукой по шее, убирая снег, попавший при падении прямо за ворот жупана. — Ладно, ныне я милостиво позволю тебе увильнуть от кары за этот поступок, — а потом притянул к себе и крепко чмокнул в холодные губы, сурово прошептал прямо в рот. — Но этой ночью пощады не жди! Я буду неумолим...

— О, тогда я определенно не жалею о содеянном, — рассмеялась Ксения. Она подняла с пола шапку Владислава, отряхнула ее от снега и нахлобучила ему на голову. — Горячки не боишься?

— Мне ли бояться ее? С моей-то горячей кровью? — пошутил Владислав, отстраняясь от нее и беря вожжи в руки, готовясь тронуться с места, едва сани, скрип полозьев по снегу которых он уже отчетливо различал сквозь звон колокольцев и свист возницы.

Катались долго, пока паненки и пани не попросились обратно в тепло комнат Замка, и шляхтичам пришлось повернуть обратно в Заслав. Но уже перед воротами брамы стражники, стоявшие в карауле, встретившие их, попросили выйти из саней прямо тут, а не во дворе, мол, там и так мало места — приехал поезд пана епископа. Владислав явно обрадовался, так и спрыгнул на снег, передавая вожжи подбежавшему хлопцу из конюшенных. Потом оббежал сани и, откинув медвежью шкуру, что покрывала ноги Ксении, обхватил за талию ее, поднял вверх и медленно, будто не хотя, опустил наземь.

— Мой дядя в Замке, — повторил он то, что Ксения и так уже слышала от стражников. Она кивнула, понимая его невысказанную просьбу. Она осознавала, как важна для Владислава поддержка бискупа ныне, когда назревало судебное разбирательство, оттого и намеревалась сделать все, что могла, чтобы помочь в том Владиславу.

Он улыбнулся, подмигнул ей и взял ее за руку, сжав легко ладонь, повел через ворота брамы на замковый двор. За ним последовали остальные, с гомоном, смехом, шутками.

Двор действительно был полон крытых саней и суetyщихся людей, что отвязывали прикрепленные к задним стенкам саней небольшие дорожные сундуки, уносили их внутрь дома, в освещенный проем входной двери.

Владислав вдруг замедлил ход, и Ксения встревожено взглянула на него, почувствовав, как напряглась его рука, сжимающая ее пальцы. Она проследила за его взглядом и заметила на дверце одних из дорожных саней герб, и герб тот был не пана Сикстуша, хотя и был схож с ним. Этот герб можно было легко принять за герб рода Заславских, все то же, даже символы, если бы не фон, цвет который был виден ясно, несмотря на сумерки, что стали опускаться на двор Замка. У Заславских фон был алого цвета, этот же был темно-лазуревым, как небо перед грозой.

Она хотела спросить, не прибыл ли кто из родичей на Святые дни в Замок. Быть может, это кто-то, кого она еще не знала, о ком не слышала даже. Но к ним уже спешил, подобрал длинные полы пурпурной сутаны епископ. Он был без плаща и с непокрытой головой, значит, явно торопился выйти из Замка навстречу Владиславу, которого обнял ныне, а потом сотворил святое распятие над темноволосой головой.

— Я рад, что ты внял голосу рассудка, Владусь. *Agnosco veteris vestigia {7}*, - прошептал он, и только потом, когда Владислав склонился над его рукой, целуя перстень со святым ликом на камне, заметил Ксению, стоящую у того за спиной, нахмурил лоб, перевел глаза на распрямившегося Владислава. — Панна Ксения... Не понимаю, тогда зачем...? Зачем ты позвал на праздники святые пана Острожского и его дочь?

1. Мастерицы, вышивавшие бисером и жемчугом
2. Имеется в виду — по границе владений
3. Расписка, вексель, обязательство
4. Жалоба, протест, с которым обращались в суд в тех землях
5. Имеется в виду — поветовый суд, в котором рассматривались все жалобы и претензии шляхтичей. Он рассматривал уголовные и гражданские дела, исполнял нотариальные акты, записывал жалобы на незаконные действия должностных лиц повета. Избирался поветовой шляхтой из местных шляхтичей, знавших право и имевших поместья.
6. Тут: сессия земского суда — «рок земский»
7. Узнаю следы былого (лат.)

Ксения сразу распознала в панне Острожской свою соперницу. Позднее она не могла даже самой себе объяснить, отчего это ей привиделось в той стройной девушке с короной из темно-каштановых волос на голове. Быть может, оттого с каким почтением окружающие взирали на ту панну? Или оттого, какими взглядами встретили входящих в залу Владислава и Ксению — любопытными, насмешливыми, выжидающими?

Панна Ефrojина Острожская не была ослепительно красивой, не смогла не отметить про себя невольно Ксения, когда пан Януш вместе с сыном и дочерью подошел к Владиславу обменяться приветствиями. Узкое лицо, карие глаза, аккуратный носик, светло-каштановые густые волосы, слегка волнистые, что было заметно даже, когда те были аккуратно заплетены в косы.

Но все же было что-то в ее лице такое, что привлекало взгляд, заставляло любоваться этой юной прелестью. Рядом с этой смущенно опускающей глаза в пол девушкой Ксения вдруг остро почувствовала, что она старше этой панны, вдруг ощутила некий страх, что выглядит рядом с ней женщиной, а не той девой, что когда-то повстречалась Владиславу.

Она скосила глаза на Владислава, который, вежливо улыбаясь, склоняясь в коротком поклоне, приветствовал прибывших гостей, тщательно скрывая свое недоумение их неожиданному визиту. После короткой церемонии обмена любезностями, в которой Ксению бискуп поспешил представить Острожским как «панну Калитину, нашу дорогую гостью», шляхта поспешила разойтись по своим покоям, спеша переменить платье и освежиться, чтобы позднее спуститься в залу на ужин, к которому уже на вертеле жарили нескольких больших поросят.

Ксения осталась бы в зале, ведь она ясно видела, как не спешит уйти от гостей Владислав, но его короткое качание головой, которым он давал понять, что ей лучше уйти к себе, заставил ее подчиниться этому невысказанному приказу. Уже в своих комнатах, скидывая на руки служанке промокшее от снега платье, она не удержала своего любопытства и все-таки спросила Малгожату о гостях. Та поспешила рассказать, что знала сама и что слышала в разговорах, которые возникли в замке, едва поезд семьи Острожских пересек черту въездных ворот брамы.

Богатый и знатный род королевства, это знал каждый в Речи Посполитой, а особенно в Литве. «Больше земель только у самого короля Жигимонта {1}, как говорят люди», сказала Малгожата, помогая Ксении выбрать драгоценности. Соседи Заславских по южным границам ординации.

Ксения быстро прикинула в уме, что значит визит пана с дочерью к молодому неженатому соседу, и какие выгоды сулит этот брак ныне и Острожскому, и Владиславу в его положении. Она уже знала, что шляхта решает многое, и быть в родстве с первым среди благородных означало заранее обеспечить себе выигрыш и в намечающейся тяжбе с Юзефом, и в войне с казачеством, которая, как полагал Ежи, непременно возобновится вскоре, когда те зализжут раны, нанесенные им Владиславом и его войском.

Потому Ксения совсем не удивилась, когда Малгожата, отводя глаза в сторону, прошептала, что многие из шляхты полагают, что этот визит неспроста. Только умолчала о том, какие предположения ставятся насчет дальнейшей судьбы Ксении, что никто и медяка не поставит ныне, когда перед Владиславом стоит такой выбор, и что будет сделан он не в

пользу московитки.

За столом Ксения в отличие от предыдущих вечеров больше слушала, чем говорила, и только улыбалась уголками губ в ответ на шутки. Пан Тадеуш, как ни пытался побороть ее дурное настроение, так и не смог. Да и Владислав был явно чем-то озабочен, хмурил лоб, сидел на своем привычном месте во главе стола, напряженно выпрямив спину и расправив плечи.

Шляхта переглядывалась, обмениваясь друг с другом невысказанными предположениями глазами да мимикой лица, полагая, что власть московитки над ординатом пошатнулась. А когда Владислав вывел на генсий панну Ефрожину, то по залу прокатились уже шепотки и улыбки, полные довольства — им было приятно, что между красой русской и величием шляхтянки пан ординат все же выбрал последнюю.

Перед явно огорченной, хотя и пытающейся скрыть это Ксенией, склонился в поклоне пан Тадеуш, приглашая на танец, и когда та коротко кивнула, едва переборов желание развернуться и уйти прочь из залы из-под этих ехидных и полных превосходства взглядов, завладел ее рукой.

— У пана Владислава нет выбора, пусть панна поймет его. *Auribus teneo lupum*{2}. Именно то! — а потом заметив непонимающий взгляд Ксении, пояснил. — Ныне он будто по бревну ходит над глубокой канавой и весьма рискует упасть вниз. Канавка неглубока, он сможет найти в себе силы выбраться, полагаю. Я огорчил панну? Не желал того вовсе, готов клясться в том. Пусть панна простит мне мою аллегорю {3} и не пускает в душу тревогу. Пан Владислав сумеет выбраться, даже если упадет.

Как же ляхи любят говорить заковыристо, думала Ксения позднее, когда лежала в тишине своей спальни, слушая тихий треск поленьев в камине. Она соединяла кусочки того, что уже знала от слуг, от пана Тадеуша, от Ежи в единую картину, и та ей вовсе не нравилась. Нет, у Ксении не было ни малейших сомнений в том, что Владислав может измениться к ней в чувствах. Но она ясно понимала, что их брак желанен только им двоим.

Она вдруг подумала о том, как поступила бы ее собственная родня, если б, к примеру, Михась привел женой на их двор католичку из земель ляшских. Пришлось признать со вздохом, что почти уверена в том, что никто из родичей не поддержал бы брата в желании сделать женой девицу чужого народа. Народа, что ныне проливает кровь русскую, что всегда вел войны с Московией. И случись бы то еще до того дня, как Ксения встретила Владислава там, на дороге, она бы первая среди остальных возненавидела бы невестку, как бы ни страшен был ей этот грех.

И кроме того, Ксения прикусила губу, кроме того ляшской девице пришлось бы переменить свою веру на греческую. Иного и быть не могло! Иначе, она бы даже порога терема отцовского не переступила бы, как никогда не пускали в дома стольного града заморских купцов.

Следующим утром рано выехали на соколиную охоту, несмотря на ударивший мороз, что больно кусал за щеки и так и норовил пробраться под теплые одежды. Ксения не смогла и тогда сдержать своего недовольства, и оно ясно читалось во время охоты у нее на личике.

Владислав заходил к ней перед выездом, но только молча наблюдал за тем, как ей помогают облачиться в теплое платье из тонкой шерсти, выкрашенной в васильковый цвет. Он молчал, но в этом молчании Ксении вдруг почудилось отчуждение и какой-то холод. А когда он без всяких лишних слов поцеловал ее ладони, пряча глаза от ее взгляда, в душу снова вкралась тоска, сдавило грудь ледяная рука сомнения, которое она так тщательно

гнала от себя прочь этой ночью.

Да еще эта панна Ефrojина! Ксения взглянула поверх головы возницы, что правил ее санями, вперед, в голову отряда охотников, ехавших верхом. Именно там должна быть и панна Ефrojина, пожелавшая быть на охоте не в санях, как другие паненки и пани, а на белой статной лошадке. Ксения только губу прикусила, заметив, как открыто залюбовались панной шляхтичи, когда она с помощью слуги заняла место в седле. Стройная, в алом бархатном плаще, богато затканном золотыми нитями, что красивыми складками опускался на круп лошади. Аграф с рубиновыми каплями на шапке, пышный мех белоснежного горноста на каштановых кудрях. На золотых волосах Ксении этот царский мех словно терялся, смотрелся совсем не так, а тут...

И как панна погнала свою лошадь вместе с остальными всадниками! Будто позируя перед мужчинами, что поспешили следом за панной, не желая отставать от нее. Разумеется, панна заняла место в голове, рядом с братом и Владиславом. Ну и, конечно же, у панны Ефrojины был свой сокол, который сидел на широкой кожаной перчатке, с неудовольствием отметила Ксения. Ныне, на этой охоте, когда ей только и оставалось, что сидеть с открытых саней со своими паненками да наблюдать за полетом хищных птиц, ищущих острым глазом на снежных просторах добычу, она жалела, что не уступила когда-то Владиславу и не стала учиться ездить верхом, считая это неприемлемым для себя. Тогда бы именно она, а не панна Ефrojина сидела в седле лошади, стоявшей так близко к валаху Владислава, и о чем-то говорила ему, слегка приподняв вверх лицо. Именно она, а не панна Острожская запускала сокола вверх под улыбку Владислава.

Ксения вернулась в Замок еще в более дурном настроении, чем покидала его. Она говорила себе, что всему виной лишь неприятное происшествие на охоте, которое привело к буре слез и упреков дам в сторону охотников, а сама Ксения из-за того до сих пор была бледна, несмотря на то, что сердце бешено билось в груди, разгоняя кровь по жилам. Хотя Владислав весь путь обратно ехал только подле ее саней, отстранив ее неизменного спутника, пана Тадеуша. Он шутил с паненками и всячески пытался подбодрить их, развеселить их, заставить забыть о той трагической добыче, что в числе прочих досталась охотникам.

Но ледяные щупальца какого-то предчувствия уже протягивались к сердцу Ксении, и хотя она улыбалась в ответ своему коханому, ее глаз эта улыбка так ни разу и не коснулась.

Перед ужином в дверь покоев Ксении постучали. Молоденький слуга из свиты бискупа попросил панну пройти в библиотеку, где ее будет ждать пан епископ. Дядя Владислава провел там почти весь день, насколько было известно Ксении. Он не поехал на охоту, предпочитая выезду на мороз неспешную беседу с паном Янушем Острожским, который также отказался от азартного развлечения. У епископа еще было время переговорить с Владиславом обо всем, что удалось узнать в ходе разговора с магнатом Острожских земель, но сперва он решил увидаться с русской панной.

Ксения скользнула в комнату так тихо, что бискуп не сразу заметил ее, оттого и вздрогнул, когда она приблизилась к его креслу перед камином. Он не стал подниматься, сославшись на больные ноги, показал на кресло, стоявшее напротив, призывая ее занять это место. Епископ заметил сразу и бледность Ксении, и ее чересчур блестящие глаза в свете огня в камине.

— Я слышан о том, что случилось на охоте. Панна скорбит по Божьей твари, знать, панна не лишена милосердия, как истинная христианка, — улыбнулся грустно уголками губ

бискуп.

— То, что было — жестоко! — запальчиво возразила Ксения. — Жестокая смерть!

— У каждой твари Божьей свой срок, — отрезал епископ, подавляя ее возмущение на корню, явно не желая обсуждать охоту. — Панна должна помнить о том и не роптать на волю Господа.

Ксения, распознав в голосе бискупа нотки раздражения и недовольства, поспешила потупить взгляд, но быстро подняла их на своего собеседника, едва услышала его последующие слова:

— У меня для панны есть дар, — бискуп взял со столика, что стоял рядом с его креслом тонкую книгу в зеленой бархатной обложке, протянул Ксении. — То азбука из печатной мастерской Острожских земель. Панна сможет выучиться грамоте, сможет тогда читать Святое Писание греческой веры.

Сначала Ксения вспыхнула от радости, принимая из рук епископа книжицу, глядя кончиками пальцев ее обложку. Но после она помрачнела, улыбка сошла с губ.

— Я благодарю пана бискупа за его дар, — тихо сказала она, поднимая глаза на епископа, явно недоумевающего ее внезапной серьезности. — Я с рвением примусь за грамоту, обещаю то. Но не для того, чтобы читать Писание православной веры. Пану бискупу, верно, будет отраднo слышать, что я переменила свое решение. Я готова принять римский закон, коли то будет во благо пану Владиславу.

Епископ долго смотрел на Ксению, пристально вглядываясь в ее бледное лицо, а затем откинулся на спинку кресла, скрестив перед собой пальцы, прижав их к губам. Он хорошо мог со своего места разглядеть ее, для нее же его лицо было скрыто полумраком, вползающим в замок вместе с зимними сумерками.

— Я удивлен, что панна решила изменить своей стойкости, — проговорил наконец бискуп, шевельнув пальцами. Тускло блеснул в очередном всполохе огня перстень со святым ликом. Ксения не смогла распознать, что за нотка промелькнула на этот раз в его голосе, отчего-то подумалось, что бискуп не рад ее решению. — Панна ведает, что за отречение от веры схизмы ее проклянут в отчей земле, коли узнают, нарекут изменницей? Панна готова к тому?

— Я думала, что пан бискуп будет доволен, что я решилась вступить в лоно латинянской церкви, — ответила Ксения. — Пан бискуп отговаривает меня от шага в папскую веру?

— Разве могу я быть не рад, что очередная заблудшая овца прибивается к стаду? Я рад, панна, рад, — епископ вздохнул, быстро поднялся и отошел к окну, где встал едва различимым силуэтом в сгущающейся темноте, глядя в окно на замковый двор. — Желание панны идет не от сердца, я чую то. Оттого и нет благости в моей душе от этой вести. Пан Владек ведает о решении панны? — и, получив отрицательный ответ Ксении, проговорил настойчиво. — Тогда панне следует промолчать покамест о том. Пусть панна подумает до праздника Крещения святого. Тогда и обсудим то. Смею я надеяться, что панна окажет мне удовольствие и разделит со мной партию в шахматы?

Они играли долго, до тех пор, пока за Ксенией не пришли паненки и не напомнили, что скоро будет ужин, к которому панне необходимо переменить платье. Никто из них не собирався сдаваться, каждый хотел выиграть в этой борьбе, что развернулась на шахматном столике. Наконец под взглядами ожидающих Ксению паненок та все же сумела привести игру к ничьей.

— Панна — сильный противник, — улыбаясь, проговорил бискуп Владиславу, который тоже пришел к тому времени в библиотеку, желая переговорить с дядей наедине, без лишних ушей, узнав о том, что тот весь день провел с паном Янушем. — С таким соперником так просто не сладить...

Он наблюдал, как аккуратно берет ладонь Ксении в свою руку Владислав, как смотрит на нее — с нежностью, с гордостью за ее успех, за эту похвалу. И все больше хмурился епископ при этом.

Бискуп не слукавил ни в едином слове. Он действительно полагал, что Ксения далеко не пешка на том поле, на котором расставлялись ныне фигуры для очередной партии. Но ей нечего было делать на нем, иначе его игра может прийти к поражению. Бискуп сохранит своего короля. Пусть даже пожертвовав королевой!

— Пан Януш получил письмо перед праздниками с приглашением прибыть в Замок и обсудить общие дела, — начал бискуп, едва за хихикающими паненками и Ксенией закрылась дверь библиотеки, и в комнате повисла тишина. — На нем была печать Заславских. Кто-то сумел либо подделать ее, либо поставить на чистый лист истинную, чтобы потом воспользоваться этой грамотой в своих целях. И этот кто-то был далеко не последним в замке. *Cui prodest?* {4}

— Юзеф, — прошептал Владислав, и епископ кивнул. — Печати все у пана Зробаша. Неужто и он...?

— Не думаю, что пан секретарь будет так рисковать собой. Это было бы глупо с его стороны так подставлять свою голову, — бискуп усмехнулся. — Однако умно придумали! Поссорить тебя с Острожскими. И прямо перед роком земским. И шляхта... неизвестно, как отреагирует она на эту ссору.

— Я ничего не обещал пану Янушу, — проговорил Владислав, переплетая пальцы так крепко, что побелели костяшки. — А раз так — нам нет нужды ссориться.

— Ты не обещал, — согласился, мрачняя лицом, бискуп. Все выходило так, как он и предполагал, зная нрав племянника и зная о его клятве, данной когда-то самому себе. — Но зато пан Стефан дал. И мало того! Памятуя о старой истине, что *vox emissa volat — littera scripta manet* {5}, был составлен договор между паном Острожским и твоим отцом. Его-то и привез с собой пан Януш, полагая, что ты пригласил их обсудить посаг, речь о котором еще не велась, и другие детали обручения. А еще пан Януш приехал, желая представить тебе свою дочь, панну Острожскую. Представь его недоумение, когда он лицом к лицу столкнулся в замке с той, о которой молва расползлась далеко за пределы твоей ординации.

Оба замолчали надолго, каждый обдумывая происходящее. Существующий договор значительно осложнял ситуацию, ставил Владислава в совсем невыгодное положение. Оттого он и был так напряжен ныне, сжимал до боли пальцы, которую, впрочем, совсем не ощущал, погруженный в свои мысли. Ему казалось, что тяжесть навалившихся на его плечи почета и долга перед родом, а с ними и обязанностей, раздавят его когда-нибудь. И тяжесть клятвы, данной когда-то самому себе. Тогда ее исполнение казалось таким простым...

— Хочешь, скажу, как мне видится дальнейший путь? — проговорил бискуп, наконец разорвав то тягостную тишину, что повисла в воздухе. — Ссора с Острожскими совсем ни к чему ныне. Да, тебя принуждают к браку с панной Острожской, но никто ведь не нудит тебя отказаться совсем от твоей московитской коханы. Ты можешь увезти ее в одну из вотчин, да хотя бы в Белоброды, поселить ее там хозяйкой. Никто не запрещает тебе любить русскую. Никто не претендует на твое сердце, Владусь. Никто не нудит выбирать между паннами. In

mediam viam tutissimus ibis {6}.

Затаив дыхание ждал ответа от племянника епископ. От напряжения даже пальцы сжал сильнее, чем следовало — впилося больно в кожу золото перстня епископского.

— Нет, — наконец прозвучал в тишине голос Владислава. Он поднялся с кресла напротив епископа, в котором еще недавно сидела Ксения, но от глаз дяди отвел взгляд в сторону, встал у камина, упершись руками в мрамор, словно не чувствуя жара, бьющего в лицо. — Я не могу пойти против своей совести и чести, дядя. Не казни меня за то. Отец не волен был заключать этот договор без моего согласия. И на тот день мое слово уже отдано было панне Ксении, как и мое сердце. Я не могу отныне распоряжаться ими.

— O Deus mio, какая глупость! — не сумел сдержаться бискуп, воздевая руки к резному дереву потолка, как часто делал это на своих службах. — Какая глупость, Владусь! Ты сам роешь себе могилу ныне, цепляясь за русскую панну! Молчи! Ни слова мне, коли желаешь и далее быть со мной в близости родственной! Ты навлечешь на себя проклятие моего брата из могилы, если ординация достанется Юзефу, чужой крови, пятну на гербе Заславских. Идти против чести рода! Nomines саесос reddit cupiditas {7}, но тебя она сделала еще и глухим к доводам разума! За кого ты так ратуешь? Кого желаешь привести в род? Схизматичку? Ладно, она была бы шляхетского происхождения, но, Владусь...! Она не шляхтянка! И значит, ваши дети, даже рожденные в браке, не будут признаны шляхтой. Вспомни давние законы.

— Что ты хочешь от меня? — взревел, не выдержав натиска дяди, Владислав, бросая на бискупа взгляд, полный муки. А потом отвернулся от него, надавил пальцами на сомкнутые веки, будто пытаясь стереть из головы все тягостные для него мысли. Когда он наконец заговорил, его голос звучал глухо, плохо скрывалась боль, что разрывала душу шляхтича на части ныне. — Я ведаю про законы. И про долг перед родом и гербом помню. Но, пойми, я не в силах отказаться от нее... для меня это как вырвать сердце из груди, как души лишиться. Я понимаю, что это делает меня слабым, смешным, быть может, в твоих глазах, но это так. Я пробовал жить без нее — нет мне жизни тогда. Она нужна мне, как вода, как воздух, как солнце над головой... Она — часть меня, дядя, а человеку худо жить калекой.

Епископ вздохнул, переводя взгляд в огонь, лижущий поленья, пожирающий дерево, превращая его со временем в пепел. Мирские страсти! Как часто он встречал в исповеди их, как часто приводили они к худому! Воистину, страсть — плод рук дьявола, стремящийся толкнуть душу человеческую на стезю, ведущую в погибели. А может, и правду люди говорят про панну? Вон будто зачарованный Владислав, вон как душа его стонет... Нет, бред, покачал головой бискуп. Бабские то рассказы!

— Lavabo manus meas {8}, - тихо проговорил епископ, не глядя на Владислава. — Ты волен решать сам свою судьбу, я ни слова не скажу более. Но подле встану, коли нужда будет на то. Ежели волен буду.

Он не стал говорить Владиславу, что Юзеф и его жена нанесли удар не только по границам ординации через казаков, не только по положению Владислава через заключенное соглашение пана Стефана с Острожскими.

В Краков была послана грамота анонимная, что пан Заславский с ведьмой живет открыто, что дела творятся ведовские в ординации, умоляя «славных воинов Святой церкви в борьбе с ересью и ведовством {9}спасти души людские от зла, творимого ведьмой русской». Епископу вовремя сообщили о той опасности, что повисла над головой его родича. Ведь доведись этой грамоте дойти по назначению, в земли Заславских прибыли бы святые отцы

инквизиции, а, зная об их деяниях — иногда полыхали костры в королевстве, Владислав никогда не позволил бы им заполучить для дознания панну, бросая вызов не только инквизиции, но и всей Святой церкви в их лице.

Чем в итоге закончится это разногласие? Отлучением ли от причастия святого? Или Владислав решит вовсе отойти от веры святой ради этой московитки? И как на то посмотрит шляхта? А после и трибунал шляхетский.... И епископ тогда не сумеет помочь Владеку, увы.

Нет, бискуп не будет смотреть, сложа руки, как загонят Владислава, будто зверя какого в яму. Не позволит хитрой суке Патрысии добраться до почета, земель и казны Заславских. А в том, что основная голова, что козни задумывала, была именно она, жена Юзефа, у епископа не было никаких сомнений. Недаром же она заплатила его слуге за все толки, что тот разузнает по приказу епископа, еще тогда, осенью, во время пути в Заслав.

Нет, он не позволит свершиться ее воле и ее желаниям. И не позволит Владиславу свалиться в ту яму, которую роет он своими собственными руками по чужой воле. Любой ценой спасет того от неминуемого падения, а возможно — и гибели.

Хотя и наблюдал епископ, как Владислав играет на руку Юзефу. Тем же вечером в одной из комнат замка, пока остальная шляхта веселилась в большой замковой зале, провожая последний день года, Владислав имел беседу с паном Острожским. Он не стал юлить и открыто сообщил тому, что пан Стефан, заключая договор о браке, не знал, о том, что его сын уже не волен распоряжаться своим словом, что тот уже обручен с другой женщиной. И хотя породниться с родом Острожских для Владислава большая честь, он не может нарушить свое шляхетское слово, закончил он свою короткую речь.

Пан Януш ничего не ответил. Только гладил свою недлинную седую бороду, словно собираясь с мыслями, раздумывая над ответом. А вот его сын не был так хладнокровен, как отец — резко выпрямился и бросил зло, сквозь зубы:

— Знать, ради русской ведьмы панну шляхтянку, как простую холопку отвергаешь!

Не успел он закончить фразу, как все в зале пришло в движение. Подскочил Владислав, сжимая рукоять кордаса {10}. За его плечи тут же ухватились Ежи и Тадеуш, останавливая его, не давая вынуть лезвие из ножен. С шумом вскочил со своего места младший Острожский, роняя с грохотом стул, на котором сидел. Закричал в голос пан Януш, останавливая шляхтичей из своей свиты, что метнулись из-за его стула наперерез Владиславу.

— Геть! Геть, панове! — выкрикнул он. — Что вы вспыхнули, как порох?! Остынь, Сашко, нет обиды Ефрожине. Договор в тайне от всех заключен был, в тайне и разорван будет.

Владислав вырвался из рук шляхтичей, что держали его, передернул плечами, уселся на место, кидая горящие огнем ярости взгляды в сторону младшего Острожского. Тот, разозленный за свою мимолетную вспышку страха, что заставила его отшатнуться от порыва Заславского, за сестру, которой предпочли безродную московитку, бросал в его сторону не менее горячие взоры.

— По договору Заславский должен выплаты нам за нарушение. И местечко Пытась отдать, — произнес пан Януш, когда все снова заняли свои места.

Пытась был давним яблоком раздора между магнатскими родами. Оба претендовали на него, оба так и не могли сойтись во мнении на то, кому должна принадлежать эта земля. Формально она оставалась за Заславскими, но Острожские то и дело безуспешно пытались отсудить ее вот уже несколько десятков лет. Включение в договор ее в качестве залога

говорило о том, что пан Стефан даже предположить не мог, что его сын откажется от невесты. Оттого и пошел на поводу у пана Януша, подписывая эти условия.

Пан Матияш склонился над договором, кусая ус. Он до сих пор не мог поверить, что бумага, что по праву должна была храниться где-то в Замке, будто и не была вовсе в этих стенах, исчезла, словно под землю провалилась. Но он-то помнил, как ездил летом в Острожский замок под Ровно пан Стефан, как спокойно сказал он по возвращении, что «готов к пани Элене уже идти с покойной душой».

Выплата по договору предстояла совсем не шуточная. А ведь еще предстояло вооружить побольше люда на границах с казачеством, что тоже стоило немало золота и серебра. И выплаты пану Юзефу и пани Патрысе на содержание, и дочерям их посаг — вон уже приезжали с грамотой от родичей о сватовстве к одной из племянниц Владислава. Придется повышать чинш, увеличивать барщину, что явно придется не по нраву тем, на чьи плечи ляжет эта ноша.

— Я выплачу все, что требуется. Дайте только время, — проговорил Владислав медленно. — И я прошу покорнейше простить это недоразумение, что сложилось ныне. Пан Острожский должен понимать, что каждый шляхтич — раб своего слова. Я дал его до того, как был заключен этот договор, и я не волен взять его обратно.

Пан Януш поднялся с кресла, давая понять, что разговор закончен, и все остальные последовали его примеру. Подойдя к Владиславу, Острожский положил ладонь ему на плечо, заглянул в темные глаза с участием.

— Мне искренне жаль, что так сложилось, пан Заславский. От сердца говорю то, от души! — он замолчал на миг, а потом продолжил. — Мы уедем поутру. Я не думаю, что стоит гостевать долее, ведь у молодых шляхтичей такая горячая кровь. Как бы ни стряслось чего, верно я говорю, пан Александр? — обратился пан Януш к сыну. Тот только зубами скрипнул от досады и злости. — Пан Александр принесет свои извинения пану Заславскому за оскорбление его нареченной. На том и покончим. Возвращаемся в зал, панове. В горле что-то пересохло от всех этих бесед.

Острожские вышли в сопровождении доверенных шляхтичей своей свиты, а в зале еще долго стояла тишина, прерываемая лишь свистом ветра за толстым стеклом да треском поленьев в камине. Никто не смел нарушить ее, никто не смел взглянуть друг другу в глаза отчего-то. Только Владислав обвел взглядом оставшихся в комнате, а потом сжал подлокотник кресла, царапая металлом перстней дерево.

— Я доверяю вам, кто ныне тут, в этой зале, более чем кому-либо. Как себе верю. Надеюсь, что не ошибусь в том, — медленно и тихо произнес он. Владислав не хотел даже гадать, кто мог помочь Юзефу в афере с письмом, и кто из Замка виновен в пропаже договора, заключенного отцом и паном Острожским. — Но если я ошибусь, то видит Бог... ибо ближе вас у меня никого нет ныне из шляхты, — а потом его голос стал жестче, снова обретя былую твердость.

— Пан Матияш, надо бы проверить бумаги, что в замке хранятся у секретаря. Все до единой. Полагаю, что пан Юзеф не преминет воспользоваться тем фактом, что некогда брак моих родителей не был признан одной из церквей.

— Брак со дня венчания был признан в римском законе, этого должно быть довольно, — возразил ему бискуп, но Владислав упрямо качнул головой.

— Для судьи трибунала — протестанта, коим является пан Радзивилл, может и не быть. Проверьте грамоту, что дал патриарх константинопольский матери моей, когда через

Острожскую ординацию возвращался из южных земель {11}. Без нее только пан Острожский сможет подтвердить возвращение схизмой законного статуса браку моих родителей, — потом, получив ответный кивок пана Матияша, Владислав перевел взгляд на его сына. — Тадеуш, я прошу тебя поехать в Дубровицы и увезти пани Патрысю из вотчины. Пусть поживет отдельно с супругом своим, покамест дело не разрешится. Руки не смогут творить дел, покуда голова молчит. Увези ее... увези ее в Лисий Отвор {12}, родовые охотничьи угодья в Бравицком лесу. Оттуда ей ни за что не уйти по своей воле. Но никакой крови, Тадеуш, слышишь? Там и гляди за ней, пока знака от меня не получишь.

Тот кивнул головой, прикусывая нижнюю губу. Да уж, нынче канун нового года, и эти последние минуты предыдущего выдаются совсем не радостными. Он поймал на себе выразительный взгляд отца и поднялся с места, подчиняясь немоу приказу пана Матияша. Коротко кивнув, отец и сын вышли из залы, плотно затворив за собой тяжелую дверь, словно отгораживая оставшихся в комнате от смеха и музыки, шума голосов, что стоял за ее стенами.

Вскоре поднялся и Владислав, понимая, что обязан вернуться к шляхте, что веселилась в большой зале Замка, должен найти Ксению, которую оставил одну с паненками. Он снова устало протер глаза пальцами, будто желая придать дополнительной ясности взгляду, словно это поможет ему отчетливо разглядеть, верно ли он поступает сейчас, подходя к самому краю пропасти, с каждым днем становящейся все глубже и глубже.

— Я будто в темной комнате. Ни видно ни черта, но упрямо я пытаюсь дверь отыскать, — вдруг проговорил Владислав, заставляя и бискупа, и Ежи вздрогнуть невольно от того явного отчаянья, что впервые за последние годы услышали в голосе молодого шляхтича. — Все ищу и ищу, а выхода нет. Только каменные стены, которые предстоит прошибить, чтобы выйти из этого каменного мешка.

— Там есть дверь, Владислав, и она не заперта, — тихо сказал дядя в ответ на неожиданный крик души шляхтича. — И ты ее видишь, эту дверь. Только не понимаешь, что это единственный путь из той темницы, в которую ты сам себя загнал. Видит Бог, это воистину так.

— Ежи? — повернулся к усатому шляхтичу Владислав. Тот с того самого момента, как уселся в это кресло и разжег огонек в своем чубуке, не произнес ни слова, только внимательно разглядывал собравшихся и слушал их речи. — Ты всегда был рядом, пан. Будто отец, оберегал меня. Скажи же ныне, как должен я поступить по твоему разумению? Что превыше — совесть или долг, сердце или разум? Ты часто повторял, что коли шляхтич клялся кому в верности, то... — Ежи при этих словах опустил чуть веки, скрывая от взгляда Владислава то, что мелькнуло в этот миг в них. — Я клялся, что позабочусь о ней, буду всегда рядом. Это низко держать при себе ее невенчанной. И я не могу... Не могу!

— Владек, — поднялся со своего места бискуп, чтобы взять за локоть племянника, задержать подле себя, попытаться снова уговорить его, пока еще не поздно, пока Острожские в Заславе. Он ясно видел, какие демоны терзают ныне шляхтича, и знал, как слабы люди в такие моменты.

Но Владислав только взглянул на него исподлобья и быстро вышел вон. Епископу ничего не оставалось, как остановиться на месте. Рука, протянутая в сторону племянника, упала в складки пурпурной сутаны, сжала с силой ткань.

— Он не переменит своего решения! — и Ежи только кивнул, соглашаясь со словами епископа. — И она! Она решила веру переменить. Сама сказала мне нынче. Deus mio!

— Да верно ли то? На моей памяти панна — одна из самых ревностных схизматиков, что я знал, — возразил ему Ежи, выбивая из чубука остатки табака. — Быть того не может.

— Она уже не блюдет посты, пан Смирец, — ответил бискуп, и Ежи замер на миг, поднял на него взгляд, все еще не веря в то, что слышал еще недавно от своего собеседника. — Схизма ныне говеет перед праздником Рождества, панна же поста не держит, и в веселье среди прочих. Разве не доказательство то истинности ее намерений перейти в истинную веру?

Но Ежи в ответ только хохотнул коротко. Только смешок этот был вовсе не веселый, что заставило епископа удивленно взглянуть на усатого шляхтича.

— А вот я думал, что это ее понесло тогда к пупорезке, коли до Рождества схизмы еще пара тыдзений, думал, праздник какой у схизмы! — он перевел взгляд на бискупа, по-прежнему не сводящего глаз с него, улыбнулся криво. — Пост не держит от того, что уверена, что праздник Святой позади. Запуталась панна в днях.

— Мне нет дела до того, — отрезал бискуп, поправляя перстень на пальце, будто тот мешал ему. — Не говеет панна от своего незнания или решив перейти в другой закон, мне все едино. Пан Смирец должен понимать, что коли она крещение примет, то венчание будет, и Владислав... тогда Владусь...

Он вдруг осекся, пристально взглянул на Ежи, что убирал чубук в небольшой кошель на поясе, а потом решился — подошел ближе к креслу усатого шляхтича, вынуждая того взглянуть на бискупа снизу вверх, что совсем не любил.

— Пан Смирец когда-то поклялся в верности брату моему, а после и сыну его, пану Владиславу. Поклялся сделать все для их блага, — медленно произнес епископ. Ежи сузил глаза, сдвинул широкие седые брови, а потом только кивнул в ответ, позволяя своему собеседнику продолжить речь. — Я буду честен с паном Смирцем, и надеюсь на ответную честность пана. А также, на его благоразумность и молчание. Мне по нраву эта панна из Московии. Она пригожа лицом и телом, а ее уму мог бы позавидовать любой мужчина, но...

— Но она не панна Острожская! — прервал его нерешительную речь Ежи, и епископ кивнул, довольный, что, судя по всему, нашел себе союзника. Он знал, что старый шляхтич будет против этого брака, за долгие годы служения святой Церкви он научился легко читать в сердцах и умах людей.

— И это тоже, пан Смирец, — согласился бискуп, а после подал знак тому подняться на ноги, чтобы прошептать едва слышно, скрывая от чужих ушей, которые могут быть и у стен, про давешнюю анонимную грамоту в инквизицию. В этот раз Ежи не сумел скрыть своего потрясения: он сначала долго смотрел на епископа, будто пытаясь прочесть в его глазах подтверждения произнесенным словам, а потом в волнении закрутил ус.

— Пан Смирец понимает, чем грозит то Владеку. Как и холод с Острожскими, — вкрадчиво произнес бискуп шепотом. — Решение запереть пани Патрысю в Лисьем Отворе. Узнаю в том бывшего Владислава. Но это лишь капля в широкую реку, коли он не совершит главного. Он ныне своими руками роет себе могилу. Я ведал, еще тогда, осенью ведал, что дело кончится именно так! Эта привязанность к москowitzке... *Cupido atque ira consultores pessimi* {13}, они не позволяют порой видеть ясно. Вот и пан Владек слеп. Любовь к панне закрывает для него все вокруг. Я даже грешным делом готов признать, что все эти толки о привороте бесовском..., - Ежи громко фыркнул, и бискуп поспешил переменить тему. — *Febris erotica* {14}. Владусь болен этой панной, как болеют горячкой или другой хворью. И часто такие хвори приводят *ad patres* {15}, увы! Я не желаю такой судьбы для Владислава,

полагаю, пан Смирец также. Увы! *Amor non est medicabilis herbis {16}*, как бы я ни желал того ныне!

Ежи, прищутив правый глаз, взглянул на епископа, то и дело поправляющего перстень на пальце, и оглядывающегося на закрытую дверь, словно ожидал, что в любой момент та может распахнуться и впустить того, о ком они вели ныне речь.

— Что желает сказать пан бискуп? — тихо сказал Ежи. — Пусть не томит и не сыплет латынью. Длинные речи церковников всегда наводили на меня тоску, сказать по правде. А что до панны, то так скажу пану бискупу — ей не место тут вовсе ныне. При всей ее красе и уме. Но пан Владислав никогда не отпустит ее от себя, пан бискуп ведает в том своего родича, как и я.

Епископ протянул руку и сжал легко локоть Ежи, сверкнув радостно глазами. По его губам скользнула мимолетная улыбка.

— Да, все верно. Он не отпустит так легко свою хворь от себя. Но *inter nos* будет сказано то — *sublata causa, tollitur morbus {17}*. Только так, а не иначе, — последнее было произнесено так тихо, что Ежи едва расслышал эти слова. Он взглянул в глаза епископа, пристально глядящие в его лицо, стараясь подметить каждое движение, каждую эмоцию, но лицо Ежи словно окаменело в этот миг.

На мгновение епископу показалось, что он совершил ошибку. Он знал, что Ежи близок к панне, несмотря на все недовольство от ее присутствия в замке и в жизни ордината. Кто ведает — быть может, вся эта неприязнь показная и только? Что, если пан Смирец все же презрит обычаи и доводы рассудка, пойдя на поводу эмоций?

Но вот тот медленно кивает, и бискуп чувствует, как сердце, замершее в ожидании ответа усатого шляхтича, пускается снова разгонять кровь по жилам.

— *In bonum {18}* и для дела, — коротко произнес Ежи, и епископ поспешил добавить.

— *Si finis bonus, laudabile totum {19}*. Хотя и печальна душа моя при мысли об этом...

Ксения даже не догадывалась, какие тучи начинают сгущаться у нее над головой. Эта ночь была кануном нового года, что удивило ее нынче днем, едва ей рассказала о том Малгожата. Все у ляхов было не так, как у них в Московии. Даже год начинался отчего-то зимой, когда за окном кружили снежные вьюги, а под белым покровом уже давно спали озимые.

Но зато как праздновали эту последнюю ночь уходящего года в Замке! Совсем не так, как в отчей земли Ксении. С длинным пиршеством за столом, с танцами в большой зале, которые замерли на некоторое время, едва часы на башне ударили гулко, оповещая о том, что в Замок пришла полночь. Тут же что-то громко ухнуло да так, что задрожали стекла в оконных рамах. Ксения, перепугавшись, ухватила Владислава за руку, с которым еще недавно шла в плавном мазуре. Тот тихо рассмеялся, поднес ее ладонь к губам.

— Не бойся! — проговорил он, склоняясь к самому уху Ксении, чтобы она расслышала его голос через шум от хлопков и смех, которым шляхта встретила новый, 1611 год от Рождества Христова. — Это Мартин, одна из наших пушек. Такова традиция в замке.

— Мартин? — улыбнулась Ксения, все еще ощущая легкий испуг в душе, не в силах успокоить свое сердце.

— Мой дед дал имена всем пушкам в Замке, когда их отливали. По имени мастера и его людей, — ответил Владислав. — Есть еще несколько, но только Мартин стреляет в полночь нового года. А вот Стефан и малый Мартин стреляют еще и в день свадьбы в Замке. Такова традиция. Три залпа. Один за мужа молодого, второй — за жену.

— А еще один? — спросила Ксения, прикинув быстро, что Владислав назвал не все. Тот хитро улыбнулся в ответ.

— За их единение, — и пояснил, наслаждаясь румянцем, разливающимся по лицу Ксении, ее смущением от его слов. — Малый Мартин стреляет, когда молодые уединяются в спальне, показывая тем самым жителям Заслава и Замка, что брак действительно заключен, и у рода будет продолжение.

Ксения вспыхнула, как маков цвет, но не от его слов, а от тона, которым они были произнесены. Хриплость голоса, с которой Владислав завершил фразу, подсказала ей, что он ясно представил себе уже, что будет происходить в спальне, когда пушка будет палить в день именно их свадьбы. А глаза пообещали ей, что он намерен осуществить это на деле уже этой ночью.

Вот так бы и смотрели друг на друга, не отрывая глаз от любимых лиц, подумалось Ксении. Но уже разносили слуги на подносах небольшие бокалы с вином из бочки, специально открытой к полуночи, уже поднимался со своего места на возвышении под гербом Заславских епископ. Он по праву родства и по своему положению занял ныне кресло подле ордината, наблюдая внимательно за всем происходящим в зале, подмечая каждую деталь.

— Пан Владислав! Панове, пани и паненки! — громко произнес бискуп, поднимая повыше серебряный бокал. — *Annum novum bonum felicem faustum fortunatumque!* {20}

— *Annum!* — раздался дружный отклик в ответ. Блеснули в свете свечей камни перстней, когда десятки рук приподняли бокалы, присоединяясь к пожеланию епископа. Тот теперь перевел взгляд на своего племянника и золотоволосую женщину, что стояла подле него.

— Да осуществится задуманное! *Placeat Deo!* {21} — произнес бискуп, поднимая бокал и глядя Владиславу в глаза поверх голов шляхты, что стояла между ними. Тот кивнул в ответ его словам, отхлебнул из бокала вина, а потом подал знак музыкантам в галерее продолжить музыку. Снова поднялись смычки, дрогнули струны скрипелей, призывая шляхту в зале пуститься по зале в быстром танце.

Владислав снова поймал на себе внимательный взгляд дяди и широко улыбнулся в ответ. Тот медленно кивнул, улыбаясь племяннику уголками губ.

Каждый из них думал о своем в этот момент, когда епископ произносил ту реплику. Каждый думал о тех желаниях, которые хранились в глубине души, надеясь на их осуществление в наступившем году.

Но только чувства при том у них были разные. Душа одного была переполнена в этот момент таким счастьем, что захватывало дух и хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что происходящее не сон, что эти тонкие пальчики, лежащие в широкой ладони, и эти глаза, сверкающие небесно-голубым огнем в свете свечей, реальны, как никогда.

В то время как сердце другого сжималось от боли, терзающей его вот уже половину вечера. И эта странная горечь во рту, которую не смыть даже самым сладким вином...

Ведь только одному из них было суждено получить желаемое. Потому как их желания были накрепко связаны невидимыми нитями судьбы, и выполнение одного из них означало крах другого.

— *Placeat Deo!* — горько прошептал епископ, глядя, как кружит Владислав, подхватив за тонкий стан, панну в танце, как широко улыбается в ответ на ее сияющую улыбку, какой радостью открыто сияют их лица.

Неисповедимы замыслы твои, Господи. Для чего этот дивный цветок был взращен из варварского семени в дикой земле Московии? Почему именно там? Дивное создание, милая панночка, увы, тебе не суждено прижиться на благодатной почве этих земель. Ибо ты — сорняк, а сорная трава не должна расти среди цветов, рискуя погубить весь сад...

1. Сигизмунд III

2. Держать волка за уши (лат.)

3. Коверканное от «аллегория»

4. Кому это выгодно? (лат.)

5. Сказанное улетучивается — написанное остается (лат.)

6. Посередине дороги ехать безопаснее всего (лат.)

7. Страсть делает людей слепыми (лат.)

8. Умываю свои руки (лат.)

9. Имеется в виду инквизиция

10. Прямой короткий меч, который шляхта носила в тех случаях, когда нельзя по каким-либо причинам иметь при себе саблю

11. В конце XVI века патриарх константинопольский Иеремия совершил поездку в южные края Речи Посполитой, на территории современной Украины. Возвращаясь, он заехал в земли Константина Острожского, отца Януша.

12. Нора (польск.)

13. Страсть и гнев — наихудшие советчики (лат.)

14. Любовная лихорадка (лат.)

15. К праотцам, к смерти (лат.)

16. От любви нет снадобья (лат.)

17. ... между нами... с устранением причины устраняется болезнь (лат.)

18. Для блага (лат.)

19. При хорошем конце похвально и все дело (лат.)

20. Пусть сопутствуют новому году счастье, успех и благополучие! (лат.)

21. Да будет угодно это Господу (лат.)

Как и обещал пан Януш, семья Острожских собралась в обратную дорогу, едва землю осветили первые лучи солнца. Пан Острожский видел, какие заинтересованные взгляды бросает украдкой его дочь на пана Владислава, что выехал провожать их до границы полей за городом. Маленький его воробушек, усмехнулся пан Януш, думает, что эти взгляды никому незаметны, что ее явная увлеченность молодым ординатом не видна чужому глазу.

Он прикусил ус, не скрывая недовольство, которое уже не было нужды таить после расставания с паном Заславским. Союз с соседским родом был так заманчив для пана Януша. Нет, дело не только в богатстве и знатности герба, не только в том, что меж их родами уже когда-то заключались браки. Ему нравился пан Владислав. Именно таким он всегда представлял себе своего зятя, и коли Бог даст, именно такой и будет у Ефрожины супруг. Недаром ему намекал на то епископ Сикстуш, а тот слов бросать на ветер не будет, как истинный Заславский.

— Я искренне сожалею, что так вышло, — говорил бискуп пану Янушу давеча на празднестве, когда музыка, гремевшая с галереи, позволяла говорить чуть ли в не голос, не опасаясь чужих ушей. — Панна Ефрожина — чудо как хороша! Вся в мать, пани Острожскую, *requiescat in pace*. Славная панна, славная... Я понимаю и одобряю выбор моего брата.

— Пану бискупу следует говорить то не мне, — отрезал пан Острожский, не сумев побороть свое недовольство от того, что надежда заключить брачный союз была так жестоко разрушена недавно хозяином замка. Он тоже был раздражен и даже разозлен, что его дочери, статной шляхтянке, его гордости и радости, предпочли (подумать только!) русскую девицу. — Мне тоже жаль, что союза между нашими родами не будет. *Vicinus bonus ingens bonum {1}*. Это старая истина. Пан Владислав должен думать о том.

Бискуп обеспокоенно нахмурил лоб, раздумывая над тем, что ответить на эту короткую речь пана Острожского. Еще свежа была в памяти шляхты противостояние Радзивиллов и Ходкевичей, когда грозила прогреметь межродовая борьба, и самому королю пришлось вмешаться в конфликт и примирить соперников, когда армия Радзивилла осаждала вотчину своего противника. Неужто пан Острожский намекает на возможность подобного конфликта и между их гербами в отместку за отказ Владислава от договора? Неужто это послужит *casus belli {2}*?

— *Sed semel insanivimus omnes {3}*, но это время проходит без следа, как показывает жизнь, — медленно проговорил епископ. — Уверен, пан Острожский и пан Заславский сумеют сохранить добрую связь между родами. Мир — дороже драгоценного камня. Я твердо убежден, что время меняет все, в том числе, и некогда твердые убеждения. *Investigabiles viae Domini {4}*. Жизнь человека коротка, а жизненная нить дочерей Евы еще короче. Кто ведает, что случится в наступившем году? Я бы на месте пана Острожского не прятал глубоко в ольстр свиток брачного договора. *Gaudet patientia duris {5}*.

Пан Острожский перевел взгляд с дочери, которая в этот момент задорно смеялась в кружку своих паненок, на епископа. Взглянул тому прямо в глаза, поражаясь холоду, что без особого труда читался в этих темных глазах, которыми так славился род Заславских. Видно, у самой смерти, когда она приходит, чтобы забрать с собой душу в итоге жизненного пути, такие глаза — ледяные, внимательные, пронизывающие до самого потайного уголка души.

Острожский бросил быстрый взгляд в сторону москвитки, танцующей с одним из шляхтичей свиты пана Владислава. Радостно, но в то же время довольно скромно улыбающаяся, она каким-то дивным светом озаряла залу, приковывая взгляды. Он видел, как она красива, понимал, что за такую красу можно отдать весь мир, забыть обо всем на свете. На миг ему стало жаль эту хрупкую женщину, но это был всего лишь короткий миг. Позднее он обязательно покается в этом грехе своему духовнику, очистит душу от этого греховного желания, но ныне... Ныне он принимал завуалированное предложение дяди епископа, осознавая, каков итог ждет их в финале.

— Я буду отвергать предложения о брачном союзе для дочери до Иванова дня, — решительно произнес пан Острожский, отмеряя этой фразой такой короткий отрезок жизни для москвитки. — Если до Иванова дня я не получу вестей из Заслава, которые позволят мне питать надежду на брак между нашими детьми, то панна Ефрожина будет вольна выбирать себе будущего супруга, и я не буду препятствовать тому.

Это молчаливое соглашение, заключенное на празднестве, позволяло пану Острожскому надеяться, что еще к концу наступившего года панна Ефрожина станет хозяйкой тех земель, что проезжал ныне поезд магната. К тому же, как он был наслышан, вскоре шляхта повета будет выбирать подкомория поветового, а опыт прожитых лет и столкновение не на словах, а на деле со знаменитым гонором шляхты, не позволял пану Янушу думать, что эти выборы пройдут для Владислава легко. Увы, даже околичная шляхта, не имеющая за душой ни гроша, упивалась от осознания собственной важности в такие моменты. И только Господь ведал, что взбредет им в головы тогда. Ох, не натворил бы по горячности молодой пан Владислав дел, коли шляхта решит свой гонор показать на выборе подкомория! Ведь в жилах пана Заславского течет кровь пана Стефана, а тот был крут и быстр на расправу с тем, кто посмел против него пойти.

В любом случае пану Заславскому придется за помощью к соседу обратиться — в роке земском или в войне, что неожиданно объявили казаки. И придет и поклонится в ноги, усмехнулся пан Януш, испытывая некое удовлетворение от этой мысли. А если даже не попросит руки Ефрожины к назначенному сроку, то и тут пан Януш не в накладе — меньше хлопот из-за родича нового, а в казне да в землях прибавление. Хотя и жаль будет... ой, как жаль...

А сам Владислав даже не думал о предстоящем съезде шляхты в Замок для выбора подкомория, до которого оставалось пара дней. Он гнал коня, рассекая белоснежную снежную гладь, с наслаждением вдыхая морозный воздух. Ему казалось, что ныне, когда одна из его трудностей позади, когда пан Острожский принял его отказ от брака так покойно, без гнева или злобы, все остальное непременно наладится. О том, что предстояла крупная выплата по договору, он предпочитал не думать. Можно будет отдавать этот долг частями, небольшими, но частыми, которые не так сильно ударят по казне магнатства.

И Пытась... Сердце все же сжалось при мысли о том, что придется отдать это местечко с доброй выработкой поташа {6}. Пан Стефан точно сейчас грозно хмурит брови, недовольный тем, что происходит в землях, некогда принадлежавших ему. Владислав должен бы был любой ценой сохранить ординацию в тех границах, что отошли по тастаменту ему, да вот лишился Пытася.

А потом сердце снова забилося спокойнее, пальцы, сжимающие поводья, слегка ослабли. Ведь на смену мыслям о потере местечка пришло воспоминание о том, как сверкали глаза Ксении из-под трав венка тогда, на дворе Крышеницких, когда он кружил ее,

сжимая в своих руках. Он никогда не выпустит ее из своих рук, такова была его клятва там, в землях Московии, которые он выжег своей рукой. Никогда, пусть даже ему придется отдать за то свою душу. Только бы она была рядом, только бы последнее, что он видел в своей жизни, были ее глаза.

Владислав знал, что Ксения уязвлена его вниманием к панне Острожской. Ему о том сказал Тадеуш, уехавший из Замка нынче утром, сразу перед отъездом Острожских.

— Она огорчена, думает, что ты оставил ее ради панны, — тихо проговорил Тадеуш, поглаживая шею, уже оседланного, готового к выезду коня. — Она опять загнанным зверьком стала. И ее тоска... думаю, от того, что вскорости у схизмы Рождество Христово придет. Первое Рождество в чужой земле. Ей бы в храм, пан Владислав, пусть ее душа покой почует и благодать от патеров.

На миг Владислав ощутил короткую вспышку злости от того, что Добженский так тонко прочувствовал Ксению, что именно тому первому пришла в голову идея отвезти Ксению в храм греческой веры, а не ему. Но потом эта злость быстро утихла, и Владислав кивнул, признавая правоту Тадеуша. Какая разница кто первый додумался до того? Ведь именно он отвезет Ксению в небольшой деревянный храм, что схизма осмелилась поставить на его землях, пытаясь скрыть его в лесу. Наивные, Владислав знал о многом, что творилось в его землях...

Но та радость, на которую Владислав полагал увидеть в глазах Ксении, когда поднялся в одну из светлых комнат, где паненки сидели за рукоделием, когда сообщил, улыбаясь своей кохане, о намерении своем отвезти ее в храм ее веры на светлый праздник, он так и не увидел. Наоборот, Ксения вдруг подскочила на месте, как ужаленная, бросила наземь работу, за которой сидела, не замечая, как раскатились по комнате клубки шелковых нитей. В ее глазах не было радости или предвкушения, только ужас, ничем неприкрытый ужас, от которого даже у Владислава пошли мурашки по спине.

— Святый Боже! — простонала она, закачавшись, и он метнулся к ней, чтобы удержать ее, не дать упасть, решив, что она духа вот-вот лишится. Но она вдруг сама отшатнулась от него, словно от прокаженного, выставила вперед ладонь в предостерегающем жесте.

— Не трогай меня! — проговорила Ксения, озираясь по сторонам. Она встретила глазами с Марией, так же застывшей на месте, как и ее панна. Да только в глазах той был не ужас и отчаянье, как у Ксении, а вина, которую та невольно ощутила в своей душе, видя страдание панны. — Почему ты промолчала? Ты видела, что я перестала пост держать, видела, что пан... в мою спальню... Ты знала! Я вижу то!

Паненки растерянно переглядывались, с трудом понимая русскую речь, ощущая, как сгущаются тучи в комнате, где еще недавно они смеялись шуткам Малгожаты. Мария поднялась на месте, аккуратно придерживая живот ладонью.

— Ты сама сказала мне, что хочешь в веру перейти латинянскую, вот я и решила, что... — и тут же осеклась, попросила мысленно у Господа прощения за то, что вырвались по привычке слова, неугодные той церкви, в догмы которой она ныне верила. Владислав быстро взглянул на Ксению, снова протянул в ее сторону руку, намереваясь притянуть ее к себе, но та ускользнула из-под его руки, ощущая в себе смесь разрывающих ее чувств.

Ужас за то, что нарушила святые заповеди в пост, выстилая своими проступками себе дорогу в ад. Она и так была грешна, живя в грехе с Владиславом, успокаивая свою совесть законностью языческого обряда, противоречащего всему тому, чему ее учили с детства, а тут еще и такое пренебрежение традициями церкви.

Отчаянье и гнев на себя за свою такую нелепую ошибку, за досадную оплошность. Стыд за то, что творилось в спальне ночью, что ее тело даже ныне само тянулось к руке Владислава, несмотря на запреты разума.

И гнев. Обжигающий душу гнев на себя, на Марию, на Ежи. И на Владислава. Ведь он: тогда сказала ему о празднике, а он промолчал, не поправил ее в ошибке. Его мать была одной веры с Ксенией, он не мог знать о том, что Рождество греческое отстает от латинянского. И если б не этот запрет ходить к Марыле, она бы знала, знала!

Ксения застонала, сжимая руки, оттолкнула Владислава, пытающегося остановить ее, когда она вдруг сорвалась с места, бросилась к себе в покои к святым образам, чтобы хотя бы сделать попытку вымолить прощение за свои невольные грехи. Бесы, бесы ее попутали, затуманили разум, отвели от святости постных дней, что предшествуют празднику Рождества.

Нет, она недостойна глядеть в эти святые лики. Ее душа была такой нечистой, такой темной, что у Ксении даже голова шла кругом от ужаса, при мысли о том, сколько запретов она нарушила в последнее время. Она молилась и молилась, но бывшего покоя в душе так и не ощущала. Только ужас от совершенной ошибки. Ужас, давящий с силой на виски...

Ее не стали тревожить, позволили почти всю ночь простоять на коленях, то срываясь в плач и стоны, то молча кладущей поклоны, застывая порой уткнувшись лбом в каменный пол. Владислав видел ее муку, ее страх, слышал ее сбивчивый шепот. Впервые в нем шевельнулось некое чувство раскаяния за то, что он привез ее сюда, поддавшись своему желанию. Впервые в нем мелькнула мысль, что те различия, что есть в них, слишком серьезны. Брак его родителей не сумел удержаться на столь шатком фундаменте, а Ксения была с ним различна не только в вере.

— Ты видишь, Владусь, — шептал ему дядя, когда, проведав о том, что случилось, нашел того в небольшой комнатке покоев Ксении. — Она иная, и такой, какой ты желаешь видеть ее, никогда не станет. Она переменила платье, но не душу. *Vulpes pilum mutat, non mores* {7}. Ты должен понять это ныне, пока еще *vinculum matrimonii* {8} не стали твоими оковами до конца дней твоих или панны. Пойми же то! Шляхта, что в Замке ныне, уже всюю...

— Уймись, прошу тебя, — шептал ему в ответ Владислав, душа которого замирала всякий раз, когда до него долетал тихий плач из соседней спальни. — Прошу ни слова более...

Под утро, когда за оконцем заалел край земли, окрашивая не только небосвод, но и снежный покров в красивые оттенки от розового до голубого цветов, Владислав решительно двинулся в спальню к Ксении, сжал ее плечо, заставляя прервать молитву.

— Кони запряжены, — тихо произнес он. — Ежи отвезет тебя в твой храм. Надеюсь, под его сводами тебе станет покойнее.

Глаза Ксении стали такими огромными от удивления при этой вести, что в любой другой момент он бы рассмеялся, настолько забавной она выглядела ныне. Но сейчас только губы сжал плотнее, отмечая полосы слез на ее щеках, ее все еще перепуганный перед Божьим гневом взгляд. «Ей бы в храм, пан Владислав, пусть ее душа покой почует и благость от патеров», сказал тогда Тадеуш, так тонко прочувствовавший ее кохану. И Владислав готов был пойти на этот шаг. Пусть даже станет явью для всех его осведомленность о нарушении законов королевства и наставлений отца в землях Заславских. Да что там говорить — он был готов вырвать из своей груди сердце и положить к ее ногам, если это вернет ту, прежнюю

Ксению, смех которой звонким колокольцем разлетался под крышей Замка.

На удивление Владислава дядя Сикстус одобрил его затею, а не гневно прервал его, когда тот только заговорил о подобной поездке. Он же предложил Ежи в провожатые Ксении.

— Пан позаботится о панне Ксении, не даст ее в обиду, коли схизма встретит ее недобро у дверей храма, — и, заметив недоуменный взгляд Владислава, пояснил. — Неужто ты забыл, как кляли твою мать всякий раз, как та ехала в греческий костел до того, как она получила благословение патриарха? Как изгалялась схизма, клеймя ее в блюде? Панна Ксения в том же положении...

И Владислав счел решение послать во главе гайдуков Ежи весьма разумным, принимая во внимание доводы дяди, попросил своего старого товарища поехать вместе с панной в лесную чащу, где схизма установила свой храм. Он еще долго смотрел со стены на дорогу, по которой удалялся от Замка небольшой отряд, сопровождая сани, что уносили Ксению, закутанную в меха.

Владислав до сих пор ощущал холод ее рук и губ, когда он прощался с ней. Она только кивнула в ответ, обессиленная от слез и душевных мук, и он почувствовал, как замерло его сердце. Под ее небесно-голубыми глазами залегли темные тени, лицо было белым, словно мех горноста, что обрамлял ныне его. Она до боли была схожа ныне с той утопленницей, что когда приходила к Владиславу во сне, и это осознание наполнило его душу каким-то странным предчувствием. Оттого-то шляхтич так долго не мог уйти с этого места на открытой площадке крепостной стены, несмотря на все дурные воспоминания, связанные с ним.

— Что с тобой, Владусь? Не томи свою душу ныне. Пан Смирец — homo omnium horarum {9}, он верен своему долгу и слову, я уверен в том, — проговорил дядя, стоявший за его спиной, а потом положил ладонь на его плечо, несильно сжал его в знак поддержки. — Пойдем, ты должен ныне быть с шляхтой. Следующего дня им выбирать подкомория, и нужно провести их настрой, нужно узнать, не пустили ли ростки семена, что заложил в их души Юзеф, пуская им в уши худые толки.

— Скажи, дядя, ксендз схизмы, священник греческий может принудить ее уйти из мира дабы искупить грехи ее? Ведь грехи ее велики перед схизмой... мой грех велик... — не сумев толком распознать, что вдруг мелькнуло при этих словах в голосе Владислава, бискуп нахмурился. Он даже не подумал, что возможно, священник греческой церкви направит панну на уход в обитель святую, на отречение от мирского зла, что толкает ее душу в пучину греха. Отчего он сам не говорил о том с московиткой? Быть может, и греха на душу брать тогда бы не пришлось, планируя то, о чем даже думать бискупу не хотелось ныне.

А потом Владислав тряхнул головой, словно отгоняя тягостные для него мысли, и произнес слова, от которых у епископа сжалось сердце. Нет, не от их содержания, каким бы пугающим оно ни было, а от холода и безразличия тона, которым Владислав проговорил их.

— Надеюсь, у попа хватит разума не советовать того Ксении, ибо если она последует тому совету и удалится за стены монастырские, мне не станет труда убрать те стены меж нами.

Сказал, и сам же усомнился в истинности своих намерений. Довольно ли будет в нем силы пойти наперекор желаниям Ксении? Довольно ли духа увезти ее силой из святого для нее места?

— Не думаю, что греческий поп пойдет на то, — медленно произнес епископ, кутаясь в

плащ, скрывая голову по уши в мехе ворота, чтобы укрыть их пронизывающего холодного ветра. — Он ведаёт, кто она. А потому должен знать, к каким последствиям может привести подобное решение. Ты должен заняться своими делами и отринуть на время мысли о том. Иного и быть не может — она непременно вернется, Владусь.

Хотя его мысли и противоречили той уверенности, с которой он ныне уводил Владислава с крепостной стены. Ведь бискуп уже полагал, что московитке не суждено пересечь ворота брамы, не зря же с ней отправился Ежи, хмурый и молчаливый. Епископ не знал, как это случится — перевернутся ли сани на крутом повороте или произойдет другая трагическая случайность. Но он уже планировал нынче же вечером перед распятием произнести покаянные молитвы, искренне сожалея, что пришлось прибегнуть к подобным мерам. *Placeat Deo! {10}*

И произнося пaterы, стоя на коленях перед высоким распятием, что он возил с собой в поездках, епископ не знал, что в это же самое время, тихо роняя слезы, на коленях стоит и Ксения под темным куполом православной церкви. Храм не был похож на те, в которые она ходила в Московии. Не было аккуратных и воздушных «луковичек» куполов, не было позолоты и ярких красок при росписи стен и потолка. Но зато здесь были образа, к которым она так привыкла, тихо потрескивали тонкие свечи, горящие в светильниках перед святыми ликами.

Она ужасалась увидеть укор и осуждение во взгляде священника, который аккуратно отворил ворота грубо сколоченного тына, окружающего затерявшуюся в глухомани леса небольшую церквушку. Но его глаза были полны только любопытства и внимания, в них совсем не было страха перед суровыми гайдуками, что кричали на него в голос, требуя пропустить сани панны внутрь.

Иерей отказался это сделать, упирая, что на двор церкви нельзя животным, и тогда один из гайдуков размахнулся и хлестнул его плетью, вырвав тем самым Ксению из того полусна, в котором она пребывала со вчерашнего дня. Под удивленными взглядами гайдуков она выскользнула из саней и на коленях поползла к священнику, замершему в воротах, крестясь и кладя покаянные поклоны. Иерей широкими шагами пошел к ней навстречу, остановил ее.

— Грешна я, отче, — прошептала Ксения, когда он положил руки на ее плечи, останавливая ее поклон. Под понимающим и ласковым взглядом из голубых глаз снова потекли слезы.

Она боялась, что он отстранится от нее, откажется принять, скажет, что недостойна она пересечь порога святого, но священник поднял ее с колен и поманил за собой, без лишних слов угадав то смятение, что терзало ей душу. У самого порога она снова упала на колени, поползла внутрь церкви до аналоя, ощущая, как медленно отступает ужас, как уходят сомнения. словно крылом, укрыл ее от всего зла, что оставила Ксения за порогом, епитрахилью иерей.

— Что ты желаешь исповедовать перед ликом Божьим? — спросил священник после молитвы, и она рассказала тогда все, открыв свою душу, как ни открывала никому до того. Разве что Владиславу... Но ведь и от Владислава у нее были тайны, и от Владислава она скрывала некоторые мысли и намерения, разве нет?

А тут же открылась полностью, как и должно на исповеди, чувствуя, как освобождается душа, становится такой легкой, что самой Ксении начинало казаться, что вот-вот она поднимется с колен и вспорхнет прямо под купол.

— Выйдя отсюда, впадешь ли в грех блуда сызнова? — и это было основным вопросом

на той исповеди, ведь каюсь во многих грехах своих, Ксения запнулась именно на этом. Сможет ли она отказать Владиславу в плотской любви? Сумеет ли удержать себя, когда только от одного его взгляда она чувствует огонь в душе и теле? — Без таинства венчания не должно с мужем жить, а приложиться к чаше с еретиком латинянином невозможно. То есть предательство церкви, предательство Христа. А уж после заключения Унии экзарх тем паче не даст своего благословения на то. Или отпасть от церкви решила? В ересь уйти?

Ксения отвела глаза в сторону от его пытливого взгляда, уже стыдясь в глубине души тех мыслей, что когда-то пришли в голову. Сменить веру... подтверждались ее опасения, что нет худшего греха для православного человека, как веру переменить. И, несмотря на ту легкость, что была ныне в душе, снова стала набегать тень на ее лицо.

— Не ведаю я, как поступить мне должно, — прошептала она, сжимая ладони в волнении. — Будто по чаще лесной блуждаю, не вижу пути верного. Не сохранить мне веры, вон сколько грехов по неведению совершила, за что приму без ропота любое искупление. Как быть мне? Подскажи. Как удержаться в вере, но остаться верной своему сердцу, что так и тянется к латинянину? Моя любовь — грех...

— Нет, ты ошибаешься, разве дар Божий может быть грехом? Любить нам завещал Христос, вспомни писание, — мягко возразил ей священник. — Сложное испытание послал тебе Господь, панна, и как бы ни желал я того, а дать тебе совета и направления не могу. Ибо разрывается душа моя, как и твоя ныне. Быть тебе с латинянином в браке недопустимо. Не должно мужчине православному с женщиной еретичествующей соединяться, ни православной женщине с мужчиной еретиком сочетаться. Таков закон. На семи столпах стоит богоугодный брак, и четвертый из них — общая святая вера. Как иначе сохранить единство в браке, коли нет его в основах? Как духовный пастырь, я должен напомнить тебе, что нет другого пути для жены, как за мужем идти. Да прилепится плоть к плоти..! Раз пошла и в земли эти, то и принять должна те законы, по которым муж живет. Но как служитель церкви истинной, я должен сказать тебе — отринь мысли о впадении в ересь латинянскую, ибо это путь от заповедей святых, путь к анафеме. «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?», вот слова апостола Павла. Как служитель церкви, я обязан склонить тебя к искуплению грехов твоих в месте святом, в обители. Ведь только там порой можно обрести и покой, и прощение, обрести искупление за проступки, что так тяготят твою душу. Не должно было тебе покидать стен монастырских, вернуться надобно было в обитель, пусть и не в землях Московии.

Священник замолчал на миг, обдумывая то, что произнес недавно, и в церкви повисла тишина, нарушаемая лишь редким треском свечей перед образами. А потом он протянул руку и положил ладонь на прикрытую тонкой тканью голову Ксении, принуждая ее снова взглянуть на себя.

— Я был рожден в этих землях, панна, я был рожден на шляхетском дворе. Истину говорю тебе — нет будущего общего у пана Заславского и панны из земель Московии в глазах остальных. И я не вижу его. Законы человеческие подчас идут вразрез с волей Божьей, становясь препонами на пути. Только сильные духом и верные сердцу сумеют преодолеть все испытания, что посылает Господь. И молись. Молись, и Господь укажет тебе его, зародит в сердце твоём!

Ксения замерла, услышав слова эти. В голове промелькнуло воспоминание о сне, в котором боярина Калитина видела, его наставления. «..Ты верна себе будь, моя милая. Душе

своей, сердцу своему. До конца верна. Тогда и покой придет, и лад. Запомнила, Ксения? Сердцу своему верна будь...»

Но как можно было распознать тот самый верный ответ, когда душа разрывалась на половинки? Ах, отчего Владислав не веры матери своей? Отчего в римском законе? Отринуть ли ей любовь ее, желая сохранить веру свою? Ведь иначе не может быть, она ясно осознала то. Или перешагнуть через каноны и заповеди, что с детства внушались, через отцовские наставления перешагнуть и отдать свою душу в латинянскую церковь, как сделала то Мария?

Но как преодолеть тогда ненависть православной шляхты? Ксения видела в глазах людей, что приезжали той же ночью в церковь, чтобы весь канун Рождественский провести за молитвами вместе со священником в стенах храма, открытое презрение к ней, так падшей в их глазах. Блуднице, жившей невенчанной с латинянином. Презревшей каноны святой церкви ради мужчины. Будут ли они клясть ее имя, коли она отринет веру ради любви?

Быть может, оттого не было во время службы Рождественской той благодати, что Ксения испытывала обычно в этот праздник? Отверженная... именно так она чувствовала себя, когда стояла в храме.

Пан Гридневич, приехавший к утрени вместе со своим семейством, распознал в тонкой фигурке внутри храма Ксению и о чем-то долго спорил со священником прямо на ступенях храма. Пристыженному иереем шляхтичу пришлось смириться, но Ксения ясно видела, как уязвлен он ее присутствием здесь, как невыносимо ему оно в канун праздника святого под этими сводами. Принимая сторону пана Гридневича шляхта, собравшаяся на службу, сторонилась ее, старалась держаться в отдалении. Хлопы тоже предпочитали давиться у самого притвора, лишь бы не стоять подле Ксении, и она стояла одиноко у восточной стены, почти прижавшись к бревнам, подавляя в себе изо всех сил желание раствориться ныне, словно дымка утренняя с глаз прихожан храма.

Отверженная... и так будет отныне всегда. Она чужая для всех. Всех, кроме Владислава. Но довольно ли в нем силы биться на протяжении всего жизненного пути? Что, если эта ненависть к ней, перекинется и на него? Неприязнь чужого тебе человека перенести можно, но гораздо тяжелее перенести нелюбовь некогда близких тебе людей. Невыносимо, когда тебя отринут люди с отчих земель...

«...это самый страшный для меня выбор. Самый тягостный! Ты — в моем сердце, в моей душе, в моей крови. Ты — часть меня. Но и эти земли тоже — в моем сердце, душе и крови, в самом моем нутре...»

Эта поездка в церковь, праздничная служба в таком странном для ее вида храме, только разбередили душу Ксении, а исповедальный разговор со священником только подтвердил все ее страхи. Анафема! Что может быть страшнее для православного человека?

— Брак имеет возможность быть признанным в случае воспитания детей, прижитых в нем в истинной православной вере. Таково основное условие церкви. Я уверен, что пан Заславский никогда не даст такого позволения, панна.

Тогда зачем Господь соединил их сердца любовью, тихо роняла слезы Ксения, кутая лицо в меха, когда сани несли ее обратно в Замок. Зачем он уготовил им такое испытание? И что испытывал он? Твердость веры в душе? Или верность своему сердцу? Что выбрать и как не ошибиться, поддавшись терзаниям души?

Когда показались в виду темные стены Замка на фоне белоснежных покровов, когда глаз без особого труда мог разглядеть алый стяг с вышитым гербом на башне брамы, к

Ксении неожиданно пришло решение. Единственно верное, как ей казалось в этот момент. Стало так легко на сердце, словно камень тяжелый упал вмиг, даже слезы навернулись на глаза от того покоя, что вдруг встал в душе. Отчего она не приняла это решение ранее? Отчего так долго мучила себя и Владислава?

Во дворе Замка было необычно тихо, на удивление. Только один из конюших, что принял из рук возницы вожжи, да выглянул из сторожевого помещения караульный, кивнул Ежи. Гайдуки не стали въезжать в Замок, направились в подзамче к конюшням, оставив Ежи и Ксению наедине. Эта странная тишина давила на нервы, бредила душу каким-то непонятным страхом.

— Ныне подкомория выбирает шляхта, — пояснил Ежи, видя ее недоуменный взгляд. — Вроде, заранее знают, кто встанет во главе суда поветового, а все равно оторопь берет...

— Кто такой подкоморий? — спросила Ксения. Ежи уже вел ее под руку в тепло замковых стен, где уже ждали служанки, готовые принять мокрые от снега плащи прибывших. Тот поспешил объяснить ей, что подкоморий — выборная должность в повете, ему принадлежит право суда в этих землях.

— Издавна повелось, что Заславские стоят на том почете, — закончил он свою речь, нахмурившись, слышав глухой гул голосов из главной залы, где проходил съезд. Надо бы панну поскорее к паненкам отвести да пойти послушать, о чем так шляхта гудит. День близился к концу, и было удивительно, что так долго затаили с выбором.

Казалось, волнение затронуло всех и каждого в Замке. Даже паненки сидели тихо в покоях Ксении, молча вышивали свои работы. И Малгожата, смешливая Малгожата, не улыбнулась, заметив, как в покои входит Ксения, была немногословна, то и дело поджимала губы и прислушивалась к звукам в Замке.

Это состояние вдруг передалось и Ксении. Переменив платье, она долго не могла занять себя делом — ходила из угла в угол, то садилась за работу, то бросала ее. Ей вдруг до боли захотелось увидеть Владислава, укрыться в его объятиях, почувствовать биение его сердца под своим ухом, прижав голову к его груди. Она узнала, что Мария не выходила из своей комнаты этим днем, и решила ее проведать, наказав тотчас разыскать ее, когда пан выйдет из залы, когда наконец шляхта примет решение.

Мария лежала в постели, бледная, перепуганная теми болями, что нежданно прихватили низ живота этим утром, но видеть Ксению была рада и отмахнулась от ее извинений за обиду, что та нанесла ей давеча. Они долго говорили, незаметно для самих себя, вернувшись в воспоминаниях в прошлое, когда проводили этот день вместе с родичами своими, празднуя святой праздник.

— Ты скучаешь по своему роду? По отчей земле? — спросила Марию Ксения.

— Не часто. Ныне у меня другая жизнь. Что толку воскрешать былое? — ответила ей та, поглаживая круглый живот. Ей вовсе ни к чему было вспоминать прошлое, в том она не кривила душой. Что было в былом? Только худое — побои тятеньки, тяжелая работа по дому и в поле, а потом и вовсе скит, где ей было суждено таять со временем, хороня свои желания и тоску по иной жизни. Тут же, ныне она счастлива — у нее есть супруг, которого послал ей Господь за все муки, перенесенные той страшной ночью, у нее будет скоро первенец, что так рьяно порой толкался в животе. — Что толку вспоминать о худом, когда перед глазами такая благодать?

Проговорила и обернулась к Ксении, желая узнать ее суждение о том. Да только молчала Ксения, погрузившись в сон, уронив голову на скрещенные на поверхности постели

руки. Она не спала пару ночей, проводя их за молитвами и в храме на службе, оттого даже сама не заметила, как легко соскользнула в сон. Даже не в сон, а некую дрему, обрывочную, странную. Мелькали перед глазами лица Ежи, бискупа и священника православного храма. Слышались обрывки фраз, отдельные слова.

«...не дано Господом. Только подобное создает подобное..», говорил епископ холодно. «...нет будущего общего у пана Заславского и панны из земель Московии», вторил ему священник. А Ежи отчего-то настаивал яростно: «Коли шляхтич клялся в верности, то верен будет до самого конца. А коли шляхтич полюбил, панна, то на всю жизнь, до гробовой доски. Запомни это, панна, запомни!» А когда ее уже трясли за плечо, пытаясь пробудить от этого беспокойного сна, вдруг снова прошептал в самое ухо отец: «Сердцу своему верна будь...»

— Панна! Панна! — приговаривала Малгожата, сжимая ее плечо. — Панна! Панна! просила позвать ее, когда шляхта разъезжаться станет.

Ох, как тяжело же было подниматься на ноги, затекшие от неудобной позы! Как гудела протестующе голова, и резало в глазах при взгляде на яркое пламя свечей! А потом Ксения поняла, что это гул вовсе не в ее голове, что со двора идет, несмотря на толстое стекло окна. Так и есть, убедилась она, выглядывая, шляхта уезжала из Замка. Паны что-то бурно обсуждали, ожидая, пока с подзамча приведут оседланных коней, пока соберутся в дорогу гайдуки, что приехали с некоторыми из них.

Ксения вытерла внезапно вспотевшие ладони о бархат подола платья, решительно направилась прочь из спальни Марии. Малгожата едва успевала за ней быстрым шагом.

Световой день подошел к концу. Зимние густые сумерки медленно вползали в Замок, наполняя коридоры тенями, заставляя Ксению напряженно вглядываться перед каждым шагом, чтобы не оступиться и не упасть на каменный пол. Тяжелое дыхание спешащей следом Малгожаты придавало этим теням, окружающим Ксению, пугающей мрачности.

Когда Ксения наконец спустилась в залу из башни, где были покои Марии, та была почти пуста. Только холопы оглянулись на нее, занятые тем, что поджигали свечи в подвесных светильниках, прогоняя прочь прокравшуюся вместе с сумерками темноту. Показалось ли ей или они действительно скользнули по ней теми же взглядами, что она встретила, впервые перешагнув порог Замка? Смесь холода, неприязни и... да, именно осуждения.

Она не стала спрашивать слуг о Владиславе, зашагала прочь, путаясь в подоле платья, сжимая руки в волнении. Именно оно гнало ее прочь ныне так стремительно, именно оно заставляло сбиваться дыхание.

Владислава Ксения встретила во дворе. Он принимал из рук конюха поводья своего валаха, другой рукой уже ухватившись за луку седла.

— Владислав! — окликнула его Ксения, сбегая по ступенькам во двор, едва не поскользнувшись на ступенях, покрытых кое-где тонкой коркой льда. Он вздрогнул от ее окрика, будто не ожидал его услышать, будто позабыв о том, что она должна быть в Замке. Оглянувшись, и Ксения замерла на месте, скорее сердцем чем зрением разглядев в нем скрытую боль и обиду, но быстро опомнилась, подошла к нему, тронула бархат рукава его жупана.

— Владислав! — прошептала она. Губы его дрогнули, словно хотели улыбнуться, да не смогли. Слишком сильна была та смесь эмоций, что разрывала ныне сердце.

— Я проедусь, — глухо сказал он, снимая ее пальцы с рукава. — К ужину вернусь...

А потом, не дожидаясь ее ответа, отстранился, занял место в седле валаха, аккуратно придерживая того, чтобы не задеть ненароком Ксению, стоявшую подле, развернул коня и быстро выехал в ворота брамы. Она смотрела в его удаляющуюся спину, такую неестественно прямую, и только потом сообразила, что он уехал без плаща и шапки, в одном жупане, перехваченном широким поясом, а с неба уже начинала падать мелкая снежная крупа, грозя превратиться со временем в играющую метель.

Мороз уже добрался и до самой Ксении, прихватил руки и ноги через бархат платья, пробежался холодком по спине. Она обхватила себя руками, пытаясь удержать ускользающее тепло, развернулась к ступеням и замерла на миг, поймав на себе внимательные взгляды. Челядь, суется во дворе, помогающая отъезжающим панам, шляхтичи, уставившиеся на нее безо всякого стеснения, Магда, быстро скрывшаяся в проеме двери. И епископ, наблюдающий за ней сквозь узкую щель в приоткрытом окне комнаты на втором этаже.

Холод, неприязнь, осуждение...

Ксения сразу поняла, что случилось этим днем, отчего она снова стала так нелюбима теми, кто еще недавно улыбался ей открыто, кто еще недавно был так любезен с ней. Когда-то Малгожата сказала ей, что случись что, вся челядь, шляхта и хлопы встанут горой за своего пана. И так же будут яростно ненавидеть ту, что принесла ему только горе и страдания.

— Панна замерзнет на морозе, — шепнула ей в ухо Малгожата, накидывая на плечи плащ, подбитый лисой. Ксения позволила опустить на голову капюшон, укрываясь от снега, ставшего падать на землю более крупными хлопьями, окружаясь в каком-то медленном танце.

— Ты тоже ненавидишь меня, Малгожата? — спросила она паненку, но ушла, не дожидаясь ответа, чувствуя, как каменеет сердце, наполняясь мукой сердечной боли. Она поднялась на стену, остановилась в своем излюбленном месте на открытой площадке, не замечая ни ветра, пытающего сорвать с нее плащ, ни снега, что так и норовил попасть в глаза.

За спиной тихо скрипнула дверца. Спустя некоторое время подле Ксении встала грузная фигура Ежи, длинные усы которого вмиг были запорошены снежными хлопьями. Она даже головы в его сторону не повернула, никак не обозначила его присутствие подле себя. Только спустя время, когда сердце уже не так резко сжималось, наполняя нутро острой болью, сбивая голос, смогла проговорить:

— Они не выбрали его...

— Нет, панна, не выбрали. Новый подкоморий поветовый — старый и дряхлый пан Шибкевич, — Ежи прикусил кончик одного из усов, как делал это обычно, волнуясь. — Мудро шляхта решила. Пан Шибкевич лежащий уже второй месяц, скоро Господь его к себе приберет. А там и новые выборы... Но зато знатно пану Владиславу показали свой гонор, знатно...

Он вдруг развернулся к ней, и она взглянула на него, отводя край капюшона, обитого пышным мехом лисы. Из-за снега, падающего с темного неба, она не могла разглядеть выражение его лица, хотя стоял он близко к ней — при желании мог протянуть руку и тронуть.

— Шляхта шибко недовольна, что пан Владислав хочет поставить выше их схизматичку, а что хуже — московитку. Для них все должно быть, как в Московии ныне, что под Жигимонта легла. Не может быть московитка выше шляхты, никак не может, — Ксения

промолчала, признавая правоту его слов, только губу прикусила, чтобы крик сдержать, что так и рвался из груди. — Ты губишь его, панна! Губишь, сама того не желая. Как тогда едва не утонула в ад, в Московии, когда Северский его взял в полон. Из-за тебя в него Владислав попал, пойдя на поводу сердца своего, забыв о разуме. Ты спасла его тогда от незавидной участи, вырвала из рук лиходейки с острой косой. Готова ли ты снова помочь Владиславу? Снова уберечь от гибели?

— Гибели? Владиславу угрожает гибель? — встрепелась Ксения.

— Ты много не ведаешь, панна. Ты будто в своем мирке живешь том, московитском. Но тут же... тут не все так просто. Люди привыкли к тебе, но не могут свыкнуться с твоей верой, не могут выкинуть из головы те толки, что ходили по землям со двора во двор. Владусь оглушел от любви к тебе и совершает один промах за другим, потворствуя замыслам пана Юзефа. Ты мечешься между верой своей и паном, а он так же рвется на куски между тобой и землями своими, почетом, родовой честью. Нельзя сохранить что-то одно, не потеряв другого. Только вы того не понимаете, будто кутята слепые.

Ксения не желала слушать снова нравоучения по поводу собственной судьбы. Только одно занимало ее ныне — слова Ежи об угрозе жизни Владислава. Потому она и прервала его, попросила изложить поскорее то, о чем начал речь вести.

— Изволь, панна, скажу тебе. Нынче Владислав ясно понял, что шляхта может и не оказать той поддержки, которую он ждет от них в тяжбе с братом. Да, они уважают его самого, его силу, но принять ту, что им так навязывают ныне в ущерб интересам ординации, не могут, не желают. Оттого и показывают свой гонор. Панна Острожская должна была принести и земли, и казну, и мощь Острожских в случае нужды, а таковая непременно настанет, едва казачье быдло снова на границы придет. Заславские били казаков и сильно били, гнали их далеко от границ, но только в союзе со своим соседом. Шляхта не понимает, отчего пан Владислав так открыто пренебрег своими обязанностями. Ведь это его обязанность поддерживать мир на границах, чтобы его шляхта жила в мире и покое. А коли Владислав еще и против церкви пойдет за тебя, то тут уж...

— Против церкви? Владислав решил закон переменить на греческий? — замирая сердце, спросила Ксения. Неужто воистину, желая соединить с ней руки в храме, Владислав готов пойти на то. Но нет, Ежи уже качал головой, опровергая ее слова.

— Панну в ведовстве обвинили. Не ведаю, как в Московии, но в наших землях хоть и редко, но жгут ведьм огнем. По навету тайному приедет в Замок рано или поздно святая инквизиция. А она такие средства использует при следствии, что не только сам, и не близких своих ведьмаком наречешь. Владислав не отдаст тебя в их руки, это даже гадать не надобно. Пойдет против церкви святой, разрывая с ними отношения, лишая себя открыто поддержки дяди. Что тогда будет, панна может подумать или ей все же сказать надо? Панна помнит охоту давешнюю? Помнит лебедя? Видно то знаком панне было, не иначе.

Ксения закусила губу, моментально воскрешая в памяти тот эпизод на охоте, когда соколы кречеты шляхты спикировали с высоты не в лес на зайцев, а на большую белую птицу, что отчего-то осталась на замерзшем озере. Причина, по которой лебедь не улетел, вскорости стала видна, когда завязался ожесточенный бой между хищниками и красивой гордой птицей. Лебедь не улетал, прикрывая своим телом узкую расщелину в толстом стволе ивы, росшей прямо у воды. Там, пряталась лебедка, видно осенью получившая увечье, оттого не имевшая никакой возможности улететь со стаяй в более теплые места. Это открылось, только когда изрядно окровавленный лебедь пропустил атаку сокола, и тот сумел-таки

достать ту, что так отчаянно закрывала собой птица.

Они погибли оба — пара дивных белоснежных птиц. Шляхтичи не отозвали хищников, несмотря на крики и просьбы паненок, на глазах которых разворачивалась эта драма, вызвав тем самым бурю слез и упреков в свой адрес. Ксения в тот день долго не могла прийти в себя, ощущая в душе некую тоску, отголосок неясного предчувствия. И вот ныне она поняла, почему так беспокойна была тогда ее душа.

Лебедь не бросил свою подругу, предпочтя до последнего вздоха драться с хищниками. Так и Владислав никогда не оставит ее, даже под угрозой собственной гибели.

— Он никогда не позволит мне уйти, — со слезами в голосе произнесла Ксения, вспоминая лицо Владислава, когда он уезжал ныне со двора. Его боль. Его горечь. Его растерянность. — Я на все готова, лишь бы он был счастлив. На все, клянусь тебе в том! Не только как? Ведь он отыщет меня везде, где бы я ни скрылась. Ты ведаешь то.

— Ведаю, — кивнул Ежи, а потом добавил то, что заставило Ксению вмиг похолодеть от ужаса. Только ныне она поняла, что за пеленой снега они не видны ни из окон замка, ни со сторожевого поста на бреме. А место, на котором они стояли, было местом гибели панны Элены, что разбилась насмерть, упав с высоты крепостной стены. — Панна должна уйти туда, откуда нет возврата, где пану никогда не отыскать ее. Панна должна умереть!

1. Хороший сосед — большое благо (лат.)
2. Повод к войне (лат.)
3. Однажды мне все бываем безумны (лат.)
4. Неисповедимы пути Господни (лат.)
5. Долготерпение торжествует (лат.)
6. Старое традиционное название соли
7. Лиса меняет шерсть, но не нрав (лат.)
8. Узы брака (лат.)
9. Надежный человек (лат.)
10. Да будет угодно это Господу (лат.)

Владислав долго ездил по окрестностям, не обращая внимания на холодный ветер, что трепал его волосы и с силой бил снежными хлопьями в лицо, на мороз, что сковал плохо защищенное от холода тело, на темноту зимнего вечера, который опустился на земли Заславских. Но он этого холода почти не ощущал, погруженный в свои горькие мысли.

Прошедший съезд казался Владиславу дурным сном, какой-то насмешкой судьбы над ним. Сперва шляхта спокойно обсуждала кандидатуры, выдвигала мнения, скорее для придания значимости собранию. Так было всегда, как рассказал ему пан Матияш, присутствовавший на съезде шляхты несколько десятков лет назад, который выбрал подкоморием пана Стефана Заславского. Каждый из шляхтичей вставал и выдвигал кандидата, а потом дружно обсуждали его, чтобы после перейти к голосованию, а затем, покончив с формальностями, поднять кубки за нового подкомория.

Но спустя время вдруг поднялся с места один из шляхтичей с северных земель повета. Он явно был настроен решительно, судя по его позе — широко расставленные ноги, выпрямленная спина, большие пальцы рук заложены за пояс. Он окинул взглядом шляхту, а потом заговорил:

— Заславского — подкоморием? А не боится шляхта попасть под пяту схизмы и Московии? Не боится, что в суде встав против верного холопской вере, может проиграть только потому, что пан подкоморий явно расположен в ту сторону? Все мы знали пана Стефана Заславского. Все мы! Оттого и отдали свои голоса тогда пану ординату. Кто встанет ныне и скажет, что пан Владислав знаком ему? Не тот шляхтич, что был ранее, а именно этот! Что строит в землях поветовых церкви еретической веры! Что уравнил в сборах и жида, и еретика, и достойного мужа! Что пляшет под дуду московитки!

Зашумела в голос шляхта, поражаясь смелости речи пожилого пана, Владислав же только зубами закрипел от злости. Был бы на месте того пана кто помоложе, он бы с большой радостью ответил достойно этому оскорблению. Ныне же был вынужден встать и держать ответ перед шляхтой, будто провинившийся школяр.

— Заславские никогда не пляшут под чужую дуду, пан Меклецкий! — холодно процедил он. — Да и не должно вам глядеть на то, что в моих землях творится. Я сам себе голова, сам хозяин в своих землях.

— Пану Меклецкому, может, дела и нет, что творится в ординации. У него вотчина не в твоих границах, пан, — хмуро произнес другой шляхтич, поглаживая широкие усы. — А мне вот есть! Я тебе клятву давал, и мне ответ, истину ли про церкви те пан Меклецкий говорит? Пан Стефан пожег все церкви схизмы, а что не пожег — отдал новой вере. Откуда в землях ординации храм греческий? Разве не против закона то королевского?

Шляхта редко соблюдала законы королевские, если дело не касалось ее привилегий и положения, но зато умело пользовалась ими в своих интересах, вытаскивая при случае те или иные указы из копилки памяти, трактуя те в свою пользу. Вот и ныне так легко заговорили, что негоже идти против воли королевской, что если Жигимонт решил, а церковь истинная поддержала, что еретическая вера схизматиков, что гнать надо тех из этих земель или принуждать веру переменить, то так и должно следовать.

— Неужто хочешь огня на землях своих? Панне своей нареченной храм выстроил против указа королевского. Что дальше будешь творить, пан Владислав? В схизму перейдешь

и нас за собой утащишь? — подскочил третий шляхтич. Молодой и горячий, он почти кричал, и его голос хорошо был слышен и под высокими потолками залы. Зашумела шляхта, переговариваясь между собой. Кто-то выкрикнул даже: «Сжечь гнездо ереси! Панове, сожжем их дотла!» Владислав узнал этот голос и поморщился недовольно — околичный шляхтич Главеня, ярый схизматик до времен Унии и такой же непримиримый сторонник новой веры ныне.

— Рах! Рах, панове! — застучал рукоятью чекана пан Матияш, заставляя шум в зале постепенно утихнуть. Только у каштеляна было оружие ныне. И сабли, и кордасы, и опасные на таких съездах чеканы шляхта была вынуждена оставить перед входом в залу, дабы избежать ненужного кровопролития, которое неизменно возникало в шляхетских спорах.

— Как можете вы ныне говорить перед лицом моим, что мой родич вере святой изменник? — грозно рыкнул со своего места молчавший до того епископ, сжимая подлокотники кресла в ярости. — Заславские всегда были под истинной Церковью! Всегда! И ничто не изменит того! И вы знаете то сами!

— Мы знали то ранее! А ныне вот не такой веры! — крикнул кто-то из задних рядов, и Владислав дернулся при этом выкрике, будто слова ударили его, причинили резкую боль.

Поднялся тот самый усатый шляхтич, беря слово.

— Пан Владислав еще молод и горяч. Кровь играет в его жилах, туманит разум. Не принять так верные решения. Ходят слухи, что пан Острожский желал роды объединить, да только пану не по нраву то пришлось. А ведь пан Януш — сосед наш, хорошая подспора против казаков, что так и шумят на приграничье, что снова хотят войной идти в земли наши. Плохое решение пан принял тогда, коли истинны толки. Не видит вдаль пан, только перед собой глядит. А может, и кое-куда еще, я того не ведаю, — шляхтич поднял руку, заставляя редкие смешки, прокатившиеся по зале в этот момент смолкнуть. — Пану мудрости не хватает ныне, чтобы на пост подкомория встать. Я выдвигаю пана Шибкевича на тот пост. Пан поймет, отчего я поступаю так. Таково мое последнее слово!

Снова зашумела шляхта, обсуждая предложение, поступившее от шляхтича, который уселся на место и стал что-то горячо обговаривать со своими соседями. Владислав поднялся на ноги и поднял руку, призывая собравшихся снова замолчать, позволить ему произнести то, что задумал.

— Вы многие знаете меня с малолетства. Многие были здесь, в этой зале, не раз и не раз притом на поветовых судах, что я сидел подле отца и принимал участие в них. Разве тогда мои решения были не по нраву вам? Разве тогда я творил несправедливость? — шляхта снова зашептала, закивала, признавая правоту его слов. — Что изменилось, панове? Я тот же, что и раньше был. Тот же, панове! В моей голове тот же ум, а в груди то же сердце!

— То же да не то, пан Владислав! — возразил ему пан Меклецкий. — Не то сердце твое, раз разум застит. Я поддерживаю пана — Шибкевича в подкомории. Время рассудит все споры.

— Мы ясно видели, что пан не может ясно думать, пока ему мешает сердце. А человек, что суд вершить должен, ясный разум иметь обязан, — добавил сосед пана Меклецкого, выпуская изо рта чубук, ткнув им куда-то в сторону, словно показывая на причину подобного тумана перед глазами Владислава. — Когда говорит разум, сердце должно молчать. Дозволь тебе такой совет дать со своих прожитых лет. Ты поймешь эту истину со временем, вот это время нам и нужно ныне. Не обессудь.

Не все шляхтичи поддерживали решения своих соседей по съезду. Многие предпочитали

голосовать по обычаю, не желая прерывать давнюю традицию, по-прежнему видя в потомке Заславских того, кто способен вершить суд в повете по справедливости. Некоторые не желали идти на поводу у большинства, не желали принимать противоположную сторону — кто из трусости перед статусом Владислава, кто из уважения к нему самому, а кто из уважения к его крови и гербу.

Но были и те, кто явно показывал, что не игнорирование королевских указов, повышение сборов или недоверие к Владиславу толкали их на то, чтобы отдать голос его противнику, который уже давно не выезжал из своей вотчины, прикованный к постели, и явно дышал на ладан.

— Голосуете по обычаям? — перепросил один из шляхтичей, молодой, с густыми усами цвета пшеницы, прищуривая глаз. — А разве по обычаю то, что задумал пан Заславский? Что вы молчите, панове, о том, что гложет души ваши, о чем так яростно спорите за кубком? Я готов служить тебе, пан ординат. Но как скажите на милость, сможет служить мой сын, сын шляхтича потомственного, твоему будущему сыну от брака с московиткой, которого никто в землях Литвы и Польши не назовет шляхтичем? Шляхтич не должен в вассалах у нешляхтича ходить! Позор то! Позор то для рода моего! Оттого и голос мой за пана Шибкевича! Время рассудит, кто прав!

Владислав вскочил на ноги, сжимая пальцы правой руки в кулак так сильно, что побелели костяшки. Но тут же его остановил дядя, придержав за локоть.

— Никто не казнит за истину, Владусь, — прошептал он. — Ты и сам бы сказал то же самое, будучи на месте пана, признай то.

В итоге с перевесом в несколько голосов поветовым подкоморием был избран пан Шибкевич, неспособный даже выслушать дело, не то, что решить его. Шляхта открыто показала свое недовольство поступками пана ордината — не впервые, но так больно ударила по Заславскому, сидящему в кресле ордината.

Владислав наблюдал, как расходится шляхта, кланяясь ему или кивая в зависимости от положения и статуса в Литве, но ничего не говорил никому из тех, кто либо уезжал сразу же в свои земли, либо оставался в Замке еще на пару дней, пользуясь гостеприимством хозяина. Он видел по их глазам, что они довольны исходом голосования, что они полагают, будто загнали его в угол, что смогут навязать свою волю, решая его судьбу. Но никто из них не знал, что Владислав еще найдет способ повернуть все в свою сторону. Золотом или силой, но он сделает то. Он хозяин этих земель! Его воля и только его!

А потом, когда зал опустел, пришло жестокое осознание. Впервые за столько лет со времени существования этой должности в повете ее будет занимать не Заславский. Пусть и ненадолго, дай Бог на год, но все-таки не их рода подкоморий ныне будет в повете. Впервые! Как видно, ныне ворочаются в своих могилах его отец, дед и другие предки, что поверить не могут в происходящее в мире земном. Как только могло то случиться...?!

Холод, сковавший руки и ноги, что уже с трудом слушались шляхтича, вдруг отрезвил Владислава, заставил забыть о тягостных мыслях, в поисках тепла развернуть дрожащего валаха в сторону Замка, где его встретила обеспокоенная Магда с покрасневшим от слез лицом.

— Мальчик мой, Владусь! Что творишь ты, дурань?! — она дернула его за волосы, запорошенные белой крупой, стряхнула быстро с жупана снег. — Иди к себе, там лохань уже поставили с водой горячей. Сейчас прикажу вина тебе горячего с травами подать, чтоб горячку не подхватил.

— Где панна, Магдзя? — спросил Владислав, и та замерла на миг на месте. Что ж это творится? Даже на миг не может об этой панне забыть! Разве ж дело то для мужика так по бабе сохнуть?

— Не видала я ее. Как со двора ушла, так и не видала, — отрезала Магда, недовольно поджимая губы. Ей нравилась панна — красивая, хозяйственная, та споро вела бы дом и двор, да только не пара она Владусю. Увез бы он ее куда да навещал бы, как многие делают то шляхтичи и — прости Господи! — ксендзы некоторые. Так нет же! Видать, москвитке нужен статус пани ординации, не меньше.

Ксения сама нашла Владислава в его покоях, куда тот заглянул по настоянию Магды переменить мокрую одежду. Он взяла из рук служанки полотенно и сама стала вытирать черные пряди шляхтича, вытряхивая из них еще не растаявшие маленькие льдинки. Он поймал ее ладонь, притянул к своим губам, довольный ее лаской, ее заботой. Она лишь улыбнулась в ответ уголками губ, а потом выпростала руку из его пальцев. «Позволь я послужу тебе», — прошептала тихо.

Ксения не ушла даже, когда уже была наполнена горячей водой большая деревянная лохань, несмотря на возмущенные взгляды Магды.

— Я вдовица, уже не первой юности. Да и делать вид ныне, что мы только беседы ведем, не пристало, — объяснила она удивленному Владиславу. Тот покорился, ему больше нравилось, что по его телу скользят руки Ксении, а не одной из служанок Замка, обтирая его тряпицей, чтобы согреть порядком замерзшее на холоде тело. — Да и хочу я того... быть подле тебя. Каждый миг...

От этого тихого шепота сжались сердца у обоих. Ведь оба ныне осознавали, насколько невозможно то, насколько трудно будет для них удержаться рядом друг с другом. Оттого и молчали долгое время, слушая только треск поленьев в камине да тихий плеск воды, когда Ксения отжимала горячую воду, проливая ее из тряпицы на его кожу.

— Я должен буду уехать следующего дня, — проговорил Владислав, устало закрывая глаза, откидываясь назад, на стенку лохани. Ласковые руки Ксении и горячая вода сделали свое дело — расслабили его мышцы настолько, что резко вдруг бросило в дрему, потяжелели веки. — Мне надо с законником повидаться. Возможно, для того и Вильно придется ехать. Это значит, только к концу студзеня {1}вернусь. Но не позже, слово даю. Подождешь?

— Подожду, разве могу иначе? — проговорила Ксения. Она заметила, что он уже почти засыпает в лохани, поднялась на ноги и взяла широкое полотенно, чтобы вытереть насухо его тело, убирая капли воды, что побежали по коже тонкими ручейками. Она проводила руками по его плечам, груди, животу, в который раз любуясь его широкоплечей фигурой, как тогда, на берегу пруда в Московии. Аккуратно касалась его шрамов, побелевших со временем, почти сравнявшихся цветом с кожей, но все еще заметных. А потом, помогая ему натянуть широкую рубаху, не смогла удержаться и коснулась легко кончиками пальцев маленького шрама на подбородке.

— Как память обо мне, — улыбнулась Ксения, трогая эту тонкую полоску, будто ямочку, притаившуюся на подбородке. Владислав ничего не ответил, потянул в постель, укладывая ее с собой, не желая сейчас расставаться с ней. Он настолько вымотался и физически, и морально за эти дни, что уснул, как только его голова коснулась подушки. А вот Ксения еще долго лежала, наблюдая за ним, словно карауля его сон. Ничто не могло отвлечь ее ныне от его лица, даже шум, который устроили хлопы, что убирали комнату и, не удержав тяжелую лохань, ударили ту об пол с глухим стуком.

Сон Владислава был так крепок, что он даже бровью не повел при том. Как не шевельнулся он, когда Ксения взяла его правую руку, стала разглядывать ладонь, будто сравнивая тот шрам, что виднелся у основания безымянного пальца, с собственным, тонким, словно полоска перстня.

«Вот и повенчали нас с тобой, Ксения. На твоей земле и по твоему обычаю... прав был тогда старик тот — ты моя! Моя радость и мое горе. Моя слабость. Я без тебя будто без сердца, не могу без тебя, нет покоя мне. Прошу тебя, стань моей до конца, до окончания лет наших. Потому что, видит Бог, не в силах я тебе отпустить от себя... не смогу... никогда...»

Сможет ли она сама отпустить его от себя? Сможет ли отречься? Теперь ей даже казался благом последний дар ключницы Евпраксии, который туманил разум, надежно укрывая в его глубинах воспоминания о былом, о любви ее греховной. Зелье травницы навсегда увело бы ее за ту грань, что отделяла этот мир от другого, полного блазней и других духов. И тогда ее душа не плакала бы безмолвно в ночном полумраке, а сердце не рвалось бы от горя, что будет только множиться с каждым прожитым днем.

Ксения проводила Владислава в дорогу без слез и без лишних слов, с тенью улыбки, то и дело мелькающей на ее губах, когда тот так нежно гладил ее ладони, не желая выпускать их из своих рук.

— Ты такая... такая странная нынче, — вдруг прошептал он прежде, чем принять поводья валаха из рук подошедшего хлопа. Он видел, как покраснели ее глаза, как словно она долго плакала. Что-то тревожило ее, и это были не только его беды, он чувствовал то по наитию. — Что стряслось, Ксения? Схизма худо приняла тебя давеча? Кто-то обиду тебе нанес? Скажи мне...

Он увидел, как она закусила губу, будто пытаясь собраться с силами и удержать слезы, так и норовившие пролиться тонкими ручейками по нежному лицу. Она упрямо покачала головой, отвергая его предположение, и он оставил попытки допытаться до причины ее слез. Она непременно со временем расскажет сама, ведь у них не было тайн меж собой с той самой ночи, когда они открыли свои души для друг друга.

— Береги себя, — попросил Владислав, заправляя за маленькое ушко Ксении прядь светлых волос, выбившихся из узла на затылке. — Береги себя для меня. Я вернусь так скоро, что ты даже не успеешь затосковать.

«Я уже тоскую», — хотелось сказать Ксении, но она промолчала, только кивнула несмело. Он привлек ее к себе и коснулся губами вначале ее лба, а потом щек, следуя правилам приличия, с трудом перебарывая в себе желание поцеловать ее долгим и глубоким поцелуем в эти слегка дрожащие губы.

Снова долгое ожидание, сводившее с ума, тревожившее душу. Снова Ксения долго стояла на крепостной стене, глядя на край земли, надеясь в один из дней заметить на белоснежном просторе, расстилающемся так широко, насколько хватало взгляда, темные точки, готовые со временем превратиться с фигуры всадников. Будет взлетать из-под копыт вверх снежная пыль, будет развеиваться на ветру алый стяг с гербом Заславских и перья на шапках путников и сверкать в солнечных лучах камень аграфа поверх мехового околыша убора Владислава. И тогда она сбежит вниз, рискуя сломать себе шею, по неширокой деревянной лестнице, путаясь в длинном подоле платья. Он въедет с шумом через ворота брамы, гулко простучат копыта валаха по камням двора. Резко осадит Владислав коня и одним прыжком спешится, чтобы успеть поймать ее в свои объятия, уже бросающуюся к нему навстречу с радостной улыбкой на губах, чтобы окружить ее по двору, как кружил

тогда, у Крышеницких.

— Здрава ли моя драга? — тихо спросит Владислав, улыбаясь задорно. — Тосковала ли по мне?

А она только спрячет смущенное лицо в вороте его плаща, скрывая от посторонних наблюдателей, как заливается ярким румянцем, и вовсе не зимний мороз был тому виной, с наслаждением чувствуя его ладонь на своих косах, что выбились из-под шапки.

Это непременно будет. А пока Ксения ждет, с тоской глядя на край земли с крепостной стены, ожидая, когда вдалеке появятся маленькие фигурки. Ждет, как будет ждать его всегда, даже когда Господь разлучит их. Она будет так же всматриваться вдаль тогда и представлять себе, что вот-вот на краю земли покажется алое пятно гербовой хоругви...

Вскоре после отъезда Владислава постепенно опустел Замок, стала разъезжаться шляхта, гостившая на время праздников. Уехал и бискуп, спеша вернуться в свою епархию. Ксения, как и в прошлый раз, вышла проводить его в дорогу, желая тому доброго пути. Она хотела коснуться губами его руки, не той, на которой блестел перстень с ликом Христа, другой. Но епископ вдруг остановил ее, положив ладони ей на плечи.

— Прости меня, дитя мое, — произнес он. — Я не мог бы желать Владиславу лучшей жены по нраву и сердцу, но ты... ты иная, чужачка. И оттого я не могу принять этого брака.

Ксения кивнула, ничуть не удивленная этими честными словами. Ведь сказанное ныне уже давно не было для нее тайной. Она уже знала от Ежи, что бискуп не вмешается в дело о ведовстве, если инквизиция все же предъявит его ей, не поможет ей избежать следственных пыток, а позднее, и огня костра. Знала, но не судила его, понимая его положение.

Епископ коснулся губами ее лба, а потом ласково провел ладонью по неприкрытым волосам.

— Да будет с тобой Господь, дитя, — прошептал он, и Ксения низко опустила в поклоне, придерживая подол юбки, потупила глаза, не в силах смотреть в его темные глаза, так похожие на глаза Владислава. — Прости меня... ах, если б все было иначе!

Да, подумала позднее Ксения, аккуратно сворачивая перепачканную нательную рубаху, чтобы отдать ее прачкам Замка. Если б все было иначе, счастливее ее не было бы на всем свете. Отчего так жестоко карает ее Господь ныне? Ее любовь, ее счастье недолгое обернется для нее мучительной тоской в будущем, от которой будет криком кричать душа. Ведь последняя нить, которая еще удерживала Ксению от окончательного шага, оборвалась ныне с этими каплями крови, испачкавшими тонкое полотно.

Она снова погана. Господь не даровал ей дитя Владислава. Никогда по этой земле не будет ступать ребенок с небесно-голубыми глазами, как у матери, и темными, почти черными волосами, как у отца.

Ксения была даже рада, что ее горькие слезы увидел Владислав, вернувшийся в Замок той же ночью. Он так тихо вошел в ее покои, что она не услышала его. Только когда почувствовала его ладонь на своем плече, обнаружила его присутствие, обернулась к нему от подушки, уткнувшись в которую роняла слезы.

— Что стряслось, моя драга? — обеспокоенно спросил он, и она приникла к нему в тот же миг, прижалась к его груди, крепко обхватывая руками его тело. Владислав обнял ее, спрятал лицо в ее распущенных волосах, наслаждаясь мягкостью этого дивного шелка.

— Я не в тягости. Столько раз... и я пуста! — прошептала она, радуясь, что нет более нужды скрывать от него свою тоску, свои слезы. Пусть он решит, что ее сердце тоскует по нерожденным детям, а плачет она только из-за горького разочарования, что коснулось ее в

очередной раз.

— Не думай о том, — проговорил тихо Владислав. — Господь даст непременно нам детей, да столько, что ты потом сама будешь дивиться. Знать, время еще для того не пришло. Только и всего.

Она кивнула, прижимаясь к нему еще крепче, утыкаясь мокрым от слез лицом в его плечо. От него пахло лошадыми и дорогой, а еще морозным духом, как обычно пахнет от человека ступившего в дом из зимней стужи. Но ей казалось в тот миг, что нет роднее для нее запаха, что нет приятнее тепла, чем тепло его рук, нежность его слов.

— Как твоя поездка? Хорошие вести принесла? — спросила Ксения, стараясь его отвлечь от своих переживаний, и он кивнул:

— Есть и благие вести, и худые. Я долго искал хорошего законника, но все же успешно. Толковый человек мне попался, весьма толковый. И его знания действительно стоят каждой монеты, что я отдал за его услуги. Но и худое настигло меня в Вильно. Отказ папского легата в браке. Но ты не думай о том, моя кохана, мы снова пошлем текуна, на этот раз, напрямую, в Рим, к самому папе. В его руки судьбу ныне отдам свою. Я не буду Заславского герба, коли не добьюсь дозволения!

Ксения подняла голову, обхватила его лицо своими маленькими ладошками, заглянула в его глаза. Владислав замер, пораженный той решимости, что прочитал в ее очах. А еще какую-то странную обреченность. Будто она ступила на дорогу, у которой не было обратного пути.

— Нет тебе нужды слать текуна в земли дальние, лада моя, — прошептала Ксения запальчиво. — Я долго думала о том. И приняла решение давеча. Не сохранить мне веры своей в землях чужих, не сдержат канонів греческих при господстве церкви латинянской. Пусть нарекут меня братья мои изменницей, пусть проклянет род. Так уж видно суждено мне. Ибо под римский закон перейду, так решила. Тогда и нужды нет просить о благоволении папу. Ведь в одной вере будем, Владусь.

Она увидела, как забежал по ее лицу внимательный взор Владислава, будто тот никак не мог решить, правду ли она говорит ему ныне или лукавит, а потом вспыхнули его глаза такой радостью, что давно не видела в них Ксения, прижал к себе ее да так крепко, что сдавило дыхание в груди. Тот радостный блеск его глаз опалил словно огнем, причинил боль такую острую, что даже слезы на глазах снова выступили. Благо, он не видел их, обнимая ее, глядя нежно ладонью по шелку ее волос.

— Deus mio, Ксеня, неужто? — шептал он, все еще с трудом веря, что одна из преград к их браку ныне пала. — Неужто? О, моя драга, даже передать не могу, что сотворили слова твои со мной! Такая благодать... Милая моя, кохана моя... Моя чаровница, такую радость подарила мне ныне! Слов нет сказать...

— Владусь, у меня просьба к тебе есть, — проговорила Ксения, стараясь не слушать его голос, его слова, боясь, что решимость тут же покинет ее, как делала это порой, когда Владислав был вот так близко к ней, когда смотрел на нее с такой нежностью в глазах, что перехватывало дух. — Я хочу в Слуцк поехать на моление, перед тем как в костел ступлю. На время поста веры моей. Я слыхала, там нет запрета на закон греческий, открыто люди в церкви ходят. Отринуть веру, Владусь, — грех большой, и я бы хотела... хотела... — ее голос отказывался повиноваться, но она все же сумела взять себя в руки, чтобы во Владиславе не зародилась даже тень подозрения ныне. — Мне надобно то, понимаешь? А уж после... как вернусь, приму крещение латинянское, перейду в римский закон.

Она была готова убеждать его долго, придумала столько доводов для того за время его отсутствия, но Владислав согласился тут же, не спрашивая ни о чем, принимая ее решение. Оттого, с какой легкостью он позволил ей это, с каким нетерпением отныне сам торопил дни до поста схизмы, хотя это и означало разлуку для них, у Ксении сжималось сердце.

— Почему? — спросила Ксения его однажды. — Почему ты так легко отпускаешь меня?

— Чтобы никогда не отпустить тебя после, — последовал ответ. — Никогда!

Владислав так же ничего не сказал Ксении, когда та стала настаивать на том, чтобы взять с собой только одну служанку, ехать без паненок, только под охраной гайдуков.

— Я еду на моление, а не на прогулку. К чему мне там девицы? Тем паче, латинянки, — убеждала она Владислава, и он верил ей, велел собираться в дорогу только ратникам да молоденькой рыжей служанке, что прислуживала Ксении в Замке. Это вызывало бурю слез у паненок, расстроенных подобным решением панны.

— Я понимаю, отчего панна не берет в дорогу Марию. Та разродится скоро, — сказала тогда Малгожата, покусывая бледные губы. — Но отчего панна так жестока ко мне? Я думала, панна расположена ко мне... выделяет среди остальных девиц. Почему лишила меня этой радости разделить с ней путь? Почему гонит от себя ныне?

— Я не могу взять в православный монастырь латинянку, милая, — пыталась утешить ее, как могла, Ксения, ясно видя, как та огорчена. — Никак не должно там быть тебе. Только оттого отказываю тебе в этом путешествии, только оттого.

Как же множились ее грехи день ото дня! Ксения уже сама и торопила дни, чтобы как можно меньше лжи сорвалось с ее губ, но в то же время умоляла их растянуться от рассвета до заката, насколько можно то было длиннее. Чтобы провести эти дни с Владиславом, по моменту собирая от каждого в свою память, надежно пряча их в свою душу, чтобы когда-нибудь воскресить мысленно, вернуться в них, горькие от страданий и сладкие от поцелуев Владислава, от его нежности, от его любви.

Ксения попросила его не навещать ее ночами, избегая греха блуда, как обещала на исповеди несколько недель назад, но ее тело отчаянно протестовало против этого решения, особенно притом, насколько горячи стали его поцелуи со временем. Становилось все труднее прощаться с ним, удаляясь к себе в покои на ночной сон, труднее стало останавливать его ласки, становившиеся откровеннее с каждой минутой, что они проводили вместе. Тело буквально огнем горело, и только его руки и губы могли погасить это пламя в ее крови.

Быть может, потому и случилось то, что должно было произойти. Был последний вечер, который Ксении суждено было провести в Замке. Следующим утром она займет место в санях, гикнет лошадям возница, взмахнет кнутом, подгоняя тех, и уедет она прочь со двора в сопровождении небольшого отряда гайдуков, во главе которого будет скакать Ежи.

Ныне же Ксения в том самом платье, что надевала на Рождество, стояла в зале, наблюдая за танцующими парами, в кружке своих паненок, притоптывая ножкой в такт музыке, льющейся с галереи. Владислав был не подле нее — сидел в кресле на возвышении, о чем-то разговаривал с одним из шляхтичей, изредка подмигивая ей, желая вызвать улыбку, ставшую такой редкой гостьей ныне на ее лице. И вдруг, поймав очередной его взгляд, Ксения, повинувшись какому-то странному порыву в душе, зашагала в сторону места ордината, поднялась по ступеням и присела перед ним, придерживая юбки.

— Позвольте мне, пан, украсть у вас пана ордината, — с удивлением услышала Ксения собственный голос. И Владислав, и пожилой шляхтич с удивлением в глазах обернулись на

нее. — Прошу простить меня, пан.

Владислав извинился перед своим собеседником, поднялся и предложил руку Ксении, спустился с ней в зал.

— Куда мы идем? — прошептал он. Мазур уже подошел к концу, пары замерли на миг, прислушиваясь, какой танец начнут следующим, какую музыку заиграют музыканты, стоявшие в галерее. Ударил в натянутую кожу барабана музыкант, запела скрипка задорно, призывая танцоров убыстрить темп, припуститься в веселый танец, зазвенели струны генслия.

— Потанцуй со мной, — улыбнулась ему Ксения. — Я хочу танцевать, как тогда, на дворе твоих родичей. Как тогда...

И он не стал противиться ей, обхватил одной рукой ее тонкий стан, а другой завладел ее ладонью, повел ее по зале, наблюдая, как оживают ее глаза, как блестят они в свете свечей.

— А как же «бесовские пляски»? — не мог не напомнить ей ее собственные слова Владислав. Она не танцевала уже давно, словно снова став той прежней Ксенией, которую он привез в Заславский замок. Той, что так яростно отвергала обычаи и ход жизни, привычной в этих землях. Ксения же в ответ только палец к губам приложила, показывая, что не желает говорить ныне, когда ей так хорошо, когда вдруг веселье наполнило душу.

Весело пела скрипка. Подгонял танцоров ритм, задаваемый музыкантами, все убыстряясь и убыстряясь с каждым мигом, словно проверяя, собьется ли кто из танцующих, остановится ли, переводя дух, уступая победу музыке.

Словно подчиняясь этой пляске, кровь Ксении заструилась по жилам быстрее и быстрее, на щеках загорелся яркий румянец, а губы раздвинулись в радостную улыбку. Ноги резво шли в танце, притоптывали на месте вместе с десятками других ног. Смех, стук каблуков, быстрый бег смычка по струнам скрипели. Все быстрее и быстрее вел ее Владислав, все выше и выше поднимал вверх, когда то требовалось танцем.

Ксения перестала видеть вдруг остальных. И стены залы, и танцоры, что кружили своих партнерш по танцу, поднимая их так высоко, что захватывало дух у тех, кто наблюдал за ними со стороны, у нее слились в одно яркое пятно ныне. Только лицо Владислава, его улыбку и глаза она видела сейчас перед собой, только их.

Потом она будет думать о том, как недопустимо для той, что собралась на моление в монастырь так лихо отдаваться соблазнам мирским, поддаваясь бесовским соблазнам. Ныне же Ксения чувствует силу его пальцев, когда Владислав кружит ее в воздухе, отрывая от пола, видит его глаза, горящие огнем желания.

А потом, когда пары снова пошли по зале, быстро кружась, Владислав вдруг приподнял ее над полом и вынес из освещенной залы в темный коридор, прижал спиной к холодной стене, впился губами в ее рот.

— Что ты делаешь? Все увидят... — говорила она, не отворачивая, впрочем, своего лица от его губ, позволяя огню, который горел в его глазах, взять и ее в плен, подчиняясь его напору.

— Все танцем заняты, — отрезал громким шепотом Владислав, а потом перехватил ее поудобнее, понес по скудно освещенному коридору, то и дело принося к ее губам. Она сама тянулась к нему всякий раз, когда его голова склонялась к ее лицу, между поцелуями пряча лицо в бархате его жупана. Ее голова наконец-то освободилась от всех тягостных дум, и так легко дышалось ныне, когда она ощущала силу его рук, слышала его шумное дыхание у себя над ухом.

Ксения опомнилась только, когда Владислав опустил ее на постель, прижал к перине своим крепким телом, пытаясь снова завладеть ее губами. Хотела оттолкнуть его, но руки вдруг взметнулись вверх не для того, чтобы упереться в его плечи, а только затем, чтобы вцепиться в ткань его жупана, стягивая тот с широких плеч. Она даже застонала протестующе, когда Владислав отстранился на миг, скидывая сапоги на пол, обхватила его руками, потянула обратно к себе в постель.

Бешеная пляска крови в венах Ксении кружила ей голову, заставляла делать то, о чем она ранее никогда бы не подумала даже. Целовать его так, как он ранее целовал ее — шею, плечи, грудь, смело и открыто. Касаться его так, как ранее касался ее он, упиваясь каждым вдохом наслаждения, что срывался его губ. Именно Ксения была ведущей ныне в том танце, что продолжили они под бархатным балдахинном кровати в свете огня камина. Именно она задавала ритм, чувствуя, как пьянит ее еще больше вид его затуманенных глаз, ее власть над ним ныне.

Он запомнит эту ночь, как и она. Ведь эта ночь была особенная. Ночь, когда Ксения целиком и полностью принадлежала ему, позабыв о запретах, что твердили ей с малолетства, впервые отдавшись свои желаниям до самого конца.

— Ты диво дивное, — шептал Ксении потом Владислав, глядя ее волосы. — Мое диво... моя чаровница...

— Говори, говори! — умоляла его она тихо, лежа у него на груди и вслушиваясь в стук его сердца, что постепенно успокаивалось, вымеряло ритм. И он говорил ей о том, как любит ее. Вспомнил, как увидел тогда на улочке московской в окружении многочисленных нянек, как обожгло его тогда при взгляде на нее. «Думал, как раньше, погорит огонь в сердце и перестанет. Да нет же, не ушло, по-прежнему только для тебя сердце стучит мое!», прошептал Владислав.

Рассказал ей, как возил с собой полоску голубого шелка, сам не зная зачем, бережно храня ее. Поведал и о том, как был потрясен, увидев лицо Ксении в темноте возка тогда, почти два года назад, когда взял в полон при переправе. О своих муках последующих и о том, как смирился в итоге перед судьбой, когда понял, что не может расстаться с ней, что для него это как руку себе отнять.

Только когда Владислав умолк, а его размеренное дыхание подсказало Ксении, что его сморил глубокий сон, она позволила себе то, что так отчаянно хотелось сделать на протяжении его речей. Позволила слезам, нахлынувших при первых же его словах, сорваться с длинных ресниц, скользнуть по щекам и упасть на полотно простыней, на обнаженную кожу, обжигая тем горем, что несли они с собой.

Ксения сидела подле него, так безмятежно спящего, прижавшего к груди одну из подушек вместо нее, ускользнувшей из-под его руки, и вглядывалась в каждую черточку его лица, в каждую линию мышц, запоминая. Она боялась даже глаз сомкнуть, чтобы не провалиться в сон, чтобы не потерять ни единого мига из этой ночи. До боли в пальцах хотелось разбудить его, снова покрыть его лицо поцелуями, умоляя не позволить ей то, что она задумала, остановить ее. Но Ксения молчала, вцепившись в простыни, молчала и вглядывалась иногда в темноту за окном, умоляя ночь никогда не уступать место дневному свету.

Какой же короткой была все-таки та ночь, думала уже потом в пути, сидя в санях, Ксения. Даже короче, чем в летнюю пору, в день солнцестояния.

Еще до рассвета тихо стукнула дверь в передней комнатке, говоря о том, что пришли

прибирать ее к предстоящей поездке, и она поспешила выйти из спальни, не желая, чтобы разбудили Владислава. Уже после, одетая в шерстяное платье цвета вина, с короной из кос на голове, шагнула она сюда, с тоской оглядывала каждую деталь этой спальни, где было столько счастливых моментов. Ей нельзя было взять с собой киот, его она оставляла здесь, в Замке, чтобы не вызвать подозрений у Владислава, как покидала многое, что ей было дорого.

Только маленький образ Богоматери, что сложила в суму служанка давеча. И то самое платье, богато расшитое маленькими жемчужинами, что Ксения попросила ее поднять с пола, куда его небрежно бросила давеча ночью рука Владислава. Его Ксения тоже желала забрать с собой, стараясь не думать, насколько странно звучит ее просьба, учитывая то, куда она едет вскоре.

Владислав по-прежнему спал, перевернувшись уже на живот, уткнувшись лицом в подушку, обнимая ее руками. Ксения присела на постель подле него, провела легко пальцами по его спине, а потом вдруг прижалась со всего маху к нему, борясь изо всех сил с истерикой, что рвалась изнутри.

— Уже? Почему не разбудили? — недовольно пробурчал Владислав, приподнимаясь, но Ксения не дала ему перевернуться, не желая, чтобы он видел ее лицо в этот миг.

— Лежи... Я приказала не будить, меня и казни, — призналась она. Запах его кожи сводил с ума, заставлял сердце вступить в очередной бой с разумом, убеждая отказаться от подлого замысла. — Я желала проститься тут, без лишних глаз.

— Мне не нравится это слово — проститься, — глухо произнес он. — Я не хочу прощаться.

— Я тоже не хочу, — прошептала Ксения, в этот раз не сумев сдержать слез, и он резко перевернулся, когда первая капля упала на его кожу, привлек ее к себе, успокаивая.

— Ну, тише! Тише! Будто это не несколько тызденей, а целая вечность на то! Не рви мне душу, Ксения, не надо. А то я даже подумываю о том, чтоб послать всех войтов к черту, которых принять должен вскоре в Замке, да поехать с тобой в Слуцк.

Это предложение вызвало в Ксении такую волну ужаса, что она едва смогла заставить себя покачать головой, отказывая ему. Вмиг задрожала всем телом, будто в ознобе.

— Я еду на моление. С тобой не смогу... не смогу. Прости...

Надо было уходить, не прощаясь, когда он еще спал, подумала Ксения, оглянувшись в дверях на сидевшего в постели Владислава. Он хмурился, глядя ей вслед, на щеке залегли полосы от смятой подушки. Отчего-то именно вид этих полосок вдруг заставил ее сердце так больно сжаться, что даже дыхание перехватило.

— Я люблю тебя всем сердцем и душой, — прошептала она так тихо, что он разобрал эти слова только спустя миг, когда она уже выскользнула из спальни. Владислав недолго сидел в постели, слушая звуки сборов в дальнюю дорогу, что предстояла Ксении, доносящиеся со двора, перекатился с постели, принялся быстро натягивать на себя одежду, прошлой ночью раскиданную по всей спальне. Он не мог справиться со злостью на слуг, на Ксению, что она не позволила ему проводить ее хотя бы до границы ординации, хотя бы до границы Заслава. Будто бежала от него, усмехнулся он, не с первого раза, попадая в рукава рубахи.

Возница, сидящий в санях панны, засвистел, когда Владислав уже застегивал на ходу пояс, выбегая из покоев Ксении. Он ускорил шаг, надеясь успеть выйти во двор до того, как отряд покинет Замок, но уже спеша по галерее к лестнице на первый этаж, увидел через окно, что опоздал. Тогда он ухватился за створку, распахнул его с силой. Морозный воздух

обжег лицо, проник в самое нутро, когда он громко крикнул: «Ксения!»

Она услышала их, обернулась резко, стала искать его глазами. Только когда сани уже уезжали под браму, она заметила его в окне, приподнялась, едва удержавшись на месте. Владислав заметил, как шевельнулись ее губы, но разобрать, что она проговорила, не сумел — сани скрылись в проеме ворот из вида.

— Ксения, — отчего-то снова прошептал Владислав. Что-то не давало покоя, тревожило его душу, но что именно, он так и не мог понять. Быть может, тот факт, что он отпускает ее одну в такую дальнюю дорогу да еще так надолго. Но Ксению должны были принять хорошо в Слуцке, недаром он отправил грамоты пану Радзивиллу, жене которого принадлежал город. Да и в дороге ничего худого стрястись никак не должно — далеко от беспокойных мест, гайдуки хорошо вооружены, превосходные воины, многие ходили в его хоругви.

И с ней будет его верный Ежи.

Владислав поймал на себе взгляд усатого шляхтича, что уже занял место в седле, и был готов выезжать вслед за отрядом. Тот смотрел на него снизу вверх из-под мехового околыша шапки, будто исподлобья глядел, и Владислав махнул ему рукой на прощание, полагая, что именно этого прощального жеста ждет Ежи, так пристально глядевший на него со двора. Тот коротко кивнул и тронул поводья, заставляя лошадь двинуться к воротам брамы.

«Я люблю тебя всем сердцем и душой», вспомнил Владислав тихий шепот Ксении, а потом улыбнулся и плотно притворил створки окна, перенесшись мысленно на пару-тройку месяцев вперед, в весеннюю пору.

Свершилось! Тотчас же после Пасхи он наденет кольцо на палец Ксении, стоя на ступенях костела, а скрепит их союз дядя Сикстуш, как обещал когда-то осенью. Она станет его женой этой весной. Она станет его...

— Моя кохана...

1. Январь

— ... в остатке меньше два десятка бочек, пан. Я лично с Згиней считал, и пан Матияш считал, да все не сходится, — бубнил, сминая шапку с околышем из меха зайца, высокий мужчина средних лет, ходивший войтом в одном из местечек, принадлежавших Заславским.

Под его властью и ответственностью была одна из многочисленных винокурень ординации, и в данный момент войт вел свой рассказ именно о ней. А точнее, о пропаже пары бочек ставленого меда и четырех небольших бочонков пива. Разумеется, погреб при винокурне был под замком, а войт вел тщательный подсчет вверенного ему жидкого богатства ординации, столь популярного в местных корчмах. Да вот, по всему выходило, что он не доглядел где-то, и произошла подобная неприятность — кража вверенного ему имущества ордината.

Войт сбивался в своих речах, то краснея, то бледнея под пристальным взглядом пана Владислава, который сидел прямо напротив него, в кресле ордината с высокой спинкой и, подперев подбородок ладонью, задумчиво смотрел на него. От этого взгляда войту становилось не по себе, тонкая струйка пота стекала под рубахой вниз по спине, а горло сдавливало от страха. Он хотел бы отвести взгляд на пана Матияша, что сидел в кресле справа чуть поодаль от войта, и тоже внимательно слушал его рассказ, или на пана секретаря, который тщательно записывал в местечковую книгу расходов и доходов его слова о таком досадном происшествии. По их лицам можно было, по крайней мере, понять, какая участь может ожидать войта за этот промах. Но войт не мог отвести взгляд от этих внимательных темных глаз, что глядели на него с таким выражением, что его сердце уже давно укатилось куда-то в пятки, не иначе.

Войт даже подумать не мог, что Владислав уже давно не слушал его сбивчивых речей, вернувшись мысленно на несколько дней назад, в тот морозный день, когда Ксения уезжала из Замка. Чувство, поселившееся в его душе тогда, не ушло, а наоборот — разрасталось, множилось с каждым днем, вытесняя любые доводы, которые приводил разум в пользу того, что нет причин для тревог.

Ксения уехала в Слуцк на моление на время Великого поста схизмы. Словно прощаясь со своей верой, в которой она была возвращена в землях Московии, она пробудет в этом граде, центре православия в Речи Посполитой, около месяца, а затем возвратится в Замок, чтобы после Пасхи принять крещение в католическую веру. После чего они обвенчаются по римскому закону, ведь его церковь уже не будет так яростно протестовать против этого брака.

Владислав вспоминал, как Ксения примеряла рубиновый венец, и как блестел тот алыми каплями в ее золотых волосах каждый раз, как та поворачивалась то одним боком к огню камина, то другим.

— Мне думается, на эти камни лучше на темных локонах глядеть, как и на мех горностая. Золото венца теряется в моих локонах, — задумчиво произнесла она, рассматривая свое отражение в маленьком зеркале на длинной ручке, и он поспешил ее переубедить:

— Камни эти так прекрасны именно оттого, что на твоих локонах, моя драга, — он провел ладонью по ее распущенным прядям, пропуская их между пальцами. Владислав особенно любил эту прическу, когда только боковые пряди волос Ксении были убраны в

сетку на затылке, а остальные свободно падали на спину. Он никогда не уставал любоваться ее волосами цвета спелых колосьев пшеницы, всякий раз ощущая неудержимое желание коснуться их. Быть может, это оттого, что когда-то это было для него таким запретным.

— Еще никто в этих землях не видел невесты краше, чем ты, — шептал ей тогда Владислав в ухо, опалая своим горячим дыханием, чувствуя, как от цветочного аромата волос у него кругом идет голова, а откуда-то из глубины поднимается волна плотского желания. — Люди будут передавать из уст в уста слова о твоей неземной красоте после нашей свадьбы, все будет именно так. Я буду ждать тебя на ступенях костела, ожидая, когда появится на площади белая кобыла, на которой привезут пану Заславскому его невесту. На тебе будет платье под стать этим украшениям — алое, с золотом... и у меня непременно перехватит дух от твоей красоты, моя драга, от твоей стати...

Она повернула голову и взглянула ему в глаза, свет свечей отразился в «осколках летнего неба», как поэтично называл как-то очи Ксении пан Тадеуш, этот известный угодник паненок.

— А у тебя на плечах будет та шкура диковинного зверя, — прошептала она. — Как дань тому дню, когда мое сердце стало биться только для тебя. Когда я впервые увидела тебя...

Владислав снова заметил эту странную тень, которая набежала на ее лицо при этих словах, но решил тогда, что она появилась в ее глазах из-за тех воспоминаний, темных и страшных, что им пришлось собрать в Московии, прежде чем покинуть русские земли. Но сейчас эти маленькие штрихи — ее дрожащие пальцы, которыми она тогда провела по его лицу, ее подозрительно блестящие глаза в свете огоньков свечей — не давали ему покоя. Какое-то смутное чувство терзало каждый Божий день, что он что-то пропустил, подготавливая основу для их брака с законником из Вильно, выверяя все бумаги. Или это было предчувствие, что непременно произойдет нечто, что снова встанет меж ними, мешает им соединить свои руки?

— Пан ординат? — вторгся в мысли Владислава слегка дрожащий голос войта, такого бледного, что казалось, еще миг и тот хлопнется без чувств на пол залы. Владислав резко выпрямился, и тот невольно шагнул назад, роняя шапку из рук. Но шляхтичу ныне было не до него. Он поднялся на ноги и под удивленными взглядами пана Матияша и секретаря направился к выходу из залы.

— Без меня, пан Матияш, будь добр! — бросил он на ходу изумленному каштеляну, и тот растерянно кивнул, принимая на себя обязанность вынести решение по этому делу.

Владислав же направился в ту самую галерею, откуда наблюдал тогда отъезд Ксении, снова распахнул окно, вызывая у хлопков, что расчищали снег во дворе удивленные взгляды. Они побросали лопаты в тот же миг, стянули шапки с голов и низко поклонились пану, и тот поспешил подать знак, чтобы возвращались к своей работе.

Что сказала она тогда, когда поднялась в санях? Что за слова? Он нахмурился, прижался лбом к холодной створке, надеясь остудить свою горячую голову. Отчего его так тревожит это? Отчего не дает покоя? Разве не должен он быть доволен и покоен, оттого что его будущее наконец-то вершилось так, как он желал?

— Расскажи мне об именах, — попросила Ксения как-то, когда он, видя, насколько расстроена Малгожата предстоящим отъездом панны и тем, что для нее места в санях панны нет, спросил, почему бы ей все же взять ту с собой. Ждала бы ее Малгожата в покоях, пока Ксения поклоны кладет в своей церкви или за оградой храма. Зато он был бы покоен, что не

одна она, с паненкой своей.

— Каких именах? — нахмурился тогда Владислав, явно сбитый с толку такой резкой переменной темой беседы.

— Какими именами в твоём роду детей принято нарекать? — пояснила Ксения, улыбаясь ласково, глядя его по щеке, слегка колючей от двухдневной щетины. — Например, в моём роду детей нарекают по святцам. Реже — в честь родичей или благодетелей рода, членов царской семьи. А в твоём? Мне же надо знать, как детей наших будут звать.

«Наших детей!» Два простых слова, но от них почему-то у Владислава слегка закружилась голова. Он вспомнил Марию, живот которой уже стал большим и широким, и явно выдавался вперед, показывая окружающим, что вскоре в семье ловчего будет продолжение рода. Представил Ксению с такой округлостью живота, увидел мысленно, как хороша она будет, вынашивая его дитя.

— Я бы нарек сына Анджеем, — прошептал он хрипло. — Так звали деда моего по матери. Та всегда говорила, что второго сына непременно наречет в честь отца своего. Ведь это имя и в святцах ваших есть.

— Андрей, — кивнула Ксения. — В Московии был бы Андреем. А дочь?

— Подумаем о том после того, как сын на свет появится, — улыбнулся Владислав. — Первым будет сын, я знаю то. Я точно знаю!

И Ксения не стала спорить, не стала напоминать ему тогда, что они когда-то точно так же думали о сыне, а могла бы быть дочь...

Быть может, от того, что Владислав весь остаток вечера вспоминал о том ребенке, которому так и не суждено было появиться на свет, забыв про свои сомнения и предчувствия, к нему в ту ночь пришел этот странный сон, когда он ушел спустя время из темноты галереи в свою спальню.

Темнота. Темнота кругом. Ни зги не видно, даже перед собственным носом, а ведь он так близко поднес свои пальцы, что уже ощущает мягкость ресниц. В душу снова стал заползать тот липкий противный страх перед той неизвестностью, что таит эта тьма. Этот мелкий страх, недостойный мужчины, помнится, терзал его несколько недель после вызволения из плена Северского, и он долго боялся тогда сомкнуть глаза, боясь снова увидеть только мрак, когда откроет их в следующий раз. И бессилие... собственная слабость, когда он не сумел выполнить свое обещание. Когда оставил Ксению там, в землях Северского, чтобы потерять на долгие месяцы.

Владислав попытался пошевелить рукой, но с ужасом понял, что не может этого сделать сейчас, что ни руки, ни ноги не слушаются его. Как тогда. В том самом колодце.

Он старался дышать размеренно, успокаивая бешено бьющееся сердце, подавляя в себе панику, разрастающуюся в груди. Это сон, убеждал он себя. Я сплю и вижу сон. Это просто сон.

А потом откуда-то донеслись голоса. Он плохо разбирал слова, но зато различал голоса. Ежи, Стась и... Янек долговязый, которого зарубят в битве под Царевым Займищем, где они так славно разгромили русских, обратили тех в бегство, как зайцев. От мимолетного ужаса Владислав даже перестал прислушиваться к их словам, что долетали до него откуда-то издалека. Это сон. Я не могу быть в вотчине Северского. Это сон, твердил он снова и снова.

А потом его носа коснулся легкий цветочный аромат, какой он узнал бы из сотен других. Так пахли волосы Ксении. Цветами. Летом. Пригожим солнечным днем.

— Ксения... — прошептал Владислав, раздвигая губы в улыбке. — Ксения...

Она что-то шептала ему, но он не слышал ее отчего, словно вместе со зрением потерял и способность отчетливо слышать. Только улыбался немного глупо и гладил ее волосы, чувствуя в душе какую-то странную умиротворенность, счастье, разливающееся в груди приятным теплом. А потом все это исчезло, едва он услышал тихий шепот прямо над ухом.

— Я люблю тебя, — прошептала невидимая ему Ксения. И добавила после. — Всем сердцем и душой.

Владислав проснулся так резко, словно кто-то толкнул его в бок, заставляя пробудиться от этого кошмара, в котором он заново пережил ту страшную для него ночь. Сердце колотилось так, словно он без передышки бежал не одну версту. Кожа была противно липкой от пота. Теперь, когда слова, прозвучавшие из того далекого прошлого, дали ему подсказку, отчего так беспокойно на душе, он мог бы забыть о своей тревоге, но она росла с каждым мигом, буквально стучала в висках.

Владислав скатился с кровати и, накинув жупан, что висел на спинке кресла у камина, прямо на голые плечи, зашагал в покои Ксении. Там было холодно, пусто и темно. Только лампадка горела у образов в киоте, тускло освещая божественные лики. Он прошелся по спальне из одного угла в угол, убеждая себя, что сердце колотится так в груди только от тех слов, столь схожих со словами, произнесенными перед тем, как он потерял ее. Потом глубоко вдохнул, обернулся к двери, в которой несколько дней назад она помедлила, оглянувшись на него перед тем, как проговорить их. Попытался позднее воскресить ее облик, когда сани уезжали со двора Замка.

Бледное лицо на фоне алого бархата плаща, почти одним цветом с пышным мехом горностая на околыше ее шапки. Длинные золотые косы спускаются на грудь. Губы медленно раздвигаются, выпуская на волю всего несколько слов...

А потом Владислав сорвался с места, побежал в свои покои, растолкал слугу, спавшего на сундуке в передней.

— Борздо! Поднимай мою хоругвь! В седло всех! Борздо! — прокричал он тому прямо в лицо, перепугав беднягу таким неожиданным подъемом до полусмерти. Тот скатился с сундука и бросился прочь из покоев, спеша передать приказ пана далее по назначению, а Владислав принялся одеваться, от волнения не сразу попадая в рукава, не с первого раза застегивая пояс.

Как бы он ни спешил, но выехали всадники лишь спустя время, сразу подгоняя своих лошадей взять быстрый галоп, насколько это было возможно на снежной дороге, разъезженной полозьями саней. Взметались вверх хлопья снега, с шумом вырывалось горячее дыхание из лошадиных глоток, превращаясь на морозе в клубы пара, периодически раздавался окрик пана, скакавшего во главе отряда и предупреждающего о перемене дороги, по которой можно было сократить путь, или о препятствии на ней.

Хлопы, что встречали этот мчащийся отряд на дороге, испуганно прыгали подальше в снег, вводили дровни с дороги в сторону, опасаясь быть сметенными этими всадниками, ведь ясно было видно, что те не придержат коней, не желая сбавлять скорости. Рындари в корчмах или шляхтичи, на дворах которых Владислав менял коней, покорно открывали конюшни, даже ни слова возражения не говоря, не задавая лишних вопросов. Ведь они видели по лицу пана ордината, что тот явно чем-то обеспокоен и сорвет свое дурное настроение на любом, кто скажет ему что-то поперек. Молчали и сами пахолики из его хоругви, стараясь держать тот темп, который задавал глава их отряда, даже перекусывая на ходу, насколько это было возможно.

И везде, во всех корчмах, стоявших на дороге в Слуцк, Владислав велел спрашивать о саях, в которых ехала золотоволосая панна, в сопровождении десятка гайдуков и пожилого шляхтича. Его расчет оказался верен — то расстояние, которое покрыли те, которых он преследовал, за несколько дней, его отряд преодолел в три раза быстрее, и уже к концу второго дня ему сообщили, что панна действительно проезжала тут ныне днем. А также добавили, что, судя по разговорам гайдуков, путники собирались встать на ночь в корчме старого жида Адама Пшеховского, что стоит прямо у леса за дымом пана Люцко.

Значит, к ночи он точно их нагонит, с удовлетворением подумал Владислав, отпивая ледяного от мороза меда из фляги, обжигаящего своей крепостью его горло. Значит, к ночи он точно будет знать, отчего Ксения, уезжая из Замка, прошептала ему: «Прости меня!»

Хотя быть может, это показалось ему, думал Владислав, гоня коня, взятого в конюшне корчмы, вперед по снежной дороге. Все время пути он вспоминал, есть ли в Слуцке монастырь, что берет женщин в свои стены на служение Господу в вере схизмы. Только потом сумел воскресить в памяти, как несколько лет назад именно в Слуцк ездила его мать, именно о том монастыре Олельковичей {1} так долго и восторженно рассказывала ему сестра, восхищенная богатым убранством церкви на монастырском дворе. Выходит, есть там монастырь, который укроет за своими стенами кающуюся грешницу, спрячет ее от Владислава. А пойти силой на него, значит, навлечь на себя гнев могущественного Радзивилла, что непременно заступится за детище своей жены, ведь именно панна София оберегала схизму в Слуцке.

Душу тут же захлестнула волна ярости на Ксению. Как продуманно! Святый Боже, как все продуманно! Затуманила ему голову словами об их будущих днях, заворожила своими речами сладостными. И этот отказ от ночей с ним! Знала же, что взволнует его этим, что думать он ни о чем не сможет толком, когда перед глазами так и стоит она, такая желанная, да нельзя коснуться.

Кто придумал то? Кто подсказал ей про монастырь этот на земле Радзивиллов? Владислав все сильнее сжимал поводья, представляя, что сделает с тем человеком, что посмел против него идти. Кто? Ежи? Но нет, он даже думать не хочет, что Ежи мог пойти против него. И быть того не может! Он, верно, не знает о задумке Ксении, ведь только в последние дни Владислав решил, что Ксению именно усатый шляхтич сопровождать будет. Она-то думала, что только слуги поедут с ней.

Ах, поскорей бы настичь эту златокудрую обманщицу, что так сладко лгала ему, глядя в его глаза своими невинными голубыми очами! «Осколки летнего неба», как же! Владислав едва сдерживал в себе очередной приступ досады на собственную доверчивость и злости на Ксению. Снова она пошла на обман, не считаясь с его мнением, снова решила за него, какое будущее должно быть у них обоих. Больше не будет того! Никогда! Теперь он понимал москвитов, что запирали своих женщин в теремах от света. Самое место ей под замком, думал Владислав, свирепо сжимая челюсти. Самое место там!

Он притащит ее силой в Замок, запрет в покоях, запретит покидать стены ее временной тюрьмы до тех пор, пока их не обвинят по римскому закону. Раз сказала, что готова веру его принять, пусть и идет до конца в своих обещаниях сладких. Довольно с него потакать ей во всем! Он приведет в Замок священника схизмы, пусть с ним молится во время поста, как желала то, по ее словам, в Слуцке. Чем этот поп будет отличен от того, что в землях слуцких служит? Те же патеры, той же церкви служит. Вот с ним пусть и молится, но подле Владислава, в его землях.

Сначала Владислав не понял, отчего край земли вдруг неожиданно посветлел на их пути, погруженный в свои думы. Придержал коня на миг, разглядывая зарево вдали, словно там, впереди, уже занимался день. Но того быть точно не могло — уж точно не всю ночь скакал их отряд, освещая дорогу факелами, опасаясь сбиться с пути. А потом тревожно кольнуло сердце ледяной иглой, когда кто-то из пахоликов позади Владислава воскликнул:

— Огонь! Горит где-то, пан!

Владислав гикнул громко, послал коня вперед, постепенно заставив того перейти с рыси на галоп. Сердце забилося в груди, словно птица в силке, стуча так громко, что Владислав слышал его биение даже через шум скачки.

Пахолик не ошибся. Когда их отряд подскакал ближе, и уже стали отчетливо видны темные очертания домов дыма на фоне яркого огненного зарева вдали, где, как с ужасом вдруг понял Владислав, должна стоять корчма старого жида Адама. Он издалека увидел, как с грохотом обвалились балки крыши, поднимая в ночную тьму ворох ослепительных искр, хороня под собой остатки того, что еще недавно было большой гридницей корчмы. Жуткое зрелище! Но сердце его прекратило вдруг свое биение не от него вовсе. Он подстегнул коня, даже не видя впереди хлопов, прибежавших на пожар и теперь разбегающихся во все стороны, чтобы не попасть под копыта коней отряда, выехавшего неожиданно к пожарищу из темноты, словно всадники Апокалипсиса.

Все внимание Владислава было приковано к открытому участку перед воротами того, что недавно было корчмой, где стояли оцепенело люди, замершие от ужаса, наблюдающие молча, как огонь пожирает свою добычу, яростно выпуская в темноту ночи яркие искры, шумный треск, от которого стыла в жилах кровь. На утоптанном снегу лежали вповалку раненные огнем, кто-то громко стонал, кто-то ругался. Тихо выла женщина, стоя на коленях перед чем-то темным на снегу, причитала тонким голосом, запуская руки в растрепанные волосы. Рядом с этой женщиной стоял мужчина с гладко выбритой головой, кожа которой так ярко блестела в свете пожарища. Его плечи были опущены так низко, что казалось, вся тяжесть мирская опустилась на них в эту ночь.

Мужчина поднял руку с зажатой в ней шапкой, вытер лицо меховым околышем, а потом обернулся на звук копыт приближающихся лошадей. Сердце Владислава очнулось и вдруг ударилось с силой о ребра, когда в запачканном гарью и копотью лице он узнал Ежи. А потом он перевел взгляд на женщину, что причитала на снегу над кем-то, с ужасом отметил, что в ее волосах блестят в свете огня рыжие пряди.

Только мерный стук сердца, колотящегося о ребра. Вот и все, что чувствовал ныне Владислав. Ни жара, бьющего волнами, от пожарища не ощущал, ни криков его пахоликов и Ежи, метнувшегося к нему, попытавшегося ухватить его за рукав (и когда он только успел спешиться?), не слышал. Ничего более. Только стук сердца, так громко отдающийся в ушах.

Он видел, как Ежи открывает рот и что-то говорит, но не слышал его, потому оттолкнул его со своего пути, подошел к телу, над которым плакала рыжая служанка.

Маленькие аккуратные ступни, видневшиеся из-под бархатного подола платья, бывшие длиной с его ладонь, он точно знал то, ведь, бывало, столько раз удивлялся этому. Грязный, слегка замеченный снегом бархат богатого платья, скрывает стройные ноги, обтягивает тонкий стан. Белые пальцы левой руки, на которых блестит в всполохах огня бирюзовый камень, обрамленный тонкой серебряной сканью, при виде которого Владислав едва не завыл в голос. Это кольцо он некогда сам одел на безымянный палец маленькой ладони, оно было под стать распятию, что изготовил для него вместе с кольцом и серьгами мастер

ювелирных дел из Менска. Правая же кисть была ярко-красной от ожогов, как шея, грудь в вырезе платья и — Господи! — лицо, ее дивное лицо! Только золото волос рассыпалось на белом полотне снега, кое-где явно побитое огнем...

Владислав упал на колени перед ней, не замечая, как испуганно смолкла служанка, поспешила отползти прочь от пана. Он сгреб в охапку лежащую на снегу панну, прижал к своей груди, как ребенка, стал качать легко, едва касаясь пальцами ее волос, ее лица, ее рук — и обожженной огнем, и целой с бирюзовым камнем на пальце. С громким шумом обвалилась одна из стен догорающей корчмы, испуганно отшатнулись люди, крестясь, а Владислав даже не вздрогнул, не видя и не слыша ничего, что творилось вокруг него. Он нежно, но крепко обнимал свое сокровище, не понимая, что от того дара, некогда данного ему судьбой, осталась одна оболочка, что сердце больше не бьется под его ладонью.

Когда огонь почти догорел, навсегда погребая в руинах ту добычу, что досталась ему нынче ночью, поднялся Владислав на ноги, по-прежнему не выпуская из рук свою драгоценную ношу, не отводя глаз от обожженного оттого такого страшного лица. Он взглянул на своих людей, и те расступились перед ним, один из них поспешил показать пану, где тот может переждать время до рассвета.

Им ничего не надо было говорить. Долгое время, что провели пахолики подле Владислава, настолько сблизило их некоторым образом, что им не надо было слов, дабы понять, чего бы хотел в этом случае Владислав, как сам поступил бы при том. На помощь в том Ежи надежды не было — тот ушел тотчас, как пан ординат опустился на колени у тела панны, сидел у кромки леса чуть поодаль, явно не желая ни с кем говорить в этот момент, наблюдая со своего места, как догорает корчма.

Владислав занес панну в темную гридницу одного из домов этой небольшой деревеньки, близ которой на него так неожиданно свалилось горе, что он не мог никак осознать сейчас, отказываясь верить в происходящее. Просто сидел у лавки, на которую положил тело девушки, аккуратно расправив юбки, взяв левую руку с кольцом на свою большую ладонь, гладил ее пальцы. В его голове не было мыслей, а в душе никаких чувств. Словно огонь, пройдясь по корчме старого жида, выжег все его нутро, оставив только внешний облик.

Он трогал ее тело, проводил ладонями по нему, поражаясь, как то может быть — она цела и в то же время не дышит, не вздымается грудь в ровном дыхании. Он то и дело прикладывал ухо к холодному бархату платья, в то место, где должен слышаться мерный стук сердца, и недоуменно отстранялся, словно удивляясь, что его нет, что ее сердце не бьется.

Под утро пан Люцко прислал в дым вместе со словами соболезнования горю ордината широкие дровни, на которых предстояло увезти панну обратно в Замок. Владислав не дал никому дотронуться до панны, снова сам поднял на руки ее тело, чуть прикрыв глаза на миг, чтобы не видеть, как безвольно упали ее ладони вниз при том, вынес во двор. Там он долго устраивал ее в сене, что лежало на дне саней, стряхивал снег с подола ее платья, укладывал аккуратно руки на груди. Только спустя время Владислав смог заставить себя отойти от саней, занять место в седле и повести за собой свой отряд, покидая это страшное для него место, с чернотой пожарища на фоне белоснежной идиллии зимнего леса.

Но проехал отряд недолго. Владислав вдруг дал знак остановиться, проскакал обратно к середине их импровизированного поезда к саням, где лежала панна. Снег, взметнувшийся вверх из-под полозьев при быстром ходе отряда, засыпал ее платье и ее волосы, роскошным золотом рассыпавшиеся по сену.

— Что ты делаешь, Владусь? — хрипло прошептал Ежи, быстро спешившись и подойдя

к пану, трогая его за плечо. Тот рвал завязки своего плаща, стягивал его со своих плеч.

— Ей должно быть холодно, Ежи, — ответил ему Владислав, накрывая панну будто одеялом своим плащом. Голос его был таким отстраненным, что у Ежи замерло сердце. Неужто у Владислава рассудок помутился от потери, что случилась этой ночью? — Ей должно быть холодно в одном платье, понимаешь?

— Владусь, нет нужды свой плащ отдавать, — мягко проговорил он, подавая знак служанке, что сидела в соседних санях. — Мы панну ее плащом накроем от снега и холода.

Владислав снова не подпустил никого из своих людей к дровням. Взял поданный ему плащ из алого бархата, обитый мехом горностая по краям, накрыл им панну, медленно разгладил руками все складки, подоткнул края, словно заботливый отец своему чаду перед сном одеяло. Потом медленно провел пальцами по лицу, навеки обезображенному огнем, видя перед собой не эти грубые шрамы, испестрившие нежную кожу, а другое — чистое, сияющее легким морозным румянцем.

Вечером, когда отряд остановился на ночлег в корчме, Ежи с удивлением заметил, как Владислав берет на руки тело панны, желая занести то внутрь, поспешил остановить его.

— Владусь, панну никак нельзя в тепло... не довезем, понимаешь, — он с трудом находил слова, чтобы достучаться до этого Владислава, который отстранился ныне от всех, замкнулся, и Ежи не знал, что ему стоит делать, как поступить с этим незнакомым ему Владиславом. Сердце рвалось на куски, видя, как страшно тот спокоен ныне, словно до конца не осознав, что его коханы больше нет, что Господь забрал ее туда, откуда нет возврата. Но еще тяжелее Ежи было от того, что он сам был виной этого горя, свалившегося на Владислава. Будь клята та судьба, что привела когда-то пана Владислава в земли Московии! Будь клята та жизнь, так непримиримо установившая границы и различия между людьми!

Владислав тогда не стал уносить тело Ксении со двора, бережно уложил его обратно в дровни, так же заботливо накрыв плащом. Да и сам остался там на всю ночь, стоя на морозе у саней, не желая покидать панну, как ни умолял его Ежи, как ни просили товарищи. Он слушал их речи, но не слышал их, только смотрел на тело в санях, представляя себе живой и здоровой ту, от которой только и осталось эта пустая бездушная оболочка.

На третью ночь Ежи не выдержал этого, приказал силой увезти Владислава в тепло корчмы, в которой в тот вечер встали на постой. Завязалась драка, в запале были разбиты носы, губы, появились ссадины и синяки. Но все же удалось скрутить пана ордината, завязать ему руки, утащить в гридницу, где тот почти сразу же провалился в сон.

— Я не прошу тебе того! — злобно прошипел перед тем он Ежи, сидевшему напротив, и тот кивнул, соглашаясь. «Я знаю то, мой мальчик, оттого и плачет мое сердце ныне, как и твое. Но девица мертва, а ты должен жить... ты должен жить в покое и благоденствии. Ведь не должна быть напрасной та жертва, что принесена ради того!», думал Ежи и тогда, когда смотрел на спящего Владислава, и тогда, когда наблюдал за ним в пути. «Настанет день, и твоя боль пройдет, рана затянется. Настанет день, и ты поймешь, что не было иного пути, как этот. Поймешь и, Бог даст, простишь меня...»

В земли ординации прибыли лишь на пятый день, как ни старались сократить это время, понимая, что ныне оно идет против путников. Отряд по настоянию Владислава свернул с дороги, ведущей в Заслав, направился по узкой, плохо разъезженной лесной тропе вглубь еловой чащи, где, как было известно Владиславу, стоял храм схизмы. На стук рукоятью сабли одного из пахоликов со скрипом открылась одна створка ворот, а пахолики,

ухватившись за другую, распахнули ворота, пропуская своего пана, несущего к попу, встречающему его за тыном, свою ношу.

— Ты должен патеры прочесть! Помоги мне, и я сохраню твою жизнь, коли нужда придет, даю слово! — произнес Владислав решительно, и голос его впервые за это время дрогнул в конце речи при виде того участия, что вдруг засветилось в глазах священника еретической веры. Подкатил к горлу неожиданный комок слез.

— Пойдем за мной, — поманил его за собой поп, и Владислав смело шагнул вслед за ним на двор церкви. — Я-то думаю, кого отпевать придется вскоре, для кого гроб привезли мне без покойника. А это она... панна из Московии.

Священник провел Владислав через двор к небольшой избе с крышей из дранки, стоявшей с другой стороны церковной ограды. Это был дом иерея, а женщина, стоявшая на пороге, в черном рантухе, низко поклонившаяся пану ординату с явным испугом в глазах, — его женой.

— Моя жена поможет прибрать... панну к обряду. Только пусть твоя холопка поможет ей. Нелегкая это работа совсем, — проговорил священник, и Владислав кивнул, с трудом вникая в смысл его слов. Перед его глазами все еще стояла крышка гроба, прислоненная к ограде церкви. Жестокий знак, напоминающий о том ударе судьбы, что нанесли Владиславу исподтишка. Быть может, оттого он замешкался в небольшой гриднице, когда надо было положить ту, что держал он на руках своих, на широкую лавку, чтобы женщины могли обмыть ее и переодеть в просторную белую рубаху — одежду, в которой будет суждено предстать покойнице перед Господом.

А может, оттого он не сумел выпустить из рук ту, что когда-то поклялся всегда подле себя держать, потому помедлил, по-прежнему прижимая к себе уже ледяное тело с негнущимися членами.

— Отпусти ее, пан, — мягко сказал священник, видя его колебание. — Отпусти, ибо она уже давно не с нами. Не твоя она уже ныне...

Руки гудели от напряжения и усталости, но Владислав не чувствовал этой боли. Другая — более острая, более непримиримая — сворачивалась в груди в тугую спираль, затрудняя дыхание. Этого не явь, это страшный сон, вдруг подумал он, запуская руки в сугроб у церковной ограды и растирая снегом лицо. Но нет — он был у православного храма, не в своей спальне в Замке. И боль в груди никуда не скрылась, сковывая душу ледяными оковами.

Только когда гроб установили на лавке в левой части храма, когда иерей стал нараспев читать молитвы, тихие, мелодичные, рвущие душу Владислава скрытой скорбью, спрятанной в словах, острая боль, свернувшаяся в его груди, стала постепенно разворачиваться, словно змея. Ударило прямо в сердце осознание, что перед его глазами стоит деревянный гроб, а в нем лежит его душа, его сердце, его кохана. Белое полотно рубахи, светлые пряди волос, лежащие на груди, скрывающие от взгляда страшные следы огня на руке, а тонкая белая кисея — на лице и шее.

Закончит свои печальные мелодичные патеры священник, и закроют крышкой гроб, навсегда скрывая от его взгляда ту, что была для него всем, ради которой он был готов перевернуть весь мир. Владислав смотрел на нее, а перед глазами стояла другая — то смущенная, то радостная, то раскрасневшаяся от поцелуев. Говорят, что перед тем, как смерть перережет своей острой косой нить, отделяющую душу от земного тела, перед глазами человека проносится вся его жизнь. Так и перед глазами Владислава мелькали

картинки из прошлых дней, заставляя вернуться в ту пору, заставляя остро почувствовать тот холод, что отныне будет жить в его сердце.

— Зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мне, братие и други, сродницы и знаемии, — нараспев читал священник, подавая знак Владиславу, который тот едва не пропустил, подойти к гробу ближе. Настал момент прощания. — Вчерашний бо день беседовах с вами, и внезапно найде мя страшный час смертный. Но приидите, вси любящии мя, и целуйте мя последним целованием... {2}

— Прости меня, — прошептал Владислав, легко касаясь губами лба и губ под тонкой кисеей, ощущая в груди безумное желание вырвать ее из деревянного гроба, прижать к своей груди и никогда не отпустить. — Прости меня. Я не сумел... не смог...

Голос его пресекся. Проклятый дар солнца, так жестоко отнявший у него всех, кого он любил! Проклятый перстень, забравший свою очередную жертву.

Что было отнято у земли Московии, к ней же и возвращается, с тоской вдруг подумал Владислав, когда иерей по заведенному обычаю сыпал крестом на белое полотно рубахи горсть темной земли, взятой из небольшого мешочка.

— Господня земля, и исполнение ея, и вселенная и вси живущие на нея...

Большая мужская ладонь поверх маленькой женской руки на серебряной рукояти... перепачканные землей пальцы... Владислав закрыл глаза, скрывая от посторонних глаз подозрительный блеск. Он забрал свою кохану от ее отчей земли, от ее Бога, но она снова возвращалась ныне к ним, навсегда покидая его, Владислава, унося его сердце с собой.

На погребение пришли почти все, кто жил в Замке, и, на удивление, многие из града. Плакали в голос паненки, тихо роняла слезы Магда. Мужчины стояли, стянув шапки с голов, позволяя ледяному ветру трепать волосы. Позднее у этого могильного холма встанет единственный в этом месте последнего упокоения жителей Заслава каменный православный крест, в основании которого будет высечено мелкими буквами «Sine te vivere possum, anima mea» {3}.

Но Владислав никогда более не придет на эту могилу, предоставляя эту прерогативу женщинам — Малгожате и другим паненкам, Магде, Марии, что придет сюда впервые только после родов, ведь только тогда ей расскажут эту печальную весть. Он надежно закроет в себе все чувства или эмоции, которые когда-либо испытывал в прошлом, словно похоронит их в тот день вместе с телом панны. Его тело опустеет, словно его душа упорхнула прочь вместе с душой Ксении, словно тот огонь, что отнял жизнь у его коханы, выжиг все его нутро, оставив только пепелище.

Так он и скажет дяде, приехавшему в Заславский замок спустя несколько тыдзней после Пасхи, когда станет медленно сходить снег, открывая взгляду черные проплешины земли, означая, что зима уходит, уступая место новой жизни, отдавая бразды правления весне.

— *Tristis est anima mea* {4}. Панна Ксения была... — начал было епископ, но Владислав прервал его, подняв руку. Он запретил говорить о панне, не желая тревожить свою душу, не желая вспоминать. Та боль, что жила в сердце после того дня, когда он узнал о мнимой гибели Ксении в Щуре, была ничем перед той, что пришла в день, когда он схоронил ее сам.

— Я удивлен твоему визиту, дядя. Третий раз за это время. Ранее ты так часто не навещал Замок, — усмехнулся Владислав, и бискуп замер, заметив эту усмешку. — Спешись увести меня на праведный путь, пока я не свернул по неугодному Богу и людям направлению?

— Не богохульствуй, Владислав! Смени свой тон! — резко заметил ему уязвленный дядя. — Подумай о своей душе, о том, что ждет ее за подобные речи в угоду дьяволу.

— У меня нет более души, как нет ее у покойника, дядя, разве не так? — так же резко ответил ему Владислав. — *Homo totiens moritur, quotiens amittit suos* {5}. Так и я уже мертв.

Он сделал вид, что не заметил, как перекрестился бискуп, ужаснувшись подобным речам, потом отхлебнул изрядный глоток вина.

— Я буду благодарен тебе, дядя, коли поедешь со мной в земли Ровно, — проговорил он спустя некоторое время. — Холопское быдло снова пришло на край моих земель, пожгло пару дымов. Настало время выжечь змеиное гнездо, откуда выползают эти гады. И для того мне нужна подмога пана Острожского. Моей армии не довольно будет для того, чтобы казаки далеко убрались от моих границ, а вот с людьми Острожского я легко превращу их дымы в пепел.

— Пан Острожский будет долго думать над тем, чтобы помочь соседу, — едва слышно произнес епископ, осторожно подбирая слова. Он ясно почувствовал, что настал момент, которого он так добивался. — А своему зятю он поможет без особых раздумий.

Владислав рассмеялся при этих словах каким-то странным злым смехом, а потом плеснул остатки вина из кубка, что держал в руке, в огонь камина, поставил пустой бокал на стол с глухим стуком, ударившим по напряженным нервам епископа.

— Так будет так! Вы ведь все того так хотели, разве нет? Быть может, Господь услышал твои патеры, дядя, и сделал все, чтобы этот брак свершился? Не смотри на меня так, не стоит. Мои грехи велики, и я отвечу за них, когда настанет тот час. Я потерял все, что мне было дорого. Все, кроме этих земель. И я на все пойду ныне, чтобы сохранить хотя бы их. Ведь только это мне оставил Господь... Мои земли, мой герб...

Спустя несколько дней на рассвете Замок покидал небольшой отряд — пара десятков гайдуков пана ордината и епископа, сам ординат со своими шляхтичами и небольшая колымага, в которой ехал епископ вместе со своим слугой. Поезд направлялся в Ровно, где в часовне Острожского замка вскоре состоится обручение пана Владислава Заславского и панны Ефрожины Острожской, а в одной из зал будет подписан новый брачный контракт, объединяющий оба славных рода. Славно погуляет на пиршествах, посвященных этому событию, шляхта обеих ординаций, долго будут поднимать кубки за этот Богом благословенный союз.

Только не будет на этих пирах грузного усатого шляхтича, что всегда был подле пана Владислава, с самых малых лет того.

— Пан Смирец не едет? — спросил епископ, подозревая к себе Владислава на первой же остановке в придорожной корчме. Он видел, что усатый шляхтич был во дворе во время отъезда, держал поводья оседланной лошади в руках, но не заметил его впоследствии среди остальных, когда стали располагаться на короткий отдых.

— Нет, дядя, пан Смирец отбыл в свою вотчину, — коротко ответил ему Владислав, не желая вдаваться в подробности этого странного отъезда. Он сам попросил Ежи уехать от него, невыносимо было видеть его в Замке, на охоте, в поездках подле себя как ранее. Ведь всякий раз, когда он смотрел на него, перед глазами вставало яркое зарево огня и бездыханная фигура на снегу. И это заставляло Владислава чувствовать, насколько слаба его броня, в которое он надежно спрятал ныне свою память.

— То даже к лучшему, — выдохнул епископ, сжимая руку Владислава. Он не кривил душой, ему действительно пришлось по нраву, что тот удалил от себя Ежи, участника того

сговора, свидетеля греха епископа. Пусть усатый шляхтич будет как можно дальше от Владислава, надежно храня их совместную с бискупом тайну. Позднее епископ найдет способ, как заставить того скрыть ее навеки, навсегда замкнуть уста, чтобы ни слова не сорвалось ненароком, повинувшись желанию покаяния.

— То даже к лучшему, Владислав, — улыбнулся епископ довольно и откинулся на спинку сидения колымаги, аккуратно поглаживая лик Христа на камне своего перстня.

1. Шляхетский род, владевший слущкими землями до Радзивиллов

2. Видя меня лежащего безгласным и бездыханным, восплачьте обо мне, все братия и сродники, и знакомые. Вчерашний день беседовал с вами, и внезапно настиг меня страшный час смерти; но придите, все любящие меня, и целуйте последним целованием (старослав.)

3. Не могу жить без тебя, душа моя (лат.)

4. Печальная душа моя (лат.)

5. Человек столько раз умирает, сколько теряет своих близких (лат.)

Весна, 1611 год

Ежи еще раз окинул взглядом земли, давно освободившиеся от снежного покрова и уже кое-где покрывшиеся тонкими зелеными стрелками озимых. Потом снова погладил больное колено, что, не переставая, ныло вот уже несколько дней, будто это простое движение сможет унять эту боль. Все чаще стал давать о себе возраст, все чаще. Он уже давно не молодой мужчина, пора бы и на покой. Правильно отправил его от себя Владислав, правильно, убеждал себя Ежи, но сердце то и дело колола обида.

Пройти столько лет с ним бок о бок, побывать во стольких передрыгах, столько раз отбивать удар, предназначенный отнять у пана Владислава жизнь или покалечить. И вот так, как ненужного старого пса со двора... Хотя надо признать и за дело, даже если сам пан пока того не ведает.

Ежи легко толкнул коленями коня в бока, понукая того двинуться с места. В левом колене при этом стрельнула такая боль, что ему пришлось сжать челюсти, чтобы не застонать в голос.

— Все, пан, — тихо проговорил он сам себе. — Отвоевался. Сидеть тебе теперь паном над хлопами, а не саблей махать в поле ратном. Отвоевался...

Сжалось сердце от тоски. Всю свою жизнь он был воином, только наездами бывал в своей вотчине, особенно последние десять лет, как встал во главе его земли Лешко Роговский управителем. Сам Господь привел тогда этого шляхтича в Белицы, вотчину Ежи, не иначе. Вон уже и поля распахали, как только ледолом прошел, чтобы успела земля подготовиться к севу — чернели ровные борозды, готовые принять после дня святого, именем которого нарекли Ежи при крещении {1}, крепкие семена, чтобы впоследствии взрасти тонкими стрелками зеленых всходов.

Ежи, прикусывая ус, окинул взглядом чернеющие до самого края земли поля, испытывая невольный приступ гордости от того, что вся эта земля, куда не кинь взор, принадлежала ему по праву. И пусть он не был так богат, как некоторые шляхтичи-соседи, но все же был свой двор и эти поля, и даже часть леса, из которого он только недавно выехал на эти просторы. Так дал Господь и пан Александр Заславский, да упокоится с миром его душа в небесных чертогах. А потом снова вспомнился внук старого Заславского, тут же погасла горделивая улыбка под густыми усами.

Только раз спросил Ежи Владислав о том злополучном дне. Спустя пару тыдзений после погребения тела панны, когда Ежи уже постепенно стал расслабляться, едва ли не пустив непозволительную беспечность в душу. Ежи ясно помнил, как сверлил его темным взглядом Владислав, и от этого взор душа уходила в пятки, замирало в тревоге сердце.

— Расскажи мне, — глухо произнес Владислав. Он не брился эти несколько дней, и от этой черноты щетины на его скулах и подбородке казалось, что на его лице поселилась тень, затаилась в каждой черте его лица. А быть может, это действительно была тень. Тень того горя, память о котором еще до конца тогда не сумел подавить в своей душе Владислав. — Расскажи мне, как могло...

Он не смог закончить фразу, голос изменил ему, но Ежи понял, о чем тот желает спросить. И он рассказал ему все, что видел своими глазами, свидетелем чего ему суждено было стать.

На вторые сутки пути панна стала жаловаться на зубную боль, что со временем становилась все острее. Берця, служанка панны, предложила той маковый раствор, который прекрасно справлялся с этой напастью. Со временем панна стала все чаще и чаще пить снадобье, ведь его действие было временным, а боль стала к тому моменту, как они въехали на двор корчмы старого жида Адама, совсем невыносимой. Оттого панна приняла двойную порцию настоя, желая уснуть крепким сном и проспать до самого утра, позабыв о недуге, терзающем ее. Ежи предлагал ей принять помощь от кузнеца {2}, да только панна забоялась зуб рвать, отвергла его предложение.

Панна была одна в своей комнате под самым чердаком, когда вспыхнул пожар. Ее служанка, Берця, миловалась с одним из гайдуков на конюшне, остальные ратники сидели в гриднице перед тем, как удалиться спать, пили отменное пиво, что подал радушный хозяин. Часть из них уже прикорнула тут же на лавках, убаюканная теплом от очага да хмелем, поддавшись усталости, что навалилась после долгого дня пути. Они были единственными гостями жида, потому вольготно устроились в большой зале на нижнем этаже.

Заснул и Ежи, за что клял себя впоследствии последними словами, а пробудился от криков и жара, что уже становился невыносим. Весь нижний этаж был затянут дымом, и видимость была почти низкой оттого — не далее чем на вытянутую руку можно было разглядеть в этом аду, в который тогда превратилась корчма. Лестница, ведущая на второй этаж, уже горела, и по тем истошным крикам, что издавала в нерешительности замершая у ее подножия служанка, Ежи сразу же понял, что панна осталась там, наверху, где уже вовсю полыхал огонь.

— Испугались люди, есть такой грех, — глухо произнес он, стараясь не отвести глаз от этого тяжелого взгляда, которым буквально буравил его Владислав. — Все метались по гриднице, как полоумные, кричали, искали выход из этого ада. Я же рванул к комнате панны, пробираясь через огонь, что был на пути. Но было слишком поздно, Владусь. Слишком поздно! Когда я поднимал ее с кровати, перина полыхала, а панна будто в огненном кольце лежала. Я даже подумать не мог, что она... что она... думал, просто дымом надыхала. Только во дворе увидел... Прости меня, Владусь! Не уберег я твою панну! Не позволил бы ей мака пить, не позволил бы свечу оставить подле постели. Прогони я тогда Берцю с конюшни...! Прости меня, Владусь!

— Ты предал меня, Ежи, — едва слышно произнес Владислав, и Ежи вздрогнул словно от удара при этих словах, сжал пальцы, пытаясь обуздать свои эмоции, чтобы ненароком не выдать себя. — Предал меня! Кто Ксении подсказал о монастыре в слущких землях? Кто сказал ей? Не сама она решила там укрыться, не сама замыслила то. По глазам вижу, что есть вина передо мной у тебя, да только не в том, что не спас от огня панну, совсем не в том.

— Вспомни расклад в игре, что ведешь на поле шахмат, — осмелился ответить ему Ежи, осознавая по краю какой глубокой пропасти ныне ступает, надеясь тем самым уберечь себя от падения. — Вспомни, как попадал в ловушку, когда укрывал королеву, Владусь. Нельзя было в этом раскладе сохранить королеву и получить победу. Только поражение ждало тебя, ты и сам знаешь то. Никому не было бы худо, коли панна пришла бы за стены святыя. Ее душа нашла бы покой и благодать...

— Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их — путь к смерти {3}, — резко прервал его Владислав. — То слова святой Книги, не мои. Ты и панна расставили фигуры для игры, но кто сказал, что мне будет по нраву ее исход? Culpa lata {4}, Ежи! Но вести ныне спор...! Впустую!

В тот день Владислав удалил от себя его, попросил не показываться ему на глаза, но на следующий же день призвал к себе, попросил сопровождать во время верховой прогулки по окрестным землям. И Ежи со временем решил, что его миновала участь охлаждения ордината к нему, что тот забыл о так и невыполненной задумке шляхтича удалить от Владислава панну.

Но Владислав никогда ни о чем не забывал и никогда не прощал обид, уж кому ли не знать то, как Ежи, что был столько лет подле молодого пана. И попытавшись разузнать окольными путями о том, был ли кто в сговоре еще помимо Ежи и Ксении, и убедившись, что Ежи не лгал ему тогда, Владислав снова отстранился от усатого шляхтича, а позднее и вовсе попросил того проверить дела в своей вотчине. Это означало, что Ежи просят покинуть Замок, и неизвестно было, вернет ли его к себе когда-нибудь Владислав обратно. Оттого так и ныла душа ныне, и даже радость от вида собственных земель, своего небольшого дома, знакомых лиц холопов не могло унять горечи в сердце.

— Пан Ежи, — кланялись низко холопы, работающие в тот час на дворе — кто колол двора, кто занимался починкой единственной колымаги, что имелась на дворе пана Смирца. Высокий хлопец принял из рук пана поводья коня и, поклонившись в пояс, увел уставшее с дороги животное к конюшням на заднем дворе, чтобы растереть того с пути.

На крыльцо с небольшой лестницей и гладкими перилами выбежала полноватая женщина в холопской одежде — рубахе да длинной полотняной юбке. Белая панева, украшенная вышивкой, укрывала от постороннего взгляда волосы. Бусы на ее шее да отделка фартука богатой вышивкой свидетельствовали о том, что эта женщина занимает далеко не последнее положение на дворе пана.

Женщина всплеснула перепачканными в муке руками и тут же поклонилась пану, а потом широко улыбнулась, глядя, как тот медленно идет к крыльцу, потирая спину.

— Рада видеть пана Ежи в добром здравии, — снова поклонилась она, когда он подошел ближе, но уже не так низко, как кланялась в первый раз.

— И я рад видеть тебя, Збыня, — кивнул ей Ежи, а потом заглянул в темный проем двери за ее спиной, словно ожидал увидеть среди встречающих еще кого-то. — Здрава ли Марыся твоя?

— Здрава, пан, здрава. Уже совсем девица стала моя Марыся, зарумянилась краса, — затараторила женщина, но примолкла тут же, как Ежи поднял руку.

— Где пани Катаржина? Что не вышла встречать отца? — Збыня поежилась при виде того, как грозно сдвинул пан Ежи брови, как положил ладонь на рукоять плети, что виднелась из-за широкого пояса. Она оглянулась сначала в сени, потом взглянула куда-то назад, за пана, в распахнутые ворота, через которые тот въехал во двор.

— Пани Кася с паном Лешко уехала, — тихо проговорила она. — Думала, как обычно, поедут на луг за двором, да нет их там ныне. Видать, проехаться снова до полей решили. А может, и до Браславского леса надумали. Прошлого дня туда ездили, как пани Кася после сказала. Скоро, говорит, Збыня, буду сама в церкву ездить. Вот ведь что удумала-то, пан! Хоть и вдовая, но все же баба же! Разве ж добро то? Разве ж добро?

Збыня все говорила и говорила, а Ежи уже не слышал ее. Прислонился спиной к балясине крыльца, оглядел двор, отметив, что колымага лежит без колес. Неужто презрела всякий стыд и выехала со двора в седле Лешко? Он заложил большие пальцы за пояс, ощущая, как стало покалывать в груди, как всякий раз от волнения или злости. В этот миг он испытывал оба эти чувства, и как ни пытался погасить в себе ярость, та все больше пожирала

его изнутри.

Спустя некоторое время у ворот послышался стук копыт по настилу из бревен, и во двор въехали два всадника, при виде которых Ежи едва сумел удержать вскрик удивления. На гнедом валахе ехал широкоплечий шляхтич в темном жупане. Мохнатая шкура волка была накинута на его плечи, глубоко посаженные темно-карие глаза сверкали из-под околыша шапки. Будь Ежи проклят, но эти очи под густыми темными бровями действительно были иными ныне, не такими колючими и холодными, как обычно.

И как он подозревал, виной тому была она, всадница на низкой мохноногой лошадке. Она тоже была в темных одеждах, из-под лисьего околыша шапки на тонкие плечи спускалась черная ткань рантуха. В глазах даже ни тени испуга или смущения, что Ежи застал ее за неподобающим для вдовы поведением. Они смело смотрели на шляхтича из-под тканой золотой нитью и расшитой маленькими бусинами полоски чепца, закрывающей лоб до тонких изогнутых луком бровей.

Пани приняла помощь холопа и спешила, не оборачиваясь на своего спутника, пошла, постукивая легко по юбке свернутой плетью, к Ежи, по-прежнему стоявшему у крыльца и взирающего на прибывших в полном молчании. Она остановилась прямо напротив него, сурово глядящего в ее лицо, но взгляда не потупила, как сделала бы это еще год назад, встретив такой прямой мужской взор.

— Рад видеть тебя во здравии, дочь моя, — медленно произнес Ежи и протянул в сторону дочери руку ладонью вниз. — Во здравии и тела, и души, Катаржина.

Из-под чепца яростно сверкнули глаза пани, едва та различила скрытый намек в его словах, но она промолчала, только руку отца поднесла к губам, приветствуя его, а потом также молча получила от него поцелуй в лоб, прямо между бровей, под расшитое очелье чепца.

— Пан Юрась, — называя того на манер восточных земель, обратился к Ежи вдруг шляхтич, что до того только наблюдал за встречей отца и дочери, то сворачивая, то разворачивая плетъ, которую держал в руках. — Дозволь мне переговорить с тобой. Хочу оправдать...

— Позже, пан Лешко! — отрезал Ежи, недовольный взглядом шляхтича. Взглядом волка, защищающего свое. — После переговорим обо всем. Нынче я с дочерью говорить хочу. Давно не виделись, сам понимаешь.

С этими словами Ежи взял под руку дочь и увлек ее в дом, мимо Збыни, глядящей на них несколько настороженно, провел через сени, а после и через гридницу — светлую комнату с большими окнами и деревянными стенами, на которых висели пара шпалер и разное оружие — гордость хозяина дома. Повел ее в спальню, куда вела одна из дверей из гридницы, плотно затворив за собой, чтобы ни одна живая душа не услышала ни слова из того, что ему так хотелось сказать ныне этой вдруг ставшей незнакомой ему женщине.

Но он не успел ничего произнести. Едва Ежи повернулся от двери, как звонкая пощечина обожгла его щеку. Он потер загоревшуюся огнем от удара кожу, явно растерявшись от такого поворота, но успел перехватить ладонь, занесенную для второй пощечины.

— Ударишь еще раз — горько пожалеешь, — грозно сказал он, глядя прямо в глаза женщине, так и обжигающие его ныне злостью и ненавистью. — Тот удар — за службу, следующий же нет, панна.

Ксения вырвала руку из его цепких пальцев, уже заранее зная, что на тонкой коже

запястья вскоре появятся синяки от этой сильной хватки, а потом развернулась от него, вихрем прошла вдоль комнаты, аж полотно рантуха взлетело над плечами.

— Как ты мог?! Как мог так поступить со мной? С ним?! — в ее голосе ясно звучали слезы, и сердце Ежи снова кольнуло острой иглой. А потом она вдруг развернулась к нему, сжимая руки. Глаза блестели огнем невыплаканных слез, губы слегка дрожали от едва сдерживаемых эмоций. — Как он? Здрав ли? Что с ним?

— Здрав и телом, и духом, панна, — ответил коротко Ежи. — Столько дней миновало, даже не перечесть по пальцам. А время... время стирает все. Не пытай меня боле, не скажу ни слова. Довольно тебе душу рвать до поры.

Ксения вдруг резко опустилась на дорожку, сотканную из нитей крашеной овечьей шерсти, словно ноги перестали держать ее в один миг, уронила голову на сложенные на краю кровати ладони. Черное полотно рантуха скрыло ее лицо от взгляда Ежи, спрятало ее горе от его глаз. Но плечи не вздрагивали от рыданий, а тело было совсем неподвижно. Знать, отплакала уже свое, подумалось ему.

Он долго стоял у порога спальни, переминаясь с ноги на ногу, не зная, что ему следует делать ныне. Из-за плотно затворенной двери он слышал, как вернулась в гридницу Збыня, как что-то говорит той Лешко, ожидающий выхода Ежи из спальни дочери, как назвал пан Смирец Ксению перед жителями своей вотчины и окрестных земель. Надо бы переговорить с Лешко, решил Ежи, воскресив в памяти суровый взгляд шляхтича во дворе. Негоже ему так близко к панне быть!

А потом вспомнилась картина, представшая перед его глазами недавно — панна верхом на лошадке, вот диво то! В Замке от лошадей шарахалась, тут же прямо истинной шляхтянкой въехала во двор. Добже, что взялась наконец за ум. Только вот надо ей другие сапоги справить, те коротки для ее юбок, обнажают немного стройные лодыжки на усладу взгляда мужчин. Вот и Лешко, видать, не смог сдержать своей кирасы стальной на сердце, раз так глядел на панну! Надо бы все же с ним переговорить о том.

Уже почти отворив дверь, чтобы оставить панну одну в спальне наедине со своими печальми, Ежи обернулся к ней.

— Ты вскоре верно сама узнаешь, панна, — прошептал он, кляня себя за ту боль, что причинит ей сейчас. — Пан ординат уехал несколько дней назад в Ровно, в замок Острожских. Там он даст свое слово панне Ефrojине, нареченной своей назовет ее.

Ксения тут же подняла голову и повернулась к Ежи. Несмотря на то, что ее тело не выдавало ничем ее горя, ее лицо было залито слезами. Так безмолвно и без единого движения плачет сама душа.

— Так скоро? — прошептала она, не сумев скрыть горечи в голосе. Ежи едва не скривился от боли, царапнувшей его сердце при том, оттого его последующие слова ударили наотмашь, необдуманные, такие спешные.

— Так ведь пан Владислав не пани вдовица, чтобы век голову пеплом посыпать! — а потом добавил, смягчив тон голоса, желая хоть как-то сгладить горький осадок собственных слов. — Разве панна не желала того? Разве не желала этого союза? Вспомни, зачем мы пошли на тот сговор!

Да, все верно, думала Ксения, когда Ежи ушел из спальни, и за дверью неспешно полилась беседа двух шляхтичей, не видевшихся долгое время. Все верно, она сама пошла на этот шаг. Именно скрыться из жизни Владислава предложил ей тогда Ежи на крепостной стене. Удалиться пусть даже на год-два, долее Ежи не требовал от нее, полагая, что за этот

срок все решится.

— Стены монастыря укрывают подобно могиле. Люди, ступающие послушниками на монастырский двор, уходят из земной жизни, — уговаривал ее тогда Ежи.

— Владек найдет меня везде, где бы я ни была, — упрямо качала она головой. — И за стенами монастырскими тоже.

— Он не пойдет войной на слущкие земли, панна. То верное смертоубийство для него, — убеждал Ежи. — Панна надежно будет скрыта в монастыре, если еще и тайно увезти ее туда. Панна должна спасти Владислава, коли в ее сердце живет любовь к нему. Любить Владека можно и за высокими стенами монастыря, вдали от пана. Но как любить его, коли в могиле будет лежать он? Старуха с косой — не та соперница, никто еще не выигрывал у нее. Панна сумеет простить себе то, что станет виновницей гибели Владислава? Сумеет жить с тем на сердце?

Ксения долго обдумывала предложение Ежи, долго не решалась дать окончательный ответ ему, постепенно плетущему сеть интриги. Она понимала разумом, что нет иного пути, а сердце плакало в груди, уверяя, что нет преград для тех, кто любит истинной любовью, что Господь обязательно услышит ее молитвы. А потом снова возражал рассудок — разве склонится Бог к союзу православной и латинянина, коли сама церковь клянет этот брак?

А затем пришли поганные дни. Оборвалась последняя нить, что связывала Ксению с Владиславом, ведь она дала зарок — коли тягостна будет, останется подле него, что бы ни случилось, отдавая себя целиком в руки судьбы, отдавая ей роль жребия. И тогда приняла она предложение Ежи, в тот же день обсудили детали предстоящего обмана. Правда, ее смутило, что Ежи приказал ей открыто заявить о своем намерении ехать в Слуцк на моление, но она верила усатому шляхтичу, а его слова были так убедительны.

Ксения не помнила, как уехала из Замка, словно в тумане покидала его. Но тот последний взгляд Владислава, брошенный из окна галереи, еще долго стоял у нее перед глазами. Словно он узнал, прочитал ее мысли. Словно прощался с ней...

Она во время пути то и дело оглядывалась назад, долго ждала, что на краю земли появится алое знамя с гербом Заславских, что настигнут вскоре всадники во главе с темноволосым ординатом. Ждала и надеялась на это, ведь тогда их сговор с Ежи пойдет прахом, и ей тогда не придется делать то, против чего так отчаянно возражало сердце. Не придется лгать Владиславу, не придется снова причинить ему боль, от которой еще полгода назад он так безуспешно искал снадобье. Но разве есть снадобье от душевных мук?

— Доле тебе слезы ронять, — заметил ей Ежи уже на второй день, отводя в сторону на дворе одной корчмы, что встретила им по пути. — Люди уже косятся, не хватало нам лишних дум чужих.

— Я не могу, — шептала Ксения, глотая соленые слезы. — Болит... душа болит...

Ежи долго смотрел на нее пристально, а потом кивнул, соглашаясь с мыслью, что неожиданно пришла в голову.

— То даже добже будет, — прошептал он. — Скажешь Берце, что зубная боль мучает, оттого и слезы льешь беспрестанно. Пусть снадобья дурманного даст тебе.

Так и повелось в дальнейшем. Каждый день Берца подавала своей панне настойку маковую, а та делала вид, что пьет ее, пытаясь унять боль. Правда, пару раз Ксения все же выпила снадобье, полагая, что если оно устраняет боль телесную, то и с душевной болью должно справиться. То странное оцепенение, а позднее глубокий сон, в который она провалилась, убаюканная ходом саней да теплом, что дарила меховая шкура, надежно

укрывающая ее от мороза, на время позволили ей не думать о том, что ждет ее впереди. Но пришедшая на пару к сердечной муке головная боль, что терзали ее почти все следующее утро да странная сухость во рту быстро заставили ее отринуть мысль о том, чтобы забыться под действием дурмана.

К концу первой недели пути Ксения вдруг заметила, как стал беспокоен Ежи, как то и дело оглядывается назад, вглядывается в линию на краю земли, словно ожидая увидеть кого-то. Совсем как она недавно ждала хоругвь Владислава, преследующую их. Но никто не настиг их тогда, никто не остановил грозным окриком, и путники без особых происшествий въехали во двор корчмы старого жида Адама, куда привел их Ежи, ехавший во главе отряда.

Именно с этого двора Ксения должна была исчезнуть следующей ночью по задумке усатого шляхтича. Нынче же вечером она должна была сказатьсь больной и задержать отряд тут еще на день, пока не прибудет человек Ежи, что увезет тайком ее ночью в Слуцк. Там в слущких землях она скроется за высокими стенами православного монастыря, снова покроет голову платом белицы. Безуспешно будет пытаться отыскать свою панну Владислав, безуспешно будет ездить по землям, где ее видели в последний раз.

А потом Владека убедят, что она оставила его, ушла из его жизни для его же блага. Владислав поймет, почему она поступила так, уж слишком хорошо он знал ее, уж слишком похож этот поступок на тот, что она совершила когда-то в землях русских. Уж лучше умереть самой, сгинуть, чем дать Владиславу упасть на дно той ямы, в которую он непременно попадет, останься она с ним!

Со временем Владислав примирится с ее потерей. Затянется рана, улягутся душевные муки. И тогда он пойдет на поводу рассудка — примириться с Острожскими, поведя панну Ефрожину под венец. Ксения прикусила губу, стараясь сдержать слезы, как всякий раз едва думала о том. Уж лучше пусть будет с горделивой панной, чем с проклятой черной старухой с косой! Пусть лучше чужие руки ласкают его, чем превратится его тело в прах!

А после, спустя время, когда улягутся бури в землях магнатства, когда ничто и никто не будет угрожать Владиславу, Ежи откроет тому правду о местонахождении Ксении, если к тому моменту она сама будет все еще желать того. Ведь выбирая между платом черницы и объятиями Владислава, она делает выбор между праведной жизнью и грехом, страшным грехом блуда. Никогда она не сможет стать венчанной женой для него. Только любовью, как звали в ее землях подобных жен.

Но что за доля без его глаз, без его рук и губ? Нет ей жизни тогда, Ксения ныне знала это достоверно. Оттого и будет молиться она неустанно в предстоящие годы разлуки, умоляя простить ей греховную любовь ее, ее будущее, что навсегда связано только с ним, с темноволосым паном, который был послан ей судьбой. Оттого и станет подле него на жизненном пути без венца.

Конечно, если Владислав будет желать того. Ксения прикусила губу. Нет, не может быть, что он забудет ее со временем. Не может любовь угаснуть без следа. От любого костра, особенно так ярко пылавшего, как тот огонь, что пылал в их сердцах, остается искра. И Ксения сделает все после, чтобы снова разжечь этот костер, пусть даже останется самый малый уголек от него к тому времени.

Хотя ей отчаянно хотелось думать, что не будет этих долгих лет разлуки, что Владислав отринет союз с панной Острожской, не желая связывать себя узами брака ни с кем, кроме нее, Ксении. Что так будет тосковать по ней, храня верность тому чувству, связавшему их некогда, что сам Ежи не выдержит и откроет Владеку их сговор ранее срока, еще до конца

этого года, быть может, даже этим летом. И тогда сам Владислав приедет за ней и увезет обратно в Заслав на своем валахе, чтобы более никогда они не разлучились. И он непременно простит ее. Потому что она приложит все усилия для того. Потому что он не может не простить ее.

Неожиданно стукнула дверь за ее спиной, и зачарованная своими мечтами Ксения обернулась на этот звук, полагая, что это вернулась Берця, взявшая за привычку уходить на ночь к одному из гайдуков в небольшой свите Ксении. Но это был Ежи, обеспокоенно крутящий длинный ус.

— Борздо! Меняй свое платье на это. Все меняй! В твоём платье ты слишком приметна глазу чужому. Пришел срок, панна. Пора уходить с корчмы! — он бросил Ксении сверток, и она едва успела подхватить его. — Борздо, говорю! Слуга Адама проводит тебя туда, куда ехать должна.

— Я не понимаю, разве мы не должны... — начала Ксения, но Ежи уже снова скрылся за дверью. Ей ничего не оставалось, как быстро перерменить свое платье из богатой бархатной ткани и сорочку из тонкого полотна на суконную юбку, рубаху из толстого полотна и шнуровку, подбитую беличьим мехом. После ее роскошного платья этот наряд, что был привычен для простой шляхтянки или горожанки, показался Ксении таким простым, таким непривычным.

Она едва успела зашнуровать жилет, как вернулся Ежи, кивнул довольно, а потом протянул руку ей ладонью вверх.

— Все твои побрякушки, панна, сюда давай.

Она подчинилась ему и в том — сняла из ушей длинные серьги, стянула с пальцев перстни, помедлив с одним, с серебряной сканью вокруг бирюзового камня. Этот перстень был дорог ей, как никакой другой, ведь именно недавно надел на палец Владислав, говоря, что это дар ей на заречины, знак их обручения.

— И распятие, — коротко сказал Ежи, показывая на ее шею, где на тонкой цепочке из серебра висел православный крест, украшенный бирюзой.

— Нет! — отрезала Ксения, упрямо вздергивая подбородок, и на ее удивление Ежи не стал спорить, отступил в сторону, пропуская в комнату низенького хозяина корчмы.

— Адам проведет тебя тайно к задней двери, — проговорил Ежи. — Там, в паре десятков шагов от корчмы, у края леса тебя будет ждать его слуга, Януш. Януш не слышит, глух он, имей в виду. Тебе лучше от него в этой тьме не отставать, потеряешься в лесу — дай Бог, чтобы он быстрее нашел, чем волки. Запомни еще — ты не панна Ксения из Московии. Ты отныне Катаржина Вревская. Остальное по приезде скажут. Запомни — Катаржина Вревская!

— Куда ты отправляешь меня? — спросила Ксения, стараясь гнать от себя мысли о волках. — Отчего так скоро? Ведь сговор был на следующую ночь.

— У меня все готово, панна, медлить нет резона, — отрезал Ежи. — К чему тянуть, коли само небо к нам мирволит? Езжай с Богом. Януш получил наказ доставить тебя живой и невредимой даже ценой своей жизни, — он вдруг шагнул к ней, сам накиннул на ее плечи плащ, что принес с собой сейчас, застегнул серебряный аграф, избегая ее взгляда. — Ну, с Богом, панна! Хотя и худое дело ныне творим...

Ксения до сих пор удивлялась, отчего так безропотно шагнула вслед за корчмарем в темный потайной коридор, ведущий прямо со второго этажа вниз, на задний двор. Быть может, оттого что сама была перепугана происходящим. Или осознанием того, что впервые

видит Ежи таким обеспокоенным, таким... испуганным...

В темноте опустившихся на землю сумерек она едва разглядела на заднем дворе фигуру слуги старого корчмаря. Он стоял, держа на поводу двух лошадей. Ксения помедлила, в ужасе думая о том, как она поедет на этом дьявольском создании, попятилась назад, но дверь за ее спиной уже захлопнулась, а Януш ухватил за рукав рубахи, принуждая приблизиться. Потом помог ей забраться в седло, показал жестами, что поведет ее лошадь на поводу за собой. Час от часу нелегче, подумала Ксения. Неужто у нее не только глухой, но и немой провожатый? Как же с ним разговоры-то вести?

Она старалась не думать о том, что едет неизвестно куда в темень леса с пугающим ее все больше и больше провожатым, отгоняла от себя мысли о том, что уезжая ныне, оставляет позади свое сердце. Стала думать о Ежи, пытаясь отвлечься от того, что впервые в жизни едет верхом одна, от паники, что наполняла душу, при мысли о том, что это животное может сбросить ее в снег, покалечить, а то и убить копытом. Она слыхала о таких случаях еще в вотчине батюшки. Хотели подковать да не сумели удержать тогда коня. А он — хлоп копытом в лоб одному из холопов, и тотчас убил на месте.

Ксения поежилась испуганно, борясь с желанием прикинуться к шее лошади, вцепиться в нее мертвой хваткой, что настрого запретил ей жестами Януш, ехавший ныне впереди нее, направляя свою лошадь меж еловых лап. А потом нахмурилась озадаченно, заметив, как вдруг немного посветлел снег под копытами его лошади. Возможно ли то? Свет становился все заметнее и заметнее, и Ксения, удивленная, обернулась назад, рискуя свалиться наземь. Позади нее горел небольшой огонек, становясь все ярче и ярче с каждым мигом. Ой, Матерь Божья, неужто пожар где?

Ксения хотела перекреститься и даже руку подняла да не донесла до лба. Ее голове вдруг стали становиться в один ряд мелкие детали, открывая ей полную картину происходящего: пожар в корчме (а ведь именно она была позади беглецов), ее одежда, оставленная на дворе, ее украшения, беспокойство Ежи, что она заметила утром, все нарастающее к вечеру. Сердце забилося сильнее в груди, будто птичка, пойманная в силочку.

«Панна должна уйти туда, откуда нет возврата!». Как же слепа она была! Как могла позволить так обмануть себя сладким речам Ежи! Ведь только ныне Ксения вдруг поняла, что не будет у нее возврата, если усатый шляхтич назовет ее умершей, если предъявит мертвое тело Владиславу. О Господи! Она замерла на миг, а потом вдруг резко выпрямилась, не замечая еловой ветки прямо перед лицом, и та стегнула ее по лицу, заворошила лицо снежной крупой со своих коротких игл. Холодная влага, в которую превратился снег на лице, привела Ксению в чувство, заставила опомниться от страха, захлестнувшего душу.

Она не позволит увести ее, словно безмолвную овечку, от Владислава, навсегда отсекая обратный путь к нему, пришла в голову шальная мысль. Не позволит! Прежде чем успела обдумать, как ей следует поступить дальше, Ксения решительно склонилась с лошади и, стараясь сделать свое падение как можно мягче, соскользнула в снег, провалившись в сугроб чуть ли не по плечи, больно ударившись, несмотря на высокий слой снега, коленями и ладонями. Как же ей на руку, что слуга корчмаря глух, потому что при этом падении она все же не сумела сдержать легкого вскрика!

Потом Ксения поднялась на ноги, отступила под широкие ветви ели, скрываясь из вида Януша, что по-прежнему вел за собой лошадь под пустым седлом. Она вернется обратно в дым, что был близ корчмы, а может, обратится к пану этой вотчины, в землях которых она находилась. Неужто он откажет в помощи?

Она вдруг расслышала ржание лошади по правую руку от себя и немного впереди, в двух-трех десятков шагов, не меньше. Довольно громко, а значит, слишком близко. По всему выходило, что Януш уже узнал о том, что она пропала, что ведет лошадь без всадника за собой. Скорее всего, будет искать ее в лесу, получив от Ежи строгий наказ довести панну туда, где тот намеревался держать ее втайне от всех, скрывая от Владислава. Ксения предположила, что это точно не монастырь православной веры в Слуцке, не стал бы так рисковать Ежи, ведь именно на это место падет первое подозрение Владислава. Недаром ее повез тот человек, что никогда не сумеет открыть никому этой тайны. Хороший провожатый — сильный, ловкий и отлично хранящий чужие секреты!

Стоять на одном месте было довольно опасно. Ксения сильно рисковала быть схваченной слугой корчмаря, который, скорее всего, знал этот лес гораздо лучше нее, а полная луна щедро дарила нынче ночью свои лучи, словно становясь на сторону противников Ксении. Снова раздалось ржание лошади, на этот раз еще ближе, и Ксения поняла, что скоро Януш найдет ее тут, под широкими еловыми лапами, ведь даже со своего места в отдалении от места падения она видела отчетливо собственные следы на снегу. Надо бежать мелькнула мысль, и она подчинилась ей — подобрала юбки и бросилась в сторону от того места, откуда донося до нее звук в последний раз, но стараясь держаться корчмы, невидимой за деревьями ныне, чтобы не заплутать в этой лесной глухомани.

Сугробы были высокими, она проваливалась в снег чуть ли не по колено, с трудом сохраняя равновесие. Сапоги быстро промокли, а невысокое голенище позволило снежной крупе завалиться внутрь, неприятно охолодить ноги. Юбки намокли, стали мешать передвижению. Длинные ветки кустарников и деревьев цепляли плащ, больно хлестали по лицу.

Как Ксения ни старалась держать в поле зрения далекий огонек со стороны корчмы, мелькающий изредка среди темных стволов и черноты густых ельников, но вскоре все же настал тот миг, когда он неожиданно пропал из вида. Она остановилась и прислушалась, чтобы распознать, где может находиться ныне Януш, разыскивающий ее, а также расслышать за стуком собственного сердца хотя бы какой-нибудь звук, хотя бы лай собаки.

Тишина. И темнота, так резко наступившая вокруг, когда облако укрыло за собой круглый диск луны. Ксения подобрала юбки и стала снова пробираться по сугробам, слегка изменив направление. Теперь она стала держаться немного левее, полагая, что рано или поздно должна увидеть огонь, ведь именно с той стороны она ехала с Янушем. Где-то вдали послышался стройный протяжный хор волчьих глоток, и Ксения едва не закричала от ужаса в полный голос, вторя этой заунывной песне.

— Богородица, помоги мне, — перекрестилась она, останавливаясь, чтобы снова оглядеться на месте, чтобы определиться с направлением, куда ей следовало идти ныне. Показалось ли ей это или нет, но волчий вой, что так же неожиданно стих, как и прозвучал, шел как раз с той стороны, куда она держала свой нелегкий путь. — Святая Ксения заступница, помоги мне, укажи дорогу, защити...

Прошептала в отчаянье и вздрогнула спустя время. Был ли на самом деле тот едва слышный звук, что донесся до нее откуда-то из темноты леса, или это судьба сыграла с ней злую шутку? Но сердце уже билось иначе, стало легче дышать, ушел на миг страх.

Он был рядом. Теперь она понимала, отчего так был обеспокоен Ежи, отчего так поторопился убрать ее из корчмы. Ведь тихий звук, донесшийся до нее через расстояние, был ничем иным, как протяжным свистом, что издавал один из пахоликов Владислава, когда

хоругвь проезжала через дымы, давая сигнал зазевавшимся путникам убраться с пути отряда пана ордината.

Он был тут, совсем рядом! И он приехал за ней. Словно почувствовав ту преграду, что вскоре может разлучить их на долгие годы, если не навсегда.

— Владислав, — прошептала Ксения, а потом бросилась в ту сторону, откуда прилетел этот едва различимый звук пробираясь через сугробы и переплетения ветвей. Откуда-то из темноты снова донеслось ржание лошади, и она постаралась убыстрить шаг. Ведь если ее настигнет слуга корчмаря, она не доберется к Владиславу, а значит... значит...

Паника и страх кружили голову, мешали ясно думать. Вскоре Ксения поняла, что блуждает кругами, что вроде бы уже проходила мимо этой одинокой невысокой ели, стоявшей в окружении темных стволов. Показалась на миг и снова скрылась за облаком луна, но и этого короткого света было достаточно, чтобы разглядеть поодаль от себя темный силуэт. Януш! Или ей привиделось со страху? И она снова побежала, то и дело падая в сугроб и вставая.

Где ты Владислав? Где ты, моя лада? Я не могу найти путь к тебе за этой темнотой, в этом лесу. Где ты? Ксения остановилась на миг и стала в испуге оглядываться, шумно дыша, открыв рот. Морозный воздух обжигал горло, сбивая ее и без того затрудненное дыхание. А потом замерла, в ужасе понимая, что эти деревья, этот ельник, стоящий полукругом возле нее, этот редкий свет луны ей знаком. Ксения уже видела этот лес и не раз. Видела в том сне, что приходил к ней тогда, в Замке. Страшный и, как оказалось, вещий сон.

Ксения снова подобрала юбки и огляделась по сторонам, борясь с отчаяньем и страхом, разлившимся в душе при этом воспоминании. Куда ей идти? Куда?! Откуда до нее донесся тот свист? В какой стороне корчма, куда видно, уже прибыл Владислав? Она ныне понимала, что ей надо торопиться, опасаясь того, кто следовал за ней сейчас бесшумно по лесу, стараясь перехватить прежде, чем она добежит до Владислава. Ее спасение, ее покой, ее счастье — все это там, где-то за этими деревьями, за этой темнотой. Ведь это все был он, ее любимый.

В какую сторону? Какой путь приведет к нему? И как она могла потерять его, как себе позволила совершить такую ужасающую оплошность? Как могла пойти на поводу Ежи? Надо было открыться Владиславу, надо было рассказать ему все. Он бы решил, он бы непременно решил бы... Мысли метались в голове, мешая принять то единственное верное решение, затрудняя выбор направления, которого она должна держаться ныне, убегая от Януша, что где-то скрывался от ее взгляда до сих пор.

И тогда Ксения крикнула, громко и протяжно, в черноту леса, как тогда, во сне:

— Где ты, Владек? Где ты....?

Владислав должен ответить ей. Ведь он был так близко, всего лишь за этой чернотой. Так близко и в то же время так далеко.

И тут же за спиной Ксении раздался шорох, который она слишком поздно распознала в этой пугающей тишине леса, что установилась после ее протяжного крика, полного тоски и страха. Она обернулась на этот звук, но не успела даже рассмотреть что-либо, как тяжелый удар сбил ее с ног, и чернота обволокла ее, принимая в свои объятия. Все как в том сне... Она совсем забыла, что тогда в том ночном кошмаре, вслед за ее криком неизменно наступала темнота.

Когда Ксения открыла глаза в следующий раз, уже всюду светило солнце, а сама она ехала на руках слуги корчмаря, прислонившись к его груди спиной, как когда-то ехала с

Владиславом. Нещадно болела голова, особенно там, где начиналась коса. Яркий солнечный свет резал глаза. Голова к тому же шла кругом, а к горлу то и дело подступала тошнота. Видно, силен был удар глухого Януша, ведь те несколько дней в пути Ксения едва держалась на ногах из-за слабости и головокружения. А последний день, когда они наконец-то въехали во двор, где Януш передал безвольную, едва в сознании Ксению, она вообще не помнит. Только обрывками, какими-то кусками.

Сильные руки, обхватившие ее, чтобы унести в одну из спаленок панского дома. Мягкая шкура под щекой. Темно-карие глаза, с любопытством глядящие на нее, прядь черных волос, падающая на высокий лоб из-под околыша шапки. Ей отчего-то тогда привиделся Владислав, показалось, что это он несет ее под тихое женское причитание куда-то, укладывает на мягкую перину.

— Лада моя, — прошептала тогда Ксения, проводя ладонью по колючей от короткой темной щетины скуле. А потом, прежде, чем провалиться в темноту, добавила на местном наречии, видя, как недоуменно сдвинулись брови на лице, что висело над ней. — Коханый мой...

Происходящее тогда показалось странным сном Ксении — дорога из Замка, ее побег и блуждание в ночном лесу, предстоящая разлука с Владиславом. Но вскоре она поняла, как ошиблась, когда очнулась на следующий день в совсем другом мире, таком отличном от того, что окружал ее прежде. С другими, чужими ей людьми рядом. Да и сама она стала в то утро другой.

Пани Катаржина Вревская. Внебрачная дочь панна Смирца, что прижил он пару десятков лет назад от некой вдовицы из восточных земель. Вдова, потерявшая мужа, потомственного шляхтича, пусть и из бедного рода, в одном из набегов казаков на вотчину. Именно так назвал ее Ежи в своем письме к Лешко Роговскому, управлявшему делами в его земле. В том же письме содержался наказ не выпускать пани дочь его из вида, следить за ней в оба глаза. Ведь та совсем не своя от горя, так неожиданно свалившегося на нее.

И Ксения невольно подтвердила эти слова своим поведением, сама того не ведая. Ведь первые два дня, что она провела в спальне, куда принес ее Лешко, осознав, что Владислав ныне потерян для нее, и обратной дороги для нее ныне нет, Ксения отдавалась без остатка своему горю. Она рыдала, утыкаясь в подушки лицом, выла в голос, и даже разбросала постель по спальне в приступе неожиданной злости. Она отказывалась от еды, что приносила ей перепуганная Збыня или ее дочь Марыся, девочка лет десяти.

— Я не пани Катаржина! — кричала им Ксения, и они испуганно кивали, а потом бежали в соседнюю гридницу и убеждали Лешко написать грамоту пану Ежи или позвать ксендза для пани, ведь та, видать, рассудком помутилась от горя.

А в одно утро Ксения вышла из спальни, спокойная и тихая, будто и не бесновалась недавно, рыдая в голос или разбрасывая по комнате нехитрый скарб. Попросила у Збыни завтрак, а после, входя в роль панской дочери, призвала к себе, войта, полагая разузнать о той земле, которая стала нежданно для нее своего рода темницей. В ту ночь, что предшествовала тому утру, она поняла, что должна отыскать пути, что приведут ее снова к Владиславу. Ведь не может судьба быть так жестока к ней, чтобы разлучить ее с ним навсегда, если так часто сводила их прежде.

Ксения непременно должна найти этот обратный путь, по которому она вернется к своему счастью, к своему коханому. Пусть для этого понадобятся месяцы, и даже годы. И она переменится, станет иной, не той, что видели прежде люди, знавшие ее. Ей столько раз

твердили, что она должна стать истинной шляхтянкой, забыть о том, какой ее вырастили в Московии с малолетства. И она переменится, твердо решила тогда Ксения, молча глотая теплое молоко с медом, что подала ей Збыня, как верное средство восстановить силы. Она станет такой, какой показалась ей тогда панна Острожская на охоте — гордой, смелой, решительной. Прочь страхи и сомнения, что завели ее в то положение, в котором Ксения ныне оказалась. Тут иная земля, иные порядки и обычаи, и она должна стать другой...

Ксения резко выпрямилась, вспоминая о том зароке, данном самой себе той зимой. Довольно слезы лить. Разве эта соленая влага, что лилась из глаз, могла ей чем-то помочь ныне? Ежи не тот мужчина, которого можно разжалобить плачем и стенаниями, он глух к слезам. Значит, она будет действовать ныне по-иному.

Ксения поднялась на ноги и ухватила за край скрыни, что стояла недалеко от кровати, выжидая, когда головокружение, что охватило ее при резком движении, пройдет. Потом плеснула себе на ладони холодной воды, что осталась в небольшой деревянной мисе («балея», как называли ее тут) после утреннего умывания, протерла лицо, стараясь удалить следы недавних слез. Скинула с головы теплую шапку, бросила ее на постель, как и плащ, что сорвала с плеч, расстегнув аграф.

Пришло время переговорить с Ежи по-иному. На равных. Теперь она станет не пешкой на этом поле, где расставили фигуры для партии. Отныне она будет на нем королевой, и пусть по правилам игры эта фигура не может завершить игру победой, зато превосходно может помешать убрать себя с поля. А если удастся, то привести партию к тому результату, что удовлетворит всех игроков.

Ксения расправила юбки, попыталась выровнять дыхание, чтобы ни единая душа не видела ее волнения, а потом подняла руку и толкнула дверь, чтобы лицом к лицу встретиться с тем, кто должен узнать ныне, что расклад уже не таков, как был ранее. Многое успело перемениться за это время, очень многое...

1. Ежи — сокращенное от Георгий. Имеется в виду день св. Георгия (Юрия), теплый Юрьев день — 23 апреля (6 мая)

2. В то время именно кузнецы занимались подобными делами — вырывали больные зубы

3. Книга Притчей Соломоновых (14:12), Библия

4. Грубая ошибка (лат.)

Когда Ксения ступила в гридницу, Ежи сидел в полном одиночестве за широким столом и хлебал рыбную похлебку, макая в густое варево ломоть мягкого ароматного хлеба. Он взглянул на Ксению из-под бровей, но промолчал, не прервал своей трапезы. Только кивнул ей на лавку за противоположным концом стола, приказывая без слов занять место напротив него. Ксения не стала перечить, села на лавку, расправив широкие юбки платья из черной шерсти.

Они долгое время молчали, словно каждый собирался с духом прежде, чем начать нелегкий для обоих разговор. А может оттого, что вокруг них суетилась Збыня, что принесла для пана поджаренных колбасок с соленьями и кувшин пива утолить жажду. Потом, когда по знаку хозяина Збыня удалилась из гридницы, плотно прикрывая за собой дверь, Ежи поднял глаза на Ксению и проговорил:

— Покойна ныне?

— Как мне быть таковой, коли душа так и стонет? — резко ответила Ксения. От запаха рыбной похлебки у нее вдруг к горлу подкатила тошнота, и она поспешила налить себе воды из кувшина, такой холодной, что аж зубы сводило. В последнее время слабость и дурнота беспокоили ее все чаще, пугая ее своими приступами. Ведь ранее такого не было.

— Сколько сама будешь ее тревожить, Кася, — произнес Ежи, отрезая кордасом очередной ломоть хлеба, выделяя в своей реплике новое имя Ксении. — Столько и душа стонать будет. Я тебе твой скарб нехитрый привез. Что смог достать из огня, то и припрятал. Решил привезти до тебя.

Он показал лезвием короткого кордаса на лавку подле Ксении, и она заметила суму из светлого сукна, почти слившуюся цветом с налавочником. Оттого-то сразу ей торба эта в глаза и не бросилась. Ксения быстро раскрыла ее, торопясь извлечь из нее небольшой образок Богоматери, что когда-то подарил ей Влодзимеж, но едва ее пальцы скользнули по холодным бусинам, которыми было расшито платье, лежащее в суме, как она застыла, пропуская очередной удар сердца. Ее шелковое платье, ткань для которого ей привез Владислав из одной из своих поездок. Быстрая музыка танца, темные горящие огнем неукротимого желания глаза Владислава, тяжесть его руки и нежность губ, мягкость кожи...

— Я не смогу жить вдали от него, — тихо прошептала Ксения в пустоту, ни к кому конкретно не обращаясь. — Я просто не смогу...

— Никто еще не умер от сердечной тоски, — тихо проговорил Ежи, отпивая пива из высокой глиняной кружки. — Я пережил то. Ведаю, о чем речь веду. Да и все выправится.

— Как? Как то сделать можно? — так взвилась Ксения, еле сдерживая слезы, сжимая в кулак шелковую ткань. — Ты сделал все, чтобы отнять у меня путь обратно. Как мне вернуться, коли я мертва для всех? Коли я мертва для него?

Ежи продолжал свою трапезу, ни на миг не оторвавшись от нее, даже бровью не повел на резкость голоса Ксении, на ее недовольство. У него было достаточно времени, чтобы продумать, как ему следует поступить с ней, и будь он проклят, если она помешает ему ныне довести начатое дело до желаемого финала. Будь он проклят, если она остановит все на полпути!

— Я доверяла тебе, — растерянно прошептала она, в отчаянье царапая ногтями шелковую ткань. — Он верил тебе, как самому себе, оттого и я доверилась тебе...

— Ты много кому верила в своей жизни, много ли счастья тебе то принесло? — ответил ей Ежи, отрезая от колбасы толстый кусок острым лезвием кордаса. Ксения как замороженная наблюдала игрой света, проникающего со двора через слюду в окнах гридницы, на металле. Отчего-то в голову пришла мысль о тех, у кого этот кордас отнял жизнь.

— Кто отдал жизнь, чтобы твой замысел в жизнь воплотился? Чью душу положил на то? Да и тайну надежнее только мертвяк хранить будет, разве нет? Самому не тяжело от грехов своих? — спокойствие Ежи действовало на нервы Ксении, захотелось вдруг разозлить его, вывести из себя. Чтобы так же не по себе ему стало, как ей ныне. Чтобы тяжело на сердце стало хотя бы на миг.

— За своими грехами следи! — отрезал Ежи. При том голос его остался так же тих и размерен, как и прежде. Крепка броня на душе грузного шляхтича. Не так просто пробить ее словами, не разжалобить его сердце мольбами и слезами. — Я всегда говорил, что ты заноза. Заноза и есть! Есть на мне грехи, но ты не Петр, чтобы их считать. Но раз тебе дело есть, так скажу — я руки в крови мараю, когда сам могу живота лишиться, когда смерть в глаза глядит. Только так, а не иначе! Больше ничего не скажу на то, сама думай, что желаешь. И хватит о том.

Ежи протянул Ксении кусок колбасы и ломоть хлеба, которые отрезал, пока они разговор вели, но она покачала головой, снова отпивая родниковой воды, чтобы унять приступ дурноты. Он в очередной раз нахлынул на нее, как только ее нос уловил запах мяса.

— Ты должна есть! — резко заметил Ежи. — Худая, как смерть. Разве ж дело то для бабы? Или ты голодом решила уморить себя? Так имей в виду — мне дела до того нет. Панна из Московии мертва уже для всех, и нет разницы, где погребено ее тело — тут или близ Заслава града!

Ксения сверкнула глазами яростно, мгновенно вспыхнув от злости при этом замечании, но все же сумела взять себя в руки, удержать язвительную реплику, что так и рвалась с губ. Еще рано говорить ему о причине отсутствия у нее аппетита. Но при мысли о том, как мало времени у нее осталось, у нее пошла кругом голова. А воспоминание о тех словах, услышать которые она так страшилась, заставило сердце забиться быстрее, затуманило рассудок. Владислав назовет нареченной другую!

— Ты должен меня отвезти обратно! — так резко вскинула голову Ксения, что рантух взметнулся легкой волной. — Обратно в Заслав! К Владиславу!

Ежи ничего не ответил на ее слова, усмехнулся в усы и продолжил трапезу, будто и не слышал ее слов. Тогда она стукнула своим маленьким кулачком по дубовой столешнице, покрытой полотном скатерти, да так сильно, что заплескались напитки в кувшинах и кубках.

— Отвези меня обратно! — повторила она упрямо, и в этот раз Ежи ответил ей. Коротко и откровенно.

— Нет!

Ксения скривила губы в злой усмешке, осознавая, какое оружие ныне у нее в руках, что именно подарил ей Господь в ту ночь. Последнюю ночь, что она провела в Заславском замке. Этот дар снова вернет ее туда, где ее место — к Владиславу, иначе и быть не может.

— Ты не ведаешь, Ежи, покамест, — проговорила она, поднимая вверх подбородок, уже заранее зная, как он будет изумлен той вести, о которой она хотела поведать ныне. — У тебя нет иного пути нынче! И у меня его нет. Верни меня в Заслав, так решил сам Господь, не я, — а потом добавила тихо, словно опасаясь лишних ушей. — Я тяжела, Ежи. Тяжела от

Владака.

Ксения не лгала. В ее теле действительно с недавних пор забилося второе сердце. Еще совсем маленькое, неощутимое, ведь срок тягости был невелик, даже живот едва округлился за эти месяцы. Но Ксения уже отчетливо ощущала в себе этого ребенка, словно между ними установилась некая невидимая связь. Она уже любила его, этого долгожданного малыша, который совсем не вовремя был послан ей Господом в ответ на все ее молитвы.

Она обнаружила свою тягость снова не сама, несмотря на то, что тяжела была не впервые. Збыня, мудрая Збыня, выносившая троих, заметила и ее дурноту, и бледность, и постоянную слабость. Тут же стала расспрашивать про дни поганые да про то, когда последний раз с мужем пани Катаржина постель делила. Ксения отнекивалась, говорила, что такое у нее бывает, что не впервые у нее задержки, а потом потяжелела, налилась грудь, стал нос тонко чувствовать ароматы, что окружали ее. Все, как тогда. Когда носила первое дитя, так рано отнятое у нее по злему умыслу.

Вот, думала Ксения, кладя руку на еще плоский живот, вот тот путь, что приведет ее снова к Владиславу. И улыбалась довольно, любясь яркими красками, которыми снова вдруг заиграл нынче мир вокруг нее.

Ложка, которой шляхтич хлебал похлебку, с глухим стуком упала в миску, расплескав на скатерть немного варева. Ежи оторопело глядел на нее с миг, а потом выругался в голос, сжал пальцы в кулаки.

— Ты же говорила, не допустишь! Как могло то случиться? — Ксения смело выдержала его гневный взгляд, но все же вздрогнула, когда он с шумом поднялся из-за стола. Потом он вдруг застыл на миг, закрыл лицо ладонями, словно успокоиться пытался, собирался с мыслями.

— Я не жилец... увезти... с приплодом! — глухо произнес Ежи, и Ксения снова вздрогнула при звуке его голоса — такая обреченность прозвучала в том. Он отнял руки от лица, снова взглянул на растерянную Ксению. — И ты тоже, панна, не жилец, коли вернешься ныне в Заслав. Ты названа умершей не только оттого, что таково было мое решение. Есть человек, которому ты не ко двору пришлась. Оттого и помереть должна была. А уж плоти от плоти твоей он точно не даст на свет появиться, панна. Или ты себя в силе считаешь пойти против бискупа? Готова рискнуть жизнью своей и младенчика душой? Готова к тому?!

— Бискупа? — отшатнулась невольно Ксения, едва не падая с лавки. Такого она точно не ожидала услышать. Епископ, дядя Владислава, что всегда был так добр к ней, что привечал ее чуть ли с не первых дней их знакомства, мог отдать приказ умертвить ее? Они столько проводили времени вместе — то за беседами, то за игрой в шахматы, что ей стало казаться, родич Владислава принял ее, готов видеть женой Владака. Да разве может то быть?

— Может, — раздался прямо над ее ухом голос Ежи, слегка хриплый от волнения, что он испытывал ныне, когда судьба нанесла ему удар в спину, к которому он вовсе не был готов. Увезти панну, нареченную Владислава, с дитем в утробе! Он точно не жилец, если все откроется...

— Я готов на распятии тебе клясться в том! Я пошел на сговор с ним лишь бы жизнь тебе сохранить. Не я, так другой! А у другого точно рука не дрогнула бы. И не дрогнет, панна!

Он положил Ксении, растерянной и обескураженной услышанным, ладонь на плечо, сжал его, надавливая пальцами на тонкую кожу через плотную ткань платья.

— Дай мне время, и я все решу, как говорил тебе, — произнес он тихо. — Только время дай мне, панна. Владиславу суждено привести под венец панну Острожскую. Так должно быть. Только так! Пока Владислав не соединился с панной Ефрожиной, ты помеха для пана бискупа, а уж про дитя твое и вовсе говорить не стоит. Дай свершиться тому, что должно. И я решу, как быть тебе, как вернуться тебе к нему. И моли Господа, панна, чтобы в срок на свет появилась девица! Не то...

Ежи не договорил, прервался, заслышав, как застучали гулко колеса по деревянному настилу у крыльца, как громко заржали под самыми окнами лошади. Тут же сжал воздух в том месте, где висела давеча рукоять сабли, которую он сложил на лавку, усаживаясь за стол, напряглись плечи.

— Кто это там к нам на двор пожаловал? — проговорил он, чувствуя, как побежала кровь по венам быстрее, словно в предвкушении опасности. Глухо стукнуло в сенях, а потом распахнулась дверь, ведущая в гридницу, пропуская на порог статную женщину в темно-серых одеждах. Она быстро окинула взглядом комнату, задержалась на Ежи, что по-прежнему стоял, держа ладонь на тонком плечике Ксении.

— Пан Смирец! — кивнула женщина, откидывая назад капюшон плаща, а потом смело шагнула в гридницу, шурша подолом платья. Глаза ее сверкали от ярости, губы были сжаты в тонкую линию. Руки, обтянутые кожей длинных перчаток, сжимали ткань юбок с такой силой, словно хотели порвать толстую ткань.

— Пани Эльжбета! — Ежи двинулся навстречу женщине, пожал ее правую руку в знак приветствия. — Не успел я даже порога каменицы переступить, а пани Эльжбета на моем дворе.

Ксения удивленно взглянула на этих двоих, стоявших друг напротив друга, словно бойцы перед тем, как сразиться в кулачном бою в дни широкой Масленицы. Острые взгляды скрестились будто лезвия острых сабель.

— Кто она? — тихо произнесла гостья, указывая ладонью на Ксению, развернувшуюся к ним лицом и недовольно поморщившуюся при этом жесте. Эта встреча с пани Эльжбетой была не первой для нее.

Еще не успела Ксения и седмицы пробыть в землях Ежи, как прибыла с визитом на двор эта статная женщина во вдовьем чепце. Ксения до сих пор помнила тот взгляд, которым окинула ее пани Эльжбета — настороженный, злой. Эти колючие глаза пробирали до самого нутра, хотелось перекреститься, ведь этот взор явно не сулил ничего хорошего.

Она ничего не сказала поклонившейся Збыне, не ответила на короткий вежливый поклон самой Ксении, вышедшей на крыльцо встретить нежданную гостью, а только снова обвела взглядом панну с края подола до макушки, покрытой расшитым чепцом, поджала губы да тронула за плечо возницу, приказывая уезжать со двора пана Смирца.

И вот она снова здесь, спустя несколько месяцев. И по-прежнему пронзает Ксению колючими злыми глазами, сжимая пальцами подол платья.

— Кто она? — снова повторила пани Эльжбета, а потом добавила, вздернув острый подбородок вверх. — И ненадобно мне сказ говорить про дочь твою прижитую. Я-то как никто иной знаю о той все. И что ей годков ныне пятнадцать должно было быть ныне, и что померла она от горячки пару зим назад. Так что кто эта пани, пан Ежи?

Ксения удивленно взглянула на них снизу вверх, пораженная и словами нежданной гостьи, и ее тоном, злым и жестким, совсем неприличным для беседы, и теми слезами, что послышались в голосе. Ежи же, не долго думая, ухватил пани за локоть, с силой вцепившись

в него.

— Касенька, — проговорил он медленно, и Ксения, не сразу сообразив, что это к ней он обращается, помедлила перевести свой взгляд на него. Ему пришлось снова повторить уже настойчивее. — Касенька, пожелай нашей гостье доброго пути до ее вотчины. Пани Эльжбете надо уезжать. Ныне хоть и весной пахнет на дворе, да вечера ранние, темные.

— Доброго пути, пани Эльжбета, — повторила растерянная Ксения, пытаюсь сообразить, что происходит ныне в гриднице, и Ежи тут же повел, даже потащил за собой женщину в темном платье к выходу. Та только и взглянула в последний раз на сидящую на лавке Ксению исподлобья, зло, прежде чем скрыться вместе с Ежи в сених.

Хлопнула наружная дверь, и Ксения сорвалась с места, движимая своей давней чертой, с которой так давно и безуспешно боролись ее мамки — неудержимым любопытством, подбежала к окну, чтобы поглядеть на двор. Там, у колымаги, на которой, видно, приехала на двор пана Смирца пани Эльжбета, стояли эти двое, но взгляды их были уже иные, обращенные друг на друга, жесты другие. Женщина смотрела на мужчину с какой-то странной мукой в глазах, с немой просьбой, ее ладонь нежно коснулась небритой щеки Ежи, легко скользнула до высокого ворота жупана. Во взгляде Ежи по-прежнему читалось недовольство, но уже без той злости, которой так и горели его глаза в гриднице. Он что-то тихо говорил пани Эльжбете, и та только покорно кивала, соглашаясь.

Ксения вдруг поняла, глядя на эти скрытые для посторонних жесты, на эти взгляды, осознав причину странного поведения пани Эльжбеты. Угадала сердцем, измученным любовью, другую душу, подверженную тому же недугу.

Статная женщина, несмотря на года (а ей явно было более трех десятков) и возможные роды, стройная, как береза. Белая кожа, едва тронутая меленькими полосками морщинок у глаз. Тонкий нос и острый подбородок, придающий женщине надменный вид. Она была довольно привлекательна, и было удивительно Ксении, что та нашла в этом грузном шляхтиче с пусть недурным лицом, изборожденным редкими, но глубокими морщинами, жизнь которого явно наметила свой путь к закату, отмеряя тому все меньше лет, оставшихся до конца.

Хотя, с тоской подумала Ксения, разве позволительно нам выбирать, кому сердце свое отдать? Если б такое можно было, разве сама она была здесь, в этих землях, так далеко от отчего дома?

Позади нее раздался тихий шорох, и Ксения обернулась на этот звук, краснея от стыда, что кто-то застал ее за подглядыванием. Возле нее стояла Збыня, смотрела через плечо Ксении на двор и тех, кто по-прежнему о чем-то тихо беседовал у колымаги.

— То я, пани Кася, — тихо сказала Збыня. Она держала в руках большую мису, в которой что-то мешала деревянной ложкой с длинной ручкой. Видно, ставила тесто для хлебов завтрашних. — А, так и думала я, что это пани Эльжбета. Раз пан на двор приехал, то и она приедет поглядеть на него.

— Они...? — начала Ксения и замолчала, чувствуя себя неловко оттого, что задает подобные вопросы, да еще и холопке. Но Збыня даже бровью не повела при этом, словно ничего предосудительного в том не было, кивнула коротко.

— Давненько уже пани Эльжбета сердцем к пану Ежи прикипела. Еще с малолетства, как люди языками чешут. Разве ж скрыть, как щеки алеют, когда знатный шляхтич мимо проходит? Не утаить то, будь ты паненка али холопка простая. А потом пан Ежи уехал отсюда да надолго, в Заславский замок, к пану ординату на службу. Пани Эльжбету отец

замуж отдал, когда срок пришел, и сваты в дом ступили. Как же она, видать, удивлена была, когда открыла, что стала соседкой пану Ежи. Желала женой стать, а пришлось соседство делить. А когда...

Но тут Ксения заметила, что пан Ежи, посадив пани Эльжбету в колымагу, уже идет прочь со двора, в дом, подала знак Збыне и сама отошла прочь от окна, не желая быть застигнутой за подглядыванием. Когда Ежи ступил в гридницу, она снова сидела на своем месте, глядя шелк платья, в котором когда-то пережила свои самые счастливые дни.

— То пани Эльжбета Лолькевич была, наша соседка, — пояснил он, возвращаясь к трапезе, поморщился недовольно, когда обнаружил, что похлебка уже остыла, отодвинул от себя миску. — Вдовица она. Сын ее в Менске у иезуитов на обучении в школе. Ей одной одиноко вот и навещает соседей. И к тебе приезжать будет отныне. Ты не думай, она не злая и сварливая, какой сюда прибыла ныне. Просто... — он замялся, пожал плечами. — Она может стать тебе справной собеседницей, разделит с тобой дни, когда я, коли Бог даст, сызнова уеду отсюда. Эти земли — не Заслав, а каменица моя — не Замок. Заскучаешь тут... Да и еще! Никаких выездов ныне. Пани Эльжбета сказала, что тяжелым то ни к чему вовсе. Вот как разродишься, тогда и твори, что пожелаешь, а ныне я запрещаю. И Лешко о том скажу.

Он молча принялся за колбасу с хлебом, запивая эту нехитрую снедь отменным хмельным напитком, какой варили только у него в пивоварне. В голове только и крутилась мысль, кому еще он мог сказать о смерти дочери, прижитой от одной вдовы в восточных землях. Непозволительный промах! Видать, и правда, старость у ворот притаилась, раз уже голова допускает такое. Владислав ведает, что у него дочь есть в приграничье, сам ему говорил некогда. Но вот что там насчет той болезни, что унесла с собой жизни и пани той, и его дитя? Этого он не мог вспомнить, как ни старался. И как только Эльзя узнала? Ей-то он точно не говорил ни о вдове из приграничья, ни о дочери. Чертова баба, подумал Ежи и с удивлением поймал себя на том, что при том в душе мелькает не злость, а некое восхищение.

— У тебя была дочь? — вдруг спросила Ксения, так резко врываясь в его мысли. Ежи кивнул.

— Был такой грех. Сама знаешь, не только от большой любви дети рождаются. Провел как-то ночь с вдовицей, когда на постой встали у нее на дворе. А потом мне весточку она прислала, что дочь прижила от меня, Катаржиной нарекла в честь матери. Ты не бойся, в моих землях она не жила никогда, оттого никто ее тут в лицо не знает. Да и сам я не видел ее, только в младенчестве. Но свой долг перед ней выполнил — и adoption {1} сделал, и приданое ей выделил бы, когда срок пришел бы. Да не сошлось, как видишь. Доле о том. Ты мне лучше скажи, что еще тут творила? Гляжу, много дивного — и на лошадь села, и в костел ездила. Зачем ксендз понадобился?

Ксения отвела взгляд в сторону, стала смотреть на переливающийся в свете дня шелк под своими пальцами. Скоро же Ежи разведал обо всем, даже дня не прошло, как прибыл. И кто только рассказал ему? Лешко, что отвозил ее на двор латинянской церкви, в дом ксендза? Или Эльжбета, которую Ксения часто встречала у костела?

— Я, Ежи, беседы с ним веду, — произнесла наконец Ксения, придумав правдоподобную версию того, зачем ей ксендз понадобился. Открывать очередное свое приобретенное умение, которому ее с такой готовностью обучал здешний священник римского закона, — грамоту, она решила до поры скрыть от Ежи, словно чувствуя, что это в дальнейшем ей только на руку сыграет. — О канонах закона вашего, о догмах ваших.

— То добро, — кивнул Ежи. Ему действительно пришлось по нраву, что Ксения становится постепенно той, кто по праву сможет встать подле знатного шляхтича. Он опасался, что встретит тут московитку, упрямо отрицающую уклад и обычаи, что были приняты тут, стойкую в своей дикости, какой славились их соседи, именно той девицей, каковой она прибыла в Заславский Замок. Но эта Ксения удивила его. Словно изменив собственное имя, она меняла и свою сущность.

Вечером, едва на двор стали опускаться сумерки, Ежи приказал седлать себе коня и уехал прочь, в постепенно сгущающуюся темноту. Ксения проследила за ним взглядом из окна своей спальни, что выходило на двор. Знать, все верно, как она подумала. К вдове Ежи едет, не иначе. И если вернется глубокой ночью или на самом рассвете, то подтвердятся ее догадки, при мысли о которых начинали гореть щеки.

В ту ночь ей не спалось. Ксения долго стояла на коленях у небольшого образа на полке в восточном углу ее спальни, что закрепил один из холопов, тихо молилась, едва шевеля губами. Но молитва не лилась неспешным ручьем, как бывало то обычно. Ксения то и дело запинаясь, сбиваясь, мысленно уходя совсем в иное. Она закрывала глаза и представляла себе, что стоит на коленях в спальне Замка, а за ее спиной, на кровати, вольготно устроился Владислав, который ждет окончания ее молитвы. Она закончит шептать святые слова, сотворит трижды святой крест и положит поклоны, а потом поднимется с колен и скользнет в постель, в кольцо крепких рук, прижмется щекой в груди, в том самом месте, где распахнута рубаха, будет слушать мерный стук сердца, пока не провалится в сон.

Но эта скромная спальня совсем не походила на богато убранную спальню в Замке, а узкая постель была пуста и холодна. Никто не ждал ее, никто не протягивал к ней руки, чтобы прижать к своей груди. Долгая ночь в одиночестве ждала ее. И даже во сне Владислав не приходил к ней, чтобы хотя бы на миг развеять ее тоску. И это не могло не тревожить Ксению. Ведь больше всего на свете она боялась забыть его, черты его лица, нежность его рук и губ.

А еще Ксения долго ворочалась в постели, думала о том, что, быть может, именно в этот день подписали договор между родами, который вскоре должен окончательно скрепиться узами брака. Приведет тогда под своды того большого костела в Заславе Владислав панну Острожскую, наденет на палец ей перстень в знак того, что отныне пойдут они по этому свету рука об руку.

Как поступить ей ныне? Должна ли она объявиться в жизни Владислава, помешав браку, столь желанному всему, кроме них двоих? Ведь этот союз навсегда лишит ее ребенка отца, сделает его безбашенным. Пусть не в чужих глазах, пусть для всех это будет дитя, подаренное свыше после смерти отца. Но она будет знать. Будет смотреть на этого ребенка и понимать, что сама лишила его отца, родила его байстрюком, навеки лишив того, что должно принадлежать ему по праву. Признаться, когда Ксения думала о будущей жизни с Владиславом невенчанной, она и думать забыла о детях, что могут быть рождены от такого греховного союза. Недопустимо!

Но вернуться ныне и рискнуть тем, что так долго вымаливала у Господа...? Готова ли она к тому? И готова ли подставить под острие сабли голову Владислава, ведь на этот раз разрыв с Острожскими не пройдет бесследно? Тяжел ее выбор. Непростая доля выпала на пути...

Ежи вернулся только, когда заалело на краю земли, Ксения не спала и слышала, как стучат копытами по деревянному настилу перед крыльцом копыта лошади. Все верно,

подумалось с какой-то грустью ей, в соседней вотчине был, навещал пани Эльжбету. Недаром ей привиделась некая связь между ними, когда она наблюдала за ними через слюду окна.

Но Ксения, как и Лешко Роговский, и хлопы, что, судя по всему, были прекрасно осведомлены о том, что происходит между паном и пани вдовой, никогда даже взглядом не показала, что знает об их отношениях. Она по праву считала, что не ее это дело размышлять о чужих грехах или осуждать их, коли сама жила с Владиславом столько времени только по языческому обряду.

А сами Ежи и пани Эльжбета, казалось, даже не думали скрывать, по крайней мере на собственных дворах, что между ними есть связь. Они часто выезжали вместе, особенно в пору скорого наступления для святого Егория, проверяли распаханное поле или вместе ездили к лесничему, что смотрел за небольшим леском, который был у них в собственности. Эльжбета часто оставалась в каменице, ожидая, когда Ежи закончит дела на дворе, разберется с холопами, суд над которыми ныне перешел к нему, как хозяину земли. И довольно скоро Ксения почувствовала, как незаметно вдова Лолькевич стала близка к ней, как когда-то была Мария, что осталась в той, другой жизни.

Все началось с коротких вежливых разговоров о здравии, о погоде и о севе, что вскоре предстоял. Потом пани Эльжбета стала аккуратно заводить разговоры на другие темы, выполняя обещание, данное своему возлюбленному.

— Надеюсь, пани Кася не держит на меня зла за то, что лишила ее радости прогулок верхом, — говорила пани Эльжбета, уже без особого труда называя Ксению тем именем, которым нарек ее Ежи. — Тяжелым не стоит в седле ездить. Можно и дитя скинуть...

Нет, разумеется, Ксения не знала о том. Она ведь того и на лошади-то не ездила, только тут решилась в землях «отца». А когда пани Эльжбета, видно, разузнав у болтливой Збыни о частых недомоганиях Ксении, привезла ей травы, отвары которых сама пила от дурноты и слабости, когда носила последнего и единственного, кто выжил за эти годы, сына, между ними и вовсе растаял лед. И, несмотря на то, что Ксения подозревала, что это дружеское расположение было вызвано просьбой Ежи, она была рада, что ее одиночество, наконец-то нарушено, а голод по общению, к которому она так привыкла за время, прожитое в Замке, будет удовлетворен.

А потом и сама пани Эльжбета прониклась к Ксении, стала чаще бывать на дворе пана Смирца, и именно она привезла Ксении из ближайшего града, куда ездила за покупками, клубки нитей для вышивки, моток кружев и тонкое, почти прозрачное полотно.

— Для крестильной рубахи младенчика, — улыбаясь, передала она свои дары растерянной Ксении. — Егусь об этом точно не подумает, вот увидишь. А позаботиться о том совсем не мешало бы. Как и об одежде для маленького. А колыбель я сама привезу. У меня после Радека осталась. И одеяльце привезу, и другого много. Эх, как это добже младенчика-то в доме иметь! — а потом осеклась, заметив, как набежала тень на лицо Ксении. — Прости меня. Не подумала совсем о горе твоём.

Ксения решила, что Эльжбета говорит о ее мнимой потере мужа, но вскоре поняла, как ошиблась, когда та поджала губы недовольно, снова напоминая ту пани, что приехала в гневе на двор Ежи узнать, что за девицу тот поселил у себя в каменице да за дочь выдает.

— Ты должна быть осторожна, Кася! Ныне не только собственную жизнь в руках держишь. И не только младенчика этого, что вскоре даст о себе знать, — тихо, но твердо проговорила она, глядя Ксении прямо в глаза. — Ты жизнь Егуся в руках держишь. Он ведь

вор! Украл панну нареченную, а за то пан Заславский по голове его не погладит. Да еще дитя его невольно умыкнул. И прежде чем решить что-то, пани, три раза обдумай то! Я не прошу тебе, коли Егусь из-за тебя живота лишится! Он — моя радость, моя душа. Я ждала его ласки более десятка лет, я грезила о нем, едва девицей стала. И пусть он мой до самого нутра, пусть не по мне сердце его тоскует, но пока он подле меня... Я душу за него отдам!

Ксения даже замерла, пораженная тем, что увидела в глазах Эльжбеты, сжимающей ее ладони в волнении. Так любить может только женщина. Так любить была обречена она сама, если все сложится так, как обещал ей Ежи. Собирая по крохам моменты скупой ласки и тепла полученного от мужчины, редкие оттого, что нечасты его визиты, зная, что он не твой и никогда не будет принадлежать тебе полностью, до самого конца.

Она сжала в знак поддержки пальцы Эльжбеты, стараясь не поморщиться от боли, что та невольно причинила ей своей хваткой, кивнула, соглашаясь с ее словами.

— Я обещаю тебе, что сделаю все, чтобы Владислав не причинил вред Ежи, если смогу, если то будет в моих силах, — а потом замерла в испуге, осознав, о ком именно они ведут речь, огляделась по сторонам в гриднице — не слышал ли кто, и повернулась к Эльжете. — Ты знала?

— С самого первого дня догадывалась, — кивнула та. — Как увидела глаза твои цвета неба. Готова поспорить на что угодно, что рантух твой золотые волосы прячет от чужого глаза. Мы хоть и далече от Заслава, да тоже слыхали, что померла панна, которую пан Заславский из Московии привез да женой желал сделать своей. А там уж и сложилось все в единое целое. Осторожна будь, прошу тебя!

Ксения снова повторила слова своего обещания, в душе усмехаясь. В который раз ее желания расходились с чаяниями людей, окружающих ее. Ведь даже по глазам Эльжбеты легко читалось, что та только и думает о том, чтобы никогда Ксения не повстречала снова Владислава, чтобы тот никогда не узнал о том, что жива она, что по-прежнему ходит по этому свету и дышит только ради него. Ради него и дитя, что растет в ее чреве.

Жаль только, что не так легко прочесть мысли Ежи на этот счет, думала Ксения, глядя на задумчивого шляхтича, который как бывало, садился на ступеньку крыльца, подставляя морщинистое лицо лучам солнца, что грело уже совсем не по-весеннему. Дымил чубуком старый шляхтич да думу думал свою, и тягостна она, видать, была, вон как морщился лоб, как сдвигались брови сурово. О, многое отдала бы Ксения, лишь бы узнать, о чем думает в такие моменты Ежи!

Прошел день святого Егория, принесся с собой на двор пана Смирца веселье да праздничный обед для хлопов вотчины его, подавая знак, что пора уже бросать в черную распаханную землю семена зерновых, начиная год полевых работ.

А потом незаметно побежали дни, наполненные солнечным светом да зеленью густых крон деревьев, щебетанием птах, подбирающих со двора крохи хлеба, что щедро сыпала Марыся, дочка Збыни. Так и травень {2} прошел, словно его и не было вовсе, будто сразу лето пришло на земли пана Смирца. Стала трава на лугу за двором выше пояса, наливаясь соком, чтобы быть срезанной острым лезвием, стать через время отменным кормом для скота, заколосились зелеными высокими стрелами зерновые в полях. Рассыпало лето щедрой рукой в зелень у подножия деревьев ягоды, ярко-красные да темно-синие, почти черные, чтобы прошли по лесу юные холопки, собирая те в туеса на длинном ремне. Все чаще стали выгонять на выпас скот: больших и мощных туров, коров с маленькими, почти незаметными рогами, грязно-белых овец, шерсть которых состригут осенью, чтобы было чем заняться

пряхам в дождливые дни.

И Ксения менялась с природой, что проснулась от зимней спячки по весне и ныне набиралась сил, цвела многочисленными красками в высокой траве на лугах, пела трелями соловьиными. Постепенно округлился живот, увеличилась грудь. Готовилось тело к радости материнства, когда возьмут руки легкое тельце, когда сомкнутся вокруг соска маленький ротик.

Да и Ксения, казалось, забыла все тревоги свои, поглощенная тем, как легко шевелится у нее в чреве маленький человечек, как тихонько толкает ее изнутри, мол, вот он я, наслаждаясь теплом солнечных лучей, ароматом трав и скошенного сена, что доносился с лугов. словно ее разум наглухо спрятал где-то в дальнем уголке тягостные мысли, воспоминания о былом, о том, чего Ксения ныне лишена.

Но изредка они приходили, прорывались через установленную разумом преграду. Темные пряди волос Лешко, на которых блеснул солнечный лучик. Высокая мужская фигура в ярком жупане, мелькнувшая в толпе на местечковой ярмарке. Грустный девичий голос, что доносился в сумерках с луга за двором, где прогуливались холопы после трудового дня, поющий о «темноглазом соколе, улетевшем далеко, что даже глазу не видно», о тоске девичьей по сильному мужскому плечу.

И воспоминания о другом лете. Лете, когда переплелись судьбы, так и не сумевшие стать единой жизненной нитью. Темно-синие лесные ягоды. Желтые цветы водных цветов, что так любят девы речные. Видно, эта разлука — кара за то, что некогда Владислав сорвал те кувшинки, чтобы бросить их на подол сарафана Ксении, а после накрыть ее своим телом, а губы губами.

Как же Ксения желала порой ночами, чтобы поверх ее маленькой ладошки, которую она клала на слегка округлившийся живот при редком, но таком уже отчетливом шевелении дитя, легла другая — крепкая с длинными пальцами! Как же хотела, чтобы эту радость ожидания, этот трепет в душе разделил с ней Владислав. Ныне она понимала, насколько дорог для нее был каждый миг, проведенный подле него, с горечью сожалела обо всех пустых ссорах, что разлучали на время. Ах, если б она знала, чем обернется в итоге ее украденное у судьбы счастье! А ведь счастье действительно было украденным — сколько раз они шли наперекор свету лишь бы быть вместе...

Шли дни, сменяли седмицы одна другую. Поменяли цвет зерновые в полях, набрав от летнего солнца яркого света, зашумело хлебное золото колосьев. Загрохотал громами Илья {3}, стал грозить издали зарницами на темном сумеречном небе. Все холоднее стали ночи с каждой седмицей, подавая знак о близком приближении осени, что торопилась на смену веселому лету.

И одной из этих ночей приехал на двор пана Смирца текун из Заславского Замка, как поведала Ксении Марыся, помогавшая той облачиться в темно-серое платье, закрепить на волосах рантух и вдовий темно-серый чепец. Ксения замерла при этой вести, а потом резко поднялась с места, прошла в гридницу, где за столом сидел Ежи. Он был не в рубахе и жилете, как одевался обычно в эти дни, а в жупане, подпоясанный широким шелковым поясом.

— Я уезжаю, — сказал он тихо, не поднимая глаз от яичницы, которая стояла перед ним. — Думаю, ты уже ведаешь, что мне от Владислава грамота пришла. К себе зовет...

Ксения ничего не ответила, положила руку на живот, в котором вдруг шевельнулся ребенок, словно ощутив то волнение, что охватило ее. Она не могла оторвать взгляда от Ежи,

ждала, пока он добавит еще что-нибудь, скажет, что ей ожидать ныне. Или просто поведает о Владиславе. Хотя бы здоров он, тоскует ли по ней еще...

— Я уезжаю, — повторил Ежи, уже расправившись с завтраком, а потом подумал немного и добавил. — Ко Дню введения {4}вернусь. Ты ведь к Адвенту разродится должна, верно? Так повитуха сказала? Успею, значит.

— Скажи мне, — вдруг глухо проговорила Ксения, и Ежи вздрогнул при звуке ее голоса, взглянул на нее. Она пыталась прочесть в его глазах, о чем он думает ныне, какие вести принес ему текун, но не смогла. Сердце вдруг встрепенулось, забило в груди, и снова шевельнулось дитя, будто в ответ на это.

— Он здоров ныне, — сказал Ежи. — Этим летом ходил в степи на дымы казацкие. Был легко ранен. Сущий пустяк! Нелепица, а не рана, так что и слезы лить не смей о том. Царапина, право слово, готов на кресте клятву дать в том!

Ксении хотелось спросить Ежи, уже поднявшегося на ноги и крепящего саблю в серебряных ножнах, его гордость, к поясу, вспоминает ли о ней Владислав, но промолчала, справедливо рассудив, что тот не будет писать к Ежи о том. Пусть даже и близок ему как никто иной этот усатый шляхтич.

— Ну, прощай, что ли, Касенька, — Ежи уже стоял подле нее, ждал, пока она взглянет на него. У ценинной печи утирала краем передника слезы Збыня, как обычно, когда пан уезжал из дома. Кто ведает, когда судьба снова приведет его в стены каменицы? Да и здоров ли будет в той стороне, когда так беспокойно на границах Заславского магнатства ныне? — Не пожелаешь ли отцу доброго пути?

Ксения поднялась на ноги, упирая руку в поясницу. Уже тяжело стало подниматься с лавок да с постели, мешал изрядно увеличившийся за прошедшее лето живот. Как-никак до срока, что повитуха назвала, осталось около двух месяцев с небольшим.

— Доброго пути тебе, отец, — тихо проговорила Ксения, а после, когда Ежи привлек ее к себе, обнял по-отечески, прошептала ему в ухо. — Помни об обещании своем. Коли худо ему совсем, коли тоска гложет, то правду откроешь.

— Помню, — так же шепотом ответил Ежи. После расцеловал ее в щеки и в лоб и вышел из гридницы, не оборачиваясь. Ему еще предстояло переговорить с Лешко о делах, что остались незавершенными, да к Эльжбете завернуть, чтобы проститься. Хорошо хоть с жатвой управились до того, как текун из Замка приехал.

Ксения вышла на крыльцо, чтобы проводить взглядом отъезжающего Ежи. Сердце ныло в груди отчего-то, не успокаивалось, стало тяжело как-то на душе. Она заметила, как он уже немолод, как то и дело трет колено, что беспокоило его в холодные ночи серпена. Ох, даруй Господи здоровья доброго, рабу твоему Егорию, да легкой дороги, перекрестилась Ксения и тайком перекрестила Ежи, уже выезжающего через распахнутые ворота двора.

Уже там, покинув двор, он вдруг обернулся, и Ксения замерла, заметив, как грустны его глаза. Но вот он махнул рукой с зажатой в ладони плетью, улыбнулся на прощание и погнал коня прочь по мокрой от дождя, что лил прошедшей ночью.

Ксения не стала медлить на крыльце, быстро вернулась в дом и, миновав гридницу, ступила в хозяйскую спальню. Она была побольше размерами, чем спальня Ксении, на стенах висело оружие и не было шпалер, выдавая сразу же принадлежность покоев мужчине. На спинке единственного кресла висел небрежно брошенный жупан, постель была смята.

Ксения не стала оглядываться по сторонам, а окинула спальню взором, пытаясь отыскать то, о чем говорила ей Марыся — свернутую грамоту с печатью герба Заславских.

Ее не было нигде видно, и сердце Ксении замерло. Неужто Ежи забрал с собой письмо Владислава? Но к чему ему то, ведь грамота не несла в себе ничего, кроме вестей, не было нужды увозить его с собой, разве нет?

Ксения стала выдвигать один за другим ящички небольшой дубовой скрини, явной сестры той, что стояла в ее собственной спальне. В одном из них лежали свернутые бумаги, и она возликовала, решив, что уже отыскала то, что так желала видеть ныне. Грамоты были разные — начиная от писем самого Ежи, ответных на грамоты Лешко, посланных пану, до каких-то расписок и перечней. На одной из бумаг Ксения задержала свой взгляд, помедлила, заметив на ней искомую печать. Дата, стоявшая на грамоте, подсказала ей, что это не то письмо, которое она ищет. Но подпись задержала ее внимание, заставила приглядеться к грамоте.

Ровные аккуратные строчки. Острые, слегка наклоненные к левой стороне буквы. Она впервые видела буквы, выведенные на бумаге, рукой Владислава и с трудом сдержалась, чтобы не коснуться губами тех букв, что когда писал он. Спустя время разум напомнил настойчиво сердцу, что негоже отвлекаться, когда так велик риск быть застигнутой в спальне Ежи за розысками Збыней, что вскоре должна была непременно прийти сюда прибрать комнату. Ксении пришлось свернуть письмо и аккуратно сложить в ящичек к остальным. Но зато она ныне взглядом узнавала руку Владислава, стало легче вести поиск.

Вскоре ее усилия были вознаграждены. Чернила на одном из писем были более темными, чем на собратях, а печать еще не треснула от времени. Она нашла взглядом дату («Писано серпеня {5}22 дня 1611 anno Christi {6}») и поняла, что это то самое письмо, что видела Марыся в руках текуна пана ордината.

Ксения еще плохо читала, не так быстро складывала буквы в слова, как это делал ксендз, обучивший ее грамоте, а от волнения и вовсе стала пугаться. Пришлось уйти к себе в спаленку и там плеснуть в лицо холодной воды, что принесла для умывания Марыся. Только потом развернула письмо. Отчего-то сразу же зацепилась взглядом за большие буквы в одной из строчек («Головные», как учил ксендз), а потом с трудом прочитав по слогам строчку, так не разобрав незнакомые ей слова, застыла, будто молнией ударенная. И верно — та весть, что вдруг ворвалась вместе с этими буквами в сознание Ксении, ударила ее наотмашь, даже дыхание перехватило, сдавило в груди.

«... Приезжай и будь рядом со мной на Воздвижение, Ежи, прошу тебя. Стань подле меня на ступенях Заславского костела, стань свидетелем моего союза с панной Острожской, дочерью пана Януша. Ибо *alea iacta est* {7} — на третий после святого праздника день назову ее пани супругой моей. *Nunc et in saecula* {8}...»

1. От лат. *adoptio* — усыновление. В Речи Посполитой узаконивание внебрачного ребенка, включение его в род и/или герб. Иногда путем адопции осуществлялось включение кого-либо в шляхетское сословие

2. Май

3. Имеется в виду Илья пророк — 2 августа по новому стилю

4. День введения Богородицы в Храм — 21 ноября

5. Август (польск.)

6. в год от рождества Христова (лат.)

7. Жребий брошен (лат.)

8. Ныне и навеки (лат.)

Ребенок снова зашевелился в животе, словно то положение, в котором сидела в колымаге Ксения, было ему неудобным, даже в утробе матери. Хотя она долго устраивалась на многочисленных подушках, брошенных заботливо в колымагу причитающей Збыней.

— Куда это пани несет? Не успели пана проводить, так пани в дорогу собралась! Да еще на сносях! Дождитесь пана Лешко, пани. Ненадобно вот так со двора как вор убегать...

Но Ксения уже не слышала ее, шагая по двору до ворот и обратно до крыльца, пока ее собирали в дорогу. Как же Збыня не понимала, что ей просто важно было ехать ныне! И именно в этот миг, ведь то расстояние, которое покроет лошадь Ежи, тяжелая колымага проедет вдвое дольше по времени. И тогда ей ни за что не успеть!

Ежи! Каков! Обвел ее вокруг пальца, затуманил ей разум сообщением, что Владислав был ранен, и она и думать забыла спросить, отчего так скоро зовет к себе пан ординат того. Ведь только недавно покончили с жатвой, стали молотить зерно, и не всякий хозяин бросит свою вотчину в этот момент, когда делают запасы на зимнее время. Хотя это же Ежи...

Наконец выехали со двора на радость Ксении, предполагающей, что она не успеет уехать до приезда Эльжбеты или возвращения на двор Лешко, а те непременно остановят ее, задержат, и тогда она потеряет... Она потеряет его!

Ксения ни о чем другом думать ныне не могла, кусала губы в волнении. Торопила холопов, что собирались ехать с ней — один возницей, другой в качестве охранника. Прикрикнула на Марысю, которую Збыня отправила вместе с пани той в помощь.

— Пани пусть не возражает Збыне, — говорила женщина, прихлопывая подушки, чтобы те лучше легли, чтобы пани было комфортно в дороге. — Пани даже обуток не может с ноги снять сама. Будет звать хлопов для того? Да и скорее вернется на двор пани Кася, не пожелает же она, чтобы сердце матери так долго плакало в разлуке со своим дитя?

В самом начале пути пришлось Ксении задержаться — свернуть на окольные дороги, ехать какими-то незнакомыми узкими лесными тропами, следуя совету хлопа, что за вожжами сидел. Они едва при выезде из вотчины не столкнулись с Лешко, которого остроглазая Ксения заприметила еще вдалеке, на самом краю земли, и приказала гнать быстрее колымагу к лесу, укрыться в темной чаще от пана Роговского.

— Разве кто-то может скрыться от волколака {1}? — пожимал плечами возница, но покорно направлял колымагу от основного пути, а второй хлоп, аккуратно расправлял примятые ветви, чтобы никто не приметил, что тут недавно проезжали. — У волколака нюх почище, чем у натасканной собаки будет.

— Разве ж пан Лешко может быть волколаком? — спрашивала перепуганная этими словами Марыся. — Он же в волка не оборачивается ночами, мне Зося говорила, а она-то точно знает, она же служит у пана в доме.

— Ну, так разве волколак кажет кому, как оборачивается? — возражал ей возница. — Видела шкуру у него на плечах? Видела его лицо? Как брови-то срослись прямо посеред? То точный знак волколака!

Марыся взвизгивала от страха, и Ксения недовольно морщилась. Хотя и крестилась украдкой, ведь слишком уж правдоподобно звучали слова этого высокого хлопа в магерку {2} с низкой тульей. И шкура волка на плечах пана Лешко была — почти неизменная его спутница в холодные дни, и широкие брови того срослись прямо над переносицей, оттого и

взгляд у него был всегда тяжелый, грозный. Но Ксению больше волновал не тот факт, что пан Лешко оборачивается волком ночами, ее больше тревожило его известное умение выследить любую добычу. А разве не легче найти колымагу с пани, чем дикого зверя в лесу? Оттого она и заставляла ехать быстрее, а когда выехали вскоре на широкую дорогу, приказала гнать, как только можно было.

Хлопы, что ехали с ней, ворчали, злились ее настойчивости, ее непониманию, как легко может перевернуться колымага на каком крутом повороте дороги, но подчинялись. Как послушались пани в приказе ехать и ночами, невзирая на то, что в эту пору уже было темно, хоть глаз выколи, если не светила с небес круглая луна. И несмотря на опасность быть остановленными лихими людьми, ведь это время было их заветным часом для злого промысла.

— Вот ведь заноза наша пани! — бурчали себе под нос холопы, сжимая при каждом шорохе, что слышался им из темноты, рукоять топора, заткнутого за пояс, а второй еще и всякий раз поднимал заряженный самострел. Ныне они понимали, отчего так зовет свою дочь пан их хозяин, ныне они видели, какой она может быть упрямой, какой слепой и глухой в своем желании добиться чего-либо.

Бог миловал путников отчасти — на всем пути до Заслава им не встретились лихие люди, никто не вышел из темноты, заметив колымагу под охраной всего двух холопов. Но зато в другом им явно не везло. На второй день пути отлетело колесо, и только недюжинная сила и сообразительность хлопа, что за возницу был тогда, уберегли колымагу от переворачивания, а сидящих в ней от увечий. Но Ксению это не остановило — колымагу быстро починили и снова пустились в путь, но уже не так гнали коней, как ей хотелось бы, опасаясь очередных дорожных неприятностей.

Кроме того, езда ночью, когда на землю уже опускается холод, леденящий ноги и руки, а в лицо бьет ветерок от езды, отразилась на Ксении не лучшим образом. Вскоре стало саднить в горле, да так, что даже глоток воды причинял боль. А спустя время пропал и голос, только хриплый глухой шепот срывался с губ Ксении. Пришлось общаться с хлопами знаками, ведь Марыся настаивала на том, чтобы пани поменьше говорила. «Мати сказывала, что там и вовсе можно голоса лишиться», убеждала она Ксению.

Путники прибыли в Заслав к вечеру второго дня после святого праздника Воздвижения, когда на землю уже опускались сумерки. Ксения была благодарна этой сгущающейся осенней темноте, ведь ее лицо могли вспомнить, узнать, а этого она пока не желала. Никто, кроме нее, не должен открыть правду Владиславу, когда бы то не случилось. Ведь только она способна была найти те самые слова, что убедят его в верности ее поступков. Оттого она укрывала лицо полотном рантуха, оставляя на виду только глаза.

Но Ксения уже жалела, что поддалась порыву, как впрочем, делала это обычно, и приехала в Заслав. Зачем ей это? Не позволить Владиславу надеть другой на палец венчальное кольцо? Остановить свадьбу? Из головы все не шли тихий шепот Ежи, твердящий, что все должно идти своим чередом, и голос Эльжбеты, умоляющий думать о других при каждом своем шаге. Ксения обещала ей это, но и сама же нарушила свое слово, без раздумий поехав в Заслав, едва прочла те строки. Даже не подумав ни о том, как путешествие может отразиться на ее тягости, ни о том, к чему приведет ее судьба, если кто-то в граде узнает ее лицо. Надо бы уже перестать идти на поводу собственных желаний и чувств, когда от ее поступков зависят чужие судьбы, устало думала Ксения, глядя на уставших, изрядно измотанных дорогой своих товарищей по пути. Они не спали толком уже

несколько дней, только урывками, на ходу, ведь Ксении так не терпелось приехать в Заслав до назначенной даты. Только прошлого дня в ее душу проникла странное безразличие к происходящему, только тогда замедлились путники.

Найти место для ночлега в переполненных корчмах града в преддверии свадьбы пана ордината было трудно, но все же, как оказалось, выполнимо. Только на самой окраине городка, в недорогой корчме нашлась маленькая комнатка на чердаке. Она единственная осталась свободной ныне — зажиточной шляхте, которой не хватило места в спальнях Замка, комнатка показалась чересчур убогой, а тем, кто принадлежал к застянковой, чересчур высокой ее цена.

— Да, дороже, чем в обычный день, — словно оправдывалась жена рандаря, ведя Ксению и ее маленькую служанку наверх по узкой лестнице. — Но ведь день-то завтра какой! Все, кто только мог приехать, чтобы поглядеть на эту свадьбу, прибыл в Заслав. Шляхта повеселится в Замке, а мы, простой люд, на поле у стен замковых знатно попируем. Люди говорят, панове Заславский и Острожский не поскупились на эти празднества. Знать, надолго запомнят люди эту свадьбу!

Забраться по крутым ступеням было нелегко, а уж женщине на сносях тем более, да еще такой усталой с дороги, как Ксения, но все же ей это удалось. Комнатка была такой маленькой, что казалось, встань Ксения на середину да руки выпрями в стороны, упрется непременно в стены. А если руки поднимет вверх, то коснется балок низкого потолка. Воздух был спертый, оттого Ксения тут же подала знак запыхавшейся при подъеме Марысе открыть небольшое оконце. Пусть лучше пахнет улочками града, чем явно чьим-то потом и затхлостью.

— Пани на свадьбу прибыла или проездом в Заславе? — поинтересовалась хозяйка, окидывая взглядом помятое платье и плащ прибывшей, задерживаясь на лице, полускрытым от взгляда полотном рантуха. Видать, простыла в дороге вдова, вон как кашляет в темную ткань, какой сиплый голос, даже слов не разобрать.

— Проездом я в граде этом, — проговорила Ксения, с трудом преодолевая боль в горле. Хозяйка кивнула в ответ.

— Могу предложить молока горячего с медом липы. Но за отдельную плату, — предложила она и, получив согласие пани, открыла дверь и крикнула куда-то вниз, в шумную залу, где уже сидели гости за чарками спиртного, чтобы принесли подогретого молока госте. Потом прошла по комнате, явно желая задержаться подольше здесь, а не спуститься вниз, где ей придется самой разносить тяжелые кружки с пивом да кувшины с медовухой. — Пани, видно, не ведает даже про свадьбу, что будет следующим утром. Много знатных шляхтичей с семействами прибыли сюда на это торжество. Где же еще увидеть их, как не на свадьбе пана Заславского и панны Острожской? Пани бы задержаться да поглядеть на то.

Что двигало в тот момент Ксенией, она не могла бы объяснить даже позднее. Но, стараясь скрыть свои эмоции, что вмиг проснулись в душе при упоминании имени Владислава, она подала знак хозяйке продолжать свой рассказ, отвернувшись к окну, отпуская плотно рантуха. Шелестела постелью Марыся, расстилая простыни, что предусмотрительная Збыня вручила в дорогу, готовила постель своей пани, а та с замиранием сердца слушала болтливую жену рындаря, пропуская очередной укол боли, пронзающей душу.

— Пани слыхала о пане Заславском? О, кто же не слыхал о нем в этих и соседских

землях?! — хозяйка, обрадованная, что может задержаться подольше в этой комнатке, спешила поделиться со своей слушательницей тем, что видела или слышала сама. — Красавец, истинный шляхтич и сын своего отца, истину говорю! Чего только очи его стоят? Темные, будто зимняя ночь. А стать? А сила? И доблести ему не занимать. Ну, всем вышел, хотя и урожден от застянковой шляхтянки. Отец егойный полюбил насмерть девицу из земель приграничья, привез ее сюда да женой сделал. Да только ничего путного из брака-то того и не вышло, кроме деток. Да не о том я что-то... А о пане Владиславе! Привез он прошлого года из земель Московии девицу. И лицом красива, будто солнышко летнее, и статью уродилась. Сразу видно — ведьма!

— Ведьма? — ахнула позади Ксении перепуганная Марыся. А Ксения только усмехнулась горько, услышав своими ушами то, как называли ее за глаза в этих краях.

— Ведьма и есть! — проговорила хозяйка, довольная произведенным эффектом от своего рассказа. Только вот пани даже не вскрикнула, не испугалась страшных слов, и она поспешила продолжить, желая увлечь и вдовицу, что не оборачивалась до сих пор от окна. — Пан Владислав голову совсем потерял от чар ее. И брата единокровного прогнал из Замка, и от шляхтичей своих верных едва не отрекся. Даже бискуп Сикстуш Заславский, что стоит в Пинске, не смог одолеть чар ведьмы, вырвать племянника из ведовских сетей. Я лично ведьму не видала сама, врать не буду в том. Но люди говорили, что она своими очами колдовскими могла легко порчу наслать, а то и смерть, что ходила она на стену крепостную да грезилась, как бы эти земли под дьявола отдать, что младенчиков, прижитых от пана Владислава, скидывала да мази делала из их плоти особые. Ей Марыля-повитуха, что дьявола пособница верная, помогала в том.

— Что за бредни! — донесся от оконца сиплый возглас пани, и хозяйка насупилась обиженно.

— Пани не верит мне, а люди так и говорят, я ни слова не прибавила своего. Мне-то что врать о том? Слава Иисусу Христу и святой Деве Марии, что ведьма померла до того, как Рысек мой корчму в аренду взял! — перекрестилась хозяйка.

— Так ведьма померла? — спросила зачарованная страшной историей Марыся, даже бросила постель стелить, увлеченная. — Нет ее боле в Заславе?

— Нету, — кивнула жена рандаря. — Сколько дел черных ни твори, а Господь все видит. Патеры бискупа, дяди пана ордината, достигли цели. Прибрал к себе дьявол панну московитскую. Сгорела она при пожаре, люди сказали. Пан Владислав схоронил ее тело здесь, в Заславе, на местном погосте. Да как в землю ее закопал, так и чары спали. Это ж обычно при ведовстве-то. Ну, разве не оно было, коли и думать забыл о ней тотчас, как погребение состоялось? Даже на могилу ее не ходил ни единого разочка. То точно люди ведают, ведь к кресту тому, что на могиле ведьмы стоит, девицы бегают. Говорят, тронешь крест, под которым панн лежит, так любить тебя будет тот, о ком думу думаешь. Так сильно любить, как пан ординат ведьму ту любил.

— Так как же люди к ней ходят, коли дела она творила злые? Значит, у бесов помощи просят? — в хриплом голосе пани во вдовьих одеждах, что по-прежнему не поворачивалась от окна, скользнула усмешка, которую не могла не расслышать хозяйка. Она снова поджала губы недовольно, впервые видя подобную реакцию на свой рассказ о московитской ведьме.

— Пани ошибается. Видать, все же белая ведьма была, не злая. Да и отцы святые, что против темных колдунов и ведьм да против ереси стоят на защите людской, тело-то панны из могилы не достали, как то обычно делается, коли признается ведьмаком умерший, и не

сожгли в костре. Марылю, ту забрали с собой, пособницу дьявола, а могилу панны московитской не тронули, — хозяйка задумалась над тем, что сама только что поведала своим слушательницам, а потом проговорила нерешительно. — Ох, и кто ж ныне разберет — была ли панна черной ведьмой или белой? Да и к чему думать ныне о том? Ясно одно — сгинула она до этой Пасхи, чары колдовские спали с пана ордината, и ныне он под венец добрую панночку поведет, что из рода Острожских.

За дверью послышались легкие шаги и шелест юбки, потом тихонько скрипнула дверь в комнатку, и вошла служанка, несшая в руках поднос с нехитрой снедью — хлебом да сыром, с кружкой молока и небольшой плоской густого меда. Она огляделась, куда бы пристроить принесенное, но так и не нашла, потому вручила поднос Марысе в руки, а сама повернулась и снова скрылась за дверью, напоследок передав хозяйке приказ рандаря спускаться вниз и послужить гостям, что прибывали и прибывали в корчму пропустить по чарочке за здоровье будущих молодоженов. Хозяйка вздохнула с сожалением, расправила засаленный передник и, бросив в последний раз взгляд на прямую спину вдовицы, подчинилась приказу мужа.

— Я бы на месте пани все же сходила бы к костелу следующим утром поглядеть на пару нашу, — проговорила она, закрывая дверь. — Редкое это дело — магнатская свадьба!

Только тогда отвернулась от окна Ксения, с трудом сдерживающая себя, чтобы не ответить этой болтливой толстухе, жене рандаря, грубым словом. Набралась сплетен да толков и льет их от души в чужие уши, трепля имя Ксении!

— Пани Катаржина, готова постель, — проговорила Марыся, ставя поднос на край кровати. — Ступайте сюда, молока бы попить надо с медом. Хозяйка права — хворь как рукой снимет тут же.

Нет, не ее имя отныне обсуждают в корчмах да в гридницах шляхетских камениц. Не ее это имя теперь. И она теперь не та, что прежде, думала Ксения, жуя хлеб с сыром и совершенно не чувствуя вкуса еды при том. Та, другая Ксения бросилась бы в Замок, как только прибыла в Заслав, добилась бы встречи с Владиславом, открыла бы ему правду. А та, что сидела в темной и маленькой комнатке под самым чердаком корчмы на окраине града, думала только о том, какую оплошность совершила, приехав сюда, на глаза тому, кто настолько желал ее смерти, что не остановился даже перед страхом греха. Она не боится взглянуть ему в глаза, но совсем не готова рисковать жизнью того, кто ныне тихонько шевелился в ее большом животе, словно устраиваясь на ночлег. Хотя разве не это она сделала, гоня колымагу по дорожным ухабам, рискуя не только своей шеей, но и холопскими?

А потом, когда уже задули свечу да лежали в постелях — Ксения на кровати, а Марыся на тюфяке на полу, Ксения вдруг вспомнила те слова хозяйки, что царапнули ее сердце больше всего. Не то, что ее называли ведьмой, нет. «.. Пан Владислав схоронил ее тело здесь, в Заславе, на местном погосте. ... и думать забыл о ней тотчас, как погребение состоялось. Даже на могилу ее не ходил ни единого разочка...»

Да, в отчих землях Ксении покойников было не принято часто тревожить, особенно таких — незаложных, умерших ужасной смертью, не в покое старости или хвори. Но и не было такого, чтобы не навещали могилы тех, о ком помнили, о ком скорбело сердце, и плакала душа. Да и дни были особые, когда не помянуть на могиле ушедшего — грех! Да только принято ли то у латинян?

И спросить нынче не у кого! Марыся, что уже посапывала на полу, как и Збыня, и большинство живущих в вотчине Ежи и ее окрестностях, были ее веры, православия

держались. Ксения только тогда поняла, когда оказалась на дворе пана Смирца, отчего ее веру зовут в этих землях холопской. Оттого, что в большинстве ее держались холопы панские, только они и ездили в небольшую деревянную церкву, что в десятке верст от земли Ежи стояла, на воскресные и праздничные службы.

Спрошу у Ежи или Эльжбеты, когда вернусь, решила Ксения и, повернувшись на другой бок на этой жесткой и неудобной постели, аккуратно устраивая свой большой живот, неожиданно для себя провалилась в сон. Этого она никак не ожидала, думала, что всю ночь проведет без сна за думами и воспоминаниями, а гляди ты ж, заснула. Да так крепко, что открыла глаза, когда за окном уже вовсю сияло солнце, играя лучиками на деревянном, грубо сколоченном полу комнатки.

Марыся сидела на соломенном тюфяке, под которым лежало изрядно измятое в дороге платье пани, прислушиваясь внимательно к тому, что творилось в это утро в городе. Оконце было чуть приоткрыто, впуская в комнату не только солнечные лучи, такие редкие в эту осеннюю пору, но и шум, доносящийся с улочки — звуки голосов, хлопанье дверей, редкий цокот копыт по каменной кладке. Ксения прикрыла глаза от резкого света, села в постели, кутаясь от прохлады, идущей от окна, в одеяло. Марыся тут же повернулась к ней, улыбнулась.

— Пани заспалась нынче, то добро, — проговорила она, поднимаясь на ноги. Уже был готов и кувшин с холодной водой для умывания, и небольшая балея — стояли в углу и ждали своего часа, да и Марыся не прочь была послужить своей пани.

— Что так тихо в корчме? — спросила Ксения, когда ополоснув лицо и облачившись в уже привычный ей вдовий наряд из сукна темно-синего, почти черного цвета, она сидела на постели, а Марыся расчесывала ей волосы, чтобы заплести те в косы и уложить в узел. Потом этот узел из золотых прядей надежно укроют от посторонних глаз под темной тканью рантуха, прикрепят на макушку чепец, расшитый бусинами и серебряной нитью — единственный богатый предмет убранства Ксении.

— Все ушли к костелу. Даже служанка бросила очаг, вот ей влетит после от хозяев, — вздохнула Марыся глубоко, показывая, что тоже была бы не прочь сейчас пойти к храму на широкой площади да поглядеть на брачующихся. Она уже не раз выглядывала в окошко, видела, как нарядились в этот день горожане, видела ленты и поздние цветы, которые они несли с собой, чтобы бросить их к ногам своего пана и его молодой жены. — Вон и Петрусь наш на площчу пошел. Сказал, что пана Ежи повидать, да я-то знаю, что поглазеть на пана ордината.

— А я думала, мы выедем нынче обратно, — резко сказала Ксения, замирая при мысли, что этот дурень Петр попадется на глаза Ежи, отыщет того в толпе. Она даже подумать боялась о том, как зол будет усатый шляхтич на нее. Надо бы послать Антося на поиски, чтобы тот успел перехватить Петра прежде, чем тот с паном повстречается.

— Нынче? — фыркнула Марыся. — Пани Касе надобно в оконце глянуть. Тут не пройти даже пешему, не то, что проехать на колымаге, столько людей на улочках града. Дай Бог, к вечеру и выедем, да только кто едет в ночь-то?

А потом, закрепив чепец, обошла пани, взглянула в ее глаза с явной мольбой. Этот был первый раз за все одиннадцать лет ее жизни, когда Марыся выехала из родной стороны. А попасть на магнатскую свадьбу? Это ж такая удача! Ах, только бы пани пошла бы на площадь, пока там есть еще свободное местечко. И Антось, что ждет распоряжении пани внизу, в зале корчмы, поможет им в толпе. Ах, пани, проше!

Ксения сама дивилась после, зачем послушала Марысю, поддалась на ее уговоры. Было ли это действительно потакание такому горячему желанию девочки увидеть свадебный кортеж? Или она сама желала увидеть того, по ком так плакало ныне сердце? Он был так рядом и в то же время так далеко, думала Ксения, придерживая живот, скрыв его от худого взгляда под полый плаща, ступая медленно вслед за Антосем, что расталкивал прохожих с пути пани. Одной рукой она по-прежнему придерживала у лица ткань рантуха, словно пряча больное горло от прохладного, несмотря на яркое солнце, воздуха.

Вокруг суетились люди, спеша на площадь перед ратушей и костелом — и бедные шляхтичи, которым не досталось места в храме, и горожане, и холопы в войлочных шапках. Шум, смех, крики. Яркие ленты, протянутых от окна одного дома к другому, на противоположной стороне, гирлянды из трав и цветов. Ксения не могла не думать о том, радовались бы все эти люди, чьи улыбающиеся и довольные лица окружали ее ныне, если бы Владислав вел к алтарю этим солнечным утром ее, панну из Московии, а не Ефрожину Острожскую. Так же бы готовили цветы и ленты, чтобы бросить под ноги лошадей и колеса колымаг свадебного кортежа? Так же бы в нетерпении стояли на площади, возбужденно переговариваясь и смеясь, в тесноте, чтобы хотя бы одним глазком взглянуть на невесту?

— Пан! Пан, пани Кася! — запрыгала на месте Марыся, указывая рукой на вход в костел, на ступенях которого Ксения увидела Ежи. Он был в нарядном темно-синем жупане, расшитом яркими нитями, подпоясанный поясом с большой серебряной пряжкой. Не сразу бросался в глаза из-за скромного цвета наряда среди остальных шляхтичей, что ждали невесту на ступенях костела, но Ксения тотчас выделила его среди этой пестрой свиты. Как и того, другого в жупане цвета шафрана, со шкурой рыси на плечах, что показался из темноты костела и встал подле Ежи.

— Тихо! — прошипела Ксения, дергая Марысю за одну из длинных кос. Не хватало, чтобы на этот окрик к ним, стоявшим почти у самой стены дома на противоположной стороне от входа в костел, обернулся Ежи и пан Тадеуш. Она поспешила склонить голову, пряча взгляд, когда молодой Добженский окинул взором площадь, полную людей, пришедших поглазеть на молодых, чтобы полотно рантуха полностью закрыло ее лицо, даже от соседей. Нет, надо уходить отсюда! Зря она пришла, зря...

А потом люди вдруг загомонили, загудели, зашумели в едином выкрике, выражая таким образом почтение к тому, что вышел из костела, встал подле шляхтичей своей свиты встречать свою нареченную. Ксения тут же, повинувшись некому немому приказу, подняла голову.

Владислав... Ее лада, ее любовь, ее душа... Как же рванулось из груди сердце в тот миг, когда она заметила его широкоплечую фигуру возле костела! Темные волосы, зачесанные назад, открывая высокий лоб, словно вторили черному цвету жупана, мрачный вид которого по мнению Ксении не могли даже смягчить ни золотые нити, которыми была расшита ткань одежды Владислава, ни массивная цепь ордината и уже знакомый Ксении пояс из золотых пластин. И черный мех соболя на плечах...

Такой знакомый и в то же время незнакомый Ксении. Ибо даже со своего места в отдалении от ступеней костела, она видела, как переменился Владислав, будто на место того, которого она знала, вдруг пришел Заславский, встреченный ею в землях Московии несколько лет назад. Тот, который приводил ее душу в смятение, наполнял страхом ее до кончиков пальцев.

Владислав вдруг повернул голову и устремил свой пронзительный взгляд как раз в ту

сторону, где стояла Ксения, и она едва успела склонить голову, как остальные, приветствуя своего ордината. Милый мой, билось ее сердце, мой милый! Чувствуешь ли ты мою душу, что призывает тебя ныне? Слышишь ли ты ее отчаянный крик? Мой любимый... коханный мой...

Снова зашумела толпа, ударили колокола костела, заскулила от восторга стоявшая рядом Марыся, что в волнении даже стала дергать стоявшую рядом пани за край плаща. Ксения вздрогнула от догадки, пронзившей ее, подняла голову. Все верно. На краю площади, на улочке, что вела со стороны Замка, появились первые всадники в ярких платьях и венцах на головах волос самой разной масти — от светлых до иссиня-черных. А за ними на белой лошадке, такой знакомой Ксении, ехала уже сама невеста, улыбающаяся, излучающая счастье, что переполняло ее в этот день.

Это счастье, столь видимое глазу, остро кольнуло Ксению, а после она и вовсе закусила нижнюю губу, чтобы не крикнуть от обиды, злости и боли, разрывающей душу. Она боялась увидеть на панне Острожской тот самый венец из рубинов, что когда примеряла сама. Но даже в самой страшной думе об этом дне она не могла представить то, что предстало перед ее глазами.

Панна Острожская была чудо как хороша в платье из атласа багряного цвета, с широким ожерельем из рубинов на дивной белой коже, что виднелась в квадратном вырезе платья. Ее каштановые волнистые волосы были распущены в знак того, что панна девой идет под венец, спускались роскошным покрывалом на спину и плечи. А на голове красовался пышный венок из листьев мирта, руты, розмарина и ярко-красных ягод калины.

Именно вид этого венка вдруг заставил Ксению сбиться с дыхания, схватиться за грудь, словно ей стало вдруг не хватать воздуха. Она не видела головы стоявших перед ней людей, забыла о том, где находится ныне, вернувшись ровно на год назад во времени, на небогатый двор Крышеницких, где обменялась с Владиславом схожими венками в знак принадлежности друг другу до гробовой доски, в знак вечной любви, что соединяла их сердца.

Темные глаза, лучащиеся светом переполняющего душу счастья, глядящие на нее из-под трав венка. Сильные руки, кружащие ее по двору. Тихий мужской смех. И шепот: «Моя кохана...»

Слезы градом текли по побелевшему вмиг лицу, и Ксения забылась, перестала укрывать лицо за полотном рантуха, ничего не соображая в этот момент, ни о чем не думая. Время остановилось для нее ныне, звуки смолкли, словно она оглохла вмиг. Она смотрела на стоявших на ступенях костела и не видела их вовсе, не замечала, как шевельнулись в горькой усмешке губы Владислава, когда он взглянул на венок своей невесты, как помог ей спешиться, сняв с седла, обхватив пальцами ее тонкую талию. И как появился из темноты епископ в одеждах цвета сапфира, в высокой митре, что приехал в Заслав провести обряд венчания, тоже не видела.

Заскользили по лицам на площади темные глаза епископа, поднявшего руку, чтобы благословить молодых и их шляхту их свиты, опустившихся на колени на ступени костела, а также всех, кто пришел сюда нынче. Побледнел, будто смерть увидал, Ежи, заметив в тот миг в толпе высокого Антося, а подле него лицо Ксении, обрамленное рантухом. Она отчетливо выделялась ныне, ведь ряды впереди нее склонили головы, принимая благословение епископа.

— Чтоб меня черти взяли! — прошептал Ежи, когда вдруг Ксения склонила голову,

скользнуло полотно рантуха, скрывая от взгляда бискупа ее белое лицо. По его спине потек ручеек пота, а руки тряслись так, словно на него корчение {3}напало. Заныло сердце в груди, забилося с силой о ребра, и он прижал руку к бархату жупана, словно пытаясь помешать тому прыгнуть наружу.

— Пан Смирец? — склонился к нему, стоявший подле него на коленях, Тадеуш, заметив его бледность. А потом помог тому подняться на ноги, когда епископ развернулся и направился внутрь костела, где уже грянул хор, приветствуя молодых, следующих за дядей Владислава. Владислав скользнул взглядом по лицу Ежи, проходя мимо, обеспокоенно сдвинул брови, обращая внимание на неестественную бледность усатого шляхтича. Тот поспешил показать знаками, что все в порядке, мол, иди и не тревожься. А потом снова обернулся на то место, где видел Ксению. Ни Антося, ни панны в темном вдовьем рантухе у стены дома уже не было.

Ежи потом долго не мог прийти в себя. Все смотрели на молодых, стоявших на коленях перед епископом, который, как ни пытался, не мог скрыть довольную улыбку, что то и дело скользила по тонким губам. А Ежи все вспоминал белое лицо в обрамлении темного полотна рантуха. Неужто ему не привиделось? Неужто она здесь? Но как она узнала, ктс сказал? Ведь весть о венчании Владислава придет в землю Ежи только спустя тыдзень, не раньше после этого дня.

— Ego conjingo vos in mat-rimoiium in nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti!{4}— пронесся над головами собравшихся в костеле звучный голос епископа. Он кивнул, улыбаясь, молодым, и Ефrojина ответила своему новоявленному родичу такой же довольной улыбкой. А после повернулась к Владиславу, губы которого лишь шевельнулись, взглянули на жену темные и такие пустые, словно мертвые глаза.

Всем присутствующим Владислав казался горделивым и полным достоинства, как и положено быть ординату, списывали блеск его глаз за счет тихой радости этому союзу, что несет столько благ и возможностей для обоих родов. Но только единицы из присутствовавших в церкви знали, что на самом деле, это далеко не так.

Бедный мой мальчик, с тоской подумал Ежи в этот миг, заметив это. А потом забыл о том тут же, спеша вслед за молодыми к выходу из костела, чтобы снова окинуть взглядом толпу, выискивая то лицо, что привиделось недавно. Но заметил совсем иное — сплошь покрытое веснушками лицо Петруся, что столкнувшись глазами с паном, тут же стянул с растрепанных вихров магерку.

От холопа Ежи и узнал, что не ошибся, что пани Катаржина действительно в граде, вот только Петрусь не ведает, где пани нынче. Пришлось оставить шляхту, что торопилась в Замок на свадебный пир, и пуститься за Петром в захудалую корчму на окраине Заслава, где нашел только пустую каморку под самой крышей. Но колымага стояла на дворе позади корчмы, и лошади были надежно привязаны к тыну, значит, Ксения все еще в Заславе, не уехала тотчас после венчания. Но куда она подевалась? Ежи снова прошиб холодный пот, он сжал крепко шапку, пытаясь выровнять дыхание. О Бог мой, какая же дуреха! Бродить по местечку, где ее знает едва ли не каждый?!

Ежи прождал Ксению некоторое время, а потом решил возвращаться в Замок. Его отсутствие на пиру непременно заметит и Владислав, и молодой Добженский, что словно репей прицепился к нему после обряда и долго не отпускал от себя, видя взволнованность Ежи. Нет, лишних расспросов он желал. К тому же вдруг Ксения решила в Замок прийти совсем забыв про осторожность, забыв обо всем в той сердечной боли, что ныне он так ясно

увидел на ее лице.

Но нет, и в Замке не появлялась панна во вдовьих одеждах и темном рантухе, заверили его стражники, стоявшие на посту на башне брамы. Это только добавило тревог Ежи, что занял свое место за длинным столом сам не свой. Звучали здравицы, неспешно лилась беседа, раздавался громкий смех. Шляхта веселилась, поднимая бокалы за молодых, что сидели за отдельным столом на возвышении. Смущенно алела лицом молодая жена при откровенных здравицах шляхтичей, глядел свысока на пирующих пан ординат, слегка двинув уголками губ в улыбку, когда встретил взгляд Ежи, когда заприметил того за столом среди гостей.

Недолго позволил себе побыть на свадебном пиру Ежи. Только убрали столы в стороны, только зазвучали скрипицы, и загудели в дуды музыканты, как поспешил он ускользнуть из залы, уйти из Замка в темноту осеннего вечера. В этот раз, когда он поднялся с трудом по крутым ступенькам лестницы, его ждала удача — Ксения была там. Да впрочем, он сразу догадался о том, заметив среди шумных гуляк в зале корчмы обоих своих холопов. Ну и всыпет он им плетей, когда вернется на свой двор!

— Кася, милая, — выдохнул Ежи, знаком показывая Марысе, сидевшей за шитьем при скудном свете свечи, уйти в другой уголок, подальше от панны, что резко обернулась к нему от распахнутого настежь оконца. От тоски в глазах Ксении у него снова сжалось сердце, и он привлек к себе ее, прижал ее голову к своему плечу, не в силах глядеть в эти глаза. — Зачем? Зачем ты приехала?

— Я сама не ведаю, — прошептала Ксения в его плечо, обтянутое бархатом. — Что-то ударило в голову... как чумная, гнала сюда... не ведаю сама, зачем. Ведь того, что хочу, уже не нагнать.

— Я же говорил тебе быть осторожной, — сам того не желая, Ежи вдруг стал резок с ней, захотелось отругать ее, накричать за промахи, что творит. Всего на миг была от края пропасти тогда, когда на площади стояла так смело под взглядом епископа. — Он ведь чуть не приметил тебя!

— Кто? Владислав? — глухо спросила Ксения, по-прежнему не отрывая лица от плеча Ежи.

— Бискуп! Бискуп, Катаржина! — это имя он произнес таким тоном, словно плетью хлестнул по ней, и она вздрогнула в его руках. — Себя не жалеешь, меня не жалеешь — пусть! О дитяти своем подумай! Ведь не дрогнет рука... даже на собственную кровь. Где ты была? Где ты была днем? По городу бродила? Среди местных жителей, что в лицо тебя знают? Слишком мало дней прошло, чтобы они успели тебя забыть.

— Я к кресту ходила, — медленно произнесла Ксения. — Поглядела, как схоронил он меня, как помнит обо мне. Там розмарин лежит... поздние цветы розмарина... Мне пани Крышеницкая тогда сказала, что розмарин — цветок вечной памяти. Это ведь он? Владек, да?

Ежи по ее дрогнувшему голосу распознал плохо скрытую надежду. И верно, Ксения до смерти боялась услышать подтверждение о том, что Владислав забыл так легко, как выходило по словам толстой жены рандаря этой корчмы. Ей отчаянно не хотелось верить, что он мог вот так легко вычеркнуть ее из своей памяти, словно ее и не было вовсе, похоронить за толстым слоем земли все воспоминания о ней вместе в неизвестной ей холопкой, так схожей с ней волосами и фигурой.

Скажи же, умолял, не произнеся ни слова, ее голос, ее облик, ее вцепившиеся в бархат

жупана пальцы. Скажи, что он помнит меня, что любит по-прежнему, несмотря на то, что так скоро повел под венец другую женщину, через год после того, как надел тот самый венок из трав и цветов на ее светлые локоны. Скажи, и я все вынесу, покорно буду ждать того дня, когда снова смогу коснуться его, лелеять в себе память о нем. Только скажи!

— То молодой Добженский, — произнес глухо Ежи, разбивая на мелкие осколки ее надежду. И ее сердце, что не выдержало подобного удара. — Прости меня. Но порой горечь правды лучше сладости лжи...

Ксения долго плакала в его руках, выплескивая свои обиды, разочарование, боль, что довелось испытать ныне. Ежи прижимал ее к себе, гладил ладонью неприкрытое рантухом косы, шептал что-то успокаивающее. Он чувствовал через слои одежд, как стал шевелиться вдруг ребенок в большом животе Ксении, испугался, что эти тихие слезы повредят тому, поспешил всучить ей рушник, что подала перепуганная столь долгим плачем Марыся.

— Тихо, тихо, ласточка, не плачь, — шептал он, вытирая слезы с лица Ксении, и та вдруг рассмеялась, взглянув на него и заметив, как смешно двигаются его широкие брови и длинные усы, когда он озабоченно хмурится. Ежи не мог не улыбнуться довольно, заслышав ее тихий смех.

А потом где-то вдали что-то гроыхнуло, раскатился над тихими землями, погруженными в темноту приближающейся ночи. Улыбка Ксении застыла на губах при этом грохоте. И тут же, без долгого перерыва, словно не давая опомниться, выстрелила вторая пушка.

«... Такова традиция. Три залпа. Один за мужа молодого, второй — за жену...

— А еще один?

— За их единение... брак действительно заключен, и у рода будет продолжение...»

Словно в подтверждение словам, мелькнувшим в воспоминании, гроыхнула со стороны Замка третья пушка, подавая сигнал о том, что пан ординат уединился с молодой женой в спальне. Ксения прикрыла на миг глаза, стараясь гнать от себя мысли о том, что будет происходить в этот час в одной из спален Замка, но только Господь знал, как же тяжело и больно ей было думать о том.

— Ты ведь не собирался говорить Владиславу, что я жива, — вдруг сказала она, высвобождаясь из рук Ежи, отходя от него подальше, но так, чтобы ее тихий шепот был слышен только ему, а не Марысе, что стояла у двери. — Ни раньше, ни ныне, ни в будущем. Никогда! Ты никогда не откроешь ему правду. Если в Адвент на свет появится мальчик, сын Владислава, ты никогда не расскажешь Владеку ни обо мне, ни о дитя, которое он зачал в ту последнюю мою ночь в Замке.

— Нет, не скажу, — произнес Ежи. — Ты сама понимаешь, что коли родится мальчик, то тебе никак не вернуться, не объявиться живой и здоровой. Этот ребенок... он будет рожден ранее того, что появится на свет от панны Острожской. А значит...

Ксения подняла руку, приказывая Ежи замолчать. Она знала и так, что он хочет сказать ей ныне. И как она была так слепа и глуха ранее? Отчего не поняла этого ранее? Еще до того, как пошла на поводу у чужой воли, презирая свою, забывая о своих желаниях. И предавая Владислава... Ведь она предала его!

— Но все может быть по-иному, коли Господь подарит тебе дочь, — тихо произнес Ежи. — Девица — это не сын, не наследник. Девица переменит многое. У нас еще есть возможность все исправить... А повитуха сказала, что судя по животу, в твоем теле растет панночка, не панич!

— Иди, Ежи, возвращайся в Замок, — устало проговорила Ксения и пошла к кровати, подала знак Марысе, чтобы та сняла с отекавших из-за долгого хождения пешком ног пани низкие сапожки. — Иди, отец, устала я... сам понимаешь, тяжело мне ныне.

Она положила ладонь на живот, словно давая понять, что речь ведет о тягости, но оба они знали, что не о беременности ее слова. Ежи молча кивнул, сглатывая горечь, которой вдруг наполнился рот, потом надел на бритую голову шапку, пошел к двери.

— Когда ты уедешь? — тихо спросил он, уже шагнув за порог на темную лестницу.

— На рассвете. Хотела нынче до сумерек, да много хмельных в округе. Не хотелось беды накликать, довольно ее мне, — был ответ. — Будь покоен, отныне я буду очень осторожна, пан отец.

— Я приеду к Дню Введения, — проговорил Ежи. — Я буду с тобой, когда срок придет.

— На то воля твоя. Как пожелаешь, так и будет, — устало ответила Ксения, закрывая лицо ладонями. — Иди, устала я очень.

После, когда в комнатке снова было темно, и Марыся, несмотря на громкий шум, идущий и с улицы, и с нижней залы корчмы, сладко спала, положив ладонь под щеку, Ксения так и не смогла сомкнуть глаз. Лежала, смотрела в темный потолок и думала, глядя ладонью живот.

Она виновна десятки, нет, сотни раз перед Владиславом. За многое, что случилось в их жизнях, и за то многое, чему так и не суждено отныне свершиться. За то, что верила ему, но не доверилась, когда пришло время. Не доверила судьбу свою в его руки, даже не сделав ни одной попытки для того, а сразу, сломя голову, кинулась в омут, что приготовила ей доля. Кто ведает — откройся она тогда Владиславу, что знает о том положении, в котором они оказались, что готова принять все, лишь бы помочь ему, что было бы тогда? Отчего она вдруг решила, что только ей по силам вершить их судьбы, лишая его возможности на то?

Она предала его. Предала, и не единожды. Оттого беспокойно было на душе. Но ведь и он предал ее. Позабыв о ней так скоро, не храня даже малейшей памяти о ней, стерев из памяти любой след. И ныне лаская другую, целуя ее, как когда-то целовал ее...

Разве он не предал ее...?

1. Оборотень или человек, превращенный злыми чарами в волка
2. Войлочная шляпа, которую холопы носили круглый год
3. Тик
4. Я соединяю вас в супружество во имя Отца, и Сына, и Святого Духа (лат.)

На обратном пути, едва колымага Ксении покинула окрестности Заслава, как ее тут же остановил всадник на гнедом валахе, пригрозив издалека плетью Петру, что в тот момент был за возницу. Тот не стал упрямитесь, сразу же распознав приближающегося к нему шляхтича, натянул вожжи, останавливая лошадей. Ксения тут же приподнялась на своем импровизированном ложе в колымаге, которое ей заботливо соорудила из подушек Марыся, выглянула в оконце, встревоженная это внезапной остановкой.

Это был Лешко Роговский. Уже доехав до колымаги, он грубо и зло стегнул холопа по спине, процедив сквозь зубы:

— Что встал, осел? А коли то не я был бы? Пани под угрозу ставишь!

— Ну, что я не узнаю пана? — Петр потер спину. Удар был слабым, кроме того, его смягчила овинная жилетка, что защищала Петруся от осеннего холода, что так и леденил неприкрытую кожу этим утром. — Я ж пана издалека узнал!

Но Лешко уже не слушал его. Он спрыгнул с валаха и пошел к небольшому оконцу, в котором заметил бледное лицо Ксении. Ее глаза расширились от удивления, когда она узнала его.

— Пан Лешко! Но как? Откуда?

— Збыня устроила такой плач после отъезда пани Катаржины со двора, будто пани забрали черти, — с усмешкой проговорил он, стоя на расстоянии протянутой руки от конца. Но он видел, как красны ее глаза, заметил недавние дорожки слез на ее щеках. Тут же сжалось сердце. Куда она ездила? В Заслав? Если в Заслав, то зачем? Не отца же повидать, право слово, так резко срываются и сломя голову, без должной охраны едут в дальнюю дорогу? Загадка для него. Как и сама пани Катаржина, что так неожиданно появилась на дворе пана Смирца.

— Я не мог не пуститься догонять пани, — говорил Лешко, глядя в глаза Ксении. — Должен сказать, что с трудом нашел пани, едва сумел определить направление пути пани Катаржины.

— Я ездила к отцу. Разве Збыня не сказала то пану Лешко? — ответила Ксения. — Нужда была в том.

Лешко пожал плечами, покрытыми как обычно в холодную пору, мохнатой волчьей шкурой, невольно заставив Ксению вспомнить разговор хлопков. Как он выследил ее? Она ведь тщательно скрывает следы в землях Ежи, а после — попробуй выследи на широкой дороге, такой многолюдной ныне, пока не зарядили дожди, и не размыло утоптаный и разъезженный колесами путь, определи направление, куда поехала колымага. У нее даже мурашки побежали по спине при мысли о том, что это возможно только по нюху. Неужто и истину говорят о пане Роговском?

— Мне нет дела до нужд пани. Вернее сказать, не мое оно. Но хранить пани, пока пан Юрась не в вотчине, мое дело. И проследить, чтобы пани, коли ехать решить куда, то в сохранности, тоже.

Более он ничего не произнес. Вернулся к валаху, поводья которого держал Антось, спрыгнувший при появлении Лешко с козел колымаги, спеша послужить пану Роговскому.

— Едем! — коротко приказал Лешко, занимая место в седле. Напоследок обернулся к Ксении по-прежнему следящей за ним из оконца, коротко кивнул ей, а потом погнал валаха

впереди колымаги, тронувшейся за ним следом.

Именно Лешко выбирал места для ночлега, предпочитая корчмы остановкам на шляхетских дворах, что иногда встречались на пути. Сначала Ксения думала, что каменицы шляхты попросту далеки от их пути или спросить не у кого, где двор панский поблизости. А потом заметила, что Лешко даже не спрашивает о том у встречающихся им на пути хлопков или мещан, держащих путь куда-то. Роговскому было по нраву заплатить за ночлег, чем просить кого-либо о нем, как поняла она, наблюдая внимательно за шляхтичем с волчьей шкурой на плечах.

И ее он явно избегал. Уходил от праздных разговоров, которыми хотела себя занять в дороге Ксения, отвечал исключительно на вопросы о дороге или о времени пути. Он и обычно был немногословен, отвечал односложно на вопросы, и редко когда его речи были длинны, но отчего-то именно сейчас это так злило Ксению, тем паче ей хотелось забыть о том, что оставляла она за своей спиной в Заславе, чему свидетельницей стала. Да Марыся никак не давала это сделать: только и говорила, что о свадьбе, о невесте, роскошный наряд которой, блестящий в лучах солнца, так поразил ее, о пане ординате. И конечно, не могла не вспоминать о той страшной истории, что рассказала им жена рандаря.

В конце концов, Ксения не смогла выдержать этой пытки, которой подвергала ее Марыся раз за разом, несмотря на приказы пани замолчать или говорить о другом. Она понимала, что девочку переполняют впечатления от увиденного, которыми ей невтерпех поделиться с кем-нибудь, но слушать изо дня в день о свадьбе, она не желала — слишком царапало сердце при воспоминании о паре, стоявшей на ступенях костела. Потому в итоге Ксения прогнала от себя Марысю, приказала той сидеть отныне подле холопов, а сама поехала в одиночестве, пытаясь успокоить свое истерзанное сердце.

И в обратной дороге Господь явно благоволил к путникам. Потому как едва они успели пересечь ворота двора пана Смирца, как с неба хлынул дождь, за плотной стеной которого даже на расстоянии вытянутой руки было трудно разобрать происходящее. Збыня, довольная скорым возвращением пани и своей Марыси, хлопотала над Ксенией, как курица над своими цыплятами: принесла горячего травяного отвара («Пейте, пейте, пани, для дитя то гоже!»), укутала плечи теплыми платками из пушистой на ощупь шерсти, подложила под ноги горячие камни, чтобы отогреть заледеневшие от осеннего холода ноги пани. После, позаботившись о дочери хозяина, ушла к себе в спальню окнами на задний двор, как и положено холопке, чтобы послужить дочери, а заодно и выведать у той, куда пани так спешно уехала, что та видела в дороге, кого встречала.

Ксении было некомфортно оставаться одной с Лешко, которого Збыня усадила за стол вместе с пани за горячий обед, что тут же достала из печи, едва усталые путники перешагнули порог. И хотя он молчал, как обычно, ел, не поднимая глаз на нее, сидевшую напротив, словно его и не было в гриднице, она как никогда ранее ощущала его присутствие тут, возле себя. Быть может, оттого что Лешко был широкоплеч, занял почти треть длинного стола гридницы.

А быть может, оттого что ей было впервые неловко остаться наедине с ним после того, как помогая ей идти по двору через дождь, ведя ее за руку, он вдруг украдкой погладил тыльную сторону ее ладони.

Или ей это показалось, думала Ксения, не в силах оторвать взгляда от его черноволосой макушки, что склонилась над столом. Кто ведает, вдруг этот жест был случаен? Обычно она чувствовала по наитию, что любя мужчине, определяя то по выражению глаз, по случайным

жестам или голосу. Тут же не было ничего, что могло бы указать на возможную симпатию к ней вечно угрюмого Лешко. Он всегда был предельно вежлив с ней, никогда не задерживал на ней взгляд долее положенного, никогда не пытался коснуться ее лишней раз, когда обучал ее езде на лошади.

А потом она задумалась вдруг совсем о другом, глядя на черные волосы сидящего напротив шляхтича. Эта гридница была так похожа на ту большую комнату в Белобродах — те же стены с развешанным на них оружием, та же побеленная печь в углу, тот же широкий стол под льняной скатертью. Ксении привиделось, что она снова вернулась в те дни перед Адвентом, когда убежав от всего света и закрывшись от всех в вотчине, они были так счастливы с Владиславом. Это именно его голова склонилась над миской с горячей похлебкой, это именно его руки отрывают от ломтя хлеба куски поменьше, чтобы смочить их в ароматном вареве да отправить в рот. Вот сейчас он поднимет голову, улыбнется ей — широко раздвигая губы, пуская тем самым от уголков глаз десятки мелких морщинок. На его губах останутся крошки хлеба, и она, нагнувшись над столом, смахнет их пальцами, а Владислав тут же поймает их в плен, как делал то обычно при ее жесте, прижмет к своим губам, таким горячим от похлебки. И она расскажет ему, что невольно заснула наяву, что видела страшный сон — они разлучены, и он повел под венец совсем другую женщину, а она обречена растить их дитя вдали от него, тщательно оберегая эту тайну.

Ксения не сразу поняла, что уже давно смотрит не на макушку Лешко, а в его карие глаза, что он уже давно поднял голову и наблюдает за ней пристально, словно читает по ее лицу мысли, что в голове ее крутятся в этот момент. Смутилась от его прямого взгляда, покраснела, но глаз не отвела в сторону, осознавая, что если так поступит, то слабость свою покажет, а быть перед кем-либо слабой ныне она не желала. И Лешко своих очей не отвел в сторону, так и смотрел на нее.

За шумом дождя, что шелестел по крыше да двор щедро поливал, барабания тяжелыми каплями по настилу перед крыльцом, они не слышали, как подъехала к дому колымага. Стукнула в дверь в сенях, в гридницу буквально влетела Эльжбета. Застыла на пороге, глядя на Ксению, прижимая руку к груди. Разорвалась та незримая связь, что вдруг образовалась между ней и Лешко. Позднее, уже лежа в тиши своей спальни, Ксения будет долго думать о том мороке, который вдруг на нее напал, что даже глаз не сумела отвести от пристального взгляда Лешко. Но мысли о том, что волколак тот, гнала от себя — Владислава тоже звали дьяволом из-за темных глаз и порой такого тяжелого взгляда, но она-то как никто другой знала, что тот человек из плоти и крови, а не бесовское порождение.

— Ты была там? — глухо проговорила от двери Эльжбета, а потом резко шагнула в гридницу, шурша длинными юбками. — Ты была там, верно?

— И как видишь, вернулась обратно, — коротко проговорила Ксения, а потом стала бочком, придерживая выпирающий живот, выбираться из-за стола, так и не притронувшись к еде. Аппетита совсем не было, а на тело навалилась такая усталость, несмотря на то, что почти весь путь она лежала и дремала, что захотелось упасть в постель и лежать без движения долгое время.

— Ты видела его? — спросила взволнованно Эльжбета, останавливая Ксению на ее пути в спальню, удержала ее за локоть. Ксения покосилась на Лешко, что казался ныне чересчур увлеченным трапезой, к которой снова вернулся, едва Эльжбета перешагнула порог. Но она знала, что он сейчас ловит каждое слово из их тихого разговора.

— Видела. Что тебе до того? — Ксения понимала, что ее слова звучат грубо, но не

могла вдруг сдержать злости. На Эльжбету, которая в очередной раз всколыхнула волну в душе Ксении. На Лешко, что посмел смотреть на нее так пристально. На Ежи, на Владислава, на саму себя. И на недолю свою, из-за которой не снова лада и покоя в душе. — Желаешь спросить о том, о чем по глазам вижу, спрашивай! Нет, я не говорила с ним. Нет, он не ведает. Нет, Ежи не в каморе, а в полном здравии. А нынче прошу, отпусти руку мою — утомилась в дороге, лечь хочу!

Она почти вырвала локоть из пальцев Эльжбеты, и не стала ее удерживать ныне, только проводила растерянным взглядом, как Ксения скрылась за дверью собственной спальни.

Уже позднее, когда лежала без сна и слушала, как тихо стучится о слюдяные вставки в окне осенний дождь, Ксения пожалела, что так грубо обошлась с Эльжбетой. Будь она на месте вдовы, так же приехала, сломя голову на двор, проведать вести, что привезли с собой прибывшие из Заслава, движимая слепым страхом за того, по ком только и бьется сердце. А еще не хотелось терять ту теплоту, что установилась меж Ксенией и вдовой пани в последнее время. Она была единственной ныне, кто мог разделить хмурые осенние дни, ведь до приезда Ежи было еще более месяца с половиной.

Но на удивление Ксении резкость, с которой она встретила Эльжбету, ни в коем разе не повлияла на их отношения: уже спустя пару дней, словно дав Ксении остыть, вдова снова появилась на дворе Ежи, как ни в чем не бывало. Она привезла с собой рулон тонкого холста и цветные нити, напомнила Ксении, что уже пора за работу садиться — готовить приданое для младенчика, что в Адвент должен на свет появиться. Ни словом, ни взглядом не показала тогда Эльжбета, что ее обидело поведение Ксении в тот день, отмахнулась от попыток той завести на эту тему разговор, чтобы извиниться перед вдовицей.

— Не говори мне ничего. Я-то понимаю, как тягостно на душе должно быть ныне. Потому и отвлечь себя надобно, Касенька. Вот лучше за работу примись. За работой и срок быстрее настанет, оглянуться не успеешь. Да и тоска уйдет, когда руки и голова другим заняты, — говорила Эльжбета, разрезая полотно на одинаковые куски, которые впоследствии будут использоваться для пеленания младенца. Потом на них Ксения вышьет знаки защитные, которые когда-то показала ей мамка Ефросинья. Знаки рода, чтобы пращуры защищали дитя от худого, от возможных напастей как этого мира, так и другого, того, что не видел человеческий глаз. А уж что-то — защита-то ребенку, которого носила Ксения, была необходима, думала она, кладя ровные стежки алыми нитями.

На день святых праотцов {1}, считавшимися покровителями бездетных и рожениц, на двор согласно обычаю, пригласили повитуху на обед, чтобы поглядела лишний раз на ту, которой предстояло стать матерью. Ксения сама подала старушке в черном вдовьем рантухе, что была за пупорезку в этих местах, кашу в глиняном горшке, обильно политую маслом, как любила та. Уходя старуха поцокала языком, глядя на живот Ксении, и та замерла на месте от дурного предчувствия, сдавившего грудь. Вспомнилась первая тягость, когда не дал доносить до срока, когда скинула дитя.

— Пани не должна пугаться, — поспешила сказать повитуха, видя, как побледнела та, глядя своей морщинистой рукой ладонь Ксении. — То я, старая дурня, о своем. О своем я! Проще простить, коли пани испугала. Пани должна о хорошем думать, о младенчике, что на руки возьмет, когда Господь срок даст. И побольше лежать пани надобно. Лежать, пани!

Но и Збыня, и Эльжбета заметили вскоре то, что сразу же определил взгляд повитухи — слишком опустился вдруг живот Ксении, словно срок подошел младенчику на свет появляться. Датолько до того дня было еще далеко, оттого они и стали с того дня, словно

наседки над яйцом, кружить над Ксенией, следить за каждым ее шагом, пресекать любые действия, что могли повредить как-то ребенку.

Дни потянулись скучные, однообразные. Да еще серость свинцового неба, что повисло над землей этой унылой дождливой порой, не добавляло веселья. Вскоре приданое для ребенка было готово: полотно для пеленания, рубахи длинные с длинными рукавами, чтобы младенец не поцарапал себе лицо ноготками, стеганое одеяльце, чтобы укрывать его от холода в зимние дни и ночи. Даже крестильная рубашка была сшита и украшена полосками удивительно тонких кружев, подарком Эльжбеты. Ксения, бывало, доставала ее из ящика скрини и долго глядела на нее, поглаживая свой большой живот. Рождение ребенка для нее означало не только хлопоты, что суждены любой матери. Другие трудности встанут тогда перед ней, иные думы придется думать тогда, непростые решения принимать. Пока же она старательно гнала от себя все мысли о том, что ждет ее в будущем, представляя в своих грезах об этих днях только дитя, которое возьмет на руки.

Девочка. Это должна быть девочка дивной красоты, иначе ведь и быть не могло. Ведь только рождение девочки даст ей возможность исправить многие ошибки, что она совершила.

Прошло Корнилье {2}, миновала за ним пора стрижки овец, когда заготавливали густую шерсть, чтобы позднее прочесать ее, приготовить для прядения, которым после займется женщины. Застучала прялка и в доме Ежи, закрутилось веретено в руках Збыни. Ксения особенно любила эти вечера, когда холопка заканчивала все домашние работы и усаживалась в гриднице с прялкой. К том моменту настало бездорожье, дороги развезло от постоянных дождей, и Эльжбета была вынуждена отложить свои визиты на двор пана Смирца до первых морозов, который скует эту дорожную жижу, подарит возможность выехать со двора.

Да и Лешко не показывался в доме Ежи больше, хотя раньше частенько захаживал на ужин, что выставляла из печи Збыня, ожидающая его к столу. Ныне не было времени на то у пана Роговского, как объяснила ей Збыня: то молотьба зерновых, то корнилье, то стрижка овец да проверка сенников. А потом пришла пора проследить за тем, как лен будут мять, чтобы позднее превратить его в отменные холсты, да за подготовкой пасеки пана Ежи к зиме. Тут только глаз да глаз за холопами нужен!

— Только когда снег ляжет высокий, настанет у пана время погостить, — говорила Збыня, крутя веретено. — Да только и тогда пана не стоит ждать в этой гриднице. Пан Лешко охоч до зверя разного по снегу походить. На медведя сходить, пока тот со сна не шустр. Пан справный охотник, пани сама увидит то вскоре!

Но снега долго не было. Только морозы, принявшие землю в свои объятия, сковавшие ее, напустившие наледь на ветви деревьев, на дома и распаханное поле. И хотя и называли эту пору снеговеем, прошло уже чуть менее половины, прежде чем с неба повалили крупные хлопья снега. Это был не первый снег, но именно этот лег плотным покрывалом, словно одеялом накрывая земли. И именно тогда вдруг на двор приехал Ежи, ступил в гридницу, где как обычно вечером сидели Ксения и Збыня за работой, а Марыся тихонько напевала себе под нос, вороша поленья в ценинной печи, подбрасывая дрова и в эту, что в гриднице была, и в других небольших комнатках дома.

Ксения едва узнала его в заметенной снегом фигуре, только когда тот снял шапку с бритой головы, выдохнула радостно. Тот тоже сухо кивнул ей вначале, но расплылся в улыбке, когда Ксения поднялась с лавки поприветствовать его согласно обычаю, как и

положено дочери, расцеловала холодные щеки и лоб.

— Вот гляжу, ты стала похожа на бабу в кои-то дни! — улыбнулся он, окидывая взглядом ее пополневшую фигуру, ее слегка округлившееся лицо. — Вот ныне твоя краса и заметна глазу. Жаль только, что сойти вся краса может вскоре, как тягость твоя.

Но Ксения же ничуть не жалела о том. Она стала побаиваться недавно остаться такой большой, какой стала в последние месяцы. Ведь вся ее одежда была ей уже мала, только рубахи и юбки полноватой Збыни были впору сейчас и стали единственным ее нарядом. С тоской она думала о том, что вдруг никогда более не сможет надеть то дивное платье из голубо-зеленого шелка, расшитого жемчугом и бусинами, ее единственный роскошный наряд, ставший тонкой нитью, что связывала ее с былым. А кроме того, ей уже было тяжело передвигаться, нося ставший таким огромным, живот впереди себя. Нешадно болела поясница, порой резкие движения ребенка в утробе причиняли легкую боль, заставляли сгибаться, пережидая, пока тот успокоится в чреве.

Потому Ксения не обратила внимания на тот приступ боли, что вдруг заставил ее согнуться, когда она неуклюже поднялась с колен в одно утро после положенной молитвы. Шевельнулся ребенок, больно ударив ее в бок, и она сжала губы, чтобы не застонать в голос. А потом вдруг боль приняла совсем иной характер, когда Ксения, уже успокоившись, пыталась одеться, натянуть на располневшую талию юбку из тонкой шерсти. Сдавило все внутри, будто невидимая рука сжимала кости таза.

— Збыня! Збыня! — закричала Ксения, хватаясь за угол скрыни, у которой стояла в тот момент. А после, когда боль в очередной раз сдавила изнутри, завизжала в голос, не скрывая страха. — Ежи! Ежи!

Первой прибежала достававшая из печи хлеба Збыня, всплеснула руками, заметив, как крутит Ксению боль, приказала прибежавшей вслед Марысе послать кого-нибудь из хлопов за повитухой — пришло время, знать, ребенку на свет появиться. Это же она повторила и Ежи, ворвавшемуся в спальню Ксении, будто за ним кто-то гнался. Тот побледнел, схватился за виреи {З}рукой, и Збыня попросила его в гридницу уйти, заметив на его лице извечный мужской страх перед таким обыденным для матери-природы действием.

— Что-то худо, Збыня, — приговаривала Ксения, пока Збыня, заботливо обхватив ее талию рукой, вела к кровати мелкими шажками. — Худо, Збыня! Боль-то какая! И не Адвент ведь покамест!

Хмурая Збыня кивнула озадаченно, и сердце Ксении сжалось от страха. Боль так походила на ту, что мучила ее некогда, в спальне терема в Московии, когда тело выкидывало из себя недоношенное до срока дите. Неужто Господь заберет и этого младенчика у нее?

По ногам Ксении потекло что-то теплое, и она заорала в голос от ужаса, цепляясь мертвой хваткой в Збыню, что помогала ей лечь.

— Кровь! Кровь! — кричала она, сжимая больно руки Збыни, но та уже спешила покачать головой.

— То не кровь, пани. То вода из тела пани пролилась. Знать, младенчик вовсю на свет торопится. Пусть и ранее срока. Таков, видать, замысел Божий, не иначе.

Пришедшая из дыма повитуха, наскоро оглядев Ксению и прощупав ей легко живот, подтвердила слова Збыни — торопился на свет младенец. Хорошо хоть до такого срока пани доносила того, подумала старуха, Бог даст и здоровым уродится, Бог даст выживет! А Ксения, осознав, что уже рожает, поднималась с постели под крики Збыни и протесты

повитухи:

— Нельзя в спальне! В доме нельзя! Худо то!

Збыня тут же стала шептать, что окропит после спальню водой святой, со свечой из церкви пройдет по углам, и Ксения притихла. Повитуха, знакомая с обычаями восточных земель давать жизнь младенцам в мыльнях или как называли то — в бане, поспешила уложить пани обратно, давя с силой на плечи, дивясь тому, что пани ведет себя как холопка из той стороны, что в приграничье с Московией была. Разве так воспитывают дочерей шляхты? А потом забыла о том, когда пани снова стала кричать от боли.

— Ну, тихо, пани. Что кричишь-то? Отца своего так перепугаешь, а он далеко не юн, чтобы без боли в груди такие крики слышать! Все бабы через то проходят, ни одна не померла в моих руках. И ты жива будешь. И младенчик твой. Не голоси только, худо ему так!

И Ксения сжала зубы, сдерживая крик при очередном приступе боли. Повитуха, привыкшая к тому, что роженицы так мучаются целый день от рассвета до заката, а то и более, едва не пропустила момент, когда пани вдруг затихла, стала спокойной, будто и не рожала ныне.

— Что затихла, пани? — встревожилась повитуха. — Боли нет, что ли?

А болей действительно уже не было. Тело Ксении уже выталкивало из себя равномерными толчками младенца, что спешил покинуть материнскую утробу. Повитуха, заметив это, с трудом подавив удивление такими скорыми родами, вмешалась, осмотрела пани еще раз и стала отдавать короткие приказы, чтобы пани легче было вытолкнуть из себя дитя.

Резкий голос повитухи, тихий шепот Збыни, что читала молитву в помощь роженице, жар, охвативший тело, липкий пот и какое-то странное напряжение — вот и все, что слышала и чувствовала Ксения в этот миг, давая жизнь своему ребенку. Повитуха что-то приговаривала, иногда шлепала ладонью по ноге Ксении, словно понукая ее к чему-то.

— Ну же, пани! В последний раз! — вдруг крикнула повитуха резко и громко, и Ксения напряглась изо всех сил, желая, чтобы наконец ушло то неприятное напряжение из ее тела. И оно действительно ушло, уступая место легкости, которую Ксения вдруг ощутила, когда нечто большое, что давило изнутри недавно с силой, выскользнуло из нее на руки повитухи.

Тихий, едва слышный шлепок, но уже не по ноге, она ведь почувствовала его, разве нет, подумала, откидываясь на подушки устало Ксения. А потом раздалось какой-то странный звук, в котором Ксения не сразу узнала детский плач. Сдавило сердце, но уже не больно, а как-то легко, впуская в него огромную волну нежности к младенцу, которого она еще не видела, но уже чувствовала ту невидимую нить, которой они по-прежнему были соединены, словно пуповиной.

— Дочь? — прошептала Ксения, отпивая теплой воды из кружки, поданной Збыней, после того, как с помощью старухи наконец-то стала полностью свободна от того, что так долго носила в своем животе. Повитуха услышала ее, покачала гордо головой, довольная, что помогла появиться на свет этому хорошенькому младенчику с дивными голубыми глазами.

— У пани сын! Чудо, а не панич, — она уже проверила послед на целостность и теперь обмывала аккуратно ребенка мокрой холстиной, не обращая внимания на громкие протестующие крики. И как пани, маленькая, как воробышек, умудрилась выносить такого крепыша? В нем же около четверти пуда, не меньше! — Где рубаха, пани? Рубаху давайте.

— Рубаха? Какая рубаха? — еще толком не пришедшая в себя от происшедшего с ней Ксения оторопело взглянула на повитуху, а потом на Збыню.

— Рубаха пана, отца младенчика, пани Кася, — прошептала та, вытирая куском полотна пот с лица и груди Ксении. — Пани забыла об обычае? А може, пани не взяла с собой рубаху, когда к отцу уезжала? И немудрено-то при том, что пани увидеть пришлось...

Ксения задумалась на миг, как ей сейчас следует ответить на это, но усталый разум никак не находил решения. Она даже подумать не могла, что в этой стороне младенца принято заворачивать не материнскую рубаху, оттого и растерялась ныне.

— Вот, возьми, — Эльжбета, которую до того Ксения даже не замечала в спальне, протянула повитухе белый сверток, а потом шагнула к Ксении, опустилась на колени у ее постели, провела ладонью по спутанным влажным волосам той. — Касенька, милая... счастье-то какое!

Но Ксения не слушала ее. Повитуха уже протягивала ей младенца, завернутого в полотно рубахи, и Ксения приняла его в руки, жадно вглядываясь в маленькое личико, покрасневшее от недовольных криков, которые издавал крохотный ротик.

— К груди его, пани, надобно, к груди, — сказала резко повитуха и, склонившись над постелью, стараясь забыть о боли, стрельнувшей в поясницу при том, помогла молодой матери приложить к груди сына. Тот не сразу взял в ротик сосок, покричал немного, словно возмущаясь, а потом вдруг так сильно сжал губами грудь Ксении, что у той на глазах слезы выступили.

— Добже! — кивнула повитуха, глядя, как младенец впивается в грудь матери, чтобы утолить голод. — Добже! Знатный панич вырастет, знатный.

Она перекрестилась, стоя перед образом Богородицы, а потом завернула в полотно послед и пуповину, чтобы после схоронить их в укромном месте, вышла в гридницу, где ее уже с нетерпением ждали с вестями, где ей налили даже ароматного вина, бочку которого Ежи до этого дня хранил, как зеницу ока, а ныне раскупорил.

Ксения даже не обратила внимания на уход старухи. Она была целиком поглощена созерцанием того, кто только недавно толкался у нее в чреве, а сейчас лежал у нее на руках, уже насытившийся и постепенно отдающийся в объятия дремы, убаюканный материнским теплом.

— Он совсем без волос, — прошептала она, глядя на аккуратную, едва покрытую легким пушком головку. Светло-голубые глаза чуть приоткрылись, когда в тишине спальни раздался ее голос, а потом снова закрылись. — Я иначе себе видела его, когда думала о нем...

— Мы все иначе видим своих дитятей, пока те в утробе, — усмехнулась Эльжбета, с трудом перебарывая в себе желание коснуться легко маленьких пальчиков, сжатый в кулачок. — А волосы отрастут, это уж точно. Кабы иначе, многие ходили бы лысы с рождения.

Ксения с улыбкой взглянула на маленькие ручки, на короткую шейку, на черты лица, так схожие с теми, что она уже почти позабыла — дивно, но ее сын был так похож на Михася, ее брата единоутробного. А потом взгляд вдруг упал на ворот рубахи, в которую был завернут сын, и улыбка застыла на ее губах. Оборки на высоком вороте, искусное шитье и тонкое полотно. Рубаха не простого пана, как предположила Ксения, когда Эльжбета протянула повитухе, а знатного и богатого шляхтича. Нательная рубаха Владислава...

Быть может, поэтому в ту ночь снился Ксении сон, в котором пришел в эту спальню Владислав, присел на краешек кровати, не отрывая взгляда от ее лица. Она хотела рассказать ему о сыне, что спал в этот темный час в плетеной колыбели возле кровати, показать ему

ребенка, но когда повернулась к той, обнаружила пустой. Подавив в себе мимолетный приступ паники, который заставил ее резко сесть в постели, Ксения обернулась к Владиславу и заметила, что он улыбается ей, тихо качая на руках младенца. А потом он отвернулся от нее, стал вглядываться в личико спящего сына.

— Анджей, — прошептал гордо Владислав, по-прежнему улыбаясь. — Мой Анджей... Мой сын!

Ксения не стала отвечать, только обняла его со спины, кладя свои ладони поверх его больших рук, в которых младенец казался таким крошечным, прижалась щекой к широкой спине, обтянутой черной тканью жупана. Закрыла глаза, наслаждаясь близостью, подаренной ей хотя бы в ночной грезе. А это был дивный сон. Сон, который не хотелось терять с рассветом. Сон, который так хотелось видеть явью...

Следующим же утром Ксения позвала к себе Ежи. Подниматься с постели повитуха запретила ей, пока сама не разрешит то пани, обещаясь приходить на панский двор каждый Божий день, покамест не выправится молодая мать.

Ежи не мог не хмуриться, несмотря на благость недавнего события и редкие в это время солнечные лучи, что заливали небольшую спальню, играя в волосах Ксении, прогоняя прочь осеннюю хандру, пусть даже только на время. Зато Ксения улыбалась ему, пожала его протянутые к ней руки, кивнула на колыбель у постели, где мирно посапывал младенец.

— Истинный ангел Божий, — умилился Ежи, утирая украдкой слезу, что навернулась на глаза в этот миг. От радости при виде дитя даже головная боль от вчерашней попойки, что развернулась давеча в гриднице при благом известии, ушла. — Мы прошлой ночью не шибко шумели?

— Зато весело первый день младенчика встретили, — улыбнулась снова Ксения, вспоминая, как гремели на дворе в сумерках выстрелы из пищали и пистолей, создавая некое подобие салюта в честь новорожденного шляхтича. Рождение сына Владислава должны были приветствовать замковые пушки, но заberi его черти, коли Ежи не постарался устроить знатную им замену!

— Следующим утром младенца бы окрестить надобно, — сжала его ладони Ксения, чуть приподнимаясь на подушках. Улыбка более не играла на ее губах, а ладони были так холодны, что по спине Ежи вдруг пробежала дрожь. — Анджей. Пусть окрестят Анджеем. И прошу — стань восприемником ему.

— Я не могу... — начал Ежи, решив, что она просит окрестить дитя в церкви ее веры. Как мог он, католик, стать крестным отцом для ребенка при том? Но потом заглянул в ее глаза и коротко кивнул, одновременно испытывая невероятное облегчение и сострадание к той муке, которая должно быть терзала ее ныне из-за этого решения. Сжал ее ладони, подбадривая. — Ты верно решила, ласточка. Все так и должно быть. Иначе не должно.

Страшный грех совершала Ксения следующим утром, когда на голову громко кричащего красного от натуги младенца лилась святая вода из купели костела, когда над маленькой головой читались латинские слова. Тяжкий грех по тем незыблемым правилам, в которых ее растили в земле русской. Невозможно было ребенку, рожденному от православной принять латинянскую веру. Ведь это означало долгое покаяние для матери и невозможность увидеть своего ребенка там, за последней чертой.

Но и иначе Ксения не могла. Не мог ребенок, рожденный от Владислава, быть ее веры. Только не в этой земле. А иного дома у него отныне нет, ведь этот двор, эта ляшская сторона стала Ксении домом. Здесь она пережила и хорошее, и худое, здесь родился и будет выращен

ее сын. Здесь ее положат в землю, в этой стороне. Другого дома у Ксении нет и никогда более не будет. И будущего у нее другого нет. Теперь она навеки вечные Катаржина Вревская. Ксения Калитина ушла в небытие, растворилась в вечности...

Когда земля покрылась полностью белым высоким покрывалом, и почти все живое погрузилось в зимнюю дрему до первых теплых лучей весеннего солнца, Ежи заговорил о своем отъезде в Заслав. Приближались Святые праздники, и он должен быть в Замке, подле Владислава. Его решение огорчило Эльжбету до слез, она надеялась, что ныне, когда на его дворе были Ксения и младенец, тот наконец встретит Рождество в этих землях, вместе с ней. Оттого он долго опасался говорить о том Ксении, которая после рождения Анджея стала совсем иной, словно переродилась сама в тот солнечный осенний день. Но на его удивление она встретила эту весть спокойно, только кивнула коротко, соглашаясь с его решением.

— Он свыкся с тем, что я всегда подле него, что редко удаляюсь в свои земли. В этот раз он в Варшаву уезжал, оттого я с легкой душой расстался с ним на время, — Ежи не хотел говорить Ксении, что это отъезд в столицу королевства был вызван триумфальным возвращением короля Жигимонта, который спешил всем своим подданным продемонстрировать полную победу над русской землей. Ведь уже был взят Смоленск, этот орех, что долго не хотел раскалываться в щипцах королевской армии, в Москве давно стояли поляки, а в поезде короля поедет бывший царь Московии со своими сородичами. Достойное возвращение короля, против похода которого так бурно стояли стеной радные паны!

— Я понимаю то, — ответила Ксения, сжимая поводья. Эльжбета, видя ее страх не влезть в платья, что носила Ксения до тягости своей, посоветовала ей побольше выезжать верхом, утверждая, что именно поездки верхом помогли ей сохранить до зрелого возраста фигуру. Вот Ксения и выезжала, когда выдавалась свободное время от хлопот за младенчиком. Слава Господу, он был спокоен, прилично ел и долго спал, не просыпаясь, словно набираясь сил для того времени, когда встанет на свои пухленькие ножки.

— Я вернусь, как смогу, — заверил Ежи Ксению. — Скажу, что стар становлюсь, что мне не до того, чтобы подле него вечно быть. Что хочу сидеть у горящего очага да пиво пить, закусывая справной колбаской. Я вернусь!

Но было еще, о чем он желал переговорить ныне с ней, оттого и выехал со двора рано поутру, наслаждаясь морозным воздухом, что так бодрил, ласково трепал обнаженную кожу щек, заставляя опускать лицо пониже в меховой ворот. Об не стоило говорить в доме да и на дворе тоже, только тут на этом зимнем просторе, когда окрест ни видно ни единой живой души, не считая собак, что крутились в ногах лошадей.

— Недаром тебя он чаровницей кликал. Чаровница ты и есть! — вдруг сказал Ежи, и Ксения повернулась к нему, взглянула сквозь прищур глаз, гадая, о чем пойдет речь далее. — Околдовала своими очами шляхтича, запутала душу. Я о Лешко речь веду, Кася, о Лешко Роговском. Он ведь samotный волк {4}, Кася. Как пришел ко мне боле десятка лет назад таким, так и ходит поныне. А тогда он с пепелища в эти земли пришел. Его вотчину дотла пожгли, а жинку и детей малых зарубили, хлопков угнали. Сам он едва жив остался. Зацепилась душа за тело, вот и не ушел он в небеса. Московиты то были, Кася, не тебе в обиду будет сказано то. Люди все земли делят, забывая, что на землях этих душ полно. Вот и я стал на старости призадумываться о грехах своих, что ворохом за мной тянутся... Да не о том я ныне! О Лешко! Просил он, Кася, у меня руки твоей давеча. Говорил, коли соглашусь, он лоб расшибет, а вено тебе доброе даст, что жить ты с ним будешь, горя не зная, что по

земле ходить не будешь — на руках пронесет через жизнь.

— И что ты сказал ему на то? — холодея душой, спросила Ксения, пытаясь изо всех сил сохранить хладнокровный вид. Назвавшись дочерью Ежи, она вручила ему свою жизнь. Она не знала, как принято у ляхов, но будь она в Московии при том, Ежи мог распоряжаться ее судьбой, как ему было угодно. Даже замуж отдать.

— Я стар, Кася, — тихо сказал Ежи, отводя глаза на край земли, шурясь от света, что ударил при том в глаза. — Я стар, а потому не могу не думать, что ждет тебя, коли срок мой придет. Сама ведаешь, ныне тебе нет дороги в Заслав. Ныне твоя дорога отлична от дороги Владека, и не пересечься им, не дано того. Лешко силен и смел, голова у него на плечах. Я его тогда оставлю на землях моих, и ты никогда не будешь знать нужды при нем или страха. Думай сама, Кася. Твоя жизнь — тебе и решать. Пойдешь за Лешко, Кася?

— Не хочу, — ответила и сама удивилась, как легко слетело с губ то, что еще год назад даже сказать не смела, не краснея от стыда за свою смелость. А потом проговорила, наслаждаясь каждым словом. — Я не пойду за Лешко. Он знатный и справный шляхтич, достойный муж. Но я не хочу за него замуж. Не хочу.

Ежи кивнул, в глубине души довольный тем, что слышал сейчас, но все же сделал еще одну попытку вразумить ее:

— Но подумай о том, кто защитит тебя, коли меня не станет? Тебя и сына твоего? Я ведь стар, Касенька. Глянем правде в очи: старец я, а не воин.

Она задорно улыбнулась ему, потянулась и коснулась ласково щеки, подмигнула.

— Ну, думаю, пани Эльжбета точно поспорит с тобой в словах этих, — а потом выпрямилась, вмиг посерьезнело лицо. — А что касается Лешко, то слово мое ныне таково: под венец не пойду. Я отныне сама себе пани, верно? Знать, и должна суметь защитить и себя саму, и сына. И сделаю то, вот увидишь! А теперь геть думы худые о старости, пан отец! Хотя, коли не обгонишь меня до двора, то точно пора тебе к очагу да к кружке отвара травяного, а не пива! А ну! Пошла!

И Ксения вдруг стегнула легко свою лошадку, помчалась по разъезженной дороге к дыму пана Смирца, что виднелся вдали, за которым стоял панский двор. Только полетели из-под копыт снежные хлопья, взвился парусом широкий плащ, подбитый мехом лисы.

— Куда тебя понесло, заноза? — крикнул Ежи, приподнимаясь в седле. Звонкий задорный смех был ему ответом, наполняя его душу молодецкой удалью да азартом от предстоящей гонки по снежной дороге. — Ну, гляди тогда, заноза! Увидишь еще копыта моего валаха...

Он стегнул коня, быстро переходя с рыси на галоп, склонившись к шее валаха, наслаждаясь ветром, что бил в лицо. Шапка слетела с бритой головы, упала в сугроб, но Ежи даже не придержал коня — после пошлет на поиски холопа. Сейчас же единственное желание билось в груди догнать эту девчонку, что уже почти въехала на улочку дыма, крича издали холопам уходить с дороги.

Вон как лихо несется, думал с гордостью Ежи, даже не придержала лошадь, въезжая в дым. А ведь еще год назад даже подойти боялась к коню! Глядишь, верно тогда сумеет уберечь и себя, и дите свое от невзгод, коли нужда такая придет. В стольких передрыгах побывала, а не сломалась, только закалилась, будто в огне кузни лезвие сабли. Такая точно хребет недоли переломит! И дай Бог да Святая Матерь Его, чтобы так все и случилось!

календарю. В романе и далее — все даты будут указываться именно по новому стилю.

2. Время сбора корнеплодов (репы, свеклы, моркови и пр.)

3. Косяк двери

4. Соответствует русскому «Бирюк»

Осень, 1615 год

— Angele Dei, qui custos es mei {1}, — вторила еле шевеля губами хору голосов, разносившихся высоко под сводами костела, Ефrojина. Она красиво сложила перед собой руки, переплела белые пальцы. Вся ее поза выражала ныне само благочестие и покорность, а глаза, скрытые под опущенными ресницами, казались затуманенными религиозной эйфорией, ведь их хозяйка была так погружена в молитву. Тонкий стан обтянут бархатом темно-синего цвета, на котором так отчетливо бросается в глаза распятие, усыпанное сапфирами в тон платья и жемчугом. На голове — аккуратный венец из золота и камней, как на нагрудном украшении, темный рантух из полупрозрачной ткани скрывает от посторонних глаз узел из каштановых кос.

Но каждый кто подумал бы, что Ефrojина погружена в молитву, ошибся бы. Нет, она повторяла за остальными прихожанами слова молитвы, завершающей мессу, но ее внимание было приковано к человеку, что был подле нее и так же молился, сложив перед собой руки, как и другие.

О Господи, до сих пор, спустя несколько лет при взгляде на это волевое лицо, на темные волосы, что Владислав убирал назад, открывая высокий лоб, от его сильных рук и разворота плеч, обтянутых плотной тканью жупана, у нее сердце колотилось чуть быстрее обычного! Пусть не так, как ранее, когда она была без памяти влюблена в него, пусть уже слабее. Но видит Бог, в том охлаждении, что был между супругами, нет ее вины, что бы ни говорили люди!

В первые дни после венчания Ефrojина была так счастлива, так радовалась, что стала женой пана Заславского. Ей нравилось, как замирает сердце, когда она ловит на себе его взгляд, как вспыхивает что-то в груди огнем, когда он касается ее или целует в губы, как целовал тогда, в их первую брачную ночь. Она думала, что любит его. Она полагала, что так будет всегда. И она ошибалась.

Александр, ее брат, всегда казался Ефrojине сосредоточием тех качеств, что должны быть присущи каждому шляхтичу, особенно тому, кто владеет «королевством в королевстве», как любил говаривать ее отец. И ей казалось тогда, что Владислав такой же, как ее брат. Увы, в обратном ей пришлось убедиться довольно скоро, уже в Варшаве, куда они поехали, дабы поприветствовать триумфальное возвращение короля из диких земель Московии.

Это был не первый визит Ефrojины в столицу, но при дворе она была впервые. Оттого и восторгалась почти всем, что видела на пути в залу, где должен был состояться прием. Хотя и скрывала свою радость — разве уместно шляхтянке показывать свой интерес? И именно там, в роскошной зале, где Сигизмунд велел своим пленникам из Московии предстать и приветствовать его, как подобает властителю побежденной страны, впервые она была удивлена тому, что открывалось в ее муже.

Ефrojина почти не слушала речь гетмана Жолкевского, в которой тот прославлял мужество короля и доблестные результаты его похода на соседа-варвара, что после стольких лет наконец-то оказался под пятой королевства. Она смотрела только на бывшего царя Московии, растерянного и испуганного старика, на его не менее взволнованных родичей. Немудрено, что Московия покорила славному королю Сигизмунду, коли на троне у нее был такой старец с трясущимися от волнения руками!

Бывшему царю Московии, Василию Шуйскому, пришлось после этой речи покорно склониться перед Сигизмундом, а его родичам и вовсе пасть на колени, прося милости у победителя для себя. Когда король гордо кивнул и пообещал «заботиться» о них, когда некогда гордые московские царь и бояре коснулись губами его руки в знак благодарности, Ефrojина вдруг заметила, как недовольно кривит губы Владислав. Это же увидел и Александр, стоявший рядом с ними, усмехнулся:

— Пану не по нраву унижение московитов, видать? Или пан не рад триумфу нашего короля? Победе нашей славной армии?

— Достойная виктория должна иметь тот же триумф, — коротко ответил Владислав. — Что достойного в унижении немощного старика и зрелых мужей?

Взгляды ее мужа и брата скрестились поверх ее головы, Ефrojина кожей почувствовала их ненависть друг другу, которую те не забыли, даже уже связанные родством.

Там, где часто сыплются искры, велика опасность большого пожара, велика вероятность, что рано или поздно вспыхнет огонь. Так и случилось.

Спустя несколько дней после Святой Пасхи, на празднование которой Ефrojина уехала в Дубно, где был ее отец, она возвращалась в Заслав в сопровождении отряда гайдуков во главе с Александром. Еще не было между супругами того холода, что заморозил сердце Ефrojины, заставил душу оледенеть. Владислав был предельно заботлив о своей жене, особенно той весной, когда они ожидали появления на свет своего первенца. Заславский тогда уехал на границы, которые огнем и мечом отодвинул зимой вглубь казацких степей, его так долго не было в замке, что Ефrojина заскучала, а после и вовсе приказала закладывать сани, решив поехать к отцу и брату.

Пан Острожский тогда был недоволен приездом дочери, что прибыла в Дубно без позволения супруга. Недостойно то было совсем жены шляхтича, потому он первый день не приветил дочь, наказывая ее своей холодностью за пренебрежение основ воспитания. Но после сменил холод на радушие, довольный до глубины души, что вскоре род Острожский получит достойное продолжение, а у Заславского появится наследник герба и рода. Именно пан Януш настоял, чтобы Ефrojина взяла с собой Александра в провожатые до Заслава, даже не предполагая, к каким последствиям это приведет.

В день, когда поезд пани Заславской приближался к окрестностям Заслава, схизматики ждали Святую пасху, как обычно отставая от верной даты, принятой папой Святой Церкви латинской. Возле небольшой часовни, что стояла аккуратно подле дороги, что вела наикратчайшим путем в Заслав из Дубно, стояли холопы, что на кануне Святого праздника, пришли освятить яйца и высокие хлеба, как делали то из года в год. И как назло корзины с ними были выставлены на небольшой площадке перед часовней, что осталась покрытой снегом в то время, как дорогу и землю вокруг часовни покрывал слой жижи, так свойственный весеннему пути.

Можно было объехать, но с риском застрять колесами колымаги пани Ефrojины в грязи. Проще же ехать по снегу, объезжая бездорожье. Александр дал знак, и гайдуки принялись сгонять схизматиков прочь с той полоски снега, щедро размахивая плетями, сбивая шапки с мужчин, стегая даже по голосящим женщинам.

— Что творится? — выглянула в оконце Ефrojина, встревоженная людскими криками. Александр, зло кусая ус, приблизился к колымаге и склонился к нему.

— Быдло не пожелало убираться прочь с пути, — процедил он. — Не волнуйся, Ефа, мы сгоним их быстро. А ты должна мужу своему сказать, что хлопы его от рук отбились, кнута,

видать, давно спины не знали. Не будешь держать быдло в кулаке, пожалеешь, Ефа. Ну, что там так долго? — крикнул он гайдукам.

— Приветствую, пана и пани, — к колымаге подошел старик, судя по тому, что он нашел в себе довольно смелости обратиться к ним напрямую, — староста какого-то близ лежащего дыма. Он так низко поклонился, что его усы коснулись грязного снега. — Долгих лет здоровья пану и пани! Проще пана не сердчать на людей да отозвать гайдуков. Мы уберем с пути пана наше добро, отойдем в сторону.

— Так дело в добре вашем? — Александр повернулся и бросил быстрый взгляд назад, на холопов, что спешно собирали корзины, пытаясь сохранить их от копыт лошадей гайдуков, бережно укрывая их своими телами.

— Так Пасха на дворе, — уже тише произнес старик, опуская глаза в землю, понимая, что невольно признается ныне в нарушении закона этих земель, ставящих его веру вне закона. — Надобно яйки освятить...

— Ты ошибаешься, старик! — резко ответил Александр, направляя коня на старосту, толкая его на землю. — Святая Пасха была несколько дней назад!

А потом вдруг резко стегнул пан Острожский коня, направил коня прямо в толпу холопов, что разбежались в стороны при виде шляхтича, видя по выражению его лица, что он не остановится даже перед смертоубийством, что может свершиться под копытам его валаха. Он развернулся после к вознице и крикнул ему:

— Давай быстро за мной!

Холоп на козлах колымаги заколебался, и Ефрожина крикнула ему после недолгих колебаний, торопясь приехать в замок до возможного возвращения мужа:

— Пошел, что стоишь! Пошел!

Двинулась колымага вперед, поехала по снегу следуя недавнему пути всадника. Затрещала под тяжелыми колесами скорлупа яиц, разломились на куски мягкие хлеба, разломись под ободами тонкие свечи. Заголосили холопки в голос, на миг перепугав Ефрожину да так, что дите испуганно шевельнулось в животе.

А потом вдруг случилось то, что никак не должно было случиться. Ефрожина даже не поняла, что глухо застучало вдруг о заднюю стенку колымаги, отчего так яростно завопил Александр. Она едва высунулась в оконце, как мимо ее носа пролетело что-то, в чем позднее, подавив испуг, она признала яйцо. Их, пана и пани из рода Острожских забрасывало яйцами, кусками хлеба и комьями грязи холопское быдло!

— Увози пани! — донесся до Ефрожины крик брата, а потом колымага затряслась на ухабах так, что она едва не упала на сидение. Все время, пока она ехала, судя по стуку колес да покрикиванию возницы, одна, без охраны гайдуков и Александра, Ефрожина неистово молилась, испугавшись, что вдруг холопы могут причинить какой вред ее брату. Она слышала, что иногда в дымах бунтуют холопы, порой зверски расправляясь с паном-хозяином этой земли. Потому ее сердце так билось бешено в груди, потому так дрожали руки.

Александр нагнал сестру спустя некоторое время, и она обняла его с облегчением в сердце, благодаря Господа за то, что у нее такой брат — смелый, сильный, не побоявшийся пойти в толпу быдла, этих еретиков, которых справедливо, как отныне она думала, жестоко преследуют в землях королевства. И она искренне недоумевала после, почему так зол Владислав, который узнав о том происшествии, кричал в голос на нее и Александра.

— Что с того, что мы их помяли? — возразил ему молодой Острожский, в то время как

его сестра испуганно вжималась в спинку кресла, желая быть где угодно, только не здесь, не в этой зале. — Они же быдло! Что с того, что спалили их часовенку? Ничего незаконного в том нет!

— Что с того? — буквально шипел в лицо шурина Владислав. Ефrojина впервые видела его в подобном гневе — его губы побелели от ярости, глаза сверкали. — Что с того? А то, что хлопы не стали возвращаться в свои дымы, ушли в сторону степей казацких. А предварительно сожгли храм новой веры униатской, повесив священника. Тебе мало того? Разворошил эти угли и ныне к себе в земли, верно, любимый мой брат?

— Я не понимаю, отчего такая ярость, любимый мой брат, — Александр тоже выделил последние три слова, как то сделал прежде Владислав. — Соберем людей, быстро вернем быдло в дымы, повесим виновных. Делов-то! Я виноват, что в твоей земле то было. Но в моей ординации то невозможно было. Я не ношусь с еретиками, как писаной торбой, в память о ведьме московитской. Ты ведь от того, как зол ныне, брат? Что именно еретиков помяли?

Ефrojина ахнула, когда сильный удар Владислава свалил с ног Александра, а потом закричала в голос, заметив, как тот достает из ножен на поясе саблю, как ярко блеснуло лезвие в свете свечи. Шляхтичи, что были в зале во время этой ссоры, стояли в отдалении от них, не желая показываться на глаза во время этой ссоры, вспыхнувшей между новоявленными родичами. Никто из них потому не успел бы остановить Владислава, и Ефrojина уже видела, как скрещиваются сабли, видела этот страшный бой между братом и мужем.

Но этого не последовало. Услышав крик жены, Владислав остановился, убрал саблю в ножны, сжимая пальцы в кулак с такой силой, что побелели пальцы.

— Убирайся с моей земли, Острожский! — приказал он, намеренно опуская слово «пан». — Убирайся прочь! Чтоб глаза мои тебя не видели!

В тот вечер супруги почти не проронили ни слова, даже не обращались друг к другу. Хотя Владислав был по-прежнему предупредителен к Ефrojине за ужином, как обычно ухаживал за ней, разрезал ей куски дичи на тарелах, подливал сладкого меда, который она так любила. Только позднее, когда она уже уходила к себе, получив от него на прощание легкий поцелуй в лоб и в губы, он вдруг тихо спросил:

— Как ты могла не остановить его, Ефrojина? Как могла пойти у него на поводу? На земле, по которой хозяйкой ходишь!

— Я не понимаю твоей злости, Владек, — ответила она дрожащим от волнения и обиды голосом. — Это были еретики! И это была всего лишь еда... Хочешь, я пошлю такую же снедь в дымы? Соберу так же корзины, как они принесли туда?

— Святой праздник Пасхи у схизмы был несколько дней назад. Твои дары уже припозднились, Ефrojина, — а потом, после недолгого молчания, снова задал вопрос. — Ты ведала, что моя мать была православной веры?

— Но ты же истинной веры, Владислав! — возразила ему Ефrojина, даже не подумав над тем, что он желал сказать тем вопросом. Он только усмехнулся в ответ и вышел вон из ее покоев.

Именно с того дня все пошло наперекосяк. С того проклятого дня! Ефrojина сжала пальцы сильнее, кидая мимолетный взгляд на мужа, который по-прежнему не отводил взгляда от алтаря, словно что-то там заприметил. Она знала, что судя по этому взгляду, что он мысленно не здесь, в костеле, а где-то в другом месте. Куда ей редко отныне

позволителен ход, увы!

Или их отношения пошли прахом после рождения ребенка? Да, верно, скорее всего именно тогда. Ефrojина помнила до сих пор ту радость, которая жила в ее сердце все время, пока она носила своего первенца. Это был первый и последний раз, когда душа цвела в ожидании появления того, кто рос день ото дня в ее чреве. У Ефrojины позднее были и другие тягости, но никогда после она не ощущала того подъема, как когда носила свою дочь.

Ведь в ту ночь в канун дня святого Иоанна Ефrojина родила дочь. Насмешка судьбы! Она так долго подбирала мужские имена, когда ждала разрешения от бремени, что даже не придумала имя дочери. Ведь она ждала появления сына, наследника рода и только его!

— У пани красавица дочь! — провозгласила тогда повитуха таким голосом, будто ей насыпали корзину золота. Ефrojина к тому моменту настолько устала, что даже головы от подушки оторвать не могла. Схватки длились более дня, совершенно вымотав ее, а боль родов и вовсе заставила потеряться в пространстве и во времени. Как хорошо, что у нее будет мальчик, думала она между приступами, кусая губы. Потому что она твердо намерена сделать длительный перерыв между рождением первенца и других детей, которых Господь даст им с супругом.

А потом ей сказали, что у нее дочь, показали нечто сине-красное, с длинными руками и ногами, словно у лягушки. И сердце ее оборвалось куда-то вниз, провалилось в живот, что опустел ныне.

— Уберите ее от меня! — резко сказала Ефrojина, пытаясь скрыть раздражение, охватившее при мысли о том, что она родила девочку. А потом разрыдалась в голос, утыкаясь лицом в подушки.

— Пройдет со временем, — шушукались женщины, что были в спальне, полагая, что разочарование, свойственное рождению девочки, со временем уляжется. Но они ошиблись.

Ефrojина взяла на руки дочь впервые только спустя время, когда они обе, чисто вымытые, облаченные в белые рубашки из тонкого полотна, встречали Владислава. Он с каким-то странным благоговением глядел на это маленькое существо у нее на руках со сморщенным личиком, как у старухи, и Ефrojина сразу поняла, что в жизни ее мужа появилась женщина, с которой ей предстояло разделить его заботу и внимание. Ведь мальчику не требовалось столько любви и ласки, как девочке.

— Какая... кроха! — прошептал он. Ефrojина кивнула — она бы тоже с трудом нашла определение этой лягушонке, которую Господь послал ей вместо сына. — Каким именем мы наречем ее? Яниной в честь святого Иоанна? Или Анной в честь моей сестры?

— Решай сам, мой пан, — прошептала Ефrojина, глядя его по лицу. Иногда он ловил ее пальцы, словно не хотел продолжения этой ласки, касался их аккуратно губами. Ныне же он, проигнорировал ее жест, только гладил по маленькой щечке большим пальцем, поражаясь тому, какой крохотной та была. И к раздражению, что после долгих месяцев мучений на свет появился ребенок не того пола, что Ефrojина хотела, присоединились ревность и злость.

Маленькой Анной занимались исключительно няньки и кормилица, приставленная к панночке с рождения. Ефrojина, как и положено знатной шляхтянке, не собиралась кормить грудью новорожденную, да и вообще старалась поменьше бывать в детской, взяв второй раз на руки дочь только на время крещения той, когда пришло время. Да, она великолепно смотрелась в храме около купели в том роскошном золотистом платье, расшитом речным жемчугом, с маленькой дочерью в ворохе кружев. Но она с явным облегчением отдала ребенка няне, едва это стало возможным, а после забыла о ней,

окунувшись с головой в празднества, устроенные в Замке по случаю рождения панночки.

Но не только холодность Ефройины к дочери послужила причиной отдаления супругов. Вскоре после рождения Анны на пани Заславскую навалилась вдруг страшная тоска, такая, что хотелось волком выть в голос. Она стала раздражительна, часто срывалась на своих паненок, и ничто не могло унять ее дурного настроения: ни празднества, которые продолжил устраивать по просьбе жены Владислав, ни летний гон, на котором она истинной Лесной Девой скакала на своей белоснежной лошадке, ни итальянские музыканты и поэт, что прислал в замок Заславских пан Януш. Разумеется, это не могло не отдалить несколько Владислава, который едва терпел ее капризы и слезы по пустякам.

— Это пройдет, — говорил ему мудрый пан Матияш, но уже подходило время жатвы, а на лицо Ефройины так и не вернулась улыбка. Ее поджатые недовольно губы в тонкую линию уже вызывали раздражение у самого Владислава. Что бы он ни делал, выражение ее лица неизменно оставалось прежним — хмурым, недовольным. Куда делась та юная девушка, с которой он так любил выезжать в лес с птицами на охоту?

А потом недовольство сменилось ревностью, и стало еще хуже. Ефройине, с трудом, но затягивающей шнуровку корсета на прежнем уровне, вдруг стало казаться, что Владислав так редко бывает в ее постели оттого, что кто-то из паненок в свите замка выполняет отныне ее обязанности жены. Она стала подозрительна, стала выпрашивать, наблюдая за танцами со своего места на возвышении, кто по мнению Владислава, хорош собой или искусно двигается, а после находила предлог, чтобы удалить девушку, о которой велась речь со двора. Она устраивала браки, упиваясь своей ролью в том, порой совсем не считаясь с волей девушек, шантажируя тех приданым, что выделялось им от ордината.

Пару раз Ефройину пытался образумить Владислав, откровенно говоря той, что ему не по нраву то, что она творит, и что происходит в Замке. Но она видела в этом только попытки оградить ту, что делила с ним постель, от неминуемого удаления из Замка. Нет, Ефройина не боялась призрака бывшей нареченной, пусть и шептались по углам холопы и некоторые из шляхты, что пан ординат не забыл ее. Она боялась женщин из плоти и крови, потому и старалась избавиться от возможных соперниц.

Слишком поздно Ефройина поняла, что опасаться следует не юных невинных паненок ее свиты, а замужних пани или вдовиц. Слишком поздно поняла, что сама толкнула супруга на то, в чем так долго подозревала и упрекала его. Мудрость приходит с опытом, когда уже набита шишка от собственной ошибки, усмехнулась пани Заславская, еще теснее сплетая пальцы.

Еще в конце весны 1612 года от Рождества Христова стало известно, что в Московии собирают войско, чтобы выгнать поляков из стольного града, чтобы освободить страну из-под руки короля соседнего государства. Вначале эти вести никто не принял всерьез — уже несколько раз появлялись рати, объявлявшие себя «освободителями земли русской», но либо королевское войско их било, либо собственные соотечественники. Слыханное ли дело, чтобы какой-то мясник {2}, пусть даже с помощью князя, одолел доблестную армию Речи Посполитой?

В этот же раз дело приняло совсем другой оборот. В конце серпня {3} армия польского короля под командованием гетмана Ходкевича была разбита под Москвой, и тому пришлось отступить, оставляя в стольном граде гарнизон на произвол судьбы. В Варшаву летели грамоты одна за другой, призывая Сигизмунда прийти на помощь или этот город, а затем и вся страна могли ускользнуть из-под руки короля.

Король отчаянно просил сейм выделить средства на отражение этого удара, но шляхта осталась глуха к мольбам Сигизмунда, и тому ничего не оставалось, как выйти практически без армии в Московию, надеясь на остатки войска, что стояли в русской стороне. Правда, позднее часть шляхты устыдилась своего отказа и нагнала короля около Вязьмы. Среди них в Московию уехал, несмотря на все мольбы Ефрожины, и Владислав.

Она поняла, что он присоединится к этому походу, как только тот опустил грамоту, пришедшее от пана Януша, что писал к зятю из Варшавы. Ефрожина уже видела, как горит в нем предвкушение от этой авантюры, каким блеском загорелись его глаза. Мужчин невозможно удержать при себе, ей часто о том говорил отец. Но видит Бог, отпускать мужа в эту дикую страну она не желала!

Владислав молчал о своем решении до самой охоты, на которую выехал вместе со свитой замка в ближний лес. Только там он, взяв поводья лошади Ефрожины, увез ее в сторону от остальных и снял с седла.

— Ты уезжаешь, — сказала она, не в силах скрыть злые слезы, прозвучавшие предательски в голосе. — Ты уезжаешь сражаться с этими варварами!

— У меня земли недалеко от Смоленска, ты же знаешь. Я взял их в прошлый поход на Московию, — как и нечто другое, подумалось вдруг с тоской ему. Вернее, кого-то другого, который в свою очередь отобрал у него самое важное, что только есть у человека — его душу. — Я должен идти с королем. И потом отсидеться в землях своих, когда королевство ведет войну...

— Не надо! Не стоит говорить о том, — оборвала его Ефрожина. — Я ведаю, что тебя мой пан, тянет туда иное.

А потом вдруг скользнула вниз, опустилась на колени одним грациозным движением, захватив его ладони в плен. Ее карие глаза умоляюще смотрели на него снизу вверх.

— Умоляю тебя, Владислав! Откажись от своего решения, не ходи с Жигимонтом! Я боле ни слова тебе не скажу поперек, я стану смирной и тихой, каковой все мужи хотят видеть своих жен. Я никогда боле не буду такой, как ныне, стану, как прежде! Прошу тебя, не ходи! Московия — варварская страна, неизвестно, что ждет тебя там. Я умру... я просто умру, коли с тобой худое случится!

Горе и волнение Ефрожины были неподдельны, в глазах застыли невыплаканные слезы, и сердце Владислава не могло не дрогнуть. Он ласково провел по щеке жены, а потом легко потянул ее на себя, принуждая встать с холодной и мокрой от дождя минувшей ночью земли, с пожухлой осенней травы.

— Не ходи, — прошептала Ефрожина. А потом добавила. — Ради сына, которого я ношу.

Глаза Владислава вспыхнули радостным огнем, он горячо поцеловал ее пальцы, которые по-прежнему держал в руке. Но после его лицо снова будто окаменело, надежно скрывая все эмоции, что скрывались в его душе. И она поняла, что не смогла умолить его. Он уедет. А ей останется только ждать его и носить его наследника в своем чреве. И это должен быть мальчик в этот раз!

И Ефрожина осталась в замке, изо всех сил стараясь стать истинной женой пана ордината, ведь она так хотела, чтобы он ей гордился. Потекли довольно скучные и однообразные дни, и только короткие письма Владислава вносили в их скуку тонкий лучик радости. Пан Януш также писал к дочери, едва узнавал последние вести из Московии. Именно от отца Ефрожина узнала о том, что мечты короля владеть русскими землями

потерпели крах в начале Адвента, и только она порадовалась, что Владислав вернется домой, как пришла весть об осаде некоего Волока {4}, на которую вдруг решился Жигимонт.

Прошел Адвент, миновало Рождество, а затем и пора святых праздников. На Сретение {5} Ефрожине вдруг стало плохо, озноб бил все тело, сильная боль крутила мышцы. Ее тотчас уложили в постель, но ни покой, ни снадобья, которыми ее стал лечить лекарь от неведомой хвори, захватившей в полон тело, не помогли — в ту же ночь у нее случился выкидыш. И это действительно был мальчик, как она и молила Господа.

В начале Великого поста, что начался в конце студзеня {6} в Заслав вернулся Владислав. Ефrojина не встретила его на дворе, как представляла себе ранее, думая о его приезде. Она отдыхала, набираясь сил после болезни, категорически запретив кому-либо из слуг или свиты беспокоить ее. Потому Владислав и прошел в детскую к дочери, что уже пыталась встать на тонкие ножки и тянула ручки к каждому, кого видела, словно умоляя взять ее на руки. Она довольно скоро перестала плакать, перепугавшись сперва его виду — высокому росту и широким плечам, а потом заинтересовалась цепью, что висела у него на груди, под его смех пыталась попробовать ее на вкус, как и аграф его плаща.

Именно по этому громкому смеху и отыскала Ефrojина мужа в домашних покоях, недовольно хмуря лоб при виде этой идиллической картины. Ей была непонятна и даже немного раздражала эта странная любовь отца к дочери, когда превыше всего ценились дети мужского пола, а не девицы. И ее неприятно кольнул тот факт, что Владислав пошел прежде сюда, в эту небольшую комнатку, к маленькой Анне, предпочтя ей свою жену, при том недавно потерявшую его сына.

Владислав, конечно, был огорчен случившемуся несчастьем. Он был заботлив и ласков с ней, выполнял все ее причуды и капризы, как потакал во всем своей маленькой дочери. Но этого было мало Ефрожине. Она видела, что будучи подле нее, целуя ее ладони, он мысленно вовсе не с ней. Такое выражение глаз у него было всегда и со всеми, и только, когда он был с Анной, теплели его темные глаза, смягчались черты лица. А она хотела, чтобы это происходило и при виде на нее, Ефроjinу, его супругу.

Вскоре Ефrojина сообщила мужу радостную весть: она снова тяжела, и судя по приметам, у нее непременно должен родиться в этот раз наследник, долгожданный сын Владислава. А потом снова неудача — не успела она относить и пары месяцев, как тело скинуло дитя, не пожелав удержать того во чреве до положенного срока.

После этого события постель Ефроjины надолго опустела. Началось все с простого разговора, который состоялся у нее с мужем.

— Лекарь сказал мне, что нам не стоит пока делить постель, Ефrojина, — пояснил Владислав, глядя ее по волосам, словно беспокойную лошадку. — Он всерьез опасается за твое здравие, и мы должны последовать его совету, пани жена. Очередная попытка затяжелеть губительна для тебя. Твое тело не способно выносить дитя.

— А как же тогда сын?! Наследник?! — Ефrojина чувствовала, как внутри ее растет огромный шар, готовый со временем выплеснуться бурной истерикой. Чертов жид!

— Мне иногда кажется, что ты больше желаешь сына, чем остальное! — вспыхнул Владислав. — Подумай о себе, Ефrojина! О том, что ты творишь с собой! И позволи напомнить у тебя уже есть ребенок — Анна! Ты ни разу не написала мне о ней, пока я был в отъезде. Ни разу! Да помилуй Бог, переступила ли ты порог детской за год, что она рождена? Вот и отдай всю нежность Анне, что желаешь подарить сыну, которого так алчешь.

— Нет! Она же не сын! — яростно выкрикнула Ефrojина, чувствуя, как бешено бьется

жилка на виске. Неужели он не понимает ее? Совсем не понимает ее? Как женщина, как жена ордината, она обязана родить наследника, а не девицу, которой суждено уйти из рода.

И тогда Владислав сделал то, чего она вовсе не ожидала. Он ударил ее. От сильной пощечины огнем вспыхнула щека, стало солено во рту от привкуса крови — она невольно прикусила губу при ударе.

Ефrojина ахнула и прижала ладонь к щеке, глядя с ненавистью на мужа.

— Я никогда не прощу тебе то! — всхлипнула она. — За что? Уходи! Убирайся из моей спальни, раз так пожелал этот чертов жид! Да ты и рад идти у того на поводу, коли слушаешь проклятого еретика, верно Владислав? Кто она? Кто та, что будет греть тебе постель вместо меня? — а потом смолкла, когда он вдруг резко развернулся и пошел к выходу из ее покоев. — Куда ты? Куда ты идешь?

Владислав не отвечал, и Ефrojина стала хвататься за него, цепляться за ткань его жупана, пытаясь задержать, не дать ему уйти из ее спальни. А потом и вовсе упала на ковер, захватив в плен полу его жупана, да так сильно, что едва не порвала ткань.

— Не уходи! Прошу — не уходи!

Владислав глядел на нее сверху вниз, вспоминая слова старого лекаря, что все перепады настроения пани, все ее причуды и приступы злости неподвластны ей ныне. Пока не восстановится тело после тех потерь, что понесло, говорить о душевном покое для жены ордината было рано. И он ясно видел, что и ему, и ей было покойнее, когда они не вместе.

Она так горячо желала получить долгожданного сына, что не понимала, насколько близка к тому, чтобы разрушить все, что было у нее ныне: его расположение к ней, любовь дочери, этой дивной девочки, что зовет матерью своих многочисленных нянек. Быть может, расстояние и время помогут ей понять это. Но даже если нет, то точно пойдут на пользу ее телу, а это значит, что после следующей Пасхи они сделают очередную попытку зачать ребенка. Коли Бог даст.

И Владислав уехал в Белоброды, забрав с собой годовалую дочь, темноволосую кроху Анну, которая только открывала для себя этот мир. Он не знал, проснется ли в Ефrojине материнская любовь к ней. Кто ведает — вдруг это еще придет к ней, когда она будет держать на руках сына? Но одно он решил определенно — что бы ни произошло, Анна будет любима. Он, ее отец, будет любить за двоих, отдавая ту нежность, что до сих пор была скрыта где-то в потайном уголке сердца этой маленькой девочке.

С тех пор Ефrojина беременела только раз, в начале прошлого 1614 года, после перерыва, что установил лекарь. Она понесла в ночь после дня Трех Королей {7}, она точно знала. Тогда в Замке был праздник, и она, нарядившись, в платье цвета серебра, танцевала всю ночь напролет со шляхтичами и со своим супругом. Она помнила, как блестели его глаза в свете свечей тогда, как он улыбается ей. И за ту улыбку Ефrojина простила ему все: и то, что он оставил ее прошлым летом на долгие несколько месяцев, аж до Дня всех святых {8}, и тех девок, что перебывали в его постели за это время.

В ту ночь Ефrojина любила его, как ранее, несколько лет назад. Всем сердцем и всей душой. Потому и готова была закрыть глаза на многое, что предполагалось остаться неведанным ей. Наивный! Разве что-то можно утаить от урожденной Острожской?

Ефrojина даже приблизила к себе тогда Анну, поражаясь тому, как изменилась девочка за два с половиной года. Нет, в ней не проснулась материнская любовь, как думал Владислав. Просто она знала, что это будет ему приятно, что это определенно расположит его к ней. Потому и улыбалась дочери, ласкала ее неуклюже, словно щенка. Ведь еще тогда

она думала, что они с Владиславом могут быть вместе и непременно будут счастливы.

Увы, не суждено Ефрожине было доносить и этого дитя. На Иоаннов день, когда на поле у замковых стен растянули шатры, расставили столы и лавки, кресла для хозяев, когда праздновали именины дочери пана ордината и чествовали святого, в самый разгар празднества у Ефрожины начались схватки. Конечно, ей говорил старый жид, что надо лежать в постели, опасаясь очередного выкидыша. Но как, скажите на милость, она могла остаться в душной спальне Замка и не пойти на праздник, если эта рыжая дрянь, бесстыжая вдова Кохановская, так открыто выставляла перед Владиславом свою большую грудь в низком квадратном вырезе платья?!

Да и если говорить открыто, то не будь это праздника в честь дочери, то не было бы и этой печальной потери, разве нет? Не было бы праздника... не было бы дочери....

Ефрожина позднее сказала то отцу, который остался в Заславском замке вплоть до ее полного выздоровления, не уехал к себе в Дубно, где все еще продолжалось строительство замка.

— Что ты такое говоришь, Ефа? — ошарашено взглянул на нее отец тогда. — Как можешь? Анна твоя дочь!

— Почему? Почему все вечно напоминают мне о том? — взорвалась Ефрожина.

— Оттого, что ты не должна забывать. А ты забываешь. И забываешься! Анна плоть от плоти твоей, кровь от крови. Ты выносила ее под сердцем, неужто нет в нем тепла для дитя? — и видя, что глаза дочери так и остались ледяными, а сердце ее — глухо к доводам и убеждениям, с горечью произнес. — Ты молода, оттого и горяча ныне твоя кровь. Пройдет время, и ты поймешь, что ошибалась. Жестоко ошибалась. Дай Бог, чтоб то не случилось слишком поздно! И ты запомнила, что тоже дочерью являешься. По твоим словам, мы с матерью должны были отвернуть от тебя свои сердца, когда ты родилась? Не отдать тебе всю ту заботу и нежность, что ты получила от нас? Так выходит по твоему разумению?

Но Ефрожина не слушала его. Ведь отец не может понять ее. У Януша Острожского было два сына и две дочери, когда на свет появилась Ефрожина. У него было, кому наследовать фамилию, герб, кому взять за собой земли ординации. А у Владислава нет, и если старый жид снова будет стоять на своем, утверждая, что постель пани должна быть пуста на год, то вряд ли вскоре появится. И что тогда? Что, если она вообще никогда не сможет зачать и выносить сына? Что помешает тогда тому унижению, что было когда-то у пани Ольшенской, когда ее супруг признал сыном внебрачного ублюдка и отдал ему большинство своих земель? Такого ей точно не снести!

— Amen! — пронеслось по собору, и Ефрожина вздрогнула от неожиданности. Месса завершалась. Владислав вдруг взглянул на нее и протянул в ее сторону руку. Она посмотрела на его лицо — хладнокровное, безразличное ко всем и вся, а потом вложила свои пальцы в его ладонь.

— У тебя такая холодная рука, — вдруг прошептал Владислав, склоняясь к ее уху. — Надо бы муфту брать с собой. Только недавно простудой мучилась!

Ефрожина промолчала, ее лицо осталось неподвижным, ни единой эмоции не мелькнуло при том. Отвела взгляд на отца Макария, приняла покорно святые дары из рук ксендза, мысленно в который раз взывая к Всевышнему, чтобы тот снизошел к ее мольбам и даровал ей радость, которую она так долго ждала.

Идя по проходу, под руку с Владиславом по окончании мессы Ефрожина не могла не скользнуть взглядом по лицам из их свиты с мужем. Они все были различны, и такие же

различные чувства она питала к этим людям.

Вот Мария, жена ловчего Влодзимежа. Уже четвертую тягость носит, словно кошка. Три сына, Божья благодать. Ефрожина не любила эту молодую женщину, и не только потому, что та имела то, в чем самой Ефрожине было так жестоко отказано.

Она была московиткой. Она знала ту, что была прежде до Ефрожины, и часто пани Заславская ловила на себе странный взгляд жены ловчего. И ненавидела ту за этот взор... Именно по этой же причине она удалила сразу же, как только стала супругой Владислава двух паненок, что были наиболее близки когда-то к бывшей нареченной пана ордината. Жаль, что Влодзимеж в почете у Владислава, жаль.

Ежи, этот вечно хмурый усатый толстяк. Ефрожина терпеть не могла его, впрочем, и он отвечал ей тем же. Она не могла взять в толк, отчего этот пан вызывает в ней такую лютую неприязнь, не могла найти причины, чтобы оправдать ее. Казалось, что пан Смирец только рад разладу между супругами, словно ему по нраву, что она не смогла удержать любовь и внимание Владислава только в своих руках. А потом вспомнилось, что действительно есть повод невзлюбить этого старика.

Когда-то в Замок заехал ювелирных дел мастер, что привез заказанную Владиславом толстую цепь, украшенную крупными камнями цвета крови. Пан Заславский как раз собирался выехать в Варшаву, куда прибыло посольство Московии, чтобы обсудить границы государств, заключить перемирие, получить некое удовлетворение обидам, что нанесли поляки за годы Смуты. Ему никак не выходило в этот раз остаться в стороне от сеймов, как он ни противился заседать в столице, ссылаясь на обязанности подкомория повета, чей пост Заславский занял в первое же Рождество после свадьбы с Ефрожиной. Московское посольство могло настаивать на возвращении смоленских земель и их окрестностей, а Владиславу того не хотелось. Пусть пока вотчина Северского и его приграничные владения, что перешли к Заславскому, лежат в руинах да не обрабатываются. Еще придет то время!

Потому и готовился Владислав к поездке в Варшаву, обновлял гардероб. Понадобились и новые цепи и перстни, кроме того, прежние требовали починки. Вот и приехал в Замок ювелир, прихватив с собой несколько гарнитуров, зная, как падка пани Заславская на богатые украшения. И та действительно многое приобрела в тот раз, замороженная блеском камней и металлов на своей дивной белой коже. Но единственным, что она не смогла купить, был гарнитур из прекрасных серег и гребня в форме диковинной птицы с длинным хвостом из широких перьев. Разноцветные самоцветы так играли в солнечном свете цветами, что у Ефрожины даже руки затряслись, так ей захотелось эти украшения. Но ювелир отказал ей, поведав, что гарнитур выкуплен уже. Пан Смирец, когда ездил в Менск вместе с паном Заславским, приобрел эти украшения.

Ефрожина настаивала, пыталась перебить цену, даже пыталась умолить мастера ювелирных дел, ненавидя себя за подобную слабость. А потом бросилась в залу, где муж вместе с молодым Добженским, занявшим пост каштеляна Замка и управителя ординации, обсуждали дела и принимали войтов. Владислав только плечами пожал в ответ и сказал ей просить самого пана Смирца, что сидел тут же у камина, дымя чубуком.

— Прощения прошу пани, но те цацки в подарок куплены, — отказал ей Ежи. — Не могу я пани уступить их. У пани много дивных украшений, а ювелир истинный мастер — может пани сделать все, что душа пожелает.

Но Ефрожина хотела именно этот набор. Ей отчего-то показалось, что пан Смирец специально делал, желая досадить ей. Потому она и расшвыряла.

— То украшения для юности и красы. А разве краса и юность станет целовать старика? Хотя пан верно приобрел их — за такие камни и старика ласкать не зазорно!

— Пани Ефрожина! — окликнул ее Владислав, но она не обратила внимания на сталь в его голосе, желая уничтожить хотя бы словом этого усатого толстяка. Ответь мне, кричал весь ее облик, но пан Смирец только глядел на нее спокойно снизу вверх да чубуком дымил.

Владислав после привез жене подобный гребень и серьги в подарок, но они ей уже были не нужны. К тому же, по ее мнению, они были жалким подобием тех, что достались кому-то в дар от пана Смирца. О, как же хорошо, что этот старик все чаще стал проводить время в своей вотчине! Глядишь, и вовсе уедет из Замка!

И это женское лицо в обрамлении тонкой, почти прозрачной ткани цвета темного серебра! Пани Барбара Кохановская, вдова шляхтича Кохановская, приехавшая просить милости и заступничества у подкомория в деле о какой-то пустоши да так и оставшаяся в Замке, получив вместе с решением по своей тяжбе и благосклонность ордината. Как же Ефрожина ненавидела ее! Как же часто думала о том, какими способами отняла жизнь у этой рыжеволосой змеи, что вползла на ее брачное ложе и отнимала у нее Владислава! Пусть потом приходилось столько каяться да пост держать в знак смирения, но как отрадны были те мечты. По крайней мере, усмехнулась горько Ефрожина, у меня одна соперница, что тут же вытеснила остальных, проходных в его постели.

Ефрожина заметила, как пани Кохановская стрельнула глазами на ее мужа, проходившего мимо, как облизала будто ненароком губы под его взглядом. Вот ведь потаскуха! Ефрожина сжала локоть Владислава легко, провела пальчиками по бархату жупана, показывая вдове, что Владислав в ее руках ныне.

— Было бы недурственно выехать на охоту с птицами, мой пан, — улыбнулась Ефрожина на ступенях костела, стараясь выглядеть спокойной. — Давненько мы не ездили с тобой.

— Сыро на дворе, Ефрожина, как бы не свалила тебя снова хворь какая, — ответил ей Владислав и, обхватив ладонями ее талию, посадил в седло. Он позволила себе провести руками по его широким плечам при этом, а потом легко коснулась щеки, и он как обычно поймал ее руку и поцеловал ее холодные пальцы.

Такой мимолетный жест, но именно за них развернулась с недавних пор у Ефрожины с пани Барбарой невидимая, но жестокая война. Каждая старалась быть очаровательнее и соблазнительнее другой, каждая хотела заполучить его целиком. Но разве это возможно? Ефрожина передернула плечами под теплым плащом, когда холодок пробежался от самых ступней вверх до груди и шеи. Нет, получить Владислава целиком не удавалось пока никому, она ясно видела то.

Но Ефрожина знала твердо одно. Как только она заметит, что темные глаза Владислава будут теплеть также, как при взгляде на дочь, когда он будет смотреть на Барбару, она приложит все усилия, чтобы устранить эту рыжую. Любой ценой, даже рискуя собственной душой. Как и в случае, коли заметит округлость живота у этой бестии. Не будь она урожденная Острожская!

Ефрожина тронула поводья и направила лошадь к Замку, стараясь ехать вровень с Владиславом, наблюдая за ним украдкой. Пару раз тот оглянулся назад, к всадникам и колымагам, что ехали вслед за супругами, но Ефрожине не удалось рассмотреть, был ли этот взгляд обращен кому-то или нет.

Проезжая мимо погоста, она вдруг посмотрела вглубь, на кресты, что виднелись из-за

невысокой каменной оградой. Может, ей стоит сходить к православному кресту, что стоит где-то там, невидимый ныне глазу. Паненки из ее свиты шептались, что ведьма, погребенная под ним, может сделать так, что сердце того, о ком думаешь, будет принадлежать только тебе. Вот было отраднее то да еще поглядеть на лицо пани Барбары при том! А потом Ефrojина одернула себя — гоже ли просить помощи у той, которая когда-то едва не помешала ей стать пани Заславской? Что было бы, коли судьба не оборвала нить жизни москвитки, коли Господь или сам дьявол не прибрали ее себе?

Ефrojина даже не подозревала тогда, что судьба уже снова начала переплетать нити, готовая жестоко оборвать некоторые из них, убирая путаницу из того узора, что ткала невидимая рука на полотне. Уток уже начал свое направление между нитями основы, пришел в движение ткацкий челнок...

1. Ангел Божий, хранитель мой — начальные слова католической молитвы
2. Известен факт, что Кузьма Минин занимался торговлей мясом
3. Август
4. Современный Волоколамск
5. 2 февраля
6. Февраль
7. 6 января
8. 1 ноября

Итальянец постарался на славу. Впервые за все это время Владислав был рад присутствию в замке чужеземцев, служивших при дворе пани Заславской, которые так резали порой глаз ордината и достойных шляхтичей своим непотребным для мужчины платьем. Виданное ли дело, чтобы мужские ноги были открыты чуть ли не до самого паха на обозрение да так обтянуты чулками? Срамота! Верно то — люди искусства, не воины вовсе.

Но зато каков мастер! Искусная рука чуть ли не с точностью до самой мелкой черты лица придала этому холодному камню сходство с дорогими для Владислава чертами. Так похоже лицо, словно это сама Ануся прилегла на холодный могильный камень да закрыла свои маленькие глазки.

Владислав положил на сомкнутые на груди каменного горельефа {1} в молитвенном жесте маленькие ладошки свою широкую ладонь, а потом прислонился лбом к холодному камню. Сердце уже молчало, уже не стонало тихо от той боли, что ворвалась в него обжигающей волной, не разъела душу, как та зараза, что косила людей чуть менее года назад в этих землях.

Хворь пришла так неожиданно, что первое время казалось, что она не так страшна, как разносят о ней толки по землям. Супруги Заславские были на охоте, когда эта черная зараза закралась в Заслав и его окрестности вместе с бродягой, что, еле шатаясь дошел до корчмы, стоявшей на перекрещении дорог недалеко от города. Тот приковылял на двор, опираясь на костыль, и упал, едва его случайно толкнул плечом слуга корчмаря, спешивший в стодолу {2} дать корма лошадям. Новоприбывший более не встал, завалился за колымагу, остановившегося, чтобы пропустить чарочку шляхтича, возвращавшегося из Заслава в свою вотчину, да и остался лежать там до того момента, когда пан не нашел его и не пнул носком сапога, решив, что это пьяница какой просыпается под его колесами. Но когда тот перевернулся от удара на спину, когда лохмотья, укрывавшие его лицо, упали на землю, шляхтич заорал не своим голосом, перепугав всех на дворе — и людей, и животных. То, что некогда было лицом мужчины, ныне было покрыто множеством выпуклых волдырей разного размера. Даже черт лица не разглядеть было под этой сыпью.

В мгновение ока корчма опустела. Люди бежали, как от огня, от страшной заразы, о которой прежде могли только слышать, ведь уже давно эта пятнистая смерть не собирала свой урожай в этих краях. И сами не подозревали, что уже было некуда бежать от нее, что сами и разносили ее по своим домам, заражали своих близких, которых так хотели уберечь от невидимой хвори, по поверьям ходящей из дома в дом ночами с железным клювом и черными очами, укрывших от взглядов темным широким плащом.

А Владислав и Ефrojина еще не знали, что на их земли напoлзает черная тень хвори. Они скакали по лесной дороге вслед за птицами, которых отпустили с рук, поставив ставки на то, чей сокол первым настигнет убегающего от ширококрылого хищника зайца. За ними следом тянулась свита их шляхтичей и паненок, обменивающихся улыбками, радовавшимся, что наконец-то в Заславском замке поселился покой и лад, пришло веселье. Словно в эти последние три дня супруги вернулись в тот первый год, когда только обвенчались в костеле Заслава.

Да и сам Владислав вдруг почувствовал себя во время той скачки таким живым, как никогда ранее. Ветер разведал волосы (рванув с места, пан ординат уронил шапку), валах

стремительно неся вперед по утоптанной дороге, в вышине неба, раскинув крылья неслись наперегонки два сокола, то выпуская из вида намеченную цель, то снова находя ее внизу среди деревьев. Тихий смех Ефрожины, ее улыбка, впервые за последние годы осветившая лицо неким светом, который придал ей очарование и мягкость чертам ее лица. И выражение довольства на ее личике с острым подбородком, радость победы, которую она безуспешно пыталась скрыть от его глаз, когда он, принудив ее лошадь свернуть с дороги в лесные заросли, прочь от лишних глаз, целовал губы Ефрожины, царапая кожу своей короткой щетиной. Пусть торжествует, думал тогда Владислав, лишь бы больше не леденела как раньше, лишь бы не становилась той, что была прежде.

Они вернулись в Замок, довольные, улыбающиеся, еще не зная, что спешащая к ним навстречу Магда несет худые вести, еще не ведая, что почти каждый третий, что ехал позади них в сопровождении обречен умереть, а каждый второй получит на память о заразе страшные отметины.

— Паночка, пан Владислав, — тихо сказала тогда Магда, и его сердце замерло на миг, а улыбка исчезла с лица. — У нее горячка, ей худо совсем...

Анна действительно была больна, как убедился Владислав, тут же прошедший в спальню к дочери. Ее кожа горела огнем, она плакала в голос и просила пить, ее мучила рвота. Няnek подле нее было меньше, чем обычно — уже две из пяти лежали в постелях с жаром, а одна, бегавшая тайком на свидание в ту самую злополучную корчму нынче днем, с ужасом укрылась с головой одеялом, скрывая от всех отметину страшной болезни у себя на лице.

— Variola {3}, - отводя глаза в сторону от пристального взгляда ордината, произнес спустя время лекарь. Его слова жутким эхом пронеслись под сводами потолка залы. Или ему это только показалось? А потом добавил, видя, что никто из присутствующих еще не понимает той опасности, что висит над их головами. — Черная воспа.

Паненки и пани ударились в истерику, сорвались в крик. Заголосили даже некоторые шляхтичи, пораженные этой вестью. Пани Ефрожина сорвалась с места и убежала прочь, но не к ребенку, как подумал лекарь, а заперлась в своей спальне, где принялась срывать с себя одежду и успокоилась только тогда, когда убедилась, что ее кожа чиста.

— У панночки мало пустул, но кто ведает, сколько их будет далее. Первый день хвори... — лекарь сжал пальцы, а потом потер их друг о друга, пытаясь подавить тот страх, что вдруг вспыхнул в душе. Он всегда боялся смертей, так и не смог привыкнуть к ним за все годы своей практики, так и не смог смириться. Как принять смерть, когда она уносит с собой такие невинные души? — Мне очень жаль, пан ординат, но обычно черная воспа уносит с собой именно детей. Но я слышал о случаях, когда хворь отступала от детей. Все в руках Бога!

— Не твоих, жид? — громко спросил Владислав, стараясь перекрыть тот шум, что стоял в зале. — Ты уберег меня от увечья, вернул меня к прежней жизни, сотворив чудо. Сотвори его и ныне!

— Я всего лишь лекарь, пан ординат, — дрожащим голосом ответил ему тот. — Все в руках Бога, только в них!

А потом страх уступил место тому чувству, что вселялось в него всякий раз, когда он спешил на помощь больному или покалеченному — ответственность за жизни. За жизни тех, до кого черная смерть еще дотянулась, что надо было предотвратить любой ценой. Это его долг, как лекаря. И долг пана ордината перед своими людьми, как хозяина этих земель.

— Надо закрыть границы города и окрестных дымов, чтобы зараза не прошла далее, — произнес лекарь, взглянув на белое лицо пана ордината, такого на удивление спокойного среди этой суматохи, которая ныне поднялась в зале. Только черные глаза темнели на этой белизне. Как у хвори, должно быть, что уже стояла невидимой тенью в этой зале, выбирая себе жертву. — И тела... Те, кто умрет, должен быть сожжен.

— Во все дни, доколе на нем язва, он должен быть нечист, нечист он. Он должен жить отдельно {4}, — процитировал медленно Владислав, и лекарь кивнул, узнавая слова Моисея. — Я выставлю заставы на дорогах. Никто не проникнет в эти земли. Но сжигать тела... Это против христианских канонов, жид. Ты, верно, забыл о том. Что еще?

— Никто не должен прийти в эти земли, но и уйти никто не может, — уточнил лекарь. — Все, кто в Замке и в окрестных землях, должны и остаться тут!

— Мне нужно послать текуна, Владусь! — вдруг вмешался Ежи в их разговор, дергая себя за длинный ус. — Дозволь послать человека в вотчину мою, чтобы так же закрыли дороги от всех. Кто ведает, быть может, тот, кто принес эту черную хворь в эти земли, был не в одиночестве? Кто ведает, куда занесет воспу нелегкая?

— Нельзя никому уезжать из зараженных земель, — осмелился возразить лекарь до того, как Владислав ответит усатому шляхтичу, опасаясь, что тот пойдет тому навстречу в его просьбе. Ежи метнулся к нему и ударил с силой кулаком, целясь в длинный тонкий нос, который так и просился, чтобы его переломал шляхетский кулак.

— Никогда не спорь с шляхтичем, жидовская морда! — прошипел Ежи, хватая за грудки перепуганного лекаря, занося кулак для повторного удара, который был перехвачен сильной рукой Владислава. Ежи обернулся зло на остановившего, сверкнул глазами, угрожая, едва ли не шипя сквозь стиснутые в ярости зубы, но взгляд темных глаз, острый, словно кинжал, заставил его опустить занесенный кулак, разжать пальцы.

— Никто никуда не поедет! — произнес тихо, но настойчиво Владислав. Перепуганный лекарь поднялся с пола, на который его сильным толчком отправила напоследок рука Ежи, вытер кровь рукавом и по знаку пана поспешил уйти в спальню его больной дочери.

— Ты не понимаешь! — взревел Ежи, хватая за рукав жупана Владислава и отпуская его даже под угрожающим взглядом, смело хлестнувшись взглядом с этими черными от ярости глазами. — Ты же слышал про дитятей!

— Мне нет дела до того, — холодный голос Владислава, казалось, прогремел в зале, заставляя шляхту умолкнуть. — Никто никуда не поедет! А если найдет в себе смелость рискнуть послушаться меня, пусть на себя пеняет! Мне нет ныне дела ни до чего!

И Ежи смирился, видя состояние Владислава, отошел в сторону, кусая в волнении ус, отводя в сторону взгляд от присмирившей и перепуганной шляхты.

Залы замка опустели на то время, что хозяйствовала в Заславе и окрестностях города черная хворь, собирая свой урожай из людских душ. Все прятались за запертыми дверями, словно звери по норам, надеясь, что зараза не проникнет через толстое дерево. На улочки града опустилась тишина, словно весь город уже вымер, словно никого живого не осталось в нем. Только из распахнутых дверей костела доносились слова молитв, которые творились в этих каменных стенах при свете свечей. Отец Макарий без устали умолял Господа услышать мольбы жаждущих милости его и унять эту черную лиходейку, что хозяйничала в округе.

Так же неистово молился и Владислав, стоя на коленях у постели дочери. Никогда прежде он не молил Бога так горячо, так просил его ныне. Пусть сохранит жизнь его Аннуси, пусть спасет ее, как некогда помог выправить здоровье и ему, и его сестре, когда

черная воспа пришла в Белоброды. Но тогда, помнится, сама мать, пани Элена, заразила их с сестрой, перенеся гной из созревшего волдыря больной холопки в свежую царапину на их лодыжках. Так ей посоветовал турок, что когда-то попал в плен еще деду Владислава, стал холопом в Белобродах, принял веру этой земли да женился на местной дивчине. Тогда только благодаря этому турку черная воспа не пошла дальше земель пани Элены, только благодаря ему не унесла столько жизней в дыму, как ныне уносила из града и окрестностей. Могильщики и так не успевали раскапывать могилы, а тут еще ударили первые морозы, мешая их работе...

Вспомнив о том, что произошло в его детстве, Владислав поспешил рассказать о том жиду, надеясь на то, что это сможет уберечь его малютку, тело которой уже на четвертые сутки обсыпало так, что она не могла спокойно лежать. Няни уже все были больны, и у постели девочки дежурили только Владислав и Магда, перенесшая оспу еще в девицах. Ефrojина наотрез отказалась выходить из своих покоев, слушая, как часто разносится по округе погребальный звон.

— Да, народ сарацин мудр, как и народ Моисея, — ответил тогда лекарь, с тревогой прислушиваясь к тяжелому дыханию девочки. — Но то, о чем говорит пан ординат, должно быть сделано до того, как хворь охватит тело, а не после. Только в полном здравии можно проделать то. Быть может, позже, когда у пана ордината появится дитя, пан позволит...

Нет, подал знак тому замолчать Владислав. Он не хотел сейчас думать о будущем. Ведь его будущее ныне лежало здесь, в этой мокрой от пота постели, оно было заключено в этом маленьком тельце, покрытом этими страшными волдырями. Пусть, молился он позднее, пусть, Господи, Анна останется не такой прекрасной, как ты подарил мне ее. Пусть ее тело и лицо будет обезображено, коли на то воля твоя, но оставь ее мне, оставь мне мое дитя, мою жизнь, мое будущее...

На десятый день болезни у Анны, не проснувшейся поутру, как обычно, начались судороги, при виде которых пожилой жид покачал головой, поймав на себе взгляд Владислава, преодолевая страх, разлившийся в душе. Кто ведает, как поступит ординат, узнав, что его дочь уже отходит? Но Владислав только сжал челюсти так сильно, что заходили желваки, и вышел вон, чтобы призвать отца Макария.

Это конец, думал Владислав позднее, идя по пустому Замку, поражаясь той тишине, что впервые стояла под этими сводами. Это конец. Заславские умерли, все до одного... Их больше нет и не будет в этих стенах. Никогда...

Холопы, словно перепуганные зайцы, разбежались из Замка при первых же признаках болезни. Те, кто могли. Остальные либо были больны и стонали у себя в каморке возле поварни, либо сбивались с ног, стараясь выполнить хоть какую работу из числа тех, что когда-то делали большим количеством рук. Шляхта сидела в комнатах, открывая только, когда удалялись прочь слуги, принесшие скудную снедь, либо чтобы эти же слуги унесли прочь очередную жертву черной воспы на двор, где ее примут в свои руки другие, чтобы отвезти в последний путь.

Только ночами Замок оживал, уходила прочь мертвенная тишина, когда проспавшись, собирались в зале те, кто уже когда-то перенес воспу и уже не боялся этой черной тени, что с злобным шипением убирала от них свои руки. И хотя Владиславу было отвратно наблюдать эти скромные пиры, слушать тихий смех и разговоры, словно вокруг не ходила оспа, но позднее именно эти вечера и ночи помогли ему отвлечься от тех ударов, что нанесла ему в очередной раз судьба.

Владислав часто пытался забыться за кубком, полным хмеля, как вдруг сорвался на Ефрожину, когда перешагнул порог ее покоев в тот день, выбив толстые двери. Он сам потом дивился, откуда взялись силы на то, а синяк с плеча не сходил чуть ли не две недели, но тогда он даже чувствовал боли. Только слепящую злость, что затуманила разум.

— Я не выйду! — отрезал из-за дубовой двери голос Ефрожины. Она была до смерти перепугана происходящим, ее голос дрожал. Даже через толщину двери было слышно, что она плачет. Но Владислава ныне не волновало это. Его Анна отошла в мир иной, стала тем дивным ангелочком, как он называл ее некогда, не проходив по этой земле и пяти лет и зим. И будь он проклят, если Ефрожина не отдаст свой последний долг матери! Она и так чересчур задолжала дочери!

Не обращая внимания на поднявшийся визг и крики, что наполнили покои, когда тяжелая дверь поддалась ударам, Владислав прошел мимо паненок, мимо их перекошенных от ужаса лиц, нашел Ефрожину за пологом кровати и вытащил ее в середину комнаты.

— Оденьте пани в подобающее платье! — резко хлестнул по паненкам, жавшимся в дверях, холодный голос. — Пани идет проститься со своей дочерью.

— Нет! — завизжала в голос Ефрожина, перепуганная перспективой выйти из этих комнат, куда еще не добралась зараза, где она была спасена от черной хвори. — Я не пойду!

И тогда Владислав разорвал на ней алое бархатное платье, содрал с плеч дорогую ткань, рассыпая по полу бусины, что служили украшением одежд жены. Она пыталась сопротивляться, вцепилась ему в лицо ногтями, пиналась и кусалась, но что она могла сделать против силы озверевшего в тот миг мужа? Он сам натягивал на нее темно-синее платье, так схожее по цвету с тем мраком, что поселился в его душе отныне, шнуровал корсет, не взирая на вопли жены, порой намеренно причиняя ей боль.

А потом вдруг Владислав замер, по-прежнему сидя на упирающейся его напору жене, которую распластав на ковре, уже почти одел в темное платье, смотрел в ее глаза, сверкающие сквозь пряди каштановых волос, упавших на лицо в пылу борьбы. Ефрожина тоже замерла под ним, бурно дыша, словно замороженная его взглядом.

— Я презираю тебя, — тихо сказал Владислав. — Оставайся в своем мирке, моя драга пани. Но больше не смей влезать в мой!

Он оставил ее, не стал тащить за собой, хотя она вдруг ослабела, сникла от его слов, а после разрыдалась в голос, выплескивая весь тот ужас и ту боль, что жили в ней с тех пор, как на эти земли пришла черная воспа. Она что-то крикнула ему вслед, но он даже не обернулся, ушел из ее покоев, намереваясь более никогда не переступить этого порога впредь. Уехал в костел, где уже в окружении горящих свечей стоял маленький гробик, что отныне будет надежно хранить останки той, что ушла от него навсегда.

Владислав не знал, сколько просидел тогда в костеле, глядя на гроб и не видя его вовсе. Храм был почти пуст ныне — только он, Магда, Ежи, ксендз, читающий молитвы, да шляхта из его свиты, не опасаясь хвори. А потом громко простучали по каменному полу каблуки расшитых бусинами туфель, прошелестело рядом платье, и на скамью подле него опустилась Ефрожина, сменившая темно-синее платье на черное, траурное. Такой же черный венец, украшенный жемчугом, изящно сидел на узле из каштановых кос, а темная полупрозрачная ткань скрывала лицо. По сравнению с ней, такой аккуратно одетой и причесанной, Владислав, растрепанный, в изрядно помятом жупане, с криво висевшей на груди цепью, казался таким чудным, словно не от мира сего. Но, несмотря на кажущуюся отстраненность и рассеянность, он все подмечал, а ум его так же был остр, как обычно. Едва

прозвучали слова ксендза о том, что пора проститься с ушедшей к Господу, как рука Владислава остановила Ефрожину, спешащую покинуть костел.

— Прошу! — он показал приглашающим жестом на гроб, в котором лежала их дочь. Ефрожина испуганно взглянула на него из-под вуали, медленно покачала головой, отказываясь. Владислав не стал настаивать, отпустил ее руку. Она наблюдала, как он подходит к гробу, как откидывает кисею, закрывающую обезображенное лицо дочери и целует ту. Вначале в лоб, потом в губы.

Ефрожина потом долго кляла и себя, и Владислава за то, что вдруг подалась порыву и пришла сюда, в костел, прежде чем Анну положат в каменный гроб в склепе в подвале храма, закроют тяжелой плитой, погружая в темноту, в которой той отныне предстояло спать вечным сном. За то, что вдруг подошла к гробику, взглянула на хрупкое тельце, прикрытое тканью белой рубашки. За то, что, сама от себя не ожидая того, вдруг провела ладонью по темным волосам девочки, а потом коснулась губами ее лобика, покрытого сыпью черной оспы.

Она еще долго плакала той ночью в объятиях Владислава, разделяя в нем то горе, что так неожиданно обрушилось на них, впервые вдруг осознавая, что именно потеряла, ища в его руках ту нежность, что хотя бы на миг уняла бы горе, плескавшееся в душе. И ту слабость, что вдруг охватила ее тело на следующий день, Ефрожина сперва отнесла на счет бессонной ночи, проведенной вместе с мужем. А к вечеру ее тело взял в плен жар, и тогда она поняла, что рука черной оспы настигла и ее, пани Заславскую, что это конец для нее — если она не умрет, то будет навеки обезображена, станет уродливой, как те несчастные, которых она иногда видела в землях отца на ступенях костела, собирающих милостыню.

— Будь проклято... будь все проклято... — срывалось с пересохших губ Ефрожины. Она то приходила в себя, когда холодная мокрая тряпица касалась ее лба, то снова проваливалась в черноту. На третий день, когда сыпь стала захватывать кусочек за кусочком ее гладкую белую кожу, она стала кричать, пугая холопок и паненок, что не оставили ее даже в болезни, несмотря на ее дурной характер, что причинил им столько хлопот и обид в прошлом.

В начале второго тыдзенья Ефрожина призвала к себе мужа, которого так яростно прогоняла от себя все это время, сыпля проклятиями. Она вцепилась в его ладонь, показала, чтобы он склонился к ней, чтобы прошептать ему в ухо то, что так хотела ныне сказать ему.

— Солнце... дар солнца... правда? — голос Ефрожины был хриплым, на слизистой уже была сыпь, затрудняя дыхание, мешая говорить. Владислав вздрогнул от этого шепота, вспоминая о том проклятии, что когда-то пришло в его семью через злосчастный перстень. Все, кто касался его мертвы. Но разве Ефрожина виновна в том же? Нет, это просто бред больной, вон что показывает ему лекарь знаками, вон как закатились глаза жены.

— Владислав! Ты тут? — вдруг отчетливо произнесла Ефрожина, открывая глаза, цепляясь пальцами в его руку. — Обещай мне, что не Кохановская! Только не она! Пусть лучше та, другая... пусть даже москвитка, но не Кохановская! Обещай!

— Обещаю, — произнес Владислав, удивленный ее словами, и она снова затихла, уходя в темноту, впадая в забытие, столь долгожданное и благодатное при ее состоянии.

Ефрожина умерла, когда хворь уже отступала от Замка и града, когда из заболевших оставались только считанные единицы против десятков, что были по первому времени. Словно последней, кого так желала забрать с собой, растворяясь в дымке черная оспа была именно его жена.

Пани Заславская нашла свой покой здесь же, рядом с дочерью. И Владислав заказал и ей

надгробие с горельефом, изображающим Ефрожину, лежащей в такой же позе, что и Анна — на спине, устремив невидящий взгляд в потолок склепа, сложив руки в молитвенном жесте. Итальянец высек в камне его жену так же искусно, как и дочь, и порой Владиславу казалось, что сейчас поднимет голову и устремит на него взгляд. Ныне, когда черты ее лица были расслаблены, а губы не искривлены в злой усмешке или не поджаты в недовольстве, было видно, насколько привлекательна была Ефрожина, насколько похожа на ту девушку, что ехала на белой лошади к костелу, чтобы стать его супругой.

— Я убил ее, — как-то сказал тихо Владислав, прервав разговор, когда за окном уже вовсю пахло весной, а на полях появлялись проталины. Его собеседники — дядя Сикстуш и пан Януш Острожский, так резко постаревший после того, как смерть унесла его младшую дочь — вздрогнули от холода его слов. — Я заставил ее выйти из покоев. Кто ведает, коли б не вышла, может, жива была бы доньше?

— Нет, — покачал головой пан Януш, протягивая руку и сжимая его предплечье. — Нет, пан Владек, ее убила черная хворь, не ты. Не кори себя за то. А что выйти заставил... я бы боем бил жену свою, коли посмела мне даже слово поперек сказать. Ты прости, что такую жену тебе воспитал... Я любил ее... младшую мою... — Пан Януш тихо заплакал, уткнувшись лицом в шапку.

Этот год отнимет у него не только младшую дочь, его маленькую Ефу, и не только внуку Анусю. Пройдет всего несколько дней, и в замок Заславских придет письмо, что в одной из вотчин пана Януша хлопы побили старосту до смерти, а после, заручившись поддержкой соседей до землям Днепра, осадили одну из его крепостей. Они славно побьют казачье быдло тогда с сыном и зятем, паном Заславским, но когда будут гнать казаков до самых вод Днепра, чтобы сбросить тех в реку, шальная стрела, пущенная из самострела, оборвет жизнь Александра, лишая пана Януша наследника рода.

— Мы схожи с тобой, Владусь, — плакал пьяный пан Януш, когда умертвил всех до единого пленных, что сдались на милость панов, пытаясь в их крови утопить горе, едва не зарубив Владислава, который тогда пытался вступить за безоружных, пораженный жестокостями, что творились в лагере. — Мы одни на всем белом свете... только я стар и дряхл. Уже просыпался целиком песок в моих часах, жизнь кончена! А ты! Ты должен снова жениться, Владусь. Женись, роди детей, живи... Моя же жизнь кончена! Кончена! Я вот на турков, может, пойду в конце лета. Пойдешь со мной, сыне? Поциплем перья с их тюрбанов, а, Владусь?

Но на турок они не пошли тем летом. Острожский целиком погрузился в строительство замка в Дубно, стараясь увековечить в каждой его детали память о своих детях, которых так жестоко отнял Господь одного за другим, вырезая род по его линии. Всех забрал. Всех, до единого...

А Владислав, проведя пару месяцев подле тестя в Дубно, поддерживая его в горе, и выделив немало серебряных монет на строительство часовни в вотчине Острожского в память о покинувшей их Ефрожине, уехал к себе в Заслав, только к концу осени сумевший восстановиться после того опустошения, что натворила в землях черная хворь. Благо, что хлеб можно было привезти из других земель ординации, чтобы люди, так и не сумевшие вовремя распахать поля, а значит, собравшие мало зерновых, не голодали.

Снова оживилась торговля в граде, снова по дороге, что шла рядом к столицам королевства и княжества засновали путники и колымаги. Наполнился людьми Замок, зашумели веселья пиров, загудел лес голосами охотников.

В липене {5} в Заславский замок пришла грамота от пана Сапеги, что призывала Владислава встать рядом с панами, что собирались в следующем, 1617 году anno Christi {6}, по справедливости вернуть престол московский истинному правителю — королевичу Владиславу, тезке Заславского. Собирали серебро и золото для найма жолнеров {7}, проводили переговоры с знатными панами, убеждая тех примкнуть со своими хоругвями к армии королевича, уговаривали шляхту поменьше, суля несметные выгоды от предстоящего похода.

Владислав отписал канцлеру {8}, что готов помочь и людьми, и средствами, коли на то нужда будет, но лично в поход не пойдет, дела ординации устраивает. Это объяснение было отчасти правдивым — ему действительно надо было выправить дела, проверить доходы вместе с Добженским, что заменил на посту управителя своего отца, умершего этой зимой от оспы. Да еще надо было проверить посаг младшей племянницы, что собралась замуж следующей весной, после Пасхи.

Но Владислав и лукавил, когда писал, что пошел бы на Московию, если бы не дела ординации. Не пошел бы, он знал то точно ныне, после того похода, в 1612 году, когда за Жигимонтом вернулся в те земли, снова пережил то, что казалось, давно оставил в прошлом. Он рубил под Волоком русских, выходивших на редкие вылазки из осажденного города, убивал, не раздумывая, когда нападали они на разъезд, во главе которого он был, а потом мучился ночами, вспоминая тихий шепот из прошлого, твердивший ему, что «умру, коли один из вас от руки другого падет — ты ли, лада моя, или брате мой...». Сердце вдруг встрепенулось, ударилось с силой о ребра, когда однажды рубанул Владислав москвитя в богатом жупане, что едва сам не зарубил его саблей с золотой рукоятью. Удивленно тогда взглянули на шляхтича небесно-голубые глаза из-под светлой челки, такие схожие с глазами его коханы. Искривились губы, незаметные под усами густыми, в широкой бороде. Еще долго мучился тогда Владислав, гадая, кто был тот воевода молодой. Неужто и вправду он отнял жизнь у брата Ксении, сам не ведая того? Попробуй — разгляди в этих бородатых москвитянах сходство со знакомыми до боли чертами!

У Владислава гора с плеч упала, когда Жигимонт отпустил его обратно в Речь Посполитую, куда он вернулся, сославшись на неотложные дела, связанные с тяжбой в Трибунале Литовском. Но не суд по делу о наследстве отца так гнал его обратно, а прошлое, от которого, увы, никуда не убежать. Потому Владислав даже ни разу за эти пять лет не был в землях, что отошли ему после гибели Северского. Не хотел воскрешать то, что схоронил тогда вместе с деревянным гробом, что надежно спрятал под каменным крестом.

Ах, если б можно было вычистить из головы все воспоминания, как выметают пыль из гридницы метлой! Он бы с радостью тогда выгреб их все, все до единого, чтобы забыть каждый день, каждый миг. Запах ее кожи и волос, ее улыбку, ее волосы, ее глаза. Но как забыть, когда все напоминает о них? Блеск золота перстней в свете свечи, спелое поле пшеницы, колосающиеся в серпене широкими волнами, дивное летнее небо...

Владислав помнится еще до свадьбы с Ефрожиной, с конце серпня 1611 года, который отнял его душу, решил уничтожить все, что могло напомнить ему о прошлом, решив вычеркнуть то, что не вернуть, чтобы не ныла рана, которой вовек не затянуться. Он тогда долго стоял в спальне, в которой жила Ксения, почти всю ночь, тщетно пытаясь уловить хотя бы в дуновении летнего ветерка ее присутствие. Но комната была пуста. Ни ее запаха, ни ее тепла. Она ушла. Только в большом зеркале, что было открыто для взгляда ныне, Владислав видел ее, его кохану, в том самом голубом шелковом платье, так заманчиво

переливающимся бликами в свете свечей под жемчужными узорами. Стояла и улыбалась, как тогда, когда они готовились идти на празднество Рождества Христова.

И Владислав разбил это зеркало, сам не зная зачем, ударив по нему кулаком, разрезая себе кисть одним из осколком. Но даже эти осколки с мутным изображением не принесли тогда облегчения, душа кричала криком от боли, и казалось, сердце не выдержит ее, этой боли, разорвется на части. Он словно в исступлении крушил тогда комнату: разорвал занавеси на окнах и на кровати, разбросал белье, порезал кордасом ее платья, что ждали ее возвращения в сундуках, разрезал перину и подушки. Только когда он сбил с полки одним махом иконы, разбивая киот, когда на него взглянули в сочувствии в глазах Господь и Божья Мать с образов, остановилось это безумие, завладевшее его душой. А вместо этого приступа вдруг пришли слезы. И он, магнат Заславский, в чьем подчинении было столько земель и душ, доблестный рыцарь, не знавший страха, славящийся своим хладнокровием, плакал в ту ночь до самого утра, упав на разорванные одежды, по-прежнему хранившие ее запах, на белые перья, будто оставленные ангелами, что накрыли его крылами, подарив эти слезы, с которыми пусть на некоторое время, но все же уходила боль, от которой было так тяжело дышать. Уходила вместе с памятью о былом. Навсегда...

И Владислав забыл. Вот только нет-нет да привидятся в летнем небе девичьи очи. Или больно сожмется сердце, когда заполыхает огнем соломенная фигура Мажанны в последнее воскресенье Великого поста в знак того, что зима уходит, уступая место весне.

Или когда он будет проезжать мимо погоста, хотя эта дорога до Замка длиннее из костела, и глаза будут пытаться найти среди каменных и деревянных могильных распятий тот самый крест, так схожий с тем, что некогда она носила на груди. Он никогда не был на ее могиле, предоставляя это Добженскому, что каждый День поминовения носил туда поздние цветы или ветви деревьев с яркими осенними листьями. Ни единого раза Заславский не ступил на погост. Этот каменный крест для него, словно та ноша на сердце, что носит он уже пять лет с того самого дня, когда заполыхал огонь в корчме старого жида Адама. Хорошо, что жида прибрал к себе его Бог, иначе кто знает, как поступил бы Владислав тем летом, желая уничтожить все, что могло быть связано с ней?

Он никогда не называл ее по имени с того дня. Только «она». Почему он так поступал, он не смог бы объяснить никому, как бы ни пытался. Имя теперь принадлежит этому камню, а у Владислава ничего не осталось. Только безликое «она», чтобы ненароком не сорвать ту засохшую корочку, что выросла на его кровавой ране. И в День поминовения он будет поминать и вспоминать о ком угодно из тех, кто ушел от него безвозвратно, только не о ней. О ней он вспоминать не желает.

— Я хочу поехать на охоту в Бравицкий лес, — объявил Владислав своей свите тем же вечером за ужином, вспоминая о личных охотничьих угодьях, что были в трех днях пути от Заслава.

Лес, густой и порой непроходимый из-за частых ельников, но полный всякого зверья от белки до большого и мохнатого зубра. Топь, что раскинула свои сети на южной границе леса для зазевавшихся путников или невнимательных охотников, а то и просто для неугодных магнату этих земель людей. Старый каменный дом — Лисий Отвор, с которыми связано столько событий у Заславских.

Именно там почти два года удерживали взаперти пани Патрысю, пока Литовский Трибунал не вынес вырак {9} о том, что тастамент остается в силе, что должен быть удовлетворен по воле составителя. Быть может, шляхта вынесла бы это решение, даже если

за спиной Владислава не стоял пан Острожский готовый оказать влияние на шляхту в случае нужды. Ведь истец по этому делу и соперник в борьбе за ординацию умер осенью 1612 года, через два месяца после свадьбы Владислава, свалившись с лестницы в каменице в Дубровицах, одной из вотчин, что была отдана Юзефу по тастаменту отца.

Злая насмешка судьбы! Кто ведает как повернулась бы жизнь Владислава, если бы тот пожар не унес ее жизнь. Законник в Вильно отыскал лазейки, которые позволяли его нареченной быть признанной шляхетским сословием, а значит, их детям быть полноправными шляхтичами. А через полтора года решился вопрос и с правами на наследство, независимо от воли людской или судебной власти.

Юзефу суждено было не стать ординатом, но занять место среди остальных Заславских в склепе под костелом он все же сумел. Пусть даже в самом дальнем углу, чтобы пан Стефан спал спокойно и не злился на Владислава за это решение. Иначе поступить тот не мог.

Пани Патрысия заняла место хозяйки в Дубровицах, и даже по редким слухам, открыто живет с каким-то шляхтичем, Бог ей судья. Владислав не видел ничего дурного в его редкие визиты к невестке, но пусть пеняет на себя, если о ее грехе заговорят открыто! Изредка она ездит к старшей дочери в Варшаву, где та живет с мужем, что ходит в свите Владислава, сына Жигимонта. А скоро отдаст замуж и вторую, младшую, да заживет в свое удовольствие. Но в Заслав она никогда не приезжала — слишком уж горьки мысли посещали ее голову при мысли о Замке и о том, что значило кресло с высокой спинкой в одной из его зал. И она открыто ненавидела Добженского, несмотря на все, что тот старался сделать для нее, хоть как-то облегчить муки ее заточения. Он для нее всегда будет воспоминанием о том заточении, когда она была лишена возможности влиять на судьбы и будущее. Пан Тадеуш был ее тюремщиком, а Лисий Отвор — ее темницей.

Для Владислава же этот двухэтажный дом с толстыми деревянными балками под самым потолком и этот лес, отдающий ныне осени свою дань, обнажая ветви с каждым днем, связан с воспоминаниями об отце, об охоте, на которую они вместе выезжали в этом лесу — пан Стефан, Юзеф и он сам во главе многочисленной свиты из шляхтичей, шляхтянок, ловчего и его людей. Он помнил, как любил псовую охоту Юзеф, не соколиную, а именно псовую, когда десятки быстрых собак загоняют свою жертву прямо в руки охотников. Вот и ныне взяли именно псов, чтобы загнать оленей, которых люди Влодзимежа приметили на днях в лесу.

— О чем ты думаешь? — спросила, улыбаясь, Барбара Кохановская, его Бася, как называл он ее в тишине спальни, пережившая с ним горе и радости, словно законная жена. Всегда тихая, всегда готовая выслушать и приласкать, всегда покорная...

Ее светло-рыжие локоны так красиво спускались на грудь из-под беличьего окольши. Она словно сама осень на фоне этого золотого и багряного леса, как сказал вечно угодливый ушам пани Добженский, что осматривается вокруг, ожидая сигнала от Влодзимежа занимать места в седлах и спешить вслед за собаками по осеннему лесу, держа в руке самострел. Именно самострел — не хотелось пугать раньше времени зверя грохотом выстрелов. Остальные шляхтичи тоже разбрелись по этой небольшой полянке в ожидании сигнала, стараясь говорить как можно тише, но все равно заставляя птиц с шумом взлетать с ветвей, пугая тех своим громким хохотом.

— О пане Юзефе, — ответил ей Владислав. И действительно, он вдруг вспомнил с последних моментов жизни брата. Он скакал тогда день и ночь, но все-таки успел проститься с ним. Сказать последнее «прости» и в свою очередь также попросить прощения

за то, что случилось в их жизнях, за невольные обиды, что он нанес Юзефу. Перед ликом смерти все обиды отступали прочь, многое забывалось.

— Это не я, — тихо проговорил тогда Юзеф. — Не я сгубил московитку твою, брате.

— Я знаю, знаю то, — поспешил успокоить его Владислав, сжимая его руку. — Тихо, Юзеф, тихо...

— Нет, ты не понял, Владек. Коли это не я, кто тогда ее убил? Я не могу понять, кто это сделал, кто помешал... Ее ведь убили. Убили, Владек! Чую я то.

Отчего он думает о ней снова? Отчего сейчас, когда прошло столько лет? Почему она вдруг снова и снова возвращается к нему в мыслях? Быть может, из-за того сна, который вдруг привиделся Владиславу в следующую же ночь после того, как тот получил призыв идти на Московию, вызвавший в нем целую волну воспоминаний и мыслей? Ему тогда привиделась та девица, что была с Ней в Московии, болтушка с лицом, сплошь покрытым солнечными отметинами. Он не помнил ее имени, да оно и не нужно было, ведь они не говорили. Девица только смотрела на него пристально, а потом ткнула пальцем ему за спину. «Стрела!», громко крикнула она, и он едва успел уклониться, когда мимо просвистела стрела, предназначенная вонзиться в его шею.

Странный сон. Он тогда проснулся словно от удара, неожиданно, даже дернулся на постели, чувствуя, как в груди колотится сердце. А потом долго, почти до самого утра вспоминал о том, где он мог видеть эту смутно знакомое ему конопатое лицо, а потом также упрямо гнал от себя воспоминания об этой рыжей и о той, кто была ее хозяйкой.

Маленькая ладошка скользнула по его щеке, вырывая из вороха воспоминаний о тех днях в Дубровицах, и он улыбнулся Барбаре, что игриво провела пальчиками по его скуле, потом скользнула к уху, а после вниз, по шее. По телу тут же прошла легкая дрожь, и он повел плечами, засмеялся, вторя ее смеху. Потом обнял пани Барбару за тонкую талию, прижал ее спиной к толстому стволу сосны, положив ладонь другой руки поверх ее головы.

— Владусь, — тихо прошептала Барбара, но он покачал головой, мол, не говори ничего. Он не хотел слышать то, на что не мог дать ответа. Только склонился к ее пухлым, приоткрытым в приглашении губам, впился в них грубо, поднимая ладонь с талии на грудь, прикрытую бархатом платья.

Волосы вдруг встали дыбом на затылке под шапкой от какого-то странного ощущения. Позднее Владислав не сможет объяснить, отчего оно вдруг возникло в его груди, пробежало холодком по позвоночнику.

Тихий свист. Совсем как в его в сне, том самом, с рыжей московиткой. С глухим звуком в ствол у его ладони, прямо между большим пальцем и указательным, над его головой вонзилась стрела и сейчас легко качалась, словно до сих пор не желая останавливать свое неумолимое движение.

Владислав недолго смотрел на эту стрелу, словно не веря своим глазам. Еще на четверть ниже, и стрела вонзилась бы прямо в затылок. А потом резко толкнул завизжавшую в голос Барбару за дерево, оглядываясь назад, выискивая стрелка или других нападавших в осенней листве, окружающей поляну. На визг пани Каховской встревожились шляхтичи и гайдуки, побежали к пану, вынимая сабли или кордасы из ножен.

— Вон как! — щелкнул языком Добженский, мельком взглянув на стрелу, а потом также обшарив взглядом листву.

— Он был один, — коротко ответил Владислав. По его лицу ходили желваки, а голос не сулил стрелявшему ничего хорошего. — Вон за теми кустами орешника. Найти его. Найти и

привести ко мне. Влодзимеж! — к Владиславу подбежал ловчий. Тот вытащил из ствола дерева стрелу, протянул ее тому. — Было бы не худо, коли б собаки след взяли этого стрелка. Как почуют, спускай их. Нынче у нас иной зверь на охоте будет! И кто-нибудь, уймите пани и паненок, нету мочи визг этот слушать!

Уже идя широкими шагами к своему валаху, Владислав вдруг развернулся и направился к Ежи, что хмуро кусал ус, явно растерянный и злой тому, что случилось недавно.

— У тебя за топью лесной земля, Ежи. Чья стрела не ведаешь ненароком? У кого из соседей твоих панич малой? Стрела тонкая, короткая, значит, и самострел маленький. Не для мужской руки оружие, для мальчика. У кого из соседей панич в том возрасте, что еще усы не растут?

— Нет такого, вроде, — коротко ответил Владиславу Ежи, поправляя шапку. Тот пристально посмотрел ему в глаза, а потом коротко кивнул и пошел к лошадям, что держали хлопы.

— Он лжет, Владислав, — произнес Добженский, что шел по пятам, и так же быстро занял место в седле коня, как и пан ординат, чувствуя, как бежит по жилам быстрее кровь в предвкушении охоты на неизвестного стрелка. Тот уже нарушил негласный закон, ступив в лес принадлежащий Заславскому с оружием. Но то, что пана ордината едва не убила эта стрела, не позволит этому глупому юнцу так легко отделаться ныне, как если б тот просто был пойман в угожьях магнатских.

— Я знаю, — кивнул Владислав. Откуда-то издалика послышался громкий лай, а затем свист псаря, выпускавшего собак с привязей. Те тут же резво рванули с места, распознав след. Скоро, совсем скоро они настигнут этого юного стрелка, и тогда тот узнает... о, непременно узнает!

— Пошел! Пошел! — тронул коленями бока валаха Владислав, направляя коня вслед за собаками, уже скрывшимися из вида, и только по их громкому лаю было ясно, куда двигаться охотникам. Гон будет занятным, улыбнулся он. Весьма занятным...

1. Вид скульптуры, в котором выпуклое изображение выступает над плоскостью фона более чем на половину объема
2. Сарай для возов и лошадей гостей корчмы
3. Натуральная оспа (лат.)
4. Ветхий Завет
5. Июль
6. от рождества Христова (лат.)
7. Солдаты
8. В то время Лев Сапега занимал пост канцлера Литовского
9. Постановление суда, решение суда

Только безумец будет скакать сломя голову через лес, рискуя быть сбитым какой-либо из ветвей, что тянулись со всех сторон к всаднику, и вылететь из седла, при этом имея возможность сломать себе хребет или вовсе свернуть шею. Или лошадь могла споткнуться, запутаться ногами в пожухлых листьях, что так и взлетали из-под копыт ныне, зацепиться за сучья, которые предательски прятались под ними. Только безумец или отчаянный беглец, пытающийся спасти свою шкуру от неминуемой расплаты.

Слезы снова навернулись на глаза, когда позади раздалось пусть тихий пока, но такой отчетливый лай собак, улюлюканье охотников. Знать, спустили гончих с привязей, знать, охота идет не на зверя ныне.

Зачем она сделала это? Зачем поехала в Бравицкий лес, рискуя быть обнаруженной? Зачем так подставилась ныне под удар, выпуская эту злосчастную стрелу? Когда наконец она будет думать и только после делать? Когда разум сможет обуздать ее натуру, которая, как казалось еще недавно так слепо покорялась ему?

Лай раздавался все ближе и ближе, словно собаки летели на крыльях, право слово, а их ноги были длиннее и быстрее лошадиных. Где же этот ручей? Она точно помнила, как переводила Ласку через воду, даже подол длинной юбки намочила, и теперь тот тяжело лежал на ногах, некрасиво свешивался вниз. Вода поможет сбить с толку собак, ее когда-то научил тому Лешко, он многое рассказал ей и зверье, и о лесной чаще.

Лешко... Должно быть, он ныне недоумевает, куда она делась со двора корчмы Рыжего Авеся. Только-только стояла рядом, когда обсуждали очередную продажу браги и пива, которые поставляла винокурня пана Смирца на столы корчмы, и вот исчезла бесследно, ускользнула, растворяясь, как туманная дымка в этот осенний день, как только услышала слова рындаря.

— Пан Лешко, клянусь всеми святыми, разбили вадзянку {1}! Нет ее у меня, — мял шапку в руках усатый корчмарь. Это было обычным делом — когда привозили новые бочки с хмельными напитками, прежние, пустые и чистые, забирали на винокурню. Своего бондаря у пана Смирца не было, а брать со стороны большие бочки было совсем невыгодно. — Приехали прошлого дня на двор паны с паненками, остановились по пути в Лисий Отвор. Паны вдруг силами стали меряться — кто вадзянку далее прокатит полную, вот и разбили ее ненароком. Столько пива в землю ушло! Пусть пан Лешко не серчает, старый Авесь заплатит урон.

— Авесь заплатит! — процедил сквозь зубы Роговский, играя плетью, за которой неотрывно наблюдал рындарь — то сворачивал ее, то снова щелкал, взбивая песок, которым был посыпан двор корчмы. — У Авеся есть монеты?

— Есть, пан, есть, — радостно закивал рындарь, полез за ворот овчинной безрукавки, достал кошель и стал развязывать его трясущимися пальцами. — За панов щедро уплатил пан магнат, даруй Господь ему долгих лет здоровья и жицця. Но разве ж диво то? Это ж пан Заславский. У них все в роду такие — только по справедливости живут, только по ней.

— Заславский? — вдруг повернулась к рындарю до того рассеянно разглядывающая птиц, что летели слаженным строем в теплые края, убегая от поступающей все ближе и ближе зимы, пани Кася. Рындарь уже хорошо успел узнать ее — она всегда приезжала вместе с паном Лешко и что-то записывала в свои свитки тонким пером, которое вместе с

чернильницей носила в торбе, перекинутой через плечо. Да и кто не знает пани Катаржину в этих краях? Пани Касю, как ее звали за глаза. Маленького роста, стройная и тонкая, словно молодая березка, но такая суровая чуть что не по ней!

— Пан Владислав Заславский? — переспросила пани Кася, и рындарь закивал.

— Приехал, знать, в угодыя свои. Давненько туточки Заславские не были, давненько. Только его человек тут жил, хлопы шептали, пани Патрысю под замком держал. Видать, было за что запереть ее тут...

Он что-то еще говорил Лешко, кивая головой, при том совсем не сбиваясь со счета и перекладывая серебряные тройки {2} на деревянную крышку одной из бочек, что еще не погрузили в телегу, которая увезет те на винокурню пана Смирца. Лешко сосредоточенно наблюдал за передвижением серебра из кожаного кошель в стопку, растущую у него на глазах. Он плохо считал и почти не умел читать и писать, предоставляя это дело Касе, что так быстро пересчитывала монеты, будто была рождена не шляхтянкой, а менялой из Моисеева племени. Потому он скоро сбился и просто стал смотреть, как Авесь выкладывает серебро, надеясь, что Катаржина проверит все после. Но когда Лешко обернулся спустя время назад, где еще недавно у телеги стояла пани, то обнаружил, что ее нет. Ее не было ни во дворе корчмы, ни за высоким плетнем. Не видно было ее и на улочке деревни, ни за ее пределами — на открытом просторе убранных полей. Как и лошадки пани Каси — белой тонконогой Ласки, что купили три года назад на ярмарке в ближайшем граде.

А пани уже пробиралась медленно через Бравицкий лес, аккуратно ведя свою лошадку между стволов деревьев, следуя за своим сердцем, что толкнуло ее сюда и так и манило к каменному дому на большой лесной поляне, окруженному высоким деревянным забором. Она видела этот дом прежде, приезжая в этот лес поохотиться вместе с Лешко. Это было непозволительно, ведь лес принадлежал магнату, и охота в нем была запрещена, особенно на статных оленей и больших зубров, и им пришлось бы заплатить немалый штраф за свою добычу, коли поймали их здесь с ней в руках. Но именно это ощущение непозволительного и гнало сюда Роговского. А вот Ксения ехала в этот лес всегда по другим причинам — вдруг когда-нибудь она неожиданно столкнется тут с Владиславом?

Но пан ординат не приезжал ни единого раза за все эти годы в Лисий Отвор, а потом Ежи, узнав о вылазках Лешко и Ксении, категорически запретил им соваться в Бравицкий лес, поведав Ксении, что за высоким забором и плотно затворенными створками ворот бывает Добженский. Не приведи Господь попасться тому на глаза!

Но до охотничьей усадьбы Заславских Ксения так и не доехала, расслышав голоса и громкий хохот, что неожиданно разорвали тишину осеннего леса где-то справа от нее. Она спешила, привязала Ласку к тонкому стволу молодой осины, предварительно замотав ей морду своим узким поясом, чтобы ржание не выдало ненароком охотникам присутствие другой лошади в лесу. А потом пошла на звуки, доносящиеся из-за зарослей орешника, даже не думая о том, что может быть замеченной кем-либо. Только одно вело ее вперед упрямо — желание увидеть его лицо, любимые черты, которые она так часто воскрешала в своей памяти, боясь позабыть.

Ей повезло. Шляхтичи и хлопы были так заняты предстоящим гоном, что не смотрели по сторонам, и никто не заметил фигурку в темно-бордовом суконном платье и лисьей безрукавке, так слившейся с осенней листвой орешника.

Ксения сперва заметила Добженского. Его было сложно не заметить — ворох пестрых платьев и самых разнообразных головных женских уборов окружал его. Он любил женское

внимание и открыто наслаждался им, словно питая свое «Я» этим тихим обожанием и взглядами украдкой, невольно усмехнулась Ксения. Но лиц своих паненок она не увидела среди них и слегка огорчилась — было бы любопытно поглядеть на них ныне, спустя пять лет.

А вон и Ежи, хмурый и явно недовольный этой поездкой в лес, что стоит всего в паре десятков верст от его вотчины, где он скрывал надежно свою страшную тайну. Присел, прислонившись спиной к широкому стволу, и кидает короткий нож в сырую землю, стараясь не задеть носки собственных сапог. О Святый Боже, неужто это Влодзимеж подошел к нему, едва не ахнула Ксения с трудом узнавая в заметно погрузневшей фигуре в жупане горчичного цвета того статного пахолика, что когда-то стал мужем Марии, бывшей белицы лесного скита.

А потом отвлеклась от фигуры ловчего, когда вдруг от женского кружка отошла одна из паненок в богатом платье багряного цвета, так красиво облегающем тонкий стан и подчеркивающим высокую грудь. Ксению кольнула мимолетная зависть при виде этого красивого платья и плаща, этих украшений и богатого аграфа на шапке с отделкой из лисьего меха. Она сама давно не носила подобных вещей, только простые суконные или из тонкой шерсти платья, а то и вовсе порой одевалась как Збыня — простую рубаху, юбку да безрукавку. Только рантух Ксения давно сняла с головы, несмотря на все упреки и уговоры Ежи и Эльжбеты. Он слишком ей напоминал то время, когда она носила тяжелый убор московской боярыни, скрывая свою сущность под одеждами, подавляя себя самое. Теперь она не такая, как прежде, она иная.

А потом сердце остановилось, а уши перестали слышать, словно на Ксению неожиданно навалилась глухота, когда паненка подошла к одной из сосен на окраине лесной поляны. Сначала Ксения не узнала шляхтича, которого прежде не заметила на поляне и к которому и приблизилась пани в платье цвета багрянца. Он держался в стороне от всех, стоял, прислонившись плечом к стволу сосны и задумчиво рассматривал собравшихся на поляне. А может, и не рассматривал — вон как пристален взгляд. Так смотрят и не видят, погружаясь целиком в свои мысли.

Владислав! Ксении даже показалось, что она крикнула это в голос, едва увидела его там, у сосны. Сдавило в груди, словно кто-то ударил, лишая дыхания. Голова закружилась на миг. Владислав!

Это действительно был он. Высокий и статный, он совсем не изменился ни фигурой, ни лицом за эти годы. Словно и не было их. Только наметилась над верхней губой полоска тонких коротких усов, будто Владислав никак не мог решиться — оставить те или убрать. Да и взгляд стал иной — тяжелее, темнее. Такой взгляд с головой выдавал, что промелькнувшие месяцы и годы приносили больше горестей, чем счастья. И именно этот взгляд — холодный и отстраненный — так пугал Ксению прежде.

Владислав, моя лада, мое сердце, мой коханный... Сердце билось в груди, как бешеное, а тело стала бить мелкой дрожью. Пальцы вдруг вспомнили, какова на ощупь его кожа — такая мягкая и в то же время такая жесткая от темнеющей щетины. Как же Ксении хотелось коснуться его сейчас! Вдруг вспомнился другой лес и другие сосны вокруг. Посиневшие от сока ягод черники губы, что только недавно терзали ее рот. Темные глаза, горящие огнем страсти, которая кружила обоих в своем ослепляющем вихре. Заныло в животе при этих воспоминаниях, стало жарко при мысли о том, что тогда происходило у сосны в лесу Московии.

Владислава действительно погладили по щеке, а потом игриво пробежались пальчиками по его шее. Это сделала именно та пани в платье цвета багрянца, которой недавно так завидовала Ксения. А когда Владислав не отстранился, как ожидала Ксения, а наоборот подался навстречу этой женщине, обнял ее за талию, прижал к сосне спиной, у которой стоял, то и вовсе вспыхнуло груди обжигающее пламя ненависти, туманящее разум, застилающее глаза красной пеленой ярости.

И снова Ксения едва не закричала в голос, видя происходящее на поляне. Что это за паненка? Откуда она? И почему так свободна с Владиславом? Где пани жена его? Оставил в Заславе, чтобы развлечься с этой рыжей? Если так, значит... значит, эта паненка дорога ему, и дорога настолько, что уехал прочь от законной жены, чтобы насладиться присутствием этой... этой...

А после все мысли улетели из головы, оставляя только слепящую ярость и жажду крови, когда Владислав стал жадно целовать женщину в багряном платье. И это касание губ, и движение руки, сдавившей через бархат округлую грудь, причиняли невероятную боль Ксении. словно кто-то ударил наотмашь, лишая сознания и ясности мысли. Она резко выпрямилась, зажимая рукой рот, чтобы не закричать возмущенно, остановить Владислава, чтобы он прекратил эту муку для нее, чтобы сердце прекратило так сжиматься, мешая свободно дышать полной грудью. Больно ударил в поясницу самострел, висящий за спиной на кожаном ремне.

А затем все творилось, будто не она делала, будто кто-то водил ее руками, как тех кукол, что Ксения видела у потешников на ярмарках. Достается из-за спины самострел, маленький и удобный, его сделали по заказу Ежи специально для нее, ведь обычные ей ни в жизнь было не зарядить, даже держать в руках тяжело было. Потому так долго болели руки после дней обучения стрельбе, о котором она просила Лешко после рождения Анджея.

Потом вставляется тонкая стрела, одна из тех, что тоже делает специально для нее Роговский — короче, чем обычная, с перьями совы в оперенье. Заряжается пусковой механизм. Странно, Ксении было нелегко всегда зарядить самострел, несмотря на то, что он сделан специально для ее руки, но нынче же она даже не ощутила сопротивления механизма.

Ксения не стала убивать рыжую, как ни вопило об этом сердце, как ни требовала крови ненависть к этой женщине. Пустила стрелу в ствол, целясь специально между пальцами Владислава, в глубине души даже ожидая, что он шевельнет рукой, и стрела попадет прямо в ладонь, пригвождая намертво в дереву, разрывая мышцы. Когда-то он сам сказал ей, что за измену он лишит правой руки того шляхтича, что станет его соперником. Так пусть сам примет кару за это!

Нет, она не винила рыжую, что попала на обаяние Владислава, Ксения и сама когда-то была так заворожена блеском его темных глаз, что перевернула свою жизнь с ног на голову. Он виноват в измене, только он! Она отпустила его из своей жизни в объятия жены, но никак не другой. Той, что место хотела бы занять сама, и заняла бы, не даруй она тогда пять лет назад жизнь сыну. Это она должна быть там, на поляне, под руками Владислава. Она, а не рыжая!

Только потом, когда палец уже нажал на курок, Ксения вдруг осознала, что нет причины для обид и обвинений. Она мертва для него. Она ушла когда-то из его жизни. Нет ни обязанностей более друг перед другом, ни долга верности. Между ними нет отныне ничего...

— Кася! Кася! — окликнул вдруг ее голос Лешко. Задумавшись, она даже не слышала,

как он подъехал к ней, вслушиваясь в голоса и лай собак, что она несла за собой.

— Лешко! — выдохнула Ксения, придерживая лошадь. Слезы тут же градом хлынули из глаз, а бывшее хладнокровие, с которым она уходила от погони, тщательно следя за тем, чтобы не сломать ветви и дать отличный след преследователям, куда-то улетучилось.

— За тобой? — коротко спросил он, и она кивнула растерянно. Более он ничего не спросил, только достал из-за пояса кисет с табаком и, отсыпая в ладонь, горсточку за горсточкой осыпал табаком одежду Ксении и натер им копыта Ласки. Потом быстро проехался вокруг, все также напряженно вслушиваясь в звуки, идущие издалека, рассыпая остатки табака тонкими дорожками. Хорошо, что кисет был полон! Только прикупил табака недавно, словно знал, как пригодится он беглецам ныне.

А потом они долго по приказу Лешко петляли в лесу, запутывая собак, если те все же сумеют взять след, не собьются на резкий запах табака. К ручью так и не свернули — Лешко объяснил, что скорее всего, именно там, на берегах этой узкой протоки, и попытаются поймать свою добычу охотники. Ксения была благодарна ему не только за то, что увел от погони, спустя время затерявшейся где-то в лесной чаще, но и за то, что молчал после, провожая ее в вотчину Ежи. Но поглядывал из-под мехового околыша украдкой, явно дивясь ее бледности, ее растерянности, пытаясь отыскать их причину, а также найти ответ на вопрос, зачем она поехала в Бравицкий лес, гоня Ласку, как безумная.

Лешко наблюдал, как Катаржина быстро спрыгивает с лошади перед крыльцом дома, как ловит в объятия сбежавшего по ступенькам Анджея, прыгнувшего ей в руки прямо с самой высокой ступени, зная, что мать поймает, а если не устоит на ногах, ее удержит пан Лешко, стоявший за ее спиной. Это была их давняя игра, и Роговский открыто радовался ей, когда пани Кася отшатывалась назад под напором этого прыжка, когда прислонялась на миг своей спиной к его груди, а он удерживал ее, кладя свои большие ладони на ее тонкие руки.

Но сейчас Катаржина не улыбалась, а отчего-то так крепко прижала к себе мальчика, целуя его светлые, почти белые волосы, лицо и даже уши, невзирая на его протесты. А когда тот вдруг вывернулся из ее рук, смущенный внезапным приступом матери, с укором «Я же панич, мама! Панич, а не девица!», устало опустила руки и выпрямилась, глядя, как сын подбегает к Лешко и просится тому на плечи «Коника, пан Лешко! Коника!» Обычно она не была против этой игры — Лешко сажал маленького Анджея на плечи и катал по двору, подпрыгивая, встряхивая мальчика, и тот заливисто смеялся, но сейчас она вдруг вцепилась в плечи ребенка, остановила его на полпути и крикнула Збыне, чтобы та увела панича со двора, мол, холодно становится, вечер же.

— Что с тобой, пани Кася? — спросил ее Лешко, вглядываясь в ее лицо, уже почти скрытое от нее за сгущающимися сумерками. — Ты сама не своя нынче? Перепугалась этому гону?

А потом сам же и ответил на него в мыслях своих — нет, не могла испугаться этой погоне Катаржина. Он убедился, что дух ее довольно силен для того, знал уже, что редко чего боится эта маленькая стройная женщина с золотыми косами.

Как-то, едва минул год с тех пор, как пани Кася получила самострел от Ежи после долгих споров и уговоров, поехали на охоту в ближайший лесок, что окраине земель пана Смирца был. Тогда один из охотников случайно провалился в медвежье логово, разбудив этого хозяина леса. Их было мало: всего-то мужиков — Ежи, Лешко, шляхтич с соседней вотчины да пара холопов во главе с лесником.

И Ксения. Именно она, такая хладнокровная, такая спокойная перед лицом

разъяренного зверя, уложила двумя меткими выстрелами медведя — один в глаз, другой в сердце, заслужив себе ими невиданную славу в местных землях. С тех пор никого не удивляла эта маленькая фигурка на белой лошадке с самострелом за спиной. Лешко и Ежи научили ее всему, что могли передать женщине, и порой даже сами завидовали ее острому глазу, ведь первый плохо видел вдаль с рождения, а второй по старости. Как же лихо была пани Кася из своего самострела, что любо дорого на охоту с ней идти!

— Пойдем, Лешко, в дом, — вздохнула в ответ Катаржина. — Умаялась я за день, да и поесть не мешало. Не удастся то, когда отец на двор приедет.

Что там произошло в лесу, гадал Лешко за ужином. Даже при скудном свете свечей, что стояли в плошках на столе, он видел, как бледна Катаржина, как рассеянно слушает лепет Анджея, что ест кашу из гречихи, сидя на ее коленях, как часто ворошит тому волосы и целует в затылок. И как вздрагивает при каждом звуке, что доносится со двора, Лешко тоже подмечал.

Скоро за окном стало совсем темно, хоть глаз выколи. Збыня по знаку пани увела панича в спальню матери, чтобы уложить того на ночной сон, предварительно рассказав тому сказания, которые, казалось, еще недавно шептала, укладывая собственную дочь. Ныне же Марыся уже вон какая девица стала! Скоро под венец отдавать. Да только та глаза свои бесстыжие отвести от пана Лешко не может, а так огляделась бы по сторонам, может, кого их хлопцев-то и выбрала.

— Со мной ступай, Марыська! — сурово сказала Збыня дочери, уводя из гридницы панича, ткнув дочь, стоявшую у печи в бок. — Перину пани взобьешь, покамест я панича умывать буду. Не стой тут столбом, не намазано медом тут — нечего и прилепляться!

Но не суждено было Лешко задать тот вопрос, что так и крутился на языке. Недолго они были одни с Катаржиной в гриднице. Со двора донесся тихий шум, заставивший пани резко выпрямиться, стукнула дверь в сених, а после с грохотом распахнулась дверь гридницы, впуская вместе с мужской фигурой холод поздней осени. Ежи, даже не сняв шапку с бритой головы, резко прошел в гридницу и взмахнул рукой. Прежде чем Лешко успел подняться с лавки, сообразив, что к чему, угрожающе тихо просвистела плеть и опустилась на спину Катаржины. Второй раз ударить себя она не дала — успела ухватить за плеть, задержала ее, замотав на ладонь. Благо, Ежи бил не для того, чтобы причинить боль (хотя кожа под платьем и рубахой загорелась огнем на месте удара), а для того, чтобы наказать.

— Ты! — прошипел Ежи, резко притянув на себя ее, и она поехала по скамье к нему, сбивая суконный полавочник. Лешко вскочил на ноги, но куда ему дотянуться до них через стол? — Ты как посмела?! Разума лишилась последнего? Погубить его желала? Из-за бабской своей ревности?

— Я никогда не промахиваюсь, ты же знаешь! — таким же тоном ответила ему Катаржина, глядя в горящие яростью глаза. — И как я могла убить его...?

— А коли б он голову поднял? А?! Не подумала, верно? Снова ум за разум зашел, а сердце наперед пошло?

Она отвела глаза, признавая его правоту, и Ежи тут же словно сник, будто гнев испарился из него, ушел прочь. Он аккуратно вытащил плеть из ее ладони, размотав тонкую кожу, оставившую красную полосу на ее коже, а потом вдруг прижал к себе ее, коснулся губами ее затылка.

— Прости меня! Погорячился я. Но и ты виновата. Что это в Бравицах было? А коли б нагнали?! Я чуть сердце свое не потерял, пока ехал по твоему следу. Думал, все, конец нам с

тобой, — тихо проговорил Ежи, а потом взглянул из-под бровей на стоявшего по другую сторону стола шляхтича. — Ты увел? Как ты позволил ей ехать в Бравицкий лес? Неужто не слышали, что охота там?

— Не кори его, — вступилась за Лешко тут же Ксения, отстраняясь от Ежи. — Нет его вины в том.

— А чья в том вина? Для чего он с тобой ездит? В очи твои голубые глядеть?! — снова вспылil Ежи и сжал плечо Ксении так, что она поморщилась невольно. Лешко тут не смог стерпеть — обошел стол и встал подле Ежи, глядя на него исподлобья.

— Отпусти ее.

— То что это? — деланно удивился Ежи, убирая руку с плеча Ксении. Теперь он выпрямился напротив Лешко, заложив большие пальцы рук за широкий пояс и широко расставив ноги. — Ты то мне говоришь? То ж моя дочь. Пожелаю смертным боем колошматить буду, пока дурь не выбью. И никто мне не указ. И никто поперек моей воли не встанет!

— Я встану! — тихо произнес Лешко с явной угрозой в голосе. Ксения тут же вскочила на ноги, почувствовав, как накалился воздух в гриднице, схватила за рукав жупана Ежи, пытаясь удержать его от лишних слов, одновременно приказывая взглядом Роговскому замолчать. Неужто он не видит, как зол Ежи ныне, что не забыл тот еще те эмоции, что душу рвали днем? Как два петуха на дворе, право слово! — Я встану поперек твоей воли, коли нужда будет.

— То ты мне, сучий ты сын, говоришь? Мне? Тому, что дал тебе кров и пищу, когда ты приполз ко мне побитый казачьим быдлом? Ты по какому праву между отцом и дочерью встанешь, а? Может, ты не только за этой юбкой глядишь, но и под ней уже побывал, раз так смел ныне?

А потом резко оглянулся назад на Ксению, что покраснела и отвела в сторону взгляд в тот же миг. Вот оно что!

— Я прошу тебя, пан Юрась, — проговорил Лешко, заметив, как наливаются кровью глаза Ежи, как задергался правый ус. — Отдай за меня Касю.

Ежи кивнул коротко своим мыслям, пригладил усы, а потом вдруг рванулся к Лешко, схватил того за жупан и с силой бросил на пол, аж посуда на столе зашаталась. Закричала Ксения, попыталась остановить шляхтича, удержать от того, чтобы навалиться на обидчика, но не сумела, и Ежи стал бить по лицу Роговского. Открылась дверь спальни, показалось удивленное лицо Збыни, а потом скрылось тут же с причитаниями. Этот вой, словно привел в чувство Лешко, не ждавшего нападения от старого шляхтича, оттолкнул тот с себя его, отбросил на пол, а сам на ноги вскочил, вытирая ладонью кровь с разбитой губы. Но Ежи тоже поднялся на ноги, отбросил руку Ксении, что пыталась остановить его, вынул из ножен саблю, лезвие которой блеснуло угрожающе в свете свечей.

— Ну, сучий ты сын, Лешко! Я ж как чуял... — с горечью произнес старый шляхтич прежде, чем метнуться вперед к Лешко, замахнувшись острым оружием. Ксения снова закричала, когда сабли лязгнули лезвиями, столкнувшись друг о друга в воздухе, а мужчины с яростью взглянули поверх этого стального перекрестия глаза в глаза. Разошлись, и снова замах, снова крест накрест лезвия легли. Заиграла кровь в жилах и у молодого, и старого, затмила ярость разум, заставляя снова и снова кидаться на противника, выпуская то напряжение, что накопилось за этот день в обоих. И только ледяная вода, обрушившаяся волной на обоих, остановила это безумие, охладила вмиг горячие головы.

— Чтоб меня черти взяли! — взревел Ежи, тряхнув головой. Мокрые усы повисли около губ тонкими полосками. — Катаржина!!!

Та только спрыгнула с лавки с деревянной ражкой {3} в руках, выплеснув на мужчин ледяную воду, что была приготовлена на утреннее умывание и грелась медленно подле печи.

— Негоже родичам, как псам друг другу в плотки цепляться, — холодно проговорила она. — Хотите кровь пустить — идите во двор да носы расшибите друг другу. А вот так...

Она бросила на пол ражку и ушла в спальню, не сказав более ни слова, глухо стукнув дверью, показывая тем самым свою злость и недовольство тем, что увидела. Тут же из комнатки выскользнула бочком Збыня, ведя за собой дочь, и юркнула в другую дверь, как можно быстрее, чтобы не попасть под горячую руку панам. А сбитые с лавок суконные полавочники да посуду, что свалили со стола в пылу ссоры, она на место вернет позже, когда опустеет гридница, как и вытрет пол, поменяет половики.

— Пани Кася права, негоже нам кровь лить, — угрюмо произнес Лешко, поднимая с пола мокрую волчью шкуру, что упала с его плеч некоторое время назад. — Признаю, есть вина моя в том, что присох я к твоей дочери и никак не могу очи ее забыть. В голове и сердце она у меня, пан Юрась. И то давно. Отдай за меня пани Катаржину. Сам ведаешь — никому в обиду не дам ни ее, ни Андруся. Хребет любому сломаю за них.

— Ей решать то, не мне, — ответил Ежи, крутя ус. И добавил с горечью, так отчетливо различимой в голосе. — И когда только успел, а, Лешко? Я ж как чуял...

Но не стал дожидаться ответа, ушел к себе в спальню, громко стукнув дверью, как до того это сделала Ксения. Та вздрогнула, услышав этот стук, а потом бросилась к окну, чтобы убедиться, что разошлись они, не станут больше друг друга кулаками мять, что Лешко уехал к себе на двор. Задумалась на миг, не стоит ли ей пойти к Ежи да объясниться с ним, но потом отказалась от этой затеи. Довольно ему ныне волнений. Вот переспит ночь, улягутся его гнев и тревоги, тогда и поговорят они обо всем, что в душах ныне. Но не сейчас, когда так и бурлит кровь от переживаний, что этот день принес.

Она расшнуровала и стянула с себя платье, изрядно запачканное и измятое. Будет Збыне работы, подумала, доставая аккуратно из ушей тяжелые серебряные серьги — единственное, в чем не могла отказать себе ныне, красивые, пусть и недорогие украшения. Плеснула холодной воды из кувшина в маленькую балею, стала мокрой тряпицей мыть лицо, шею и грудь, вздрагивая, когда холодные капли скользили по коже ниже, под тонкую ткань рубахи.

Тихий плеск воды вдруг напомнил Ксении совсем другой вечер, когда так же скользила мокрая тряпица по ее коже. Только пальцы, что держали ее, были другие — большие мужские пальцы. Те самые, что нынче днем сжимали багряный бархат платья...

Ксения раздосадовано кинула тряпицу в балею, расплескивая слегка при этом воду вокруг, едва сдерживая слезы, что навернулись глаза. Когда-то она дала себе зарок, что не будет более плакать, что не будет тосковать, но разве сердце способно держать клятвы, что дает разум? Именно сердце потянуло ее нынче в Бравицкий лес, заглушая голос разума, который твердил, что бывшее нужно оставлять былому, никак иначе.

Разве не смирилась она с тем, что их пути с Владиславом разошлись? Разве не начала новую жизнь, совсем непохожую на прежнюю, в которой нет места отныне тоске по минувшему? Зато он так легко позабыл ее, будто и не было ее вовсе в жизни его прежде. Она бы простила ему то, случись это после его женитьбы, объяснила бы нежеланием тревожить покой супружеский. Но что придумать ему в оправдание на то время, когда еще холостым ходил?

Она не смогла найти ни одной причины, как ни пыталась это сделать. Оттого и болело сердце ныне, глухо ныло в груди. Он клялся, что никогда не забудет ее, что она — его душа, а сам... Другая паненка. Не жена, подле него ныне. Значит, эту выбрал по сердцу, а не по долгу. Именно сердце выбирало...

Ксения прикусила губу, пытаясь удержать глубокий выдох, но он все равно вырвался с негромким всхлипом. Слезы сорвались с ресниц, капнули вниз на обнаженную кожу в вырезе рубахи. Она прижала руку ко рту, чтобы не разбудить спавшего в ее постели сына, присела у скрыни, прислоняясь лбом к ней. Почему она до сих пор не может забыть прикосновение его рук и мягкость его кожи, сталь его мускулов под своими ладонями, тепло его губ и, Святый Боже, даже его улыбку и взгляд? Почему руки другого мужчины кажутся ей чужими, а мимолетное касание — сродни предательству того чувства, что когда-то так жарко пылало в груди?

— Я не могу... не могу, — прошептала она, сама не понимая, о чем говорит сейчас. О жизни без Владислава? А ведь она уже привыкла жить без него, растя сына, занимаясь насущными делами вотчины. Здесь, в землях Ежи, ей казалось, что даже дышать стало легче — никто не смотрел косо, когда она крестилась на восток, никто не говорил ни слова, встречая ее в маленькой церкви под единственным куполом-луковичкой. Да и сама она уже стала сродни людям, что жили здесь — приняла их уклад жизни, не чуралась их обычаев и законов, не шарахалась от латинян и евреев.

Эта земля стала ей родной. Она полюбила ее, ее леса, так похожие и в то же время непохожие на леса Московии, этих длинноногих птиц, что вили гнезда на крышах домов, этих людей с их странным мягким говором. Она стала одной из них, приучившись даже думать на чужом, неродном ее языке. И до этого дня она без колебания сказала бы, что она стала счастлива здесь, на удивление самой себе.

Но бывали моменты, которые отчетливо показывали Ксении, что просто быть свободной и вести спокойную размерную жизнь в этой вотчине, не счастье, а лишь видимость его. Черные волосы Лешко, блеснувшие в свете солнечного луча, две полосы, пересекающие лоб сына, когда тот чем-то недоволен был, его пристальный взгляд, такой схожий со взором Владислава.

Нет, Андрусь не был похож на отца, как одна половинка яблока на вторую. Его волосики, появившиеся со временем на голове, были как у матери светлыми, а с годами и вовсе побелели. Глаза тоже были материнские: большие, небесно-голубые, опущенные длинными ресницами. Он был скорее похож лицом на Михася, брата Ксении, чем на Владислава. Но тонкий нос был явно отцовский. И жесты, и мимика лица... Порой не Ксению смотрел Владислав глазами Андруса, и тогда она невольно вздрагивала от этого сходства, улыбка сходила с лица, а в душу заползала тонкой змейкой предательская тоска.

И одинокие ночи. Ночи, когда ее тело горело огнем, и даже прикосновение полотна постельного белья причиняло чуть ли не физическую боль. Ее тело порой не хотело подчиниться решению оставить эту постель пустой и одинокой, болело как от болезни какой после ночей, когда в эту спальню приходил Владислав в снах Ксении. Она долго молилась перед образами, считая эти грезы бесовскими, умоляя об избавлении от них, в глубине души все же опасаясь никогда более не увидеть их.

Где-то в гриднице что-то стукнуло, послышались тихие голоса Збыни и Ежи, и Ксения вернулась на грешную землю из своих мыслей. Быстро поднялась на ноги, ополоснула лицом водой, чтобы ушла краснота и припухлость, выдававшие ее с головой. Потом накинула на

плечи широкую вязаную шаль из мягкой овечьей шерсти и перед тем, как выйти из спальни, проверила сына, который спал, разметавшись на ее постели, не удержалась и коснулась губами его щечки и лобика, повернутых к ней, провела ладонью по его светлым волосам.

Збыня прибиралась в гриднице, боясь гнева домового, если оставить такой беспорядок до утра, а Ежи сидел за столом, на котором уже поправили сбившуюся скатерть, пил пиво из высокой глиняной кружки, оставляя белые маленькие пузырьки на густых усах. Он исподлобья взглянул на вошедшую в гридницу Ксению, и та поежилась невольно от этого взора. Зол, как черт. Как тогда, когда узнал, что она пару тыдзней выхаживала здесь священника схизмы, что бежал из одной из вотчин Владислава после разорения прихода.

Он ушел после в Московию, утверждая, что только там можно сохранить веру православную, не отягощая душу грехом злобы, не проливая кровь. Ушел, унося ее исповедь, ведь только ему, это худому человеку с короткой и редкой бородой, она открыла свою душу, рассказав как духу, все что произошло в ее жизни. Хорошо, что Ежи приехал в дом спустя долгое время после ухода священника, иначе он непременно бы догнал того в пути, и кто ведает, чем бы закончилась эта встреча. Прошло уже почти четыре года с тех пор, а Ежи нет-нет да припомнит ей это, укоряя за подобную дурость по его мнению. Он долго тогда не разговаривал с ней, помнится, вот так же глядел из-под бровей убийственным взглядом, как ныне.

— Сюда-ка ступай, пани Кася! — проговорил Ежи, показывая кружкой на место за столом подле себя. — Разговор у меня до тебя есть.

Но когда она подчинилась и опустилась на лавку рядом с ним, он долго молчал, только отхлебывал с шумом пива из кружки. Заговорил, когда она уже и не ждала.

— Прости меня, что ударил тебя, — глухо проговорил Ежи, взглянув в кружку так внимательно, будто что-то искал там, на ее дне. — Я просто... о, Езус, ты даже подумать не можешь о том, что я пережил ныне! Владусь мне как сын родной. Но и ты стала будто кровинка моя за эти годы. Мое сердце разорвалось, коли б ты убила его.

— Я не хотела того, — тихо проговорила Ксения, кутаясь в шаль. — Мое сердце тоже не вынесло бы той боли, коли б я...

— Вот дурня-то, когда ж думать-то будешь прежде, чем дело делать?! — воскликнул в сердцах Ежи. — Ты хоть ведаешь, по какому краю мы ныне прошли с тобой? И что будет, коли...

— Кто был с ним? Эта рыжая... — она не могла не задать этот вопрос, но отвела глаза, когда поймала на себе взгляд Ежи, скрыла свою боль от его глаз. Он долго молчал, но все же рассказал ей все, что произошло в жизни Владислава за последние годы. Они никогда не говорили на эту тему прежде, старательно обходя ее в разговорах, но в этот вечер видно звезды так сошлись, что пришлось завести эту беседу. И Ксения узнала все: и о настойчивом желании пани Ефрожины любой ценой родить сына, и о ее нелюбви к собственной дочери, и о многочисленных любовницах Владислава, которых в итоге сменила одна — пани Барбара Кохановская, что была подле него уже почти два года. И о том, что черная воспа, которая так и не дошла до вотчины пана Смирца этой зимой, затерялась где-то в окрестностях Заслава, унесла с собой такой страшный урожай — пани Ефрожину и маленькую Анну, дочь Владислава, оставив после себя только пустоту не только в семье Владислава, но и в его сердце.

— Видя, как он убивается по панночке, я понял, что нам не будет прощения за то, что украли мы с тобой тогда, — глухо говорил Ежи, стараясь не обращать внимания на слезы

Ксении, что сидела на скамье, обхватив плечи руками и раскачиваясь, словно не слушая его вовсе, а думу свою думая. — Не будет нам его прощения, Касенька. И мне даже страшно ныне думать о том, в какой клубок мы запутали наши жизни той страшной ложью. И как распутать его ныне... не распутать его вовсе! Тяжело мне, Касенька, сердце болит каждый день ныне. Смотрю на него, зная, что не смею в глаза ему глядеть, а душа стонет. Думал, что смогу, сумею в себе держать, да как нынче сделать-то? Не могу я подле него быть ныне, прошусь удалиться в свои земли, а он не отпускает от себя. «Ты мне родной человече, Ежи, как я без тебя буду ныне?», спрашивает, а мне тошно становится, зная, какой камень на душе ношу. И не избавиться мне от этой ноши и на исповеди. Ибо не верю я даже ксендзам — а вдруг тот захочет злата или еще чего, вдруг пойдет к магнату с такой вестью? Или того хуже — к пинскому епископу, пану Сикстушу? Никому не верю ныне. Никому, кроме тебя и Эльжи. А ведь это страшно, Кася. Оттого и молюсь, кабы так случилось, что вскрыется все, и молюсь о том, чтобы сохранилось. Ведь ныне я даже не смогу предсказать, как поступит Владислав, разведав обо всем. И что будет тогда с нами, теми, кто так жестоко предал его? Я порой смотрю на него и понимаю, что боюсь его, Кася... я не ведаю того, что на уме может быть. Ранее знал, но ныне...

Ксения вдруг прижалась к нему, обхватила его руками, роняя шаль на лавку. Ежи чувствовал, как дрожит ее тело, как трясут его безмолвные рыдания.

— Ты плачешь, что ли, ласточка? Не плачь, не надобно. Старый я дурень, запугал тебя, верно? Слезы лить заставил. Я вот знаешь, какую думу думал, пока сюда ехал? Ты ведь без мужа, Кася, а Владусь без жены ныне? — Ксения подняла голову с его груди при этих словах, взглянула в его лицо удивленно. — Дивишься? Я тоже дивился, когда эта шальная задумка в голову пришла. Чем не пара моя дочь, Катаржина Вревская, пану Заславскому? Пусть не такого знатного рода, как Острожские, да и злата столько в сундуках у меня нет и земли у меня мало, но чтоб меня черти взяли, если рода пани Катаржина не шляхетского! Ну, чем не невеста пану ординату? Да и еще с таким посагом, что всех невест посаги перебьет, коли пан Владислав прознает о нем!

А потом резко выпрямился вдруг, сжал ладонями плечи Ксении, по-прежнему растерянно глядящей в его глаза.

— Только мы должны открыться Владиславу, понимаешь то? Я или ты, но никто иной! У чужих уст и правда другая будет, чужая правда. А чужой правды в это деле нам не надобно, Кася. Чужая правда погубить нас может с тобой, лихо только принесет. Только мы должны рассказать Владиславу, ведь в том спасение наше. Я все обдумаю, Кася, и решу все. Верь мне. Бог даст, и назовешься ты пани Заславской, как и должно быть, видимо. Бог даст, и свершится то!

1. Большая бочка. Обычно служила для транспортировки жидкостей
2. Монета Речи Посполитой, равная трем грошам
3. Небольшая деревянная бадья с веревочной ручкой, наподобие шайки

Эта ночь была долгой для Ксении. Ведь за эту ночь она снова пережила все время прожитое ранее, со всеми горестями и радостями. Сперва лежала подле Анджея, уткнувшегося личиком в ее ладонь, смотрела на едва освещенный лик Богородицы в серебряном окладе, вспоминала другие образы, другой «красный угол», другую спальню. Ту, в которой выросла, в которой превратилась из смешливой и проказливой девочки, что только тревог доставляла своим мамкам и нянькам, в девуцу на выданье. Лица из прошлого, такие родные, уже чуть скрытые за легкой пеленой времени.

Высокий и широкоплечий богатырь Юрась, катавший ее на плечах, пока она была мала, и привозивший ей леденцов и орешков в меде в каждый свой визит в отчий дом. А потом он женился, и его закружили заботы о растущей семье, о холопах и земле, что выделил тогда боярин Калитин сыну, чтобы тот получил опыт управления хозяйством до того, как сменит самого Никиту Василича во главе рода.

Да не суждено то было: пришла на Московию черная тень с белыми крылами за спиной, прячась за спиной самозванного царя Дмитрия, улыбаясь в лицо, но укрывая за собой острые сабли. Правда, тогда царь Дмитрий казался благом для страны, открыто кричали за него на площадях да у церквей, недовольные правлением умершего царя Бориса и его наследником Федором. Но Юрась был воеводой в войске царском, и подобные мысли были ему не по положению и не по чести. Оттого и отдал свою жизнь в битве под Кромами, когда разбили ляхи московитов.

Как Ксения могла забыть о том, что еще недавно лила слезы по ушедшему брату, когда лезла по ступеням приставной лесенки, чтобы поглядеть на парад в честь невесты того, чьи воины отняли жизнь ее брата? Как могла впустить в свое сердце любовь-тоску по ляхскому рыцарю?

Она отводила светлые волосики со лба Анджея, стараясь не разбудить того, и в очередной раз поразилась тому, как он порой схож лицом с ее братом, Михасем. Сейчас, спустя время, это сходство стало не таким явным, отличные черты разных родов смешались, намекая на принадлежность то к одному, то к другому изредка. Но ныне, когда Анджей мирно спал, улыбаясь чему-то увиденному в грезах, Ксения вспоминала своего младшего брата.

Снова сжалось сердце. Как тогда, когда узнала, что Владислав пошел на Московию вместе с войском короля Сигизмунда. Тот ужас, разлившийся в груди, захвативший от макушки до самых пяток. Она не могла проклинать Владислава, как ни взывал к тому гнев, только молча лила слезы, удивляясь тому, каким он стал за время, что они не вместе. Или он был таким всегда и только ради нее надел другую личину? Горели церкви ее веры на землях Заславского, скрывались иереи от униатов. Он не вступался, значит, с его позволения творилось то.

А то, что Ксении рассказал тот священник, которого она и Лешко нашли в лесу, измученного лихоманкой {1}, голодного, перепуганного? Подумать только — на Святую Пасху сотворить такое. И кто? Сама хозяйка земель, которая радеть должна о холопах своих, а не жечь их церкви да бить плетьюми до полусмерти.

Михась... Как часто Ксении снились сны, в которых острая сабля с выгравированным девизом на латыни рубит ее брата. Ярко алая кровь на светлых кудрях и короткой бороде и

усах. Навсегда закрываются голубые очи.

Ксения молилась тогда перед образами за обоих, умоляя отвести их руки от последнего удара, не дать им сойтись на ратном поле. Ведь смерть одного из них... Нет, она даже думать не станет о том, настолько больно сжимается сердце. Вернулся же Владислав спустя время в Заслав, значит, уберегла, сохранила того ее молитва горячая. Значит, и брата так же спасла от смерти лихой. Разве может быть иначе? Должно быть, Михась уже женат, ведь ему уж поболее, чем самой Ксении, а она уже видела двадцать пять зим уже. Пальцев не хватит, чтобы перечесать!

Где он ныне — в вотчине ли отцовской или в стольном граде? Быть может, даже при новом царе, кто ведает. Калитины правдой и верой служили государям, что на престоле сидели по праву, может, и Михась занял какое место при Романове. Ксения тогда удивилась сперва, услышав, кого кликнул народ на место царское — сына боярина Романова, а потом вспомнила, что в праве он на престол по родству. Она единственная улыбалась тогда редким вестям, что отбит стольный град Московский, а после и другие земли от рук ляхских захребущих, что свободна ее отчая земля, не будет гнуть спину перед королем ляхским.

Никогда более Ксении не увидать Михася, брата своего родного, никогда не поглядеть на Василя, которого так побаивалась из-за густой бороды да глаз хитрых, из-за его неласковости к ней. И их семей никогда не увидать. Потому что нет ей дороги назад. Корень отныне прочно держит ее в этой стороне, и этот корень сын ее, так сладко спавший рядом с ней.

Странно, этот светловолосый мальчик с чистыми голубыми глазами — единение того, что никогда не должно было соединиться в целое. Смесь кровей, что так часто лилась еще недавно и будет литься вновь, ведь не смирились ляхи с поражением — вон и подати повысили, чтобы собрать побольше серебра на поход очередной! Дитя московитки и ляхского шляхтича... Дитя любви, при воспоминании о которой у Ксении до сих пор захватывало дух.

Анджей. Андрусь. Ее Андрейка, как иногда называла сына Ксения на московитский лад, когда они были наедине. Когда тот был еще совсем младенцем {2}, не обращал внимания на то странное имя, на чужую речь в колыбельных, которые напевала ему мать перед сном, ни на то, что крест на ее груди другой, что не в костел ходит на службы. А уже ближе ко времени постригов, когда миновало его четвертое лето, стал многое подмечать, проявлять свое любопытство по поводу того, что окружало его. Ксения порой удивлялась его уму и речи, столь несвойственной детям его возраста. Словно Анджей был мудрым человечком, заключенным по воле Божьей в маленькое тело ребенка. Началось все с вопросов о небе и земле, о лесе и о зверях, населявших его, а закончилось вопросами о Иисусе Христе и вере и различием распятий, что висели на груди у матери и Анджея.

— Оно такое дивное, — прошептал он тогда, касаясь пальчиком серебряного креста, украшенного бирюзой. — Почему у меня другое?

Ксения замерла, обдумывая ответ, а потом взлохматила волосы сыну, чмокнула его в нос.

— Потому что я в другую церковь хожу, оттого и другое.

— Но ты ведь тоже в Езуса и святую Марию веришь? — не унимался мальчик, беря распятие матери на ладошку и проводя пальчиком по контуру православного креста.

— Верю, Андрусь.

— Тогда почему у нас костелы и распятия разные, коли мы вдвоем верим в Езуса и

святую Марию? — удивился Анджей, и Ксения не нашла, что ответить на это, помолчала, собираясь с мыслями и в итоге посоветовала сыну задать этот вопрос ксендзу после воскресной мессы, куда его отвезет пани Эльжбета и пана Лешко.

Ксению позднее застал врасплох и вопрос о том, почему мать на другом наречии иногда говорит, когда другие его не знают, Анджей спрашивал и Збыню, и пана Лешко, и остальных. Пан Лешко, правда, знает несколько слов, но они не схожи с теми, которые мальчик слышал в тихих грустных песнях, что напевает изредка мать. Как не была к другому вопросу, самому важному для Андруся.

— Мама, а мой тятя... он какой? — вдруг задал вопрос Анджей, когда они укладывались на ночь пару месяцев назад. В тот день на дворе пана Смирца провели обряд постригов и сажания на коня маленького панича, так удививший Ксению схожестью с тем, что она наблюдала когда-то в отчей земле.

В одно из воскресений, после визита на мессу в костел, куда мальчика возили либо Ежи, либо Эльжбета и пан Лешко, если пан Смирец был в отъезде, вышли все на двор, залитый солнечным светом — и холопы, и паны, и даже соседи-шляхтичи приехали поглядеть, как дите в панича перейдет да на праздничный обед после.

Сам Анджей был белой рубаше, как и положено мальцу. Его вела за руку мать — гордо глядевшая на него подозрительно блестящими глазами. Она и подвела его к Ежи, который и сам едва сохранял серьезное выражение лица, приличествующее моменту. Тот взял в руку большие ножницы и отрезал длинные пряди светлых волос Андруся по самые уши. Одну из них сохраняют в обереге для ребенка, другие же зароет в землю мать Андруся в укромном месте.

Помог Ежи облачиться Анджею в маленький жупан, завязал пояс крепко. А после легко поднял да посадил в седло своего валаха, вручил поводья в маленькие ручки.

— Не боишься, Андрусь? — ласково спросил тогда Ежи мальчика. Его глаза подозрительно повлажнели в этот миг, ведь панич был так похож сейчас на своего отца, когда того впервые посадили на коня на замковом дворе. Своей статью, своим взглядом пронзительным из-под длинных ресниц и темно-русых бровей.

— Не боюсь, дзядку {3}, - ответил Анджей, слегка дрожащим от волнения и, конечно, испуга от высоты, с которой сейчас смотрел на мать и деда, на плачущую пани Эльжбету, на холопов. Ежи кивнул и повел валаха вокруг двора за узду, оглядываясь на панича и гордо улыбаясь, когда ловил на себе чей-то взгляд. Он на миг помрачнел лицом, когда заметил, как быстро спряталась Ксения под навесом крыльца, укрывая свои слезы в тени. Ведь позади валаха, на котором везли Анджея по обычаю должен идти отец, готовый прийти на помощь, если мальчик случайно соскользнет с седла, подставить руки, если опасность придет. Как и в дальнейшем — на протяжении всего времени, что будет жив отец, что будет подле сына.

Ныне же за валахом шел Лешко, так же гордо и радостно глядящий на Анджея снизу вверх. Не Владислав, как на миг вдруг показалось Ксении в том мороке, что мелькнул перед глазами. Его улыбающееся лицо, устремленное на сына, его гордо выпрямленная спина. Он смотрит на сына, на его профиль, такой похожий на его собственный, а потом оглядывается назад, на Ксению, и подмигивает ей лукаво, мол, вот какой он у нас панич, моя драга...

— Какой он, мой татка? — снова спросил Анджей, глядя на мать пристально, взглядом отца, и она прикусила губу, чтобы сдержать эмоции, рвущие грудь. Она обняла сына, привлекла к себе, чтобы тот не заметил ее слез, наворачнувшихся на глаза, прижалась губами к его затылку, с непривычки удивившись тому, какими короткими стали пряди его волос.

— Он — истинный шляхтич, мой сыне. Высокий, темноволосый, красивый. Он сильный и ловкий, удивительно смелый.

— Как пан Лешко? — спросил Анджей, найдя единственного из окружающих его шляхтичей, подходящего по возрасту, которого он мог себе представить своим отцом.

— Нет! — воскликнула Ксения чересчур громко, отчего-то возмущившись такому сравнению. — Он другой, твой отец, Андрусь. Он... он самый лучший.

— Я знаю, дядьку мне сказал, — прошептал Анджей. — Он был самый-самый из всех шляхтичей, что были на земле. А еще дядьку сказал, что у моего отца был большой замок, даже больше, чем каменица пани Эльжбеты, своя хоругвь из самых храбрых и сильных пахоликов и острая-острая сабля. Верно, мама?

— Верно, сыне, — вздохнула тогда горько Ксения, дивясь тому клубку эмоций, что сплетались в груди. Она была зла на Ежи, что тот рассказывает мальчику об отце правду, совсем забыв о легенде, придуманной ими когда-то. Ведь по ней пани Катаржина была женой застянкового шляхтича из порубежья с Московией, и ее муж сгинул в омуте, что образовался десяток лет назад, когда Речь Посполитая и Московия схлестнулись в очередном противостоянии.

Но Ксения была рада одновременно, что Анджей будет знать об отце. Пусть не смотрит с восхищением на Лешко, пусть знает, что его отец в десятки раз превосходит шляхтича Роговского. Именно этого Ксении и хотелось в этот миг более всего.

Она смогла заснуть только под утро, но и этот короткий сон не принес Ксении покоя, не снял усталости навалившейся за прошедший день, не унял тревоги, плескавшейся в душе, а только усилил ее. Ведь ей в ворохе картинок, мелькавших перед глазами вместо размеренного хода сна, ей вдруг привиделся Ежи. Кровь стекала по его лицу, а губы распухли от удара. Один глаз заплыл и был едва приоткрыт. Страшная картина, заставившая ее пробудиться с бешено колотящимся сердцем в груди и пересохшими губами.

Анджея возле нее уже не было, его звонкий голосок слышался в гриднице, которому вторил низкий бас Ежи. Визиты пана Смирца, которого Андрусь считал своим дедом, всегда были в радость для мальчика, оттого, видимо, и выбежал из спальни матери, едва слышал голос деда за дверь. Ксения поспешила присоединиться к ним, наспех умыв лицо с покрасневшими от слез и бессонницы глазами, быстро натянув на себя суконную синюю юбку, украшенную по подолу широкой полосой тесьмы, зашнуровала шнуровку. Она часто ходила в подобном наряде, так схожем с одеждами холопок и бедных шляхтянок. Такое не жаль и запачкать, не то, что платье, со вздохом взглянула на вчерашнее суконное платье Ксения. Правда, вырез рубахи при этом был довольно широк, так и притягивало взгляд на ложбинку груди, в которой уютно лежал черный шнурок, на котором висело распятие, надежно скрытое полотном рубахи.

Может, потому так нахмурился Ежи, когда заметил наряд Ксении, вышедшей в гридницу, бросил ей тут же:

— Негоже пани как холопке или мещанке какой одежды носить!

— А ты купи мне, пан отец, побольше нарядов, чтоб каждый Божий день менять можно было да не жаль попортить! — отрезала с улыбкой Ксения, а потом подмигнула Анджею, что замер над кружкой молока, видя недовольство деда. — Да и до нарядов ли тут? Тут же не магнатский двор, хлопот хватает.

— Дерзости в тебе, пани Кася, с лишком! Надо этот лишок выбить, пожалуй. Мало я тебя стегал прошлого дня, — ответил Ежи, но улыбка, раздвинувшая его губы, свела на нет

всю угрозу, что должны были нести в себе эти слова. Они оба знали, что едва ли позволят себе приобретение богатых платьев для Ксении. Два года последних были не особо урожайные, потому семян на сев не осталось по весне. Пришлось покупать со стороны, для чего Ксения отпоролла часть жемчуга с платья, которое хранила в самом нижней ящике скрыни, завернутое в полотно. А потом и подати повысили этой весной. И снова пришлось взяться за ножницы, отрезая жемчужинку за жемчужинкой, словно по кусочкам отрезая прошлое.

Конечно, пани Эльжбета предлагала им свою помощь, готовая дать Ежи безвозмездно и серебра, и хмеля с зерновыми на посев, но тот гордо отказался от этого. Его и так тяготило, как подозревала Ксения, что добра в сундуках Эльжбеты поболее, чем у него самого.

— Прошлого дня... — начала было Ксения, но Ежи поднял руку, показывая, что не желает говорить о том, а потом стрельнул глазами в сторону Анджея, внимательно слушающего разговор матери и деда, даже позабыв о завтраке. Ксения замолчала, надеясь, что переговорит с Ежи после, но и когда тот ждал на крыльце, пока ему приведут оседланного коня из конюшни, не дал ей даже рта открыть о том, что вчера пришлось пережить.

— Не желаю говорить о том, — отрезал Ежи, сворачивая и разворачивая плетъ. Он обещал вернуться в Лисий Отвор еще до полудня, но уже задерживался, замешкавшись за завтраком разговором с Андрусем. Еще неизвестно, что предпримет нынче Владислав, явно не желающий позабыть о том досадном происшествии на минувшей охоте.

— Но я хочу говорить с тобой, — упрямо заявила Ксения, трогая его за рукав жупана. — Я не буду говорить об охоте или о том, что натворила. Оправдаться хочу. О Лешко говорить хочу...

— А я не желаю! — отрезал Ежи, вырывая из ее пальцев рукав. Ноздри его раздувались. Он снова начинал злиться, едва услышал о том, о чем не мог забыть до сих пор.

— Но позволь сказать...

— Не позволю! — Ежи быстро сбежал по ступеням навстречу к холопу, что вел на поводу коня. Сел в седло, а потом бросил на упрямо поджавшую губы Ксению. — Ты — баба горячая. Всякое бывает. Вот и весь сказ мой. Остального не хочу, поняла? А еще раз заговоришь о том, пройдет плетъ по спине твоей. Я тебе наказ давал далее от себя Лешко держать, давал?

— Я не могу тут совсем одной быть, да и свыклась я с ним, как с братом. Не могу отказать ему от двора и не откажу!

— Как с братом, — фыркнул Ежи. — Дура ты, Кася! Ни один мужик тебе братом быть не захочет! А еще раз разговор этот заведешь, вот мой ответ будет! — он потряс плетью, угрожая ей, не отрывая взгляда от ее глаз, ставших буквально синими от злости, что не хочет он слушать ее. А потом кивнул ей коротко и, развернув коня, выехал со двора, держа путь к охотничьей каменице Владислава.

Ксения долго смотрела ему вслед, вслушиваясь в удаляющийся стук копыт, а после и в другие звуки, доносились с заднего двора: криками холопов, таскающих сено длинными вилами в конюшню и хлев на заднем дворе, недовольным блеянием и мычанием потревоженного скота, тихими хлопками мокрого белья на ветру, что трепал развешанные на веревке рубахи и простыни. Злость, что Ежи не дал и рта ей открыть в очередной попытке оправдаться, постепенно уходила, сменяясь странной усталостью. Больше она не скажет ничего Ежи по поводу Лешко. В конце концов, это только ее дело...

С неба вдруг повалили большие белоснежные хлопья, закружился по двору долгожданный снег. И Ксения тут же вспомнила, как впервые поцеловал ее Лешко. Так же кружился по двору снег, падая на землю. Только на дворе было темным-темно и тихо, только приглушенные звуки веселья по причине праздника святого Рождества Христова по православному канону доносились из дома. Она так же стояла на крыльце, накинув на плечи овчинный тулупчик, короткий, чтобы удобнее было ездить верхом, и, запрокинув голову, наблюдала, как падает из черноты неба снег. Только-только смолкли звуки быстрого и задорного краковяка, на который ее пригласил Лешко, и она пошла плясать, разгоряченная хмелем и весельем, что творилось в гриднице.

Осознание того, что музыка до боли знакома, прямо в середине танца ударила в сердце, Ксения даже сбилась в танце, наступила на носок сапога Лешко. А потом он обхватил пальцами ее талию и поднял вверх, закружил под улыбающимися взглядами остальных. Да и сам вдруг улыбнулся счастливо. Смягчились черты его лица, разбежались тонкими лучиками морщинки в уголках глаз. А она смотрела на него с высоты его вытянутых рук и видела другое лицо. Темные глаза, горящие огнем страсти, высокий лоб, губы, раздвинувшиеся в улыбке.

— Отпусти! Пусти меня! — стала вырываться из рук Лешко, когда морок рассеялся, когда иное лицо показалось перед глазами. Убежала из гридницы во двор, задыхаясь от невыплаканных слез и злости от того, что никак не могла забыть... Может, потому и позволила мужчине, шагнувшему вслед за ней из темноты сеней прикоснуться губами к ее губам, сжать сильными руками ее тело в крепком объятии. Чтобы как каленым железом выжигают рану кровавую, останавливая кровотечение, выжечь память о других губах, других руках, другом мужчине.

Губы потом долго горели огнем, а душа какой-то странной виной, словно она предавала Владислава, позволяя целовать и трогать себя Лешко. Но злость не ушла, только выросла до неимоверных размеров, распирая грудь. Ведь эти поцелуи не принесли ей того, что она ждала. Ее не захлестнул огонь, пожирающий ее тело изнутри, как это бывало с Владиславом, только жалкое подобие того пожара. Только тело после вдруг стало ломать, как после болезни, разбуженное чужими ласками, требуя именно того, к чему так привыкло. Как же так, злилась Ксения, ворочаясь беспокойно в постели. Как же так, словно клеймо на ее теле стоит, словно печать, что отныне оно принадлежит только одному мужчине. Нет, не должно так быть!

Именно эта злость, это настойчивое желание доказать самой себе, что она сможет забыть, сумеет, коли захочет, толкнули однажды на то, за что она еще долго кляла себя последними словами и краснела до сих пор при мысли о той ночи.

После того вечера, когда Ксения позволила Лешко целовать себя на крыльце так долго, пока не стукнула в сенях дверь, выпуская кого-то из гридницы, она не позволяла себе даже взглянуть на него, краснея при мысли о тех поцелуях, от которых наутро так распухли губы. Да и Лешко, словно понимая ее, ни словом, ни жестом не напомнил ей о том, что было. Снова закрылся от нее, отгородился привычным выражением лица — отстраненным, холодным, хмурым. И она была даже благодарна за эту отстраненность, столь привычную ему. Только вот руки, которые помогали ей сесть в седло, сводили всю эту показную холодность на нет. Потому что слегка дрожали, когда отпускали ее талию, и дольше обычного задерживались пальцы на ее стане.

А потом они поехали навестить Эльжбету, что прислала весть на двор пана Смирца о

простуде, нежданно свалившей ее. И как раз остался в доме Ежи медвежий мед в плоской глиняной плошке, да еще можно было захватить сушеной малины, что отлично справлялась с кашлем и горячкой. Ксения тогда приказала заложить ей сани, но вместо холопа рядом с ней вдруг уселся тогда Лешко, что привез тогда из костела Анджея — они вместе ездили на воскресную мессу.

— В округе полно волков, — коротко сказал он, глядя на нее из-под бровей. — А кто справится с ними лучше волколака, верно?

Эльжбета, казалось, ничуть не удивилась, когда они вошли в гридницу ее дома вдвоем. Только окинула их любопытным взглядом, скользнула улыбка по ее тонким губам.

— Он тебя любит, — сказала она Ксении, когда после сытного обеда Лешко вышел проверить лошадей, давая женщинам побыть наедине. — Он надежный человек, преданный. Такой не обманет. И он готов принять Андруся, как сына, станет ему хорошим отцом.

— У Андруся есть отец, — отрезала Ксения, то аккуратно складывая вышитый разноцветными нитками уголок скатерти, то снова разворачивая его. Поднять глаза на Эльжбету в этот момент она боялась, знала, что та сразу же прочтает ее мысли, поймет, что не так все просто между ней и Лешко.

— Отец Андруся сгинул более пятка лет назад, когда разорили его двор! — сказала резко Эльжбета, а потом закашлялась, прижав ширинку ко рту. — О Езус Христус, эта простуда доконает меня! А что до тебя, то я так скажу — считай, что отец Анджея сгинул. Нет его! Пора бы отпустить то, что так лелеешь в сердце своем. Я жила одна, знаю бабью тоску по плечу мужскому. Она всегда приходит рано или поздно, никак нам в одиночку-то. Ты молода еще, у тебя впереди еще есть не один десяток лет и зим, дай Господь! Одной худо, Кася, ой, как худо! Что же ты хочешь, милая? Вон какой шляхтич подле тебя увивается. Лучший из тех, что сватались к тебе за эти пять лет. Эти так — голода одна да и не мужики вовсе. Вон Заболоцкий вообще без слова матери и шагу не ступит. А этот же! Ты не думай, Кася, дай ему возможность. Не испробовав яблока, не узнаешь его вкус, верно ведь? Кто ведает, может со временем Лешко сумеет вытеснить того, другого, из твоей головы. Тебе жить нужно, Кася! Будущностью жить, а не былым... Будущими днями, а не прошлыми.

Может, эти слова, над которыми думала Ксения по пути на двор пана Смирца, привели к тому, что случилось позже, а может, и злость, все еще горевшая внутри пусть тихим огнем, не пожарищем, но была ведь. А может, это чувство ослепительной радости, так свойственной душе, когда опасность, что едва не оборвала тонкую нить жизнь, отступает...

Ксения засиделась у Эльжбеты до тех пор, пока не стал постепенно розоветь край земли от лучей заходящего солнца, сразу же засуетилась, едва заметила то.

— Нельзя ехать по сумеркам, — сказала тогда пани Эльжбета, пытаясь удержать свою гостью. — Голодная пора у волков, нет страха в них. Вон со двора дыма моей деревни в Болжжах прямо из хлева барашка унесли, даже человека не побоялись. Вы только ночью поспеете ныне до двора вашего.

— Я не могу оставить Анджея на ночь одного. Ни разу за эти годы того не было, — качала головой Ксения. — Поеду я, иначе с ума сойду от тревоги.

И Эльжбета отпустила их. Тем более, рядом с Ксенией сидел Лешко, тот ее от дьявола не то что от волков унесет, вырвет прямо из пасти, коли потребуется.

И ведь как сглазила их невольно: на полпути в опустившихся на снежные просторы сумерках на фоне белого поля показались темные силуэты волков, что издали почуяли запах лошади. Они долго бежали по полю вровень с мчащимися санями, пытаясь запутать

путников и их животину рычанием и подскуливанием, от которого у Ксении стыла кровь в жилах, и ей приходилось хвататься за руку Лешко, ища у него поддержки.

— Не бойся, Касенька! Не бойся! — кричал Лешко, стегая лошадь, что хрипела и ворочала глазами от страха, косясь на волков. Вскоре хищники разделились — двое отстали немного, а трое ускорили темп, чтобы прыгнуть сбоку прямо на лошадиный бок, вгрызаясь в него зубами.

— Сумеешь подбить тех, что позади? — крикнул Лешко, и Ксении пришлось забыть про свой страх, достать самострел, спрятанный в ногах. Стрелять из движущихся саней было трудно, но ей удалось сбить стрелой одного из волков, что были позади, и того, что прыгнул на лошадь, целясь ей в шею своими острыми зубами. А потом все же едва не потеряла голову от страха, когда вдруг в ее сторону прыгнула темная тень, завизжала не своим голосом. Она даже не поняла, как это случилось, но волк вцепился зубами не в нее, а в рукав кожуха Лешко, который успел накрыть голову Ксении своей рукой, отводя ее из-под удара и буквально рычал ныне от боли и ярости, когда острые челюсти, прорвавшись через толстую овчину, вцеплялись в кожу, впивались в мышцы.

Роговский быстро тогда вложил в пальцы Ксении вожжи, заставил сжать их с силой, иначе не удержать было мчащиеся по снежной дороге сани, а сам, достав на ощупь нож из голенища сапога, всадил его волку в шею. Остальные два волка предпочли замедлить ход, а потом и вовсе отстать от саней.

Ксения еще долго гнала лошадь вперед, боясь очередного нападения, пока не заметила, что Лешко как-то странно пошатывается рядом с ней. Рукав его кожуха так потемнел от крови, это было заметно даже в сумерках, что у Ксении сжалось сердце от испуга. Она свернула с дороги, едва заметила нужный ей поворот при въезде в лес, что служил границей между землями Ежи и Эльжбеты, направляясь в сторожку. Даже не глядя на Лешко, по какому-то наитию она поняла, что не довезет его до деревни пана Смирца, а уж до двора тем более. А в сторожке всегда есть и дрова, значит, тепло, и плотно, значит, будет чем перевязать.

— Хорошо цапнул, — усмехнулся позднее Лешко, когда она, затянув на руке повыше укуса тонкий шнур из полотна, перевязала его рану. Он был обнажен по пояс — рубаха чуть ли на половину пропитанная кровью и его жупан валялись на полу — и дрожал то ли от холода (несмотря на то, что Ксения после растопила очаг, в сторожке было невероятно холодно), то ли от пережитого. Да и сама Ксения тряслась, как осиновый лист, только сейчас осознав, насколько им повезло.

— Видать, вожак их меня. Видела, как они ушли после того, как тот сдох, — Лешко улыбнулся ей, но улыбка вышла криво, да и бледность выдавала, что ему вовсе не до веселья ныне. Потом он вдруг отстранился от нее. — Пойду я нынче снега потоплю да огонь пошибче разведу. Моя очередь за тобой ходить.

После, смыв кровь с лица (верно, волка кровь попала на лоб и на щеку), закутавшись в кожух, Ксения пыталась уснуть на широкой лавке, что стояла под окном маленькой сторожки. Лешко смотрел за огнем, подкидывая дрова, то и дело поправляя волчью шкуру, что накинул прямо на голые плечи, и то и дело соскальзывала. Она сама не поняла, как произошло то, что случилось потом.

То ли она сама позвала его, то ли он сам поднялся с кожуха, расстеленного на полу перед очагом и шагнул к ней. Но вдруг она осознала, что вцепляется в его голые плечи, проводит рукой по его мощной спине, уступая страсти его поцелуев. Целуя, он стянул с ее

плеч рубашу (шнуровку она сама стянула, еще укладываясь спать), подставляя холоду ее обнаженную кожу, а потом стал покрывать торопливыми поцелуями ее шею и плечи.

А потом мужская ладонь легла на ее обнаженную грудь, и странное ощущение неправильности всего происходящего ныне заставило Ксению замереть под руками и губами Лешко. Чужие руки, чужие губы, чужой запах... И даже волосы, которые в тот момент ласкали ее пальцы, были чужими — не такими мягкими, не такими... не Владислава...

Лешко остановился тут же, как почувствовал ее неприятие, ее холод. Поднял голову и взглянул в ее глаза, блестящие от невыплаканных слез в скудном свете, идущем от очага.

— Я не могу... не могу, — прошептала она, закрывая веки, пряча от него свои слезы.

— Не можешь? Не можешь?! — переспросил Лешко, и она вся сжалась виновато от тона его голоса. — Кому верность все хранишь, Кася? Мертвяку хранишь? Так ему все едино ныне мертвяку-то! Гниет себе в земле, и нет ему дела до твоей верности!

— Прекрати! — прошипела она, обжигая яростью, которая сверкнула в ее глазах при его словах. — Что ты ведаешь-то? Что ведаешь о жизни моей?

— То, что ты губишь ее, жизнь твою! — он встряхнул ее с силой. Пряди волос, выбившиеся из косы, упали на нее лицо. — Неужто не понимаешь того? С мертвяком венчаны не бывают девицы, Кася. Он мертв, его нет более, а ты жива и жить должна, понимаешь? Ради себя, не только ради сына.

И после этих слов Ксения разрыдалась в голос, грудь горела огнем, словно там, где было ее сердце, образовалась горящая дыра. Нет, это неправда, он жив, жив, хотелось крикнуть ей в голос, но она не могла, только губы кусала в кровь, прижалась к Лешко, когда он обнял ее, накрыл ее плечи соскользнувшим кожухом, укрывая от холода. Он знал, что так и должно быть, ведь сам прошел когда-то через это. Сам отрицал очевидное долгие годы, отказываясь принять тот факт, что его жена мертва, погибла в тот день вместе с детками. Сам не мог открыть свою душу для кого-то другого. И точно так же сам рыдал в голос, как баба, повторяя: «Это неправда, она жива! Жива!»

Это было своего рода очищение, эти слезы, рвущие ныне это маленькое сокровище в его руках. После этого очищения придет осознание, что надо жить далее, оставляя мертвякам прошлое, не воскрешая в памяти былые дни. Он подождет, думал Лешко, качая в своих объятиях уснувшую после долгих рыданий Касю (нет, Касеньку!). Все непременно случится. Звери не сразу приручаются, а постепенно привыкают к человеку. Вот так и он подождет. Она привыкнет... непременно привыкнет.

Утром, уже когда было все готово к отъезду из сторожки, Лешко поймал руку Ксении, которая старалась не смотреть ему в глаза, сгорая от стыда за то, что было ночью. И за то, что едва не случилось.

— Ты никому не говори, Кася, об этой ночи. Ничего же не было, верно? А коли мы не скажем, никто и не проведаст, где мы ночью были. Пани Эльжбета думать будет, что мы до двора доехали, а Збыня решит, что у пани вдовы остались, не решились ехать в ночь. И сама не думай шибко о том, что тут было. Это просто исступление ума было сродни. У каждого, кто в глаза смерти глядел, то может быть, вот и тебя не миновало.

— А тебя? — решила спросить Ксения, растерянная от вида его искренней улыбки, так преобразившей его суровые черты.

— А у меня это исступление давно, Кася. Как тебе в очи глянул, так и нашло на меня. Нет, не отводи глаз своих, посмотри на меня. Я, Кася, хочу мужем твоим стать венчанным. Ради тебя даже веру твою приму, поменяю костел и ксендза на церкву твою и попа. Не качай

головой, никто не нудит тебя ответа дать нынче же. Просто знай, что я в любой день готов встать подле тебя, руку твою взять в свою. И ждать готов того хоть до скончания лет. Думай, Кася, думай! А пока не надумала, вот моя рука, что отныне я буду подле тебя как брат твой пусть и не с братскими мыслями в голове.

С тех пор Лешко действительно ни разу не заговорил о своих чувствах к ней, ни разу не дал понять, что желает ее. Всегда рядом, всегда готовый помочь ей, если надо то. Только порой Ксения ловила на себе случайно его горящий огнем взгляд. Или на охоте, когда стояли близко друг к другу, ожидая зверя, замечала, как он вдыхает аромат ее волос, склоняясь к ней за ее спиной, полагая, что она того не видит. Его пальцы, скользившие быстро-быстро вдоль стана по спине, когда он помогал ей спешиться.

Та ночь, что провели они в сторожке, стала неким секретом, объединяющим их. И, видимо, с годами и могла бы превратиться в нечто большее, пора бы взглянуть правде в глаза, коли б не вчерашний день, подумала Ксения. Она привыкла к присутствию Лешко в своей жизни, и если б вдруг исчез, скучала бы по нему и по их охотам или просто прогулкам лесным. Но вот любить...

Нет, так полюбить, как Владислава, она никогда не смогла бы, она точно знала это ныне, когда сердце снова билось, как в те дни. Ведь только увидев тогда лицо Владека, его фигуру, Ксения почувствовала себя живой. Только он мог сделать свинцовое небо осени — жемчужно-серым, а унылый день наполнить красками и запахами. Только он мог заставить ее снова мечтать.

— Что это пани Кася сама не своя? — мешая тесто для пирогов, улыбалась Збыня, подмечая, какой задумчивой стала хозяйка, как улыбается, когда думает, что ее никто не видит, какой дымкой подергиваются при этом ее голубые глаза. Кто этот шляхтич, что в душу хозяйке запал? Вона какая рассеянная стала вот уже несколько дней! И пора бы, уже не такая молодница, как когда-то была. И счастья бабьего уж точно заслужила за то выстраданное ранее. — Ой, пани Кася, пани Кася! — качала, улыбаясь, головой полноватая холопка, от души желая своей пани счастья.

Но Ксения не успела ничего ответить той, хотя и хотела отшутиться, ясно понимая ее заговорщицкую улыбку — прибежал в гридницу Анджей с раскрасневшимися с мороза щеками, отвлек ее от Збыни.

— Мама! Мама, погляди сходи! Там в конюшне котята, мама! — спешил поделиться своим восторгом мальчик. Шапка едва не свалилась с его головы, так резко кивал он, торопясь убедить мать пойти с ним на задний двор. Той пришлось подчиниться, накинуть спешно на плечи короткий овчинный тулуп, пошла за сыном в конюшню, где в стопке сена устроила себе прибежище кошка-мать. Петрусь, рыжий холоп с покрытым веснушками лицом, с улыбкой потеснился, показывая пани хозяйке разношерстный приплод: четыре маленьких комочка с плотно сомкнутыми веками.

— Они, что не видят глазками? — удивленно спросил Анджей, присев на корточки у кошки, не обращая внимания на ее предостерегающее шипение, наблюдая, как тыкаются слепые котята матери в живот. — Пусть глазки откроют тогда! Так же не видно!

— Потом у них глазки откроются, спустя тройку дней, — пояснила Ксения, приседая рядом с сыном и целуя его в висок, прямо под светлую прядь, выбившуюся из-под шапки. Он восторженно наблюдал за котятами, а она смотрела на него, изумляясь тому, как он вырос за последнее время. Такой маленький шляхтич! И снова пришли мысли, что не давали покоя последние несколько дней после разговора с Ежи — ах, если б все удалось! Если б

Владислав узнал правду, простил бы их обман, приняв те причины, что подтолкнули и ее, и Ежи на этот обман. Правда, как ни представляла она себе их встречу после столь долгой разлуки, но увидеть ее мысленно так и не смогла. А уж про то, как покажет Владеку сына и вовсе было страшно думать...

— Пани Катаржина! Пани Катаржина! — раздалось со двора, и Ксения поднялась на ноги, пошла к дверям конюшни, показалась холопу, что звал ее. — Пани Катаржина, пан приехал, пани зовет!

Она уже огибала дом, когда вдруг отшатнулась за угол, побледнев будто саму смерть увидала. Ноги стали мягкими, словно костей в них не было, она еле стояла, прислонившись спиной к стене дома.

— Пани Катаржина! Пан кличет! — снова крикнул холоп со двора. Она успела заметить, что он держал узду статного валаха, откровенно любуясь красивым конем.

Вот дурень! Что разорался-то?! Ксения кусала губы, не зная, как ей поступить следует. И не спрятаться ведь никуда — глупый холоп скорее всего уже сказал пану в богатом жупане и кунтуше, подбитом темным мехом куницы, лениво оглядывающем двор, что пани хозяйка тут, никуда не выехала. И ныне ей ничего не оставалось, как выйти к гостю, ведь она догадывалась, зачем на ее дворе появился этот шляхтич.

А потом в голове мелькнула шальная мысль, когда задний двор пересекла холопка, помогающая по хозяйству Збыне, поманила ту к себе, заставила отдать рантух из грубого полотна, окрашенный в темно-синий цвет по стать юбке Ксении. Длинные косы упорно не хотели прятаться под рантухом, так и норовили выскользнуть, когда Ксения, склонив голову, шла к крыльцу дома, словно на казнь.

— Где пан? — спросила она холопа, заметив, что шляхтич исчез со двора. Тот оглянулся и удивленно взглянул на хозяйку, скрывающую половину лица за полотном рантуха, будто у той зубы ноют.

— Пан в дом пошел, Марыся позвала. Он водицы попросил, вот та и сказала, чтобы в дом шел.

Ксения едва не рассмеялась от радости, чувствуя, как отпускает ее страх и тревога, вспыхнувшие в душе в тот миг, когда она заметила шляхтича во дворе перед домом. Судьба явно мирволит ей, предоставляя возможность ускользнуть со двора. Сейчас она скажет этому дурню, что выйдет за ворота да за забором будет стоять с северной стороны, чтобы ей Ласку ее вывели туда. Ускачет в лес или к пани Эльжбете вместе с Анджеем, переждет, пока не уедет этот незванный гость. И почему только Ежи не дал ей знать, что он будет по дворам местным ездить или только к пану Смирцу тот на двор заглянул?

Но она даже рта открыть не успела, как за ее спиной отворилась дверь сеней, выпуская на крыльцо шляхтича, что держал в руках деревянный ковш с водой, явно не желая долго в доме быть и выпускать двор из видимости. Ведь он уже давно приметил и самострел в сенях, и тонкие маленькие стрелы с совиным опереньем подле него.

— Вот она, пани Катаржина, — раздался голос Марыси, что спешила услужить шляхтичу, ведь тот ласков с ней, сразу заметил румянец ее щечек, сравнив те с алой зоренькой. — Пани Кася, тут пан до вас! Пан...

Она запнулась, пытаясь вспомнить имя пана, покраснела из-за досадного промаха, убежала в дом, засмутившись под его лукавым взглядом.

Вот и все. Ксения ясно чувствовала на себе взгляд Добженского, он так и жег ей ныне спину, даже через полотно рубахи и толстую овчину. Если б Марыся не назвала ее по имени,

еще можно было прикинуться холопкой, ведь платье на ней явно не шляхетское, а на юбку налипли соломинки. Но ныне же... ныне оставалось только надеяться, что он не признает ее. Вдруг позабыл ее лицо за те годы, что они не виделись? Но нет навряд ли, она же сразу узнала его.

Она повернулась, прикрывая нижнюю часть лица полотном рантуха, ожидая, что он сейчас отшатнется назад, удивленно взирая на нее, но этого не было. Добженский только поклонился ей, приветствуя.

— Прошу пани простить за вторжение нежданное. Но я ехал мимо двора пана Смирца решил навестить его. Мы ведь с паном Ежи хорошие знакомцы, — произнес он, глядя на нее с любопытством и только. Ни тени узнавания или изумления так и не промелькнуло на его лице, и Ксения едва сдержалась, чтобы не нахмуриться. Что это за игра? Не узнал? Неужто? И что это за история с визитом к Ежи? Ведь она прекрасно знала, что Добженский определенно знает — пана Смирца нет в вотчине, что он подле Владислава. Она-то знала, но дочь пана Смирца этого знать не могла, ведь этот привлекательный шляхтич в богатом платье ей не должен быть знаком.

Ксения поклонилась в ответ, приветствуя его, и сказала, что пана Смирца нет на дворе, что в Лисьем Отворе он, в свите пана магната Заславского, подыгрывая Добженскому, стараясь изменить голос. Тот кивнул и («Пани позволит?») стал жадно пил воду из ковша, проливая редкие капли себе на усы и на грудь. Пил он мучительно долго, как показалось Ксении, потом взглянул на нее поверх ковша и протянул его ей, отдавая в руки.

Она так же вытянула ладони вперед, принимая ковш, но тут Добженский на миг отпустил его из рук, и она, подчиняясь импульсу, нагнулась вперед, пытаясь поймать посуду. Эта попытка была напрасной — Тадеуш и не хотел бросать на ступени ковш, тут же быстро схватив его. Но этого резкого движения Ксении вниз хватило, чтобы распятие выскользнуло из-за полотна рубахи и теперь висело, слегка покачиваясь. Серебро и бирюза. Часть того набора, что Владислав когда-то приобрел в Менске у ювелира для своей нареченной.

И Ксения, и Добженский взглянули друг другу в глаза и резко выпрямились, стоя каждый на своем месте будто кулачники перед боем. Что ей делать сейчас, мелькнуло в голове Ксении. Узнал ли он распятие или нет, понял ли кто стоит ныне перед ним? Но прежде чем она успела даже рот открыть, рука Добженского взметнулась вверх и прижалась к ее губам.

— Тихо, тихо, — почти ласково проговорил он, второй рукой обхватывая ее предплечье стальной хваткой и заставляя ее подняться на ступеням на крыльцо. Холоп, стоявший позади Ксении спиной к ним, вдруг обернулся на мычание, что издала та, и заметил то, что происходит перед домом. Добженский поспешил резко проговорить. — Стоять! Шевельнешься, глотку перережу, так и знай.

Ксения замычала отчаянно, пытаясь донести до холопа мысленно: «Беги! Подними крик! Зови людей!», а потом вдруг бросилась на Добженского, заставив его пошатнуться на крыльце. Он отпустил на миг руку, мешавшую ей говорить, и тогда она закричала холопу: «Беги! Беги за людьми!». Тот словно ждал этого приказа — сорвался с места, бросив поводья валаха, скрылся за распахнутыми створкам ворот.

Добженский грубо тряхнул ее и снова закрыл рот ладонью, а потом распахнул дверь в темные сени и толкнул ее туда, в эту черноту, захлопнул дверь за собой и быстро замотал ее своим поясом, что стащил в талии.

— Ну, панна! — только и мог сказать сейчас он, сам толком не осознав еще, что

происходит тут. А Ксения билась в дверь, кричала, колотила кулаками, умоляя выпустить ее. В ее душе метался ужас от того, что Анджей может появиться в любую минуту на дворе, а она заперта здесь, в доме.

— Прошу тебя, — молила она со слезами в голосе. — Прошу тебя, пан Тадек, отвори... отвори... позволь мне рассказать тебе все... отвори...

И именно это «пан Тадек» заставило его отшатнуться от двери, когда уже рука сама тянулась отпустить ее, коснуться ее волос и ее руки, убедиться, что это не сон, что это действительно панна Ксения из Московии тут на дворе пана Смирца. А потом он вспомнил самострел, лежащий в сених, и стрелы, одна из которых едва не убила Владислава.

Нет, он не будет сейчас слушать ее. Кто ведает, что будет у нее за спиной, когда он отворит дверь? Кто ведает, какая тайна толкнула ее на то, чтобы так жестоко обмануть Владислава, а после еще и пытаться убить его? Верно, говорят про москвитов — у них на языке мед, а под языком лед.

Добженский уже слышал, как спрашивают на заднем дворе друг у друга холопы, что творится тут, понимал, что убежавший за ворота холоп скорее всего поднимет дымы против него, творящего обиду их хозяйке. Знал, что между Бравицким лесом и вотчиной Ежи за пустошью длинная полоска топи, которая отлично скрывает тех, кто ненароком открыл чужую тайну. Ох, недаром он почуял, что старый лис что-то скрывает! Но такое он даже предположить не мог!

— Умоляю, отвори дверь, пан Тадек, — просила Ксения, умоляя Господа и всех святых, чтобы Анджей не вышел на двор перед домом, а так и остался смотреть за котятками. Позади уже подбегала Збыня, спеша помочь своей пани открыть дверь.

— Навалимся, пани! Навалимся! Ох, как сердце чуяло, что недаром занесло его на наш двор, — причитала Збыня, напирая всем своим весом на дверь. — Уехал, кажись! Точно уехал! Ах, что пани так бледна стала? Украл он что? Ах, лис! Затуманил голову речами сладкими, а сам зырк-зырк по сторонам, будто ищет что! Пани слышит? То люди наши идут! Нынче же отворят нам...

И верно, дверь сеней распахнулась, и Ксения с Збыней буквально вывалились в руки Лешко, разрезавшего пояс лезвием кордаса. Сердце его едва не остановилось, когда он взглянул на белую, словно смерть, растрепанную Ксению, которая сжала его руки.

— Андрусь! Где он?

— Мама! — бросился к ней через толпу растерянных холопов сын, которого до того укрывал подле себя Петрусь. Она прижала к себе ребенка, стала целовать в волосы, шапка с которых слетела еще на заднем дворе, когда он торопился к матери. А потом вдруг резко выпрямилась, хладнокровная, жесткая.

— Ласку мне под седло быстро!

— Что? Что стряслось? — спросил Лешко, когда они уже выезжали со двора, словно за ними гнался кто.

— Беда, Лешко, — коротко ответила она. — Беда, что проглотит и меня, и пана Ежи и даже не подавится.

Он коротко кивнул. Большого ему не надо было ничего говорить. Он уже знал, что на дворе был некий шляхтич, причем небедный, судя по поясу, и что Ксения до дрожи боится того. Значит, этот шляхтич уже мертв. Он лично убьет его!

Добженский уже был у самой полоски топи, выбрав наикратчайшую дорогу до Бравицкого леса. Он хорошо знал узкую тропинку, по которой надеялся проскочить в лес, а

оттуда уже попасть в Лисий Отвор, где он вполне может переждать любую осаду, коли таковая будет. Жаль, Владислав уже уехал еще утром в Заслав! То-то была бы потеха, грустно усмехнулся Тадеуш, а потом услышал за спиной стук копыт, хорошо слышимый через всю пустошь, что была за его спиной, оглянулся.

Вот черт! Любой бы подумал, что он по дороге поедет. Ан нет же! Нагоняли его. Пока он видел только двоих, и даже рассмеялся, прикинув то разочарование, что постигнет преследователей. Всего чуть-чуть, пара десятков шагов не больше, до тропинки через топь, и он спасен. Навряд ли его преследователи знают эту тропу так же, как он, да и если так — расстояние меж ним и теми двумя слишком велико. Пока они нагонят его, он будет уже за высоким забором Лисьего Отвора!

Добженский обернулся всего на миг, пытаясь разглядеть, где именно находятся его преследователи — въехали ли они уже на пустошь или нет. А потом похолодела душа, едва он краем глаза отметил, что его преследователи встали на месте, придержали лошадей. Тонкая маленькая стрела с совиным опереньем... Нет, этого не может быть!

— Стреляй! — резко произнес Лешко, сквозь прищур глаз пытаясь рассмотреть всадника, удаляющегося от них. — Стреляй или уйдет! И нам не нагнать его точно тогда.

Палец дрожал на пусковом курке. Сердце металось в груди, как безумное. Перед глазами была не пустошь с одиноким всадником вдали, а прошлые дни. Медленные баллады, что пел ей Добженский, его смеющееся лицо, его решимость, с которой он защищал ее честь когда-то, его доброта к ней, его шутки. Верный рыцарь своей пани...

«...Только мы должны открыться Владиславу, понимаешь то? Я или ты, но никто иной! У чужих уст и правда другая будет, чужая правда. А чужой правды в это деле нам не надобно, Кася. Чужая правда погубить нас может с тобой, лихо только принесет. Только мы должны рассказать Владиславу, ведь в том спасение наше...»

— Стреляй! — прошипел Лешко, видя, что всадник, которого он уже еле различал вдали, скрывается за тонкими стволами березок, что росли по краю топи.

Тихо просвистела стрела, легко преодолела расстояние и вонзилась сквозь ткани одежд в спину шляхтича. Тот резко дернулся вперед, замер на миг, словно не веря, что это произошло, попытался оглянуться назад, осадив резко коня, но не удержался упал в мокрую от недавно выпавшего снега траву. Пальцы, некогда перебиравшие струны, развлекая свою пани, сжали темные от влаги травинки, а потом упали бессильно на пожухлые листья.

1. Лихорадкой
2. От рождения до постригов — младенцем называли, независимо от возраста
3. Дедушка

— Где она? — Ежи быстро стянул с плеч кожух, замеченный снежной крупой, что уже который день просыпалась на земли с серого хмурого неба, бросил его на руки Збыне. Хлопка тихо запричитала, принимая от пана и шапку с мокрым оттого поникшим пером:

— В спальне лежит. Не ест, не спит, только стонет и поклоны кладет. Давеча в церкву ездила, так холопы сказали, что даже на порог не ступила: вся затряслась, побелела да прочь в сани и обратно воротилась, — Збыня снова заплакала, вытирая крупные слезы, катящиеся по лицу, краем широкого рукава рубахи. — Пана Лешко на порог не пустила. Как вернулись тогда, так и захлопнула перед ним дверь, уйдя к себе. Он долго стучал, просил переговорить с ним, а потом уехал, злой, как черт. Ездит каждый Божий день, да только она отказывается видеть его, велела даже на порог дома не пускать. Ох, дела-то какие! Что за горюшко-то к нам пришло на двор?

Она так и села на лавку, по-прежнему держа в руках кожух и шапку пана, качала головой, а Ежи уже стукнул тихонько в дверь спальни Ксении и ступил в комнату, не получив ответа. Она лежала в постели на спине, уставившись в потолок, словно в этой темноте, что стояла в спальне, что-то разглядывала среди деревянных балок. Уже догорала лампадка возле образов, потому и света почти не было, только неясные контуры мебели разглядеть можно было да фигурку Ксении на светлом полотне постели.

— Касенька, — позвал он ее тихо, и она вдруг сорвалась с постели, метнулась к нему, обвила руками его шею, холодную с мороза, разрыдалась в голос. Эти рыдания перепугали его до глубины души, он в толк не мог взять, что стряслось такое, что могло случиться между этими двумя. Как получил письмо от Эльжбеты, что Ксении худо, так и сорвался из Заславского замка, едва переступив порог того, не обращая внимания на явное удивление Владислава. И вот все подтверждалось...

Ежи стиснул зубы в гневе, вспыхнувшем в груди — не дай Бог, Лешко хоть пальцем коснулся его ласточки против воли, голову с плеч снесет! Он стал тихонько качать Ксению на руках, как качал Андруся перед тем, как уложить в постель на ночной сон. Рыдания постепенно затихали, и тогда он, уже сходя с ума от беспокойства, решил спросить об их причине. Плач снова возобновился, но от того, что он услышал, казалось, кровь перестала бежать по жилам, остановилось сердце.

— Я убила... убила пан Тадека... Добженского убила, — между всхлипами умудрилась выдавить из себя Ксения, и Ежи едва не свалился с постели, на которую присел вместе с той на руках. О Езус! О святые Мария и Иосиф! Недаром так ныло его сердце в груди все эти дни, когда он не заметил Добженского среди шляхтичей, что покидали Лисий Отвор. Видя его неподдельный интерес, Владислав тогда сказал, что Добженский уехал в северные земли по делам ординации, ведь скоро Адвент, и значит, литургический год к концу идет. Но чуял же, что не так все просто тут, чуял. Правда, подумать не мог, что Владислав перестанет доверять ему, пошлет Добженского проверять дворы окрестные. И вот...

— Душа моя черна ныне, как печная сажа, — тихо шептала потом Ксения, когда рыдания утихли. Ежи гладил ее растрепанные волосы, ее холодные, несмотря на то, что в спальне было хорошо натоплено, ладони. — Грехи мои тянут, тяжело мне... Я не знаю, зачем он приехал на двор. Думаю, все стрелка искал, потому и в дом пошел, ведь в сенях обычно оружие лежит. А потом и меня увидел... Я-то решила уже, что не разведал кто я, не

признал. А он, видать, все сразу понял, только тянул время... А потом запер меня в доме, не стал слушать меня... поехал в Лисий Отвор. Мы догнали его на пустоши перед топью, у короткой дороги в Бравицкий лес. Ах, если б он выбрал иную дорогу, ту, длинную! Тогда б его холопы нагнали, не мы с Лешко... «Стреляй!», сказал тогда Лешко, «уйдет!» И я взяла его на прицел, Ежи... Святый Боже! Я смотрела на него поверх самострела, а перед глазами его лицо стояло, его голос в ушах слышался... И твой, что шептал про чужую правду, помнишь? А потом поняла, что не могу... не могу... сама не понимаю, как могло то случиться. Всего миг, короткий миг! Лешко тогда кричал на меня, а потом моими же руками и убил его... Пустил стрелу, ведь знал, что я цель уже взяла... И он упал... упал! Я убила его, Ежи. Пусть не по своей воле, по чужой! Но руки мои были... в крови они... и прямо в спину... в спину!

— Где... — Ежи хотел спросить про то, где тело лежит, по-прежнему ли у пустоши, а потом смягчил свой вопрос. — Где он? Где Добженский? Там, у топи?

— Я не ведаю, — покачала головой Ксения. — Все, что помню — свой крик, когда стрела полетела, и черноту после. Ни разу духа не теряла, а тут он вылетел вон... Вернулся тут только, на лавке гридницы, куда меня Лешко принес. О Святый Боже! Видеть его не желаю! Как он мог?! Как мог? Моими руками...!

— Тихо, ласточка, тихо, — снова стал успокаивать ее Ежи. Он еще сам не знал, что ему делать стоит при таких делах, что разворачивались ныне. Все плотнее и плотнее заматывались нити, и отчего-то ему стало казаться, что эти нити складываются в петлю, что когда-нибудь накинется на его шею.

— Я после к топи хлопов посылала. Никого не нашли — ни коня, ни... пана Тадека, — шептала Ксения. — А потом и в Лисий Отвор приказала сходить. Там ворота открыты, только хлопы по двору ходят. Говорят, нет никого в каменице. Нет там пана Добженского. Как уехал несколько дней назад, так и нет...

— Ну, нет тела, прости Господи, нет и убийства, Кася, — сказал Ежи, стараясь, чтобы голос звучал, как можно увереннее. — Кто ведает, вдруг его хлоп какой нашел? Польстился на перстни да одежду богатую, решил, что может, награду получить, коли выходит того. Вот и забрал на свой двор. А молчит о том, чтобы самому не попасть под стрелу или саблю чью-то. Это ж дело такое...

Ксения резко подняла голову и взглянула на Ежи горящими глазами. Даже несмотря на скудный свет, он сумел разглядеть, какая горячая надежда, что Добженский жив, вдруг появилась в них, сжалось сердце шляхтича.

— Ты думаешь...? — спросила она, еле дыша. Ежи кивнул, стараясь выглядеть уверенным и не показать истинных мыслей своих. Никто не будет тащить раненого на свой двор, побоится хлоп чьей-то руки горячей. Стянет перстни с рук, снимет одежду, что сможет продать кому после, да в ближайшую топь и бросит, даже если тот дышать будет. Но Ксении он, конечно, этого не скажет. Ни к чему ей то знать. Вон как посветлела лицом, как дышать стала ровнее. Не стоит ей даже думать о том, кляня себя, считая себя черной от грехов, что даже от общения с сыном отказывалась, полагая, что запачкает того, осквернит...

Ежи оставил Ксению класть поклоны перед образами, молиться о том, что пан Тадеуш все же выжил после того выстрела, сделанного пусть и ее рукой, но не по ее воле. Пусть патеры читает, если это покой какой в душу принесет. А потом сел в гриднице дожидаться приезда Лешко, за которым послал холопа, велев звать шляхтича, невзирая на время позднее.

Тот пришел почти тут же, словно ожидал приезда Ежи и не ложился спать. Сел

напротив за стол, снял шапку с темных волос, отряхнув снег с мехового околыша, положил ту подле себя на лавку. Збыня по знаку пана быстро поставила перед теми кружки с пивом и блюдо с холодным мясом и хлебом, а потом ушла к себе плотно затворив за собой дверь, прочитав по лицам шляхтичей, что разговор им ныне предстоит непростой.

— Что ж ты творишь, сучий сын? — с горечью произнес Ежи, глядя в глаза Лешко, что смотрел на него исподлобья. — Ее руками убить! Ты же ее тем едва в могилу не свел.

— Скажи ей! — вдруг взревел Лешко в голос. — Скажи ей, что то мой только грех! Мой и ничей боле. Мне за него отвечать, а не ей. Но он ранен был, слышишь, пани Кася? Не подох тогда твой шляхтич от стрелы! Я пытался ей сказать то, да разве ж она меня слушает ныне? Даже на порог вон не пускает в дом. Да и как не выстрелить было? Ушел бы тогда да к пану ординату.

Ежи вздрогнул невольно, когда Лешко произнес последнюю фразу, и тот усмехнулся. Протянул руку к хлебу, отрезал ломоть и положил на тот мясо, стал есть, запивая пивом, ничуть не смущаясь пристального взгляда Ежи.

— Никто бы не покалечил пани за то, что в лесу магнатском ездила, — проговорил Ежи, но Лешко покачал головой.

— За это — нет. А за другое — вполне может быть, — а потом вдруг спросил резко, почти без паузы, не давая Ежи опомниться. — Она зазнобой была его, верно? Магнатской зазнобой? А потом, видать, приелась красой своей. Или он жениться решил и отослал ее от себя. Нет, она сама от него уехала, норов такой — не простила свадьбы этой. И в чреве своем кое-кого увезла тогда, верно? Я ведь не дурак, пан Юрась, я видел ордината давеча в лесу, когда вы уезжали со двора. Знакомый профиль у того! И Андрусь, выходит... Андрусь... и глаза ее такими голубыми становятся, когда думает о нем, — он вдруг вонзил с силой нож, что держал в руке, в стол, пробивая скатерть, вонзая глубоко лезвие в дерево. — Вон как побелел ты, пан Юрась. Не ждал, что смогу разгадать загадку вашу с Касей. Недаром ты ее привез именно в то время, как пану ординату жениться предстояло. Прятал ее тут. Я-то помню, как ты по первости не желал ее даже в церкву отпускать на молитвы, все боялся, что прознает кто. И как она в Заслав поехала прямо за тобой тогда, будто черти гнались за ней. И в лес Бравицкий... Все помню.

Он замолчал на некоторое время, жевал мясо с хлебом, шумно отхлебывал пива из кружки, не обращая внимания на застывшего напротив Ежи, что кусал в волнении ус.

— Но тайна Каси — моя тайна, — проговорил после медленно Лешко, вытирая пену и крошки с усов рукавом жупана. — Я в могилу ее унесу, а не скажу никому даже на исповеди. И придушу любого, кто открыть ее решит тому, кому не должно, переломаю кости ему. Ведь я бы на месте Заславского не стал с вами обоими мирных бесед вести. Вы же украли самое дорогое, что есть у шляхтича после чести — его сына, наследника рода. Я бы убил тебя, не раздумывая, до того изрядно попытав за воровство твое, а Касю... — Лешко не стал договаривать, сжал ладонь в кулак, побледнев. — Потому и убил я этого шляхтича, что давненько в Лисьем Отворе крутился на дворе. Он ведь не простой шляхтич. Доверенный, как я приметил. Такому поверишь безоговорочно... И Заславский ему поверит.

— Ты убил его? — переспросил Ежи, сопоставляя в голове все, что услышал нынче. Если Кася тогда в обмороке была, у Роговского вполне хватило времени добить раненого и столкнуть того в топь. Никто и никогда не нашел бы следа.

— Ни слова не скажу более, только ей, — кивнул на закрытую дверь спальни Лешко. — Но и ей негоже боле слушать о том. Был шляхтич, и нет его. Короток бывает

порой век у того, кто саблю на поясе носит, сам ведаешь. Ей тут оставаться нельзя. И Андрусю тоже. У меня земли остались в порубежье. Ныне, когда Московия и король наш договоры о мире подписать пытаются, нет резона мне в стороне от них быть. Мы можем уехать туда, и ни единая душа не найдет нас там.

— Пани Касе решать то, — проговорил Ежи, хмуро взглянув на шляхтича. — Но скажу напрямик — я против того буду. Не стоит ей боле бегать, добегались уже...

— Крови ее хочешь? Своего живота не жаль, пан Юрась? — вспыхнул Лешко снова. — Нет пощады вора, ты ведаешь то. Или сам с повинной прийти желаешь к нему? Покаяться в том, что случилось? И ее за собой привести?!

— Пани Касе решать о судьбе своей, — снова повторил Ежи, глядя пристально в глаза Лешко. — Как решит, так и будет. То ее доля, знать, и решение ее должно быть. А теперь иди к ней и скажи, что мне сказал про Добженского. Что ранила его стрела, не убила вовсе. Но остальное...! Не томи ей душу более, доле ей горестей ныне.

И Лешко без возражений поднялся из-за стола, пошел в комнату Ксении, где та по-прежнему тихо молилась, стоя на коленях перед образами. У него дух перехватило от этого вида: тонкая фигурка в белой рубаше и простой суконной юбке, стройный стан обтянут тканью шнуровки, пряди волос, выскользнувшие из длинной косы цвета спелой пшеницы, вокруг лица. Она взглянула на него мимолетно, но от красы ее лица у него вдруг ослабели ноги. Что же творится с ним?! Как можно то?!

Пани Кася не прогнала его сразу же, завершила молитву, а потом поднялась на ноги, повернулась к нему. Он упал на колени, обхватил ее ноги через ткань, прижался лбом к ее коленям, горячо зашептал, путаясь в словах, оробев от ее сурового взгляда. Поведал ей, что бес его попутал, когда положил свои пальцы поверх ее, когда нажал на пусковой курок, отпуская стрелу. Что защитить ее хотел, ведь узнал пана из свиты ордината, помнил, как гнали Касю через Бравицкий лес с собаками. Оттого и не мог допустить, чтобы пан скрылся от них. Но пан тот стрелой ранен был...

— Ранен? — ахнула Ксения, и он почувствовал, как задрожали ее ноги под его руками.

Ранен, подтвердил Лешко, не поднимая на нее глаз, не смея на нее смотреть. Лешко тогда испугался за пани Касю, что закричала не своим голосом да едва с лошади не свалилась, потеряв сознание. Увез он ее на двор сюда, а после, когда убедился, что с пани не худо уже, уехал поглядеть раненого на пустошь. Да только не было его там. Ни коня, ни шляхтича на траве. А куда делся, Лешко не ведает...

И он видел, как она оттаяла от своего холода, что еще недавно сковал ей душу, как обрадовалась, что шляхтич может живым быть. Позволила даже ладонь себе обжечь его горячими губами, а после выпроводила вон, сославшись на усталость. И он уехал со двора, довольный тем, что вернул ей покой и радость, которые сам же отнял так жестоко, уехал, зная, что впервые за это время она ляжет в постель и будет видеть добрые сны. Ради этого даже греха на душу не жаль взять, даже в ад не страшно сойти!

И Ксения действительно впервые за несколько дней забылась в ту ночь спокойным сном без сновидений, прижав к себе Андрусю, которого по ее просьбе перенес в ее постель Ежи. Он не ушел тут же из комнаты, а долго смотрел на спящих Ксению и ее сына, словно думая о чем-то, накручивал ус. А потом не направился в свою спальню, сидел в гриднице у печи, наблюдая за огнем, пожирающим поленья, курил чубук. Так и просидел до самых петухов, только с первыми лучами солнца ушел к себе в спальню.

Ежи долго прижимал к себе Анджея, прощаясь, когда уже ждал его во дворе оседланный

конь, чтобы тронуться в обратный путь. Странное чувство, что ему следует немедленно ехать в Заслав, так и не отпустило за всю ночь, тихо ныло в груди. Он отстранил от себя мальчика, потрепал тому светлые вихры, дивясь тому, как быстро растет панич. Или может, это он, Ежи, редко бывает здесь на дворе, редко видит Анджея?

— Я решил уехать из Заслава, — медленно проговорил Ежи, когда они почти подъехали до начала леса, до которого Ксения напросилась проводить его, и у которого им предстояло проститься. Та удивленно взглянула на него из-под лисьего околыша шапки. — В вотчине жить буду отныне. Примешь старика?

— О чем ты говоришь? Это твоя земля! Ты же ведаешь, тебе всегда здесь рады, — ответила Ксения. А потом подмигнула Ежи. — Я точно ведаю, кто будет более всех рад твоему решению. Может, и под венец тебя отведем, а, пан отец?

— Дурость говоришь, Кася, — нахмурил брови шляхтич, но глаза его улыбались. — Кто пойдет под венец с таким стариком, как пан Смирец? Да к тому же пани Эльжбета — вдова со средствами, а я... не голота, конечно, но и до ее ларей моим далеко по набитости.

— Дурость не я говорю, — грустно улыбнулась Ксения. — Разве ж в ларях счастье-то?

Ежи с тоской окинул взглядом ее лицо с темными кругами под глазами. Сколько же довелось пережить этой девочке? И что еще ждет их там, впереди? Снова вдруг заныло сердце тревожно.

— Я приеду и здесь обдумаю, как нам быть с тобой, — проговорил он. — Но я решу, ты веришь мне? А про Добженского не думай боле. Он и не из таких переделок выходил живым. Знала бы ты о тех! А раз ранен, то знать, непременно объявится вскоре. Только вот сколько у нас дней до того?

Ежи ненавидел ложь. Стонала душа от того, сколько ему приходилось лгать за последние годы, но разве он мог что-то поделать тут? Ложь во благо — иная ложь, убеждал он себя мысленно.

— Тревожно мне, Кася, что-то, — признался Ежи, когда они прощались у кромки леса, в бело-черные глубины которого убегала дальше дорога. — Владислав ведь уехал из Лисьего Отвора, получив грамоту от дяди. Недаром тот снова в Заслав едет, недаром, чует сердце мое. Потому Лешко от себя не прогоняй далече. Он защитит тебя, коли беда придет.

— Какая беда, Ежи? — побледнела Ксения в тот же миг, вспоминая тот сговор, в который когда-то вовлек пана Смирца епископ.

— Ты не белей лицом ранее срока! — жестко сказал Ежи. — То дело московитки касалось. Ты же ныне не она, забыла? Ты — пани Катаржина Вревская, того и держись, что бы ни случилось. Бумаги об адопции есть, все чисто тут. Да и какой от тебя ныне вред? От тебя только польза ныне, — вдруг улыбнулся он, а потом притянул к себе ее, коснулся губами ее лба прямо под околыш шапки. — Ну, здрава будь, ласточка. И телом, и духом. И о худом не думай, не надобно! Все будет добже!

Ксения наблюдала, как скрывается в лесу, удаляясь все дальше и дальше по заснеженной дороге, Ежи с холопом, которого всегда брал в путь, удерживая на месте непоседливую Ласку. Той явно не терпелось пуститься вскачь, взметая из-под копыт снег, которого изрядно намело за эти дни. Тревога, что снедала шляхтича, на короткий миг вдруг передалась и ей, похолодело сердце при воспоминании о епископе. Она вспомнила профиль того под маленькой шапочкой на уже тронутых сединой волосах, его длинные пальцы, сжимающие шахматную фигуру. До сих пор ей было не по себе при мысли о том, как он мог так поступить с ней, не хотелось в то верить. Интересно, как он воспримет весть, что она

жива, что у нее есть сын от Владислава? И как воспримет то Владислав...?

А следом за этими думами в ее голову ворвался Добженский. Его спина, обтянутая кунтушем, в которую вонзилась та злополучная стрела. Сдавило горло, слезы снова навернулись на глаза. Но Ксения не позволила им пролиться сейчас. Только, когда переступила порог маленькой церквушки, когда стояла перед освещенными светом тонких свечей образами, позволила им соскользнуть по щекам вниз.

— Господи, — беззвучно молилась она. — Пусть он выживет... пусть кто-нибудь поднял его тогда с мокрой земли и выхаживает, укрывая от всех. Ведь ведаешь, Господи, что не желала я смерти его, не пустила бы ту стрелу по своей воле. Страшен мой грех, Господи. Прощу тебя, пусть он будет жив и здоров, даже если принесет мне погибель.

Ксения ныне стала ездить в церковь чаще обычного: каждый день против дней малого поста и воскресенья, когда проводились службы для прихожан-схизматиков. Ей казалось, что именно там она будет услышана, именно там ее молитвы быстрее достигнуть цели, и когда-нибудь она услышит вести о том, что он жив и здоровствует. Она почти каждый тыздень посылала холопов спрашивать по округе, не встречал ли кто раненого стрелой шляхтича, но всякий раз те возвращались ни с чем, и она снова и снова просила Господа помочь рабу Божьему пану Добженскому, пусть и латинянину.

Следуя совету Ежи, Ксения снова приблизила к себе Лешко, но той близости, что была меж ними ранее, уже не стало. Она стала вдруг подмечать за ним иное, то, что раньше было скрыто от нее: тяжелый взгляд из-под бровей, так схожий с тем другим, который Ксения так долго не могла забыть. Взгляд Северского — напряженный, выжидающий, обвиняющий. А быть может, это ее разум играл с ней дурную шутку, сравнивая Лешко с тем, что когда-то причинил ей столько боли, долгое время заставлял ее делать то, что она желала, подавлял ее. Она порой кидала взгляд на большие ладони Лешко, сжимающие поводья, когда они пробирались через заснеженный лес, желая поохотиться на тетеревов и куропаток, и вспоминала всякий раз, как эти самые пальцы легли поверх ее руки, сжимающей самострел, как нажали на ее пальцы, призывая выпустить стрелу.

Ксения больше не верила ему так, как верила раньше. После того, что случилось, невольно ждала подвоха от него, искала некий скрытый смысл в его словах. А потом как-то замерла на месте, когда думала об этом. Теперь она понимала, как легко утратить доверие, и как эта утрата разрушает все, что некогда могло соединять двоих. И если она не верила больше Лешко, так переменилась к нему, то что будет думать Владислав, когда наконец узнает правду? В душу вползал страх, и ничем, никакими молитвами и убеждениями, что должно быть хорошо и никак иначе, как сказал ей на прощание Ежи, не было выгнать его оттуда.

— Ты больше не веришь мне, — как-то с горечью произнес Лешко, глядя на нее с тоской в глазах. Они ехали в это время из церкви, куда по сложившемуся порядку дня еще до рассвета поехала Ксения, бок о бок по этой снежной дороге к деревеньке пана Смирца.

Ксения взглянула на него мельком, не желая говорить о том, но он вдруг вырвался вперед и перегородил дорогу своим конем и ей, и гайдукам за ее спиной.

— Не отгораживайся от меня молчанием, скажи, как есть, я пойму, — попросил он тихо, чтобы не слышали холопы, которые по знаку Ксении отъехали чуть назад от них. — Все этот шляхтич, заberi его в ад сам дьявол!

— Что ты говоришь? — отшатнулась Ксения, испуганно крестясь его речам, и Лешко сразу же переменил тему разговора, осознав свою ошибку.

— Прости меня, что заставил тебя стрелу ту пустить. Просто испуг меня взял за тебя, — тихо сказал он. — Вспомнил, как ты перепугалась тогда, в Бравицком лесу, вспомнил, как кричала, что беду тебе этот шляхтич принесет. Вот и рука потянулась сама... Пожелаешь, всеми святыми поклянусь, что не будет более того? Душой своей поклянусь, что никогда не поступлю так же, чтобы ни стряслось? Что, если и буду кому вред нести, то своими руками. Никогда более не запачкаю твоих ладоней белых ничьей кровью. Бес тогда попутал, не иначе, прости меня, Кася. Без твоей веры, без твоего расположения ко мне не жить мне никак, не выходит.

— Никогда не принудишь к чему бы ни было? — спросила Ксения, вспоминая о заповедях церковных. Да и тяжело было обиду в себе носить, хотя и забыть она не сразу сможет о том, что было. Простить-то может и сумеет, а из памяти стереть... И снова больно кольнуло в сердце при этой мысли, захотелось плакать от отчаянья.

— Клянусь в том, — ударил себя в грудь Лешко, и она кивнула коротко, объехала его, спеша вернуться на двор, чтобы обогреть заледеневшие ноги и руки от мороза, такого необычно жгучего для этого месяца.

А еще ей надо было поторопиться до конца дня светового съездить в вотчину пани Эльжбеты, что не приехала в это воскресенье забрать Анджея на мессу в костел да и уже почти тыдзень не появлялась на дворе пана Смирца. А ведь шла третья неделя Адвента, когда латиняне стремились не пропускать служб в костеле, пост ведь шел перед светлым праздником Рождества.

— Я тоже хочу поехать к пани Эльже, — попросился Анджей, возившийся до их прихода в гридницу с деревянными солдатиками и лошадами, сидя у печи на медвежьей шкуре. Он бросил игру, едва мать ступила на порог, подбежал к ней, стал ластиться к ней, как это всякий раз, когда просить о чем-то хотел ее.

— Нет, к пани Эльжете я тебя не возьму, Андрусь, — отказала Ксения, и тот погрустнел. — Я не могу того сделать. Вдруг та снова захворала. Ты же не хочешь хворь поймать за хвост? Зато ты можешь пойти с Марысей и Петрусем к яру да на ледянке покататься. Пойдешь?

Анджей кивнул, довольный предложением матери, а потом вдруг нахмурился. Высокий лобик пересекли две складки.

— Мама, а дядку на это Рождество приедет? — взглянул с надеждой на мать.

— Добро бы то было, Андрусь, — ответила Ксения, легонько дергая его за волосы. — Обещался нам дядку насовсем приехать скоро на двор, да что-то нет его покамест. Кто ведает, может, после праздника приедет.

— Насовсем? Знать, не уедет никуда более дядку? — переспросил мальчик. — Знать, всегда-всегда с нами будет?

— Всегда-всегда, — кивнула Ксения, выпуская Анджея из своих рук — он уже торопился к Марысе, что поможет ему надеть кожух да шапку на непослушные волосы, отведет к яру, где он будет лихо кататься вместе с Петрусем по пологому склону. А Ксения вдруг погрустнела, подумав о том, как долго что-то задержался Ежи, обещался приехать аккуратно на этой седмице, да нет его до сих пор. Знать, не отпускает пока его Владислав от себя, не хочет расставаться со старым шляхтичем.

На дворе пани Эльжбеты было на удивление тихо. Принявший поводья лошадей у Ксении и Лешко холоп сказал тем, что пани уже шестой день не выходит из дома, но здрава ли она или больна, он сказать не берется, чтобы не обмануть ненароком. Ксения поспешила

подняться по лестнице высокого крыльца каменного дома, постучать в дверь, пока Лешко оглядывал двор, словно опасаясь чего-то.

Пожилая холопка, приехавшая с Эльжбетой еще из отчего дома когда-то, выглянула в узкую щель, будто боялась выстудить дом, коли распахнет дверь шире. Она так взглянула на Ксению, что та решила, ее не пустят в дом, оставят на пороге, но женщина все же распахнула дверь, пропуская внутрь ту.

— Не ведаю, выйдет ли пани из спальни, — говорила она, провожая Ксению внутрь. — Как разума лишилась, право слово. Ходит смурная будто осенний день. Плачет все.

— Святой Боже, — перекрестилась Ксения, отгоняя липкий страх, что снова стал поднимать свою змеиную голову в ее душе. Что стряслось? Что-то с Ежи? Но если бы так, разве не послала бы холопа пани Эльжбета на ее двор с вестями в тот же миг? — Не захворала ли пани часом?

— Нет, вроде здрава была с утра, сохрани ее святая Мария от всего худого, — ответила холопка, а потом скрылась из гридницы, спеша к хозяйке сообщить о гостях. Та все же вышла — растерянная, осунувшаяся, зябко кутаясь в большую шаль, словно ей было холодно. Хотя, вдруг отметила Ксения, она не выглядела больной, даже наоборот, вроде как и прибавила в весе. Но при виде ее заплаканных глаз сердце Ксении похолодело.

— Что-то с Ежи? — спросила она, а вместо собственного голоса вдруг услышала какой-то писк.

— С Ежи? — переспросила Эльжбета. — А что с Ежи? Что стряслось?

Обе женщина долго смотрели друг на друга, словно пытаясь понять, что каждая из них скрывает, а потом Эльжбета вдруг разрыдалась, уткнувшись лицом в край шали, и Ксения поняла, что причина подобного вида вдовы вовсе не в пане Смирце.

— Нет, пан отец в Заславе, и я не получала худых вестей оттуда, — поспешила успокоить Эльжбету она, быстро подошла и попыталась обнять, но та отстранилась от нее, не позволила коснуться себя. — Что с тобой, Эльжбета? Здрава ли ты? Твой сын...?

При упоминании о сыне пани Эльжбета зарыдала еще пуще прежнего, но все же качнула головой, показывая, что тот живой и здоровый. Ксения присела на край лавки, теряясь в догадках. Стукнула дверь, и в гридницу ступил Лешко, тут же окинувший взглядом растерянную Ксению и плачущую Эльжбету, что убежала тут же прочь, пряча свои слезы от шляхтича.

— Что стряслось? — спросил он Ксению, и та покачала головой, показывая, что не знает. Лешко пожал плечами, стянул с рук кожаные перчатки и стал греть замерзшие пальцы у печи. Тихо суетились две холопки, накрывая на стол, чтобы гости могли перекусить. Ксения от еды отказалась, только выпила горячего травяного отвара с медом, размышляя о странном поведении Эльжбеты, а вот Лешко не стал себе отказывать ни в чем — предстояла еще обратная дорога по морозу студеному, и чем полнее будет желудок, тем дольше не замерзнет тело.

Эльжбета спустилась, когда эта странная трапеза, прошедшая в полном молчании, подошла к концу, и Лешко уже вытирал рот рушником, а Ксения поднялась из-за стола, стала глядеть через морозные узоры во двор. Она была по-прежнему бледна, но уже не плакала.

— Прости, что напугала тебя, — дотронулась она до плеча Ксении. — Я сама не своя ныне от страхов своих, и вот еще и тебе передала его невольно.

— О Ежи тревожишься? — спросила Эльжбету Ксения, и та грустно улыбнулась.

— И о нем, и о сыне, и о себе... обо всем сердце болит и обо всех, — странно ответила

она. — Не бери себе на сердце мою грусть, не надобно. Все решится. Как Андрусь? Что ты не взяла его с собой? Я уже успела соскучиться по этому непоседе.

Далее разговор пошел об Анджее. Эльжбета расспрашивала о мальчике, о его здоровье, что он делает в эти зимние дни, ждет ли праздника с нетерпением, как ждали его когда-то ее собственные дети. Ксения оживилась, отвечая на многочисленные вопросы, забыла о том, как встретила ее вдова, а после, когда по знаку Эльжбеты холопка принесла разукрашенную красочно деревянную саблю, аккурат для мальчишеской руки, заулыбалась.

— О, Андрусь уже давно говорит о сабле. Какой же я шляхтич без сабли, мол. Совсем заговорил Ежи своими просьбами, и тот пообещал ему непременно подарить ту.

— Ну, пусть тогда у Андруся две сабли будут, — улыбнулась в ответ одними губами Эльжбета. — Ведь Ежи непременно привезет подарок Андрусю, раз обещался. Он обожает его, как своего... а потом помрачнела вмиг, словно сообразив, что именно сказала, не подумав, и Ксения поспешила успокоить ее, погладила белую ладонь, показав тем самым, что не обиделась.

Они выехали со двора пани Эльжбеты еще засветло, словно помня о том, что случилось прошлой зимой, о том нападении волков и том, что случилось позднее, в лесной сторожке. Ксения ясно прочитала это в глазах Лешко, когда он вдруг взглянул на нее с каким-то странным огнем в глазах, стало неловко при воспоминании об этих самых руках на ее теле, и этой волчьей шкуре на ее обнаженных плечах.

Она вдруг прочитала во всем его облике решимость совершить нечто, и потому ничуть не удивилась, когда он вдруг схватился за узду ее Ласки, останавливая ту, едва они выехали из леса и вдали показались дымы, что стояли подле двора пана Смирца.

— Я все ведаю, Кася, — произнес Лешко, глядя ей прямо в глаза, и она замерла, ожидая его дальнейших слов. — Ведаю про прошлое твое, про то, что невенчанной женой у магната Заславского ходила, что уехала от него, когда жениться тот надумал. И что сына его родила без ведома его тоже ведаю.

Ксения не стала поправлять его, говорить, что и прав он, и в то же время ошибочны его слова. Просто молча ждала, что скажет ей далее, и он недолго томил ее неизвестностью:

— Он ведь проведает о том рано или поздно, Касенька. Сына украсть — это не коня увести у шляхтича. А ведь для Заславского ныне это продолжение рода, и всегда Андрусь будет первым, пусть и незаконным сыном. Это многое значит, сама понимаешь. А когда про воровство ваше узнает, то пощадит ни тебя, ни отца твоего. А Андрусь... ты потеряешь его, Кася. Готова ли ты к тому?

— Я не потеряю Андруся, — отрезала Ксения, желая пустить снова Ласку по дороге, но Лешко твердо держал узду в своей ладони.

— У меня есть вотчина в порубежье, рядом с Московией. Ты ведаешь, что за земли там, сама росла в порубежье. Давай уедем туда: ты, я и Андрусь твой. Он сыном мне станет, а ты женой. И никогда, веришь, никогда не буду различать Андруся и других детей, что будут у нас! Мы выстроим дом, каменный, как у пани Эльжбеты, поднимем вотчину из пожарища. С тобой я готов на то. А не пожелаешь — пойду на службу к магнату какому, я смогу, вот увидишь! Как пани те, что в Бравицкий лес приезжали, одеваться будешь, в злате и бархате ходить. Только дай мне свою руку, Кася. Касенька моя... — завершил он свою речь шепотом, и сердце Ксении дрогнуло от сочувствия к его положению ныне: она-то знала, как никто, как тяжело любить и не получить того, что так страстно желаешь.

— Я не могу, Лех, — прошептала она, называя его полным именем. — Прости меня.

Рука Лешко отпустила узду на миг, но после, когда Ксения хотела двинуться вперед, снова перехватила ее, останавливая Ласку.

— Кого ты выбираешь, Кася? Его? Магната, что позабыл о тебе, завел себе новую зазнобу на потеху? Его, знать, выбираешь вместо сына? Ведь только и живешь нынче думами о том, как он заберет тебя отсюда вместе с сыном, что простит тебе твой обман. Только оставаясь тут, ты потеряешь Андруса, Кася, опомнись! Представь, что дом горит огнем страшным, а в доме том Андрус наш и он, магнат твой. Спасти лишь одного ты в силах. Кого тащить из огня будешь?

— Не буду отвечать на твой вопрос, — резко произнесла Ксения, вдруг перепугавшись той буре, что поднялась в душе при картине, возникшей вдруг перед глазами при словах Лешко. — Дурость спрашиваешь, а на дурость ответа не бывает!

— Ну почему же дурость? По глазам ведь ответ вижу. Сына бы спасала. Как и любая мать, выбрала бы сына, а не мужика. Так почему же тут мужика выбираешь?

— Нет у меня выбора нынче, Лешко, потому и в толк взять не могу, о чем ты речь ведешь, — Ксения вырвала узду из его пальцев. Или может, он отпустил ее, решив дать ей волю? — Вон смеркается уже. Так до двора по темноте ехать будем, а я себе шею свернуть не хочу. И волков дразнить тоже.

— Знать, готова рискнуть и сыном своим, и животом отца, — с явной горечью в голосе проговорил Лешко ей в спину, когда она объехала его и направила Ласку медленным шагом в сторону деревни. — Он ведь не пощадит пана Юрася, когда правда вскроется. Я бы не пощадил...

— Ты — не он! — отрезала Ксения, так резко повернувшись к нему, что серьги больно ударили по щекам, а косы взметнулись вверх. — Доле об этом! Поехали к дому! А не желаешь, то доброй тебе дороги, Лешко!

Она хлестнула Ласку и пустила ту в галоп. Морозный ветер ударил в лицо, стал студить слезы, навернувшиеся на глаза. Ныла ссадина на левой щеке — видно, крепление одного из камней серьги поцарапал нежную кожу.

Надо будет осмотреть дома серьги внимательнее при свете свечи, не дай Бог камень расшатался. Ксения очень любила эти украшения, что привез ей как-то на православное Рождество Ежи вместе с гребнем, выполненном в том же виде — диковинные птицы с длинными пышными хвостами, усыпанные самоцветами. Дорогой подарок, да и надевать его некуда, но он так пришелся по сердцу Ксении, что она все же доставала его из ларца — нравилось ей, как блестит в ее золотых волосах разноцветный хвост птицы, как сверкают серьги в ушах. Ох, не потерять бы ни единого камня из украшений!

Лешко скоро нагнал ее, но более не произнес ни слова, и она молчала, погрузившись в свои мысли. Так, в полной тишине и прошел остаток пути. Они въехали в деревню, когда сумерки уже сгустились над землей, опустился зимний вечер, а маленьких окошках мелькали едва видные с улочки огоньки сальных свечей или лучин. Но окна панского дома были темны, а на дворе никого не было видно.

— Вот черти! — выругался на холопов Лешко. Попрытались в тепло домиков на заднем дворе, даже не подумав покараулить возвращение пани хозяйки, чтобы лошадь у той принять. Зато у него появилась возможность помочь Ксении спуститься с Ласки: скользнуть пальцами по ее стану, и дальше по спине, ненадолго, но прижать к своему крепкому телу ее стройную фигурку. А потом разглядел при скудном свете полумесяца на темном небе ссадину на ее щеке, ласково коснулся кончиками пальцев ее нежной холодной от мороза

коже.

— Касенька моя! — прошептал Лешко и, вспомнив, как когда-то горячо целовал ее здесь, на это самом дворе, и она не менее страстно отвечала тогда, склонился к ее губам. Ксения угадала его порыв, отвернула голову, позволяя его рту скользнуть по ее скуле.

— Не надо! — так же прошептала она. Но он не сразу выпустил ее из кольца своих рук, постоял некоторое время прислонившись лбом к ее голове, глядя на ее профиль. Она хмурила брови недовольно — любой, кто выглянет сейчас во двор увидит их объятие, а лишних разговоров Ксении не хотелось. Она и так уже была на языках у многих — стройная всадница на белой лошади с самострелом за спиной и без полотна рантуха на голове, будто следуя новомодным правилам королевского и магнатских дворов.

— Я подожду, — тихо проговорил Лешко. — У меня еще много дней впереди...

Она не стала задерживаться, когда он отпустил ее, подобрала длинные юбки и чуть ли не бегом направилась к крыльцу. Но едва отворила дверь в сени, как замерла, как вкопанная, расслышав какой-то странный звук.

— Лешко? — крикнула Ксения в темноту двора, борясь с желанием пойти взглянуть, что там за углом дома, куда повел лошадей Лешко. Тот откликнулся быстро:

— Скользко, пани Катаржина. Едва не упал я...

И она направилась с легким сердцем дальше, в гридницу, а оттуда не к себе, в комнатку Збыни, судя по всему, которая уложила спать Андруса подле себя, как делала обычно, когда Ксения задерживалась у Эльжбеты — вдруг пани останется на ночлег на то дворе.

Позднее она будет спрашивать себя, отчего ей не показалось все происходящее вокруг странным, отчего не пришли подозрения, а в груди не вспыхнула тревога, как должно быть в такие моменты. Во дворе ни единого холопа, а обычно они, дожидались либо в гриднице, либо в поварне, следя в окошко, чтобы не пропустить приезда пана или пани и принять у тех повода. Темнота и тишина в доме, словно все легли спать, едва сумерки опустились на землю. И «пани Катаржина», как называл ее Лешко, стоя за углом дома с лезвием сабли у горла. Он редко за последние годы называл ее так, а вот нынче называл, словно давая ей знак, умоляя разгадать его намерение и быть осторожной.

Но Ксения этого не поняла, думая только о ссадине на щеке, что горела огнем в этот момент, то ли с мороза, то ли оттого, что кровила до сих пор, а может и от прикосновения пальцев Лешко. Она прошла в комнатку Збыни, поглядела, что спит та уже, накрывшись одеялом чуть ли не с головой.

Андрусь лежал возле нее, у самой стенки, под отдельным одеялком, том самом, что когда приготовила тому Эльжбета на рождение и с которым до сих пор не желал расставаться, несмотря на то, что с трудом уже помещался под ним. Вот и ныне, натянув на плечи одеяло, он обнажил розовые ступни, которые ласково сжала ладонь матери. Теплые... но надо бы носки все же на ножки, подумала Ксения после, поворачиваясь к образам на полке в углу и крестясь. Потом она поправила одеяло на сыне, укрывая его ножки, ласково вороша его волосы, аккуратно, чтобы не разбудить. Она позднее перенесет его к себе, когда смоет с лица грязь и кровь, когда уже будет готова ложиться в постель.

В ее спальне было темно, лампадка у образов еле горела, совсем не давая света, и сердце Ксении сжалось впервые за время, проведенное в пустом доме. Не приведи Господь, погаснет совсем! Дурной знак то, ой, дурной. Надо будет, как Андруса переносить будет, растолкать Збыню да попросить, чтобы масла та добавила. Потом снова опустила глаза с образов к тонкому пламени свечи, что держала в руке, аккуратно, стараясь не погасить

невольню его, поставила свечу на скрыню. После достала из уха дорогую серьгу, внимательно рассмотрела ее, поднеся чуть ли не к пламени. Сальная свеча — не восковая, давала мало света, и Ксении не удалось найти никого изъяна в серьге ныне, отложила в сторону, чтобы проверить ту при свете дня.

Затем решила взглянуть на свою ссадину, до сих пор обжигающую щеку, достала из верхнего ящика скрыни зеркало на длинной ручке. В отражении за ее спиной что-то мелькнуло, и Ксения резко обернулась к постели. Зеркало выпало из ее ослабевшей ладони, с глухим стуком ударилось о деревянный пол, но она даже не взглянула на него, не в силах оторвать взгляда от темных глаз, что смотрели на нее в упор.

— Здрава будь, — сказал на ее родном наречии Владислав. А потом добавил тихо, с явным нажимом. — Моя драга...

Световой день невыносимо медленно клонился к концу с тех пор, как он оказался в этой спальне. Так медленно, что он уже успел досконально изучить каждую деталь этой небольшой комнатки — небогатую обстановку, образа на полке в углу за еле горящей лампадкой, небрежно брошенное на постель платье из темно-синего сукна, разные женские мелочи на поверхности скрыни — деревянный гребень, маленькую шкатулку из меди, украшенную сканью, лента для волос.

Он аккуратно трогал пальцами каждую из этих вещей, словно надеясь уловить кончиками тепло ее пальцев, которое должны хранить ее вещи. Но нет — они были холодны и безлики, как те, что он когда-то уничтожил в комнате замка. И ни малейшего намека на личность той, которой они принадлежали. За исключением разве что маленького образа Богородицы, стоявшего среди прочих на полке, такого знакомого ему, немого свидетеля истинности того, что несколько дней назад разбило его мир на осколки.

Два дня, а ему казалось, что прошла целая вечность. Так и тогда, когда вез ее тело в свои земли, чтобы придать его земле. Те дни ему тоже казались бесконечными, ведь горе и боль, захлестнувшие его тогда, вырвали его из земной жизни на время, остановили его сердце, как прекратило биение ее. Хотя нет, только его сердце потеряло свою способность биться как раньше, ведь та, о ком он думал ныне, жива и здравствует. Именно эта весть так неожиданно обрушилась на его голову два дня назад.

Нет, потер веки Владислав, борясь с усталостью, которая навалилась на него, едва он присел на край постели в этой небольшой спальне, преодолев расстояние разделявшее Заслав и вотчину Ежи менее чем за два дня вместо трех. Его мир уже дал трещину еще раньше, в день, когда он узнал, что даже самый преданный и самый близкий человек может нанести смертельный удар в спину, пусть и из благих побуждений. Боль от удара одинаково разрушающая, из каких побуждений ее не нанеси.

В тот вечер Владислав сидел в библиотеке с дядей, удалившись от посторонних глаз и ушей в эту обитель книг и рукописей в толстых переплетах. Бискуп был проездом в Заславе, торопясь вернуться в свой епископат до наступления праздника Рождества Христова, но не навестить Владислава не мог, специально завернул в земли племянника, пусть это и увеличило ему обратный путь на треть, зная, как невыносимо быть тому в этот первый Адвент после смерти супруги и дочери.

Они оба молчали тогда, только пили из высоких бокалов подогретое вино со специями и смотрели в ярко-горящий камин, каждый думая при этом о своем. А потом вдруг бискуп заговорил об украшениях Замка в Рождестве, и в комнату незаметно вплыл призрак прошлого, ведь это именно та, что ушла от них более пяти лет назад, приложила к тому руку. И нельзя было не вспомнить о ней, бросая мимолетный взгляд на еловые гирлянды, перевитые широкими лентами и украшенные цветами из ткани.

— Мне жаль, что так случилось, — бискуп ничуть не лукавил, говоря о том. Он действительно жалел, что пришлось приложить руку к тому действию, что развернулось несколько лет назад в корчме старого жида по пути в Слущкие земли. Errare humanum est {1}, и он боялся ныне, что и его не миновала эта участь. — Она была яркой звездой среди остальных, эта панна.

— Ее нет более, дядя. К чему ворошить прошлое? Nunc erat in fatiis {2}, и доле не будем о

том! — отрезал Владислав, переводя взгляд в багровую глубину в своем бокале. В голове его слегка шумело от выпитого, а сердце отчего-то ныло в груди. Быть может, тому виной была непогода, что с шумом бросала в окна пригоршни снега, пытаясь изо всех сил прорваться внутрь, заворошить огонь в камине, заморозить сидящих в комнате.

А может, из-за долгого отсутствия Тадеуша, видеть которого подле Владислав настолько привык за эти годы, что сейчас не находил себе места. Уже столько времени прошло, вон уже и Адвент медленно подходит к концу, а того все нет в Замке. Не страшно бы чего, подумал Владислав отчего-то вспоминая ту стрелу с совиными перьями на хвосте. И Рождество совсем не праздник будет без шуток и смеха Тадеуша, и ныне он бы нашел способ развеять тоску, что так внезапно охватила Владислава. Надо будет ехать после Святков в земли Бравицкого леса, решил Владислав, он не успокоится, пока не выяснит, куда запропастился Добженский. И видит Бог, горе тому, у кого он найдет даже маленький след от пана Тадеуша, коли тот не отыщется живым и здоровым!

Внезапно дверь в библиотеку распахнулась, громко ударившись о стену, и Владислав резко поднялся с места и расслабил плечи, только когда заметил сверкнувшую в отблесках огня выбритую голову и седые длинные усы. Ежи стоял в проеме двери, широко расставив ноги и выпрямив спину, но Владислав сразу же определил, что тот пьян по той неестественности, с которой тот высоко держал голову. Чересчур высоко для обычного своего поведения.

— Сынку, говорить с тобой хочу, — проговорил Ежи и, качнувшись, ухватившись за виреи, чтобы удержаться на ногах, шагнул в библиотеку. Предельно аккуратно затворил за собой дверь. А потом развернулся к Владиславу, щуря близорукие глаза, стал вглядываться в него, скрытого от его взгляда тенью, ведь тот стоял спиной в огню камина. Бискупа, что сидел молча, наблюдая за всполохами огня, Ежи не заметил за силуэтом ордината.

— Быть может, переговорим следующим вечером, Ежи? — предложил Владислав, морщась недовольно. Ему не нравились люди под хмелем, когда он сам бывал трезв при этом. А особенно не любил он беседы, на которые неизменно все тянуло тех со всякой лишней выпитой кружкой или чаркой. А старый шляхтич в последнее время пил чуть ли не каждый Божий день, позабыв, что время Адвента на дворе. Пил до тех пор, пока не сваливался под стол, и тогда его перетаскивали на руках в спальню холопы, с трудом отрывая от пола.

— Нет! — взревел Ежи и качнулся назад, но сумел выправить равновесие, удержался на ногах. — Не могу я боле. Не могу! В глаза тебе, сынку, смотреть не могу боле... и ее глаза... так и вижу перед собой... Виноват я! — он вдруг со всего размаху бухнулся на колени, и Владислав с трудом удержал себя от того, чтобы не броситься к нему, не поднять того с пола.

Раньше он бы так и поступил, но в последнее время между ним и усатым дядькой поселилась какая-то скрытая настороженность. словно каждый ждал от другого какого-то подвоха. Владислав не мог забыть, как побледнел тогда Ежи на охоте, увидев маленькую стрелу, как открыто лгал в глаза, а потом поспешил уехать из Лисьего Отвора. Правда, уехал он к себе в вотчину, будто пережидая что-то, а не к стрелку направился, дабы предупредить того. Но все-таки! И Добженский исчез вдруг именно в землях окрест Бравицкого леса, а именно там и двор Ежи...

— Виноват я перед тобой, сынку, и перед ней виноват, перед панночкой виноват! — меж тем каялся пьяным голосом Ежи, то и дело стуча себя в грудь кулаком. Позади

Владислава, с шумом отодвинув кресло, поднялся на ноги епископ.

— Ежи, иди спать, — Владислав подошел к старику и попытался поднять того на ноги, но тот не давался, а только схватил его за ладони, удержал возле себя, взглянув мимо Владислава на епископа, замершего на месте.

— А! И ты тут, пан бискуп! Что ж, то даже добже! — рассмеялся Ежи зло. — Не достати пану бискупу панны, не достать!

— Sile {3}, пан Смирец! — вдруг произнес епископ устало, качая головой, словно не веря тому, что слышит. Старый дурень сам себе роет могилу, поддавшись уговорам пьяной совести! — В тебе говорит вино, а не разум.

— Ну нет! — снова рассмеялся Ежи, стукнув кулаком по полу. — Я молчать боле не намерен. Доле с меня! Доле тайн и недоговорок!

Владислав вдруг вырвал ладонь из руки Ежи, за которую тот пытался удержать его подле себя, отошел в сторону пристально наблюдая за тем, что разворачивалось ныне у него на глазах. Плечи Ежи вмиг опустились, он устало сел на пол, схватился за голову, стал раскачиваться из стороны в сторону. Епископ же снова опустился в кресло, невозмутимый и хладнокровный, с любопытством смотрел на усатого шляхтича.

— Нет сил хранить в себе эту тайну от тебя, сынку... И на исповеди я молчал уж столько лет... — с трудом разбирал Владислав из быстрой речи Ежи. Тот торопился проглатывать слова, словно боялся не успеть сказать то, что должен, что желал сказать, прежде чем дрема, уже протянувшая к нему свои руки, заключит его в свои объятия. — Сказать тебе... как на духу...

— Пан Тадеуш мертв, ведь так, Ежи? — холодно произнес Владислав, перебивая пьяного, и тот вдруг смолк, уставился на него, с трудом сфокусировав взгляд. — Он узнал то, что ему не должно было знать, и ныне мертв. Кто убил его?

— Я, — вдруг совершенно трезвым голосом ответил Ежи после долгого молчания, что установилось в библиотеке. — Я убил. А тело в топи, что у Бравицкого леса, сбросил. И панна... Ксения, Владусь...

Владислав вдруг сорвался с места, в миг пересек расстояние, что разделяло их, схватил Ежи за грудки. «...Коли это не я, кто тогда ее убил? Я не могу понять, кто это сделал, кто помешал... Ее ведь убили. Убили, Владек! Чую я то», — сказал перед смертью Юзеф, словно пророчество оставлял для брата. И вот его слова подтверждались. Кому было с руки убить Ксению, как не тому, кто подле нее был всегда и даже в ту злополучную ночь? Кому было выгодно устранить ту, что невольно столько хлопот и трудностей доставила своим появлением в жизни Владислава? Кто так уговаривал его оставить панну в Московии в монастыре?

— Скажи, что не ты! — он встряхнул старого шляхтича с силой. — Скажи, что не ты!

— Я, Владусь...

И тогда он ударил того по лицу, размахнувшись, чувствуя, как хрустнуло что-то под его кулаком, а потом еще раз и еще раз, пока его руку не оставила крепкая ладонь дяди.

— Стой! Стой, Владек! — крикнул ему епископ, с ужасом и сочувствием глядя на окровавленное лицо Ежи. — Пан Смирец сам не ведает, что говорит. Ты же знаешь, от такого количества хмеля что угодно скажешь, даже наговорив на себя. Sapientia vino obumbratur {4}. Оставь то до следующего дня. Свет дня рассеет темноту ночи, так и истина выступит из тьмы.

— Так пусть подождет этого света в темноте каморы, — процедил Владислав, а потом

резко прошел до двери и, распахнув ту, крикнул в коридор, призывая к себе ратников. Те не сразу сообразили, что именно пана Смирца, что лежал без сознания на ковре, надо унести вниз, в подвал под башню брамы, где обычно держали узников, и эта их нерешительность только распалила гнев Владислава. Он еще долго ходил по библиотеке из угла в угол, словно дикий зверь в клетке, а потом с криком вдруг сгреб с одной из полок книги на пол, перевернул стул, что попался под руку и замер, опершись лбом об одну из полок.

О Господи! Хотелось кричать в голос от боли, что снова распирала душу, мешала дышать. Неужто ему суждено до конца своих дней терять тех, кто ему близок? Терять не только из-за черной старухи с косой, но из-за холода предательства, из-за этой язвы...

— Ты знаешь, так скажи мне! — вдруг обратился к епископу Владислав, и тот вздрогнул, несмотря на жар, что шел от огня в камине, таким холодом вдруг повеяло от его голоса. Холодом темницы, могильным холодом... — Не молчи. Я видел, как тебя едва удар не хватил, когда... заговорил Ежи. Ты знаешь про то, ведь так?

— Давно, — тихо сказал бискуп, смело встречая взгляд Владислава и прося мысленно прощения у пана Смирца, который сам похоронил себя ныне. — Давно знаю то.

И рассказал племяннику подлинную историю о том, как четыре года назад, аккуратно под Рождество, ему посоветовали взять к себе в службу немого и глухого холопа, что пришел в францисканский монастырь в Пинске. Немой и глухой слуга — дорогого стоит в наше время, но тот, кто доверяет им, должен быть осторожен — даже без языка можно поведать чужие тайны. Так и этот холоп, что мечтал замолить свой грех и для того и пришел за монастырские стены, рассказал историю так схожую с тем, что уже знал епископ Сикстус. Случилось этому немому когда-то придушить деву златокудрую в корчме своего хозяина, старого бездетного жида, по приказу пана одного, а потом спалить и саму корчму, и тело этой девы, чтобы все следы уничтожить, чтобы никто не узнал о том.

— Этот грех, в котором так горячо каялся холоп, был так схож с тем, что я слышал от тебя, Владек, и я невольно насторожился, — произнес в конце своей речи бискуп. — Но не суди Ежи ранее времени. Я убежден, что это только сходство, не более того. А Ежи... в нем говорит хмель, не он сам речи ведет. Сам ведаешь, до чего можно допить, коли пьешь так. Грешен он в том, но не думаю я, что на нем грех того убийства есть. С утра другое скажет тебе. Владусь, не отводи взора, вспомни, что он как отец тебе был столько лет! Вспомни, сколько ты должен ему! Сколько раз он помогал тебе, вспомни.

— Где тот холоп? Пусть привезут его сюда, — распорядился Владислав, словно не слыша своего дяди. — Напиши, пусть привезут его. Тогда и знать будем верно, Ежи ли ему приказал то или нет.

— То невозможно, Владек, — покачал головой бискуп. — Год назад послал Господь тому муки — боли нестерпимые от дна болезни {5}, тот и скончался вскоре в приступе. Теперь держит ответ за грехи свои перед Господом.

Епископ тщетно пытался прочитывать хоть что-нибудь по лицу своего племянника, хотя бы скрытый намек на то, верит ли тот в невиновность Ежи или нет. А ведь от того многое зависит, разве нет? Вот старый дурень! Дернул его сам дьявол за язык. Ведь все уже забылось, столько лет прошло, так нет же! Грехи его душу тянут, прошлое покоя не дает...

— А что там с Добженским? — вдруг вспомнил епископ, потирая озябшие ладони друг о друга, и пожалел о том, когда Владислав вдруг поднялся резко с кресла напротив и вышел вон из библиотеки, направляясь на крепостную стену, где некогда так любила бывать Ксения. Ветер ударил в лицо белой россыпью маленьких колючих снежинок, разворошил

волосы, стал играть полами жупана.

Неужто Ежи убил Тадеуша? Неужто верно то? И как рука поднялась, ведь Добженский был знаком тому еще с малолетства последнего, верный товарищ в играх и забавах сына ордината. И именно Ежи был им соратником в их развлечениях, именно Ежи был подле Владислава и его товарища, наблюдая, как те мужают. После, правда, их пути разошлись — Добженский уехал в столицу удачи своей искать наперекор воле отца, а Владислав собрал свою хоругвь да ходил в походы, испытывая судьбу. И со стороны казалось, что Ежи недолюбливает молодого Добженского, ведь тот всегда подтрунивал над ним, но этот обмен усмешками был незлобным вовсе. Владислав улыбнулся грустно, вспомнив последний.

— Пан Смирец так задумчив в последнее время, — шутил Добженский. — Видно, думь пана о деве какой, не иначе! Может, пан под венец собрался?

— Может, и собрался, а тебе что за дело до того? — добродушно огрызался, хмуря деланно, лоб Ежи. — Или думаешь, никому старый пес не нужен? Пока еще могу и лаять и кое-что еще чего, да похлеще любого молодого панича. Старый конь борозды не портит! Есть кому ждать меня в землях тех, есть кого под венец вести, не то, что тебе, щенок молодой, — и хохотали тут же вместе над этим обменом любезностями, а Ежи хлопал по плечу Добженского с силой, заставляя охнуть.

Нет, тряхнул головой Владислав, никогда он не поверит, что поднялась рука Ежи, чтобы оборвать жизнь Добженского. Не может того быть. Значит, и то, что он подумал, та страшная догадка, что вдруг мелькнула в голове, неверна. Он на миг прикрыл глаза, чтобы вспомнить, как вел себя в ту страшную ночь Ежи, впервые вызволяя из глубин памяти это воспоминание.

Запах дыма, неприятно оседающий в горле. Громкий треск огня, пожирающего свою добычу. Тихий вой служанки, что стоит на коленях на снегу. Виноватые глаза Ежи. Маленькая фигурка в бархатном платье. Золотые пряди волос на утоптанном снежном полотне.

А потом, словно вырываясь из-за неплотно затворенной двери, одно за одним стали приходить воспоминания. Ее глаза, широко распахнутые, цветом в тон ленте шелковой на ее неприкрытых по-девичьи волосах, когда он впервые поцеловал ее, стоя в каморе на дворе ее отца. Невинный девичий поцелуй, что навсегда запечатал в его сердце ее облик. Ее злость и сопротивление, когда они повстречались во второй раз в землях Московии. Тепло ее тела и мягкость кожи и жар от натопленной печи в бане под стать тому жару, что терзал тогда его тело. Ее руки, когда она прощалась с ним тогда, на берегу реки, отпуская от себя, освобождая от участи, что приготовил ему Северский.

А после пришли воспоминания о той, другой, что она стала в этих землях. Тонкий стан, обтянутый богатыми тканями платьев. Золото волос, к которым так и хотелось прикоснуться, ведь только за пределами Московии он увидел всю ее красу, скрытую от него московитским нарядом. Ее смех и неприкрытую радость, когда она шла в танце. Ее такую удивительную одухотворенность, когда она стояла на коленях перед образами. Ее страсть, которую она дарила ему, когда была в его объятиях. Ее нежность, ее любовь...

Но вместо дивного аромата ее волос, который Владислав ныне силился вспомнить, возник лишь запах дыма, а вместо звука ее голоса — треск огня. Маленькая фигурка в алом бархатном платье на белом снегу, золотые пряди волос. И глаза цвета неба, что никогда не взглянут на него...

Владислав на рассвете спустился в темницу под брамой, не сумев ждать долее, приказал

вылить на спящего на соломе в углу каморы Ежи ведро ледяной воды, приводя того в чувство. Ежи еще не протрезвел тогда, долго не мог сообразить, где он находится, и отчего на нем мокрый жупан. И тут же, не давая ему очухаться, Владислав стал говорить:

— Недурно придумано, пан Смирец, — Ежи вздрогнул при этом обращении и взглянул единственным зрячим глазом на Владислава, стоявшего напротив него, скрестив руки. Второй его глаз уже заплыл, набухшее веко полностью закрыло его. Губы были разбиты в кровь, как и левая бровь. Нещадно болела голова, мешая думать. Он как ни силился не мог вспомнить, что такого могло случиться прошлой ночью, что он оказался в каморе. — Недурно придумано с пожаром в корчме.

Сердце Ежи больно кольнуло в груди, как бывало обычно, когда он был взволнован. Что? Откуда Владислав знает о том? Неужто он сам пошел и открылся ему? А потом окаменел, услышав последующие слова ордината.

— Я разочарован, пан Смирец. Оставить такого свидетеля, который непременно будет каяться в своем грехе смертоубийства. Тот холоп... Он ведь не убивал ранее, верно? Оттого и мучился, что впервые жизнь отнял. А может, его тяготило, что бабу придушил, как думаешь? Вот и рассказал о том, что случилось....

— Он не мог рассказать, — растерянно покачал головой Ежи, невольно озвучивая то, что пришло в раскалывавшуюся от похмелья голову. — Без языка-то...

И только, когда Владислав вдруг сорвался с места и буквально выскочил вон из темницы, сообразил, что невольно сам же и проговорился. Весь день он напрасно пытался убедить ратников, стоявших у двери каморы, позвать к нему пана ордината, но те всякий раз отвечали ему отказом. После обедни в камору спустился епископ, который осыпал Ежи тихими упреками за то, что тот устроил прошлым вечером.

— Я тщетно пытаюсь убедить Владислава в твоей невинности, но ты сам вырыл себе эту яму, — качал головой бискуп. — Хорошо, что этот немой мертв, не укажет на тебя. Не говори боле ни слова, слышишь, пан Смирец? А про то, что с языка слетело, скажи, что дьявол с хмеля язык водил, не ты сам. Иначе сгинеешь, слышишь! Vincula da linguae vel tibi vincla dabit (6)!

— Мне нужно переговорить с Владеком, — упрямо стоял на своем Ежи.

— Ты уже наговорился, пан, с ним. Да и не пойдет он. Зол, как черт. Все порывается к тебе спуститься да пани Барбара, послушная слову моему, ведает, как его удержать от того, — бискуп поежился от холода, идущего от этих темных стен, спрятал руки в рукавах сутаны от легкого мороза.

— За свою шкуру трясешься, пан бискуп? — усмехнулся Ежи и тут же скривился от боли. — Не бойся, я ни слова не скажу Владеку о тебе.

— Дурень ты старый, пан Смирец! Дурень и пьяница! — огрызнулся епископ. — Мне-то ничего Владислав не сделает, удалит от себя, будет своей ненавистью раны наносить. Я под защитой Церкви святой как никак. А ты же... Вот и пытаюсь, как могу тебя вызволить из той ямы, куда ты сам себя поместил. Меньше пей, пан Смирец, толку боле будет! — а потом спросил, понижая голос, чтобы не слышали ратники за дверью. — Это верно, что ты пана Добженского погубил? Requiescat in pace! — перекрестился епископ, когда Ежи хмуро кивнул. — Зачем? Зачем?! И о том молчи! Ни слова! Слышишь? Не будет обвинения — не будет вины...

Обвинения в убийствах, в которых подозревал Владислав старого шляхтича, были сняты в тот же вечер. Но не епископу удалось это, как ни пытался тот убедить племянника,

вызывая в том лишь глухую злость, а самому пану Добженскому, который собственной персоной вдруг ступил в залу, где ужинал ординат. Владислав даже поднялся в удивлении со своего места за столом, когда заметил Тадеуша, шедшего через всю залу с таким безмятежным видом, словно он отсутствовал не месяц, а только вчера расстался с Заславским.

— *Salve {7}*, пан ординат! — поклонился Добженский удивленному Владиславу. — Пан позволит занять место подле него за столом? Я чертовски голоден! Прошу прощения за эти слова у пана бискупа, — он поклонился легко епископу, что так же растерянно глядел на него.

— Где пан Смирец? — спросил Добженский, склоняясь ближе к Владиславу, чтобы ни одно слово не было услышано посторонними ушами, жадно поглощая поданного ему жаренного карпа под хмурым взглядом ордината. — Не вижу его за столом. Снова сбила с ног чарка водки?

— Он в каморе, — коротко ответил Владислав, подмечая бледность Добженского, его странную болезненную худобу, вспоминая, как тот поморщился при объятии. — Признался, что убил тебя.

Добженский кивнул, потом вытер руки о скатерть и полез за ворот жупана, протянул Владиславу обломанную стрелу с совиным опереньем.

— Не он то был. Вот память мне. В спину прилетела, — сказал Тадеуш, поворачиваясь к Владиславу и глядя ему прямо в глаза. Он колебался, не зная, стоит ли ему рассказывать то, что он узнал, а потом решил, вспомнив, как дрожала стрела в стволе сосны между пальцев Владислава. — Едва не убила меня. Только одно ребро царапнула. Пробей между — я бы тут уже не сидел. Я в Лисьем Отворе отлеживался скрытно от всех, а знать не давал, потому как могли довершить то, что начали, и тогда прощай, пан Добженский, несмотря на все его расположение и преданную любовь! — а потом улыбка ушла с его губ, вмиг посерьезнели глаза. — Я видел ее, Владислав. Как тебя за руку держал, как твой голос слышал ее. Она жива.

— Ты о ком? — глухо спросил Владислав, хотя знал, уже знал ответ на свой вопрос, ведь сердце тихо шепнуло это имя вдруг вопреки возражениям разума. Длинные пальцы сжали подлокотник кресла. Темные глаза сверкнули плохо скрытой надеждой.

— Панна Ксения, Владусь, — прошептал Добженский. — Она жива. На дворе Ежи хозяйкой живет, хлопы его в подчинении ходят у нее. Шляхта окрестная в уважении держит. Увез он ее тогда да у себя на дворе скрыл от всех.

— Говори! — глухо прошипел Владислав, видя, как тот явно не договаривает, что-то хочет скрыть от него. Добженский отвел в сторону взгляд, словно разглядывая шляхту, что сидела за столами перед ним, лица и платья, не в силах смотреть на Владислава.

— Она славится по всей округе как искусный стрелок. Это ее стрела, из самострела, что сделан под ее руку. Маленькая, с перьями совы. Это она стреляла в тебя тогда, а ушла от нас с чужой помощью, — Тадеуш замялся, но чувствуя на себе тяжелый взгляд Владислава, продолжил. — Когда Ежи уезжает со двора, к панне другой шляхтич приезжает, люди говорят. Он ее тень. Знатный охотник. Его волколаком кличут в тех местах за вид его, за нелюдимый нрав, за шкуру волчьей на его плечах. Говорят, он за панну глотку любому перегрызет. Я видел его...их... Это все. Боле мне разведать не удалось.

Небольшой отряд во главе с Владиславом покинул Заслав в тот же вечер и взял направление в сторону земель пана Смирца. Добженский не остался в замке, как ни

уговаривал того Владислав, видя, что здоровье того еще не достаточно восстановилось для столь длительной скачки без перерывов, сказал, что никто не отберет у него возможности поглядеть на то, как встретят ордината на дворе Ежи. Но Владислав подозревал, что это ложь. Тадеуш все еще думает о той, кто едва не отправила его на тот свет, все еще беспокоится о ее судьбе, потому и скакал молча, стиснув зубы от боли, что отдавалась в теле. Пусть мучается тогда, гнал от себя жалость к Добженскому Владислав, пусть мучается, если готов рискнуть своим здоровьем ради этих лживых глаз!

— Я прошу тебя, давай поедem на свежую голову, — убеждал тогда на замковом дворе Добженский Владислава. — Пусть уляжется гнев, наихудший советчик. Переговори с Ежи. Узнай причины. Кто ведает, отчего они пошли на то.

— Нет! — буквально шипел от ярости Владислав. — Пусть сама скажет мне то, глядя в глаза. Не Ежи, а она, клявшаяся... Пусть сама! И будет лучше, если эти причины действительно были, иначе они оба пожалеют! И она... она пожалеет, что не сгинула тогда в том пожарище!

Все два дня, что отряд провел в пути, настроения Владислава менялись с бешеной скоростью. То он убеждал себя, что Ксения не заслуживает даже малейшей толики понимания, как и Ежи, которого он оставил в подвале под брамой, что она лживая дрянь, без сожаления оставившая его, так жестоко предавшая, так больно ударившая прямо в сердце. То говорил себе, что ее увезли в вотчину силой, заставили отказаться от него, и сразу же понимал, что заблуждается, стремясь оправдать ее. То просто гнал коня, чтобы поскорее убедиться, что все происходящее не сон, а явь, что та пани, что живет в вотчине Ежи, именно Ксения, а не другая, схожая лицом и станом. О, не переживет этого разочарования!

Жаль, но судьба, казалось, решила отдалить эту встречу. Когда они в сумерках прибыли, пани в вотчине не было по словам хлопов, уехала к соседке. Те почти безропотно позволили себя связать и запереть в постройках на заднем дворе, перепугавшись угроз и острых сабель панов, что неожиданно свалились как снег на голову. Только полная холопка, что подбрасывала дрова в печь, заверещала, стала бросать в пахоликов толстые поленья, попав одному из них в голову. Но ее быстро скрутили, связали, как и остальных, уложили в комнатку, судя по обстановке, холопскую, где уже спал крепким сном белокурый мальчик, так и не пробудившийся от этого шума.

— Положите ее подле сына, — распорядился Владислав, узнав о том, кого так отчаянно пыталась защитить холопка. — Только рот завяжите, чтоб ни слова ни могла сказать.

А потом шагнул сюда, в эту спаленку, явно женскую, стал терпеливо ждать ее приезда, ведь один из холопов божился, что пани непременно вернется нынче же, не останется у соседей. Он не мог найти себе места в этой небольшой комнате, ходил из угла в угол, поглядывая в слюдяное оконце, задерживаясь у какой-нибудь вещи — то у скрини с лежащими на ней мелочами, то у образов, лики с которых наблюдали с сочувствием за его волнением, тревогой, страхом и болью.

Если это будет не она, это разобьет его надежды, думал Владислав. Если это будет она... это разобьет его сердце...

Наконец, когда уже совсем стемнело в комнате, послышался стук копыт по утопанному снегу, и на двор въехали двое. Он тут же метнулся к оконцу, чтобы получше разглядеть ту, о которой столько думал за последние несколько дней, но, увы, черты лица были неразличимы через слюдяные вставки. Только силуэты. Он сжал пальцы в кулак так сильно, что побелели костяшки. Двое стояли так близко друг к другу, склонилась мужская голова к женской.

«..Когда Ежи уезжает со двора, к панне другой шляхтич приезжает, люди говорят. Он ее тень...Говорят, он за панну глотку любому перегрызет...»

Он убьет его. Красная пелена застила глаза. Пусть зайдет в дом вслед за ней, пусть ступит в эту спальню, где он явно частый гость. Ведь именно его рубаху отыскал в постели Владислав. Он трогал подушку, что должна была хранить аромат ее волос, и нашел этот сверток, едва не задохнувшись от ярости при виде находки. Рубаха была явно мужская и не по размеру Ежи. Знать, другой вхож сюда. Другой ласкает тело, которое когда-то ласкал Владислав, другой целует эти губы.

Да, он тоже жил не монахом все эти годы. Но только она изменяла при этом тому прошлому, что соединяло их некогда. Ведь она знала, что он жив, она не теряла его...

Владислав прислушивался, как стукнула дверь в сених, к женскому голосу, что-то спросившему у своего спутника, которого уже верно приняли в свои руки его пахолики. Иди, иди сюда, шептали беззвучно его губы. Но она двинулась по гриднице в другую сторону, в комнатку холопки, и он напрягся в ожидании крика. Нет, крика не последовало. Она немного побыла у холопки, словно проверяя сон той, а потом двинулась к спальне. Все ближе и ближе... Он даже дышать перестал, ожидая, когда она появится на пороге.

Это была Ксения. Последние сомнения ушли, оставив только обжигающую ярость и горечь во рту. От напряжения в пальцах, сжатых в кулак, свело руку, и это немного отрезвило его, вернуло на грешную землю.

Она же не замечала его, что-то рассматривала при скудном свете свечи, повернувшись к нему спиной, и он медленно и бесшумно двинулся к ней, с трудом обуздывая свой порыв накинуться на нее, схватить и развернуть к себе лицом, чтобы взглянуть в эти лживые глаза, чтобы насладиться сполна ее страхом.

У Владислава едва не остановилось сердце, когда она заправила за ухо прядь волос, таким знакомым до боли жестом. Аромат цветов, настоями из которых Ксения обычно ополаскивала волосы, закружил голову. Руки затряслись от желания коснуться ее. Он уже почти вплотную подошел к ней, а она все еще была в неведении, что он тут, так близко к ней. До тех пор, пока не взяла в руки зеркало. Пока не заметила его в глубине отражения и не обернулась испуганно.

Deus! Он уже забыл, как прекрасно ее лицо. Совсем забыл. И эти глаза, эти дивные голубые глаза, словно в омут затягивающие его в свою глубину. Так красива и так лжива. Species decipit {8}, гласит известная истина. Теперь он знает, что это действительно так.

— Здрава будь, — произнес Владислав, чтобы по глазам прочитать, понимает ли она другой говор, все еще сомневаясь в реальности того, что видел. Увидел, как перехватило у нее дыхание, и добавил жестко. — Моя драга!

Ее глаза странно блестели в свете свечи, а губы приоткрылись, словно она хотела что-то произнести. Сердца обоих колотились бешено, разгоняя кровь по жилам. Она тихо ахнула и робко коснулась кончиками пальцев его щек, чернеющих от едва наметившейся щетины. Как только ощутила теплую кожу, убедилась, что это вовсе не морок, не сон, в котором Владислав также приходил к ней неожиданно в эту спаленку, стала смелее — пальцы коснулись скул, легко провели вниз до подбородка, потом снова вернулись вверх, взяли в плен его лицо.

Владислав без труда ощущал ту легкую дрожь, что сейчас била Ксению от волнения, и оно, казалось, передалось ему через кончики ее пальцев, нежно глядящих его кожу. А когда она тихо произнесла шепотом: «Владек», как умела только она — нараспев, мелодично, он с

трудом сдержался, чтобы не упасть на колени перед ней, обхватить ее руками, ощутить, что она из плоти и крови, а не из легкой дымки сна. Но другого порыва сердца сдержать не сумел — повернул голову и коснулся губами нежной кожи ее ладони, едва теплой, только-только отогревающейся от мороза, что стоял в эти дни за окном.

Она легко улыбнулась, чувствуя, как поднимается откуда-то изнутри волна ослепляющего счастья, захватывая ее с головой. Он здесь! Он приехал за ней! Он здесь! Знать, Ежи все же набрался душевных сил и открыл ему правду.

Ксения хотела спросить так ли это, но едва она произнесла имя пана Смирца, как то очарование, то тепло, что было в этой спальне в миг их встречи, исчезло. Лицо Владислава стало холодным, а глаза колючими. Снова перед ней был тот самый Владислав, которого она так боялась ранее, тот самый, что она видела недавно в Бравицком лесу. Он поднял руки и резко отстранил ее ладони от своего лица, а после отошел в сторону, присел на край постели, в тень, куда с трудом доходило свет от тонкого пламени свечи. И холодом повеяло на Ксению в тот же миг, словно ее выставили из теплой gridницы на жгучий мороз в одной рубахе. А в душе стал разгораться огонек страха перед мужчиной, что сейчас пристально смотрел на нее.

— Что с Ежи? Где он? — резко спросила Ксения, пытаясь подавить этот страх и за себя, и за Ежи, судьба которого ей неизвестна ныне. Раз не Ежи поведал Владиславу о ее нахождении, то... Она обхватила себя руками, успокаивая себя.

— Ежи в каморе, — глухо и резко ответил Владислав. Будто ударил своим голосом. — Там, где и место вору, разве не так, моя драга? Я что-то запомнил, какое наказание в Московии для вора, не скажешь?

— Секут кнутами, если татьба впервые совершена, — прошептала Ксения. Ноги стали безвольными, и она прислонилась спиной к стене подле скрини.

В ее волосах тускло блеснуло что-то при этом движении, и пальцы Владислава помимо воли снова сложились в кулак. Он заметил этот гребень в основании одной из кос, что спускались на ее плечи, еще когда она что-то рассматривала при свете свечи. В голове тогда отчетливо прозвучал резкий, слегка визгливый от досады голос Ефрожины: «...Разве краса и юность станет целовать старика? Хотя пан верно приобрел их — за такие камни и старика ласкать не зазорно!», а перед глазами стоял гарнитур, что Ежи приобрел в тот день у ювелира, гребень из которого, сейчас сверкал в золотистых прядях Ксении. Нет, не может быть того! А потом вспомнилась мужская рубаха под ее подушкой, в ее постели...

— Я думал, отрубает руку, — проговорил, усмехаясь, Владислав. — Жаль, не ведал того ранее. Наказал бы тогда кнутом по московскому обычаю.

От этих ужасающих слов у Ксении даже голова пошла кругом, к горлу подступила тошнота. О Святый Боже! Неужто Владислав именно так наказал Ежи? Неужто руку ему отрубил...?

— За что? За что...? — прошептала она едва слышно, но он услышал ее.

— За воровство, моя драга. За то, что украли на пару самое ценное, что было у меня, — он резко поднялся с места и в одно движение встал напротив нее, уперся ладонью в стену чуть повыше ее золотистой макушки. — Вы мою жизнь украли. Мою душу вынули из тела своим лицедейством. Неужто не видишь? Нет у меня души. Я схоронил ее в тот день, когда плакал в храме схизмы над холопкой безвестной.

Он вспомнил тот день, и сердце снова сжалось от боли. Что делала она в тот миг, когда он стоял над гробом той девицы, которую уморили дабы разыграть его? Думала ли о нем? О

том, как умирает его душа, вытекает из тела с каждой редкой слезой, что уронил тогда под напевные патеры попа? В душе заплескалась ярость, обжигающая, ослепляющая. Захотелось разгромить эту комнату, в которой она жила без него, дышала без него и любила не его. Или выбежать прочь из дома, погнать валаха по заснеженному полю и крикнуть громко в черноту ночи, выплескивая из себя всю ту боль и горечь, что терзали его.

Его предали человек, которого он почитал и любил иногда даже больше, чем собственного отца. Его предала она, ради которой он совершил бы невозможное. Ради которой он был готов сражаться со всем миром, лишь бы она была рядом. И ему неважно, по каким причинам она так поступила, чего хотела добиться. Она это сделала, словно через сердце его перешагнула и пошла далее...

Владислав вдруг размахнулся и ударил, выпуская свой гнев, но не ее, как невольно подумала Ксения, успевшая заметить кулак, занесенный над головой. В стену. Со всего маху. Даже не поморщившись, разбивая костяшки в кровь. А потом вдруг обхватил ее затылок своей широкой ладонью, прижался губами к ее губам в жестком, злом поцелуе. Другая рука крепко обхватила ее стан, мешая движениям, колено прижало ее юбки к стене.

Словно и не было этих лет, не было стольких дней порознь. Не было расстояний и других рук и губ, мысли о которых так больно жгли обидой и злой ревностью. Не было никакой горечи и никакой ярости. Только эти губы, дарящие сладость, от которой у Ксении вмиг пошла голова кругом. Только тяжесть его ладони на ее груди, прикосновение которой заставило ее выгнуться навстречу этой ласке. В теле разгорался тот самый, хорошо знакомый ей огонь, который только этот мужчина мог погасить, с каждой минутой распаляясь все жарче и жарче.

Ксения протестующе застонала, когда Владислав отстранился от ее губ, и он улыбнулся, взглянул в ее глаза, подернутые дымкой желания. Стал резкими движениями развязывать шнуровку на ее груди, целуя в шею, заставляя ее выгибаться навстречу его губам. Она запустила пальцы в его волосы, едва ли не мурлыча, как кошка, от того, что испытывала ныне. Как бы Владислав не злился на нее, как бы не пугал своими речами и грозным видом, она видела ясно, что в его сердце еще живет любовь к ней. Он поднял ее юбки, скользя ладонью вверх по обнаженной коже ноги, и она резко втянула воздух в себя под его довольный смех.

А потом все изменилось вмиг от одного короткого слова, произнесенного в тишине. Ксения совсем забыла, что меж ними есть скрытое. Еще есть то, что надо было сказать ему до того, как уступила его напору. Именно сейчас, когда он так подается навстречу ее губам и рукам. Именно сейчас, когда любовь, проснувшаяся от долгой спячки, поможет смягчить тот удар, что снова будет нанесен с ее стороны, усугубляя ее вину и вину Ежи перед Владиславом.

Она забыла про Анджея, их сына, который мирно спал рядом со Збыней в ее комнатке, а теперь проснулся и поспешил в спальню матери. Он стоял на пороге и удивленно смотрел на то, как незнакомый ему мужчина в жупане цвета спелой вишни, прижимает мать к стене, а та гладит его волосы, как порой теребила его собственные светлые пряди. С его губ сорвалось одно единственное слово, вмиг разъединившее Владислава и Ксению:

— Мама!

Владислав взглянул на мальчика в длинной рубахе, стоявшего на пороге комнаты, а потом медленно перевел взгляд на замершую Ксению. Та побледнела так, словно саму смерть увидела в спальне, а не сына.

— Это твой сын? — спросил Владислав, а потом вдруг пристальнее взгляделся в тот ужас, что плескался в ее глазах, легко прочитал вину, что отразилась в глубине этих небесно-голубых омутов. Отпустил ее из своих рук, отошел и, стараясь не напугать мальчика, замершего в страхе перед его ростом, присел перед ним на корточки, стал внимательно разглядывать черты его лица.

— Не бойся меня, — тихо произнес он. — Я не такой страшный, как могу видеться тебе. Мальчик кивнул несмело.

— Я ничего не боюсь, только гадов, — робко проговорил он. — Но они такие скользкие и длинные. Дядьку говорит, что когда я стану большим, как мой тата, я не буду бояться даже их. Я стану, как мой тата. Он самый смелый на всем свете. Так дядьку говорит.

— Как тебя зовут? Меня — пан Владислав. Пан Владек.

— Я Друсь, — Андрусь еще плохо выговаривал собственное имя, потому и назвался так, как привык. Но и этого хватило, чтобы Владислав вздрогнул, как удара, и едва сдержался, чтобы не схватить мальчика за худенькие плечики.

— Ты — Андрусь, верно? — Ксения расслышала дрожь в голосе Владислава и прикрыла глаза, чтобы не слышать и не видеть того, что было ныне в комнате. Боль. Ничем не прикрытая острая боль, прозвучавшая в голосе Владислава наотмашь ударила ее. — Анджей, верно? А сколько лет и зим ты уже повидал? О, ладошка... Пять, верно?

А потом Андрусь увидел саблю в ножнах, прикрепленных к широкому поясу шляхтича, что с таким волнением заглядывал ему в лицо.

— У пана сабля? А можно глянуть? — и когда Владислав достал из ножен сверкнувшее в пламени свечи лезвие, произнес с ошибками, запинаясь. — Нос *fac et vinctes* {9}. Дядьку сказал, что это написано у моего таты на сабле. А у пана что написано?

— Нос *fac et vinctes*, Андрусь, — проговорил Владислав, стараясь скрыть от мальчика ярость, снова разраставшуюся в груди как снежный ком, и тот поднял голову от лезвия сабли, на котором вглядывался в латинские буквы. Большие голубые глаза мальчика уставились заморожено на ордината. Тот медленно положил свои большие ладони на плечи сына. — Знать, я твой отец, Андрусь.

— Мама говорила, что ты на небесах, — проговорил мальчик. — А дядьку порой говорил, что ты далеко-далеко от нас и не можешь найти дороги к нам.

— Я нашел, — с трудом сглатывая комок, образовавшийся в горле, сказал Владислав. — Я приехал за тобой.

— И увезешь к себе в земли? — глаза Андруса засверкали от восторга, а вот Ксения едва стояла на ногах от волнения и страха, что снова вползли в ее душу изворотливыми змеями. «За тобой», сказал Владислав. Не «за вами», «за тобой». Лешко оказался прав. Во всем.

Она вздрогнула от неожиданности, когда Владислав громко свистнул, поднимаясь на ноги. Загрохотало в сенях, после застучали сапогами в гриднице, и на пороге появился Добженский, настороженно оглядевший через распахнутую дверь всех, кто находился в спальне.

— Развяжи холопку, что в доме. Пусть приготовит в дорогу панича Анджея... Анджея Заславского, — Ксения, едва облегченно вздохнувшая при виде того в полном здравии, в кого недавно пустила стрелу, заметила, как у Добженского глаза на лоб полезли от слов Владислава. Но он быстро сумел взять себя в руки, протянул ладонь мальчику и, взяв в плен его ладошку, повел его за собой из спальни, надежно затворив за собой дверь.

— Не подходи ко мне! — произнес тихо Владислав, краем глаза заметив, что она

двинулась в его сторону. — Не приближайся, ибо я, клянусь Богом, не отвечаю ныне за себя! Я был готов простить тебе многое: твою ложь, твое предательство, те годы, что мы провели порознь. И даже то, что едва не убила меня, простил бы. Но как, скажи на милость, простить это...?

Из-за двери слышались голоса, тихие причитания Збыни, видимо, готовившей своего панича в дальнюю дорогу в ночь, что опустилась за окном. Владислав выпрямился резко и обвел взглядом комнатку и бледную растерянную Ксению, замершую в нескольких шагах от него. Так делают, когда хотят запомнить, когда больше никогда не суждено увидеть это снова, когда уезжают. До этого момента Ксения надеялась в глубине души, что Владислав пугает ее, что делает это нарочно, как некогда пугал в Московии во время их пути. Но ныне... ныне она читала в его взгляде, что он действительно оставит ее здесь, в этой спальне, а ее сына... их сына увезет с собой, отнимет от нее.

И тогда Ксения метнулась ему, уже направившемуся к двери наперерез, бросилась в ноги, схватила за полы жупана, чтобы помешать ему выйти.

— Я прошу тебя, выслушай меня. Позволь мне поведать... — рыдания рвали грудь, мешали говорить. Владислав смотрел на нее равнодушно сверху вниз, слегка склонив голову вбок, а потом отрицательно качнул головой. — Прошу тебя... ты же не ведаешь... отчего мы... отчего я сделала то...

— Не нужно, — он сжал ее запястья, вынуждая силой отпустить из пальцев его жупан. — Неужто ты не поняла? Мне нет нужды знать причины. Нет для меня такой причины, которая была бы в силе оставить тебя тогда, когда мое сердце было полно любви к тебе. И я не вижу для тебя ее, коли ты любила меня. А если не любила...

Из-за двери раздался тихий свист, словно сигнал, что пахолики готовы в путь, и Владислав снова шагнул к порогу. Но и тут Ксения не дала ему выйти — подскочила на ноги, вцепилась в плечо, развернула к себе.

— Нет, я прошу тебя... ради всего святого... ради того, что было... не увози! Не увози!

— Прошу пани отпустить меня, — холодно проговорил Владислав, и Ксения отшатнулась невольно от его вежливого «Пани». — Верно, ты не ослышалась. Ксения Калитина, девица из Московии умерла около шести лет назад при пожаре в корчме в пяти днях езды отсюда. А пани, что передо мной стоит, мне незнакома.

— Ты не можешь... не можешь..., — Ксения не верила своим ушам. — Андрусь — мой сын, мое сердце, моя жизнь! Ты не можешь отнять его!

— Ну, ты ведь смогла отнять мою когда-то, верно? — усмехнулся зло Владислав. — Настал и мой черед отнять твою. Все по справедливости.

Она еще надеялась на что-то, прислушиваясь, как шумят во дворе, как рассаживаются в седла пахолики. И после, когда все стихло, еще думала, что это не может быть правдой, Владислав не может оставить ее. Еще долго сидела на полу, вздрагивая от каждого звука, надеясь услышать тяжелые шаги в гриднице, увидеть его силуэт на пороге. Но дверь не распахивалась, и Владислав не входил в спальню, в доме по-прежнему было тихо, только где-то тихонько плакала женщина, причитая. И именно этот плач вдруг отрезвил Ксению, вывел ее из того морока, в котором она сидела, раскачиваясь, обхватив себя за плечи.

Когда-то Владислав так же ворвался в ее жизнь, перевернув ее, разрушив до основания ее мирок, полный покоя и наивных девичьих мечтаний. Именно после того дня ее жизнь превратилась в ад на земле, когда он так же хладнокровно оставил ее на полу холодной, ушел, даже не обернувшись, не взглянув на те обломки, что оставлял за собой. И ныне он поступил

точно так же, ведь без Андруса... О Святый Боже, как же она будет жить без Андруса?! В ушах все еще стоял его плач, когда отряд Владислава выезжал со двора.

«...Представь, что дом горит огнем страшным, а в доме том Андрусь наш и он, магнат твой. Спасти лишь одного ты в силах. Кого тащить из огня будешь?...», шептал в голове голос Лешко. Он тысячу раз был прав. И как она не послушала его?

В гриднице за столом видела Збыня, тихо плачущая, уткнувшись лицом в полотно передника. «Что ж это делается, пани?», обратилась она к Ксении сквозь слезы, но та не слышала ее, аккуратно провела пальцем по самострелу, что лежал прямо в центре стола, на белом полотне скатерти, а потом подняла его и стрелы, что были подле него, и вышла вон. На браслет — тонкий ободок, украшенный серебряной сканью и камнями бирюзы, часть гарнитура, заказанного в Менске под стать распятию у нее на груди, лежащий подле оружия, она даже не взглянула...

1. Человеку свойственно ошибаться (лат.)
2. Так суждено судьбой (лат.)
3. Молчи (лат.)
4. Ум помрачается вином (лат.)
5. Так назывались ранее все болезни, связанные с внутренними органами
6. Свяжи язык, иначе он тебя свяжет! (лат.)
7. Здравствуй (лат.)
8. Внешность обманчива (лат.)
9. Сделай это, и ты победишь (лат.)

Она едва не задохнулась от волнения, когда сани въехали в темный проем в бреме, ведущий на замковый двор. Пять лет. Пять долгих лет она не была в Заславе и более шести — здесь, в этих стенах, в этом месте, которое запомнилось ей холодной каменной громадиной. Нынче же, когда с неба падали, кружась в медленном танце толстые снежные хлопья, а над входной дверью и на перилах деревянной лестницы, ведущей на замковые стены, висели еловые гирлянды с пурпурными лентами, Заславский замок уже не казался ей таким угрожающим, как ранее.

— Пани Катаржина Вревская, — проговорил один из стражников кому-то, и она очнулась от своих мыслей, плотнее спрятала ладони в муфте из меха лисы — подарке пани Эльжбеты. Ее холоп уже спустился с козел и направлялся к ней, чтобы откинуть с ног пассажирки мех и помочь ей сойти на утоптаный снег на дворе. Времени на раздумья было довольно ранее, напомнила себе Ксения, выбираясь из саней, опираясь на руку холопа. Ныне же время действовать.

— Прошу пани сюда, — позвал ее со ступеней женский голос, и Ксения невольно замерла, чувствуя, как забилось сердце от волнения. Магда! Именно она стояла на крыльце, кутаясь в большую вязаную шаль от легкого морозца. — Сюда, пани, ступайте. Какой снег-то валит! Зато и мороза нет злого. Истинно благой день! Недаром канун праздника святого!

Интересно, будет ли Магда так же радушна к ней, когда распознает лицо под лисьим околышем шапки? Или не узнает ее, как не узнал отец Макарий, которого она намеренно остановила около костела и попросила помолиться за раба Божьего Егория, зажечь свечу за его здравие.

— Отчего пани сама не сделает то? — спросил ксендз, пряча руки в широких рукавах сутаны.

— Я чту не римский закон, — просто ответила тогда Ксения, понимая, что скрывать ей уже нечего. Но ксендз только кивнул головой рассеянно, взял из рук Ксении пару серебряных монет и поспешил внутрь костела, торопясь укрыться от холода и снега, так и валившего с серых небес.

Вот и Магда ничего не сказала, даже бровью не повела, когда Ксения ступила в полутемный холл, а потом по знаку женщины пошла за ней в залу, где у ярко пылающего камина можно было обогреться с долгой дороги. Там, в этой большой приемной зале, так знакомой Ксении, Магда оставила гостью одну, а сама скрылась за одной из толстых дубовых дверей, позволяя оглядеться, не скрывая своего любопытства. Она провела ладонью по теплomu камню камина под еловой гирляндой, прошлась пальцами по высеченному гербу Заславских, словно на ощупь воскрешая тот в памяти, а после обернулась и окинула взглядом залу.

Отчего-то ныне и эта зала с высокими потолками, что ранее нависали над ней будто могильными сводами, казалась иной. Она прибыла сюда из Московии когда-то, привыкнув, что стены и потолки богатых хором должны быть расписаны яркими диковинными рисунками, и потому каменные стены со шпалерами, вытканными темными нитями, тяготили ее, давили своей мрачностью. Теперь все было по-другому. Теперь уже некая аскетичность убранства по сравнению с роскошью красок и позолоты, окружавшей ее с детства, не казалась чем-то из ряда вон выходящим, а зала — мрачным склепом. Ведь глаза

уже смотрели на обстановку совсем по-иному...

— Прошу пани идти за мной, — снова появилась в зале Магда, бесшумно отворив дверь. Ксения покорно направилась за той, стараясь не потерять ее из вида. Магда прошла по галерее, шурша шерстяным подолом по каменному полу, то и дело трогая небольшое распятие, что висело у нее на груди, словно поправляя его. — Прошу пани не роптать, но разместить ныне мы можем ее только в комнатах башни Южной. В Замке полно гостей, приехавших на Святки. Пани еще повезло, что осталась свободной та комната, которую пани предоставят для проживания. Пани Вревская надолго в Заслав? До конца святочных дней?

Но Ксения помедлила с ответом, аккуратно ступая по высоким ступеням коридора, чтобы не запутаться в подоле юбки и не растянуться в этом узком проходе. От окошек-щелей шло мало света, и Ксения невольно подумала, как нелегок путь с позднего празднества ночью тех гостей, что имели несчастье получить тут, в башне, комнату.

— Пани не взяла никого служить себе? — Магда продолжила свои вопросы, словно и не ждала ответа от той, что с трудом поспевала за ней. Ксению удивила та проворность, с которой ступала пожилая женщина. Она достигла двери комнаты, где отныне предстояло ночевать Ксении намного быстрее, чем та, и уже ступила внутрь, не дожидаясь запыхавшейся на ступеньках пани. — Я тогда пришлю кого-то из холопов послужить пани перед сном и утром. Но пани должна понимать — ныне в замке шляхтянок немало, помощь нужна каждой из них.

— Я понимаю, — тихо проговорила Ксения, оглядывая узкую комнатку. По сравнению с теми покоями, в которых она жила прежде в Замке, это была просто каморка. Даже ее спальня в вотчине Ежи была побольше, чем эта комнатка, а кровать шире, чем это ложе, что стояло в дальнем углу от двери.

— Я пришлю скоро сюда воду, чтобы пани могла умыться с дороги, да чего-нибудь горячего нутро с холода согреть, — сказала Магда, проводя пальцем по узкому деревянному подоконнику у небольшого окна, проверяя, как прибрана комната, нет ли, не приведи Езус, пыли.

— Когда я могу увидеть пана Заславского? — спросила Ксения, не желая откладывать в долгий ящик то, зачем прибыла сюда. — Я бы хотела переговорить с ним до вигилии.

— Это невозможно, пани, — отрывисто ответила Магда, глядя в окно, словно то, что происходило за ним, интересовало ее куда больше, чем гостя. — Пана ордината нет в Замке. Мы ожидаем его к концу дня. Пани сможет поговорить с паном Заславским, коли он того пожелает, но только следующего дня, до празднества, не раньше.

Владислава нет в Замке? Ксения не знала, то ли ей радоваться подобной отсрочке неминуемой встречи, то ли огорчаться ей. Но если не Владислав распорядился о том, чтобы ей дали комнату в Замке, то кто? Ответ на этот вопрос не заставил себя ждать, когда Магда, вдруг повернувшись от окна и глядя куда-то поверх плеча Ксении, произнесла:

— Пан совершает ошибку.

— Я отвечу за нее перед паном ординатом, коли на то его воля будет.

Ксения резко обернулась. На пороге комнаты стоял Тадеуш Добженский, опираясь плечом о косяк. Ему пришлось переменить позу и посторониться, пропуская Магду, буквально ринувшуюся прочь из комнаты, аж юбки и рантух взметнулись за ее спиной.

— Она меня узнала, — медленно проговорила ошеломленная Ксения. Добженский, склонивший голову в поклоне в тот момент, резко распрямился, заглянул в ее глаза.

— Скорее, она узнала черты пани в том мальчике, что привез Владислав несколько дней

назад. А резка она со страху. Страху, что пани прибыла сюда увезти панича, забрать из Замка ее обретенное сокровище. Ведь пани за этим сюда прибыла, разве нет?

— Анджей — мой! — запальчиво сказала Ксения, стягивая с головы шапку и бросая ее на кровать. — Он мой, и никто не волен отнять его у меня! Никто!

— Но мальчик также принадлежит и пану Владиславу, сколь угодно пани не спорила бы на этот счет, — напомнил Тадеуш, разглядывая, не скрываясь, и знакомую, и в то же время незнакомую ему Ксению. Та, прежняя ныне бы опустила глаза, не смея смотреть так долго в лицо мужчине, а уж слышать ее голос в таких повышенных тонах было и вовсе удивительно.

— Где пан Смирец? — спросила Ксения, переменив тему разговора, понимая, что только распаляет свой гнев думами о сыне, что, судя по всему, где-то в Замке был в этот момент. Вот уйдет Добженский прочь, и она покинет эту комнатку почти под самой крышей башни, найдет сына, пока есть время до приезда Владислава. Ей было нужно увидеть его, чтобы хотя бы на миг успокоить стонущее сердце. А пока надо делать вид, что смирилась, погасила в себе гнев. — Что с ним? За эти дни я едва разума не лишилась от тревоги за его долю.

— Пан Ежи в темнице под брамой, — угрюмо ответил Добженский, запуская большие пальцы за пояс. — Владислав сразу же отбыл в Менск, как привез панича в Заслав. Только распорядился обработать раны пана да жаровню спустить в камору, памятуя о камчюге того.

— Раны? — переспросила Ксения, ощущая, как замедляет свой бег по жилам кровь в ее теле. Она, видимо, побледнела, потому что Добженский вдруг бросился к ней, схватил за предплечья, словно желая удержать от падения.

— Пани Ксения не должна думать... он не так уж... — начал он объяснять, но Ксения покачала головой, показывая, что не желает слушать его. Они некоторое время молчали, думая каждый о своем. Большой палец правой руки Добженского, что по-прежнему лежала на руке Ксении, шевельнулся и погладил ткань рукава платья. Она резко повернулась к нему, заглянула в его лицо, удивленная этим ласкающим жестом, и он вдруг смутился, отвел глаза в сторону, но только спустя некоторое время отпустил ее руки. А потом они оба замерли, заслышав шум, идущий со двора, застыли на месте на миг, будто воры, пойманные с поличным на месте своего проступка. Кто-то прибыл в Замок и весьма многочисленным отрядом, судя по звукам, что доносились через слюду небольшого оконца.

Первым опомнился Добженский. Он коротко кивнул Ксении на прощание и вышел из комнаты. Вскоре его шаги затихли за дверью в коридоре, и Ксения, не в силах обуздать свое любопытство, двинулась к окну. Она сердцем угадала, кто это прибыл на двор, еще тогда, когда стояла посередине комнаты напротив Тадеуша.

Владислав. Именно он спрыгнул с валаха и ныне стряхивал с плеч снег, что запорошил его в дороге, неспешными, даже чуть ленивыми движениями, сбрасывая снежные хлопья с плаща.

В последний раз она видела его несколько дней назад. Через прицел своего самострела. Готовая пустить смертоносную стрелу в его широкую спину, обтянутую плотной тканью кунтуша, подбитого мехом.

Ксения закрыла глаза и вернулась в ту рассветную пору. Она тогда была словно сама не своя от того горя потери, что так неожиданно свалилась на нее. Забрала со стола самострел и стрелы, пошла на двор искать холопов и Лешко, понимая, что без них ей ни за что не нагнать отряд ордината, не отобрать то, что так жестоко отнял у нее Владислав. Те были в конюшне, сидели в рядок, связанные, как зайцы на охоте, по рукам и ногам, причем, вид такого

грозного на вид Лешко, но беспомощного в путах, был довольно забавен. Но даже тени улыбки не скользнуло по губам Ксении, когда она отворила дверь в конюшню и разглядела в полумраке плененных.

— Скорее! — торопила она холопов, разрезая их путы острым ножом, что носила по уроку Лешко в голенище сапога. — Скорее! Седлайте коней! Берите оружие! Скорее!

Лешко не надо было ничего говорить. Он уже по ее глазам прочитал то решение, что она приняла. Только коротко погладил ее по непокрытой голове, гадая, успел ли ординат причинить ей боль, пока она была наедине с тем в доме. А потом разглядел в свете факелов, которые холопы запалили освещать дорогу, что шнуровка Ксении распущена наполовину, а губы припухли от поцелуев. Захлестнуло сердце волной боли и ревности.

Может, оттого пытался так скоро определить след, по которому двинулся отряд ордината. Те пытались их запутать, увести в сторону вслед за частями отряда, на которые тот разделил Заславский. Но Лешко, как опытную гончую собаку, взявшую след, невозможно было сбить, и когда стал сереть рассветным светом край земли, они заметили вдали всадников, именно тех, кого вел сам ординат. Но вез ли кто-то из тех шести всадников ребенка, надежно укрыв плащом? Не поступил ли Лешко неразумно, доверившись своей интуиции, которая шепнула ему, что Заславский не доверит сына тем пахоликам, что уехали из земель Ежи разными путями?

— Анджей! — вдруг воскликнула остроглазая Ксения, прикусив губу, и только пришпорила Ласку, разглядев на повороте маленькую голову впереди одного из всадников. Лешко и успел крикнуть тогда, пытаясь удержать ее от бесполезного порыва:

— Стой! Стой! Нам не догнать их! Они ехали неспешно, мы же гнали коней, как клятые. Уйдут, пся крев, уйдут! — а потом схватил за узду Ласку, заставляя ту замедлить ход. — Перебеешь их издали. Это самым разумным будет. Пана ордината первым бей, смотри. То нужно. Люди замедлятся, растеряются на миг. Потом пустишь в стрелу того, что поболее остальных с виду, поняла? А после и мы налетим и добьем четвертых. Но пана ордината первого, Кася! Первого! Поняла?

Ксения кивнула растерянно, быстро достала из-за спины самострел и зарядила его спышными движениями. То расстояние, что разделяло ныне отряд Владислава и преследователей, было для ее глаза невелико. Главное, успеть сбить цели с лошадей до того, как всадники въедут в небольшую рощицу, к которой погнались коней, заметив позади преследователей, стараясь укрыться меж тонких стволов и длинных ветвей от стрел самострелов, от пуль, что могли быть пущены из стволов тяжелых пищалей в руках хлопов.

Ксения вскинула самострел и прицелилась во Владислава, стараясь попасть стрелой в местечко сразу под шеей, обрывая нить жизни или навеки обездвиживая намеченную цель, как когда-то советовал ей Лешко. «Анджей», повторяла она себе снова и снова, как заведенная, «я не могу потерять его. Не могу потерять сына, когда уже утратила все, что было так дорого. Только не он...»

— Стреляй! — громко прошипел Лешко, заметив, что Ксения замерла нерешительно. — Ты дашь ему уйти?! Он увезет Андруса за стены замка, спрячет его от тебя, и ты никогда не сумеешь вернуть его себе, как бы ни пыталась сделать то. Никогда! Так что не медли, стреляй!

Легкая дрожь прошла от затылка вдоль позвоночника по спине. Если она не убьет Владислава, если не пустит стрелу, Андрусь никогда не будет с ней. Никогда не будет ее. Он никогда больше не заснет подле нее в постели, прижавшись к ней. Никогда не позовет ее:

«Мама!». Никогда не обнимет ее своими тонкими пока ручонками. Никогда не прыгнет в ее руки с верхней ступени крыльца, встречая с верховой прогулки. Она не увидит, как он растет, как мужает, превращаясь в маленького мужчину. Никогда... Владислав не позволит то, лелея в себе слепую обиду на нее за ту вину, что стояла меж ними ныне.

Если же она пустит стрелу, то у нее есть возможность провести остаток дней, сколько бы ей ни отпустил Господь, с Андрусем, своим сынком, которого она выносила в своем чреве, ощущая сильные толчки, у постели которого сидела в дни и ночи, когда тот хворал. Они уедут с Лешко прочь из этих земель, скрываясь от всех, увозя с собой тайну об убийстве ордината здешних земель, что случилось однажды в рассветную пору.

Андрусь... Владислав... Тяжелы чаши весов. Палец замер в напряжении на спусковом курке. Руки словно оледенели на морозе в одном положении, как и сердце.

— Стреляй! — шипел ей разум голосом Лешко, а сердце застыло в груди, умолкло в ужасе, впервые не стало возражать разуму, пораженное тому, что могли сотворить руки по его приказу.

Это все уже было когда-то. Удаляющийся всадник в прицеле ее самострела. Чужие пальцы поверх ее. Пущенная в спину стрела, несущая смерть на остром острие. Темный силуэт на земле, у копыт валаха, ошарашенного той пустотой, что вдруг образовалась в седле на его спине.

Быть может, потому Ксения так быстро среагировала на движение справа от себя, развернулась и направила стрелу в грудь совсем другого мужчины, что замер в тот же миг. «Касенька...», сорвалось с его губ в удивлении, а потом глаза сузились в остром и злобном прищуре, заострились черты лица. Холопы замерли за их спинами, во все глаза глядя на пана и пани, что схлестнулись взглядами.

— Убьешь меня? — глухо спросил Лешко, не делая ни малейшей попытки выбить из ее рук оружие. — Убьешь? Ради него — меня?

— Прости... — прошептала Ксения, отчетливо понимая, что проиграла эту борьбу. Молчаливое сердце победило разум вместе с его доводами и причинами. Победило и осталось в проигрыше само, осознавая те потери, что придут с этим решением.

И она выпустила стрелу. Но не в спину Владислава, а в ствол дерева, до которого только спустя время доехал тот. Она видела, как он помедлил, задержался у молодого дуба, выдернул стрелу, а потом развернул валаха, чтобы взглянуть через простор снежного поля, разделяющий их, на нее, гордо замершую с самострелом в отдалении.

Остановись, молила тогда Ксения беззвучно. Видишь, я уступаю тебе. Отдаю тебе самое дорогое, что только у меня есть, в знак моей любви к тебе, что тлела в сердце все эти годы и ныне распалилась пожаром от касания твоей руки, от одного взгляда твоих глаз. Остановись. В знак того, что осталось в твоём сердце от любви ко мне, некогда прощающей мне все. Остановись...

Но видимо, не расслышало его сердце безмолвный зов Ксении, потому как Владислав, задержавшись у края рощицы всего лишь на короткий миг, скрылся в ее черноте, увозя за собой своих людей. Увозя с собой ее сына. Разбивая ее сердце...

Ксения тогда вернулась в дом сама не своя, бледная, молчаливая, села за стол и уронила голову на сомкнутые перед собой руки. Прежде чем приехать на двор, она заезжала в небольшую церквушку, службы в которой посещала, где исповедовалась и принимала причастие, несмотря на косые взгляды Ежи. Впервые тишина храма, прерываемая едва слышным треском свечей, не принесла покоя в душу, впервые молитва не устранила

смятения души. Отчего так? Отчего она нынче совсем одна, а душа тихо стонет внутри тела, словно вдовица над телом убиенного мужа? Быть может, все верно, так и должно быть? Ведь Анджей по вере чужой ей, крещенный в чужую веру, и даже за той чертой им не суждено быть вместе. Знать и жить отныне суждено раздельно по воле Божьей? Впустить в душу смирение перед волей Божьей, сказал Ксении тогда священник, выслушав без доли удивления ее сбивчивый рассказ, принять поступок мужа и покориться, как и положено жене. Но отчего-то именно сейчас ей не хотелось верить этим словам, которые ей твердили с малолетства. Почему-то нынче и не хотелось склонить голову, принимая чужое решение. Решение, против которого так отчаянно протестовала ее душа.

И вернее будет сказать, что это именно она, Ксения, решилась на то, на что никогда бы ни пошла ранее — выступить против недоли, рискнуть переменить ее, попытаться преодолеть те препоны, что снова встали на ее пути, внося в сердце тоску и отчаянье. Потому ведь так легко приняла решение при визите Эльжбеты, что приехала спустя несколько дней на двор Ежи, желая проведать соседей да вести последние разузнать. Ксения второй раз за последние годы видела такие бурные слезы вдовы, когда болтливая Збыня поведала той, что маленького панича увезли паны из вотчины, а пани ходит будто тень по дому молчаливая да печальная. Эльжбета тотчас же смекнула, что за пан приезжал на двор, додумалась, почему от Ежи до сих пор нет вестей, и Ксении не осталось ничего иного, как подтвердить слова холопки и страшные подозрения Эльжбеты.

— Что ты делаешь тогда тут?! — набросилась на Ксению, выплавав слезы, Эльжбета. — Ты — причина того, что стряслось, тебе и править все! Ты обещала мне когда-то, клялась, что не позволишь, чтобы Ежи худо было, а сама только по полям да лесам скачешь, горе свое выветриваешь? О сыне забыла? О Ежи, что отцом тебя в дом взял? Дочерью перед всеми назвал себе на погибель... Где он ныне, мой соколе? Что с ним?

Но Ксения не сразу сумела ответить ей, ошарашенная тем, что открылось ее взгляду, когда плащ Эльжбеты, в который та куталась, несмотря на то, что в гриднице было хорошо топлено, распахнулся и открыл на обзор округлость живота. Вдова была в тягости, и, судя по всему, уже отходила более половины положенного срока.

— Ты тяжела... — растерянно произнесла Ксения, и Эльжбета развязала плащ, бросила его на пол, присела на лавку подле своей собеседницы, тотчас успокоившись, словно упоминание о тягости заставило ее забыть свой гнев.

— Верно. Думала, что срок мой женский к закату пришел, что зашло мое бабское солнце. А потом грудь потяжелела, тошнота замучила... живот вон попер... Я и с лестницы прыгала, и даже квашню тяжелую с тестом поднимала, аж руки тряслись... Крепко сидит. Не вытравить...

— Не вытравить?! Что ты? — схватила за руки Эльжбету Ксения. Та только горько усмехнулась.

— После Пасхи Святой сын мой из Менска приезжает во главе вотчины встать. Учеба его к концу подошла. Что за радость его ждет? Позор матери? Братом ублюдка стать? Скоро толки поползут, коли не прикрыть срама моего. В летах я, а забылась, как молодница какая-то без головы. Думала, Ежи приедет, переговорим все, решим... а ныне... Да и страшно мне. Кася, сорок лет и зим повидала уже. Я старуха, а вот надо ж — на сносях... какая я мать?!

— Самая лучшая из матерей для этого дитя, — улыбнулась сквозь слезы Ксения, ощущая, как шевельнулся в животе у Эльжбеты ребенок, словно подтверждая эти слова. — А Ежи станет лучшим для него отцом! И мужем для тебя. Чего ж тянули ранее? Чего столько

времени ждали-то? Вот увидишь, все переменится... все переменится...

И она действительно верила тогда, уверяя Эльжбету, что все непременно переменится к лучшему. Что она убедит Владислава выслушать ее, а коли тот все узнает, так и простит их. Отпустит Ежи из темницы, в которой держал его. Вернет ей свою любовь и расположение, пустит в свою жизнь, которую Ксения оставила так опрометчиво несколько лет назад. И они все будут так счастливы, как никогда ранее: она и Владислав с их сыном, Ежи и Эльжбета. И это непременно будет!

Ксения верила в это тогда, ведь это единственное, что осталось ей ныне. Но в тот миг, когда она смотрела из оконца со слюдяными вставками в длинных створках сверху вниз на людей, что сустились во дворе, на Владислава, к которому уже успел выйти из Замка Добженский и что-то говорил тихо, приблизившись к тому так близко, чтобы никто более не услышал ни слова из его речей, ее вера постепенно таяла.

А когда заметила, как замер Заславский, словно дикая кошка перед прыжком на свою жертву, как напряглась его спина и плечи, как затихли движения руки, стряхивающей снег с плаща, поняла, что зря убеждала себя в том, что ей по силе заставить Владислава сделать то, что хотела она, как было это обычно. Она помнила, как легко он прощал ее проступки, ее метания, ее гневные вспышки. Помнила, как он шел ей навстречу в их ссорах и разногласиях, как просил прощения, даже в те моменты, когда была в первую очередь виновна она. Она заставила его забыть о своей ненависти и жажде мести когда-то, заворотив его, сама того не осознавая, своей красотой, своим нравом. Но те годы, что легли между ними, та разлука, в которой он привык жить без нее, в которой его сердце успокоилась... Ксения забыла о ней, полагаясь на ту власть, что когда-то имела над его сердцем, думая, что гнев его будет так же быстротечен, как и ранее.

Владислав вдруг развел руки и, разжав кулаки, бросил на снег то, что еще недавно так сильно сжал в руках, что невольно переломил пополам. Толстое кнутовище не выдержало силу его гнева, сломалось и ныне упало к ногам шляхтича. Разглядев это, Ксения вздрогнула невольно, осознав, что даже несколько дней не сумели погасить огонь его ярости, не смягчили горечь, которую она заметила в его темных глазах, когда он уходил из ее спальни в вотчине Ежи. Владислав же перешагнул остатки кнутовища на снегу и ушел в Замок, даже не взглянув на оконце Южной башни, даже не повернув головы в ту сторону, хотя Ксения была готова биться на что угодно, что он знал, чувствовал ее взгляд. Да и Добженский поднял глаза на окно отведенной ей спальни, отчетливо показывая своим взглядом, где разместили нежданную гостью. Словно и нет ее, с горечью подумала Ксения, плотно затворяя створки, когда остальные потянулись за ординатом в тепло Замка, и двор постепенно опустел.

Выходить из своей спальни она почему-то побоялась, хотя и думала до приезда Владислава пойти на поиски покоев, где тот мог приказать разместить Анджея. Опустилась на постель, даже не переменяв платья с промокшим от снега подолом, да так и сидела, наблюдая, как медленно вползают в комнатку сумерки. Никто так и не постучал к ней за это время, никто не принес обещанной воды и горячего питья, словно распознали молчаливое настроение хозяина Замка игнорировать незваную гостью, с грустью подумала Ксения, сплетая пальцы, чтобы скрыть их дрожь. Она впервые за последние два дня была в полной растерянности, даже несколько пала духом, с ужасом осознавая, что ей может и не хватить сил и воли встретиться с Владиславом лицом к лицу, именно здесь, где он господин, где он царь в своих землях.

А потом в дверь легко стукнули, и Ксения едва не лишилась чувств от этого тихого стука. Девичий голос произнес, что «пришла послужить пани», и она поспешила пригласить служанку войти. Та принесла с собой небольшое деревянное ведро и чистое полотно, что было перекинута через согнутую в локте руку, быстро зажгла толстые свечи, прогоняя прочь тени из комнаты, помогла Ксении со шнуровкой платья, отложив то в сторону («Почищу, пани!»), а потом стала лить ей воду в ладони из кувшина над бальей.

— Пани помочь причесать? — спросила после служанка. Никакого любопытства, отметила про себя Ксения. Только услужливость в голосе, чуть перемешанная с усталостью. Гостье более высокого положения эта усталость никогда бы не была явлена, только ей, пани, размещенной в комнатке под крышей башни, можно было показать. И вестимо, не узнала...

— Я не пойду в костел, — покачала головой Ксения, решив лечь в постель. Ведь вскоре темнота опустится на Замок, как сигнал начала Рождественской вигии для его обитателей и жителей окрестных земель. Они проведут всю ночь в костеле, а она же могла переждать это время здесь, в этой маленькой комнатке, собираясь с силами. А может, даже спуститься вниз, в темницу под брамой, чтобы увидеть Ежи. Самое время для того, когда Замок опустеет на время праздничной службы.

— Пани просят спуститься в библиотеку, — покачала головой служанка. — Какое платье пани желает надеть? Могу я проверить его?

Ксения ни жива ни мертва стояла, пока служанка аккуратно облачила ее в платье из бархата цвета густого вина, зашнуровала его туго на спине, расправила складки юбок, чтобы те красиво вниз, подчеркивая силуэт. Потом настал черед ее золотых кос, которые уложили в низкий узел прямо над шеей, поверх узла тут же проворные пальцы закрепили небольшой чепец в тон платью.

— Пани пусть следует за мной, — проговорила служанка, завершив облачение Ксении. — Я провожу ее.

В камине библиотеки ярко горел высокий камин, вторя короткими всполохами подмигиваниям огоньков свечей, расставленных в высоких напольных светильниках. Эти отблески то и дело отражались в многочисленной позолоте, которой были украшены бархатные переплеты книг на полках, в сапфировой глубине камня, ладно сидевшем на одном из пальцев человека, что терпеливо ждал, пока Ксения шагнет несмело в комнату, а дверь за ней захлопнется с тихим шумом. Она не сразу, но узнала бискупа в том мужчине, что с явным трудом поднялся из кресла у камина ей навстречу, невольно отшатнулась назад, стушевавшись на миг под этим пристальным взглядом, призванным проникать в души.

— Пани Катаржина! — произнес бискуп, улыбаясь, протягивая ей руки ладонями вверх, и Ксении ничего не оставалось другого, как шагнуть к нему навстречу и положить свои пальцы на его ладони. — Пани Катаржина...

Он перевернул ее ладони и кивнул, разглядев у основания безымянного пальца тонкую полоску шрама от ожога, ставшую почти незаметной за эти годы.

— Королева отменно разыграла свою партию, но еще готова продолжать бой, — проговорил бискуп, поднимая взгляд от ее рук, снова пронзая ее своим острым взглядом. Ксения хотела убрать свои руки из его ладоней, но он помешал ей, крепко схватив длинными пальцами. — Панна Ксения, боится меня? Разве может служитель Господа причинить вред Его созданию да еще такому дивному, как панна? Или панну стоит ныне иным именем называть — пани Катаржина?

Он легко потянул на себя ее руки, принуждая уступить его желанию повести ее к

креслам, стоявшим у ярко пылающего камина, помог ей опуститься в одно из них, а после занял место напротив, сложил пальцы друг с другом в «домик» и стал наблюдать за ней поверх этой фигуры.

— Я мог бы узнать пани по этому жесту, — медленно произнес епископ, глядя, как потирает кончиками пальцев висок Ксения. — Пани так делала то, когда задумывалась над фигурами на поле, когда мы с ней партию вели. И шрамик... он почти незаметен, но я столько раз наблюдал этот жест, что заприметил его. Пани удивлена нашей беседой? Пани думает, что я враг ей, верно? Враг, которого стоило бояться все эти годы...

— А разве не так? Разве друг способен на деяния, о которых я наслышана? — спросила Ксения. Бискуп усмехнулся в ответ и попросил ее знаком разлить подогретое вино из серебряного кувшина, что стоял на столике меж креслами. Ксения не стала спорить, подчинилась, в глубине души радуясь этой возможности отвести глаза от пристального взгляда епископа.

— Слышать можно многое, но познать истинные слова из услышанного — нелегкий труд, — бискуп приподнял серебряный кубок, словно салютуя своей собеседнице, а потом пригубил ароматного вина. — Дивный нектар! Теплое вино да горячие кирпичи — вот мои друзья в нынешнюю пору, когда так давит грудь ледяная рука хвори. Она сковала мои члены, мешает дышать полной грудью. Я уже давно не веду службы, сижу для статуса на скамье, пока те, что помоложе, творят их. Но нынче что-то совсем худо... даже ноги не служат толком. Да, я уж не молод, и полагаю, что вскоре минет и мой срок ступать в мире земном. И я безмерно рад, что все тайны стали явью до того момента, как мне пришлось бы говорить о них на исповеди. Ведь в том случае я бы открыл ваши с паном Смирцем тайны без вашего ведома, без единой возможности сказать вам наперед о том. Кто ведает, как поступил бы Владислав тогда?

— Святый Боже! — Ксения замерла на месте, вцепившись в кубок пальцами, так что заболели суставы. Пан епископ ведал обо всем! Знал еще до того, как Добженский случайно попал на двор Ежи и узнал в дочери пана Смирца некогда сгинувшую в огне панну из Московии. Епископ кивнул, заметив, как она побледнела, подтверждая ее мысли.

— Даже немые могут говорить порой. Пани помнит немого хлопа из сгоревшей корчмы? Он пришел в святую обитель братьев-бернардинцев несколько лет назад. Все желают покаяться в своих грехах, когда муки терзают тело, полагая, что сняв с души тяжкий груз, уменьшат накал боли. Так и он покался во многом: в убийстве, в подлоге, — епископ замолчал на миг, а потом продолжил. — Сожалею ли я о том, что сделано? И да, и нет, пани. Как я могу сожалеть о том, что Владусь стал тем, кем ему положено быть по крови, по долгу? Когда он так твердо сидит ныне на своем месте, и никто ему ни угроза, даже он сам себе. Я жалею лишь о тех терниях, через которые провел его на этом пути к этой вершине. Панна из Московии была помехой тому, она должна была уйти из его жизни, но, видит Бог, уйти не из мира живых. Я мог бы приказать кому угодно из своих людей помочь панне заснуть вечным сном, но именно пан Смирец, сам не ведая того, разыграл бы мою партию так, как я видел с самого начала, расставляя фигуры. Женщина, что взяла в руки каленое железо ради мужчины, способна отказаться от него без толики сомнения, коли то на благо ему пойдет. Я по долгу службы читаю души людские, но тогда, после пожара в корчме, я едва не лишился разума, полагая, что ошибся в том, что увидел в пане Смирце. Старый шляхтич без сожаления отрубил голову своему врагу, но придержит коня, чтобы тот не раздавил копытами Божью тварь — кошку или собаку... Я знал то, а тут такие вести! Я

вглядывался в пана, пытаюсь прочесть хоть что-то в его душе, но безуспешно. И только спустя время Господь послал мне возможность узнать о том, как провел всех старый лис. Я должен был разгадать его план, но не смог. Анджей... Нежданный дар небес! Пани подарила нам чудесного панича. Истинный шляхтич, истинный Заславский!

— С примесью московитской крови? — не сумела прикусить язык Ксения, но бискуп даже бровью не повел на ее реплику.

— Пани будет удивлена, но у многих, кто несколько лет назад так ругал пани за место рождения, в жилах пусть капля, но все же именно той крови, что в теле московитов течет. Ведь те издревле бок о бок с литвинами жили, — устало ответил ей бискуп. — Дело не в крови не было все же. Дело в законах, которые чтут ныне эти люди, в обычаях, что приняли для себя. И которые пани так не желала блюсти, опираясь на покорность Владислава, его уступчивость. Я видел, как непримирима пани была в своем упрямстве, и даже когда она говорила о вере святой, сердце было для той закрыто, как и для людей, что окружали ее. Но не только вина пани была в том. Если бы сам Владусь вел себя иначе, тверже... кто ведаст... Но что толку говорить ныне о том? Те годы, что пани прожила одна, пошли только на пользу, как мне доносили люди. Та московитка, что приехала сюда, верно сгинула в огне, а ныне перед мной истинная шляхтянка, не иначе. И некоторые поступки пани тому верное подтверждение. Правда, по-прежнему строптивая и горячая, — усмехнулся епископ. — Пани следует приучить себя просчитать ходы свои в жизни, как обдумывает их за игрой в фигуры. Я за тем и позвал к себе тебя, чтобы подсказать то, что не видно твоему глазу пока, неясно для головы. Верю, что в твоей голове только две причины приезда в Заслав: Ежи и Анджей. Не выждала время, не дала остыть гневу, так будь готова держать удары ответные. Владусь отпустил бы Ежи после возвращения, уверен в том, но твой приезд заставит его переменить это решение. Ежи будет неволен тебе на тоску и слезы, пока те будут усладой для Владислава. И Анджей... Ведаешь ли ты, что в Замке его нет? Его увезли тотчас же, как Добженский сказал о твоём приезде в Заслав. Он ныне недалече, в вотчине людей преданных Владиславу, но ты не увидишь его до тех пор, пока сам Владислав не позволит тебе то.

Епископ замолк, стал прислушиваться к тишине, что установилась вслед за его словами в комнате, а потом шевельнул рукой в сторону окон.

— Отвори, пани, отвори окно! — и Ксения, удивленная, поспешила подчиниться его приказу, подошла к окнам, распахнула створки одного из них, отодвинув в сторону тяжелые занавеси. Холодный воздух ворвался тут же в комнату, зашевелил седые волосы, что выбивались из-под шапочки из темного бархата, попытался задуть огонь свечей и камина, что затрепетал под его силой. Из града, что стоял под замковым холмом, доносился тихий колокольный звон.

— Вот и Рождество пришло, — прошептал, улыбаясь счастливо, епископ, а потом закрыл глаза и зашептал слова молитвы едва слышно, сложив руки перед собой. Ксения поежилась, затворила створки, задернула занавеси, чтобы не пустить в комнату ветер, что так и норовил проникнуть внутрь через любую, даже самую маленькую щель. После подошла к камину, чтобы у огня обогреть замерзшие руки.

— Ты верно дивишься, отчего я в Замке, а не на вигилии? — вдруг донесся до нее тихий голос. Ксения пожала плечами. Она не желала думать нынче ни о чем — столько всего свалилось на нее в последние дни. Вот уйдет к себе в комнатенку в башне и тогда в тиши ночи будет размышлять о том, что узнала, планировать свои дальнейшие поступки, а ныне...

— Я такой же пленник, как и Ежи. Как и ты. Ты думаешь, верно, что ты вольная птаха, гостя Владислава, но уверяю тебя — это не так. Попробуй выехать за ворота брамы, в тот же миг сбегутся стражники, говоря о том, что у них приказ не выпускать никого из Замка. Но это ложь! Приказ не выпускать тебя. До тех пор, пока Владиславу нужно будет удерживать тебя здесь. Воспользуйся своим присутствием с умом. Ты женщина, сыграй на слабости, которую он к тебе питает, а она определенно есть. Ты мать его наследника, а это дорого стоит, — вкрадчиво убеждал ее епископ, а она вслушивалась в его слова, задумавшись. — Ты стала еще краше, чем была. Уже не дева, но с прежней девичьей красотой на лице и женской загадочной прелестью в очах. Ты всегда была его слабостью. С первого дня. Вспомни о том и вспомни, как забрала в свои руки его сердце и его волю.

— Прошло столько лет и зим, — возразила ему Ксения, в душе лелея надежду на правоту его слов, вспоминая с болью увиденное в Бравицком лесу. — Сердце Владислава могло перемениться ко мне...

— Пани видела, как проклевываются по весне перезимовавшие цветы? — рассмеялся бискуп. — С каждым лучиком солнца, с каждым теплым днем из маленького зеленого росточка они становятся высоким и крепким цветком. Так и ныне. Не смотри, что цветок лежит под глубоким слоем снега... он где-то там, в глубине, готовый прорасти с теплом...

И позже, уже вернувшись к себе в комнатенку, свернувшись калачиком под одеялом, глядя сквозь слюдяные вставки на мигающие в вышине звезды, Ксения представляла себе этот цветок, что сама, словно зима заморозила своими поступками, заворошила снегом обид и горечи. Содеянное ныне казалось лишенным того здравого смысла, что когда-то толкнул ее на то, чтобы оставить Владислава, скрыть от него, что так тщательно берегла в глубине земель пана Смирца. Она до сих пор не могла успокоить волнение, что вспыхнуло в груди, когда пан Сикстуш признался, что знал и наблюдал за Анджеем уже на третий год его жизни.

— Я не признался Владиславу в том, что узнал. И не сделал бы того, буду честен с тобой, коли б все иначе пошло, — говорил тогда епископ. — Но пани Ефrojина так и не смогла подарить наследника нашему роду, а единственная дочь Владислава сгорела от воспы. И коли б не появился у Владуся сын спустя пять лет, когда Анджею пришла бы пора мужать, то тут сам Господь велел открыть правду. Ибо только отец сможет вырастить достойную замену себе, никто иной. И должен то делать! Или коли б срок мне до того времени не пришел... Уж больно сильно на грудь старуха мне черная давит, нет мочи порой терпеть эту боль. Верно люди говорят, когда дыхнет на тебя холодом могильным, от которого сердце сожмется, тогда оно начнет стучать в полную силу, тогда возьмет верх над трезвым рассудком. Быть может, оттого сердце мое стало мягким словно масло. Всех жалею, о всех думать хочу. А может, от того, что в глазах сына вашего с Владиславом увидел... Блаженна младость, она так легковерна и добра к всем! Она греха еще не знает, ничто не тяготит ее. Нет еще ошибок, что надо править, или той вины, за какую надо каяться. Но не думай, что мой разум размяк вместе с сердцем. Не настолько! Я желаю, чтобы ты вернула себе утерянное расположение Владислава не потому, что ты мне по нраву или что я позабыл о крови твоей и нешляхетском рождении. И я по-прежнему, стою на том, что веру ты должна переменить, как приняла иное имя! Я знаю только, что негоже одного сына иметь ординату. А распрей в роду я не желаю, доле их было! И сыновей Владислав желает только от тебя ныне, пусть даже никогда и никому не признается в том сам. И душу его пробудить от того холода, что после смерти Ануты пришла, только ты можешь, я знаю то достоверно. Будешь

умна, сможешь все сделать, как сказал, вернешь то, потеряла.

— Ты не спросил меня, пан бискуп, желаю ли я того? — вдруг холодно заметила Ксения, разозлившись на тот ворох чувств, что ныне был в душе у нее. — Столько лет прошло...

— А мне не надобно спрашивать, — усмехнулся снова епископ. — Я души читаю, как книги, забыла?

И Ксения заметила ему тогда в ответ, что видно, ошибается и он, раз так не вовремя поспешил покаянные слова произнести своему родичу, раз признался, что и он виновен в том подлоге, что свершился когда-то, виновен в сокрытии крови и плоти Владислава, в сокрытии этой тайны. «Повременил бы сам пан бискуп, остыл бы гнев пана Владислава. Не сидел бы тогда взаперти в эту ночь в одиночестве», сказала едко. А он только взглянул на нее так, что она смутилась под его взглядом, покраснела от укола стыда, тихо проговорил:

— Повременил бы! Я не Господь Бог, и мне он не дает вестей, когда и за кем придет смерть. Кто ведает, сколько времени-то...

Быть может, и от дум о будущем каждого, кого она знала ныне, Ксения не могла заснуть в ту ночь католического Рождества и долго ворочалась в узкой постели. Уже вернулись с вигилии и шляхта, и незанятые в ту ночь слуги в Замок, разошлись по комнатам, чтобы отдохнуть перед пиром праздничным, набраться сил перед долгими днями и ночами гуляний, а она все крутилась с боку на бок, пытаясь сомкнуть глаза. За окном разлились солнечные лучи, когда ей наконец удалось провалиться в сон, да и то тот был неспокоен: метались перед глазами картинки, проносились лица. Пробудилась только в сумерках, чувствуя себя такой усталой, словно и не спала вовсе, а тот факт, что времени подготовиться к ужину в большой зале совсем не осталось, удовольствия не прибавил. К этому еще прибавились и страх перед предстоящей встречей с Владиславом, и угрызения совести — она уже второй день в Замке, а так и не удосужилась спуститься вниз, в подвал под брамой, не проведать, как там Ежи. А потом, когда прибежавшая запыхавшаяся служанка укладывала волосы, старалась убедить себя, что только к лучшему то — не стоило пока дразнить Владислава, неизвестно, как он мог бы отреагировать на ее визит в темницу.

Уже когда Ксения была готова к выходу из комнатки, в последний раз проводя ладонями по широким юбкам платья, собираясь с духом, в дверь несколько раз стукнули, и на пороге возникла женская фигура. Сперва Ксения не узнала ее. В этой слегка полноватой женщине в платье из затканной серебряной нитью парчи и богатом чепце с тонкой серебряной сеткой, куда был спрятан узел темных толстых кос, с трудом можно было угадать ту самую белицу, что когда-то оставила вместе с ней земли Московии.

— Мария! — ахнула она, и женщина холодно кивнула в ответ, махнула рукой, отпуская служанку прочь.

— Знать, верно я подумала. То действительно ты, и Анджей сын твой, а не шляхтянки, с которой пан ординат когда-то тешился, — проговорила она. — Недаром мне велено...

Она замолчала, вздохнула, пытаясь выровнять сбившееся от волнения и пути вверх по лестнице дыхание, окинула взглядом Ксению, что стояла напротив. Это был обычный взгляд, которым люди всматриваются в своего знакомого, встреченного после долгой разлуки. Но Ксении вдруг стало не по себе, словно сейчас Мария заметит, что платье на ней то самое, старое, из зелено-голубого атласа, заметит, те маленькие точки, что остались от некогда пришитых к ткани жемчужинок, которые пришлось отпороть и продать. Они с Эльжбетой вышили на пустующих местах узоры шелковыми нитями в тон атласа, придавая платью пусть

не такой богатый, как прежде, но не менее изысканный вид. Но Ксении отчего-то сейчас казалось, что слишком бросается в глаза то, что платье не ново да еще и подлежало переделке, оттого и была молчалива, пока шли длинными полутемными коридорами к большой трапезной зале, не обращала внимания на взгляды Марии.

Уже в конце их пути, когда отчетливо был слышен гул голосов и смех, что шел из залы, где собралась шляхта на праздничный ужин, чтобы от души насладиться отменными кушаньями и ароматными винами и другими напитками после поста, Мария вдруг придержала Ксению за локоть, повернула ту лицом к себе.

— Это верно ты, Ксения, — прошептала она, легко проводя кончиками пальцев по ее плечу. — Верно ты...

— Я, — также шепотом ответила Ксения, улыбаясь дрожащими от волнения губами. — Только имя ныне у меня другое, слышала?

— Слышала, — кивнула Мария. — Сынок у тебя такой... справный. На тебя похож лицом. И на него, на пана ордината. Я ведь сразу признала, чей сынок то, когда панича ко мне в каменицу привезли. С сыном моим Янусем чуть ли не спать ложатся в одну постель и из тарелы одной едят, так пришлось по душе друг другу.

«Он ныне недалече, в вотчине людей преданных Владиславу», мелькнуло в голове Ксении. Значит, у Марии в доме Анджей, не у чужих оставил.

— У тебя сын родился в ту весну? — спросила она, и Мария кивнула, взяла ее ладони в свои, ласково сжала.

— Сын. Януш — в честь отца моего. Иван по-нашему. А потом, в следующем году, снова сына принесла Влодзимежу, Ляслава, затем Томашек. Ждали еще прошлого года дите, да только хворь клятая и Томашека, и дите нерожденное с собой забрала, — Мария сжала губы на миг — вспоминать о том, как детей потеряла из-за воспы, было еще тяжело для нее, а потом просветлела лицом. — Вот, может, в следующей весной себе девицу наконец рожу. А то все мальцы да мальцы... А ты...?

— Нет, мужа нет, и Андрусь один у меня, — ответила Ксения, заметив, как замялась та. Мария кивнула, взяла ее под руку и, улыбнувшись, уже теплее, чем тогда, при встрече, повела к зале. Уже почти дошли до ярко освещенного проема двери, откуда доносились звуки пиршества по случаю Святого праздника, как вдруг Мария придержала Ксению.

— Ты приехала в Замок за Андрусем? — спросила она с тревогой в голосе. — Коли за ним, то сразу не...

— Нет, — покачала головой Ксения, не отрывая взгляда от дверного проема, в который ей ныне были видны длинные столы, накрытые скатертями и уставленные посудой и кушаньями, шляхта, что сидела за ними и трапезничала, оживленно переговариваясь и смеясь, слуги, сновавшие по залу с блюдами или кувшинами в руках.

Но видела она только одного человека среди всей этой кутерьмы, творившейся в трапезной зале. Владислав сидел за столом ордината, что стоял на некотором возвышении, внимательно слушал Добженского, который что-то говорил тому, смеясь. По левую руку от Владислава сидела та рыжая пани, с которой Ксения видела его в Бравицком лесу, в платье из темно-синей блестящей ткани, с роскошным ожерельем из сапфиров на белоснежной коже открытой квадратным вырезом груди. Но то, как было несколько грустно красивое лицо пани, как одиноко сидела она подле Владислава, вдруг заставило сердце Ксении забиться в надежде, что соперница ее далеко не так сильна, как показалась ей тогда. Владислав не поворачивался к той, слушал Добженского, а сам, не отрывая взгляда, смотрел

выжидающим взглядом в темный дверной проем. Нет, он не мог видеть подошедших женщин. Но он определенно ждал ее прихода.

Он ждал ее...

— Нет, я приехала не только за Андрусем, — ответила Ксения. Настала пора признаться и самой себе, что причина, толкнувшая ее на столь поспешный приезд сюда, была иная. Поводов было много, а вот причина была одна. — И не только для того, чтобы просить волю для пана Смирца. Я приехала сюда к нему. К Владиславу. К своему сердцу...

Все это уже было однажды. Десятки любопытных глаз, шепотки за спиной, улыбки украдкой, перемигивания. Но тогда она стояла перед шляхтой, собравшейся в зале, ощущая своими дрожащими от волнения пальцами сильную руку Владислава, что поддерживал ее в тот момент. Его силу, защищавшую ее, окутавшую ее тогда словно плащом, скрытым от глаз, укрывшую ее тогда от всего худого.

Ныне же и он был по иную сторону, напротив нее. Такой холодный, такой отстраненный. Взгляд его темных глаз, казалось, пронзал ее до самого нутра, вызывая в душе легкий трепет, заставляя слабеть колени. Но она упрямо шла вперед, распрямив спину, подняв гордо подбородок, стараясь не обращать внимания на любопытные взоры, которыми сопровождался весь ее путь от двери до свободного места перед возвышением, на котором стоял стол ордината. Но и эти взоры были такими же другими, как и она — не было неприязни открытой, что она ясно видела тогда во взглядах шляхты, только любопытство, легкий интерес к ее персоне, иногда восхищение ее красотой, а порой даже равнодушие. Но той волны враждебности более не было, и это позволило Ксении вести себя смелее, чем даже она сама ожидала от себя.

Мария по знаку Влодзимежа отстала от Ксении, позволила той предстать перед взглядами сидящих за хозяйским столом одной, в душе радуясь тому, что не ей предстояло выдержать этот тяжелый взгляд, которым наградил ту ординат. Ксения даже сбилась с шага, когда вдруг встретила с глазами Владислава, едва удержала спину при почтительном приветствии ордината прямой, чувствуя, как по ней бежит легкий холодок.

— Пани Катаржина Вревская, — произнес тем временем Тадеуш, выполняя свою обычную роль и представляя прибывшую перед очами пана ордината. — Дочь пана Егория Смирца из Дубров, вдова пана Вревского из земель под Велижем.

Ксения медленно выпрямилась под взглядом Владислава, но не успела она открыть рот, чтобы заговорить, как он вдруг кивнул коротко, отвернулся от нее к Тадеушу и что-то прошептал тому на ухо. А после и вовсе повернулся к слуге, что стоял за креслом, протянул в его сторону кубок, и холоп поспешил наполнить тот вином. Ксения растерянно взглянула на хмурого Добженского и заметила его знак отойти к ожидающей ее поодаль Марии, но даже не подумала следовать ему, а осталась на месте, пока Владислав не взглянул на нее снова.

— Пан Заславский... — начала было она решительно, но Владислав поднял руку, прерывая ее.

— Пожалейте, пани, меня, — проговорил он с легкой усмешкой в голосе, улыбаясь одними губами. — Разве в такой вечер говорят о делах или нуждах? Пусть пани сядет за стол, выпьет вина или меда, отведаст праздничных яств в знак праздника святого.

Ксения едва удержалась, чтобы не нахмуриться, когда он отчетливо подчеркнул в своей речи слова «вино» и «яства», зная, что она держит пост, следуя православному закону.

— Пан ординат прав, — согласилась все же она с ним. Ксения еще там, стоя у входа в залу, решила вдруг переговорить с Владиславом об узнике, что заключен в темницу под брамой, именно сейчас, когда в душах царит благодать от vigилии, а зала будет полна людей, свидетелей их разговора. Владислав не сможет отказать в Рождество в ее просьбе при десятках ушей. Да к тому же пришла пора следовать совету дяди Владислава. «Не давай ему закрыться от тебя, напоминай о себе!», — говорил ей давеча бискуп. «Уж лучше злость, чем

безразличие! Безразличие убивает все живое, что есть в душе».

Как жаль, не было ее неожиданного союзника, бискупа, за ординатским столом. Он бы даже своим молчаливым присутствием помог бы ныне ей. Видит Бог, поддержка ей была очень нужна, ведь сердце от страха то и дело пропускало пару тактов, и сдавило грудь от волнения. Но другой подобной возможности могло и не быть...

— Пан ординат прав. Ныне вечер, когда не надобно говорить о делах или нуждах, но самое время говорить о милости и благодушии.

— Милости? Пани желает говорить о милости и благодушии? — переспросил Владислав вкрадчиво. — Пани решила, что самое время ныне? О, я понимаю, с чьих губ когда-то сошли эти слова о милости и благодушии в совете для пани! Так вот я не служитель святой церкви, чтобы радеть о милостях еженощно. И я не столь свят, чтобы прощать урон и обиды вора́м. Даже в святой праздник, — а потом склонился чуть ближе к ней через стол и проговорил уже тише. — Разве пани не помнит? Я же когда-то говорил ей, что никогда не подставляю вторую щеку, как велят то ксендзы. Пани должна была запомнить то. Или пани снова напугала?

Ксения взглянула в его темные глаза и вдруг вернулась на несколько лет назад в ясный солнечный день в лесу Московии, когда Владислав твердо сказал ей почти те же самые фразы. И она ясно поняла, на что он намекает: она еще долго путалась в словах его наречия так схожих по звучанию, но таких отдельных по смыслу. «Запомнечь» в ее родной речи означало «запомнить», в его же — «позабыть»... Даже одинаковые слова были настолько разными в их землях...

Они снова были разделены невидимой стеной, сглотнула комочек непрошенных слез Ксения. Как и тогда, в Московии. Снова между ними встали боль потери и горечь предательства. Невольные противники, которых опять свела судьба друг с другом, опутала невидимыми нитями, крепко привязав друг к другу. И смогут ли они, как тогда, забыть о своих обидах?

Она первая отвела глаза, опустила взгляд, опускаясь перед Владиславом в почтительном поклоне, а потом отошла к Марии, не дожидаясь его последующих слов. Она вернется к этому разговору, но не ныне, когда уже стала присматриваться к ней скучающая до той поры пани в темно-синем платье, что сидела подле Владислава, не ныне, когда Добженский глазами подавал ей знак прекратить разговор и отойти. И помоги ей Бог, удержи от промаха, который она совершила сейчас, решив, что прилюдно Владислав не станет наносить ей пусть только словесные, но такие болезненные удары.

Но зато она добилась другой своей цели. Он был зол. Она ясно чувствовала на себе его взгляд, даже через длинный стол, что разделял их, на конце которого ей досталось место за ужином. Этот взгляд пронзал ее насквозь, когда пробивался через головы сидящих между ними гостей, будоражил ее нервы. «Уж лучше злость, чем безразличие», повторяла себе снова и снова Ксения слова бискупа, стараясь не поворачивать головы, чтобы не встретить взгляд темных глаз, пытаясь отвлечься от него.

Соседи по столу были Ксении незнакомы, а Мария села за стол подле мужа, в отдалении от нее, потому она в основном молчала и прислушивалась к беседе панов и пани, что окружали ее. Говорили сперва о политике: осенью этого года истекло соглашение со Швецией о мире, и паны долго спорили, будет ли война. Эта тема не особо интересовала Ксению, в отличие от перепуганных соседок по столу, что долго выпрашивали, не будет ли, упаси святая Мария от того, вторжения в земли Литвы? А потом заговорили об охотах, что

предстояли в Святочные дни для развлечения гостей, и Ксения стала прислушиваться, а после не сумела сдержаться и промолчать, когда паны заговорили о том, что лучше пуля или стрела. Шляхтичи с некоторым удивлением, но позволили ей влиться в разговор, а потом даже забыли, что с пани его ведут, увлеклись спорами. За беседой с соседями по столу ужин, казалось, даже завершился намного быстрее на радость Ксении, что к тому же держала пост и не могла полакомиться многим, что предлагалось, не пила вина или ставленого меда.

Наконец ординат поднялся со своего места и повел пани Кохановскую с возвышения, а после в большую залу, где уже подтягивали струны музыканты, стоящие в галерее. С грохотом отодвинув лавки и стулья, выходила из-за столов шляхта, чтобы поспешить вслед за ординатом и либо принять участие в танцах, либо встать у стен залы, а может, даже поближе к теплу камина и обсудить за кубком горячительного, что в голову придет, продолжить разговоры, начатые за столом.

Незаметно возле Ксении снова возникла Мария, решившая выведать наконец-то о причинах, что заставили ту оставить Замок и пана ордината. Аккуратно ступая, чтобы не наступить ненароком на юбки, рука под руку в залу, склонив головы близко друг к другу, они прошли по короткой анфиладе комнат в залу, где уже подбирали шляхтичи себе пару на генсий.

— Не могла бы ты мне поведать об этой пани, что подле пана Владислава? — шепотом спросила Ксения, потянув Марию в дальний уголок залы, стараясь затеряться среди шляхты от любопытных глаз. — Она ведь его любезная, верно, эта пани Кохановская? — с трудом скрывая боль, возникшую в груди при эти словах спросила у той, поспешила спрятать эту боль за иронией. — Отменное имя для любезной, самое верное! И давно ли она греет постель его?

— На этот вопрос могу ответить и я, — раздалось у Ксении чуть ли не над ухом, и когда женщины, вздрогнув от неожиданности, подняли головы, заметили, что прямо перед ними стоит Владислав. — И это будет достовернее, не так ли?

Ксения почувствовала, как заливается краской от самых ушей по всему лицу и вниз по шее, заалела пятнами кожа в вырезе платья. Но не только от того, что была поймана за подобным разговором, но и потому, что все, кто присутствовал в зале, повернули головы в сторону той, кому ныне протягивал ординат руку, приглашая на генсий, оставив пани Кохановскую в кругу знакомых паненок. Краснела, смущаясь той тишине, что повисла в зале, словно над землей под потемневшим перед грозой небом.

— Генсий, пани Вревская, — произнес Владислав. Ксения взглянула на его протянутую в ее сторону ладонь, а потом снова в его глаза, разрываясь между отказом от танца из-за поста, который держала, и неудержимым желанием коснуться его руки, которое вдруг вспыхнуло в душе, даже закололо в кончиках пальцев. А потом, уговаривая себя, что генсий не совсем танец, все же протянула в его сторону руку, положила руку в его широкую ладонь.

Владислав махнул рукой музыкантам, а потом повел за собой Ксению из ее укромного местечка, встал в центре залы, глядя перед собой в никуда, даже не поворачивая головы к ней. Ударили палочки по тонким струнам цимбалы, и шляхта, что разбилась попарно, поспешила занять места за парой ордината, пошла степенным медленным шагом за ней.

— Зачем ты прибыла в Заслав? — после первой десятки шагов, которыми они начали генсий, резко спросил Владислав, по-прежнему глядя вперед. Ксения же взглянула на него, и потому несколько сбилась с шага, с трудом смогла вернуться на прежний ритм.

— Мне нужен мой сын. И Ежи нужна воля, — ответила она, тоже переводя взгляд прямо

перед собой, зная, что ныне не может даже на миг задержать взор на его профиле под десятками любопытных глаз, подмечающих каждый жест, каждый ее взмах ресниц.

— Мне нужен сын не меньше, чем тебе, согласна? — отрезал Владислав, сжав ее пальцы с этими словами с силой. — А что до Ежи, то воля дается тому, кто раскаялся в творимой обиде. Пан Смирец нынче же днем мне повторил сызнова, что верни его Господь в тот день, он не помедлил бы, повторил все, что сделал тогда. Все твердит, что то для блага было моего. *Semper fidelis* {1}... А пани? Что скажет на то пани?

Ксения задумалась на миг, ясно распознав расставленную ловушку, постаралась обойти ее, не свалившись в подготовленную яму на довольство охотника.

— Ради доли твоей, Владек, я готова на все, ты ведаешь то, — тихо произнесла Ксения, и Владислав снова сжал ее пальцы на короткий миг. — И ни на миг не остановилась бы ни перед чем, коли на твое благо то.

— Знать, на том же стоишь, что и ранее, как и Ежи. *Nisi utile est quod facimus stulta est gloria* {2}, — проговорил Владислав, и Ксения нахмурилась, снова ощущая некий подвох с словами, которые она не понимала. — Есть такая поговорка в нашей земле, пани: желающего судьба ведет, а нежелающего тащит. Вы трое стащили меня с моего пути, даже не спросив, куда вела моя тропа, даже не спросив, на благо ли то будет мне, решив все за меня. Вы предали меня. Самые близкие мне люди, от которых не ждешь удара в спину. Вы украли у меня мою волю...

— Но если взглянуть на это иначе? — запальчиво предложила Ксения, поворачиваясь к нему, уже не заботясь о том, что за ними наблюдают. — Если взглянуть с другой стороны...?

— Для меня нет иной стороны в том, неужто ты не поняла еще того! — отрезал холодно Владислав. — Я сам решаю свою жизнь. И нет нужды толкать меня на то, что нежеланно мне! А ты сама ведаешь ли иную сторону? Ведаешь ли, какими были бы эти годы, коли б все тогда пошло иначе? Что сказали тебе, втягивая в свой сговор? Что ты нешляхтянка и сын будет наш нешляхетского достоинства? — они прошлись по кругу, обойдя друг друга, как того требовал танец, впервые заглянув за это время в глаза, и Ксению больно хлестнул тот холод и та злость, что горели в темноте очей Владислава. Потому даже с некоторым облегчением отвела взгляд, когда они снова продолжили степенный ход танца. — Спросила ли ты хоть раз меня? Спросила ли, что я думаю о том? Коли б сделала то, разведала бы, что есть законы, по которым шляхтич может быть признан по рождению и только по отцу, а не по матери. Что договоры я заключил с панами Тышкевичем и Сапегой о помощи в случае, коли нужда придет на земли, помочь оружием и людьми, а в трибунале встать подле, ведь мы связаны, как и с Острожскими, по линии родовой. И все это я готовил в то время, как ты плела свою паутину вместе с Ежи за моей спиной. Так скажи мне ныне, какая сторона правая в этом деле?

— А церковь твоя? А те, что Марылю забрали с собой, как ведьму? — не желала сдаваться Ксения. — И коли б брату проиграл все же, как подкомория пост потерял тогда?

— Я был на многое готов ради той, кого привез с собой из Московии когда-то, — ответил ей на то Владислав. — И даже на грехи тяжкие. Нет нужды их на свет тащить, коли не стало нужды творить их. А что до церкви святой, то и тут она мне не указ. Не пожелал бы папский легат ссоры с ординатом, когда столько земель лежит под его рукой и под дланью папы, только благодаря тому. Да, мы бы долго слали друг другу грамоты спорные, но дело в итоге решилось бы мне на благо. Не пожелал бы папа отречения от римского закона стольких земель, пошел бы на мировую. А коли нет, так нельзя отлучить от церкви того, кто

в вере иной ходит.

На этих словах Ксения снова сбилась с шага, а голова ее пошла кругом от волнения. Неужто...? Неужто веру бы переменял? Ради нее...

— Не думала о том, ведь так? — усмехнулся зло Владислав. — Путь, что вы выбрали для меня менее тернист, но я бы преодолел все трудности ради той награды, что ожидал меня в конце своего собственного. Я бы пошел против всего света ради той, кому когда-то отдал свою душу. Non omnia possumus omnes {3}. Пани же безропотно ушла, — он вдруг остановился, повернулся к ней и поклонился. — Это все, что я желал ныне сказать пани. Конец генсия. Благодарю за честь оказанную мне...

Он уже отошел от нее к кружку паненок в разноцветных платьях и, улыбаясь, поднося к губам руку пани Барбары, что-то говорил тем, отчего те тихонько засмеялись в ответ и заалели румянцем, скользнувшим по щекам. А Ксения все еще не могла отвести от него взгляда, отступая с центра залы, чтобы не мешать танцующим мазур, в который плавно перешел генсий. В горле застрял комок невыплаканных слез, мешал дышать полной грудью, которую к тому же сдавливал тесный корсет платья. А потом затерялась среди шляхты, которой была полна зала, скрылась в темном коридоре, прижалась к холодному камню стены щекой.

Быть того не может! То, что поведал нынче ей Владислав... Ведь это просто было неосуществимо, разве нет? Об этом не хотелось думать, но упрямая мысль билась жилкой на виске. Неужто все было напрасно? Неужто впустую? Все эти годы разлуки и боли, слез и горечи... Боль Владислава... Неужто впустую? Второй раз эти годы она усомнилась вдруг в правоте содеянного, захотелось, чтобы кто-то подсказал ей, верно ли то, что было сделано несколько лет назад, развеял ее сомнения. И это должен быть не бискуп, нет. Она могла бы пойти к нему в покои ныне и расспросить его о том, но полной веры его словам у нее еще не было.

Ежи! Вот кто мог бы помочь ей, решила Ксения и нахмурилась невыполнимости задуманного. Кто пустит ее в темницу к узнику ордината? Кто позволит ей спуститься вниз, в подвал под брамой? А потом вдруг легла длинная тень в коридор, когда кто-то вышел на порог залы, и она подняла глаза на темный силуэт, улыбнулась уголками губ.

— Пан Тадек, — тихо произнесла она с легким придыханием в голосе. Он резко шагнул к ней в темноту, взял в ладонь протянутую руку. И она вдруг расплакалась тихо от его участия к ней, от его плохо скрытой нежности, закрывая от его взгляда ладошкой мокрое от слез лицо, стыдясь своей слабости, но отчетливо понимая, насколько та ей на руку ныне. Она тихо шептала, как ей страшно одной, как худо без дружеской руки, без участия, без ласкового слова. «Пан Ежи заменил мне отца, стал самым родным, когда я осталась одна в этой земле», шептала она, и он кивал, соглашаясь с этим, все еще сомневающийся, но уже готовый служить ей, как и прежде. Лишь бы она не плакала...

— Я проведу пани ночью в темницу к пану Смирцу. Как только часы на башне ударят три раза, жду пани в главной галерее, что ведет из южной башни на двор, — проговорил Тадеуш, и Ксения замерла от острой иглы, которой кольнула совесть прямо в ее сердце.

— Пан Добженский должен ненавидеть меня за то, что я едва не сотворила. Не было и дня, когда я не сожалела о том, пусть пан поверит мне, — прошептала она. — Я не могу... я не выйду к пану ночью, ведь то может... пан Заславский...

— Я буду ждать пани после третьего удара на часах, чтобы проводить ее к пану Смирцу, — твердо повторил Тадеуш прежде, чем развернуться и уйти в залу, из которой

доносились звуки краковяка и мерный стук каблуков по каменному полу. А Ксения пошла в отведенную ей небольшую комнатку в Южной башне и долго ходила из угла в угол, размышляя и то срываясь в полное отчаянье, то снова подпитывая в себе надежды, что несколько поблекли после встречи с Владиславом. Нет, она не ждала от него явной радости ее присутствию, но безразличие и этот холод...

Вскоре часы пробили три раза, разрывая ночную тишину, что установилась в Замке. Шляхта разошлась по своим покоям еще после полуночного удара, и Ксения не боялась столкнуться с кем-нибудь ненароком, ступая аккуратно по темным коридорам Замка, чтобы не наступить на подол или не оступиться. В полутемном переходе в галерею из Южной башни ее уже ждал Добженский, накинул на ее плечи собственный кунтуш, ведь она от волнения забыла о том, что придется выйти из теплых стен Замка, чтобы пересечь двор и спуститься в подвал под брамой.

Стражники на стенах даже головы не повернули, чтобы взглянуть на две темные фигуры промелькнувшие на белом полотне, которым были покрыты камни двора, а тот, что стоял у толстой двери, ведущей вниз, в темноту подземелий Замка без лишних разговоров открыл замок, узнав в стоящем перед собой пана Добженского. Снова темные коридоры, освещаемые светом от факела, что нес в руке Тадеуш, но гораздо мрачнее и холоднее. А потом он толкнул еще одну дверь, и проскользнувшая внутрь темницы Ксения разглядела Ежи, что тут же сел на узком топчане и уставился на вошедших, моргая от яркого света. Ксения метнулась к тому, поправила доху на медвежьем меху, что соскользнула у него с плеч при этом движении, схватила его ладони и прижалась к ним лицом.

— Касенька, — прошептал, улыбаясь, шляхтич, а потом нахмурился. — Он ведает, что ты тут? Коли нет, то прочь ступай отсюда! Не надобно нам, чтобы знал о свидании нашем. Пока мы не увиделись, нет у него причин говорить, что в сговоре одни речи ведем. И о Лешко... — он осекся, метнул взгляд на Добженского, что стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку. — Ты зачем ее привел? Не надо было! Только хуже ей сделаешь!

— Она просила...

— Она в колодец попросит вниз головой, прыгнешь? — хрипло выкрикнул Ежи и закашлялся. — Ты-то прыгнешь... Куда лезешь, Кася?

Он вырвал из ладоней Ксении свои руки, надежно укрывая под дохой правую, замотанную какой-то грязной тряпкой, странного бурого цвета от пальцев вверх почти до самого локтя. Та подняла на него взгляд, полный муки и потрясения, что мелькнуло при воспоминании о том дне, когда спросила Владислава, что тот сделал бы с соперником, если того в ком заподозрил. Тогда тот говорил о руке, о правой руке, что держала шляхетскую саблю, знак достоинства панского.

— О святой Боже, Ежи! — воскликнула она, пытаясь вырвать его руку из укрытия, поглядеть, что там с той случилось. Но старый шляхтич не давался, а потом и вовсе оттолкнул ее от себя.

— Зачем пришла, Кася? Душу мне травить? Али спросить что? Остальное знаю я. Да и жив и здоров я, что мне сделается, не тревожься о том. А в каморе сижу, так когда еще столько времени доведется в хладном месте голову прочистить от мыслей горячих, о жизни думать думать? — он улыбнулся ей и вытер слезу с ее щеки, ласково проведя большим пальцем по нежной коже. — У нас нет другого пути, Кася, как ждать его решения. И я буду молиться о том, чтобы оно было верным. А теперь ступай, пока никто не дознался, что ты не в комнате своей. Странно, что до сей поры никто еще не ступил сюда с упреками...

— Я спросить хотела тебя, Ежи... Владислав рассказал мне...

— Знаю, — оборвал ее Ежи. — Никто не ведал, что у него в голове есть... Так и скажи ему. А теперь ступай, говорю тебе, ступай! Даже у ночи есть глаза, что видят. Негоже дразнить Владуса, не в том положении мы.

Он коснулся губами ее лба, провел ладонью по неприкрытым золотистым волосам, наслаждаясь их мягкостью, а потом подтолкнул ее к двери легонько, кивая Добженскому, на которого был зол за то, что тот пошел на поводу у красы. Он был готов биться на что угодно, что за Ксенией в замке следили глаза, что Владиславу уже прошептали о визите той в темницу под брамой, что тот уже ведает о нем.

Старый шляхтич не ошибся. Владислав действительно узнал о визите Ксении. Но ему не было нужды верить чужим глазам, потому как его собственные видели то. В ту ночь ему не давала покоя душа и совесть, что укоряла за многое свершившееся ныне, вот он и не спал в тот миг, проходил по галерее второго этажа из покоев Барбары в свои, в северном крыле.

Нет, дело было не в Ксении («Катаржине», поправлял он себя мысленно, натягивая кунтуш прямо на рубаху). Дело было в другой женщине, что смотрела на него нынче, не отводя глаз, провожая взглядом до двери. И хотя она сама приняла решение, на душе все же было беспокойно.

— Я хочу уехать, — вдруг отстранилась тогда от Владислава еще миг недавно целовавшая его Барбара, заглянула в его глаза, словно пытаюсь что-то отыскать в них. — Я хочу уехать в Усвячь, фольварк, что держит для моих детей пан Жигович, их опекун. Я не видела своих мальчиков уже более полугода, и твой сын напомнил мне о том.

— Именно ныне надо тебе ехать? В Святки? — нахмурился Владислав, и Барбара порадовалась тому, что он хотя бы слышал ее слова. В последнее время он был рассеян и невнимателен к ней, равнодушен к ее ласкам. И она знала ныне тому причину.

— Да, верно. Хочу праздники провести с сыновьями, — она помолчала, водя пальчиком по его лицу, словно рисуя его профиль — от линии волос вниз по лбу и носу до губ и шрама в центре подбородка. А потом тихо сказала. — Он так схож лицом с матерью, твой сын. Она по нраву тебе до сих пор? Странно, ведь говорят ты так любил ту, что пытался забыть за ласками пани Вревской.

Владислав отвел ее руку от своего лица и резко сел в постели. Барбара же обхватила себя руками, словно пытаюсь согреться от того холода, что чувствовала от ордината последние дни.

— Ты не желаешь говорить о том. Ты стал иным. Точно зима заморозила своим холодом не только земли окрест, но и тебя. Я чувую то. Ты был иным до Адвента, — она отвернулась от него, стала смотреть в стену, на шпалеру, словно рисунок на ней заинтересовал ее сейчас. — Ты женишься на ней? На матери своего сына. Женишься?

Владислав помедлил с ответом миг, но и этого мига Барбаре хватило, чтобы по ее губам скользнула грустная улыбка.

— Нет, я не женюсь на ней, — он обошел кровать, встал возле нее и, обхватив пальцами ее подбородок, заставил взглянуть в глаза. — Так что тебе нет нужды уезжать из Замка, Бася.

— Я уезжаю не потому, что ты можешь повести под венец кого, — снова улыбнулась Барбара. — Я всегда ведала, что... что все не будет длиться вечно. Ты меня не любишь. Но то я бы пережила, ведь была с тобой столько времени. Однако видеть, как ты полюбишь другую... я не могу. Несмотря на внешний холод, внутри тебя полыхает огонь, пожирая изнутри. И этот огонь я заметила только нынче вечером. Когда ты смотрел на нее... Любовь

легко рождается из глаз, а пани Вревская так схожа лицом с той, кого ты пытался забыть когда-то. И пусть не любовь, пусть другое толкнет тебя к ней, но когда это случится, я не хочу быть в Замке, не хочу этих взглядов и шепотков. Нет, не качай головой и не хмурь так брови. И не надобно так смотреть на меня своими очами, не заставишь трепетать от страха, пан Владек. Отпусти меня в Усвячь и не говори ни слова, чтобы я осталась... ведь я останусь. Даже против своего разума.

— Прости меня, Бася, — вдруг прошептал Владислав, обнимая ее, пряча лицо в ее распущенных свободно по плечам светло-рыжим локонам, в которых легким блеском играли огоньки свечей.

— За что, мой пан? — прошептала Барбара, прижимаясь к нему, обхватывая руками, прижимая ухо к его груди, чтобы послушать стук его сердца, быть может в последний раз. Это сердце никогда не билось ради нее, пусть и в такт ее собственному, и оттого так сильно порой хотелось плакать. — За что? Передо мной нет долга у тебя. Ты не давал клятв. И я... я тоже не давала тебе обещаний. Мы были вместе, когда Господь решил, что мы нужны друг другу. Ты помог мне после смерти пана мужа моего, а я была рядом с тобой в ту страшную годину. И не твоя вина, моя в том...

Барбара запнулась, не стала продолжать. Она никогда не говорила ему, что любит его. Не скажет и ныне. Не к месту и не ко времени, пусть они даже никогда не наступят в дальнейшем.

— Ты — дивная, Бася, — прошептал он, когда они лежали позднее бок о бок на постели. Она все же не смогла отпустить его, попросила остаться и просто лечь с ней рядом. В последний раз. — Ты — мудрая и нежная. Счастливцев тот, кому ты отдашь свое сердце...

Владислав ушел из спальни Барбары, когда та провалилась в глубокий сон, в последний раз коснувшись ладонью ее щеки. Он не лгал, когда говорил ей, что она удивительная женщина. Мудрая, тонко чувствующая его настроение, умеющая погасить его гнев и ссоры еще в зародыше, покорная в постели и вне ее. Чем не идеальная жена для любого мужчины? Чего же не хватало ему в ней? Что он искал в ее чертах и ее душе, что так конца и не смог открыть ей свое сердце, думал Владислав, шагая по галерее, кутаясь в кунтуш от холода, что пробирал через тонкую ткань рубахи.

А потом бросил случайный взгляд в окно на двор, заметил, как выскользнули две темные фигуры из-за двери, ведущей в подвальные помещения под брамой. И тут же узнал в одной из них Ксению, несмотря на то, что на дворе было темно, а света звезд было недостаточно, чтобы развеять эту тьму. А тот высокий пан, что берет ее за руку и ведет через двор, несомненно, Добженский, и никто иной! Взмахнула пани своими длинными ресницами, взглянула из-под них глазами цвета неба, и тут же растаял пан Тадеуш, словно снежный ком на весеннем солнце. Позабыв о том, что эти самые ручки, которые он так ныне заботливо греет за полой своего кунтуша, когда-то пустили стрелу ему в спину, едва не отправив *ad patres* {4}.

Владислав с трудом подавил в себе порыв приоткрыть створки окна, у которого стоял, чтобы хотя бы что-то уловить из той беседы, что велась между Ксенией и Добженским ныне, весьма бурная судя по тому, как резко кивала головой та. Но не стал, боясь спугнуть их, замерших на миг во дворе, отчаянно спорящих друг с другом. Добженский уступит ей, о чем бы они не спорили в этот миг, усмехнулся Владислав, отступая в тень, чтобы со двора не заметили его белую рубаху в темном проеме окна. Он слаб в деле, что касается это лживой светловолосой пани. Как когда-то был слаб Владислав. Верил каждому ее слову, дурень, и,

как Добженский, сунул бы голову в петлю, коли пришлось бы. Как она могла тогда делить с ним постель, улыбаться, целовать его губы и держать такой камень за спиной? Как могла так лгать ему, затуманивая его разум сладкими обещаниями, иллюзией будущей совместной жизни? Он вспомнил, как стоял так же у окна когда-то и глядел во двор, на сани, что увозили ее из Замка. Тогда он даже предположить не мог, что Ксения уезжает именно от него, что намеренно разбивает ему сердце.

Она жила вдали от него шесть долгих лет, не заботясь о том, как заледенела его душа от той потери, позволила ему творить жизнь по образцу, выбранному для него чужими руками, не по его воле. И строила свою жизнь вдали от него... Владислав вдруг вспомнил мужскую рубашу в ее постели и того мрачного шляхтича, что с лютой ненавистью глядел на него исподлобья в конюшне двора Ежи. Он ясно понимал его чувства и не осуждал его — ведь он сам едва удержался от того, чтобы не придушить этого шляхтича собственными руками. За то, что касался ее кожи... За то, что ему принадлежало то, что было по праву его, Владислава — губы и руки Ксении, ее улыбка, ее теплота и нежность, любовь и благоговение Анджея, как только сын может благоговеть перед отцом.

Анджей. Его гордость. Его плоть и кровь. Надо отдать должное — Ежи взрастил в сыне Владислава истинного шляхтича, сумел вложить в него то, чему учил когда-то самого Владислава. Но когда он думает, сколько лет пропущено и сколько событий... Владислав вдруг вспомнил, как легко дрожали руки, когда помогал спешиться Анджею на первой остановке после долгой скачки из вотчины Ежи, когда снимал его с коня одного из своих пахоликов. Совсем как когда принял на руки новорожденную Анну, когда впервые заглянул в ее личико. Немудрено, ведь и тогда, и тогда он впервые взял на руки собственное дитя.

Все три дня, пока они ехали с долгими перерывами от вотчины Ежи, Владислав старался узнать получше этого маленького шляхтича с такими до боли знакомыми голубыми глазами — расспрашивал его, говорил с ним, не отпускал от себя. Даже ночевал с ним в одной комнате в корчмах, но не спал, а сидел рядом и смотрел в лицо сына, вглядываясь пристально, словно что-то выискивая в его чертах. Дивно, но Андрусь почти не имел сходства с Анутой, несмотря на общую кровь, а лицом скорее походил на мать и на бабу, пани Элену. Он был подвижен, не слишком шумлив и капризен, любопытен и не боязлив, чертовски упрям порой, как и он сам в детстве. Андрусь... Он не видел его всего день, а уже желает видеть его рядом, дотронуться до его светлых кудрей, проверить его сон в эту ночную пору — тих ли тот, покоен ли, как делал то по обыкновению проверяя спаленку Ануты.

Когда Владислав очнулся от своих мыслей о сыне, взглянул снова во двор, тот уже был пуст — и Ксения, и Добженский ушли. С трудом преодолев внезапно вспыхнувшее желание поймать с поличным тех, перехватив на пути к комнате, отведенной Ксении, Владислав запахнул кунтуш и прошел в браму, где в небольшом помещении на втором этаже грелись у огня или спали стражники, отдыхающие от дозора. Там он растолкал одного из них, чтобы тот, не мешкая, отправлялся текуном в вотчину магнатского ловчего, увозя с собой короткую записку эконому, надежно запечатанную восковым изображением герба Заславских.

Владислав еще долго смотрел на след от сапога стражника, оставшийся на ковре в комнате, где он писал записку, примятым снегом, пока тот не превратился в воду от тепла, идущего от огня в камине, и не впитался в переплетение нитей. Он ни о чем не думал, а просто сидел, откинувшись на спинку кресла и ждал, пока заалеет край земли за слюдяными вставками окон, и замок наполнится тихими голосами пробудившейся челяди. Только тогда он ушел к себе в покои, чтобы освежиться и переменить платье, успеть это сделать до того,

как будет готова пани Кохановская в отъезде.

Она уже ходила по двору около саней, пряча ладони в муфте, висевшей на витом шнуре под пышным воротником лисы, скрывая свою печаль от любопытных глаз холопов, готовивших ее отъезд. Они явно недоумевали, отчего она так спешно покидает Замок, и видит Бог, она хотела бы знать то сама. Не совершает ли ошибки, оставляя его без борьбы? А потом сама себя поправляла, нет нужды бороться за то, что никогда не имел.

Барбара с готовностью подставляла губы, когда Владислав целовал ее на прощание, но не смогла не отметить, каким отстраненным был его поцелуй. словно по долгу, а не от сердца.

— Доброй дороги, Бася, — проговорил он после, уже накрывая ее колени меховой полостью. Он эгоистично не желал ее отъезда — Барбара была для него неким щитом, преградой, которая помогала ему ныне. Но и держать ее возле себя в такой роли Владислав не смел.

— Обещай мне, — вдруг удержала она его за рукав, когда он уже закрывал дверцу колымаги. — Обещай, что дашь знать, если буду нужна тебе. И я приеду. Тотчас, как получу весть от тебя. Но я приеду только, когда она уедет... если она уедет...

Владислав проводил колымагу Барбары и гайдуков, что сопровождали ее в пути, почти на полдесяток верст от Заславского замка, долго смотрел, как удаляется она по снежной дороге, скрываясь от взгляда в тени леса, прислушивался к тонкому перезвону бубенцов на упряжи, который становился все тише и тише, пока не стих совсем. После он долго не возвращался в Замок, словно выжидая что-то, пуская валаха в снежную гладь полей, наблюдая, как снег рассыпается под ногами коня. А после, уже повернув в обратную сторону, памятуя о том, что нынче днем ожидается прибытие пана Сапеги и его свиты, не мог не заехать в Заслав, остановиться у костела.

Но направился он не в склепы, как ожидал того отец Макарий, вышедший приветствовать пана ордината на ступени костела. Он обогнул костел и пошел к погосту, а дальше, аккуратно обходя могилы и надгробия, к православному каменному кресту, у которого ни разу не был за последние шесть лет. Тот был запорошен снегом, сквозь который виднелись темные, поникшие стебли цветов.

Добженский... Владислав смахнул одним махом с креста и каменного надгробия остатки цветов и снег, прочитал надпись у самого основания. «Sine te vivere possum, anima mea {5}». И это было правдой для него, эти слова, когда-то высеченные в камне. Он научился за эти годы жить без души, которую схоронил здесь вместе с деревянным гробом, без сердца, что уже не билось так же, как стучало тогда, когда она была рядом с ним, его драга. Видно, поэтому так ныне ныло в груди, как ноет у калеки место, где была отнята нога или рука, на перемену погоды.

Она изменилась за эти годы. Уже совсем не та юная девушка, что когда-то повстречалась Владиславу в землях Московии, стала иной. Люди, жившие по соседству с вотчиной Ежи, рассказывали текунам магната, аккуратно выпрашивающим о пани Вревской, о незнакомой ему женщине, не о той, что он знал. Быть может, потому даже мысленно он не может назвать ее по имени. Она уже не была Ксенией Калитиной. Пани Катаржина Вревская, и только она.

Но ведь и сам Владислав изменился за эти годы. Пережитое не могло не оставить свой след, и он сам уже не тот, что когда-то захватил на переправе возок с московитской боярыней внутри.

Нет, не станет убирать этот крест с погоста, согласно шальной злой мысли, что пришла в голову. Совсем не в праве был того делать, ведь все же тот на могиле стоял, даже если та, что лежит под ним была иной веры. Она, пешка в разыгранной искусными игроками партии, не заслужила подобного неуважения к своему вечному покою.

Этот крест останется на погосте, возвышаясь между другими надгробиями и распятиями, выделяясь меж них. И даже слова, что когда-то выбила рука каменщика, Владислав оставит в основании креста. Отныне этот крест станет совсем другим символом для него — напоминанием о том, как призрачны порой бывают надежды, как опасны душевные слабости. *Qui vult decipī, decipiatur {6}*. Владислав развернулся и медленно пошел прочь с погоста, повторяя себе эти латинские слова, словно запоминая.

Qui vult decipī, decipiatur. Истинно так... Теперь он знает это достоверно.

1. Всегда верный (лат.)
2. Неразумно рвение, если бесполезно то, что мы делаем (лат.)
3. Не все мы на все способны (лат.)
4. К праотцам, на тот свет (лат.)
5. Не могу жить без тебя, душа моя (лат.)
6. Желаящий быть обманутым, обманется (лат.)

Она думала, что не сможет заснуть в ту ночь, будет как в прошлую ночь долго лежать без сна на этой узкой неудобной кровати. Ведь всякий раз, когда закрывала глаза, перед ней вставало лицо Ежи. Нет, оно не было в крови, не было так страшно избито, как когда привиделось ей во сне. Но вот желтизна синяков под глазом и еще не до конца сошедшая опухоль на верхнем веке, что несколько закрывала глаз, ссадины на правой скуле и ранка, едва приметная ныне в уголке губ, ясно говорили, что шляхтич был избит несколько дней назад. Она помнила, как он сморщился, когда она обнимала его, значит, явно болели ребра. И рука... О святой Боже, прикрывала ладонью глаза Ксения, его рука...

В голове снова и снова возникали слова Владислава о мести, но сердце отказывалось принимать его вину в том. Нет, это невозможно, уговаривала она себя. Тот Владислав, которого она знала не мог так поступить с человеком, который был рядом с ним чуть ли не с рождения, который любил его, как отец собственного сына. А потом разум шептал — коли она смогла перемениться в чем-то, отчего не стать иным и ему? Дни и годы меняют людей — известная истина.

А потом вдруг неожиданно для себя самой, в очередной раз закрывая глаза, пытаясь забыть о том, что случилось не только за этот день, но и ранее, Ксения провалилась в сон без сновидений, да так крепко, что не проснулась даже, когда первые лучи принесли слабый свет утра в комнатку. Разбудила ее Мария, постучавшаяся в дверь около полудня, обеспокоенная столь скорым исчезновением Ксении из залы прошлым вечером.

— Пани Барбара нынче утром уехала, — сообщила она заспанной Ксении, едва та села в постели, толком не отдохнувшая этой ночью. — Странно то, ведь пан явно не расположен к тебе. Или для вида то только? А сам пани Кохановскую — за порог? Не пойму я до сих пор...

А Ксения молчала в ответ на эти слова. Потому что не знала, что сказать ей следует ныне, потому что боялась выдать ту надежду, что вспыхнула внутри нее яркой вспышкой, чтобы разгораться со временем все пуще и пуще. Она плескала себе на лицо холодной, почти ледяной воды, что оставила в небольшой балее прошлым вечером служанка, натягивала платье на плечи, только слушая Марию, не прерывая ту ни единым словом. А та только и говорила, словно спеша рассказать Ксении то, что хотела поведать еще давеча да не успела: про то, как только после родов узнала о мнимой гибели Ксении в огне, как на могилу ее ходила, не решаясь верить, что под холодным камнем лежит ее подруга.

— Тот, кто тело не видел, кто гроб не провожал, с трудом поверит в то, сама понимаешь, — произнесла она, помогая Ксении зашнуровать на спине платье до упора, позволяя тому выгодно подчеркнуть контур стана, и Ксения не могла не вздрогнуть, впервые представив, то, что пережил тогда Владислав: обожженное тело на руках, подготовка погребения, отпевание в церкви.

Потому и смотрела на него уже несколько по-иному, когда позднее с Марией после быстрого завтрака, что принесла в комнатку служанка, шагнули на поле перед Замком — некогда свободное, а ныне заполненное различными шатрами и лотками, людом, собравшимся на празднества и гуляния в эти Святочные дни. Ксения сразу же отыскивала взглядом в толпе Владислава. И не по богатому платью — среди гулявших были и иные шляхтичи в богатых жупанах. Ей казалось, что она отыщет его взглядом везде, где бы ни был он, и сколько люда не было бы вокруг него. Для нее он всегда был выше на голову и шире в

плечах остальных, заметнее среди окружавших его.

Владислав словно почувствовал ее взгляд, когда Ксения, заметив его в толпе на поле перед Замком, остановилась так резко, что Мария, спешившая следом, натолкнулась на нее, едва не поскользнувшись на утоптанном снегу. Повернул голову в ее сторону и взглянул в образовавшийся на миг среди люда свободный проем на нее, замершую под взглядом его темных глаз. Их взоры пересеклись всего на миг: вокруг ходили пришедшие на гулянья горожане, холопы и шляхтичи из Замка и окрестностей, и долго держать зрительную нить не представлялось возможным. Но ей стало не по себе, когда он, коротко кивнув в знак приветствия, отвел взгляд до того, как эта нить могла быть порвана проходящими мимо хохочущими в голос шляхтичами. Будто только ныне прокрался под бархат платья и мех верхней одежды зимний мороз, пробежался легким холодком по нежной коже.

Мария не успела заметить Заславского в толпе, не поняла причины, по которой остановилась Ксения, потому потянула ее дальше, к многочисленному люду, собравшемуся вокруг шопки {1}(или «батлейки», как называли ее холопы), в нижнем ярусе которого уже вовсю разыгрывали действие куклы. Из года в год оно не менялось, показывая картину рождения сына Божьего, но всякий раз приковывало к себе много любопытных глаз.

Ксения, протиснувшись вслед за Марией в первые ряды, вскоре отвлеклась от представления, с грустью оглядывая детей, что стояли в первых рядах, почти у самой шопки, заворожено наблюдая за куклами. Вспомнилось вдруг, как ездили в прошлое Рождество к костелу, где так же стояла шопка, только поменьше размером, с менее искусно сделанными куклами, как радостно хлопал в ладоши, смеясь, Андрусь. И как он испугался позднее ряженого, что сунулся к паничу с диким криком, пугая того, за что и получил тогда этот ряженный от Лешко по спине несколько ударов кнутов. Пан Роговский после поднял Андруса на плечи после этого происшествия, понес высоко над толпой, слегка подбрасывая, будто по кочкам ступал, а не по ровному снегу. Ксения тогда смеялась, вторя задорному смеху сына, даже не подозревая, что уже следующей зимой потеряет его...

— Что ты, пани? Что ты? — толкнула ее вдруг в бок локтем Мария, а потом схватила за руку и потянула за собой, прочь из зрительского толпы. Сперва Ксения не поняла, что произошло, почему на нее так странно косятся те, кто стоят рядом, отчего так взглянула с неким горьким торжеством в глазах Магда, чье лицо Ксения успела заметить, прежде чем уйти.

А потом заметила, что за куклы двигаются рукой кукольника в одном из ярусов шопки. Библейское представление уже отыграли, и теперь под смех толпы польский ратник бил саблей бородатого московита в высокой шапке. А сама Ксения смотрит, задумавшись, на это действо с влажными от слез глазами...

— Ты столько лет и зим отходила по этой земле и до сих пор не можешь свыкнуться? — сердито проворчала Мария, когда они уже шли между лотками с разными товарами, вокруг которых сустились покупатели. Она хмурилась и пыталась спрятать руки под меховой полрой одежды от мороза, вовсю кусавшего нежную женскую кожу. — Я уже не таю обиды за подобное, не думаю о том. Для меня Влодзимеж ныне не..., - она запнулась, подбирая слова, а потом снова заговорила. — Я не думаю о том, пани, я просто живу с ним. И с детьми нашими... Так сложилось.

— Да и я о том не думаю, — призналась Ксения. И не солгала в том. Живя своими заботами и печальми в вотчине Ежи, она уже давно не думала о той вражде, что некогда пылала между землей, что была отчей для нее, и той, которая стала домом ныне. Не было

нужды. Да и забылось как-то то... И нынче бы не вспомнила, если б не те куклы и слова Марии.

— Вот и верно, — кивнула Мария, беря под руку Ксению, чтобы снова ненароком не поскользнуться, ведь подошвы ее сапожек были из тонкой гладкой кожи. — И не нужно. А чего слезы тогда роняла там, у шопки?

— Андруся вспомнила, — призналась Ксения. Она уже открыла рот, чтобы спросить Марию, не у нее ли в вотчине Анджей ныне живет, как она догадывалась, не позволит ли та ей увидеться с сыном, если Владислав откажет в этой просьбе, но не успела. Мужская рука легко тронула ее локоть, прося обратить внимание на того, кто незаметно за шумом, звуками музыки и людскими криками, что стояли над полем, приблизился к ним.

— Прошу простить меня, пани. Пани Вревская? Пан ординат зовет к себе пани Вревскую, — коротко кивнул женщинам невысокий шляхтич, один из тех, кто ходили в свите Владислава. — Прошу за мной идти.

Радость Ксении, что Владислав вспомнил о ней вдруг, к себе зовет, ее предвкушение встречи с ним лицом к лицу и вполне возможно наедине, сменились недоумением и смущением, когда шляхтич привел их к месту, у которого по обыкновению проходили состязания в стрельбе. Видно, многие уже отстреляли свой черед, потому как не только женщины, но и мужчины просто стояли и наблюдали, как приближается шляхтич, за которым чуть поодаль следуют Ксения и Мария, опустившиеся в вежливом приветствии перед паном ординатом и паном Сапегой, что прибыл в Замок нынче утром.

Ксения метнула быстрый взгляд на Тадеуша, что стоял поодаль от Владислава среди остальных панов и паненок, словно спрашивая, что творится ныне, зачем ее позвал к себе Владислав. Но тот только и сумел так же безмолвно показать, что это неведомо ему, что он сам удивлен происходящему. Заславский лишь усмехнулся, поймав этот обмен взглядами, стараясь не показать той злости, что всякий раз вспыхивала в нем в последнее время в присутствии Ксении.

— Я велел позвать пани Катаржину Вревскую не даром, — громко произнес Владислав, глядя на подошедшую Ксению лишь мельком, только столько, сколько требовалось согласно положенному. — Пани Вревская славна своим умением в стрельбе, доподлинно ведаю то. Потому и отдаю пани свой выстрел. Думаю, ей под силу взять то, что уже четыре зимы принадлежит пану Стасеку.

Среди мужчин раздались смешки, а женщины стали обмениваться шепотками, окидывая взглядами Ксению с подола ее явно не нового платья и до шапки с лисьим околышем, из-под которого она яростно сверкнула глазами в сторону Владислава помимо воли. Что творится? Зачем он выставляет ее на потеху шляхте и остальным, что с таким любопытством и явной насмешкой в глазах уставились на них с Марией?

— Да простит меня уважаемая пани, — начал пан Сапега, качая седовласой головой, облаченную в шапку с длинным павлиньим пером. — Но пани... пани, пан Заславский!

— Пани принимает мой выстрел? — словно не замечая и не слыша ничего, что творилось ныне вокруг него, спросил Владислав, повернувшись к Ксении и заглянув в ее глаза. Она не сумела сдержать своего удивления, когда тот поманил к себе холопа, стоявшего в отдалении, и тот подал ему маленький самострел со стрелами, завернутыми в холстину. Это было именно ее оружие, и оно лежало в саях, в которых она прибыла в Замок. Знать, подготовлен был еще до того, как заметил ее в толпе, наполнившей ныне поле, заранее придумал эту потеху. Слово в наказание ей за тот выстрел, что она когда-то произвела, за

то, что посмела пустить стрелу в его сторону.

Только ныне Ксения вдруг стала понимать, насколько продуманы его ходы, что Владислав редко поступает без умысла. Потому уже знала, отчего самострел был оставлен на самом видном месте в гриднице, и отчего подле него лежал браслет серебряный, что лежал сейчас в суме в ее каморке в Южной башне Замка. И эта просьба принять выстрел ордината, беря на себя честь стрелять от его имени в этом состязании...

— Принимаю, — коротко ответила она, стараясь не глядеть по сторонам, чтобы не лишиться ненароком остатков храбрости стрелять на глазах у многих. Она приняла из рук Владислава и свой маленький самострел, и стрелу, а потом шагнула мимо него по приглашающему жесту к черте на снежном полотне, утопанном десятками ног. Зарядила стрелу, стараясь сдержать дрожь, которая вдруг ударила по членам, а потом вскинула самострел и, не тратя особо времени на прицел, пустила ее в мишень, сбивая ту на снег под дружный выдох наблюдателей.

— Добже, — кивнул Владислав, встречая ее торжествующий взгляд, а потом медленно направился к месту, на котором стояла мишень, по пути зачерпывая снега в ладони и лепя небольшой шар. Подойдя на место, он пнул носком сапога пробитое стрелой деревянное яблоко, недавно выпиленное деревщиком для состязаний, а потом встал и выпрямил в сторону руку. На его широкой ладони, едва помещаясь, лежал только что слепленный снежный ком.

— А вот так? — крикнул Владислав со своего места, не скрывая издевки, скользнувшей в голосе. Шляхта и горожане тихо зароптала за спиной Ксении, пан Сапега покачал головой, а Тадеуш крикнул:

— Quae te dementia cepit {2}, пан Владислав? Пан, должно быть, шутит! — а потом уже к Ксении, что замерла на месте, глядя в лицо Владиславу. — Ты вольна не делать того!

— Я сделаю, — вдруг произнесла Ксения. Она сама не знала, почему решила вдруг так, но именно это мелькнуло в ее голове в этот момент. Она должна сделать то, что требует ныне Владислав.

— Ты так же безумна, как и он, — глухо прошептал Добженский так, чтобы слышала только она, с трудом скрывая свое отчаянье, промелькнувшее в голосе. Ксения, словно не слыша его и ропот за спиной, легкие вскрики испуга, что сорвались с губ паненок, когда она вскинула самострел и прицелилась в снежный ком, крикнула Владиславу, усмехаясь:

— Пану бы не шевелиться! Не дрогнет ли рука пана? Моя-то рука не дрогнет!

А потом пустила стрелу, разбившую ком на несколько частей и заставившую некоторых паненок лишиться духа от ужаса перед тем, что могло случиться. Да она и сама вдруг побледнела, когда стоявший за ее спиной противник по состязанию громко отказался повторить ее трюк, мол, негоже совсем пана ордината на цель брать, да и опасается он — вдруг дрогнет рука ненароком. Вспомнилось в тот же миг, как корил ее Ежи за тот выстрел в Бравицком лесу, что тогда открыл их заговор против Владислава.

— Ну, пан Заславский! Ну, удивил! — хлопнул по плечу пан Сапега, посмеиваясь, Владислава, когда тот вернулся обратно. — Хотя бравада и только! Но пани! — он повернулся к Ксении и пожал легко ее пальчики. — Пани-то какова! Умеет же рождать земля наша. Даже пани наши заткнут за пояс иного врага, коли нужда придет.

— Но лучше все же, когда пани за плечом у панов стоят, — проговорил Владислав, стряхивая снег с жупана, крошки которого попали на ткань, когда снежный ком на его ладони разлетелся на части. — За плечом, а не против, не приведи Господь... разве не верно

то, панове?

После для Ксении все прошло, как в тумане: слова восхищения пана Сапеги ее мастерству, ее ответное обещание его просьбам быть на охоте следующим утром, недовольный взгляд Добженского и холодный, но внимательный — Владислава. Он положил ей на ладони приз, полученный в том состязании — тяжелый пояс с серебряными пластинами, и она едва не уронила тот на снег, дивясь его весу. А после вернула награду в руки Владислава, чтобы тот передал ее по праву тому, кто истинно заслужил.

— Пани не должно награды такие принимать, — сказала Ксения, зная, как должна была бы поступить в этом случае, если бы выиграла этот пояс и привилегии, будучи женой ордината. Ведь только та как женщина могла принять участие в состязании. — Потому я передаю ее тому, кто должен носить этот ремень с гордостью — пану, что выиграл стрельбы своим умением и в прошлые святочные дни, и непременно выиграл бы в эти.

— Но у пани тоже должна быть награда! — вмешался пан Сапега, и Владислав согласно кивнул.

— Пани непременно получит ее позже.

Ксения не могла не взглянуть на него с надеждой, что вспыхнула в ней при этих словах, но он отвел взгляд в сторону от ее глаз, повернулся к пану Сапеге, а после и вовсе ее оттеснили от ордината, когда Владислав направился с тем к Замку. А позднее, когда спустя время после ее возвращения в свою комнатку с гуляний ей передали приказ пана ордината предстать перед ним, эта надежда разгорелась сильнее. Едва переводя дыхание от волнения, ступала она тогда за холопом по темным переходам, затем по галерее в крыло, где были расположены господские покои в Замке. Знать, не в общие залы ведут ее, билось ее сердце, когда Ксения торопилась за слугой, знать, наедине говорить желает. Неужто смогут переговорить обо всем открыто теперь? Вдруг он унял свою ярость, готов выслушать ее?

Перед Ксенией открыли одну из дверей, и она очутилась в небольшой зале, где еще прежде не бывала. Холоп тут же неслышно вышел, оставляя ее одну, позволяя оглядеться кругом. Но прежде чем она успела сообразить, где находится, в смежной комнате звук шагов и шелест одежды, и в залу широкими шагами ступил Владислав. Сердце ее упало, когда она заметила, как мрачен и холоден по-прежнему его взгляд, как сурово он взглянул на нее, а потом вдруг стал меняться на глазах: смягчились черты лица, скользнула тень улыбки по губам.

Виной тому был детский голосок, что уже отчетливо доносился из той самой комнаты, откуда недавно пришел Владислав. Голос, при звуках которого у Ксении стали мягкими ноги, отказываясь держать ее. Именно поэтому она медленно опустилась на колени, когда в залу вбежал Андрусь, на миг помедлил на пороге, а потом бросился к матери, встал напротив той, едва не наступив на юбку, положил свои маленькие ладошки на ее плечи.

— А вот и ты, мама! — провозгласил он таким тоном, будто они играли в прятки, и он наконец-то отыскал ее. Ксения взяла одну из ладошек сына и ткнулась губами в тыльную сторону, изо всех сил борясь со слезами, что душили ее нынче. — Долго ты ехала. Я-то быстрее. На коне, знаешь? На огромном коне! И Замок! Ты видела Замок, мама? Если нет, то я тебе покажу. И герб! И сабли! У нашего дзядку столько и нет!

Он еще что-то говорил, торопясь рассказать, что видел и узнал сам, путаясь в недавно узнанных словах и потому спотыкаясь в речи, но Ксения толком и не слышала его. Стояла на коленях напротив него, гладила его волосики, его плечики, смотрела в глаза, радуясь его восторгу, его восхищению переменами в жизни, что стряслись недавно, дивясь его виду.

В вотчине Ежи Андруся одевали как маленького панича — рубаха, штанишки суконные, иногда жилет из овчины, если было холодно, или в жупан из ткани темно-синего цвета, когда ездил в костел на мессу. А тут же перед Ксенией стоял истинный сын магната — в жупане из дорогой ткани, затканной золотыми нитями в диковинные узоры, в сапожках из тонкой кожи, с маленькой, словно игрушечной, золотой цепью на груди.

— Гляди, мама, — показал ей эту цепь Анджей. — Я пан панский.

— Так не говорят, панич, — улыбаясь, проговорила Магда, стоявшая в дверях, что вели в ту залу, откуда выбежал мальчик. — Панич — сын ордината.

— Да-да, Мадзя. Я — сын, мама! — кивнул, соглашаясь с ней Анджей, сокращая фразу на свой манер. В его голосе прозвучала такая гордость и довольство собой, что Ксения не могла не заметить ее. — У Янека такой нет. Только у меня, у сына. Янек тоже приехал со мной. Мы с ним вместе...

И снова длинный рассказ о том, как он провел последние дни, сколько всего видел, где был. Он говорил с легким придыханием о доспехах, что видел в Замке, об оружии, о землях, о портретах, что видел в галерее, а Ксения вдруг взглянула поверх его светловолосой макушки на Владислава, что стоял несколько поодаль от них, следя за их встречей внимательно. Взглянула и поразилась тому, каким светом горели его глаза нынче. Будто льдинки растопились от того тепла, которое разливалось в его груди.

И снова больно кольнуло осознание того, что она ни разу за эти годы не подумала о том, каково ему будет узнать, что где-то вдали от него растет плоть от плоти его, его продолжение. Особенно после той потери, что случилась перед прошлым Адвентом.

— А дядку, мама? — вдруг спросил Анджей, и она не смогла удержаться, чтобы не взглянуть на Владислава снова, но уже открыто, не скрываясь, задержать взгляд долее. Лицо того тут же окаменело вмиг, словно сильный мороз сковал черты намертво. Погас свет, которым горели глаза. — Дядку не приехал с тобой?

Она на миг замерла, не отводя глаз от лица Владислава, который ждал ее ответа, как и Андрусь, что даже коснулся рукой ее щеки, пытаясь вернуть себе ее внимание, а потом мягко улыбнулась сыну:

— Ты скоро увидишь пана Ежи, Андрусь. Ведаешь ведь, на Адвент и Рождество он не может повидаться с тобой, но после дня Трех Королей по обыкновению бывает с нами. Дождись его, как ждал ранее.

— Я думаю, Магда, паничу пора идти к пану Сикстушу, — проговорил Владислав, поворачиваясь к той, когда Ксения замолчала. — Пан бискуп ждет пана Анджея. И пана Януша. У пани и пана Анджея впереди еще есть дни, чтобы побыть вместе.

Андрусь кивнул в подтверждение словам отца, дотронулся до щеки матери ладошкой, улыбнулся в ответ на ее улыбку, но от второго поцелуя отстранился, считая себя уже слишком взрослым для подобных нежностей. После повернулся к Магде, поймал ее выразительный взгляд и, поклонившись сперва матери, после отцу, вышел вон из залы — маленький серьезный шляхтич с маленькой цепью наследника на груди. Ксения подумала с легкой грустью, что эта серьезность не по годам, видимо, была дана Анджею свыше. Словно только появившись на свет, он уже знал, что по достижении определенной поры ему надлежит принять ответственность за земли и судьбы тех, кто живет на них, взять в свои руки власть и почет.

— Пани Катаржина, — Владислав приблизился к ней и протянул ладонь, предлагая свою помощь. Она приняла его руку, поднялась на ноги, с удивлением отмечая в себе

странное спокойствие после этой такой короткой встречи с сыном. Быть может, поверила в слова Владислава, что у нее еще впереди дни рядом с сыном. А может, радость и довольство Анджея той жизнью, которая так неожиданно на него свалилась и которую он должен был получить с самого момента рождения, принесла покой в ее душу, немного уняла волнение.

— Прошу пани Катаржину разделить со мной трапезу, — проговорил Владислав и, получив кивок в ответ, не отпуская руки Ксении из своих пальцев повел ее через анфиладу комнат в ту небольшую залу, где уже был накрыт на две персоны стол, помог Ксении занять место напротив его кресла.

— У пана в замке такой гость, как пан Сапега, — не удержалась, чтобы не задать вопрос, Ксения, удивленная его предложением поужинать вместе да еще в хозяйской половине. — Дивно, что пан со мной за стол садится нынче.

— Пусть пани не волнуется — у меня еще будет время нынче вечером переговорить с паном Сапегой, — холодно ответил Владислав, словно недовольный ее вопросом. — Я же желаю сделать то с другой не менее важной гостьей.

Он махнул рукой, и бесшумно возникшие неизвестно откуда-то слуги стали расставлять на столе блюда, разливать вино в высокие чаши. Сделав свою работу, они так же тихо удалились, плотно прикрыв за собой двери. Первое время в комнате стояла тишина: Владислав, явно сохранивший за собой отменный аппетит, ел, накладывая себе на тарель и куски мяса, и хлеб, и овощи, в то время как Ксения, взявшая в руки ложку, только гоняла по окружности тарели кусок репы.

— Не по вкусу снедь? — спросил позднее Владислав, поднимая взгляд на Ксению, тут же замершую напротив. — Или нынче день какой особый у схизматиков, что и крошки в рот нельзя взять?

— Я не понимаю, — произнесла Ксения, стараясь не замечать издевки, прозвучавшей в его голосе. — Я не понимаю, зачем ты позвал меня сюда. И есть не могу от волнения, и ты знаешь об этом! И не стоит ныне вот так поднимать брови, словно дивишься слышать то.

— Это всего лишь ужин, пани, — проговорил Владислав. — Ужин с пани, от которой у меня недавно появился сын, и которая неведома мне. Разве дивно должно быть желание мое узнать ту пани, что радость принесла в мою жизнь?

— Ты знаешь меня, — прошептала Ксения. — Я та же, что и была...

Владислав долго смотрел ей в глаза, а потом вдруг бросил в тарель кусок хлеба, что ел в тот момент, вытер руки об скатерть и, с шумом отодвинув кресло, приблизился к Ксении, обогнув стол. Присел на корточки, положив локти на подлокотник ее кресла, стал внимательно смотреть в ее лицо, а потом поднял руку и провел кончиками пальцев по ее лицу и вниз по линии тонкой шее к вырезу платья.

— Ты права в одном — лицо и тело те же самые, а вот тут, — он легко ткнул пальцем в центр груди Ксении. — Тут совсем иная пани, неведомая мне совсем. Та, что я знал... ее больше нет. Я не чувствую ее боле. А та, что ныне в этом теле перед мной мне незнакома. Та, что невольно стубила девицу в пожаре, скрывая следы... та, что без раздумий послала стрелу в спину человека, готового последнюю каплю крови за нее отдать... Я ведь ныне доподлинно знаю, что не знаешь ты промаха. Знать, желала тогда убить и едва не умертвила пана Добженского. Только Божья воля его спасла тогда. Чтобы он поведал мне о сговоре вашем. И ведь мне в спину целилась, на меня подняла самострел... Да я бы руку себе отрубил бы, лишь бы вреда тебе не причинить! И ты говоришь, что ты та же, что была ранее? Хотя в одном ты осталась прежней....

Владислав ловко зацепил пальцем тонкий шнурок на шее Ксении и достал из-под выреза платья серебряное распятие.

— Схизматичка и истинная московитка с медом на языке и льдом в сердце, как и твои земляки!

Ксения ударила его по руке, заставляя его выпустить шнурок, и распятие упало на ее грудь. Голубые глаза смело встретили мрачный и злой взгляд темных глаз. Владислав первым отвел взор, поднялся на ноги и, подойдя к столу, налил себе из кувшина вина, махом проглотил ароматное содержимое чаши. А потом отошел к камину, стал глядеть в ярко горящий огонь, прислонившись лбом к теплому мрамору, не замечая жара, что бил в лицо, ведь огонь, бушевавший в его душе, обжигал куда горячее.

— Расскажи мне, — произнес после некоторого молчания Владислав. — Расскажи мне об Андрусе, о тех годах, что я не был с ним. Я знаю, он родился до Адвента...

— Верно, — проговорила Ксения. — На Ераста{3}. Тогда было солнце на небе, шел снег хороший, и Збыня, хлопка пана Ежи, все приговаривала, что у рожденного будет все гораздо — и удачи, и силы, и доля лучшая будет.

— Верно, так и будет, — глухо проговорил Владислав, не поворачивая к ней головы. А потом стал расспрашивать ее, как рос Анджей: когда на ноги встал, что ему по нраву было, а что не очень. И Ксения отвечала подробно на расспросы, возвращаясь в то время, когда Андрусь был совсем маленьким, снова переживая года его младенчества. Она слышала, как теплеет голос Владислава постепенно, видела, как расслабляются его плечи. А после он даже рассмеялся несколько раз свободно и легко, когда она стала рассказывать забавные происшествия, что случались с маленьким Андрусем.

— Постриги. Расскажи о них, — попросил после Владислав. — Этой осенью были?

— Прошлой, — откликнулась, помедлив, Ксения, чувствуя, как снова стал вползать в комнату некий холод, неприятно пробежавшийся по спине ледяными пальцами. Она не могла не рассказать ему о постригах и сажании на коня, зная, как больно ему слышать о них, о том самом важном моменте для любого отца.

— ... и он не боялся ничуть высоты коня, — закончила Ксения.

— Он храбрый мальчик, мой Анджей, — проговорил Владислав, а потом резко хлестнул вопросом, к которому как ни готовилась Ксения с ответом, а все же дрожал голос, когда отвечала на него, ощущая некую вину за произнесенные слова. — Кто возле коня шел? Кто подле сына моего шел?

И получив тихое «Пан Роговский», резко повернулся к ней, так резко, что полы жупана едва не попали в языки огня в камине. Затем молча прошел к столу и снова налил себе вина из кувшина, едва не расплескав то на скатерть, но пить не стал — так и не поднеся ко рту, вернул чашу на стол, а сам снова подошел к Ксении, оперся одной рукой о спинку ее кресла, а другой о стол, склонился к ее уху.

— Скажи мне, моя драга, как на духу, как исповеднику своему сказала бы, — прошептал Владислав, едва касаясь губами ее уха. — Этот пан Роговский, этот волколак... Каков он?

— Я не понимаю, о чем ты, — проговорила Ксения, стараясь не показать своего замешательства от этого вопроса, своего невольного стыда от воспоминания, как когда-то страстно отвечала на горячие поцелуи Лешко, гладила его обнаженную широкую спину.

— Неужто? — переспросил Владислав вкрадчиво. — А ведь ты с ним была... Ежи просил не судить тебя строго, когда выдал тебя с головой в том. Мол, жинка без мужской руки столько лет и зим, слабая бабская натура... добрый мужик рядом...

Ксения резко повернулась к нему, чуть ли не открыв рот от потрясения, чувствуя, как пятнами стыда заливается шея и грудь в то время, как лицо ее стало блее снега. Глаза Владислава сверкали таким огнем ярости, что она даже испугалась его на миг, сжала подлокотники кресла с силой, пытаясь унять страх и волнение.

— Это не то, что ты думаешь... и Ежи... он не понял, — сбивчиво начала она, сама не подозревая, что копает себе могилу ныне своими словами. — Это не то... всего лишь раз. Я была...

Глаза Владислава вдруг погасли, а уголки губ опустились вниз. Он положил пальцы на губы Ксении, призывая ее замолчать, не продолжать говорить о том, что слышать он вовсе не желал. И он уже клял себя за то, что вытащил это на свет Божий из тех потайных уголков, где и должны храниться подобные вести.

— Как я могу верить вам отныне, моя драга? — прошептал он с такой горечью в голосе, что Ксении захотелось плакать. — Как я могу верить вашим клятвам? Ведь Ежи на огне клялся во многом. И о том, что чиста ты передо мной также. А выходит вон оно что...

Владислав резко поднялся на ноги, вышел из комнаты, вернувшись лишь с бумагой в руках. Он протянул грамоту Ксении, растерянно принявшей ее. Бумага была написана на латинянском языке, по-прежнему незнакомом Ксении, и она взглянула на Владислава недоуменно.

— Что это?

— Adoptatio {4}, бумаги адопции. Анджей отныне мой законный сын и наследник ординации, — ответил Владислав. — Отныне я в полной власти забрать у тебя его. Но я не буду этого делать, не надо ранее времени лить слез. Я понимаю, что Анджей не только мой сын, но и твой. Ему нужна мать не менее, чем отец. И я готов делить его с тобой.

— Как некогда делили тебя твои отец и мать, — глухо проговорила Ксения, и Владислав грустно усмехнулся.

— Ты права в некотором роде. Но мои родители жили некогда вместе, оттого мне было больно видеть их разлад. Анджей же не имел этого перед глазами. Для него мать и отец живут раздельно, и пусть так и будет отныне. Ты останешься жить в вотчине Ежи, раз сама выбрала эту землю когда-то. Анджей будет навещать тебя раз в три тыдзенья и жить с тобой по несколько дней. Пасха и Рождество он должен проводить в Замке, остальные дни праздников могут быть оговорены, — Владислав свернул грамоту и убрал в кожаный чехол, перевязал тонким шнуром. — Ты сама должна понимать, почему я не могу оставить Анджея мужать возле тебя. Он — сын ордината Заславского и должен с детства быть привычен к этому статусу.

— Боишься, что его взрастит схизматичка и москвитка? — едко ввернула Ксения, едва сдерживая вой, который разрывал грудь в этот момент. Вот и кончено. Все было кончено...

— Ты сама это сказала, — заметил Владислав. — Ежи будет отпущен из темницы, но жить в Замке я ему не позволяю. Пусть ищет комнату на постой в городе, коли желает, или возвращается к себе в вотчину. Видеть его я не желаю. Никогда боле.

— А я? Я тоже должна покинуть Замок с Ежи? Или ты все же позволишь мне провести пару дней с Андрусем, как обещал тому нынче? — еле дыша, проговорила Ксения.

— Ты вольна оставаться в Замке. Но — до дня Трех Королей. Более ты никогда не переступишь порога окрестных земель и уж тем паче не пересечешь ворота брамы. Надеюсь, это ясно для тебя, моя драга? — спросил он, и она вздрогнула при этом обращении, столько холода и яда было ныне в нем. Столько же, сколько нежности и тепла когда-то...

— За что ты так со мной? — прошептала она, уже не скрывая боли, разрывающей сердце. — Я ведь люблю тебя, Владек...

— *Ab alteri expectes, alteri quod feceris {5}*, моя драга. Я мог бы задать тот же вопрос тебе. Да только есть ли в том смысл? — он пожал плечами, поднял чашу с вином, стал жадно пить, словно у него пересохло в горле, а потом вдруг швырнул чашу через всю комнату, выпуская тем самым ярость, бушевавшую внутри. — Более всего на свете я бы желал забыть о том! Боле всего, слышишь! Но этот яд, что вы впрыснули в меня... он разъедает душу... До конца. И я не могу... не могу видеть ни тебя, ни его... потому что зол не только за ваш сговор, какими бы ни были причины, что толкнули вас на него. Кто ведает, как сложилось бы тогда? К добру или худу то, что стряслось, никто не может сказать того. Я зол, потому что потерял опору под собой. Потому что веру потерял. А без веры...

Владислав рассмеялся горько, провел ладонью после по лицу, словно стирая с него следы собственной слабости, которую он ненароком мог показать сидящей за столом женщине. А потом холодно улыбнулся ей, хладнокровный и отстраненный, сумевший взять себя в руки.

— Думаю, наша трапеза завершена. Я кликну, чтобы пани проводили.

Он вышел из комнаты, а Ксения еще долго сидела, уставившись в огонь, не обращая внимания на слугу, вставшего за спинкой ее кресла и ожидавшего, когда она поднимется на ноги. Казалось, силы оставили ее ныне. Не было даже их, чтобы обдумать то положение, в котором она очутилась. А уж тем паче идти куда-то. Да и какой ныне смысл? И куда идти? В большую залу, где ныне играют скрипели и дуды, слышатся веселые голоса пирующих и стук каблуков идущих в танце? Где пан Сапега будет убеждать Владислава примкнуть к тем, кто собирается снова идти в ее отчие земли с огнем и мечом? Или в ту темную комнатку в Башне, где будет сидеть одна и думать о том, что потеряла?

А потом подумала о Ежи, вспомнила о том, что Владислав отпускает его. Надо было найти монет на то, чтобы оплатить его постой в Заславе, да и комнатку начать искать, ведь в Святочные дни это будет нелегко. Да и возможно ли? И даже за самую захудалую комнатенку ныне будут просить втридорога, а у нее с собой не так много грошей в маленькой калите, вышитой искусными руками Збыни.

Ноги сами понесли Ксению в то место, где она невольно искала ныне утешения и ободрения, где ей могли утереть слезы с лица, где могли помочь не только словом, но и делом. Именно в покои епископа, в дверь которых она уже стучалась, едва держась на ногах от отчаянья и некой усталости, и куда ее проводил открывший слуга бискупа. Тот сидел у камина, покрыв больные ноги медвежьей полостью от случайного сквозняка, на его коленях лежала книга в толстом переплете, а у его ног на маленьких скамейках расположились мальчики: Андрусь и рыжеволосый панич в шафрановом жупане и алом поясе. Они все вместе обернулись на вошедшую Ксению, и та тут же сделала знак оставаться всем на месте, удержала сына, уже готового бежать ей навстречу.

— Неутешительные вести? — спросил бискуп, взглянув на бледное лицо Ксении, а потом потрепал ласково волосы Анджея. — Мальчик мой, ступай вместе с Янеком к себе. Пора и к покою готовиться ночному, патеры прочесть на ночь. *In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti...*

Андрусь, склонив голову принял благословение епископа, а потом почтительно прикоснулся губами к его перстню, потом коснулся губами руки матери и получил от нее поцелуй в лоб.

— Ты следующего утра будешь в замке? Не уедешь? — спросил он, хмуря лоб, и она улыбнулась ласково, успокоила его, что они проведут вместе святочные дня до дня Трех королей, и например, могут завтра пойти на гуляния перед замком.

— Там и шопка есть с куклами, и лоток с пирожками, что тебе по вкусу, с вареньем сладким из вишневых ягод, — сказала и погрустнела, вспомнив, как мало у нее монет, а ведь еще и комнату для Ежи надо справить в граде.

— И Янека с собой возьмем? — Андрусь взглянул на товарища, что уже получив благословение епископа, ждал его в соседней комнате, и Ксения кивнула, соглашаясь, с трудом отпуская от себя сына сейчас. Он даже не вспомнил, что спал ночами только с ней в вотчине Ежи, не спросил о том, разделит она с ним ночной сон ныне или нет. Мальчик растет, подумала она, подавив в себе этот невольный приступ отчаянья. Анджей растет, и она становится ему не так нужна, как ранее...

— Славного панича ты вырастила, пани, — проговорил епископ, когда захлопнулась дверь, и слуга повел паничей по коридорам Замка в их покои. — И на удивление, доброго католика.

— Разве могло быть иначе? — ответила Ксения и по знаку бискупа опустилась на скамейку у его ног. — Разве мог быть Заславский православной веры? Я отдавала часть долга тем, который так велик перед Владиславом ныне.

— Он показал бумаги? — спросил епископ. Он знал уже о грамоте, ведь сам поставил подпись в конце листа, подтверждая истинность изложенного. Жаль, что он так и не сумел убедить Владислава пойти наименее тернистым путем и повести под венец мать Анджея. Тот буквально пронзил его яростным взглядом в итоге всех его доводов подобного решения дела. «Cave illum semper, qui tibi imposuit semel {6}. Разве не ты ли учил меня тому, дядя?», проговорил он, и бискуп был вынужден уступить, не желая ступать по тонкому льду, чувствуя непрочность собственного положения ныне.

— Это конец... он прогоняет меня... — прошептала Ксения, с трудом побеждая желания разреветься в голос под этим внимательным и сочувствующим взглядом.

— У тебя еще есть оружие. Твой сын.

Ксения вдруг вспомнила рассказы Владислава о своем детстве, как рвали его на части отец и мать в своих раздорах, и покачала головой. Нет, Анджей никогда не станет ее оружием. Никогда она будет пользоваться сыном для того, чтобы вернуться в Замок и в жизнь Владислава.

— Мне нужны монеты, пан бискуп, — краснея, взглянула на епископа Ксения. — Владислав отпускает на волю Ежи, но не желает видеть того в Замке. А моей калиты не довольно будет... и ныне, святочные дни же...

Пан Сикстуш положил ладонь на ее макушку, скрытую бархатным чепцом, прерывая ее.

— Доле о том, пани. Мой Люшек отсчитает, сколько надо. И не надо вести речи о возврате. Мой долг перед паном Смирцем должен быть оплачен. Хотя бы серебром.

Ксения в порыве благодарности прижалась щекой к его другой руке, придерживающей книгу на коленях. Ведь кроме бискупа она не знала, у кого еще ей просить монет. Мария могла отказать, пойдя на поводу у Влодзимежа, не питавшего теплых чувств к Ксении, как и все остальные, кто узнал ее и винил ее ныне. А быть в долгу у пана Добженского Ксения не желала.

— У тебя еще есть время. До дня Трех королей, — напомнил бискуп, прислушивавшийся к разговору матери и сына прежде, глядя ее по голове через бархат

чепца, по косам, что виднелись из-под него. И сердце Ксении замерло на миг — всего несколько дней, от которых зависела вся ее дальнейшая жизнь...

1. В то время — вид кукольного театра, в котором разыгрывались представления на библейские темы и светские представления, часто с добавлением национальных персонажей. Например, в Украине — Запорожец (а-ля Петрушки в русском кукольном театре — вертепе

2. Что за безумие охватило тебя? (лат.)

3. 23 ноября

4. Усыновление (лат.)

5. Жди от другого того, что сделал ему когда-то сам (лат.)

6. Остерегайся того, кто обманул тебя хотя бы однажды (лат.)

На рассвете следующего дня, едва лучи зимнего солнца заиграли яркими бликами на снежном полотне, раскинувшемся вокруг Замка, Ксения спустилась в темницу под брамой. Стражник, видимо, был уже предупрежден — без лишних слов открыл толстую дверь каморы, пропуская ее внутрь. Чутко спавший Ежи открыл глаза тотчас, как услышал скрип петель и тихий шелест подола ее платья по каменному полу.

— Кася? Что ты делаешь тут? — встрепнулся он, кутаясь в доху, стараясь укрыться в ней от легкого холодка, что наполнил темницу в очередное морозное утро. Заспанный и хмурый, он выглядел сейчас старше своих лет, не таким бодрым и сильным, как привыкла видеть его Ксения, и оттого снова слезы подкатили к глазам.

— Владислав отпускает тебя, — тихо проговорила она. — Ты сможешь идти сам?

— Ну если только не далеко, — ответил ей Ежи, не скрывая своей радости вести, что она принесла с собой. Черты лица его смягчились, улыбка тронула губы и заиграла в глазах. — Снова камчуга клятая!

— До саней, что во дворе стоят, — отводя глаза в сторону, произнесла Ксения, помогая ему накинуть на плечи доху на медвежьем меху, чтобы утренний мороз не добавил к его хворям еще и горячки. — А там по лестнице крутой да по самую крышу... Ты был в той каморке, должен узнать ее.

Ежи с силой вдруг сдвинул ее пальцы, заставил взглянуть в свое лицо.

— Он отпускает на волю, но не простил, ведь так? — глухо спросил Ежи, глядя на Ксению повлажневшими глазами. — Не простил меня?

Она не смогла ответить, только головой покачала, и он как-то поник враз, опустил плечи. После с трудом поднялся на ноги и, хромя на правое больное колено, стараясь как можно меньше опираться на хрупкое плечо Ксении, поднялся по узкой лестнице из подвала брамы на залитый солнечным светом двор. Там уже спешил на помощь Ксении слуга епископа, Люшек, что недавно передал ей туго набитый мешочек с монетами и ныне утром помог найти в граде свободную комнату на постой, принял тяжесть тела Ежи на себя и усадил того в сани. А после занял место на козлах подле возницы, ведь одной Ксении ни за что не справиться там, в корчме с таким-то увальнем.

Ксения плотно укрыла Ежи меховой полостью, аж до самого подбородка закутала от снега, что может лететь из-под полозьев саней, но он не стал протестовать этому, совершенно обессиленный подъемом по крутой лестнице. А после вдруг обернулась к северному крылу Замка, взгляд из окна откуда так жег ей ныне спину. Смотри, говорила она своим взором, смело встречаясь глазами с Владиславом, наблюдающим за тем, что происходило во дворе. Смотри, как он страдает, тот, кто взрастил тебя с малолетства, тот, что душу положит за тебя...

А затем отвернулась, села подле старого шляхтича, стараясь не оборачиваться, когда сани двинулись с места резко, когда миновали темный проем брамы, уезжая в распахнутые стражниками ворота в град. Ехать было совсем близко, и потому уже спустя некоторое время сани снова остановились возле корчмы на окраине Заслава, такой знакомой Ксении. Полноватая хозяйка была та же: говорливая и шумная, она встретила постояльцев на пороге, с любопытством вглядываясь в черты тех, кто ступил в ее корчму, окидывая взором еле идущего Ежи.

— Не зараза какая? — нахмутив брови, спросила она, глядя на его бледного лицо, на то, как навалился он на Люшека и Ксению, помогавших ему идти в комнату. — Мне заразы тут не надо никакой! И так настрадалась в прошлую зиму, когда супруга моего к себе Господь прибрал, а мне память оставил.

— Камчуга у него, — отрезала Ксения холодно, с трудом подавляя в себе приступ острой неприязни к этой женщине. Она еще помнила каждое слово из тех речей, что та пересказывала некогда ей, больно ударяя в самое сердце. — А эта хворь незаразна. Воды бы горячей нам, хозяйка. Да снеди какой. И за лекарем пусть слуга пойдет. Лекарь надобен.

Комната, казалось, совсем не изменилась за эти пять лет, что не видела ее Ксения. Те же стены, то же небольшое оконце, выходящее в узкую улочку, та же скудная обстановка. Ее путь совершил какой-то странный поворот и снова вывел ее сюда спустя столько времени. И снова боль и горечь, снова чувство вины разрывает сердце, мешает дышать полной грудью... Очередной странный виток. Как и тот, что вернул ее некоторым образом в те дни в Московии, когда Владислав был так холоден и так неприветлив с ней.

— Что с Анджеем? — спросил Ежи обеспокоенно, отдышавшись после того, как слуга корчмы на пару с Люшеком, с трудом втащив по крутой лестнице в эту комнатку под самой крышей, усадили его на постель. — Что Владислав решил?

— Анджей отныне его законный сын, — проговорила Ксения, отворачиваясь к окну, давая Люшеку возможность послужить шляхтичу, не смущая того ее присутствием — стянуть с его ног сапоги, а с тела холодный от мороза и грязный жупан. Потом, когда тот ушел вниз, чтобы помочь холопам, что в корчме трудились, принести горячую воду для умывания, Ксения смогла рассказать все, о чем знала, не опасаясь посторонних ушей, опустившись на колени перед Ежи, взяв в ладони его большие руки.

— Я не ведаю, что мне делать, Ежи. Он так холоден со мной, и это рвет мою душу. Я боюсь, что он никогда не простит ни меня, ни тебя, — шептала она, пряча свое заплаканное лицо в его ладони.

— Верь, Касенька, верь, — гладил ее косы Ежи свободной рукой. — Не нынче, так позже... Сердце ж не камень, а кровь не вода. Как он может не простить тебя, когда у него перед взором будут глаза, так схожие с твоими? Коли б совсем не терпел нас с тобой, то выкинул бы окрест земель этих без раздумий. А тут и остаемся мы в Заславе, и Анджей к тебе допущен. Ты потерпи, Касенька... потерпи... Сердце не камень.

— Что с рукой твоей, Ежи? — с замиранием сердца спросила Ксения, чувствуя, как цепляются нити грубого полотна, которым была замотана его правая рука, за ее волосы. — Он ли то? Что он сделал?

Ежи долго не отвечал ей, словно раздумывая над ответом. Он действительно думал, что сказать ей, а о чем промолчать, чувствуя ее волнение, ее сомнения. Да, Владислав лично бил его в тот день, когда спустился в темницу под брамой, узнав о том, что Ксения жива и здорова, что в вотчине его хозяйкой ходит. Бил жестко, не жалея сил, да и Ежи не желал защищаться от этих ударов, ощущая в себе вину за ту боль душевную, что рвала тогда Владислава на части и до сих не давала ему покоя. А рука...

Владислав в ту ночь разбудил его, едва прибыв в Замок — усталый и злой. Такой злой, что даже у Ежи душа ушла в пятки при виде того, какими черными стали его глаза, что даже зрачки не были заметны. И только потом он смог понять причину его злости, когда только переступив порог каморы, Владислав хлестнул кнутом по полу, стараясь вызвать страх в своем пленнике, чтобы тот сразу же ответил на его прямой вопрос, без лукавства.

— Кто? Кто с ней жил? Кто был с ней? — рев раненого сердца, что кровоточило, причиняя дикую ослепляющую боль.

И тогда Ежи стал клясться, что Ксения чиста перед Владиславом, что только о нем и думала все эти годы. Что на обман пошла только ради него, ради его блага. И видя, что тот не верит ни единому слову, а только усмехается криво, то сворачивая, то разворачивая кнут, уже придумывая кары на головы виновных перед ним, смело шагнул к жаровне, что принесли по приказу пана ордината в камору для обогрева.

— А так поверишь? Коли на огне клятву принесу? — тихо сказал Ежи и положил правую ладонь прямо на горячие угли, прикусывая ус, чтобы сдержать крик и вынести боль, ударившую прямо в голову, грозившую разорвать ее на куски. Ничего не сказал тогда Владислав. Только отвел кнутовищем обожженную руку шляхтича от обжигающего жара и молча вышел вон, прислал на смену Магду с корзинкой полотна и мазями для перевязки раны.

— Я сам, — наконец проговорил Ежи и снова провел ладонью по волосам Ксении. — Сам то, не пан Владек. На огне я клятву дал.

— О чем? — глухо спросила Ксения, пряча по-прежнему лицо в его ладони. А потом засмеялась нервно, резко, вызывая в Ежи странное чувство беспокойства.

— Ты дал ему клятву, — проговорила она. — А я подтвердила его подозрения невольно. О Лешко — подтвердила...

— Ну, ты и... все нам во благо, верно, Касенька? — усмехнулся Ежи, чувствуя, как рассыпалась в нем последняя надежда на то, что когда-нибудь Владислав сможет принять его проступок, простить его и верить снова ему, как самому себе, как когда-то.

Ксения не стала долго задерживаться в корчме, памятуя о своем обещании Андрусю отвести того на гуляния. Кроме того, вскоре подняли в комнатку широкую балею, в которую слуги вылили пару ведер холодной и горячей воды, чтобы Ежи смог смыть с себя грязь замковой темницы, переменить рубаху на свежую, приготовленную предусмотрительным Люшеком. Ушла из этой небольшой комнатки, на прощание коснувшись губами лба Ежи. Тот успел ухватить ее за руку, когда она уже отстранялась от него, удержал подле себя.

— Что там пани Эльжбета? — тихо спросил он, смущенно, словно молодец влюбленный, отводя глаза в сторону от ее взгляда. — Здрава ли?

— Здрава, ждет тебя всем сердцем и душой, — ответила Ксения, с трудом удержавшись, чтобы не огоршить того вестями, которые знала сама. Но улыбки сдержать не сумела, и Ежи нахмурился, глядя, как раздвинулись ее губы, как озорно сверкнули глаза.

— Что там у пани Лолькевич? Стряслось что? — но она уже увернулась от его руки, уклоняясь от ответа, поспешила к двери.

— Сама все скажет. Я не могу...

— У! Заноза! — ответом на его ворчание был только тихий смех с лестницы, и он невольно улыбнулся сам. Вот ведь...!

Анджей уже ждал ее в своих покоях, с трудом скрывая свое нетерпение. Оттого он и бросился к Ксении, едва та ступила на порог, обхватил вдруг ее руками, прижимаясь к ней всем телом. Нежданная ласка, и такая мимолетная, ведь он тут же отстранился, обернулся на улыбающуюся Магду, словно извиняясь за свой порыв, но та лишь кивнула ему, и он улыбнулся в ответ. Мой маленький, прикоснулась губами к его волосам прежде, чем ему одеть шапку, Ксения. Мой маленький пан ординат. Такой серьезный и такой смешливый одновременно... Мое дитя...

По пути во двор Анджей снова спросил мать о пане Смирце, и теперь та с легкой душой могла сказать ему, что тот уже скоро увидится со своим «внуком», ведь уже на днях будет в Заславе, отводя взор от взгляда Марии, что тут же обернулась на нее при этих словах. Но та ничего не сказала, снова повернулась к сыну, которого вела за руку по галерее, спеша во двор, и далее — за ворота брамы, на гуляния, шум которых уже доносился, пусть и еле слышно через слюду окон.

Во дворе Замка было многолюднее, чем тогда, когда Ксения вернулась из града. Лошади, хлопы, подтягивающие подпруги и проверяющие сбрую, охотники, готовившиеся к выезду в лес, что лежал за Замком. На пути к выходу через ворота брамы Ксению вдруг остановила чья-то рука, и она резко обернулась, отчего-то перепуганная этим жестом. Но это был не Владислав, как она решила, а пан Сапега, ожидающий, пока ему приведут оседланного валаха.

— Доброго утра пани Вревской! — приветствовал он ее, и их маленькая компания остановилась, чтобы вернуть приветствие вельможному пану: женщины низко присели, аккуратно подобрав юбки, а паничи поклонились с почтением, на которое только были способны дети в их возрасте, вызвав улыбку на губах пана Сапеги. Он кивнул им, а потом снова обратился к Ксении. — Вижу, пани не почтит своим присутствием нынешнюю охоту, не озарит своим светом звериный гон.

— Прошу простить, что не могу сдержать обещание, данное давеча пану, — смутилась та, вдруг вспомнив о слове, что вчера сорвалось неаккуратно с ее губ. — Но я вынуждена отказать от него.

— И предпочесть ныне иных шляхтичей, как я вижу, — мягко заметил пан Сапега. — Что ж, интересы сына для матери всегда первыми будут. Надеюсь увидеть пани за обедом после охоты, — а потом вдруг добавил, снова взглянув на Анджея и цепь с гербом Заславских у него на груди. — Ныне я понимаю, отчего пан Заславский давеча так слепо доверил пани свою жизнь... кому еще доверить ее, как не пани...

Как жаль, что пан Сапега ошибся, думала Ксения после, ступая вслед мальчикам, которые так и норовили побывать в каждом месте забав на этих гуляниях, заглянуть в каждый лоток. Нет веры у Владислава к ней, оттого все и беды ее нынче, оттого и закрыто сердце его для нее, и она не знает, что ей нужно сделать, чтобы переменить то.

Они провели много времени на поле, от души наслаждаясь той атмосферой праздника, что царил на нем. Был третий день Святок, последний из тех, что хлопы могли провести без работы, оттого ныне и развлекались на всю душу. Да и панов было мало среди люда гулявшего, потому и веселье было это без оглядки.

— Магда была бы нынче в ужасе, — прошептала громко Ксении Мария. — Она трясется над паничем, как рябушка над цыпленком. Не приведи Господь, случится что, он ведь один сын...

Они уже обошли все лотки, посмотрели кукольное действо в шопке и ныне наблюдали за боем, что устроили мальчишки разных лет возле снежной стены, служившей крепостью им в тот миг. Кто-то оборонял эти белые стены, а кто-то нападал наскоком, от души метая снежные комья в тех, кто укрывался за защитой.

— Я не желаю, чтобы у Анджея было мало радостей, что по годам не суждены из-за звания его, — отрезала Ксения. — Что худого стрясется, коли он с хлопами крепость снежную возьмет? Ну, поставят ссадину или еще что. Отроки же!

Андрусь вместе с Янеком атаковал крепость отчаянно, стиснув зубы, упрямо кидаясь на

стены, и она вдруг увидела на миг в нем не мальчика, а мужчину, что когда-то пойдет на стены крепостные, но только уже не снежные, а каменные, и под градом не снежков, а стрел и свинцовых шариков их пищалей. Сжалось сердце и потом, когда Анджей вдруг спихнул со стены мальчика-холопа в овчинном тулупчике, встал, широко расставив ноги, показывая свое торжество, крикнул в голос: «Честь и слава шляхтичам! Бей Москву!»

— Андрусь! — позвала она его, обрывая его крик, и он поспешил обернуться к ней, съехал со стены по ее знаку. Она хотела сказать ему, что негоже так кричать, что дурно то, но задумалась — как она объяснит ему причину, ведь любознательный, он непременно спросит ее. А ответа она пока вразумительного дать не могла ему. Рано ему еще знать, что в его жилах кровь течет не только шляхетская, рано...

Но вернуться на очередной бой к крепости все же не дала, сослалась на то, что он был весь в снегу, а у Янека подбили нос в кровь, к которому Мария прикладывала ныне снег, чтобы унять кровотечение. Решили возвращаться в Замок, где согрелись с мороза, хлебая горячую похлебку, запивая ее подогретым медовым напитком. После трапезы и Андруся, и Янека разморило — едва дошли до постели, как тут же провалились оба в крепкий сон. Мария, убедившись, что сын заснул, вышла проверить, не вернулась ли с охоты в Замок шляхта, а Ксения еще долго сидела возле Анджея, который прижался к ней во сне, смотрела на него, словно запоминая каждую черточку его лица.

Детская припухлость уже сошла с его щек за то время, что она не видела его, и ныне он казался ей отчего-то таким взрослым, словно не мальчик лежал возле нее, а уже возмужавший сын. Вот только недавно он издал свой первый крик, а погляди же — уже пяток лет миновало с той поры, уже опоясанный шляхтич. Скоро будет учиться бою ближнему с саблей, как и положено, скоро возьмет в руки оружие. И кто ведает против кого он направит его?

А потом погрустнела, вспомнив, зачем в Замке пан Сапега. Не уgomонились еще шляхтичи, недовольны тем, что в Московии царь на престол сел из той земли, что ушла она из-под их руки. Не приведи Господь снова кровь польется, запольхают избы на земле московитской. Вспомнила, как ходил еще пару-тройку лет назад Владислав в ее отчую землю с саблей в руке и хоругвью за спиной, как горели церкви православные на его земле, как попы разбегались. Она могла его оправдать тем, что для Владислава она мертва была тогда, и не было долга никакого не перед ней. Но как на милость оправдать его ныне, коли он послушает пана Сапегу и пойдет на Москву?

Ксения незаметно для себя провалилась в дрему и открыла глаза, когда стукнула дверь покоев Анджея, когда вернулась Мария. Ее невысокий лоб пересекали две морщины, а уголки губ опустились вниз, выдавая ее недовольство.

— Что стряслось? — встревожилась Ксения, стараясь не разбудить своим шепотом спавших подле нее на кровати мальчиков. Хотя, он взглянула, на сгущающиеся за окном сумерки, пора бы им и глаза открыть, а то еще не успокоятся на ночной сон до полуночи.

— Влодзимеж уехал из Замка, не успев вернуться. Не по душе мне, когда он в Бравицкий лес уезжает отчего-то, — проговорила таким же громким шепотом Мария, подходя к другой стороне постели, на которой спал ее сын, провела ладонью по его лбу и рыжим волосам, вынуждая пробудиться. — Не по себе мне спать одной в широкой постели, помнишь вестимо? Пан Владислав отправил Влодзю в Лисий Отвор к гону готовить угоды. Третьего дня туда шляхта поедет. Вот пан Сапега отбудет из Заслава, так и запрягут коней да сани. Мне не до охоты ныне, в тягости-то, я здесь останусь с мальчиками. И тебя провожу

после дня Трех Королей.

Ксения резко выпрямилась, услышав эти вести, заставив Андруса недовольно заворчать, что потревожили его. Знать, уехать Владислав решил из Замка, пока она тут с сыном будет. А она-то думала, что у нее хотя бы несколько дней в запасе имеется! Знать, правду сказал давеча вечером — нет мочи ему видеть ее перед глазами.

Как ей остановить его, думала Ксения, когда позднее готовилась выйти к ужину, и служанка помогала ей затянуть шнуровку атласного платья. Как заставить дать ей столь нужное ей время? Она взглянула на себя в зеркало на длинной ручке, что привезла с собой, а потом нахмурилась, покачала головой. Нет, не годится этот узел из кос, скрытых атласной полосой чепца и переплетением золотых шнуров в сетке для волос. Она вдруг вспомнила, как гляделась когда-то в большое настенное зеркало в спальне ее покоев в северном крыле Замка, как любовалась этим самым платьем и переливом света на диковинной ткани. И восхищение в темных глазах, глядящих поверх ее головы...

— Расплетай косы, милая, — обратилась Ксения решительно к служанке и спешно объяснила ей, как желает уложить волосы — лишь часть волос с висков скрутить в узел и спрятать под чепцом, а остальные свободно распустить на спину. Дивное золото волос, что когда-то так будоражило воображение Владислава, недоступное его взгляду. Пусть это не совсем по статусу ей — носить такую прическу, но зато это даст ей некое преимущество, по крайней мере, ей очень хотелось думать, что так и будет.

И она добилась, чего желала. Ослепительное золото ее волос, играющее бликами в свете множества свечей, приковывало взгляд, как и блестящие переливы на ткани, обтягивающей тонкий стан, подчеркивающей высокую грудь, благодаря тугой шнуровке.

Восхищение своей красотой, которое без труда читалось в мужских глазах, придало Ксении некоего воодушевления, добавило странного блеска голубым глазам, который заинтриговывал, приковывал взгляд, как и улыбка, которой Ксения одарила сидящих за столом ордината при приветствии. И пусть ей снова пришлось занять место за столом так далеко от ордината, но хотя бы и подле Марии, но зато она не могла не улыбаться, вспоминая выражение глаз Владислава, когда он окинул ее взглядом с ног до головы, и тот обжигающий спину взор, который она ощущала, пока шла к своему месту от стола ордината.

После ужина к Ксении и Марии подошел пан Добженский, предложил свою помощь, чтобы перейти в большую залу, а после, когда последняя отлучилась ненадолго, обратился к Ксении:

— Думаю, пани Катаржина не откажет мне в чести повести ее в генсии?

— Увы, пан Тадеуш, но я держу пост, и мне не пристало плясать в дни говения, — отводя глаза от его пристального взгляда, отказалась Ксения.

— Только пану ординату нет отказа? — спросил Добженский, криво улыбаясь, намекая на тот генсий, в котором вел Владислав Ксению в ее первый вечер в Замке. — Что ж, понимаю. А принять участие в катании пани тоже не велит греческий закон?

— Катании? — и в памяти Ксении тотчас возникло: морозный день, ветер в лицо и тихий довольный смех Владислава. «...Тебе не боязно, моя драга?...» И горячие поцелуи под снежным вихрем.

— Следующим утром выезжаем со двора. Ты ведь помнишь, как то было?

Нет нужды спрашивать, едва не проговорила вслух Ксения, конечно, она помнила. Как помнила почти каждый день из той жизни, мгновения которой так не берегла и не ценила ранее. Истинные драгоценные камни в ларце ее воспоминаний...

Подошедшая Мария избавила ее от необходимости давать ответ пану Тадеушу, который, так и не получив ответа, спустя некоторое время отошел от женщин к кружку паненок и вывел из него одну, поведя ту в мазуре по зале. А Ксения уже искала глазами среди шляхты, собравшейся в зале, Владислава. Она видела, как он вел в генсии панну в платье цвета темного смарагда, а после потеряла его из вида.

Мелькнула седовласая голова пана Сапеги, и Ксения скользнула взглядом по шляхтичам, что окружали того, а после — дальше, к возвышению в конце залы, куда уже поднимался Владислав по ступеням, ведя под руку своего дядю и что-то говоря тому чуть ли не в ухо. Она тут же двинулась к ним, позабыв даже что-либо сказать Марии, стала протискиваться, то и дело извиняясь и раскланиваясь. Владислав уже отходил от кресел на возвышении, в одно из которых он усадил уставшего бискупа, когда она предстала перед ним, раздумываясь от спешки.

— Пан ординат, — опустила Ксения перед ним, подобрав юбки. Владислав коротко кивнул в ответ. — У меня просьба к пану ординату. Я пришла к пану просить свою награду.

— Награду? — переспросил Владислав, до того глядевший куда угодно лишь бы не ей в лицо. Но ее слова заставили его обратить на нее внимание, что не могло не порадовать Ксению. Она заметила краем глаза, как склонился в их сторону бискуп, желавший расслышать среди музыки и гвалта голосов их разговор.

— Награду, — повысила она голос, чтобы тот мог распознать каждое слово, а значит, в случае неуспеха прийти ей на помощь. — Я стала первой в стрельбе, коли пан ординат запомнил. И пан обещался достойно отплатить мне по выигрышу моему. Быть может, он сможет это сделать, исполнив мою просьбу.

— И что же желает пани? — холодно спросил Владислав, чувствуя, как его верно загоняют в ловушку, но заинтригованный той игрой, на которую она так смело ныне решилась.

— Следующим утром — катание в санях. Я бы желала разделить его с паном ординатом.

Ксения смело встретила его взгляд, не отвела глаза, как ни дрожала ее душа от страха, что он сейчас откажет ей. А потом в их темноте мелькнуло что-то, едва уловимое взгляду. Что-то, что на миг смягчило линию его губ, расслабило напряженные черты лица. Да, торжествуя подумала Ксения, вспоминай то, что было тогда, вспоминай! Ибо только эти воспоминания о том обжигающем огне, что некогда горел в наших душах и телах способны растопить тот лед, которым было сковано ныне его сердце.

— Я повинуюсь желанию пани, — склонился Владислав в вежливом поклоне. — Следующего утра жду пани во дворе Замка, когда сбор будет на катание. Пусть пани не забудет в потеплее одежду облачиться. По приметам выходит, что будет как никогда ранее морозный день.

— Я уверена, что мне не страшен мороз, что пророчат на утро, пан ординат, — улыбнулась довольно Ксения, вновь опускаясь перед Владиславом. Тот быстро отошел от нее и скрылся среди шляхты, но ее не огорчил его спешный уход, настолько она была довольна тем, что ей предстояло завтра.

— *Audentes fortuna iuvat* {1}, - проговорил епископ. — Мое восхищение пани!

Ксения улыбнулась ему, а потом вдруг поднялась по ступеням и присела перед ним, целуя его руку, аккуратно возле кольца.

— Да будет милостива к тебе Божья Матерь, дочь моя, — улыбнулся ей так же тепло

бискуп. — И коли будет ее милость, ты получишь то, что так желаешь. Всем нам на благо.

— Покойного сна, пану бискупу, — пожелала Ксения. Ей не было более нужды оставаться в зале. Да и подняться предстояло завтра рано, а выглядеть хотелось свежей и отдохнувшей, не такой измученной и бледной, как явило ей ныне отражение в зеркале.

Ксения до последнего мига не верила, что поедет в санях с Владиславом, что непременно найдется некая причина, и поездка не состоится. Но вот она уже спустилась на двор, и пан ординат подал ей руку, помогая сойти со ступеней крыльца, а затем занять место в санях. Вот он садится на место возле нее, накрывает колени и своей спутнице, и себе меховой полостью, а после зычно свистнув, пускает коней в ход — сначала медленным шагом, пока выезжали из Замка и ехали по граду, и потом все быстрее и быстрее, когда улочки Заслава остались позади.

И снова знакомое чувство восторга этому ходу саней по снежному полотну, тихий перезвон бубенцов на упряжи, ветер, бьющий прямо в лицо, хлопья снега из под копыт коней и полозьев саней. Кто-то из шляхтичей пустил свои сани в обход саней ордината прямо по полю, упрямо гоня лошадей на опережение, и Ксения, повернув голову, заметила пана Добженского за возницу в них.

— А вот и нет! — крикнул Владислав, приподнимаясь, стегнул коней пару раз, пуская их пуще прежнего в бег, и рассмеялся громко, когда сани Добженского вскоре отстали.

Ксения от души наслаждалась его восторгом от этой гонки, его радости от первенства в ней. Он был настолько близко к ней ныне, что у нее даже голова шла кругом, а пальцы горели огнем под мехом муфты от желания коснуться холодной кожи его щеки.

— Желаешь? — вдруг спросил громко Владислав, не поворачивая к ней головы, по-прежнему пристально наблюдая за ходом коней. Она не сразу сообразила, о чем он речь ведет, зарделась аж до выреза платья под верхней одеждой от смущения, от того, как открыты ее мысли ему, и только потом поняла, что он имеет в виду вовсе не то, что она подумала, кивая на вожжи в своих ладонях.

И она несмело кивнула ему, рискуя попробовать, приняла в руки управление санями, хотя и частично — Владислав не отдал ей вожжи в полную власть, плотно обхватил ее руки своими большими ладонями, по-прежнему правя, но через нее. Для этого ему пришлось полуобнять ее, прижаться к ней теснее, и у нее кровь закипела в жилах, когда вдохнув в очередной раз морозного воздуха, она уловила такой знакомый до боли аромат его кожи. Ксении уже было не катания и до этой прогулки. Они сидели в санях ныне так близко, что она касалась скулой линии его подбородка, и это мимолетное касание только распаляло ее желание повернуть голову и коснуться губами его щеки.

Что она и сделала в итоге. Просто повернулась и провела губами по его холодной коже, слегка грубой от намечающейся щетины. А потом ее опалил огонь его твердых губ, его поцелуя, и она застонала тихо, чувствуя, как разгорается внутри ответное пламя.

Ксения даже не видела, куда движутся их сани, не поняла, когда они остановились, осознав это только тогда, когда Владислав перестал сжимать вожжи ее ладонями, а обхватив ее руками, поднял на ноги в санях и после, так же не прерывая поцелуя, вынес из них, прижал спиной к чему-то твердому. Она оторвалась тогда на миг от его губ, огляделась мельком, отмечая, что они свернули в лес, скрываясь от лишних глаз, совсем как тогда, шесть лет назад, и снова притянула его к себе, целуя его прямо в улыбку, появившуюся у него на губах при виде выражения ее лица.

Владислав рванул пуговицы у нее на груди, проник под мех верхней одежды, скользнул

ладонью по ее спине, прижимаясь к ней всем телом, вжимая ее в ствол дерева. И она сама прижалась к нему теснее, словно желала слиться с ним одно целое, как мечтала долгими ночами все эти годы, цеплялась в его плечи, царапая ткань кунтуша у него на спине.

Вдруг Владислав замер, оторвался от ее губ и, медленно проведя губами от рта вдоль ее скулы, прошептал ей в самое ухо:

— Замри, моя драга...

Теснее вжал в дерево, словно пытаюсь вдавить ее в широкий ствол. В наступившей тишине Ксения вдруг отчетливо услышала, как фыркнули и замолкли напряженно лошади, замерли на месте, как застыл сейчас Владислав, прикрывая ее своим телом. В морозном воздухе, казалось, разлилась опасность. А после тишину, нарушаемую только отдаленным звуком бубенцов с полей, расположенных сразу же за кромкой леса, где стояли их сани, разорвал какой-то странный звук — словно чье-то тяжелое дыхание донеслось до уха Ксении, и она широко распахнула глаза, угадывая, чье именно сопение она расслышала.

— Вепрь? — тихо, едва слышно прошептала она, и Владислав чуть качнул головой в знак согласия. Судя по все увеличивающемуся звуку сопения и треску веток, сквозь которые в тот момент продирался зверь, тот был уже совсем близко. Ксения знала, что вепрь полуслеп, что почти не видит перед собой, доверяя только ушам и носу, потому как и кони, следуя инстинкту замерла, затихла, зная, как может быть опасен этот зверь, особенно в эту пору течки у самок, когда вепри-самцы становятся более агрессивными.

— Секач, — прошептал ей в ухо Владислав, глядя за дерево на крупного вепря с загнутыми клыками, что уже показался из-за кустарников. — И здоров... Замри, моя драга... замри, он мимо пройдет.

И Владислав не ошибся. Вепрь продрался через заросли ветвей, стряхивая себе на холку с их переплетения снег, замер на миг, прислушиваясь к отдаленным звукам, шедшим со стороны полей, а потом вдруг повернул с первоначального пути мимо них и спустя время скрылся в глубине леса. Плечи Владислава опустились вниз, губы дрогнули слегка у уха Ксении, чуть касаясь его. А потом он отстранился, провел пальцем по ее распухшим губам.

— Едем обратно? А то как бы ненароком еще кого не встретить нынче в лесу! Не хватало еще!

На обратном пути молчали, даже головы друг к другу не поворачивали, словно глаза в глаза боялись заглянуть. Но когда Владислав помогал ей выходить из саней уже на дворе Замка, задержал ее ладошку в своей большой ладони долее положенного, заставил взглянуть на себя.

— Надеюсь, пани довольна катанием? — а потом уже тише и только для нее. — Пан бискуп смотрит за нами, гляди-ка, из окна. Махнем ему ладошкой? Уж не того, что в лесу было он ждет, а, пани Катаржина? Что в головах ваших за думы бродят ныне? Какой сговор на сей раз? Видел я, как вы шептались давеча в зале да улыбки дарили друг другу. Увы, мои любезные, не суждено! Следующим утром я покидаю Замок. Игры свои ведите без меня! И помни — сроку у тебя до дня Трех Королей, не долее.

— Никакого сговора, Владислав, — отбросив в сторону условности, забыв, что стоят на ступенях крыльца на виду у всех проговорила Ксения, а потом подняла ладонь и провела по его холодной от мороза скуле, лаская. — Я желала то, что было там, в лесу. Только я и никто иной. Я решаю о том. И ты. Никто иной... И между днем и следующим утром всегда бывает ночь, разве нет?

Он долго смотрел ей в глаза, а потом поймал ее ладонь и коснулся губами ее тыльной

стороны, обжигая своим поцелуем, снова пуская в ее жилы жидкий огонь, охватывающий ее тело. Сердце Ксении билось так громко, что ей казалось, этот стук должны непременно слышать все, кто стоял тогда во дворе, и кто позднее сидел рядом с ней за ужином, когда она нечаянно ловила на себе пристальный взгляд Владислава поверх голов трапезничающей шляхты. И то, что она распознавала в этом взоре, невзирая на расстояние разделявшее их, заставляло ее кожу гореть огнем.

Потому Ксения и не удивилась, когда в конце ужина к ней обратился Добженский, снова вызвавшийся проводить ее в большую залу после трапезы. Он так тихо проговорил свои слова, что она даже решила сперва, что ослышалась.

— Некоторые взгляды могут обжигать. А некоторые поступки не только обжигают, но и оставляют большие ожоги, если не сжигают дотла. Не надо так глядеть на меня, пани, гневно. Я не враг, пани, и мне больно и горько, что пани столько делает для того, чтобы встать в глазах шляхты подле пани Кохановской.

Ксения замедлила шаг, пропуская вперед тех, кто шел чуть поодаль и мог услышать их разговор, а потом спросила едко:

— Что до того пану Добженскому? Что за дело ему до моего имени и о том, что за толки пойдут обо мне?

Он неспешно развернул ее к себе лицом, выждал, пока последние шляхтичи скроются в дверном проеме, оставляя их в этой проходной зале одних, а потом проговорил:

— Мне есть до того дело. Я знаю пани иной, не такой, как она говорит о себе ныне — светлой, доброй паненкой. И мне есть дело, что имя пани будут трепать языки. Ибо они недостойны даже произносить его. Но как мне защитить пани, коли она сама не думает о том? Пани не надобно...

— Я сам решу, что мне надобно, пан Добженский. Благодарю пана за заботу обо мне и имени моем, но пусть пан поверит мне, я ведаю, что делаю.

— А я бы желал, чтобы пани позволила мне то... — он вдруг коснулся одного из ее локонов, выскользнувших из-под сетки, в которую были уложены узлом косы. — Я бы желал всем сердцем, чтобы пани позволила мне заботиться о себе, чтобы позволила разделить мне с ней жизненный путь...

— Нет, я прошу пана, — Ксения подняла руку и положила пальцы на губы Добженского, вынуждая того замолчать. — Не надо, пан Тадек... не надо...

Он смолк, прикрыл глаза на миг, пытаясь скрыть эмоции, что промелькнули в их глубине в этот момент, а когда открыл их снова, уже был готов улыбнуться ей, как прежде, легко и непринужденно, взял ее под руку и продолжил путь.

— Тогда скажу пани, как есть, как ее друг. Не стоит делать того, о чем пани может пожалеть позднее, что может бросить тень на ее имя.

— О, думаю, я и так уже сумела сделать то смелостью некоторых своих поступков. Взять хотя бы стрельбы! — деланно безмятежно рассмеялась Ксения, но Добженский даже не улыбнулся в ответ.

— Пани ведает, о чем я речь веду. Я не хочу, чтобы душу пани спалило тем огнем, который пани пытается разжечь ныне. А так и будет. Пани не получит того, что ждет, только обожжется, если не сгорит... И паничу толки позднее не на пользу будут. Уж лучше так, как есть.

— Уж лучше пану сказать прямо то, вокруг чего он так долго ходит! — резко заметила Ксения, злясь на себя на страх, вспыхнувший в душе. Что такого знает Добженский, что

неведомо ей? Какие еще препоны встанут у нее на пути? — Ну же!

— То, что задумала пани, не приведет пана Заславского к алтарю, — быстро проговорил Добженский, словно боясь передумать и промолчать о том. — Не приведет.

— Пан Добженский не может ведать, что творится в душе и голове пана Заславского, — ответила Ксения, вырывая свою руку из его пальцев.

— Если только он сам не делает из того тайны! — парировал ей Тадеуш, и она замерла, напряженно вглядываясь в его лицо. Она заметила, что он уже раскаивается в том, что завел этот разговор, и что скоро закроется от нее, сохранит в тайне то, что ненароком едва не открыл. Оттого и поспешила заставить его продолжить.

— И что же известно пану Тадеушу, что неведомо мне? Что известно пану? — но Добженский упрямо молчал, только взгляд отвел в сторону, явно недовольный тем положением, куда завел его язык. — Пану известно про псов, что брешут на луну порой от тоски и безделья? Думаю, пан поймет к чему я то сказала...

Она развернулась, чтобы уйти и уже сделала около десятка шагов, как ей прилетели в спину тихие слова:

— Когда пан бискуп настаивал на женитьбе пана Заславского на пани, пан ординат сказал про обман единожды солгавшего и про ад, — было слышно, с каким трудом произносит Добженский эти слова, как затихает его голос к концу фразы, и Ксения едва расслышала его. — «Скорее ад замерзнет, чем я снова пушу ее в свою жизнь», таковы были слова пана. Так что прошу пани...

Но Ксения уже не слышала его, удаляясь прочь быстрыми шагами, унося от его взгляда свою боль и свои слезы, навернувшиеся на глаза при этих словах. Ушла на крепостную стену, где так любила когда-то прятать от всех свои обиды и горечь, разделяя их только с ветром, что трепал подол ее платья и пытался выбить еще локоны из сетки на затылке, да с звездами, сочувствующе моргающими с вышины. Ей казалось, что до того, чтобы склонить судьбу в свою сторону, ей остался только один маленький шажок, а оказалось, что шагать-то и некуда...

А потом встрепенулось тело, напоминая, какими жаркими были поцелуи в лесу, какими крепкими объятия. Невозможно быть равнодушным, когда так горячи руки и губы, когда так сверкали глаза... Она взглянула на окна залы, в которых виднелись неясные силуэты шляхты через тонкие занавеси. Скоро часы на Башне пробьют полночь, и пан ординат покинет залу, чтобы отдохнуть перед дорогой в свои дальние охотничьи угодья. И тогда она пойдет в его покои и заставит его наконец-то открыться ей, заставит его понять, что несмотря на все обиды, им нельзя быть раздельно друг от друга, что сама судьба выбрала их некогда и поставила в пару, жестоко карая за нарушение своей воли.

Ксения продрогла до самых костей, ведь тонкий атлас не защищал от холодного зимнего ветра. Испугалась, что подхватит горячку в своем стремлении остудить голову, поспешила уйти с мороза, направилась в свою маленькую комнатку под крышей Южной Башни, чтобы хоть немного согреться да обдумать все хорошенько.

Уже ступив на витую каменную лестницу башни, в узкий темный коридор, в котором в скудном свете луны, падающем через узкие окна, можно было только на пару шагов вперед разглядеть путь, Ксения вдруг остановилась, замерла, занеся ногу на очередную ступеньку. Долгие годы охоты и выслеживания зверя в лесу вместе с Лешко не прошли даром — все ее нутро сейчас вопило во весь голос о том, что не только ее шумное дыхание раздается в тишине коридора, что не только ее глаза вглядываются в окружающую темноту. Она стала

разворачиваться, пытаюсь определить, не позади ли ее почудившаяся опасность, как ее предплечья вдруг обхватили крепкие пальцы, а ее саму прижали спиной к холодным камням стены.

Ксения выставила руку вперед, словно пытаюсь остановить нападавшего, и наткнувшись пальцами на широкую пластину с гербом, убрала руку тут же, позволила губам прижаться к ее рту.

— Почему ты такая холодная? — прошептал Владислав прямо в ее губы, проводя ладонями по гладкой ткани, обтягивающей ее стан.

— Нынче такой морозный день, пан ординат сам мне давеча сказал то, — ответила Ксения и почувствовала ртом его улыбку, тут же скользнувшую по его губам.

— Пани же сказала, что не боится мороза, разве не верно то? Да и я ведаю способ согреть пани, коли та позволит.

И тогда она сама поцеловала его, прижавшись к нему всем телом, обнимая его за шею. Он отстранился всего на миг, прошептал ей в губы: «Тебе следует остановить меня, моя драга. Я не шучу в том!», но она только головой покачала. Нет, никто и ничто не остановит ее ныне. И она не желала, чтобы останавливался он. Только не ныне...

Уже в его покоях, где Ксения замерла на пороге, оглядывая его комнату, ставшую ей совсем незнакомой за эти годы, Владислав снова заговорил, словно пытаюсь вразумить ее, убедить уйти. Хотя сам закрывал своим телом сейчас дверь, прислонившись к той спиной, и не был уверен, что двинется с места, даже если она будет умолять его о том.

— Я не могу тебе обещать...

Ксения замерла на миг, не в силах обернуться и взглянуть на него, а потом стянула с головы сетку, распуская волосы, давая им волю, как давала ее ныне своим желаниям.

— Я не смогла бы уйти из этой комнаты ныне, что бы ни сулили мне...

Ксения слушала тихий шорох одежды за спиной, чувствуя, как убыстряется бег крови по ее жилам при каждом звуке. Едва не вскрикнула, когда Владислав, подойдя неслышно к ней со спины, стал распускать шнуровку ее платья и стянул после его вниз, а потом обнял ее, обхватил руками, прижимаясь всем телом. Всего на миг. И этого мига хватило, чтобы ее тело стало таким мягким в его руках, стало медленно таять от его губ, как тает по весне большой снежный ком.

И всего на миг в голове всплыли жестокие слова, сказанные когда-то Владиславом. «Скорее ад замерзнет, чем я снова пущу ее в свою жизнь». Всплыли и тут же исчезли, как растворились в голове все остальные мысли, оставляя взамен только эмоции и чувства, ощущения, распирающие грудь, заставляющие сердце колотиться так быстро в груди, разгоняя по жилам кровь.

Он уже пускал ее в свою жизнь, разделяя с ней эти моменты и эту сладость. И она воспользуется этими моментами, пустит в его кровь яд любви, той самой любви, которая когда-то сводила его с ума. Он будет отравлен этим сладким ядом, и никогда более не сможет жить без нее. Как не могла жить без него она...

— Но ты же жила, — возразил он ей тогда в ответ на ее тихий шепот, на который она отважилась вдруг, когда они лежали, обнявшись, в постели, наслаждаясь теплом друг друга. — Все эти годы...

— Нет, ты всегда был рядом, — улыбаясь возразила она ему, обнимавшему ее сзади и целовавшему ее затылок. — Ежи привез мне твою рубаху перед тем, как Андрусь появился на свет. Чтобы сына завернули в нее, согласно обычаю. А я оставила эту рубаху после. Эту

одежу, ставшую для меня самым сокровенным. Когда мне становилось совсем одиноко и тоскливо, я разворачивала надевала ее, засыпала именно в ней. Мне тогда казалось, что это ты обнимаешь меня своими руками, греешь меня своей любовью, — она поочередно коснулась губами его широких предплечий, прижалась к одному из них щекой. — И я знала, что настанет день, когда вместо полотняных рукавов меня обнимут твои руки... я ждала этого... всем сердцем. Пусть только на миг!

— Я не могу тебе обещать, — проговорил он в тишине, нарушаемой только громким треском поленьев в камине, спустя время, когда она уже проваливалась в сон, убаюканная теплом его тела, ощущая сладкую истому в своем.

— А я буду ждать, — упрямо проговорила она. — И ты придешь ко мне... ты придешь.

И каждый из них надеялся, засыпая, что эта ночь, как и та, что подарила им Анджея, будет к ним благосклонна, одним махом решая за них все трудности, убирая из их жизни все недосказанности, принуждая принять решения, на которые не хватало духа. Но, увы, не всем грезам судьба дает воплотиться наяву.

Как не дано было осуществиться надеждам Ксении на это утро. Ведь солнечные лучи, пробившиеся в спальню сквозь щель в плотных занавесах и прервавшие ее сон, застали ее в смятой постели совершенно одну.

Владислав уехал, как и обещал ей...

1. Смелым благоволит удача (лат.)

Ксении недолго довелось лежать в постели, растерянной, замершей от отчаяния и стыда, что ей придется либо пройти в свою комнату в расшнурованном платье из хозяйской половины, опасаясь попасться на глаза случайно встреченным в коридорах и переходах Замка, либо звать служанку себе в помощь. И первое, и второе предвещало неминуемую огласку того, что произошло нынче ночью в спальне ордината, оттого и обжигало в то утро Ксению горячей волной стыда. Она завернулась в простыню, поглубже зарылась в подушки, пряча в них голову, словно это способно было помочь ей исчезнуть из спальни Владислава до того, как комнату придут прибирать. Слез не было. И странно — боль была не так сильно, словно Ксения была готова к тому, что случилось утром. В какой-то степени это было правдой — она знала, что Владислав выполнит обещанное, читала в его глазах странную решимость. Но ей так хотелось верить, что минувшая ночь могла переменить его, сумела растопить холод в его душе.

О, какая это была ночь! Каждый миг из нее для Ксении драгоценен, воспоминание о каждом заставляло голову идти кругом. Да и как забыть, когда так приятно стонет тело, напоминая о том, что происходило еще недавно на этих смятых простынях?

Темные глаза Владислава, так внимательно наблюдающие за ее лицом, пока его руки скользят по ее телу. Его губы, так сладко терзающие губы, заставляющие потерять голову от тех чувств, что разрывали грудь, кружили голову. Все было так же, как в ее воспоминаниях, которые она хранила все эти годы, разделяющие их. Как в снах, в которых Владислав приходил в ее спальню в вотчине Ежи. Все было так же и в то же время не так... Запах его кожи, крепость его мускулов под ее ладонями, тепло и сладость его губ... Этого не может передать ни один ночной сон, не может передать воспоминание.

— Кася, — позвали Ксению тихо в тишине комнаты, и она резко развернулась на этот звук. Разумеется, она сразу же узнала этот голос, но удивилась не тому, что увидела его обладательницу, а тому, что увидела ее именно здесь, в спальне Владислава.

Мария быстро шагнула за порог спальни, плотно прикрывая дверь, чтобы ни один звук не долетел через покои в коридор Замка, а потом медленно опустила на постель аккуратный сверток. Платье Ксении из бархата, в котором та приехала сюда несколько дней назад.

— Пан ординат просил меня прийти сюда и помочь тебе переодеться, причесаться, — проговорила она. — Поспешите, пока не проснулись те из гостей, кто остался в Замке.

Они молчали, пока Ксения суетливо натягивала свежую рубашку и платье, пока Мария туго затягивала шнуровку на ее спине и разбирала аккуратно запутанные за ночь волосы, плела косы, чтобы после уложить их под чепец из бархата, который крепко будет закреплён прямо на макушке Ксении. Молчали и когда тайно и спешно ушли из хозяйских покоев, пошли под руку по длинным коридорам, унося с собой единственное свидетельство того, кто именно провел ночь в комнате ордината — смятое платье и рубашку.

И ни разу за последующие дни, что Ксения тогда провела в Замке, не заговорили о том, за что та была благодарна Марии. Вспоминать о том, что было Ксении хотелось только наедине со своими мыслями, или в присутствии Анджея. Ведь глядя на него, она видела тот маленький спеленатый комочек, которым он некогда был, думала о том, каким даром судьбы для нее та последняя ночь в Замке более шести лет назад, которая тогда казалась единственной, казалась последней. Вон ведь как вышло! И Ксения невольно прикладывала

ладонь к плоскому животу, обтянутому тканью платья. И эта ночь принесет ей дивный дар. Тот самый дар, который заставит Владислава вернуться к ней. Она верила в это всем сердцем. И думать о том, что Владек может так же забрать у нее ребенка, как отобрал Анджея, совсем не хотелось ныне.

Оттого и гнала от себя дурные мысли прочь, отдаваясь целиком общению с сыном, которое было столь быстротечно для нее. Оттого и заставляла себя улыбаться в ночь, когда одна из Замковых пушек шумно огласила наступление нового года по григорианскому календарю. Ксения тогда по просьбе епископа разделила с ним праздничную трапезу, тщательно выбирая блюда и напитки согласно требованиям поста, что вызвало жесткую улыбку на губах бискупа.

— Немного дней и тыдзений тебе осталось, — проговорил он, отпивая подогретого вина из бокала. Ксения нахмурилась, не понимая, о чем тот речь ведет, и он поспешил добавить. — К алтарю костела нельзя вести схизматичку, пани. Тут я на своем твердо стою и стоять буду.

— А пан бискуп так уверен в том, что пан Владислав меня пожелает к алтарю повести? — резко ответила Ксения, с трудом подавляя волну раздражения, вспыхнувшую в тот миг в душе. — Желал бы, не уехал так спешно из Заслава. Да и слов страшных не говорил бы.

— Он сам тебе сказал то? — насторожился епископ и, получив отрицательный ответ, слегка опустил плечи вниз, расслаблено откинулся на спинку кресла, в котором сидел. — Тогда и в память не бери то. Не сам ныне говорит. Злость его направляет. Что думаешь делать далее, пани? До дня Трех Королей всего две ночи осталось. Я по глазам вижу, что решила. Вот и желаю узнать, во благо ли то. Уважь меня, пани, открой, что за думу в голове носишь.

— Я останусь в Заславе! — решительно заявила Ксения, отодвигая тарель от себя. — Останусь! Не может же Владек жить в Лисьем Отворе все время. Нам есть что сказать другу другу. И ныне... ныне я только уверена в том. А не сумеет выслушать, то перед глазами буду стоять, напоминая о себе. Уеду — он меня позабудет, сердцем то чую!

— Пани уедет из Заслава, — вдруг резко отрезал епископ, сжимая губы. — Уедет, как и было сказано ей. Сама ведь ведаешь — Владислав себе долго не простит той слабину, что случилась с ним давеча. Не красней! То грех в постель без благословения идти, но ведь ранее ты-то так не алела лицом. И слабина та будет мучить его почище, чем злость на тебя за проступок тот. А твой вид перед ним только питать огонь его ярости. Уезжай, пани, уезжай. Ты же справная охотница. Ведаешь — коли не можешь догнать зверя скоростью или победить силой...

— ... дождись его у западни, — завершила Ксения речь епископа, и тот довольно кивнул, радуясь тому, как легко схватывает эта женщина его мысли, как тонко улавливает ход его размышлений. — Но что, если зверь побежит в другую сторону? Что, если не выбежит на меня? Кто загонит его ко мне?

— Его думы. Его память. Его сердце. И Анджей, — бискуп снова сложил перед собой пальцы «домиком», улыбнулся Ксении поверх него. — У пана Анджея глаза пани. Разве можно глядеть на него и не вспоминать о той? Если пан Владислав не сумел позабыть пани, когда та у него была отнята, разве сможет он сделать то, когда она так рядом от него? — а потом вдруг спросил, так резко меняя тему разговора, что Ксения не сразу сумела понять, о чем тот узнать у нее хочет. — Пан Андрусь давеча песню одну пел себе под нос. Я бы хотел,

чтобы пани поведала мне о ней. О чем она?

Ксения едва не вздрогнула, когда бискуп, коверкая слова на свой манер, с трудом пропел-проговорил первые строки из той песни, что редко пела она, воскрешая в памяти забытое наречие отчей земли. И воскрешая в памяти те темные глаза, что когда-то взяли в плен ее сердце.

— Я скажу Анджею, чтобы он боле не пел ее. Никогда, — а пальцы сжали подлокотник кресла, когда осознала, что впервые испугалась того, что плоть от плоти боярина Калитина на московитском наречии говорить может. Больно кольнуло сердце при том.

Когда-то укачивая Андрусю еще младенчиком она тихо мурлыкала ему те самые колыбельные, что пели ей мамки и няньки, но прекратила то делать, когда он повторять за ней слова стал вдруг, испугалась невольно обучить его не наречию этих земель, а другому, чужому для них. Приучила себя петь те песни, что подсказала ей Эльжбета, а потом и вовсе забыла о родном наречии, стала даже думать за эти годы на чужом для нее языке. Только несколько раз, уехав со двора на речку, что протекала поблизости от вотчины Ежи, особенно на Иванов день или на Троицы, тихо пела знакомые ей былины или песни-плачи, выплескивая ту тоску, что накопилась в душе. Пару раз с ней был в то время и Андрусь, но тогда ей казалось, что не запомнит он слова незнакомые, не сможет. А вот поди ж ты...

— Я скажу ему, — прошептала Ксения, но епископ только головой покачал в ответ, а потом вдруг удивил ее снова, попросив спеть эту медленную протяжную полупесню-полуплач. Андрусь мог пропеть только первые строки, остальное только тихо мычал, но и по тому многое стало ясно тогда для бискупа.

— Я не могу, — отказалась Ксения, но епископ стал настаивать, уговаривать, и она сдалась, в глубине души трепеща тем родным и знакомым до боли словам, что так легко ныне сорвались вдруг с губ:

Ты кати, кати, кольцо,
Из сеней да крыльцо
Ты кати, мое кольцо...
По дороженьке кати
Ясно сокола найди.
Где летает сокол мой?
Позабыл он путь домой...
Ты, колечечко, кати
Ясно сокола найди...

А потом смолкла на половине песни, сжалось сердце от того, как незнакомо для ее ушей прозвучали слова, родные с детства. С мягким отзвуком этой земли в каждом произнесенном слове. Уже не те, что раньше. Совсем не те...

— О чем она, эта песнь? — прервал ее думы епископ, внимательно вглядывающийся в ее лицо.

— Это плач девицы о своем соколе. Она посылает дар молодца златое кольцо на розыск его, — ответила Ксения. Контраст между наречиями, что еще только недавно рвался из самого сердца, и тем, что ныне медленно потек плавной рекой под сводами этой комнаты, был так осязаем, что казалось, даже бискуп почувствовал себя неловко ныне.

— Ты давно не говорила на речи московитской, верно? Тоскуешь по земле отчей? — вдруг спросил он, снова переплетая пальцы и кидая на нее такой привычный ей пронзительный взгляд.

— Все тоскуют по корням, — уклончиво ответила Ксения. — Ныне же земля моя тут...

— Добже, — кивнул епископ, а потом вдруг протянул руку и погладил ее ладонь. — Добже, пани. А пану Андрусю не говори о песни той. Я сам ему скажу. Сам, поняла?

В ту ночь Ксения снова стояла на своем привычном месте на замковой стене, не обращая внимания на мелкую снежную крупу, что тихо падала из темных туч ночного неба. Где-то там за краем земли, что сливался с черным небом, скрывался за снежной пеленой, за многочисленными полями и лугами, за лесами, еловыми и березовыми, — ее отчая земля. Ее красавицы церкви с маленькими луковичками-куполами, ее терема, украшенные искусными деревянными кружевами, сады яблоневые и вишневые, темные от времени избы и холопы в плетенных лаптях.

Ксения не вспоминала об отчей земле уже несколько лет, запретила думать о ней, но вот ныне снова проснулась память, трепала душу, как трепет ныне ветер подол ее платья и полы плаща. Она отказалась от своей земли ради Владислава, от своих родичей, от корней своих оторвалась. Что будет, коли он не простит ее...?

Утром в день Трех Королей, когда запрягали лошадей, что побегут в поезде пана епископа, увозя того в пинские земли, на двор Заславского Замка прискакали всадники. Было видно, что они гнали коней, заставляя тех прибыть в назначенный срок, что ехали они без остановки для отдыха последние сутки. Сперва сердце Ксении встрепенулось, когда она заметила их, ступая по длинной галерее, направляясь на двор, а потом распознала в главе прибывших пана Добженского, прикусила губу, стараясь сдержать выдох разочарования, чтобы его не уловила Мария, ступающая рядом.

— Пан Добженский, — холодным кивком приветствовала того Ксения, не забывшая тех слов, сказанных в темном коридоре. Пусть они оказались правдой, но она не желала их знать, потому и перенесла свое неприятие их на этого темноволосого мужчину, склонившегося перед ней в поклоне. — Пан прибыл нынче поутру проверить для пана ордината, уехала ли из Замка пани Вревская? Можете передать своему пану, что я уезжаю. Он волен возвращаться в Заслав без опаски встретить меня.

— Пани несправедлива к пану ординату и ко мне, — пан Добженский отвел глаза в сторону, не желая встречать ее чуть насмешливый взгляд. — Я приехал проводить пани и пана Смирца до границы земель его вотчинных. Говорят, на дороге к ним беспокойно ныне.

— Мне нечего бояться, пан Добженский, — отрезала Ксения. — Пан епископ был так любезен предложить места для меня и пана Смирца в его возке. Так что я отныне под защитой пана бискупа и вынуждена отказать в подобной услуге пану Добженскому. Да и как пан желал ехать ныне, коли на ногах едва сам стоит?

Она оглянулась на окна в северном крыле, где были комнаты, отведенные Анджею, но знала, что не увидит его в них — сама же просила увести его на прогулку подле Замка, опасаясь, что не найдет в себе сил уехать от сына. Прикусила губу, пытаясь сдержать слезы, отгоняя мысли о том, что вдруг ее уверенность в прощении Владислава обманчива. Несмотря на все доводы разума, Ксения ждала, что он остановит ее отъезд, как будет ждать его еще долго.

— Я привезу пана Анджея в земли пана Смирца еще до Сретения, — словно прочитав ее мысли, тихо проговорил пан Добженский, и она рассеянно кивнула в ответ. — Таково слово

пана Заславского.

Ксения сама не помнит, как покидала Замок тогда. Благо епископский возок на полозьях был крытым, и она скрылась от чужих глаз в его глубине, откинувшись на стенку, спрятав лицо в меховой полости, которой укрыли ее. Бискуп тоже не стал ничего говорить, а отвернулся к окну, вглядываясь в лица холопов и горожан, что кланялись проезжавшим саням. И Ежи, занявший свое место, когда возок остановился в граде у корчмы, тоже молчал, видя, как не желают его путники общаться между собой ныне. Каждый думал о том, что покидал Заслав, когда епископский поезд под крики едущих впереди гайдуков оставил далеко позади и град, и темную громаду замка на холме вдали.

Но только у одной Ксении при том горько плакала душа, вспоминая, как уезжала она отсюда несколько лет и зим назад. Ранее она отказывалась от своей любви ради блага Владека. Но она никак не могла понять — отчего он отказывается от нее ныне?

— Помни, пани Катаржина, — наставлял Ксению, прощаясь пару дней спустя, епископ, когда поезд остановился на развилке дорог. Одна из них вела в пинские земли, которые уже давно ждали его возвращения, а другая — в направлении вотчины Ежи, что уже полулежал в санях и ждал Ксению, что-то сурово выговаривая холопу на козлах. — Помни — терпение всенепременно получает награду. Не только меткость, но и терпение истинные качества охотника. Сумей выждать, и ты получишь то, что будет всем нам во благо, — а потом вдруг положил руку на ее плечо и сжал его с силой. — И за то время, что ждешь, обдумай вот что: минет пять лет и пять зим, не боле, и сын твой миром будет мазан, станет истинным воином Христовым. Слышала, верно, про *confirmatio* {1}? А до того будет первое причастие, первое принятие даров святых. Неужто и тогда подле не встанешь? Подумай о том, пани Катаржина. Ныне ты должна понимать...

Нет, она не понимала. Она даже не думала ни о чем после. Словно заледенела от ветра, что бил в лицо, замораживая щеки и нос, когда сани мчались по снежной дороге в земли пана Смирца. Так и прибыла на двор вотчины — отстраненная и холодная, со скупой улыбкой, мелькнувшей на губах, когда Збыня, громко причитая, скатилась с крыльца навстречу хозяевам, теребила тех за руки, тащила за собой в тепло гридницы.

Только пару раз упала ледяная маска с ее лица. Первый — когда заметила волчью шкуру на плечах въехавшего во двор шляхтича, что прибыл тут же, словно поджидал их возвращения где-то поблизости. Она встретила глазами с Лешко и тут же смутилась, отвела взгляд в сторону не в силах глядеть в его лицо, вспоминая ту боль и злость, с которой он смотрел на нее в последний раз, когда они виделись. В тот рассвет, когда гнались за Владиславом и его пахоликами.

— Пани Катаржина вернулась к нам? — спросил Лешко, спешившись и подходя к ней, замершей на крыльце дома.

— Вернулась, — тихо ответила Ксения. Холопы, распрягающие сани, с любопытством наострили уши, словно почувствовав то напряжение, что разлилось в воздухе двора ныне.

— Одна? — уточнил Лешко, и Ксения скривилась на миг от боли, кольнувшей в груди.

— Я прибыла с паном Смирцем, отцом моим.

— Я говорил тебе, — словно не слыша ее, сказал Лешко, обжигая ее своим взглядом. — Я тебе говорил, но ты не слушала. И ты потеряла его, — и упрямо добавил, видя, как она качает головой. — Ты потеряла своего сына. И ничего не получила взамен. Я говорил тебе...

Он ушел тогда с крыльца в дом, оставив ее одну. Более они никогда не заводили этого разговора. Но Ксения ясно читала в его глазах, что он думает о том, что Анджей никогда не

будет жить в вотчине, что она потеряла своего сына, когда могла сохранить его для себя. И она видела немое обвинение в его глазах прежде, чем он успевал отвести взгляд или скрыть свои чувства от нее. Он по-своему любил ее мальчика, и его отсутствие ударило не только по ней. И Лешко не мог не винить ее за это.

Ксения по-прежнему выезжала вместе с Лешко по делам вотчины, но за другим больше вместе их нигде не видели. Не стало верховых прогулок и гона, не стало охоты на зимующих птиц и зверьков, не провожал пани Касю в церкву схизмы. И он больше не приезжал так часто на двор пана Смирца, словно не желал находиться подле Ксении.

— Что это он? — недоумевала Збыня. — То медом ему тут мазано было, все оторваться не мог. А ныне даже носа в гридницу не показывает. Хоть бы пана Ежи проведаль бы зашел! Тьфу ты! Леший! И что за паны? Как ему поворот дали, так все не милы тут, так выходит?

— Цыц, Збыня, — устало откликнулась Ксения. Ей вовсе не хотелось говорить о пане Роговском, чтобы и так истерзанную душу не царапало чувство вины за то, что происходило ныне.

Да и не до размышлений было совсем: едва прибыли в вотчину, как свалила Ежи горячка с ног, и женщины, сбиваясь с ног, пытались вырвать того из рук черной старухи, что заглянула на их двор.

— Видать, от ожога-то пошло, — говорила Збыня, в который раз накладывая на обожженную руку пана полотно, замоченное в отваре из трав. — Ох, и где пана-то так угораздило?

И снова Ксения только губу прикусывала, стараясь сдержать слезы. Она каждый день стояла перед образами, если не помогала Збыне за больным ходить, умоляя сохранить жизнь Ежи, ставшим таким незаменимым в ее жизни, заменившим ей родичей, оставленных в тех далеких краях.

— Не отымай и его, прошу, — шептали ее губы, когда она клала поклоны в своей спальне. Она уже давно оставила мольбы о том, чтобы в ее жизнь вернулся Владислав, и чтобы в ее чреве зародилась жизнь в ту одну-единственную ночь, соединившую ее с любимым на такой короткий миг. Только о здравии Ежи молилась неустанно, прибавляя слова просьб к словам молитвы.

— Пани Кася! Пани Кася! — одним утром, когда солнце щедро разлило лучи по плетеным разноцветным коврикам и широким половым доскам в комнатах дома, закричала Збыня, перепугав Ксению до полусмерти, заставив ту буквально подскочить с постели и броситься к двери спальни.

— Что? Что, Збыня? Пан...? — но та только радостно головой покачала в ответ, металась по гриднице, как полоумная, хватаясь то за сковороду, то за туес с яйцами, что принесли со скотного двора нынче на рассвете.

— Глаза открыл наш пан! Злой, как черт, ругается, — улыбалась глупо холопка. — Говорит, что вола готов съесть, но и от яичницы с колбасой не откажется. Ах, пани, радость-то какая! Надобно к пани Эльжбете послать. А то ей ничего не говорили... вот уж она там мается-то! — а потом осеклась, заметив, как застыла улыбка на губах Ксении, как помертвела та и вцепилась в косяк дверной, что костяшки побелели. — Что с пани? Неужто хворь на пани перешла?

— Нет, Збыня, — еле раздвинула губы Ксения для ответа. — Не больна я. Пришли ко мне Марыську с полотном чистым да с водой теплой.

А потом затворила дверь спальни, скрываясь от взгляда холопки, прислонилась к ней

лбом, кривя губы при каждом легком спазме, что прихватывал ее тело. Она хорошо знала эти спазмы, а потому даже не стала проверять, права ли она в своих подозрениях.

Та ночь не принесет ей своего дара — пухленького младенца, так похожего чертами на мать и отца. Этого дитя не будет. Ксения снова была погана. Господь внял ее страстным мольбам, которые она творила о здравии Ежи, забыв о той, самой желанной для нее.

Быть может, оттого она не могла так счастливо и широко улыбаться, когда вернулся на двор Ежи, едва вставший на ноги после хвори и поехавший к Эльжбете. Или оттого, что она чересчур волновалась за его здоровье, ведь он толком еще не оправился, когда с ее губ вдруг сорвался намек на тягость пани Лолькевич, после чего он тотчас уехал со двора.

— Отчего пани Эльжбета не навестила ни единого разочка хвораго соседа? — ворчал уже третий день Ежи, по-прежнему находившийся в постели — Збыня не позволяла тому лишнего шага сделать, опасаясь возвращения болезни. — Отчего забыла о нем? Не по-соседски то! Совсем уж! — а потом больно сжимал руку Ксении. — Не лжешь ли ты мне, Каська? Здрава ли та? Вот мне пан Кшетусь сказал, что в костеле ее давно не видали на мессе.

Ксения морщилась, выдирала руку с красными пятнами на запястье от хватки Ежи, и после его извинений отвечала, что пани здрава, что навестит пана после. А в один день не сумела все же сдержаться да выкрикнула, ударяя по руке, сжавшей ее запястье в который раз:

— Тяжело ей, оттого и не едет!

— Ты что это говоришь? — не понял Ежи, а Ксения только взгляд на него бросила насмешливый:

— Что знаю, то и говорю. Не наездится пани, когда тяжело ей. Что тут не ясного?

А потом заверещала в голос, когда Ежи с силой сбросил ее с постели своей, поднимаясь на ноги, спеша облачиться в жупан да сапоги натянуть. На помощь прибежала Збыня, пыталась уговорить пана лечь в постель, потому как «хворь от порога не отошла», но Ежи был непреклонен — стряхнул с себя удерживающие его руки женщин, нахлобучил шапку на бритую голову, а на плечи кунтуш, подбитый мехом и вышел вон из дома, прежде ткнув в сторону Ксении кнутовищем: «Ну, заноза! Ну, держись у меня!».

Приехал Ежи только в сумерках, долго сидел на лавке у двери в сени, не снимая ни шапки, ни кунтуша, заметенного снегом. Улыбался глупо, глядя на замерших в гриднице женщин. А потом вдруг бросил в сторону кнут, на который косилась в опаской Ксения все это время, метнулся к ней, сгреб в охапку и стал крутить по гриднице, хохоча с голос, словно безумный. Вскоре к нему присоединилась и Збыня, и Марыся, и хлопы, заглянувшие на шум из сеней, пуская в гридницу зимний холод. Только Ксения улыбалась одними губами, ощущая странную пустоту в душе, коря себя, что не может разделить его счастье ныне.

— Забьем пороса на свадьбу, а, Збыня? — обратился к холопке Ежи, когда поставил Ксению на пол, и та тут же поддержала беседу о приготовлениях к пиру после венчания после следующей воскресной мессы. Надлежало еще переговорить с ксендзом, чтобы он повенчал пару без предварительного оглашения, но Ежи уже не сомневался, что тот пойдет им навстречу, принимая положение невесты.

Невеста... Эльжбета опасалась, что будет выглядеть глупо и смешно в этот день, делясь своими сомнениями с Ксенией незадолго до дня венчания, но когда она выходила из костела — такая сияющая от счастья, улыбающаяся, в небогатом просторном платье, несколько скрывающем ее большой живот, и обычном рантухе под расшитым бисером чепцом, ею открыто залюбовались. Она казалась в этот день такой юной, несмотря на морщинки возле

глаз. Да и Ежи тоже не отставал от нее — по-молодецки расправил плечи, даже поднял жену, чтобы перенести через порог, как и положено по обычаю, крепко и долго поцеловал в губы уже в гриднице.

И Ксения плакала в тот день помимо воли, как и Збыня, утирающая слезы подолом расшитого нитями фартука, который одевала только по праздникам. Бросала в молодоженов зерна хмеля и пшена и плакала. Сидела за столом в гриднице дома Ежи, где собрались после венчания на обед гости и вытирала слезу украдкой. Танцевала с молодым паном-соседом быстрый краковяк, и снова глаза ее блестели от слез. И после, стоя на крыльце, глядя в тусклые звезды, подмигивающие ей с высоты, выйдя сюда от шумного пира и громкого хохота, что стояли в гриднице, уже открыто, никого не таясь позволила себе расплакаться, сама не понимая, отчего ныне беззвучно рыдает.

Нет, она была рада за Ежи и Эльжбету, помолодевших как минимум на десяток лет за эти дни, и так и светящихся счастьем, к лучам которого хотелось протянуть руки, чтобы согреться его теплом. И была рада за тот дивный дар, которого подарила судьба Ежи на склоне лет. Но почему-то ее сегодня не покидала весь день какая-то хандра, какое странное чувство непричастности ко всему происходящему. Словно она вернулась на несколько лет и зим назад и снова гуляет на той свадьбе в фольварке Крышеницких, когда вокруг все было такое чужое и незнакомое.

Ей на плечи неожиданно опустился кожух из овчины, и она резко обернулась. Позади стоял Лешко, как всегда хмурый и угрюмый. Больше не видели улыбки, редкой гостии на его лице и до того, и Ксения не могла не чувствовать свою вину за то.

— Паны пляшут ныне, — он кивнул в сторону двери в дом, откуда доносился топот ног, порой даже перекрывающий звуки музыки. — Видела бы пани Кася пана Юрася! Добрые вести меняют мужчину, а уж вести о будущем сыне тем паче.

Он вдруг заметил слезы на лице Ксении в свете луны, протянул руку и легким движением снял с щеки маленькую каплю, борясь с желанием привлечь ее к себе, как тогда, на Рождество, приникнуть к этим полураскрытым губам.

— Я уезжаю, Касенька, — вдруг тихо сказал Лешко. — Совсем уезжаю.

— Что? — удивилась Ксения такой вести. Она настолько привыкла, что Лешко всегда был подле нее в этих землях, всегда рядом, что ныне едва не упала с крыльца, услышав его слова.

— Уезжаю, — повторил Лешко. — Вот сдам все книги и скарб пану Юрасю и уеду. До Пепельной среды {2}хочу управиться с тем. В земли свои возвращаюсь, что у границы. Там вроде и поутихло все. И пана Юрася сын вот-вот на свет появится, мне уж в наследниках не ходить. Да даже ежели не так... пора мне пришла сделать то. Доле бегать от памяти своей да раны свои тешить. Надобно заново делать то, что разрушено было. Да и у корней своих душу израненную легче исцелить, с тем даже не поспорить.

Он снова поднял руку и поймал очередную капельку, ползущую по щеке Ксении, а после ласково скользнул по скуле и ниже — по линии шеи.

— Ты так красива ныне, в этом платье из шелка, — прошептал он. — Диковинный цвет...

А потом вдруг взял ее лицо в ладони, приблизил к своему, заглянул прямо в заплаканные глаза Ксении, стал собирать в память каждый их отблеск в лунном свете, каждую черточку лица. Чтобы помнить о той, что когда-то украла его душу. То, чего он даже не чаял в себе отыскать...

— Ты могла бы...

Ксения разгадала его слова прежде, чем он произнес их. «Ты могла бы поехать со мной». Нет, ответила она без слов, качая головой, не могла бы. К чему лгать? Она не могла дать ему то, что она ждал от нее, а лгать... Довольно с нее лжи ныне.

И она встала на цыпочки и ласково коснулась губами уголка его рта в знак прощания. Но он не дал ей опуститься сразу, задержал ее лицо у своего, деля с ней одно дыхание на двоих. А потом так же внезапно отпустил и, развернувшись, ушел в дом, где паны уже завели удалую песню о походе на турок, взял чарку с водкой да выпил до самого дна одним махом, не поморщившись, тут же присоединяя свой голос к хору других голосов. И только Ксения знала, что творится у него в душе в этот миг, наблюдая за ним из темноты сеней через приоткрытую дверь.

Больше они не виделись до самого дня отъезда Лешко в приграничные земли. Больше не сказали до того дня друг другу ни единого слова.

На Сретенье, как и было обещано, на краю земли на полосе дороги меж снежных полей, показался небольшой отряд под стягом с гербом Заславских. Весть о том принес в дом Ежи один из холопских мальчуганов, что играли за дымами. И Ксения, и Ежи тут же встрепенулись, засуетились, пряча друг от друга надежду, вспыхнувшую в сердцах.

Но это был не Владислав. Отряд, который в окружении ватаги маленьких холопов проехался вдоль деревенских дымов и въехал во двор панского дома, вел пан Добженский. Чуть позади него, впереди одного из пахоликов сидел Анджей верхом на высоком вороном коне.

— Мама! Ты видела, мама? Это мой конь! — закричал он матери, стоявшей на крыльце. А потом со смехом и визгом свалился в протянутые руки Ежи. — Дядьку! Ты видел моего коня? Мне пан тата подарил! Дядьку!

— Ох, какой ты стал увалень! — подбросил в воздух Ежи мальчика, глядя на него повлажневшими глазами снизу вверх. — Вестимо, вырос на пару пальцев, пока мы не виделись?

— Ага! На целую тьму! — засмеялся довольно Анджей. А потом показал с гордостью и золотую цепь, расстегнув кунтуш на меху куницы, и маленькую саблю на поясе. — Я панич Заславский!

— Я вижу, внучку, — сжал ласково его плечо Ежи. Как же он напоминал ему ныне маленького Владислава! Даже сердце снова кольнуло от боли, что так сложилось у них ныне.

И после, когда наблюдал за ним уже в гриднице, ныло от сердце. Анджей, маленький Анджей, невольно повторяющий судьбу отца: родители розно, сердце пополам. Дай Бог, чтобы тот день, когда ты поймешь о том, настал как можно позднее, мой мальчик! Дай Бог, чтобы все переменилось вскоре!

Первые три дня Анджей не отходил от матери ни на шаг, а первый день и вовсе не выпускал ее руки из своей маленькой ладошки. И рассказывал ей без умолку о том, что происходило с ним за эти дни, что они не виделись с той. Но и Добженского от себя не отпустил, настоял, чтобы тот приезжал на двор Ежи из Лисьего Отвора, где тот остановился, как можно чаще. Ведь тот обучал его верховой езде, заменяя Владислава, когда тот был слишком занят для занятий.

— Жаль, что пан Лешко не может приехать, — говорил Анджей. — Я бы желал съездить с ним в лес на белок поглядеть. Может, на Пасху он будет свободен для того?

— Нет, малыш, — покачала головой Ксения, аккуратно направляя свою Ласку по снегу,

чтобы та ненароком не задела коня Анджея. — Пана Лешко на Пасху в Дубрах не будет. Он уезжает в свой фольварк после Пепельной Среды.

Пан Добженский, ехавший по другую сторону от Анджея, метнул на нее поверх шапки мальчика внимательный взгляд, но она предпочла сделать вид, что не поняла его, изо всех сил попыталась сохранить невозмутимость на своем лице.

— А где его фольварк? — спросил Анджей, хмуря брови недовольно. — Далек от земель пана отца?

— Далек, Андрусь. При границе с Москвией.

— У нас там тоже земли есть, — кивнул мальчик с таким серьезным видом, что Ксения не смогла сдержать улыбки. — Кто ведает, не сосед ли он будет? Жаль. Тогда пан Тадек поедет со мной в лес на белок глядеть. Пан Тадек может?

— Пан Тадек готов ради пана Анджея на все, — ответил Добженский, улыбаясь странным оборотам в речи ребенка. — А также пан Тадек следующим утром везет панича Заславского на мессу. И пусть панич так не смотрит на пана Тадека, а то расскажу отцу Макарию о недостойном поведении панича, а то и пану ординату. Даже не знаю, чья кара суровее будет...

— Согласен. Но потом — в лес! — твердо заявил мальчик, и Добженский поднял руки, словно сдаваясь на его милость, улыбаясь во весь рот. Точно так же, только без улыбки на лице он поднял руки, когда тем же вечером Ксения попросила Добженского задержаться с отъездом, что приближался с неумолимой скоростью.

— Я не могу расстаться с ним так скоро, — шептала она запальчиво. Они сидели в гриднице за столом, склонив головы ближе друг к другу, чтобы Андрусь, сидевший подле Ежи и что-то рассказывавший тому, не услышал и слова из их беседы. — Это мука для меня, как пан не понимает того! Как того не понимает Вла... пан Заславский?!

— Пан Владислав понимает то. Для него такая же мука, как и для пани Катаржины, позволять паничу ехать в Дубры даже на тыдзень, — ответил Добженский, но Ксения не желала слушать его. Владислав сам решил, что они должны жить такой жизнью отныне, упрямо поджала губы. — Пани желает нарушить договор с паном? Не стоит делать того. Так можно лишиться той малости, что есть у пани, не получив взамен ничего.

— Мама! Это должна делать мама! — вдруг привлек их внимание требовательный голос Анджея, и они повернулись в сторону остальных, чтобы взглянуть, что творится за столом.

Збыня принесла каравай горячего хлеба, и Эльжбета поднялась со своего места, чтобы разрезать хлеб, раздать сидящим за столом, как положено хозяйке дома. Да только ранее это было обязанностью Ксении, и ныне Анджей не мог понять в толк, отчего теперь все по-иному.

— Андрусь, ныне пани Эльзя хозяйка в доме, — мягко ответил Ежи, но Ксения видела, как он напрягся от этого невинного, казалось, замечания, несмотря на его безмятежность, как покраснели кончики его ушей, выдавая его волнение в этот момент. — Она моя жена, а я хозяин дома. Стало быть, пани Эльзя — хозяйка здесь.

— А кто тогда моя мама ныне? — не унимался Анджей. — Кто тогда моя мама?

— Я — дочь твоего дядьку, — улыбнулась Ксения, стараясь не показать тех сомнений и того смятения, что вызвал в ней простой детский вопрос. — Я живу в этом доме, как и ранее. Только хлеб ныне режет пани Эльзя. И другое, что положено хозяйке, делает тоже она.

В ту ночь Ксения впервые задумалась над переменой своего положения в вотчине и долго не могла уснуть, поглощенная этими мыслями, глядя на спящего возле нее Андруся,

ласково проводя пальчиками светлые волосики, раскинувшиеся на подушке.

И верно, кто она ныне тут? Хозяйкой дома и этих земель по праву стала Эльжбета, переступив порог дома женой Ежи. Ныне она забрала бразды правления из рук Ксении, взяв домашнее хозяйство и двор под свою власть. А не так давно и Ежи стал намекать Ксении, что после отъезда Лешко будет без нее ездить по землям, собирая плату от рындарей и проверяя работу пивоварни и хлопков в полях. Мол, устала она, верно, работать наравне с паном Роговским, утомилась. Да и негоже то совсем... Ныне сам Ежи может взять в свои руки дела вотчины, ведь грамоте и счете он был обучен лучше Лешко, и в знаниях Ксении уже не было нужды.

А ведь Лешко прав — у Ежи может появиться на свет сын, наследник этих земель. И что тогда случится с названной дочерью? Ежи не вечен, настанет день, когда старуха в черном явится за ним, и тогда Ксения останется совсем без защиты, коли все и далее будет так, как есть ныне. Без защиты, без прав, без средств к существованию. Одна в чужой ей земле...

Она вздрогнула от холода, которым вдруг повеяло в этот миг по ее плечам, прикрытым тонкой тканью рубахи. Видать, кто-то дверь в сени открыл, вот и пошел мороз в тепло дома. А может, это из ее будущего повеяло? Такого мрачного, такого безрадостного, как и жизнь в целом, что у нее отныне была. Только Андрусь, Ксения не удержалась и поцеловала легко сына в лобик под светлую челку. Только Андрусь у нее был...

А потом резко села в постели, пряча лицо в ладонях, пугаясь мыслей, что промелькнули в голове в тот миг. Нет, это неправда. У нее еще был Владислав. У нее должен быть Владислав! Даже Ежи был уверен, что пройдет время — пусть месяц и даже год! — но Владислав непременно вернется за ней, когда его злость утихнет. Когда поймет, как ему худо без нее. Как ей было худо без него...

Ксения, стараясь ненароком не потревожить спавшего сына, достала из-под своей подушки аккуратно сложенную рубаху, спрятала лицо в ткани, а потом резко отбросила вдруг в сторону. Как она могла ранее думать, что эта рубаха хранит запах его кожи? Теперь, когда она помнила его отчетливее, она ясно понимала, как ошибалась. Не мог заменить никакой морок ночной, никакой дурман тепла кожи, которую она трогала пальцами в ту ночь. Так легко и ласково словно боялась разрушить то очарование, которое облаком накрыло их, заставило забыть о тревогах, сомнениях, обидах. И его пальцы на своей коже... сильные и одновременно легкие, заставляющие выгибаться дугой навстречу прикосновениям.

Ксения провела по своим губам, вспоминая те поцелуи, от которых наутро распухли слегка губы. Они были особенные, никто не целовал ее так, как Владислав, когда сердце так стучало в груди, что не было слышно за этим стуком голоса разума. И она хотела думать, что никто и никогда не целовал так Владислава, как целовала его она. Так должно быть. Так будет.

Ксения слегка покраснела, вспомнив, что позволяла в ту ночь Владиславу и себе, дивясь той смелости, которая снова завладела тогда ею. И тем мыслям, что мелькали в голове в ту ночь. Словно заклинание творила, обнимая и целуя его. «Я вливаю в твои жилы яд любви своей, чтобы ты вернулся ко мне... чтобы не смог жить без меня. Как я не могу жить без тебя...»

Страшные мысли. Греховные мысли. Оттого и стояла всю ночь перед образами Ксения после, внезапно перепугавшись в душе этим думам. Перепугавшись своим желанием.

Только под утро упала в кровать подле Андруся и забылась каким-то тревожным сном,

что не принес ни покоя, ни благодати, потому и еле-еле открывала глаза, когда пришла пора собираться на утреннюю службу в церковь. Даже холодная вода не смогла убрать остатки дремы из головы Ксении, даже мороз, который ласково кусал щеки по дороге в церковь и обратно, когда гнала Ласку на двор вотчины, не желая потерять ни мига из оставшихся нескольких дней вместе с Андрусем.

Потом сын сидел возле печи на маленькой скамье, а она вдруг сама решила жарить ему круглые блины, словно солнышко на небе, ведь он так любил их. Збыня помогала пани, как могла, смеялась и шутила вместе с матерью и сыном. Да и Ежи не остался в стороне — тоже сел в гриднице и ел вместе с Анджеем горячие блины, запивая их молоком, что стояло в сенях на холоде. После вышла из спальни Эльжбета, отдохавшая после приезда из костела, села тут же за работу над приданным для младенчика, и Анджей спросил удивленно, несколько смущаясь, о том, что не давало ему покоя уже который день:

— Отчего у пани Эльзи такой живот большой?

— А это пани Эльзя тыкву разом проглотила, — пошутил в ответ Ежи и громко расхохотался, заметив, как расширились глаза Андруся. А потом вопросы так и посыпались горохом из мальчика. Он спрашивал и про скот, и про дымы, и про истории из Завета, а Ежи хмурил лоб и пытался ответить на все его вопросы под улыбки женщин, предоставивших ему эту обязанность.

— А к алтарю зачем ведут пани? Она сама туда дойти не может? — спросил Андрусь.

— К алтарю в костел пани ведут, с которой жить вместе хочет пан, под одной крышей, в одном доме и всю свою жизнь, — аккуратно подбирая слова, ответил Ежи, раскуривая чубук, стараясь дымить в сторону от мальчика. Тот насупился недовольно, и Ксения взглянула удивленно от печи на него.

— Не хочу! Не желаю, чтобы пан отец жил с какой-то пани в Замке! — вдруг выкрикнул мальчик. Ежи вздрогнул и едва не выронил из рук чубук, у Ксении же в этот миг дрогнула рука. Глиняный кувшин, из которого лили на сковороду жидкое тесто для блинов, ударился о край стола и вдруг разлетелся на осколки, заливая своим содержимым и юбку Ксении, и стол, и половики на дубовом полу под вскрики Збыни и Эльзи. Но та их не слышала и даже не видела, как залила невольно все вокруг себя тесто. Только стояла, как громом пораженная, не выпуская из руки осколок горлышка кувшина...

1. Утверждение (лат.) Конфирмация — обряд Католической церкви, другое название таинства миропомазания

2. Первый день поста в католичестве

В гридницу медленно вползал утренний свет, разгоняя из углов тени предрассветного мрака. Ксения погасила две сальные свечи, стоявшие в глиняных плошках на столе, аккуратно сняла нагар, освобождая фитиль. А потом снова села на свое место за столом, положила голову на сомкнутые на столешнице руки, словно на подушку.

Только-только со двора уехал отряд, увозящий из вотчины маленького Андруса обратно к отцу. Ровно в назначенный Владиславом день Ксении пришлось, пряча от сына подозрительно блестящие глаза, натянуть на того верхнюю одежду, спрятать под шапку с меховым околышем маленькие ушки от мороза, который будет стараться ущипнуть их побольнее в это холодное утро. А потом обнять его на крыльце перед дорогой в последний раз, прижать к себе его тельце.

— Ну, мама, — смущенно выпростался из ее объятий Анджей, стыдясь этой нежности на глазах у пахоликов, уже сидящих в седлах и готовых к отъезду. Ему казалось, что совсем негоже паничу на глазах у воинов подобное творить. Ксения не стала его удерживать, отпустила из своих рук с грустной улыбкой, перекрестила, когда Ежи уже усадил панича в седло перед собой, намереваясь проводить его до границы своей земли. А еще он ехал вместе с паном Добженским и пахоликами в это утро, чтобы разведать то, о чем вот уже пару дней плакало сердце Ксении.

Он взглянул на Ксению, кутающуюся в шерстяную шаль, встретился с ней взорами и кивнул, мол, помню, разведая у Добженского, о чем разговор вели тогда. И Ксения улыбнулась ему одним уголками губ в ответ, а потом повернулась к пану Тадеушу, что спешился вдруг и быстро подошел к крыльцу.

— Пан Владислав велел спросить пани Катаржину, когда уезжать со двора будем: есть ли у пани слово для пана ордината? — тихо произнес он, чуть склоняясь к ней, чтобы слышала его только она и никто иной.

Сначала Ксения не поняла, о чем толкует тот, а потом сжала губы, пытаясь сохранить хладнокровие, борясь с острым желанием обмануть ныне Владислава и тем самым выиграть пусть немного, но времени на то, что переломить ход событий в свою пользу. А потом головой качнула, отказываясь от своего замысла:

— Мне нечего пану сказать. И скрыть от него тоже нечего. Нет ничего.

Добженский коротко кивнул, поклонился ей на прощание, а потом так же быстро занял место в седле, громко гикнул и повел за собой отряд прочь со двора вотчины, не оглядываясь на стройную фигурку на крыльце. Ксения недолго смотрела вслед отъезжающим — не позволил мороз. Как только последний всадник выехал за ворота, и те запахнул холоп в овчинном тулупе, ушла в тепло дома греть замерзшие ладони у огня печи.

В гриднице было пусто и тихо: Збыня и Маруся ушли на задний двор собирать яйца да молока надоить к завтраку, а пани Эльжбета еще спала. Никто не нарушал одиночества Ксении, она еще долго ходила из угла в угол, пытаясь успокоить мятежное сердце, прежде чем опуститься на лавку. Раз за разом она прокручивала в голове тот злополучный разговор, что тогда состоялся здесь же, в гриднице.

— Что ты ахаешь, Збыня? Ну-ка, приberi тут быстро! — приказал Ежи холопке, а сам повернулся к мальчику. — Ты о чем толкуешь, Андрус? О какой такой пани, что жить в Замке будет?

Ксения опустила на табурет, что рядом стоял, даже не обращая внимания на заляпанную тестом одежду, внимательно слушая каждое слово. Сначала Анджей, перепуганный реакцией матери на свою реплику, говорил тихо и медленно, а потом успокоился, стал рассказывать.

Как-то раз перед самым отъездом Анджей устроил с Янушем, его братом Ляшеком и еще парочкой маленьких шляхтичей, что недавно в Замок с родителями приехали, игру в прятки. Надо было так укрыться в Замке, чтобы Януш, уже знавший вдоль и поперек хозяйскую половину, не сумел отыскать. Вот и забрался Анджей далеко за пределы северного крыла Замка, укрылся в мастерской гафорок {1}. Те как раз на обед спускались в людскую, потому, вернувшись, принялись за свои работы, даже не зная, что за столом с рулонами тканей скрывается маленький панич. И разговоры продолжили, что до того вели. Так Анджей и услышал, что гафорки расшивают для пана ордината жупан из светлой ткани жемчугом, в котором тот «к алтарю распрекрасную пани какую поведет». Как закончат жупан, так примутся и за платье для пани, что шьют швеи нынче да которое еще богаче украшать придется, «все пальцы переколют иглами», жаловались друг другу мастерицы, что за работой сидели. «Так и не управиться никак за срок поставленный», говорили они.

Анджей всегда запоминал то, о чем говорили в его присутствии, если ему интересно то было, если новое для него в речах звучало. А про отца он любил послушать вдвойне, узнавая его по чужим словам. Хотя чаще ему так рассказывали про того, глаза в глаза, не как холопки — украдкой. Потому и запомнил толки те, и то, как краснели и ахали гафорки, когда он, утомившись сидеть в своем укрытии, вылез из-за стола да бросился прочь из мастерской.

— Ах ты, такой-сякой! Чужие толки слушать тайком! — разозлился Ежи, больно дернув за волосы Анджея, и тот насупился.

— Я невольно! — надул губы тот.

— За невольно бьют больно! — ответил сурово Ежи, а потом стал сосредоточенно выбивать из чубука остатки табака, собираясь с мыслями. Услышанное удивило не только Ксению. Он сам был растерян подобным поворотом. Неужто ошибся он в сердце мальчика своего? Неужто перегорело?

— Знать, правда, что пан тата в Замок пани какую приведет, и жить та будет с нами? — спросил мальчик, отводя глаза. — Не желаю того! Пусть все так будет, как есть! Зачем она там?!

— Желает, не желает, а пока под кровом отца живешь, должен чтить его и его решения, — напомнил Ежи. — Разве не то я тебе говорил всегда? Слово отца — закон для тебя! И чтоб я слова «не желаю» не слыхал боле от тебя! Гляжу, балует тебя пан ординат всех меры. Розги на тебя нет у него.

Губы Анджея скривились, по щекам покатались слезы, и Ксения, не выдержав, шикнула на Ежи, подхватила сына на руки, с трудом удержав того в руках, унесла в спальню. И там, скинув с себя перепачканную юбку, долго лежала подле него, гладила его волосы, успокаивая его плач.

— Ты тоже испугалась дядку, мама? — спросил после мальчик, погладил материнскую ладонь, лежащую у него на груди. — Он тоже тебя розгами когда-то...?

— Дзадку? — улыбнулась сквозь слезы Ксения. — Нет, дядку меня розгами не бил. Хотя я получала по спине достаточно за шалости свои...

И стала рассказывать про свое озорное детство, пока Андрусь, утомившийся за первую

половину дня, не провалился в глубокий сон. Только после позволила себе выплакать тот страх, что свернулся змеей в груди. Неужто и вправду женится на другой, лишь бы ей больнее сделать? Или — еще хуже — совсем позабыл о ней, и теперь вот новую жизнь начинает, без нее? А потом решили не слишком доверять словам маленького панича — мало ли что придумать да растолковать тот мог. Что он понимает в том возрасте, убеждал Ксению после Ежи в тот же вечер, уговаривал Добженского расспросить.

— Хотя если б пан Тадеуш ведал о том, то сказал бы уже давно, — тер подбородок Ежи. — Ты на него своими очами глянешь, он разум и теряет тут же!

— Нет, Ежи, тебе надо выведать то, не мне, — покачала головой Ксения. — Мне он может и не сказать, как молчал до последнего о многом. А тебе скажет. Тебе и спрашивать.

Так и решили. Потому-то и ждала так нетерпеливо нынче Ежи, что вернулся на двор только, когда совсем светло стало в гряднице, заставив Ксению подпрыгнуть от неожиданности от резкого звука открываемой из сеней двери. Он вошел, отряхнул шапку и кунтуш от снега, а потом так же молча прошел к печи и, поставив подле той низкий табурет, опустил на него и раскурил чубук.

— Ну же! — резко сказала Ксения, наблюдая за шляхтичем, едва дыша от волнения. — Что тянешь? Да или нет?

— Не ведает о том Добженский, — ответил Ежи. — Не ведает. И имени своего на договоре о посаге и вено не ставил.

— Но ведь и без него могло то свершиться? Разве нет? Владек ведает, что пан Тадек откроет мне все, коли потребуется, вот мог и без того обойтись, — Ксения сжала руки. — А про ткани спросил? Скарбница ведь в руках пана Тадеуша. Плата за ткани не могла пройти мимо его глаз.

Это была ее идея расспросить Добженского о тканях. Ведь если гафорки уже всю делали свою работу перед Сретеньем, знать, и ткани были куплены не так давно для того, и жупан сам пошили в прошлом месяце.

— Были ткани, Кася, — еле слышно ответил Ежи. — Много тканей, оттого и запомнилось та покупка пану Добженскому. Золотом платил купцам. Среди рулонов — итальянский бархат и шелк с Востока. Оба рулона цвета кости.

Ксения едва не ахнула, услышав эти слова. Значит, верно судачили гафорки, не зря языками чесали. Бархат — на жупан, а шелк, этот дивный материал, явно для женского платья куплен. Нет, быть того не может! Не может!

— Скажи же мне! — прошипела она сквозь зубы, задыхаясь от боли и злости. — Скажи, что не может он так поступить! Скажи, что ошибаемся мы!

— Правду нам только Владислав ныне скажет, — устало потер веки Ежи. — Только он знает, что на сердце у него и Езус. Я напишу к нему.

Но Ксения только головой покачала, внезапно обмякнув на скамье. Сил не осталось. Знать, это конец для нее. Уже не властна она над сердцем его, нет в его сердце ни любви к ней, ни даже жалости, раз так жесток — не успел проводить со двора, как к алтарю собрался другую вести. Остыл он за эти годы. А ночь та, что казалась тогда Ксении волшебной, наяву вышла совсем не такой. И света там не было, привидевшегося ей, и очарования того...

— Это ты виноват! — прошипела она в лицо Ежи, уходя к себе в спальню, чтобы выплакать боль, свернувшуюся узлом в ее груди. — Ты и пан бискуп! Снова задурманили мне голову словами, снова заставили поверить своим речам. «Подожди! Он непременно придет! Только подожди!» Вот и дождалась! Ничему не научила меня недоля лет и зим

последних! Дура я!

— Что ты делать будешь? — тихо спросил Ежи, будто и не слышал ее слов, произнесенных в тишине гриднице. — Видишь, какой глубокой обида оказалась, что нанесли мы, какой шрам оставила незаживающий. Надо верить, что затянется тот пусть и тонкой кожицей, да приедет сюда Владислав. Верь этому, как я верю. А коли не приедет до Пасхи, то надо тогда в Заслав ехать, о прощении простить. Вот минет Пасха, и поеду я в град. В ноги ему упаду, покаюсь в вине своей.

— Езжай, умолай! — резко ответила Ксения. — А пани за панами на коленях ползать не должны!

— Бывает за вина, за которую не стыдно на колени упасть. Да еще перед человеком, которому сердце отдано, — так же резко ответил Ежи, и она отшатнулась от него, качая головой.

— Нет! Нет... не надобно слушать слова ваши было, не надобно, — шептала она. — Осталась бы в Замке, уговорила бы. А так... Ехать на поклон, когда он такое задумал... Я за него землю отчую оставила, родичей. И его потом оставила... только за благо его. Как он может?

— А он, думаешь, мало пред тобой голову склонял?! — поднялся вдруг на ноги Ежи, перевернув табурет этим движением. — Сколько он кланялся... сколько творил то, что ты желала! Дурнем себяставлял перед всеми! Мало того? Не пора ли самой поклониться?

Но Ксения не стала отвечать на его слова, только развернулась и ушла к себе, хлопнув дверью напоследок, выражая тот гнев, что плескался в душе. Вот ведь как вывернул все! Она виновата оказалась вдруг в том разладе, что между ней и Владиславом! И откуда он ведает, что она не кланялась Владиславу, не каялась? И только потом, к концу дня, когда были выплаканы все слезы, когда утихла злость, ушла растерянность, Ксения вдруг затихла. Вдруг проснулось непреодолимое желание ступить под расписные своды храма, послушать звучный голос иерея, разлетающийся по всему храму, постоять перед ликами, взглянуть на их образы поверх огоньков свечей. Там она найдет ответы на свои вопросы, только там.

Как потянула душа в церкву, так и поступила Ксения. Приказала седлать себе Ласку да хлопа взяла в провожатые, чтобы не страшно было возвращаться по темноте на двор. А в церкви не только службу простояла, но еще долго оставалась перед ликом Богородицы, что так ласково в душу глядела, проникая до самого потайного уголка.

— Что мне делать? — прошептала Ксения, пытаясь найти путь, по которому ей надлежало идти ныне. — Что мне делать?

Ехать ли ей, не откладывая в Заслав? Просить Владислава принять ее, выслушать ее доводы? Но к чему они ныне, когда уже шьется свадебный наряд для пана ордината? Только душу себе снова бередить. Да имя свое на слух людской пустить. А толки лишние могут не только ей навредить ныне, а сыну ее. Нет, не поедет она в Заслав, не будет боле унижать себя.

Она вдруг вспомнила, как смело предложила себя тогда Владиславу в Замке, как вела себя в ту ночь, и в жар бросило от стыда. Хотя чего стыдиться здесь, коли от сердца шло? А вот что Владиславом тогда вело, если не тоска душевная, если не тяга сердечная?

А потом горечью наполнился рот. Ради чего от земли своей да от родичей отказалась? Ради того, чтобы плакать здесь перед ликами святыми? Но следует ли роптать ей на волю Божью, ведь его длань вела ее сюда, по его велению путь прошла от порога терема отцовского до гридницы на шляхетском дворе.

— Помоги мне, — прошептала Ксения запальчиво, едва не сбивая своим дыханием огоньки свечей, что стояли к ней ближе всего. — Помоги мне, Богородица. Направь меня, ибо заплутала я. Во тьме я и одна... помоги мне...

Уже выходя из храма и прощаясь с иереем, что благословлял ее на ступенях церкви, Ксения вдруг почувствовала на себе чей-то внимательный взгляд через открытые двери церкви и подняла резко голову под ладонью священника. Невысокий молодой шляхтич в темном жупане, подбитым скудным мехом волка, тут же отвернулся к образу, у которого стоял, стал креститься и шептать что-то себе под нос, будто он молитву творил, а вовсе не за Ксенией наблюдал пристально. А потом и вовсе ушел вглубь храма, скрываясь от взгляда Ксении, заставляя ту нахмуриться невольно.

Она искала впоследствии этого шляхтича среди прихожан, что приезжали в храм на службы, спрашивала о нем иерея, но тот ничего не смог ответить о том. Мол, заезжий, вестимо, в храм на вечерню тогда пришел, не из местных точно, потому как поп впервые видел того тогда.

Эх, переговорить бы с Лешко, подумалось Ксении спустя несколько дней, когда она пыталась забыть о том странном шляхтиче, замеченном в церкви. Тот бы сразу сумел выведать, надобно ли так долго душу тревожить воспоминанием о нем. Да и отчего тогда она насторожилась, почему зацепилась взглядом за этого пана, Ксения не могла объяснить даже самой себе. В церкви и ранее бывали проезжие шляхтичи, мещане и хлопы, а саму Ксению не раз окидывали взглядами мужчины, даже в храме, где подобных взоров быть не пристало. Но тут же... тут было что-то иное, ускользающее от Ксении, не дающееся в руки.

Зато от мыслей тягостных отвлекло размышление о том странном незнакомце, что не могло не радовать. Позабылась, пусть и ненадолго недоля своя, высохли слезы, ссохлась боль острая внутри. Все в воле Господа, уверяла она тогда себя, теша себя тайной надеждой, что не оставит ее он в час тягостный. Как отвлек потом от раздумий о том странном взгляде один день студзеня, в который Лешко покинул вотчину Ежи навсегда.

Ксения тогда стояла, замерев на крыльце, когда прощался он и с паном Ежи, и с Эльжбетой, и другими. Даже Марысю, что тайно влюблена была в него с молодых лет, поднял в воздух и чмокнул ласково в губы на прощание, отчего та вспыхнула, как маков цвет, а после убежала в хлев да ревела до вечера в голос.

И только на Ксению он взглянул лишь от самых ворот, уже скрываясь за створкой. Обернулся на нее, замершую на крыльце, вцепившуюся в столбик резной. Прости меня, взмолилась безмолвно Ксения, прости, что не смогла дать тебе то, что ты по праву получил бы, не будь в моей жизни Владислава. Но разве можно жить постоянно при луне, когда ты видел свет солнца, грелся в его теплых лучах? Так и я не смогла бы жить с тобой, даже ныне, когда от меня отвернулось мое солнце.

Последний кивок, и Лешко скрылся из вида. Стали расходиться холопы со двора, обнял Ежи расплакавшуюся Эльжбету, убежала в хлев к дочери Збыня. А Ксения так и стояла на крыльце, обняв балясину руками, и смотрела в проем ворот, словно ждала, что сейчас появится в нем Лешко, скажет, что переменил решение свое, что не может уехать от земель этих. И поверит она в отъезд его только спустя более десятка дней, когда наткнется на очередной прогулке в лесу на старую ловушку для птиц, что когда-то мастерил Лешко, сидя на крыльце. Тогда рядом сидел с ним Андрусь, а Ксения стояла подле и улыбалась, наблюдая за неподдельным интересом сына к гибким веточкам, что крутили сильные мужские руки.

Опустится тогда Ксения в снег возле этой ловушки, и долго будет сидеть, наблюдая, как

медленно катится к закату солнечный диск, окрашивая снежное полотно в кроваво-алые оттенки, так напугавшие ее, что она гнала Ласку на двор сломя голову. А еще успокаивая бешено колотящее сердце, отгоняя от себя страх, что в лесу снежном не одна была, что глядел ей кто-то в спину.

В доме ее встретила Эльжбета, красная от волнения, всплескивающая руками и запричитавшая над Ксенией, словно та не в лес ездил, а куда-то в сторону дальнюю. В последнее время Эльзя стала совсем невыносима — сказывались последние сроки тягости, но как ни оправдывала ее поведение Ксения, а совсем не обращать внимания на ее слова не могла. Вот и ныне с трудом удержалась, чтобы не ответить резко на суровую отповедь о ее прогулке одиночной.

— Ранее тебя не волновало, что я на прогулки выезжаю, — огрызнулась она.

— Ранее с тобой был Лешко. И ранее все в округе знали, что тот убьет любого, кто вред тебе причинит, — не умолкала Эльжбета. — Каков пан был у тебя под боком! И статен, и смел, и силен.

— Оставь меня! — хлопнула у той перед носом Ксения дверью спальни, а потом скривилась, ощущая безмерную вину в душе за то, что обидела Эльзю. Но ведь и она обижала ее своими словами. И отчего Ежи не вступится?

А Ежи вступился следующим утром. Только на не стороне Ксении он был, а жену стал защищать, говоря, что пани Эльжбета права, а Ксения в последние дни совсем разум потеряла.

— И негоже на нее наскакивать, Кася, она ведь на сносях. Со дня на день разродится. К чему ей крики такие?

— А ей гоже на меня? Я ей дочь, чтоб меня отчитывать да еще перед холопами? — ответила Ксения. Ежи только ус прикусил, явно недовольный тем, что еще недавно такие благожелательные друг к другу женщины вдруг стали ссориться да криком кричать. А потом все же сказал то, что поведал бы Ксении еще прошлым днем, коли та не уехала в лес до самого заката. — От пана ордината грамота пришла. Он в Варшаву отбыл. А панича к нему повезли. Потому и приедет Андрусь только к празднику Входа Господня {2}приедет, не раньше. Зато долее с нами будет после.

— Быть того не может! — вдруг вскинулась Ксения. — До того ж еще столько дней, больше месяца! Это не по договору нашему! Или ты сейчас скажешь, что я должна быть благодарна и за то? И верить по-прежнему в его радушие? Ему верить? Ты всегда защищал его! Даже когда зубы тебе выбивал, и тогда ему верил?

Еж ничего не ответил ей, только взглянул так из-под бровей, что она ощутила желание уйти отсюда, из гридницы, подальше от него и этих колючих глаз. И снова возникло ощущение, что происходящее уже когда-то было: и его колючий взгляд, и их противостояние.

— Ты куда? — спросил Ежи, когда она вышла из стола, за которым они оба завтракали, стала натягивать жилет из меха лисы. Она же притворилась, что не услышала вопроса, вышла из дома, приказала одному из холопов седлать ей Ласку.

— Я запрещаю тебе выезжать одной, Кася! — твердо сказал Ежи, выйдя на крыльцо вслед за ней, но она снова и ухом не повела. Только, когда он попытался вырвать из рук холопа узду Ласки, встала поперек.

— А то что? Розгами сечь будешь? — вскинула она голову, обожгла своей яростью.

— Эх, и надо бы то! Хоть так в голову твою разум вобью, — резко ответил Ежи,

недовольный ссорой, что разворачивалась прямо на глазах холопов, кинул на тех взор, приказывая уйти прочь, что те и сделали быстро. — Мало тебя в малолетстве секли. Только в лобик целовали, глазками милыми умиляясь. Вот и села ты на шею! А надо было разум вбить, вовсе не в глазки глядеть. Глядишь, по-иному все было бы ныне.

— Знать, я виновата в том, что творится? — крикнула Ксения. — Я виновата в том? А не ты, пан Ежи и пан бискуп, сговорившиеся за его спиной?!

— А ведь и ты сговорила тогда. И ты! Никто не волок тебя за волосы из Замка, от Владислава силой никто не увозил. И твоя вина есть в бедах твоих. Каждый сам свою долю вершит, — резко бросил ей шляхтич. — Только не у каждого силы есть переломить ее. И ошибки признать не у каждого есть сила.

— Я признала их. Сколько каяться можно в том перед ним? Уже и лоб недолго в кровь расшибить так! Вот цена мне за мои поклоны от него! — Бросила Ксения через плечо, разворачивая Ласку, чтобы сесть в седло. Она не желала слушать. Только не ныне. И как никогда ранее, ей хотелось уехать прочь отсюда, скрыться из вида, остаться одной, потакая своему чувству, что в последнее время завладело ее душой.

— Стой, Кася! — Ежи уже шел к Ласке, аккуратно прижимая к груди заживающую руку. Но она быстро заняла место в седле, схватилась за узду, чтобы поскорее уехать со двора. — Я сказал, стой! Покамест живешь в моем доме, исполняй мою волю! — рывкнул Ежи, и она пошатнулась в седле, задохнулась на миг от удара, что он невольно нанес ей.

— Покамест? — переспросила она, задыхаясь от боли и злости. — Покамест?!

А потом пустила в галоп Ласку, уносясь прочь со двора, едва не ударившись о створку ворот, не видя ту за пеленой слез. Чужая! Она все равно была чужая здесь, в этой земле, как бы ни уверяла себя в обратном. И никому уже не нужная. Даже он оставил ее... и ему она тоже отныне чужая. И Анджей. В этой отсрочке приезда сына Ксения ясно увидела то будущее, что ждет ее. Все длиннее и длиннее будут становится разлуки, а после и вовсе забудет Анджей дорогу сюда. К чему то будет, когда у Владислава будут другие заботы. Когда будет желать оставить то, что было, в прошлом и никогда не вспоминать его. Как он может?! Как может отказываться от нее, когда знает, как она любит его?!

Вдруг остановила Ласку на тропе, на которую свернула с широкой лесной дороги, пораженная мыслью, что мелькнула в голове в тот миг.

Разве она сама не делала то? Разве сама не отказалась от Владислава, зная, как разобьет это его сердце, зная, как сильно он любит ее? И именно тогда вдруг уверилась в этой свадьбе, о которой боялась думать и возможность которой так яростно отвергал Ежи. Чем не месть за содеянное? Чем не мука для нее, не кара? Вон и в стольный град зачем-то поехал. Не за невестой ли?

А затем Ксения застыла, когда в думы ее тягостные вторгся настойчиво разум, что буквально завопил в голос об чужом присутствии подле нее. Тихо хрустнула где-то ветка, а потом с шумом взлетели с кустарника рядом синицы, которых чаще называли девятисловами, верили, что ведает эта птица словами: и смеха, и горя, и радости, и слез. И вещее слова знала птичка эта, желтогрудая, будущее ведала...

Впереди был густой молодой ельник, Ксения знала о том, направила в ту сторону Ласку медленным шагом, намереваясь подглядеть за тенью ветвей, кто так пристально сверлит ее глазами, чей взгляд она кожей ощущала ныне. Так и сделала: едва скрылась в ельнике, быстро съехала по боку лошади в снег, пуская ту дальше, чтобы отвлечь свою невидимую тень от своей обманки, а сама, сжимая в руке самострел, аккуратно, стараясь не сшибать

снег с ветвей пошла вдоль ельника, чтобы взглянуть на того, кто скоро на глаза покажется. И верно — вскоре из-за кустарников вдруг показался мужчина в бобровой шапке. Он замер на миг, прячась за стволом дерева, огляделся по сторонам, пытаясь разглядеть в лесу всадницу, что потерял из вида.

Ксения зарядила быстрыми движениями самострел. После она задаст вопросы этому юркому худому преследователю. Сперва лишит возможности причинить ей вред, нападет первой, как учил ее Лешко, на того, кто сильнее ее. Пусть оставит тот след кровавый на белом снегу для хлопов Ежи, что пойдут по нему за этим незнакомцем. Тогда и поговорят они. Ежи сумеет разговорить того.

Но выстрелить не смогла. Замерла, разглядев ту странную черту во внешности, незаметную иному глазу, не столь острому, как Ксенин. Ту же черту, что заметила еще тогда в том прихожанине, что так пристально наблюдал за ней в церкви, что не давала ей покоя долгие дни после.

Нижняя половина лица еле заметно, но отлична была по цвету кожи от верхней половины. А значит, еще недавно ее закрывала борода да широкая. Так не было принято носить в этой стороне, но в Московии... Святый Боже! В Московии...!

Сердце колотилось так громко, что она не слышала ничего за его стуком, кровь бежала по жилам, обжигая. Московит! Под прицелом ее самострела был человек из ее родной стороны. Одной крови с ней, одной веры. Пусть и в платье ляшском, да с рыжими усами на ляшский манер.

И в церкви тогда, значит, московит был. За ней наблюдал, словно присматривался. Отчего? Связан ли тот московит с этим, худым и высоким? И кто перед ней — враги или нет? Что делать ей?

Ксения медлила, палец замер на пусковом крючке. А потом мужчина сдвинул шапку со лба на макушку, открывая лицо из тени мехового околыша, и она вдруг окаменела, узнав и рыжие вихры, показавшиеся в этот миг, и солнечные отметины, сплошь покрывающие лицо. Но и после не сдвинулась с места, даже не крикнула тому, чье лицо показалось знакомым. Потому как к тонкой коже горла вдруг прижалось холодное острое лезвие.

— Бросай самострел! Я сказал, бросай самострел, паскуда ляшская! — прошипел ей прямо в ухо, через длинный ворс лисьего меха шапки мужской голос. Глаза Ксении расширились удивленно, но не от испуга, а от того изумления, что так и распирало грудь ныне. Она разжала пальцы и бросила в снег себе под ноги самострел, с трудом борясь с желанием повернуться и заглянуть в глаза говорившего, дрожа всем телом от волнения и предвкушения этой встречи.

— Понимаешь речь нашу, знать. А ну, воротайся давай, — произнес невидимый ее глазу мужчина. — Ко мне воротайся лицом.

И она повернулась медленно, опасаясь, как бы не дрогнула рука у напавшего да горло не перерезала ей ненароком. От потрясения, которое прочитала в глазах стоявшего напротив московита. Небесно-голубых глазах, так схожих с ее собственными.

— Что..? Кто...? Святая Богородица! — сдавленно прохрипел тот, и она медленно подняла руку, стянула с головы шапку из лисы, чей длинный ворс закрывал ее лицо до самых глаз, обнажая золотые косы, что упали на спину и грудь.

— То не блазнится тебе, Михась, — прошептала Ксения, другой ладонью проводя по лицу брата — от виска до уголка губ, по короткой белесой щетине, вдоль страшного шрама, обезобразившего красивое лицо Михася от удара, нанесенного когда-то. Вид свидетельства

страшной раны сдавил сердце, заставил скривить губы от боли. — То я, сестра твоя единокровная, Ксения, дочь боярина Калитина. Не блазень я, из плоти и крови.

Михась смотрел в ее широко распахнутые глаза некоторое время, но лезвие от горла ее не отводил, от руки, впрочем, тоже не отклонялся, которая пробежалась по его лицу, по плечам и груди, словно стоявшая перед ним проверяла, не видится ли он ей. А потом вдруг резко убрал нож в чехол на поясе и привлек к себе Ксению, прижал так крепко к себе, что у той даже дыхание перехватило.

— Ксенька, Ксения, — сдавленно шептал он ей в ухо, и она разрыдалась в голос, повисла на его руках, поддерживающих ее. Михаил что-то говорил ей, утешая, уговаривая, но она не слышала его — только цеплялась за ткань кунтуша на его плечах, за его плечи, будто боялась, что он сейчас развернется и оставит ее. Он обхватил тогда широкими ладонями ее голову, оторвал от своего плеча и снова взглянул в ее голубые глаза, полные слез.

— Ксения... Ксения... Ксения... Вот так дар доля мне уготовила в этой стороне ляшской! — хохотнул Михась, а потом крикнул тетеревом, призывая к себе Федорку, что некоторое время назад был на прицеле у самострела Ксении. — Я ведь не верил в то, что сгинула ты. Не верил. Как поверить, раз могилы нет, как поверить, что сама ушла, по воле своей, рада моя? Ксения моя...

Он провел ладонью по ее волосам, а потом вдруг нахмурился, словно недовольный чем-то, но не стал говорить ей ныне ни слова, а повернулся к Федорку, что протиснулся сквозь ельник к ним, да так и оторопел, взглянув на стоявшую перед Михаилом пани, перекрестился трижды.

— От гляди, Федор, кого нам тут явили! — хохотнул Михаил чуть нервно. — Думали, какую лиходейку в Москву увезем, а тут вона как.

— Лиходейку? — переспросила Ксения, но Михаил даже не повернулся к ней, поджал губы. Ожесточились его черты, на лицо холод набежал. Но из рук сестру не выпустил — сильно сжал ее ладошку в своей, не позволяя ей отойти от себя.

— Что делать будем, Федор? — спросил тот у своего товарища, не обращая внимания на Ксению, а потом сам ж себе и ответил на заданный вопрос. — Ее животину поймай, поедем в корчму с ней. Сам же людей возвращай, раз сама в руки пришла.

— Михась, — позвала брата Ксения, а после тронула за плечо, когда тот не повернулся к ней, призывая взглянуть на себя. — Михась, каждый корчмарь ведает в лицо меня окрест. Не надобно, чтоб видели нас покамест вместе тут. Не к чему тебе то. Тут недалече сторожка есть лесная. Там и очаг, и еды немного, и на ночлег можно лечь. Туда надо ехать.

Михаил долго смотрел в ее лицо, будто не узнавал ее ныне, а потом кивнул коротко и повторил ее слова Федорку. Ксения сперва удивилась тому — разве тот не слышал ее слов, а потом как огнем опалило. Все слышал Федорок. Каждое слово. Только привык к тому, что не может женщина дело говорить и следовать будет словам Михаила, не ее.

— Веди, Ксения, — приказал Михаил, но руки ее не выпустил и на Ласку, которая вернулась к ельнику по свисту Ксении, не позволил сесть, передал поводья той Федорку, что с ними шел, чтобы дорогу узнать. Так и пошли: сперва Ксения, подобрав длинные юбки, едва не падая в снег, затем Михаил, держащий крепко ее руку в своей ладони, а замыкал это шествие Федор и Ласка, недовольная властью незнакомца над собой.

Вскоре вышли к небольшой сторожке, что стояла на поляне, той самой, где когда-то заночевали после нападения волков Лешко с Ксенией. Михаил кивнул Федору, и тот быстро скрылся в темноте постройки, надежно привязав Ласку. Потом вышел и кивнул в ответ,

подтверждая, что нет никого в доме, можно идти внутрь, а сам растворился в глубине леса, спеша привести сюда людей своего боярина.

— Зачем проверял? — спросила удивленная Ксения. — Думаешь, обмануть могу?

— Свыкся я, в Ляхии же, — коротко ответил Михаил, помогая ей переступить через высокий порог сеней, шагнуть во мрак единственной комнатки. А потом снова посмотрел на нее тем же странным взглядом, что она заметила на себе, когда Ласку к себе свистом звала: внимательный, проникающий в самое нутро.

Михаил прошел к очагу, разгреб старые угли и золу, а после налушил щепы ножом из полена да принялся огонь разжигать, желая отогреться от мороза, наполнить эту комнатку теплом до того, как сюда придут его люди, что рассыпались по округе, словно горошины по столешнице, невольно рассыпанные рукой холопки. Ксения присела на узкий топчан, поднесла замерзшую руку ко рту, пытаясь согреть ту своим дыханием. Молчание, стоявшее в комнате, давило на нервы. Она смотрела в спину брата и не могла понять, отчего ей так не по себе ныне.

— Покажи мне, — вдруг глухо произнес Михась. — Обнажи спину. У моей сестры отметина с рождения есть под лопаткой. Покажи мне ее.

И Ксения не стала возражать — скинула жилет из лисы, распустила шнуровку и стянула с плеча платье и рубаху, обнажая часть спины в нужном месте.

— Не веришь, знать? Гляди же, вот эта отметина, — она повернулась боком к оглянувшемуся Михаилу, демонстрируя родинку. — А еще у сестры твоей шрам есть на виске, вот тут, у волос. Это муж, выбранный ей родней, оставил на память. Показать его? И на ладони шрам есть от огня. Тоже дар от боярина Северского. И его показать? Боярина Северского след любви, что едва не сгубил меня, что душу свою замаравшей грехом назвал перед всеми меж тем.

— Доле! Доле! — взревел Михаил, вскакивая на ноги. — Супружника тебе Господь дал. Да и сама делов наворотила тогда. Не дурила бы, и за Северского не отдали бы!

— Знать вот как? — крикнула в ответ Ксения. — Сама виновна в том, что не уморил тот меня едва, верно? Неужто не видел, как мне худо там, когда приезжал в земли его? Неужто не видел, что в морозе меня держат? Поверил, что сестра разума лишилась?

Михаил тут же отвернулся от нее, закрыл лицо руками. Невольно Ксения попала в самую глубокую рану в его душе. Он до сего дня винил себя, что не увез тогда сестру из вотчины Северского или хотя бы не задержался там, чтобы разобраться в происходящем. А просто сбежал тогда, чтобы не видеть и не слышать, чтобы забыть о том видении, что предстояло перед ним тогда.

— Зачем ты приехал сюда? — прервал поток его сожалений голос сестры, и он обернулся к ней. Ксения забралась на топчан с ногами, накрыла колени подолом юбки, прятала холодные ладони под мехом жилета. Одна из кос лежала на груди, другая пряталась за спиной — роскошное золото, которое он помнил с малолетства. Голубые глаза в упор смотрели на него, стараясь подметить каждую промелькнувшую эмоцию на его лице в полумраке комнатки. Ляшская одежда — платье из шерсти со шнуровкой на груди, рубаха выглядывающая из выреза платья, жилет лисий и шапка из того же меха, что тут же подле на топчане лежала. И мягкий говор этой земли, что отражался почти в каждом слове, та интонация, с которой она выговаривала их — так несхожий с его говором и так резавшим ухо нынче.

Это была и Ксения, и не его сестра одновременно, потому что схожа была с той, что в

памяти была жива, лишь лицом и только.

— Зачем ты приехал в эти земли? — настойчиво повторила сестра, и он поджал губы, недовольный ее тоном и упрямством, с которым она повторила свой вопрос. И взглядом ее он тоже был недоволен ныне — прямым и пристальным. — Ведь не за мной же. Я видела, как дивился ты, когда лицо мое увидел. Но разве не за мной охоту свою вели?

— Ты права, не ведал я, что птица, на которую силки ставим — ты. Мы ведь схоронили тебя с Василем боле пятка лет назад, как грамоту от супружника твоего получили, — наконец-то она опустила долу, как и положено, свои очи, не смогла смотреть на него прямо после этих слов. — А кроме Федорка и меня твое лицо из моих людей и не видел никто до того. Так что я и за тобой прибыл сюда, и не за тобой...

Ксения нахмурилась, не понимая смысла его слов, а взглянув на него, заметила, как он яростно подбрасывает поленья в огонь, поднимая вверх от очага ворох искр, как напряжена его спина. Наконец он закончил работу, поднялся на ноги, вытерев запачканные ладони от жупан, а потом повернулся к ней, и даже в полумраке Ксения заметила, каким странным блеском вдруг вспыхнули его глаза.

— Я поведаю тебе о том, — медленно проговорил Михаил, подходя к ней ближе, и она невольно сжалась, заметив, как побелели края щрама на его лице. — Поведаю о том. И ты мне расскажешь, как ты оказалась в этих землях и пани ляшской по ней ходишь. А я потом решу, как поступить с тобой...

1. Мастерицы, вышивавшие бисером и жемчугом

2. Имеется в виду Вход Господень в Иерусалим (Вербное воскресенье) — католический праздник, отмечается в последнее воскресенье перед Пасхой или в шестое воскресенье Великого Поста

Ксения не могла не бросить взгляд при этих словах, прозвучавших в тот миг в полумраке сторожки, на большие ладони брата, на свернутый кнут у того за поясом. Вспомнились вдруг дни, проведенные в тереме вотчины мужа, его злые глаза, полные ярости, и такой же холод в голосе.

Михась же опустился на топчан возле нее, стал пристально в лицо глядеть, словно снова и снова пытаюсь найти подтверждения тому, что не ошибся, что глаза его обманывают ныне, что не морок то, а явь. А потом заговорил — медленно и как-то отрывисто, явно не желая открывать ей то, о чем речь вел ныне.

— Я сюда в эти земли за девой приехал, что для панов под именем одним ходит, но готова при случае и иным наречься, той, что Ксенией себя назвала в беседе с попом, что о Московии думает и домом ее родным называет. Которую по ее словам увезли из той стороны ляхи, спасли от гибели неминуемой да тут жить оставили под именем чужим. Верно, ведь слова твои передал?

— Я их на исповеди сказала, — прошептала Ксения, подтверждая сказанное братом.

— Поп тот тоже на исповеди передал, а далее уже и повыше эта весточка пошла, — и видя, что сестра не понимает его, продолжил. — Поп, спасенный девой, до монастыря дошел Антониева {1}, что на Сие реке стоит, на Святом озере. Заплутал, пытаюсь обойти все разъезды и ляшские, и наши, чуть не сгинул на холодах. В монастырь пришел, когда на плече его уже рука черной лиходейки лежала. Так и не сумел выправиться, но рассказать о деве, что ему на лицо глянулась да в голову запала, успел. А игумен после долгих сомнений все же передал сыну того, кто еще недавно с ним на службах подле стоял {2} да взлетел высоко, рассказ этот да своими думами на сей счет поделился. Ведь сын этот никто иной, как Михаил Федорович, царь московский.

— Что от меня царю понадобилось? — удивленно вскинула брови Ксения.

— А то, что мало ляшская земля нам на горе воров взращивала! — вскипел вдруг Михась. — И того, кого Гришкой ныне кличут, и другого Вора. Да сколько их по земле московской ходило еще недавно не перечесть! Вон и Воренка «оживить» могут для дел своих лихих.

— Воренка? — переспросила Ксения, и Михась вздохнул, недовольный, что его прервали на слове, но сестре объяснил, о ком речь ведет — малолетний сын Вора, которого везде беглым монахом кличут, да ляшской панны Мнишек, его повесили несколько лет назад в Москве.

— Дитя повесили? — в ужасе ахнула Ксения, побелев, как полотно. Ей вдруг на ум пришел Андрусь, маленький мальчик, ныне чуть старше годами, чем тот, с которым без сожаления расправились.

— Не дитя, а Воренка, — поправил Михась, но у и самого сердце кольнуло при тех словах. Для него, пусть и заостеневшего сердцем за эти годы, вид того маленького тельца был неприятен, а воспоминание о нем слегка царапало душу. — Вот и встревожился игумен вести, что в землях ляшских тайно живет некая Ксения, спасенная от расправы в години Смуты. Кто ведает, не задумали ли ляхи привести на престол своего царевича, выдав девицу за дочь царскую, за Ксению Годунову? Она ныне жива и здравствует, во Владимире граде под охраной в монастыре живет, чтобы ляхи не уморили ненароком для дела своего лихого...

— А я знать — та самая Ксения, что должна царевой дочерью назваться? — усмехаясь, перебила его снова Ксения, вспомнив, как брат назвал ее при встрече. — Не ладно как-то!

— Чем не ладно-то? Та и лицом лепа, и годами схожа вроде. Да и едино то, коли верно, лихое дело ляхи против Московии задумали. Чем не препона на Москву идти — интересы невесты царевича защищать? Ведь через узы те можно легко под себя земли наши подмять.

— И ты приехал сюда разведать про ту самую деву из Московии? — спросила Ксения, и усмешка исчезла с ее губ, когда она заметила, как суров и мрачен лицом Михась.

— Не только для того. Сперва сюда прибыл тайно человеке наш. После и мы подтянулись с людьми моими, как знак он прислал, что схоже с истиной то, что поп, умирая, глаголил. Ходили за тобой с прошлого дня, украдкой присматривались, где взять тебя. Благо, что ты на выездах, нет нужды в деревеньку идти, за ворота вотчины красться, — он немного помолчал, а потом продолжил. — Я с Мстиславскими породнился через жену мою, а род тот ныне не в почете у семьи царевой за деяния свои в години прошлые. Вот Василь и нашел мне дело у царя для выслуги, для почета. Ведь Василь-то в сродниках у Михаила Федоровича ходит, через сына женитьбу. Должен я тайно деву ту из Ляхии вывезти, в Москву на суд доставить. У нас ведь мира с ляхами нет, оттого и переговоров с ними вести не можем. А так — даже проще, силой... А ныне скажи же мне, Ксенька, неужто ты с ляхами сошлась против Москвы? Или неверно растолковали сказ попа?

Ксения долго молчала, глядя брату в глаза, а потом ее губы медленно изогнулись в усмешке.

— Неужто решил, что землю отчую могу предать?

— По своей воле — не верю. А чужая воля и не на то принудить может, — коротко ответил Михась. — Оттого и спрашиваю, что сам понять не могу. Все быть может. И даже мертвяки могут оживать, как я погляжу.

— Нет моей вины ни в чем перед Москвой. И ляхов, что в этих землях живут, нет вины. Нет помыслов подобных в их головах, — произнесла Ксения и, видя, что брат не верит ей, достала из-под ворота рубахи распятие, поднесла к губам. — Крест тебе целую в том!

Михась не дал опустить после крест за полотно рубахи, поймал ее руку и долго смотрел на тонкое серебряное распятие на ее ладони.

— Не отреклась от Бога, знать, — прошептал он. — Отрадно то мне. Как вышло, что ты тут, в землях этих? И отчего пан местный тебя дочерью кличет? Разве ж гоже то? А батюшка-то наш помер... помер, Ксенька.

— Перед Рождеством на начало шестой зимы до сего дня, верно? — прошептала Ксения, на миг прикрыв глаза от боли, что промелькнула в ее сердце. Батюшка, милый батюшка, Никита Василич! Знать бы тогда, уезжая из дома столько лет и зим назад, что никогда боле доля не даст ни дня, чтобы повидать тебя сызнова...

— Откуда ведаешь то? Из Московии вести получаешь? — удивился Михаил, но Ксения покачала головой, пряча свои слезы от его взгляда в ладонях. Она знала о том, что отца нет в живых, сердцем знала еще с того самого сна. Да только получить тому подтверждение было куда страшнее тех мыслей и куда больнее!

— Мы так и не сказали ему о тебе, Ксения, молчали до последнего дня. И о том, что вотчину Северского пожгли тоже. Перед Рождеством, за пару седмиц, уснул наш батюшка да так и не проснулся боле. С матерью рядом его положили в монастыре, что в верстах трех от родовины {3}стоит. Выстояли иноки, даже ляхи не пожгли их, не пограбили, — он вдруг сжал ладонь в кулак, а потом снова повторил свой вопрос. — Как вышло, что ты тут, в

землях этих?

И Ксения не стала молчать, поведала брату свою историю, скрывая, впрочем, зачем-то некоторые моменты из нее. Рассказала, что Северский, объявив ее умершей, отдал в скит на житье вечное, чтобы в черницы ее постригли да скрыли от мира за высокими стенами.

— Что ж за грех-то такой? Отчего отдал? За прелюбу твою? — отводя глаза, спросил Михаил, и Ксения не стала утаивать, что ее сердце ожило тогда, на лесной дороге, когда в полон попала, да так и билось только для того, кто полонителем ее стал.

— Суди меня, Михась, а над сердцем своим не властна я! Люб он мне стал еще тогда, а годы только укрепили меня в том, привязали к нему нитями, глазу неведомыми, — шептала Ксения, не глядя на брата, и стала рассказывать, что было после того, как к Северскому в руки ляхи попали, как отворила она по сговору с мужем затворы и выпустила на волю пленников, как сама осталась в вотчине, ждать Заславского, и веря, и не веря в его гибель. Как дурманили ее, как поили травами дурными поведала, как тягостна была и кто отцом ее дитя нерожденного был, и сама того не замечая — кладя при том ладонь на плоский живот, словно вспоминая, как билось в ее утробе сердечко того ребенка.

— Страшный грех на мне был, Михась, пока не принесла покаяние в нем. Пяток лет и зим я его отмаливала и ныне вымолила себе прощение Господа. Прости и ты мне вину мою, — проговорила Ксения и стала рассказывать то, что открыла только двум людям до сего дня: отцу Паисию на исповеди и Владиславу. Она решилась на то, сама не ожидая от себя подобной смелости, но надеясь на понимание и прощение своего проступка, как это произошло несколько лет назад в ее покоях в Заславском замке.

Михаил не сумел усидеть на месте, пока она говорила, сорвался вдруг с места, заходил по комнатке из угла в угол, а после сел у огня спиной к сестре, чтобы не смотреть на белое напряженное лицо той. Они долго молчали после этой исповеди, а потом Михаил спросил глухо:

— Ты ведь была в том скиту, верно? Где Полактія-матушка игуменьей стояла. Это тебя увез Заславский? За ним сюда пошла, отчую землю и род предав, наставления и обычаи презрев?

— За ним, брате, — тихо подтвердила Ксения.

— Все отринула от себя, все позабыла... и о нас позабыла, Ксения, — произнес Михаил зло, сквозь зубы. — И где он, твой сокол ясный? Что ж не рядом? Что ж ты не женой подле него ходишь, а названной дочерью пана его земель? Или выветрилась вся любовь его дымом, как в руки плодом спелым упала?

— Я сама тому виной, и никто иной, — ответила на то Ксения, прикусывая губу. Настала пора и для второй половины ее сказа, и неизвестно, как поступит ее брат при вести о том, что она родила сына Заславскому. И пусть тот признан Владиславом, для ее родичей он навсегда будет бельмом на глазу, пятном на роде, раз был рожден вне брака, раз не был узаконен узами теми, а только грамотой ляшской.

Она как могла коротко, поведала брату о жизни своей в Замке, и том неприятии, котором столкнулась, а после, аккуратно подбирая слова, о том, как прожила более пяти лет тут, в этих землях, узнавая и их, и леса окрест с лугами зеленеющими в летнюю пору, и людей местных. И о том, как обманула Владислава, как укрывалась от него все эти годы, надежно храня свою самую сокровенную тайну, и о том, что случилось в последние месяцы — как пыталась вернуть былое и как осталась одна, теряя того навеки после Пасхи латинянской...

Михаил не проронил ни слова, когда Ксения умолкла. По его напряженной спине легко угадывалось, что ему нелегко слушать подобные откровения сестры, как впрочем и той рассказывать о том. А потом вдруг резко вышел вон, пустив в натопленную сторожку мороза через распахнутую дверь. И Ксения рванулась за ним, соскочила с топчана, едва не запутавшись в юбках, налетела на него, стоявшего прямо у крылечка низенького, обхватила руками, утыкаясь лицом в спину брата.

— Михась... Михалек... — прошептала она, называя его давним прозвищем. И тогда он вытащил ее из-за спины, прижал к себе, обнимая крепко.

— Ну, и натворила ты, Ксения, — проговорил он. — Горько мне, словно полыни настоя глотнул... а тебе-то каково ныне? Вот ведь недоля тебя крутила, вот ведь вертела нить твою! Тягостно тебе пришлось. Нет радости в жизни твоей. А потому что нет тебе подмоги земли отчей, потому что оторвалась ты от корня, Ксения.

Где и когда она уже слышала про корни родовые, в землю родную пущенные? А потом вспомнились слова Лешко, сказанные в день свадьбы Ежи и Эльжбеты: «...и у корней своих душу израненную легче исцелить, с тем даже не поспорить». Опустились уголки ее губ вниз, застыла на миг на ресницах слезинка перед тем, как упасть на плотную ткань жупана брата.

— Ты слезы-то не лей, Ксения, — прошептал Михаил, улыбнувшись неожиданно, и стер большим пальцем мокрую дорожку на щеке сестры, что оставила следующая слеза. Улыбка смягчила его черты, принесла мягкость, вернула Ксении того прежнего Михаила, который не был так суров и мрачен. — Бог меня в эти земли привел, не иначе, тебе в подмогу. И я помогу... ты же ведаешь... И батюшка наставлял всегда: «Сыне мои, помните о слабой среди вас, о Ксенечке помните. Нрав у нее непокойный, не будет ей лада в жизни от него, пока мудрости не наберется. Рядом будьте с ней, в подмогу ей встаньте. Такова моя воля!»

— И верно тебя ко мне сам Господь и Богоматерь послали, — ответила Ксения, вспоминая свою молитву давнюю перед ликами святыми, когда плакала и просила ту о помощи, умоляла путь показать. Неужто брат ей был для того послан? Чтобы в Московию вернуть...? Но она испугалась думать о том далее, подчинилась брату, который, замерзнув на холоде зимнем, тянул ее внутрь натопленной сторожки. В комнатке они снова сели на топчан рядышком, как когда-то в малолетстве в вотчине батюшки сидели у окошка терема и разговоры вели. Так и ныне говорить стали, склонив чуть головы друг к другу.

— Так ты уже мужем ходишь? Из Мстиславских сосватали? — лукаво улыбнулась Ксения, вспоминая, как яростно Михаил отвергал даже мысль о том, чтобы под венец кого повести, не более десятка лет назад.

— Алену, дочь Дмитриеву, — кивнул Михаил. — Так вышло, что аккуратно перед кончиной батюшки обвенчались. И деток уже прижили. Две девицы и малец, Никита, в честь батюшки.

И рассказал ей о дочерях старших, одна из которых так схожа и лицом, и нравом с сестрой его, что он уже беспокоен о судьбе ее. Коли не сумеет выправить в малолетстве, то ожидает хлопот, что от Ксении отец терпел, не иначе. А сын его — с женой лицом схож, и хоть и мал, а удал, хвалился Михаил, такой станет славным воеводой. Поведал, что брат их старший, Василь, уже четырежды да два раза дедом стал за эти годы. Внуков ему поболее принесли дети, род множа. И Василь среди них есть, и тоже Никита — «чтоб был в роду сызнова Никита Василич Калитин, пусть и во втором колене».

— А моего сына я Андреем нарекла в честь отца батюшкиного, — Ксения в том момент снимала с юбки сухую веточку и не заметила, как поморщился брат при упоминании о ее

ребенке.

— Ты любишь ее? Супружницу свою? — спросила она, желая для брата той благодати, что дарило то чувство, соединяющее двух людей воедино, хотя и понимала умом, что совсем не надобно то в союзе венчальном.

— Люблю? — тихо хохотнул Михаил. — Тебе ляхи, видать, совсем разум задурманили, с толку сбили. Я о ней заботу творю, она мне по душе. А сердцем маяться... Вон ты уже намаялась!

— Не говори так, — прошептала Ксения, но Михаил вдруг стал горячиться — с каждым сказанным словом, повышая голос, пока не сорвался в крик.

— Пошла за маятой своей сердечной? Отказалась от корней своих? Что на мену тебе он дал? Ты жена венчанная? Нет, ты любава брошенная! С безбатешенным подле подола. Ведал бы отец! Ведал бы Василь! Да Юрась в гробу непокоен, что в роду нашем кровь ляшская появилась! Безбатешенный в роду славном Калитиных! Байстрюк!

И тут Ксения подняла руку, замахнулась на брата, желая ударить того за то, что сына ее словом обидел. За собой она знала вину, но разве была перед родом сына ее вина? Михаил быстро перехватил ее руку, сжал больно пальцы, заставив ее поморщиться от боли, и наблюдал за ее лицом, подмечая каждую эмоцию, каждое движение черт.

— Так вот какой ты стала! На брата руку поднять. На мужа руку поднять! — он отбросил ее ладонь, словно та гадом каким была скользким, а потом снова отошел к огню, пытаясь погасить свой гнев, который так и не утихал в душе все это время — то в угли красные превращался, то снова жарко пылал, обжигая душу. — Волосы на срам открыты! Как муж, на животине скачешь, позорище! Стан вон как обтянула на забаву мужскую! Речи смелые ведешь! Срамота! Вовек грехи не отмолить тебе!

— Я такой была, Михась, всегда, — коротко ответила Ксения. — Просто вы не видели того. Вон и про дочь свою ты говоришь, что выправить ее желаешь. А как править то, что Господь дал? Я недаром сюда пришла, в земли эти, что сына мне подарили, что мне позволили стать такой, какой я уродилась. И что любовь мне дали, о которой и жалеть-то негоже.

— Знать, не жалеешь?

— Ни единого дня не убрала бы, коли позволили! — запальчиво произнесла Ксения, вздергивая подбородок, и Михаил вздрогнул от той решимости, что распознал в ее голосе, шагнул к ней тут же.

— Гляди, Ксения Никитична! — он ткнул пальцем в шрам у себя на лице. А потом рванул жупан и завязки рубахи, обнажая перед сестрой часть плеча и груди, показывая очередной грубый шрам, что тянулся почти от основания шеи вниз до левого соска. Ничего, срама уже видела довольно сестра, не убудет! — Гляди и на это, Ксения Никитична! Вот след любви твоей! Гляди на деяние рук того, о ком с таким придыхом речи ведешь, кому простить все готова, даже позор свой. А смерть брата единоутробного простила бы? Простила бы?! Под Волоком меня рубанул. Дважды. Единого раза, видать, мало было. Меня в тот раз Федорок едва вытащил из того месива, а после иноки еле душу в теле удержали, не позволили той уйти. Ну, Ксения, простила бы ныне?!

— Но ты ведь ныне тут стоишь. Знать, и прощать нечего, — ответила та побелевшими губами, и Михаил едва удержался, чтобы не ударить ее, зная, что не простит себе после этого поступка, будет думать о нем. Только толкнул назад на топчан с силой в плечо, губу прикусил, чтобы удержать тот вопль, что рвал душу.

— Неужто ты думаешь, мал к нему счет мой? — процедил он спустя время сквозь зубы. — Пусть не за раны, но за боль твою. За позор твой. За безбашенного, что по земле ходит.

— Не надобно, Михась, — мягко сказала Ксения. — Не надобно никаких расплат. Прошу тебя ради всех святых, ради Богородицы прошу. Сгинет один из вас от руки другого, и мне только в глубь с головой, речной девой плакать об убиенном. Ибо жить тогда не смогу... не прошу!

Она произнесла эти слова так, что у Михаила сердце сжалось. Он вдруг медленно опустился на колени перед сестрой, спрятал лицо в складках подола ее платья, укрывая от ее взгляда, чтобы не прочитала та, какие муки душу его терзают ныне. И она склонилась к его голове, коснулась губами его волос, его затылка, а потом стала гладить неспешными движениями, успокаивая, лаская. Так и сидели они, слушая тишину и безмолвный плач своих душ, пока за окошком сторожки не послышался людской говор, звуки шагов, ржание лошадей. Только тогда Михаил поднял голову и заглянул сестре в глаза.

— Обещай мне, — прошептала Ксения, но он промолчал. Только коснулся губами тыльной стороны ее ладони, впервые даря ей ласку от всего сердца и с покойной душой, а после встал на ноги и вышел во двор встречать прибывших людей своих.

Ксения пробыла в сторожке еще долго, почти до самых сумерек. Она сидела скромно у окошка, прислонившись к стене и наблюдала за мужчинами, что расселись на полу этой тесной комнатки и так свободно ныне говорили на родном наречии, впервые за долгие дни.

— Как песни для меня говоры эти, — улыбнулась она Михаилу, что поднес ей ножку птицы, сбитой в лесу и зажаренной на огне в очаге. — Сразу духом земли отчей повеяло... перезвон колокольных на праздники в граде, дымом костров на Иванов день, голосами певчими в хороводах...

— Тоскуешь по земле отчей? — спросил брат, вгрызаясь в нежное мясо птицы.

— Тоскую. Каждый раз, как перед ликами встаю в церкви, Москву вспоминаю, — призналась Ксения. — И руки батюшки, и игры наши в саду на дворе московском... Все помню, Михась.

— Тогда поехали. В Москву поехали, — вдруг сжал свободную ладонь сестры Михаил. — Возвращайся в землю отчую, раз одна недоля в жизни твоей тут. Там все легче будет, у корней-то...

И снова в голове всплыли слова Лешко, что душу израненную исцелить можно только в земле родной, заставляя Ксению задуматься, а тихие слова на наречии, таком привычном ей с малолетства, так и падали в самое сердце.

— На суд царский повезешь? — усмехнулась она, отчаянно пытаясь найти причины против принятия этого решения. Михаил только головой покачал.

— На суд не отдам. Нет же вины за тобой перед царем Михаилом, только перед родом. Вот семье и решать, что делать с той, кого из Ляхии привезем.

— Василь вовек не примет меня, — произнесла Ксения. — А черницей не пойду за стены монастырские. Была там уже, и не желаю снова. Кто ведает, быть может, через годы, но ныне.

— Василь не примет, так у меня свой дом есть, — сказал Михаил. — Там я себе сам хозяин. И принимаю, кого желаю. Поехали, Ксения, домой... Земля отчая зовет тебя, слышишь ли? Могилам матери и отца поклонись, долг перед батюшкой на то у тебя.

— А Алена Дмитриевна твоя что скажет? — улыбнулась она.

— Ничего не скажет, не должно ей. Я же голова в доме! — отрезал брат, и Ксения замерла на миг. Развеялось очарование, которое окутало ее облаком при звуках речи родной и заветных картинках из былой жизни. Вдруг снова почудился полумрак женского терема.

Михаил словно заметил в ней перемену, склонился к ней ближе, стал шептать о земле родной, о том, как возрождается та после тех лихих годин, что прошли огнем и мечом по ней. Про вотчину родовую рассказал, про знакомцев, что в дозамужней жизни у Ксении были. Ксения невольно взглянула на Федорка, что смотрел на нее украдкой через головы своих товарищей. Она еле признала его без привычной уже рыжей короткой бороды, чуть не пустила стрелу, рая его, тогда в лесу. Товарищ по детским шалостям, мужчина, некогда предлагавший ей алые ягоды лесные на ладони...

И тут же в голове возникли иные ягоды, темные, терпко-сладкие, пачкающие соком рот, распухший от поцелуев. Широкие плечи и сильные руки под ее ладонями, крепкое тело, темные глаза напротив... Как оставить его? И как жить подле него, зная, что никогда более он не будет так близок ей, как тогда?

— А вдовицей матерой {4}поедешь в Московию? — ворвался в мысли Ксении голос Михаила, разрывая нить воспоминаний. — У меня земли есть у Костромы. Правда, разруха там после годин лихих, но ведь и ты ныне не слабая дева, слышали мои люди, как хлопам приказы отдаешь, ведают про твое правление в этих землях. Коли матерой вдовой позову, поедешь?

— Владислав никогда не позволит мне забрать с собой Андрейку, — покачала головой Ксения, в то же время затаив дыхание. Положение матерой вдовы... И не надо было бы снова укрывать свой нрав и ум от всех, только платье переменить. В голове уже звучали напевы девичьи медленные, а сердце мягко напомнило о себе, стукнувшись о ребра, о тоске любовной напомнило, о боли разлуки.

— Никто спрашивать его не будет, — улыбнулся Михаил, и ей вдруг показалась хищной эта улыбка, недоброй совсем. И как бы не стонала ныне душа, она понимала одно — ступи она на обратный путь в Московию, Андрею подле нее места нет. Негоже ему дарить судьбу байстрюка, коли тут паном ходить будет, совсем негоже. Настанет день, и не приведи Господь выскажет тот матери свои обиды, и сердце ее не выдержит того. Да и Владислав, она прикусила губу, проговаривая мысленно его имя, Владислав никогда не отпустит от себя Андрея. Он скорее умрет, чем допустит то, а смерть та для Ксении...

— Без дитя поеду, коли решусь, — произнесла Ксения резко. — Не место ему в Московии.

— То дело говоришь, не место ему там, — согласился с ней Михаил, сам не замечая, как сжалась сестра от его жестоких, но правдивых слов. Пусть лучше ординатом станет в этих землях без матери, чем вырастет байстрюком у ее подола. Да, быть может, Михаил и сможет сделать вид для всех остальных, что дитя сестры его законное, от супружника сгинувшего. Но вот самому себя ему не обмануть, Ксения ясно видела то, уж слишком хорошо она знала брата, а это значит... О, Богородица, даже думать о том больно!

Оттого и уезжала такая молчаливая, притихшая и немного растерянная от сторожки, провожаемая братом до самой кромки леса. Михаил наблюдал за ней из-под околыша шапки, желая проникнуть в ее голову, прочесть ее думы ныне. Решится ли ехать? Или откажется, вынуждая его применить силу, увезти ее против воли? Оставить же сестру в этих землях ныне Михаил никак не мог и, видит Господь, на многое пойдет, чтобы не было того. Потому и выдохнул, когда она повернулась к нему и произнесла:

— Решила я. Коли матерой вдовицей зовешь на землях твоих сидеть, пойду с тобой в земли отчие. На рассвете, с первым лучом солнца жди меня у сторожки. Тогда же и выедем! — а потом взглянула на него со странным блеском в глазах, упрямо поджав губы. — Только слово дай мне, брате, что от обиды своей откажешься и за мою платы не вытребуешь, коли встретишь когда пана Заславского. Он отец сына моего, кровью ныне с тобой связан. Не должно быть иной крови меж вами!

— Обид не буду требовать, — коротко ответил Михаил. — Но коли в погоню вдруг пустится...

— Не пустится, далеко он ныне. Меж вами десятки десятков верст, — отрезала Ксения. — Слово дай мне, слышишь?

Ласка вдруг заволновалась под ней, чувствуя ее напряжение, и она отвлеклась на лошадь, а повернувшись к брату, заметила только, как тот убирает крест под жупан.

— Доле тебе? — недовольно буркнул он, и она прикрыла глаза на миг. А потом кивнула тому, бросила через плечо: «На рассвете у сторожки лесной!» и пустила Ласку в галоп по заснеженной дороге, торопясь вернуться на двор вотчины Ежи до сумерек, что медленно спускались с небес на белое полотно под ними.

На повороте дороги к вотчине Ксения придержала лошадь, заметив на кустарниках на обочине, желтые грудки синиц, некоторое время наблюдала, как скачут те с одной тонкой веточки на другую, совсем не боясь ни лошади, ни всадницы, что замерев, смотрела на них. «Милые девятисловы, птички-вещуньи, слово скажите мне ныне вещее», попросила Ксения у тех. «В какую сторону мне путь ныне взять — в землю ли отчую или здесь остаться?»

Но ничего не ответили ей птицы желтогрудые — послышался топот, голоса из-за поворота, и птицы, встревоженные громкими звуками, быстро вспорхнули в тонких веток в темнеющую высь.

— Мать Божья! — крикнул Ежи, вылетая из-за поворота прямо на всадницу, едва придержав коня больной рукой. Видно, это причинило ему невыносимую боль, потому как не сдержался тот и застонал в голос. За паном стали придерживать коней холопы и пан с соседнего фольварка, присоединившийся по просьбе пана Смирца.

— Чтоб тебя! Кася! Где тебя черти носили до темноты самой? И то с утра-то! — заорал он на Ксению в голос, ничуть не стесняясь окружающих его людей. — Эльжбета все глаза выплакала! Окрест чужаки рыскают!

— Чужаки? — Ксения сжала поводья Ласки чуть сильнее. — Какие чужаки? Откуда?

— Их пан Кшетусь приметил, сразу же ко мне приехал, — пан Кшетусь склонил голову, одним жестом и приветствуя пани Касю, и подтверждая слова Ежи. — И ты запропастилась куда-то тут же.

— Вот она я, пан отец, — вскинула голову Ксения. — А ныне прошу — давай вернемся на двор наш, гляжу, тебе худо. А с утра по следам людей чужих пойдем. Темно же, скоро будет ни видно ни зги.

Ежи долго смотрел на Ксению, вглядываясь в ее лицо сквозь сумерки, а после поднял правую руку вверх, махнул, приказывая людям возвращаться в вотчину. Но Ксения поняла, что тот заподозрил что-то, прочитал в ее глазах, видимо, о том, что известно ей нечто о чужаках, замеченных на землях этих, и в покое ее не оставит, пока не разведает все. Так и получилось — едва проводили пана Кшетуса за порог, едва ушла к себе Эльжбета, убедившись, что Ксения жива и здорова, как Ежи выслал из гридницы Збыню и холопа, что печь топил, а потом сурово взглянул из-под бровей на Ксению.

— Что за чужаки по земле моей ходят, Кася? Кого в лесу встретила? — а потом вдруг вспыхнули его глаза светом надежды, даже дышать, казалось, перестал. — Уж не люди-то пана Владека?

— Нет, — покачала головой она, вынужденная разочаровать Ежи. — Не Владека люди. Тот, вестимо, в стольном граде, как и говорил пан Тадек, за невестой поехал.

— Я тебе уже говорил свои думы про невесту и остальное. Боле не буду, притомился, потому как не слышишь меня вовсе. Вбила себе в голову и носишься с тем, как с писанной торбой. И спорить не желаю, даже рта о том не открывай! А вот про людей тех — двоих в шляхетских жупанах — сказывай. По глазам твоим вижу, что ведаешь о них. Что за люди?

— То брат мой с людьми своими, — коротко ответила Ксения. Она уже была готова к тому, что произойдет после ее слов, потому успела быстро положить свои ладони на руки Ежи, задержать его от первоначального порыва подняться со скамьи, на которой тот сидел, бежать в лес московитов искать, что по земле его ходят.

— Не худое приехали творить, не думай! — поспешила она произнести часть правды, видя, как посуровел лицом Ежи. — За мной приехал. Чтобы забрать из земель этих в Московию.

— Как проведаль-то он? А! поп тот клятый! Я ж сказал тебе, дурехе, что яму себе роешь словами своими — так и вышло! А поп-то каков! Сразу же к братьям твоим побежал да рот открыл, — Ежи принялся крутить ус, как всегда было, когда волновался он, а потом вдруг замер, взглянул на Ксению, стоящую перед ним, снизу вверх. — Что решила? Ехать что ль надумала, заноза? Не пущу!

— Оставь то, Ежи, прошу, — произнесла тихо Ксения, словно и не слышала его крика. — Нет мочи мне тут быть, сам понимаешь. И ныне тем паче... уехать хочу. Я решила уже. Так и быть тому.

— А Андрусь? Что с ним-то? — стал кусать ус Ежи.

— Владислав желал получить его, вот и получит, — устало ответила Ксения, а старый шляхтич вдруг поднялся с лавки, распахнул двери и стал звать со двора одного из холопов. — Не гоняй зазря хлопа в Заслав, не поспеет тот к сроку. На рассвете еду, срока-то осталось — ночь переждать.

— Он найдет тебя, куда бы ни поехала ты! — огрызнулся Ежи. — И тройка-пяток дней тут не препона. Он найдет тебя! Даже в Московии! Одумайся, Кася! Ведь голову в петлю сунет!

— Нет нужды ему за мной ехать, — отрезала Ксения, решив уйти от разговора этого тягостного для него, укрыться в спальне. Ведь ее решимость стала таять, как снег по весне, стоило только Ежи слова сказать те самые, что она так желала слышать. — Напиши ему в грамоте своей, что нет ему нужды мать сыну возвращать. По своей воле оставляю земли эти, не силком тащат.

Уже сидя на постели и глядя в угол на лики святые, освещенные тусклым светом лампадки, Ксения услышала, как выехали со двора холопы, посланные текунами разыскать пана Заслаского в Варшаве ли или в Заславе. Не успеют текуны к сроку, подумала она. Уедет она из этих земель обманными путями. А после и искать-то нужды нет...

В ту ночь Ксения не спала. Воскрешала в памяти каждый день, проведенный в этих землях, каждое слово сказанное, каждый жест. Ныло сердце, но молчало, не смея перечить разуму, который неустанно приводил доводы, отчего ей ехать нужно. Сложила аккуратно в торбу нехитрый скарб свой: рубахи из тонкого полотна, юбку и шнуровку на смену,

небольшой лик Богородицы, дарованный ей когда-то Влодзимежем. Она увезла этот образ из земли отчей, настала пора тому возвращаться обратно.

Взяла с собой в торбу и рубаху маленькую, в которой когда-то Андрусь по двору бегал. В память о том, что оставляет здесь, за спиной, уезжая.

А вот большую мужскую рубаху не сложила, оставила, словно отрекалась от прошлого своего. Андруся она желала вспоминать, а вот мысли о Владиславе причиняли ныне такую боль, что воскрешать память о нем в той стороне она не желала. И платье оставила то самое, из дивного переливчатого шелка, в котором когда-то встречала Рождество в Заславском замке и которое валялось на полу спальни ордината в ту последнюю ночь. Каждый поцелуй тогда, каждое касание руки словно огнем были выжжены на сердце, и Ксения подозревала, что даже если она оставит все свидетельства ее любви здесь, она никогда не забудет. Не сможет.

В гриднице, когда она вышла из своей спальни, сидели, словно воробьи на жердочке, подле друг друга на лавке Ежи и Эльжбета. Он хмурил брови и дымил чубуком, а она дремала, положив голову ему на плечо, ладонями прикрывая большой живот. Когда тихонько скрипнула дверь спальни Ксении, они оба повернули к ней головы, взглянули на вошедшую в гридницу и так не отводили глаз, пока она переступала порог.

— Знать, верно, едешь, — проговорила Эльжбета, при помощи Ежи поднимаясь на ноги, и заплакала беззвучно, когда Ксения кивнула в ответ, сглотнув внезапно образовавшийся в горле комок слез.

— Ты прости меня, Касенька, коли я виновна пред тобой, — проговорила она после того, как поплакав у плече друг друга, женщины прощались у порога гридницы. — Я к тебе душой прикипела, как дочери своей. Да только как с дочерьми-то беседы вести, так и не научилась — мальцы только были у меня. Святая Дева да не оставит тебя, моя хорошая, добрая девочка! Она поможет тебе, направит на путь истинный, куда бы тот не вел. И помни, Кася — коли Московия для тебя землей отчей была предназначена была по праву рождения, то эта земля матерью пыталась стать. Пусть не родной, пусть била когда-то, но и хорошее пыталась принести тебе, не только худое. И я верю, что стала бы она тебе не менее родной, коли б осталась ты...

— Спаси и сохрани тебя Господь, Эльзя, — прошептала Ксения, в последний раз обнимая ту, целуя троекратно в щеки на прощание. — И дитя твое тоже пусть хранит. Я буду молиться за вас. Каждый день. И Андруся... Андруся моего береги, коли доведется то. И скажи ему, что мамина любовь всегда будет с ним. Где бы ни был он. И где бы ни была я...

— Кася... — начала Эльжбета, но Ксения прочитала по глазам, что та начнет ее уговаривать остаться, переменить решение, потому и резко развернулась, шагнула за порог, а после из сеней — на двор, где холоп уже держал узду оседланной Ласки.

— За лошадь, дар твой, благодарю тебя, — проговорила она Ежи, ступившему на двор вслед за ней.

— Я провожу тебя до места, — упрямо повторил Ежи то, что твердил неустанно, пока они в доме были. Но и как и прежде, Ксения покачала головой. Кто ведает, что случится, коли московиты с ляхами лицом к лицу встанут? Стерпит ли Ежи, что брат тайком в его землях ходил? Уймут ли и брат, и пан отец названный обиды, что в душе каждый лелеет?

— Я одна поеду. Так надобно, — а потом даже ахнуть не успела, как сгреб ее в объятия Ежи, сжал в руках, пряча подозрительно блестящие глаза свои в меховом околыше ее шапки.

— Ну, заноза ведь в заднице ты, Кася! И чего тебе не сидится-то на месте да не ждётся? Я чувую то, приедет он за тобой, настанет день... Что скажу я ему тогда? Ты всегда была той занозой для него. Только в сердце засела... да глубоко села, ничем ту занозу не вытащить! Подожди, откажись от пути в Московию...

— Я уже решила, Ежи. Прости меня, — она поцеловала его в щеку, колючую от седой щетины, провела пальцами по его лицу. — Ну, прощай, пан отец. Будь здоров. Пусть хранит тебя Господь, пусть оградит от худого!

Уже повернулась к Ласке, чтобы в седло сесть, но вдруг снова взбежала по ступеням, обхватила шею Ежи руками, прижалась к нему и прошептала в ухо:

— Ты стал мне отцом, и берег меня, как ласточку свою. Прости меня, если что не так творила, и за боль прости, что чинила тебе невольно. Теперь тебе иное дитя беречь, пан отец, а обо мне не думай. А коли он когда приедет, то скажи ему... скажи ему...

Но слова не находились, а невыплаканные слезы с силой давили на грудь, мешая дышать. Потому Ксения просто еще сильнее обняла старого шляхтича, расцеловала его лицо и так же быстро сбежала по ступенькам крыльца, а потом, не оглядываясь, направила Ласку быстрым шагом со двора.

— Касенька... — позвали из-за спины. Это Эльжбета вышла на крыльцо, заливаясь слезами, но Ксения только хлестнула Ласку. Я не Кася, не Катаржина. Я Ксения, дева из Московии...

Едва оказалась за воротами двора, едва поехала по длинной улочке меж дымов, как с постепенно светлеющего неба повалил белыми крупными хлопьями снег, затрудняя обзор. Не видно было ни вперед, ни назад шагов на два десятка. словно сама погода поворачивала ее назад, заставляла отложить выезд. Придется переждать снегопад в сторожке, подумала Ксения, и поймала себя на том, что не ощущает разочарования при этой мысли, а какое-то странное удовлетворение.

Это были снежинки, что таяли, попадая на горящие от волнения щеки Ксении, или это были слезы? Она и сама бы не могла ответить ныне. Каждый шаг лошади через снежную стену удалял ее от прошлого, каждый шаг отгораживал от самого дорогого, что только было в жизни. Нет, она более никогда не сможет пустить в свое сердце иного мужчину, думала с грустью Ксения. Потому что он будет иным. Не Владиславом.

А потом пришли воспоминания, закружили вокруг, мешая забыть. Губы словно чувствовали вкус губ, а руки помнили прикосновения. Еще бы раз... только раз... подумалось вдруг Ксении, когда за стеной снега показалась темнота леса. Коснуться его... да хотя бы просто увидеть, услышать голос Владислава.

— Ты оглохла разом? — вдруг раздался крик где-то сбоку от Ксении, и она, вздрогнув от неожиданности, придержала Ласку. Всадник в темном кунтуше объехал ее и перегородил путь вороным валахом. На Ксению зло взглянули из-под собольего окольши темные глаза Владислава.

— Ты оглохла? — переспросил он хрипло, а она только моргала, растерянно глядя на него, пытаясь понять, откуда он появился. А потом протянула руку и коснулась того, до чего только и смогла дотянуться — до ушей вороного, который тут же вскинул голову, пытаясь ухватить ее пальцы своими длинными зубами.

— Ты тут! — наконец-то осознала Ксения, чувствуя, как враз вдруг становится тело мягким, а сердце востепенулось и стало биться в груди с невиданной силой.

— А ты думала, я тебе привиделся? — снова зло и резко проговорил Владислав,

придерживая разгоряченного коня, которому после той быстрой скачки, что была этой ночью, не стоялось не месте. — Куда едешь? В какую сторону дорогу выбрала? А говорила давеча иное совсем... Снова лгала? За тобой не угнаться вовсе. Пока я делаю шаг вперед, ты уже на два в сторону ушла. Как и ранее, разве не схоже? Так куда путь держишь?

А Ксения словно онемела вдруг, только смотрела на него через хлопья снежные и молчала. Ей столько всего хотелось сказать, столько надо было спросить у Владислава, а мысли разбежались в стороны и не собрать их было никак. Только улыбки сдержать не могла — растянулись губы, сверкнули радостно глаза.

— Домой, — только и смогла сказать она. — Я домой еду.

— Тогда поворачивай! — резко сказал Владислав. — Когда-то ты сказала мне, что твой дом там отныне, где твое сердце. Знать, ты в другую сторону взяла ныне, неверный путь выбрала. Потому что сердце твое в моих руках, сама о том говорила о том и подтвердила только давеча. И будь я клят, коли отдам его кому! Слышишь?!

Ксения должна была испугаться от его крика, хотя бы вздрогнуть от неожиданности, но она даже бровью не повела. Она смотрела в его глаза и видела в них боль, острую боль, которую Владислав, как мог прятал за своей яростью, с которой сжимал кнутовище и поводья валаха. Милый мой, безмолвно обратилось к нему ее сердце, мой любимый... Мой коханный...

Она не знала, как он оказался тут, на краю этого леса, когда должен был быть за сотни верст отсюда. Но он был тут. И остальное... Какое ей дело до всего мира, когда он так смотрит на нее?

А потом в лесу глухо крикнул тетерев, которому откуда-то из-за спины Владислава, со стороны дороги лесной ответил другой, и Ксения замерла, вспомнив, куда она едет ныне и к кому. Владислав, заметив даже на расстоянии, разделявшем их, как застыли черты ее лица, и какой испуг промелькнул в них, распрямил резко спину в седле и положил ладонь на рукоять сабли.

— Уезжай! — резко сказала Ксения. — На двор Ежи езжай. Я после буду. Уезжай же!

— Кто там в лесу? Пан Роговский? — переспросил Владислав, инстинктивно ощущая чужое присутствие в этой белой пелене, что окружала их ныне.

— Нет, Лешко уехал еще несколько седмиц назад, — улыбнулась она и замерла, осознав, что невольно перепутала слова и произнесла одно из слов на своем родном наречии. Владислав чуть склонил голову вбок, оглядывая угловым зрением окружающий дорогу лес, покрытый снежным покрывалом. И она взмолилась, вспоминая, как недобро сверкали глаза брата, когда тот о шляхтиче речи вел. — Уезжай же к Ежи на двор. Прошу тебя! Я приеду после к тебе. Слово даю!

— Тебе не будет худа? — спросил Владислав, вглядываясь в ее глаза, и она покачала головой. Ну же, уезжай, молили ее глаза, вгоняя в его сердце тревогу. Уезжай же! Поверь мне ныне. Забудь все, что было меж нами ранее. Я приеду после, даже если мне придется против воли брата пойти!

— Верь мне, — проговорила она тихо. И Владислав вдруг кивнул ей, улыбнулся легко и натянул поводья, чтобы пустить валаха немного вбок и дать ей дорогу вглубь леса.

— Я тебе верю, моя кохана, — всего несколько слов, но от них так потеплело на сердце Ксении, будто весна солнечными лучами обогрела. Она улыбнулась в ответ, тепло и радостно, проводила его взглядом.

А потом убежала эта счастливая улыбка с ее губ, дернули руки поводья Ласки нервно,

потянулись после в сторону уже отъехавшего к краю леса Владислава, словно пытаясь поймать его, падающего с валаха, не дать ему упасть под копыта коня в снег. Конечно, ей это не удалось — расстояние меж ними уже было на тот миг около десятка шагов, да и удержать Владислава в своих руках она бы не сумела.

Он упал в снег, соскользнув вправо с седла, и она закричала в голос от ужаса, заметив стрелу у него в спине, чуть ниже левого плеча. Тонкую, с длинным черно-белым опереньем. Одна из тех, что заметила она еще прошлым днем в колчанах на поясах людей ее брата.

1. Ныне — Антониево-Сийский православный монастырь, в 150 км. от города Архангельска на озере Большое Михайловское
2. Имеется в виду отец Михаила Романова — Федор Романов (впоследствии — патриарх московский Филарет), что иноком ходил при Борисе Годунове в этом монастыре
3. Родовая вотчина, т. е. передаваемая по роду, а не полученная в кормление
4. Матерая вдова — овдовевшая женщина в Московии становилась во главе семьи, если не было никого на эту роль, принимала бразды правления домом и делами в свои руки, получала полную самостоятельность в глазах общества того времени. Но для того, чтобы стать матерой вдовой у женщины обязательно должен быть сын, наследник, ведь матерая вдова — овдовевшая мать иначе.

Ксения даже не поняла, как и когда успела спешиться. Она съехала по боку Ласки с седла, упала на колени в снег, которым заботливо покрывали небеса ныне землю, укутывая ту в белоснежное плотное покрывало. Как и жупан Владислава, и его черные волосы, и ладонь с перстнями на пальцах...

Казалось, ребра резко сошлись в груди, сдавливая с силой легкие, оттого и каждый вздох ныне давался с болью. Она попыталась подняться на ноги, стараясь вдохнуть морозного воздуха, чтобы унять сердце, стонущее в голос от боли, что камнем придавила его, но только на руках смогла приподняться. Ноги же стали неподвластны ей, были такими мягкими, словно при падении с Ласки она переломала себе все кости. И тогда она поползла к Владиславу, путаясь в юбках, обжигая пальцы холодом снега, от которого те вскоре заоченели и стали плохо сгибаться.

Шевельнись... я прошу тебя, шевельни хоть пальцем. Одно малейшее движение. Чтобы я знала, для чего мне жить далее... чтобы сердце мое билось, как ранее. Но Владислав лежал неподвижно, позволяя снежным хлопьям укрывать себя будто белым одеялом.

Боковым зрением Ксения заметила движение справа от себя, а потом ее, распластавшуюся на снегу, обогнал широкими шагами мужчина, в несколько шагов приблизился к лежащему Владиславу и перевернул того на бок, чтобы взглянуть на лицо сбитого болтом из самострела с коня.

— Точнехонько! — крикнул он, и Ксения замерла не только от его выкрика, но и при виде того, каким темным от крови стал снег в том месте, где лежал Владислав. Значит, грудина насквозь пробита болтом, а летел тот с недалекого расстояния. Сквозь сомкнутые зубы вырвался тихий всхлип. Уронила голову на ладони, даже не ощущая лицом холода от сотен мелких снежинок, которые попали на нежную кожу лица.

— Знать, есть правда на свете! — проговорил прямо над ухом Ксении голос Михаила, а потом ее плечо сжала его ладонь, приподняла ее, будто куклу безвольную, с которыми потешники на ярмарках действо показывали. — На ноги, Ксения! Ехать пора, покамест люди его не явились. Не мог же он по округе один ездить. И коня заберите! — крикнул он одному из своих людей. — Славный вороной! Жаль будет, коли волки сожрут.

— Что ты сотворил? — прошептали губы Ксении, и ему пришлось склониться к ней, чтобы разобрать ее слова. — Зачем?

— А ты думала, я его расцелую троекратно, коли встретиться доведется? — усмехнулся брат.

— Ты же слово дал...на кресте слово дал...

— Не давал я слова тебе, Ксения. Ибо слово то для меня костью в горле встанет, слыхала? — а потом рывком поднял ее на ноги, злясь и на нее, и на себя, и на этот снегопад, в который ехать будет нелегко. — Ну же! Ну же! На ноги! Животину ее приведите сюда! Федор! Помоги ей в седло сесть!

— Нет, — проговорила Ксения, а потом крикнула в голос, в лицо брата, вырывая руку из его цепких пальцев. — Нет! Не поеду я!

— На животину садись, — процедил сквозь зубы Михаил и толкнул ее в сторону Ласки, которую подвел к ним Федор. Ксения не послушала его — скользнув под руку пытавшегося задержать ее мужчины, побежала к Владиславу да в юбках длинных запуталась, рухнула

плашмя, едва успев выставить руки вперед, чтобы смягчить падение. Вырвался из-за сомкнутых губ крик отчаянья и боли, не только от удара коленями и ладонями о плотный, утоптаный снег, но и от того, как сжалось сердце.

— Михаил, прошу тебя, — зашептала она отчаянно, когда нагнавший ее в несколько шагов Федорок поднимал со снега. — Прошу тебя... коли меня обездолил, то дите мое не сироти... Родича своего не сироти!

Но тот только дернул головой при упоминании сына Ксении, поджал губы и кивнул Федорку, державшего Ксению крепко за предплечья, мол, давай, сажай ее на лошадь, ехать надобно. И она обмякла в руках рыжего москвитя, потеряла силы вмиг — куда ей бороться ныне. И только одно вдруг заставило ее выпрямиться, вырваться из мужских рук, что вцепились клещами чуть повыше локтей — тихий, но отчетливо слышимый ею стон, что сорвался с холодных губ лежащего в снегу. А потом едва слышное: «Кохана... кохана моя...», как стал звать ее Владислав, не понимая еще, отчего над ним только сереющее небо с крупными точками белыми, что приближаясь к его лицу тут же становились снежными хлопьями, удивляясь острой боли, разливающейся по всему телу.

Жив! Обожгла как огнем Ксению короткая мысль, и уже ничто не способно было удержать ее, ничто не смогло бы остановить ее ныне, когда она так стремилась к Владиславу, к которому уже вернулись все чувства и который, распознав мужскую речь да еще с московитским наречием, пытался повернуться на правый бок и снова падал обессилено, сжимая зубы от боли, что ударяла от левой стороны грудины по всему телу.

Ничто, как она думала в тот миг. Но ее легко остановил Федорок, нагнал, когда до Владислава оставался лишь шаг, и она закричала отчаянно, забилась у того в руках. Владислав при этом крике все же сумел повернуться, сверкнул глазами яростно, видя, как пытается утащить от него волоком рыжий мужчина Ксению, заревел протестующе, делая отчаянную попытку остановить того. Федор дрогнул от неожиданности, ослабил руки на миг, но и этого мига было достаточно Ксении.

Пара шагов, и она с размаху бросилась на колени подле Владислава, кидая взгляд на его рану. Слава тебе, пресвятая Богородица, болт лишь пробил грудину, не задев ничего важного, и не отнял жизнь, как она решила сперва. Но кровь — ярко-алая кровь, почти незаметная на темной ткани кунтуша, толчками выбивалась из раны при каждом движении Владислава, и она испугалась этой крови, остановила его порыв сесть с ее помощью, только приподняться слегка позволила.

— Кто эти люди? — спросил он у нее, быстро оглядываясь вокруг — два москвитя близко, за Ксенией, один у лошадей с пустыми седлами и еще четверо верхом — и снова вглядываясь в ее бледное лицо.

Она открыла рот, чтобы ответить, протянула ладонь к его ране, чтобы зажать с силой, не дать крови покинуть его тело, но не успела сделать того. На грудь Владислава с размаху опустился сапог, заставляя того удариться с силой спиной о снег под яростный вопль Ксении.

— Вот ведь как сложилась доля моя, — прошипел Михаил, склоняясь чуть ниже к лежащему на снегу, толкнул от себя Ксению, которая попыталась отпихнуть брата, убрать его ногу с груди Владислава. — Помнишь ли меня, лях?

— Помню, москвит. Под Волоком мы с тобой встретились, — ответил Владислав, сжимая пальцами ладонь снова склонившейся к нему Ксении, словно успокаивая. — Мне лицо твое порой ночами мнится, так ты в память мне запал. Знать, верно то — брат ты ее.

— Ведал, кого рубишь тогда? А?! — побелели края страшного шрама Михаила. — Слыхала, Ксенька? Ведал да рубанул-таки? Наотмашь, чтоб дух сразу вон!

— Не ведал я тогда, — устало ответил Владислав, но не Михаилу, а Ксении, замершей возле него, глядя той в глаза, словно пытаюсь своим взглядом доказать ей, что правду говорит. — Не один десяток дней и ночей думал о том после, жалел, что в земли московские пошел с мечом тоску из души вытравить...

Михаил ничего не сказал на его слова, только взглянул исподлобья на их руки сомкнутые, на пальцы переплетенные, а потом убрал ногу с груди Владислава, отступил в сторону.

— Только шкуру ты ему пробил, Федор, — обратился он к Федорку, что стоял за спиной Ксении и вслушивался в разговор. — Кончай то, что начал. Ехать уже пора.

— Нет! — Ксения вдруг быстро развернулась в сторону Федора, не отпуская руки Владислава из пальцев своих. Но глаза москвитов ныне были прикованы не к левой ее руке, а к правой, в которой был зажат короткий нож, что того момента был укрыт в потайном кармашке голенища сапожка Ксении. То была Лешко задумка, ныне так неожиданно пригодившаяся Ксении.

— Всяк, кто подойдет! Убью! — прошипела она, стараясь не обращать внимания на то, как протестующе сжал ее пальцы Владислав, на его шепот: «Не надобно...», ведь он знал, что этот выпад ее только разозлит москвитов. Что могла сделать слабая женщина против семерых мужчин? Да и уверен он был, что не поднимет та руку на брата, так резко шагнувшего в ее сторону.

— И брата единоутробного резать будешь? — проревел Михаил, изо всех сил борясь с желанием ударить сестру, выбить нож из ее ладони. Против брата — ради ляха?! Ляха, что едва не отправил его на тот свет, что позором ее голову покрыл, что отвернулся от ее? — Знать, род готова презреть, Ксения, свой ради любезного своего? Кровь пролить?

— Другому роду ныне я боле принадлежу, Михась, — тихо проговорила Ксения. — Ты и сам ведаешь — за мужем уходя, умирает дева для рода отчего, покидает его.

— За мужем! А ты ляху не жена вовсе! И он не муж тебе!

— В нашей земле обряд есть один, что деву женой делает в глазах родичей и без клятв у алтаря, — резко вступил в разговор Владислав, видя, как поникли плечи Ксении, признавая правоту брата. — Как на земли эти ступил, я ее женой назвал при родичах, знать, жена она мне для них. А для меня и без того женой была. Даже когда имя иное носила. Чужое имя, ненавистное...

— Что ж оставил ты ее, лях? — едко спросил Михаил. — Одну ее я встретил давеча, безмужною и опозоренною. Дитя вон прижила девой, не женой!

— Нельзя вырвать из груди сердце свое по воле, — голос Владислава слабел с каждым словом. Все тяжелее давалась речь, слабость медленно сковывала тело. — Так и тут. Сама она ушла тогда, нет моей вины в том...

Ксения на миг прикрыла веки, сердцем чувствуя ту боль, что по-прежнему где-то глубоко пряталась в душе Владислава, не оставила его, не давала забыть, а потом взглянула решительно на Михаила:

— Почему оставила, Михась, я говорила тебе. А ныне я возвращаюсь! Нет мне дома иного отныне. Не в Московии он, дом мой, а тут в землях этих. Потому что сердце мое навеки с ними связано. Прости меня, брате, — а потом резко воткнула в снег нож и снова в глаза брата посмотрела, ожидая его решения, его знака людям своим. Только сказала

напоследок. — Желаете резать его — режь. Только и меня вместе с ним! Я сказала тебе давеча, что нет мне жизни без него, а ныне только убедилась в том. Режь с ним меня, брате! И чтоб ты ведал — коли б ты лежал на снегу, а не он, я бы так же своим телом тебя закрыла от сабли его! И молила бы его, как тебя молю ныне!

Михаил долго глядел сестре в глаза. Так схожие цветом и разрезом очи вели ныне борьбу незримую, но такую осязаемую ныне, что всем, кто был на этом местечке дороги на краю леса, не по себе стало. Глаза Ксении молили о милости и в то же время горели некой решимостью, губы поджаты упрямо. Михаил отчетливо понимал, что значит то — примет на себя удар, не задумываясь, не колеблясь ни мига. Разливалась медленно горечь во рту от осознания того, что поперек его воли, горячо любимого брата, Ксения пошла, против него выставила нож острый, пусть и убрала его после, показывая, что никогда не сможет ударить его.

— Михаил, — обратился к нему Федор, отвлекая его внимание от сестры, прижавшейся к ляху, снова потерявшему сознание. — Пора! Скоро день приступит. Да и ляха люди могут подойти... Решай!

— Знать, его выбираешь, Ксенька? Ворога нашего... а брата своего единоутробного... — она повернула к нему голову, глаза голубые обожгли его огнем решимости пойти по пути ею выбранному ныне. И тогда он смачно плюнул в снег, скривил рот и свистнул своим людям, собирая тех в путь. По пути кнутовищем ткнул в вороного, которого уводили с собой, и вдруг с удивлением заметил, как дрожат мелко ладони. От гнева, пожирающего изнутри его душу, от ненависти к этому ляху, так долго живущей в его сердце, от отчаянья и душевной боли. Быть может, потому, уезжая вглубь леса по дороге, растворяясь среди снежных хлопьев из вида, он даже ни разу не оглянулся на хрупкую фигурку, что склонилась над раненым, обхватила того руками, пытаясь приподнять.

— Где? — прошептал Владислав, снова возвращаясь из темноты на белый свет, когда Ксения невольно затронула его рану, и по телу пошла волна невыносимой боли. — Где брат твой? Где люди его? Не слышно их... коней не слышно...

— Уехали, — коротко ответила Ксения, сглатывая комок слез, что стоял в горле. — В Московию уехали...

— А тебя бросил он?! — вскрикнул Владислав, сжимая ее плечо, пытаясь сесть на месте, не обращая внимания на боль в груди, отдававшуюся по всему телу аж до кончиков пальцев.

— Не бросил. Сама я осталась... Владек, встать бы тебе... столько крови вытекло... — она уже прикладывала за край рубахи сложенный вчетверо кусок полотна, что отрезала от подола рубахи своей, прикусила губу в отчаянье наблюдая, как мгновенно та становится алой от крови. — Надобно ехать, Владек. Попробуй, мой милый... не смогу я одна...

Но подняться на ноги у Владислава не получилось — едва он с трудом, опираясь на нее всем телом, распрямил с трудом колени, как она не удержала его и с размаху уронила в снег, опустилась сама возле него, пытаясь унять дрожь в руках и ногах от напряжения, отдышаться. Потом она снова и снова будет пытаться поднять его, чтобы помочь взобраться на Ласку. Неимоверные усилия для Ксении, учитывая, что в конце концов лишившись сознания, Владислав стал еще тяжелее, а лошадь, чувствуя запах крови, не желала стоять на месте спокойно.

— Где мой валах? — спросил вдруг Владислав, и Ксения открыла глаза, когда они в который раз опустились в снег. — Мой приучен к крови, твоя же, видишь, как ногами

перебирает непокойно... Да и мала она для веса моего... как и ты — нежна... слаба...

А потом Ксения заметила, как он резко распахнул глаза, словно прислушиваясь к чему-то, уставился в светлое небо, что виднелось через черные макушки деревьев в вышине, сквозь падающий снег. Затем протянул в ее сторону руку, и она склонилась над ним тут же.

— Езжай сама, моя драга, — прошептал он ей чуть ли не в самое ухо, запуская ладонь в растрепанные волосы. — Мои люди не приедут сюда... в вотчину, видать, поехали или в Лисий Отвор... следы замело же. Езжай и подмогу приведи. Я же подожду... подожду тут...

Он почувствовал, как она напряглась под его рукой, и боясь, что она не слушает его, притянул к себе, стал целовать короткими поцелуями лоб, нос и щеки ее, приговаривая: «Тебе надо ехать, моя кохана! Ехать немедленно!». А потом Владислав коснулся холодными губами ее губ, и последние остатки ее решимости остаться с ним, следуя своей воле, ее невольные сомнения растаяли, заставляя ее пойти на поводу его решения.

— Ты — все для меня, — прошептал он ей прямо в губы, крепче сжимая ладони на ее лице, словно удерживая ее над собой. — Хочу, чтобы ведала ты то. И всегда так было и будет...

— Милый мой, — она прижалась губами к его лбу на миг, а потом поднялась на ноги. Его надо было бы посадить, не дать ему лежать в снегу, дабы не подхватить горячку еще да грудину не застудить от холода. И она обхватила его руками, стараясь не давить при этом особо на рану, потащила с дороги к ближайшему дереву, цепляясь в плотную ткань кунтуша, ломая ногти. Стянула с плеч свой плащ и закутала в него Владислава, прежде чем устроить у толстого дуба. Тот вдруг снова открыл глаза, схватил ее ладонь, поправляющую импровизированное покрывало.

— Что тянешь? Ехать немедленно... — она видела, с каким трудом ему даются слова, видела испарину у него на лбу, вытерла ту рукавом платья, отводя темные пряди волос, упавшие ему на лицо. Сжалось сердце от тревоги и какого-то неясного предчувствия.

Владислав стащил с указательного пальца правой руки перстень, протянул ей.

— Передашь... передашь, ведь? — Ксения кивнула, полагая, что Владислав отдает ей перстень для знака людям своим, коли встретит тех по дороге в вотчину Ежи. А потом он попросил ее саблю достать его из ножен на поясе, положить у правой руки, а еще лучше вложить рукоять в ладонь слабеющую с каждым мигом все больше и больше.

— К чему тебе то? Михаил не вернется, — вдруг обиделась за брата Ксения. — Не таков он.

— Поглядим на то, — улыбнулся Владислав, а потом выпустил саблю из пальцев, коснулся теми щеки Ксении, глядя на нее с таким блеском в глазах, что у нее дух перехватило. — Моя драга... моя чаровница, что сердце украла мое... моя кохана... — и уже резче. — Езжай! Немедля же!

Как можно быстрее, стараясь не оглядываться назад, на сидящего у дерева Владислава, Ксения подозвала к себе свистом Ласку, нервно подрагивающую, не стоящую спокойно на месте. До вотчины Ежи несколько верст, не более трех, но ныне эти версты казались ей чуть ли не в дневной переход. Она гнала Ласку по сквозь снег, сжимая с силой поводья, склоняясь в самой шее лошади, даже не думая, как рискует ныне такой скачкой в непогоду. Больно врезался вдруг при том перстень в кожу большого пальца, и она бросила мельком взгляд на него, а потом резко натянула поводья, останавливая Ласку.

Перстень ордината. Это был перстень ордината с высеченным в темном камне гербом рода Заславских. Это был не знак для людей Владислава, для того сгодился бы любой

перстень с его руки. Это был дар для Анджея, как для сына, как для того, кто встанет во главе рода вместо Владислава, когда того не станет.

Кровь, много крови на снежном полотне лесной дороги. Тревога и волнение лошади, что так ясно ощутила Ксения, уже сидя в седле и направляя Ласку прочь из леса. Сабля у правой руки, как готовность дорого отдать свою жизнь. Его глаза, прощающие и прощающиеся с ней. Ласковый успокаивающий шепот и короткая ласка напоследок. Его решимость увести ее из леса, отослать прочь от той опасности, что нависла темной тучей над ними.

— Святый Боже, нет! — прошептала Ксения и стала разворачивать Ласку назад, легко преодолевая то сопротивление, с которым та пошла обратно к лесу. На ходу зарядила самострел, что отвязала от луки седла, едва не свалившись при том с лошади, приготовившись стрелять в случае нужды. А потом закусил губу, чувствуя, как расплывается в груди страх, наполняет душу до краев, когда тишь морозного утра разорвал волчий вой. Ксения крепче сжала самострел и пустила Ласку еще быстрее, понукая ее все же бежать против ее воли к кромке леса, где остался Владислав.

Стая была большой: вожак, его волчица и семь остальных хищников разного размера, распределившихся вокруг своей намеченной добычи, наблюдая за действиями вожака. Но первым прыгнул вовсе не крупный самец, явно лидер в этой стае. Первым прыгнул на Владислава молодой волк, меньше размерами вожака, что и спасло шляхтичу жизнь — он успел отбросить от себя метившего в горло хищника, а после рубануть саблей, разрубая хребет. На это ушли остатки сил, и он застонал от отчаянья, когда обессилено упала правая рука в снег.

Тут выступила вперед волчица, застыла на миг напротив Владислава, глядящего пристально в ее светлые маленькие глазки. Глаза самой смерти, ведь эта скалящая зубы волчица спустя миг вцепится в его горло, сомкнет свои челюсти, перерывая нить его жизни, и увы, он будет совершенно беззащитен перед ее атакой, даже руки не сможет поднять.

Волчица прыгнула, и Владислав закрыл глаза, воскрешая мысленно лицо Ксении — ее небесно-голубые глаза, золото волос и неповторимую улыбку. Только так он хотел уйти — имея перед глазами ее облик. А потом открыл глаза, когда прямо перед ним с громким ржанием на снежное пространство дороги вылетела маленькая лошадка Ксении, сбивая волчицу прямо в прыжке. Фьюить! Резко пущенная стрела вонзилась хищнице прямо в шею, навсегда оставляя ту на снегу.

Ксения спрыгнула с седла, едва не запутавшись в длинных юбках, хлопнула Ласку по боку, пуская ту прочь от хищников. А потом в один миг подскочила к Владиславу, пытаясь на ходу зарядить следующей стрелой свой маленький самострел.

— Я тебя придушу! — прошипел Владислав, а глаза невольно выдали с головой, что только пустая угроза то. И она улыбнулась ему, совершенно отчего-то не чувствуя страха перед хищниками, что по-прежнему готовились к нападению.

Двое их волков, молодые видно, сорвались с места и побежали за лошадью в глубину леса, остальные следуя тому, что подсказывал им инстинкт, остались на месте, чтобы растерзать более слабых противников. Особенно этим желанием горел вожак напавшей стаи, крупный хищник, повидавший, судя по его размерам, немало лет и зим. Этого хищника и предстояло убить в первую очередь, сбивая стаю с толку, пуская сумятицу, а то и страх в их ряды.

Ксения знала это. Как знала то, что он будет сейчас бросаться на них первым. Причем,

будет атаковать именно ее, несмотря на то, что у нее в руках оружие. Ведь она убила его пару, она читала это в глазах хищника, что не отрывая взгляда, подходил к ней медленно, скаля зубы и угрожающе рыча. Пальцы вдруг стали совсем деревянными, а стрела не входила на место, то и дело падала в снег. Они одновременно были готовы к атаке — и волк, и Ксения, наконец-то зарядившая стрелу. Но волк прыгнул на долю мига ранее, чем она стала поднимать самострел для защиты.

На Ксению тут же навалился Владислав, закрывая ее своей широкой спиной от нападения хищника, и она закричала в голос от ужаса и отчаянья, понимая, что это конец, им не отбить волков, что ныне острые зубы вцепятся в спину Владислава, разрывая ткани жупана и кунтуша, вгрызаясь в мышцы.

И вдруг ее крик растворился в том шуме, которым наполнилось место этого побоища: ржание лошадей, скулеж и рычание волков, мужские крики, лязг оружия. Она замерла, растерянная, не понимающая, что происходит ныне на поляне, выползла из-под ставшего вмиг тяжелее обычного Владислава, испугавшись, что того все же настигла старуха костлявая, забирающая души людские. Настигла через острые зубы вожака волчьего.

Но нет, волк лежал чуть поодаль от них, сбитый стрелой московитской из самострела. Владислав же дышал, пусть тяжело, с каким-то странным присвистом, а на шее, обнажившейся в расстегнутом вороте жупана, медленно билась тоненькая жилка. Вид этой жилки вдруг заставил ее расплакаться, разреветься в голос. Впервые за все время, что прошло с рассветного часа. Она гладила широкую грудь Владислава, его плечи и плакала в голос.

— Помер, что ли? — спросил Михаил, опускаясь рядом с ней на корточки, сунул ладонь под застывшую от мороза окровавленную полу жупана. — Живой он, Ксенька. Слышишь, живой! Такого не прибрать так просто!

Ксения вдруг приникла к брату, прижалась со всего маху, пряча слезы у него на плече, и он принял сестру в свои объятья, коснулся губами ее растрепанных волос.

— Ты чего вернулась-то? Я ж видел — уехала вроде, только выдохнул, — а потом прошептал ей в волосы глухим шепотом. — Прости, что оставил тебя, Ксения, ныне.

— И ты прости, что оставила тебя и родичей, — откликнулась та. — И что оставляю — тоже прости. А что вернулась — так нет мне иного пути, как не с ним...

— Так и понял я, когда тебя тут подле него, сирого {1}, заметил перед волками. Знать, в самое сердце упал тебе, раз самоохотно {2} душу готова отдать, — ответил Михаил, а потом помог ей встать на ноги. — Мы вас версты две проводим от леса, все лучше будет. Но ехать нынче же надобно — тьму крови твой лях на снег вылил, довести бы... Ну-ка, не реви сызнова! Доведем! Не пора еще ему на упокой, не пора, говорю! Мужик он сильный. Что ему дыра-то та? Затянется, выправится... Еще краше прежнего будет!

Ксения улыбнулась сквозь, вмиг узнавая по этому легкому и непринужденному тону брата, балагура и шалуна, затейника их детских проказ. А с улыбкой и страх из души за здоровье Владислава ушел, впуская взамен уверенность в том, что не может тот умереть от кроволития, раз столько других опасностей Господь отвел этим утром от него.

Когда Владислава закинули на валаха, устроив в седле, чтобы тот ненароком в пути не свалился с коня, он вдруг снова открыл глаза — потревожили рану, а боль, разлившаяся по телу от того не могла не вернуть его в чувство. Попытался выпрямиться и едва не упал с переступившего с ноги на ногу вороного.

— Ты бы потише, а, лях? — удержал его Михаил. — Я сестре слово дал, что доедешь ты

до двора панского, а ты сам вона едва себя не угробил.

— Где Ксения? — прохрипел Владислав, словно не слыша его, и Михаил мотнул головой в сторону, показывая на сестру. Ту как раз усаживали в седло Ласки, вернувшейся по зову хозяйки из леса. Калитин не мог не подметить, как тут же смягчились черты лица шляхтича при виде его сестры, как ушла тревога из темных глаз. Знать, дорога ляху Ксенька! Недаром собой от зубов волка укрыл ту, когда еще не знал, что подмога пришла из леса, что вернулся Михаил, заслышав волчий вой, не в силах победить внутренний голос, кричавший криком в его голове.

— Ты за ней воротился? — спросил Владислав, стиснув зубы. — Так знай, не будет мне покоя, пока не верну ее к себе в руки. Даже в Московию поеду за ней! Украду ее, и убью любого, кто поперек встанет того! Руками голыми удавлю!

— Ты тут словами не кидай! — резко ответил Михаил. — Хоть и не желаю того, но Ксенька моя не Московии цвет ныне. В эту землю корнями проросла, с твоими перепутав те. Буду рвать — загублю! А мне ее погибель... сам то ведаешь, к чему речи вести... не попымы! Но знай, сродник, — обращение к Владиславу Михаил словно плюнул с языка. — Знай, сродник — коли проведу, что нет ей тут доли, которую я для сестры бы желал, вернусь и выкраду из рук твоих, невзирая на крики ее! Я позора сестры не допущу! И слез ее!

— Ну, так и мне они горше некуда! — бросил в ответ Владислав, морщась невольно при резком приступе боли в груди. Михаил долго смотрел на него пристально, а потом сплюнул в снег, стараясь унять ту горечь во рту, что всякий раз возникала при мысли о той крови, что вливалась в их род, о сроднике ляхском.

— Ну, на том и порешили! — проговорил он и дал знаком понять, что к ним Ксения приближается, а той беседы их слушать не надо вовсе. И Владислав тоже умолк, улыбнулся уголками губ бледной и растерянной всаднице, что глядела на него с тревогой в глазах и то и дело посматривала, оборачиваясь через плечо, все время, что в пути провели до места назначенного.

На том самом повороте к вотчине Ежи, где еще вчера Ксения просила совета у желтогрудых синиц, Михаил дал сигнал своим людям остановиться, зная, что далее они будут видны в дымах и вотчине, и неизвестно, как отреагирует пан местной земли на их появление на краю земли. А потом подъехал к Ксении, взглянул на нее, делая вид, что не видит ее подозрительно блестящих глаз.

— Доле нам дороги нет, Ксенька, — проговорил он, спрыгивая в снег. А потом обхватил ее стан ладонями, снял с седла. — Тут скажем, что на душе лежит. Да и торопиться надобно, вон какой твой лях белый совсем стал, аки снег окрест. Ох, и болит у меня душа за тебя! И болеть до упокоя, видать, будет. Знать, вот как твоя нить легла... ради ляха отрекаешься...

— Ради него, — проговорила Ксения и улыбнулась брату грустно. — Ради него, что ладой моей стал, и сына, что прижили с ним. Но, знай, брате, что и я до самого последнего вдоха буду помнить о родичах моих и земле отчей, что до последнего вдоха молить Господа буду о вас, моих присных {3}. Но вдох этот я бы желала подле него испустить... только подле него...

Брат кивнул ей, взглянул на небо, что постепенно приобретало нежно-серый оттенок, а потом снова взглянул в глаза сестры, улыбнулся ей нежно и троекратно расцеловал в щеки и лоб, медленно, словно желая, чтобы этот миг длился дольше положенного. А потом снова обхватил ее тонкий стан ладонями и, легко подняв, усадил в седло Ласки, поправил плащ сестры, соскользнувший в сторону, обнажив для мороза зимнего ноги, прикрытые лишь

тканью платья заморского.

— Слышь, сродник! — обратился он после к Владиславу. — Слова мои помнишь в лесу говоренные?

— И ты мои из головы не потеряй! — ответил Михаилу шляхтич, и тот вдруг улыбнулся широко, хлопнул того легко по плечу здоровому.

— Ты мне скажи, как сроднику-то, пойдут на Московию ляхи али нет когда? Я ж не кто-то, родич твой! А родичу и не то говорят-то...

— Я на Московию не пойду, — следовал ответ на слова Михаила. — А за остальных не скажу. В головы влезать нет умения, думы ведать чужие не могу.

— Ну, и лис ты, сродник! — хохотнул тот. — Истинный лях! Добро, не буду боле пытаться тебя, и так едва душа в теле теплится. Ну, здрав будь, лях! Троекратным целованием прощаться не желаю, а слова напоследок все ж скажу. Ты сестру мою береги, слышишь? Я тебе цвет свой ненаглядный отдаю, хотя и не по воле своей, ты же взрастить его должен. И чтоб цвела она только всем на радость! Чтоб цветом цвела, слышишь!

Каждый шаг Ласки после расставания с Михаилом и его людьми за этот поворот дороги и далее к вотчине и дымам, что показались вдалеке, давались Ксении с огромным трудом. Ведь каждый шаг этот отделял ее навеки от прошлого, с которым она уже и не чаяла встретиться снова. И от которого повторно отказалась. Она взглянула на Владислава и коснулась его плеча, и он взглянул на нее, улыбнулся, стараясь не показать той слабости, что снова брала в плен тело.

На половине пути к вотчине их встретил отряд пахоликов Владислава и конные холопы под предводительством Ежи, у которого вмиг затряслись руки мелко, когда разглядел он состояние ордината.

— Черти! Черти лысые! Паскуды! Псы! — ругался он в голос, скрывая за своей яростью страх за Владислава, белого лицом, едва державшегося в седле. Суетился вокруг него, огрызался на всех отчаянно, а потом вдруг достал саблю из ножен, готовый нагнать обидчиков да «показать им чертей, пся крев!»

— Стой, дядку, стой! — задержал его Владислав. — Уйми свою горячность. И доле криками ворон окрестных пугать. На двор бы надобно, пока я дух не потерял.

И уже когда направлялись к деревеньке и панскому двору за ней, вдруг хлестнула Ксения Ласку, развернула ту и помчалась обратно по дороге. Ежи так и крикнул, схватился за узду да ехать вслед хотел, чтобы вернуть ее, но Владислав не дал тому последовать за ней.

— Не бойся, дядку, вернется она. Недалече отъедет. Только с былым своим простится вконец и вернется, — произнес он.

Так и вышло. У зарослей кустарника Ксения остановила лошадь и долго всматривалась вдаль, пытаясь разглядеть в белой мгле, которой по-прежнему окутывало небо все лежащее под его просторами, удаляющиеся прочь темные силуэты брата и его людей. Но только снежная стена была перед глазами... стена, отгораживающая от нее то, что оставила она, пойдя за Владиславом в эти земли. И снег, заметающий следы, оставленные недавно...

Весь световой день для Ксении после промелькнул, как один миг. Она нагнала небольшой отряд, только когда тот въезжал на двор дома Ежи, тогда же обратила внимание на то, как близко едет к Владиславу пан Смирец, поддерживая в который раз потерявшего сознание Владислава. Ордината быстро сняли с седла пахолики, подхватили на руки и понесли внутрь дома, в небольшую спальню Ксении, куда по знаку той привела Збыня.

Кровотечение остановилось, как выяснили, стянув с раненого и кунтуш, и жупан, да

только и худо то было — кровь засохла, и рубаха намертво прилипла к ране. Ксения не могла не плакать, кусая губы, когда разрезала на Владиславе ту, когда размачивала ту теплой водой, чтобы оторвать полотно, обнажая рану. Она видела, как ему больно, видела, как белеют губы, как он морщится всякий раз, как она отделяла полотно от подсохшей раны. И тогда Ксения стала легко дуть на рану, как делала это, когда Андрусь прибегал к матери со своими ранками и ссадинами, чтобы облегчить его муки.

Наконец рана была открыта. Можно было доставать болт от самострела, по-прежнему сидевший в теле Владислава, причиняющий ему немалую боль. Ксения подобрала с пола и перепачканную кровью одежду, и разрезанную рубаху, и стараясь не смотреть на то, какой бурым от крови было некогда белое и тонкое полотно, сунула в руки одной из холопов, что суежилась в доме.

— Я думаю, это «срезень» {4}, - проговорил Владислав, и Ежи побледнел. Такой болт нелегко удалить из раны, не причиняя невероятные муки раненому. — Так что пусть пани выйдут из спальни, негоже им глядеть на то.

— Я останусь, — попробовала возразить Ксения. Ей не по нраву пришлось ни тон голоса Владислава, ни тот обмен взглядами, что последовал за его репликой, отчего-то защемило сердце. Но все же развернулась и вышла в гридницу, когда Владислав посмотрел на нее внимательно и головой покачал.

В гриднице, чтобы не прислушиваться к звукам голосов, доносившимся из спальни, Ксения принялась расспрашивать пахоликов Владислава о сыне. Те поведали, что панич действительно ездил в паном ординатом в Варшаву. Только пан скорее выехал из столицы, приказав сына вести следом, но только не сюда, куда ординат направился, покинув город, а в Заслав. Пан Тадеуш при паниче остался, как обычно.

Она еще выпрашивала о сыне: здоров ли, как выглядит, по нраву ли ему город пришелся стольный. А потом стала о Варшаве спрашивать, лишь бы отвлечься от того, что дверью спальни происходило.

Вскоре вышла Збыня, неся в руках балею, полную ярко-алой от крови воды и тряпок, и к горлу Ксении подкатила тошнота. Она тут же вскочила на ноги, бросилась к спальне, где ее в дверях остановил Ежи, придержал за плечо.

— Уснул он, вымотался мой мальчик. И немудрено, — он показал Ксении зажатый пальцами болт самострела, извлеченный из раны. Та взяла на ладонь железную стрелу, взглянула удивленно на Ежи, и тот пояснил. — Это боевой болт. Не для брони. Такой доспех может и не пробить. А вот боль несет с собой он невероятную. Оттого и мучился так Владек. Подарок от родича новоявленного.

— А у того шрамы во весь лик и грудину, — ответила Ксения, уступая желанию защитить брата перед шляхтичем. — Каждый горазд! Живы, здоровы и ладно!

Она скользнула мимо Ежи в спальню и медленно приблизилась к постели, на которой лежал спящий Владислав. Его левое плечо и грудь были перемотаны полотном, на котором уже выступили пятна крови, и у нее задрожали легко руки при мысли о том, что она едва не потеряла его там, в лесу. Дважды едва не потеряла.

Ксения опустила на колени перед ликами в углу, которые так и не убрали с полки, несмотря на ее отъезд. Даже лампадка по-прежнему горела тускло, то и дело мигая огоньком ей.

— Благодарю, святая Богородица, — добавила по окончании привычных ей молитв о здравии, что читала едва слышно, Ксения. — Благодарю, что сохранила его от всех невзгод и

опасностей, что подле меня он.... Береги, прошу, и дале его от хвори, от кумохи, что хватается за раненого... убереги его...

Стукнула тихонько Збыня в дверь, посланная Эльжбетой, спросила, не голодна ли Ксения, не надобно ли ей чего. От еды та отказалась, только попросила воды свежей, чуть подогретой, чтобы смыть с рук и лица кровь Владислава, которой перепачкалась поутру. Тихо плескала после, словно с себя все напасти, что случились ныне, смывала этой чистой прозрачной водой, то и дело оглядывалась на Владислава при том, опасаясь прервать ненароком его сон.

А потом, переменяв рубаху и закутавшись в вязаную шаль, присела на край постели, стала глядеть в лицо, такое родное, такое любимое, что даже горло сжималось от волнения, что он так рядом. Пальцы так и горели огнем коснуться его, откинуть с высокого лба черные пряди волос, провести по резко очерченному прямому носу, поперек линии усов и губ, по подбородку, где в центре виднелся след, некогда оставленный ею. А после вниз — по шее, мимо бьющейся жилки на шее, по плечу с бугрящимися по повязкой мышцами, по груди до кромки покрывала, которым был укрыт Владислав. И губ вдруг захотелось коснуться губами, ощутить их сладость и обманчивую мягкость, запустить ладони в волосы при том, прижаться всем телом к его груди.

Но она не пошла на поводу у этого желания, хотя и тронула мимолетно его лоб, проверяя нет ли горячки, а потом положила ладонь на его грудь, ощущая, как бьется его сердце. Важнее этой пульсации нынче для нее не было ничего. Лишь бы его сердце билось под ее ладонью, никогда не прерываясь, даже на миг!

Милый мой, моя лада, мой ясный, прошептала бы Ксения нынче, если бы не боялась потревожить его. Моя радость, мое солнце в вышине неба... Как же были мои дни пусты без тебя! Как сумрачно и холодно было в жизни моей, как тоскливо! Только возле тебя так бьется сердце в груди... только для тебя одного...

Ксения открыла глаза, когда в комнату уже вползли сумерки, и единственным источником света был тонкий мигающий огонь лампадки у образов в углу. Сама не заметив того, уснула, видать, на краю постели, когда сидела подле Владислава, сторожа его сон. Золото ее распущенных волос разлилось волнами по покрывалу, мужские пальцы медленно перебирали пряди, пропуская их между собой, наслаждаясь их мягкостью, вдыхая еле уловимый аромат цветов и трав, что шел от них, от которого так кружилась голова.

Ксения медленно подняла голову и взглянула в глаза Владислава, чувствуя, как ее затягивает омут его темных глаз. Они долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова, а потом он тихо произнес: «Моя драга...». И она вдруг заплакала от той нежности, что услышала в его голосе, уткнувшись лицом в его широкую ладонь, ощущая, как распирает ее сердце от счастья, захлестнувшего ее в этот миг с головой...

1. Тут: беспомощного (старорусск.)

2. По своей воле (старорусск.)

3. Тут: близкий, родной (старорусск.)

4. «Срезень» — тип болта для арбалета, наконечник которого имеет необычную форму — незаостренный кончик, а широкую режущую кромку, предназначенную нанести дополнительные резанные раны. Из-за этой формы причинял муки при ранении и был труден для удаления

— Тише, тише, моя драга, — прошептал Владислав. Каждая ее слеза, падавшая на его ладонь, была для него словно капля обжигающего воска, нестерпимо жгла кожу. — Я жив и здоров, руки-ноги при мне. И ты рядом. Чего ж слезы лить? Из-за брата плачешь?

Но Ксения только головой покачала. Нет, эти слезы лились из глаз не от тоски по тому, кого она уже и не чаяла увидеть в жизни своей. И кого уже не увидит никогда. Это после, когда утихнет тревога за жизнь Владислава, когда останется наедине со своими мыслями, она будет реветь тихо, кусая рукав, чтобы не слышно было плача о том, от чего отреклась ради своей любви и от том, от чего предстоит отречься.

— Не надо, моя драга, не плачь, — снова прошептал он. — Коли правда то, нет нужды слезы лить. От твоих слез у меня душу выворачивает...

— Не буду, — подняла голову Ксения, улыбаясь его неподдельной тревоге. Она коснулась его обнаженного плеча, а потом легко провела пальчиками вдоль руки до самой ладони. Когда ее пальцы уже коснулись ее, Владислав поймал их, переплел ее тонкие пальчики со своими, а потом поднес их к губам, поцеловал ее руку, заставив тем самым сердце Ксении забиться пуще прежнего.

Она заметила, что он желает начать разговор, и быстро положила пальцы на его губы, не позволяя произнести и слова. А потом вдруг соскользнула одним движением с постели, встала на колени у постели, прижимая его руку к своей щеке, не выпуская его пальцев.

— Прежде, чем ты заговоришь, я бы желала сказать тебе, что на сердце ныне у меня. И сказать то, что должна была еще тогда, в тот миг, когда мы встретились с разлуки долгой, — она замолчала, подбирая слова, собираясь с духом, а потом взглянула в его глаза, и заговорила смелее, чувствуя, как отступают ныне прочь последние сомнения и страхи.

— Прости меня, милый мой. За боль твою, прости, за душу израненную. За те муки, через которые провела тебя, совсем не думая о том, какие раны сердцу твоему наносу. Нынче утром, когда то случилось, у меня словно глаза открылись. Невыносимая боль, когда тебя предают, когда бьют в спину, а ты того не ждешь. Невыносимая боль, когда это делают близкие тебе люди. А еще страшнее и больнее, чем то предательство — терять того, ради кого сердце твое бьется, ради кого жить желаешь. Мое сердце остановилось там, на краю лесу, когда стрела тебе в спину прилетела. Только одного желала — лечь подле тебя на снег и лежать до скончания веков под покровом снежным. Только бы рядом... И вернулась я тогда, тебя послушавшись, потому что нет мне жизни без тебя. Я могу жить далеко от тебя, но ведая, что сердце твое не бьется боле — не могу, не желаю... Нынче словно глаза открылись... Прости мои грехи перед тобой, Владек... Простишь ли меня?

— Тс-с-с, тихо, моя кохана, — прошептал Владислав, когда на последних словах ее голос вдруг прозвучал резче и громче, а с ресниц сорвалась одинокая слеза и побежала тонкой струйкой по щеке. — Не плачь, нет нужды. И нет нужды просить о прощении ныне. Я простил тебе, верно, все в тот миг, как коснулся тебя здесь, в этой спальне, только сам не понимал того до недавних пор, — он приподнял правую ладонь, показал ей тыльную сторону. — Помнишь, шрам? Помнишь, что сказал я тебе тогда, на дворе вотчины московитской? «Хоть режь меня ты, хоть коли, лишь бы тебе добже было». Так и есть, моя драга, так и будет, — он потянулся к ней, и она подалась навстречу его ладони, что скрылась в золотых волнах ее волос, обхватила ее затылок, вынуждая склониться ближе. — Без тебя

мое сердце не живо. Оно стучит в груди, гоняя кровь по телу, но не живо. И я не жив, коли тебя нет подле. Ты словно отраву влилась в мои жилы через тот поцелуй в Москве, на дворе твоего отца. Отраву, что не давала покоя после, как ни гони ее. А потом только крепче с кровью моей она смешалась, когда еще глубже в омут твой нырнул. Думал я, тебя в полон взял, да не так вышло все. Твои волосы, глаза, кожа, словно дурманом голову закружили... и не отпустят отныне из полона своего. Никогда! Не выветрить той отравы, что в крови моей, нет такого средства, чтобы против того яда было. Да мне и не нужно того! Только рядом будь. Иначе крутит душу мою, выворачивает...

Владислав коснулся губами легко ее губ, мимолетно, словно дразня, а потом улыбнулся, когда она сама потянулась к нему, сама продолжила поцелуй.

— Я столько раз тебя терял... — прошептал он, глядя ее волосы, не отрывая взгляда от ее глаз, горевших странным блеском в скудном свете лампадки. — Я столько раз тебя терял... даже схоронил единожды. Оттого и боялся снова поверить, что ты можешь рядом быть. Боялся в жизнь свою впустить. Ни сабли, ни стрелы не боюсь, первым на врага брошусь, коли надобно будет, а тебя боялся... Боли той боялся...

— Слово даю...! — запальчиво воскликнула Ксения, но Владислав точно так же, как она недавно положил ей пальцы на губы, принуждая замолчать, не продолжать своих клятв.

— Нет нужды. Раз я приехал сюда, то верю. Верю, что не оставишь меня отныне по своей воле, а чужой воле я свершиться не позволю! Я к тебе приехал, моя кохана. Вернешься ли ты в Заслав со мной после Пасхи? Станешь ли пани тех земель? Сердце мое... чаровница моя... кохана... Скажи, что женой моей станешь, что остаток лет и зим, на век твой отпущенных, со мной проведешь, женой моей, детей моих матерью... Скажи же!

— Тебе нужно мое слово? — спросила Ксения, чувствуя, как в душе разливается теплота от его слов, как хочется вскочить на ноги да закричать на весь дом криком, чтобы выпустить тот восторг, что вспыхнул в ней при его словах, рвал ныне сердце, не помещаясь в том. — Разве не довольно того, что сердце мое в руках держишь? Куда его понесешь — туда и я следом пойду!

Да и как можно было не пойти следом за ним? Ведь только его губы дарили такую сладость, от которой кружилась голова, а кровь так и бурлила в жилах. Сердце замирало только при взгляде в его темные, будто омут озерной, глаза, а руки так и тянулись коснуться его, чтобы убедиться, что это все явь, не морок, не сон ночной.

— А я думала, ты в стольном граде, — прошептала Ксения, когда они уютно расположились в узкой постели: рядышком, тесно прижавшись друг к другу. Правда, для того Ксении пришлось лечь на бок, с трудом поместившись на краю кровати, но она ныне была так близко к нему, что даже самой не верилось.

— Я и был там. Следовал вашим задумкам с дядей моим.

— Задумкам? — переспросила Ксения, недоумевая.

— А ты, верно, думала, не видать ваших сговоров? Так и шептались, словно кумушки по углам темным, свои сети плетя. Пан бискуп тебя надоумил уехать из Заслава, так ведь? Я ушам своим не поверил, что покинула замок. Уже был готов к войне, а пришлось перемирие принять...

— Побег, не перемирие, — перебила его Ксения, хмурясь. Неужто так верно ведал ее душу Владислав, что заранее видел ее поступки? И кто тогда прав был — она, не желая покидать Замок, это поле битвы за сердце Владислава и их будущее, или пан епископ?

— Перемирие, — подчеркнул Владислав, накручивая длинную прядь золотых волос на

палец. — Не побег то был, когда уже супротивник твой почти обессилен был и со злости атаковал бы, пока не разрушил бы все до основания. И ты могла бы с собой Андруся увезти... а оставила. И меня в сомнения эти поступки... эта женщина ввергла, в раздумья. Я понял, что не могу отныне разгадать ее... и без нее тоже не могу... Ведаешь ли ты песню про перстень и сокола, моя драга? По глазам вижу, что ведаешь. И я отныне ее знаю. Мне Андрусь ее спел как-то, когда на прогулку с соколами выехали. «Я песню про сокола ведаю, пан отец», сказал он тогда. И запел своим тихим тонким голоском, завел тот плач сердца по другому сердцу. А потом, когда я оборвал его на полуслове, обернулся на меня, глазами твоими обжег, будто огнем. Привиделось мне тогда вдруг — это ты оглянулась на меня, твой плач я услышал через версты и дни. Эта песня преследовала меня после ночами и взгляд тот — внимательный, настороженный, печальный. А потом и ты... Ты мнилась везде: в кругу танцующих, среди паненок на охоте или в граде, когда мелькнут золотые пряди волос под чепцом. И глаза Андруся, так схожие с твоими... Замок стал таким пустым для меня без тебя отныне, ведь, возвращаясь за его стены, я всякий раз ждал, что ты сбежишь по лестнице, встречая меня, как ранее. А потом в Заслав приехал торговец тканями. Он привез мне грамоты от пана дяди моего, сказал, что ехал через пинские земли и захватил их. Да только ложь то! Дядина рука в том приложилась. В грамоте написал, что есть у торговца для меня нечто с собой. А это нечто шелком дивным оказалось, как хвалился торговец, «великолепная ткань для красы пана золотоволосой». И я купил эту ткань... потому что увидел тебя в платье из той ткани, увидел возле себя. Ведал ли торговец, как рисковал шкурой своей в тот день? Не думаю, что дядя открыл ему истинные цели, когда отправлял того в Заслав.

— Знать, те наряды, что гафорки расшить жемчугом должны... это для меня платье?

— И про шелк ведаешь ты... Ты уже все придумала себе, верно, насчет тканей, мне Ежи сказал. Да только снова не в ту сторону думы твои увели тебя. Потому и скрывал я, чтоб ранее времени не надумала чего. А открыться... гордость моя мне не давала так быстро сдаться на милость твою. Даже пан Тадеуш не ведал, для кого швеи работают денно и ночью, чей наряд сошьется из шелка. И в Варшаву я поехал, не открывая задумок своих никому, чтобы ранее сроке не открыть их. Желал не показывать, что пошел на поводу у сговора вашего. Сперва было желание поперек ему пойти, а после решил, что не к чему то — разве не едина цель у нас? На пользу мне шел тайный сговор ваш. Вот и об отъезде пана Роговского весть дядя не во вред прислал. Коли б не выехал из Варшавы, ни в жизнь бы не успел сюда, не поймал тебя на пороге земель.

— Ты думал, что я с Лешко уехать могу? — удивилась Ксения. — Да разве ж можно то?

— А разве нет? Склонялась же к нему в прошлом, — она ясно увидела, как двинулись желваки на лице Владислава при упоминании имени Роговского. — Отчего не уехать ныне, когда женой зовет?

— Я хочу, чтобы знал ты, — прошептала Ксения. — Женщина может только по праву или по сердцу принадлежать мужчине. Ни того, ни другого у пана Лешко не было, слово тебе мое в том! Была слабость единожды, да сердце воспротивилось... не смогла я... не уступила... Только в твоих руках быть желаю, только в них...

Она успела заметить тень облегчения и скрытого удовольствия, которая промелькнула в его глазах прежде, чем он успел закрыть их на миг, не показать ей эмоции, что вихрем взметнулись при ее словах в его душе. Он простил ей уже эту склонность, постарался забыть о ней, благо, что Роговский уехал прочь. Но узнать о том, что и не было той вовсе в том смысле, что он думал все эти дни и ночи... Истинный елей для и без того израненной души.

— Я был в десятке верст от вотчины Ежи, когда в корчму прибыл текун его, чтобы коня сменить. Распознал мой герб на хоругви, что у двери в гридницу корчмы стояла, разыскал меня, разбудил. Я едва с ума не сошел, когда прочел строки, что уезжаешь ты на рассвете. Даже не стал дочитывать, с кем земли покидаешь, — Владислав замолчал, вспоминая ту жажду крови, что вспыхнула в груди, когда разобрал неровные буквы, ту ярость, опалившую его. Будь спутником Ксении пан Роговский в то утро, он верно убил бы его, не иначе, так душа его стонала, требуя крови соперника. — Я гнал валаха всю ночь, боясь не успеть. Лишь на рассвете заметил в снегу, что повалил с неба, всадника. До самого леса не мог понять, отчего ты одна едешь, без Роговского. Лишь когда оговорила в речи своей, осознал, кто в лесу ждет тебя. С трудом коня развернул прочь, уступая тебе, твоей мольбе безмолвной.

— Ты поверил мне тогда, — улыбнулась Ксения.

Владислав предпочел промолчать, утаивая истинные причины, что двигали им в тот миг. Он ясно прочитал в глазах Ксении страх, но страх тот был за него, не иначе. Знать, в лесах был тот, кто способен был ему худое сделать. Ему, но не ей, раз она по своей воле с теми людьми уезжала. Вот и развернул тогда валаха из леса. Он бы ни в жизнь не отбил бы Ксению у тех людей один, коли нужда пришла бы такая. А вот с людьми своими, что в метели потерялись, но к тому времени окрест быть должны были, сумел бы отобрать ее из рук чужих.

— Все едино — что бы ни стряслось в утро то, оно тебя мне вернуло, — проговорил Владислав, прижимая ее к себе, касаясь губами светлых волос. — Вернуло, когда уже и не думал о том. А ныне твой черед. Как твой брат оказался в этих землях? Откуда проведаль о тебе?

И теперь только голос Ксении звучал в тишине ночи, что опустилась над домом пана Ежи в этот темный час, а Владислав прислушивался к словам и молчал. Только раз он прервал ее. Когда она не могла не добавить в свой рассказ то, каким подобрала священника православной веры однажды около лесов этих — израненного, изможденного, усталого, еле держащегося на ногах от усталости и болезни. Когда заговорила о том, с трудом скрывая горечь в голосе.

— Его выгнали из церкви, плетьюми секли за то, что против указа службы ведет для прихожан, — глухо говорила Ксения. — На твоей земле то, Владислав, было! На твоей!

— На моей, да не по моему указу на то! — не мог не ответить на это Владислав. — На моих землях много шляхты со своим умом ходит. За всеми не уследить! Да и не могу я против короля пойти. Ты ведаешь, что вера твоя против законов королевства и княжества, оттого и преследуют попов. Так сложилось... И так тому быть ныне. Обратной дороги уже нет, коли вера новая столько лет в землях живет. Не в моей воле переменить то, даже если попросишь о том. Вмешаюсь в распри те, поддерживу схизматиков — не будет мне покоя в собственных землях, распри еще хуже пойдут. Пойми то! Но чинить тебе препятствий в том, что тебе будешь давать в церкви веры своей, что будешь помогать тем, кому сердце зовет на подмогу, не буду, так и знай то.

Ксения хотела ответить ему на это, но решила промолчать пока о том, что уже странной уверенностью в душе ее жило, продолжила рассказ о встрече с братом в лесу, о том, как целый день после бок о бок провели с ним, как уехать решилась.

— И тут я виновна пред тобой, моя лада. Говорил мне Ежи — верь. Верь и жди! А я не верила... в тебя не верила, в любовь твою не верила. Прости и за то меня.

Она ласково провела ладонью по его лицу, с трудом сдерживая себя, чтобы снова не

заплакать при мысли о том, как мог лечь ее путь жизненный далее, не поспей Владислав к рассвету. Запутала бы следы, да и метель ей та помощница была бы. Ушла бы с братом в Московию, и кто ведает, довелось бы увидеть Владислава снова. И Анджей, сынок ее... Даже сердце сжалось больно от подобной мысли.

— Следующим днем надо сани будет заложить да в Заслав возвращаться, — проговорил Владислав. — Андрусь, верно, уже в Замке. А может, в дороге еще... Так встретить надобно. А там к Пасхе и текун прибудет, думаю. Буду знать уже, какой дороги мне держаться.

— Чей текун? — насторожилась Ксения. В памяти еще живы были те дни, когда ждали гонцов с письмом из стороны, где сидел папа латинянский, те отказы, что раз за разом получал Владислав от того. — Ты в Варшаву зачем ездил?

— Прощение подавать королю о заступничестве в вопросе моего брака с схизматичкой. Чтобы тот поддержал мою просьбу к папе о венчании смешанном. Ныне, когда невестой шляхтянка названа, полагаю, что получу его. Не могу не получить...

Ксения резко села в постели, оглянулась на лики освещенные лампадкой. А после обернулась к Владиславу, обхватила его лицо своими ладонями, зашептала быстро, сбивчиво, словно сама боясь тех слов, что с языка ныне слетали:

— Когда меня телом своим закрыл от пасти волка, когда на волосок от гибели с тобой были, я только одного боялась — что разлучат нас с тобой за чертой той, не смогу отыскать я тебя. Ведь веры разные, знать, и за той чертой миры разные будут. А я с тобой быть хочу во веки веков! И под небом этим, и в чертогах небесных! Не надо текунов ждать от папы латинянского. Не Ксения Калитина я уже, ушла из рода, от земли отчей ушла. Я — Катаржиной стану, имя приму это через крещение латинянское...

Владислав приподнялся в постели, чуть сморщив лоб от боли, что возникла в теле при этом движении, положил ладони на ее плечи, сжал слегка.

— Ты не должна делать того, коли против воли твоей! — она видела, что он не верит в ее желание, что не от нужды пришла она к тому решению. Сама надумала.

— Такова моя воля, Владек, мое желание, — улыбнулась она, и Владислав привлек ее к себе, обнял так крепко, что сам едва не застонал в голос от боли, по-прежнему доставлявшей ему беспокойство.

— Моя кохана, — прошептал он, целуя ее в висок, а потом добавил, вызывая легкий смех у Ксении. — Но и речи о Слуцке не будет! А коли и будет, то только со мной в качестве сопровождающего. И никак иначе!

Но Ксении не было нужды ехать в Слуцк. Для нее не было разницы, где покаяние в грехе страшном, что совершить намеревалась, принести — в монастыре ее веры или в церквушке, куда привыкла ездить за эти годы. Отец Паисий принял ее исповедь в том без единого упрека, только губы поджал на миг, перед тем как ответить на немой вопрос в ее глазах.

— Я должен порицать твое решение, пани, — произнес он. — Должен, но не стану делать того, ведая то, что в жизни твоей было, думая о том, что только предстоит тебе встретить в днях будущих. «Доколе все придем в единство веры», сказано в Писании Святом. Нет понимания в союзе мужа и жены без единства, не будет того единства без верования в закон единый. Сам Господь тебе дорогу выбрал, указав на мужа того. Только о заповедях Его не забудь, в чьей бы церкви свечи ни жгла! Да не оставит Он тебя милостью своей, в каком бы законе не чтит Его! Иди, покамест я не сменил решения своего, — выпростал священник руку из ее ладоней, не желая, чтобы она и долее поливала ее своими слезами. И Ксения ушла

из этой маленькой церквушки, через слезы оглядывая и лики святые, и маленькие огоньки свечей, что трепетали перед образами. Такова доля моя, Господи, да не остави мя в ней!

Они пробыли еще пару дней в вотчине Ежи, невзирая на стремление Владислава срочно ехать в Заслав, чтобы убедиться в благополучном возвращении сына.

— Никуда он не денется! — ворчал Ежи добродушно, набивая табаком чубук. — С паничем и пан Тадеуш, и те товарищи, что душу вынут, а панича в обиду не дадут. Да и в королевстве ныне тихо, не то что раньше. Что-то не к добру то... Московиты что ль придут на порубежье, или шведы?

— Ну, ты поговори еще! — отзывался Владислав, раздосадованный своим невольным заточением в четырех стенах спальни. Его рана все никак не закрывалась, кровоточила часто, оттого и не пускали его даже на ноги встать ни Ежи, ни Ксения, ни полноватая холопка, что зашивала в то утро его рану и делала перевязки. Да и то, что Ксения спала рядышком, а коснуться толком нельзя ее было из-за раны, настроения не добавляло. — Не хватало нам еще шведов на головы наши. Пусть сидят себе в стороне своей да глазами не рыскают в нашу! Мира бы! Хоть и на лето да на зиму всего.

И этой пары дней хватило и Владиславу, и Ежи, чтобы та скованность, что ощущалась меж ними в первое время их общения, ушла насовсем к отъезду Заславского из вотчины. Чтобы тот смело шагнул к старому шляхтичу и взглянул в его глаза, когда прощались они, стоя во дворе у запряженных саней.

— Ну, дядку, жду тебя сразу после Пасхи в Заслав. Надобно же дочь отвести в костел тебе. Кто ж то сделает, коли не ты? Ждать тебя буду! Думаешь, справится пани твоя к тому сроку?

— Справится, сынку. На Иосифа {1}ждем, не позднее, — ответил Ежи, с трудом скрывая свое волнение ныне, захватившее душу. — Ты же ведаешь, что буду подле вас в день тот.

— Ты прости меня, дядку. Все, что сотворил я, прости мне! — тихо проговорил Владислав.

— Ну, так моя вина поболе твоей будет, сынку, — так же в полголоса произнес Ежи. — Мне о прощении молить, не тебе. Я за дело получил то, что было. За вину мою перед тобой.

— Не встанешь боле против меня, Ежи? Всегда будешь на моей стороне? Даже если будешь думать, что во вред мне то. Ты не думай даже — я себе не враг, во вред творить не буду.

— Добже, мой мальчик, верю тебе в том, — улыбнулся широко Ежи, и они обнялись, как прежде — сердечно, без всяких обид или недомолвок, а после расцеловались троекратно в знак примирения. При последнем поцелуе Ежи чуть задержал Владислава, прошептал тому в ухо. — Ты мою ласточку береги, Владек. Она ради тебя от всего мира отреклась...

— Нет нужды говорить, — ответил ему Владислав. — Всегда буду помнить о том.

Он говорил то от чистого сердца — никогда ему не забыть, от чего отказалась Ксения ради любви к нему, от чего отреклась и годы, и несколько дней назад, и что предстоит принять ей спустя пару-тройку тыдзеней. Владислав прижимал ее к себе, когда они ехали в санях по белому простору снежной дороги, возвращаясь в Заслав из земель Ежи, аккуратно целовал прямо под околыш шапки, прижимаясь губами к холодной коже — в висок или лоб, если она поворачивалась к нему, а то и в губы, когда она поднимала вверх подбородок, явно намекая на то. Гладил ее волосы, когда она спала подле него в плохо топлённых комнатах корчем, где они становились на ночлег, бережно укрывал от холода своим широким плащом,

подбитым мехом.

— Мой маленький сокол, — прошептал Владислав как-то в одну из таких ночей, когда как обычно лежал подле нее в постели и сторожил ее сон, любуясь ее красотой. Она была особенной, не такой, как другие пани, что встречались на его пути. Он гордился ее мужеством, ее решительностью и твердостью, ее нравом и красотой, что приковывала взгляды с первых же моментов, как та ступала в комнату. Его маленькая храбрая птичка, способная пойти на многое, коли решила.

— Что? Что? — встрепелась вдруг Ксения, и он прикусил губу, жалея, что разбудил ее своим шепотом. Или это громкий хохот его пахоликов, что доносился через тонкую перегородку, заставил ее открыть глаза?

— Спи, кохана, спи. До рассвета еще долго, — прошептал он. Ксения взглянула на маленькое оконце, за которым стояла крошечная тьма, а потом вдруг протянула руку и коснулась его лица.

— Мне почудилось, что все это морок ночной. Что я одна и в постели своей в спальне Ежи. Что мы не рядом, розно...

— Тут я... всегда буду... — прошептал он ей в ответ на эти слова и склонился, чтобы коснуться ее губ легко и мимолетно. Но она обхватила его руками, аккуратно, стараясь не задеть его раны, прижалась к нему всем телом, заставляя продлить поцелуй, сделать его глубоким и горячим, унять тот жар, что опалил ее при касании его губ. В ту безлунную ночь был зачат их второй сын, темноволосый Михась, схожий чертами лица с дедом, Стефаном Заславским, а глазами с материнской породой...

Во дворе Замка прибывших встретил Анджей, уже несколько дней как прибывший в Заслав из стольного града. Он выбежал на крыльцо, радостно улыбаясь, бросился к саням, заметив в них широкоплечую фигуру отца.

— Тата! Пан отец! — а потом так же просиял, заметив, что женщина, поднявшая голову с груди пана ордината, была его матерью, воскликнул чуть удивленно, но не менее радостно. — Мама? Мама! Ты приехала погостить? Сколько дней ты пробудешь?

— Твоя мама приехала навсегда, Андрусь, — ответил Владислав на его вопросы. — И никогда боле не уедет из Заслава.

Как же согрели эти слова душу Ксении! Навсегда. Она приехала в Заслав, чтобы никогда боле не уехать отсюда, чтобы остаток своих дней провести рядом с любимым и детьми, которые у них есть и будут.

Именно они помогали ей в те моменты, когда в ее душу заползала тень страха перед тем, что ей предстоит сделать. Суеверная, Ксения до дрожи боялась того дня, который сама себе определила для перехода из новой жизни в иную, в которую должна была ступить тут же, как приехала сюда, в эти земли. И даже платье из шелка цвета кости, в котором ей предстояло ступить под своды костела, искусно расшитое золотыми нитями и жемчугом, не вызывало улыбки на ее губах. Оно привело бы ее непременно в восторг, не тревожь ее темные думы о будущем, но ныне только одна мысль кружилась в ее голове. И даже весть о том, что пани Эльжбета родила в ночь на Иосифа дитя женского пола, маленькую ласточку-дочку для Ежи, только на короткое время смогла унять ее тоску и страхи. Ксения, как могла гнала от себя их, и это удавалось ей днями, которые она проводила с Владиславом или Анджеем. Но ночами, когда Владислав удалялся в свои покои, и она оставалась одна, они наваливались на нее с удвоенной силой, гоня от нее сон.

Это сразу же заметил епископ, прибывший в Замок, чтобы провести венчальный обряд.

В тот же вечер, как прибыл в Заслав, он послал за Ксенией слугу, настаивая на том, что желает видеть пани.

— Пани боится за спасение души своей, верно? — без предисловий начал он разговор, беря в свои ладони холодные руки Ксении. — Неужто снова страхам уступишь? Неужто сомнениям душу отдашь?

— Коли б было так, отказалась от крещения латинянского, — ответила резко Ксения, и бискуп улыбнулся, узнавая ту пани, что была ему лучше знакома, которой он и желал видеть Ксению.

— Я ведаю, что сказали тебе. Что переходя в закон римский, ты душу свою ввергаешь в грех, что и не искупить вовеки веков. Да только, милая моя девочка, думала ли ты о сути крещения, слышала ли отца Макария, когда тот тебе о нем говорил? О том, что принимая веру, ты снимаешь с себя все грехи, что на душе твоей были до того? — она подняла на него глаза, вспыхнувшие надеждой, и он улыбнулся. — *Credo in remissionem peccatorum* {2}, не забывай о том. Завтра ты ступишь в новую жизнь свою без единого греха на душе. Отчего не спросила о сомнениях своих отца Макария? Не можешь оставить предубеждение к нему? Помнишь ту неприязнь, с которой тот встретил тебя? Если так, то я пришлю тебе духовника иного, негоже в грехах отчет давать да совета просить у того, к кому не лежит душа. А ныне спрашивай... вижу по глазам, что вопросов много есть ко мне, как лицу духовному.

Они проговорили всю ночь, но именно эта ночь помогла Ксении наутро с легкой душой принять новое имя и надеть на шею новое, совсем непривычное распятие на тонкой золотой цепочке. Бискуп настоял на том, чтобы крещение провели в небольшой каплице {3} Заславского замка, дабы избежать ненужных шепотков, укрыть это событие от любопытных глаз и ушей.

Чуть дрожа от волнения и легкого страха, все еще тлевшего в душе, ступила Ксения в эту небольшую залу с алтарем и расписными стенами с сюжетами из Заветов. Даже глаза на миг прикрыла, опасаясь, что с ней случится падучая, как пугала ее когда-то мамка Евпраксия, показывая на крест храма римской веры в Москве. «Доброго верующего падучая хватит, коли порог латинянской церкви ступит!». А может, ее била от дрожь от холода, что прошелся по ее телу, легко проникнув через тонкое полотно белой рубахи, в которую была облачена она.

— *Kyrie, eleison. Kyrie, eleison. Christe eleison. Christe, eleison* {4}, - начал епископ обряд крещения, и Ксения замерла, глядя в глаза нарисованной на стене Богоматери, что смотрела на нее с нежной улыбкой на губах, словно подбадривая. А потом вдруг почувствовала легкое касание ладони к спине, чуть ниже лопатки сквозь тонкое полотно. То Владислав, мимолетно коснувшись ее, тайком от всех, кто был в каплице на крещении, словно сил ей придал. Побежало тепло по телу, ушла дрожь, и тут же вспомнились слова, что должна была повторять за епископом.

— *Credo in Deum, Patrem omnipotentem, creatorem caeli et terrae. Et in Iesum Christum Filium eius unicum, Dominum nostrum* {5}, - шептала она, слыша только голос Владислава среди прочих, что раздавались в каплице. И вздрогнула после только дважды: когда холодная вода пролилась на голову, потекла тонкими струйками по волосам и когда епископ крест начертил елеем на ее челе, символизируя, что отныне она новое имя носить будет — Катаржина.

— Ты умница, — прошептал ей после прямо в ухо Владислав, накидывая на плечи плащ, чтобы холод более не беспокоил ее, целуя в волосы. — Касенька моя...

И от этого «Касенька», от горячего дыхания, что коснулось кожи, вдруг пришла

уверенность в правильности шага, что сделала ныне, забыла, что распятие — из золота, с мелкими яхонтами по всему кресту — иное, латинянское на груди. Она осталась той же, что и была, приняв другую веру, читая молитву на чужом языке, назвавшись иным именем. И самое важное для ныне было только одно — что отныне никому ни под силу разлучить ее с ним, тем, кто следующим весенним днем ждал ее на ступенях костела.

Она на всю жизнь запомнит Владислава таким, каким увидела в день их свадьбы у костела. Он не смог ждать ее на ступенях, и едва ее небольшой кортеж показался на узкой улочке, что к площади вела, как сбежал он навстречу ее белой лошадке под рев толпы горожан и холопов, что пришли к костелу поглядеть на свадьбу пана ордината.

— Моя кохана... — прошептал Владислав, глядя на нее снизу вверх, шурясь от солнца, что ударило лучами ему при том в глаза. — Я ослеп от твоей красоты... даже глаз не могу открыть. Помоги мне, драга...

— То солнце ослепило тебя, а не моя краса, — смеясь, ответила ему Ксения, лоя его ладони протянутые вверх и кладя себе на талию, чтобы он обхватил ту покрепче и снял ее с лошади. Но все же не могла не признаться самой себе, коря за грех тщеславия, что ныне выглядит, как никогда ранее. Шелковая блестящая на солнце ткань облегла стан, золотые нити переливались при каждом движении. Квадратный вырез обнажал шею и часть груди, выгодно подчеркивая хрупкость ключиц и стройность длинной шеи. Ее светлые волосы были подняты вверх и стянуты в узел на затылке. Полупрозрачная кисея, что по обычаю прикрывала волосы рантухом, не скрывала от взгляда ее золотистые пряди, а жемчужный венец так и манил взглянуть на богатство волос невесты.

— Ты так красива, моя драга. Даже дух захватывает от твоей красоты, — улыбнулся Владислав, опуская ее на землю перед собой, оглядывая с ног до головы и задерживая взгляд на ее губах, вынуждая слегка покраснеть. — Я никогда не видел невесты краше!

— Ну, погнал-то! Погнал! Осади коней, пан Владислав, — пробился к ним Ежи улыбающийся так широко, что Ксения даже не признала его сразу, настолько ей был непривычен его вид. — Я должен невесту к костелу подвести, а не муж будущий. По обычаю!

— *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen*{6}, - начал мессу епископ, когда пара заняла свои места, опустившись на колени.

— *Amen!* — разнеслось в ответ по костелу, отразилось эхом от каменных сводов и стен. С тихим шелестом одежд заняла свои места шляхта, прибывшая на свадьбу ордината Заславского. Ксения тут же скосила глаза, желая рассмотреть Владислава, который повернул к ней голову, словно почувствовав на себе ее взгляд, улыбнулся. Ему так был к лицу этот жупан из плотного бархата цвета кости, в тон ее платью. Золотая цепь на груди с массивной бляхой с гербом Заславских. Пояс из массивных пластин того же металла на поясе. И самое главное — та самая улыбка, что освещала его лицо нынче, словно лучи весеннего солнца, пробивающиеся в костел сквозь узкие высокие окна.

— Я люблю тебя, — сказал Владислав одними губами, а потом отвернулся, стал слушать мессу, слова которой разлетались по храму. Служба показалась Ксении, тщательно вслушивающейся в размеренный голос епископа, такой короткой на удивление. Только когда бискуп оставил латынь, чтобы задать вопросы, положенные обрядом, вдруг прониклась осознанием того, что навеки соединяет нить своей судьбы с тем, кого душа ее выбрала когда-то, заслушалась, когда Владислав, развернувшись к ней лицом, взяв ее руки в свои ладони, клятвы давал:

— Я, Владислав, беру тебя, Катаржина, в жены и обещаю тебе хранить верность в

счастью и горести, в здравии и болезни, а также беречь и почитать тебя во все дни жизни моей...

Ксения вслушивалась в его голос, твердо произносящий слова клятвы, смотрела в его темные глаза и едва дышала ныне от волнения и того восторга, что вдруг вспыхнул в душе. Оттого и шли слова ее клятвы, что за епископом повторяла, от сердца самого.

— Я, Катаржина, беру тебя, Владислав, в мужья и обещаю тебе хранить верность в счастье и горести, в здравии и болезни, а также беречь и почитать тебя во все дни жизни моей...

— *Quod Deus coniunxit, homo non separet. Ego conjungo vos in mat-rimoonium in nomine Patris et Filii, et Spiritus Sancti!*{7}— произнес епископ, и дружное «Аmen!» вторило его словам. Легкая улыбка скользнула по его губам, когда он заметил, каким светом тут же вспыхнули глаза Владислава, и как зарделась в ответ на то его молодая жена.

Скользнуло на палец благословленное у алтаря венчальное кольцо на палец Ксении. Широкая золотая полоса и черный камень в нем, с искусно вырезанным гербом Заславских. Малое подобие перстня ордината, что был у Владислава на правой руке. Венчальное кольцо должно было быть другим — перстнем с рубином, и он позже оденет его на один из пальцев Ксении. Но тут в церкви в знак своей верности и любви ей он желал подарить ей это — спешно, но искусно созданное мастером тонких работ к дню свадьбы. Созданное только для нее, как и венец, что ныне был у нее в волосах.

— Катаржина, — раздался под сводами костела голос Владислава. — Прими это кольцо как знак моей верности тебе, *in nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti!*

После мессы, на которой Владислав так и не отпустил ее руки после того, как одел кольцо, так и поглаживал ее ладонь, молодые должны были вернуться в Замок, где для шляхты уже накрывали столы в большой зале, и расставляли скамьи и ставили доски на козлы на поле подзамча для хлопков и горожан, Владислав вдруг приказал подать ему валаха.

— Вместе поедem, — коротко сказал он, отвечая на немой вопрос Ксении, промелькнувший в глазах. Так и поехали: вдвоем на вороном валахе Владислава по улочке града к Замку. Ксения прижималась к его груди и счастливо улыбалась горожанам и холопам, что толпились вокруг или свешивались из распахнутых окон, кричали им пожелания долгой жизни и счастливой доли, ласково касалась младенцев, которых протягивали матери. Радость, что так и витала в граде ныне, казалось, вселилась в каждого. Трепетали на ветру разноцветные ленты, которые натянули горожане от окна к окну, а порой даже ссыпались на молодых вместе с хмелем и редкие лепестки комнатных цветов, которых не пожалели горожанки в честь такого дня.

— Я давно желал сделать то, — прошептал Владислав, когда они въехали в ворота брамы, и во дворе Замка раздались приветственные крики челяди. — Привезти тебя на двор своей женой...

Она ничего не ответила на это, только поцеловала его в шею сразу над воротом жупана, с трудом борясь с желанием запустить пальцы под шапку в темные волосы, зацеловать его лицо короткими нежными поцелуями.

— Сделаешь так еще, — прошептал Владислав, снимая ее с валаха, так, чтобы скользнула вниз вдоль его тела при том. — Пушки будут бить впервые в Заславе до темноты в день свадьбы. Я и так еле держусь... То нездоровье мое, то запрет от отца Макария. Больше нет препон, надеюсь?

На крыльце Замка их встретил Анджей, склонился перед ними в почтительном поклоне,

следуя наставлениям Магды, что вытирала слезы украдкой, стоя за его спиной.

— Пан отец, пани матка моя, примите мои пожелания в этот день, — сказал он чересчур сурово, а потом добавил в ухо склонившейся к нему матери. — Я рад, что он повел к алтарю тебя...

— Я тоже рада, Андрусь, — прошептала в ответ Ксения, обнимая своего мальчика под удивленные взгляды шляхты, что собиралась во дворе за их спинами.

Пусть дивятся тому, как дивятся этому браку, не принесшему ординату никаких выгод. Пусть шепчутся на ее счет, сколь душам их будет угодно, пусть говорят о ней в своих каменицах, передавая из фольварка в фольварк сказ о свадьбе, что ныне в Замке праздновали. Ксении было безразлично то. Лишь бы рядом Владислав был, как ныне, сжимая ее ладонь в своей руке, лишь бы он так же улыбался ей и глядел в глаза с таким же огнем...

Этот огонь, казалось, проник к ее жилы через этот взгляд, запылывал еще жарче, когда Владислав коснулся ее и повел в генсии по зале. Он смотрел только вперед, даже головы к ней не поворачивал во время танца, но видела... она знала, что происходит ныне в его душе, потому и не стала противиться, когда Владислав вдруг скользнул в толпу приглашенных, сжимая ее руку и тяня за собой, провел узкими и темными коридорами, не останавливаясь на стену, где она так любила бывать когда-то.

— Голову надо остудить, — улыбнулся Владислав в ответ на ее вопрос. — Да и с тобой побыть хочу хотя бы миг наедине, без всех людей тех.

Она запрокинула голову, чтобы не видеть его горящих глаз, чтобы отвлечься и унять собственный огонь, пылающий в ее теле. Яркие звезды мигнули ей, приветствуя с темноты небес, и Ксения вдруг вспомнила иную ночь, когда так же смотрела в высь на эти мерцающие светила.

— Только ты показал мне их свет, — улыбнулась Ксения, поворачивая голову и заглядывая в глаза Владислава. Тот не расслышал ее, открыл рот, чтобы переспросить, но не успел этого сделать, как громко грянул над землями Заслава пушечный выстрел, оглушая на миг их. Затем последовал еще один, сопровождаемый ликующими криками стражников, и последний, третий — за продолжение рода Заславских.

— Они думают...? — смутилась Ксения, слушая крики стражников и скрытые слюдяными вставками окон ответные возгласы шляхты из залы. Владислав кивнул и вдруг обнял ее, прижал спиной к холодным камням спиной.

— Не будем же разочаровывать их, моя драга, — прошептал он, целуя ее в шею, заставляя выгибаться навстречу своим рукам и губам. — Не будем их огорчать...

— Владислав... подожди же, — делала слабые попытки образумить его Ксения, сама подставляя меж тем губы для поцелуя. — Нас увидят...

— Не увидят... тут не видно... не увидят... верь мне, моя кохана... — шептал Владислав между поцелуями, прижимаясь к ней всем телом.

И она вверилась ему. Отдавая свое тело и душу без остатка. Полностью. Зная, что меняет их на схожий дар от него, принимает его тело и душу в свои руки. Вверилась без особых раздумий и сожалений, зная, что только он способен показать ей необыкновенный свет звезд, которые закружились над ними ныне в особом танце, благословляя их, как сделали это когда-то в летнюю пору на окраине одного из лесов Московии, когда две жизненные нити перепутались в одну. С того дня и навсегда...

1. День святого Иосифа, обручника Девы Марии — 19 марта

2. Верую в оставление грехов (лат.) — часть молитвы Символ Веры

3. От лат. *capella*. Молельня, часовня в замке.

4. Господи, помилуй. Господи, помилуй. Христе, помилуй. Христе, помилуй (лат.) — начало литании всем Святым (*Litania Sanctorum*), с которой начинается обряд крещения в католичестве

5. Верую в Бога, Отца Всемогущего, Творца неба и земли. И в Иисуса Христа единственного Его Сына, Господа нашего (лат.) — слова молитвы Символ Веры

6. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь (лат.)

7. Что Бог соединил, человек да не разъединит. Я соединяю вас в супружество во имя Отца, и Сына, и Святого Духа (лат.)

Лето, 1620 год

Легкий ветерок липеня (или серпеня, как говорили в этой стороне) {1}прошелся по длинным ветвям берез, зашуршал тихонько зеленой листвой лесной, а потом вырвался из леса и полетел над вольными просторами. Он принес легкую прохладу холопам, что собирали вилами и деревянными рогатинами высушенное на дневной жаре сено в высокие стога, взметнул играючи длинные полотняные подолы крестьянок и края их убрусов, поворошил кудри детишек, что сидели на краю луга и жевали краюху хлеба. Затем полетел далее, вдоль пыльной дороги в небольшое селение из пары десятков изб, прошелся по холопским дворам, закружил самодельные корявые ветрила на огородах, что были позади жилищ, и направился к церквушке, что белела вдали свежесрубленным деревом.

У церкви он увидел очередную жертву своей забавы — полноватого священника в длинной сутане и реденькой бородкой, взметнул ему подол вверх, растрепал бороду и волосы. Тот быстро опустил руки вниз, которыми так быстро жестикулировал при разговоре с женщиной, что стояла подле на церковном дворе, придержал одежды, не дал шальному ветерку открыть его толстые лодыжки на позорное обозрение.

Ветер быстро оставил его, видя, что шутка не удалась. Переметнулся к женщине в богатом платье цвета спелой вишни и в чепце из бархата, затканном золотыми нитями, ласково коснулся нежной кожи ее щек, взметнул тонкие светлые пряди, что выбились из прически. Но она даже не повернулась на его порыв, не поправила волосы. Так и стояла, глядя через распахнутые двери церкви на лики внутри, едва освещаемые пламенем тонких свеч.

— Ныне сухо, только ветрено, знать и осень сухая будет. Славно то для урожаев наших, — заговорил священник, справившись с шалостью летнего ветра. — И сена немало заготовим нынешней порой. Не будет того падежа скота, что этой зимой случился. Благодарны мы от живота Катерине Юрьевне и хозяину нашему за подмогу. Как же без скота-то на земле? Без скота худо!

Но пани Катаржина даже головы к нему не повернула, по-прежнему смотрела внутрь церкви через распахнутые настежь створки дверей, в этот таинственный полумрак, едва освещенный огоньками свеч.

— Поведать о том надобно пану Шетуковичу, не мне, — наконец проговорила она. — Он у вас встанет главой в вотчине. Так пан ординат решил. Как церква? Пан иноземец закончил роспись?

— Закончил, седмица как закончил! — гордо улыбнулся отец Фотиний. Он был призван в эти земли год назад, когда еще даже и не заложили эту деревянную церквушку, а ныне любо-дорого смотреть на нее, эту стройную красавицу с маленькими луковичками куполов, с дивной росписью, что сотворил внутри иноземец. Благо, что православной веры тот держался, этот грек, иначе не вышло бы такой красоты, отец Фотиний твердо уверен в том. Такую церкву не дивно увидеть в стольном граде Московии, а тут на окраине...

— Поминаешь тех, имена чьи писала? — спросила пани Катаржина. Уголки губ, чуть опустившиеся вниз, выдавали печаль, которая царила ныне у нее в душе. Эта легкая печаль, словно шлейфом тянулась за ней, как она ступила на эти земли, где не была вот уже долгих десять лет и зим.

— Как не поминать? Поминаю. И во здравие читаю, и в упокой. Как и велено было. Катерина Юрьевна не желает церкву поглядеть? На загляденье церква вышла из-под рук умельцев!

Он видел, как она колеблется между желанием ступить под своды церкви, взглянуть на лики, что написал грек на стенах и сводах той. Но потом она коснулась пальцами распятия латинянского, что угадывалось под тонким полотном рубахи в вырезе платья, покачала головой.

— Нет, отец Фотиний, не могу я. Ты поминай тех, о ком писала тебе, раз я не могу. И живых, и мертвых поминай, — она отцепила кошель от пояса, что на талии тонкими золотыми звеньями висел, и протянула ему. — Тут довольно серебра на годы вперед, на требы то. Не забудь же!

Отец Фотиний с поклоном принял из рук пани Катаржины мешочек, укрыл его в ладони, а после снова поклонился, когда хозяйка этой земли развернулась и пошла к выходу с церковного двора, кивнув на прощание священнику. Стоя в воротах, она оглянулась на церкву, взглянула на купола с крестами, возвышающимися над этими землями на фоне белизны облаков летнего неба, а потом все же шагнула за ворота, аккуратно ступая по утоптанной дороге.

— Здрава будь, пани ляшская! — вдруг раздалось у пани Катаржины над ухом, и она вздрогнула испуганно, чуть не упала, оступившись на камне, что на дороге попался под туфельку. Она резко повернулась в сторону, откуда голос шел. Прямо у ворот, укрывшись в тени ограды от солнца, что клонилось уже к краю земли, стоял слепец с полотняной сумой через плечо. Седые волосы его спускались на покатые плечи, он слегка горбился, опираясь на посох, что держал в правой руке. Незрячие глаза уставились на Катаржину пристально, вызывая в той легкую дрожь и смутное ощущение, что старик этот был видан ей когда-то уже.

— И ты будь здоров, старец, — поприветствовала его пани на наречии этой земли, что еще недавно Московии принадлежала, а ныне, после мира той с Литвой и Польшей {2}, под руку пана Заславского по закону легла. Она повернулась к служанке крикнуть, чтобы та достала из своего кошелька пару грошей для подаяния, но старец остановил ее, положив неожиданно ладонь на ее локоть.

— То, что церкву поставила, то добро, то мудро сделала ты. Не кличь холопку свою, не надобно мне монет твоих, — проговорил старец тихо. — Не мне ты должна, не передо мной долг у тебя. Земле отчей отдашь то, что забрала у нее.

Катаржина не расслышала толком, что тот произнес, склонилась к нему ближе да отвлеклась на звуки, что донеслись до нее из деревни: топот копыт по дороге, гиканье и свист всадников, предупреждающие холопов не зевать и убираться с пути отряда пана. Она повернула голову всего на миг от старца, а когда снова обернулась к нему, в тени церковного тына никого не было.

— Где старец? — резко спросила Катаржина, когда служанка наконец догнала ее, вышла с церковного двора, где до того момента в тени сидела. Та только вытаращила на пани глаза удивленно.

— Какой старец, пани? Не видала я никого. Я ж во дворе была...

— Что стряслось? — спросил у вмиг побелевшей лицом жены Владислав, спрыгнувший с седла тут же, как подъехал к ограде церковной. Притянул к себе, показывая жестом своим людям оставить супругов наедине, прижал к груди, глядя по спине, будто перепуганную

лошадку, сердцем чувствуя ее страх. — Что стряслось, моя драга? Память больно бьет? Или поп словом обидел?

— Помнишь ли ты, Владек, того старца, что видели некогда в Московии? — спросила Катаржина, взглянув в его глаза. — Помнишь ли ты слова его вещие?

— Кохана моя, я в памяти держу то, что надобно мне. А старец тот... Ну, помнится, был какой-то старец на пути нашем. Что с того?

— А то, что я его тут встретила, у ворот этих! — она прикусила губу, почувствовав, как невольно повысила голос, расслышала в нем нотки истерические. Услышал их и Владислав, покрепче обхватил ее стан.

— Ну, встретила и встретила! Чем он тебя напугал-то так? Снова о беде вещал какой?

— О долге сказал он, — попыталась вспомнить Катаржина слова старца. — Что вернуть должна то, что забрала у земли этой.

Владислав выдохнул облегченно, ласково провел пальцем по лбу и носу жены, до самых губ, в которые легко поцеловал ту, пытаясь успокоить.

— Ну, что в том худого? Что забрала ты из этой земли, вспомни. А как вспомнишь, мы то тут же сюда пришем от греха подальше, — проговорил он. От его спокойного голоса, от крепких рук, что обнимали ее, сердце Катаржина стало постепенно замедлять свой бег, выравнивалось сбившееся от страха дыхание.

— Я подумала, что мне вернуться сюда предстоит. В землю эту лечь. Думала, смерть мне вещает, не иначе, — призналась она после мужу, когда они готовились ко сну в шатре, раскинутом неподалеку от деревни. Каменица, что ставилась в вотчине ныне, еще только складывалась, лишь к осени обещала встать чуть поодаль от деревни знатным панским домом в несколько комнат помимо гридницы.

Дом этот заложили совсем в другой стороне, не в той, где когда был двор боярина Северского, опасаясь теней, что могли ходить в том месте, хоть оно и было наиболее выгодным для постройки — на вершине холма, полого спускающемся к берегу Щури да к леску. Только церква встала на месте прежней. Для Божьего дома не было препон в том, люди же предпочли поставить жилища чуть поодаль даже от бывшей деревеньки. Смело рубили ныне избы холопы, что еще пару лет и зим назад ютились в вырытых в земле убежищах, опасаясь огня и мечей. Ныне же, когда мир установился над этими землями, можно было и более справный дом ставить. Вот и выросло за последние годы на месте бывшего разорения и пожарища новое поселение в десяток дымов, а в этом году и церковь достроили, возвращая вотчине прежний вид, хоть и под другим хозяином и она была ныне, и хлопы.

— Тебя хлебом не корми, дай думу себе надумать, — ласково проворчал Владислав, легко похлопав по постели подле себя, мол, ложись рядом. Катаржина покачала головой и снова выглянула на луну, что висела в темном небе над ними. Потому он вздохнул, поднялся на ноги и приблизился к ней, снова крепко захватывая ее в кольцо своих рук, уперся подбородком в ее светловолосую макушку. — Ну, доле думать о том. Доле! Помню я того старца и слова его помню, что в тот день он сказал нам. После обмана будет лад и радость. После ничего не пророчил он, кроме того. Только лад и радость... Да и как ляжешь ты в земли эти, коли суждено подле меня быть всегда? И лежать тебе в склепах под костелом, не в этой земле...

— А сыны наши? — вдруг встрепенулась Катаржина, сжимая его руки, обнимающие ее талию. Перед глазами тут же встали девятилетний Андрусь и трехлетний Михал, которого

им Бог подарил аккурат в ночь перед Рождеством Христовым в 1617 году, в чем разглядел епископ знак свыше о духовной карьере для младенца вопреки скрытому недовольству матери. — Вдруг сыны наши в земли эти пойдут? Вдруг сызнова война вспыхнет, словно пожарище? Головы сложат в земле этой?

— Ты их из этих земель не увозила, Касенька, — напомнил Владислав, разворачивая ее к себе, чтобы взять ее лицо в плен своих ладоней, ласково погладить большими пальцами ее скулы. — Тебе их Бог подарил в другой стороне, запомняла? Ты что отсюда увезла? Только землицы мешочек да образ Девы Святой. Вот завтра на рассвете тронемся в путь из этой стороны, раз ты тут такая хмурая, воротимся в Заслав да пришьем попу твоему образ тот. Вот долги и вернешь.

Он ясно видел, что не унимается никак тревога жены, потому стал целовать, желая своими горячими губами стереть следы ее. Любовью своей стереть ее из души, как и печать той тоски, что читал в глазах Каси с тех пор, как в вотчину эту приехали. И ему удалось это — через некоторое время Катаржина стала отвечать ему на поцелуи, выгибаться навстречу его рукам, ловя каждую ласку. И тогда Владислав подхватил ее на руки, отнес к постели в углу шатра, аккуратно уложил на смятые одеяла, не отрывая ни на миг губы от ее губ, накрыл своим телом, стащив с нее рубаху.

После, когда они лежали расслабленные и усталые, наблюдая за отблесками огня костра на полотне шатра, он не мог не подумать о том, что зря все-таки поддался на ее уговоры и привез сюда. Довольно было бы и того, что восстанавливает он эту вотчину, как и обещал ей пару лет и зим назад. Жена и до того заводила разговор о землях этих, мол, сон ей виделся про них, про то, что церковь тут стоять должна. Да только как поставить церкву в землях, которые ему по праву так и не отошли? Ведь еще долго было неясно, за кем они будут — за Литвой или за Московией, и только пару зим назад решилась судьба этой вотчины. Настала пора тогда выполнять обещание, некогда данное Владиславом жене, и вот возрождалась эта земля ныне из пепла.

— О чем твои думы? — вдруг спросила Катаржина, и он отвлекся от своих мыслей, обнаружил, что она пристально наблюдает за ним.

— О том обете, что ты дала, о землях этих, — честно ответил он, глядя ей в глаза.

Не довелось Владиславу долго наслаждаться тем счастьем и покоем, что установились в Заславском магнатстве для него после свадьбы тем весенним днем 1617 года. Как не довелось подержать на руках свое дитя, наблюдать, как был рожден его младший сын и становится отроком старший. Едва перевела дух Катаржина, когда Владислав не примкнул к походу на Московию, который совершил королевич Владислав в то время, как пришла иная весть, с другой стороны, откуда точно не ждали ее. Шведы, нарушив заключенное некогда перемирие, высадились в землях Инфлянты {3}, осадили Ригу.

Она уже не помнила, как прожила то время, что Владислав под командованием великого гетмана литовского отбивал захваченные земли Литвы. Дни слагались в тыдзени, а тыдзени в месяцы. Только по росту Михала, рожденного в отсутствие отца, его переходу из пеленок в рубаху она понимала, сколько времени прошло с того дня, как она простилась с Владиславом во дворе замка, как стояла на стене замковой и плакала беззвучно, пытаясь забыть о той дыре, что образовалась в груди с его отъездом.

Михал едва начал ползать, как вернулся Владислав в Заслав, Катаржина точно помнила то. Именно тогда, когда младший сын вдруг пересек ползком широкую кровать матери с одного края на другой под восторженные причитания матери, няnek и паненок из

материнской свиты, откуда-то издалека через распахнутые окна донесся звук рога, и тут же громыхнула пушка на одной из башен, приветствуя возвращение пана в замок после долгого отсутствия.

Она не чувствовала ног, пока бежала по галерее Замка, по крутым лестницам, не слышала ничего вокруг, кроме биения собственного сердца, и не видела ничего и никого, кроме Владислава, спешившегося во дворе. И после, когда он обнял ее крепко, даже ребра заболели, когда обжег своим поцелуем губы, для нее во всем мире существовал в тот миг только он один...

На память о том коротком конфликте со шведами у Владислава останется шрам на плече от свинцового шарика, пущенного из аркебузы. Его вороной споткнется на поле боя, и пуля влетит именно в левое плечо, а не в сердце, как направлялась изначально.

— Удача! — скажет он тогда, но только спустя время она расскажет ему о том обете, что дала однажды, стоя на замковой стене. Построить в покинутой земле Северского церковь православную на месте той, что когда-то сжег Владислав вместе со своими пахоликами. Церковь, что так часто снилась Катаржине, вместе с избами и новым каменным домом поодаль от деревеньки. Только бы жизнь ему сохранили в той войне, только бы он вернулся к ней. Только бы он всегда возвращался к ней... Ведь она знала, что этот след от пули на плече Владислава, отраженный в ее душе невидимым шрамом, был далеко не последней памяткой о боях, в которых ему еще доведется побывать...

— А я ведаю, о чем твои думы, — произнес Владислав, но она ничего не ответила, улыбнулась и только коснулась губами этого маленького шрама, уютно устраиваясь на его плече, крепко прижимаясь к нему всем телом.

Она проснулась за некоторое время до рассветного часа, долго наблюдала в щель, что образовалась при неплотно прикрытом пологe шатра, за тем, как медленно сереет небо. А затем все же аккуратно, стараясь не потревожить сладкий сон, лежащего возле нее мужа, выскользнула из-под его руки и, набросив на плечи его жупан, чтобы укрыться от утренней свежести, вышла из шатра.

Только-только приступало розоветь на краю земли за густым лесом, что стоял на противоположном берегу Щури. Тихо было в лагере — спали, положив головы на седла или торбы, пахолики, попрятавшись от былой ночной прохлады под кунтушами. Лишь тот, кто на посту стоял, наблюдая с холма, как просыпается деревня у подножия, обернулся к пани на тихий шелест шагов, склонил голову, приветствуя ее. Она кивнула в ответ и ускорила шаг, чтобы выйти за пределы лагеря, опуститься на влажную от росы траву и наблюдать за постепенно розовеющим краем земли вдалеке.

Казалось, время повернулось вспять ныне, вернуло Катаржину в те дни, когда вез ее шляхтич Литвы из этой земли на свой двор. Но нет: и пахолики некоторые уже были не те в отряде мужа — молодые, незнакомые, и Ежи верного не было среди тех, кто спал в лагере за ее спиной. Нынче Ежи стал паном, держал крепко в кулаке свою вотчину да растил вместе с Эльжбетой деток своих: ласточку-дочку и сына, которого Господь подарил им позапрошлой зимой. Катаржина часто навещала его земли вместе с детьми, которых Ежи обожал словно собственных внуков.

Стало постепенно светлеть за лесом, что перед Катаржиной лежал за рекой, бледнели розовые тона, предвещая, что вскоре над темными верхушками деревьев поднимется солнечный диск. Она вздохнула и крепче прижалась грудью к коленям, обняла те руками.

Ей снова привиделась этой ночью та лесная ведунья с темными волосами и красивыми

миндалевидными глазами, Любава, как помнила Катаржина. Впервые за последние два лета. Снова вела она Катаржину по этим землям, держа в ладони ее руку, улыбаясь успокаивающе. И Катаржина увидела в который раз и эту церковь, и эти леса, реку и луга, и избы, с аккуратными наделами позади, и поле зерновых, что раскинулось между дымами и каменицей панской. Но и новое, еще невиданное ранее было в том сне, и ныне она понимала, что она вернет этой земле, какой долг за ней для этой стороны. Ныне она знала...

— Доброго дня тебе, — ее щеки коснулась, ласково скользнув по нежной коже, пупавка {4}, которую ей протянул после этого Владислав. Катаржина улыбнулась мужу, принимая этот цвет ворожбы, опустила голову на плечо Владислава, как только он присел подле нее. — Скоро в путь тронемся. Все добро здесь, знать, и быть нам тут не для чего боле. Пан Юрек справится и сам...

— Я все гадала, что скажет жена пана Шетуковича на то, что тут отныне проживать будут, — проговорила Катаржина, борясь с желанием поворожить на пуповке, оборвать ее белые лепестки, задавая лишь пару вопросов: «Будет наяву то, что во сне привиделось? Али нет?».

— Пан Юрек холост, — ответил ей Владислав. — Оттого и выбрал я отчасти его. Он силен и умен, добже будет над этими землями панствовать.

— Господь ему в подмогу, — откликнулась Катаржина. — Но и женская рука тут не лишней была бы... Все же в тех делах, что в нашей доли лежат, паны и не смыслят ничего.

— Это от того ты порой столько времени с паном Тадеком пропадаешь? — шутливо проворчал Владислав, и Катаржина не могла не улыбнуться в ответ, взглянув в его глаза.

— Ты ревность в душу пустил?

— Нет, моя драга, нет ревности во мне к пану тому. Пусть он и холост, и хорош лицом, и песни слагает, что заслушаешься. Нет у него сердца твоего, оттого что на него злится? Вот стану стар скоро и дряхл, тогда и буду волком смотреть на панов, а ныне-то чего?

— Ну так и я в тот день буду не моложе, чем ныне, — улыбнулась Катаржина. — Кого же привлечет старуха та, кроме своего старика дряхлого? Что, милый? — спросила она, заметив, как мелькнуло в его темных глазах нечто неуловимое, как посерьезнел он вмиг.

— Я только ныне думал о том, что за счастье мне, Кася, с тобой стариться, детей вырастить с твоими глазами да внуков на руках подержать от детей тех. И нет для меня доли иной, — прошептал Владислав, заправляя ей за ухо прядь светлых волос. — Ранее для меня смерть в радость была бы на поле сечи какой, с саблей в руке, как и должно шляхтичу. А ныне понимаю — нет для меня ухода желаннее, чем в постели спальни нашей, в старости глубокой и тебя за руку держа...

— Так и будет, Владек, — прошептала Катаржина, с трудом удерживая слезы, что навернулись на глаза при его словах. — Так и будет... ибо нет нам иной дороги, как вместе... только руки сомкнув...

И она легко коснулась губами его губ, чтобы разделить с ним ту нежность, что разлилась в душе при его словах, тем теплом, что вспыхнуло в груди, как всякий раз, когда он так смотрел в ее глаза. А потом поцелуй тот стал глубже и горячее, крепче обхватили руки тела, и они упали в высокую траву, скрывшись из вида.

Только от солнца влюбленным было не скрыться. Оно выглянуло из-за леса и медленно потянулось тонкими лучами, чтобы коснуться их, чтобы поделиться своим теплом летним и взять взамен кусочек их, такого радужного, такого сияющего... Солнце ласково провело лучами по светлым волосам, раскинувшимся золотистым полотном по зеленой траве, по

обнаженной коже широких мужских плеч и спины, пробежало по тонким пальчикам, что цеплялись за те. А затем побежало лучами далее, чтобы подарить свое тепло и свою любовь другим людям, что суетились ныне под летним небом: кто приступал к делам по хозяйству, кто в лугу точил косы, чтобы приступить к покосу, когда подсохнет трава, а кто и собирался в дорогу, возвращаясь в родную сторону.

Солнце знало, что слова, произнесенные недавно женщиной, что так охотно подставляла ныне губы мужчине и шептала его имя с легким придыханием, правдивы. Так и будет... Будут войны, и будет кровь, будут слезы разлуки и долгие расставания, будут разлука и страх, будут бессонные ночи, полные тревоги и тоски. Но будет и радость и лад, будет свет в их доме, которым будут светиться их глаза.

И будет любовь, что окажется превыше всего худого. Любовь, которую пронесут бережно сквозь годы, разделят со своими детьми и внуками, и которая надежно укроет плащом от всех бед и ран, уступая горячим молитвам...

Так и будет... Отныне и навсегда...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

1. Июль

2. В декабре 1618 года (по иным данным в январе 1619 года) было заключено Деулинское перемирие, по которому земли смоленские, стародубские и северон Новгородские отошли к Речи Посполитой

3. Искаженное название Ливонии

4. Ромашка. Современное название, кстати, пошло с польской стороны, где этот цветок называли в травниках и книгах на латыни Roman или романовой травой, романовым цветом